

«АТАМАНЩИНА»
И
«ПАРТИЗАНЩИНА»
В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ:
ИДЕОЛОГИЯ, ВОЕННОЕ УЧАСТИЕ, КАДРЫ

Сборник статей и материалов

**«Атаманщина» и «партизанщина» в Гражданской войне:
идеология, военное участие, кадры
Сборник статей и материалов**

Ассоциация исследователей российского общества (АИРО–XXI)

Международный совет научных проектов и издательских программ АИРО

Геннадий БОРДЮГОВ	Руководитель
Андрей МАКАРОВ	Генеральный директор
Сергей ЩЕРБИНА	Арт-директор
Карл АЙМЕРМАХЕР	Рурский университет в Бохуме
Дмитрий АНДРЕЕВ	МГУ имени М. В. Ломоносова
Дитрих БАЙРАУ	Тюбингенский университет
Дьердь БЕБЕШИ	Печский университет
Владимир БЕРЕЛОВИЧ	Высшая школа по социальным наукам, Париж
Бернд БОНВЕЧ	Рурский университет в Бохуме
Харуки ВАДА	Фонд японских историков
Ирина ВАРСКАЯ-ЧЕЧЕЛЬ	Интернет-журнал «Гефтер»
Людмила ГАТАГОВА	Институт российской истории РАН
Пол ГОБЛ	Фонд Потомак
Габриэла ГОРЦКА	Центр «Восток-Запад» Кассельского университета
Андреа ГРАЦИОЗИ	Университет Неаполя
Никита ДЕДКОВ	Центр развития информационного общества (РИО-Центр)
Роберт ДЭВИС	Бирмингемский университет
Стивен КОЭН	Принстонский, Нью-йоркский университеты
Алан КАСАЕВ	РИА «Новости»
Джон МОРИСОН	Лидский университет
Игорь НАРСКИЙ	Южно-Уральский государственный университет
Норман НЕЙМАРК	Стэнфордский университет
Дональд РЕЙЛИ	Университет Северной Каролины на Чапел Хилл
Борис СОКОЛОВ	Русский ПЕН-центр
Такеси ТОМИТА	Сейкей университет, Токио
Татьяна ФИЛИППОВА	Институт востоковедения РАН и Институт российской истории
Марк ЮНГЕ	Рурский университет в Бохуме

Эпоха революций в России. XX век

«АТАМАНЩИНА» И
«ПАРТИЗАНЩИНА»
В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ:
ИДЕОЛОГИЯ, ВОЕННОЕ УЧАСТИЕ,
КАДРЫ

Сборник статей и материалов

Составитель и научный редактор
А. В. Посадский

МОСКВА
«АИРО–XXI»
2015

Эпоха революций в России. XX век

Издано при финансовой поддержке
Федерального агентства
по печати и массовым коммуникациям
в рамках Федеральной программы
«Культура России»

Составитель и научный редактор
А. В. Посадский

Дизайн обложки Кирилл Струков

«Атаманщина» и «партизанщина» в Гражданской войне: идеология, военное участие, кадры. Сборник статей и материалов. / Под ред. А. В. Посадского. – М.: АИРО–XXI. 2015. – 856 с. + 20 с. илл.

Сборник посвящен проблематике «атаманщины» и «партизанщины» в Гражданской войне в России 1918 – 1922 гг. Обозначенные явления окрашивали собой вооруженное противостояние внутри огромной страны. Нехарактерные для внешних войн способы рекрутирования, мотивации воюющих, способы военных действий выдвигали новые организационные формы и новых лидеров. В ходе междоусобной войны самостоятельные формирования отчасти становились материалом для регулярного военного строительства на красной или белой стороне, в национальных армиях, отчасти яростно этому сопротивлялись. Добровольцы, повстанцы, партизаны представляли собой и наиболее надежное добровольческое ядро любых армий, и угрозу всякому регулярному военному и государственному строительству. В этих формированиях выдвигалась и закалялась низовая народная элита со своими интересами и представлениями о власти. Многие элементы сложной мозаики атаманских и партизанских проявлений на просторах рухнувшей Российской империи оказались в поле зрения авторов сборника.

Издание включает исследовательские статьи, документальные публикации и фотографии.

ISBN 978–591022–229–2

© «АИРО–XXI», 2015.

© Авторы, 2015.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	9
МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ	
Информационные возможности источников для изучения просопографии вожakov крестьянских протестных выступлений конца XIX – первой четверти XX в. <i>В. В. Канищев (Тамбов)</i>	20
Актуальные вопросы источниковедения краснопартизанского движения на востоке России <i>А. Г. Тепляков (Новосибирск)</i>	31
РАЗДЕЛ I АТАМАНЫ И ВОЖДЫ МЕЖДОУСОБИЦЫ	
<i>Революционная война: боевая ипостась левых эсеров и анархистов</i>	
Маруся Никифорова перед Ревтрибуналом: история одного показательного процесса <i>Я. В. Леонтьев, Д. И. Рублев (Москва)</i>	40
Пережогин, Караев, Лавров и другие: анархо-партизанщина в Сибири в начальный период Гражданской войны (весна – лето 1918 г.) <i>А. А. Штырбул (Омск)</i>	61
Трижды исключавшийся, или вехи политической биографии Е. Ф. Муравьева <i>Я. В. Леонтьев (Москва)</i>	82
<i>Атаман А. И. Дутов: продолжение исследований</i>	
Новые материалы об атамане А. И. Дутове (публ.) <i>А. В. Ганин (Москва)</i>	100
<i>Атаман Балахович: начало и финал</i>	
«Довести ненависть... к большевикам до озверения». Полк С. Н. Балаховича в Лужском уезде в 1918 г. <i>Н. А. Заяц (Воронеж), В. В. Круликов (Санкт-Петербург)</i>	220
«Балаховцы»: послесловие. Отделы бывшей Добровольческой армии генерала С. Балаховича на территории Польши в 1921–1939 гг. <i>А. Н. Чернякевич (Гродно, Республика Беларусь)</i>	239

С Чапаевым и против Чапаева

Наука Чапаева: народный герой в условиях профессионализации армии <i>Я. Мортон (Беркли, США)</i>	258
Баулинцы: районный Липовский отряд Красной гвардии <i>А. А. Симонов (Саратов)</i>	273
Партизанский вожак Михаил Николаевич Степанов <i>Д. В. Степанов (Кузнецк Пензенской области)</i>	295
Семеновская крестьянская дружина <i>Д. Ю. Дубровин (Москва)</i>	309
Щепихин С. А. С Уральцами против большевиков (публ.) <i>А. В. Посадский (Саратов)</i>	319

Еще о конармейской легенде

Левобережные казаки и ранние страницы истории Первой Конной <i>О. М. Морозова (Ростов-на-Дону)</i>	326
О Б. М. Думенко и красных партизанах <i>А. В. Посадский (Саратов)</i>	337
Кавалерия Семена Буденного на фронтах гражданской войны в России и польско-советской кампании (1918 – 1920) <i>В. Новак (Седльце, Республика Польша)</i>	345

Новые исследования по истории Махновщины

Повстанческая армия Махно: мифы и реальность <i>В. В. Кондрашин (Пенза)</i>	367
Нестор Махно: за вольные советы <i>А. А. Куреньшев (Москва)</i>	379
Михаил Полонский и «заговор» против Махно в начале декабря 1919 г. <i>Ю. П. Кравец (Запорожье, Украина)</i>	393
Анархо-махновские атаманы мятежного Донбасса в 1920 – 1922 гг. <i>В. А. Савченко (Одесса, Украина)</i>	420
«... Рядовую массу казаков влить в свою армию»: рейд махновской армии на Верхний Дон (сентябрь 1920 года) <i>А. Н. Грищенко (Новочеркасск Ростовской обл.)</i>	440
Документы нетипичного махновца (публ.) <i>А. В. Посадский, А. А. Симонов (Саратов)</i>	460

Антоновщина и ее командиры

За спиной атамана: исторические портреты антоновского окружения <i>Д. П. Иванов (Тамбов)</i>	465
Роль вооруженной пропаганды в подготовке Тамбовского восстания 1920 – 1921 гг. <i>Д. П. Иванов (Тамбов)</i>	478
Призрак «Вандеи» в Козловском уезде <i>В. П. Николашин (Мичуринск Тамбовской обл.)</i>	487
Они видели «антоновщину» (события 1920 – 1921 гг. в Тамбовской губернии в воспоминаниях младших современников) (публ.) <i>А. В. Власов (Чакино Тамбовской обл.)</i>	496
За оружием! Неудавшаяся экспедиция и удачная провокация (публ.) <i>М. Ю. Зайцева (Тамбов)</i>	519

РАЗДЕЛ II НА ГУБЕРНСКОМ УРОВНЕ: МЕСТНАЯ АТАМАНИЯ

Атаманы и партизаны Европейской России

«Белые» партизаны в Архангельской губернии <i>Т. И. Трошина (Архангельск)</i>	532
«Зеленые» партизаны в Повелужье после подавления восстания 1918 года <i>С. В. Завьялова (Нижний Новгород)</i>	547
«Банда Юшки» и забытая книга <i>С. Ю. Хламов (Юрьев-Польский Владимирской обл.)</i>	567
Как Фрол Беляков стал бароном фон Кишем <i>К. И. Соколов (Тверь)</i>	588

В Нижнем Поволжье и Прихоперье

«Зеленовщина» Прихопёрья в свете мемуарных источников: лидеры, организация, итоги <i>А. О. Булгаков (Балашов Саратовской обл.)</i>	603
Робин Гуд Приэльтонья: хроника деяний партизана Григория Носаева (1919 – 1924 годы) <i>В. Г. Яценко (Волгоград)</i>	614
Саратовский партизан Поликашка (публ.) <i>А. В. Посадский (Саратов)</i>	631

На Урале

Уральский атаман Дрёмин <i>М. Г. Ситников (Пермь)</i>	641
Партизаны Оренбургского казачьего войска в 1918 году <i>Д. А. Сафонов (Оренбург)</i>	661

В Сибири и на Дальнем Востоке

Социально-политический облик красных партизан на Енисее <i>А. П. Шекшеев (Абакан)</i>	675
Ликвидация партизанской Степно-Баджейской республики в Енисейской губернии в мае – июне 1919 г. <i>А. Г. Елисеенко, А. В. Мармышев (Красноярск)</i>	700
Суд над террором: партизан Яков Тряпицын и его подручные в материалах судебного заседания (публ.) <i>А. Г. Тепляков (Новосибирск)</i>	718

Атаманы на Украине

Атаманы «Лихо» в украинском повстанчестве <i>Ю. В. Котляр (Николаев, Украина)</i>	757
Идеология повстанческого движения в период Гражданской войны в Украине (по агитационным материалам Черноморского повстанческого козацкого войска) (публ.) <i>С. М. Боган (Одесса, Украина)</i>	766
Белая газета об атамане И. Струке (публ.) <i>А. В. Посадский (Саратов)</i>	772

Белорусские партизаны

Повстанческое движение на Гомельщине в 1918 – январе 1919 гг. и его вожди <i>Ю. Э. Глушаков (Гомель, Республика Беларусь)</i>	776
Атаман Мониц <i>А. В. Тисецкий (Борисов Минской обл., Республика Беларусь)</i>	785
Лесная война глазами писателя и прокурора: повстанчество на Витебщине и Смоленщине <i>Н. И. Стужинская (Минск, Республика Беларусь)</i>	792

Борьба в Степном крае и Туркестане

Партизанщина («Жилиевщина») в Северном Казахстане в 1919 году <i>И. В. Курьшев (Ишим Тюменской обл.)</i>	804
Бурной эпохой выдвинутые... <i>В. Г. Иофе (Ташкент, Узбекистан)</i>	816

Эпилог

Повстанческая борьба 1918–1922 гг. в русской оккупационной печати (1941–1945 гг.) <i>И. В. Грибков (Дмитров Московской обл.)</i>	840
<i>Книжная полка</i>	848
<i>Авторы сборника «“Атаманщина” и “партизанщина” ...»</i>	850

ВВЕДЕНИЕ

Настоящий сборник представляет собой третий том¹ в тематической серии, издаваемой при деятельном участии Ассоциации исследователей российской истории XXI века.

Атаман – фигура из казачьей истории, но – и разбойничьей, и повстанческой тоже. В год литературы научное издание может присвоить себе право на цитирование поэта. Вот как выглядит некий собирательный атаман в стихах Арсения Несмелова. Показательно, что он не красный, не белый, не повстанческий. Никаких очевидных акцентов автор не делает.

Божий гнев²

Город жался к берегу домами,
К морю он дворцы и храмы жал.
«Убежать бы!» – пыльными устами
Он вопил и все ж – не убежал!

Не успел. И воскрешая мифы,
Заклубила, почернела высь, –
Из степей каких-то, точно скифы,
Всадники в папахах ворвались.

Богачи с надменными зобами,
Неприступные, что короли,
Сбросив спесь, бия о землю лбами,
Сами дочерей к ним повели.

Чтобы те, перечеркнувши участь,
Где крылатый царствовал божок,
Стаскивали б, отвращеньем мучась,
Сапожища с заскорузлых ног.

А потом, раздавлены отрядом,
Брошены на липкой мостовой,
Упирались бы стеклянным взглядом,
Взглядом трупов, в купол голубой!

А с балкона, расхлябаснув ворот,
 Руки положив на ятаган,
 Озирал раздавленный им город
 Тридцатитрехлетний атаман...

Шевелил он рыжими усами,
 Вглядывался, слушал и стерег,
 И присевшими казались псами
 Пулеметы у его сапог.

Так, взращенный всяческим посевом
 Сытых ханжеств, векового зла,
 Он упал на город Божьим гневом,
 Молнией, сжигающей дотла!

Действительно, атаманы не ценили белых перчаток и были своего рода расплатой за нерешенные проблемы имперской жизни.

В годы Гражданской войны появились и официальные атаманы. Наказные атаманы имперского периода превратились, как встарь, в выборных и стали играть весьма значительную роль. Имя Петра Николаевича Краснова ярко представляет эту группу казачьих вождей Белого движения. Генерал Н. Н. Головин в своей «Российской контрреволюции» прямо написал, что сибирская атаманщина была формой самоорганизации и самозащиты старожильческого крестьянского и казачьего населения. И власть должна была стать на чью-то сторону, просто поддерживать порядок и равновесие было невозможно. На белой стороне «атаманщина» часто воспринималась как порок, как беда и язва Белого движения. В то же время именно эти формирования, как правило, были готовы на бескомпромиссную борьбу с противником.

Красная сторона знала как разнuzданную партизанщину, так и «борьбу с партизанщиной» на высшем партийном уровне. Речь шла о том, как строить вооруженную силу III интернационала с глобальной задачей мировой революции. На этом поле столкнулись, в частности, такие зловещие фигуры, как Сталин и Троцкий. Впоследствии их борьба стала элементом советской мифологии Гражданской войны. «Ставленники Троцкого», обликом отвечавшие шаржированным представлениям об интеллигенте и офицере, станут одним из образов внутреннего врага, вредителя, саботажника народной борьбы против контрреволюции. Соответственно, революционный не за страх, а за совесть, но не всегда выдержанный, контролируемый и направляемый мудрым комиссаром «самородок» станет лицевой частью этой пропагандистской медали. Кинообраз Чапаева – хрестоматийный тому пример. Хотя подобные сюжеты «укрощения строптивых» революционных братишек увидим, например, и в кинолегендах о Котовском и Пархоменко.

Сборник открывается рубрикой, которая содержит статьи по методологии и историографии изучения массового протестного, повстанческого, партизанского движения. **В. В. Канищев** оценивает источниковые возможности при применении просопографического метода к изучению корпуса руководителей протестных выступлений крестьянства. **А. Г. Тепляков** анализирует источники по партизанской тематике в Сибири. Красное партизанское движение в этом регионе имело много темных черт. Приисковские рабочие, ссыльные и освобожденные каторжане в партизанских рядах, острая вражда старожильческого и пришлого, переселенческого крестьянства провоцировали высокий уровень насилия и жестокости. В воспоминаниях и документальных публикациях эти сюжеты затем годами скрывались и затушевывались. О том, как именно это происходило, как купировались в официальном мемориальном пространстве страшные страницы «героического прошлого», рассказывает эта статья.

Большинство же статей и публикаций сборника сгруппировано в два раздела. Первый из них посвящен тем ярким персонам, которые выступили организаторами крупных вооруженных формирований в условиях Гражданской войны, стали знаковыми, символическими фигурами. Данное обстоятельство роднит выборного атамана Оренбургского казачьего войска **А. И. Дутова**, «зеленого генерала» атамана **С. Н. Балаховича**, организаторов первых кавалерийских частей РККА на Юге **Б. М. Думенко**, **С. М. Буденного** и их соратников, знаменитого красного партизана и начдива РККА **В. И. Чапаева**, не менее известные фигуры повстанческих вождей **Н. И. Махно** и **А. С. Антонова**. Материалы раздела обращают читателя как к личности названных персон, так и, главным образом, к истории созданных ими боевых соединений, традиций, роли последних в Гражданской войне. Открывает этот раздел рубрика с материалами о военной деятельности левых эсеров и анархистов. Как раз эта среда, с одной стороны, дала весьма много боевых предводителей, с другой – продемонстрировала все грани партизанщины, недисциплинированности в разных ипостасях «революционной войны». Женщина в бунте, терроре и революции – большая и уже неплохо разработанная тема. Есть и русский вариант женщины-атаманши, запечатленной в слове и камне. Это знаменитая **Алена** – участница Разинского движения. У всех лагерей Гражданской были свои образы женщин-воительниц. Эти образы активно присутствуют в мемуаристике, литературе и мифологии междоусобицы. Достаточно вспомнить, например, рассказ **Г. Газданова** «Товарищ Брак». Даже гротескный вариант, представленный в фильме «Бумбараш», далеко не лишен психологической достоверности. В повстанчестве и революционной левой в целом, остался образ «**Маруси**». **Маруся Никифорова**, как исторический персонаж, двоилась, претворяясь в антоновскую Марию Косову и других повстанческих или анархистствующих «марусь».

Я. В. Леонтьев и **Д. И. Рублев** предлагают увидеть судьбу знаменитой анархистки М. Никифоровой в антураже политического процесса над нею в январе 1919 г. **А. А. Штырбул** подробно описывает судьбы трех сибирских анархистов на фоне картины сибирского анархизма в целом. Главное внимание он уделяет судьбе боевых анархистских отрядов, созданных этими вожаками, в период «первой советской власти» в Сибири. Еще один материал **Я. В. Леонтьева** посвящен редкостной судьбе левого эсера, а впоследствии агента ВЧК Евдокима Муравьева. Скорая эволюция от активного революционера-антибольшевика до чекиста до сих пор не может быть удовлетворительно объяснена.

А. В. Ганин является автором первой научной биографии **А. И. Дутова**³. Для настоящего сборника он подготовил обширную публикацию разнохарактерных документов об оренбургском атамане, соединениях и объединениях, находившихся под его командованием в разные периоды Гражданской войны. Среди них и документы личного происхождения, в том числе письма потомков **А. И. Дутова**, и мемуары, и официальные документы, извлеченные из архивов нескольких стран. Все вместе они существенно обогащают образ **А. И. Дутова** и ставят новые вопросы перед исследователями.

Об атамане **С. Н. Булак-Балаховиче** написано немало, причем пишут на эту значительную тему с разными национально-государственными акцентировками в России, Польше, Белоруссии. В сборнике представлены два сюжета, из числа не самых известных в многочисленных военно-политических перипетиях жизни самого Балаховича и его формирований. **Н. А. Заяц** и **В. В. Кругликов** представляют материал о красной службе Балаховича и обстоятельствах перехода на белую сторону осенью 1918 г. Один из значимых вопросов, – руководила ли атаманом идея сознательного провоцирования ненависти к красным среди крестьян путем нарочитой жестокости при всякого рода караниях и реквизициях. **А. Н. Чернякевич**, напротив, рисует картину бытия и службы балаховцев после окончания Гражданской войны вплоть до Польской кампании 1939 года. В статье использованы материалы польских и литовских архивохранилищ.

Чапаевская тема, казалось бы, давно вышла в тираж, опустившись до фольклорных вариаций. Между тем, официальный «аттестат» признанного героизма и народная «кино»-любовь привели к тому, что научного осмысления феномена Чапаева и его формирования, в контексте Гражданской войны и региональной истории, так и не состоялось. Сборник содержит раздел, посвященный этой яркой странице Гражданской войны. Размещенные в нем материалы посвящены как Чапаеву и чапаевским командирам, так и тем землякам и соседям чапаевцев, которые сражались против них, и, одновременно с чапаевскими полками, организовывались и крепили на противоположной стороне, в рядах Уральской казачьей армии.

Местное противостояние в рамках одного степного уезда Самарского Заволжья напоминает о необходимости повышенного внимания к курсу региональной истории, внимания к изучению лидерства в местных сообществах. **Дж. Мортон** сосредотачивает свое внимание на Чапаеве как лидере периферии и на его представлениях о центральной власти и взаимоотношениях с нею. **А. А. Симонов**, известный исследователь чапаевской темы и автор многих публикаций по ней, представляет картину зарождения одного из будущих чапаевских отрядов в конце 1917 – весной 1918 гг. **Д. В. Степанов** также рассказывает о становлении первых отрядов, из которых соберутся потом Николаевские полки. Но в центре его внимания – командир одного из таких отрядов (и прадед автора) Степанов. В статье использованы материалы Пугачевского филиала саратовского архива и другие материалы, часто выпадающие из поля зрения исследователей. Известный белый офицер и продуктивный мемуарист **С. А. Щепихин** написал весьма объемный труд о судьбе Уральской казачьей армии. Ныне он хранится в Стэнфордском университете в США. В разделе опубликованы выдержки из этого труда, касающиеся антибольшевистских восстаний заволжских крестьян и той помощи, которую им оказывали казаки. Кроме того, публикуемые отрывки демонстрируют весьма почтительное отношение казаков к фигуре Чапаева. Его боевая слава производила впечатление и на совсем не робкого противника. Статья **Д. Ю. Дубровина** как раз и посвящена крестьянским формированиям из николаевских, по большей части, крестьян, которые вместе с казаками сражались с чапаевцами и другими красными соединениями 4-й армии. В Уральской армии со временем оформился из крестьянских контингентов 33-й Николаевский стрелковый полк. Довольно внушительный офицерский состав этого формирования демонстрирует «античапаевскую элиту», очевидно, это младшие офицеры из заволжских крестьян, которые организовали и повели в бой своих односельчан. Обратим внимание на то, что интерпретации событий **А. А. Симонова**, **Д. Степанова** и **Д. Ю. Дубровина** конфликтуют между собой по некоторым сюжетам. Действительно, ранняя история как красного, так и белого военного строительства и вооруженной борьбы обеспечена источниками весьма слабо, мемуарная составляющая богаче, чем делопроизводственная, что и затрудняет воссоздание максимально достоверной картины тогдашней, очень динамичной и мозаичной, жизни Заволжья.

О. М. Морозова предлагает свое объяснение того факта, что значительные массивы донского казачества в 1918 г., вместе с инородными и донскими крестьянами встали в ряды красных партизан. Для этого предлагается обширный экскурс в предреволюционный экономический быт донского казачества, акцентируется внимание на разнице в положении право- и левобережных донских станиц. В результате состоявшегося

размежевания возникло то боеспособное и мотивированное ядро со своими сильными лидерами, которое позволило оформиться мощным кавалерийским соединениям РККА, прежде всего – Первой Конной армии. К близкой теме обращается **А. В. Посадский**. Он рассматривает красную кавалерию, созданную Б. М. Думенко, глазами белых и красных и показывает, что среда красных партизан весьма не совпадала по духу и стремлениям с доктринальным коммунизмом. На фоне массового повстанчества 1920 – 1921 гг. произошло политическое разделение недавних сослуживцев, причем по своим взглядам и настрою эти люди оставались представителями одного слоя, имели общий опыт за плечами. Статья польского историка **В. Новака** показывает, прежде всего с военной точки зрения, Первую Конную армию как специфический военный организм, рожденный особыми условиями гражданской войны. Характерно, что польское военное командование поначалу недооценило военный потенциал Первой Конной армии, а затем само создало оперативное конное объединение. Автор касается и таких сторон деятельности Первой Конной, как массовое мародерство, грабежи, затрагивает сюжет взаимоотношений С. Буденного и Б. Думенко.

Раздел, посвященный Тамбовскому восстанию, содержит пять материалов. Внимание авторов сосредоточено, прежде всего, на командном составе повстанческой армии. Две статьи публикует **Д. П. Иванов**. Одна из них дает краткие очерки группы лиц из антоновского окружения. Автор стремится уловить те черты характера и тот опыт за плечами этих людей, которые выдвинули их в руководящее ядро массового повстанческого движения. Вторая рассматривает «вооруженную пропаганду» антоновцев как один из компонентов борьбы и рекрутирования сторонников. Автор показывает, что это явление является общим и обычным для повстанческих движений разной направленности. **В. П. Николашин** показывает, что в Козловском уезде велась довольно обособленная борьба против красных, фактически козловские повстанцы и антоновцы были соседями, но не частями единой структуры. Уезд, который начал крестьянское восстание в сентябре 1917 года, отнюдь не был первым в борьбе антоновских партизан. Здесь имелись свои яркие фигуры, из которых наиболее масштабная – знаменитый Карась. Можно полагать, что и Антонов относился к Карасю с недоверием. Тот сорвал замысел Антонова по захвату Тамбова, что не могло не омрачить отношений. Публикация **М. Ю. Зайцевой** посвящена сюжету, который всегда мучителен для повстанческих и любых импровизированных формирований. Антоновцы задыхались без оружия и боеприпасов. Что-то было взято у разоружаемых чехов в 1918-м, многое захвачено у красных в боях, что-то получали на красных складах по подложным накладным. Вероятно, от рейда Мамонтова остались какие-то запасы на руках. Но, при разрастании вооруженных сил, всего этого не хватало. Несколько антоновских

командиров были отправлены за оружием в Воронеж. Поездка состоялась уже на излете движения и кончилась провалом. Эмиссары были арестованы, судимы и расстреляны. Как раз обвинительное заключение и приговор по их делу публикуются в настоящем издании. Характерно, что еще одна экспедиция направилась в Тулу. Она тоже завершилась трагически. Эти поездки показывают, как можно полагать, более или менее устойчивые связи антоновского штаба. Можно надеяться, что публикация М. Ю. Зайцевой сможет стать поводом для дальнейших исследований этого сюжета. **А. В. Власов** представляет уникальный документальный материал. Это записанные им воспоминания об «Антоновщине» поистине последних свидетелей – сельских жителей в возрасте около ста лет. Автор провел корректное полевое исследование, взятые интервью надлежащим образом зафиксированы и задокументированы. Это отличает данную публикацию от многих более или менее безответственных пересказов из третьих рук. С уровня деревенских детей публикация позволяет оценить отношение нейтральных крестьян к антоновским «партизанам», саму социальную ткань в условиях жестокой борьбы.

Необъятным полем для исследований является махновская эпопея, развернувшаяся на территории нескольких губерний. Сборник представляет свежие исследования по этой теме. **В. В. Кондрашин** предлагает сопоставить устойчивые мифы о Махно и факты его личной и боевой биографии. Недобросовестные стереотипы не выдерживают такого сопоставления. **А. А. Куренышев** обращает внимание на значимость движения Махно не только во внутрироссийской борьбе, но и в контексте международных отношений, в парадигме мировой революции, которую ждали и продвигали большевики. **Ю. П. Кравец** предлагает подробный разбор известного сюжета с «делом Полонского». Интересно, что детальный анализ обстоятельств дела позволяет автору отсечь радикальные взгляды на это дело как на «большевистский заговор» или же, напротив, «махновскую провокацию». Далее размещены работы, посвященные региональным аспектам махновского движения. **В. А. Савченко** проводит подробный разбор боевой деятельности махновских атаманов донецко-луганского региона. **А. Н. Грищенко** описывает рейд махновской армии в Донскую область и оценивает его результативность. Важным оказывается понимание того, почему недовольное советской властью донское казачество, тем не менее, не влилось массово в состав повстанческой армии. Завершает раздел документальная публикация **А. В. Посадского** и **А. А. Симонова**. Она показывает, что «махновская» служба вполне могла сойти за «краснопартизанскую» при служебных аттестациях даже в начале 1930-х годов.

Второй раздел объединяет, по регионально-страновому принципу, материалы об атаманах, вожаках местного масштаба, об эпизодах партизанской деятельности в ходе Гражданской войны против разных противников.

Следует сказать, что многие местные атаманы, не оставшиеся в большой истории, тем не менее годами определяли своими действиями жизнь большей или меньшей округи, становились местной легендой, а иногда и воодушевляли следующие поколения. Таков владимирский Юшка и его отряд, в деятельности которого социальный протест и уголовная судьба переплелись крайне тесно. Очерк о нем и культурной традиции, которую породил этот неординарный тип, представлен **С. Ю. Хламовым**. Таков и не выловленный красными Фрол Беляков, тип народного мстителя на Тверщине, подробный очерк судьбы которого дает **К. И. Соколов**. Неизвестный финал жизни – вообще изрядная редкость для подобного рода героев, – потери в их рядах приближались к 100 %. **С. В. Завьялова** предлагает увидеть долгий шлейф восстаний 1918 г. в костромских Варнавинском и Ветлужском уездах. Зеленые партизаны действовали в Поветлужье до 1923 – 1924 гг. **Т. И. Трошина** публикует материал с документальным приложением о, наверное, классических партизанах на белой стороне. Это архангельские крестьяне-партизаны с весьма своеобразным представлением о своих и чужих и о воинской дисциплине. Материал **Т. И. Трошина** открывает эту рубрику, в которой объединены сюжеты о партизанах разных окрасок в центральных губерниях России.

Нижнее Поволжье и Прихоперье очень активны в Гражданской войне, на этих территориях выдвинулся ряд крупных повстанческих командиров, красных и белых партизан. Об одном из наиболее долго продержавшихся степных партизан – **Г. Носаеве** – пишет **В. Г. Ященко**. **А. О. Булгаков** предлагает, на основе мемуарных источников, впервые вводимых в научный оборот, увидеть лидеров прихоперской «зеленовщины» 1919 г. **А. В. Посадский** публикует отрывок из воспоминаний Борисова – уроженца Саратовской губернии, который ребенком стал свидетелем деятельности партизана-одиночки, «корректировавшего» своими силами большевистскую аграрную политику в первый год советской власти.

Уральский регион представлен двумя материалами. Пермский исследователь **М. Г. Ситников** дает очерк жизни и борьбы местной легенды – атамана **Дрёмина**, который запомнился не только как лихой и долгое время неуловимый предводитель антибольшевистского отряда, но и как человек, раздававший в голодное время реквизированный властями хлеб обратно крестьянам. Именно это помнят земляки. **Д. А. Сафонов** обращается к первому этапу борьбы с красными в Оренбургской губернии. Эту борьбу начали казаки партизанские отряды. Впоследствии фигура атамана **А. И. Дутова**, при его деятельном участии, заслонила этот этап борьбы, он оказался «лишним» в официальной мифологии. Автор подробно освещает этот этап борьбы весны – лета 1918 г., давая при этом подробный историографический обзор интересного сюжета.

Восточный регион и его герои представлены тремя материалами. **А. П. Шекшеев** представляет очерк о социально-политическом облике

енисейских партизан. **А. Г. Елисеенко** и **А. В. Мармышев** предлагают краткое описание жизни и гибели одного из наиболее известных краснопартизанских формирований и партизанской квазигосударственности – Тасеевской республики. Наконец, **А. Г. Тепляков** вторично выступает уже в роли публикатора. Он подробно комментирует выразительный документ – протокол судебного заседания по одной из самых мрачных страниц красной партизанщины. Это суд над Я. Тряпицыным и его подельниками. Публикатор дает и подробную предысторию, с освещением известной расправы над целым городом, Николаевском-на-Амуре.

Традиционно представлены в наших сборниках украинские и белорусские сюжеты. **Ю. В. Котляр** прослеживает судьбу атаманов Лихо, точнее, этой атаманской «марки», под которой выступали разные лица. **С. М. Боган** дает небольшую публикацию агитационных материалов значительного повстанческого формирования в южной Украине. **А. В. Посадский** публикует очерк из провинциальной газеты белого Юга об атамане Струке. Статья касается как раз того эпизода извилистого пути атамана, когда он со своим отрядом оказался в рядах ВСЮР осенью 1919 г. Очерк содержит некоторые интересные подробности данного сюжета.

Ю. Э. Глушаков пишет о гомельском подполье и партизанском движении на Гомельщине против германцев и гетманцев. Белорусский Гомель оказался в составе Украинской державы П. П. Скоропадского, началась совершенно неуместная в русскоязычном городе украинизация, и подпольный ревком, объединивший социалистов и анархистов, развернул активную работу. Перипетии городской подпольной борьбы, взаимоотношений с уходящими и уже «революционными» германскими войсками, сельская партизанщина и ее связи с городским ревкомом оказываются в поле зрения автора. С приходом советской власти в январе 1919 г. этот сюжет завершается. Но уже в марте 1919 г. восстанет красный гарнизон, и прапорщик В. Стрекопытов провозгласит в Гомеле «Русскую народную республику». Об этом был материал В. Лебедевой и И. Такоевой в нашем первом сборнике «Крестьянский фронт 1918 – 1922 гг.» **А. В. Тисецкий** предлагает очерк об одном из известных белорусских атаманов со славой Робин Гуда – Мониче. Для написания очерка привлечены неопубликованные воспоминания. **Н. И. Стужинская** рассказывает о событиях 1918 г. Массовые восстания лета и осени в сопредельных витебских и смоленских краях были подавлены, но породили партизанские кадры, которые развернули упорную лесную войну. Автор сопоставляет свидетельства писателя-эмигранта Ю. Витьбича и обнаруженное сравнительно недавно архивно-следственное дело, и показывает, как материалы разного происхождения и характера складываются в общую картину.

Заключительная рубрика посвящена событиям Гражданской войны на территориях, которые ныне находятся за пределами России. Но речь

идет прежде всего о русских персонажах и русском населении. **И. В. Курьшев** дает очерк анархо-партизанского движения Жилиева в Кустанайском уезде Тургайской области. Весенние события 1919 года – восстание и его подавление колчаковцами – унесли много жертв. **В. Г. Иофе** публикует четыре портретных зарисовки людей, сыгравших значительную роль в гражданской войне на территории Туркестана.

В качестве взгляда с известной временной и политической дистанции предлагается статья **И. В. Грибкова** о том, как отражалась антибольшевистская борьба периода Гражданской войны в русской оккупационной прессе 1941 – 1945 гг.

Показательно, что целый ряд сюжетов и героев в работах авторов сборника тематически перекликается между собой. Эти случайные сближения показывают, что сложный калейдоскоп междоусобицы все же складывается в мозаику при прилежном поиске и изучении. Назовем некоторые переклички. А. В. Посадский и О. М. Морозова характеризуют ту краснопартизанскую среду, которая даст РККА знаменитые конные соединения, истоки ее формирования и социальные характеристики. Я. В. Леонтьев прослеживает путь левого эсера, а затем секретного сотрудника ЧК Евдокима Муравьева. В 1918 г. он яростный социалист-антибольшевик. В публикации же М. Ю. Зайцевой мы видим его уже в роле удачливого агента в долгой и рискованной комбинации чекистов против антоновцев. Позволяют заняться сопоставлениями и работы о судебных процессах над красными экстремистами М. Никифоровой и Я. Тряпицыным, подготовленные Я. В. Леонтьевым, Д. И. Рублевым и А. Г. Тепляковым, соответственно. Предложенные А. В. Ганиным и Д. А. Сафоновым материалы дают повод поразмышлять о сознательном формировании благоприятных исторических мифов, о славе, первенстве, ревности на войне.

Несколько авторов показывают читателю с разных сторон участок одного отдаленного фронта. Так, полковник Лейбург в публикации А. В. Ганина подробно описывает действия Оренбургской пластунской дивизии Южной армии летом 1919 г., в штабе которой служил. Дивизия инициативно пробивалась вдоль железной дороги на Ташкентском направлении. Неудачи на основном, северном, фронте армии вызвали к жизни авантурный план взять Ташкент и утвердиться в Туркестане. Это имело следствием отчаянное наступление в последние дни августа 1919 г., которое закончилось неудачей и разложением. Другие материалы позволяют читателю увидеть красную сторону того же фронта, на которой также все временами держалось на честном слове. В июле того же 1919 г. на станции Челкар разоружен за партизанские наклонности красный отряд левого эсера Г. Колузаева. Это герой очерка В. Г. Иофе. В первых числах августа произошел аккорд долгой партизанской эпопеи кустанайского партизана Жилиева. Он со своими сторонниками напал на штаб Актю-

бинского фронта, ранил командующего фронтом А. И. Астраханцева и попал, с несколькими приближенными, под расстрел. Об этом пишет И. В. Курышев. Такие конфигурации востребовали волевое начало, воплощавшееся в атаманском, вожаческом типаже.

В заключение читателю предлагается обзор книжных новинок в разделе «Книжная полка».

Таким образом, сборник предлагает еще один ракурс, под которым продуктивно увидеть военно-политическую активность масс, поднятых к общественной деятельности революцией.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Предыдущие издания: Крестьянский фронт 1918 – 1922 гг. Сборник статей и материалов. Сост. и науч. ред. А. В. Посадский. М.: АИРО-XXI, 2013; От «германской» к Гражданской: становление корпуса народных вожakov русской смуты. Сборник статей и материалов. Сост. и науч. ред. А. В. Посадский. М.: АИРО-XXI, 2014.

² «Батька-атаман» – в журнальной публикации.

³ Ганин А. В. Атаман А. И. Дутов. М.: изд-во «Центрполиграф», 2006.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ИСТОЧНИКОВ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ПРОСОПО- ГРАФИИ ВОЖАКОВ КРЕСТЬЯНСКИХ ПРОТЕСТНЫХ ВЫСТУПЛЕНИЙ КОНЦА XIX – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX В.*

В. В. Канищев (Тамбов)

Создание современных информационных ресурсов требует особого подхода к историческим источникам. При таком подходе в принципе речь не может идти о единичных примерах, которые можно подобрать с любой степенью произвольности и с помощью которых можно доказать что угодно. Вряд ли это способствует объективности в исторической науке.

Одним из современных методов является создание просопографических баз данных, которые включают в себя более или менее большое число биографий деятелей определенного круга и времени, что позволяет вести количественное исследование всех этих биографий в комплексе (коллективный портрет). При создании таких информационных баз данных необходимо получить достаточно представительную выборку фактов, которая как бы стремится к генеральной совокупности фактов. По понятным причинам выявление всей этой совокупности может быть идеальной, но недостижимой в полной мере целью. Поэтому историк должен уметь обосновывать представительность той выборки, которую он реально собрал.

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект №14-01-00355 и государственного задания в сфере научной деятельности Министерства образования и науки РФ (Задание № 33.956.2014/К)

В настоящее время тамбовские историки в рамках проекта по применению междисциплинарных подходов к изучению позднего аграрного общества России, в частности, приступили к созданию электронной базы данных (далее БД) о вожаках и участниках крестьянских протестных выступлений периода 1860–1920-х гг. Понимая громадный объем этой работы, мы решили максимально полно ввести в БД материалы опубликованных сборников по истории крестьянского движения. Уже введены в ЭВМ несколько тысяч записей и проведены первые эксперименты по их обработке.

В данной статье мы пытаемся объяснить, как в процессе формирования и анализа баз данных выявляется информационный потенциал источников для создания просопографии лидеров крестьянского протестного движения. Один из главных первых результатов наших наблюдений состоит в том, что уже на начальной стадии работы можно говорить о заметном различии подходов авторов источников к характеристике вожаков крестьянских выступлений на разных отрезках изучаемого периода.

Документы дореволюционного времени создавались разными ведомствами: «вертикаль МВД» (становые приставы – уездные исправники – губернаторы – Департамент полиции), Министерство юстиции (на местах – судебные следователи), жандармские управления. Издатели сборников материалов по истории крестьянского движения считают эти документы достаточно достоверными¹. Однако достоверность не означает достаточную информационную насыщенность.

На данный момент нами введена в БД 1561 запись о лидерах и простых участниках крестьянских выступлений 1881–1904 и 1907–1914 гг. из известных сборников о крестьянском движении в России, изданных Академией наук. Анализ этих данных показал, что из всех «фигурантов» 327 человек попадают в разряд вожаков (около 20%). Как видно из текстов документов, их авторы обычно называли этих людей зачинщиками или подстрекателями. На подлинных вожаков, способных организовать масштабные, решительные, вооруженные акции против властей и частных землевладельцев в массе своей они явно, так сказать, не тянули. Да и сами эти акции в относительно спокойные периоды (революционные 1905–1907 гг. мы намерены рассмотреть отдельно) носили характер узколокальных (в масштабах одной общины) и часто ненасильственных протестных действий.

С другой стороны, полицейские, жандармские, судебные органы выявляли сравнительно много рядовых участников крестьянских выступлений, что лишний раз говорит о тщательной работе чиновников, расследовавших обстоятельства таких выступлений.

Полностью представлены сведения о месте жительства «фигурантов» нашей БД, которые в подавляющем большинстве случаев совпадали с местами протестных акций. Но эти сведения больше имеют гео-

информационное значение и будут обработаны нами с помощью ГИС-технологий. Однако некоторые сведения, попавшие в графу БД «место восстания», вызвали и историко-социологический интерес. В частности, выявились факты, свидетельствующие о наличии среди вожаков двух выступлений в Уфимской и Тобольской губерниях в 1903 и 1913 гг. соответственно крестьян-переселенцев (всего 6 человек)².

По понятным причинам несложно было определить пол лидеров протестного движения, даже если он прямо не указан. Интересно, что среди вожаков оказалось 10 женщин (3%). Конечно, это доля была небольшой. Но все-таки она свидетельствует, что женщины, хотя и изредка, могли возглавлять протестные выступления в относительно спокойные времена.

Достаточно информативными оказались данные о сословной принадлежности предводителей крестьянских выступлений. Отсутствие информации о сословии вожаков выявлено только в 2% записей базы данных. Некрестьянами по сословной принадлежности оказались 1 представитель духовенства, 1 купеческий сын, 1 мещанин и, по косвенным данным, один нотариус, который вряд ли мог относиться к крестьянскому сословию. Также косвенно приходится судить о сословной принадлежности, 14 человек, указанных в БД как солдаты и унтер-офицеры. Вероятнее всего, это были местные уроженцы, крестьяне по происхождению, вернувшиеся домой после армейской службы.

При всех исключениях или фактах с нечеткой информацией можно абсолютно уверенно констатировать, что более 90% вожаков сельских протестных выступлений являлись крестьянами по сословию.

В БД включено сравнительно немало сведений, позволяющих судить о национальной принадлежности вожаков крестьянских протестных акций. Конечно, этот показатель по фамилиям трудно определить совершенно точно, поскольку не всегда можно точно разделить по национальному признаку некоторые славянские, тюркские и другие фамилии. И все-таки есть основания с достаточной определенностью говорить, что только в 83 случаях определение национальности вызвало трудности (около четверти всех записей о вожаках).

Несколько неожиданным оказалось то, что доля вожаков русской национальности составила более 65%, при том, что в Российской империи на рубеже XIX–XX вв. доля русских в этническом составе населения равнялась примерно 45%. Еще более выразительными являются данные о вожаках-грузинах: почти 5% нашей выборки при 1% грузин в населении России в целом.

С другой стороны, специфическими выглядят сведения о вожаках-украинцах. В нашей базы данных их определенно оказалось около 20 человек или 6% от всей изученной совокупности. В этническом же составе жителей Российской империи того времени насчитывалось 18%

украинцев. Представители нескольких других национальностей в нашей выборке оказались вообще в единичном числе: 2 белоруса, 1 башкир, 1 армянин³.

Значительно более скудными, а порой и нечеткими, выглядят вошедшие в БД сведения о профессиях вожаков крестьянских выступлений. Четко можно говорить только о 3-х людях (1 священник, 1 владелец трактира, 1 нотариус). Относительно еще одного человека сказано, что он являлся бывшим служащим экономии. Применительно к большинству «фигурантов» БД можно только предполагать, что они были по занятиям крестьянами. Однако выявленные факты не позволяют точно установить, какое количество вожаков-крестьян по сословию и селян по месту жительства занималось неземледельческим трудом.

Весьма неполно представлены в нашей БД и сведения о должностных лицах крестьянского самоуправления. Понятно, что эти люди, как правило, не были профессионалами-управленцами в прямом смысле. Они справляли свои общественные обязанности наряду с основным крестьянским трудом. Для нашей темы важно отметить то, что «по логике вещей» того времени эти люди должны были сотрудничать с властями, а не противостоять им. Но у конкретных людей в конкретных ситуациях возникал выбор: либо оставаться лояльными властям и защищать их интересы, либо поддерживать и даже возглавлять протест своих односельчан и однообщинников. Второй из этих вариантов, судя по базе данных, выбрали 9 сельских старост, 2 волостных старшины и 2 помощника старшины, 8 членов сельских земельных комитетов, 1 уполномоченный общества, 1 – поверенный крестьянин.

В базе данных вожаков крестьянских выступлений 1880–1910-х гг. представлено определенное количество фактов, отразивших желание некоторых крестьян вспоминать о своей военной службе. В сформированной нами базе данных 6 человек числились как запасные рядовые, солдаты, матросы, 3 – как унтер-офицеры, 1 – как запасной писарь. Известно, что статус отслужившего в армии человека (даже «писарчука») был относительно высоким в крестьянской среде. Конечно, выявленное количество таких людей было незначительным в сравнении с обычными «мирными» крестьянами. Но, вероятно, и среди таковых были люди, прошедшие военную службу, но не любившие «щеголять» этим.

Лишь у 7 вожаков, включенных в БД, имеются данные о возрасте (около 2%). Хотя количество этих данных явно недостаточно для каких-либо серьезных выводов, один факт все же заслуживает внимания. При расследовании выступления крестьян села Тафино Липецкого уезда Тамбовской губернии в апреле 1893 г. выяснилось, что одному из вожаков Дьякову было 80 лет⁴. Конечно, такой факт был редчайшим. Но в данном случае важно, что он, пусть и в единичном числе, но все-

таки имел место. Другими словами, стремление к созданию максимально полных баз данных позволяет улавливать уникальные явления.

Совершенно отсутствуют в БД сведения об образовании вожаков крестьянских выступлений. Наличие грамотности можно только косвенно предположить у одного нотариуса, одного священника, одного писаря. Должен был уметь считать, читать и писать торговые документы владелец трактира.

По материалам БД совсем не просматривается «руководящая роль» какой-либо партии в изученных крестьянских выступлениях. Полное отсутствие данных о партийности у крестьянских вожаков лишний раз свидетельствует о «самостийности» крестьянского движения в нереволюционные периоды.

Специфической чертой первичных документов следствия по делам – крестьянских выступлений 1880–1910-х гг. было отсутствие указания на репрессии, которые могли быть применены к вожакам крестьянских протестных акций. Степень наказания определялась судами, материалы которых редко публиковались в сборниках о крестьянском движении. В такой ситуации историкам необходимо обращаться к архивным поискам.

Напротив, чекистские документы первых лет советской власти, как правило, сочетали в себе и следственные, и судебные данные. В частности, мы создали и проанализировали БД о крестьянских протестных выступлениях первых лет советской власти, основанную на материалах 1-го тома сборника «Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД» (М., 2000).

Поясняя принципы выборки, подчеркнем, что в БД включались только сведения по регионам Европейской части Советской России (составители сборника, противореча своему же названию, учитывали крестьянские протестные выступления и на несветской территории, особенно на территории Украины, Сибири, Дальнего Востока, когда они не были под контролем советской власти).

Мы учитывали только те протестные акции, которые были явно крестьянскими. Не принималось во внимание участие крестьян в городских или солдатских восстаниях, в белых армиях и, тем более, в нереализованных «белогвардейских заговорах». Выступления дезертиров также нельзя назвать чисто крестьянскими. В них участвовали представители разных слоев общества, сбежавшие из Красной армии. Даже не все крестьяне-дезертиры участвовали в протестных выступлениях в своих родных местах, где находились их коренные социально-экономические интересы. Нередко они дезертировали в местах службы, далеких от родных краев и соответственно от их земельных, продовольственных, налоговых и других проблем повседневной крестьянской жизни. Поэтому следует признать, что движения, связанные только с отказом служить в Красной армии, не были сугубо крестьянским и по составу участников, и по направленности требований.

Наконец, мы еще отмечаем, что принципы создания баз данных не предполагают учет нечеткой информации. Поэтому мы не включали в эту БД сведения о вожаках повстанческих отрядов вообще, неопределенных по составу участников и характеру требований.

Такой тщательный подход к объяснению принципов формирования базы данных о вожаках крестьянских выступлений мы предприняли потому, что в предисловии к сборнику чекистских документов указаны конкретные цифры: «Мы знаем теперь десятки и сотни имен повстанческих вождей ...К сожалению, мы смогли расшифровать (дать биографические справки в именованном комментарии) лишь 106 из них...»⁵. Мы не совсем поняли, как сложилась эта цифра. По нашим пересчетам с учетом лиц, которые отдельно не комментируются, но упоминаются в «чужих» справках и явно попадают в разряд вожаков, а также тех советских деятелей, которые перешли на сторону повстанцев, получилось несколько большее количество людей.

Но главное не в этом. Все-таки числа, представленные составителями, близки к реальным, если считать всех этих фигурантов вожаками крестьянских протестных выступлений. По нашим подсчетам, только примерно 25 человек из именованного комментария можно точно отнести к предводителям именно крестьянских выступлений против советской власти. Около 55 человек были предводителями протестных акций, которые трудно или вообще невозможно отнести, судя по материалам сборника, к сугубо крестьянским. Около 40 человек возглавляли борьбу крестьян против не советских, а других властей, управлявших многими территориями бывшей Российской империи вплоть до 1920–1922 гг. (сборник все-таки называется «Советское крестьянство...»). С другой стороны, в текстах документов сборника мы выявили около 20 лиц, чьи биографические справки не вошли в именной комментарий, но которые вполне могут быть причислены к вожакам крестьянских антисоветских выступлений.

В итоге в нашу БД по материалам чекистского сборника вошел 41 человек. Думается, что такое невеликое в сравнении с первой БД (дореволюционного периода) число объясняется не только краткостью периода времени, отраженного в одном томе чекистских документов, малым размахом крестьянского антисоветского движения (статистические сведения, да и сами сводки ВЧК-ОГПУ говорят о многочисленных и зачастую крупных протестных действиях крестьян в отношении советской власти) или нашей особой «придирчивостью» отбора лиц для внесения в БД. Дело также в том, что помимо чекистов расследованием занимались еще и отделы управления местных советов, местная милиция, ревкомы, ревтрибуналы, народные суды, трибуналы воинских частей, подавлявших восстания, другие органы советской власти.

В рассматриваемый сборник включались прежде всего чекистские сводки общероссийского масштаба и подобные им документы, которые только упоминали имена повстанцев и не предполагали представлять более подробную информацию о них.

Наш опыт работы по подготовке двух сборников документов по истории «Антоновщины» показал, что местные чекисты нередко получали путаную и нечеткую информацию о лидерах этого восстания. Сеем предположить, что недостаточным профессионализмом отличались не только тамбовские, но и другие сотрудники местных органов ВКЧ-ОГПУ. Впрочем, сами составители сборника отмечали нечеткость сведений, поступавших от осведомителей⁶.

Переходя к анализу количественных параметров созданной нами БД, в первую очередь отметим, что наиболее полными (почти абсолютно) в этой выборке являются данные о поле и национальности вожаков крестьянских выступлений 1918–1922 гг. Все предводители крестьянских протестных акций этого периода были мужчинами. Видимо, роль вожаков суровой борьбы на «крестьянском фронте» Гражданской войны, в отличие от протестных «конфликтов на меже», была явно не «бабьим» делом.

Фамилии всех предводителей (кроме одной, похожей на украинскую) являлись русскими. Это можно объяснить тем, что в нашу выборку попали главным образом «великорусские» регионы Европейской России.

Остальные просопографические показатели, отразившиеся в сборнике чекистских документов, отличаются разной, порой явно недостаточной, степенью информативности. Но даже редкие, может быть, совсем нетипичные факты на фоне «массовки» демонстрируют многогранность истории.

Как и в первой, сформированной нами БД по материалам дореволюционного периода, во второй базе оказалось совсем немного данных о возрасте вожаков крестьянских выступлений 1918–1922 гг. Выявленные 9 фактов показали, что возраст крестьянских предводителей находился в интервале 25–50 лет. Эти, пусть и малые, данные реалистично свидетельствуют о том, что среди вожаков времен Гражданской войны вряд ли могли появиться 80-летние старцы или юные командиры полков «гайдаровского» типа.

В отличие от первой БД, в базе данных чекистских материалов появились сведения о времени смерти вожаков. Такие данные указаны почти у каждого третьего. Только в очень редких случаях можно определить возраст смерти или гибели этих людей. Но все-таки отметим один явно нетипичный случай, когда оказавшийся в эмиграции предводитель крестьянской борьбы времен Гражданской войны умер в Белграде в возрасте 80 лет. Все остальные известные по дате смерти вожаки ушли из жизни в 1920–1922 гг. Никто из них не дожил до 45 лет.

Конечно, эти цифры недостаточны для окончательных выводов. В этой графе БД требуются крупные дополнения.

А вот сведения о форме репрессий советской власти против крестьянских лидеров (нередко приведших к гибели) выявлены для большинства изученного круга лиц (более 60% от всей совокупности). Это было связано с особенностями документов ВЧК-ОГПУ, которые фиксировали вместе «преступление и наказание». Наказание в условиях решительной борьбы советской власти на «крестьянском фронте» Гражданской войны, скажем так, имело тенденцию к высшей мере. Причем нередко дело не доходило до судебного решения. Как минимум в 7 случаях наказанием вожаков стала их гибель (уничтожение) в бою с советскими войсками или в ходе специальной чекистской операции. В БД записаны сведения о 18 арестованных предводителях крестьянских восстаний против советской власти. Относительно 6 из них известно то, что они были расстреляны. В 4-х случаях включенные в БД вожаки были осуждены на общественные работы сроками 5–10 лет. Отмечен и один факт присуждения срока без принудительных работ. Но вряд ли он был исключительным. В свое время, в ходе изучения антисоветского мятежа в Тамбове в июне 1918 г., мы установили, что бессудные расстрелы и убийства мятежников по «законам революции» имели место только в ходе подавления восстания. Те, кто попал под длительное расследование, получали относительно мягкие наказания. Мы предполагали, что по мере успокоения событий воинственный настрой советских карательных органов в отношении мятежников из «рядовых обывателей» постепенно угасал⁷.

Судя по базе данных, чекистов мало интересовало сословное происхождение вожаков крестьянских выступлений. Оно указано только у 10 «фигурантов» БД. Косвенно, по месту рождения в сельской местности, можно предположить крестьянское происхождение 17 лидеров протестных акций (точно указано сословие четырех крестьян и двух казаков). Во главе крестьянских выступлений оказались также два священника, один мещанин, один помещик, – вероятно, дворянин по бывшему сословию. Органы, борющиеся с крестьянским протестом, больше интересовал род занятий предводителей этого протеста, особенно «враждебный» советскому строю. В БД оказалось 9 офицеров и 3 торговца.

Почти ни у кого из представителей чекистской выборки не указана профессия до 1914 г., что делает практически невозможным анализ профессиональной мобильности будущих крестьянских вожаков. Относительно тех, у кого известны занятия дореволюционного периода, удивляет мирный характер профессий: приказчик, волостной писарь, служащий железной дороги, профсоюзный работник, объездчик конного завода, слесарь-кустарь. Косвенно можно предположить, что давно занимались своей профессиональной деятельностью двое бывших крупных торговцев, один офицер в чине полковника.

Количественно полнее представлены в БД сведения о занятиях вожаков в период Первой мировой войны, революции 1917 г. и Гражданской войны. Хотя они и не отличаются большой четкостью, как минимум 20 человек по занятию можно уверенно назвать военными. Большие подробности из чекистских документов точно выявить почти невозможно. Так, только у 2-х вожаков прямо указано участие в Первой мировой войне. Но еще 9 человек, которые числились на момент восстаний 1918–1922 гг. бывшими офицерами, вряд ли могли оказаться вне армии в 1914–1918 гг. Тоже можно сказать и о 5 рядовых и унтерах старой армии.

Нет достаточной ясности и в занятиях большинства включенных в БД вожаков в период революции и Гражданской войны. Почти все офицеры числились «бывшими». Их участие в повстанческих отрядах измерялось несколькими месяцами. Чем они занимались в остальное время, как минимум в 1917–1918 гг., установить невозможно.

Один из вожаков в документах назван спекулянтом. Но мы не можем четко сказать, связано ли это с профессиональным занятием запрещенной в годы «военного коммунизма» частной торговлей или являлось просто социально-политическим ярлыком, который революционные власти нередко приклеивали свои противникам. С другой стороны, только у одного «фигуранта» БД прямо указано, что после Первой мировой войны он занимался сельским хозяйством.

Особое значение имеет информация о должностях будущих предводителей крестьянских восстаний в советском государственном аппарате. Хотя количество людей, о которых в чекистском сборнике представлена информация, невелико, есть возможность увидеть важные процессы. 6 вожаков были командирами и комиссарами Красной армии, 3 – депутатами советов (2 из них являлись председателями сельсоветов, один из которых был еще и товарищем председателя комбеда), 1 – начальником советской уездной милиции.

При всей узости информации о партийной принадлежности крестьянских вожаков невозможно обойти вниманием сведения о том, что трое из них были членами РКП(б), двое – левыми эсерами, то есть союзниками большевиков на первом этапе социалистической революции. Представители других, «непролетарских» партий, если не считать одного «просто» эсера, в документах чекистского сборника не упомянуты. Можно еще раз заявить о беспартийной самостоятельности крестьянского протеста против советской власти. Другими словами, феномен перехода части советских служащих и революционных партийцев на сторону повстанцев периода 1918–1922 гг. получил очередное подтверждение. Мы вновь встретили ситуацию, когда люди, служившие власти, в конкретных исторических ситуациях делали выбор в пользу мятежного крестьянства и даже возглавляли его протестные движения.

В большинстве записей БД отсутствуют сведения об образовании вожаков. Только у одного из них можно было узнать о наличии среднего гимназического образования, а затем специального военного, еще у одного – неполного среднего образования, у двух – начального. В одной биографической справке представлена расплывчатая формулировка «малограмотный». Косвенно можно предполагать наличие как минимум среднего военного образования у бывших офицеров и какого-то образования типа командных курсов у красных командиров. Как уже отмечалось, элементарная грамотность должна была иметься у вожаков, занимавшихся торговлей. Но даже с учетом этих косвенных свидетельств мы можем говорить об уровне образования примерно для половины «фигурантов» нашей БД.

Мы попытались включить в БД сведения о социальном статусе вожаков в деревне. В ходе работы выяснилось, что таковой в изученном массиве документов указан только у 5 человек. При этом 4 из них названы кулаками, что могло быть социально-политическим ярлыком, а не фиксацией реального положения этих людей в социальной стратификации советской деревни.

В целом анализ БД, сформированной на основе 1-го тома сборника документов «Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД», показывает недостаточную информативность этих документов для полной просопографии вожаков крестьянских выступлений в Европейской России в 1918–1922 гг. БД требует существенного пополнения материалами из более подробных региональных изданий документов и специальных исследовательских работ о предводителях крестьянских восстаний времен Гражданской войны, которые все чаще стали появляться в последние годы.

Такой же подход необходим и к пополнению БД о крестьянских вожаках дореволюционного периода. Хотя в силу указанных выше особенностей судебно-следственных документов этого периода опубликованной информации может также оказаться недостаточно. Для необходимой полноты просопографии дореволюционных крестьянских вожаков, вероятно, потребуются немалые архивные поиски. Ответы на эти вопросы мы сможем дать по мере дальнейшего накопления информации, пополнения создаваемых БД.

В начале 2000-х гг. В. П. Данилов поделился с автором этих строк рассуждениями о том, что необходимо переходить от издания сборников недоступных ранее историкам архивных документов к их анализу. Следуя этому «завету», мы считаем, что одним из важных направлений анализа первоначально должно стать выявление информационного потенциала опубликованных сборников документов с учетом применения современных информационных технологий.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Крестьянское движение в России в 1901–1904 гг. Сборник документов. М., 1998. С. 15–16.

² Крестьянское движение в России в 1901–1904 гг. ... С. 192; Крестьянское движение в России. Июнь 1907 — июль 1914 гг. Сб. док. М. — Л, 1966. С. 403.

³ Данные об этническом составе России в начале XX в. см.: *Миронов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX вв.). СПб., 1999. С. 25–26.

⁴ Крестьянское движение в России в 1890–1900 гг. Сборник документов. М.: изд-во социально-экономической литературы, 1959. С. 245.

⁵ Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918–1939. Т. 1. 1918–1922 гг. М., 2000. С. 10–11.

⁶ Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918–1939. Т. 1. М., 2000. С. 10–11.

⁷ См. подр.: *Канищев В. В., Мещеряков Ю. В.* Анатомия одного мятежа. Тамбовское восстание 17–19 июня 1918 г. Тамбов: изд-во ТГУ, 1995.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ КРАСНОПАРТИЗАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ НА ВОСТОКЕ РОССИИ

А. Г. Тепляков (Новосибирск)

Колоссальная драма России XX столетия – Гражданская война – по сей день привлекает самое пристальное внимание исследователей и публицистов. В последнее двадцатилетие на смену «старой и привычной для советской историографии классовой трактовке содержания Гражданской войны в России как войны между большевиками и их противниками, красными и белыми, пришло осознание её глобального и тотального характера, раскрытие её как комплекса взаимосвязанных и переплетающихся войн, противоборства не только на линиях, но и за линиями фронтов»¹. Историография истории партизанского движения периода Гражданской войны насчитывает огромное количество публикаций, основная часть которых появилась в коммунистические времена и демонстрировала доказательства сознательной борьбы многочисленных красных партизан за советскую власть. Множество трудов подробно описывало боевой путь партизанских соединений, роль партии в их руководстве и политическом просвещении, убедительные победы над белыми войсками, последующее вливание сознательных партизанских масс в ряды Красной армии, активное участие в защите Советской республики и в социалистическом строительстве². Партизаны провозглашались наиболее передовой частью крестьянства, поднявшейся против антинародной белой власти и беззаветно воевавшей ради победы красных. Появляются подобные оценки и в настоящее время, повторяя в неприкосновенности все прежние мифы, начиная с того, что в 1919 г. «в Сибири и на Дальнем Востоке развернулось мощное партизанское движение, руководимое большевистским подпольем»³. Теневые стороны партизанщины всегда описывались строго дозированно либо совершенно замалчивались.

Основная часть мемуаров советской эпохи подлаживалась под официальную точку зрения. Наличие многочисленных фальсифицированных источников и необъективных исследований, появлявшихся под идеологическим прессингом, заставляет историков особое внимание обращать на мемуаристику и научно-документальные работы 1920-х – начала 1930-х гг. – хоть и тенденциозные, но создававшиеся по свежим следам и в значительной степени свободные от схематичной однолинейности следующих эпох. По свежим следам партизанщина представляла стихийным и кровожадно-грабительским леворадикальным движением, в целом далёким от коммунистической идеологии. В связи с этим ряд оценок описываемых событий со стороны современников, много десятилетий казавшиеся властям и исследователям идеологически неприемлемыми, сегодня заслуживают внимательного и уважительного отношения. Например, эсер Е. Е. Колосов тёмные стороны партизанщины обоснованно рассматривал как проявления «первобытных свойств крестьянской психологии»⁴; о роли большевиков в сознательном разжигании жестокостей партизанщины справедливо писал С. П. Мельгунов⁵, чьи давние работы высоко оцениваются современными историками⁶.

В течение всего советского периода исследователями недостаточно использовались документы антибольшевистских властей, сообщения белой прессы, очень аккуратно цитировались партизанские мемуары, особенно те, в которых бесхитростно и откровенно сообщалось о многочисленных и нередко садистских расправах над безоружными людьми (пленными, мирными жителями), а также упоминались многочисленные факты пьянства, мародёрства и насилий в повстанческих отрядах. Совершенно не оценивались демографический, моральный и материальный ущерб от партизанщины, её негативное воздействие на взаимоотношения русского и аборигенного населения Сибири и Дальнего Востока. Подобное игнорирование важнейших обстоятельств не позволяло написать объективную историю краснопартизанского движения восточной части страны. Написание качественных работ по истории краснопартизанского движения требует учёта как старых публикаций 1920 – 1930-х гг., так и тех архивных источников, которые только начинают вводиться в научный оборот.

Наличие внушительной источниковой базы даёт возможность ряду современных исследователей сосредоточиться на игнорировавшихся прежде темах краснопартизанского террора, вандализма, взаимных конфликтов партизан, их военных поражений, проблем взаимоотношений с различными категориями населения, частым противостоянием с большевистскими партийно-советскими властными структурами, образованными из чуждых повстанцам приезжих кадров. Россия традиционно была страной, где цена человеческой жизни являлась малозаметной величиной. Насилие воспринималось как универсальный метод

решения проблем и властью, и обществом; в переломные эпохи оно выплёскивалось с сокрушительной мощью. В период Гражданской войны взаимное ожесточение людей резко возросло, что вело к быстрому разложению традиционных нравственных устоев. В это бурное время проявлялись не столько замечательные подвиги ярких идейных личностей, сколько величайшие преступления, в которых нередко участвовали значительные массы людей. Документальные свидетельства этого всё более активно вводятся в научный оборот.

Гражданская война стала документироваться ещё до её окончания, так что до середины 1930-х гг. успело выйти огромное количество публикаций участников событий и историков, среди которых есть очень ценные. О важности собирания сведений о недавнем прошлом говорил тот факт, что в СССР в немалом количестве публиковались даже мемуары видных белогвардейцев. В конце 1920-х гг. заведующий Сибирским истпартком В. Д. Вегман писал о необходимости издавать книги врагов, ибо в них встречаются факты «столь ценные, что мимо них ни один историк пройти не сможет»⁷. Однако опубликованные в 1920-е – середине 1930-х гг. многочисленные сборники документов и мемуары в большей своей части оказались при Сталине политически скомпрометированными и изъятыми из обращения; даже в последующие эпохи многие из них по-прежнему считались слишком откровенными и не соответствовавшими сложившимся концепциям. В настоящее время эти издания, оставаясь малодоступными, тем не менее всё более активно используются историками. А среди информативной беллетристики можно выделить художественно-документальные книги участников событий и с красной (бывшие колчаковцы В. Я. Зазубрин и Вс. Иванов), и с белой (Я. Л. Лович) стороны. Честный художественный рассказ о красном повстанчестве начался в литературе с небольшого повествования Вс. Иванова «Партизаны» (1921 г.), которое показывает мужиков, жителей Ойротии, случайно убивших милиционера, изломавшего их самогонный аппарат, и бежавших в горы партизанить, где к ним вскоре стихийно присоединились сотни крестьян⁸. Остаются в арсенале историков произведения тех советских писателей, которые серьёзно изучали тему и написали подцензурные, но острые работы, касавшиеся проблем, которые почти не обсуждала официальная историография, и не потерявшие значения и поныне («Ватага» В. Шишкова, «Железный поток» А. Серафимовича, «Конец Рогова» Г. Егорова)⁹.

Много ценных документов опубликовала как советская, так и враждебная большевикам пресса. Крайне важный источник – та хроника событий, которая велась белогвардейскими журналистами, а также оценки, даваемые событиям действующими лицами белого лагеря. В целом ряде случаев, помимо газет, нет источников, отражающих эпизоды партизанщины. Вместе с тем белые журналисты, при откровенных и кри-

тических описаниях повстанчества и неэффективности его подавления, сталкивались с военной цензурой. В начале июня 1919 г. редактор влиятельной «Сибирской жизни» А. В. Адрианов сообщил главе Всероссийского правительства П. В. Вологодскому, что начальник томского гарнизона «вероятно, под давлением окружающей его военщины запретил нам сообщать что-либо о бандах большевиков – Лубковых, Щетинкиных, Адамовичей и проч. под предлогом, что мы сообщаем неверные сведения (а только у них могут быть такие), что мы раскрываем противнику карты и что мы поселяем тревогу в обществе. Хотя я отрицал первое, всегда учитывал второе и решительно протестовал против третьего, уверяя, что молчанием мы достигнем как раз обратных результатов, но беседа с каким-то подпоруч[иком] гвардии Кузьминым я понял, что уперся в стену, не способную поддаться доводам разума»¹⁰.

Разумеется, серьёзным газетам не было нужды преувеличивать партизанский террор, ибо в противном случае можно было вызвать панические настроения, в чём авторы и владельцы прессы вряд ли могли быть заинтересованы. Так, корреспондент «Свободной Сибири» Н. К. Ауэрбах в отчёте для Российского телеграфного агентства указывал, что об ужасах, творимых красными в Минусинском уезде, летом и осенью 1919 г. говорили повсюду, «но писать [в прессе], не имея достаточно точных сведений, не решались»¹¹. Близки к реальности публиковавшиеся списки погибших и пострадавших от партизанщины. Вполне достоверным тестом для оценки газетной информации белых нередко могут служить партизанские мемуары (и, напротив, сведения прессы дополняют и уточняют факты, известные из воспоминаний).

Источниковая база, позволяющая представить размах разрушительной мощи партизанщины, весьма велика. Тем показательней до сих пор проявляющееся пристрастное отношение к «неудобным» страницам воспоминаний деятелей Гражданской войны. Традиция эта старинная. Еще в 1923 г. А. Абов (псевдоним А. А. Ансона), рецензируя сборник испарта¹², критиковал за излишнюю откровенность воспоминания партработника Э. Ф. Лагздина о терроре партизан Г. Ф. Рогова в Гурьевском заводе Кузбасса и мемуары одного из руководителей Западносибирской крестьянской красной армии И. В. Громова (Мамонова): «Быть может товарищи и писали «от души», но нам нет никакой охоты смаковать «зашивания» попов, милиционеров, беляков, экспроприации, грабежи, «давание перцу» и пр. Это неприятное фельетонное «смакование» разного рода «подвигов» (в особенности в воспоминаниях т. Громова...) сильно отражается на воспоминаниях, имеющих, бесспорно, исторический интерес»¹³. Архивная рукопись И. Я. Огородникова об истории 1-го Бийского полка, признанная невозможной даже для «частичного использования», была отрецензирована самим Б. З. Шумяцким, который

возмущился подробным описанием партизанских конфликтов, тем, что «много места уделено грабёжам и безобразиям», и что ни слова нет о работе коммунистов и их влиянии на «строительство и действия отряда»¹⁴. А к мемуарам руководителя Красной гвардии в Томске П. Я. Новикова подклеена бумажка с надписью о том, что автор в 1927 г. был связан с троцкистами, и его рукопись может быть использована только в качестве фактического, а никак не оценочного материала¹⁵.

Выходившие в 1920 – 1970-х гг. партизанские мемуары подвергались строгой редактуре, нередко устранявшей из текстов наиболее ценные исторические свидетельства. В фонде Сибирского истпарта государственного архива Новосибирской области сохранились очень интересные воспоминания И. В. Громова (Мамонова)¹⁶, на основе которых в 1966 г. был опубликован компактный вариант¹⁷, до сих пор сохраняющий большую значимость для исследователей. Однако сверка рукописи с опубликованным текстом наглядно показывает работу тенденциозной редактуре. Из мемуаров оказались выброшены вовсе либо переписаны эпизоды, касавшиеся дезертирства героя из отряда П. Ф. Сухова, его острейшие конфликты с Е. М. Мамонтовым и рядовыми партизанами, откровенно криминальные способы добычи продуктов, оружия и денег, многочисленные свидетельства партизанских насилий и прямого террора, а также другие негативные факты, показывавшие – независимо от намерений автора – истинное лицо партизанщины¹⁸.

Современные составители очень полезного документального сборника по истории Гражданской войны на Алтае при публикации значительных по объёму выдержек из мемуаров И. Я. Огородникова¹⁹ не рискнули воспроизвести наиболее жуткие и вместе с тем информативные эпизоды (например, о расправах и «партизанских судах» над священнослужителями и пленными белыми, размахе грабёжей и повседневных кровожадных убийств), ограничившись приведением отдельных фрагментов с «просто» жестокими сценами. Между тем, малограмотный Огородников писал очень выразительно; его палаческая откровенность подкупает первобытной искренностью, поскольку он считал себя «правильным» партизаном, который уничтожал врагов с определённым разбором и был против откровенного садизма в расправах. Похожим образом рассуждали и другие известные западносибирские повстанческие вожаки, – например, П. Ф. Федорец при оценке Рогова и роговцев²⁰. Интересно, что на рукописи мемуаров Огородникова оставил свои многочисленные сердитые пометки один из героев его воспоминаний, – известный крайней жестокостью партизанский вожак М. З. Белокобыльский. При этом данные маргиналии касались в основном политических оценок тех или иных лиц, а отнюдь не самых неприятных для репутации партизан Белокобыльского жестоких и грабительских эпизодов.

Составители ценного документального сборника о дальневосточной политике РСФСР периода Гражданской войны ограничились воспроизведением минимального по объёму фрагмента из протокола судебного заседания, на котором рассматривались деяния зверствовавшего в Сахалинской области партизанского командира Я. И. Тряпицына²¹. Между тем протокол суда над тряпицынцами насыщен информацией и даёт важные сведения о самочинных жестоких казнях, расправах над детьми, изнасилованиях, грабежах, которые позволяют доказательно оспаривать мнения многочисленных современных апологетов тряпицынщины.

Важнейший из архивных источников – партизанские мемуары, огромная часть которых до сих пор погребена в истпартовских коллекциях. Хранящиеся в ГАНУ в фонде Сибистпарта сотни подобных воспоминаний охватывают события Гражданской войны на территории от Казахстана до Дальнего Востока, и пока далеко не полностью введены в научный оборот. Это очень своеобразный источник, в котором много дезинформации, преувеличений и умолчаний, недаром ещё в 1934 г. один из руководящих научных работников предупреждал исследователя, что написать стоящий труд о красном повстанчестве непросто: «Надо залезть в архивы и к партизанам в душу. Правда, они (партизаны) много любят прибавлять того, чего не было»²². Однако заметная часть довоенных мемуаров красногвардейцев, партизан, подпольщиков носит достаточно объективный характер, поддаётся перепроверке, откровенна в описании проблем, касается малоизвестных эпизодов и обладает высокой ценностью.

Часть неопубликованных мемуаров, особенно созданные в 1920-х гг., в последующем редактировалась, но обычно тенденциозная правка, устранявшая неудобные моменты, вносилась непосредственно в тексты от руки и легко вычлняется. Т. Рогозин, один из видных партизан армии А. Д. Кравченко и П. Е. Щетинкина, понимая ущербность своих опубликованных в 1926 г. мемуаров, специально для архивного хранения написал интересные дополнения, прямо названные «Тяжелые моменты в партизанской армии». Первый абзац этой небольшой рукописи гласит: «Заманское движение в целом мной освещено в книжке «Партизаны Степного Баджея». Но мне хотелось бы остановиться на более тяжелых моментах [истории] армии, от которых зависела и судьба нашего движения и наши собственные судьбы, а такие моменты были и я о них сказал в книжке мало или умалчивал. И вот что в эти моменты у нас там было мне и хотелось бы высказать не замазывая истины. Поистине, это были очень горькие и печальные минуты и, возможно, минуты разочарований»²³.

Имеют ценность и тенденциозные мемуары, вроде воспоминаний А. Н. Геласимовой, известной подделкой свидетельств о собственном героическом прошлом и многократным завышением численности куз-

басского отряда В. П. Шевелева-Лубкова²⁴, но вполне точной при описании как эпизодов красного террора, так и склок и конфликтов в повстанческой среде. Также фонд Сибистпарта позволяет ознакомиться с весьма обширной документацией силовых структур белой власти, где много сведений о повстанческих выступлениях, их жертвах и попытках подавления партизанщины. Основные же документы белого лагеря следует искать в ГАРФе, где хранятся фонды белых правительств востока России, включая документы министерства внутренних дел и тюремного ведомства.

Материалы партийно-советских органов из областных архивов дают обширные сведения о партизанщине, в том числе касающиеся специфического участия партизан в государственном управлении сразу после разгрома белых – в период, когда немногочисленные коммунисты и их непоследовательные союзники-партизаны организовывали на местах собственные структуры власти, нередко конфликтовавшие между собой. Партийные и персональные дела партизан из фондов руководящих и контрольных органов ВКП(б), учётные карточки, регистрационные бланки партийных билетов, материалы партийных переписей, хранящиеся, помимо областных архивов, в РГАСПИ и РГАНИ, зачастую очень информативны, дают сведения о деятельности значимых исторических фигур как в период Гражданской войны, так и в последующее время.

Крайне интересны материалы архивно-следственных дел на партизан, относящиеся к разным периодам: сначала к 1920 г., когда судили наиболее кровавых повстанцев, вроде Г. Ф. Рогова, И. П. Новосёлова и Я. И. Тряпицына, затем к 1930-м годам, когда чекистами было покончено с основной частью партизанских вожаков. Среди них можно назвать архивно-следственные дела на Г. Ф. Рогова и И. П. Новосёлова (1920 г.), группу партизан Каменского уезда Западно-Сибирского края (1920–1921 гг., 1931 г.), известных предводителей партизан Алтая И. Я. Третьяка, А. А. Табанакова, М. З. Белокобыльского (1937 г.), И. В. Громова-Мамонова (1938–1939 гг.) и ряд других. Важными источниками являются и следственные дела на боровшихся с партизанами управляющего Иркутской губернией П. Д. Яковлева (1924 г., ЦА ФСБ) и управляющего Нижнеудинским уездом М. А. Кравкова (1937 г., архив УФСБ по Новосибирской области).

Сведения из делопроизводственных документов ЦА ФСБ (ф. 1, 2, 3) позволяют расширить представление о партизанщине за счёт информации сводок органов госбезопасности, включая материалы Госполитохраны Дальневосточной республики и переписку полномочного представительства ВЧК–ГПУ–ОГПУ по Сибири с руководящим составом Лубянки. В этих документах много как неизвестных фактов, так и характерных оценочных суждений, касающихся и эпохи Гражданской войны, и поведения бывших повстанцев в 1920-х – 1930-х гг., сведений

о фабрикации на них крупных дел о «заговорах». Значительный объем первостепенной информации о партизанах, особенно забайкальских и дальневосточных, и их бесчинствах содержится в богатых фондах РГВА, где есть многочисленные документы партизанских армий, сводки военной разведки.

При этом надо учитывать, что многие документы спецслужб, при всей их ценности, очень далеки от объективности и могут содержать фантастические сведения. Так, чекистские разведсводки определяли численность белых войск в Монголии на 1 мая 1921 г. в невероятные 25 тысяч чел., а Р. Ф. Унгерну накануне вторжения в РСФСР приписывали, благодаря якобы поддержке мобилизации в его войска со стороны монгольского правительства, наличие 50-тысячной армии, что на порядок превышало численность знаменитой Азиатской дивизии барона. При этом чекисты без серьезных оснований уверяли, что «войска противника... стоят во всех отношениях ниже наших...»²⁵ Примерно ту же степень достоверности имела информация спецслужб о том, что базировавшийся в Монголии отряд генерала А. С. Бакича насчитывал 40 тысяч пехотинцев и 20 тысяч всадников²⁶.

В перспективе важным источником о демографических потерях населения от террора Гражданской войны станут материалы метрических книг, которые уже вводятся в научный оборот отдельными исследователями (например, иркутским историком П. А. Новиковым, некоторыми краеведами). Следует отметить полезность обращения к информативным сетевым ресурсам (например, «Гражданская война в Сибири»²⁷ и др.), в которых активно участвуют историки и краеведы, обменивающиеся как архивными находками, так и ссылками на малодоступную литературу 1920 – 1930-х гг. и новейшие работы.

Таким образом, многочисленные источники, прежде всего неопубликованные, хранят массу актуальной информации обо всех, в том числе тевых, сторонах партизанского движения. Использование их позволит создать объективную историю красного повстанчества и партизанства и отказаться от той мифологизации, которая до сих пор активно проникает в исторические труды. Новый взгляд на партизанщину позволяет увидеть в ней одну из масштабных и малоизученных трагедий Гражданской войны.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Голдин В.* Среди «замазанных фигур». Белое движение: перспективы, исследования // Родина. 2008. №3. С. 3–4.

² *Стишов М. И.* Большевистское подполье и партизанское движение в Сибири в годы гражданской войны (1918–1920 гг.). М., 1962; *Дворянов Н., Дворянов В.* В тылу Колчака. М., 1966; *Дубина И. Д.* Партизанское движение в Восточной Сибири (1918–1920). Иркутск, 1967; *Шуклецов В. Т.* Сибиряки в борьбе за власть Советов. Новосибирск, 1981 и др.

- ³ *Ольштынский Л. И.* Советское общество. История строительства социализма в России. Кн. 1. Путь России к социализму (1905–1920 гг.). М., 2014. С. 158.
- ⁴ На первобытные черты психологии русского крестьянина указывает и Р. Пайпс в своей «Русской революции».
- ⁵ *Колосов Е.* Крестьянское движение при Колчаке // *Былое*. 1922. №20. С. 261; *Мельгунов С. П.* Трагедия адмирала Колчака. Т. 2. М., 2004.
- ⁶ *Циндик А. А.* Историк С. П. Мельгунов о репрессивной политике адмирала А. В. Колчака // *Гражданская война в Сибири: Материалы Всероссийской заочной научно-практической конференции* / Под ред. Д. И. Петина, Т. А. Терехиной. Омск, 2013. С. 153–156.
- ⁷ *Турунов А. Н., Вегман В. Д.* Революция и гражданская война в Сибири. Указатель книг и журнальных статей. Новосибирск, 1928. С. 1.
- ⁸ *Иванов В.* Партизаны // *Красная новь*. 1921. №1. С. 3–40.
- ⁹ *Забурин В. Я.* Два мира. Красноярск, 1983; *он же.* Общежитие. Новосибирск, 1990; *Лович Я.* Враги: Роман в трех книгах. Посвящен памяти истерзанных в Благовещенске и Николаевске. Шанхай, 1941; (переиздание: *Лович Я. Л.* Враги. М., 2007); *Егоров Г.* Падение Рогова. Барнаул, 1965.
- ¹⁰ *Ларьков Н. С.* Политическая деятельность А. В. Адрианова в годы Гражданской войны // *Вестник Томского гос. ун-та*. 2013. №367. С. 79.
- ¹¹ Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. П-5. Оп. 2. Д. 938. Л. 44.
- ¹² Сборник Истпарта № 1. Новониколаевск: издание Сиббюро ЦК РКП(б), 1923.
- ¹³ *Сибирские огни*. 1923. №1–2. С. 251. Отметим, что составители известного сборника «Борьба за власть Советов в Иркутской губернии» (1959 г.) опубликовали документы, иносказательно говорившие о расстрелах крестьян на Ангаре партизанами *Н. А. Булова*.
- ¹⁴ ГАНО. Ф. П-5. Оп. 4. Д. 145. Л. 1.
- ¹⁵ ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 1162 (вклейка перед Л. 1).
- ¹⁶ Новый архивный материал о Громе см.: *Тепляков А.* Партизанский герой Игнатий Громов: штрихи к портрету // *Голоса Сибири: литературный альманах*. Вып. 6. Кемерово, 2007. С. 824–831, 1453.
- ¹⁷ *Громов И.* За власть Советскую. Воспоминания командира партизанского корпуса. Барнаул, 1966.
- ¹⁸ Часть подобных сведений из рукописи Громова недавно использована одним из современных историков. См.: *Кокоулин В. Г.* Алтай в годы революции, Гражданской войны и «военного коммунизма» (февраль 1917 – март 1921 гг.). Новосибирск, 2013.
- ¹⁹ Революционные события и гражданская война в Алтайской губернии 1917–1922. Хрестоматия. Барнаул, 2001. С. 281–294.
- ²⁰ Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. Р-236. Оп. 4. Д. 322. Лл. 63–66 об.
- ²¹ Дальневосточная политика Советской России (1920–1922 гг.). Сб. документов Сибирского бюро ЦК РКП(б) и Сибирского революционного комитета / Сост. М. П. Малышева, В. С. Познанский. Новосибирск, 1996. С. 101.
- ²² ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 1414. Л. 1.
- ²³ ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 970. Л. 1.
- ²⁴ *Шуклецов В. Т.* Сибиряки в борьбе за власть Советов. Новосибирск, 1981. С. 213–215.
- ²⁵ ЦА ФСБ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 294а. Лл. 1, 2.
- ²⁶ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 16. Оп. 1. Д. 36. Л. 21.
- ²⁷ Режим доступа: URL: <http://siberia.forum24.ru>

РАЗДЕЛ I

АТАМАНЫ И ВОЖДИ МЕЖДОУСОБИЦЫ

РЕВОЛЮЦИОННАЯ ВОЙНА: БОЕВАЯ ИПОСТАСЬ ЛЕВЫХ ЭСЕРОВ И АНАРХИСТОВ

МАРУСЯ НИКИФОРОВА ПЕРЕД РЕВТРИБУНАЛОМ: ИСТОРИЯ ОДНОГО ПОКАЗАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА

Я. В. Леонтьев, Д. И. Рублев (Москва)

Мария Григорьевна Никифорова, легендарная анархистка и командир партизанского отряда, действовавшего на Украине и Юге России в конце 1917 – летом 1918 гг., относится к историческим деятелям, и в наше время вызывающим неоднозначные оценки исследователей. В предлагаемой вниманию читателя статье пойдет речь об одном из важнейших событий ее биографии – судебном процессе Московского Ревтрибунала, на котором известная анархистка предстала в роли подсудимой. Относящиеся к лету 1918 – зиме 1919 гг. материалы следствия и судебного процесса, изученные авторами в фонде Московского Революционного Трибунала (далее МРТ), помогают осмыслить роль этого процесса в контексте политических отношений в Советской России периода Гражданской войны.

Мария Никифорова, согласно документам Департамента полиции, происходила из крестьян Черниговской губернии, Стародубского уезда и волости, села Печеникова¹. В опросном же листе следственного дела, открытого в 1918 г. МРТ, в качестве места ее рождения указаны: «Екатеринославская г<уберния> экономика Левшино»². Это согласуется со сведениями из некоторых источников, согласно которым в 1917 г. ее мать проживала на станции Пологи Александровского уезда той же губернии.

Кроме того, из выступления М. Никифоровой перед МРТ известно, что в апреле 1918 г. вместе с другими беженцами она вывезла из Екатеринославской губернии свою мать и сестру³. Вероятно, ее родители действительно родом с Черниговщины. Подобно многим промышленным и сельскохозяйственным рабочим, переехав на новое место жительства, они не порвали с сельским обществом, сохранив принадлежность к крестьянскому сословию и отсылая на родину деньги для уплаты податей. В документах из следственного дела об убийстве пристава Тхоржевского в Стародубе говорится, что ее возраст – 18 лет⁴. Следовательно, годом ее рождения следует считать 1890-й. В 1904 г. она работала нянкой, торговкой, а затем посудомойкой на водочном заводе в Александровске Екатеринославской губернии⁵.

В 1907 г. Маруся участвовала в деятельности группы анархистов в Стародубе. Но, как свидетельствует ее сокамерница Е. Д. Никитина, в идеях анархизма Никифорова в то время разбиралась слабо, выражая также симпатии к эсерам⁶. Из методов борьбы, по свидетельству Никитиной, ее привлекали акты террора и экспроприации⁷. В Стародубском уезде Маруся участвовала в двух экспроприациях – в доме священника и акцизного надзирателя. Вместе с тем, она вела и агитационную работу в Клинцах Брянской губернии, где организовала кружки среди рабочих и собирала пожертвования на революционную деятельность⁸. 13 октября 1907 г. военный суд в Чернигове приговорил Никифорову к 20 годам каторжных работ и лишению «всех прав и преимуществ»⁹. Свой срок она отбывала в Новинской женской тюрьме, в Москве. В ночь на 1 июля 1909 г. Маруся совершила, в числе 13 каторжанок, побег при помощи революционеров-подпольщиков, перебравшись затем во Францию¹⁰. Не имеет документальных подтверждений распространяемая в трудах некоторых исследователей история о том, что после побега она была схвачена, отбывала заключение в одиночной камере Петропавловской крепости, была в 1910 г. отправлена на каторгу в отдаленные места Сибири, откуда бежала в США через Японию¹¹. История эта поразительно напоминает ряд эпизодов из жизни М. А. Бакунина и, возможно, была заимствована Никифоровой, либо кем-то из анархистов. Согласно агентурным данным российской полиции, она проживала во Франции, в 1912 г. переехала в Бельгию. До лета 1914 г. жила в Брюсселе¹². Затем вернулась в Париж, возможно, в связи с началом Первой мировой войны. В это время она принимала участие в жизни анархистской эмиграции.

После февраля 1917 г. Никифорова вернулась в Россию. Согласно показаниям участников революционного движения В. Киселева и В. Семенова, в мае – июне 1917 г. она участвовала в деятельности анархистских организаций Петрограда и была арестована во время разгрома правительственными войсками штаб-квартиры анархистов на даче П. Дурново. Есть свидетельства, что 18 июня вместе с лидером петроград-

ских анархистов И. Блейхманом она руководила налетом революционных солдат на тюрьму «Кресты». Во время июльских событий Маруся выступала на митингах рабочих и солдат, агитируя их поддержать выступление анархистов. Есть сведения, что она даже сформировала из рабочих Выборгского района небольшой отряд для ареста Временного правительства¹³. Вероятно, спасаясь от преследований, развернутых против анархистов и большевиков после провала выступления, она уехала в Александровский уезд, где познакомилась с Н. И. Махно и начала создавать отряды «Черной гвардии»¹⁴.

В декабре 1917 – январе 1918 гг. вместе с левыми эсерами и большевиками Маруся участвует в захвате советами власти на юге Украины, возглавляя сформированный в Александровске и Елисаветграде «Первый Вольно-боевой отряд по борьбе с контрреволюцией». В разное время в его состав входило от нескольких сотен до тысячи бойцов, имевших на вооружении пулеметы, три орудия и несколько броневиков. Никифорова располагала и двумя поездами. В одном из них было 45 вагонов, в другом – 60¹⁵. В конце декабря 1917 г. Никифорова приняла участие во взятии Екатеринослава.

Действия ее отряда, широко практиковавшего наложение контрибуций на буржуазию и помещиков, реквизиции и распределение их имущества, приводили к конфликтам с местными советами. Экспропрированное шло на содержание отряда, раздавалось его бойцам и местному населению¹⁶. Применяла она и террор (впрочем, довольно избирательно) в форме расстрелов или угроз смертной казнью против тех, кого считала сторонниками контрреволюции. Так, в конце января 1918 г. в Елисаветграде по ее приказу был расстрелян начальник городского военного комиссариата, бывший полковник Владимиров. Поводом стали жалобы солдат, заявлявших, что начальник не выдает им обмундирование из имеющихся в городе больших военных складов¹⁷. Никифорова также утверждала, что имели место жалобы подчиненных на рукоприкладство с его стороны, а на складе она якобы обнаружила не полученные адресатами, но вскрытые с ведома начальника посылки для его солдат и австро-венгерских пленных¹⁸.

В марте 1918 г. реакцией на действия Маруси в Елисаветграде стало восстание, принявшее постепенно антианархистскую и антибольшевистскую окраску. Недовольное экспроприациями Никифоровой население объединилось под лозунгом «Вся власть Учредительному собранию». Руководство восставших в лице эсеров-центристов и меньшевиков было поддержано вышедшими из подполья офицерами и генералами. Подавлял восстание не только отряд М. Никифоровой, но и советские войска под командованием А. Беленкевича и А. Полупанова. Правда, и на стороне Маруси воевали вступившие в ее отряд елисаветградцы¹⁹. В боях за Елисаветград М. Г. Никифорова была первый раз ранена. Дурную славу Никифоровой поддерживали и многочисленные самозванки, ко-

торые, прикрываясь ее именем, действовали в это время на Украине и юге России²⁰. Например, в этой связи экс-нарком юстиции, член ЦК ПЛСР И. З. Штейнберг писал: «Одна Маруся Никифорова, смелая и жестокая полководица, подобно метеору летавшая из пункта в пункт, опустошавшая для своих нужд магазины дамских и иных нарядов, выступавшая под защитой пулемётов и броневиков, унижавшая Советы, заставит с болью и горечью остановиться в будущем на этом отрывке российской революции...»²¹.

Однако лично хорошо знавший Никифорову главком В. А. Антонов-Овсеенко опровергал сложившийся стереотип (см. его цитируемые ниже показания). Вероятно, именно анархистские взгляды Маруси стали причиной, по которой она была избрана ответственной за действия, совершавшиеся отрядами разной политической ориентации²². Именно так объясняли позорящую Никифорову информацию анархисты, не отрицавшие, впрочем, вероятность и «неанархических» действий с ее стороны²³. В апреле 1918 г. ее арестовали в Таганроге по приказу Военного комиссариата УССР. Отряд был разоружен, а Никифорову специально созданная комиссия судила за разгон советов в Елизаветграде и самовольное наложение контрибуций на население. Она была оправдана, получив поддержку командиров многих отрядов, Федерации анархистов Таганрога и местной организации левых эсеров²⁴. В ее защиту выступил и Антонов-Овсеенко. Следственная комиссия в составе трех большевиков, двух анархистов и двух левых эсеров признала вину Маруси недоказанной. Ее выводы, со слов председателя Г. Ф. Лапчинского (секретаря Главного комитета РСДРП(б)-Социал-демократии Украины), были следующими: «1) Не установлено ничего недостойного идейного работника в действиях Никифоровой, 2) Отряд должен быть восстановлен в правах, 3) установлено с бесспорностью, что ряд товарищей сообщали и распространяли о Никифоровой совершенно непроверенные слухи, а потому указать им на недопустимость такого отношения к доброму имени революционеров»²⁵. Характерно, что Лапчинский в своих показаниях Московскому Ревтрибуналу в январе 1919 г. назвал распространенные слухи об отряде Никифоровой в качестве основной причины действий ЦИКУК²⁶. Выяснилось, что в Таганроге нет свидетелей преступных действий подследственной, и все сведения носят косвенный характер²⁷. Кроме того, среди тех, кто передавал комиссии данные о злоупотреблениях Никифоровой, было немало «пьяных матросов» из мародерствующих отрядов, по своему поведению подходивших под те же пункты обвинения²⁸. Через три дня Марусю освободили и отдали на поруки федерации анархистов, а ее отряду вернули часть оружия и имущества, большая часть которого, по словам Никифоровой, уже была разграблена²⁹. Она утверждала, что было расхищено и имущество четырех коммун, эвакуировавшихся с Украины под защитой ее отряда³⁰. В результате обыска в эшелоне Никифоровой «ничего подозрительного не нашли – ни

дорогих вещей, ни товару, ни денег»³¹. Вскоре, по инициативе недозвольных оправданием Маруси руководителей КП(б)У, была создана новая следственная комиссия под руководством Г. Пятакова. Но она просуществовала недолго и не успела завершить следствие, хотя, по словам ее председателя, успела установить, что «Никифорова в страшной мере дискредитировала Советскую власть в целом ряде городов, <...> дезорганизовала очень часто оборону против немцев и белогвардейцев, <...> своими действиями и поступками вынуждала очень многих коммунистов сражаться против нее и тем самым являлась виновницей смерти многих тт. коммунистов; <...> занималась подлинными грабежами – и попросту является бандиткой, действовавшей под флагом советской власти». Весь же материал, собранный комиссией, «к сожалению, погиб при отступлении»³². При повторном обыске в эшелоне Никифоровой членами комиссии были обнаружены большое количество сахара, слиток серебра, множество драгоценностей, серебряных изделий, дорогие ткани. Предполагалось, что эти вещи были добыты в результате грабежей³³.

После освобождения Никифорова входила в штаб, руководивший обороной Таганрога. До 8 мая ее отряд вел оборонительные бои с немецкими войсками под Ростовом³⁴. По свидетельству сражавшихся на Дону вместе с Никифоровой командира эскадрона 2-го Сводного Революционного Кавказского полка В. Г. Крикса и командира Таганрогского Социалистического отряда В. М. Усатова, бойцы Маруси сражались и против белых, освободив несколько станиц³⁵. Главнокомандующий войсками Кубано-Черноморской Федеративной Советской республики К. И. Калинин указывал, что в мае 1918 г., в ходе 8-дневных боев у станицы Кагальницкой ее отряд, проявив «редкую самоотверженность, мужество и геройство», был почти полностью уничтожен, а сама Маруся тяжело ранена³⁶. Эту информацию подтверждает и чрезвычайный представитель на Юге России Народного комиссариата по военным делам РСФСР В. А. Трифонов, указывая, что вместе с Никифоровой ехал на паровозе из Батайска в Тихорецкую: «Отряд ее растрепали немцы, вместе с нею ехали лишь несколько солдат»³⁷. Никифорова утверждала, что получила в бою контузию и ранение. Затем она выехала в Царицын, где тем временем началось разоружение прибывавших с Украины отрядов³⁸, а оттуда – в Саратов³⁹. Эту информацию подтверждает и А. Чубенко, впоследствии адъютант Н. И. Махно, утверждавший, что вместе с Марусей отступал от Таганрога до Царицына⁴⁰. При себе она имела документ от Калинина, обеспечивавший бесплатный проезд «на излечение вглубь Российской Республики» в вагоне первого класса и право на ношение личного оружия (браунинга и «мексиканского карабина») ⁴¹. Существует информация, что в Царицыне Маруся объединилась с отрядом Петренко, приняв участие в вооруженном конфликте между ним и царицынскими советами⁴². Однако достоверность этой истории вызывает определенные сомнения в силу того, что она не всплыла в ходе суда, состоявшего

гося в Москве 21 – 23 января 1919 г., хотя собрать показания против Маруси, – участвуй она в царичынских событиях, – было бы несложно. Однако представитель царичынских военных властей, давший показания, свидетельствовал в пользу Никифоровой, а не против нее.

20 июня 1918 г. Маруся была обнаружена в Саратове и вместе с ее знакомым по парижской эмиграции А. Гладким-Гурскайнемом арестована местными чекистами. Судя по всему, арест был связан с результатами следствия в Таганроге. «Чем закончился процесс нам, оторванным от Украины последующей оккупацией ея – не удалось узнать. Известно только, что приехавшая из Таганрога в Ростов Никифорова должна была быть задержана председателем Ростово-Нахичеванского Совета и Чрезвычайным Комендантом гг. Ростова и Нахичевани на Дону товарищем Васильченко, но арестовать ее не представилось возможным», – сказано в отношении комиссара Саратовской ЧК. Кроме того, она подзревалась в попытке организовать боевой отряд без разрешения военных властей. В том же документе сказано о проведенных в пригородах Саратова по ее инициативе вооруженных собраниях анархистов⁴³. Сама Маруся отрицала свою вину, указывая, что приехала в Саратов после ранения⁴⁴. Вскоре по указанию ВЧК ее перевезли под конвоем в Москву. Заключение и переезд сопровождались протестами Никифоровой и Гладкого, кричавших «каждому проходившему <...>, что арестовали их саботажники, спекулянты, мародёры», периодически агитировавших конвоиров, или же, наоборот, угрожавших расправой. На одной из станций неподалеку от Москвы заинтересованность в судьбе Никифоровой проявила группа матросов, судя по всему, имевших намерение отбить ее⁴⁵. Начал решаться вопрос о том, какая инстанция будет рассматривать ее дело. Первоначально им занимался Отдел по борьбе с преступлениями ВЧК, выдвинувший обвинение «в учинении грабежей», с 3 августа – Верховный Революционный трибунал при ВЦИК. 9 августа решением следственной комиссии дело было перенаправлено в Следственную Комиссию МРТ⁴⁶. С этого момента следствие вели следователи Политического Отдела Следственной Комиссии при Московском Революционном Трибунале Сауский, Ассарбаг и Лейтендорф.

Тем временем нарастала кампания анархистов в защиту Маруси. Во второй половине августа – сентябре анархисты направили в адрес следственной комиссии МРТ ряд заявлений. Их подписали известные активисты анархистского движения, в том числе – Л. Черный, А. А. Карелин, А. М. Авсеев, В. С. Бжостек, П. Резников. Среди ходатаев были также известные военные деятели В. А. Антонов-Овсеенко и К. И. Калнин⁴⁷. До 21 сентября 1918 г. Маруся находилась в московской Бутырской тюрьме, затем была освобождена под поручительство Антонова-Овсеенко и Аполлона Карелина⁴⁸. При этом оба настаивали на ее немедленной реабилитации от всех обвинений⁴⁹.

Сразу же после освобождения из Бутырок Маруся вышла замуж за Витольда Бжостека, известного польского анархиста, впоследствии вместе с ней и погибшего. Выйдя на свободу, она в ожидании суда пошла учиться живописи в студию Пролеткульта, но и с политической жизнью не порывала. Так, благодаря архивно-следственному делу в отношении группы левых эсеров и анархистов, хрянящемуся в ГАРФ, выясняется, что 6 ноября 1918 г. на Курском вокзале в Москве были задержаны М. Г. Никифорова, а также левые эсеры Н. Л. Стамо, о котором пойдет речь далее, И. М. Красков (уроженец Екатеринослава, бывший тульский губернский комиссар по печати) и несколько других левых эсеров и анархистов. Это произошло при посадке в спецвагон агитационной комиссии исполкома Курской железной дороги, отправлявшейся в Тулу и Курск для участия в митингах, посвященных празднованию годовщины Октябрьской революции. Но буквально через пару дней задержанные были выпущены из железнодорожной ЧК.

Никифорова участвовала в I Всероссийском съезде анархистов-коммунистов (25 – 28 декабря 1918 г.), итогом которого стало создание Всероссийской Федерации Анархистов-Коммунистов. Никифорова выступала там с докладом о ситуации на Украине. Съезд принял решение вынести протест против ее ареста, утверждая, «что она предана суду только потому, что ее нагло оклеветали»⁵⁰. 19 октября по решению Постоянной коллегии обвинителей при МРТ было прекращено дело в отношении А. Гладкого⁵¹.

Показания по делу Никифоровой разделились на две группы. С одной стороны, выступили фронтовые друзья, знавшие ее по боям на Дону и Украине командиры (К. Калнин, В. Крикса, В. Усатов, В. Каждан, И. Баранов)⁵², В. Антонов-Овсеенко и Н. Л. Стамо, видный левый эсер, бывший член Коллегии Наркомата путей сообщения и руководитель ВРК Екатеринославской железной дороги. Они всецело поддерживали обвиняемую, приводя факты ее боевых заслуг, подчеркивая сравнительно высокий уровень дисциплины и боевой подготовки бойцов отряда, отвергая обвинения в организации грабежей, разбоя, террора против мирного населения и представителей советской власти.

Весьма характерно в этом контексте заявление В. Антонова-Овсеенко:

ШТАБ
НАРОДНОГО КОМИССАРА
ПО БОРЬБЕ
С КОНТР-РЕВОЛЮЦИЕЙ

Показания т. Антонова.

1 июля дня 1918 г.

Марусю Никифорову знаю давно и ничего за нею скверного не видел. В Париже вела она рабочий образ жизни. На революционную работу на Юге подрядилась самостоятельно; кажется в качестве сестры была в отряде матросов. Шли слухи, что реквизировала широко [нрзб.]

в Харькове, и мне приносили из магазинов счета на реквизированные «Марией Никифоровой» вещи, но выяснилось, что эти реквизиции произведены не ею, а лицом, себя назвавшим ее фамилией. В середине декабря (кажется) отправилась в окрестности Александровска набрать людей для формирования в Харькове отряда. Все же, не вполне ей, ввиду имеющихся слухов и общего ее нервно-ненормального поведения, доверял я, посылая в Александровск комиссаром т. Крылова, ему предуказал Никифоровой хода не давать. В середине января, когда я был в Донецком бассейне, пришли слухи о бесчинствах Маруси и ее отряда в Александровске. Я дал предписание Крылову ее арестовать и доставить ко мне для разбора дела (слухи исходили от [нрзб.] советских работников). Т. Крылов Марию доставил в [нрзб.], откуда она, не дождавись меня, уехала. Затем уже в начале марта, мне сообщили о бесчинствах, производимых ею у Знаменки и в Елисаветграде: говорили, что она терроризирует всю его администрацию, грабит жителей и обижает советы. Вскоре слухи сии затихли. В середине апреля, когда Южная армия была разбита под Александровском и бежала к Иловайской и Таганрогу, я слышал от тт. Полупанова, Гарина и Егорова (еще раньше) самые лестные о ней отзывы: Маруся де боевой человек, самоотверженно дерущийся и держащий свой отряд в железной дисциплине. В это самое время Маруся была арестована в Таганроге распоряжением ЦКУ⁵³ и ее отряд разоружен. Знаю, что ее затем предали суду и суд ее оправдал. Что она делала после не знаю.

Возможно, что она и разгоняла советы, но надо знать, какие. Иные заслуживали более, чем разгона. Вела она себя, по-моему, не хуже, а лучше, чем многие из великодушных советских деятелей, трусливо бежавших, захватив пожитки и семьи, задолго до пришествия немцев (напр<имер>, Одесский совдеп, Кременчугский, Константиноградский и т. д. и т<ому> под<обное>). Есть в ней что-то вырожденское, известная двойственность натуры, но ничего крупно пакостного за ней не знаю.

Антонов⁵⁴.

Не менее красноречиво звучало и заявления бывшего комиссара Екатерининской железной дороги, левого эсера Н. Л. Стамо: «Я должен отметить боевую дисциплинированность этого (Никифоровой) анархического отряда, что в значительной степени объясняется тем, что тов. Никифорова, не в пример многим начальникам отрядов, всегда лично участвовала в боях и вела аскетический образ жизни. <...> проверяя эти слухи на местах, подтверждения их я не нашел, так говорили об аресте председателя Александровского Совета и разгоне этого Совета товарищем Никифоровой, на деле же оказалось, что т. Никифорова выступила в защиту Совета, а председатель Ал<ександровского> Совета был ею фиктивно арестован, дабы спасти его из рук разбушевавшейся толпы. Также и вопрос о контрибуции с Ореховского Совдепа, тогда как

этот совдеп был организован т. Никифоровой и поддержан в своей борьбе с местной буржуазией, помещиками и кулачеством, на каковых и была наложена Советом Ореховским контрибуция»⁵⁵. Ссылаясь на показания Стамо, Маруся утверждала, что Орехово представляло из себя «определенное контрреволюционное гнездо»: дескать свидетель «ставит мне в заслугу, что оно было разрушено Советом, организованным при моем содействии. Он кончает указанием на мою беспощадную борьбу с немцами и на подавление крупной и мелкой, сильной на Украине буржуазии. В виду того, что свидетели опровергли все слухи против меня, на основании которых я обвинялась я требую прекратить моё дело за отсутствием состава преступления»⁵⁶.

В ответ на обвинение Никифоровой в угрозах в адрес председателя Елисаветградского совдепа М. Л. Сироты, Г. Ф. Лапчинский, бывший народный секретарь УССР по судебным делам, дал негативную характеристику этому человеку, уличив его в провале эвакуации Елисаветграда и бегстве из города во время наступления германо-австрийских войск, находившихся достаточно далеко. Он же указал, что вскоре после этого созданный Сиротой отряд елисаветградцев также бежал из Кременчуга, бросив переданные под его охрану банки⁵⁷.

Свидетели, защищавшие Никифорову, ссылались также на итоги расследования, проведенного в Таганроге. Лапчинский, в частности, указывал, что никаких показаний, подтверждающих вину Никифоровой, дано не было: «Комиссия оповестила во всеобщее сведение, что все лица, которые могут дать показания от деяний Никифоровой, должны явиться в комиссию. Несмотря на то, что это время в Таганроге находилось много всяких отрядов, целый ряд ответственных советских деятелей Украины Донецкого бассейна и Одесской обл<асти>, а также ряд исполнительных комитетов эвакуированных Советов, и я, в течение целого дня находясь среди этих людей, толпившихся в помещении ЦИК Украины, лично обращался почти к каждому с предложением сообщить в комиссию имеющиеся по делу Никифоровой сведения. Почти все при ближайшем рассмотрении оказывались не обладающими никакими определенными данными о преступлениях Никифоровой, но передающими только слухи о всяких ее преступных, грабительских или самоуправных действиях»⁵⁸. В вопросе о боеспособности и моральном облике отряда Никифоровой Лапчинский также дал оправдательные показания:

«Я лично, великолепно знакомый с ходом партизанской борьбы на Украине – ибо проделал все наступление с [М. А.] Муравьевым от Полтавы до Киева, и у меня на глазах развернулись все пагубное для престижа советской власти хозяйничанье в «завоеванных» областях всяких военачальников, а затем их отступление, вынес определенно-твердое убеждение,

1) что отряд Никифоровой по своему идейному и боевому значению был скорее выше среднего (это, конечно, скромный уровень),

2) что главной причиной громкой популярности имени Никифоровой было то, что она была единственною женщиною-военачальницею (много сальных шуток по сему поводу я слышал), притом женщиною с большими странностями (психическими и физиологическими – последнее было общеизвестно), что отряд сражался под черным флагом.

3) Несомненно некоторую роль в озлоблении общего мнения (хотя мне попадались часто и восторженные поклонники якобы героизма и военных способностей Н.) против Н. сыграли бандиты из самых опустившихся отрядов, которым иногда доставалось за их подвиги от Никифоровой <...>⁵⁹.

Этими обстоятельствами Лапчинский объясняет и оправдательный приговор Следственной комиссии в Таганроге, полагая, что действия Никифоровой были скорее нормой, чем нарушением правил деятельности красных отрядов: «Наш приговор может показаться странным хотя бы с той стороны, что непонимание обязанностей революционного отряда к местным советским властям и неуважение к ним следствием ведь было в итоге обнаружено. Но чтобы понять нас в то время, надо понять, что не было почти ни одного захудалого командира, который бы не кричал на местных агентов Советской власти, не угрожал расстрелом за «контрреволюционность» и «буржуазность» тому или иному местному исполкому или ревкому, не поносил площадною бранью советских комиссаров. Борьба с «буржуазностью», с «обывательским большевизмом» была таким же лозунгом дня у этих «инструкторов Советской власти», как называл себя, например, Муравьев, как и лозунг «вся власть Советам». Только единицы умели находить достойный тон, только десяток отрядов из нескольких сотен был свободен от такого захватского пренебрежения к местным властям. Не только местным Советам или советским комиссарам, но и представителям центральной Советской власти Украины приходилось выслушивать от любого коменданта любого эшелона высказывания, вроде «плевать нам на «Народный секретариат», «мы никого не признаём кроме Антонова (или Муравьева, или Саблина и т.д.)», «мы самого Троцкого арестуем» и т. д. – и это от тех, кот<орые> называли себя большевиками»⁶⁰.

Действительно, не стоит исключать то обстоятельство, что среди хаоса отступления перед германо-австрийскими войсками весной – летом 1918 г. снабжение красных отрядов стояло на достаточно низком уровне. Впоследствии на судебном процессе МРТ в Москве об этом открыто заявила и сама Никифорова: «Целый ряд отрядов имеет поездка снабжения и каждый из отрядов получает и боевые припасы и снабжение с поездов, там, где они были, где не было, там товарищи голодали. Мои товарищи не служили за деньги, у нас не было жалования, получали только по 20 – 30 рублей в месяц для мелких надобностей, как пойти в баню и т.д. Получала я эти деньги с Александровского завода. Один раз я послала 10 тыс.

другой раз 15 тыс.»⁶¹. В этих условиях, конечно, многие из отрядов вынуждены были заниматься реквизициями, изымая все необходимое у населения или требуя снабжения от местных советов. Давая оценку ее действиям, важно иметь в виду и тот факт, что советская власть насчитывала лишь несколько месяцев своей истории, и правовое регулирование взаимоотношений между военными отрядами и местными органами власти не было отлажено настолько, чтобы избежать конфликтов и злоупотреблений.

Также не подтвердились, по словам Лапчинского, показания о взимании Никифоровой контрибуции в Екатеринославе и попытке расстрелять председателя совета. Во всяком случае, обвиняющая сторона не могла уличить Марусю. Указывал Лапчинский и на отсутствие результатов обыска ее поезда⁶².

Противоположную позицию занял ряд тогдашних руководителей Советской Украины (Г. Л. Пятаков, А. С. Бубнов). Они также ссылались на расследование деятельности Никифоровой, проведенное в Таганроге. Так, Пятаков отрицал проведение обыска комиссией Лапчинского и утверждал, что в ходе следствия не были опрошены некоторые свидетели, которых, правда, он не называл⁶³. В качестве фактов, уличающих Никифорову, им были названы результаты повторного обыска ее поезда, при котором были найдены ценные вещи, а также выводы новой Следственной комиссии, которая просуществовала недолго, а все ее материалы были утрачены при отступлении. Тем не менее, Пятаков утверждал беспорность выводов комиссии в том, что «Никифорова в страшной мере дискредитировала Советскую власть в целом ряде городов... и попросту является бандиткой, действовавшей под флагом Советской власти»⁶⁴. Эти показания подтвердил бывший народный секретарь Украинской Советской республики по военным делам А. Бубнов, присутствовавший на заседаниях Следственной комиссии в Таганроге. При этом в качестве уличающих Никифорову сведений он ссылался лишь на «отзывы» о ее действиях бойцов полтавско-таганрогского отряда А. Каска (левого эсера, бывшего председателя ревкома полтавского авиапарка), разоружавшего анархистов⁶⁵. Некоторые показания выглядят слишком общими, без ссылки на определенный источник информации. Среди них заявление бывшего члена ЦИК Донской Советской республики С. И. Сырцова: «В качестве члена ЦИК Донской области я несколько знаком с деятельностью «Никифоровой» [так в документе – авт.] в период пребывания ее в Ростове-н<a>-Д<он>у (апрель – начало мая 1918 г.).

Она и ее отряд совершенно не подчинялись указаниями и приказам местной советской власти. Ее отряд, наряду с отрядом М. Чередыняк проявил себя самым беспринципным бандитизмом.

Попытки отдельных представителей местного Совета воздействовать на Никифорову окончивались неудачей. Она держала себя с ними в высшей

степени вызывающе, не раз угрожала расправой и расстрелом (председателю Ростов-н/Д Совета Раб<очих> Деп<утатов> Васильченко и др.).

Во время отступления из Ростова (5 и 6 мая), вызванного полной небоеспособностью отрядов, Никифорова вела погромную против Совета агитацию, говоря, что Совет «продал» Ростов немцам, что всех советских надо «взять на мушку».

После отступления из Ростова Никифорова, узнав, что в Царицыне разоружают те отряды, которые оказались причастными к хулиганству и бандитизму, продолжала оставаться со своим отрядом между Тихорецкой и Батайском, нещадно грабила местное население, при местностях по жел<езной> дороге терроризировала железнодорожников. Эвакуация началась отправкой поезда с ценностями. [нрзб. слово] М. Никифоровой и Чередняком (с которым она находилась на время в тесном контакте) была направлена телеграмма по линии Владикавказской ж. д. с требованием к железнодорожникам разобрать путь для того, чтобы задержать поезд, якобы похищенный грабителями.

Отряд Никифоровой и Чередняка, находившийся в трех эшелонах все время пытались соединиться и действовать вместе и только благодаря чрезвычайным своевременным принятым мерам удалось их разъединить и тем свести на нет попытку захвата поезда с целью грабежа, каковая и была сделана возле Батайска»⁶⁶.

Другие свидетельства являются передачей чужих слов. Так, Блохин, бывший казначей при штабе Антонова-Овсеенко, утверждал, что об аресте Никифоровой Александровского совета он слышал из рассказа военного комиссара Александровска Крылова⁶⁷. Некоторые свидетели, как рабочий елисаветградского завода Эльворт С. Ягода, перечисляли ее преступления, но не указывали, были ли их очевидцами⁶⁸. Отметим, что многие свидетели действительно показывают в негативном свете бойцов Никифоровой: например, бывший член Елисаветградского совета Медик подтверждал факты реквизиции товаров и имущества из военных складов без санкции совета с последующим обнаружением их у спекулянтов⁶⁹. Б. Ярецкая, член ПЛСР и бывший сотрудник чрезвычайной комендатуры Ростова, также оказалась непосредственным свидетелем злоупотреблений Никифоровой: «Я присутствовала при том, как Никифорова угрожала расстрелять т. Сироту – бывш<его> Председателя Елисаветград<ского> Совдепа. Дело было таким образом. Она реквизировала в тот день много съестных припасов. Потом она прислала с матросом записку, чтобы Сирота ей выдал разрешение на право реквизиции 10 пудов конфет. Т. Сирота отказал. Через некоторое время является Никифорова, приставляет револьвер ко лбу Сироты, за неисполнение ее бумажки. Чем кончился этот инцидент, я не знаю. Она наметила еще целый ряд лиц, подлежащих, по ее мнению, расстрелу. Последнее она не успела выполнить, т. к. уехала»⁷⁰. Бывший руководитель

организации ПЛСР в Николаеве Новак свидетельствовал о наблюдаемом им повальном пьянстве бойцов Никифоровой. Правда, при этом он утверждал также, что она фактически предотвратила намечавшийся ее бойцами в этом городе разгром милиции, Совета и водочного склада⁷¹. Штабной работник Колонтаенко рассказал об имевшем место предложении со стороны бойцов Никифоровой продать ему броневики⁷².

Практически на все показания Никифорова дала опровержение, используя при этом сведения, говорившие в ее пользу. Информацию же, выставлявшую ее в негативном свете, она объясняла клеветой, ложными слухами и неприязненным отношением к себе со стороны свидетелей. Отметим, что в условиях Гражданской войны невозможно было провести полноценное расследование по данному делу. Следствие не обладало возможностями, например, обратиться за свидетельскими показаниями к жителям Елисаветграда и Александровска, где был отряд Никифоровой. Ведь в то время Украина не была еще полностью под контролем большевиков. Многие свидетели находились на фронтах или далеко от Москвы и потому не могли быть вызваны ни на допрос, ни на судебное заседание. В итоге, выдвинутое следствием обвинение было сформулировано достаточно гибко, без упоминания о грабежах. Никифорову обвинили «в вооруженном противодействии и дискредитировании Советской власти и в дезорганизаторской деятельности ее в деле обороны против внешних и внутренних врагов в опасный для революции момент»⁷³.

В конце октября 1918 г. Маруся обратилась с письменным заявлением в МРТ, потребовав прекращения дела «за отсутствием в моих деяниях состава преступления»⁷⁴. При этом она ссылалась на показания и заявления, данные в ее пользу и отрицала все предъявленные ей обвинения⁷⁵. Данное ходатайство не были принято во внимание и заключением следователя Ассарбага от 25 ноября дело передали в МРТ:

«ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По делу № 2601.

1918 года ноября 25-го дня, я, следователь Политического Отдела СЛЕДКОММОСКРЕВТРИБА, Ассарбаг, рассмотрев настоящее следственное производство, нашел:

1) Мария НИКИФОРОВА обвиняется в том, что будучи начальницей отряда во время контрреволюционных беспорядков и контрреволюционных выступлений в гор. Елисаветграде и Александровске она держала себя вызывающе по отношению к местным СОВДЕПАМ и дезорганизовала своими распоряжениями и действиями работу местных Совдепов, хотя и сама действовала, как стоящая на платформе советской власти. Свидетель ЯГОДА показывает (см. лист дела № 19), что когда отряд во главе с НИКИФОРОВОЙ прибыл в г. ЕЛИСАВЕТГРАД, то вызвал своими действиями, реквизицией продуктов интендантства, частных магазинов, общ<еств> потребителей и т. д., возмущение населения.

Расстреляла воинского начальника, забрала одно орудие и оружие оставленное гайдамаками вывезла и т.д. без ведома Советов даже с вооруженной угрозой против местного Совета. ПЯТАКОВ, член Центрального [Исполнительного] Комитета Украины, образовавши новую комиссию для разбора дела НИКИФОРОВОЙ по поручению Народного секретаря⁷⁶ Украины показывает (см. лист дела № 30): «комиссии удалось с очевидностью установить, что она, НИКИФОРОВА в страшной мере дискредитировала советскую власть в целом ряде городов, что она дезорганизовала очень часто оборону против немцев и белогвардейцев, что она своими действиями и поступками вынуждала очень много коммунистов сражаться против нее и тем самым являлась виновницей смерти многих товарищей коммунистов, что она занималась подлинными грабежами и попросту является бандиткой, действовавшей под флагом Советской власти. При обыске в вагоне НИКИФОРОВОЙ, произведенной комиссией, было обнаружено много серебряных изделий, сахару и т. д., факты с очевидностью устанавливающие, что НИКИФОРОВА занималась грабежами».

Показание БЛОХИНА проливают дальнейший свет на деятельность НИКИФОРОВОЙ. Она наложила помимо Совета вблизи г. Александровска на помещика какого-то имения контрибуцию на крупную сумму, причем Александровскому Совдепу в виде подарка поднесла незначительную часть полученной суммы. На протесты Совета она отвечала тем, что окружила Совет пулемётами и перестреляла членов Исполкома. Факт с достаточной ясностью показывающий и характеризующий дезорганизующую деятельность НИКИФОРОВОЙ. Показания члена ЦИК Донской Области СЫРЦОВА (см. л. д. 34) свидетельствуют о дальнейшем неподчинении НИКИФОРОВОЙ Советской власти во время пребывания ее в Ростове со своим отрядом и тут мы замечали такие же картины. Будучи в Елисаветграде она помимо Совета реквизировала раньше продукты и галоши, причём реквизированные вещи оказались после у спекулянтов, расстреливала бывшего военного начальника и сама лично приговорила к расстрелу председателя Совета Гуленецкого за неисполнение ее приказа. Такое поведение не могло не вызвать озлобление всех рабочих и вот, собравшись на митинг, рабочие завода Элварти⁷⁷ в количестве 5000 человек, потребовали НИКИФОРОВУ удалиться, иначе подвергли бы ее отряд артиллерийскому огню (л.д. № 36 и 37). Наложила контрибуцию на Ореховский Совдеп в размере 50000 рублей, а также агитировала против Советской власти, что каждый раз, после посещения ее тот или другой отряд красноармейцев последние предьявляли различного рода требования (показ<ания> КОЛОНТАЕНКО л.д. № 38).

2) Мария НИКИФОРОВА 20-го июня с/г. была арестована, привезена из Саратова в Москву, где была заключена в Бутырскую тюрьму. Постановлением Следственной Комиссии от 21 сентября она была освобождена из под стражи на поруки КАРЕЛИНА и АНТОНОВА.

Излагая об этом, следователь Ассарбаг ПОСТАНОВИЛ:

а) дело следствием закончить.

б) предъявить обвинение Марии НИКИФОРОВОЙ в вооруженном противодействии и дискредитировании Советской власти и в дезорганизаторской деятельности ее в деле обороны против внешних и внутренних врагов в опасный для революции момент.

в) дело передать через Коллегию Обвинителей в Президиум МОСКВЕВТРИБА на предмет предания суду НИКИФОРОВОЙ.

На Судебное заседание подлежат ВЫЗОВУ:

ОБВИНЯЕМАЯ – Мария НИКИФОРОВА (адрес: Кудринская пл., д. 1, кв. 20.)»⁷⁸

Ситуация, имевшая место на следствии, повторилась и во время процесса, проходившего в Московском Революционном Трибунале (МРТ), заседания которого состоялись 21 и 23 января 1919 г. Обвинителем против Никифоровой выступил Рубен Павлович Катанян, впоследствии – один из известных советских прокуроров и руководителей ВЧК-ОГПУ. Защитником был М. Гурьев. Руководил процессом председатель МРТ Г. Свободин. Выносили приговор заседатели Ф. И. и В. Д. Морозовы, И. Я. Осинчук, Н. Н. Першин, И. Д. Панелев, Я. Г. Попов. Запасным заседателем был назначен А. П. Савин⁷⁹.

С самого начала процесса Никифорова заявила о своей невинности: «Мне кажется, что вымысел так безнравственен и очевиден, что разбирать его и уделять время не стоит. Мне сказали, что, если Вы оружием, то мы Вас ложью, и ложь победила и я сижу перед Вами. Мне кажется, что клевета так очевидна, что мне больше сказать нечего»⁸⁰. Свидетели обвинения на процессе не присутствовали. Многие же из письменных показаний были охарактеризованы обвинением, как сведение личных и «партийных» счетов: «Я безусловно признаю правильным здесь указание, которое должна сделать защита, и то указание, которое было сделано Марией Никифоровой, что очень многие из свидетелей, показания которых оглашались здесь, пристрастны, и в настоящем случае, чтобы прикрыть себя, свою подлость, иначе не могу сказать <...> Этих свидетелей и тех, которые позволили себе говорить неправду перед трибуналом или следственной властью, которые этой неправдой дискредитировали Советскую власть, допустили возможность давать показания, что видели Марию Никифорову неоднократно пьяной и т. д., я их отбрасываю, не только потому, что они явно пристрастны, а потому, что нам, работникам при Революционном Трибунале, было бы недостойно останавливаться на этих показаниях»⁸¹. Эту ситуацию подчеркнул защитник, оценивший судебный процесс, как «смешной». Он указывал на беспочвенность обвинений в ситуации, когда полностью отсутствовали свидетели, которые могли подтвердить, что они видели злодеяния Никифоровой. Имеющиеся же показания были основаны преимущественно на слухах. «Но,

товарищи, <...> все это дело вызывает только состояние какой-то длительной улыбки, и больше ничего. Почему? Вот почему. Потому что здесь в деле нет ни одного свидетеля. <...> Получается, что в данном деле нет ни единого ни достоверного, ни недостоверного свидетеля, нет абсолютно никакого материала, заслуживающего быть принятым в уважение»⁸², – делал он вывод. По мнению Гурьева, МРТ был обязан реабилитировать Никифорову, распространив широко заявление о ее невиновности. Были зачитаны уже имевшиеся в деле письменные и устные показания. На процессе были несколько человек, ходатайствовавших за Никифорову. Среди них – анархисты (А. А. Карелин, И. Школьник), а также комиссар Революционного комитета в Александровске (с ноября 1917 г.) Мурашев. Он положительно характеризовал Марусю и отрицал факты преступлений населения против нее во время первого посещения города⁸³. Маруся в ходе процесса смогла подробно развернуть свою версию практически всех поступков, инкриминируемых ей в качестве преступлений. Свидетельства обвинения она отрицала, объявляла клеветой и происками врагов советской власти и своих личных недоброжелателей, либо недостоверными слухами. Высокопоставленные же свидетели осторожно характеризовались ею как наивные люди, введенные в заблуждение. Елисаветградское восстание, направленное против ее отряда, Маруся охарактеризовала как результат действий контрреволюции – меньшевистско-эсеровского «Временного комитета революции», местной буржуазии, гайдамаков и белого офицерства⁸⁴. Можно было усомниться в достоверности сказанного ею, но невозможно было опровергнуть. Попытки сослаться на газеты, свидетельствующие о событиях в Елисаветграде, не дали результата. Защитник Гурьев вполне резонно заметил, что «сведения почерпнуты из газет и речи эти не стенографированы, вероятно»⁸⁵. Ввиду недостатка прямых свидетельств, обвинение прибегло к использованию личного авторитета своих свидетелей. Так, в ответ на отвод показаний Пятакова, сославшегося на погибшие документы Следственной комиссии, Гурьев был обвинен в стремлении опорочить известного революционера: «Я просил бы в виду того, что защитник старается опорочить показание, <...> подтвердить, что Пятаков, старый партийный товарищ, давным-давно подвергавшийся всяким преследованиям и сейчас один из действительно подлинных борцов за освобождение Украины. <...> я считаю, что это восклицание, которое раздавалось со стороны защитника, имеет целью дискредитировать показание»⁸⁶. Фактически, главным критерием достоверности показаний, по мнению Катаяня, были заслушанные свидетелей перед РСДРП(б): «Но вместе с тем из всех свидетельских показаний, которые были оглашены, я выбираю самые безусловно заслуживающие доверия, показания лиц, имеющих определенный партийный стаж, партийное прошлое, которые пытались здесь дискредитировать, сделать этого нельзя, потому что оно само за себя говорит. В частности,

товарищи судьи, я буду базировать свое обвинение на показаниях Пятакова, Сырцова и Бубнова. Если я отношусь с таким безусловным доверием к показаниям Пятакова, это не потому, что мне могло бы импортировать то, что он сейчас занимает высокий пост, а именно потому, что он старой партийной школы, старый революционер»⁸⁷. Доказательства вины подсудимой он извлекал и из сказанного ей самой на процессе, используя ее неоднократные признания в готовности лично расстрелять тех, кто, по ее мнению, являлся врагами революции.

Очевиден показательный характер судебного процесса над М. Г. Никифоровой. В ситуации восстановления своего контроля над Украиной большевикам необходимо было подчеркнуть невозможность возврата к хорошо запомнившимся местным жителям событиям 1918 г. с реквизициями, установлением диктатуры добровольческих военных отрядов над населением и т. п. Об это открыто заявил Р. Катанян: «долг каждого, повторяю, заключался в том, чтобы воспоминание об этой советской власти оставалось в душах тех, которые остаются на юге, чистым, светлым, чтобы мысль о Советской власти была той прекрасной мечтой, которую хранил бы в своей душе каждый из оставшихся там в плену, под игом немец или белогвардейцев <...> И вот те, которые дискредитировали идею Советской власти, которые проявляли недостойную деятельность, проявляли себя недостойными сотрудниками Советской власти, своими действиями позорили эту идею, своей деятельностью точно хотели показать, что сотрудники Советов ничем не отличаются от бывших царских урядников, грабителей и бандитов. Они должны, конечно, понести достойное наказание. <...> И вот одним из деятелей, начальных деятелей того времени является подсудимая Мария Никифорова. <...> И мне кажется, что ваш приговор, который заключал бы в себе порицание и вместе с тем воспрещение подсудимой Марии Никифоровой занимать ответственные посты на всей советской территории, будет единственным способом <...> для того, чтобы оберечь Советскую власть, не дать возможности врагам Советской власти на неуравновешенности определенных натур строить свою контрреволюционную агитацию»⁸⁸. Ввиду устоявшейся репутации Маруси, оправдательный приговор было вынести невозможно. Она была слишком яркой фигурой, на примере которой следовало продемонстрировать стремление советской власти установить законность. В связи с этим показателен тот факт, что материал об итогах и ходе процесса был напечатан в газете «Правда» – центральном органе РСДРП(б)⁸⁹. Но вместе с тем нельзя было вынести и слишком суровый приговор. Прежде всего, доказательная база была явно недостаточна для этого. Фактически суд не имел возможности даже основательно опровергнуть показания Никифоровой. Во-вторых, сама политическая обстановка, сложившаяся на Украине и в России в конце 1918 – начале 1919 гг. была такова, что большевикам было невыгодно портить отношения с советскими анархи-

стами, которые выступали их союзниками. Особенно это касалось Украины, где в это время действовали многочисленные анархистские формирования, самое крупное из которых возглавлял Н. И. Махно. Поэтому требования Катаняна в отношении приговора были достаточно умеренны: «И мне кажется, что ваш приговор, который заключал бы в себе порицание и вместе с тем воспрещение подсудимой Марии Никифоровой занимать ответственные посты на всей советской территории, будет единственным способом <...> чтобы оберечь Советскую власть, не дать возможности врагам Советской власти на неуравновешенности определенных натур строить свою контрреволюционную агитацию».⁹⁰

Это противоречие между приговором, изначально сформулированным обвинением и сложившейся репутацией Никифоровой подметил Гурьев, открыто заявивший: «Когда я прочитал заключение по настоящему делу, я увидел, что обвинение, которое предъявляется моей подзащитной, крайне серьезно. И если принять во внимание, что эти обвинения подтвердятся, конечно, смешно было бы наказывать инкриминируемые деяния путем выражения порицания. Тут дела такие, что порицания, порицание во всяком случае едва ли может рассматриваться, как наказание. В сущности говоря, когда читаешь о подвигах Марии Никифоровой, ей Богу, становится страшно. А вот, когда познакомишься немного с делом, становится немного смешно. <...> А тут обвинение такое, что — что же, какому наказанию в революционное время можно подвергнуть бандита, который действует не одинолично, не с шайкой, а с целым отрядом, причем объектом его нападения являются не единичные частные лица, а, страшно сказать, города. Такой ужасный бандит, что равного трудно найти. Представьте себе. В одном месте в деле есть упоминания о том, что какой-то комиссар или во всяком случае лицо, занимающее большую командную должность, узнав о том, что, — о, ужас, — Маруся Никифорова в 30 верстах от города, посылает нарочного, чтобы немедленно произвести мобилизацию, а то городу грозит опасность чуть ли не быть сравненному с землей. Я думаю, что такой бандит с вашей точки зрения заслуживает единственного наказания — смертной казни, — не с моей точки зрения, потому что я вообще противник смертной казни, — но с вашей точки зрения. В революционное время для такого бандита какое же порицание?»⁹¹

Приговор, вынесенный в январе 1919 г., был весьма мягким и даже оправдательным в одном из пунктов обвинения: «Московский Революционный Трибунал в заседании своем от 21 и 23 января 1919 года, заслушав дело граж<данки> Марии Григорьевны НИКИФОРОВОЙ, признает виновной во 1-х в дискредитировании Советской власти своими поступками и поступками ее отряда в некоторых случаях, во 2-х в неподчинении некоторым Советам на местах, т.е. в сфере военных действий.

По обвинению ее в грабежах и незаконных реквизициях считать недоказанным обвинением,

Революционный Трибунал постановил считать виновной по 2-м пунктам обвинения – не заслуживающей снисхождения и ПРИГОВОРИЛ: граж<данку> Марию НИКИФОРОВУ лишить права занимать ответственные посты сроком на шесть месяцев со дня приговора. Приговор опубликовать в печати»⁹².

Дело Марии Никифоровой, безусловно, является одним из ярких фактов истории становления советской юстиции и однопартийной политической системы. Правовые нормы здесь, очевидно, уступали понятиям политической и военной целесообразности, определявшими как приговор, так и ход процесса, подбор свидетелей и степень доверия по отношению к их показаниям. В тех условиях анархисты еще являлись важными политическими союзниками, с которыми приходилось считаться. Насилие же над гражданским населением, игнорирование сложившихся ранее правовых норм, применение, пока еще ограниченное, террора в отношении «классово чуждых» и политически враждебных элементов были настолько заметным явлением, что детальное и всестороннее расследование этой проблемы привело бы к откровенной дискредитации многих советских военных и государственных деятелей. Гораздо проще было провести процесс, создающий резонанс и бьющий не по правящей партии, а по достаточно одиозным и известным фигурам из числа анархистов. Важно было не само наказание, а резонанс, вызванный этим событием. В этих условиях и категоричный, далеко не во всем обоснованный тон обвинения, намеренное оставление без внимания ряда показаний, скорый и сравнительно мягкий приговор, были единственным возможным выходом из сложившейся ситуации.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.102. Департамент полиции. Особый отдел. Оп.1909. Д.275. Л. 32.

² Центральный государственный архив Московской области (ЦГАМО). Ф.4613. Оп.1. Д.135. Л. 5.

³ Там же. Л. 158.

⁴ ГАРФ. Ф.102. ДП. Д-7. Оп.1907. Д.5604. Л. 16; ГАРФ. Ф.102. ДП-5. Оп.1908. Д.19. Ч.13. Л. 15.

⁵ Чоп В. Маруся Никифорова // URL: <http://www.makhno.ru/lit/chop/2.php>

⁶ Никитина Е. Д. Новинское освобождение. М., 1932. С. 40.

⁷ Там же. С. 112.

⁸ Беленкин Б. И., Леонтьев Я. В. «Черная тень революции» // Отечественная история. 2002. № 4. С. 170; О деятельности данной группы анархистов-коммунистов см. также: ГАРФ. Ф.102. ДП. Особый отдел. Оп.1907. Д.80. Ч.69.

⁹ ГАРФ. Ф.102. ДП. Д-7. Оп.1907. Д.5604. Л. 16; ГАРФ. Ф.102. ДП-5. Оп.1908. Д.19. Ч.13. Л. 15; ГАРФ. Ф.102. ДП. Особый отдел. Оп.1909. Д.275. Л. 32.

- ¹⁰ Об этом побеге см. подробнее: *Кан Г. С.* Наталья Климова. Жизнь и борьба. СПб., 2012. С. 89–96.
- ¹¹ См., например: *Чоп В.* Указ. соч.; Archibald M. Atamansha., 2007. P.5–6.
- ¹² ГАРФ. Ф.102. ДП. Особый отдел. Оп.1909. Д.275. Лл. 116, 121, 140, 150, 166, 171, 217об., 227об.
- ¹³ ЦГАМО. Ф.4613. Оп.1. Д.135. ЛЛ. 88–88об,110.
- ¹⁴ *Беленкин Б. И., Леонтьев Я. В.* «Черная тень революции». С. 171; *Чоп В.* Указ. соч.
- ¹⁵ Там же; *Беленкин Б. И., Леонтьев Я. В.* «Черная тень революции». С. 171; ЦГАМО. Ф.4613. Оп.1. Д.135. ЛЛ. 13,169; *Ермаков В. Д.* Анархистское движение в России: история и современность. СПб., 1997. С. 77-78.
- ¹⁶ *Ермаков В. Д.* Анархистское движение в России... С. 77; *Чоп В.* Указ. соч.
- ¹⁷ *Чоп В.* Указ. соч.
- ¹⁸ ЦГАМО. Ф.4613. Оп.1. Д.135. ЛЛ. 28об.–29.
- ¹⁹ *Ермаков В. Д.* Анархистское движение в России... С. 78; *Чоп В.* Указ. соч.
- ²⁰ *Беленкин Б. И., Леонтьев Я. В.* «Чёрная тень революции»... С. 173.
- ²¹ *Штейнберг И. З.* Харьков – Таганрог – Ростов-на-Дону. (Из поездки на Юг) // Партия левых социалистов-революционеров: Сб. документов и материалов. / Сост. Я. В. Леонтьев, М. И. Люхундаев. Т.2. Ч.1. М., 2010. С. 460.
- ²² *Чоп В.* Указ. соч.
- ²³ См.: *Андрей. [Андреев А. Н.]* Возле фронта (Страничка из истории) // Анархия. № 61. 1918. 17 мая. С. 2–3; *Махно Н. И.* Крестьянское движение на Украине. 1918 – 1921: Документы и материалы. М., 2006. С. 46-48.
- ²⁴ *Смирнова В. К.* Анархисты на Дону: 1905–1921 гг. Автореферат дисс... канд. ист. наук. Ростов-на-Дону, 2003. С. 28.
- ²⁵ ЦГАМО. Ф.4613. Оп.1. Д.135. Л. 24.
- ²⁶ Там же. Л. 22.
- ²⁷ Там же. ЛЛ. 22об.–23.
- ²⁸ Там же. Л. 24 об.
- ²⁹ Там же. Л. 34 об.
- ³⁰ Там же. Л. 158.
- ³¹ Там же. Л. 24.
- ³² Там же. Лл. 36–36об.
- ³³ Там же. Лл. 9,159.
- ³⁴ ЦГАМО. Ф.4613. Оп.1. Д.135. Л. 35.
- ³⁵ Там же. Лл. 90–91.
- ³⁶ ЦГАМО. Ф.4613. Оп.1. Д.135. Л. 71.
- ³⁷ *Трифонов Ю.* Собрание сочинений Т.4. М., 1987. С. 78–79.
- ³⁸ *Грицкевич А. П.* Борьба за Украину 1917–1921. Минск, 2011. С. 108–109.
- ³⁹ ЦГАМО. Ф.4613. Оп.1. Д.135. Л. 35.
- ⁴⁰ *Махно Н. И.* Крестьянское движение на Украине... С. 732.
- ⁴¹ ЦГАМО. Ф.4613. Оп.1. Д.135. Л. 14.
- ⁴² *Яценко В. Г.* Антибольшевистское повстанчество в Нижнем Поволжье и на Среднем Дону: 1918 – 1923. М., 2008. С. 14–18.
- ⁴³ ЦГАМО. Ф.4613. Оп.1. Д.135. Лл. 10–10об.
- ⁴⁴ Там же. Л. 35.
- ⁴⁵ Там же. Лл. 15–16.
- ⁴⁶ Там же. Лл. 7,8.
- ⁴⁷ Там же. Лл. 68–69,79–80.
- ⁴⁸ Там же. Л. 76.
- ⁴⁹ Там же. ЛЛ. 76,79.

- 50 Анархисты. Документы и материалы. 1883 – 1935. Т. 2. М., 1999. С. 168–169, 188, 193, 198.
51 ЦГАМО. Ф.4613. Оп.1. Д.135. Л. 93.
52 Там же. ЛЛ. 71, 89–91, 92.
53 Правильно: ЦИКУК.
54 ЦГАМО. Ф.4613. Оп.1. Д.135. ЛЛ. 18–20.
55 Там же. Л. 105.
56 Там же.
57 Там же. Л. 21 об.
58 Там же. Л. 22об.
59 Там же Л. 24–24об.
60 Там же. Л. 24об.
61 Там же. Л. 167.
62 Там же. Л. 23–23об., 24.
63 Там же. Л. 36.
64 Там же. Л. 36об.
65 Там же. Лл. 36об.–37.
66 Там же. Лл. 40–40об.
67 Там же. Лл. 38–39об.
68 Там же. Л. 25об.
69 Там же. Л. 41.
70 Там же. Л. 42.
71 Там же. Лл. 43–43об.
72 Там же. Л. 45.
73 Там же. Л. 119.
74 Там же. Л. 99.
75 Там же. ЛЛ. 99–110об.
76 Следует читать: секретариата.
77 Следует читать: Эльворт.
78 ЦГАМО. Ф.4613. Оп.1. Д.135. ЛЛ. 155–159.
79 Там же. Л. 147.
80 Там же. Л. 150.
81 Там же. Л. 181.
82 Там же. Лл. 188, 190.
83 Там же. Л. 171.
84 Там же. Л. 155.
85 Там же. Л. 154.
86 Там же. Л. 157.
87 Там же. Л. 181.
88 Там же. Л. 180.
89 Правда (Москва). 1919. 25 января.
90 ЦГАМО. Ф.4613. Оп.1. Д.135. Л. 187.
91 Там же. Лл. 187–188.
92 Там же. Л. 145.
-

ПЕРЕЖОГИН, КАРАЕВ, ЛАВРОВ И ДРУГИЕ: АНАРХО-ПАРТИЗАНЩИНА В СИБИРИ В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (ВЕСНА – ЛЕТО 1918 Г.)

А. А. Штырбул (Омск)

Крайне левый фланг политического спектра Сибири в 1917–1918 гг. занимали анархисты, организации которых, имевшие здесь определенные традиции в предыдущий период, но практически повсеместно тогда разгромленные, вновь возникли после Февральской революции. Весной 1917 г. они появились в Томске, Иркутске, Черемхово, Чите. Анархисты представляли интересы люмпенизированных и маргинальных слоев города, городских поселений (главным образом, приисковых поселков) и, отчасти, люмпенов деревни. Влияние анархистов в Сибири весной 1917 г. было относительно незначительным, но в течение года оно постепенно нарастало вместе с нарастанием недовольства в низах общества.

К концу 1917 г. анархистских организаций всех направлений (не считая толстовских) в Сибири было уже 17 (в 10 населенных пунктах); весной 1918 г. не менее 20 (в 17 населенных пунктах). Подсчет участников анархистского движения, количественного состава анархистских оргобразований (групп, лиг, федераций и т. п.) Сибири весьма затруднен, так как организационные принципы анархистов заметно отличались от соответствующих принципов большинства существовавших тогда партий. Например, редко встречалось фиксированное членство с выдачей членских билетов. Участниками анархистского движения в 1917 г. считались люди, разделявшие идеи анархизма (иногда – лишь самые основные: «анархисты по недоразумению, – по нетерпению, – по настроению, – по инстинкту»¹), посещавшие анархистские клубы и собрания, участвовавшие в анархистских политических акциях и вносявшие взносы-пожертвования (как правило, по подписному листу и нерегулярно). Поэтому подсчет количественного состава анархистов Сибири может носить

лишь приблизительный и, в конечном итоге, оценочный характер с опорой на некоторые отрывочные цифровые количественные данные, которые удалось разыскать в источниках. Несмотря на отсутствие количественных данных по таким центрам анархистского движения в Сибири, как Красноярск и Чита, а также по ряду небольших организаций (Тайга, Анжерка, Хорогочинские прииски, Новониколаевск, Камень, села Буерак и Перово, – где количество участников могло составить от нескольких человек до нескольких десятков в каждом населенном пункте), можно приблизительно, в порядке оценки, но с опорой на имеющиеся цифровые данные по таким крупным центрам сибирского анархизма того периода, как Томск, Иркутск, Якутск, Черемхово, предположить, что осенью 1917 – весной 1918 г. в Сибири (без Дальнего Востока) количество анархистов всех направлений и разных степеней убежденности (от «скороспелых» до идейных), могло колебаться в пределах 3000 – 5000 человек, при этом количество идейных, убежденных анархистов, видимо, не превышало 1000. Подавляющее большинство анархистов Сибири в этот период стояло на революционных позициях, выступало за свержение Временного правительства и, в той или иной мере, поддерживало Советы. В течение почти всего 1917 г., вплоть до декабря, анархисты в Сибири не издали ни одной газеты; с декабря 1917 по май 1918 г. выходили (нерегулярно) три газеты: «Сибирский анархист» (Красноярск, декабрь 1917 – март 1918); «Анархист» (Новониколаевск, март 1918); «Бунтовщик» (Томск, апрель – май 1918). Возникли анархистские клубы².

Сибирский писатель П. П. Петров (в 1917 – 1919 гг. эсер-максималист и активный участник революционных событий) в автобиографическом романе-хронике «Половодье» так описывал осенние (1917 года) будни клуба иркутских анархистов, в котором он сам иногда бывал, и который обыватели прозвали «Волчьим гнездом»:

«Собственно, это был кабачок – нечистоплотная харчевня, притон. (...) Здесь были волосатые и стриженные люди. Но все они носили на груди черные пятиконечные звезды. Шинели, студенческие тужурки и бровровые воротники мирно уживались в этом удушливом погребке. Внимание свежего посетителя привлекало черное, во всю стену, знамя с надписью: «Разрушимте, братья, дворцы и кумиры».

(...)

Плешивый человек выкинул вперед руку с бомбой и плачущим голосом выкрикнул:

– Друзья! Слово имеет идейный вождь федерации «Буревестник».

За столом оживились. Где-то свалили посуду. За прилавком взвизгнула женщина.

– Друзья! – продолжал человек голосом разбитой чугунки. – Федерация анархистов объявляет лигу свободной любви под именем «Черный

коршун». Все женщины отныне должны принадлежать всем мужчинам. Довольно буржуазным развратникам пожирать сливки.

За прилавком заплодировали женщины. Поднялся неистовый шум. Казалось, что рушатся на голову тяжелые потолки»³.

В период установления советской власти в Сибири, наряду с типичными отрядами Красной гвардии, стали возникать и анархистские красногвардейские отряды: вооруженные формирования, состоявшие из рабочих, деклассированных элементов (в том числе уголовных) и бывших политссыльных (преимущественно анархистов). Эти отряды, как правило, не были чисто анархистскими по составу. В них входило много беспартийных, а также отдельные представители других партий. Но командование и ядро этих отрядов было анархистским, что часто и определяло их политическое лицо и поведение. Возникли и чисто анархистские по составу дружины типа московской «черной гвардии». Поскольку анархисты в этот период в своем большинстве стояли на платформе II Всероссийского съезда Советов, то эти отряды, фактически, вошли в состав советских войск как неотъемлемая, хотя и своеобразная их часть, а точнее (в большинстве случаев) головная боль новой власти.

Весной 1918 г. советская власть, отвечая на безответственные действия анархистов (в первую очередь, в Москве), попыталась поставить их под контроль. Там, где это не удавалось сделать мирными средствами, в ход шла военная сила. В Сибири наблюдались в целом практически те же процессы, что и в центре России. Так, одним из первых своих приказов Сибирский военный комиссариат в середине апреля 1918 г. попытался пресечь процесс создания местными анархистами своих особых отрядов⁴. В апреле же был временно разоружен черемховский красногвардейский отряд анархиста Д. М. Третьякова⁵, посланный в марте 1918 г. в Троицкосавск для подавления контрреволюционного мятежа, выполнивший задание, но, по словам одной из советских газет, сделавший при этом «много грязного и позорного»⁶. Однако большинство созданных в Сибири ранее анархистских отрядов продолжало существовать.

В конце 1917 – первой половине 1918 г. в Сибири возникло и действовало более 10 таких отрядов. Среди их командиров – как неизвестные, так и, возможно, некоторые известные уважаемому читателю фамилии: Третьяков, Каландаришвили, Буйских, Грайцер, Перцев, Карасев, Кожан, Шатило, Новоселов, Рыжко (Рожко), Орлов, Пережогин, Караев, Лавров. Это были разные по характеру и поведению люди, и некоторые из них зарекомендовали себя как преданные делу революции командиры, чего нельзя сказать о других. О трех последних деятелях, к которым у современников и историков больше всего вопросов, в основном и пойдет речь в данной статье.

Ефрем Пережогин происходил, по некоторым данным, из семьи потомственного забайкальского казака. В 1917 г. – начале 1918 г. он на-

ходил в Иркутске, наводненном местными и бывшими ссыльными анархистами. Вел агитационную работу в среде матросов Байкальской флотилии⁷. В дни установления советской власти в Иркутске с группой приверженцев начал формирование анархистского отряда типа отрядов московской «черной гвардии». На военной форме пережогинцев, как потом и у бойцов некоторых других анархистских отрядов, имелся важный элемент анархистской символики: черная звезда в качестве шеврона на левом рукаве – «знак анархического интернационала (пять концов – пять частей света)»⁸.

Вот как описывает П. П. Петров вождя анархистских боевиков Иркутска Перехватова, реальным прообразом которого является Е. Пережогин:

«На поясе у него, поверх длинной кавалерийской шинели, болтались три бомбы, наган и шашка. Поверх всего этого оснащения на эфесе шашки висела огромная трубка и кисет, вмещающий не меньше килограмма махорки. Свирепый сивый чуб гроздью свисал из-под лихого картуза и закрывал почти всю правую щеку. Пышные белые бакенбарды дополняли воинственный вид боевика «буревестников»⁹.

В марте 1918 г. в Забайкалье активизировалась известная еще с января группировка белых под командованием атамана Г. М. Семенова. Возник Забайкальский (Даурский) фронт. В составе его войск приняли участие в боях с семеновцами и анархисты. В своем большинстве малобеспособные из-за того, что, по словам военного специалиста, их «трудно было уложить в рамки боевой дисциплины», они доставляли массу хлопот командованию фронта. Кроме того, анархисты наносили политический вред тем, что грабили бурятские храмы – дацаны и забирали скот у бурят, чем настраивали местное население против советских отрядов. 29 мая в Первом Аргунском полку Красной армии была принята резолюция против дезорганизаторской деятельности анархистов и по поводу очередного грабежа в Цуголе. Солдаты и командование полка потребовали предать суду виновных и заявили, что повторение подобных поступков они больше допустить не могут, и обращаются «к сознательным товарищам-анархистам беспощадно уничтожать всех тех, которые своими поступками позорят вашу честь»¹⁰. По свидетельству участника событий беспартийного командира Я. П. Жигалина, командующий фронтом С. Г. Лазо негативно, но, при этом сдержанно, отзывался о красногвардейских отрядах, находившихся под влиянием и командованием анархистов в Забайкалье¹¹.

О каких конкретно отрядах в большинстве случаев здесь идет речь, в данном случае установить трудно из-за чрезвычайно малого количества сохранившихся документов, относящихся к 1918 г. Воспоминания же зачастую противоречивы, особенно, когда дело касается крупнейшего из анархистских отрядов, возглавляемого Н. А. Каландаришвили. Ветеран борьбы за власть Советов Д. С. Шилов, характеризуя этот отряд,

подчеркивал, что в нем дисциплина была низка, а мародерство процветало. Каландаришвилицы, по свидетельству Шилова, были, наравне с пережогинцами, караевцами и другими анархистами, носителями партизанщины, виновниками провала ряда операций. Исследователь и один из ведущих биографов «Дедушки» В. Е. Кожевин, опираясь на воспоминания каландаришвилицев, напротив, представляет их отряд читателю как одно из самых революционных и дисциплинированных подразделений Забайкальского фронта¹².

Как бы то ни было, кавалерийский дивизион Каландаришвили одним из первых анархистских отрядов Сибири вступил в вооруженную борьбу на фронтах разгоравшейся гражданской войны. В воспоминаниях соратника «Дедушки», М. В. Церетели, написанных десятки лет спустя, называются следующие этапы пути отряда: Онон, Дацан, Верхний и Нижний Шаранай, Бырка, Хада-Булак, Борзя; затем, в июне 1918 г., ЦИК Советов Сибири отозвал Каландаришвили в Иркутск¹³.

Данный кавдивизион Нестор Каландаришвили начал формировать по поручению Иркутского Совета 19 февраля 1918 г., и уже к апрелю было сформировано несколько эскадронов во главе с анархистами А. Кожаном, Г. Рожко, С. Карасевым и А. Караевым. В отряд, наряду с анархистами и беспартийными, вошло не менее 7 большевиков и несколько левых эсеров; заместителем командира дивизиона стал австриец, интернационалист, левый социал-демократ И. Гетц. Несмотря на то, что отряд не был полностью анархистским, знамя все же выбрали вполне определенное: черное, на одной стороне которого была надпись: «1-й Иркутский отдельный кавалерийский дивизион анархистов-коммунистов», а на другой – «Анархия – мать порядка». В начале весны 1918 г., к моменту убытия на Забайкальский фронт, дивизион насчитывал 700 бойцов, но к началу июня 1918 г. его численность сократилась, в основном из-за боевых потерь, до 400¹⁴.

Отряд Ефрема Пережогина, сформированный также в Иркутске, в июне 1918 г. находился в Забайкалье, но в боевых действиях в это время фактически не участвовал. На новый, недавно возникший Нижнеудинский фронт тоже не торопился, зато занимался всяческими безобразиями в тылу – в Чите и ее окрестностях¹⁵.

Отряд левого эсера (и, вскоре, анархиста) Ф. Лаврова был сформирован в Омске в феврале-марте 1918 г. в основном из бывших военнопленных, главным образом, венгров, среди которых оказалось немало анархистов.

Феодосий Лавров, молодой офицер, участник Великой войны, георгиевский кавалер, прибыл в Омск с фронта в дни установления советской власти. Как человек с военным опытом и просоветски настроенный (примыкал к Партии левых эсеров), он был выдвинут на ряд важных должностей: помощник председателя Президиума ИК Омского Совета; председатель Омского (Западно-Сибирского) Военно-Окружного комитета

(ВОКома) в начале 1918 г.; командир 1-го Омского интернационального отряда¹⁶. В течение нескольких месяцев пребывания в Омске и работы в местных органах революционной власти, Лавров ни в чем негативном замечен не был и, в целом, характеризовался положительно.

Как известно, 3 марта 1918 г., под давлением жестоких обстоятельств, Советское правительство заключило с правительством Германии тяжелый и «позорный», но вынужденный Брестский мирный договор, давший стране мирную передышку и почти положивший конец ультралевым планам революционной войны Советской России с Германией. Однако ультралевые противники Брестского мира продолжили формирование, в том числе в Сибири, добровольческих «международных пролетарских партизанских отрядов» из желающих россиян и военнопленных австро-германского блока для отправки на оккупированную немцами и их союзниками территорию. Новый такой отряд, в частности, стал создаваться в Омске. Во главе штаба по его формированию стали «левый коммунист» С. А. Фурсов и левый социал-демократ А. И. Скалепов¹⁷. Бывший председатель ЦИК Советов Сибири (Центросибири), «левый коммунист» Б. З. Шумяцкий сформировал в Восточной Сибири подобный отряд численностью несколько десятков человек, в основном анархистов, однако отряд до советско-германской демаркационной линии не доехал, а его командир остановился в Омске. На посту председателя Центросибири Б. З. Шумяцкого сменил сторонник Брестского мира большевик Н. Н. Яковлев, который пытался переломить довольно стойкие «антибрестские настроения» в революционной среде Сибири¹⁸.

Первый Омский интернациональный отряд, который возглавил Ф. Лавров, первоначально также предназначался для отправки в Европу – для участия в революционной войне с Германией и Австро-Венгрией, а затем, при благоприятных обстоятельствах, для движения в сторону Венгрии, Австрии и Германии. Но очень скоро (к концу весны – началу лета 1918 г., а кто-то и раньше) революционные сибирские противники Брестского договора в своем большинстве переболели данной «болезнью левизны»: новое наступление войск атамана Семенова на Забайкалье, начало интервенции Антанты на Дальнем Востоке, общее ухудшение политической ситуации в регионе, не говоря уже о катастрофических событиях конца мая – начала июня, заставили левых, в том числе и левых, напрочь все силы для сохранения завоеваний революции в Сибири. Характерный факт: 600 бойцов сформированного в Омске Первого Омского интернационального отряда, 409 из которых составляли бывшие военнопленные, изъявили желание отправиться на борьбу с Семеновым, и 19 марта 1918 г. во главе с левым эсером Ф. П. Лавровым убыли из Омска на Забайкальский («Семеновский») фронт¹⁹.

Здесь у Лаврова с самого начала не сложились отношения с его однопартийцем, авторитетным лидером левых эсеров Восточной Сибири

и командующим фронтом Сергеем Лазо, человеком интеллигентным, но твердым и непреклонным. Однако, несмотря на возникшие между ними разногласия и конфликты, в середине мая 1918 г. советским формированиям в Забайкалье удалось нанести Семенову сокрушительный удар, и остатки его отрядов отступили в Маньчжурию²⁰. Задача была выполнена, победа достигнута, но тут в конце мая «неожиданно» возникли новые чрезвычайные обстоятельства.

В 20-х числах мая 1918 г. в Поволжье, Сибири и на Дальнем Востоке начался мятеж Чехословацкого корпуса, инспирированный командованием Антанты и офицерско-буржуазным руководством Чехословацкого национального совета. Одновременно в узловых пунктах Сибири и, прежде всего, Транссиба выступило белогвардейское подполье, активно поддержанное правосоциалистической антисоветской оппозицией. В результате отдельные очаги Гражданской войны в Сибири, как бы соединенные между собой растянутым по всему Транссибу и выступившим против Советов Чехословацким корпусом, полыхнули с новой силой, и слились в масштабную Гражданскую войну на востоке страны. Общая военно-политическая ситуация для Советов Сибири в течение всего нескольких дней конца мая – начала июня 1918 г. резко ухудшилась.

В ряде районов Сибири советская власть оказалась свергнута уже в первые недели мятежа: 25 мая пал Мариинск, 26 мая – Новониколаевск, 27 мая – Челябинск, 31 мая – Томск, Петропавловск и Нижнеудинск, 2 июня – Курган, 7 июня – Омск, 8 июня – Ишим, 9 июня – Камень, 11 июня – Семипалатинск и Тобольск, 15 июня – Барнаул, 18 июня – Красноярск и Ачинск, 20 июня – Бийск. Создав в Сибири, в основном по линии Транссиба, несколько обширных и довольно устойчивых плацдармов, объединенные силы белогвардейцев, правых социалистов и интервентов энергично продолжили наступление на территории, подконтрольные Советам.

31 мая 1918 г. белыми был захвачен Нижнеудинск. Отступившие на восток, по направлению к Иркутску, советские войска образовали Нижнеудинский фронт. В его составе имелись и анархистские отряды. После некоторого затишья бои под Нижнеудинском 21 июня возобновились.

В момент, когда решалась судьба этого сражения, в тылу красных войск вспыхнули бело-кулацкие восстания на станциях Шеберта, Тулун и Зима. Когда об этом стало известно на фронте, то в частях, где было много анархистов и анархистски настроенных бойцов, началось разложение. Обиженные, к тому же, отстранением от командных постов, анархисты стали распускать слухи, что коммунисты, не считаясь с усталостью бойцов, решили защищать до последнего каждую позицию. Анархистские элементы стали покидать фронт. Вначале это были одиночки-дезертиры, затем самовольно снялись с позиций несколько отрядов, среди них – отряд Ф. Лаврова²¹.

Так началось отступление красных войск к Тулуну. Только 28 июня в районе Тулун – Зима красные сумели задержать продвижение белогвардейцев и чехословаков²². Вскоре, однако, белые перешли в наступление, в результате которого красными без боя были оставлены станции Тулун, Зима, Тыреть, Черемхово²³. Возведенные в районе станции Тыреть укрепления не были использованы, так как по указанию и. о. командующего фронтом Ф. Лаврова отступление продолжалось до станций Белая – Мальта. Вскоре Лавров был отстранен от командования, и должно было последовать привлечение его к ответственности, но этого так и не произошло²⁴.

В первой половине июня, когда советские отряды сдерживали движение белых к Иркутску и нуждались в подкреплении, отряд иркутских анархистов под командованием Пережогина находился в совершенно противоположном направлении. Пребывая в Забайкалье, в том числе в Чите, отряд совершил ряд самовольных реквизиций, которые коснулись и буддийских культовых центров – дацанов. Пережогинцы прославились попойками и кутежами. Имели место случаи конфликтов с милицией и разоружения милиционеров. Пережогин предъявил местным властям ультимативные требования, в случае невыполнения которых угрожал расправой. Попытка Пережогина арестовать 18 июня Читинский военный комиссариат закончилась арестом его самого и восьми сообщников. Тогда же в Читку из Иркутска пришло распоряжение Центросибири об аресте Пережогина за его прошлые дела, однако ему удалось освободиться из-под ареста и избежать суда²⁵, убыв, наконец, в район Нижнеудинска.

В июне 1918 г. на Нижнеудинский фронт были направлены 1-й и 3-й эскадроны кавдивизиона Н. А. Каландаришвили под командованием анархистов Сергея Карасева и Амзора Караева. Эскадрон Карасева сражался с белыми, в то время как эскадрон Караева уклонялся от боев, до Нижнеудинского фронта не дошел, зато установил контакты с Лавровым и появившимся там Пережогиным²⁶.

Амзор Караев, анархист-боевик («террорист-грабитель»²⁷) с Кавказа, осетин, по социальному происхождению – мелкий дворянин. Во время Первой русской революции был арестован в Киеве как боевик, отбыл 3,5 года в тюрьме, в 1910 г. освобожден (с назначением отбывания ссылки в Сибири). Проходил по знаменитому делу Бейлиса как свидетель, а точнее, в качестве осведомителя: по предложению полиции сумел, используя свои криминальные связи, выяснить имена уголовников – истинных убийц Андрея Ющинского, чем помог следствию и суду отвергнуть версию о ритуальной подоплеке преступления и установить его чисто уголовный характер²⁸. Был сослан в Восточную Сибирь, находился накануне Февральской революции в Иркутске, поддерживал связи с некоторыми здешними политссыльными, в основном выходцами

с Кавказа. Когда в 1916 г. по решению властей в Иркутске была создана так называемая «грузинская дружина» из проживавших в городе и губернии кавказцев, то анархисты Каландаришвили, Караев и Ширванов сумели взять ее под свое влияние. В конце 1917 г. на базе некоторой части дружины был организован красногвардейский анархистский отряд, выросший в кавалерийский дивизион, во главе которого стал один из наиболее авторитетных анархистов Иркутска Н. А. Каландаришвили. Караев возглавил в этом отряде эскадрон²⁹. Весной 1918 г. эскадрон Караева оказался в Красноярске, где занимался пополнением своих рядов за счет местных анархистов-добровольцев. Отряд был пополнен и уже готовился для убытия в Забайкалье, но тут всплыли материалы, изобличающие Караева в секретном сотрудничестве с царской полицией. Красноярский Совдеп решил арестовать Караева, но тот отверг обвинения в свой адрес как клеветнические, сумел с помощью приближенных избежать задержания, и во главе своего отряда спешно покинул Красноярск³⁰. Прибыв в Забайкалье, он присоединился к кавдивизиону Н. А. Каландаришвили, а затем оказался в районе Нижнеудинска.

К концу июня – началу июля 1918 г. советская власть на большей части Западной и Восточной Сибири была уничтожена. Белогвардейцы с территории возникшей де-факто «Сибирской республики» (и расширяя ее границы), продолжали вести наступление в двух главных направлениях: западном – на Тюмень и Екатеринбург, и в восточном – на Иркутск, Забайкалье и Приамурье, где советская власть пока еще держалась.

В течение июня – июля 1918 г. белым удалось практически полностью покончить с советской властью в Западной Сибири. Восточный (и первоначально относительно крупный) анклав советской власти (Забайкалье и Приамурье), полностью изолированный от Советской России и постепенно сокращающийся в размерах, сумел продержаться еще весь август и первую половину сентября. На территории Западной Сибири анархисты в составе советских войск сражались в Кузбассе, под Тюменью и восточнее Омска (район Татарск – Барабинск – Каргат), но эксцессы анархо-партизанщины, хотя и имели место, не приняли здесь такого широкого размаха, как в Восточной Сибири³¹.

Развивая наступление от Нижнеудинска в восточном направлении, белые 12 июля 1918 г. заняли резиденцию Центросибири Иркутск, и сразу же постарались развить преследование советских отрядов. 17 июля красные попытались остановить преследователей у станции Култук. В тот день первая атака белых была отбита. Через два дня белогвардейцы и чехословаки повторили атаку. Отряды черемховских красногвардейцев (среди которых было немало анархистов), китайский интернациональный отряд и бойцы Каландаришвили стойко держали позиции, пока не узнали о выходе к ним во фланг по Тункинскому тракту белочешских войск, после чего началось замешательство, перешедшее в отступление:

сначала с левого фланга отошли интернационалисты-венгры, затем отряд Каландаришвили; последними отступили черемховцы. Но все это вскоре переросло в паническое бегство. Кроме того, разнесся типичный для того времени слух об «измене наверху». В результате данного отступления красные белые продвинулись до Слюдянки³².

Вспоминая о сражении у Култука и Слюдянки, военный деятель Центросибири, стойкий беспартийный сторонник советской власти Д. С. Шилов писал: «Анархисты не только висели тяжелым жерновом на шее фронта, но и были прямой обузой, обессиливавшей его, заражавшей трупным ядом разложения, паникерства, утраты последних остатков воинской дисциплины»³³. Шилов называл анархистов «могильщиками революции, подтачивавшими фронт изнутри»³⁴. В дни сражения в районе Кулук – Слюдянка произошел характерный инцидент. В главном штабе был арестован пьяный хулиган, но вскоре к зданию штаба подошла группа бойцов и в ультимативной форме потребовала освобождения арестованного. Дело могло закончиться разгромом штаба, и лишь энергичное вмешательство начштаба Байкальского фронта З. С. Метелицы спасло положение³⁵.

Военные неудачи, эвакуация «столицы» революционной Сибири – Иркутска, потеря сильных позиций у Култука, стремительный напор белых – все это влияло на моральное состояние и боевой дух красных, приводило к ослаблению дисциплины. Анархистские отряды Лаврова, Пережогина и других своими действиями усугубляли ситуацию. Они не подчинялись фронтовому штабу, самовольно перемещались по фронту, предъявляли командованию ультимативные требования, мародерствовали. Последнее особенно подрывало авторитет советских войск в широких слоях населения и наносило морально-психологический урон советской власти³⁶. «Свободно подвизавшимися» называл эти отряды член ЦИК Сибири коммунист В. В. Рябиков³⁷.

О психологии таких отрядов и командиров писал член Центросибири коммунист П. Ф. Парняков на примере одного из них: «Без боя отдав неприятелю важную сопку, Чагин мотивировал свой отход следующим образом: «Я имел право уйти, так как мой отряд, организованный добровольно, может делать все только добровольно. Если его добрая воля наступать, он будет наступать. Если он захочет идти домой, он уйдет, хоть в самый разгар боя. Я в отряде выбранный главковерх и в своих действиях независим от штабов и фронтовых начальников»»³⁸. Развал дисциплины в отдельных случаях доходил до того, что бойцы отказывались выполнять приказы, приводили в свои вагоны женщин, что окончательно разлагало дисциплину и создавало благоприятные условия для шпионажа и провокационных слухов³⁹.

В штабе главкома коммуниста П. К. Голикова было немало левых эсеров и анархистов. «Здесь, – по мнению участника боев Л. М. Власова, –

недооценивалось значение дисциплины, организованности и бдительности. Расшатыванию дисциплины, внедрению дезорганизации на фронте способствовали анархистские отряды Пережогина, Лаврова, Орлова. (...) В штабе главкома знали «боеспособность» таких частей, но мер к их переформированию, чистке от примазавшихся враждебных элементов командование не принимало. Уроки, полученные в боях у станций Байкал и Култук, изучены не были...»⁴⁰

В данном случае Л. М. Власов преувеличивает, утверждая о бездействии командования. Попытки обуздать «партизанщину» и анархию предпринимались. О происходившей на Прибайкальском фронте реорганизации частей командование сообщало: «Небоевой, преступный и неблагонадежный элемент изгоняется беспощадно». Подразделения после фильтрации становились более боеспособными. Наименее дисциплинированные отряды пришлось отвести в тыл после проигранных из-за них сражений в районе Култук – Слюдянка. Однако полностью обуздать анархизм и партизанщину, о чем мечтали центросибирцы, они не смогли: не хватило сил и времени; попытки ввести строгую революционную дисциплину, как с сожалением констатировали участники событий, «не всегда удавались»⁴¹.

В конце июля 1918 г. почти все анархистские отряды с Прибайкальского фронта были сняты и отправлены в тыл⁴². Отряды Пережогина, Лаврова и Караева оказались в районе Верхнеудинска (ныне город Улан-Удэ), где в это время находились учреждения ЦИК Советов Сибири. Отряды Каландаришвили и Третьякова выдвинулись в район Селенгинска – Троицкосавска для заслона против возможного наступления белых с юга (из Монголии) на Верхнеудинск и южный фланг Прибайкальского фронта.

Находясь на отдыхе в Верхнеудинске, отряды Лаврова, Караева и Пережогина продолжали бесчинствовать. Анархисты Караева захватили все автомобили. По мнению В. В. Рябикова, уже в июле анархисты стали готовиться к захвату так называемого «золота Центросибири»⁴³.

В первой половине августа в Верхнеудинске конфликт между ЦИК Советов Сибири и анархистами обострился до предела. Со стороны последних возник заговор против руководства Центросибири и Прибайкальского исполкома Советов. Руководителями заговора явились все те же Лавров, Караев и Пережогин, а также военспец Канторович. Заговорщики намеревались арестовать советских руководителей и объявить, ни много ни мало, «военную диктатуру анархистов-интернационалистов». О планах заговорщиков стало известно от политкомиссара Березовского гарнизона Н. Ф. Загрядского и военспеца Новицкого, которым Лавров и Караев предложили принять участие в заговоре. В ответственный и критический момент главком советских войск Сибири П. К. Голиков оказался пьян, и обезвреживание заговорщиков взял на себя председатель

ЦИК Советов Сибири Н. Н. Яковлев. По распоряжению Яковлева были приведены в боевую готовность все верные Центросибири войска. Лаврова, Караева и Канторовича удалось арестовать. Пережегин скрылся. Было принято решение «в целях разрядки создавшегося положения» отряды Лаврова и Караева из Верхнеудинска вывести и направить на юг, в район Троицкосавска⁴⁴ (ныне город Кяхта). Несколько ранее (в конце июля) в соседний район Селенгинска выдвинулась группа Каландаришвили численностью до 3-х тысяч человек, а южнее, ближе к Троицкосавску, действовал отряд анархиста Д. Третьякова.

Обстоятельства пребывания названных частей в районе Селенгинск – Троицкосавск неоднозначны. По мнению историка П. Т. Хаптаева, не стоило такое большое количество людей, необходимых на фронте у Байкала, отправлять, по сути дела, в тыл, так как «здесь было все спокойно»⁴⁵.

Другая точка зрения приводится В. Е. Кожевным со ссылкой на свидетельство В. В. Рябикова. Она состоит в том, что Верховное сибирское советское командование создавало особый Троицкосавский фронт как необходимый заслон от угрозы удара белых через Троицкосавск на Верхнеудинск, то есть в тыл Прибайкальскому фронту и непосредственно по новой резиденции Центросибири⁴⁶. Правда, в более поздней работе В. В. Рябикова говорится о самовольном уходе отряда Каландаришвили к Селенгинску⁴⁷.

В. С. Познанский считает, что командование советских войск действительно заботилось об обеспечении безопасности со стороны Угундинского тракта и реки Селенги. Но для заслона с юга, по его мнению, отнюдь не нужно было в разгар напряженных боев снимать с байкальских позиций половину всех войск. Однако, все дело было в том, что наименее боеспособные в войсках анархистские отряды сознательно отводились, а зачастую и самовольно отходили туда, где было полегче. О степени дисциплинированности этих отрядов можно судить хотя бы по такому факту: на распоряжение начальника штаба Забайкальского фронта большевика А. П. Рускиса передать в другую часть два пулемета, Н. А. Каландаришвили в официальном ответе угрожал личной расправой за попытки командовать им, сопровождая ответ нецензурной бранью⁴⁸.

Не забудем, что после Култукского сражения почти все анархистские отряды были сознательно отведены с фронта. Оставлять их там было, что называется, «себе дороже». В. С. Познанский констатирует тот факт, что находившиеся в районе Троицкосавска отряды семеновцев (есаулов Широкова и Надзорова) активных действий не предпринимали. В августе под селом Большая Кудара отряд Третьякова разгромил есаула Надзорова, и опасность для Троицкосавска была снята⁴⁹. Таким образом, при недостатке войск на Прибайкальском фронте, имелся их явный избыток в районе Троицкосавск – Селенгинск, но, в

силу указанных причин, этот избыток не мог быть использован на главном направлении.

Отряд Лаврова прибыл в район Селенгинск – Троицкосавск примерно в середине августа. Численность его бойцов достигала трех тысяч; ядро отряда, как и ранее, составляли интернационалисты – венгры и австрийцы. Сразу же начались конфликты Лаврова и Каландаришвили⁵⁰.

Во время движения к Троицкосавску отряд Лаврова ограбил по пути одну из главных бурятских буддийских святынь. Газета «Прибайкальская жизнь» сообщала: «26 августа отрядом анархистов под предводительством Лаврова ограблен Гусиноозерский дацан. Грабители подъехали на 2-х автомобилях и забрали решительно все, что можно было забрать. Не побрезговали даже шубами монахов, кошмами и войлоками. Всего ограблено до 2-х млн. рублей»⁵¹.

Тем временем на Прибайкальском фронте красные потерпели серьезное поражение у станции Посольская, поставившее под вопрос существование данного фронта. По существу, это была катастрофа. Примерно из трех тысяч человек, пытавшихся пробиться через Посольскую, сумело прорваться около 200 интернационалистов, столько же читинских красногвардейцев и человек 25 из отряда анархистов. Многие из них были ранены или контужены⁵². Белые устремились к Верхнеудинску. 24 августа и китайцы, нарушив договор, заявили о посылке своих войск в Сибирь «отражать германскую агрессию и спасти чехословацкий корпус»⁵³.

Обстановка в районе Троицкосавска, таким образом, резко осложнилась. Отряды Каландаришвили, Третьякова, Рагозина и прибывшего туда Лаврова оказались под угрозой окружения. Плохо сражавшиеся на фронте, анархисты в большинстве своем еще меньше были готовы сражаться в более тяжелых и сложных условиях окружения. Ситуация осложнялась тем, что между их командирами не было единства. Деморализация и разложение усиливались. Они поразили в известной мере и иностранных интернационалистов. Часть из них захватила идея ухода на территорию Монголии для интернирования китайскими властями.

По мнению участника событий А. Т. Назимова, разделяемому исследователем В. Е. Кожевиным, Лавров имел намерение захватить золото в Троицкосавском банке и бежать через Монголию в Китай. С этой целью для переговоров им была послана делегация в Маймачен⁵⁴. Другого мнения придерживается В. С. Познанский. Опираясь на другие воспоминания, он считает, что Лавров старался договориться с китайцами, чтобы те пропустили интернационалистов на свою территорию и интернировали, потому что, в противном случае, им грозила неминуемая гибель от белых и чехословаков. Однако соглашения с китайцами достигнуть не удалось⁵⁵.

В это время отношения Лаврова с Троицкосавским Советом обострились: Совет, вместе с Каландаришвили, препятствовал переговорам

Лаврова с китайцами об интернировании отряда и не выдал Лаврову пропуск через границу в Маймачен. У Совета и Каландаришвили был свой резон: видимо, они стремились любой ценой удержать лавровский отряд для совместного противодействия белым (он насчитывал до трех тысяч человек, имел большое количество стрелкового оружия, патронов, пять орудий, хороший обоз с богатым запасом продовольствия и обмундирования). Но значительная часть интернационалистов отряда в создавшейся военно-политической ситуации воевать не желала, и стремилась как можно скорее покинуть территорию России. Лавров, таким образом, оказался заложником ситуации, и стал лишь исполнителем коллективной воли своего отряда. Далее события развивались стремительно и трагически.

Совет поручил Каландаришвили выехать навстречу Лаврову и начать с ним переговоры о прекращении капитулянтских действий. Лавров арестовал Каландаришвили и заявил, что будет действовать по своему усмотрению. Военно-революционному штабу и Совету стало известно о намерении Лаврова расстрелять Каландаришвили, но они сумели добиться его освобождения. Поскольку вопрос об интернировании решить так и не удалось, Лавров в Усть-Кяхте покинул свой отряд и бежал. Через несколько дней он был задержан каландаришвильцами, и по приказу «Дедушки» расстрелян, как дезертир и изменник⁵⁶. Авантюристом и изменником называет Лаврова и Рябиков⁵⁷.

Относительно партийности (или партийно-политической позиции) Ф. Лаврова в период его вооруженной борьбы с белыми имеются две точки зрения. В научной литературе и мемуарах в одних случаях его называют левым эсером (А. Т. Назимов, В. С. Познанский), в других – анархистом (историк А. И. Крушанов, активные участники событий в Забайкалье А. В. Рябиков, И. И. Шеин, Л. М. Власов, О. Н. Иогансон, Т. М. Сентарецкий). Последних – большинство. Историк В. Е. Кожевин в одном случае называет Ф. Лаврова эсером (и не левым эсером, а просто эсером – авт.), в трех других – анархистом, а потом приходит к выводу, что «Лавров считал себя левым эсером», но «в своих действиях не отличался от анархиста»⁵⁸. Кроме того, известно о довольно натянутых отношениях Лаврова с одним из лидеров левых эсеров Восточной Сибири С. Г. Лазо, и в то же время о тесных контактах с анархистскими командирами Пережогиным и Караевым. Известно также, что в отряде Лаврова среди венгров было немало анархистов (о распущенности которых оставил интересное свидетельство венгерский интернационалист Э. Шик, встретивший их на одной из станций Забайкалья, – и речь в его мемуарах идет именно об Омском интернациональном отряде; интересно, что в качестве символики они носили на головных уборах красно-черные

кокарды⁵⁹). С другой стороны, известно, что в момент убийства из Омска в Забайкалье весной 1918 г. Лавров являлся левым эсером. Видимо, наиболее правильным было бы вести речь об эволюции политической позиции Лаврова весной-летом 1918 г. от левоэсеровского неонародничества к анархизму, и о какой-то, пока непонятной нам, личной психологической метаморфозе. К этому будет нелишним добавить, что образ Лаврова, выведенный авторами замечательного фильма «Даурия» (1971, «Ленфильм», режиссер В. Трегубович), снятого по одноименному роману К. Седых, не имеет почти ничего общего с реальным Феодосием Петровичем Лавровым. К ограблению анархистами Читинского казначейства, так ярко показанному в данном фильме, Лавров также не имеет никакого реального отношения.

В сложившейся ситуации военно-революционный штаб, Троицкосавский Совет, командиры отрядов решили организованно отступить. Мнения разделились по вопросу о направлении отступления. Верховное главнокомандование Центросибири требовало отступить на Читу. Часть войск, подчинившись этому приказу, стала отходить по рекам Хилок и Ингода. Отряды Третьякова, Рагозина⁶⁰ и Каландаришвили, под общим командованием последнего, нарушив приказ, 27 августа решили пробиваться на запад, для соединения с Красной армией, которая, по их мнению, наступала из Европейской России в Сибирь. Отступление происходило в тяжелых условиях и, в целом, беспорядочно. Большинство из отправившихся на запад бойцов погибли от голода в тайге или от рук кулаков⁶¹. Сравнительно удачно преодолело переход ядро отряда Каландаришвили, вышедшее через два месяца на территорию Иркутской губернии.

Интернационалисты, отвергнув оба плана, остались в Троицкосавске, разоружились и стали ждать прихода белых, чтобы сдать. Судьба их была трагична. Белые вошли в город 2 сентября и учинили над ними жестокую расправу. До тысячи из них вместе с командирами (Э. Гараи, Я. Киш, Форбат) были убиты в одну ночь⁶².

Одновременно при активном участии анархистов развернулись события, связанные с ликвидацией Прибайкальского фронта и эвакуацией Читы. После катастрофы под Посольской и оставления Верхнеудинска (с 19 на 20 августа), фронт стремительно покатился к Чите. Анархисты не только не помогали его удерживать, но часто еще и усугубляли своими действиями сложную военную ситуацию. Еще в разгар Муринского сражения (конец июля – начало августа) Центросибири пришлось использовать военную силу для установления порядка в Чите, где анархисты предприняли попытку разоружить советскую милицию. Из-за провокаций анархистов, организовавших крушение поездов и ряд нападений на Амурской железной дороге, с Дальнего Востока не смогла вернуться делегация Центросибири во главе с Н. Н. Яковлевым, едущая на Благовещенскую конференцию⁶³.

23 августа в пригородах Читы началось восстание белоказаков, к которому примкнула и часть казаков, мобилизованных в Красную армию. Одновременно в тюрьме подняли восстание офицеры. В гарнизоне Читы самыми надежными и дисциплинированными оставались Советский отряд в двести с небольшим человек и сотня под командованием левого эсера Б. Кларка. Основные силы были на фронте. Большая часть гарнизона в это время находилась или прямо в руках анархистов, или под их влиянием⁶⁴. Белогвардейский мятеж с трудом удалось подавить, но фронт неудержимо приближался к Чите. В этот момент анархистские отряды Пережогина и Караева вновь заявили о себе, совершив действия, граничащие с мятежом и изменой.

В Читинском банке хранилось до 200 пудов золота, доставленного Центросибирью из Иркутска в начале июля 1918 г., 40 пудов золота советских организаций Забайкалья и 360 пудов серебра. Накануне Центросибирь, из-за нехватки дензнаков, распорядилась выдавать бойцам плату золотом по курсу того времени, то есть 32 рубля за золотник. Анархисты потребовали у Сибирского совнаркома (образованного на совещании советских и военных руководителей Центросибири 21 августа 1918 г. в Чите) поделить все имевшееся золото, выдав на каждого человека по пять тысяч рублей. Когда им было отказано, они пустили слух, что Сибсовнарком решил золото не эвакуировать, а оставить в Чите. Одновременно они добились охраны банка двойным караулом: от Центросибири и анархистским. В ночь с 25 на 26 августа анархисты обманным путем сменили караул Центросибири и поставили полностью свой. В банк явились во главе своих бойцов Пережогин и Караев, и золото изъяли. Ценные бумаги были разбросаны. В суматохе и спешке успели экспроприировать 50 % хранившегося в банке золота. Чтобы замести следы, анархисты распустили слух, что золото похитили «советские комиссары», бежавшие из Читы. Так, еще накануне захвата банка анархисты сообщили в Нерчинск о том, что комиссары Центросибири захватили золото и увозят его на восток. 25 августа Нерчинский военревштаб, где также верховодили анархисты, дал по линии железной дороги телеграмму о том, что «грабители-центросибирцы» хорошо вооружились и удирают, что не удалось остановить их поезд на станции, «а поэтому за неимением возможности его задержать, – советуем пустить под откос и арестовать уцелевших». На следующий день у станции Ерофей Павлович потерпел крушение эшелон с семьями советских работников. По указанию начальника команды сопровождения Б. А. Славина люди стали группами расходиться. Никакого золота в эшелоне не было⁶⁵.

Составители Сибирского исторического календаря, помещая материал о пережогинском ограблении, в соответствии с антисоветскими веяниями 1990-х, походя все переименовали и, снабдив коротким, но

«глубокомысленным» комментарием в скобках, выдали следующую информацию: «Оставляя Читу, красные отряды присвоили ценности Государственного банка и Горного управления; грабили все, но вина была возложена (как это обычно бывает) на анархиста Пережогина»⁶⁶.

На станции Чита-II Пережогин и Караев установили патрули «для проверки комиссаров»: всех обыскивали, отбирали оружие, понравившиеся вещи, деньги. По описанию одного из очевидцев предстает такая картина: станция оцеплена, «идет проверка» пассажиров, а «Пережогин расхаживает у эшелона босиком, без шапки, с огромной шевелюрой, с пулеметной лентой на груди и торчащим из кармана генеральских штанов кольцом». Подход к Чите отряда С. Г. Лазо заставил анархистов спешно ретироваться. Отряд Пережогина на поезде убыл на восток, в сторону Благовещенска. Отряд Караева отступил от станции, но вскоре был блокирован – уже белыми⁶⁷.

Оказавшись в кольце белых и попав в безвыходное положение, Караев решил спасти свою жизнь сдачей в плен и «добровольной» передачей победителям своей части награбленного. Он явился в комендатуру с «откупным» – своей долей в несколько пудов золота⁶⁸, а также изъявил желание служить белым, «перешел на сторону Семенова»⁶⁹ (и, видимо, предаял свое бывшее сотрудничество в полиции). Однако его предательство только этим, кажется, не ограничилось. Белые потребовали доказать серьезность намерений и предложили принять участие в расстрелах пленных красногвардейцев и красноармейцев, на что Караев, по некоторым данным, согласился, и участвовал в расстрелах⁷⁰.

Оценивая деятельность анархистов, командующий Забайкальским фронтом левый эсер С. Г. Лазо (в тяжелейшие дни конца августа 1918 г. подавший заявление о вступлении в РКП(б)!) говорил: «Насчет анархистов у нас не может быть двух мнений. Многие из нас... как в Сибири, так и в Забайкалье, повинны в том, что вовремя не успели изолировать анархистскую головку от массы, дали [ей] возможность собрать людей в отряды, командовать ими. Между тем, люди в этих отрядах, хотя бы те же мадьяры, не анархисты. Будь они под другим руководством, большевистским, из них получились бы дисциплинированные отряды»⁷¹.

28 августа на станции Урульга состоялась конференция партийных, советских и военных работников Восточной Сибири. Присутствовали 59 делегатов – коммунистов, левых эсеров, беспартийных. Конференция заклеймила позором Пережогина и его отряд и охарактеризовала анархистов как людей, примазавшихся к революции. Но главное значение конференции состояло в другом: в сложившихся условиях было решено борьбу с белыми организованным фронтом прекратить, и перейти к другим формам борьбы, которые должны «сообразовываться с создавшейся международно-политической обстановкой» и быть направлены к «использованию всех легальных и нелегальных возможностей, к

дезорганизации всех усилий наших врагов закрепить в пределах Сибири власть буржуазии и иностранного капитала...»⁷².

27 августа 1918 г. Читу заняли чехословацкие отряды и белогвардейцы, а через несколько дней, в начале сентября, в нее вошли японские регулярные части. Советская власть за Уралом продолжала существовать лишь на части территории Амурской области, хотя всем, – и белым, и красным, – было уже ясно, что дни ее там сочтены.

В первых числах сентября в Амурскую область стали прибывать забайкальские анархисты. В ночь с 4 на 5 сентября в Благовещенск из Читы прибыл отряд Пережогина и сходу потребовал выдачи ему ценностей Благовещенского банка. В городах Благовещенске и Свободном происходили пьяные кутежи и грабежи, устраиваемые местными и прибывшими анархистами⁷³.

Справедливости ради надо признать, что разложение касалось не только анархистских отрядов. Оно в той или иной мере было в те дни практически всеобщим. По воспоминаниям советского и профсоюзного работника анархо-синдикалиста А. Н. Буйских, Благовещенск в эти дни «стал как будто одурманенным». «Началось невообразимое швыряние денег... Пахло какой-то анархией... ..Станки круглые сутки печатали кредитки и не успевали покрывать спрос. В комиссариат финансов приходили вооруженные красногвардейцы и требовали деньги. (...) Деньги требовались под угрозой оружия, поэтому о правильной выдаче не могло быть и речи»⁷⁴. Характеризуя драматическую обстановку в советской части Амурской области и, в частности, в Свободном в начале сентября 1918 г., красногвардеец-анархист И. Строд (в будущем коммунист) отмечал, что силы красных в это время для открытого противоборства с врагом «были слишком ничтожны, а боевой дух окончательно подорван»; «стало ясно, что остался один только выход – уход в тайгу, куда каждую ночь и уходили один за другим наши отряды»⁷⁵.

Таким образом, обстановка военно-политического поражения советской власти деморализующее действовала не только на анархистов, но, так или иначе, и на большинство ее сторонников. Учитывая эти обстоятельства, говорить о прямой измене Пережогина, как это делали некоторые современники событий и отдельные советские историки, было бы явным преувеличением. Кроме того, имеется свидетельство А. Н. Буйских о том, что в Благовещенске Пережогин получил разрешение от председателя СНК «Амурской трудовой социалистической республики» коммуниста Ф. Н. Мухина сформировать дивизион с артиллерией и пулеметами, и уже начал вербовку в этот дивизион⁷⁶. Проанархистский автор А. В. Шубин в своей книге «Анархия – мать порядка. Между красными и белыми» (М., 2005), оправдывая захват Пережогиним золота, намекает, что эти средства нужны были ему для дальнейшей борьбы с белыми. Однако позволим себе в этом несколько усомниться. То, как Пережогин боролся с белыми, ясно видно из информации, приведенной выше.

Исходя из чрезвычайно сложной и непрерывно ухудшающейся военно-политической ситуации, Дальсовнарком, находившийся в Амурской области, и еще обладавший некоторыми реальными возможностями, пошел по пути решительного пресечения анархии. Еще 2 сентября он отправил в Свободный надежную воинскую часть. Одновременно туда выехал председатель Дальсовнаркома коммунист (бывший анархо-синдикалист) А. М. Краснощеков и военный комиссар Д. А. Носок. Анархисты в Свободном и по линии Амурской железной дороги были разоружены и заключены в тюрьму, золото конфисковано. Затем отряд Красной гвардии во главе с членом Дальсовнаркома левым эсером М. И. Тайшиным прибыл в Благовещенск, и 6 сентября блокировал отряд Пережогина с целью его разоружения. Анархисты на предложение сдаться ответили отказом, оказали сопротивление и были разгромлены, их командир убит⁷⁷.

Но это были уже последние дни «первой» советской власти в Сибири и на Дальнем Востоке. 18–19 сентября 1918 г. пал ее последний за Уралом крохотный анклав: район Благовещенск – Зея в Амурской области. На востоке России наступил новый период – полтора года господства белых режимов и сопротивления им, и в этот период сибирским анархистам вновь предстояло проявить себя, – и опять крайне неоднозначно.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Данная классификация выстроена Лениным – Ленин В. И. Из дневника публициста. (Темы для разработки) // Полн. собр. соч. Т. 35. С. 187.

² Подробнее см.: Штырбул А. А. Анархистское движение в Сибири в 1-й четверти XX века: Антигосударственный бунт и негосударственная самоорганизация трудящихся: теория и практика. Ч. 1. (1900–1918). Омск, 1996. С. 135–194; Он же. Политическая культура Сибири: Опыт провинциальной многопартийности (конец XIX – первая треть XX века). Омск, 2008. С. 588–589, 600–603.

³ Познанский В. С. Половодье. Роман. Иркутск, 1962. С. 107–109.

⁴ Познанский В. С. Сибирский красный генерал. Новосибирск, 1972. С. 117.

⁵ Государственный архив Новосибирской области-2 (ГАО-2). Ф.П-5. Оп. 2. Д. 1331. Л. 11.

⁶ Забайкальский рабочий (Чита). 1918. 1 июня (19 мая).

⁷ Версия (Иркутск). 1992. №12–13. С. 16.

⁸ Забайкальский рабочий (Чита). 1918. 21 (8) марта.

⁹ Петров П. П. Указ. соч. С. 108.

¹⁰ Забайкальский рабочий (Чита). 1918. 12 июня (30 мая).

¹¹ Жигалин Я. П. Партизанские отряды занимали города... [Воспоминания]. Барнаул, 1965.

¹² Познанский В. С. Очерки истории вооруженной борьбы Советов Сибири с контрреволюцией в 1917–1918 гг. Новосибирск, 1973. С. 143–144.

¹³ Там же. С. 144.

¹⁴ Кожевин В. Е. Указ. соч. С. 25, 35–37.

¹⁵ См. далее.

¹⁶ Познанский В. С. Очерки истории вооруженной борьбы Советов Сибири... С. 289;

Колмогоров Н. С. Красные мадьяры. (Венгерские интернационалисты в борьбе за власть Советов в Омске. 1917–1919 гг.). Новосибирск, 1970. С. 60.

- ¹⁷ Известия Западно-Сибирского и Омского областных исполнительных комитетов Советов крестьянских, рабочих и солдатских депутатов и Омского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов (Омск). 1918. 15, 22 марта.
- ¹⁸ *Познанский В. С.* В. И. Ленин и Советы Сибири (1917–1918). Новосибирск, 1977. С. 170.
- ¹⁹ Там же. С. 196; *Познанский В. С.* Очерки истории вооруженной борьбы Советов Сибири... С. 90–91; *Колмогоров Н. С.* Указ. соч. С. 60.
- ²⁰ Октябрь в Сибири. Хроника событий (март 1917 – май 1918 г.). Новосибирск. 1987. С. 300.
- ²¹ *Рябиков В. В.* Центросибирь. Новосибирск, 1949. С. 75; *Познанский В. С.* Сибирский красный генерал. С. 161.
- ²² Хроника борьбы за власть Советов в Восточной Сибири. 1917–1920 гг. Иркутск, 1937. С. 60.
- ²³ Как мы боролись за власть Советов в Иркутской губернии. (Воспоминания). Иркутск, 1957. С. 209.
- ²⁴ *Князьков И. Н.* О борьбе за власть Советов в Нижнеудинске // Годы огневые, годы боевые. Иркутск, 1961. С. 165.
- ²⁵ Забайкальский рабочий (Чита). 1918. 20 (7) июня.
- ²⁶ *Кожевин В. Е.* Легендарный партизан Сибири. Иркутск, 1971. С. 39.
- ²⁷ Там же. С. 28.
- ²⁸ Один из творцов революции... // <http://al-alani.livejournal.com/114026.html> (Дата обращения: 08.09. 2015).
- ²⁹ *Кожевин В. Е.* Указ. соч. С. 25.
- ³⁰ *Познанский В. С.* Очерки истории вооруженной борьбы Советов Сибири... С. 131.
- ³¹ Подробнее см.: *Штырбул А. А.* Анархистское движение в Сибири... Ч. 2. (1918–1925). Омск, 1996. С. 10–12.
- ³² ГАНО-2. Ф.П-5. Оп. 3. Д. 166. Л. 17; *Познанский В. С.* Очерки истории вооруженной борьбы Советов Сибири... С. 257.
- ³³ *Шилов Д. С.* В 1918 году в Восточной Сибири // Как мы боролись за власть Советов в Иркутской губернии. С. 306.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ *Кулехов А. Д.* Из воспоминаний // Как мы боролись за власть Советов в иркутской губернии. С. 178.
- ³⁶ *Иогансон О. Н.* Красногвардейцы Красного Креста в борьбе за власть Советов // Как мы боролись за власть Советов в Иркутской губернии. С. 161.
- ³⁷ *Рябиков В. В.* Центросибирь. С. 86.
- ³⁸ Героические годы борьбы и побед: Дальний Восток в огне гражданской войны. М., 1968. С. 78–79.
- ³⁹ *Рябиков В. В.* Центросибирь. С. 86.
- ⁴⁰ *Власов Л. М.* Лиственничное на Байкале // Как мы боролись за власть Советов в Иркутской губернии. С. 96.
- ⁴¹ *Познанский В. С.* Очерки истории вооруженной борьбы Советов Сибири... С. 255, 257.
- ⁴² В. С. Познанский утверждает, что с Прибайкальского фронта в это время были выведены все анархистские отряды. (См.: *Познанский В. С.* Очерки истории вооруженной борьбы Советов Сибири... С. 258). Это не совсем верно. Так, во время сражения у станции Посольская (середина августа 1918 г.) на позициях находился отряд анархистов. (См.: *Рябиков В. В.* Центросибирь. С. 109).
- ⁴³ *Рябиков В. В.* Центросибирь. С. 109.
- ⁴⁴ *Сентарецкий Т. М.* Борьба за установление Советской власти в Прибайкалье // Партизаны Прибайкалья. (Воспоминания). Улан-Удэ, 1957. С. 24.
- ⁴⁵ *Познанский В. С.* Очерки истории вооруженной борьбы Советов Сибири... С. 245–246.
- ⁴⁶ Приводится по: там же. С. 246.
- ⁴⁷ *Рябиков В. В.* Иркутск – столица революционной Сибири. Иркутск, 1957. С. 198–199.

- ⁴⁸ Познанский В. С. Очерки истории вооруженной борьбы Советов Сибири... С. 246.
⁴⁹ Там же. С. 246–247.
⁵⁰ Назимов А. Т. Троицкосавский Совет // Партизаны Прибайкалья. С. 172–173.; *Кожевин В. Е.* Указ. соч. С. 53–54.
⁵¹ Цит. по: *Кожевин В. Е.* Указ. соч. С. 54.
⁵² *Рябиков В. В.* Центросибирь. С. 109.
⁵³ Познанский В. С. Очерки истории вооруженной борьбы Советов Сибири... С. 248.
⁵⁴ Назимов А. Т. Указ. соч. С. 173; *Кожевин В. Е.* Указ. соч. С. 54.
⁵⁵ Познанский В. С. Очерки истории вооруженной борьбы Советов Сибири... С. 248.
⁵⁶ Назимов А. Т. Указ. соч. С. 173.
⁵⁷ *Рябиков В. В.* Центросибирь. С. 110–112.
⁵⁸ *Кожевин В. Е.* Указ. соч. С. 36.
⁵⁹ Шик Э. Годы испытаний. [Воспоминания] / Пер. с венг. М., 1969. С. 71–73.
⁶⁰ В. М. Рагозин, командир красногвардейского отряда, партийность неизвестна.
⁶¹ Назимов А. Т. Указ. соч. С. 173; Познанский В. С. Очерки истории вооруженной борьбы Советов Сибири... С. 248; Хроника борьбы за власть Советов в Восточной Сибири. С. 69.
⁶² Назимов А. Т. Указ. соч. С. 175; Познанский В. С. Очерки истории вооруженной борьбы Советов Сибири... С. 248;
⁶³ Познанский В. С. Очерки истории вооруженной борьбы Советов Сибири... С. 164.
⁶⁴ Сергей Лазо: Воспоминания и документы. М., 1974. С. 34–35.
⁶⁵ Там же. С. 35; *Рябиков В. В.* Центросибирь. С. 113–115; *Буйских А. Н.* Революционные очерки: Из воспоминаний за 25 лет. Кн. I. Новониколаевск, 1922. С. 107–109; *Крушанов Л. И.* Гражданская война в Сибири и на Дальнем Востоке. 1918–1920. Владивосток, 1972. Кн. 1. С. 41; *Познанский В. С.* Очерки истории вооруженной борьбы Советов Сибири... С. 267.
⁶⁶ Сибирский календарь [на 1998 г.]. Новосибирск, 1997. [Лист] 26 августа.
⁶⁷ Познанский В. С. Очерки истории вооруженной борьбы Советов Сибири... С. 267.
⁶⁸ Там же.
⁶⁹ Борьба за власть Советов в Приленском крае (1918–1921). (Воспоминания участников). Иркутск, 1987. С. 132.
⁷⁰ *Рыдзинский А. С.* Воспоминания // Там же. С. 19.
⁷¹ Сергей Лазо: Воспоминания и документы. С. 34.
⁷² Съезды, конференции и совещания социально-классовых, политических, религиозных, национальных организаций в Забайкальской области. Томск, 1991. С. 187–189; Героические годы борьбы и побед. С. 81.
⁷³ *Малышев В. П.* Борьба за власть Советов на Амуре. Благовещенск, 1961. С. 118; Дальсовнарком. 1917–1918 гг. Сб. документов и материалов. Хабаровск, 1969. С. 323.
⁷⁴ *Буйских А. Н.* Указ. С. 108.
⁷⁵ *Строд И.* В якутской тайге [Воспоминания]. Якутск, 1973. С. 5.
 Драматическая ситуация военно-политической катастрофы лета 1918 г. в Сибири и на Дальнем Востоке и вынужденного перехода сторонников советской власти к партизанской борьбе, с реалистической точностью образно отражена в романе А. Фадеева «Разгром». И, хотя речь в романе идет о событиях в Приморье, созданная автором картина в целом характерна для всего Дальнего Востока и Сибири.
⁷⁶ *Буйских А. Н.* Указ. соч. С. 110.
⁷⁷ Дальсовнарком... С. 323.

ТРИЖДЫ ИСКЛЮЧАВШИЙСЯ, ИЛИ ВЕХИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ БИОГРАФИИ Е. Ф. МУРАВЬЕВА

Я. В. Леонтьев (Москва)

О Евдокиме Федоровиче Муравьеве (1896–1980) можно было бы написать небольшую приключенческую повесть и снять документальный фильм, а, может быть, и художественное кино. Рано или поздно это произойдет, правда, с каким знаком будет он выведен в этом фильме, – большой вопрос. Факт остается фактом: именно он, став секретным агентом ВЧК, сыграл главную роль в выдаче чекистам штаба Повстанческой армии А. С. Антонова. Этот сюжет хорошо известен историкам благодаря подробному рассказу самого Евдокима Муравьева¹. Парадокс заключается в том, что за три года до этого Муравьев сам стоял во главе одной из «повстанческих армий» и мог вполне стать жертвой произвола чекистов и особистов.

Однофамилец главкома Восточного фронта, примыкавшего к левым эсерам, который пытался свергнуть большевиков и провозгласить свою диктатуру в Поволжье в июле 1918 г., Евдоким Муравьев, в отличие от полковника М. А. Муравьева, принадлежал к реальным, а не номинальным, активистам ПЛСР, можно даже сказать, был «кадровым» эсером. Он происходил из крестьян-середняков села Дегтяное Спасского уезда Рязанской губернии. С сентября 1912 г. по июнь 1916 г. он учился в Рязанской учительской семинарии, а затем поступил в Воронежский учительский институт. В ПСР он вступил осенью 1916 г. и, кроме того, стал секретарем больничной кассы рабочего страхования. С марта 1917 г. он являлся секретарем рабочей секции Воронежского совета рабочих и солдатских депутатов. В июне Муравьев участвовал в работе губернской конференции советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и был избран в ее президиум. Вместе с «леваками» А. М. Абрамовым

(ранее анархистом) и Н. И. Григорьевым (известным воронежским журналистом, поэтом-имажинистом и организатором губЧК) Муравьев возглавлял самочинную организацию левых эсеров в Воронеже. 12 октября губернская партконференция ПСР исключила его из партии «за дезорганизаторские действия и разложение партийных рядов».

Вместе с упомянутыми товарищами Муравьев вошел в состав «Органа действия», созданного большевиками и левыми эсерами для взятия власти, и после установления советской власти был избран в исполком Воронежского совета. Во второй половине ноября он представлял воронежцев на учредительном съезде ПЛСР в Петрограде, познакомившись на нем с лидерами партии. В декабре 1917 г. он вернулся в родную Рязанскую губернию, где был избран на посты председателя Рязанского губревкома, заместителя председателя губисполкома советов и председателя совета крестьянских депутатов. Специфической особенностью политической ситуации в Рязани весной 1918 г. было наличие параллельного органа чрезвычайной власти, находившегося по сути дела в руках нескольких человек, принадлежавших к ПЛСР. Речь идет о созданном решением губернского Совета советов² 27 февраля 1918 г., в разгар немецкого наступления, ревкоме. В состав военно-революционного комитета (ВРК) вошли по два представителя, избранных Советом советов и советом солдатских депутатов, и по одному представителю от роты особого назначения, Красной гвардии, Болховского полка, совета рабочих депутатов и губернского комиссариата путей сообщения. Этот орган был облечен неограниченной властью, его распоряжения считались обязательными как для отдельных лиц, так и для учреждений, также в его ведение перешли вооруженные силы губернии. Предполагалось, что действовать он будет в тесном контакте с губернским Советом советов, однако их функции не были разграничены, и уже при формировании ВРК возникли разногласия. От фракции большевиков Совета советов в ревком был избран М. И. Воронков, от фракции ЛСР – Е. Ф. Муравьев, но левые эсеры поставили условие: Муравьев войдет в ВРК только в том случае, если в нем не будет Воронкова. В итоге председателем ревкома стал Муравьев; в его состав, по данным Н. С. Булгаковой, вошли левые эсеры В. И. Голубин, матрос Январев, С. Суворов, С. Куликов и Яковлев³. Представители совета рабочих депутатов от участия в нем отказались, после чего началось противостояние ВРК с Советом советов. Потребовав предоставления чрезвычайных полномочий, ревком стал осуществлять налоговое обложение населения, захватывать здания, принадлежащие советским учреждениям, проводить многочисленные реквизиции и связанные с ними расстрелы. Во время проведения одной из таких акций по постоялым дворам член ВРК Суворов расстрелял двух граждан и одного ранил. Несколько человек было убито на вокзале, что вызвало негодование населения города. Губернский Совет советов голосами большевиков 18 марта принял решение о роспуске Ревкома, которому тот не подчинился. Дваж-

ды (19 и 25 марта) вопрос о действиях ВРК обсуждался на экстренных заседаниях Совета советов. Ревком обвиняли в выступлениях против советской власти, критиковали за ошибки в формировании воинских частей, требовали ответить за незаконные расстрелы. Выступавшие отмечали, что «ВРК превращен в застенок»⁴. Евдоким Муравьев расценил постановление как ошибочное и стал шантажировать участников заседания угрозой «кровавой бойни». Не отрицая случаев расстрелов, он объяснил их как форму кары контрреволюционеров и воров, взял под защиту Суворова, предложил аннулировать постановление о роспуске ВРК, а для контакта с Советом советов включить в ревком двух его представителей и выработать устав, который разграничил бы функции между двумя органами власти. Но эти предложения были отвергнуты. Хотя Муравьев был выдвинут на пост председателя ВРК от губкома ПЛСР, к этому времени возглавляемый им ревком вошел в конфликт и с этим органом. На II съезде ПЛСР делегат от Рязанской организации В. Н. Остапченко сетовал, что, помимо левых эсеров, в ВРК прошли «люди совершенно не партийные – ни большевики, ни левые эсеры, а люди подозрительные». Остапченко подверг резкой критике действия ревкома: «Этот Военно-революционный комитет не работал так, как ему было нужно. Он обкладывал контрибуцией буржуазию, и все деньги шли на Военно-революционный комитет, он расстреливал, он разоружал *нашу боевую дружину левых эсеров* (курсив мой – авт.), он не подчинился постановлению Совета, он свергал, распускал и многое другое»⁵.

Ситуация в Рязани в связи с возникшим конфликтом между местным советом и ВРК постоянно находилась под контролем ЦК ПЛСР. Так, в № 81 «Знамени Труда» от 16(3) апреля 1918 г. было опубликовано сообщение:

«ОТ Ц.К. ЛЕВЫХ С.-Р. (ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТОВ)

В виду поступивших сведений о ряде противообщественных поступков членов рязанской организации нашей партии – Муравьева, Январева и Голубина (члены военно-революционного комитета г. Рязани) – Центральный Комитет партии левых с.-р. (интернационалистов) предлагает вышеназванным товарищам временно отстраниться от общественной работы до окончания расследования дела о них».

18 апреля на заседании ВЧК с участием членов Комиссии – левых эсеров, был заслушан доклад [члена ВЧК И. Н.] Полукарова о разгоне Рязанского Совета местным гарнизоном под влиянием демагогических агитаторов и дополнительное сообщение тов. [В. А.] Александровича о создании в Рязани военно-революционного Комитета, ведущего определенную антисоветскую политику, что объясняется тем, что одним из вождей его является местный бывший прокурор». На основании этих выступлений было принято следующее решение: «Ввиду того, что в связи с Рязанскими событиями туда делегирован от Центрального Ко-

митета партии левых с.-р. тов. Емельянов, состоящий членом ВЧК, — снабдить его полномочными мандатами для производства тщательного расследования конфликта, о результатах чего он незамедлительно должен телеграфно сообщить Комиссии, о дальнейших же мероприятиях и положении дел уведомлять своевременно Комиссариат Внутренних Дел»⁶. Очевидно, вследствие поездки М. Ф. Емельянова в Рязань и принятого на заседании ЦК ПЛСР 25 апреля решения в №192 «Знамени Труда» от 30 (17) апреля 1918 г. появилось такое объявление: «ОТ Ц.К. ПАРТИИ ЛЕВЫХ С.-Р. Центральный Ком. Партии левых с.-р. предложил тов. Январеву временно отстраниться от общественной работы.

В виду того, что в настоящее время разбор дела о Январеве закончен, Ц.К. считает постановление об отстранении его от общественной работы аннулированным».

Согласно протоколу первого заседания ЦК левых эсеров, избранного на II всероссийском съезде партии, состоявшегося 25 апреля 1918 г., «заслушав заявлен<ие> Емельянова о положен<ии> в Рязани, постановили вследств<ие> окончан<ия> следств<ия> Январева допустить к парт<ийной> работе, Муравьеву же выждать окончательн<ого> окончан<ия> следств<ия>»⁷.

Вероятно, в связи с эти решением, Е. Ф. Муравьеву пришлось вернуться в Воронеж, где он получил пост губернского комиссара земледелия. 18 июня его избрали председателем Воронежского губкома ПЛСР, который он представлял в качестве делегата III всероссийского съезда партии в Москве. Во время своего выступления он вкратце рассказал о том, как образовывалась левозеролевская организация в Воронеже, начиная с октября 1917 г., перейдя затем к характеристике взаимоотношений с большевиками, которые портились день ото дня: «В Губисполкоме было громаднейшее количество большевиков, но со временем число левых с.-р. все больше и больше увеличивалось, и в последнем Исполкоме из 11 губ<ернских> комиссаров было 8 левых с.-р. Первое расхождение с большевиками получилось у нас на почве Брестского мира. Крупные разногласия также были в вопросе о финансировании Земельного отдела, где работали левые с.-р. В то время, как большевики получали деньги на что им только нужно незамедлительно, Земельный отдел должен был жить подачками. Финансировать наш Земельный отдел они не хотели, и когда их спрашивали: «Разве у нас социализации земли не будет?» — они отвечали: «Её не должно быть». В Воронежской губ<ернии> социализацию земли приходилось делать почти без копейки <...>».

По словам Муравьева, «самое ужасное расхождение с большевиками было у нас по продовольственному вопросу» в связи с посылкой в губернию продовольственных реквизиционных отрядов, игнорировавших не только левых эсеров, но и большевистский губисполком. По этому поводу у фракции ПЛСР «вышли крупные разногласия с большевиками»:

«Левые с.-р. заявили, что они никогда не станут в деревнях проводить организацию Комитетов бедноты и, если они будут поддерживать политику белого террора в отношении крестьянства – левые с.-р. не будут работать с ними, потому что они не желают прикрывать разгона крестьянских Советов. С этим большевики не согласились и фракция левых с.-р. на заседании Исполкома заявила о своем уходе из всех губернских комитетов, чтобы не брать на себя ответственность за политику большевиков, за политику белого террора, чтобы уйти для советской работы на местах. Сейчас мы из губернских комиссариатов ушли, ибо отношение большевиков к крестьянству мы считаем нетерпимым».

В его докладе на съезде содержится информация о близких контактах с «украинскими левыми с.-р.», выразившимися в издании губкомом совместно с ними двуязычной газеты «Знамя трудовой борьбы», которая распространялась «в прифронтовой области и главным образом на Украине». В отношении «антибрестского» настроения масс он обратил внимание на прифронтовые южные уезды губернии, «которые не раз занимались немцами»: «Там отношение к Брестскому миру определенно резко отрицательное: крестьянство поголовно стоит за всеобщее восстание. Спрос на оружие в южных уездах сейчас огромный, и снабжение прифронтовых уездов оружием ведется, около трех месяцев организован партийный Боевой комитет, который за последнее время начал проявлять усиленную деятельность».

В данном случае, под «Боевым комитетом», вероятно, следует понимать повстанческий центр, разворачиваемый левыми эсерами в Воронежской губернии⁸. «Можно надеяться, – заключил Муравьев в своем выступлении, – что деревню через 2–3 месяца можно сделать исключительно левозеровской».

Не менее интересными были выступления Муравьева на IV всероссийском съезде ПЛСР, также проходившем в Москве в начале октября 1918 г., но уже в полулегальных условиях. Свое первое выступление в числе докладов с мест он начал с указания на то, что «июльские события не застали нас врасплох в том отношении, как застали другие губернии, где левых с.-р. большевики начали исключать» из советов. Он напомнил, что воронежские левые эсеры «за ½ месяца перед событиями вышли из Советов, сказав, что мы не можем работать вместе с большевиками в том учреждении, где их большинство, поэтому ч^{то} большевики, пользуясь большинством, проводят контр-революционную политику; мы заявили, что работать вместе с ними не будем, что считаем их политику контр-революционной и не желаем, чтобы так и на нас глядели и вообще у нас отношения были натянутые».

По словам Муравьева, «во время июльских событий настроение» у большевиков «было напряженное, они постановили переарестовать всех левых с.-р., но сами испугались этого постановления, потому что

сил для того, чтобы переарестовать в тот момент, когда происходили события, у них не было». Также докладчик сообщил, что во время июльских событий в Воронеже «был создан губернский повстанческий левозсеровский комитет, и его хотели арестовать, но там наряду с красноармейскими частями работала боевая дружина, которая и организована была левыми с.-р., и находилась под влиянием левых с.-р., и все приказания делались комитетом партии левых с.-р.».

Следует пояснить, что в данном случае идет речь о Боевой рабочей дружине (БРД), возникшей осенью 1917 г. при городской милиции, и с начала 1918 г. ставшей исполнительным органом Военно-административного отдела губисполкома, производя по его предписаниям обыски и аресты. Руководство БРД осуществлял комитет из пяти лиц во главе с примыкавшим к левым эсерам рабочим-железнодорожником М. А. Чернышевым, позже командовавшим бронелетучкой Южно-Восточной железной дороги. «В этой боевой дружине, – продолжал Муравьев, – работали левые с.-р., которые шли в момент Октябрьского переворота во главе этой дружины, и они ее в обиду не дали. Поэтому большевики, сделавши постановление об аресте, провести его не могли и ожидали, что левые с.-р., опираясь на рабочую боевую дружину, выгонят большевиков из Воронежской губернии, и поэтому убралось вовремя. У нас велась подготовка к тому, чтобы по первому зову или приказу Ц.К. сделать все, что он скажет. Раньше представляли дело так, что идет вопрос о захвате власти и определенно к этому готовились, но до извещения Ц.К. мы ничего сделать не могли. Но если бы имели приказ от Ц.К., то наше выступление имело бы успех.<...>». Но, как хорошо теперь известно, никаких директив от ЦК ПЛСР не поступило. Зато «обманным путем через неделю после предъявления ультиматума, когда дружина спала (это дело было утром), обманным путем были забраны пулеметы, все были обезоружены, и таким путем боевая дружина была распущена».

Интересен и такой комментарий Муравьева: «Против этого протестовали многие заводы, на которых тогда еще нелегально и легально давали нам выступать, но характерен при разоружении дружины следующий факт, что рабочие возражали: если Вы нас распускаете, на кого же хотите опираться, на интернациональные батальоны? Если хотите опираться только на китайцев, то почему не хотите опираться на рабочих? На этот вопрос военный большевистский комиссар, присутствующий на общем собрании, не мог ничего ответить». В другом своем выступлении Е. Ф. Муравьев заявил о том, что Воронежская организация ПЛСР присоединяется «к той части Ц.К., которую представляет из себя т.т. Прошьян, Камков и Карелин», т. е. к точке зрения тех, кто отрицал необходимость примирения с большевиками на их условиях с целью возвращения во власть.

Большой интерес представляет сообщение Е. Муравьева в прениях о том, что «восточная полоса Землянского уезда, где есть 4 волости, воо-

ружилась винтовками и пулеметами, и, пользуясь тем, что к ним нет подступа, объявила себя *Землянской республикой* (курсив мой – авт.), и объявляет, что не подчиняется губисполкому, потому что он состоит из большевиков, а они левые с.-р.». Похоже, что этот сюжет еще никогда не разрабатывался исследователями. В то же время он схож с сюжетом о Краснянской партизанской республике, находившейся под идейно-организационным влиянием Я. С. Базарного.

Во время своего третьего выступления на съезде Муравьев говорил в рамках обсуждения военного вопроса. С одной стороны, он затронул характерные для левых эсеров положения, высказавшись за всеобщее вооружение народа, создание территориальных полков и за выборное начало в них. С другой стороны, заявил: «<...>мы не можем предавать Украину, и ту помощь, которую мы можем оказать ей – мы должны оказать. Достаточно 30-ти тысячной армии для этого. Я стою на той точке зрения, что, если у нас будет 100-тысячная армия и если ее двинуть на Украину, тогда переворот создать можно и так, как очищение Украины является задачей. На этом же и борьба интересов раздавленной немецким каблуком Украины, и мы должны обратиться к военному вопросу и к агитации, главным образом, в прифронтовых частях – особенно на наше вхождение и работу во фронтовых частях – обратить главное внимание, потому что это, может быть, самый главный вопрос нашей тактики, потому что другим путем, может быть нельзя выдвинуть так ярко свою позицию».

Здесь мы вплотную подходим к публикуемым ниже документам, которые затрагивают также не разработанный сюжет относительно событий в городах Волчанске и Купянске Харьковской губернии в конце декабря 1918 г. – начале января 1919 г.

Хронологические рамки этих событий датируются по хронике во 2-й части («Гражданская война») 17-го тома собрания сочинения Л. Д. Троцкого: «1918 г. Декабрь 26. Лето-эсеровский мятеж в Купянске. <...> 1919 г. Январь 11. Ликвидация лево-эсеровского заговора, организованного Саблиным в Купянске»⁹.

В «Личном листке по учету кадров», находящемся в составе его партийного дела в РГАСПИ, Е. Ф. Муравьев в 1935 г. указывал на то, что с октября 1918 г. по январь 1919 г. он являлся председателем ревкома партизанского отряда в Уразове и Купянске. В своем выступлении на губернском съезде партии в Елисаветграде 13 марта 1919 г. член ЦК УПЛСР М. А. Шелонин информировал делегатов, в частности, о действиях Повстанческого центра при ЦК на Левобережье и о гибели «большие половинь» членов Центрального штаба от рук большевиков. При этом докладчиком были названы две фамилии: Черепанова и Холодкевича¹⁰. На 15 июня 1918 г. Андрей Черепанов (бывший студент Юрьевского ветеринарного института, ссылавшийся за участие в Первой русской

революции в Сибирь, а затем воевавший на Румынском фронте) состоял в штабе командующего Воронежским фронтом¹¹. Однако в определении причины гибели первого из названных товарищей он ошибся.

В выступлении на первом заседании Харьковского совета рабочих депутатов после занятия города оратор от Повстанческого штаба левых эсеров Я. Талин (под этим именем скрывался тогда Я. М. Фишман) поведал: «В тяжких условиях подполья сначала маленькие группы, формировавшиеся затем в боевые дружины. Эти дружины вели ожесточенную борьбу сначала с гетманцами, а потом с петлюровцами. Боевые дружины украинских левых эс-эров били, бьют и будут бить врага, неустанно сражаясь за общее дело. В Волчанске, Купянске захвачена власть украинскими левыми эс-эр<ами>. Члены центрального штаба тт. Черепанов и Ярошенко расстреляны. В Волчанске целиком вырезан местный штаб. <...>»¹²

В появившемся следом в газете «Борьба» некрологе говорилось о «членах Центрального штаба У. П. Л. С. Р.» Черепанове и Ярошенко, как о «зверски убитых в Славянске во время гетманщины белогвардейской стороной». Студент-технолог Ярошенко (Жорж Перфильев), также побывавший в Бутырской тюрьме за принадлежность к партии эсеров, как утверждалось в некрологе, «после Октябрьской революции был начальником штаба Красной армии тов. Петрова (на Кавказе)». Оба они погибли в результате предательства при попытке осуществить переворот в Славянске, подробности которого, также как и цепочка событий в Купянске, детально еще не выяснены.

Виновником расстрела двух других полевых командиров – Цветкова, о котором составители сборника «Кремль за решеткой» писали как о «принявшем со своим отрядом главную тяжесть первой борьбы с белыми на Харьковском фронте»¹³, и Оглобина, – левые эсеры однозначно называли являвшегося в тот момент командиром 1-й бригады 3-й Украинской советской дивизии П. Е. Дыбенко. По настоянию ЦК УПЛСР позднее была организована комиссия для расследования Купянских событий, в которую входили один левый эсер и два большевика, под председательством некоего Торчинского.

Весной 1919 г. в заметке «Еще о Купянских событиях», опубликованной в нелегальном «Бюллетене» ЦК ПЛСР в Москве, были приведены выдержки из заключения комиссии, направленного в ЦК УПЛСР и Х. Г. Раковскому:

«<...> Из данных, имеющихся в настоящее время в нашем распоряжении, может возникнуть подозрение, что расстрелы левых эсеров Цветкова, Оглобина и других расстрелянных по распоряжению Дыбенко, могли быть и недостаточно обоснованными. Дыбенко в своей телефонграмме говорит о том, что Цветков издал приказ о разгроме гор. Купянска, но это вряд ли можно считать заслуживающим доверия, ибо Цветков является идейным работником и подобное бандитское распоряжение не могло исходить от него».

Как утверждалось в заметке, «все допрошенные в Купянске свидетели не имели никакого представления об этом приказе»¹⁴. Таким образом, о событиях в Купянске, вошедших в историографию под штампом-определением «левоэсеровского заговора», до сих пор известно до обидного мало. Поэтому обнаружение в РГАСПИ в деле с заголовком «Белогвардейские документы, XII – 18 – XII – 19» подборки документов, отправленных в ЦК РКП(б) под грифом «Совершенно секретно» Политотделом РВС Южного фронта за подписями члена РВС И. И. Ходаровского и зав. отделом информации и связи (фамилия неразборчива) из Козлова в качестве «документа по истории революционного движения на Украине» (наряду с несколькими действительно белогвардейскими воззваниями и пятью документами Державной варты) воззвания Е. Ф. Муравьева можно считать исследовательской удачей. Данную публикацию можно оценить, скорее, как пролог к будущему исследованию по данной теме.

«ВОЗЗВАНИЕ

Уразовского и Валуйского гарнизонов и
ко всем товарищам красноармейцам!

ОТ ИМЕНИ СОБРАНИЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ВОСТОЧНОЙ УКРАИНСКОЙ ПОВСТАНЧЕСКОЙ АРМИИ

Товарищи Красноармейцы!

Мы, уполномоченные Революционно-Повстанческих войск, действующих сейчас на Украине, мы обращаемся к вам, как к своим братьям. Мы обращаемся к вам, как к своим братьям. Мы труженики городов и деревень, пошедшие на Украину для ее освобождения от векового рабства и гнета, для освобождения своих отцов и братьев, придушенных, придавленных, засеченных плеткой гайдамака, – мы обращаемся к вам, братья и надеемся, что наш голос будет услышан вами, что вы поддержите нас в нашей тяжелой борьбе с буржуазно-помещичьим, кулачским строем Скоропадского.

Пробил великий час... Могучим размахом энергии революционно-повстанческих войск свержается власть Скоропадского, освобождается для новой светлой жизни Украина...

Неслыханно тяжелые месяцы, полные кошмара, ужасов, разорений и гнета грабителей пережила Украина. Немало героев-бойцов перевешано и расстреляно кровавыми империалистами. Пред нами встает тень славного моряка Бориса Донского, убившего душеителя Украины Эйхгорна...

И жертвы, принесенные для освобождения трудящихся масс Украины, не прошли даром... Восстал трудовой народ Украины... Красные знамена разворачиваются над ее городами и селами...

Товарищи Красноармейцы! Настал последний и решительный бой за права трудящихся, за Социализм... Смотрите: в Германии революция, в Австрии революция, в Болгарии революция, в Сербии революция!

Смотрите! Мозолистые руки рабочего и трудового крестьянина свергают троны и устанавливают рабоче-крестьянскую власть Советов, власть тружеников, заслуживших свое право на власть своим вековым трудом, своим потом и кровью!

И мы, революционеры-Повстанцы, собравшиеся здесь сейчас со всех фронтов, пришедшие сюда потому, что мы считаем, что на Украине сейчас решается вопрос о том, восторжествует или нет всемирная социальная революция, победят или будут побеждены трудовые классы, – мы говорим:

Все в бой! Все к оружию!

Но защищая и восстанавливая Советскую власть на Украине, мы не хотим, чтобы на Украине восторжествовала не подлинная истинно-трудовая Советская власть, а власть Комиссародержавия, которая существует сейчас в России, мы не хотим, чтобы страной распоряжались «Чрезвычайки», ничем не отличающиеся от охранных отделений царского режима, которые, раздавив буржуазию, поработили и трудовое крестьянство, отняли права у людей с мозолистыми руками, и вместо диктатуры трудящихся масс насадили в стране диктатуру комиссаров над трудовым народом, вместо выборного командного состава насадили в армии контрреволюционных генералов и офицеров – «специалистов», но специалистов не по ведению революционной войны, а по предательству и удушению армии.

Мы не хотим, чтобы стон стоял на Украине такой же, как стонет сейчас Великороссия от ига блудливых, лживых, трусливых комиссаров, которые, не будучи избраны трудовым народом, хотя распоряжаться властью, которые разгоняют рабоче-крестьянские трудовые съезды, когда эти съезды постановляют не то, что угодно комиссарам. Соглашательская политика, проводимая сейчас в Великороссии, направленная против власти всего трудового народа и выдвигающая власть только одной партии, – отталкивает от комиссародержавцев все истинно-трудовое, доподлинно революционное и честное.

Не симпатиями и поддержкой трудящихся, а насилиями держится сейчас контрреволюционная власть комиссародержавцев.

Так говорим мы, повстанцы, освобождающие Украину для того, чтобы дать возможность трудовому народу организовать ту власть, которую он хочет, которой он будет верить и которую он будет поддерживать, а не для того, чтобы кто-то прислал сюда каких-то назначенцев, не для того, чтобы кто-то пришел сюда управлять Украиной, не спросивши трудовой народ, желает он или нет, чтобы им управляли присланные откуда-то комиссары, которых никто не знает.

Трудовой народ Украины хочет сам управлять собой, он не хочет, чтобы им управляли «чрезвычайки» и комиссародержавцы, и это показала резолюция Волчанского Уездного Съезда, принятая единогласно, хотя на Съезде были и члены разных партий и беспартийные.

Вот что говорит она:

РЕЗОЛЮЦИЯ,

предложенная фракцией левых социалистов-революционеров и принятая единогласно Волчанским Уездным Съездом Советов Рабочих и Крестьянских Депутатов 27 Декабря 1918 года.

Крах Германского Империализма, связанный с торжеством Американско-Англо-Французского капитала, поставил Украину перед опасностью новой оккупации, опасностью попасть из-под палки Германского капрала под палку Англо-Французского капитализма.

Но в предыдущей (так в документе; очевидно, следует читать: «в предстоящей» – авт.) борьбе русский крестьянин и рабочий встретит поддержку со стороны восставшего и восстающего трудового крестьянства и пролетариата Германии, Австрии, Болгарии и Сербии, где социальная революция идет под флагом провозглашения Советской власти.

И союзу народов Американско-Англо-Французского империализма мы противопоставим Всемирную Федерацию Советских Трудовых Республик, равноправным членом которой войдет Советская Украинская Республика.

В борьбе за Советскую власть на Украине восставшие крестьяне и рабочие свергли самодержавный режим Скоропадского, но на смену ему явился новый предатель крестьянско-рабочей Украины, предатель ее Германскому империализму Петлюра и Винниченко, поставившие на очередь вопрос о предании Украины Англо-Французскому империализму.

И теперь борьба за Советскую власть входит во вторую фазу своего развития в борьбу против Директории и Винниченко, за подлинную трудовую Советскую власть.

В процессе борьбы органами власти могут быть лишь вновь избранные Советы Крестьянских и Рабочих Депутатов или выдвигаемые революционной повстанческой стихией военно-революционные советы и комитеты.

Центральная же власть на Украине может быть создана лишь на Всеукраинском Съезде Советов Крестьянских и Рабочих Депутатов и ни одно самозванное правительство назначенцев – ни Директория Петлюры, ни Директория большевиков, сидящих в Курске, не может быть признана истинно-революционной, подлинной властью трудящихся.

И Волчанский Съезд Советов Крестьянских и Рабочих Депутатов, первых во всей Украине, созидая подлинную Советскую власть, провозглашает непримиримую борьбу за подлинную Советскую власть, за свержение Петлюровской Директории и недопущения на Украине режима чрезвычайек и комиссародержавия.

Волчанский Уездный Исполком
Советов Рабочих и Крестьянских Депутатов.

Вот о чем единогласно говорит первый (после повстанческого движения) на Украине Съезд крестьян и рабочих.

Товарищи красноармейцы! Мы освобождаем Украину не для того, чтобы из-под ига Скоропадского передать ее под иго комиссародержавия.

Мы боремся против Скоропадского, боремся против Петлюры, мы будем бороться и против всех тех, кто без согласия, без желания трудового народа Украины захочет распоряжаться ею. Мы будем бороться против образовавшегося в Курске Временного, так называемого Рабоче-Крестьянского Правительства Украины, которого ни рабочие, ни крестьяне не выбирали, которого они не знают, мы будем бороться против него, потому что оно самозванное правительство, правительство выскочек, потому что оно, засевши в тылу, в Курске, хочет канцелярским путем творить революцию на Украине, хочет повстанческим войскам послать своих комиссаров. Мы заявляем всем, что комиссаров-назначенцев, генералов и офицеров мы к себе не пустим, что мы пришли на Украину, чтобы установить тут выборное трудовое начало как во всей стране, так и в армии. Мы, повстанцы, пришли сюда не для того, чтобы установить тут власть одной партии большевиков-коммунистов, из которой образовалось Временное Правительство Украины, мы пришли сюда, чтобы установить тут власть всех трудящихся Украины!

Товарищи красноармейцы! Комиссары любят распоряжаться, но не любят сражаться. Когда мы забирали Валуйки, с нами не было ни одного комиссара, они были далеко от сражения, когда же Валуйки были уже заняты, – как черные вороны на падаль слетелись с портфелями под мышкой и бывшие, и будущие комиссары, и в очередь стали у комиссарских мест, образовавши хвосты, похожие на хвост очереди за хлебом в голодающих городах.

После взятия Валук образовался там, неизвестно откуда явившийся Уездный Военно-Революционный Комитет комиссарского состава, который потом таким же самозванным, самочинным путем переименовал себя в Повстанческий Военно-Революционный Восточно-Украинского фронта, и постановил, что он должен распоряжаться судьбами повстанческого движения. Ну ладно, повстанческий, так повстанческий, но если назвался груздем, – так полезай же и в кузов, если ты повстанческий комитет, так будь вместе с повстанцами, на фронте, а не сиди в тылу, как это сейчас делается.

Товарищи красноармейцы! За то, что мы говорим, что назначенцев на Украину мы не пустим, чтобы не стонала Украина от ига комиссаров так же, как стонет сейчас Великороссия, где разгоняют рабочие и крестьянские съезды, где участвовать во власти, поступать на работу могут только одни коммунисты-большевики, где даже во многих местах и обеды в столовых даются только для одних коммунистов-большевиков, где не обращают внимания на то, что сначала нужно дать трудовому народу просвещение, а потом он уже и сам пойдет в партии. Темен еще трудовой народ, некому просветить его и не виноват он в том, что темен,

потому что много-много веков давили, угнетали его, не давали свободно вздохнуть, слова не давали молвить. Зачем же давить и угнетать теперь, зачем требовать от него, чтобы он обязательно был в партии. Когда он разберется во всех вопросах – он сам пойдет в партии, добровольно, с радостью пойдет...

И вот за то, что мы говорим так, что мы хотим не власти назначенцев, а выборного начала в армии, хотим армейских фронтовых съездов, на которых мы сами будем выбирать свой командный состав, – за это комиссародержавцы называют нас бандами, хотят разоружить нас.

И это они уже начали делать. На днях в сл<обод>е Уразовой по приказанию их была обезоружена одна из повстанческих частей, 2-й батальон славного Сахаровского полка, разоружена обманным путем, застигнутая врасплох, разоружена часть, 11 месяцев сражавшаяся на казацком фронте и тем доказавшая свою преданность интересам революции, и отправившаяся на повстанческий фронт сражаться за освобождение трудящихся масс Украины.

Товарищи! Пользуясь тем, что у нас нет связи с вами, вас натравливают на нас, хотя, чтобы вы стреляли в нас, а мы в вас, чтобы пролилась братская трудовая кровь, что уже и было в Уразовой при разоружении. Мы должны сказать, что этого не будет, что этого не должно быть, что мы не прольем ни одной капли братской крови!

Нам комиссары не присылают оружия, не присылают снабжение. И оружие, и снабжение мы добываем только сами. Целые армии готовят для нашего разоружения комиссародержавцы и чрезвычайки, так как (освобождая Украину), мы хотим установить истинно-трудовую Советскую власть, а не власть назначенцев.

Вам говорят, наверное, а если не говорят, так будут говорить, что не Повстанцы виноваты (приблизительно три слова стерты на сгибе: по смыслу следует: «а их командный состав». – авт.), который необходимо перестрелять.

Товарищи! Мы пока не видели от своего командного состава ничего плохого, если мы увидим, что он плох, так мы немедленно его сменим, ведь у нас выборное начальство. Когда среди вас будут распространяться различные провокационные слухи, не верьте этому, а выберите своих представителей и пошлите их к нам, чтобы ознакомиться с нашими порядками. И если ваши представители увидят, что наши командиры нехороши, что они плохо делают, и если мы увидим это, тогда мы не только сменим, а и сами расстреляем их. Шлите же скорей, товарищи, к нам своих представителей, свяжитесь с нами, чтобы вас и нас не могли провоцировать, чтобы предотвратить всякое столкновение, чтобы не пролилось ни одной капли святой братской крови!

ТОВАРИЩИ КРАСНОАРМЕЙЦЫ! Гоните же в шею своих командиров-назначенцев, своих офицеров и генералов, которые давят, душат

нашу Красную армию, и поддерживайте, стойте за своих выборных командиров. Товарищи красноармейцы! Через головы ваших командиров-назначенцев мы братски протягиваем руку вам и надеемся, что наша рука не останется висеть в воздухе, что вы примите и пожмете ее. Багряное пламя Повстанца растет и ширится, охватывает всю Украину. Оно будет расти и шириться, оно охватит скоро и Великороссию и весь мир... Повстанец победит!.. Повстанцы пройдут весь Повстанец!..

Да здравствует же Повстанец!

Да здравствует красный III-й Интернационал, всемирный союз рабочих и трудового крестьянства, к которому ведет нас Повстанческое движение!

Смерть всем врагам Повстанца!..

27 декабря 1918 г.

Председатель Собрания

ЕВДОКИМ МУРАВЬЕВ»¹⁵.

Здесь надо пояснить, откуда взялись данные повстанцы. Упомянутая в документе слобода Уразово (ныне поселок городского типа в Валуйском районе Белгородской области, а тогда волостной центр) прежде входила в состав Валуйского уезда Воронежской губернии. Командующим Восточной Повстанческой армии, политическое руководство которой пытались осуществлять левые эсеры, в ноябре 1918 г. провозгласил себя Антон Федорович Авиллов (1895–1947). Полевой командир, эсер-максималист в 1917–1919 гг., он происходил из крестьян. Образование получил в Чугуевском сельскохозяйственном училище (впоследствии окончил рабфак). Во время Первой мировой войны был мобилизован, служил рядовым. После Февральской революции избирался в армейский, дивизионный и полковой комитеты в XI армии. С января 1918 г. являлся товарищем председателя, а затем был избран председателем Валуйского уисполкома советов, одновременно став уездным комиссаром труда и отдела управления г. Валуйки тогдашней Воронежской губернии (ныне Белгородская область). Весной 1918 г. по поручению уездного совета Авиллов формировал части Красной армии, был военруком уездного военкомата. С мая 1918 г. командовал кавалерийским отрядом, проводя работу по формированию партизанских отрядов в оккупированных немцами и гайдамаками селах Валуйского уезда. 24 ноября участвовал в освобождении г. Валуйки от петлюровцев. После тяжелого ранения 29 ноября в бою за слободу Уразово ему ампутировали правую руку. Поэтому, скорее всего, самого Авиллова в момент событий в Волчанске не было в строю¹⁶.

По данным одесского историка В. А. Савченко, в состав Восточной Повстанческой армии входили Волчанский полк Сахарова и Валуйский полк Цветкова. «Еще в начале декабря 1918 года повстанческий ревком в Валуйках, – пишет Савченко в своем исследовании «Авантюристы гражданской войны» в примечании к главе «Нарком Дыбенко – мятежник и

каратель», – в состав которого входили преимущественно левые эсеры, пытался объединить украинские повстанческие отряды «нейтральной полосы» и сформировать свои вооруженные силы. Вскоре в Валуйках был создан левозесеровский Центральный повстанческий штаб и Восточная украинская повстанческая армия как альтернатива «красному» командованию. В состав армии вошли Волчанский полк Сахарова и Валуйский полк Цветкова. Было обнародовано воззвание к повстанцам, в котором содержался призыв не подчиняться приказам большевистского командования и комиссаров. Левые эсеры призвали население организовать сопротивление советской власти и продотрядам. Воззвание подписали Сахаров, Цветков и глава Центрального повстанческого штаба, член ЦК партии левых эсеров Саблин. 29 декабря был намечен состав нового правительства Украины».

Хотя текст данного воззвания нам не известен, но по смыслу оно явно являлось дополнением и продолжением публикуемого воззвания Е. Ф. Муравьева.

Согласно всем сохранившимся в РГАСПИ документам Е. Ф. Муравьева («Личному листку по учету кадров», заполненному 27 декабря 1935 г., приложенной к нему «Краткой автобиографии», «Регистрационному бланку члена КПСС» при обмене партдокументов 1954 г.), между февралем 1919 г. и февралем 1921 г. – в его биографии зияющий провал. В последнем из перечисленных документов, правда, есть запись, что он в течение этих двух лет болел и находился в родном селе Дегтяном. Как раз в то время, когда его товарищи по партии левых эсеров все это время интенсивно подвергались арестам и доставлялись в московские тюрьмы. Почему репрессии не коснулись Муравьева и когда, кем и при каких обстоятельствах он был завербован ЧК, а, может быть, и добровольно предложил им свои услуги, – все это тоже еще предстоит выяснять. Но с определенного момента он, безусловно, вел двойную жизнь. С одной стороны, по личному заданию Ф. Э. Дзержинского проник под видом члена ЦК левых эсеров к сподвижникам А. С. Антонова, провел фиктивный съезд участников антоновского движения, устроил вызов в Москву для ареста членов антоновского штаба. С другой стороны, продолжал заседать в левозесеровских объединениях, например, в президиуме всероссийской конференции ПЛСР объединенных (интернационалистов и синдикалистов) в начале июня 1922 г., на которой он был избран в Центральное бюро. Однако летом 1923 г. он, судя по всему, был выведен товарищами по партии на чистую воду, после чего последовало постановление Центрального бюро Объединения ПЛСР и Союза эсеров-максималистов о нем, адресованное «всем членам объединения». В этом постановлении от 31 июля за подписью секретаря ЦБ Г. А. Нестроева говорилось: «Ввиду того, что член Воронежской организации Евдоким МУРАВЬЕВ ведет систематическую агитацию среди членов

организации и сочувствующих за переход в ряды РКП, оставаясь председателем Воронежского Комитета Объединения и тем самым внося дезорганизацию в ряды Объединения», – ЦБ ПЛСР и Союза эсеро-максималистов постановило исключить его из своих рядов¹⁷. В этом же постановлении сообщалось о том, что «подробности о личности и деморализаторской деятельности Муравьева ЦБ опубликует в ближайшее время дополнительно». К сожалению, такое циркулярное письмо (если, конечно, оно все же появилось) также пока никем не выявлено.

Интересен сюжет с принятием Евдокима Муравьева в ряды ВКП(б). Из документов РГАСПИ выясняется, что о принятии его в партию ходатайствовал лично Дзержинский. На бланке председателя ВСНХ в 1924 г. он адресовался:

«Т. Е. Муравьеву
Дорогой товарищ!

Ваше желание вступить в партию целиком поддерживаю и приветствую и уверен, что Ваша преданность делу рабочего класса и коммунизма, проявленная Вами в работе на Тамбовском фронте, настолько очевидна, что ряд наших работников даст Вам необходимую рекомендацию, за которой прошу обратиться к т. Ягоде. Мне лично давать Вам формальную рекомендацию по формальным причинам неудобно.

С ком. приветом,
19 VII Ф. Дзержинский».

Из этого следует, что первоначально Муравьев сам обратился по этому поводу к Дзержинскому. Поскольку Воронежский губком партии проявил нежелание видеть Муравьева в своих рядах, по-видимому, он снова пожаловался Дзержинскому, который на бланке председателя ВСНХ пишет новую записку, на сей раз на имя Г. Г. Ягоды:

«Генрих Григорьевич,

в чем дело? Почему Муравьеву мы не содействуем вступить в партию? Он тысячу раз на это заслужил! Разве у Вас или Дерibasа есть что против него настолько серьезного? Прошу Вас ускорить это дело.

3/25 г. Ф. Дзержинский».

И хотя начальник Секретного отдела ОГПУ Т. Д. Дерibas охарактеризовал Муравьева как «авантюриста», сообщив заодно о «нашей нередкой материальной помощи давно у нас не работающему Муравьеву», на сей раз вопрос был решен положительно. Он в 1925 г. был принят в ВКП(б). По окончании Института красной профессуры в 1931–1933 г. Е. Ф. Муравьев работал доцентом, а затем и профессором в тогдашнем Историко-философском институте (ИФИ). Своей специализацией он избрал научную борьбу с религией. В 1934–1937 гг. являлся редактором Государственного антирелигиозного издательства, был членом Постоянной комиссии по вопросам религиозных культов при Президиуме

ЦИК СССР. Но в ноябре 1937 г. парторганизацией Института философии АН СССР Муравьев оказался исключен из партии «за связь с сектантами-духоборами».

Во время «Большого террора» репрессии на удивление снова обошли его стороной. Во время Великой Отечественной войны Муравьев вступил в ряды Народного ополчения Щербаковского района Москвы и был рядовым в дивизии на Западном фронте с июня 1941 г. по декабрь 1942 г. Вернувшись с фронта, с 1943 г. по 1947 г. он трудился старшим научным сотрудником музея истории религии АН СССР. Позднее снова вернулся к преподавательской работе, и в 1954–1970 гг. являлся доцентом кафедры истории и теории религии философского факультета МГУ, защитив кандидатскую диссертацию по философии. Много раз подавал заявление на восстановление в КПСС, но получал отказы, как активный в прошлом эсер. Тем не менее, в 1968 г. был награжден орденом Боевого Красного Знамени в связи с 50-летием Октябрьской революции. Последний период жизни являлся пенсионером республиканского значения. По-своему этот период оказался весьма трагическим для него. Как сообщил нам тверской исследователь С. Н. Корсаков, в 1980 г., после смерти жены, Муравьев передал свою двухкомнатную квартиру неким аферистам в обмен на хорошие условия жизни в доме престарелых. Когда обнаружился обман, он стал требовать вернуть квартиру назад, но столкнулся с издевательским отношением, после чего покончил с собой. Впрочем, это обстоятельство, как и ряд других пока еще мало объяснимых эпизодов в жизни трижды исключавшегося из трех партий – ПСР, ПЛСР и ВКП(б) Евдокима Муравьева нуждается в тщательной проверке.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Муравьев Е. Полтора месяца в штабе антоновцев // Воронежские чекисты рассказывают... Воронеж, 1976. С.42–62; Муравьев Е. Полтора месяца в стане антоновцев // Особое задание: Воспоминания ветеранов-чекистов. М., 1988. С.174–192.

² Орган, избранный на губернском съезде советов в декабре 1917 г.

³ См.: Вестник Рязанского педагогического университета. 1996. №1.

⁴ Там же. С.64.

⁵ Партия левых социалистов-революционеров: Сб. документов и материалов / Сост. Я.В. Леонтьев. Т.1. М., 2000. С.294.

⁶ Левые эсеры и ВЧК: сб. документов. Казань, 1996. С.61.

⁷ Российский Государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф.564. Оп.1. Д.11. Л.3.

⁸ См.: Документы Краснянского восстания 1919 г. / Публ. Я.В. Леонтьева // Крестьянский фронт 1918–1922 гг.: Сб. ст. и материалов. М., 2013. С.311.

⁹ Троцкий Л. Сочинения. Т.17: Советская Республика и капиталистический мир. М., Л., 1926.

¹⁰ Голос Революции. (Херсон). 1919 г. №5.

¹¹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.Р-1235. Оп.79. Д.17. Лл.17–18.

¹² Борьба. (Харьков). 1919. 5.01. №4. С.3.

¹³ Кремль за решеткой. (Подпольная Россия). Берлин, 1922. С.209.

¹⁴ Бюллетень Центрального Комитета Партии левых социалистов-революционеров (интернационалистов). 1919. №4. С.4.

¹⁵ РГАСПИ. Ф.17. Оп.66. Д.63. Лл.171–171об.

¹⁶ В феврале 1919 г. А. Ф. Авилов был принят Валуйской уездной организацией в члены РСДРП(б). В июле того же года назначен политкомиссаром санитарной части 2 бригады 42 дивизии 13 армии, а в ноябре того же года стал комполка Первой конной армии С. М. Буденного. В январе 1920 г. демобилизовался из армии по состоянию здоровья и вернулся на родину, снова возглавив Валуйский уисполком. Затем был председателем Воронежского уисполкома (1921), членом губисполкома (1922). В 1925–1927 гг. работал на ответственных постах в губернском земельном управлении. С 1928 г. зам. наркома земледелия и член ЦИК Казахской ССР. В 1934 г. был отозван для работы в Наркомземе СССР. С декабря 1936 г. зам. наркома земледелия Башкирской АССР. Арестован в ноябре 1937 г. В марте 1940 г. приговорен к 5 годам ИТЛ, отбывал срок в Севвостлаге в Магаданской области до 1946 г. В 1946–1947 гг. проживал на родине в с. Борисово, где и умер. Реабилитирован 27 июня 1956 г.

¹⁷ РГАСПИ. Ф.564. Оп.1. Д.10. Л.39.

АТАМАН А. И. ДУТОВ: ПРОДОЛЖЕНИЕ ИССЛЕДОВАНИЙ

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ОБ АТАМАНЕ А. И. ДУТОВЕ *Публ. А. В. Ганина (Москва)*

Со времени выхода моей монографии «Атаман А. И. Дутов» (М.: Центрполиграф, 2006) прошло уже почти десять лет. Появление научной биографии одного из вождей Белого движения, Войскового атамана Оренбургского казачьего войска генерал-лейтенанта А. И. Дутова вызвало немало откликов из самых разных уголков нашей страны и из-за рубежа. Письма читателей содержали интересные дополнения к опубликованному, позволили установить контакты с потомками атамана в Пятигорске, Красноярске и Дмитрове и существенно расширить представления о жизни наследников атамана в СССР.

Ныне на Южном Урале стал формироваться своего рода культ Дутова, – были установлены памятные доски атаману в Оренбурге (на здании гостиницы «Центральная», где Дутов размещался в июле-августе 1918 г.) и в станице Краснинской (на доме, в котором в марте-апреле 1918 г. находился Войсковой штаб Оренбургского казачьего войска). Появились сувениры с изображениями Дутова, посвященные атаману интернет-сообщества, летом 2007 г. оренбургские энтузиасты осуществили экспедицию в поисках могилы атамана в китайский город Суйдун, где обнаружили предположительное ее местонахождение¹.

Пополнялась и историография вопроса (включая смежные темы)², хотя вышедшие работы различались по степени научной новизны, глубине анализа затронутых проблем и уровню проработки документального материала³. К сожалению, не все публикации заслуживают внимания⁴, а некоторые оказались основаны на заимствованиях⁵.

Несмотря на изменение основного вектора научных исследований, автор этих строк продолжал вести изыскания по истории антибольшевистского движения оренбургского казачества в российских и зарубежных архивах. Новые данные нашли отражение в серии публикаций⁶. В частно-

сти, были найдены и опубликованы важные документы о том, что именно атаман А. И. Дутов предложил кандидатуру полковника Д. А. Лебедева на пост начальника штаба Ставки адмирала А. В. Колчака⁷, что в итоге привело к катастрофическим для белых последствиям на фронте.

Поскольку в книгу о Дутове вошли все документальные комплексы, связанные с жизнью и деятельностью оренбургского атамана, архивные дополнения оказались единичными. Особый интерес среди них представляют новые документы о службе Дутова в старой армии, обнаруженные в РГВИА, рапорт атамана адмиралу А. В. Колчаку с объяснением причин сдачи Оренбурга в январе 1919 г., найденный в собрании Музея русской культуры в Сан-Франциско, его письма лидерам Белого движения на Юге России, хранящиеся в Государственном архиве Ростовской области и в архиве Гуверовского института, свидетельства о Дутове, оставленные его начальниками штаба генералами А. Н. Вагиным и И. М. Зайцевым, также обнаруженные в Музее русской культуры в Сан-Франциско. Уникальный взгляд со стороны на организацию Оренбургской армии и причины ее разгрома содержит рапорт британского офицера, прикомандированного к армии Дутова, капитана Ф. Ходжеса, хранящийся в национальном архиве Великобритании. Нетривиальностью фактов отличаются разоблачительные статьи бывшего члена Войскового правительства Оренбургского казачьего войска Г. Г. Богданова, печатавшиеся в красном Оренбурге. Широкую панораму событий в войсках Дутова дает военно-исторический очерк выпускника ускоренных курсов Военной академии в Томске полковника А. Ю. Лейбурга «Южная армия Восточного фронта в 1919 году», хранящийся в собрании Государственного архива Российской Федерации. Представляют интерес бытовые зарисовки участника исхода дутовцев в Китай, публиковавшегося в редких эмигрантских журналах под псевдонимом «Синьцзянский»⁸, а также воспоминания племянника атамана – Н. В. Дутова.

Публикуемые документы и материалы имеют разноплановый характер и различны по своей значимости. Среди них есть и откровенно апологетические статьи сподвижников атамана, есть и ожесточенная критика, а также нейтральные сторонние наблюдения. Тем не менее, они существенно дополняют и расширяют наши представления об одном из крупных деятелей Гражданской войны и судьбе возглавленного им движения. Позволяют они лучше понять и то явление, которое современники и потомки назвали атаманщиной.

Новые данные подтверждают представления о Дутове как о не слишком способном военном администраторе, но особенно твердом, но хитром и лукавом политическом деятеле, склонном к демагогии и заигрывавшим в своих интересах с различными политическими силами антибольшевистского лагеря. Порой подобные заигрывания выходили за пределы компетенции оренбургского атамана (ярким примером служит его письмо ге-

нералу А. И. Деникину с критикой колчаковского командования), подрывая авторитет верховной власти. Тем не менее, атамана это не останавливало. Публикуемые документы проливают свет на противоречия и конфликты внутри белого командования. В частности, содержат некоторые сведения о недоверии колчаковской Ставки по отношению к Отдельной Оренбургской армии, а также новые подробности враждебного отношения хозяйничавшего в Семиречье «атамана» Б. В. Анненкова к вышедшим из тяжелейшего «Голодного похода» дутовцам.

Материалы расположены по хронологии описываемых событий. При публикации мы, как правило, не давали биографических комментариев в отношении оренбургских казачьих офицеров, ограничиваясь указанием инициалов для их идентификации, поскольку справочные данные по этому вопросу можно почерпнуть из нашего с В. Г. Семеновым биографического справочника «Офицерский корпус Оренбургского казачьего войска 1890–1945» (М.: Русский путь, 2007), который в настоящее время доступен в сети Интернет.

Документы публикуются в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации при сохранении стилистических особенностей. Прописные буквы в документах, в тех случаях, когда их использование не представляется оправданным, не сохраняются. Явные ошибки исправлены без оговорок.

1. Материалы о недвижимом имуществе семьи Дутовых

Оренбургский краевед В. П. Афанасьев прислал выписки из «Именного списка домовладельцев Оренбургской станицы Форштадта» за 1884 г., содержащего данные о недвижимом имуществе семьи Дутовых в детские годы Александра Ильича. Ниже публикуются лишь сведения о Дутовых из этого списка, причем родство указанного в списке последним казака К. И. Дутова с семьей будущего атамана нам неизвестно.

№№	фамилия, имя, отчество и звание домовладельца	№№ по одиночной ведомости	где находится	
			часть № квартала и № дома	название улицы, переулка
	Оренбургской станицы			
59	Дутов Петр Степанович, коллежский ассессор	572	Первый квартал	Большая улица, красный порядок
192	Дутов Илья Петрович, есаул	157	Третий квартал	Узенькая улица, красный порядок
657	Дутов Кузьма Иванович, казак	118	Седьмой квартал	Медведевский переулоч

И. д. станичного атамана
помощник атамана

Куликов
Попов

Государственный архив Оренбургской области.
Ф.164. Оп.1. Д.96. Л. 122, 127, 144об.

2. Дутов – студент

Во время своей службы в Харькове в самом начале XX века Дутов в технологическом институте императора Александра III слушал лекции по электротехнике. Никаких подробностей до сих пор известно не было. Новые грани биографии Дутова открылись благодаря письмам, полученным из Харькова от профессора, доктора медицинских наук В. В. Россихина. К сожалению, проверить эти сведения по архивным документам не представляется возможным, тем более, что автор письма не привел конкретных дат из попавших к нему документов, а среди документов Харьковского технологического института начала XX в. отдельных единиц хранения, касающихся обучения там Дутова, по имеющимся сведениям, нет. В этой связи ответственность за достоверность сведений из этого раздела всецело лежит на В. В. Россихине. Он пишет (внесены незначительные правки): «При работе над дневником известного русского профессора-уролога Ивана Ивановича Маклецова, прожившего долгую жизнь (1863–1961), я натолкнулся на клинические рассуждения по поводу поясничных болей у офицера-студента харьковской технологички А. И. Дутова. Иван Иванович тепло отозвался о симпатичном, волевом, умном молодом офицере А. И. Дутове. В дальнейшем архив Харьковского политехнического и дневниковые постреволуционные заметки в дневнике И. И. Маклецова подтвердили идентичность Дутова-студента и Дутова-атамана».

По свидетельству В. В. Россихина, «у проф. И. И. Маклецова (ИИМ) было 2 детей – сын Алексей (род. 1899) и дочь Ксения (род. 1902)⁹. После революции дети эмигрировали с сестрой ИИМ. Сын стал генералом французской армии, дочь вышла замуж за английского морского офицера, ставшего адмиралом. Архивные документы и дневник ИИМ переданы правнуку ИИМ по материнской линии бизнесмену Эндрю Стоунфорту (г. Бирмингем) в 2005 году. Какие-то документы остались в семье профессора Ф. А. Клепикова – ученика ИИМ. С Клепиковыми я поддерживаю отношения и могу справиться о наличии у них документации. Точно знаю, что при жизни Ф. А. Клепикова он поддерживал переписку с кем-то из маклецовской линии... До 1996 года какая-то часть архива находилась у профессора Ф. А. Клепикова...»

В письме Россихина есть и такие строки: «После смерти моего учителя – профессора Ф. А. Клепикова – я попал в его кабинет только через неделю... среди рассыпанных по полу рентгенограмм и бумаг я нашел несколько тетрадей и разрозненных листов с записями ИИМ. Дневни-

ковые записи достаточно подробны были с 1892 по 1922, затем разрыв, затем кое-что 1941–1943 (ИИМ был в оккупации). В 2004 году приехал поверенный из английского посольства, и документы ИИМ уехали в Англию. Мне показалось, что интерес был не столько к ИИМ, сколько к описанию Березовских экспериментов проф. Пильчикова, с которым ИИМ был дружен (как я понял, у них были планы по разработке дистанционного «выжигания опухолей» и разрушения камней мочевого пузыря путем подачи энергии от внешнего источника). И это в начале 20-го века! А возможно, что-то иное – ведь архив Пильчикова пропал. Попал ли он к немцам, которые охотились за архивом, или архив до сих пор где-то надежно спрятан в Харькове?»

К письму была приложена публикуемая ниже с небольшими сокращениями и правками статья В. В. Россихина «Атаман из Политеха», в которой изложены сведения о Дутове из бумаг профессора Маклецова.

Василий Россихин
Атаман из Политеха

Работая с дореволюционными дневниками известного российского уролога профессора Ивана Ивановича Маклецова из клинических разделов, я натолкнулся на упоминание об офицере-студенте Дутове. Немного об И. И. Маклеце – родился в крестьянской семье в 1863 году, окончил медицинской факультет Харьковского университета. Маклецов в 1899 году защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора медицины, стал ассистентом, а затем приват-доцентом у известного харьковского хирурга-уролога А. Г. Подреза, а затем профессором. Имел широкие общественные и медицинские связи, был замечательным диагностом. Это иллюстрирует хотя бы то, что трижды к его диагностическим услугам в качестве консультанта прибегал лейб-медик Николая II, основоположник российской урологии, профессор С. П. Федоров.

В дореволюционных листах дневника Маклецов пишет: «Ко мне на службу приехал профессор Н. К. (кого скрывают инициалы «Н. К.», установить не удалось. – авт.) и просил об услуге студенту-офицеру, пострадавшему в драке. При этом не исключалась госпитализация с целью дожидаться времени, когда скандал утихнет, а студенческие страсти, игнорировать которые администрация технологического института не могла, улягутся. Что было удивительно, так это то, что к вечеру за студента с такими же просьбами обратились профессора-химики Н. С. Курнаков и Л. А. Чугаев. На следующий день ко мне на прием пришел, чуть прихрамывая, молодой человек, в военной форме, подтянутый, с лукавыми глазами, представившийся Александром Дутовым. На скуле и верхней губе его красовались 2-ух дневной давности ссадины, а на голове – на темени, больше слева, – громадная шишка. Во время драки со студентами он получил удар по пояснице и однократно наблюдал гематурию (кровь в моче), без сгустков, самостоятельно разрешившуюся. Я осмотрел

господина Д. Уверен, что имеет место сотрясение почки, которое не требует операции. Учитывая просьбы Н. К., Н. С. К и Л. А. Ч. г-на Дутова госпитализировал в мое хирургическое отделение (хирургическое отделение Александровской больницы. – авт.).

В конце первичного приема я разговорился с необычным студентом-офицером. Узнал, что он имеет отношение к казакам-оренбуржцам, давно расквартированным в нашей губернии, и в настоящий момент занимается изучением телеграфии в технологическом институте. Особо на меня произвело впечатление целостность мышления и основательная убежденность офицера в необходимости образования. Как-то совсем естественно в конце нашей короткой беседы он сказал запомнившуюся мне фразу – «Мне нравится высказывание ученого Бруно, сожженного за верность своему учению, – «Невежество – лучшая в мире наука, она дается без труда, не печалит душу». «Лично я, – пишет Иван Иванович, – получил удовольствие от общения с необычным студентом. Мое опасливое отношение к казакам было сильно поколеблено. За неделю нахождения Дутова на лечении я имел возможность неоднократно убедиться в широте его интересов, внутренней гармонии, верности Отечеству и патриотическим идеалам. В дальнейшем я убедился в том, что не ошибся, поскольку у П. (речь идет о Н. Д. Пильчикове, в дневниках Маклецова имеются аббревиатура Н. Д. П., либо просто П., либо Пильчик. – авт.), знавшего студента много лучше моего, сложилось такое же впечатление».

Следующая запись, касающаяся Дутова, появляется через несколько недель. «Виделся с Пильчиком. Он поблагодарил меня за помощь, оказанную студенту Дутову. Я был несколько удивлен – откуда ему известен господин Д. Оказалось, что наш казак принимает участие в опытах Пильчикова по взрывам на расстоянии. Пригласил П. к себе в имение в Березовку – пусть на моем озере опытничают со своими лодочками и взрывами. Хватит майских событий, когда П. по доносу крестьян забрали жандармы, уверенные, что имеют дело с террористами, исследующими разрушительность взрывов. П. с восторгом и свойственным ему юмором рассказал, что Дутов – человек увлекающийся, посещающий все выступления и дискуссии по передовым техникам и наукам, – с okazji попал в студенческий технологический полуперилегальный кружок, где рассуждали об отсутствии Бога и необходимости политических изменений в России. Студенты никогда не испытывали особой любви к казакам, и, наверное, чем-то спровоцировали Дутова. Последний встал и сказал: «Послушал я вас, господи и сказать хочу – я вам не протестант какой-нибудь и не революционер. Я – оренбургский православный казак, слуга Царя и Отечества. Я и в морду дать могу». В морду он получил сразу, но кончилась это драка большой потерей для студентов – пару фингалов, выбитые зубы и серьезное кулачное повреждение глаза. Правда,

нашего казачка тоже помяли, но сражение он выиграл. Наш человек! Пока есть такие офицеры – есть кому Россию грудью защищать. Таких студентов не исключать, а, как надлежащий пример, благодарить надо».

Профессор Пильчиков и студент Дутов, как следует из дневниковых записей, были гостями в имении профессора Маклецова Березовке, расположенном в 30 км от Харькова. Сегодня – это санаторий «Березовские Минеральные воды», отпраздновавший в 2007 году 145-ю годовщину своего существования. Сегодня еще существует деревянный 2-ух этажный домик Маклецовых, где собирались гости и где, наверняка, были профессор Пильчиков и студент Дутов (в настоящее время – это музей санатория «Берминводы»).

Из дневника: «Пильчик приехал в сопровождении трех ассистентов – инженеров Гольдмана, Бекаури и студента А. Дутова. До этого телегой были привезены из города приборы. Дутов, вероятно, со свойственной казакам натурой, тут же оседлал гнедого Лешу и понесся по проселочной вокруг озера. Тем временем Гольдман и Бекаури приготовили увеличительные линзы и какие-то еще диковинные приборы на правом, возвышенном берегу Березовского озера. К концу их приготовлений подъехал разгоряченный, восторженный Дутов и помог ставить приборы на уложенные горизонтально доски. Он же на коне вошел в озеро и пустил полтора десятка деревянных корабликов, начиненных порохом. Кораблики потом взрывались как от увеличительных линз, так и от невидимых радиолучей. Это было захватывающее представление... после обеда я присутствовал на обсуждении опытов. Как обосновал П. – использование линз не целесообразно с математической точки зрения, а вот по поводу радиолучей произошла целая дискуссия. Дутов строил планы на использование таких приемов для уничтожения снарядов и пороховых погребов врага как на суше, так и на воде... Гольдман доказывал, что полученные результаты не более, как развлекательные опыты. С мнением Гольдмана не согласился П., доказав, как мне представилось, перспективность для военного дела полученных в опытах результатов. Мне показалось, что Гольдман недолюбливает Дутова, а тот, чувствуя это, отвечает взаимностью. Не могу утверждать, что Дутов противник евреев, но к их вольнодумно-либеральным (я бы даже сказал – революционным) прожектам относится если не враждебно, то настороженно. Интересно, что в обед, за застольем, Д. в упор глядя на Гольдмана, перекрестился, обозначил крест на краюхе хлеба и приступил к еде. П. это заметил, ухмыльнулся и тоже перекрестился... интересную фразу мне сказал Д. Он удивлен, что крестьяне поят коров в озере у берега, который хоть и близок к выпасу, но с «плевной водой». На вопрос об объяснении, Д. ответил, что казаки никогда не будут поить коней плевной водой – водой, подернутой на поверхности пленкой. Такая вода – нездоровая. Конь будет слабеть, корова – давать меньше молока и по-

следнее будет горьким, а курица вообще умрет. Утром следующего дня я распорядился набрать подобной озерной воды и напоить петуха, кролика и собаку. Удивительно, но Д. оказался прав – петух и кролик издохли... Надо будет передать воду микробиологам в университет, чтоб поискали соответствующий миазм...»

Нельзя не прокомментировать это замечательное описание. Дутов в начале XX века обратил внимание на «плевную воду», вызывающую болезни. И лишь в конце века ученые обнаружили так называемые бактериальные пленки – естественные колонии бактерий, кооперация которых придает совершенно новые свойства сообществу микроорганизмов, что требует новых антибактериальных медико-биологических подходов.

Последнее упоминание о Дутове отмечено декабрьскими страницами 1921 года: «из газеты узнал, что “революционный меч” настиг врага пролетариата, атамана А. И. Дутова. А я ведь помню этого замечательного человека – человека научного, прямого, честного. Надеюсь, он погиб как подобает защитнику Отечества – в бою...» Иван Иванович не знал, что атаман А. Дутов... был предательски убит чекистскими наемниками... Интересно, что в разработке операции уничтожения А. Дутова участвовали чекисты А. Нахимович и С. Вайнберг – два бывших студента харьковского политеха, – одногодки Дутова, наверняка знавшие его по небольшому периоду (чуть более 4 месяцев) совместной учебы в технологичке.

3. Прикомандирование Дутова к Оренбургскому казачьему юнкерскому училищу в 1908–1909 гг. и подготовка брошюры «Разведка» в 1915 г.

В ходе поисков в фондах РГВИА были обнаружены новые документы, проливающие свет на деятельность Дутова в межвоенный период. До сих пор не было известно об обстоятельствах перевода Дутова в Оренбург, в юнкерское училище. 23 октября 1908 г. штабс-капитан 5-го саперного батальона Дутов писал: «Сегодня, 23 октября, я представлялся генерал-лейтенанту [П. А.] Лайминг, с просьбой о назначении меня на должность помощника инспектора классов в юнкерском училище, на что генерал приказал мне доложить в 4^м отделении о зачислении меня кандидатом на эту должность, на основании имеющегося в управлении моего представления н[ачальни]ка Оренб[ургского] каз[ачьего] юнк[ерского] училища»¹⁰.

Из рапорта начальника училища полковника К. М. Слесарева от 4 ноября 1908 г. следовало, что училище столкнулось с трудностями в приискании «достойного заместителя» должности штатного офицера-преподавателя фортификации. В оренбургском гарнизоне таких специалистов не было, за исключением двух офицеров местной инженерной дистанции¹¹. Между тем, Дутов выразил такое желание. Слесарев

писал о нем в восторженном тоне: «Оренбургский казак и местный уроженец, желает нести службу на месте своей родины, и в данном случае учебная служба в своем казачьем училище более всего отвечает его личным наклонностям.

В ближайшем будущем он предполагает держать испытание на право преподавания фортификации и в случае выдержания такового может быть утвержден штатным преподавателем.

Таким образом, через прикомандирование означенного офицера училище приобретет прочного постоянного преподавателя и через это преподавание фортификации станет на твердые основания.

За прикомандированием штабс-капитана Дутова стоит еще и то обстоятельство, что он, как окончивший академию Генерального штаба, имеет право преподавать некоторые военные предметы, и потому может облегчить службу одного прикомандированного к училищу для этой цели офицера Генерального штаба, обремененного учебной работой до последней степени, трудно выполнимой одним лицом.

На основании изложенного прошу о прикомандировании штабс-капитана Дутова к училищу для преподавания фортификации с конно-саперным делом¹².

Прикомандирование требовало решения ряда формальностей. В частности, необходимо было запросить штаб Киевского военного округа, Главное военно-инженерное управление и штаб 3-й саперной бригады на предмет того, не встречается ли с их стороны препятствий. Бюрократические процедуры затянулись. Дутов числился во временной командировке при училище с 13 января 1909 г., а переведен в училище только 24 сентября 1909 г. На новом месте он занимался в том числе приемом вступительных экзаменов¹³.

По аттестации начальника училища, данной 3 сентября 1909 г., Дутов «к службе относится ревностно, очень дорожит местом службы в г. Оренбурге; аккуратен, исполнитель, с обязанностями помощника инспектора классов и инспектора классов (вр. исправляет эту должность) ознакомлен.

Пользуется отличным здоровьем, физически очень крепок, ездит верхом хорошо и неутомимо; характер имеет общительный, живой и энергичный. Умственно развит очень хорошо.

Нравственности безупречной, вполне трезвый, отличный семьянин. Хороший¹⁴. Жалованье Дутова составляло 780 руб., 1050 руб. преподавательских и 217 руб. 50 коп. квартирных в год¹⁵. В краткой записке о службе Дутова упоминается его дочь Мария, родившаяся 2 мая 1905 г. и, очевидно, умершая в младенчестве¹⁶.

6 сентября 1909 г. военный министр генерал В. А. Сухомлинов лично выяснял вопрос, «поступило ли представление о назначении помощником инспектора классов Оренбургского юнкерского казачьего училища

шт[абс]-кап[итана] Дутова?»¹⁷ Характерный штрих к вопросу о том, чем занималось высшее военное руководство Российской империи.

Конкурентом Дутова в борьбе за должность был штабс-капитан 4-й артиллерийской бригады Протопопов¹⁸. Однако место досталось не ему. 24 сентября 1909 г. Высочайшим приказом помощником инспектора классов училища был назначен Дутов¹⁹.

Еще одна находка связана с изданием Дутовым в 1915 г. брошюры «Разведка». Составив брошюру, посвященную войсковой конной разведке, будущий атаман в мае 1915 г. представил ее на рассмотрение в качестве учебного пособия для кавалерийских и казачьих училищ. Полное название было следующим: «Разведка. Лекции, читанные в Оренбургском казачьем училище помощником инспектора классов» (1915. Цена 50 коп.)²⁰.

Брошюра включала 31 страницу в 1/8 листа с приложением 17 литографированных схем. По мнению бывшего начальника штаба Оренбургского казачьего войска, генерала для поручений при Главном управлении военно-учебных заведений (ГУВУЗ) генерал-лейтенанта М. И. Гончаренко, Дутов «справедливо в своем предисловии не претендует на самостоятельный труд и составил свою брошюру исключительно для ускоренных выпусков.

Общее впечатление от брошюры: составлена старательно, но не талантливо и недостаточно систематически, редакция в[о] многих местах не отличается ясностью, выразительностью, слог местами требует исправлений.

Издана брошюра нетщательно: очень много опечаток и в некоторых местах, по-видимому, и грамматических ошибок...

Тем не менее, брошюру можно признать удовлетворительной и полезной для ускоренных выпусков.

Я бы считал правильным – отнести эту брошюру к разряду допускаемых, а не рекомендуемых»²¹.

Рецензенты также сочли возможным допустить использование брошюры в Оренбургском казачьем училище, «но не расширять круга обращения ее в прочих кавалерийских и казачьих училищах»²². Тем не менее, 17 января 1917 г. брошюра Дутова была рекомендована ГУВУЗом для эскадронных и сотенных библиотек кавалерийских и казачьих училищ.

4. Дутов и украинский вопрос в 1917 г.

Казалось бы, украинский вопрос прямого отношения к деятельности А. И. Дутова не имеет. Тем не менее, фрагмент статьи известного кубанского политического деятеля, активного проводника идей казачьего сепаратизма П. Л. Макаренко из журнала «Вольное казачество» позволил осветить этот вопрос применительно к периоду председательства Дутова на 2-м общеказачьем съезде в июне 1917 г.

* * *

Начало работ казачьего съезда совпало с выпуском Украинской Центральной Радой 1-го своего Универсала, провозгласившего территориальную автономию Украины с оставлением ее в составе Российской республики. Этот Универсал вызвал тогда бурю негодования в среде русских партий.

Вопрос об отношении к провозглашенной территориальной автономии Украины, по инициативе **А. Дутова**²³ неожиданно был поставлен на обсуждение в президиуме съезда. Президиум Съезда в этом вопросе моментально разделился на две, далеко не равные, части. Представители всех казачьих войск подали голоса за осуждение деятельности Украинской Центральной Радой и за оказание моральной поддержки Временному правительству в его борьбе против автономных устремлений Укр[аинской] Центр[альной] Радой, и только кубанец **П. Макаренко** самым решительным образом высказался против каких бы то ни было осуждений Укр[аинской] Центр[альной] Радой, тем более, что казачий съезд в своей резолюции по земельному вопросу высказался, по меньшей мере, тоже за территориальную автономию для казачьих войск.

Несмотря на этот протест, в президиуме была наскоро составлена и на пленарном заседании съезда оглашена нижеследующая резолюция:

«Всероссийский Учредительный казачий съезд вынес уже резолюцию о неделимой демократической республике, как единственно правильном образе правления в государстве Российском, и полагает, что отделение Украины нарушает целостность государства и в настоящее трудное время еще более усугубляет бремя государственного строительства²⁴. Поэтому съезд заявляет, что он решительно поддержит Временное правительство в его распоряжениях, касающихся «универсала», изданного Украинской Радой».

Почти во всех столичных газетах, кроме большевистской «Правды», на другой день появилась эта резолюция с добавлением, что эта резолюция на съезде была «встречена шумными аплодисментами всех членов съезда, за исключением представителей Кубанского войска» (например, газета «Русское слово» № 138, за 20 июня /3 июля/ 1917 г.).

В действительности произошло следующее: когда проект этой резолюции, несмотря на настойчивые возражения представителя кубанцев, был одобрен для внесения на пленум съезда, П. Макаренко немедленно направился к кубанской делегации (пленарные заседания происходили в большом зале здания Армии и Флота; там же, в одной из комнат позади стола президиума происходили совещания президиума съезда), собрал ее членов в стороне, отдельно от делегатов иных войск, и доложил им о том, что президиум собирается предложить вышеприведенную резолюцию на обсуждение съезда; здесь же происшедший обмен

мнений между членами кубанской делегации показал, что большинство кубанцев высказывается самым решительным образом против постановки и обсуждения вопроса об осуждении деятельности Украинской Центральной Рады, незначительное же меньшинство, по-видимому, колебалось и молчало.

После этого П. Макаренко немедленно обратился к председателю съезда А. И. Дутову с просьбой не поднимать этого спорного вопроса на съезде и указал на отношение кубанцев к этому вопросу. Несмотря на это, заседание съезда было открыто и резолюция доложена, действительно вызвав шумные аплодисменты большинства членов съезда и гробовое молчание среди кубанских делегатов. Тогда заместитель председателя съезда **П. Макаренко** настоял перед председателем **А. Дутовым** на объявлении перерыва, чтобы дать возможность кубанцам обсудить создавшееся для них на съезде положение.

Перерыв был объявлен. Коротко обсудив вопрос, кубанская делегация постановила: предложить съезду снять этот вопрос совсем и, в случае не принятия съездом этого предложения, объявить съезду, что кубанская делегация совсем покидает съезд и уезжает на Кубань.

После возобновления пленарного заседания, **П. Макаренко** сделал на съезде вышеизложенное предложение кубанской делегации. После этого председатель **А. И. Дутов** заявил, что в виду протеста кубанцев, зачитанная уже резолюция снимается с обсуждения. Однако русская печать умолчала этот факт, хотя представители русской прессы слышали и видели все происшедшее.

Все же казачий съезд, правда, не путем голосования, а дружными аплодисментами большинства осудил тогда факт провозглашения территориальной автономии Украины.

Макаренко П. Учредительный казачий съезд (по поводу двадцатилетия: 1917–1937) // Вольное казачество (Париж). 1937. Август. №226–227. С. 14.

5. Фрагмент «Донесения о белогвардейских бандах» от 25 августа 1918 г., направленного в секретариат ЦК РКП(б) большевиком С. Д. Поповым с информацией о покушении на Дутова в Челябинске

25-го или 24-го июля был некто бандит Дутов, который ехал в Омск, ехал он экстренным поездом и его сопровождали три вагона казаков. Буржуи ему устроили обед на вокзале и встречали его с хлебом и солью, и была музыка, которая часто играла «Боже, царя храни»²⁵, был выставлен почетный караул и из офицеров и казаков. Сам он одет в пальто как гимназисты, но погоны с вензелями Н[иколай] 2-й²⁶ и эксельбанты²⁷, ему отвечали высоко-превосходительство²⁸. Поезд был с двумя паровозами и стоял часов 8 или больше, когда народ увидел такие ответы, то все заволновались, даже сам почетный караул пришел в

недоумение, а когда это все прошло, то стало волнение, то чехи приказали разойтись и после этого началась вражда у народа с чешскими бандами. Дутов посетил правление Челябинска, нами были посланы люди его убить, но в него не попали, а в вагоны с казаками, но жить ему всего еще осталось трое суток.

РГАСПИ. Ф.17. Оп.4. Д.55. Л.15. Машинопись.

6. **Статья «Под властью Дутова». 1919 г.**

У противника
Под властью Дутова

В редакцию с Восточного фронта доставлено несколько документов.

Строки печатных плакатов, строки, переписанные на пишущей машинке, набросанные от руки, читаются с острым интересом, – они написаны и напечатаны по ту сторону фронта, в местах, где держится власть Дутова.

Разновременно происхождение этих документов, различны поводы, вызывающие их появление, разнообразен их характер. Это только обрывки жизни, зафиксированные на бумаге. Но и по этим отдельным клочкам без труда можно воссоздать картину жизни в дутовском стане – в Оренбургском краю.

* * *

Пространная отпечатанная в Оренбурге «Декларация, принятая единогласно чрезвычайным съездом 1 округа Оренбургского казачьего войска 3 августа 1918 года». Это – целая политическая программа, намечающая ряд конкретных мероприятий во всех областях государственной жизни. Составляли ее люди, несомненно, руководствовавшиеся тонким расчетом, составляли с целью заманчивыми обещаниями, громкими словами подействовать на малосознательную массу казачества.

Боясь, «чтобы не заподозрили казака в чуждой ему контрреволюции», подчеркивая приверженность казачества «социалистическому принципу», авторы декларации не могли все же затушевать своих контрреволюционных стремлений.

Обещая «скорейший переход» в руки трудового крестьянства земель казенных, удельных и т. д. «без всякого со стороны крестьянства вознаграждения» Декларация добавляет:

«Государство же должно произвести отчуждение земель на условиях, не нарушающих экономических интересов страны и обеспечивающих дальнейшее существование собственников до приспособления их к трудовой жизни».

Кому в конечном итоге придется расплачиваться за эту статью государственного расхода – декларация умалчивает.

Пугая крестьян и рабочих призраком «экономического закабаления» России Германией, авторы Декларации пишут:

«Мы с крестьянами и рабочими свои боевые силы должны соединить с нашими союзниками, начав борьбу с большевиками и, стало быть, с Германией, поддерживающей большевиков своими подкреплениями – немцами и мадьярами».

Эта басня о германской поддержке большевиков заканчивается фразой, несколько не желающей считаться с историческими фактами и противопоставляющей «союзные демократические государства» «самодержавным императорам Германии, Австрии и Турции». Темная казачья масса поверит и на слово!

* * *

О том, как проводится при разрешении аграрного вопроса в «Дутовщине» «социалистический принцип», может поведать «Обязательное постановление №2 о праве и порядке пользования землею на 1918–1919 года на территории Оренбургского казачьего войска, 22-го августа 1918 года». Постановление это, подписанное Дутовым в качестве председателя Войскового правительства и членами этого правительства, устанавливает такой порядок пользования *частновладельческими и монастырскими* (курсив документа – прим. публ.) землями:

«Необходимое число десятин по соглашению со станичным правлением оставляется владельцам для своей обработки...»

И далее:

«За земли, взятые на учет станичными правлениями и отданные для пользования населению, должна быть установлена арендная плата по соглашению арендатора с владельцем участка».

Крупным землевладельцам предоставляется «на законном основании» обирать окрестное население.

Казачи разбегаются с фронта

Об этом свидетельствует «Приказ войскам Юго-Западной армии», №123. 8 декабря 1918 г., г. Оренбург (по управлению дежурного генерала).

Приказ, подписанный командующим армией ген[ерал]-лейтенантом Дутовым, гласит:

«В видах пресечения возможности самовольных отлучек казаков с фронта в станицы предписываю, в дополнение приказа войскам армии с.г. № 46 § 3, всех казаков, увольняемых в отпуск, а также и получающих командировки в станицы, обязать немедленно по прибытии туда являться станичным атаманам».

Справка: Рапорт главного начальника Оренбургского военного округа от 5 декабря с.г. №287».

Не помогают, очевидно, и те подачки, которыми белогвардейцы пытаются поддержать падающий дух армии.

Так, окружное правление 1-го округа Оренбургского казачьего войска 15 января с. г.²⁹ разослало атаманам станиц 1-го округа предложение о выполнении постановления окружного съезда 1-го округа от 31 декабря 1918 г. за № 5 § 4 следующего содержания:

«Обязать станичные общества крайне нуждающимся семьям, главы коих убиты в войне с большевиками, выдавать пенсию и пособие по существующим законоположениям из общественных сумм впредь до ассигнования этих пенсий и пособий от казны и войска, доводя об этих выдачах до сведения окружного правления на предмет возврата выданных из общественных сумм ссуд по получении кредита».

* * *

Затаенные надежды дутовщины раскрывает документ, с военными действиями и политикой, казалось бы, общего ничего не имеющий.

Это – определение оренбургского епархиального начальства от 11 июля 1918 г. за № 4892 о расторжении брака супругов Масякиных.

Подписанное членом консистории, секретарем, столоначальником, оно начинается словами:

«Указ его императорского величества, самодержца всероссийского, из оренбургской духовной консистории священнику Покровской церкви, пос. Михайловского Актюбинского уезда.

По указу его императорского величества оренбургское епархиальное начальство, рассмотрев дело о расторжении брака...» и т. д.

Последний Романов – в могиле. И во всяком случае давным-давно не на троне. А оренбургская консистория все еще действует его именем. Поистине по французской поговорке: «Мертвый хватает живого».

* * *

Пышная фраза декларации оренбургского казачьего съезда «казачество не допускает и мысли о восстановлении когда-либо царей, хотя бы и с самой ограниченной властью», – это для других, кого можно и надо обманывать.

«По указу его императорского величества» – это для себя.

Так работают Дутов и его сподвижники.

Не замечая того, что история уже подписала им смертный приговор, что дни их власти уже сочтены.

Под властью Дутова // Известия народного комиссариата по военным делам (Москва). 1919. № 54. 15 марта. С. 5.

7. **Рапорт Дутова Верховному правителю адмиралу А. В. Колчаку от 24 января 1919 г.**

Рапорт А. И. Дутова Верховному правителю адмиралу А. В. Колчаку от 24 января 1919 г., обнаруженный нами в виде копии в коллекции начальника штаба Дутова генерала А. Н. Вагина в собрании музея русской культуры в Сан-Франциско, представляет собой документ исключительной ценности. В этом рапорте оренбургский атаман по должности командующего армией оправдывается перед Колчаком за оставление Оренбурга.

На протяжении всего рапорта Дутов фактически перечисляет различные недостатки своей армии и те трудности, с которыми пришлось столкнуться. Атаман жаловался на отсутствие обещанных ему пехотных пополнений, – при том, что армия была, в основном, конной, а зимой возможности для действий конницы были ограниченными. Отмечал он и то, что с оставлением белыми ряда станиц из армии начали дезертировать и казаки – выходцы из этих станиц. Дутов негативно отзывался о казаках-фронтовиках, не желавших воевать. Беспокоила Дутова некомпетентность казачьего офицерства, в том числе героев партизанского периода борьбы – заслуженных повстанческих вожakov, которые показали свою неспособность руководить войсками, когда наступил период строительства регулярных вооруженных сил. Упоминает оренбургский атаман и предательство башкирского лидера А.-З. Валидова, по приказу которого башкирские части обнажили фронт. Еще одной причиной неудач Дутов видит упразднение единого командования уральскими и оренбургскими частями, произошедшее в конце 1918 г. в связи с расформированием Юго-Западной армии и созданием из нее Отдельных Оренбургской и Уральской армий. Несогласованностью отличались и действия соседней Западной армии, в связи с чем Дутов призывал к созданию единого фронтового командования.

Завершалось письмо характерными для Дутова демагогическими заявлениями о том, что по итогам борьбы с большевиками Оренбургское войско станет нерушимым. Что удивительно, в самом конце следовало перечисление стратегических ошибок, которые, по мнению Дутова, были им совершены. Среди них есть и поразительное самообвинение в связи политики со стратегией, что, казалось бы, вполне естественно для Гражданской войны. Тем не менее, документ вполне характеризует уровень мышления оренбургского атамана, волею судеб оказавшегося во главе антибольшевистского движения на Южном Урале.

Документ представляет собой незаверенную машинописную копию. Никаких данных о том, был ли он отправлен и получен адресатом, какова была реакция Колчака, обнаружить не удалось. Тем не менее, сам по себе этот рапорт привносит новые штрихи в картину жизни и деятельности Дутова и истории Гражданской войны на Южном Урале.

Командующий
Отдельной Оренбургской
армией и
Войсковой атаман
Оренбургского казач[ьего] войска.
24 января 1919 г.
№....
Ст[аница] Верхне-Озерная

Копия
Верховному главнокомандующему

Рапорт

21 января г. Оренбург после возможной эвакуации без боя занят красными.

В настоящее время части противника занимают ст.ст.³⁰ Сакмарскую, Нежинскую, Каменно-Озерную, выставив, таким образом, заслон для прикрытия Оренбурга. Из представляемых сводок, телеграфных донесений в Ставку было видно, что противник действовал по строго определенному и заранее согласованному плану:

После взятия Уфы, пользуясь железной дорогой, красные сосредоточили ударную группу сильного состава на своем правом фланге, взяли Стерлитамак и повели наступление на Оренбург с трех сторон: с севера – со стороны Стерлитамака, с запада – со стороны Бузулука и с юга – со стороны Актюбинска. Наступление с севера имело район в виде треугольника, вершиной которого был Стерлитамак, основанием – линия Орской железной дороги Саракташ – Сакмарская. С запада красные наступали в четырех группах: 1) вдоль реки Дема, 2) вдоль р.р. Б. и М. Чуран, 3) по железной дороге и 4) в разрез армий Оренбургской и Уральской, примерно, по разграничительной линии. С юга наступление велось двумя колоннами: 1) по правому берегу р. Илека, 2) вдоль Ташкентской железной дороги.

Противник имел во всех колоннах только пехоту с большим числом орудий, не включая и тяжелой артиллерии, число пулеметов было громадно. Конницы на всех направлениях у красных было не более трех тысяч. Количество пехоты, наступающей с севера, определяется в 8–10 тысяч, с запада – до 5 тысяч и с юга – до 8-ми тысяч человек, по моим выводам всего на Оренбург наступало от 20 до 25 тысяч человек пехоты, около 3-х тысяч конницы, до 250 пулеметов, преимущественно Максима и до 100 орудий легких и 15–20 тяжелых. Вся пехота имела для передвижения сани, запряженные парой лошадей.

Со своей стороны я мог выставить 9-ю Башкирскую дивизию из 4-х пехотных полков, силою в начале операции до 2000 штыков при 2-х легких орудиях, 2-ю стрелковую дивизию из 4-х полков силою в 1200 человек при 4-х легких орудиях, 5-ю стрелковую дивизию из 4-х полков силою до 850 штыков при 4-х легких орудиях; Атаманский стрелковый полк в 300 штыков, Степной партизанский отряд в 140 штыков, пластунские казачьи части около 1000 штыков, 11-й Бузулукский пехотный³¹ полк в 280 штыков, всего пехоты в начале операции было около 5 1/2 тысяч штыков при 72 пулеметах и 32 орудиях легких и гаубичных³², тяжелая артиллерия в бою участия не принимала за неимением снарядов, о чем уже два месяца тому назад доносилось в Ставку. Конницы было более, чем достаточно: три казачьих дивизии, 2 кавалерийских малочисленных полка, два казачьих полка, не приданных дивизии и Атаманский конный дивизион, всего конницы было 17 полков, силою в 10 200 сабель при 60-ти пулеметах.

Всего армия в составе I-го Оренбургского казачьего и 4 [Оренбургского] армейского³³ корпусов располагала к началу операции пехотой

5500 штыков, 10 500 сабель [при] 140 пулеметах и 32 орудиях, не считая команд специальных войск и особых мелких частей. Фронт армии около 500 верст, по линии р. Б. Ик, Спасское, Чебенки, Аскарينو, Якупово, Юзеево, Романовка, Исянгулово, Гумерова, Балейка, Ново-Сергиевская, Черепаново, Калугино, Илецкая Защита, хут. Высокий, Харьковский, вдоль железной дороги на Ташкент и севернее Актюбинска 15 верст.

На таком фронте стояли указанные выше войска, имея в том числе и армейский резерв.

Армейский резерв состоял из 2-х казачьих полков, Атаманского дивизиона, 11-го Бузулукского полка и одной разведывательной сотни, всего 280 штыков, 2200 сабель и 2-х легких орудий.

Наступление противника развивалось очень быстро, энергично, и удары были направлены на Орскую железную дорогу с целью ее перерезать, и с юга на Оренбург. Бузулукская группа нажимала слабо. С первых же дней операции части, будучи малочисленны и разбросаны на огромном фронте, были разобщены между собою и сразу же начал расходоваться армейский резерв с целью закрывать прорывы.

Пришлось, обороняясь на Бузулукском направлении, все силы сосредоточить к Илецкой защите с целью взять ее; когда же эта операция получила затяжной характер и обнаружилась сильная угроза Орской железной дороге, пришлось перейти к обороне и на этом участке, перебрасывая спешно войска на Орскую дорогу.

Части снимались с боя и, иногда переходя по 80 верст в сутки при 30° морозе, шли опять в бой.

Была большая убыль, как от боев, так и от мороза, донесения становились все тревожнее. Началась спешная эвакуация Оренбурга и нужно было во что бы то ни стало сохранить Орскую железную дорогу. Все усилия были направлены на север. К дню оставления Оренбурга части были совершенно не боеспособны; так 11-й Бузулукский пехотный полк имел у себя в рядах 35 штыков, 5-я стрелковая дивизия – около 250 штыков, 2-я стрелковая – около 800 штыков, Степной партизанский отряд – 19 человек и т. д. Казачьи полки дошли до 120–150 сабель. Артиллерия едва-едва могла везти орудия – не было прислуги. Удар противника в разрез между Оренбургским и Уральским казачьими войсками с занятием нижних станиц окончательно внес разложение в армию. Казаки бросились в свои станицы, и полки обезлюдели. Большевическая³⁴ пропаганда велась все время, и особенно подчеркивалось, что казачков не тронут, дома жечь не будут, и что казаки будут автономны. Все это в связи с четырехлетней войной и одиночеством в борьбе сказалось, и полки развалились. Мною были предприняты все возможные меры: и разоружение, и расстрелы, и порка, но ничто не могло остановить какого-то стихийного помешательства. Так, например, 1-й Орен-

бургский казачий полк имеет около 120 шашек, полк состоит преимущественно из молодых казаков; полк вышел в боевую линию, имея 980 шашек, и в течение 3-х месяцев не выходил из боя, сражаясь, главным образом, пешком. 16-й Карагайский казачий полк, сформированный в мае месяце, ни разу не отдыхал, сделав с боями непрерывно несколько тысяч верст, начав бои под Верхнеуральском, преследовал противника через Уфимскую губернию до ст. Иглино, оттуда был переброшен в Оренбург, и из вагонов отправился в бой в конце сентября и с того времени ни разу не выходил из боя.

Мною неоднократно доносилось в Ставку, как генералу Болдыреву, так и Вам, что у меня почти исключительно конная армия, и что для зимних операций она мало пригодна, так как полки связаны лошадьми, и что в бою участвует только половина, так как конных атак почти не было, а наблюдались исключительно пешие бои.

Помощь пехотой мне была обещана еще в сентябре, и, затем, представитель войска полковник Анисимов доносил, что нам в армию предназначались сначала французские части, потом английские, потом чешские, и, наконец, сибирские. Но в силу постоянно менявшейся политической обстановки такая помощь оказана быть не могла: сначала ликвидация Комуча, потом распад Директории, падение Уфы и события в Омске в связи с семеновской автономией окончательно сделали присылку помощи вопросом времени и долгого времени. Я отлично учитывал это обстоятельство и принимал меры к выигрышу времени, создав три линии укрепленных позиций вокруг Оренбурга, которые, к сожалению, не были совершенно использованы войсками, проходившими их без боя и остановки в виду развала и неспособности части командного состава³⁵. Касаясь здесь командного состава, главным образом, казачьих частей, с грустью должен доложить, что почти половина его оказалась непригодной к занимаемым должностям. Я был до известной степени связан в деле назначения офицеров, как постановлениями окружных съездов, так отчасти и Войсковым Кругом, ибо были выдвинуты на высокие посты люди, оказавшие большие услуги войску в момент восстания и когда не было правильной войны, а боевые действия имели характер случайный, партизанский, части не имели организации и отчетности. При ведении же настоящей войны, подчас герои, офицеры оказались никуда не годными администраторами, а еще хуже тактиками. 3/4 командного состава – офицеры ускоренных выпусков со слабой подготовкой и почти без всякого образования, кругозор их невелик. Не могу скрыть и того обстоятельства, что часть офицеров, пережив³⁶ революцию, забыла причины пропасти между рядовым и командиром и круто приняла дисциплину старого порядка, чем вызвала в казаках недоумение; другая часть совсем распустила вожжи, пьянствовала и совершенно не заботилась о хозяйстве и быте сотни и полка. Я боролся жестоко с этими явлениями, было порядочно разжаловано, по-

рядочно офицеров переведено в строй рядовыми, много смещено, гауптвахта всегда имела двойной комплект обитателей, и, тем не менее, распушенность сократилась, но не прекратилась. Три офицера были расстреляны за безобразия, но офицерство как-то не реагировало на это, живя только сегодняшним днем.

В виду того, что существовали правительства Алаш-Орды и Башкурдистана, которые имели свои национальные войска и производили офицеров даже через чин, платили им большое жалованье, – замечалась тяга офицеров в эти части. Попав в эти части, офицеры в большинстве случаев являлись лишь игрушкой в политической борьбе родов и партий этих народов.

Г[осподи]н Валидов, начальник военного отдела Башкирии, совершил тягчайшее государственное преступление во время этой операции. О преступных действиях Валидова мною уже доносилось раньше; ныне же этот гражданин, в разгар самых тяжелых боев в районе Дедово-Исаево, прислал приказ всей 9-ой Башкирской дивизии немедленно перейти в район Разномойка – Ташла – Мраково, чем совершенно открыл фронт на Оренбург. Преследуя узкие национальные и личные цели, Валидов поставил всю армию в неприятно-тяжелое положение, и мне едва-едва удалось заполнить прорыв измученным донельзя 14-м казачьим полком, только что вышедшим из боя. Мною начальник Башкирской дивизии и его на[чальник] шта[ба] див[изии] отстранены от должностей. Мною посланы телеграммы в Ставку о Башкурдистане.

Прошу еще раз дать мне пополнения или запасных сибирских полков для пехотных частей. Несмотря на просьбы, мне до сего времени не разрешена мобилизация уездов Орского и Актюбинского, почему я не мог приготовить соответствующих пополнений, имея прекрасные боевые кадры: было бы желательным ускорить разрешение на мобилизацию указанных уездов.

Считаю долгом донести Вашему Высокопревосходительству, что дело³⁷ управления армией и выполнения директив Ставки, а также задач, возникающих согласно обстановке, сильно затрудняется несогласованностью фронтов отдельных армий. Выделение Уральской армии в отдельную есть одна из причин катастрофы, ибо как бы ни была сепаратна Уральская армия, я все-таки имел возможность координировать действия, группировать резервы и преследовать общую цель; с момента же выделения Уральской армии получились сразу несогласованные действия. Уральская же армия целиком зависела от работы Оренбургской, так как база уральцев был Оренбург, а военная дорога проходила вдоль линии фронта вверенной мне армии.

Западная армия действовала тоже самостоятельно и, когда с падением Уфы, образовался стоверстный прорыв, то я должен был занять Стерлитамак и хотя [бы] на первое время обеспечить себя с севера, что

растянуло фронт армии слишком³⁸ на сотню верст. Было бы очень важным иметь один фронт – Западная, Оренбургская и Уральская армии – тогда получилась бы большая согласованность работы.

Я без ужаса сейчас не могу думать о тяжелом, почти безвыходном, положении уральцев и одна из главных целей моих ближайших операций – выручка уральцев.

Должен также доложить, что во время всех военных операций нарушается основной принцип военной науки – стратегия и политика согласуется так: до войны политика диктует стратегии, во время ее – обратно. У нас же все операции зависели от политики. Я должен был считаться с политикой Башкирии и перебросить всю пехоту башкир с Актюбинского фронта на северный участок в пределы Башкирии; это было первое изменение боевого распоряжения в зависимости от политики. Заговор в Оренбурге и события в Омске отразились и на фронте. Я принужден был в Оренбурге держать надежные части в ущерб фронту. Крайне враждебное настроение крестьян, зачастую стрелявших в войска при проходе деревни, отнимало силы для тыловой службы. Настроение городских низов было не на нашей стороне, и это заставляло дробить внимание и учитывать иногда важность тыла в ущерб боевой линии.

Недостаток оружия не позволил в полной мере использовать запасные казачьи части, а полная изношенность материальной части артиллерии вывела из строя 50% орудий в разгаре боев под Оренбургом. Об этом инсп[ектор] арт[иллерии] арм[ии] доносил в Ставку.

Мною была произведена мобилизация до 55 лет казачьего населения первого округа, давшая в 24 часа около 4-х полков с прекрасным духом, но неприбытие 12 000 обещанных винтовок заставило распустить часть полков. Настроение казаков таково: молодые, призванные на действительную службу, – элемент вполне надежный, старики от 40 и выше лет – прекрасны, горят желанием сражаться, середина – фронтовики, большей частью, элемент скверный, особенно первого округа нижних станиц и станиц вдоль Самарской железной дороги, распропагандированных³⁹ еще на фронте во время революции; они и составляют заразу частей. Во время ведения этой операции дезертиры-фронтовики-казаки внесли панику в станицы и, несмотря на жестокие меры, пришлось считаться с тылом. Были случаи, что казаки-артиллеристы выпрягали упряжных лошадей и уезжали в свои станицы.

Наряду с этим 16-й Карагайский моего имени полк, Атаманский дивизион и полки 9-й и 10-й Оренбургские казачьи доблестно и беззаветно несут свою службу и еще теснее сплачивают свои ряды на защиту Родины и войска.

Остатки пехотных частей выше похвалы. Часть станиц, как, например, Краснохолмская, совершенно большевические⁴⁰, и, в то же время, есть

станицы, целиком выселившиеся и вставшие в ряды войска поголовно. Бедствия, каковы терпит Оренбургское казачье войско, неисчислимы.

Паника тыла оказала сильное влияние на армию; тяга домой увеличилась, особенно при проходе через свои станицы.

Нахождение Войскового правительства в Оренбурге со всеми его учреждениями сильно сказалось на ведении операций, и в то же время нельзя было его перевести, ибо это влияло на настроение войска. Гражданская война вносит свои требования в ведение войны, и поэтому приходится многое делать не так, как бы требовалось наукой.

Излагая и донося обо всем происшедшем, считаю долгом доложить, что как Войсковое правительство, так и большинство, вернее, 75% Оренбургского казачьего войска, будут вести войну до конца, дадут огромное напряжение, но восстановят положение и разобьют врага. Я, как командующий армией и атаман, совершенно спокоен, и только это новое несчастье окончательно скует казачество неразрывными узами братства всех станиц и округов и сделает Оренбургское казачье войско нерушимым.

В настоящее время мною и чинами штаба армии предпринято все к восстановлению фронта и порядка, и я уверен, что все это будет сделано в самый короткий срок.

Доложив все об операции под г. Оренбургом, для полного освещения дела ясно вижу свои стратегические ошибки:

1) Во-первых, до самого конца верил в стойкость всех казачьих станиц и твердость фронта, что заставило меня медлить с эвакуацией. Хотя никаких трофеев в руки противника не отдано и все вывезено, тем не менее, эвакуация носила спешный характер.

2) Веря в доблесть всех полков и их командиров, предпринял операцию под Илецкой Защитой с целью ее взятия, рассчитывая взять ее и тогда уже, окончательно прервав Туркестан, обрушиться всеми силами на север.

Полки под Илецкой Защитой действовали вразброд и вяло, и операция приняла затяжной характер, и я потерял три дня.

3) Недостаточно сурово проводил требование иметь частные сильные резервы со стороны командиров корпусов.

4) Допустил пребывание штаба армии в линии боевого расположения и оперативную часть штаба вывел из города в момент вхождения в него красных, что отразилось на связи (такое решение было для предотвращения паники в городе и тыловых учреждениях).

5) Сразу израсходовал свой и без того слабый резерв, спасая Орскую дорогу.

6) Участвуя сам в политике, невольно политическую обстановку связал с[о] стратегией.

Генерал-лейтенант

Музей русской культуры в Сан-Франциско.

Коллекция А. Н. Вагина. Незаверенная машинописная копия.

8. Идентификация персоналий на фотографии банкета в Троицке с участием Верховного правителя адмирала А. В. Колчака и А. И. Дутова.

Письмо от потомка участника событий Р. В. Шкоды и присланные им в качестве подтверждения фотографии из семейного архива позволили установить прежде неизвестных лиц на опубликованной в книге о Дутове фотографии банкета в Троицке с участием Верховного правителя адмирала А. В. Колчака, что расширяет представления о круге общения атамана: «На фотографии 1919 года между фигурами Дутова и Колчака стоит (слегка облокотившись на спинку стула Дутова) мой прадед Петр Евдокимович Степанов (1872–1926), а рядом с ним (левее него) – моя прабабушка, Софья Васильевна Степанова (Лавровская). Высылаю вам несколько фотографий, подтверждающих этот вывод... П. Е. Степанов был одним из крупнейших предпринимателей тогдашнего Троицка, имел большой, сохранившийся до нашего времени, дом, автомобиль (есть фото автомобиля); был председателем различных обществ города. После революции и гражданской войны остался в России... справа от прадеда стоит женщина в белой одежде и черной шапочке. Это – М. Яушева, жена одного из богатейших людей Троицка».

9. Неизвестные письма Дутова на Юг России. Лето 1919 г.

Документ 1

Письмо Дутова главнокомандующему Вооруженными силами на Юге России генералу А. И. Деникину от 23 июля 1919 г.

Летом 1919 г. Дутов в своих политических играх решил активизировать контакты с белым Югом. Возможно, он пытался сделать ставку на более успешного в борьбе с большевиками главнокомандующего Вооруженными силами на Юге России генерала А. И. Деникина с очевидной целью не опоздать к дележу пирога после победы белых. Как и во многих других случаях, атаман не гнушался откровенно лгать, стремясь произвести впечатление на Деникина. Отметим, что написание подобных писем главе союзного Колчаку фронта, да еще с критикой колчаковской стратегии, выходило за пределы компетенции Дутова с тех пор, как он добровольно подчинился Верховному правителю. Тем не менее, общероссийские политические амбиции у атамана остались. К сожалению, первый документ сохранился не полностью – отсутствует окончание письма, причем, судя по резолюции генерала П. А. Кусонского и других штабных работников, пропажа произошла еще в 1919 г. Штабом главкома ВСЮР письмо было получено лишь в декабре 1919 г., когда актуальность его утратилась. Тем не менее, для историков этот сохранившийся отрывочно документ представляет интерес.

Походный атаман
всех
казачьих войск и
генерал-инспектор
кавалерии
русской армии
23 июля 1919 г.
№ 2662
Ставка.
гор. Хабаровск

Копия
С[овершенно] Секретно

Его Высокопревосходительству
генерал от инфантерии⁴¹ А.И. Деникину –
главнокомандующему русскими войсками
Юга России⁴²

Ваше Высокопревосходительство
глубокоуважаемый Антон Иванович

Приказом Верховного правителя я командирован на Дальний Восток, отчасти для улаживания казачьих вопросов, отчасти для укрепления порядка и власти и отчасти для инспекции воинских частей. Вот почему я пишу из г. Хабаровска. Считаю чрезвычайно важным доложить Вам о положении дел Сибири я, хотя и предполагаю запоздалость моих донесений, все же это делаю ради полного освещения дел.

Податель сего письма войсковой старшина Солянский служит у меня в штабе недавно, почему я не считаю возможным поручить ему мое представительство у Вас, но как прекрасного боевого храброго офицера-партизана, командирую курьером.

Буду докладывать по порядку.

I. Военный обзор

Положение армий Восточного фронта критическое, но не безнадежное. Начну доклад издалека. Еще в ноябре месяце 1918 г., когда был у меня проездом генерал [А. Н.] Гришин-Алмазов, я предлагал для общих операций план следующего содержания: обратить внимание на левый фланг – район Оренбург – Самара – Уральск – Саратов. Усилить здесь войска, сосредоточить резервы, войдя с Вами в связь, начать весеннюю кампанию в этом направлении, на предмет соединения с Вашей армией.

Выгодами этого плана я выставлял:

- 1) Соединение с Вами, физическое единство фронта.
- 2) Приобретение Вас, Вашего штаба, офицеров Генштаба и др. солидных кадровых офицеров, чего у нас очень мало.
- 3) Огромное поднятие настроения в обществе, в наших и Ваших армиях при соединении, использование этого энтузиазма в целях быстрого наступления.
- 4) Приобретение бассейна Волги.
- 5) Полной изоляции Советской России от всех источников питания и снабжения.
- 6) Чисто русское начало движения на Москву, торжество русско-го духа без участия союзных войск.
- 7) Соединение Юга с Востоком, приобретение лучших людей для образования Совета министров, ибо у Вас вся русская мыслящая интеллигенция и все имена.

8) Разрешение реально вопроса о конструкции власти и пресечения всех споров о таковой и успокоение общества в смысле единства командования, единства власти и целостности Руси.

9) База и военная дорога армий проходила бы через мое и Уральское войско, т. е. по территории крепкой духом, не зараженной большевизмом казачьей земле. И хотя нам было бы и тяжело, но мы охотно брали на себя все устройство и охрану тыла.

План мой принят не был. В то время была знаменитая пятерка⁴³ и генерал Болдырев, являясь главковерхом, был нерешителен и связан социалистическими бреднями со своими коллегами. Была боязнь, но более Вас и Вашей армии, считая этот район глубоко монархическим. В это время народная армия, плохо спаянная, еще хуже организованная и почти необученная, бежала, увлекла чехов и их разложила. Наступил переворот 18 ноября и адмирал Колчак стал Верховным правителем и Верховным главнокомандующим. Я первый без всяких оговорок признал эту власть и ее поддерживал силой, в те времена только одна моя армия была целой и сильной. Сибирской еще не было, она формировалась. Западная разлагалась, благодаря Уфе. Моя Юго-Западная армия оставалась спокойной. Я вновь предложил свой план, но он вновь был отвергнут. Во-первых, меня обвинили в том, что я хочу спасти только свое войско, не думая о России. Во-вторых, что я рекламирую себя и хочу пожать лавры. Это предположение меня возмутило до глубины души, но, тем не менее, я настаивал на подкреплении моей армии пехотой, ибо таковой было мало, а исключительно армия состояла из конных казаков, хотя я и создал дивизию из мобилизованных крестьян, но она не была надежной, а созданная пластунская бригада была недостаточна. Помощи я не получил, как не получил ни оружия, ни орудий. Дело было зимой и конница была плохой работницей. В это время Уфа была накануне падения, и я вновь доложил в Ставку, что падение Уфы и Стерлитамака ставит мою армию в критическое положение, просил, умолял о подкреплении, но вновь ничего не получил.

Я же дрался на два фронта: 1) Самара – Стерлитамак и 2) Актюбинск – Кара-бутах.

Уфа пала, подкреплений я не получил, и противник обрушился на меня со стороны Стерлитамака на Орск, т. е. в тыл армии. С невероятными лишениями, боями в 40° мороз, в метели, я лично, командуя арьергардом, вывел армию из катастрофического положения, устроил ее и вновь перешел в наступление, забрав опять всю оставленную территорию, кроме г. Оренбурга и вновь соединился с уральцами. Но опять отдана Уфа и все прочее за ней.

В феврале 1919 г. я имел свидание с адмиралом и вновь высказал свой план. Но чины Ставки, особенно наштаверх⁴⁴, мой план раскритиковали, опять указав на мои честолюбивые замыслы. В то же время я узнал вполне точно, что Совет министров и Ставка решили, что у них

достаточно сил для наступления самостоятельно и что аппарат центральной власти совсем сконструирован, и потому надо идти на Москву коротким путем и своими силами, первыми прийти в Москву и не быть ни от кого в зависимости и диктовать свою волю. Я ужаснулся этому решению, переругался со всеми и категорически отказался от командования армией и заявил, что я не участник гибели русской армии и авантюристической стратегии. Я им говорил, что все дело решит Юг, и без него мы не овладеем Волгой. Но мой голос был одинок. Я ушел из армии и получил то назначение, каковое значится на бланке. Да и этого не хотели, но заставил Верховный правитель.

Я еще раз пробовал доказать Ставке всю эфемерность плана. Говорил, что они губят адмирала, я, глубоко уважая А. В. Колчака, старался оберечь его имя и даже, добившись приема, высказал все, что было на душе и что адмирала окружают честолюбцы и узкие люди, и что его обманывают, не все докладывают, много скрывают и что опыт истории дал нам примеры: адмирала Чичагова в 1812 г. и адмирала Алексеева на Д[альнем] Востоке и что ныне Вы, адмирал, руководите сухопутными войсками и как бы худого не вышло. Затем доказывал, что движение на Уфу – Симбирск – Москва, конечно, кратчайший путь, что он даст славу Сиб[ирской] армии и омскому правительству, и что таким движением исключается непосредственная связь с Вами и группой генералов Юденича и Миллера, и что лавры будут омские, но ведь медведь не убит, раз, а, во-вторых, стратегия учит нас рвать центр, надо иметь столько же в резерве, сколько в боевой линии, а этого не было – значит, риск, наша армия едва сколочена, она не может рисковать и не должна. Говорил про Юг и его значение, но, увы и здесь мой взгляд потерпел фиаско, и вот я путешествую по Сибири. Я очень прошу Вас, Ваше Высокопревосходительство, верить искренности моих чувств по отношению к родине, совершенно исключая мои личные взгляды. Может быть, тон моего письма даст Вам предположение, что я слегка будирую, будучи обойден или обижен и в то же время учитывая положение, забегаю к Вам, ради будущих выгод. Вы меня не знаете и только слышали обо мне. Клянусь честью офицера, что пишу только для Вашего осведомления и только ради блага Родины. Моя мечта будущего – отдых и работа [в] русском парламенте – другого ничего не ищу. Я исключительно предан Верховному правителю, ценю его кристальную честность и русскую душу и ради чего отдаю все, включая и жизнь, если это будет ему нужно. Я только скорблю за Россию и ее Верховного правителя, его именем делается многое и неизвестное ему. В настоящую свою поездку по России я все время пропагандирую верховную власть Омска и требую беспрекословного ей подчинения.

Переходя к тылу Сибири – скажу, что тыл сносный, организация имеется. Дорога работает прилично, поскольку это возможно, ныне при недостатке то того, то другого. Имеются резервы, кадры, мобилизации

проходят спокойно. Хуже обстоит дело на Д[альнем] Востоке. Семёновская история с долгим непризнанием Верховного правителя и нетвердой политикой ген[ерал-][лейтенанта] Хорват, создали положение, при котором подорвался престиж власти и теперь это отражается на спокойствии края. Здесь идет всю партизанская война, рвутся мосты, разрушается дорога, нападения на почты, убийства милиции и т. п., сильно подрывают авторитет власти и вносят хаос. Теперь на это обращено серьез[ное внимание]...

Архив Гуверовского института. Vrangel Collection.
Box 52. Folder 12. Машинописная копия.

Документ 2

Письмо Дутова Кубанскому войсковому атаману 26 августа 1919 г.

Письмо читателя, пожелавшего остаться неизвестным, содержало копию письма Дутова на Кубань, датированного 26 августа 1919 г. и отложенного в фондах Государственного архива Ростовской области.

Походный атаман
всех
казацких войск и
генерал-инспектор
кавалерии
русской армии
26 августа 1919 г.
№ 2759

Ваше Превосходительство,
Брат-Атаман⁴⁵

Шлю глубокий поклон славной Кубани, войску и ее атаману. До далеких степей Урала доходили вести о Ваших и Вашего войска подвигах.

Все казачество мыслит едино и здесь на Урале, [в] Сибири и [на] Дальнем Востоке, все остались верными заветам предков своих и шлют своих сынов на брань за Русь великую.

От посланцев генерала Деникина и Дона знаем мы все здесь о Вашей борьбе.

Да не испугает Вас мой громкий титул. Он дан мне указом Верховного правителя, и я, несмотря на заявления свои, должен был принять, но пока условно, это я выговорил, до соединения с Вами.

А там общей казацкой семьей мы и решим, кто и где будет.

Пока же желаю Вам успехов в делах Ваших, привет славным кубанцам.

Глубокоуважающий Вас

А. Дутов

Государственный архив Ростовской области.
Ф.46. Оп.1. Д.4208. Лл.2–3. Подлинник. Автограф.

**10. Статьи бывшего члена Войскового правительства
Оренбургского казацкого войска Г. Г. Богданова
с критикой Дутова. 1919 г.**

При подготовке книги о Дутове в качестве одного из приложений предполагалось напечатать серию статей из оренбургской советской

газеты «Коммунар» с критикой в адрес атамана, опубликованную бывшим членом Войскового правительства Оренбургского казачьего войска Г. Г. Богдановым. Наряду с главой о соратниках Дутова, эти материалы издательством были сокращены.

Несмотря на общий разоблачительный и пропагандистский тон, эти статьи представляют значительный интерес, затрагивая малоизвестные обстоятельства деятельности оренбургского атамана. Статьи публикуются под общим для них заголовком «Под властью Дутова» и представляют достаточно сложный для интерпретации документ.

Г. Г. Богданов являлся землемером, депутатом Учредительного собрания, в Войсковом правительстве он представлял интересы казаков-мусульман. В 1919 г. Богданов перешел к красным и выступил в качестве разоблачителя своего прежнего начальства. Статьи печатались в Оренбурге осенью 1919 г. и содержат ряд любопытных фактов. В интересах Богданова было обнародовать в советской печати компрометирующие Дутова сведения, однако проверить их и определить, что является правдой, а что вымыслом, в данном случае почти невозможно. Самого себя автор представил лишь в качестве пассивного исполнителя чужих решений, что, скорее всего, не соответствует действительности.

Богданов Г. Г.
Под властью Дутова

На днях на совещании партийных работников выступил с докладом перешедший на нашу сторону член Оренбургского казачьего войскового правительства Богданов. Весь доклад Богданова был своего рода покаянной речью. Богданов охарактеризовал войсковое правительство как своего рода ширму, за которой скрывался и именем которой правил самодержавный атаман Дутов, принявший от ненавистной ему еще в большей степени, чем нам, учредилки чин генерала. Диктатура Дутова над правительством проявлялась даже в мелочах: так, на заседаниях круга упорно не давали слово тем, кто был неугоден Дутову. При последних выборах в войсковое правительство Дутов выступил с заявлением, что с такими-то и такими-то кандидатами он не согласен работать. И этих кандидатов, первоначально получивших большое количество голосов, забаллотировали.

Представителей так называемой «демократии», входивших в состав правительства, дутовцы умело использовали при переговорах с массой, и тогда, когда эти «демократы» были уже более не нужны, их выбрасывали, как выжатый лимон.

Дутовцы всегда были не прочь использовать в своих целях и национальную рознь. На антисемитскую агитацию в войсках они (если не поощряли ее) смотрели сквозь пальцы. На заседании круга Дутов, пользуясь отсутствием представителей мусульманского казачества, выступил

с речью, в которой заявил, что причиной оставления Орен[бурга] и де поражений белых являются казаки-мусульмане, в решительную минуту отказавшиеся драться с красными⁴⁶. Это заявление на следующий день было жирным шрифтом отпечатано в белоказачьей газете. Оно могло оказаться гибельным для мусульман, живущих островками среди православного казачества, которое, будучи спровоцировано Дутовым, неминуемо начало бы погромы и избиения мусульман.

Провокация не удалась Дутову только потому, что своевременно прибыл Богданов, заставивший Дутова выступить со вторым заявлением уже в том духе, что отказались сражаться не только мусульмане, но и русские.

Для поднятия благосостояния края за время властвования Дутова ровно ничего не было сделано.

В результате долгой совместной с белыми работы Богданов и его товарищи пришли к убеждению, что войсковое правительство не может уже по своей природе быть защитниками интересов низов казачества и в особенности мусульман и других инородцев. И вот Богданов и пять членов войскового круга, бывшие вместе с ним на совещании, сознавши необходимость для блага трудящихся бороться против белогвардейщины, пришли в наш лагерь.

Богданов Г. Г. Под властью Дутова // Коммунар (Оренбург). 1919. №197. 11 октября. С. 1.

Наш сотрудник⁴⁷ беседовал с бывшим членом войскового правительства, ныне перешедшим на сторону Советской власти, Габдрауфом Богдановым. Последний поделился с ним интересными картинками, рисующими Дутова и его приближенных.

Дутов-самодержец

За месяц еще до переворота в Омске в войсковом правительстве смутно можно было догадаться, что в Сибирском правительстве что-то назревает, что там к чему-то очень серьезному готовятся.

Об этом можно было догадаться из тех осторожных докладов атамана Дутова, которые он делал в войсковом правительстве. Кстати, необходимо отметить, что атаман Дутов к разрешению вопросов более или менее серьезных подходил очень осторожно. О них могли знать только самые приближенные единомышленники его – верхи правительства, а до всего правительства они доходили почти всегда уже в готовом, законченном виде: оставалось только выслушивать и подписывать. О какой-либо попытке к изменению уже готового постановления и говорить не приходилось – это значило бы только навлечь на себя суровый и недовольный взгляд Дутова.

Так было и в этом случае. Событие государствен[ной] важности назревало; члены правительства, за исключением приближенных Дутова, об этом не знали.

Помню, заседание правительства только начиналось. Все члены правительства, за исключением Дутова, были в сборе. Наконец, приехал Дутов. Он был весел и развязен. Открыв заседание и достав из портфеля телеграмму, только что полученную им по прямому проводу из Омска, он так же легко и развязно прочитал ее. Это была телеграмма об Омском перевороте, о том, что директория свергнута, что верховным правителем всероссийским стал Колчак. Далее атаман заявил, что он вопрос этот считает очень спешным, что необходимо признать Колчака и именно теперь, в самый трудный момент зарождения и т. д. и т. д. Закончив свое слово, Дутов поставил вопрос на обсуждение, но никто не высказался. Знали, что это бесполезно – только время тянуть.

Выходило, что все были солидарны с Дутовым.

Решив, что вопрос достаточно исчерпан, Дутов вынул из портфеля другую бумагу. Это был готовый проект приказа о признании войсковым правительством Колчака. Проект приказа таким же образом был одобрен. Таким образом не прошло с момента обсуждения и 15 минут – приказ о признании был готов.

Царскому знамени пока не время

Когда Оренбург, в 1918 г., был занят казаками, Дутов во главе войскового правительства и партизанского отряда двинулся в Оренбург.

Последняя остановка перед Оренбургом была в Нежинской станице. 24 июня 18 г. отряд тронулся в город. Не доехав до города верст 5, отряд остановился, и члены правительства приглашены были к атаману.

Обсуждался план торжественного вступления в Оренбург. Решали вопрос, под каким знаменем должны вступить.

Знамен было много – целый воз.

Решили взять старое войсковое знамя. Тут же между знаменами я обратил внимание на одно очень красивое знамя, все вышитое золотом, на хорошем синем сукне с красивыми отделками. Это было знамя, поднятое оренбургским казачеством во время пребывания в Оренбурге бывшего наследника царского трона Михаила Романова⁴⁸. Я стоял рядом с Дутовым и полушепотом задал ему следующий вопрос:

– А что, Александр Ильич, если въедем вот с этим знаменем?

Дутов также полушепотом с таинственностью ответил мне:

– Нет, Габдрауф Габдулинович, пусть оно лежит пока, – *еще не время* (курсив документа – публ.)! – и с самодовольной улыбкой обвел торжествующими глазами остальных членов правительства, как будто спрашивая их: «ведь верно?». Вопрос без слов был понят. Такая же улыбка последовала в ответ атаману.

Ткацкие станки и 500.000 руб.

В ноябре 18 г. член войскового правительства полковник Рудаков был командирован в Омское правительство по продовольственному делу.

Окончив свои дела в Омске, Рудаков по своему почину предпринял поездку во Владивосток, якобы за мануфактурой для армии и населения, причем сумел получить от Омского правительства 500.000 руб. в счет предназначенных для Оренбургского казачьего войска сумм.

Между тем, в Оренбурге выяснилось, что Рудаков перевез в Сибирь несколько ткацких станков, реквизированных им в Оренбурге, поставил их за Омском в какой-то деревушке и открыл фабрику, уж разумеется не от имени правительства, а от себя лично. Кроме того, оказалось, что и семья полковника Рудакова давным-давно уже была перевезена также в Сибирь.

От имени войскового круга в сибирское правительство была послана телеграмма с просьбой задержать Рудакова и отправить его в Троицк на войсковой круг. Вскоре после того было получено донесение, что Рудаков, с двумя поездами мануфактуры выехал из Владивостока в Челябинск. На войсковой круг в Троицк он прибыл в середине марта. Делая доклад о своем путешествии, Рудаков с пеной у рта доказывал свою невиновность, протестовал против возведенных на него обвинений. Не знаю, чем кончилось его дело в отношении ткацких станков и 500.000 руб., но мне достоверно известно, что Рудаков в последнее время занимал довольно «теплое» местечко в министерстве Колчака. Что касается двух поездов мануфактуры, то также точно известно, что она была расхищена и растащена верхами правительства, а населению, для которого она была закуплена, не попало и аршина.

Утечка

Осенью 18 г. продовольственный отдел правительства, которым тогда временно заведовал подъяесаул Пономарев, начал распродавать спирт, чтобы этим путем выкачать народные деньги. Не прошло и одной недели, как уже несколько десятков бочек спирту было распродано. Подъяесаул Пономарев упорно отвиливал от отчета по продаже. Наконец, этот отчет был вытребован, и оказалось, что *не хватает одного миллиона рублей с хвостиком* (курсив документа. – публ.). Пономарев объяснил эту разницу «утечкой».

– Произошла, дескать, утечка при переливании из посуды в посуду.

60.000 рублей.

Не без греха и генерал Акулинин, помощник войскового атамана. За освобождение купца Аюпова он взял с него взятку в 60.000 руб. Подобные делишки Акулинин проделывал и с осужденными военно-полевым судом.

Выводы

1) За какую же власть боролось войсковое правительство во главе с Дутовым?

Вспомните «знамя».

2) Куда девались войсковые деньги, войсковое имущество, накопленное десятками и сотнями лет?

Смотрите «утечку», «ткацкие станки и 500.000 р.».

3) Как относились дутовцы к своим работам в смысле честного исполнения своих обязанностей?

Смотрите «60.000 руб.».

4) Что же, в конце концов, они дали тому народу, именем которого они вели полтора года эту кровавую гражданскую войну?

Богатое, цветущее оренбургское казачество разорено в корне. Одних сожженных станиц более двух десятков.

Десятки тысяч убитых, десятки тысяч сирот, увечных и калек.

5) К чему привели?

К апостольскому шествию всего мужского населения оренбургского казачьего войска из Тургайских степей в родные станицы, к горьким страданиям, голоду и холоду.

Долго, наверное, будет помнить оренбургское казачество атамана Дутова и некоторых его помощников из войскового правительства.

Бывший член войскового правительства, ныне перешедший на сторону Советской власти.

Габдрауф Богданов.

Богданов Г. Г. Под властью Дутова // Коммунар (Оренбург).

1919. №201. 16 октября. С. 1.

11. Оперативный отчет британского офицера связи при Оренбургской армии за ноябрь 1919 – январь 1920 г.

Ниже впервые публикуется оперативный отчет британского офицера связи при Оренбургской армии капитана Ф. Ходжеса, составленный в 1920 г. Об авторе отчета известно немного. Фелпс Ходжес родился в 1894 г., впоследствии дослужился до майора и в 1931 г. выпустил в Лондоне мемуары о своем участии в российской Гражданской войне под названием «*Britmis. A great Adventure of the War. Being an account of Allied Intervention in Siberia and of an escape across the Gobi to Peking*» («Британская миссия. Великое приключение войны. Отчет о союзной интервенции в Сибири и исходе через пустыню Гоби до Пекина»).

Отчет был составлен в 1920 г. и является уникальным источником, повествующим о событиях отступления Отдельной Оренбургской армии в Семиречье. Документ хранится в Лондоне в британском национальном архиве (Public Record Office) и практически недоступен для российских ученых. Выражаю благодарность к. и. н. В. Б. Каширину, вы-

явившему этот документ и снявшему с него копию. Перевод выполнен А. В. Ганиным.

Оперативный отчет № 2
офицера связи, прикомандированного к Оренбургской казачьей армии

1. Операции. В моем первом оперативном отчете, отправленном мною из Кокчетавы в Омск 5 ноября 1919 г. и в телеграммах в Омск до того времени (см. Приложения 1 и 2⁴⁹) я утверждал, что Оренбургская армия была сосредоточена следующим образом:

(а) Отдельная бригада генерала Комарова⁵⁰ в Мизгильском и Алексеевке, со штабом в последней деревне. Состав около 700 человек.

(б) Первый корпус генерала [И. Ф.] Шильникова в районе Челкарского, Еленинского, Павловского и Имантовского со штабом в Еленинском. Состав около 2000 человек.

(в) Второй корпус⁵¹ генерала [А. С.] Бакича в районе Заборовской, Жерендинской и Сандиктавской со штабом в последней деревне. Состав около 6500 человек.

(г) Бригада полковника [Р. П.] Степанова в Кирилловском и Воскресенском. Состав 1300 человек.

Разграничительная линия между Степной группой 3-й армии [К. В.] Сахарова и войсками [А. И.] Дутова проходила от Чиликан Уткуль (исключительно) на реке Ишим до Дьямантурского (исключительно) и оттуда к Кош-Кулю (включительно).

Утверждение о том, что армия была уже сосредоточена к 5 ноября в вышеуказанных районах, оказалось неверным. Вскоре я узнал, что Степанов 2 ноября достиг лишь Джиланди-Адир и что Бакич в тот же день появился в Атбасаре со своим авангардом, тогда как его основные силы все еще находились на некотором расстоянии позади. Только первый корпус и слабый отряд Комарова⁵² были на месте.

Как уже сообщалось, атаман Дутов отказался подчиниться приказам Омска о движении одновременно всеми своими силами к озеру Чагли, но с целью оказать содействие левому флангу главных армий он 5 ноября издал приказы о перегруппировке своих сил. Комарову⁵³ было приказано двигаться к югу и юго-востоку от озера Чагли; Бакичу – к Щучинской по самому прямому пути, т. е. через сельскую местность; Шильникову – к Кокчетаву; в то время как Степанов был оставлен охранять западный фланг в районе Кокчетавы и держать открытой дорогу Кокчетав – Атбасар. В самом Атбасаре должно было сосредоточиться около 500 человек из отдельных частей.

К этому времени противник не наблюдался, хотя небольшие отряды были замечены в разных местах. 1-го числа 300 человек при 2 орудиях и 4 пулеметах были замечены в Маринском на Ишине; на следующий день разъезд красной конницы был замечен у Буг Алтай, на некотором расстоянии дальше к югу и на левом берегу; 3-го конная сотня появилась

у Кривоозерного в 70 верстах к западу от Кокчетав и 4-го киргизские агенты сообщили о наличии в Мариинском пехотной дивизии, тогда как в тот же день красная конница, двигаясь от Кривоозерного, атаковала Аиртавский (на южной оконечности озера Челкар), но была отбита казаками первого корпуса. Никаких других вражеских сил не встречалось, и штаб армии казался совершенно уверенным в том, что никакой опасности с запада или юго-запада не ожидается. По поступавшим донесениям противник не пересекал степь между Аральским морем и Атбасаром для преследования отставших солдат Дутова и не преследовал арьергард Бакича на кустанайском направлении. Казалось, что большевики согласны игнорировать Дутова и сосредоточиться на уничтожении основных армий [А. В.] Колчака.

Карта 1.⁵⁴ Утром 5-го казаки первого корпуса продвинулись вперед и заняли Кривоозерный, противник отошел без сопротивления.

В 8 часов утра следующего дня вражеские силы в количестве 300 пехотинцев и 200 кавалеристов с 2 орудиями и несколькими пулеметами заняли Мизгильский (Келоровка), дав по нему несколько залпов. Войска Комарова⁵⁵ отошли южнее, не оказав никакого сопротивления, и Дутов, считая, что это был авангард значительных сил противника, направил Степанова в Кокчетав. Приказ ускориться был отправлен и Шильникову.

Всех беженцев уже отправили из Кокчетав в Щучин и Акмолинск, частично для организации жилья для приближающихся войск, больные также были эвакуированы на восток.

Следствие некоторых грабежей в Кокчетаве 5-го ночью была разоружена местная милиция.

7-го штаб Шильникова появился, и штаб армии отбыл в Щучин.

Казаки Кокчетавской станицы, которые торжественно поклялись несколькими днями ранее защищать город до конца, были замечены среди первых беженцев, отправившихся в Акмолинск.

8-го противник продвинулся к югу по главной дороге и занял Аксуйскую. Его конница затем двинулась в юго-восточном направлении. Комаров⁵⁶ продолжал отступать (Н. М. 7.)⁵⁷. Красная конница, находившаяся в Кривоозерном, по сообщениям была переброшена оттуда на северо-восток и возможно к этому времени присоединилась к основным силам.

Оренбургская армия теперь находилась под независимым командованием, и я слышал от начальника штаба генерала [И. М.] Зайцева, что велась эвакуация Омска.

Карта 2. 9-го Дутов вновь решил перегруппировать свои войска и приказал занять следующие позиции:

(1) Первый корпус и бригада Степанова:

Кокчетав 2000 человек.

Щучин штаб и 3000 человек.

(2) Второй корпус и отдельные части:

Атбасар штаб и 2500 человек.

Сандиктавская 3000 человек.

(3) Штаб армии, Атаманский полк, конвойная сотня:

Акмолинск 1500 человек.

Штаб армии из Щучина выехал в Акмолинск 11-го (Н.М.7.).

Новость с главного фронта в этот момент была в том смысле, что первая армия отошла на переукомплектование, 2-я и 3-я армии в течение трех недель должны были медленно отступать и затем дать бой к западу от Омска.

14-го Омск пал, и на следующий день Кокчетав был занят войсками противника численностью около 5000 человек, состоящими из следующих подразделений:

2-я бригада 54-й дивизии.

1-й, 2-й и 3-й крепостные полки.

Отдельная бригада 35 дивизии (Н.М.9. Часть 1).

Никакого сопротивления первым корпусом или Степановым, который отошел на юго-восток, оказано не было, как сообщалось, Шильников отсутствие сопротивления оправдывал тем, что было слишком холодно.

По всем донесениям большевистские силы были плохо одеты и питались, а их моральный дух был очень низким (Н.М.9. Часть 2).

После двух дней отдыха противник направил 500 пехотинцев и 200 кавалеристов против Шильникова и занял Ивановку 17-го, Александровское – 18-го и Щучин – 21-го, Шильников отходил на юг к Акмолинску.

В то же время главный удар противника был нанесен по корпусу Бакича, штаб которого и конница находились в Атбасаре, а пехота – в Сандиктавской. В ночь на 17-е число 1-й Акмолинский степной полк противника занял Новоникольское в 80 верстах к юго-западу от Кокчетова. Полк насчитывал 250 человек (Н.М.9. Часть 1). 19-го второй полк – 2-й Кустанайский – перерезал основную дорогу Атбасар – Кокчетав между широко разбросанными частями корпуса Бакича и занял Владимирскую и Веселую (Н.М.11.). Эта информация была получена штабом армии в Акмолинске лишь через 2 дня и сообщалось также, что состав противника на этом новом театре военных действий был следующим:

1-й Акмолинский степной полк.

2-й Кустанайский степной полк.

3-й Троицкий степной полк

общей численностью около 2000 человек.

Штаб армии не выказал серьезной обеспокоенности этим новым обстоятельством, но приготовился отступать на Каркаралинск. Этапные посты, состоявшие из киргизских палаток с едой и фуражом готовились в степи

до Павлодара, но с падением Омска и прорывом красной конницы к Иркутску они были сняты и переброшены на каркаралинскую дорогу.

20-го Дутов приказал первому корпусу отходить в район Рыбинский – Канкринский, тогда как Степанову было приказано заполнить разрыв между первым и вторым корпусами от левого фланга Шильникова до линии Николаевское – Сосновка. Бакичу было приказано передвинуть свой штаб в Колютон на дороге Атбасар – Акмолинск, где располагался его корпусной резерв, состоявший из Тургайского отряда (1-й пластунский полк и два Оренбургских казачьих полка) под командованием капитана Могилева.

21-го, когда Щучин был занят противником и основные большевистские армии были в 100 верстах к востоку от Омска, Дутов получил сведения о том, что крупные силы большевиков пересекли дорогу Атбасар – Кокчетав (несмотря на присутствие 2-й стрелковой дивизии Бакича на их левом фланге), заняли Васильевское к северо-востоку от Атбасара и затем, повернув на юго-восток, ударили на Колютон. По какой-то причине этому сообщению Дутов не поверил, и никакого подозрения в опасности для его армии не зародилось в его голове (Н.М.12).

Точное расположение бригады Степанова в это время не совсем ясно. По слухам он сражался с противником неподалеку от Кокчетава, но даже штаб казался не информированным на этот счет.

Новости из Новониколаевска 22-го казались более обнадеживающими, но на следующий день наше собственное положение оказалось безнадежным в результате быстрого и успешного продвижения большевиков.

Карта III. 23-го не только были получены новости, подтверждающие факт того, что 2-я стрелк[овая] дивизия отступала к востоку от Сидоровки⁵⁸ и того, что Васильевское и Джаралгас были заняты противником, но к полудню его авангард достиг Джона Берген, небольшого пункта на дороге Атбасар – Акмолинск, к югу от Астраханского и к востоку от Колютонна. Таким образом, второй корпус был не только разрезан на две части, но также был полностью изолирован от остатков армии.

Эта серьезная ситуация держалась насколько возможно в секрете, чтобы увенчался успехом благотворительный концерт, проводившийся той ночью в поддержку «религиозных добровольцев»⁵⁹ Акмолинска, так называемый полк необученных новобранцев, давших обет сражаться до смерти, все новобранцы благоразумно разбежались по своим домам за несколько часов до появления большевиков. Концерт имел огромный успех и помог покрыть издержки организаторов на значительное время в дальнейшем.

Генерал Зайцев, начальник штаба, казалось, в этот момент потерял голову.

Посланцы были спешно направлены, чтобы найти Бакича и приказать ему отходить на Каркаралинск как можно быстрее. Шильников, с другой стороны, был срочно направлен на Павлодар, – этот приказ был настолько очевидно абсурдным, что он также отступил обходным путем к Каркаралинску.

Штаб теперь понял, что главные силы противника от Кокчетава были направлены против Бакича, но никто не подумал о каком-либо сопротивлении. Не было предложений оказать сопротивление, каждый думал только о своей собственной безопасности, чем о риске сражаться с горсткой нерешительных, плохо обмундированных и недисциплинированных крестьян, каждый предпочитал столкнуться с ужасными трудностями пути через замерзшую степь в середине зимы, без видимой цели и без места, где хотя бы возможно было оказаться в безопасности.

Дутов решил попытаться соединиться со вторым Степным корпусом в Семипалатинске и сообщил мне, что [Б. В.] Анненков из Семиречья также получил приказ выступить туда.

25-го велась подготовка к отправке штаба из Акмолинска в Каркаралинск, в то время, как разбросанные части должны были двигаться насколько можно быстрее.

24-го судьба Бакича была неизвестна, хотя его 2-я стрел[ковая] дивизия, как говорили, приближалась к Николаевскому, к северу от Сидоровки и что часть бригады Степанова присоединилась к первому корпусу. Авангард Шильникова достиг Елизаветинской в 38 верстах к северу от Акмолинска.

В 2 часа ночи 25-го противник был в 30 верстах к западу от Акмолинска, и начиналась паника. К середине дня город был оставлен войсками за исключением большого количества больных и некоторых мародерствовавших казаков. Капитан де Керанга⁶⁰ из французской миссии уехал в 5 часов дня на своей машине и около 9 вечера появились 250 солдат противника и заняли город.

Таким образом, за десять дней все силы Дутова примерной численностью в 15 000 человек обратились в бегство при редких выстрелах противника силой в одну треть их собственной.

Штаб Дутова прибыл в Каркаралинск около 1-го декабря, а сам Дутов неделю спустя с арьергардом.

Бакич ушел с несколькими сотнями людей и, пройдя Спасский завод, безопасно достиг штаба. Шильников и Степанов были столь же удачливы, пройдя южнее через Баян-аул.

Падение Семипалатинска 1-го декабря, когда войска II Степного корпуса взбунтовались и убили своих офицеров, сделало занятый Анненковым район Семиречья единственным спасением для Оренбургской армии. Отход на восток через безлюдную степь начался в первую неделю декабря и продолжался в течение двух недель до эвакуации Каркаралинска под Рождество.

Дутов поехал от Сергиополя до Урджара (ставка Анненкова), где два командующих встретились в начале января. Дутов, хотя и являлся старшим офицером, был вынужден сдать командование и стал военным губернатором, заменив генерала [И. С.] Ефтина, который находился на этом посту после своего бегства из Семипалатинска.

Карта IV. Анненков, приняв на себя командование остатками Оренбургской армии, поставил Степанова во главе арьергарда и приказал ему удерживать противника у Кур-Баканас. Бакич был поставлен во главе основных сил в Сергиополе, в то время как все остальные генералы были лишены своих постов и либо отправлены в бесполезные миссии в дальние края, либо арестованы.

Я не могу сказать, сколько человек дошло до Сергиополя. Конечно, не более 5000, и многие из них должны быть являлись офицерами. Собственная дивизия Анненкова насчитывала, вероятно, 9000 человек, у него также было несколько подразделений II Степного корпуса, которые не перешли на сторону противника. Общая численность его войск могла составлять 15 000 человек, в основном конницы при нехватке артиллерии и боеприпасов.

Первоначально его фронт был только на юге, но поражение Дутова и потеря Семипалатинска вынудили его защищаться по всем направлениям. На юге его войска под командованием полковника [П. И.] Сидорова осаждали Джаркент, а основные силы удерживали Копал и имели некоторые локальные успехи. Степанов с уцелевшими из его собственной бригады и Атаманский полк Дутова охраняли дорогу от Каркаралинска, а другая конная группа вела наблюдение за противником в 60 верстах к югу от Семипалатинска.

Бакич в Сергиополе пытался реорганизовать оренбургских казаков, а свободные части были разбросаны вдоль Иртыша⁶¹ вплоть до Зайсана.

Ставка Анненкова находилась в Урджаре.

Появление деморализованных дутовцев было фатально для всей его армии, поскольку разложение, распространившееся по всем антибольшевистским войскам, не избежало и их.

21 января⁶² Сергиополь был взят противником, захватившим большую часть прежнего штаба Дутова. Урджар пал некоторое время спустя⁶³ и к концу месяца все сопротивление Советам практически закончилось, Оренбургская казачья армия и партизанская дивизия Анненкова закончили свое существование⁶⁴.

Огромные массы беженцев, как военных, так и гражданских пересекли китайскую границу в районе Чугучака и Кульджи.

Оценка

2. Силы Дутова, обстановка и планы

Приняв командование Оренбургской армией в конце октября, Дутов приказал реорганизовать войска в два корпуса, каждый из которых состоял

из двух казачьих дивизий и пехотной бригады, в дополнение к двум корпусам существовала отдельная пехотная бригада генерала Комарова⁶⁵.

Майор Стевени в своем боевом расписании к этому дню показывает общую численность штыков в 5140, примерно на полторы тысячи больше, чем число солдат, показанное в частях. Скорее всего в нее включена численность больных и органов снабжения (Приложение III).

Дутов имел, таким образом, в своем распоряжении силу, превышавшую двенадцать тысяч человек, две трети которой составляла конница из его родного края. К этому числу можно добавить по меньшей мере две тысячи мобилизованных, которые, однако, кажется, были безоружными. Бакич в своем рапорте о численности от 18 ноября указал 2422 пехотинца, 1379 безоружных и это, не включая тех мобилизованных (Приложение IV).

На самом деле кажется очевидным, что реорганизационная схема Дутова никогда бы не воплотилась в силу. Почти через месяц после ее введения второй корпус насчитывал абсурдное число частей, в которых менее 100 человек составляли полк, а одно орудие – батарею или дивизион.

Тиф также привел к заболеванию большого числа людей, около 4000 больных указывалось только во втором корпусе одновременно. Эта цифра, несомненно, преувеличение, но точно, что по крайней мере 25% армии было неспособно нести службу по этой причине.

Дутов имел, таким образом, по меньшей мере, 10 000 человек, годных к военной службе к началу ноября, из которых две трети составляли казаки из его родного края.

Армия, однако, была разбросана от Тургая, к западу от Атбасара, до Кокчетава на расстоянии более 400 верст и находилась в таком состоянии дезорганизации и деморализации, что трудно понять, почему Дутов вообще принял командование, разве только он был неосведомлен об общем положении в Сибири⁶⁶. Отход Оренбургской армии вдоль Ташкентской железной дороги к Аральскому морю превратился в беспорядочное бегство, и только страх перед красным террором мог заставить оставшиеся две или три тысячи пересечь «Голодную степь» между Аральским морем и Атбасаром в самое жаркое время года. Корпус Бакича не пошел этим же путем, но двигался от Кустаная и его силы составляли более двух третей войск Дутова.

Положение, однако, было не таким плохим, как казалось. Число людей, находившихся в строю, составляло двенадцать тысяч, в значительной степени дезорганизованных и деморализованных, но в отличном состоянии и всецело преданных делу, несмотря на ужасные лишения. Начал распространяться тиф, но не в опасной форме, и смертей было немного.

Силы по состоянию на 15 октября дают нам следующие цифры:

I корпус	Шашек	Штыков	Орудий	Сформирован из
1-я Оренбургская казачья дивизия	480	—	—	2-й Оренбургской казачьей дивизии, Сводной Оренбургской казачьей бригады
2-я Оренбургская казачья дивизия	283	—	—	4-й Оренбургской казачьей дивизии
1-я отдельная Туркестанская стрелковая бригада	451	700	1	Туркестанской дивизии и части 5-й стрелковой дивизии
Всего	1214	700	1	
II корпус				
3-я Оренбургская казачья дивизия	2030	225	4	1-й Оренбургской казачьей бригады
4-я Оренбургская казачья дивизия	589	659	5	5-й Оренбургской казачьей бригады, партизан [Н. П.] Корнаухова
2-я стрелковая дивизия	1540	1477	7	2-й стрелковой дивизии
Всего	4159	2361	16	
Отдельная бригада				
Егерский полк		69	—	Егерского полка XI корпуса
1-й стрелковый полк	320	144	1	5-й и 9-й дивизий V корпуса
отдельные части	200	—	1	отдельных частей
Всего	520	213	2	
Бригада Степанова				
1-й, 4-й, 33-й Оренбургские казачьи полки	1340	—	—	Как и раньше
Гарнизон Атбасара, штабные подразделения и т. д.	1036	215	3	отдельных частей
Переданы в Степную группу 3-й армии	—	164	—	22-й стрелковой дивизии XI корпуса
Итого	8269	3653	22	

В начале ноября не было опасности пересечения противником степи для преследования арьергарда, и поскольку разгром Колчака был глав-

ной целью противника, Дутов мог рассчитывать, по меньшей мере, на две недели, если не больше, до начала серьезного наступления красных с севера и, если бы он реорганизовал свои войска, его положение было бы прочным. Район, в котором он оказался, Кокчетав – Акмолинск – Атбасар, представляет по своей форме равнобедренный треугольник, с Кокчетавом как вершиной на севере и со сторонами примерно в 180 верст. Быстро приближалась зима и кроме как с севера, т. е. от главной дороги южнее Петропавловска, район окружен сотнями верст степи, в которой нет сколько-нибудь значительных дорог или поселений. К западу, югу и востоку замерзшее пространство с началом зимы препятствовало приближению чего бы то ни было, кроме незначительных сил. Только с севера и, следовательно, только от основной магистрали могли подойти крупные силы. Дутов мог бы сконцентрировать всю свою армию в любом из трех упомянутых городов, возвести оборонительные сооружения и разгромил бы любой отряд, посланный против него. Район изобилует обширными стадами крупного рогатого скота, овец и лошадей, деревни вдоль главных дорог были богаты, а урожай был лучшим за многие годы. Не было недостатка провизии и недостатка рекрутов⁶⁷. Его артиллерия была слабой, но тогда такой же была и артиллерия большевиков и у него было достаточно конницы, чтобы удерживать все, кроме крупной силы, вдалеке. Он не мог надеяться незамедлительно наступать, поскольку войскам была необходима перегруппировка и слаживание, его единственной надеждой казались сосредоточение и удержание позиций до наступления зимы.

К сожалению, его планы, кажется, отличались, а его восторженная встреча оренбургскими казаками, должно быть, внушила ему ложную идею их высокого боевого духа и возможностей. Он рассчитывал сосредоточить свою армию возле Кокчетав и угрожать или атаковать правый фланг большевиков. Его первоначальная диспозиция была вполне хорошей и, если бы словами выигрывались войны, он бы победил врага и был бы в Москве за многие месяцы до того. В конце октября он издавал приказы по реорганизации (как показано вверху страницы), но я сомневаюсь, чтобы он когда-либо выяснял, проводились ли его приказы в жизнь, и я сомневаюсь, что они исполнялись. Корпус Бакича был единственным, на который он мог возлагать хоть какую-то надежду, чем он так и не воспользовался, полагаясь в наиболее опасных местах на худшие части. Когда противник 6 ноября взял Мизгильский, Бакичу было приказано совершить марш на Щучин через трудную и малонаселенную местность, тогда как Шильникову было приказано идти на Кокчетав с толпой в пару тысяч человек.

См. карту III

Как только Оренбургская армия стала отдельной, Бакичу было приказано вернуться в Атбасар с половиной его сил, находившихся на до-

роге в Кокчетав, половине сил Шильникова было приказано идти в Щучин. Таким образом, в то время как противник рвался на юг к Кокчетаву, 1-й и 2-й⁶⁸ корпуса маршировали туда и обратно, растянувшись по району, а войска, которые даже в дореволюционное время предназначались только для наступательных действий, были раздроблены на небольшие отряды настолько далеко друг от друга, что оказать поддержку друг другу не могли и всецело рассчитывали на оборону. Если бы Дутов сконцентрировал свою конницу, даже ее половину и обеспечил бы успех, хотя и временный, для него это было бы бесценно. Кавалерийская атака на подготовленную пехоту вряд ли увенчается успехом, но при плохо одетых, полуобученных и никогда не завершающих формирования красных войсках победа не была бы трудно одержимой, несмотря на низкий боевой дух казаков.

Неспособность понять, что концентрация всех имеющихся сил в решающей точке была абсолютно необходима для того, чтобы добиться даже временного успеха, стала причиной поражения Дутова, хотя это становится не удивительно, когда узнаешь, что он проходил свою службу в период русско-японской войны в академии Генерального штаба, изучая теорию войны, вместо того, чтобы получить реальный полевой опыт⁶⁹.

3. Планы, силы и стратегия противника

Весьма вероятно, что большевикам было очень хорошо известно состояние армии [П. А.] Белова после бегства на восток от Аральского моря, поэтому они сосредоточились на совершенствовании сообщения с Ташкентом и устрашении казачьих общин вокруг Оренбурга. Никакого преследования, чтобы следовать за арьергардом Оренбургской армии к Атбасару, организовано не было, а силы, посланные против Дутова в течение ноября, составляли только, как уже говорилось, порядка 6000 человек.

Силы, занимавшие Кокчетав к 15 ноября, как сообщалось, состояли из 5000 человек, и бригада, которая позднее перерезала дорогу Атбасар – Кокчетав, насчитывала от 1000 до 2000 человек.

Наступление с севера, которое началось после падения Мизгильского (Келоровка) осторожно развивалось, причем продвижение шло по ночам, цель атаки достигалась вскоре после рассвета. Красные были очевидно слабы в коннице и боялись атаковать на открытой местности, которая была идеальна для тактики шока.

План противника, очевидно, заключался в том, чтобы занять Кокчетав и одновременно воздерживаться от беспокойства Дутова кроме как на его левом или западном фланге. Они должно быть увидели, что, сконцентрировавшись, он все еще опасен, но, если бы он раздробил свои силы, многие отряды могли быть полностью разбиты или рассеяны по степи, чтобы погибнуть или сдаться. От Кокчетава можно было

наступать на Щучин, Акмолинск или Атбасар до появления поддержки в угрожаемом пункте. Скорость, однако, была настоятельно необходима, поскольку разгром Дутова необходимо было завершить до наступления зимы как залог победы, кроме того, главные силы, действовавшие против Колчака, нуждались в запасах скота и зерна.

План противника перерезать дорогу Атбасар – Кокчетав между двумя частями корпуса Бакича был крупным маневром, но не увенчался бы малейшим успехом, если бы оренбургские части имели хоть какое-то желание сражаться. Один Бакич имел семь тысяч человек (на бумаге), а красные – менее 2000 человек.

Бесполезно писать о том, что могло бы произойти, поэтому достаточно сказать, что маневр большевиков полностью обратил армию Дутова в бегство, при том, что едва прозвучал хоть один выстрел. Ужас, внушенный приближением красных, был настолько велик, что малочисленная Степная бригада наступала прямо на Акмолинск, тогда как казаки в страхе разбежались во всех направлениях, предпочитая ужасы путешествия по степи в разгар зимы и без видимой цели встрече с горсткой мобилизованных крестьян, единственным отличительным знаком которых была красная кокарда на фуражке и которые, по всей видимости, никогда в жизни не участвовали в боевых действиях.

Бывший русский аристократ князь Хованский вел Степную бригаду, которая взяла Акмолинск.

Когда вспоминают успех, одержанный [К. К.] Мамантовым и его конным корпусом на деникинском фронте ранее в том же году, можно представить, сколь отличалась бы судьба Колчака и всей России, если бы казаки Дутова были бы быстро реорганизованы и возглавлены крупным лидером, действуя на сообщения противника к северу. Я уверен, что большевистские генералы поняли это, и их крупное наступление было достаточно оправдано достигнутыми результатами.

4. Тактика Дутова и моральный дух войск

Этот заголовок может быть опровергнут в нескольких словах. У Дутова не было тактики, о которой мне было бы известно, он никогда для этого не подходил вплотную к противнику, и единственной тактикой его казаков было бежать, как только появлялся слух о приближении красных.

Их моральный дух, следовательно, был невысок. Как и все полуобразованные и невежественные люди, казаки стали бы хорошими солдатами находясь под приличным командованием и будучи дисциплинированными, но обе эти составляющие отсутствовали. Офицеры всегда бежали прежде, чем кто-либо еще, а дисциплина в подлинном смысле этого слова была неизвестна. Трудно понять, каким образом казаки вообще приобрели репутацию хороших солдат, хотя они хороши в атаках через деревни (где нет противника) и в стрельбе из револьверов по любым открытым окнам или по старикам, женщинам и детям.

Только справедливости ради добавлю, что некоторые из сибирских частей (отличавшихся даже от сибирских казаков) были хороши, за исключением того, что они ненавидели своих союзников-казаков едва ли не сильнее, чем большевиков и не без некоторого основания.

По мнению капитана де Керанга из французской миссии, который присоединился к Оренбургской армии в конце июня 1919 г., в значительной степени ответственен за это генерал Белов. Он явно принадлежал к антиказачьей партии в Омске и, предположительно, по его распоряжению началась замена казачьих командиров на его собственных фаворитов. Сложно сказать, на самом ли деле он считал это необходимым или нет, но результат был гибельным.

Подобное нездоровое чувство настолько распространилось, что две партии (казачья и неказачья) отказывались поддерживать друг друга в боях, и сражение за сражением проигрывались, результатом чего стало отступление на юг вдоль Ташкентской железной дороги и практическое уничтожение армии.

В одном из таких небольших столкновений отличился храбростью капитан Е. Ф. В. Кук, М. С.⁷⁰, Р. Ф. А.⁷¹

5. Тактика и боевой дух противника

Из скудных сообщений разведки, получаемых штабом Дутова, стало ясно, что большевики при вступлении в город или деревню действовали следующим образом – мобилизовали максимально необходимое число людей, выдавали каждому винтовки и нескольких комплектов амуниции, смешивали этих новобранцев со старшими возрастными и немедленно отправляли их в бой без какой-либо предварительной подготовки. В операциях против Дутова красная пехота отправлялась по дороге до места боя, сидя на четырехколесных крестьянских телегах. Около полудюжины людей на одной телеге или в больших сельских фургонах, в которых помещалась дюжина или больше. Возможно, дюжина конных ехала впереди для разведки, и если их обстреливали, они галопом возвращались к длинной веренице телег. Телеги останавливались, пехота высаживалась, формировала грубую цепь и наступала. Нигде не было какого-либо сопротивления, чтобы вызвать помощь с телег, при необходимости высылались свежие лошади и марш продолжался. Таким способом ежедневно преодолевались огромные расстояния.

Очень часто наступление осуществлялось только ночью, как при атаке к северу от Кокчетава.

Моральный дух противника не мог быть высок, поскольку большинство людей были крестьянами, уставшими от войны, плохо одетыми, с нехваткой соответствующей еды и ненавидящими евреев, большевиков и Колчака одновременно. Почти все хотели возвращения царя и счастливой

жизни предвоенных дней. Частым было дезертирство, и только страшные комиссары держали их в порядке.

6. Погода, дороги, телеграф и т. д.

За одним или двумя исключениями погода в течение октября, ноября и декабря была исключительно хорошей. Было, конечно, холодно, но солнечно и безоблачно. Обычно в это время года в степи разворачиваются свирепые снежные бури или бураны и делают невозможным для человека нахождение на открытом воздухе. Для оренбургских казаков было удачно, что погода оставалась хорошей, иначе они никогда не смогли бы пересечь пустынную местность между Акмолинском и Сергиополем⁷².

С другой стороны твердая почва позволяла быстро двигаться большими в них небольшими степными лошадьми, снабжение которыми было практически неограниченным. Таким образом, они могли занять атакуемый район и привести его в некоторое подобие порядка до наступления зимы.

Единственными путями в этом районе являются старые почтовые дороги дореволюционного времени. Их немного и они представляют слабую связь внутри района, поскольку сильно изношены использованием в течение нескольких поколений. Главная дорога идет от Петропавловска на юг на Кокчетав и там разветвляется на две: одну, идущую до Атбасара и вторую, идущую через Щучин до Акмолинска и далее до Каркаралинска. Атбасар и Акмолинск также соединены почтовым трактом. Других дорог нет, таким образом, можно видеть, что этот регион полностью отрезан от путей сообщения со всех сторон, кроме севера. Разумеется, существуют дороги через степь во всех направлениях, но на них нет почтовых станций, и редко имеются какие-либо деревни.

Телеграф расположен следующим образом:

Петропавловск – Кокчетав (оттуда ветка до Щучина)

Атбасар – Акмолинск – Караганда (оттуда ветка до Каркаралинска) – Семипалатинск. От Семипалатинска линия идет через Сергиополь до Верного. От Сергиополя другая линия⁷³ идет на восток до монгольской границы, где в районе Чугучака она соединяется с китайской линией.

После падения Петропавловска Дутов имел лишь связь с Омском через Семипалатинск, очень окольный и неудовлетворительный путь. С падением последнего у него не стало телеграфной связи ни с кем.

Район к югу от Петропавловска до Кокчетава равнинный и покрыт небольшим количеством лесов и рощ. Лишь к югу от последнего города имеется небольшая гряда холмов небольшой высоты, а остальной район до Атбасара и Акмолинска открытый и плоский с небольшим количеством рек и лесов. К юго-востоку от Акмолинска до Каркаралинска местность также плоская и безлесая и отсюда на восток и на юг прелегает степь, населенная только кочевыми племенами киргизов.

7. Разведка

Средства, использовавшиеся для получения информации, должно быть, были в значительной степени схожими с обеих сторон. Большой частью использовали киргизов, поскольку их выносливость и способы быстрой передачи новостей были велики. Эти кочевые племена имеют какой-то способ передачи слова от одного поселения до другого, который необычайно скор, они часто располагали информацией о состоянии дел в Семипалатинске и Омске, насколько возможно быстро, если не быстрее, чем русский штаб. Киргиз на своей выносливой лошадке может сделать до 100 верст в сутки и даже больше, если сможет смелить коня.

Поскольку должной организации аванпостов или пикетов не было, кто угодно мог беспрепятственно проехать по району. Реквизированным для армии при отступлении телегам зачастую разрешалось вернуться назад после дня пути, и крестьяне, таким образом, могли предоставить преследующей армии массу сведений. Женщины-шпионы, как будто, использовались красными, но я не имею в их отношении определенной информации.

Брак настолько незначим в Сибири сейчас, что женщина-шпион (я слышал об одном случае) без угрызений совести прошла бы процедуру бракосочетания со штабным офицером по чисто политическим мотивам. Известный факт, что русские офицеры не могли хранить секреты от своих женщин, и наиболее секретная информация, таким образом, легко передавалась большевикам.

8. Пропаганда

Под этим заголовком нужно сказать очень мало. Я прилагаю некоторые копии плакатов, использовавшихся Оренбургской армией.

Каждый город и деревня был покрыт ими, но время, когда простые обещания и призывы могли расшевелить крестьян, ушло.

Мало или ничего не было сделано для просвещения населения в отношении правдивого состояния дел разумными газетами, публичными собраниями или лекциями и ни один офицер, старший или младший, казалось, не горел желанием подать пример честности, храбрости, трезвости и боевого духа.

Я ничего не знаю о вражеской пропаганде, поскольку мое пребывание в каком-либо месте было самым коротким, а разведывательное отделение ничего особенного не имело.

9. Беженцы с армией

Отход казаков от Оренбурга повлек за собой большое количество беженцев из Оренбурга, Троицка, Самары и Кустаная. Дальнейшее бегство увеличило это количество сотнями из Кокчетавы, Атбасара, Щучина, Петропавловска и даже Омска. Некоторые из них, неспособные идти

дальше и не видящие цели в конце еще одного ужасного пути, рассеивались в степи в небольших русских поселениях или киргизских деревнях, надеясь остаться необнаруженными надвигающимся противником. Большинство, однако, продолжало бежать вместе с армией, продлевая ужасные бедствия и, в конечном счете, будучи захвачено в Семиречье или при пересечении границы Китая возле Чугучака или Кульджи. Там они обнаружили свои сибирские деньги обесцененными и существовали на милость китайских властей.

От русского консула в Урумчи я слышал, что русские продавали своих дочерей и женщин китайским солдатам с целью получить немного еды или горючего, и у меня нет причин сомневаться в этом.

Влияние этой несчастной массы людей на армию было очень плохим. Почти каждый офицер держал женщину или двух, и пример бригады Иванова может проиллюстрировать положение вещей.

При отступлении к Каркаралинску я случайно встретился с так называемой четвертой кадровой бригадой генерала Иванова. Она состояла из двухсот офицеров и четырехсот солдат и должна была служить учебным подразделением для новобранцев. По пути движения каждый офицер имел телегу, на которой находились он сам, его багаж, женщина, солдат-денщик и солдат-извозчик. Отсюда и численность бригады.

Мадам Иванова была женой генерала, который летом 1919 г. был ответственен за эвакуацию Орска и разрушение железнодорожного моста, прежде чем хранившееся там военное имущество могло быть вывезено. Ее страх был столь велик, что она предложила своему мужу передвинуть их специальный поезд за реку и разрушить мост. Это произошло ровно за три дня до занятия города противником, и огромным количеством запасов было пожертвовано⁷⁴.

Это необычайное влияние женщин было заметно во всем, и оно всегда было вредным.

Сам Дутов имел любовницу, девушку семнадцати лет, из Троицка или Орска⁷⁵.

Даже человек хорошего происхождения и воспитания, такой, как барон фон Тизенгаузен, одно время якутский губернатор и оренбургский вице-губернатор⁷⁶, казался абсолютно не понимающим свои обязанности. Он был направлен Колчаком из Омска для содействия гражданскому населению в тылу армии, и, я знаю, у него было, по меньшей мере, четыре миллиона рублей для этой цели. Сумма не очень большая в пересчете на стерлинги, но вполне крупная для этого района.

Деньги использовались фон Тизенгаузенем исключительно для содействия его бегству, и он платил баснословные суммы за все, что хотел, от пары лошадей до чашки молока. В результате несчастные беженцы с меньшими средствами оказывались не в состоянии оплачивать запрашиваемые цены. Растрата общественных средств была очень распространена,

практически каждый высокопоставленный офицер вез сотни тысяч рублей, которые могли быть получены только нечестным путем.

10. Отношение населения.

Повсюду в регионе, через который я путешествовал, основным желанием людей было возвращение к довоенным временам. Царь был бы встречен с энтузиазмом, если бы он мог дать им мир и средства для торговли и приобретения одежды, оборудования и т. д.

Белые и красные казались одинаково непопулярны, поскольку и те, и другие не сумели выполнить свои обещания, и состояние региона менялось от плохого к худшему.

В отдаленных районах люди часто были пробольшевистски настроены, поскольку они едва имели время почувствовать Советскую власть в короткий период ее существования в 1918 г. Их отношение, однако, едва ли было вызвано политическими соображениями, но скорее желанием прихода правительства, которое могло бы улучшить состояние региона.

Явной враждебности по отношению к казакам не было, и снабжение всегда было обильным.

11. Общий итог

Кажется едва ли необходимым вдаваться во все причины поражения Дутова. Операции имели место девять месяцев назад и кажется бесполезным обсуждать стратегию, тактику, силы, боевой дух и т. д., когда уже описанные события едва ли могут быть названы кампанией, но скорее «спасайся, кто может».

Удивительно, однако, что человек с такой подготовкой и опытом, как Дутов, позволит дезорганизации своей армии оставаться столь полной на протяжении столь длительного времени, и что он разбросает свои войска на обширной территории и потеряет недели в маршах и контрмаршах, в то время, как каждая минута была драгоценна.

Каким бы плохим ни было его командование, оно не извиняет трусости и постыдного поведения офицеров и лиц всех рангов. Офицеры, в особенности старшие, несли главную вину.

Патриотизм был неизвестным качеством, практически все были бесчестными и беспокоящимися лишь о своей личной безопасности⁷⁷. Их нелюбовь к союзникам была смехотворной, и многие открыто говорили, что Англия и Франция ничего не сделали, чтобы помочь им, и что Япония и Америка тайно помогали большевикам⁷⁸. Офицеры, которые с июля 1914 г. никогда не находились ближе десяти миль от линии фронта, утверждали, что устали от войны и требовали отдыха, и что если союзники послали войска в Сибирь, то они (русские) смогут отдохнуть и позволить нам вести войну. Они говорили это вполне серьезно. Их восхищение Германией не знало границ и большинство отказывалось

верить, что она была на самом деле разбита. Их умственная перспектива была настолько детской, что многие хотели союза с Германией с целью наказать Антанту за отказ поддержать их.

Никто не вспомнил, какая держава вызвала революцию или что сотни тысяч их соотечественников умерли в германских лагерях военнопленных.

Казалось, никто не мог понять, что ни одна иностранная держава не может принимать участия в Гражданской войне в таком масштабе, чтобы не привести к значительному усилению противника и подвергнуться риску вызвать повторение наполеоновских войн.

Мой короткий опыт с Оренбургской армией значительно укрепил мое мнение, что невмешательство союзников в русский вопрос необходимо для мира во всем мире. Я верю, что необходимо сделать все уступки, чтобы по нескольким причинам воздержаться от открытой войны.

Во-первых, тот факт, что боевые действия продолжаются на польской и украинской границе, держит соседние государства в волнении и препятствует сосредоточению этих стран на их мирном развитии, как политическом, так и экономическом.

Во-вторых и даже более важно, что Россия способна, благодаря своему положению, усилить недовольство и вызвать восстание в Афганистане, Индии, Персии и Малой Азии и предоставить этим странам практически неограниченный запас оружия и военного снаряжения.

В-третьих, с каждым днем падение Советской власти в России все ближе. Внутреннее состояние страны таково, что даже давно страдающий крестьянин не будет длительное время защищать нынешний режим, а ненависть в России к евреям за последние шесть лет несколько не уменьшилась.

Если союзники могут предотвратить войну, будет недолго до еще одной революции, и хотя в настоящее время кажется трудным иметь дело с большевиками, для этого должны быть использованы все средства.

Для младшего офицера, как я, обсуждение таких вопросов может казаться выходящим за рамки этого отчета, но ставки на скачках столь высоки, а мои впечатления в Сибири были столь определенны, что, я надеюсь, они могут извинить мои ремарки.

Public Record Office. War Office. 106/1205. Лл.4–31. Машинопись.

12. Лейбург А. Ю. Южная армия Восточного фронта в 1919 году (военно-исторический очерк).

Документы личного происхождения, освещающие деятельность А. И. Дутова и неразрывно связанную с ней историю Гражданской войны на Южном Урале, на территории Степного края и в Туркестане, немногочисленны.

Касательно событий 1919 г. наиболее информативны неопубликованные воспоминания белых офицеров-генштабистов А. Ю. Лейбурга и С. А. Щепихина.

Материалы воспоминаний Лейбурга были впервые введены в научный оборот автором этих строк еще в 2001 г.⁷⁹ Позднее они использовались в книгах об А. И. Дутове и А. С. Бакиче, однако до сих пор опубликованы не были.

Александр Юрьевич Лейбург родился 23 октября 1890 г. Данные об этом офицере отрывочны. Известно, что в старой армии он служил командиром 36-й отдельной самокатной роты, дослужившись до штабс-капитана. Участвовал в Гражданской войне в антибольшевистских формированиях на Востоке России. На декабрь 1918 г. служил в 1-м Енисейском казачьем полку командиром пулеметной команды. Приказом Верховного правителя и Верховного главнокомандующего от 19 декабря 1918 г. он был произведен в капитаны с переименованием в есаулы. В начале 1919 г. был командирован в Томск в младший класс ускоренных курсов 4-й очереди Военной академии. По окончании обучения 30 апреля 1919 г. был откомандирован в распоряжение генерал-квартирмейстера Ставки. По распределению офицер попал на Южный Урал. Он был командирован в распоряжение начальника штаба Отдельной Оренбургской армии для назначения на должность офицера Генштаба и прибыл в штаб армии 24 мая 1919 г. Приказом войскам Отдельной Оренбургской армии № 360 от 30 мая 1919 г. он получил назначение старшим адъютантом Оренбургской казачьей пластунской дивизии, которой в воспоминаниях уделил особое внимание. Летом 1919 г. занимал пост начальника штаба этой дивизии. В дальнейшем Лейбург разделил все тяготы, выпавшие на долю армии. Участвовал в «Голодном походе» в Семиречье. Причислен к Генеральному штабу (на основании статьи 489 «Положения о полевом управлении войск в военное время» и согласно приказу главнокомандующего армиями Восточного фронта №1493 от 19 ноября 1919 г.). Причисление состоялось приказом по Отдельной Оренбургской армии №63 от 3 января 1920 г. Переведен в Генеральный штаб приказом главнокомандующего всеми вооруженными силами Российской Восточной Окraiны №34 от 18 марта 1921 г. За боевые отличия приказом по Отдельной Оренбургской армии №52 от 5 января 1920 г. Лейбург был произведен в полковники. В 1921 г. он перебрался на Дальний Восток. По данным на 1922 г. служил секретарем управления внутренними делами Временного Приамурского правительства. В эмиграции оказался в Шанхае. В 1924 г. на пароходе «Портос» прибыл в Королевство сербов, хорватов и словенцев (КСХС), вступил в общество русских офицеров Генерального штаба. Жил в Банате и работал учителем. Позднее переехал в США, жил в Калифорнии, умер в Голливуде 17 сентября 1966 г.

12 мая 1925 г. Лейбург обратился в военный отдел Русского заграничного исторического архива (РЗИА) с вопросами о том, приобретает ли архив материалы по Гражданской войне и на каких условиях, а также возможно ли приобретение рукописи по истории Южной армии Восточного

фронта. Содержание рукописи военному эксперту архива генералу В. В. Чернавину сообщил генерал-майор П. М. Русский. 30 мая Лейбургу был направлен ответ о том, что рукописи архив приобретает после предварительного ознакомления и отзыва военного эксперта генерала Чернавина⁸⁰.

Военно-исторический очерк «Южная армия Восточного фронта в 1919 году» был написан в 1925 г. в КСХС. Тогда же он был отправлен в Прагу для отзыва и определения хозяйственной комиссии РЗИА на предмет приобретения архивом. В сопроводительном письме от 4 июня 1925 г. Лейбург писал:

«Ваше Превосходительство!»⁸¹

Посылая Вам для отзыва свою книгу «Южная армия Восточного фронта в 1919 году», прошу не отказать в любезности сообщить мне Ваше мнение о ней, а также и определение хозяйственной комиссии архива.

Этот военно-исторический очерк, написанный мною в течение нескольких дней, безусловно требует литературной отделки изложения и страдает краткостью и схематичностью содержания.

Если для архива представляет интерес подробный разбор боевых действий на Туркестанском участке фронта Южной армии, то я, как бывший старший адъютант, а потом и начальник штаба Оренбургской казачьей пластунской дивизии⁸², располагая некоторыми материалами, мог бы эти боевые эпизоды описать в отдельной брошюре.

*Генерального штаба полковник Лейбург
Александр Лейбург. Учитель Ульма. Банат. S.H.S.»*⁸³

На заседании хозяйственной комиссии архива 26 июня 1925 г. постановили рукопись Лейбурга на основании положительного отзыва Чернавина приобрести, оценив ее в 400 крон⁸⁴. В сентябре деньги были перечислены Лейбургу его сослуживцем по Южной армии, а на 1925 г. и. д. бухгалтера архива генералом С. А. Щепихиным⁸⁵.

Очерк был обнаружен в Государственном архиве Российской Федерации, в фонде районного правления Общества русских офицеров Генерального штаба в КСХС.

А. Ю. Лейбург часто неточен в описании событий, происходивших на соседних фронтах, однако детальное изложение боевых операций Южной, Оренбургской и Отдельной Оренбургской армий с июня 1919 г. по январь 1920 г., описание Голодного похода представляют интерес.

*Генерального штаба полковник [А. Ю.] Лейбург
Южная армия Восточного фронта в 1919 году
(военно-исторический очерк)*

Прежде, чем приступить к описанию действий Южной армии, необходимо рассмотреть (в общих чертах) ту создавшуюся на Восточном

(Сибирском) фронте обстановку и те причины, которые вызвали необходимость сформирования этой армии.

Наступательный период, период колоссальных успехов армий адмирала Колчака, достигших⁸⁶ к апрелю 1919 года своего предела, когда разбитые части красных армий, деморализованные стремительным порывом вперед сибиряков и волжан, в панике откатились почти до Волги, — закончился и обстановка на фронте стала изменяться в неблагоприятную для нас сторону.

Сибирская армия (на правом фланге Восточного фронта), заняв г.г. Екатеринбург и Пермь, продолжала доблестное наступление в направлении на Глазов и Вятку и уже устанавливала связь разездами с северной архангельской армией.

Расположенная к югу от Сибирской армии, Западная армия, ослабленная непрерывными боями и стремительным продвижением вперед, начала встречать все увеличивавшееся упорство в сопротивлении частей Красной армии, переброшенных к этому времени на Волгу с фронта Добровольческой армии ген[ерала] Деникина.

Политическая и штабная вакханалия тыла, отсутствие талантливо разработанного плана стратегического наступления, отсутствие резервов, подвоза продовольствия, снаряжения и боевых припасов привело к тому, что выдохшиеся части Западной армии, под сильным давлением частей советской армии, вынуждены были вначале приостановить свое наступление и перейти к обороне занятого пространства, а затем и начать медленное отступление.

Надежда задержать наступление красных и восстановить утраченное положение, была только на формирующийся в Зап[адной] Сибири корпус ген[ерала] Каппеля, срочного перебрасываемый⁸⁷ на фронт.

Но и эта надежда не оправдалась, так как корпус, будучи по частям втянут в бой, только временно задержал развитие наступления красных.

Южная группа ген[ерала] Белова, наступающая в Бузулукском и Оренбургском операционном направлениях, после кровопролитных, но безуспешных боев на реке Салмыш (2-й Стоход⁸⁸) в конце апреля 1919 года, занимала оборонительные позиции к юго-западу от г. Стерлитамак на восточных берегах рек Демы (приток р. Белой) и Салмыша.

На левом фланге Восточного фронта была расположена Отд[ельная] Оренбургская армия, атамана Дутова, состоящая в большей своей части из конных казачьих частей (два Оренбургских казачьих корпуса и Отд[ельная] Оренб[ургская] каз[ачья] пластунская дивизия).

Эта армия, успешно и быстро продвинувшись из Троицкого района к Орску и далее к Оренбургу и Актюбинску, после боев успешного апрельского наступления на гор[од] Оренбург с юга и востока, занимала следующее положение:

1-ый Орен[бургский] каз[ачий] корпус, войдя в тесную и непосредственную связь с Уральской армией, был расположен⁸⁹ по левому берегу

р. Урал, от станицы Рассыпная на левом фланге до стан[ицы] Нежинская на правом, местами выдвигаясь на правый берег (ст[аницы])⁹⁰ Нижнеозерная, Чесноковская, Зубочистенская).

2-ой Ор[енбургский] каз[ачий] корпус, поддерживая связь с Южной группой, был расположен между реками Урал и Сакмара.

Отд[ельная] Оренб[ургская] казачья пластунская дивизия, имея задачей, отбросив противника в ненаселенные, песчаные киргизские степи, обеспечить Оренбургскую армию от удара с тыла, со стороны Туркестана, вела наступательные бои к югу от г. Актюбинска в районе г. Темир – ст[анция] Джурун.

Когда на фронте Западной армии, утомленные части начали, под натиском частей Красной армии, отступать, главнокомандующим было решено произвести реформирование Отд[ельной] Оренбургской армии и Южной группы в Южную армию, имея целью, по окончании формирования (в июне), решительным и сильным ударом в направлении Оренбург – Бузулук – Самара, остановить, развивающийся против Западной армии, успех красных.

Командование Южной армией было возложено на ген[ерала] Белова. К 1-му июня реформирование было закончено.

Сформирование Южной армии привело к следующим положительным результатам:

1) равномерному и полезному соединению пехоты и конницы под единым командованием и

2) расформированию многих штабов и тыловых учреждений и пополнению действующих частей армии.

Здесь будет вполне уместно указать и на те основные принципы, которые отчасти достигались при организации Южной армии. Первый основной принцип, принцип самостоятельности, был частично достигнут посредством придания стратегическим организациям известной численной силы, во-вторых, был достигнут принцип удобоуправляемости, путем уменьшения количества подчинения штабов и, в-третьих, был достигнут принцип объединения власти в руках начальника.

В состав Южной армии вошли:

1) 5-ый Стерлитамакский корпус.

Ген[ерал] Бобрик. 9000 шт[ыков], 1500 шаш[ек], 8 орудий.

2) 4-ый Оренбургский корпус.

Ген[ерал] Бакич. 5000 шт[ыков], 2000 шаш[ек], 6 орудий.

3) 11-й Яицкий корпус.

Ген[ерал] Галкин. 3000 шт[ыков], 300 шаш[ек], 4 орудия.

4) 1-ый Оренбургский каз[ачий] корпус (сформированный из 1-го и 2-го Орен[бургских] каз[ачьих] корпусов и Отд[ельной] Орен[бургской] каз[ачьей] пласт[унской] дивизии).

Ген[ерал] Акулинин. 3000 шт[ыков], 16200 шаш[ек], 14 орудий.

* Цифровые данные приблизительные (прим. А. Ю. Лейбурга).

Итого в Южной армии состояло: 20000 шт[ыков], 20000 шаш[ек], 32 оруд[ия].

К 1-му июня обстановка на фронте Южной армии не изменилась.

5-ый Стерлитамакский корпус вел оборонительные бои к юго-западу от гор[ода] Стерлитамак на восточном берегу р.р. Дема и Салмыш.

4-ый Оренбургский корпус, расположенный к югу от 5-го, занимал оборонительные позиции на восточном берегу р. Салмыш.

11-ый Яицкий корпус формировался в г. Троицке.

1-ый Орен[бургский] каз[ачий] корпус, занимая то же расположение, по левому берегу р. Урал, вел безуспешные бои на северном ее берегу, в районе ст[аницы]⁹¹ Зубочистенская – Татишевская.

Штаб Отд[ельной] Оренб[ургской] армии, находившийся к 1-му июня в г. Орске, был расформирован, а штаб Южной группы, переименованный в штаб Южной армии, находился в гор[оде] Стерлитамак, т. е. за правым флангом расположения армии.

Наступление на гор[од] Оренбург было предположено начать в середине июля. 11-ый Яицкий корпус, отправленный на фронт, занял позиции между р.р. Сакмара и Урал.

Но приготовления к наступлению этим и ограничились.

В это время Отд[ельная] Оренб[ургская] каз[ачья] пластунская дивизия с приданными ей конными частями (1200 штыков, 1500 шашек и 5 орудий), выдвинутая заслоном на Ташк[ентской] жел[езной] дороге, после упорных боев в начале и середине июня, со много раз превосходящими ее в силах красными частями Северного Туркестанского фронта, успешно выполнила поставленную ей задачу.

Красная армия, разбитая по частям и почти совершенно уничтоженная, была отброшена за Мугоджарские горы в пустынные степи и пески. Дорога в Туркестан была открыта.

Дивизия, не ограничиваясь выполнением поставленной ей задачи, энергично преследовала отступающие, разбитые части Красной армии, перешла через Мугоджары и спустилась в пустыню, продвинувшись вперед почти до ст[аницы] Челкар, более, чем на 200 верст. Дальнейшее преследование красных, благодаря весьма печальному событию в дивизии, приостановилось почти на целый месяц.

Казаки 2-го Орен[бургского] каз[ачьего] пластунского полка, распропагандированные красными, взбунтовались. Командир полка, капитан Козин, чтобы избежать самосуда, застрелился. Высланные против пластунов конные части и артиллерия отказались действовать против своих же. Только приехавшие к этому времени члены Войскового правительства, отправившиеся вместе с Начальником дивизии на ст[аницю] Берчогур к пластунам, привели их к повиновению.

Здесь кстати будет упомянуть, что в то время как красные главное свое внимание обращали на агитационно-пропагандное дело, как среди казаков, так и в своих частях, у нас на это обращалось очень мало вни-

мания, и осведомительный отдел штаба Южной армии совершенно не проявлял своей деятельности. Показательным и грустным, но все же фактом является то обстоятельство, что ни разу в частях дивизий Южной армии, не появлялись не только газеты, но и вообще никакая агитационная литература (воззвания, книжки, брошюры и т. д.), которая была так необходима для поднятия морального состояния казаков и солдат.

Человеку всегда принадлежала и будет принадлежать главная роль в войне, в особенности в гражданской: какое бы хорошее ни было оружие, какая бы ни была усовершенствованная техника (бывшая у нас весьма слабой), но если будет отсутствовать моральная подготовка частей, победа будет сомнительна. Поэтому в Гражданской войне особенно серьезное внимание должно быть всегда обращено на поднятие духа и моральное воспитание частей.

Не только в Южной армии, но и в других армиях Восточного фронта и в Сибири агитационно-пропагандное дело не было поставлено на должную высоту, почему и результаты его или минимально ничтожны или даже совершенно отсутствуют. И это было одной из главных причин тяжелых испытаний, постигших армии Восточного фронта.

Только во второй половине июля Оренбургская каз[ачья] пластунская дивизия вновь начала свое наступление на усилившиеся части северной Туркестанской армии, укрепившиеся⁹² в районе ст[анции] Челкар. Здесь было стянуто красными все, что они могли: появились новые части, снятые с Асхабадского и Семиреченского фронтов, и даже инструкторская школа красных (красное военное училище) была отправлена на фронт.

В упорном и жестоком двухдневном бою красные были вновь разбиты: потеряв большое количество ранеными и убитыми, они в панике, пользуясь ночным временем, на поездах отступили в Туркестан. Г. Челкар был взят. Ввиду отсутствия в распоряжении дивизии достаточного количества паровозов (всего 4 паровоза обслуживали всю дорогу), преследование было возложено на конные части 1-го Линейного казачьего полка, которые, пройдя более 200 верст по песчаной и безводной пустыне, к началу августа подошли к Аральскому морю. Дальнейшее наступление частей дивизии в Туркестан было приостановлено, благодаря отсутствию достаточного количества поездов, разрушенному железнодорожному пути и отсутствию воды (водокачки были разрушены красными при их отступлении из Челкара). Главной же причиной приостановки наступления было то, что казаки-пластуны, понесшие в предыдущих боях большие потери, распропагандированные красными, отказались двигаться дальше.

Глава 2

В течение этого времени (июнь – июль) Южная армия не предпринимала никаких решительных операций против красных, укрепивших-

ся в г. Оренбурге. Происходившие незначительные операции имели лишь местное значение.

Штаб Южной армии только к середине августа перешел в г. Орск. В августе отступление Западной армии приняло уже поспешный характер. Задержать наступление красных было некем. Резервы израсходованы. Уфа пала, красные продвигались к Златоусту. Грозил ужасная катастрофа. Связь Западной армии с Сибирской⁹³ была потеряна. Сибирской армии угрожало быть отрезанной от Сибири.

В конце июля и в начале августа красные, крупными силами, перешли в наступление на 5-ый Стерлитамакский корпус, расположенный на правом фланге Южной армии, проявляя в то же время активность и на остальных участках фронта армии.

Во избежание обхода с правого фланга, обнаженного отступлением Западной армии, 5-ый корпус, оказывая упорное сопротивление, начал медленно отходить в направлении на г. Стерлитамак – Верхнеуральск. 4-ый Оренбургский корпус и 11-ый Яицкий, не теряя связи с 5-ым корпусом, также с боями начали отход в направлении на станицу Кизильская – г. Орск.

Направление фронта постепенно изменялось на северо-запад и на север.

В это время штаб Южной армии получил из Ставки главнокомандующего две директивы: одна содержала распоряжение, не теряя связи с Западной армией, отступить в Сибирь, согласно же другой – Южная армия должна была соединиться с Уральской армией.

Командующий армией, генерал Белов (Виттекопф), под впечатлением быстрых и решительных успехов на Туркестанском участке фронта армии, достигнутых небольшими силами Оренбургской казачьей пластунской дивизии и полагая, что завоевание Туркестана является легкой задачей для армии, принимает, еще в начале августа, решение: 1) овладеть гор[одом] Ташкент и 2) об отводе Южной армии в Туркестан.

В принятии этого решения немаловажную роль сыграло также и чрезмерное честолюбие ген[ерала] Белова, желавшего быть совершенно независимым командующим отдельной Южной армией.

Для выполнения принятого решения (завоевание Туркестана) командующий армией отдал приказ о сформировании Туркестанского стрелкового корпуса, назначив его командиром молодого полковника Василенко (окончивший ускоренный курс 1-ой очереди академии Генерального штаба).

5-му Стерлитамакскому, 4-му Оренбургскому, 11-му Яицкому и 1-му Оренбургскому казачьему корпусам было приказано отходить, оказывая упорное сопротивление красным, на г. Орск – г. Актюбинск.

В состав Туркестанского стрелкового корпуса вошли:

1) Оренбургская казачья пластунская дивизия (1-ый и 2-ой Орен[бургские] каз[ачьи] пластун[ские] полки, 1-ый Орен[бургский] каз[ачий] Ли-

нейный полк, отд[ельный] каз[ачий] дивизион и 2-ая Орен[бургская] пластунская батарея) 800 штык[ов] 1600 ш[ашек] 5 орудий)

2) Туркестанская стрелковая дивизия (1-ый, 2-ой и 3-ий Туркест[анские] стр[елковые] полки и 42-ой Троицкий полк)
1500 штыков

3) Вспомогательные части (железнодорожный батальон, бронепоезд и авиаотряд)
2 аэроплана.

Одной из главных ошибок этого приказа о формировании Туркестанского корпуса было то, что элемент времени, которого было очень мало, не был учтен. Второй не менее важной ошибкой являлось то, что выполнение указанного выше решения было возложено на части ненадежные (Туркестанские полки) и морально подавленные (пластуны), что, в конце концов, и привело к тяжелому поражению.

Туркестанская стрелковая дивизия, не закончившая своего формирования, только ко второй половине августа прибыла на ст[анцию] Челкар.

Пока производилось формирование этой дивизии, Оренбургской казачьей пластунской дивизии было приказано продолжать наступление и овладеть ст[анцией] Аральское море и гор[одом] Казалинск, для «подготовки дальнейшего наступления на Арысь – Ташкент».

Станция Аральское море, сильно укрепленная красными, представляла собою пробку, которая, будучи выбитой, давала возможность сравнительно легкого овладения Ташкентом, а, следовательно, и всем Туркестаном.

Здесь необходимо отметить, что штаб Оренбургской казачьей пластунской дивизии, имея связь с уральскими казаками, населяющими берега реки Аму-Дарья и южного побережья Аральского моря, имел полное основание рассчитывать, что с продвижением частей Южной армии вперед и с занятием ст[анции] Аральское море и г. Казалинск, все это казачье население, имея вооружение, включительно до орудий, подымет восстание против красных и окажут⁹⁴ нашим наступающим частям полную поддержку, как живой силой, так и продовольствием.

По данным агентурной разведки было известно, что красные решили упорно оборонять ст[анцию] Аральское море, сильно ее укрепив окопами полной профили и проволочными заграждениями.

В случае же, если ст[анция] Аральское море будет взята казаками, то было решено отступить до ст[анции] Туркестан (недалеко от гор[ода] Ташкент), где и оказать упорное сопротивление. Казалинск приказано было эвакуировать.

Выше было указано, что первоначальной задачей Оренбургской казачьей пластунской дивизии было овладение ст[анцией] Эмба и закрепление этого района за собою.

Дальнейшее продвижение до станции Челкар включительно, производилось дивизией по собственной инициативе. Но уже в начале августа

был получен приказ о продолжении дальнейшего наступления вглубь Туркестана.

Технические работы по восстановлению железнодорожного пути, мостов и водокачек начались со дня взятия ст[анции] Челкар, но производились крайне медленно из-за отсутствия технического персонала, инструментов и материала. Железнодорожный батальон прибыл уже в конце августа.

Только к 20 августа железнодорожный путь и водокачки были приведены в исправность.

Для выполнения ближайшей задачи, овладения ст[анцией] Аральское море, Оренбургская казачья пластунская дивизия была усилена одним батальоном 42-го Троицкого полка, железнодорожным батальоном и авиаотрядом.

Таким образом, весь отряд, назначенный для овладения ст[анцией] Аральское море, состоял из 1200 штыков, 1200 шашек, 5 легких орудий, 2 аэропланов и железнодорожного батальона.

Северная Туркестанская армия красных, имея около месяца времени, после их последнего поражения у ст[анции] Челкар, была вновь усилена новыми частями, прибывшими с Асхабадского фронта и гор[ода] Ташкент, и, занимая сильно укрепленную ими ст[анцию] Аральское море, к этому времени состояла из: 6000 штыков, 1500 сабель, 25 легких и тяжелых орудий и 6 бронепоездов.

С 20-го августа началось сосредоточение частей дивизии на ст[анции] Саксаульская (Сыр-Дарьинской области).

В конце первой главы было указано, что 2-ой Оренбургский каз[ачий] пластунский полк, морально разложенный и распропагандированный красными, отказывался двигаться далее на юг. Теперь же, когда их станицы стали заниматься красными, они потребовали отправления их для защиты своих станиц, и только с большим трудом и угрозами они были отправлены к месту сосредоточения дивизии; но, не доезжая места назначения, они остановили поезд и категорически отказались ехать дальше. Только убежденные делегатами Уральских казаков, населяющих берега р. Аму-Дарья и Аральского моря, которые, стоя на коленях, со слезами на глазах, умоляли прийти на помощь казакам-Уральцам и освободить их от власти большевиков, пластуны согласились отправиться дальше.

К 26 августа вся дивизия с приданными ей частями сосредоточилась на ст[анции] Саксаульская.

В это время части Южной армии, ведя упорные бои с превосходящими их в силах частями Красной армии, медленно отходили к гор[оду] Орск и г. Актюбинск. Связь с Западной армией была потеряна уже в первой половине августа.

5-ый Стерлитамакский корпус, отходя от г. Верхнеуральска в южном направлении на г. Орск, был расположен по обоим берегам р. Урал.

4-ый Оренбургский корпус, упорно обороняясь на естественных рубежах, медленно отходил в восточном направлении на станицу Кизильская и Орск. Но Командир 4-го корпуса, генерал Бакич, не исполнив приказа командующего армией о дальнейшем отступлении на г. Актюбинск, со 2-ой Сызранской дивизией, партизанской бригадой Полковника Степанова (1-ый и 4-ый Орен[бургские] каз[ачьи] полки) и артиллерией, продолжал дальнейшее отступление в восточном направлении на гор[од] Кустанай.

5-ая дивизия 4-го Орен[бургского] корпуса, 11-ый Яицкий корпус и часть 1-го Оренбургского казачьего корпуса начали отступление в южном и юго-восточном направлениях на гор[од] Актюбинск.

В 20-ых числах августа штаб армии перешел из г. Орск в Актюбинск и далее на ст[аницю] Эмба. К концу августа части 11-го Яицкого корпуса, 1-го Оренб[ургского] казачьего корпуса и 5-ая дивизия 4-го Оренб[ургского] корпуса отступили к гор[оду] Актюбинск, а 5-ый Стерлитамакский [корпус] – к гор[оду] Орск.

Части 1-го Оренбургского казачьего корпуса, расположенные к западу от железной дороги с командиром корпуса и штабом отступали в юго-западном направлении, на присоединение к Уральской армии.

2-го Сентября красные, прорвав фронт, заняли гор[од] Актюбинск.

Части 11-го корпуса, 5-ой дивизии 4-го корпуса и 1-го Оренб[ургского] корпуса отступали далее на юг вдоль Ташкентской железной дороги к станции Эмба. Некоторые арьергардные части обходили Актюбинск и также сосредотачивались на ст[анице] Эмба. 5-ый Стерлитамакский корпус отходил на форт Кара-Бутацкий.

Таким образом, почти вся армия, за исключением большей части 4-го Оренбургского и 1-го Оренбургского казачьего корпусов, была сосредоточена вдоль Ташкентской железной дороги, запертой с севера городом Актюбинск, а с юга станцией Аральское море.

Необходимо было возможно скорее выбить красных со станции Аральское море для дальнейшего движения армии в Туркестан.

Решено было перейти в наступление 30-го августа. Еще 28-го августа был отправлен со станции Саксаульская обходный отряд (пластуны и 3 сотни 1-го Линейного каз[ачьего] полка), на верблюдах и лошадях (200 шт[ыков] и 300 шаш[ек]), для обхода ст[анице] Аральское море с востока и юга.

Здесь местность имеет совершенно пустынный характер. Все песок и песок. Куда ни кинешь взгляд, всюду одни только песчаные сыпучие пески и барханы. Пресной воды нет, привозят по железной дороге в нефтяных цистернах. Жара градусов 45–50.

30-го августа станция Конту была взята почти без сопротивления, и только к вечеру того же дня, после упорного боя был взят разъезд №85 и к ночи разъезд №86, в 4-х верстах от станции Аральское море.

С рассветом 31-го августа началось одновременное наступление на ст[анцию] Аральское море с северной, восточной и юго-восточной сторон. Красные оказывали упорное сопротивление. Артиллерийский огонь, открытый красными из всех тяжелых и легких орудий (до 25) принял характер ураганного. Уже к полудню весь резерв был израсходован. К 18 часам была занята окраина поселка Аральское море, но подошедшими новыми силами красных казаки были выбиты. Три раза части шли в атаку, но с большими потерями были отбиты.

Части, измученные страшной жарой и жаждой (воду подвезти в бочках или ведрах не представлялось возможным), утомленные непрерывающимся боем, под сильным артиллерийским огнем противника, выдохлись, а новых частей для их подкрепления не было. К 20 часам наступление прекратилось, но артиллерийский огонь, как с фронта и с флангов, так отчасти и с тыла, с судов красного флота, продолжался до темноты. В 23 часа бой прекратился и наступила мертвая тишина. Только время от времени красные, освещавшие впереди лежащую местность прожектором, показывали свою готовность. Обходный отряд, дойдя до проволочных заграждений противника, также не имел никакого успеха.

С рассветом 1-го сентября вновь началось наступление на ст[анцию] Аральское море, но после двух неудачных атак, отбитые с большими потерями части залегли и целый день [держались], находясь под сильным артиллерийским огнем, с наступлением темноты, самовольно ушли с позиции, часть же солдат 42-го Троицкого полка перешла на сторону красных.

Никакими силами нельзя было остановить пластунов и солдат, которые беспорядочными толпами собрались на ст[анции] Конту. Перешедшие в наступление красные были отбиты казаками 1-го Линейного каз[ачьего] полка и пулеметной командой 2-го пластунского полка.

Части были отведены на ст[анцию] Саксаульская. Оборона ст[анции] Конту была возложена на 1-ый Оренбургский каз[ачий] пластунский полк.

2-го сентября прибыл командующий корпусом с 1-ым Туркестанским стрелковым полком, остальными батальонами 42-го Троицкого полка, бронепоездом и одной 6-дюймовой пушкой (с комплектом в 45 шрапнелей).

Было приказано вновь 4-го сентября с рассветом перейти в наступление. Но 3-го сентября был получен приказ командующего армией о возобновлении наступления после его приезда с егерским полком, но этот приказ на следующее утро был отменен.

Командующий корпусом уехал в Челкар на дрезине.

Весть о взятии красными Актюбинска уже к 4-му сентября стала распространяться в частях корпуса.

Настроение в корпусе стало угнетенным и подавленным. Недовольство росло все более и более. Подвоз продовольствия, фуража и воды

прекратился, так как паровозы были заняты штабом армии для перевозки частей. Отряду угрожали голод и жажда.

В этот же день (4-го сентября) казаки 2-го Ор[енбургского] каз[ачьего] пластун[ского] полка арестовали своих офицеров, и, поставив к паровозу караул, потребовали их немедленного отправления на север для освобождения станиц.

1-ый Линейный каз[ачий] полк ушел с позиции, отказавшись выполнить боевой приказ по охране пути на гор[од] Иргиз.

Переговоры штаба дивизии со штабом армии по прямому проводу об отводе частей не привели ни к каким результатам. На следующий день Начальник дивизии отдал приказ об отводе частей на ст[анцию] Чокусу, возложив оборону участка на 1-ый Туркестанский стр[елковый] полк. Но как только штаб дивизии с бронепоездом и пластунскими полками отошел со ст[анции] Саксаульская, 1-ый Туркестанский стр[елковый] полк взбунтовался, перебил часть своих офицеров и ушел к красным.

6-го сентября большая часть 42-го Троицкого полка также перешла к красным. Железнодорожный батальон разрушал путь.

Пластуны, захватив все паровозы, самовольно уехали в Челкар и далее на север, всюду разрушая телеграфную линию.

Связь со штабом армии была прервана. Оборона участка фронта у ст[анции] Тугуз была возложена на 42-й Троицкий полк, 1-ый Оренб[ургский] каз[ачий] пластунский полк и пластунскую батарею. Всего около 500 шт[ыков] и 4 орудия. 1-ый Линейный каз[ачий] полк, забрав с собою весь офицерский состав и обозы, ушел по долине р. Эмба на присоединение к Уральской армии.

9-го сентября приехал на ст[анцию] Джилан (штаб дивизии) Командующий корпусом: были привезены продовольствие и боевые припасы. В тот же день, к вечеру, он отправился на позицию у ст[анции] Тугуз, которая занималась 42-м Троицким полком.

Весь железнодорожный путь и водокачки до станции Тугуз были испорчены и по докладу Командира железнодорожного батальона, на его исправление потребуется не менее 10 дней.

Но уже 10-го сентября с рассветом подошли к станции Тугуз бронепоезда красных и подвергли, как самую станцию, так и занимаемые полком позиции жестокому обстрелу. В то же время пехотные части противника начали наступление и с фронта и с флангов на позицию, в то время как кавалерия была брошена в тыл. После непродолжительного боя Троицкий полк начал под прикрытием своего бронепоезда отступление. Красная кавалерия, старавшаяся разрушить в тылу позиции железнодорожный путь, был[а] отбит[а] бронепоездом. Здесь наш бронепоезд проявил отчаянное мужество: под угрозой быть отрезанным от тыла, он вел отчаянную борьбу с наседавшими частями красных. Небольшая

уцелевшая часть 42-го Троицкого полка (250 штыков), отошла на ст[анцию] Джилан, где к этому времени сосредоточились остатки 1-го Оренб[ургского] каз[ачьего] полка (100 шт[ыков]), батарея, бронепоезд, и остатки железнодорожного батальона.

Здесь эти уцелевшие части были разделены Командующим Корпуса на 2 отряда:

Первый отряд, во главе с начальником Оренбургской пластунской дивизии, в составе: 1-го Оренб[ургского] каз[ачьего] пласт[унского] полка, пластунской батареи, чинов бронепоезда и железнодорожного батальона (300 штык[ов] и 1 орудие), был отправлен без всяких дорог, по песчаной и безводной пустыне в направлении на гор[од] Иргиз. Часть отряда шла пешком, часть верхами на верблюдах и лошадях. Продовольствия взято с собой не было, за неимением перевозочных средств: было взято только то, что успел взять каждый из чинов отряда.

Второй отряд, под личным командованием командующего корпусом в составе 250 штыков 42-го Троицкого полка, отошел на ст[анцию] Коп-мулла. Связи с Челкаром не было, каково было положение на северном участке железной дороги, было неизвестно.

Все боевые и продовольственные запасы были взорваны и сожжены на ст[анции] Джилан: бронепоезд был также взорван, орудия испорчены и брошены.

Штаб Южной армии с Егерским полком, к 6-му Сентября прибыл на ст[анцию] Челкар. Остальные части армии, сосредоточенные частью на ст[анции] Эмба, частью же вдоль Железной дороги между ст[анциями]⁹⁵ Эмба и Актюбинск, начали движение к гор[оду] Иргиз, 5-ый Стерлитамакский корпус продвигался к форту Кара-бутацкому.

Все это движение прикрывалось с юга только 250 штыками, а с севера никакого прикрытия не было.

Здесь необходимо будет отметить, что штаб Оренбургской казачьей пластунской дивизии, еще в июле месяце послал командующему Южной армией и Командиру 1-го Оренб[ургского] казачьего корпуса свои соображения на случай отхода. Штабу дивизии уже тогда было ясно, что в случае перехода красными в наступление со стороны гор[ода] Оренбург и занятия ими гор[ода] Актюбинск, дивизии придется отступать по дороге Иргиз – Тургай и далее.

Учитывая, что в данной местности невозможно достать продовольственных припасов, Начальник дивизии (в то время полковник Г. М. Фаддеев) просил штаб армии о заблаговременной заготовке в гор[одах]⁹⁶ Иргиз и Тургай продовольственных магазинов и складов, но это штабом армии сделано не было.

12-го сентября, когда уже все части армии были в пути на гор[од] Иргиз, командующий армией (штаб еще в начале сентября перешел в Иргиз) с егерским полком оставил Челкар и двинулся в Иргиз.

Так неудачно и печально кончилось принятое командующим армией решение завоевания Туркестана⁹⁷.

К этому времени Западная армия Восточного фронта продолжала свое отступление на восток. Златоуст пал, в сентябре был взят Челябинск⁹⁸ и под угрозой уже находился гор[од] Курган.

Сибирское казачье войско, находясь перед непосредственной опасностью занятия территории войска красными, объявило поголовную мобилизацию всех казаков для защиты родных станиц. Но было уже поздно. Разложенные части Западной армии не были уже способны к упорному сопротивлению.

Этот период (июнь, июль, август и сентябрь) напряженной боевой работы частей Южной армии, и, главным образом, на туркестанском участке фронта, дает возможность подвести итоги в отношении допущенных ошибок в обстановке Гражданской войны: извлечение же из имеющегося тяжелого боевого опыта проверенных жизнью данных послужит в будущем к тому, что допущенные ошибки в прошлом будут приняты во внимание в будущем строительстве мощной русской армии.

Какие же были допущены ошибки при организации Южной армии и боевых ее действиях.

1) Главной ошибкой являлось допущение так называемых территориальных казачьих формирований, где казачьи части, ведя боевые действия в районе войсковой территории, способны только к обороне и в редких случаях к наступлению. При отступлении же большая часть казаков разойдется по станицам, и только небольшая часть наиболее стойких в своих убеждениях казаков решается бросить свои станицы и семьи и оказываются⁹⁹ способными ко всякого рода боевым действиям.

Полная недопустимость в обстановке гражданской войны введения в бой казачьих частей в районах, где находятся их родные станицы, многократно подтверждается как Оренбургским Казачьим Войском, так и Сибирским.

Мы видим, что только небольшая часть казаков-оренбуржцев отступила с территории войска, в то время, когда те казачьи части того же войска, которые были приданы Западной армии, почти полностью совершили Великий Сибирский поход.

Про пластунские части говорить не приходится, так как вообще казак-пехотинец, не имеющий лошади, с которой он сросся с малых лет, не чувствует себя уже вполне боеспособным казаком и более привязан к своей станице, чем казак-джигит. Это же наблюдалось в Сибирском, Енисейском и Иркутском казачьих войсках.

2) Отсутствие маршевых рот и сотен, которые пополняли бы убыль в боевых частях, являлось также немаловажной причиной, приведшей армию к катастрофе. Дравшиеся на фронте боевые части, истекая кровью, теряют свои боевые кадры, и неполучение вовремя укомплектований понижает их моральное состояние и боевую способность.

3) Отсутствие заботы высшего командования о нуждах казаков на фронте. Казаки не получали ни обмундирования, ни белья, в то время как пехотные части той же армии получали все в достаточном количестве. Это объяснялось тем, что неказачье командование возлагало заботы о снабжении казаков на Войсковое правительство, которое часто и не имело возможности удовлетворить все нужды казаков.

4) Назначение на строевые казачьи должности неказачьих офицеров (как было во 2-ом Оренб[ургском] каз[ачьем] пластунском полку), совершенно не имеющих понятий об особенностях жизни и службы казаков, очень часто приводило не только к крупным недоразумениям, но и к восстанию.

5) Формирование крупных боевых частей из сдавшихся и взятых в плен красноармейцев являлось одной из самых крупных ошибок военного командования, которое неоднократно приводило к роковым последствиям (части корпуса ген[ерала] Каппеля в Западной армии, Туркестанская дивизия Южной армии).

6) Несоблюдение основных принципов военного искусства и неумение сохранить дух армии, в то время, когда противник наибольшее внимание обращал именно на нравственный подъем в своих частях, явилось следствием того, что высший Командный состав был не на должной высоте.

Теория нас учит, что одна из самых главных задач стратегического искусства заключается в том, чтобы сосредоточить к решительному пункту театра действий превосходные сравнительно с противником силы. Бой у ст[анции] Аральское море показывает, что этот основной принцип командующим армией был забыт. Станция Аральское море являлась стратегическим ключом Туркестана, и в этом решительном пункте красные много раз превосходили наступающие части Южной армии.

Обращаясь к рассмотрению общих причин неудач всего Восточного фронта и падения власти адмирала Колчака необходимо отметить следующее:

На стороне советской армии было численное превосходство, не говоря уже о дисциплине, организации и более высоком моральном настроении войск – результате целого ряда успехов.

Совсем в другом положении были как Южная армия, так и другие армии фронта, находившиеся в состоянии отступления и в достаточной степени разложения, благодаря усиленной агитации красных.

Кроме этих частных причин, на понижение нравственного духа армий оказало сильное влияние и впечатление тех общих неудач, которые постигли все армии фронта. Не могло остаться на них без влияния и то враждебное правительству настроение, которое охватило уже к этому времени большинство рабочих и крестьян.

Перенести целый ряд военных неудач, не потеряв, однако, доверия к собственным силам, не подрывая авторитета верховной власти и сохра-

няя к ней уважение, может только вполне здоровый государственный организм, управляемый сильным и популярным в народе правительством.

Но в государственном образовании, как колчаковская Сибирь, управляемом случайным правительством, где политическая вакханалия и борьба партий при деятельной агитации красных, при постоянных и повсеместных восстаниях в тылу, первая серьезная неудача фронта влечет за собою, обыкновенно, падение всего государственного строя, что и случилось с правительством адмирала Колчака. При первых же неудачах все враждебные власти партии подняли голову: действия правительства и Главнокомандующего подвергались открытой критике, повсеместные восстания в тылу достигли фронта, власть расшатывалась как в тылу, так и в армии.

Глава 3

12-го сентября Ташкентская железная дорога была покинута последними частями Южной Армии, которые различными путями стягивались к гор[оду] Иргиз, Тургайской области. Только большая часть 1-го Оренбургского каз[ачьего] корпуса, двигавшаяся в юго-западном направлении на присоединение к Уральской армии, и 4-го корпуса, отступающего в кустанайском направлении, отделились от армии.

Здесь необходимо остановиться на описании той местности, по которой приходилось совершить свой поход, полный тяжелых невзгод и лишений, Южной армии.

Эта местность носит название Киргизского края, и, состоя из областей Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской, занимает обширную площадь, состоящую преимущественно из степей, перемежающихся с пустынями. Эту территорию пересекает с северо-востока на юго-запад продолжение Уральского хребта, пустынный кряж Мугод-жар, разделяющий бассейн Аральского моря от бассейна Каспийского. Почти все пространство края (за исключением долины Алтая, Тарбагатая и долин Иртыша и Урала) представляет собою совершенно пустынную горько-соленую страну с песчаными барханами, самосадочными озерами, солончаками и узкими солеными реками, теряющимися в лесах и летом высыхающими.

Из путей сообщения, кроме Оренбургско-Ташкентской железной дороги имеется 2 тракта: Орско-Казалинский и Челкаро-Иргиз-Тургайский. Орско-Казалинский тракт, являющийся исключительно караванным путем, начинаясь от гор[ода] Орска и, перейдя р. Урал, вступает в пределы Актюбинского уезда и затем направляется по долине р. Ори. Из Актюбинского уезда тракт вступает в Иргизский уезд и проходит через форт Карабутакский. От Карабутака по открытой волнистой степи и на большем протяжении безводной, имеющей характер пустыни, дорога проходит через гор[од] Иргиз и здесь приобретает совершенно пустынный

характер, и, проходя сыпучими песками, вступает в пределы Казалинского уезда Сыр-Дарьинской области.

Между Челкаром, Иргизом и Тургаем лежит земский тракт, которым пользуются очень редко: он проходит из Челкара по совершенно пустынной, ненаселенной, безводной и песчаной местности в гор[од] Иргиз. Отсюда сначала по речке Телькара пересекает р. Улькай-Ик, а затем идет по правому берегу р. Тургай.

Весь тракт имеет однообразно-пустынный характер, на протяжении около 450 верст тянутся то пески, то солончаки, то глинистые пространства. Растительности почти никакой нет.

Из Тургая выходят, кроме дороги в Иргиз, еще три дороги: одна на Орск, другая на Кустанай и третья – в Перовск Сыр-Дарьинской области: последняя исключительно караванная и проходит по солонцовой пустынной, покрытой песками, равнине.

Такой же пустынностью отличаются дороги из Тургая на Орск и Кустанай.

В населенный же район Акмолинской области (поселки по р. Ишима и Атбасар) дороги никакой не было, за исключением караванной тропы, пролегающей по такой же бесплодной солончаковой пустыне, на протяжении свыше 400 верст.

Почти все это пространство от Челкара до р. Ишима занято глинисто-солонцовыми и песчаными равнинами.

Главная масса населения состоит из кочевников киргиз. Оседлое население живет только в Кара-Бутаке, Иргизе и Тургае.

Как указано выше, уже к 12-му сентября все части Армии, оторвавшись от противника, находились в пути к гор[оду] Иргиз.

Части 11-го Яицкого, 5-ой дивизии 4-го Оренбургского и 1-го Оренбургского каз[ачьего] корпусов, двигаясь различными путями, частью без дорог, от ст[анций] Джурун, Эмба и г. Актюбинска, были сосредоточены в гор[оде] Иргизе к 11-му сентября, части 5-го Стерлитамакского корпуса, двигаясь от гор[ода] Орска, через форт Карабутаковский, прибыли в г. Иргиз к 15-му сентября, части же Туркестанского корпуса, двигаясь различными путями, без дорог, по безлюдной и безводной пустыне, через пески Б. Барсуки, прибыли в Иргиз в различное время: 1-ый отряд прибыл вечером 13-го сентября, 2-ой отряд с командующим корпусом – 16-го. Наконец, 18-го числа последним прибыл командующий армией, ген[ерал] Белов, с Егерским полком (арьергард).

Все части, за исключением Туркестанского корпуса, не задерживаясь в Иргизе более 2–3 суток, начали далее свой поход на г. Тургай. Туркестанский корпус был назначен в арьергард и только 20-го сентября, когда все части уже находились в пути на Тургай, под натиском красных, наступивших со стороны Челкара, оставили¹⁰⁰ Иргиз.

Первые части, выступившие из Иргиза в Тургай, срубали телеграфные столбы на топливо, и потому телеграфная связь с Тургаем была прервана.

Поход совершали частью пешком, частью верхом на лошадях и верблюдах.

Продовольственных припасов не было никаких (в гор[оде] Иргизе продовольственных складов не было), достать что-либо было невозможно: только некоторые счастливыцы из числа первых прибывших в Иргиз могли достать у населения (около 1000 человек) кое-какие продукты, большая же часть армии (свыше 12000 человек) была вынуждена двигаться в Тургай (Около 300 верст) без всякого продовольствия.

Кочевники киргизы откочевали в сторону от тракта на сотни верст.

Этот поход, прозванный голодным, останется надолго в памяти его участников.

Многие погибли во время этого тяжелого похода по голодным, песчаным и часто безводным степям Киргизского края, от голода и болезней, под палящими лучами солнца: многие падали на дороге – от истощения, часто не имели капли воды и умирали от голода и жажды на горячих песках пустыни.

Лошадей кормить было нечем, подножного корма почти не было. На глинистой и солончаковой почве растет жалкая и редкая растительность, которая в сухое, знойное лето придает местности пустынный вид. Выжженная солнцем степь кажется совершенно голой. Кругом – бурая или свинцово-белая почва, только если присмотреться, можно заметить оставшиеся кое-где пучки засохшей полыни, единственного растения песчаной, солончаковой и глинистой пустыни. Все кругом однообразно-пустынно¹⁰¹.

Еще более усиливает этот безжизненный вид и угнетающе действует на нервы большое количество павших от истощения и жажды лошадей и верблюдов, повсюду лежащих на пути движения.

На отставших или двигавшихся в одиночку или небольшими группами людей нападали бродячие киргизы, убивали и грабили последнее достояние, часто раздевая донага.

Красные при всем желании не имели возможности и боялись преследовать армию, также как двигаться в пустыню без подготовки, по тому пути, по которому только что прошла целая армия, это значило бы двинуться почти на верную гибель.

Невыразимые страдания, выпавшие на долю частей Южной армии, тяжелые лишения беспримерного в истории похода по песчаным, безводным и голодным степям и пустыням Тургайской области описать невозможно.

Утомленные долгим путем части армии пешком, верхом на лошадях и верблюдах, тянутся опаленной зноем пустыне[й]. Верблюды, однооб-

разным движением, мерно качают на своих выносливых спинах вконец истомленных солдат и офицеров армии.

На каждом верблюде по 2 человека, сменяющиеся поочередно с идущими пешком.

Слабость и боль во всех членах от томительного пути, дает себя чувствовать все более и более.

Мучимые жаждой и голодом, еле-еле тянутся беспредельной пустыней бледные и печальные невольные путники. Вокруг, в течение уже почти месяца все тот же пустынный простор, все та же неподвижная мертвая природа. Все одно и то же: пески, глины, солонцы, голые холмы, и все это до того похоже в разных местах, что, кажется, нисколько не продвигаешься вперед.

Волнистая или ровная низменность с рыхлыми серыми почвами, пропитанными морскими солями, изобилующая солеными озерами, или целые гряды гор раскаленного песка, как морские волны, поднимающиеся параллельными грядами – вот ландшафты того края, по которому пришлось, волею судеб, отступить Южной армии.

Невыразимое чувство безграничной, томительной тоски вкрадывается в душу каждого.

Остановки на привал и ночлег, иногда у озер, не дают возможности ни освежиться купаньем, ни напиться. Соль. Горько-соленая вода. Лошади и верблюды, добравшись до воды, тут же в озерах, или на их берегах, сваливаются и погибают.

Только к концу сентября вся армия сосредоточилась в Тургае, где имела возможность немного отдохнуть и подкрепиться, но и здесь муки было такое незначительное количество, что удовлетворить потребность всех совершенно не представлялось возможным.

Впереди же предстоял поход по такой же пустынной местности на протяжении свыше 400 верст, до населенного района Акмолинской области.

2-го октября все части армии, покинув Тургай, были уже в пути на Атбасар.

Это движение в богатый и плодородный район было несколько легче, чем поход до Тургая, хотя и приходилось двигаться почти без дорог и перевозочных средств (вместо павших в пути от Иргиза лошадей и верблюдов достать новых в Тургае не удалось), по такой же безлюдной и песчаной местности.

Вдоль пути движения армии были выставлены этапные пункты (одна или две киргизских юрт[ы]), которые по возможности удовлетворяли проходящие части мукой, крупой и мясом.

Но от наступивших к этому времени дождей и холодных ночей, части армии, не имея не только теплой одежды, но даже и шинелей, испытывали такие же лишения. При этом начал свирепствовать брюшной

тиф, который в скором времени охватил больше половины всех оставшихся в живых участников похода.

В этот двухнедельный поход из Тургая в район Атбасара количество способных оставаться в строю уменьшилось более, чем на 50%.

В середине октября части Армии были сосредоточены к западу от г. Атбасара, где и были расположены по поселкам для отдыха и переформирования.

Все корпуса (5, 11, 5-ая дивизия 4-го, 1-ый Оренбургский и Туркестанский корпуса) были переформированы в дивизии и сведены в 1-ый Оренбургский казачий корпус, командиром которого был назначен генерал Шильников.

Армия была переименована в Отдельную Оренбургскую и в командование ею вступил атаман Оренбургского казачьего войска генерал-лейтенант Дутов.

Генерал Белов был вызван в Омск и назначен начальником эвакуации г. Омска.

Штаб Отд[ельной] Оренбургской армии был расположен в Кокчетаве, где была сформирована 4-ая кадровая бригада, задачей которой являлось пополнение армии мобилизованными жителями местного района.

Командующий армией получил в это время из Ставки главнокомандующего распоряжение о переброске армии в Омск, но атаман Дутов, желая быть совершенно самостоятельным в своих решениях, отказался, ссылаясь на стратегические соображения о необходимости оставления армии в районе Кокчетавы, с целью нанести красным удар во фланг в направлении на Петропавловск. К этому времени г. Петропавловск был уже в руках красных. Западная армия отступала к Омску.

К концу октября 1-ый Оренб[ургский] казачий корпус был сосредоточен в районе севернее (пик[ет] Мизгильский) и западнее Кокчетавы.

Убыль в частях армии от эпидемии тифа всех видов была настолько велика, что не только госпитали в Атбасаре и Кокчетаве были переполнены больными, но и не было почти ни одного дома в этих городах, где не лежали бы больные тифом (сыпным и брюшным).

Части таяли по часам, некоторые полки прекратили свое существование, так как не оставалось почти ни одного здорового бойца.

Переформирование армии продолжалось. Части всех пехотных корпусов, сосредоточенных к этому времени западнее Кокчетавы, были сведены в Туркестанскую стрелковую дивизию.

Казачьи же части 5-го Стерлитамакского, 1-го Оренбургского и Туркестанского корпусов были сведены в две конные дивизии, куда вошли все казаки Оренбургского каз[ачьего] войска.

Кавалерийские части 4-го Оренбургского и 11-го Яицкого корпусов были сведены в Отд[ельный] конный отряд.

В Туркестанскую стрелковую дивизию являлись только штабы, солдат же и офицеров почти не было.

Тогда Туркестанская стр[елковая] дивизия была вновь переформирована в Отд[ельную] Туркестанскую стр[елковую] бригаду, в состав которой, таким образом, вошли части всех стрелковых корпусов бывшей Южной армии, кроме 2-ой Сызранской дивизии 4-го корпуса.

К началу ноября были получены сведения, что части 4-го Оренбургского корпуса (2-ая Сызранская дивизия) и партизанская бригада полковника Степанова (1-ый и 4-ый Оренб[ургские] каз[ачьи] полки) с артиллерией двигаются на соединение с армией, в район Кокчетав – Атбасар.

В это же время начались бои с наступающими с северной и северо-западной сторон частями красных. Конные казачьи части 1-го Оренбургского казачьего корпуса были оттянуты к Кокчетаву.

К 10-му ноября части 4-го корпуса почти в полном составе соединились с армией. штаб армии перешел в Акмолинск.

Оборона гор[ода] Кокчетав была возложена на Туркестанскую стр[елковую] бригаду, отд[ельный] Сибирский казачий дивизион, отд[ельный] Башкирский дивизион «Зеленого знамени» и партизанскую бригаду полковника Степанова, которая была расположена западнее Кокчетав за озером Копа (большое озеро – 13 верст в окружности).

Начальником обороны Кокчетав был назначен начальник Отд[ельной] Туркестанской стр[елковой] бригады.

Армия заняла позицию, растянутую почти на 200 верст: на правом фланге – части 1-го Оренбургского казачьего корпуса, расположенные от гор[ода] Кокчетав включительно до станции Викторовской.

4-ый корпус был расположен к юго-западу от 1-го корпуса и занимал позиции до гор[ода] Атбасара. Для обеспечения правого фланга армии, восточнее гор[ода] Кокчетав, был расположен отдельный кавалерийский отряд.

В Кокчетаве не было почти ни одного дома, где бы не было одного или нескольких трупов солдат, умерших от тифа. Эпидемия развивалась со страшной быстротой.

К 12-му ноября красные заняли деревню Алексеевскую, в 25 верстах к северу от Кокчетав, на тракте Петропавловск – Кокчетав.

Часть поселков к западу и юго-западу от Кокчетав были заняты частями Кустанайской дивизии красных.

13-го ноября¹⁰² с рассветом части 24-ой дивизии красных двинулись на подводах из деревни Алексеевской в направлении на Кокчетав.

Начальнику отдельной партизанской бригады полковнику Степанову было приказано содействовать обороне Кокчетав артиллерийским огнем через озеро во фланг красным, конным же частям перейти в наступление на деревню Алексеевскую и в тыл красным, наступающим на Кокчетав.

К 14 часам красные части, задерживаемые отдельным Кокчетавским казачьим дивизионом и Башкирским дивизионом «Зеленого знамени», подошли к Кокчетаву. После упорного боя красные были отбиты и в беспорядке начали отступать.

Начальник партизанской бригады полковник Степанов, не желая подчиняться начальнику обороны Кокчетав, не исполнил его приказа о переходе в наступление на деревню Алексеевскую и в тыл красным, чем дал возможность красным безнаказанно отступить.

Начальник обороны Кокчетав решил передать оборону города полковнику Степанову, для чего 1-ый Оренбургский казачий полк был введен в город, и 14-го ноября¹⁰³ части Отдельной Туркестанской стр[елковой] бригады были сменены этим полком партизанской бригады.

В этот же день к полудню красные вновь перешли в наступление на гор[од] Кокчетав и после непродолжительного боя заняли его.

Отдельная Туркестанская бригада была отведена в стан[ицу] Щучинская, где был расположен штаб 1-го Оренбургского казачьего корпуса.

Отд[ельная] партизанская бригада полковника Степанова была расположена на позиции у деревни Ивановка (18 верст к юго-востоку от Кокчетав).

Отд[ельный] кавалерийский отряд отошел на село Боровое, в 75 верстах к юго-востоку от Кокчетав.

Наступившая холодная зимняя погода при полном отсутствии теплой одежды увеличила потерю в частях армии от тифа, которая приняла такие размеры, что, в сущности, армия перестала быть боеспособной. Например, Отд[ельная] Туркестанская стр[елковая] бригада, сформированная из пехотных частей всей Южной армии, за исключением одной только дивизии 4-го корпуса, состояла всего из 200 штыков, и это число ежедневно уменьшалось. Больные возились с собою на подводах, так как отправить их в тыл, за переполнением госпиталей, было невозможно.

Эта бригада была отправлена в ст[аницу] Канкринская и в боевых действиях на фронте участия принимать уже не могла.

В таком же почти положении находились и другие части 1-го корпуса. Только 4-ый корпус и был пока боеспособным и, собственно, весь фронт держался пока только им и двумя казачьими полками 1-го корпуса.

Район действия армии представляет очень красивую, холмистую местность, покрытую смешанными (березовыми и сосновыми) лесами. Но далее к юго-востоку местность делается менее холмистой и значительно беднее растительностью: от дер[евни] же Канкринской начинаются опять пустынные, слегка волнистые степи.

В период расположения армии в районе Атбасар – Кокчетав – Акмолинск (с 20 октября по 20 ноября) командующий армией и его штаб не проявили почти никакой заботы о восстановлении боеспособности армии, и вся их деятельность сводилась лишь к переформированиям

частей армии. Об улучшении же физического и нравственного состояния частей думали меньше всего. Заботы о больных и раненых проявлено не было. Они просто оставались на попечении местного населения.

Командующий армией и его начальник штаба ген[ерал] Зайцев заботились лишь о своих собственных удобствах и удовольствиях: в то время, когда большая армия находилась перед лицом новых тяжелых испытаний, командующий армией находит возможным устраивать балы (Кокчетав и Акмолинск).

20-го ноября части Кустанайской и 24-ой дивизий красных, прорвав фронт между Кокчетавом и Атбасаром, стремительно двинулись вперед и заняли Акмолинск.

1-ый Оренбургский каз[ачий] корпус, окруженный с трех сторон, был отброшен с Кокчетав-Акмолинского тракта на восток в пустынные степи, причем весь обоз с боевыми и продовольственными припасами попал в руки красных.

4-ый корпус с боями отходил от Акмолинска по тракту на Каркаралинск.

Впереди предстоял новый поход в район Каркаралинска и далее на Павлодар или Семипалатинск, на протяжении 800–900 верст, по совершенно пустынной и незаселенной местности.

Глава 4

Этот поход был Крестным путем армии

1-ый Оренбургский казачий корпус отступал без всяких дорог по совершенно пустынной и незаселенной местности в направлении на Баян-Аульский, 4-ый корпус – вдоль пикетного тракта на Каркаралинск.

Наступила зима, настоящая Сибирская зима с 30–35 градусными морозами. Теплой одежды не было: произведенная реквизиция теплой одежды у населения Акмолинского уезда не привела почти ни к какому результату: все уже было попрято, да и времени не было отыскивать.

Продовольственных припасов не было, достать было негде.

Поголовный тиф всех видов косил сотнями, и брошенные за неимением перевозочных средств люди умирали в степях и в редко встречающихся аулах.

Невероятное переутомление достигало своего крайнего предела, вызывая самоубийство слабых духом и апатию в других. Уцелевшие еще, но уже еле передвигавшие ноги, не имея теплого обмундирования, голодая, многие замерзали от налетавшего степного бурана, при 20–25 градусных морозах, когда на сотни верст вокруг не было ни одного жилища, где бы можно было спрятаться от ветра и отогреться.

Две картины этого похода никогда не изгладятся из моей памяти: это картина страшной степной метели и ожесточения человека в борьбе за жизнь.

Огромная снеговая туча обтянула все небо, и густая пелена задернула свет. Неожиданно настала ночь. Наступил ужасный степной буран, когда пустынный ветер разыгрался на просторе, взрыл снеговую беспредельность.

Белый мрак, непроницаемый, как мрак самой темной ночи, окутал все. Снежный прах слепил глаза, зажимал дыхание, все кругом ревело, свистало, выло и трепало со всех сторон.

Двигаться вперед, да еще и без дороги, было невозможно. Все сгруппировались вместе, стараясь укрыться за подводами. И все, эти люди, лошади и повозки, покрывалось густым снежным прахом.

Другая же сцена по своей бесчеловечности может возмутить всякого, даже дикаря.

Уже пять дней двигаемся, при сильных морозах, по пустынной степи, где нет ни одного жилья. Наконец, уже к вечеру случайно набрели на покинутый аул из 2–3 зимовок. Моментально они были забиты битком. Начальник Отдельной Туркестанской стрелковой бригады, старый полковник Р. (командир какого-то саперного батальона в мирное время), войдя в одну из этих зимовок и выгнав всех, увидел в ней лежащего офицера, женщину и ребенка. Офицер болен тифом, его жена ухаживает за ним.

Когда полковник Р. узнает, что этот офицер не принадлежит к чинам его бригады, он приказывает им убираться из зимовки. И никто не возмутился, никого не тронуло беспомощное, и так много переживавшими, положение женщины, ребенка и больного офицера.

Им пришлось уехать на подводе дальше. Что с ними стало, остались ли в живых или погибли от мороза и голода в степи?

Другой раз этот же полковник Р., когда прибыли в какой-то аул, уже на пути из Каркаралинского района в Семиреченскую область, приказывает какому-то санитарному отряду Красного Креста сейчас же покинуть аул и убираться. Когда же начальник этого отряда отказывается, говоря, что они только что прибыли и разместились здесь с тифозными и ранеными, он приказывает командиру полка построить роту и зарядить винтовки, угрожая открыть по ним огонь. Те вынуждены были уйти.

Не доходя до Баян-Аульского, стало известно, что красные, заняв копи Эки-баз-гус (35 в[ерст] к северо-востоку от Баян-Аула) двигаются наперерез корпусу; части повернули на юг и направились в сторону Каркаралинска.

К началу декабря Армия была сосредоточена в районах: 4-ый корпус в Каркаралинске, а 1-ый – в 35 верстах севернее, в районе пикета Куянда.

Хлеба и продовольствия здесь также не представлялось возможным достать, а впереди оставалось еще свыше 400 верст пути.

Уже 1-го декабря стало известно, что г. Семипалатинск занят красными, и остается только один путь движения на Сергиополь.

Из Каркаралинска в разные стороны идут только караванные пути, как на заводы, так и в Туркестан, Семипалатинск и Семиреченскую область.

Эта местность, по которой еще осталось пройти остаткам Отд[ельной] Оренбургской армии, представляет собою почти совершенно безжизненную пустыню. Кое-где изредка встречаются в горах киргизские зимовки, но и то на небольшом расстоянии от Каркаралинска.

Путь, соединяющий Каркаралинск с Сергиополем, служит только для передвижения караванов и идет из Каркаралинска на юго-восток, по холмистой местности, по юго-западным склонам гор Кенты, а затем, идя «голодными степями», вступает в Семиреченскую область.

6–7 декабря армия, после боев в районе Каркаралинска с наступающими от Акмолинска красными, начала свой дальнейший поход на Сергиополь.

4-ый корпус, часть 1-го корпуса и обозы Красного Креста двигались вдоль караванного пути, другая же часть 1-го корпуса двигалась без всяких дорог, через горы и пустынные голодные степи, сверяя правильность движения по карте и компасу, хотя и было 2 проводника.

Этот поход, еще более тяжелый, чем до Каркаралинска, имеет те же характерные черты.

Снега да бураны морозные, холод да голод... Пустыня безлюдная... Люди гибнут и лошади дохнут сотнями – от бескормицы валяются... Кто на ногах – еще бредут кое-как с отшибленной памятью... Поголовный тиф всех видов увеличивает тяжесть похода: здоровые везут больных, пока сами не свалятся, спят в пустынной степи все вместе, прижавшись друг к другу, здоровые и больные... Отстающие погибают.

Только к концу декабря, совершив беспримерный, полный тяжелых лишений и страданий поход, армия сосредоточилась в районе Сергиополя.

Из почти 20-ти тысячной армии в районе Кокчетова, в район Сергиополя прибыло около половины состава, и то совершенно не боеспособных, частью больных, частью выздоравливающих и слабосильных.

Но и здесь нельзя было удовлетворить не только хлебом, но часто даже и мясом измученные части армии. В этом районе 2-ой Степной корпус и партизанская дивизия атамана Анненкова забрали уже все, что только можно.

Армия была подчинена атаману Анненкову. Атаман Дутов, по обоюдному соглашению с атаманом Анненковым, принял на себя должность Начальника Края и уехал в Лепсинск.

Армия была вновь переформирована в отдельный «Отряд имени атамана Дутова» и вошла в состав Отдельной Семиреченской армии.

Этот отряд состоял из:

1) Отдельной Сызранской Егерской бригады (2 пехотных полка, 1 конный полк и артиллерийский дивизион с парком), сформированной из 2-ой Сызранской стр[елковой] дивизии, Отд[ельной] Туркестанской стр[елко-

вой] бригады, 4-ой кадровой бригады, Алексеевского гусарского полка, Архангельского конно-егерского батальона и 2-го Сызранского артиллерийского полка.

2) 1-ой и 2-ой Оренбургских казачьих дивизий, сформированных из всех частей Оренбургского казачьего Войска и двух Башкирских конных дивизионов «Зеленого Знамени».

Командир 4-го корпуса, генерал Бакич, был назначен начальником этого отряда.

Красные вели наступление на Сергиопольском направлении со стороны Семипалатинска и Каркаралинска (конные части). С северной стороны обороняли г. Сергиополь части атамана Анненкова, с западной – части Оренбургской армии.

В середине января 1920 года наступающие по Семипалатинскому тракту красные, оттеснив части атамана Анненкова, заняли пик[ет] Арбатский и стали продвигаться к Сергиополю.

К этому же времени ими были заняты станицы Кокпекты и ст[аница] Зайсан. Части ат[амана] Анненкова, занимавшие Кокпекты, отошли на Сергиополь, – занимавшие же Зайсан, совершив весьма тяжелый и опасный зимний переход через горы Тарбагатай, отошли в ст[аницу] Бахты (на границе Китая).

В феврале был взят Сергиополь, и красные продолжали свое дальнейшее наступление на юг, и в начале марта была ими занята станица Урджарская. В средних числах марта Армия под натиском красных перешла Китайскую границу у гор[ода] Чугучак, где была интернирована и расположена лагерем к югу от Чугучака на реке Эмиль. Часть винтовок и пулеметов удалось, однако, спрятать от китайцев.

Части же Семиреченской армии, демобилизованные атаманом Анненковым, остались большей частью в Семиречье, только небольшая часть (1500 – 2000 человек) вместе с атаманом Анненковым, пройдя горными тропинками, перешла Китайскую границу между Кульджой и Чугучаком.

Через год уже отряд «атамана Дутова», под начальством генерала Бакича предпринял новый поход в Монголию, где, обезоружив китайские и монгольские части, и запасся¹⁰⁴ оружием, двинулся на соединение с отрядом барона Унгерна, но в районе Кобдо – Уланком отряд был окружен красными и враждебными монголами и после упорного боя частью успел прорваться, а частью же с начальником отряда ген[ералом] Бакичем и штабом попал в плен к красным.

Командующий Отд[ельной] Оренбургской армией атаман Дутов был убит большевиками в конце 1920 года в гор[оде] Кульдже.¹⁰⁵

Командующий Отд[ельной] Семиреченской армией атаман Анненков, арестованный по требованию красных китайцами, просидел более 3-х лет в Китайской тюрьме в гор[оде] Урумчи (закованный в кандалы),

в настоящее время освобожден и находится в центральном Китае, в главном городе провинции Гансу.

Так кончила свое существование многострадальная Южная, а потом Отдельная Оренбургская армия.

«Тяжелый крест выпал на долю Отдельной Оренбургской армии. Велением судьбы войскам пришлось сделать весьма продолжительные, почти непрерывные в течение полугода, передвижения, – сначала из района Оренбургской губернии к Аральскому морю, далее через Иргиз, Тургай и Атбасар в район Кокчетав – Петропавловск, отсюда через Акмолинск и Каркаралинск в район Сергиополя. Все те трудности, лишения и разные невзгоды, которые претерпели войска Оренбургской армии, во время этого продолжительного марша по пустынно-степным областям не поддаются описаниям. Лишь беспристрастная история и благодарное потомство по достоинству оценят боевую службу, труд и лишения истинно русских людей, преданных сынов своей Родины, которые ради спасения своей Отчизны самоотверженно встречают всякие мучения и терзания».

(из приказа войскам Отд[ельной] Оренбургской армии
от 6-го января 1920 года)

ГАРФ. Ф.Р-5945. Оп.1. Д.70. Лл.2–35. Подлинник. Машинопись.

13. Статьи «Синзянского» об отступлении дутовцев в Китай

Документ 1.

От Тобола до Китая¹⁰⁶
Октябрь 1919 г. гор. Атбасар

Атаман А. И. Дутов принимает армию

Стояла сухая, ясная осенняя погода. Солнце склонилось к вечеру. На площади, у церкви выстроились остатки войсковых частей, какие только могли выбраться из объятий голодной смерти, совершая свой путь по безводной, с сыпучими песками, Тургайской пустыне. От Тургая до Атбасара 650 верст.

Здесь войсковой атаман А. И. Дутов, вновь назначенный командующим армией, принимал строевые части, какие к этому времени оказались здесь. Он обратился к ним с речью, в которой обрисовал положение армии в момент оставления ее шесть месяцев тому назад: сплоченной, сильной, крепкой, и в каком виде он принимает ее теперь: жалкие остатки войсковых частей и штабов! Он сказал, что рад снова служить и работать в своей армии на благо родины и войска.

Прием закончился. На следующий день атаман Дутов возвратился в г. Кокчетав. Здесь он лихорадочно начал приводить в порядок приходящие полки, вернее, остатки их, один вид которых приводил в смущение закаленную волю Атамана. Приходили: кто пеший, кто ехал на

верблюде, загорелые от знойного солнца пустыни, больные, разутые и раздетые. Кто в китайской курьме, прибитой винтовкой в ключья, кто в татарском халате. У многих на ногах подобие обуви – опорки!

Вот при таких тяжелых условиях приходилось вновь создавать армию. Сколотив в недельный срок несколько полков, они снова срочно были брошены на фронт к г. Кокчетаву, где была слышна артиллерийская канонада. Фронт к тому времени имел направление: левым флангом опирался на Атбасар, а правым – на Степную группу ген. Комаровского¹⁰⁷. Степная же группа в свою очередь имела стык с Сибирской армией в районе Петропавловска, где шли решающие бои за Петропавловск, являющийся ключом к овладению Омском.

Одновременно с оставлением Петропавловска отступила и Степная группа, обнажив правый фланг Оренбургской армии. Последняя удерживала линию фронта Атбасар – Кокчетав еще неделю, вследствие чего противник оказался в тылу армии верст на 200.

В первых числах ноября был отдан приказ об отходе на Омск, дабы там соединиться с Сибирской армией. Но не суждено было сбиться этому, т. к. через несколько дней Омск пал. Приходилось менять маршрут следования на Акмолинск, в который армия прибыла только 24 ноября ст.ст.¹⁰⁸ Здесь была встречена чудотворная икона Табынской Божией Матери, высоко чтимая в Оренбургской и Уфимской губерниях. Отсюда намечен был путь на Павлодар с тем, чтобы выйти на Новониколаевск. От Акмолинска до Павлодара 450 верст. Идти приходилось степью, со слабой растительностью и сплошными солончаками, населения совершенно не было, а морозы стояли изрядные.

Однако, отойдя верст 150 от Акмолинска были получены сведения, что Н[ово]николаевск и Павлодар также оставлены Сиб[ирской] армией и уже заняты красными.

Снова оказалось, что противник в тылу у нас на 300 верст. Только теперь командование нашей армией поняло, что мы отрезаны навсегда от Сибирской группы и, следовательно и от сибирской магистрали и надежду на соединение с Сибирской армией приходилось оставить навсегда. Снова приходилось менять направление, уклоняться еще южнее Павлодара верст на 350 на заштатный городишко Каркаралинск. Не доходя 100–120 [верст] до него – армия задержалась, чтобы в течение 2-х дней дать необходимый отдых, для приготовления к 100-верстному переходу, по безводной пустыне, без корма и населения. Здесь должны были запастись фуражом и довольствием на три дня... Однако и здесь не приходилось задерживаться, т. к. партизаны угрожали отрезать путь от Павлодара на Каркаралинск.

Синзянский

Син[ц]зянский. От Тобола до Китая //

Оренбургский казак. Сб. Харбин, 1938. С. 40–41.

Крестный путь Оренбургской армии
Из дневника оренбуржцаКак я поднялся на перевал Карасарык¹⁰⁹.

17 марта ст./ст. [1920 г.] Семиречье, село Покотиловка.

Вот и ночь. Шепотом передают приказ наступать. Отсюда под прямым углом свернули на Восток и вошли в ущелье. Снег был выше колена, – без тропы и дороги. Здесь мы узнали, что нам предстоит перевалить горный хребет Саяны, через так называемый перевал Карасарык в 18 тысяч футов высоты. Прошли всю ночь. Когда начало светать, сделали привал, а с восходом солнца снова тронулись в путь и так шли весь день. С началом темноты остановились на ночлег, разрыли снег и так легли спать, коней же пустили добывать себе корм, как смогут.

Снова настало утро, и отряд потянулся по ущелью, которое заметно поднималось все выше и выше. В это утро я уже не мог подняться, так как заболел третьим приступом возвратного тифа. На мое счастье со мной шел брат, который помогал мне и ухаживал за мной во время моей болезни. На беду, в эту ночь проходящие части захватили моего коня, и мы с братом остались двое об одном коне... что делать? пришлось одно седло сбросить: брат – чтобы облегчить себя, бросил свою шубу и остался в одной шинели. Он посадил меня на своего коня, взял его под уз[д]цы, и мы тронулись. Так мы шли целый день. Хлеба не было ни у кого: вышли спешно, никто не ожидал, путь же наш становился все труднее и труднее. Снова пришлось ночевать на снегу и, хотя склоны гор были покрыты лесом, огня не разводили. И 19 марта часов в 10 утра подошли к перевалу, т. е. к подъему более крутому, чем предыдущие. Здесь уже нельзя было ехать верхом, поэтому шли пешком, ведя коней в поводу, а так как я идти не мог, то брат и казак Камашлейцев завели меня на подъем. Здесь они оставили меня, чтобы вернуться за конями. Вернувшись с конем, брат решил сначала перевести коня через перевал, а потом уже вернуться за мной.

Никто из нас не знал, сколь далеко еще до вершины перевала. Я остался лежать у камня и ждать, когда вернутся за мной. Время летит, – вот прошла конвойная сотня. Казаки подходят, прощаются со мной, уверенные в том, что я уже остаюсь совсем, – так все свыклись с тем, что на каждом привале или ночлеге остаются или мертвые или умирающие... Вот прошел и отряд особого назначения, – пошли одиночки, а затем уже и никого не стало... Прошло с час времени – вижу еще поднимается хорунжий Рассадников. Он не прошел мимо, а как милосердный самар[ит]янин взял, посадил меня на своего коня и стал подниматься... Пройдя версты две, мы снова у крутого подъема. Здесь волей неволей меня пришлось снять, так как конь даже без седока, едва мог

подняться. Подъем этот был так труден, что совершенно обессиленные казаки оставили по дороге свою дорогую святыню, служившую утешением во время тяжелого похода – чудотворную икону Табынской Божией матери и только на следующий день снова спустились с перевала и вынесли Ее...

Подъем был невероятно трудный и опасный: слева отвесный утес, а справа бездонная пропасть. Лежу на тропе, по которой проходили части и вижу, как казак конвойной сотни атамана Дутова Радошнев ведет своего коня. Вот остается один прыжок, и конь заведен, но прыжок получился неверный, и конь повис над пропастью, зацепившись передними ногами за край обрыва. Казак растерялся, старается удержать коня за повод. Одно мгновение и увлеченный казак слетел бы в пропасть. Верно почувствовав эту опасность, он выпустил повод из рук, и конь полетел в бездну... Все, что было с конем: седло, сумы, в которых хранилось все имущество казака – все поглотила пропасть... Подумать, насколько велико было горе казака, который потерял так трагически своего боевого товарища, с которым провел всю германскую войну, а также и войну гражданскую...

И так передо мною второй барьер, на котором одиноко чернеют носилки с иконой, оставленные до завтра. Все уже скрылось из виду, стало темнеть. Подул ветер с острыми ледящими иглами. Мысль о том, что я брошен, заставила меня собрать последние свои силы, и вот я с опасностью сорваться в бездну, – начал цепляться камень за камень и по краю бездны взбираться наверх.

Сколько времени я потратил на это, не помню, но когда я взобрался, была глубокая ночь. Здесь была ровная площадь, но я не знал, была ли это вершина перевала или же будут еще такие же барьеры. Ветер рвал и свистал, мело снег. В трех шагах ничего не было видно. Отдохнув немного, я решил снова идти. Куда? об этом я не думал, инстинкт самосохранения толкал меня идти вперед. Но увы! силы оставили меня совершенно. Сколько было их, я потратил на подъем, но все же я попытался пойти, прошел сажени три и упал. Не было сил. Снова поднимаюсь и снова падаю... Еще раз поднялся, но уже не в силах был шагнуть, тут же упал и больше не поднялся. Лежу и думаю, что приходит конец. Нет ни страха, ни предсмертной тоски. Мной овладело полное безразличье. Вдруг вижу, что на снегу зачернело и движется ко мне, различил – лошадь. Верно, какой-то всадник отпустил ее не будучи в состоянии завести ее на подъем. Она вернулась. Повод тащился по земле. Прошла рядом со мной, но я не в силах был протянуть руку, чтобы взять ее за повод и так последнее живое существо скрылось во мгле! Стало клонить ко сну, наваливаться какая-то тяжесть, мысли в голове стали путаться, и я впал в забытие...

Сколько прошло времени, не знаю, но почувствовал, что кто-то меня трясет. Открыл глаза – предо мной стоит брат и тот казак, который

помогал мне подниматься в начале перевала. А меня уже замело снегом, и как они меня нашли, я не знаю. Видят, что я подняться не могу, берут меня, обхватывают меня веревкой, которую предусмотрительно взяли с собой, концы веревки перекинули к себе на плечи и так на весу понесли меня. Вот снова подъем, на этот раз еще круче всех пройденных. Это был шпиль всего перевала. Здесь мои спасители вскарабкиваются на 2–3 аршина, подтянут меня к себе, снова поднимаются и снова также тянут и так взобрались на вершину, где сделали привал – отдохнули. Вот отсюда-то я должен был сказать последнее прости своей родине, ибо это был рубеж между Россией и Китаем. Здесь уже склон пошел на восток, и мои спутники уже не тянули меня, а просто пустят меня, и я кубарем качусь под гору, где завалюсь под камень или застряну в снегу. Они докатятся до меня, отцепят или вытрясут из снега и снова пустят. Таким образом мы спустились с перевала, т. е. с его вершины. Здесь, внизу, отряд расположился на ночлег. Думаю, было часа два ночи, когда мы добрались до отряда. Здесь достали мне спирту, дали выпить для поддержания сил, после чего я заснул прямо на снегу, как и все. Ночью со мной случился страшный жар, так я промучился в бреду до утра. Мороз был ужасный, многие здесь поотморозили руки и ноги, а некоторые слабые замерзли насмерть. Меня же спасло то, что у меня был сильный жар. Утром отряд выстроился, большим и слабым приказано идти вперед, в числе их был и я. Утром брат достал мне коня, так как его конь при спуске с перевала разбился.

После столь для меня кошмарной ночи, я совершенно не мог сидеть в седле. Дорога все время теперь шла под гору, снегу становилось все меньше и меньше. Вот спускаемся к речке, и чем дальше едем, тем речка становится шире и сильнее. Снег виднелся только на склонах гор. Теперь речка превратилась в горный поток. Впоследствии мы узнали и название потока – Бартала.

Вот проезжает войсковой старшина Ткачев, видит, что я мучусь и решил, что я так не вынесу, оставляет одного казака в помощь брату, дабы меня засыпать, когда я умру. Прошло довольно порядочно времени – казак и брат пытаются меня поднять и везти, но это для меня было хуже смерти. Я хорошо сознавал положение их: никому не хочется отставать от отряда, да тем более в незнакомой стране, среди диких скал.

Собрал я силы, сколько имел, встал на колени перед братом и со слезами просил, чтобы он меня оставил и дал спокойно умереть: «Если же ты не решаешься оставить меня живым, то возьми пристрели меня, только не мучь... Я Богу жаловаться не буду, я чувствую, что скоро умру, мне легче умереть, только бы не трясли, не мучили!»...

Они с грустью отошли и решили ждать моей смерти. Я снова свалился на землю и впал в забытие. Но вот я очнулся и позвал брата, чтобы они везли меня, так как мне стало лучше. Действительно, у меня как

будто пелена спала с глаз, как-то вдруг стало светлее кругом. Это был кризис болезни, который совпал с концом нашего кошмарного перехода через страшный перевал... Внутренний жар и трескучий мороз сыграли в моем спасении главную роль – и только этому, быть может, я обязан тем, что мои останки не покоятся под одним из бесчисленных каменных курганов.

Синцзянский

Синцзянский. Крестный путь Оренбургской армии. Из дневника оренбуржца. Как я поднялся на перевал Карасарык // Луч Азии (Харбин). 1936. Апрель. №20/4. С.15–16.

Документ 3

Лагерь на реке Баратала¹¹⁰
(Кит[айский] Туркестан, 1920 г.)

Из записок оренбуржца

Верстах в пяти от г. Джемпани на реке Бартала отряд наш расположился лагерем, где мы и простояли около месяца.

После невероятно трудного перехода в марте месяце через снежные вершины Тянь-Шаня по перевалу Кара-сарык 18.000 фут. над уровнем моря, когда проход бывает открыт только один месяц в году – июнь, остальное время года он совершенно закрыт снегом.

Несмотря на это, все же наш отряд в течение 4-х дней, затратив нечеловеческие усилия, перевалил чрез все пропасти и вечные снега и льды.

Расположившись лагерем: кто чинил свою ветхую одежду, кто залечивал свои раны, – все начинало мало-помалу приходить в порядок. И вот, однажды, пронесся слух по отряду через сартов, что советы дали амнистию всем белым, ушедшим за границу. Вскоре слух этот подтвердился – в расположение отряда прибыл уездный начальник из Джемпани, который официально подтвердил, что им из Сов[етской] России поступило предложение поставить в известность об амнистии всех белых, находящихся на территории Китайского Туркестана.

После такого предложения началось брожение умов. Что же делать. Одни находили, что, потеряв все, дальнейшая борьба бесполезна, другие, наоборот, желали остаться верными белой идее до конца. Учитывая такую разноголосицу, Войсковой атаман А. И. Дутов издал приказ по отряду: «Кто желает возвратиться на Родину, препятствий с его стороны не будет, ибо нельзя указать срока, когда можно будет свободно и с честью возвратиться на Родину. – Возвратиться можно: может быть через год, может быть через два. А быть может только через десятки лет; кто слаб духом, устал физически и духовно, тот может записаться в список для возвращения на Родину. Считаю долгом предупредить г.г. офицеров отряда, что никто не должен с их стороны вести агитацию за или против, каждый должен судьбу свою решать сам, здесь я ничего не

обещаю и обещать не могу, ибо средств у меня нет; здесь каждый казак личным трудом должен доставать себе пропитание».

После приказа был дан срок два дня для записи, за это время записалось желающих возвратиться 240 человек.

22-го апр. ст. ст.¹¹¹ рано утром весь отряд выстроился, проводить соратников казаков на Родину. Отслужили молебен пред Чудотворной иконой Табынской Божьей Матери.

Атаман, прощаясь с уходящими, дал им совет. «При возвращении на родину, не быть предателями, не выдавать своих братьев ради собственного благополучия».

Прощаясь с уходящими, мы, здесь остающиеся, обнимали друг друга, ведь каждый из нас думал, что это будет и есть последнее прости, каждый ясно представлял себе, что едва ли когда увидимся, – у тех и других слезы капали по щекам, тяжело было расставаться со своими боевыми товарищами, с которыми не раз делили смертный час на поле брани.

Что думали в этот момент уходившие – не знаю, но мы долго смотрели во след уходившим, пока они не скрылись из вида, а сердце больно щемило в груди. Невольно напрашивался вопрос: что же ожидает впереди, как ушедших, так и остающихся?

Синцзянский

*Син[ц]зянский. Лагерь на реке Баратала (Кит[айский] Туркестан, 1920 г.).
Из записок оренбуржца // Наш путь (Харбин). 1934. №111(205). 6 мая
(ГАРФ. Ф.Р-5873. Оп.1. Д.5. Л.130).*

14. Дутов Н. Атаманский полк (из воспоминаний)¹¹²

Март 1920 г., части Оренбургской армии в количестве нескол[ьких] десятков тысяч подошли к границе Западного Китая в поселок Бахты, находящийся в 4–5 верстах от границы.

Начальником отряда атамана Дутова – генералом Бакичем был отдан приказ подготовиться к переходу границы и приготовить списки к сдаче оружия. Каково было состояние каждого бойца после этого приказа, когда цель не достигнута, а еще приходится казакам отдавать свое оружие, освященное в боях за Родину, передать трудно. Конь и шашка, а может быть еще и дедовская, – это наша сила и отдать их – значит поражение.

В составе отряда находился Атаманский полк под командой полковника [Е. Д.] Савина, а офицерами полка состояли: два брата Савиных, два Нелюбиных, два Мякутиных, два Карабельщиковых, два Дутовых, два Голубевых, один Красильников – оренбурцы, кроме них Иркутск[ого] войска [С. Г.] Немчинов, Енисейского – Дорофеев.

До перехода границы было решено, что полк сдавать оружия не будет и сдаст его только по приказу атамана, а если китайские власти не

пропустят, тогда полк по границе пойдет к атаману, – в Семиречье, т. к. знали, что атаман еще там...

С утра части отряда потянулись к границе и Атаманскому полку было приказано встать на охрану, т. к. части, перейдя границу, в 5 верстах от нее должны были сдавать оружие, где было устроено подобие ворот из двух китайских знамен, через которые должны проходить части отряда. Приемом оружия заведовали китайские власти из города Чугучака, при сдаче присутствовал ген[ерал] Бакич. Были случаи, когда казаки, не желая сдавать своего оружия, пытались объехать стороною, но генерал Бакич зорко следил и смельчаков возвращал обратно, заставляя их сдать оружие. Жаль, что ген[ерал] Бакич не мог понять тех, кто хотел сохранить свой боевой меч. Наконец весь отряд прошел через «врата печали» и очередь подошла Атаманскому полку двигаться и только ждали приказа от генерала Бакича. Появился гонец от него с приказом в поход и [к] сдаче оружия. Полк был построен. Командир скомандовал в поход и сам со знаменем впереди двинулся в сторону от ворот, прямо на присоединение к ушедшему отряду, оставив в стороне китайских властей и генерала Бакича. Вскоре, как только там было понятно, что Атаманский полк не желает сдавать оружие, от начальника отряда был послан гонец с приказом вернуться и сдать его, но командир полка ответил, что сдаст оружие только по приказу атамана Дутова, что только ему он подчиняется. Не могу точно знать, какой разговор был у генерала Бакича с Китайскими властями, но только Атаманский полк в полном своем вооружении пришел в лагерь на реку Эмиль, где и был охраною всего отряда.

Жизнь в лагере с первых дней потянулась однообразная и только маленькая речонка была отрадой, где вечером собирались казаки и казачки поведать ей и ветру свои горькие думы и вспомнить родной Урал. Казаки еще горели желанием продолжать борьбу, но кони чахли, оружия нет, и жить приходилось под открытым небом. Но не в первый раз казакам приходилось строить свою жизнь и добывать свое казачье счастье: Скоро стали появляться шалаши из тальника, были построены госпитали, церкви, бараки, столовые, и открытая степь стала превращаться в населенный городок с правильной планировкой построек и улиц. Например: около Атаманского полка была широкая дорога, которая называлась «Атаманской улицей». В штабе отряда был построен театр, где по праздникам ставились спектакли. Жизнь наружно, как будто, налаживалась, но каждый думал и ждал, что, может быть, скоро кончится и опять на коня в свои родные края. Были получены сведения, что атаман перешел границу и находится в городе Суйдине. Вот с этого момента и начались думы атаманцев, как бы соединиться с атаманом, началась секретная подготовка полка к выступлению. Ну, как казак казаку не поведает, что скоро в поход..., что скоро опять придется иметь бой и у кого

не загорится сердце. Стали готовиться офицеры и казаки других полков: скоро знал и весь лагерь, что Атаманцы собираются к атаману, и весь лагерь готов был подняться. При такой обстановки долго ждать было опасно, т. к. могли узнать китайские власти и поставить посты. Желанный момент наступил: был дан сигнал и седловка, полк построился и ждал командира полка и его приказа в поход. Сердце забилося отвагой, и кони чувствовали и переживали с нами остроту момента. Вот появился командир полка, окинул взглядом полк и минута молчания была пыткой для нас, командир, видимо, колебался подать команду в поход и взять на себя весь риск. Раздалась команда «слезай» и отпустить подруги. Что это? Конец всем планам или маленькая оттяжка времени. Штаб отряда донес начальнику дивизии генералу [А. С.] Шеметову, и от него поехал полковник [А. С.] Колокольцев и стал убеждать командира полка немедленно отказаться от этой мысли. После его отъезда, командир все-таки решил выступить. Был отдан вторично приказ «по коням», но видимо из штаба дивизии следили за нами, т. к. появился гонец от начальника дивизии с приглашением командира в штаб. Все поняли, что это конец и не быть нам вместе с атаманом.

После такого подъема и снова к однообразной жизни в лагере, было большим разочарованием. Лично у меня остро засела мысль во что бы то ни стало пробраться к атаману. Случай скоро представился. Командир полка должен был послать рапорт атаману и предложить мне взять на себя его доставку. Я был рад случаю и просил дать мне отпуск в г. Чугучак для подыскания оказии. Все благоприятствовало. Мне был найден попутчик Семиреченский казак, который собирался проехать в Кульджу, хотя его пропуск, довольно сомнительный, был на 4 человека. Через день после моего отъезда в Чугучак, я уже появился в полку и доложил командиру, что завтра еду и просил приготовить все бумаги, которые зашили мне в сапог. На другой день рано утром выехал в г. Чугучак, а вечером, в тот же день, дальше к атаману. Дорогой останавливались только для кормления коней, а там опять в путь и на 9-е сутки прибыл в г. Суйдин, где жил атаман. Не буду описывать моего состояния, – это невозможно... Заветная мечта осуществилась, и я с атаманом. Отряд атамана Дутова в г. Суйдине был размещен в больших казармах, служивших для конвоя Российских консульств в Китайском Туркестане. Первое, что бросилось это – дисциплина, чистота и порядок, казаки жили строевой жизнью, сохраняли свои силы и набирались новых для будущей борьбы. Шла секретная работа и подготовка к выступлению 18-ти волостей от Усть-Каменогорска до Джаркента и только ждали делегатов для переговоров о дне и часе, которые уже были назначены. Злой рок прервал работу Атамана: от руки наемных убийц Чаньшева и компании, он был ранен в 6-ть часов вечера 6-го февраля, по н. с. и в 7 часов утра 7-го февраля не стало одного из первых борцов за Россию и

казачество – Войскового атамана Оренбургского казачьего войска и Походного атамана всех казачьих войск, инспектора кавалерии русской армии при правительстве адмирала Колчака, генерала-лейтенанта Генерального штаба Александра Ильича Дутова.

Н. Дутов

Дутов Н. Атаманский полк (Из воспоминаний) // Оренбургский казак. Сб. Харбин, 1937. С. 88–90.

15. Статья «Подробности убийства А. И. Дутова» из газеты «Русский голос».

Подробности убийства А. И. Дутова

Игумен Иона в «Русском Эхо»¹¹³ сообщает следующее об атамане Дутове.

20-го марта 1920 года А. И. Дутов с конвойной сотней и отрядом особого назначения интернировался в Китай и 2-го мая по указанию китайских властей остановился на жительство в г. Суйдине, Синь[ц]зянской провинции, Илийском округе.

В г. Суйдине есть русские казармы и небольшой участок земли. Так как часть казарм занимали китайские солдаты, а оставшаяся часть была недостаточной для расквартирования отряда, то А. И. распорядился занять свободные казармы офицерам и казакам, одну комнату оставить для часовни, куда был поставлен чудотворный образ Табынской Божией Матери, а остальные казаки и офицеры приступили к рытью для себя землянок.

Дабы не стеснять отряд и дать ему большее удобство, сам А. И. остановился вне казарм, в самом городе, наняв для себя две комнаты.

Уйдя за границу, А. И. душой и телом был с несчастным русским народом и, в частности, с[о] своим войском.

Все это и многое другое учитывали большевики, когда в Джаркент приехал командующий Семиреченским фронтом для совещания о выработке плана захвата Илийского и Тарбагатайского округов.

Совещание пришло к заключению, что пока жив Дутов, пользующийся огромной популярностью в населении, фактически командующий войсками Илийского округа, – до тех пор успеха ожидать нельзя. Вывод был ясен – воспользоваться беззащитностью опасного врага и убить его.

В это время в тюрьму был заключен Особым отделом начальник джаркентской милиции Касым Чанушев¹¹⁴ по подозрению в сношениях его с атаманом Дутовым. Желая спасти свою жизнь, Касым Чанушев взялся возглавить образованный террористический летучий отряд и убить Дутова.

24 января ст.ст. 1921 года отряд с утра прибыл к Суйдину и расположился в фанзе, стоящей недалеко от Суйдина. Все были вооружены наганями и отравленными ядом пулями.

Так как атаман ежедневно бывал в отряде, в казармах, и ездил туда без всякой охраны, то днем упомянутый отряд, разделившись на две партии, караулил по двум дорогам к казармам.

Но в этот день по болезни Александр Ильич не поехал и тогда в 5 часов вечера трое верховых мусульман подъехали к воротам атамана.

Обыкновенно у ворот атамана стояло ружье с завернутым в тряпку затвором, а в 20–30 шагах от него спал гирич – китайский солдат. На этот раз и этого не было.

Один из приезжих остался у ворот с лошадьми, а два вошли во двор и просили вестового атамана доложить ему, что привезен пакет из России.

Во дворе в это время стоял еще дневальный казак. Вестовой доложил атаману и направился с одним мусульманином в комнату атамана, а другой приезжий остался стоять рядом с дневальным.

Безоружный, незащитный Александр Ильич вышел к мусульманину, тот полез в сапог, как бы доставая пакет, выхватил револьвер и в упор сделал два выстрела в атамана и третий в его вестового и бросился бежать, на ходу делая еще выстрел в дверь. При первом выстреле мусульманин, оставшийся около дневального, стреляет в последнего и потом оба вскакивают на лошадей и уезжают.

Пуля пробила руку Александра Ильича и ушла в живот. 25 января в 6 1/2 ч. утра Александра Ильича Дутова не стало, к вечеру скончались и два верных до гроба ему казака.

Убийце – Касым[у] Чанушеву дана была жизнь и, как утверждают, он с семьей был отправлен в Москву за наградой от правителей России.

Подробности убийства А. И. Дутова // Русский голос (Харбин). 1922. №469.

16. И. М. Зайцев «В защиту от клеветников»

Жизненный путь одного из ближайших соратников атамана Дутова, весьма информированного и деятельного участника Гражданской войны генерала И. М. Зайцева известен читателям и исследователям уже достаточно подробно¹¹⁵. Тем не менее, в коллекции музея русской культуры в Сан-Франциско удалось обнаружить прежде неизвестное весьма ценное свидетельство о деятельности Зайцева в Гражданскую войну, проливающее свет на ряд аспектов истории движения Дутова.

Особое внимание И. М. Зайцев уделил преступной деятельности «атамана» Б. В. Анненкова в Семиречье. В отношении объединения казачества в конце Гражданской войны Зайцев продемонстрировал склонность к прожектерству и непонимание реальной обстановки. Документ отражает столь характерные для казачества явления, как интриганство генералитета и атаманов, склонность к созданию группировок. Вместе с тем рассуждения Зайцева об атаманщине привлекут исследователей этого явления. Постраничные примечания автора документа

под звездочками вынесены в конец публикации с единой нумерацией сносок.

В защиту от клеветников¹¹⁶

После очищения Приморья от большевиков там объявлялись разновременно самочинные политические казачьи организации, присваивавшие себе громкие наименования или «конференция всех казачьих войск» или же «совет представителей казачьих войск Урала, Сибири и Дальнего Востока», который существует и поныне в гор. Владивостоке. Когда начали появляться газетные известия о работах этой казачьей организации, о вынесенных ею постановлениях важного политического и общественного значения, в которых эта организация выдает себя как за выразительницу воли и желаний казаков целых казачьих областей Урала и Сибири, и претендует занять руководящую государственную роль в делах Приморья, и как только все эти известия дошли до разных уголков Китая, где нашли приют беженцы-казаки, то некоторые из них обратились ко мне с просьбой, ошибочно предполагая, что я осведомлен о работах этой организации, разъяснить им, кем созвана конференция, а позднее съезд, каков их состав, какие их задания и прочее. Во время моей поездки в Тяньцзин, Пекин, Харбин и Владивосток мне приходилось беседовать с казаками о работах существующего во Владивостоке «Совета представителей казачьих войск Урала, Сибири и Дальнего Востока»; все высказывали возмущение самочинным появлением названной организации. На все предложенные мне вопросы, иногда в резкой форме по адресу некоторых «мнимых представителей», я дал общий ответ на существенные вопросы и со своей стороны высказал мнение, что эта самочинная казачья организация не имеет ни юридического, ни нравственного права говорить от имени казаков целых казачьих областей при настоящем их положении, то есть, существующей там Советской власти, иначе¹¹⁷ заключать какие-либо договоры или соглашения экономического характера.

В своем ответе я разобрал общие вопросы, совершенно не касаясь личности кого-либо из представителей, и в свою очередь обратился к казакам, особенно заслуженным и почтенным из них, чтобы они высказали свои мнения о существующем Совете казачьих представителей. Словом поступил так, как мог и даже должен сделать каждый казак, интересующийся казачьими делами и которому дорого доброе имя казачества.

Против моего упомянутого выше обращения к казакам ополчился некто г-н Анисимов, председатель этой казачьей организации и имеющий себя заместителем атамана Оренбургского казачьего войска.

В своем письме в редакции некоторых газет г-н Анисимов не столько возражает по существу затронутых мною вопросов, сколько изошряется в придумывании гнуснейших клеветнических измышлений против меня. Все периоды моей деятельности, начиная с первых дней революции,

так нагло представлены в другом освещении, все так подтасовано с подлыми передержками, что в письме г-н[а] Анисимова не только каждая фраза, но буквально каждое слово есть сплошная наглая ложь. Конечно, в свое время я потребую от господина Анисимова законного удовлетворения за его гнуснейшие инсинуации. Вступать же в газетную полемику с господином Анисимовым я считаю ниже моего достоинства. Г-н Анисимов в своих выпадах против меня касается таких периодов моей жизни, сопряженных для меня с такими тяжелыми переживаниями, невероятными лишениями и перенесенными трудностями, что я не могу молчать и вынужден предать гласности из того, что составляло до сих пор тайну. Многие из моих скитаний по Туркестанскому краю было известно Советским властям и раз господин Анисимов затронул этот период, особенно памятный для меня по моим переживаниям, то я должен в хронологическом порядке осветить его. Конечно, постольку, поскольку это не причинит вреда моим друзьям и политическим единомышленникам, находящимся в Туркестане.

Для наглядности и верного сопоставления между тем, что пишет г-н Анисимов в своих выпадах и как то действительно было, я буду приводить дословно выдержки из письма г-на Анисимова и против них кратко излагать как все в действительности произошло с указанием на удостоверяющие документы или лиц.

Вот, что пишет в своем письме господин Анисимов. Газета «Русский Край», издающаяся во Владивостоке, № 293, 294 от 26 и 27 апреля 1922 г.: «Считаю необходимым остановиться на общей характеристике этого новоявленного шанхайского атамана.

К моменту большевистского переворота генерал Зайцев в чине полковника командовал одним из Оренбургских полков в Туркестане. Как установлено было впоследствии он с несколькими приближенными после октябрьского переворота бросил на произвол судьбы полк и скрылся, не забыв захватить при этом с собой полковой денежный ящик (К сожалению, это обстоятельство стало известно только значительно позднее, когда мы были уже на Востоке)»¹¹⁸.

Вот, что в действительности было:

15-го июля 1917 года, после расформирования Особого совещания при военном министерстве по преобразованию армии, членом которого я состоял, я был назначен командиром 4-го Оренбургского казачьего полка, который в это время был командирован в Хиву для подавления восстания туркменских племен. По моем прибытии в Ташкент при следовании в полк командующий Туркестанским военным округом назначил меня командующим русскими войсками в Хивинском ханстве и Амударьинском отделе, а Исполнительный комитет Врем. правительства Туркестанского края поручил мне временно выполнять обязанности комиссара в Хивинских владениях. Ко времени большевистского пере-

ворота в Туркестанском крае мне удалось почти ликвидировать восстание туркмен.

После захвата власти в Ташкенте большевиками, мною совместно с советом солдатских, казачьих и рабочих депутатов в г. Хиве (совет следовал моим указаниям) были посланы телеграммы в разные места, что мы не признаем вновь образовавшейся Советской власти. После октябрьского переворота я остался со всем отрядом в Хивинских владениях и предполагал пробыть до мая мес. 1918 г.¹⁹ с тем, чтобы тогда выступить из Хивы с отрядом большего состава и следовать по берегу Аральского моря через Уральскую область на помощь своему войску, и в этом духе начали вести подготовку. Но вследствие постановления Войскового круга Оренбургского казачьего войска о вызове всех частей в войско казаки начали проситься домой. В это время вновь образовавшееся правительство автономного Туркестана, так называемое Кокандское, начало просить меня восстановить их в правах, т. е. свергнуть Советскую власть в крае. Во всем Туркестанском крае единственно сохранивший дисциплину и порядок был мой Хивинский отряд. Большевики не могли ничего сделать против меня; назначенные ими вместо меня заместители боялись появиться в Хиву. 10-го января 1918 года я вышел с казачьим отрядом из Хивы. С 22-го эшелоны начали прибывать в Чарджуй, где к нам присоединились 4 сотни 7-го Оренбургского казачьего полка, 2 сотни семиреков, 1 Оренбургская батарея.

В Чарджуе я открыто выступил против Советской власти в Туркестанском крае и приказал арестовать чарджуйский совет. Двинулись на Самарканд и далее к Ташкенту. После занятая Самарканда наш авангард 1-го февраля разбил красную гвардию у ст. Ростовцева. В это время восстание в Коканде, свержение там советской власти. Ташкент ликовал. Казалось, большевикам пришел конец. Вдруг появились в Самарканде казачьи депутаты, частью самозванные, и начали агитировать, что довольно проливать братскую кровь, а следует помириться и сдать оружие. Как позднее, после моего побега из крепости, говорил полковник Блаватский, служивший в то время у красных, что эти депутаты были подкуплены и спешно направлены к нам на встречу. Все мои уговоры не привели ни к чему. Общее собрание комитетов всех казачьих эшелонов вынесло постановление сдать оружие. Вскоре после сдачи оружия, 3-го февраля, на ст. Самарканд прибыл карательный отряд Колузаева; оцепил казачьи эшелоны, причем несколько казаков-артиллеристов и офицеров было изрублено. Предупрежденный казаками я и жена высочили из вагона, в чем были. Все наше имущество было разграблено. Ночь с 3-го на 4-е провел в оврагах около Самарканда, чуть не замерз. 4 и 5 февраля направился пешком в сторону Асхабада. После открытия железнодорожного движения забрался в поезд, шедший в направлении на Асхабад и Красноводск, переодетый железнодорожным рабочим. 7-го февраля на

ст. Асхабад был опознан, арестован и посажен в Асхабадскую областную тюрьму. По прибытии в Асхабад карательного отряда Колесова был предан полевому суду (тогда еще не было трибуналов); судили 9-го февраля в вокзале при большом стечении народа. Суд предъявил мне следующие четыре пункта обвинений:

1) Будучи начальником Хивинского отряда, не признавал установившуюся в Туркестанском крае Советскую власть.

2) Вошел в соглашение с Войсковым правительством и Войсковым атаманом Оренбургского казачьего войска для совместных действий против Советской власти.

3). Вошел в соглашение с группой лиц, образовавшейся в Коканде и именующей себя правительством автономного Туркестана, имея целью свергнуть Советскую власть в Туркестанском крае.

4) Во исполнение чего вступил в вооруженную борьбу с Советской властью, результатом чего был бой под ст. Ростовцево.

Суд, состоявший из пьяной ватаги красногвардейцев, приговорил меня к смертной казни через расстреляние и назначил срок через два часа. За 15 минут до расстрела артиллеристы, входившие в состав карательного отряда, прогнали красногвардейцев, бывших в карауле для охраны меня, и послали к комиссарам депутацию с заявлением, что они, зная меня по службе в Хиве¹²⁰, не позволят расстрелять меня, а пусть налагают другое какое угодно наказание. Суд собрался вторично, вызвал меня и объявил, что смертная казнь заменяется десятью годами каторжных работ с заменой одиночным заключением в крепости на тот же срок. Меня отправили в Ташкентскую крепость, куда привезли 13-го февраля и посадили в одиночку. Трудно описать те глумления и издевательства, которые мне пришлось испытать в первое время, когда караульную службу несли красногвардейцы (весь судебный материал по этому моему делу со всеми захваченными у меня документами хранится в Ташкентской чрезвычайной следственной комиссии).

Дважды собирались расстрелять; первый раз 24-го февраля, а второй – 8-го мая. В моей судьбе приняли живое участие Туркестанская военная организация и мусульманская. После разных предположений относительно устройства моего побега из крепости мне, наконец, удалось бежать ночью с 30-го июня на 1-е июля 1918 года, во время несения караульной службы мусульманами. Часовой и разводящий были безвинно расстреляны.

Прошу сопоставить ту наглую подлую провокацию, что выпустил Анисимов, с тем, что действительно произошло и придумать подходящее на русском языке название этого деяния, я, например, затрудняюсь. Может быть на китайском языке найдется, при полном снисхождении к понятиям этого «генерала от революции». О постигшей меня горькой участи и моих скитаниях в Туркестанском крае многим в Оренбург[ском] каз[ачьем] войске было известно; кроме того, после побега из крепости

я, состоя в Туркестанской военной организации, поддерживал связь с Войсковым правительством и Войсковым атаманом Дутовым через посылку курьеров. Или г-н Анисимов, прикрываясь неведением, выпустил такую наглую провокацию в надежде, что при теперешнем положении трудно будет установить правду. В этом случае нужно быть отъявленным наглецом.

Продолжение инсинуаций Анисимова: «Затем, конец 17, весь 18 и больше половины 19-го года, когда войско Оренбургское переживало невероятные страдания, изнемогая в неравной борьбе с большевиками, и когда все войсковые элементы несли непомерные тяжести, о генерале Зайцеве совершенно ничего не было известно».

После побега из Ташкентской крепости в ночь с 30-го июня [на] 1-е июля 1918 г. я сейчас же принял участие в работах Туркестанской военной организации, выполняя некоторое время обязанности начальника штаба и укрывался в ближайших от Ташкента аулах. В это время, в августе месяце, я послал курьера к атаману Дутову с планом о действиях Оренбургского фронта совместно с одновременным выступлением всех очагов борьбы в Туркестане. Охотником пробраться с этим планом вызвался капитан П. (ныне подполковник)¹²¹; выполнивший с успехом это поручение и который ныне здравствует и находится в Китае. Об этом плане осведомлен ген. Рудаков и, вероятно, известно генералу Вагину.

После Асхабадских событий, последствием которых было изгнание Советской власти во всей Закаспийской области, Ташкент переживал тревожные дни, ожидалось и действительно предполагалось выступление против большевиков и здесь, но этого по некоторым причинам не удалось осуществить, а пришлось отложить. Тогда совет Туркестанской военной организации решил отправить меня с небольшой группой в Фергану для формирования и подготовки добровольческих отрядов. 5-го октября 1918 года я отправился через Кындырдаванский перевал в Фергану в главе особого небольшого штаба. При мне обязанности начальника штаба выполнял полковник Петр Георгиевич Корнилов, брат известного генерала Л. Г. Корнилова. П. Г. Корнилов впоследствии был арестован, судим за это предприятие и расстрелян. Сейчас же после нашего отъезда большевики разгромили нашу организацию, благодаря предательству джигита, который передал в Ташкентскую следственную комиссию о нашем отъезде и указал многих лиц, с которыми мы поддерживали связь. В Ташкенте были произведены массовые аресты. Проживая в Фергане и не зная о случившемся, мы начали беспокоиться, почему нет никаких известий из Ташкента. Наконец, 1-го ноября отправились в окрестности Ташкента, чтобы узнать причины молчания. Выехали: я, полковник Корнилов и есаул Ю.¹²², прибывший для связи от атамана Дутова. На последнем ночлеге к Ташкенту мы узнали, что много наших единомышленников арестовано. С этого ночлега я командировал П. Г. Корнилова

в Ташкент на разведку и, как оказалось, мы расстались с ним тогда навсегда. Я направился в те места, где раньше укрывался. Оказалось мои прежние хозяева арестованы и увезены в Ташкент. Все попытки установить с кем-либо связь не увенчались успехом, одни из них были арестованы, другие сами скрылись.

Тогда я направился один верхом, переодетый сартом¹²³ на Чимкент и далее Туркестан (уездный город). Здесь в Икане нанял проводника и с ним бросились через Сузак, имея намерение пробраться киргизскими степями через Атбасар на Акмолинск. В это время декретом туркестанского Совнаркома граница была закрыта и установлено строгое наблюдение, о чем я не был осведомлен, 16-го ноября мы выехали из Туркестана на Сузак. Вечером настиг нас разъезд красногвардейцев под командой чекиста Махина, посланный в погоню за нами. По найденным у меня схеме пути и разным бессодержательным заметкам меня приняли за шпиона. Начали беспощадно избивать; решили расстрелять и уже привязали к дереву. Лишь только собравшаяся громадная толпа сарт[ов] смутила красногвардейцев. Меня привязали на аркане и несколько верст гнали пешком, все время избивая арканом и нагайками. Пусть припомнит смотритель арестного дома гор. Туркестана старый казак-оренбуржец Г. П. Чечерин, что привезенный 17-го ноября окровавленный избитый, хромой (симулировал) землемер Николай Константинович Турчанинов был не кто иной, как командир казачьего полка его родного войска. К моему счастью меня не опознали и даже не являлось подозрений в правдивости того, за кого я себя выдавал. Мне объявили, что будут держать меня в тюрьме впредь до успокоения и отправят в областную тюрьму в гор. Ташкент, где вне всякого сомнения меня сейчас же опознали бы. Удалось сообщить в Ташкент о постигшем меня новом несчастье друзьям из мусульманской организации. Оттуда приехали двое, подкупили двух членов следственной комиссии. После нескольких допросов 19-го декабря 1918 г. меня освободили из тюрьмы под строгий надзор начальника милиции. Первое время пришлось усыплять внимание милиции, притворяясь все время больным. После неудачного Ташкентского выступления Осипова 19–22-го января 1919 г. и после пробития красными так называемой «Оренбургской пробки» для Туркестана создалось такое положение, что рассчитывать на местные силы и средства для нового выступления против большевиков нельзя, а необходимо искать помощи и содействия от Сибирского фронта, хотя бы нравственной поддержки, чтобы не дать заглухнуть оппозиционному настроению среди мусульманских масс Туркестана. Мне предложили снова сделать попытку выбраться куда-либо в Сибирь, чтобы оповестить о положении в Туркестане. Тогда 16-го февраля 1919 г. я решил пробраться в родное войско под видом и [по] документам служащего свинцовых рудников и завода «Ачи-Сай» в горах Кара-тау, где укрывался перед отправлением.

Вот краткое изложение моих скитаний по Туркестанскому краю за весь 1918 год и начало 1919 года.

Много было за это время трагических и комических положений.

Обращаюсь к Вам, мои дорогие друзья по Туркестану, кто еще из Вас остался жив. Вы одни, зная все перенесенное мной за время скитаний по Туркестану, можете понять мое возмущение, когда мне приходится выслушивать гнусные измышления за все пережитое мной.

Вот клеветнические измышления Анисимова уже по прибытии моем на сторону белых: «Только в августе или в сентябре 1919 года он неожиданно появился в Омске, пробравшись, по его словам, из Туркестана через Семиречье».

3 марта начал пробираться по железной дороге от города Туркестана на Актюбинск. Оттуда на лошадях на Орск; далее думал пробираться на Белорецкий завод. Около 10 дней укрывался в деревне Богачево, что в 60 верстах от станицы Кизильской; выдавал себя за посланного для найма рабочих на свинцовые рудники Ачи-Сай.

4 апреля красные, отступая на Александровский завод, прошли деревню Богачево, где я укрывался.

Вечером в этот день я вышел навстречу разъезду из оренбуржцев 1-го Оренбургского казачьего полка и с этого дня прекратились мои скитания.

И здесь г-н Анисимов применил дословную ложь как по времени, так и по месту, и это нужно было ему для нижеследующего его измышления:

«Но в войско для работы со своими казаками он не попал, а представил Ставке обширный доклад о возможности организации восстания в Туркестане, на что попросил полномочий отпуска валютных средств».

12 апреля я прибыл в город Троицк, где находился штаб Оренбургского казачьего войска и штаб Оренбургской армии.

При первом представлении Войсковому атаману Дутову он предложил мне должность начальника штаба Оренбургского военного округа. Я принял это предложение.

Было послано телеграфное представление о назначении меня на эту должность. Атаман Дутов и его начальник штаба генерал Вагин приказали мне представить доклад об общем положении в Туркестанском крае.

В начале июня я был вызван в Омск.

В день моего прибытия в Омск Дутов уехал в командировку на Дальний Восток.

При моем представлении помощнику наштаверха генералу Бурлину выяснилось, что мой доклад в Ставку не поступал, и генерал Бурлин приказал мне написать второй. Что мною и было исполнено.

Утверждение господина Анисимова, что все мои проекты усиленно поддерживал атаман Дутов, безусловно ложно, так как все это

происходило в его отсутствие, когда он был на Дальнем Востоке. Я прибыл из Троицка в Омск 14 июня (приказ по верх[овному]¹²⁴ штабу 1919 года № 278), а предложенные мною мероприятия утверждены Верховным пр[авителем] 18 июля (резолуция Верховного правителя на моем докладе № 49).

23 августа 1919 года состоялось назначение меня на должность начальника штаба Оренбургского военного округа на театре военных действий (приказ наштаверха¹²⁵ 1919 года № 963).

В это время весь Восточный фронт был поколеблен, и Южная армия со всеми управлениями Оренбургского военного округа находилась в отступлении.

«Атаман Дутов в это время был назначен вновь командовать Оренбургской армией и выезжал навстречу армии в Атбасар.

И так как назначенный к нему начальник штаба, бывший на северном фронте, не мог прибыть своевременно к месту назначения, а путь генерала Зайцева лежал в том же направлении, то Зайцев и был взят атаманом с собой как вр.и.д. начальника штаба».

В начале сентября атаман Дутов был назначен командующим Оренбургской армией, переименованной из Южной и так как фактически к этому времени Оренбургского военного округа, начштабом которого я был назначен, не существовало, то атаман Дутов предложил мне занять должность генерал-квартирмейстера штаба армии и просил впредь до назначения кого-либо исполнять обязанности начальника штаба армии и формировать штаб.

На самом деле мне пришлось с первого дня второго периода существования Оренбургской армии и до последнего выполнять обязанности начальника штаба этой армии.

Никакого пути, как, видимо, предполагает господин Анисимов, в сторону китайского Восточного Туркестана у меня не было, и я туда не собирался.

Это что за новость? Попутчик в роли начальника штаба!

Это мог изречь какой-нибудь штатский, да и они теперь за время войны научились разбираться в служебных положениях военнослужащих.

Ведь надо же договориться до такого абсурда, что атаман Дутов взял с собой попутчика, чтобы вместе удирать через пустыни, безводные степи, труднодоступные перевалы в Восточный китайский Туркестан.

«Вместе с атаманом Дутовым и отступавшей армией Зайцев доехал до Сергиополя».

А, может быть, история, в сторону которой кивнул «анонимный атаман», на основании документов сделает маленькое замечание, что,

благодаря вмешательству пристроившегося попутчика в роли начальника штаба армии, Отдельная Оренбургская армия вышла в том же самом составе, в каком мы приняли ее, когда на остальном фронте произошел полный крах.

В конце декабря 1919 года¹²⁶ все части Отдельной Оренбургской армии сосредоточились в Сергиопольском районе, благополучно совершив небывалый по трудности поход, теснимые со всех сторон красными.

Создавшееся военно-политическое положение на Семиреченском фронте повелительно диктовало сделать героическую попытку прорваться в Семиречье, а оттуда перебросить часть сил в Фергану на усиление действующих там партизанских отрядов.

Как раз к этому времени мною были получены весьма благоприятные донесения от разведывательных партий, высланных мною в разные пункты Туркестанского края. Атаман Дутов и Анненков верно оценили поначалу обстановку, что нам нужно все внимание обратить в сторону Туркестана, чтобы там зацепиться, образовать очаг борьбы и тем продлить ее.

После ряда совещаний решено было сформировать и отправить под моей командой особую Туркестанскую военную экспедицию в составе: 1) летучего добровольческого отряда; 2) летучего офицерского кадра и 3) чрезвычайной военно-дипломатической миссии с широкими правами и полномочиями.

Уже войсковые части и воинские чины, назначенные в экспедицию, были направлены на сборный пункт.

Вдруг в пути следования я получал неожиданно распоряжение Анненкова, что намеченное предприятие отменяется.

На мои запросы об истинных причинах отмены моей командировки Анненков давал смехотворные объяснения, которые и все опровергнул.

Истинная причина была та, что Анненков узнал о существовании у меня 30 тысяч рублей серебра, предназначенных на содержание военно-дипломатической миссии, согласие сметы, утвержденной Верховных правителей и которое Анненков решил во что бы то ни стало отобрать¹²⁷ у меня, как он проделывал это со всеми.

Всем известно, что пресловутый самозванный атаман Анненков за двухлетний период прославился лишь тем, что отбирал у всех без различия ценные вещи вплоть до белья у сестер милосердия (Рапорты офицеров на мое имя по поводу задержания и возвращения).

Вторая причина, по словам Дутова, это ревность.

«Откуда (т. е. из Сергиополя), получив документы, что он является политическим представителем атамана Дутова в Туркестане и забрав серебро, выехал по назначению».

В это время к атаману Дутову прибывали разные депутации из разных мест Туркестана и просили о присылке кого-либо; член Вре-

менного правительства Ферганы генерал Муханов в подробном докладе указывает в числе прочих пожеланий – прислать кого-либо из старших чинов, который мог бы объединить и примирить разные антибольшевистские организации; кроме того, с некоторыми пунктами связи никакой не существовало, так как высланные мною ранее миссии были задержаны Анненковым, все было у них отобрано и сами миссии расформированы.

Вот почему атаман Дутов предложил мне все же отправиться в некоторые места во главе особой миссии, используя для этой цели имеющееся у меня серебро, которое, как я сказал, предназначено было именно на эту надобность.

(Вот дословно некоторые выдержки из доверительной грамоты от 20 января 1920 года № 115: «Бывший начальник штаба Отдельной Оренбургской армии ген[ерал]-майор И. М. Зайцев командирован мной в Кульджу и Кашгар.

Ген[ерал]-майор Зайцев уполномочен от моего имени разрешать все вопросы политического, военного и экономического характера соответственно с обстановкой». Следовательно, ни о каком политическом представителе в Туркестан не упоминается.

Согласно установленному порядку Анненков выдал мне с миссией разрешительный пропуск на право свободного переезда через границу со всеми имеющимися у меня ценностями (разрешительный пропуск Анненкова от 5 февраля 1920 года).

19 марта на самой китайской границе, когда я с миссией остановился на ночлег вместе с откочевывавшими киргизами, неожиданно прискакал разъезд под командов[анием] хорунжего Кожевникова, посланный Анненковым и составленный из разного сброда, а, главным образом, из разбойников Ала-Кульской волости, вооруженных Анненковым, тех самых, которым впоследствии Анненков поручил вырезать несколько офицерских семей.

Начальник разъезда потребовал выдачи всех денежных сумм и ценных вещей.

Все мои протесты против такого насилия не возымели силы.

Вооруженные киргизы Ала-Кульской волости, заслушав добычу, начали прибывать группами к нашей стоянке.

Мне сообщили, что анненковский разъезд вместе с разбойниками киргизами собирается с наступлением темноты учинить резню всех.

Желая избежать крупных недоразумений на китайской границе, чем можно было бы на первых же порах восстановить китайские власти против русских и уступая грубой разбойничьей силе, я приказал передать начальнику разъезда весь остаток денежной суммы в виде серебряной разменной монеты в размере 21 тысячи рублей. После чего разъезд двинулся в становище Анненкова (два акта: один с описанием ограбления,

другой – о передаче 21 тысячи рублей начальнику разезда и мой доклад российскому посланнику в Пекине от 14 ноября 1920 г. № 225).

Не имея денежных средств на содержание миссии, я откомандировал всех чинов в район Чугучака на присоединение к русским войскам, а сам с адъютантом миссии отправлен в направлении на Урумчи, имея целью выполнить во что бы то ни стало данные мне поручения – и чтобы оттуда при содействии российского консула отправиться на Кашгар.

«Впоследствии оказалось однако, что генерал Зайцев в Туркестан не поехал, а прямым путем забрался в безопасные места Китая, где и прожил больше года, не давая никому о себе знать и не осведомляя даже атамана Дутова о месте своего проживания.

Что стало с серебром, неизвестно».

Но российский консул в Урумчи А. А. Дьяков не только не оказал мне ни малейшего содействия, а наоборот всемерно препятствовал: он настроил китайские власти, чтобы меня ни под каким видом не пропускали в Кашгар (уведомление консула Дьякова от 11 июня 1920 г. за № 117 о том, что китайские власти проезд в Кашгар не разрешают); он не позволял войти в сношение с некоторыми лицами по вопросам частного, самого невинного характера.

Когда узнал, что я отправил курьера к атаману Дутову, то начал угрожать, что о нашем заговоре донесет синьцзянскому губернатору, настаивал на моем отъезде из города Урумчи немедленно.

После этого мне ничего не оставалось делать, как отказаться от своего намерения и отправиться в гор. Пекин.

14 июня 1920 года выехали из Урумчи по южной императорской дороге и в октябре месяце прибыли в Пекин, пробыв непрерывно в пути около 4-х месяцев.

Видно у г-на Анисимова весьма слабые понятия о географии Китая, что если проехать Китай в трех направлениях: с севера на юг, с запада на восток и, наконец, с юга на север, на что потребовалось около 9 месяцев, он считает ехать прямым удобным путем, забираясь в безопасные места.

Пусть ознакомят г-на Анисимова те, кто проехал этим путем – насколько он удобен и безопасен.

О том, что я с миссией был ограблен разездом, подосланным Анненковым, г-н Анисимов был осведомлен, однако он многозначительно говорит, «что стало с серебром – неизвестно».

С презрением отвергаю от себя возражать на остальную малопродуманную ложь г-на Анисимова.

Одно могу сказать, что из всего его послания одно правдоподобно, это то, что по моем прибытии на восток атаман Семенов приказал выдать мне известную денежную сумму. Но сумма эта Анисимовым

преувеличена, и она была отпущена частью мне на содержание, а частью на некоторые расходы.

Не могу обойти молчанием провокационного измышления г-на Анисимова, что «выступление Зайцева дискредитирует не только голос казаков, но и авторитета 128 правительства. Мне известно даже больше: компания Зайцева вместе с небезызвестными Шендриковыми¹²⁹ определенно работает на разложение приморской государственности».

Во время моего посещения Владивостока, Харбина и др. мест я вынес самое безотрадное впечатление, когда увидел такой разлад и неприязнь между войсковыми казачьими частями на Дальнем Востоке, казачьим населением и беженскими казачьими колониями.

Уссурийские казаки не признают существующего во Владивостоке «Совета казачьих представителей», считая их за беженцев, и отказались дать по мобилизации казаков; забайкальские казаки не желают входить в подчинение новому казачьему командованию; многие казаки беженских казачьих колоний рады бы встать в ряды нового освободительного движения, но мало питают доверия, это опять-таки благодаря вмешательству самозваного «Совета казачьих представителей». Вследствие такого развала участились случаи перехода казаков на сторону красных, тех казаков, которые совершили небывалый «Ледяной поход».

Вот почему необходимо [пред]принять героические усилия, чтобы объединить казачьи силы, распыленные здесь на Востоке; притом силы довольно значительные, которые могли бы послужить верным надежным ядром.

По прибытии я представил подробный доклад председателю Приамурского правительства (мой доклад № 132), в котором на основании указанных выше причин я считаю, что единственной мерой для объединения и сплочения всех казаков здесь на востоке при настоящем положении является созыв съезда уполномоченных казачьих делегатов от войсковых казачьих частей Дальневосточной армии, от казачьего населения освобожденных областей, от казачьих колоний – Владивостока, Харбина, Хайлара, Цицикара и др., с приглашением представителей от мусульманских групп, примыкающих к казакам, и что инициатива по созыву съезда должна исходить от Приамурского правительства.

Такой съезд окажет весьма ценную моральную поддержку Временному правительству; даст сильный толчок к новому порыву на борьбу и укрепит веру на местах, в казачьих областях, в возможность освобождения от большевистского ига. Я верю, что казачество будет основой новой возрожденной России.

Как видно, предложенная мною мера совершенно не направлена к разложению приморской государственности, как о том писал г-н Анисимов, а наоборот к укреплению этой государственности, с целью очистить эту государственность от недостойных элементов.

Надо полагать предложенная мною мера осуществлена не будет, ибо, как гордо заявляет г-н Анисимов, что кроме них «никаких других представителей казачьих войск нет и быть не может до освобождения казачьих территорий от ига большевиков»¹³⁰.

Вообще, г-н Анисимов от самозванства вошел в роль, когда горделиво заявляет, что он как атаман Оренбургского войска должен ответить на мое выступление, как оренбургского казака.

Пусть г-н Анисимов не причисляет меня здесь, на востоке, к своему «атаманству», избавит от этого позорного положения, и вообще на время своего «атаманства» совершенно забудет о моем существовании.

В своем послании г-н Анисимов именует меня «новоявленным атаманом».

Если это ревность в виде иронии, то напрасно.

Наименование меня «атаманом», в каком бы ни было виде, я считаю для себя оскорблением.

За время Гражданской войны разные самозванные атаманы проявили себя как «паразиты русской революции».

Благодаря заслуженной славе «самозванных атаманов», теперь даже «званные атаманы» стесняются в приличном обществе открывать свое звание.

Предавая все изложенное гласности, я прежде всего обращаюсь к Вам, мои дорогие друзья и приятели по работе в Туркестанском крае, коим я дважды обязан спасением моей жизни. К Вам направлен мой голос. Вы одни можете верно оценить и вместе со мною разделить то возмущение, которое вызывают клеветнические выпады г-на Анисимова.

Мои друзья, туркестанцы! Верьте, что после того, как я выбрался при Вашем содействии из Туркестана, все мои помыслы, все мои усилия и стремления были направлены к тому, чтобы оказать Вам помощь и содействие в вашей неравной борьбе. Но некоторые из моих начинаний: посылка миссий, командирование экспедиции, попытка отправиться самому поближе к Вам, были разрушены атаманом Анненковым. Теперь объявился новый такой же атаман, который не погнушался предать гласности то, что ему известно лишь по догадкам. Всякую надежду на помощь самозванных атаманов следует навсегда оставить, сотрудничество с ними может иметь роковые последствия, вплоть до предательства (письмо атамана Дутова о работе Анненкова).

Такие атаманы нам не по пути. Мы, посвятившие свою жизнь служению народу, будем работать по мере сил и умения и никакие козни и интриги самозванных атаманов не ослабят нашу энергию. Вы, «братья» и господа самозванные атаманы, в своем честолюбивом порыве не брезгуете никакими средствами, чтобы устранить с вашего пути неугодных вам лиц.

Приведу выдержки из указанного выше письма атамана Дутова:

«Политика атамана Анненкова с того момента, когда я передал армию, протекла пред моими глазами во всей откровенности, наглости и бесстыдстве. Одним из элементов этой политики является, выражаясь на специально – анненковском жаргоне, «ликвидирование меня»... и в заключение говорит: «двойная игра требует риска, коварства, жестокости и отчаянной смелости, – все это есть у атамана Анненкова». Последнее выступление г-на Анисимова вплетет новый лавр в «атаманский венок».

25-го мая 1922 г. И. Зайцев

Музей русской культуры в Сан-Франциско.
Коллекция А. Н. Вагина. Типографский экземпляр.

17. Статьи генерала А. Н. Вагина

Публикуемые статьи начальника штаба Отдельной Оренбургской армии генерала А. Н. Вагина впервые увидели свет в 1951 г. на страницах газеты «Русская жизнь», издававшейся и до сих пор выходящей в Сан-Франциско. В библиотеках России эти номера газеты отсутствуют. Работы А. Н. Вагина выявлены среди многочисленных газетных вырезок его трудов в коллекции генерала, хранящейся в Музее русской культуры в Сан-Франциско (Вагин был одним из организаторов музея).

Статьи содержат ранее неизвестные данные о планировании весеннего наступления белых на Восточном фронте (в частности, о челябинском совещании в феврале 1919 г.), а также о реорганизации армии Дутова. Вагин отмечает, что решение о расформировании Отдельной Оренбургской армии было принято в Омске уже в марте 1919 г., в самом начале наступления, причем сведения эти армейское командование получило тогда же, что не могло не сказаться отрицательным образом на моральном духе как самого Дутова, так и его окружения. Статьи проливают свет и на характер взаимоотношений штаба Отдельной Оренбургской армии со ставкой в Омске.

Документ 1

А. Н. Вагин. Оренбургское казачье войско и атаман А. И. Дутов.

История Оренбургского казачьего войска неразрывно связана с историей Самаро-Уфимской оборонительной линии.

Уфимские казаки (прикамские) образовались в 1574 году из конных стрельцов и охочих людей, а Самарские – из волжских казаков, стрельцов, иноземцев и смоленских дворян, поверстанных в казачью службу.

Из этих двух казачьих образований, а также из исетских и алексеевских казаков возникло Оренбургское казачье войско со старшинством 1574 года.

Оренбургские казаки за время всей своей славной истории были твердым оплотом юго-вост[очной] окраины России – защищая государственную границу, жертвенно служа общегосударственным интересам, проявляя наибольшую стойкость в смутные периоды истории России.

Особенно ярко было их служение в 19 и 20-м столетиях, когда они участвовали во всех внешних войнах России и в завоевании Туркестана.

Поили коней на реках Сыр-Дарье и Аму-Дарье, на Пруте, на Эльбе, на Рейне, на Сене. Разбивали коновязи от Берлина до Тюильри¹³¹.

В память о заграничных походах в войске возникли поселки Требиатский, Кассельский, Берлинский, Парижский, Фершампенуазский (по имени французского городка 100 километров на в[осток] от Парижа); в войске были казаки с фамилией Жаков, Орлинский (Орлеанский) и др.

Боролись за Россию под началом своих атаманов, а также под командой гр[афа] Платова, партизана Фигнера, ген. Скобелева, Черняева, Л. Г. Корнилова.

Штурмовали твердыни Карса, Эрзерума, Геок-Тепе, Самарканда, Ташкента; прославляли имя России в заоблачных высотах Памира.

За верную службу России оренбургские казаки удостоились многих наград, отличий, особых знаков внимания и благоволения российских императоров.

Особенно памятен современникам Высочайший Рескрипт от 23 февраля 1906 г. «вернолюбезному и доблестному Оренбургскому казачьему войску», дарованный блаженной памяти императором Николаем II.

Имея в мирное время 6 конных полков, несколько отдельных сотен, 3 конные арт. батареи и 3 запасные – в военное время Оренбургское казачье войско выставляло 18 конных полков, несколько отдельных сотен и 6 конно-арт[иллерийских] батарей (в 1-ую мировую войну было 9 к[онно]-арт[иллерийских] батарей).

В период борьбы с большевиками Войсковое правительство Оренб[ургского] каз[ачьего] войска мобилизовало 36 возрастов (от 19-ти до 55 лет), что позволило к 1 марта 1919 г. сформировать 26 конных полков, 3 пластунских дивизиона, 9 конных батарей (позже число полков и батарей было увеличено).

Из этого числа 11 конных полков и несколько к[онно]-арт[иллерийских] батарей, т. е. свыше 40 проц. вооруженных сил войска находились в Зап[адной] и Сибирской армиях адм. Колчака, и были вне территории войска, что часто упускается из виду при суждениях о действиях армии атамана Дутова во время Гражданской войны.

День войскового праздника (с 1890 г.) – 23 апреля (6 мая н.ст.¹³²) – день Св. Великомученика и Победоносца Георгия.

И сегодня, молитвенно вспоминая этот день, нельзя не почитать памяти лучшего представителя войска, его Войскового атамана генерала А. И. Дутова, мученической смертью погибшего в борьбе за свободу русского народа и родного ему Оренб[ургского] казачьего войска.

Атаман А. И. Дутов родился 6 августа 1879 года; окончил Неплюевский кад[етский] корпус, Николаевское кавалерийское училище и академию Генерального штаба, почти всю свою военную службу провел в рядах оренбургских казаков. В 1-ую мировую войну был командиром

1-го Оренб[ургского] каз[ачьего] полка. Политическая карьера его началась с началом русской революции, именно с открытием съезда всех казачьих войск, где атаман Дутов был избран членом Совета, а затем и председателем Совета Союза казачьих войск. Позже был членом Всероссийского Учредительного Собрания от Оренбургского казачьего войска.

На Чрезвычайном Войсковом кругу 20 сентября 1917 г. был избран почетным председателем Войскового круга и 2 октября 1917 г. – провозглашен Войсковым атаманом его родного войска. С этого момента имя атамана А. И. Дутова нераздельно сливается с именем Оренбургского казачьего войска.

А. И. Дутов был избран Войсковым атаманом потому, что он прославился своею доблестью в рядах 1-го Оренб[ургского] каз[ачьего] полка, где он получил 2 ранения; потому что с началом революции в России он избрал своею деятельностью путь защиты поправленной русской национальной государственности; потому что он взял задачей устройство казачьего войска применительно ко вновь создавшимся в России политическим обстоятельствам; потому что он сделал безошибочную оценку коммунно-большевизма, глубоко поняв его преступную природу.

И, принимая атаманскую насеку, Высочайше пожалованную войску в 1904 г., атаман А. И. Дутов принял и тяжелый крест.

И справедливо один из биографов атамана Дутова взял как эпитафию евангельское изречение: «И обреете Симона Киринейска, ему же даде понести Крест Его»...

Борьбу с большевиками атаман Дутов начал в день переворота, т. е. 26 окт[ября] 1917 г. В этот день атаман А.И. Дутов выпустил свой исторический приказ, где объявил, что «с 20 часов 26 сего октября Войсковое правительство для блага Родины приняло на себя всю полноту исполнительной государственной власти в войске».

Все вооруженные силы войска в то время были на фронте, в станицах шло брожение. Атаман располагал ничтожными силами: юнкера Оренб[ургского] каз[ачьего] училища, запасная сотня казаков и несколько десятков добровольцев.

Учитывая незначительность своих сил, атаман Дутов пробует расширить базу сопротивления большевизму и в декабре 1917 г. создает «Юго-Восточный союз», в который вступили кроме оренбуржцев также Уральское казачье войско, уфимские башкиры и киргизы Алаш-Орды.

Но по местным условиям «союзные» выступления могли проявиться лишь много позже. А пока, бессильные сдержат натиск большевиков, атаман Дутов и Войсковое правительство вынуждены были 17 января 1918 года покинуть Оренбург и перенести борьбу во 2-ой округ, а затем, когда большевицкие волны захлестнули все войско, то атаман Дутов перенес свою базу в Тургайские степи.

В Оренбург атаман Дутов возвратился в конце июня 1918 года¹³³ после занятия столицы войска казаками низовых станиц.

Вступив торжественно в родной город, атаман Дутов начал создавать армию для ведения борьбы с большевиками в широком масштабе и приступил к работе по объединению антикоммунистических сил в крае, с каковою целью участвовал во всех политических краевых съездах.

Сотрудничал с Комучем, на Уфимском Государственном совещании 8–23 сентября 1918 года, силою своего влияния способствовал созданию Директории.

Когда из-за своей слабости и выявившейся непопулярности Директория распалась, и в Омске возникла единоличная власть, – атаман Дутов в целях сохранения единства действий не только признал совершившийся переворот 18 ноября 1918 года, но и воздействовал в том же духе на других дальневосточных атаманов.

«От души благодарю Вас, господин атаман, за Ваше согласие работать со мной для общей цели по спасению Родины. Из всех полученных мною заверений в поддержке и помощи от союзников и начальников частей мне особенно дорога Ваша помощь и поддержка как первого защитника Родины, не прекращавшего борьбы с ее врагами», – заявил адмирал Колчак атаману Дутову по телеграфу в первый же день омского переворота.

Популярность атамана Дутова росла. Но одновременно росло и противодействие как ему лично, так и его армии: авторитет его подтачивали и силы внешние и внутренние.

«Оренбургская пробка», выражение, применявшееся большевиками по адресу Оренбургской армии, сковывала свободу их действий и мешала связи с Туркестаном. «Уберите атамана Дутова, и мы сами справимся с Восточным фронтом» – лозунг, брошенный большевиками их пособникам в тылу армий адмирала Колчака.

В январе 1919 г. 2 Башкирские стелк[овые] дивизии, прикрывавшие тыл Оренбургской армии с севера, покинули фронт и обнажили все коммуникации Оренб[ургской] армии. Судьба Оренбурга была решена.

В конце января 1919 г.¹³⁴ в г. Челябинске состоялось совещание командующих армиями с Верховным правителем во главе. Атаман Дутов представил выработанный штабом Оренб[ургской] армии план наступления левым крылом общего фронта для сближения с Вооруженными силами Юга России. Ставка этот план не поддержала.

В начале марта 1919 г. я был в Омске с докладом у Верховного правителя.

Вернувшись в штаб Оренбургской армии, я доложил атаману Дутову, что не только отклонен план наступления левым крылом, но и Оренбургская армия подлежит расформированию, что и обнаружилось вскоре. Сначала «разграничительными линиями» в группу генерала Белова был

передан расположенный на правом фланге Оренбургской армии корпус генерала Бакича; затем в апрельской директиве Ставки северная «разграничительная линия» для Оренбургской армии была указана – «Оренбург – исключительно» (позже исправленная на «Оренбург – включительно»).

Наконец, в конце апреля атаман Дутов был вызван в Омск, где ему предложили почетный пост генерал-инспектора кавалерии и Походного атамана всех казачьих войск. И в заключение 1-го июня 1919 года армия атамана Дутова была передана в Южную группу генерала Белова (Виттекопфа)¹³⁵. Как показали последующие события, все перечисленные мероприятия омской ставки оказались «крайне вредными во всех отношениях».

Предвидя роковые последствия расформирования Оренбургской армии, я пытался сохранить какое-либо военное соединение, на которое атаман Дутов мог бы опереться в будущем для ведения дальнейшей борьбы и предложил ставке создать отдельный казачий корпус для самостоятельных действий на Туркестан. Омская ставка это отклонила.

В середине сентября 1919 г. Южная группа¹³⁶ генерала Белова перестала существовать – она расплылась. И атаман Дутов был назначен для командования остатками его бывшей армии. Он вновь пригласил меня быть начальником штаба его формирующейся армии, но ставка воспротивилась.

14 марта 1920 г. отряды атамана Дутова перешли китайскую границу и были распределены в лагерях.

6 февраля 1921 г. атаман Дутов был убит советскими агентами в г. Суйдуне (Китайский Туркестан).

Оренбургские казаки и русские освободительные армии навсегда лишились своего вдохновителя.

Заключение. Атаман Дутов был милостию божией вождь Белого движения. Он ясно отдавал себе отчет, что еще никто не выиграл победы на политическом поприще, опираясь на историю: для победы нужно доверие масс.

И атаман Дутов пользовался безграничным доверием своего войска.

Свою активность он направлял на достижение главнейших целей борьбы и на удовлетворение насущных потребностей войска.

Его приказы, обращения – содержали одну идею: освобождение России и ее духовного центра – Москвы – от коммунистического ига и созыв народных представителей возрожденной России.

Находясь уже в Китае, он все еще верил в возможность новой борьбы на Среднем Востоке, верили тому и в Туркестане, и к нему были обращены надежды мусульманского населения Ферганы и Семиречья, и это тогда, когда почти все антикоммунистические фронты России перестали существовать.

30 лет тому назад от руки убийцы-наемника погиб великий казак, ставший величием России и благополучием родного войска превыше всего.

А. Н. Вагин

Вагин А. Н. Оренбургское казачье войско и атаман А. И. Дутов // Русская жизнь (Сан-Франциско). 1951. 5 мая.

Документ 2

А. Н. Вагин. Атаман А. И. Дутов

Со времени опубликования в «Русской жизни» моей статьи «Оренбургское казачье войско и атаман А. И. Дутов» ко мне поступило несколько обращений, подтверждающих данную мною характеристику атамана.

Ниже приводится выдержка из «Воспоминаний» генерала Гайды, переведенная и любезно присланная мне известным чешским политическим деятелем д[окто]ром права г. В... и содержащая суждение покойного генерала Гайды об атамане Дутове.

На стр. 149 своих «Воспоминаний» ген. Гайда говорит: «Исключением среди всех этих атаманов (ранее изложена характеристика нескольких атаманов) был ген. Дутов, атаман оренбургских казаков. Он был единственным, кто взялся за оружие против угнетателей-большевиков по мотивам высшего порядка и боролся с ними на своей казацкой территории еще до нашего (чехословацкого) выступления. Он был единственным поставившим себе целью установление порядка и законности в России, и от этого он никогда не отступал. Несмотря на свои монархические убеждения¹³⁷, Дутов часто усовещевал¹³⁸ остальных атаманов (его телеграмму атаману Семенову я уже цитировал), убеждая их не настаивать на своих требованиях, предъявляемых правительству и думать, прежде всего, о возрождении России.

Увы, все призывы этого казака-патриота оказались напрасными...»

В связи с вышеизложенным мнением пользуюсь случаем огласить также неопубликованное до сих пор письмо Войскового атамана Семиреченского казачьего войска покойного ныне генерала А. М. Иснова. Письмо адресовано старшему казаку Оренб[ургского] каз[ачьего] войска Генерального штаба генералу А. Н. Вагину 13 янв[аря] 1946 г. и написано по случаю отмечающегося тогда в Сан-Франциско 25-летия со дня убийства атамана Дутова.

«Шестого февраля с. г. истекает 25 лет с того вечера, как пал на своем посту от руки подосланных убийц оренбургский атаман Генер[ального] штаба ген[ерал]-лейтенант А. И. Дутов, доблестный казак, стойкий поборник идеи государственного единства, рыцарь на всех жизненных дорогах.

Атаманский путь его, когда, опираясь на пожалованную ему Кругом булаву, он во главе своего казачества боролся за свободу Родины, за честь казачью, за попираемые национальные святыни, до того часа, как

восприял он терновый венец – хорошо известен его родным станичникам и всем, кто шел за ним. Я поведаю о других подробностях его жизни... Три года совместной академической страды связали меня с ним, безупречным военным товарищем, другом, ко всем благонамеренным, во всех оставившим добрую о себе память.

Представившись по окончании академии царю, мы, прощаясь, крепко пожали друг другу руки, как бы молча клянясь служить святым воинским идеалам.

Прошло 9 лет... Бушевала «великая бескровная», поливая ушатами крови города, села и веси. Среди общей растерянности, наряду с преступными действиями и бездействиями власти, начали проявляться первые всходы воинской самодеятельности.

До Донской казачьей дивизии, где в те месяцы я был начальником штаба, долетела весть о казачьем «Маяке», о «Казачьем союзе» в Петрограде, возглавляемом войсковым старшиной Дутовым, зазвонившим «набат» всем казакам, по всему простору русской земли. Тот «набат» «гудел и ширился», подхватываемый другими до той поры, пока добровольческое Белое движение не охватило всю Россию...

В начале 1919 г. с Александром Ильичем мы вновь встретились на жизненной дороге. Он был уже Войсковым атаманом оренбургского казачества и Походным атаманом в дни правления адмирала Колчака, в непосредственной близости к государственному кормилу тех дней и, когда наряду с вождями, появлялись как грибы всякие «вождики» (выражение ген[ерала] Е. К. Миллера), мечтавшие о булавах, бунчуках и ханских подушках, едва ли не самым преданным адмиралу Колчаку, самым твердым государственным мужем около него в те дни был А. И. Дутов... И на мне, как свидетеле многих тогдашних переживаний последнего, лежит долг поведать потомству оренбургских казаков, как верен был государственной идее и единству России, как предан был главе государства в те приснопамятные дни носитель оренбургской атаманской булавы.

За рыцаря долга и воинской доблести Верховного Правителя Александра Васильевича, готов был сложить свою честную казацкую голову Александр Ильич, оренбургский атаман.

Горячо любимый Александр Ильич, много раз за эти 25 лет, мы, твои сподвижники и почитатели, коленопреклоненно пели тебе «вечную память». А в эту годовщину твоей мученической кончины мы шлем мысленно с далекой чужбины на твою могилу на замену твоего тернового венца неувядаемый лавровый венец, вплетя в него, с дорогой тебе синей лентой и широкую трехцветную национальную как верному сыну матери-России... А. М. Ионов».

Полагая, что приведенные свидетельства о высоких качествах и достоинстве убиенного атамана А. И. Дутова представляют общественно-

исторический интерес, я прошу редакцию «Р. Ж.» не отказать опубликовать это мое письмо в одном из ближайших номеров.

А. Н. Вагин

Вагин А. Н. Атаман А. И. Дутов // Русская жизнь (Сан-Франциско). 1951. 25 мая.

18. Новые материалы о потомках Дутова

Выход книги дал возможность установить контакты сразу с несколькими потомками оренбургского атамана, о которых в период написания работы мне известно не было, связать их между собой, получить семейные фотографии и документы, а также больше узнать о непростых судьбах наследников Александра Ильича в советское время. Как выяснилось, дети Дутова в советский период жили обычной жизнью, причем о репрессиях в их отношении неизвестно.

В Пятигорске проживает правнучка атамана по линии дочери Ольги Александровны Е. С. Гречко, которая любезно поделилась подробнейшими семейными воспоминаниями об атамане и его потомках: «В семье Ильи Петровича было два сына: Николай и Александр. Александр получил военное образование, был веселым, жизнерадостным, умным человеком. Его полюбила Ольга Викторовна, единственная дочь Петровских. Петровский – служащий, очень любил свою жену. Она умерла в 42 года и он остался верен ей всю жизнь. Сумел хорошо воспитать свою дочь и дать ей образование. Когда он узнал о любви дочери к Александру Ильичу, то был против их брака, но Ольга Викторовна пошла замуж против воли отца. Молодая чета в свадебное путешествие отправилась на Кавказ, побывали в Замке «Коварства и любви». У них было пятеро детей: Ольга (24 июля 1907 – 26 ноября 1986), Лика, Муся, Надежда и Олег.

1914 год – началась Первая мировая война. Александр Ильич преподавал в военном училище и мог бы не идти на войну, но он проиграл все наследство своей жены и, чтобы спасти свою честь, он, пообещав жене вернуть все состояние, ушел добровольцем (жене деньги он вернул, но уже в керенках).

Началась революция. Оренбургские казаки избирают Александра Ильича своим атаманом. Отец пытается переубедить сына, советуя перейти на сторону красных, но он был верен людям, избравшим его атаманом и своим идеям, до конца своих дней остается на этой службе. Семья подверглась тяжким испытаниям. Отец умер, когда красные тащили его по лестнице его собственного дома. Брат прятался, у него была чахотка и, в конце концов, умер. Ольге Викторовне предложили с детьми выехать за границу, но она осталась на родине. Красные не расстреляли семью, потому что Александр Ильич никогда не подписывал смертные приговоры и сохранил жизнь коменданту города Оренбурга, который не

разрешил уничтожать семью. Их выслали в Красноярск. Мать собрала сундуки, все погрузила и поехала с детьми, но по пути они обстреливались, их грабили и к месту приехали ни с чем. Детей определили в детский дом... Ольга Викторовна умерла и похоронена в Красноярске.

Бабушка вспоминала о приезде Колчака в Оренбург¹³⁹. На встречу с ним Александр Ильич приехал с семьей. Все были нарядно одеты, девочки в красивых белых платьях. Было много музыки, все было очень торжественно и красиво.

Еще она вспоминала, что когда ей было 10 лет, отец приезжал с войны раненым. У него была перевязана рука».

О дальнейшей семейной истории Е. С. Гречко сообщила: «Бабушка, Ольга Александровна, жила в Красноярске, там же вышла замуж за Бельх Ивана Ефимовича. Ее постоянно вызывали в органы, проводили с ней “работу”. Ивана Ефимовича исключили из партии, из-за того, что он женат на дочери врага. Бабушке очень трудно было найти работу, хотя она всегда говорила: “Дети за родителей не отвечают”».

У Ивана Ефимовича была гипертония. В 50-х годах он приезжал на Кавминводы в санаторий. Очарованный нашими местами, он быстро распродает все имущество в Красноярске и они с Ольгой Александровной, дочерью Ниной (06.02.1928 – 04.04.2007) и сыном Сергеем (05.01.1940 – 07.10.1984), ему в то время было 10 лет, переезжают в ст. Константиновскую, недалеко от Пятигорска.

Иван Ефимович умирает в 1961 году. После смерти мужа, бабушка переехала в Воскресенск, Московской обл., к дочери, где умерла в 1986 году.

Бабушка была невысокого роста, полненькая, очень добрая, спокойная. Мы все ее очень любили». Всю жизнь дочь атамана скрывала опасное родство. «Бабушка Оля была очень добрая. Она никогда не гневалась, не раздражалась, не кричала, не хитрила. Спокойная, рассудительная, она была интересным собеседником. Она очень много читала и прочитанное держала в голове до конца своих дней. Хорошую память объясняла тем, что всю жизнь пришлось работать в торговле и постоянно держать в голове массу цифр... Надежда Александровна, в отличие от бабушки Оли была суетливая и многословная».

В семье сохранилось фото сына Дутова Олега, сделанное в июле 1931 г. Олег «уехал из Красноярска в Ленинград. Там он окончил вуз, женился. Переписывался с матерью на французском языке. У бабушки Ольги Александровны хранилось одно его письмо». В семье считалось, что Олег Александрович погиб в блокаду, однако (и об этом ниже) это не совсем так.

Правнучка атамана по линии дочери Надежды Александровны Т. А. Маричева из Красноярска прислала мне ценные документальные материалы по истории семьи и внесла важные уточнения в данные о потомках атамана, вошедшие в книгу (ранее были предоставлены другими потомками Надежды Александровны). Надежда Александровна в

1937–1940 гг. работала в тресте «Краслеспродторг», трудилась кассиром, инкассатором, стрелком ВОХР, в 1960-е гг. работала в цехе цементного оборудования завода «Сибтяжмаш», в 1967 г. была поощрена почетной грамотой, в конце 1974 г. ушла на пенсию, умерла в Красноярске 27 января 1977 г. По семейным воспоминаниям, присланным Т. А. Маричевой, «Ольга Викторовна Петровская¹⁴⁰ умерла примерно в 1945 г., похоронена на старом кладбище в Красноярске, которое потом провалилось, теперь ее могилы нет. Ольга Викторовна была очень образованна, знала три языка, но была совершенно не приспособлена к тем условиям жизни, в которых оказалась в Красноярске. До 16 лет с ней жила дочь Ольги Нина¹⁴¹, Ольга Викторовна больше всех других детей и внуков ей рассказывала про А. И. Дутова и про свою жизнь... Моя бабушка не брала фамилий ни одного из своих мужей, как у вас указано, а прожила всю жизнь и похоронена под фамилией своего деда по матери – Петровская.

У Надежды Александровны было 6 детей... Надежда Александровна была действительно очень общительной и подвижной. Была также очень доброй, особенно по отношению к своим детям, никогда их не ругала и ни за что не наказывала. Совершенно не признавала спиртное, даже глотка шампанского иной раз не могла сделать, как бы ее ни уговаривали. Очень любила петь...

Про двух других дочерей Дутова известно немного. Надежда Александровна рассказывала своим детям, что Елизавета умерла в детском доме, а Мария оставалась с родней Дутова в Оренбурге. Приезжала в Красноярск два раза. Больше о ней ничего неизвестно».

Наконец, в 2014 г. мне довелось познакомиться с потомками сына Дутова Олега Александровича – правнуком атамана А. И. Петровским и его супругой М. В. Петровской из Дмитрова. По семейным документам, Олег Александрович родился в 1916 г., 15 июля 1941 г. добровольно вступил в ленинградское ополчение через Куйбышевский райвоенкомат и погиб на фронте. Женат был на учительнице Людмиле Павловне Хохлачевой, скончавшейся в 1995 г. Точные данные о гибели Олега Александровича Петровского неизвестны, последнее известие от него датировано 24 августа 1941 г. В 1940 г. у О. А. Петровского родился сын Илья, трагически погибший в 1981 г., после него остались трое детей.

Потомки атамана Дутова ныне проживают в самых разных уголках нашей страны (точно известны – Москва, Санкт-Петербург, Красноярск, Пятигорск, Сергиев Посад, Воскресенск, Краснодарский край), а, возможно, и за ее пределами.

19. Сведения о гражданской супруге Дутова из дневника И. И. Серебrenникова

Д. и. н. А. А. Хисамутдинов из Владивостока любезно поделился отрывком о гражданской супруге Дутова А. А. Васильевой из готовящихся им к публикации дневников И. И. Серебrenникова¹⁴², хранящихся в

Гуверовском архиве: «Н. В. Дутов с женою, приехавшие погостить в Тяньцзинь из Таншана. Я подумал: вот судьба, пришел наводить справки об атамане Дутове, а за столом случайно застал Н. В. Дутова, его племянника, когда-то служившего адъютантом при атамане. Словно, я предчувствовал такую встречу. Я внимательно приглядывался к жене Н. В. Дутова, молоденькой, хорошенькой женщине. Я знал, что пятнадцать лет тому назад эта женщина была гражданскою женою самого атамана Дутова и имеет от него дочь, которая учится теперь в английской школе в Тяньцзине».

20. Сведения о судьбе атамана 1-го военного округа Оренбургского казачьего войска К. Л. Каргина – лидера оппозиции Дутову

Материалы об одном из лидеров оппозиции Дутову, атамане 1-го военного округа Оренбургского казачьего войска К. Л. Каргине прислал его внук С. М. Покрас. Ниже с незначительной смысловой правкой приводится письмо С. М. Покраса: «Мой дедушка по материнской линии Каргин Кирилл Леонтьевич родился 29 сентября (ст.ст.) 1885 г. в станице Буранная Оренбургской губернии в семье казачьего офицера... дедушка с бабушкой и моей мамой... осели сначала в Омске (видимо у дедушки были знакомые по его службе агрономом), а с 1920 г. в Красноярске, где потом жили до 1926 г, и жили неплохо. Дедушка работал краевым агрономом Красноярского края. В Красноярске родились мамины братья: в 1920 г. – Николай, в 1923 г. – Василий».

Когда местные чекисты узнали о прошлом дедушки, он был вынужден уволиться и уехать из Красноярска и после поиска работы устроился заведующим отдела земледелия в г. Новосибирск, где был арестован 22 ноября 1927 г. Приговорен Коллегией ОГПУ 20 апреля 1928 г. по обвинению в «службе в Белой армии» (ст. 58–13 УК РСФСР). Приговор: к высылке на 3 года. Реабилитирован 19 ноября 2002 г.

В июле 1928 г. вся семья выехала сначала в Усть-Сысольск (Сыктывкар), а в августе в с. Ижма (автономная область Коми). В декабре 1928 г. мама вышла замуж за моего папу и с тех пор проживала в Москве. Дедушка с бабушкой и с сыновьями жили в Ижме до 1931 г. После окончания срока ссылки на некоторое время перебрались в г. Усть-Сысольск и затем в 1933 г. в г. Тамбов (в Москву ссыльным было нельзя).

Тридцатые годы в Тамбове были для дедушки и бабушки годами мытарств. Дедушка, дипломированный агроном, смог найти какую-то работу только в поселке под Тамбовом, где вынужден был проживать вдаль от семьи. Месяцами не платили мизерную зарплату. Только в 1940 г. дедушка смог организовать Тамбовскую агрохимлабораторию, заведующим которой был до конца жизни.

Умер он 17 октября 1954 г. В газете «Тамбовская правда» было сообщение об его кончине. Хоронили дедушку с оркестром.

Дедушка для меня тоже образец принципиального, интеллигентного, трудолюбивого, заботливого, доброго человека высоких моральных качеств, к тому же хорошо образованного и умелого в быту. Я все детство летом жил с дедушкой и бабушкой и их влияние на меня имело определяющее значение. Уже после их кончины всю жизнь я часто вспоминал и вспоминаю с благодарностью время, проведенное с ними, их отношение ко мне.

На долю дедушки и бабушки выпали тяжкие испытания во время войны. Старший сын Николай, в 1939 г. окончил Киевское танковое училище и за отличную учебу был оставлен в этом училище для прохождения службы.

В начале июля 1941 г. училище было эвакуировано в Кунгур Молотовской (Пермской) области. Коля мог уехать туда, но после двух рапортов с просьбой отправить на фронт в июле 1941 г. уже участвовал в жестоких танковых боях на Украине, и будучи заместителем командира батальона по технической части, сам водил танк в боях и, судя по письмам с фронта, с такими успехами, за которые в следующие годы войны давали звание «Героя». Но последнее его письмо было от 14.09.41 г. По словам очевидцев, 20.09.41 г. он был ранен в бою около г. Ромны в Сумской обл. и отправлен в госпиталь, до которого, видимо, не довезли (в 1941 г. Коле был 21 год). Младший сын Василий... в июле 1941 г. (ему еще не было 18 лет) был призван в армию и обучался в танковом училище на юге Сибири. В начале 1943 г. отправлен на фронт и 29 марта 1943 г. в бою около пос. Мга (железнодорожный узел в 50 км от Ленинграда) «сгорел в танке» (так написано в извещении)... Моя бабушка по материнской линии Каргина (в девичестве Белякова) Юлия Ивановна родилась 18 мая (по старому стилю) 1879 г. в семье обер-офицера, после выхода на пенсию бывшего уездным предводителем дворянства. Детство и юность бабушки прошли в г. Сарапул (Средний Урал) на р. Каме. После окончания гимназии работала учительницей в деревенской школе. После выхода замуж жила в г. Оренбурге. В результате событий гражданской войны оказалась с семьей в г. Красноярске, затем в г. Новосибирске, в ссылке (с. Ижма), в Усть-Сысольске (Сыктывкар), и с 1933 г. в г. Тамбове, где скончалась 11 мая 1962 г.).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Подробнее об этой экспедиции см.: *Артемов К. П.* Последний приют атамана Дутова. Оренбург, 2009.

Аманжолова Д. На изломе. Алаш в этнополитической истории Казахстана. Алматы, 2009; *Багаутдинов Р. О.* Переход башкирского правительства и войска на сторону Советской власти в 1919 году // Вестник Башкирского университета (Уфа). 2014. Т. 19. №2. С. 746–749; *Гольцев В. А.* Атаман Аяненков. Алматы, 2006; *Он же.* Сибирская Вандея. Судьба атамана Аяненкова. М., 2009 (перездана в 2014 г.); Крах белой мечты в Синьцзяне. СПб., 2015; *Мастренков А. С.* Мемуары по истории Гражданской войны в Оренбуржье. Дисс.... к.и.н. М., 2009; *Наземцева Е. Н.*

Русская эмиграция в Сынцзяне (1920–1930-е гг.). Барнаул, 2010; Сафонов Д. А. Крестьянский вопрос во взаимоотношениях Комуца и «казачьей власти» атамана Дутова // Государственная власть и крестьянство в конце XIX – начале XXI века. Коломна, 2009. С. 133–137; Он же. Политический режим «казачьей власти» в 1918 году: к вопросу о «дутовской» диктатуре // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. №6(144). С. 58–68; Он же. Правовые основы деятельности и «новации» казачьей власти атамана А. Дутова в 1918 году // Россия в годы революций и Гражданской войны: историко-правовой аспект. Материалы российской научно-практической конференции (4 декабря 2008 г.). Уфа, 2009. С. 14–21; Он же. Оренбургское казачье войско в годы Гражданской войны: тенденции формирования казачьей автономии // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. №16(270). История. Вып. 51. С. 52–57; Семенов В. Г. Дополнение к биографическому справочнику «Офицерский корпус Оренбургского казачьего войска 1891–1945». Оренбург, 2009; Он же. Оренбургское казачье войско в годы Первой мировой войны 1914–1918 гг. Оренбург, 2010; Таймасов Р. С. Участие башкир в Гражданской войне. Кн. 1. В лагере контрреволюции (1918 – февраль 1919 гг.). Уфа, 2009; Он же. Башкиры в антибольшевистском лагере: между сибирской контрреволюцией и Кочучем // Вопросы истории. 2007. №8. С. 139–144 и др.

³ В частности, нельзя признать удачной недавнюю попытку оспорить изложенную в книге о Дутове концепцию роли белого террора в событиях Гражданской войны в Оренбуржье (*Ратьковский И. С.* Белые репрессии в Оренбуржье в период Гражданской войны в России в 1917–1919 гг. // Петербургский исторический журнал. 2015. №2(6). С. 116–129). Отрицать казачий террор на Южном Урале не приходится, о чем на основе архивных документов и собранного статистического материала было рассказано в моей книге (*Ганин А. В.* Атаман А. И. Дутов. М., 2006. С. 359–373). Однако не следует его преувеличивать, основываясь на пропагандистских публикациях одной из сторон, как делается в данной статье. К сожалению, И. С. Ратьковский не работал с архивными документами по этой теме и основывается почти исключительно на данных советской периодической печати и литературы, в пропагандистских целях изображавших режим Дутова как царство террора, что отдалило автора от объективного отражения сложной картины репрессий.

О красном терроре против казачества в рецензируемой статье упоминается вскользь, что уже создает искаженную картину. Некритическое восприятие заявлений атамана А. И. Дутова и мемуаристики лишь усугубило искажение. Так, с полным доверием автор статьи воспринял бахвальство атамана перед находившейся проездом в Оренбурге молодой сестрой милосердия М. А. Нестерович-Берг о якобы суровости его режима и массовых расстрелах (*Ратьковский И. С.* Белые репрессии в Оренбуржье... С. 117), перед омскими журналистами о 200 казенных казаках (Там же. С. 123), перед адмиралом А. В. Колчаком о жестоком подавлении попытки восстания в Троицке и перед французским генералом М. Жаненом в аналогичном ключе о замороженном живом чочегаре и повешенном машинисте (Там же. С. 126–127). Большое внимание в статье уделено декларативным приказам казачьей власти о репрессиях (Там же. С. 122, 125, 126) без указаний на то, выполнялись ли те или иные суровые распоряжения.

Факты же говорят об ином. Во-первых, часть событий, связанных с деятельностью Дутова, подробно изучена и не оставляет пространства для рассуждений о массовых репрессиях (например, события прихода Дутова к власти в Оренбурге). Во-вторых, сравнительный анализ заявлений Дутова, известного своим красноречием и реалей его деятельности рисует атамана мастером саморекламы, тогда как действительность оказывалась куда менее впечатляющей.

Так, в период визита М. А. Нестерович-Берг в Оренбург казачий режим отличался крайней мягкостью к своим противникам. В частности, после ареста членов Оренбургского Совета рабочих и солдатских депутатов от партии большевиков в ночь на 15 ноября 1917 г., они были высланы в станицы с предписанием «содержать препровождаемых впредь до суда под строгим надзором, не допуская ни побега их, ни каких-либо к ним посетителей. Содержать в теплом помещении, кормить так, как едят и сами казаки – не богато, но и не голодно, не допускать над ними никаких недостойных казаков насилий. Писать письма им можно разре-

шить, но все письма направлять через Войскового атамана» (Александр Ильич Дутов: Войсковой атаман Оренбургского казачьего войска, генерал-лейтенант. Краткая биография, выборки из печати, статьи и проч[ее], относящиеся к деятельности Войскового атамана. Составлено согласно пожеланий, выраженных депутатами 3-го Чрезвычайного Войскового Круга войска Оренбургского партизанам отряда атамана Дутова. Б. м., б. г. [Троицк, 1919]. С. 116). Позднее высланные были возвращены в тюрьму, где содержались в шадящем режиме – два раза в неделю им разрешались свидания, причем даже с целыми делегациями, можно было самостоятельно готовить пищу, причем продукты поставлял штаб Красной гвардии, и даже имелось оружие. Неудивительно, что вскоре арестованным при содействии нелегального отряда Красной гвардии удалось бежать из тюрьмы (*Евдокимов И.* Побег большевистских комиссаров из дutowской тюрьмы (Записки бывшего тюремного надзирателя) // Гражданская война в Оренбургском крае. По воспоминаниям участников гражданской войны и документам. Чкалов, 1939. С. 63; *Ганин А. В.* Атаман А. И. Дутов. С. 122).

Некоторые факты, приводимые И. С. Ратьковским, вызывают сомнения. К примеру, он отмечает отсутствие в моей книге упоминания о том, что отец будущего героя Сталинградской битвы генерала А. И. Родимцева из села Шарлык стал жертвой наказания шомполами, практиковавшегося дutowцами и часто приводившего к смертельному исходу (Ратьковский И. С. Белые репрессии в Оренбуржье. С. 118). Очевидно, источником послужили позднейшие мемуары самого Родимцева. Однако есть и другие данные. Метрические книги церкви Архистратига Михаила села Шарлык (Михайловское) за 1918–1919 гг. не содержат записей о смерти отца Родимцева (выражаю благодарность за предоставленную информацию исследователю истории Шарлыкского района А. Е. Исковскому). Более того, существуют указания на то, что умер он в голодном 1921 г. (<http://general-rodimcev.narod.ru/index.files/Page326.htm> [дата обращения 26.07.2015]), когда казачьей власти на территории региона уже около двух лет не было. Удалось обнаружить личное дело Родимцева, в котором он указал годом смерти отца 1919-й, что не подтверждается метрическими записями. Таким образом, пока нет убедительных данных о времени и обстоятельствах смерти отца полковника, тем более некорректно приводить спорный случай в качестве примера белого террора.

Не относится к жертвам белого террора и некоторые другие персоналии, отнесенные к таковым автором. Так, среди жертв террора лета 1918 г. в статье указан погибший в бою с колчаковцами 19 апреля 1919 г. командир 213-го стрелкового полка 24-й Железной стрелковой дивизии В. Барановский, похороненный в одной могиле с действительными жертвами террора в городе Сорочинске (*Ратьковский И. С.* Белые репрессии в Оренбуржье... С. 121). В статье утверждается, что похоронили его еще в ноябре 1918 г., т. е. за полгода до действительной гибели. Некто Улеев, похороненный там же, назван комиссаром того же полка, однако, судя по надписи на памятнике в Сорочинске, он являлся комиссаром Сорочинского волостного совета по довольствию и как раз был среди жертв террора лета 1918 г.

Съезд 15 станиц Оренбургского войска, о котором по материалам исследовательской литературы упоминает автор статьи (Там же. С. 127), проходил не в 1919 г., а годом ранее, а утверждение, что Дутов якобы «лично распоряжался о расправе с любыми подозреваемыми в большевизме рабочими» (там же), кажется, можно оставить без комментариев.

В качестве достоверных в статье приведены данные советского издания 1964 г. о том, что в оренбургской тюрьме в августе 1918 г. якобы содержались 6000 коммунистов и беспартийных, 500 из которых замучили на допросах, а в Челябинске дutowцы расстреляли и увезли в тюрьмы Сибири 9000 человек (Там же. С. 124). Однако объединение коммунистов и беспартийных, расстрелянных и перемещенных в другие места само по себе выглядит нелепостью, а, кроме того, подобные цифры никак не соотносятся с фактами. Даже если принять за достоверное мифические 6000 заключенных и вычесть 500 замученных на допросах, то в заключении должны были оставаться 5500 человек. Тогда как по выявленным нами архивным документам, на середину сентября 1918 г. в оренбургской тюрьме содержались всего 835 человек, включая политзаключенных (ГАРФ. Ф.Р-1405. Оп. 1. Д. 7. Лл. 1об.–2), причем эта цифра бо-

лее, чем вдвое превышала расчетное число заключенных (391 человек), которое тюрьма могла вместить, а тюремное ведомство погрязло в долгах за отопление, освещение и продукты. Вместить 6000 заключенных (в 15 с лишним раз больше расчетного числа) оренбургская тюрьма не могла физически. Не могла измеряться тысячами и численность арестованных в Оренбурге летом 1918 г. коммунистов. Даже на свободе их было намного меньше, тем более на занятой белыми территории. В 1917–1919 гг. численность большевиков всей Оренбургской губернии по самым завышенным оценкам колебалась в районе 2500–2800 человек, причем при оставлении территории губернии в июле 1918 г. с красными ушли около 2000 (Очерки истории Оренбургской областной организации КПСС. Челябинск, 1983. С. 45, 68, 83). Что касается населения Челябинска, то от младенцев до стариков оно тогда едва превышало 67 000 человек. Следовательно, расстрелу и депортации должны были подвергнуться 13,5% жителей города. Но поскольку женщин, детей и стариков вряд ли стали бы массово репрессировать, речь о трудоспособных мужчинах (не более четверти жителей). И, если верить этим данным, белые должны были репрессировать абсолютное большинство мужского трудоспособного населения города, что является ничем не подтвержденным вымыслом.

С особой осторожностью применительно к теме белого террора следует подходить к материалам советских газет периода Гражданской войны и к советской мемуаристике. Но эти свидетельства И. С. Ратьковский представил читателям как достоверные факты, не пытаясь их проверить ни документально, ни хотя бы с позиции здравого смысла. Следование за вторичными источниками повлекло неточности. К примеру, сомнительное свидетельство о казни Дутовым 200–250 казаков за отказ служить представлено автором статьи, хотя и ненамеренно, не как один, а как два разных эпизода массового террора (*Ратьковский И. С. Белые репрессии в Оренбуржье... С. 122–123, 126*), при том, что речь идет об одном и том же событии, если оно вообще имело место. Дутов сообщил о нем в интервью летом 1918 г., а в начале 1919 г., когда красные стали занимать территорию войска, эти же сведения, увеличив число жертв на пятьдесят, подхватила и напечатала газета «Правда». Подобный подход позволил вменить Дутову вдвое большую жестокость, однако лишь отдалил автора от реконструкции подлинных событий.

Особенно впечатляющим представляется эпизод жестокой казни белыми под Оренбургом весной 1919 г. некоего рабочего Кореня, служившего поваром у красных и захваченного в плен с походной кухней. Согласно приводимому в статье советскому мемуарному свидетельству, белые вылили пищу из кухни, разрубили повара на куски, сложили останки в кухню, залили их водой, подожгли топку и лошадь направили к красным (Там же. С. 127). Наверное, нельзя полностью исключить, что чудовищный эпизод мог иметь место в жестокой действительности Гражданской войны. Но несурезность описания при знании реалий эпохи бросается в глаза. Прежде всего, все изложенное слишком сложно для воплощения. Однако более существенно другое. В условиях полуголодного существования и неприветливой весны 1919 г. под Оренбургом бойцы на передовой не выбросили бы дефицитную трофейную пищу ради бессмысленного садистского убийства заблудившегося повара. Кроме того, ни сами бойцы, ни их начальство не могли одобрить самовольный возврат противнику трофейной полевой кухни с лошадью, хотя бы потому, что захваченные полевые кухни учитывались белым командованием на Южном Урале среди трофеев отдельной строкой (см., напр.: РГВА. Ф. 39514. Оп. 1. Д. 25. Лл. 23об., 27–27об., 41об.). Наконец, направление лошади в сторону противника еще не гарантирует того, что она дойдет до вражеских окопов и что, таким образом, садистская шутка удастся. Совокупность этих данных делает вероятность подобного эпизода стремящейся к нулю, а, скорее всего, речь идет о вымысле и слухах.

Судя по преамбуле, автор статьи поставил перед собой задачу показать масштабность казачьего террора в Оренбуржье и, прежде всего, террора, проводившегося самим атаманом Дутовым. Приводимые им факты, в большинстве своем, известны и не раз упоминались в предшествующих работах. Однако для демонстрации еще больших масштабов террора И. С. Ратьковский включил в свою статью сведения о событиях, не имевших отношения не только к дутовскому режиму, но подчас даже и к оренбургскому казачеству. Например, свидетельства

о чехословацком терроре, данные о репрессиях, проводившихся Временным Сибирским правительством, различными армейскими подразделениями, данные о терроре не подчинявшихся Дутову казаков-повстанцев (*Ратковский И. С. Белые репрессии в Оренбуржье... С. 118–121*). Оренбургским казакам оказалась приписана расправа над пленными бойцами 25-й стрелковой дивизии в селе Ташла в июле 1919 г. (Там же. С. 127). Но против знаменитой чапаевской дивизии действовали не оренбургские, а уральские казаки. Эпизоды боевых действий в статье также отнесены к проявлениям террора (Там же. С. 119), что неверно.

Едва ли обоснованно выделение «кризисного» (лето 1918 г., зима 1918–1919 г.) и «стабильного» (осень 1918 г.) периодов дутовского правления в целях демонстрации нерепрезентативности собранных мною статистических данных (Там же. С. 123–124). Боевые действия в Оренбуржье отличались достаточно высокой интенсивностью практически весь период 1918–1919 гг., в связи с чем назвать какой-либо период стабильным затруднительно. Сведения, не укладывающиеся в построения И. С. Ратковского и опровергающие реанимируемые советские мифы (например, статистику наказаний в «кризисный» период, также содержащуюся в моей работе, равно как и точные данные о количестве заключенных в оренбургской и других тюрьмах – *Ганин А. В. Атаман А. И. Дутов. С. 361–362, 370, 373*), он проигнорировал, подменив анализ источников рассуждениями про некий «упрощенный подход» в качестве новой исследовательской тенденции (*Ратковский И. С. Белые репрессии в Оренбуржье... С. 116*). Но этот упрек скорее следует адресовать самому И. С. Ратковскому, не озакомившемуся с документами по теме своей статьи.

В то же время И. С. Ратковский вынужден признать приверженность белых букве закона. По мотивам моей книги он упоминает о дифференцированном подходе казачьего военного-полевого суда к наказанию в отношении крестьян-повстанцев, захваченных в 1919 г. с оружием в руках, когда большинство задержанных были оправданы (Там же. С. 126). Ответа на вопрос, как эти и другие факты соотносятся с советскими мифами о массовом белоказачьем терроре, автор статьи не дал, хотя и допустил, что приводимые им данные могут быть преувеличенными вследствие политизации (Там же. С. 124). В свете этого невозможно согласиться с выводом из аннотации к статье о том, что белый террор в регионе носил массовый характер, став одной из причин поражения антибольшевистского движения на Южном Урале (*Петербургский исторический журнал. 2015. №2(6). С. 354*).

Так, В. А. Рыкунов в работе, посвященной эмиграции белых войск в Китай и ее последствиям, утверждал, что «в начале 1920 г. состоялся трагический поход белых войск, состоявших в основном из терских, уральских, оренбургских и смиреченских казаков и корпуса генерала Бакича в Северо-Восточный Китай, в район Синьцзяна» (*Ракунов В. А. Эмиграция белых войск из России в Китай и ее военные последствия (1918–1945 гг.). Автореф. дисс.... к. и. н. М., 2011. С. 22*). В этой цитате диссертант продемонстрировал как незнание азов географии рассматриваемого им региона (Синьцзян расположен не на северо-востоке, а на северо-западе и западе Китая), так и не владение базовыми историческими фактами по теме исследования (терские и уральские казаки в исходе белых из Туркестана в Китай не участвовали, а практически все оренбургские казаки, наоборот, отступали в Синьцзян в составе отряда, а не корпуса генерала А. С. Бакича, и, отделяя их от частей Бакича, диссертант показал непонимание сути событий).

Наиболее ярким примером плагиата является кандидатская диссертация В. В. Марковчина, из 213 страниц которой не менее 51 (*Марковчин В. В. Деятельность русской военной эмиграции в Северо-Западном Китае: 1920–1926 гг. Дисс.... к.и.н. Курск, 2010. С. 28–30, 45–47, 92–109, 150–163, 180–192*) целиком или, в редких случаях, отдельными абзацами позаимствованы из моей монографии о генерале А. С. Бакиче (*Ганин А. В. Черногорцы на русской службе: генерал Бакич. М., 2004. С. 3, 99–100, 114–122, 125–129, 131–143, 151, 159–162, 166–169, 171–174*).

Ганин А. В. Оренбургские казаки на Дальнем Востоке в 1920–1922 годах // К истории русских революций: события, мнения, оценки. Памяти И. И. Минца. М., 2007. С. 636–662; Он

же. Оренбургские казаки в рядах Отдельной Уральской армии 1919–1920 гг. // Горыныч. Краеведческий сборник. Ч. 2. Уральск, 2007. С. 34–110; *Он же*. Судьба белого генерала: Александр Николаевич Вагин // Земля Иркутская (Иркутск). 2007. №1 (32). С. 97–100; *Он же*. Председатель Совета министров П.В. Вологодский и Отдельная Оренбургская армия // Белая армия. Белое дело. Исторический научно-популярный альманах (Екатеринбург). 2008. №16. С. 21–38; *Он же*. Оренбургское казачество и церковь в годы Гражданской войны 1917–1922 гг. // Русская православная церковь и Белое движение. Белая гвардия. Альманах. 2008. №10. С. 146–162; *Он же*. Адмирал А. В. Колчак и партия социалистов-революционеров: военно-политическое противоборство в ноябре-декабре 1918 г. // Военный комментатор. Военно-исторический альманах (Екатеринбург). 2009. №1(8). С. 21–37; *Он же*. Атаман А. И. Дутов // Белое движение: исторические портреты. Сост. А. С. Кручинин. М., 2011. С. 728–773; *Он же*. «Я Бога молил о том, чтобы скорей тебя увидеть». Последний роман генерала Бакича в документах // Черногорцы в России. Отв. ред. К. В. Никифоров. М., 2011. С. 239–268; *Он же*. Проблема пьянства в Оренбургском казачьем войске накануне и в период Гражданской войны // Новейшая история Отечества. Сб. науч. трудов. Вып. 4. Саратов, 2012. С. 45–53; *Он же*. Урянхайский поход Бакича // Родина. 2014. №7. С. 52–58; *Он же*. «Соловки» Ивана Матвеевича Зайцева // Воспоминания соловецких узников 1923–1939. Т. 2. 1925–1928. Соловки, 2014. С. 162–171; *Он же*. «Свой среди чужих и чужой среди своих»: полковник Федор Махин // От «германской» к Гражданской: становление корпуса народных вожаков русской смуты. Сб. статей и материалов. М., 2014. С. 16–59; «Отрицательные стороны прежнего институтского воспитания с культивированным пренебрежением ко всякому черному труду». К истории эвакуации Оренбургского Войскового женского Института из Оренбурга в Троицк в январе – марте 1919 года. Отчет из фондов штаба Оренбургского военного округа / Вступительная статья и публ. А. В. Ганина // Русское прошлое (Санкт-Петербург). 2012. Кн. 12. С. 125–135; *Он же*. Црногорац у служби Русије: генерал Бакић. Никшић, 2009; *Ганин А. В., Семенов В. Г.* Офицерский корпус Оренбургского казачьего войска 1891–1945. Биографический справочник. М., 2007; *Ганин А. В., Хайруллин М. А.* «Наблюдатель выскочил на крыло...» Авиационные формирования Южного Урала в 1918–1919 годах // Родина. 2007. №9. С. 74–79.

Подробнее см.: *Ганин А. В.* Закат Николаевской военной академии 1914–1922. М., 2014. С. 279.

Его заметка, посвященная Голодному походу, была ранее опубликована в приложении к книге о генерале А. С. Бакиче: *Ганин А. В.* Черногорец на русской службе: генерал Бакич. М., 2004. С. 227–228.

В другом письме Россихин пишет о сыне Илье 1898 года рождения и дочери Ксении 1903 года рождения.

¹⁰ РГВИА. Ф. 725. Оп. 45. Д. 1121. Л. 1.

¹¹ Там же. Л. 2.

¹² Там же. Лл. 2об.–3.

¹³ Там же. Л. 32об.

¹⁴ Там же. Л. 33об.

¹⁵ Там же. Л. 34.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. Л. 30.

¹⁸ Там же. Л. 37.

¹⁹ Там же. Л. 43.

²⁰ РГВИА. Ф. 725. Оп. 49. Д. 494. Л. 2.

²¹ Там же. Лл. 2–2об.

²² Там же. Л. 2об.

²⁴ Здесь и далее выделено в оригинале.

От ред. О самостоятельности тогда не говорил еще ни один народ, впоследствии ставший на путь госуд[арственной] независимости (прим. редактора журнала «Вольное казачество»).

- ²⁵ Исполнение «Боже, царя храни» на официальной церемонии в Челябинске летом 1918 г. представляется маловероятным.
- ²⁶ Сведения о том, что Дутов летом 1918 г. носил погоны с императорскими вензелями не соотвествуют действительности.
- ²⁷ Сохранена стилистика документа.
- ²⁸ На самом деле по чину генерал-майора, который Дутов получил 25 июля 1918 г., полагалось обращение «Ваше превосходительство». По чину полковника полагалось обращение «Ваше высокоблагородие». Очевидец отмечал, что в Челябинске на Дутове были еще полковничьи погоны (*Ганин А. В.* Атаман А.И. Дутов. С. 193).
- ²⁹ 1919 г.
- ³⁰ Станицы.
- ³¹ Официально именовался стрелковым.
- ³² Точные данные о численности и составе армии Дутова в этот период см.: Боевые расписания Юго-Западной и Отдельной Оренбургской армий / Вступит. статья, подготовка текста и комментарии А. В. Ганина // Казачество России в Белом движении. Белая гвардия. Альманах. 2005. №8. С. 213–218.
- ³³ В документе ошибочно – «армейских».
- ³⁴ Так в документе.
- ³⁵ В действительности позиции существовали почти исключительно на бумаге.
- ³⁶ В документе – «переживя».
- ³⁷ В документе – «в деле».
- ³⁸ Т. е. более, чем.
- ³⁹ В документе – «распропагандированные».
- ⁴⁰ Так в документе.
- ⁴¹ Так в документе. Деникин имел чин генерал-лейтенанта.
- ⁴² Резолюции: 12/ХІІ. Опер. Интересно, но устарело и без конца. Ку[сонский]. Получено без конца, если отыщется, текст вставить. Шт[абс-]ротм[истр] Арсен[ьев].
- ⁴³ Имеется в виду уфимская Директория в составе Н. Д. Авксентьева, В. Г. Болдырева, В. А. Виноградова, П. В. Вологодского и В. М. Зензинова.
- ⁴⁴ Начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал Д. А. Лебедев.
- ⁴⁵ На документе резолюция чернилами: Канц[елярия]. Доложено. Об[ращение] Войск[ового] атамана приказал направить в копии председ[елю] Краев[ой] Рады и председ[ателю] правительства. Полк[овник] Ожаровский 10/ХІІ. К письму прилагался портрет Дутова с его автографом (Государственный архив Ростовской области. Ф. 46. Оп. 1. Ф. 4208. Л. 1).
- ⁴⁶ Дутов имел в виду все же не казаков-мусульман, а башкир А.-З. Валидова.
- ⁴⁷ Речь идет о газете «Коммунар».
- ⁴⁸ Николая Романова.
- ⁴⁹ Не публикуются.
- ⁵⁰ Возможно, генерала Н. М. Комаровского.
- ⁵¹ В действительности IV Оренбургский армейский корпус.
- ⁵² Комаровского.
- ⁵³ Комаровскому.
- ⁵⁴ Карты не публикуются.
- ⁵⁵ Комаровского.
- ⁵⁶ Комаровский.
- ⁵⁷ Здесь и далее речь идет о донесениях Ходжеса. Вероятно, сокращение от Hodges mission.
- ⁵⁸ Здесь и далее в документе, видимо, ошибочно – Сиророва.
- ⁵⁹ Очевидно речь идет о так называемых «Дружинах Святого Креста».
- ⁶⁰ Этот офицер оставил воспоминания о путешествии через пустыню Гоби (*Kerangat. A travers le désert de Gobi* (mars 1920) // *La Géographie*. 1921. Т. XXXVI. №3. P. 340–349).
- ⁶¹ Река Черный Иртыш.

⁶² Белые оставили город 19 января.

⁶³ На самом деле только 21 марта 1920 г.

⁶⁴ В действительности, организованное сопротивление большевикам в Семиречье продолжалось до конца марта 1920 г.

⁶⁵ Комаровского.

⁶⁶ Основной причиной принятия Дутовым командования было то, что он считал себя ответственным за судьбу оренбургских казаков, избравших его атаманом.

⁶⁷ Автор дневника преувеличивает положительные свойства этого района и не учитывает реального состояния армии Дутова и ее снабжения (отсутствие зимней одежды и медикаментов, эпидемия тифа), что связано, на мой взгляд, с тем, что снабжение офицеров союзных миссий было несопоставимо с обеспечением и снабжением личного состава белых армий. В действительности, возможность армии Дутова выжить зимой в указанном районе вызывает сомнения.

⁶⁸ Правильно – IV корпус.

⁶⁹ Автор дневника излишне критично относится к служебному пути Дутова. В действительности будущий атаман участвовал в русско-японской и Первой мировой войнах, хотя его боевой опыт до Гражданской войны и был небольшим (только 1905 и 1916 годы, причем подробности службы Дутова в Маньчжурии неизвестны).

⁷⁰ Т. е. кавалер военного креста (Military cross).

⁷¹ Royal Field Artillery – Королевская полевая артиллерия.

⁷² По другим описаниям погода была не столь благоприятна для похода.

⁷³ В документе несогласованно – линии.

⁷⁴ Данная история скорее напоминает сплетню, поскольку ни железнодорожного моста, ни, тем более, его разрушения под Орском не было, передвигать поезд куда-либо было бесполезно, т. к. недостроенная железнодорожная ветка Оренбург – Орск в любом случае не позволяла эвакуироваться по железной дороге, поскольку контролировалась красными в узловом Оренбурге, а до Орска не доходила.

Речь идет об Александре Афанасьевне Васильевой из станции Остроленской 2-го (Верхнеуральского) военного округа Оренбургского казачьего войска.

⁷⁶ До 1917 г. губернатора с такой фамилией в Якутской области не было. Речь идет о коллежском советнике (позднее – статском советнике) бароне Дмитрие Орестовиче Тизенгаузене, который в период с 28 мая 1912 г. по 1914 г. был оренбургским вице-губернатором (Губернии Российской империи. История и руководители. 1708–1917. М., 2003. С. 431, 461–462).

⁷⁷ Эта оценка относится лишь к финалу борьбы оренбургских казаков, в более ранний период, который автор дневника не застал, картина была иной.

⁷⁸ Для таких суждений были объективные причины, о которых автор умалчивает.

⁷⁹ Ганин А. В. Южная армия Восточного фронта // История белой Сибири: Тезисы 4-й научной конференции 6–7 февраля 2001 г. Кемерово, 2001. С. 94–97.

⁸⁰ Архив Славянской библиотеки (Прага). T-RZIA. 6-958.

⁸¹ В углу резолюция: «Прошу В.В. Чернавина ответить по вопросам, запрашиваемым в наст. письме. 16/VI». (подпись неразборчива).

⁸² Подчеркнуто красным карандашом.

⁸³ ГАРФ. Ф.Р-5956. Оп. 1. Д. 195. Л. 1.

⁸⁴ Архив Славянской библиотеки. T-RZIA. 2-6-45.

⁸⁵ Архив Славянской библиотеки. T-RZIA. 6-958.

⁸⁶ В документе – «достигший».

⁸⁷ В документе – «перебрасываемого».

⁸⁸ Мемуарист сравнивает бои на реке Салмыш с кровопролитными боями Первой мировой войны на реке Стоход.

⁸⁹ В документе – «была расположена».

⁹⁰ В документе – «ст.ст.».

⁹¹ В документе – «ст.ст.».

⁹² В документе – «укрепившихся».

⁹³ Здесь и далее – мемуарист неточен. К августу прежних наименований армий уже не существовало. В середине июля 1919 г. Сибирская и Западная армии были реорганизованы в неотдельные – 1-ю (командующий – генерал-лейтенант А. Н. Пепеляев), 2-ю (генерал-лейтенант Н. А. Лохвицкий) и 3-ю (генерал-майор К. В. Сахаров) армии.

⁹⁴ Так в тексте.

⁹⁵ В документе – «ст.ст.».

⁹⁶ В документе – «гор.гор.».

⁹⁷ 13 сентября 1919 г. между станциями Берчогур и Мугоджарская состоялась историческая встреча разведчиков 3-й Туркестанской дивизии 1-й армии и войск советского Туркестана.

⁹⁸ Мемуарист ошибается. Челябинск был взят красными еще в конце июля 1919 г.

⁹⁹ Так в тексте.

¹⁰⁰ Так в тексте.

¹⁰¹ Так в тексте.

¹⁰² В документе – «сентября».

¹⁰³ В документе – «сентября».

¹⁰⁴ Так в тексте.

¹⁰⁵ Автор ошибается. Дутов был убит в феврале 1921 г. в Суйдине.

¹⁰⁶ Очерк впервые увидел свет в сборнике «Оренбургский казак», изданном в Харбине в 1937 г. и сохранившемся в России в единственном экземпляре в Государственном архиве Хабаровского края.

¹⁰⁷ Автор ошибается. Степной группой командовал генерал-майор Д. А. Лебедев, тогда как генерал-майор Н. М. Комаровский служил в Оренбургской армии и участвовал в описываемых событиях в составе IV Оренбургского армейского корпуса.

¹⁰⁸ 7 декабря по новому стилю.

¹⁰⁹ Также встречается написание Кара-сарык и Кара-Сарык.

¹¹⁰ Далее в статье – Бартала.

¹¹¹ 6 мая 1920 г.

¹¹² Воспоминания Н. В. Дутова были впервые опубликованы в сборнике «Оренбургский казак», вышедшем в Харбине в 1937 г. тиражом 500 экземпляров и сохранившимся до наших дней в библиотеке им. Гамильтона Гавайского университета в Гонолулу. Копия сборника была любезно предоставлена автору русским библиографом П. Полански. Автор очерка, племянник (к сожалению, точная степень родства неясна, поскольку у атамана был только брат Николай) и личный адъютант А. И. Дутова сотник Николай Дутов, служил в Атаманском полку отряда генерала А. С. Бакича, а позднее уехал в Суйдин к дяде, впоследствии жил в Тяньцзинь, где женился на гражданской супруге атамана.

¹¹³ Русская газета, издававшаяся в Шанхае.

¹¹⁴ Так в тексте. Правильно – Касымхан Чанышев.

¹¹⁵ Ганин А. В. Шестой побег генерала Зайцева // Родина. 2005. №3. С. 28–32; Он же. Большая игра генерал-майора И. М. Зайцева // Казачество России в Белом движении. Белая гвардия. Альманах. 2005. №8. С. 193–207; Он же. «Соловки» Ивана Матвеевича Зайцева // Воспоминания соловецких узников 1923–1939. Т. 2. 1925–1928. Соловки, 2014. С. 162–171.

¹¹⁶ Объяснения ген[ерал]-майора И. М. Зайцева, бывшего особоуполномоченного атамана Дутова и начальника штаба Оренбургской армии (прим. И. М. Зайцева).

¹¹⁷ Так в документе.

¹¹⁸ Здесь и далее в документе И. М. Зайцевым выделены пункты обвинения, которые он опровергает.

¹¹⁹ О чем просили Хивинское правительство и представители от населения Хивинского ханства (прим. И. М. Зайцева).

¹²⁰ Сердечное отношение и отеческую заботу об их семьях (прим. И. М. Зайцева).

121 П. П. Папенгут. В других документах Зайцева указан в чине поручика.

122 Н. М. Юдин.

123 Т. е. узбеком.

124 Так в документе.

125 Начальника штаба Верховного главнокомандующего.

126 В документе ошибочно – 1920 года.

127 В документе – отобрать его у меня.

128 Так в документе.

129 Шендриковы – семиреченские казаки, братья. Илья Никифорович (18.07. 1878 – 09.07.

1957) – студент Петербургского университета, исключенный за участие в политических демонстрациях (1901), член партии меньшевиков (вышел из партии в 1907 г.). Окончил Санкт-Петербургский университет, работал присяжным поверенным. Член Туркестанского комитета Временного правительства (1917). Юрисконсульт Главного управления по делам казачьих войск (Омск). Представитель Семиреченского войска при адмирале А. В. Колчаке. В эмиграции в Китае и США. Степан Никифорович (01.08. 1885 – не ранее 1947) – студент Санкт-Петербургского и Московского университетов, находился под надзором полиции, врач, член партии меньшевиков, депутат Всероссийского Учредительного собрания от Семиреченского казачьего войска. Член Сибирской областной думы. В эмиграции в Китае и Гонконге.

130 Ну, а если придется долго ждать, тогда следует издать правила о порядке «престолонаследия», хотя бы по женской линии (прим. И. М. Зайцева).

131 В статье ошибочно – Тюльери.

132 Нового стиля.

133 Точная дата возвращения Дутова в Оренбург – 7 июля 1918 г.

134 В действительности, 11 февраля 1919 г. Подробнее о челябинском совещании см.: *Газин А. В.* «Мозг армии» в период «Русской Смуты»: Статьи и документы. М., 2013. С. 582–597.

135 Реорганизация производилась на основании приказа Верховного правителя и Верховного главнокомандующего адмирала А.В. Колчака №181/оп от 23 мая 1919 г. Согласно этому документу Отдельная Оренбургская армия и Южная группа Западной армии переформировывались в Южную армию под командованием генерал-майора П. А. Белова.

136 Правильно – армия.

137 В действительности, начиная с весны 1917 г., монархизм Дутова по документам не проследживается.

138 Так в документе. Имеется в виду – совестил.

139 По всей видимости, речь идет о встрече Дутова с Колчаком в Троицке.

140 Супруга Дутова.

141 Имеется в виду внучка атамана, дочь Ольги Александровны Петровской.

142 Первый том дневников с упоминанием о том, что дочь Дутова учится в Английской школе Тяньцзиня, уже увидела свет (Китай и русская эмиграция в дневниках И. И. и А. Н. Се-ребренниковых, 1919–1934. В 5 т. Т. 1. «Пока же мы счастливы тем, что ничто не угрожает нам...» М. – Стэнфорд, 2006. С. 370).

АТАМАН БАЛАХОВИЧ: НАЧАЛО И ФИНАЛ

«ДОВЕСТИ НЕНАВИСТЬ... К
БОЛЬШЕВИКАМ ДО ОЗВЕРЕНИЯ».

ПОЛК С. Н. БАЛАХОВИЧА В ЛУЖСКОМ
УЕЗДЕ В 1918 Г.

*Н. А. Заяц (Воронеж), В. В. Кругликов
(Санкт-Петербург)*

Рассказывая о последних днях пребывания немцев во Пскове в конце 1918 г. и формировании в нём белой армии, белоэмигрант В. Горн упомянул о примечательном эпизоде: «Фактически всю власть вскоре захватили офицеры Балахович и Пермыкин. Они пришли тихонькие, скромненькие, но дурная слава ползла за ними по пятам. Оба офицера только что бежали из советской армии, считались там ярыми защитниками советской власти и в сем качестве успели кроваво и невероятно жестоко усмирить восстание лужских крестьян. Явившись теперь в Псков, они почувствовали подозрительное к себе отношение и потому в первый же день обратились к населению с печатным заявлением, в коем уверяли нас, что солдаты их не обидят населения и что отряд их пришёл грудью защищать край от большевиков. В частной беседе перед офицерами эти господа оправдывали свою гнусную роль у большевиков «соображениями высшей политики». «Да, – говорилось примерно, – мы усмиряли лужских крестьян, да, усмиряли кроваво, жестоко, но делалось это с определённой целью, – довести ненависть крестьян к большевикам до озверения, утопить в пламени народного гнева комиссарё автоматически...» Слушали и, конечно, не верили их циничному вранью, но в тот момент хватались за них, как за кучку более или менее энергичных людей»¹.

Насколько правдиво было такое оправдание и в чём конкретно состояла служба Балаховича у большевиков? Насколько честны слова известного

вождя «крестьянского повстанчества», которым С. Н. Булак-Балахович себя всегда позиционировал? В последнее время об этом историческом эпизоде появился целый ряд публикаций – наиболее серьезные из них принадлежат М. В. Васильеву, В. И. Хрисанфову и А. С. Кручинину². Настоящая работа имеет целью еще раз рассмотреть данный вопрос, обобщив и дополнив уже имеющиеся в научном обороте сведения, а также уточнив их, по возможности, на основе некоторых документов РГВА.

Октябрьская революция застала С. Н. Булак-Балаховича в известном партизанском отряде Пунина, где он в чине штабс-ротмистра командовал двумя эскадронами. С наступлением немцев в начале 1918 г. пунинцы оказались одними из немногих боеспособных солдат. Три их отряда под руководством И. М. Ставского отошли к Чудскому озеру, где дали успешный бой наступающим немцам. Вскоре командование пунинцами, которых оставалось не больше 50 человек, окончательно перешло к Балаховичу, который руководил своим отрядом при обороне Раскопельской бухты – базы Чудской флотилии. По воспоминаниям Я. Ф. Фабрициуса, он деятельно принимал участие в боях с немцами и в одной из стычек даже получил серьезное ранение в лёгкое, после чего был вынужден уехать на лечение³. По возвращении в апреле в Лужский уезд Балахович возглавил остатки отряда. На его базе он развернул свой Особый конный дивизион в составе РККА. Предполагалось, что часть будет охранять демаркационную линию в районе Чудское озеро – ст. Торошино. Очевидно, произошло это где-то на рубеже апреля-мая, так как до этого отряд, переименованный в осадный конный дивизион, располагался на базе флота в Раскопеле. На 17 апреля 1918 г., согласно документам, отряд им. атамана Пинина (так в оригинале) составлял всего 38 штыков и входил в состав Гдовского пограничного отряда. На 8 мая в нём было 33 человека, из них – 16 штыков, и он продолжал базироваться в Раскопеле, но после этого показывается как переведенный в город Гдов⁴. Дивизион был впоследствии развернут в 1-й Лужский партизанский полк С. Н. Балаховича в составе 4-й дивизии, позже переименованный в 3-й кавалерийский полк 3-й Петроградской дивизии. В документах он часто именовался «Особым конным полком» или «Особым конным дивизионом».

Формирование полка началось в Луге и на ст. Струги-Белые. Сохранившийся рукописный очерк неизвестного балаховца рассказывает некоторые подробности об этом процессе. Через месяц в Луге были сформированы два эскадрона: 1-й под командой штабс-ротмистра Стуканцева и 2-й под командованием штабс-ротмистра П. А. Аксакова. 3-й эскадрон должен был подойти из-под Ямбурга. Людьями по штату были укомплектованы пулемётная команда сотника Муравьева и артвзвод штабс-капитана Смирнова, также были сформированы, хотя и не пол-

ностью, сапёрный взвод и хозчасть. Балахович сам подбирали добровольцев, в основном кавалеристов и старых офицеров, которые составляли заметную часть полка. Кроме них, согласно воспоминаниям, в полку состояли местные добровольцы, крестьяне, деклассированные личности, уголовники, бывшие матросы и т. п.; во 2-й эскадрон были влиты чины расформированного польского корпуса. Но если людей набрать удалось, то вооружения остро недоставало. Так, в артвзводе имелось только одно орудие, и то смонтированное из нескольких негодных, находившихся на лужских складах⁵. Не хватало и лошадей, которых балаховцы начали самовольно реквизировать у населения, в свою очередь, недавно скупившего их за бесценок у демобилизованной армии. Это и обусловило первый конфликт с лужскими властями. Как сообщал председатель Лужского совета И. Л. Сондак, во второй половине апреля 1918 г. к нему в исполком пришли несколько крестьян Яблонецкой волости, которые пожаловались, что некий отряд бесплатно забирает у крестьян лошадей и фураж. При проверке сведений Лугу посетил Балахович и предъявил мандат на формирование дивизиона. Сондак, не удовлетворившись этим, послал запрос в штаб Петроградского военного округа, где подтвердили, что Балаховичу «нужно оказывать содействие»⁶.

Так Балахович был назначен начальником гарнизона города. Однако очень быстро проявилось поведение его партизан. Балаховцы вели себя вызывающе, отличались шумностью, безнаказанностью и тягой к воровству. Нельзя было не заметить в отряде большого числа офицеров и юнкеров, явно не дружественных советской власти. Балаховцы не стеснялись подчёркивать это даже внешним видом, – многие из них носили казачьи шапки, гусарские мундиры, стеки и т. п. В полку процветали пьянство и дебоши, бойцы в казармах регулярно устраивали скандалы с соседними частями. Наконец, балаховцы отметились незаконными поборами в деревнях. Сведений об этом сохранилось много. Т. В. Васильев вспоминал, как отряд Балаховича пришёл летом 1918 г. в деревню Нелай и насильно отнял овёс для лошадей. Возмущённые крестьяне после этого «поносили» советскую власть. А. П. Кузьмин, ушедший осенью из отряда, писал, что солдаты Балаховича «обижали крестьян», «пороли шомполами, отбирали лошадей»⁷. «Партизанский кавалерийский полк ещё задолго до перехода на сторону белых банд вполне выявил свою физиономию с самой отрицательной стороны», – вспоминал другой мемуарист, – «крестьяне деревень, через которые проходил Булак-Балахович, немало потерпели плёток, побоев за вполне понятное их сопротивление. При происходившем грабеже балаховских банд, грабежу которых потворствовал Балахович, грабёж был самого разнузданного характера и выразился не только в насильственной реквизиции лошадей, но даже в захвате совершенно не нужного для воинских частей имущества»⁸.

Все эти действия вкупе с начавшейся продрозвёрсткой, возможно, действительно и спровоцировали бунты: «Там, где только появлялись отряды балаховцев, якобы для «водворения порядка», при оказанном населением сопротивлении заградительным отрядам, – писал белоэмигрант, живший тогда в Луге, – там вспыхивали настоящие восстания, причём большей частью получалось так, что убитыми оказывались коммунисты или члены комбедов. Балаховцы после «горячего дела» с весёлыми песнями возвращались в Лугу с отбитыми у заградительных отрядов продуктами – зерном, мясом и хлебом»⁹. Лужский совет неоднократно сообщал об этом в Петроград, но обращения последствий не имели. Позднее в советских источниках было широко представлено мнение о том, что подобные действия Балаховича были вполне сознательны и направлены на дискредитацию большевизма. Председатель Псковского губисполкома докладывал на съезде советов: «...отряд вёл явно провокационную работу в деревне. На его зверские «реквизиции» и вообще его манеру от крестьян постоянно приходилось слышать жалобы. Когда вследствие этого поднималось крестьянское восстание, Балахович ехал и умирал его со страшной жестокостью...»¹⁰. В связи с этим встаёт вопрос: какова же реальная роль Балаховича в усмирении восстаний и их провоцировании?

Фактически роль Балаховича в подавлении захлестнувших Псковскую губернию восстаний представляется не самой значительной. В конце июля в связи с продрозвёрсткой поднялись восстания в Лудонской и Павской волостях Лужского уезда. Восставшие попытались захватить Лугу, но были разбиты на подступах к городу частями гарнизона. Отряд Балаховича позднее участвовал и в разоружении этих волостей. Вскоре началось масштабное восстание в ряде соседних волостей, на подавление которого пришлось отправлять многочисленные отряды из Великих Лук, Дно, Шамойлово и т. д. При этом началось оно с Порховского уезда, то есть в волостях, в которых до этого побывали балаховцы, что и могло создать впечатление, что восстание было спровоцировано ими. Точнее будет сказать, что произвол красноармейских отрядов сыграл косвенную роль, – основными мотивами к выступлению были реквизиции, продрозвёрстка, своеволие местных комбедов и мобилизация населения в армию, а раздуванием недовольства активно занимался контрреволюционный комитет «Спасения Родины»¹¹. Управляли им, по советским источникам, «известный эсер Новиков и кадет Волков». Две тысячи восставших перерезали железную дорогу Луга – Торошино. 27 июля уезд был объявлен на осадном положении, все коммунисты города мобилизованы. 7 августа с боем была освобождена ст. Новосельная, и мятежники в панике разбежались¹². На этом наиболее масштабные восстания в уезде завершились. Отряд Балаховича, как располагавшийся в Луге, разумеется, участвовал в этих событиях, хотя поведение его пока точно не выяснено¹³. В некоторых советских источниках есть утверждения о

расстрелах им крестьян, сожжении деревень и изнасиловании женщин, но без всякой конкретики¹⁴. Во всяком случае, в приказе по 3-й дивизии с перечислением лиц, отличившихся при подавлении восстания, Балахович даже не упоминается¹⁵.

Вскоре довелось Балаховичу принять косвенное участие и в подавлении восстания в районе ст. Струги-Белые, которым руководил племянник бывшего министра двора Фредерикс. Находившийся на станции со штабом военком 3-й бригады 3-й дивизии Я. Фабрициус обязал Балаховича помочь в усмирении. Тот прислал нескольких «партизан» под командой Войташа. Пять партизан вместе с Войташем и краскомом Травинским арестовали Фредерикса в его имении и доставили его на станцию, куда к этому времени проездом на Владимирский лагерь прибыл Балахович со своим полком. Фредерикс был отправлен им под конвоем партизан в Петроградскую ЧК, где и был расстрелян¹⁶.

Любопытно, что позднее в эмиграции балаховцы вообще пытались изобразить своё участие в карательных акциях как минимальное. Так, автор рукописи «Отряд Балаховича» утверждал, что деятельность полка заключалась в основном в разоружении крестьян: «В таких экспедициях полк старался по возможности без кровопролития добывать оружие, а конский состав пополнялся путем покупок и реквизиций, производимых местными комиссариатами»¹⁷. От подавления восстания полк якобы уклонялся: «Полк несколько раз пробовали употребить для подавления крестьянских восстаний, так, для ликвидации восстания в окрестностях Новгорода (село Медведь) был послан под командой шт[абс]-кап[итана] Смирнова отряд из двух взводов 1[-го] эскадрона при одном орудии и 4 пулемётах, причём было заявлено, что отряд предназначается для ликвидации вооружённой банды из германских военнопленных». В Новгороде отряд узнал, что им придётся подавлять крестьян и, отказавшись от усмирения, вернулся в Лугу с захваченными в городе (!) запасами патронов и пушкой. Однако та же рукопись указывает, что в одном из таких разоружительных «походов» был убит командир 1-го эскадрона Стуканцев¹⁸.

Если утверждения об «уклонении от подавлений» не выдерживают критики, то сложнее с «провоцированием» восстаний. В целом поведение Балаховича мало похоже на «доведение до озверения» и заключается в обычном подавлении восстаний, не отличающемся от действий других отрядов. В бесконтрольных реквизициях тоже трудно найти коварный умысел, тем более в войсках Балаховича, отличавшихся недисциплинированностью и распушенностью всю Гражданскую войну. Однако, возможно, стоит обратить внимание на свидетельство белоэмигрантского публициста, мичмана А. А. Геринга, будто он «по поручению полковника Балаховича подготовлял крестьянские восстания в мае-июне 1918 года» в Лужском уезде¹⁹. Если поверить этому свидетельству, то

создаётся впечатление, что единственной причиной для Балаховича спровоцировать эти восстания было намерение самому же их и подавить, чтобы продемонстрировать свою лояльность большевикам. В таком случае не так уж недостоверно смотрится свидетельство псковского большевика, который писал, что, когда Балаховича вызвали в штаб Петроградского ВО в связи с поведением отряда, он, «желая себя реабилитировать... едет подавлять кулацкое восстание около станции Новоселье и, возвратившись оттуда пьяным, с иронической улыбкой говорит в штабе дивизии: «теперь-то наверно не будут сомневаться в том, что я сторонник советского строя»»²⁰.

Хотя из-за недисциплинированности «партизан» отношения между Балаховичем и лужскими властями были напряжёнными, в тот период местные большевики, сильно зависевшие от военной силы, не имели возможности изменить обстановку в отряде. К тому же, несмотря на все свои своеволия, отряд отличался известной дисциплиной, хотя «дисциплина» эта была чисто партизанской и зависела только от позиции командира. Зачастую большевики даже оправдывали отряд. Так, после первых восстаний Лужский уездный совет выпустил воззвание, в котором вовсе отрицал какие-либо насилия: «...Все рассказы о чинимых будто бы красноармейскими отрядами грабежах и насилиях есть сплошная и наглая ложь. Всем красноармейцам, отправляющимся в деревню, объясняется и словесно, и письменно приказом, что ни одного грабежа, ни одной кражи, ни одного насилия, виновным прощено не будет, что это будет считаться самым тяжким преступлением против Советской власти и виновные будут расстреливаться. ...Но могут быть такие обстоятельства, которые вынудят начальника отряда прибегнуть к реквизиции продуктов на месте, выдавая законную квитанцию.

...Что никаких насилий и грабежей отряды не допускают и идут в деревню только для подчинения кулаков деревенским беднякам, которые потом это соответствующим образом оценивают, может свидетельствовать постановление Павской волости о подарке особому конному дивизиону, участвующему в разоружении кулаков Павской и Лудонской волостей, 1500 пуд. сена. Имеется также сообщение, что и Лудонская волость высказывает желание последовать примеру Павской»²¹.

Однако с окончанием крупных мятежей в уезде карательная деятельность отряда в основном завершилась, а буйное поведение отряда не прекратилось. Большие сомнения внушала и благонадёжность отряда. Многочисленные свидетельства показывают, что современникам не внушали доверия балаховские добровольцы, напоминавшие офицеров и юнкеров, шегольски одевавшиеся в офицерскую форму. Балахович вдобавок неявно культивировал в отряде «партизанские» настроения — например, ввёл в отряде казачьи кубанки с жёлтым верхом, чтобы отличать себя от других частей. По некоторым утверждениям, доходило до того, что он даже строил бойцов на вечернюю молитву²². Попытки на-

ладить партийную работу в полку провалились. Присланные в отряд коммунисты, по свидетельству самих балаховцев, вывозились в Раскопель, где и ликвидировались под предлогом боевой обстановки²³. Комиссар появился в полку только в сентябре. Телеграммой Военсовета 847, объявленной приказом по дивизии № 117 от 13 сентября 1918 г., им был назначен военный комиссар Ямбургского уезда Липняк²⁴. Но уже 15 октября он вернулся к исполнению прежних обязанностей, а новым комиссаром стал Кузьмичев – по словам Л. Сондака, «храбрый, но простодушный» бывший гусарский вахмистр²⁵. Уездная ЧК всё больше «присматривалась» к Балаховичу, подозревая его в контрреволюционных намерениях. Однажды при переходе из занятого немцами Пскова ею был арестован его приближённый – уже упоминавшийся Войташ. На допросе он утверждал, что в Пскове был «по личным делам». Известно, что он смог бы ещё сказать чекистам, но ночью неожиданно был убит конвоирами при попытке к бегству. Опасаясь гнева Балаховича, чекисты подготовили пулемёт и отряд из 30 человек. В итоге Балахович потребовал наказания виновных, выступив с речью в исполкоме. Трое конвоиров ЧК были арестованы, но позже по приказу начальства отправлены на фронт во искупление вины. От намерений разоружить Балаховича чекисты, тем не менее, не отказались, – в августе новый начальник ЧК И. А. Гунчуков начал организовывать операцию по разоружению полка, но из-за недостатка сил эту идею пришлось оставить²⁶.

Тогда они начали действовать через командование бригады. После неоднократных жалоб Гунчуков, Фабрициус и лужский уездный военком А. С. Булин организовали в Петрограде заседание с комиссаром Петроградского ВО Б. П. Позерном. По словам Фабрициуса, тот предложил три выхода: 1) разоружить полк; 2) командировать Балаховича на Восточный фронт с повышением, а в полк назначить командира-коммуниста; 3) отправить полк на Восточный фронт. Остановились на третьем варианте. «Балахович по-военному сказал: слушаюсь, но при этом доложил, что так как партизаны его полка разбросаны в Луге, Стругах-Белых, Торошине и Гдове, то он просит отправить полк не через 24 часа, а через четверо суток, когда он успеет их собрать. Разрешение было дано. Через четверо суток весь полк был собран и погружен в вагоны». Увидев полк на перроне, лужские представители изменили своё мнение и решили оставить на месте эту «реальную силу»²⁷, – события как раз совпали с августовскими восстаниями крестьян. В результате, по словам автора рукописи «Отряд Балаховича», удар от полка был отведён, но в обмен на условие, – его командный состав становится сочувствующим партии, а оружие полк добывает себе путём разоружения волостей²⁸. 25 августа дивизион Балаховича был включён в состав 3-й Петроградской дивизии и переименован в Кавалерийский полк (с 6 сентября – 3-й Петроградский). Временно командующему полком Балаховичу предписывалось немедленно увеличить его до штатного 4-х эскадрон-

ного состава, «обратив на сформирование эскадронов: 1-го и 2-го Особый конный дивизион, 3-го Гатчинский Краснокавалерийский эскадрон (Страхов), для 4 эскадрона выделить кадры распоряжением командира полка...»²⁹.

Так как для полка требовалось оружие, то приблизительно с сентября он начинает посылать разъезды для охраны границы и разоружения деревень – в окрестных селах находилось немало оружия и лошадей, за бесценок проданного солдатами крестьянам во время роспуска старой армии в начале 1918 года. Однако в итоге тут же проявились те же самые злоупотребления, которые всегда отличали балаховцев – порки, грабежи, мародёрство. По словам свидетелей, сам Балахович любил при этом приговаривать: «Это тебе от Советской власти». Жалобы на Балаховича посыпались теперь не только уездному, но и псковскому начальству, в результате чего внимание на него обратила и Псковская ЧК. Под видом ревизии учреждений была организована комиссия в составе заведующего отделом по борьбе со спекуляцией и саботажем Псковского ГубЧК Смирнова (председатель), командира отряда из 15 кавалеристов Дановского, чрезвычайного комиссара ГубЧК Свердлова, следователя губревтрибунала и представителя батальона войск ВЧК А. М. Ковета. Предполагалось разоружить отряд у ст. Кармышево, где Балахович проводил мобилизацию лошадей, но из-за неравенства сил чекисты отказались от этого плана и в итоге отправили Смирнова к Позерну с докладом о поведении отряда³⁰.

То, что Балаховичу удалось так долго пробить безнаказанным, во многом вызывалось обстоятельствами времени – слабостью советской власти и недостатком надежной военной силы, – на фоне которых широко распространилось своеволие отдельных лиц и отрядов. Другой из возможных причин может быть также поддержка Балаховича высокими защитниками в Петрограде, помощью которых он, судя по некоторым данным, успел заручиться. В ряде исследований с подачи некоторых советских мемуаристов утверждается, что полк якобы находился под покровительством и даже в единоличном распоряжении самого Троцкого, который будто бы даже разрешил ему не иметь комиссара. Однако сомнительно, чтобы Троцкий, видевший Балаховича в лучшем случае один раз во время его короткого пребывания в Москве в марте-апреле 1918 г., а с лета занятый боями на Восточном фронте, мог так уж сильно покровительствовать лужскому командиру. Более вероятно, что Балахович заручился поддержкой влиятельных лиц из руководства Петроградского военного округа, что было неудивительно в условиях 1918 года, когда у большевиков оказалось много высокопоставленных «старорежимных» военспецов, а контроль над ними военных комиссаров еще только налаживался. Да и большевистские кадры могли доверять старательному бывшему ротмистру, который неоднократно доказывал

свою верность советской власти. За данное предположение говорят некоторые свидетельства. Так, по словам Сондака, Балахович представил в Петроград план захвата Пскова, благодаря чему получил хорошее снабжение. Рукопись «Отряд Балаховича» сообщает, что был еще и материальный мотив поддержки Балаховича: при охране границы он активно занимался перехватом и контролированием контрабанды, что давало ему большие деньги. Часть захваченной им партии стеатита³¹ была отправлена в военный комиссариат округа, за что тот наградил полк новой униформой. За ней в начале октября в город отправился штабс-капитан Смирнов³². Заручился Балахович контактами и с контрразведкой 4-й дивизии, что позволило ему быть в курсе всех дел в отношении себя и обстановки за демаркационной линией³³.

Между тем в своих подозрениях советские власти были правы: служба Балаховича не была честной и лояльной. Контакты Балаховича с белым подпольем начались уже весной 1918 г. Сведения о них можно найти в сохранившихся воспоминаниях балаховцев.

Практически одновременно с формированием отряда на Балаховича вышли подпольщики: командующий Петроградским районом Северного участка завесы генерал А. В. Шварц и поручик В. К. Видякин, бывший контрразведчик, а к тому моменту сотрудник ВЧК. Встреча прошла у Видякина дома, на Каменноостровском проспекте в Петрограде. Было условлено, что в отряд войдут надежные офицеры, которым опасно находиться в Петрограде. Видякин познакомил Балаховича со своим земляком, Борисом Сергеевичем Пермикиным, который работал на большевиков под фамилией Орлов и отвечал за переправку офицеров и юнкеров в Псков и далее на Юг к генералу Алексееву. Его брат, есаул Всеволод Пермикин, уже находился в 1-м эскадроне отряда. Он в итоге и остался при Видякине. Однако в мае-июне 1918 г. группу Шварца раскрыли, и заговорщики были вынуждены скрыться. Видякин с В. С. Пермикиным перешли во взвод разведки полка: Пермикин – его командиром, а Видякин – рядовым под фамилией Ревтинский. Находясь в Раскопеле, именно этот взвод и осуществлял ликвидацию «неблагонадёжных» красноармейцев. В сентябре часть офицеров, включая Видякина, перешла в Псков. В итоге взвод был командованием расформирован, и В. С. Пермикин возглавил 1-й эскадрон полка, который в начале октября был переведён ближе к границе, в Спасо-Елеазаровский монастырь на берегу Чудского озера. В начале октября в полк прибыл уже разыскиваемый Б. С. Пермикин. По его словам, здесь узнал, что буквально накануне полк посещал Фабрициус и отдал приказ об его аресте. Однако Балахович был в тот момент занят переправкой крупной партии контрабанды и, сухо сообщив, что ничем не может помочь, отправил его в Елеазаровский монастырь, через который его переправили в Псков³⁴.

Связь с немцами держалась через Видякина, который имел возможность сноситься с Псковом под прикрытием своей разведывательной работы. Обращает, правда, внимание, что в документах полка его фамилия указывается именно как Видякин, а не Ревтинский, как писали мемуаристы. Дважды ему были отданы крупные суммы денег для агентурной работы. Через Видякина и было переправлено предложение о переходе полка в Псков и отправке его на Юг к Добровольческой армии. Но в начале октября немцами было разрешено сформировать белую армию непосредственно в Пскове. В связи с этим 16 октября Балахович созвал совещание своих приближенных в Елеазаровском монастыре, на котором присутствовал также командующий Чудской флотилией капитан 1 ранга Д. Д. Нелидов. На нём было принято решение о переходе полка и Чудской флотилии на сторону Северной армии. На следующий день была устроена встреча с представителем от белой армии Пскова. От имени Балаховича на ней присутствовали его брат и заместитель по полку – Юзеф Балахович и Всеволод Пермикин. Были выработаны условия перехода полка и флотилии. Так как псковское командование намеревалось после формирования армии начать наступление на красных, то решено было, что при благоприятной обстановке балаховцы поднимают бунт на месте, чтобы взять Лугу и Гдов, а также перерезать связь с Петроградом. Для этого намечалось «поднять крестьян в этом районе и получить от них лошадей и людей». В случае осложнений полк выходил в нейтральную полосу. Выступление намечалось к ноябрю: «1 ноября полк должен быть готов к исполнению приказаний, посланных из штаба за три дня перед выполнением их». Когда 21 октября Б. С. Пермикин в ходе импровизированного рейда захватил Талабские острова недалеко от монастыря, Балаховича предупредили, чтобы в случае приказа советского командования «производить обстрел неверный, что было им и исполнено»³⁵. Чтобы не раскрыть саботаж заговорщиков, бойцы отряда Пермикина на островах жгли костры, имитируя пожары от обстрела³⁶. Подпольщики пытались также привлечь к заговору и командира 3-й дивизии, но неудачно³⁷.

К 25 октября дислокация полка была следующей: 1-й эскадрон стоял в Елеазаровском монастыре, 2-й – на ст. Струги-Белые и 3-й – у мызы Новая; штаб полка находился в Луге. Численность его равнялась 1121 чел., из них комсостава 38, строевых солдат 883 и нестроевых 200. Полк имел 600 винтовок, 4 пулемета, 8 ружей-пулемётов и два 3-дм орудия. Лошадей верховых числилось 471, обозных 102 и артиллерийских – 28³⁸. Полк был ещё недоформирован, недовооружён и разбросан – видимо, поэтому Балаховичу удалось избежать отправки его на фронт, которой ещё 14 сентября требовал Полевой штаб³⁹. И всё же полк представлял собой немалую военную силу, весьма значительную по меркам тогдашнего времени. Это позволяло заговорщикам надеяться на успех в их планах по захвату целого участка фронта.

Однако события развернулись по-иному. 1-й эскадрон В. С. Пермикина неожиданно перешёл границу намного раньше. Описание этого эпизода в красных и белых источниках различается в деталях, но совпадает в основном. Накануне в эскадрон прибыла партийная комиссия для работы в части – по мнению белых, она также должна была выяснить связь В. С. Пермикина с его братом, который обратил на себя внимание красных после захвата Талабских островов. По случаю прибытия, а также в связи с неким поводом (как утверждают некоторые источники, годовщиной революции, хотя по новому стилю до неё было ещё две недели) было устроено «празднество» с выпивкой. Во время него Пермикин каким-то образом продемонстрировал свою «контрреволюционность». Конфликт закончился тем, что он застрелил одного комиссара, а остальных пленил. Понимая, что отступить ему некуда, он тут же собрал эскадрон и объявил ему, что направляется на освобождение Пскова. Эскадрон, разоружив по пути 6-ю роту 49-го Гдовского полка, перешёл границу у ст. Торошино и был тут же окружён и обезоружен немцами, которые разместили его в арестантских камерах. Через четыре дня кавалеристы были выпущены и пошли на формирование корпуса. Всего к белым ушло 400 человек с 2 орудиями. Поспешность перехода видна из того, что в монастыре были оставлены даже ящики со снарядами – позднее их пришлось переправлять к себе отряду В. С. Пермикина с Талабских островов⁴⁰. Тем не менее, по пути Пермикин успел послать верноподданническую телеграмму Я. Ф. Фабрициусу для отвода глаз⁴¹. Спустя два дня, узнав о произошедшем, к белым поспешно перебежали три парохода Чудской флотилии во главе с Д. Д. Нелидовым⁴².

Всё это поставило полк Балаховича под удар, что он и сам отлично понимал. К тому времени порядки у красных ужесточились. 21 октября вышел приказ Военного совета 3-й дивизии, которым был организован Военно-Революционный штаб Псковского района с размещением в Луге и введено осадное положение в Гдовском, Лужском, Торошинском и Псковском уездах⁴³. ВРПШ подчинялись все местные части: 3-я Петроградская дивизия, остатки Чудской флотилии, красноармейские части Гдовского, Лужского и Псковского уездов и пограничная охрана. Все три уезда объявлялись на осадном положении, из Петрограда прибыло 2 роты стрелков, 1,5 эскадрона кавалерии, артвзвод из 4 орудий и броневик. Таким образом образовался отряд в составе до 700 штыков при 160–170 саблях, с пулемётами и 4 орудиями⁴⁴. Часть отряда ушла на усиление охраны демаркационной линии, а другая осталась в Торошино. Приказ штаба №2 от 27 октября объявил: «...26 октября немецкими агентами, организующими в оккупированных местностях нейтральной зоны белую (северную) армию были подпоены красноармейцы 1-го эскадрона 3-го конного полка. Купленному белогвардейцами командиру эскадрона Пермикину удалось увлечь пьяных солдат на преступление и

увести в Псков к белогвардейцам. Объявляя об этом позорном случае ВРПШ предлагает считать вне закона всех, давших себя подкупить за Иудовы гроши, а напившихся и хотя временно изменивших долгу членов Красной Армии и её революционной товарищеской дисциплине, предать суду. Полевой штаб рад засвидетельствовать, что вся оставшаяся верной долгу большая часть Конного полка единодушно осудила предателей и заявила, что она будет их уничтожать беспощаднее, чем открытых врагов...»⁴⁵.

Действительно, так как с разбросанными частями нельзя было и думать о переходе границы, Балахович решил продолжать игру. Через день после перехода эскадрона к Фабрициусу в крайне подавленном состоянии явились братья Балаховичи, которые решительно осудили Пермикина и написали громкое воззвание к перебежчикам: «Воззвание было составлено в таком духе, что, мол, перешедшие наложили несмываемое пятно на отряд и на голову «бабки Балаховича», что все, кто искренно дорожит действительной свободой, должны немедленно вернуться к нам обратно, вырезать предварительно штаб немцев в Пскове и доставить живым или мёртвым изменника Перемыкина»⁴⁶.

Трудно сказать, насколько командование доверяло таким заявлениям, но внешне, по крайней мере, подозрения на Балаховича не пали. Приказом №1 ВРПШ он вошел в состав Военной коллегии Лужского уезда: «...Боевая подготовка всех частей, остающихся в Луге и установление порядка в Лужском уезде возлагается на военную коллегию в составе командира 3 Петроградского конного полка т. Балаховича, вр. командующего 16-м Гдовским полком тов. Тампофальского и уездного военного комиссара тов. Булина»⁴⁷. Для расследования обстоятельств перехода эскадрона Пермикина была сформирована особая комиссия, куда среди прочих вошёл и представитель полкового комитета полка Балаховича – Лев Рабинович. Комиссии предписывалось немедленно выехать в монастырь и предоставить материалы расследования в Полевой штаб к 1 ноября⁴⁸. Всё это довольно странно выглядит, учитывая, что неблагоприятных отзывов о Балаховиче у командования было достаточно. В связи с этим интересен следующий эпизод. Незадолго до захвата Талабских островов отрядом Пермикина 21 октября священник Талабска Л. Н. Колосов, сочувствующий советской власти и даже ставший председателем комбеда, вместе с главой исполкома учителем Яном Залитом посетил Фабрициуса и высказал ему недовольство произволом войск Балаховича, о которых шла молва по округе: «Сказал, что не доверяю Булаховичу, и чувствую, как меня Залит под стулом жмёт, а я ничего не понимаю. «Не нравится мне этот Булахович, не наш он человек». Товарищ Фабрициус покраснел и ответил, что он не согласен со мной, Булахович – преданный революции генерал. Пошли мы домой, а Залит мне и говорит: «Там Булахович сидел, а вы при нём, Леонид Нилович». Через две недели Булахович изменил революции»⁴⁹.

Так или иначе, красное командование всерьёз приступило к укреплению дисциплины. 28 октября 1918 г. приказом №157 по 3-й Петроградской дивизии Балаховичу объявлен выговор за неисполнение приказа о переименовании Особого конного полка в 3-й кавалерийский и указано на недопустимость использования старого названия в официальных бумагах⁵⁰. Вскоре полк с ревизией посетили Фабрициус, а также начальник штаба 6-й дивизии Плющик-Плющевский и заместитель комиссара Северной Коммуны Богатин. Устроив смотр, затем митинг и парад, они нашли полк в отличном состоянии и преподнесли ему от Северной Коммуны красное знамя, за что были в горячей речи отблагодарены Балаховичем. Однако обстановка не внушала сторонам взаимного доверия. Уездная ЧК категорически ставила вопрос о разоружении балаховцев; в конечном итоге был ускорен вопрос о переводе полка на фронт. До Балаховича, по словам белых мемуаристов, начали доходить слухи о планах его ареста, и когда 5 ноября Фабрициус отправил в Струги-Белые телеграмму о прибытии полка в Торошино, он заподозрил, что его собираются разоружить. К тому же в конце октября у него потребовали отчёт в трате денежного довольствия, так как среди красноармейцев отмечалось недовольство невыдачей жалования. Несмотря на оправдания Балаховича, что он якобы был вынужден тратить деньги на реквизиции, часто без расписок, его предупредили об аресте в случае растраты⁵¹. Ни арест, ни отправка на фронт Балаховичу не были нужны, поэтому неудивительно, что он вскоре перешёл границу, не успев даже собрать свои части в одном месте дислокации. К тому же была ещё одна причина столь поспешного решения. 3 ноября из полка в Псков отбыл солдат Георгий Яковсон, который встретился с доверенным лицом Пермикина, – сам подпоручик с небольшой частью эскадрона в это время отбыл в Гдов. На обратном пути Яковсона задержали. Хотя на допросе в ЧК он умолчал о цели своего перехода, при нем было найдено обращение Пермикина к партизанам и личная записка к Балаховичу. В обращении Пермикин призывал красноармейцев последовать его примеру, а в записке Балаховичу значилось: «Торопись, друг, Вас я оправдаю, а все остальные, служившие у большевиков, будут судиться. Любящий вас П.». Яковсон был расстрелян, но Балахович успел выиграть время. Возможно, до него дошла весть об аресте его агента, что и стало последним аргументом в пользу побега⁵².

По словам автора рукописи «Отряд Балаховича», всё было организовано следующим образом: Балахович собрал совещание офицеров-подпольщиков своего полка – это были его брат Юзеф, сотник Муравьев, ротмистр Аксаков и капитан Смирнов. Для маскировки было решено отослать в Торошино эшелон с самыми неблагонадёжными солдатами, негодными подводами и несколькими больными лошадьми. Начальником эшелона по жребию выбрали заведующего хозяйством. 6-го ноября

эшелон в составе 40 солдат был отправлен со станции Струги-Белые в Петроград. Погрузка следующего планировалась на следующее утро, но в ту же ночь с 5 на 6 ноября 2-й эскадрон с пулемётной командой, снявшись, вышел к ст.Торошино⁵³.

На ней находилась рота пехоты с бойцами караульной роты и эскадрон кавалерии, который был двинут навстречу балаховцам. Последние неожиданно повернули в сторону и перешли демаркационную линию у ст. Карамышево. Вскоре выступил и 3-й эскадрон под командой Аксакова силою в 160 человек при 2 пулемётах. Он двинулся в направлении шоссе Порхов – Псков и перешёл границу утром 7 ноября у деревни Дубоновичи. Пойманные балаховцы ссылались на то, что Аксаков их спровоцировал и вёл по распоряжению Булак-Балаховича на ст. Торошино⁵⁴.

Автор рукописи «Отряд Балаховича» утверждает, будто бы на преследование был отправлен эскадрон 3-й дивизии, подкреплённый конной разведкой, но у деревень Малое и Большое Болото он увяз и был целиком уничтожен огнем балаховцев. На самом же деле отряд балаховцев ушел без сопротивления. Оказавшись на нейтральной территории, он растерялся, большая часть его отказалась подчиняться переходу в Псков и разбежалась⁵⁵. Высланными советским командованием двумя эскадронами было возвращено до 2 сотен полка, а третья позднее пришла пешей. Всего с Балаховичем ушло около 120 человек, которые, пленив по пути с десятков пограничников и чекистов, пришли в Псков к 8 ноября⁵⁶. На сборе в губернаторском саду полк сдал винтовки немцам и был перемещён в арестантские помещения. На прощание Балахович оставил лично Фабрициусу записку, в которой угрожал уничтожить его Ревштаб⁵⁷. Не забыл он прихватить и кассу. Вскоре отряд был выпущен и отдан на пополнение Северной белой армии. Сам Балахович стал выпускать листовки, в которых заявлял о себе как о защитнике измученного крестьянства, Родины, православия и всех русских людей от большевистского произвола.

При этом уже в момент своего перехода Балахович успел опровергнуть свои дальнейшие слова о «доведении до озверения». Согласно докладу главы Карамышевского ревкома, даже в горячке побега балаховцы продолжали грабить: «Настроение крестьян к белым дурное, как и должно быть, потому что, привыкнув грабить, они не могут утерпеть. Проезжая, творили следующее бесчинство: приходили к хозяину и требовали, чтобы им было дано то, чего желают, а лошадям овса, и если чего у хозяина не было, то они после требования приступали к обыску, искали и требовали большую частью свинины, да ещё жирной, заявляли во всеуслышание и громко, что они белогвардейцы»⁵⁸.

Фабрициус издал приказ, которым предписывал разоружить остатки полка и задерживать всех его военнослужащих: «Теперь совершенно ясно, что грабежи и насилия, чинимые этим полком над мирным насе-

лением, производились умышленно по заранее составленному плану, чтобы вооружить население против Красной Армии. Следует широко оповестить об этом население»⁵⁹. Оставшиеся красноармейцы были направлены на пополнение других частей; так, приказом от 17 ноября отбитый у Балаховича «полуэскадрон Страхова бывшего 3 Петроградского кавалерийского полка в составе 92 человек и 38 лошадей» был направлен на формирование конного полка 6-й стрелковой дивизии⁶⁰. Очевидно, благодаря этому приказу версия о сознательной компрометации советской власти Балаховичем и утвердилась в советской литературе. О том, что отряд Балаховича провоцировал население под видом отрядов Красной Армии и ЧК, так же как и белые отряды из Пскова, сообщалось в Псковский губком⁶¹. Уже через год Петроградская ЧК расстреляла бывшего взводного инструктора полка Б. М. Ковалёва, который «был назначен начальником разоружительного отряда одной из волостей Лужского уезда» с формулировкой: «Своё назначение использовал прекрасно с точки зрения Балаховича, цель которого была в подобных случаях создать враждебное отношение всех крестьян без различия их имущественного отношения к Советской власти вообще и к Красной армии в частности. Ковалёв при выполнении своей задачи выполнял максимум грубости и злонамеренной жестокости, которые сопровождалась незаконными реквизициями, беспричинными арестами крестьян, вымогательствами, кражами, продажей краденого и т. д.»⁶².

Полностью исключить подобные мотивы, конечно, нельзя, но вряд ли с этой точки зрения можно объяснить все данные случаи. Войска под командованием Балаховича и позднее отличались своеобразием, вымогательством и насилиями, вне зависимости от того, требовалось это или нет.

Можно заключить, что позиция Балаховича к советской власти с самого начала не была честной. Используя свои временную безнаказанность, вызванную слабостью власти, и время от времени «доказывая» лояльность, он занимался укреплением личной власти и тайным обогащением, одновременно завязав надёжные контакты на будущее с контрреволюционным подпольем. Его переход на сторону белых был неизбежен и задерживался только обстановкой и отчасти личными мотивами. В деятельности же Балаховича в Красной Армии трудно заметить какую-то организованную работу по компрометации власти, — скорее, это были присущие Балаховичу сложные интриги, которыми он в полной мере был занят во время своих противоречивых действиях на службе у большевиков и белого подполья.

Тем не менее, служба у красных дала Балаховичу определенный опыт — он смог возглавить крупную часть, построенную на принципах «партизанщины». Уже первые его шаги на поприще Гражданской войны отмечены склонностью к партизанским традициям отряда Пунина. Он организовал и контролировал немалый отряд — в том числе благодаря

личной популярности среди солдат, попустительству их настроениям, материальному удовлетворению приближённых, опоре на офицерскую прослойку полка и их «старорежимные» настроения. Хотя в итоге боеспособность и преданность полка «атаману», как показал переход в Псков, были весьма относительны, а бойцы Балаховича ни в одном из проведённых им сражений не демонстрировали ни строгой дисциплины, ни выдающихся боевых качеств, «партизанщина» вполне спланировала его войско в единое управляемое целое, придавала солдатам заметную в условиях слабости армий гражданской войны боеспособность, а главное, отвечала желаниям самого Балаховича: быть независимым от любого командования и лично возглавлять подчиненных, не только как командир, но и как неформальный лидер. Последнее достигалось во многом путем откровенной игры на солдатских настроениях и потакания грабёжам и произволу – в 1919–20 гг. они станут фактически способом снабжения его армий. Неслучайно даже внешне его часть выделялась экзотическими отличиями, что работало на психологию бойцов. При этом партизанские методы имели тщательно контролируемый предел и вполне сочетались с организацией и боевой тактикой по образцу регулярной армии. На фоне этой картины утверждения о «доведении до озверения» смотрятся малодостоверно.

Прославившийся произволом, участвовавший в подавлении крестьянских выступлений и отличившийся внешне лояльной службой большевикам, Балахович был неласково встречен в белом Пскове, поэтому неудивительно, что он с отличавшим его цинизмом воспользовался пропагандой большевиков и переделал её на свой лад для самооправдания. В действительности военные преступления, неизбежные на войне, а тем более в «партизанском» войске, являлись неотъемлемой чертой его военно-политической практики: Балахович был одним из тех многочисленных повстанческих вождей, кто превратил этот недостаток в своё преимущество. Это не помешало ему впоследствии позиционировать себя как «защитника» и «вождя» крестьянства и делать ставку на его привлечение как самого массового слоя населения. Данная тактика умело сочеталась и с грабежами мирного населения, – например, в 1920 г. во время боев в Белоруссии Балахович будет попустительствовать грабежу его солдатами евреев и одновременно платить награбленным крестьянам за реквизиции. Однако повстанческая тактика имеет свои особенности, а грабежи населения плохо сочетаются с его привлечением на свою сторону, поэтому и неудивительно, что успехи Балаховича на военном поприще оказались куда скромнее его амбиций.

Остается заметить, что, хотя истории деятельности отряда Балаховича в Лужском уезде посвящено немало отдельных статей, этот эпизод всё ещё содержит неясности, так как сейчас в распоряжении исследователей в основном мемуарные и опубликованные источники. Более полную

историю отряда Балаховича следовало было бы раскрыть на основе архивных материалов, что, однако, требует серьезной работы и долгого поиска. Например, в фонде РГВА №1171 с приказами по 6-й Орловской (бывшей 3-й Петроградской) дивизии данные о полке Балаховича практически отсутствуют, что, возможно, вызвано изъятием их следственной комиссией, направленной на расследование измены. Фрагментарны и данные фонда №862 штаба Северного участка завесы. Однако не исключено, что в архивах ещё найдутся документы, которые смогут полнее раскрыть эту небезынтересную страницу истории гражданской войны.

*Авторы статьи благодарят за помощь Евгения Сидорука
(г. Брест, Республика Беларусь).*

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Деникин, Юденич, Врангель. Революция и гражданская война в описании белогвардейцев. Сост. С. А. Алексея. М.: Отечество. 1991. С. 275–276.

² *Кручинин А. С.* «От двуглавого орла к красному знамени»... И из-под красного знамени к белому кресту: С. Н. Булак-Булахевич в 1918–1919 гг. // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Ч.1. СПб., 2010. С. 373–383; его же. С. Н. Булак-Балахович и балаховцы в борьбе за Псков осенью 1918 года // Война и оружие. Труды IV-й Международной научно-практической конференции. 15–17 мая 2013 года. Ч.П. СПб, 2013. С. 393–406; *Хрисанфов В. И.* 1918 год: пребывание С. Н. Булак-Балаховича в Луге // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2010. №2. С. 306–316; *Васильев М. В.* Атаман С. Н. Булак-Балахович: появление батьки // От «германской» к Гражданской: становление корпуса народных вожаков русской смуты. М.: АИРО-XXI, 2015. С. 155–167.

³ *Хорошилова О. В.* Всадники особого назначения. М.: Фонд «Русские Витязи», 2013. С. 192; *Фабрициус Я., Травинский А.* Две измены // Гражданская война. 1918–1921. М.: Военный вестник, 1928. С. 249–250.

⁴ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 862. Оп. 1. Д. 278. Лл. 79, 86.

⁵ Архив Дома русского зарубежья им. А. И. Солженицина (ДРЗ). Ф. 39. Оп. 2. Д. 13. Лл. 3–3об.

⁶ *Хрисанфов В. И.* Указ. соч. С. 311.

⁷ Там же.

⁸ *Салкина О. В.* «По первому зову...» // Псков. Научно-практический, историко-краеведческий журнал. 2009. № 30. С. 171.

⁹ Нео-Сильвестр Г. [Гроссен Г. И.]. Батько Булак-Балахович: (Рассказ судебного следователя) // Возрождение. Тетрадь 16. Париж, 1951. С. 117–118.

¹⁰ *Васильев М. В.* Учёт и реквизиция продовольствия в Псковской губернии 1917–1920 гг. // Псков. Научно-практический, историко-краеведческий журнал. 2012. №37. С. 130.

¹¹ *Васильев М. В.* Крестьяне Порховского уезда в годы испытаний. 1917–1919 гг. // Псков. Научно-практический, историко-краеведческий журнал. №32. 2010. С. 193; его же. Внутренний фронт Гражданской войны на Северо-Западе России. 1918 – 1920 гг. [Электронный ресурс] / М. В. Васильев // Гуманитарные научные исследования. 2012. Июнь. Режим доступа: URL: <http://human.snauka.ru/2012/06/1343>.

¹² *Мальшев М. О.* Оборона Петрограда и изгнание немецких оккупантов с северо-запада в 1918 году. Л., 1974. С. 31–33.

- ¹³ *Калкин О. А.* На мятежных рубежах России. Очерки о псковичах – участниках Белого движения на Северо-Западе в 1918–1922 гг. Псков, 2003. С. 77; *Васильев М. В.* Учет и реквизиция продовольствия... С. 130.
- ¹⁴ *Черепанов А. И.* Строители Красной Армии // Питерцы на фронтах Гражданской войны. Л., 1970. С. 42; *Корнатовский Н. А.* Борьба за красный Петроград. М., 2004. С. 69.
- ¹⁵ РГВА. Ф. 1171. Оп. 1. Д. 202. Л. 3.
- ¹⁶ *Фабрициус Я., Травинский А.* Указ. соч. С. 251.
- ¹⁷ ДРЗ. Ф. 39. Оп. 2. Д. 13. Лл. 4об.–5. Записи Б. С. Пермикина «Талабск».
- ¹⁸ Там же. Л. 5.
- ¹⁹ *Кручинин А. С.* «От двуглавого орла к красному знамени»... С. 379.
- ²⁰ *Дроздов В.* Балахович в Пскове // Спутник большевика. Псков, 1926. №10–11. С. 69.
- ²¹ Борьба большевиков за установление и упрочение Советской власти в Петроградской губернии (1917–1918). Л., Лениздат, 1972. С. 361.
- ²² *Галич Ю. [Гончаренко Г. И.]*. Красный Хоровод. Кн. 1. Рига, 1929. С. 142.
- ²³ ДРЗ. Ф. 39. Оп. 2. Л. 13. Лл. 4об.. 6.
- ²⁴ РГВА. Ф. 1171. Оп. 1. Л. 200. Л. 128.
- ²⁵ РГВА. Ф. 1171. Оп. 1. Д. 200. Л. 128; *Хрисанфов В. И.* Указ. соч. С. 311.
- ²⁶ *Хрисанфов В. И.* Указ. соч. С. 312.
- ²⁷ *Фабрициус Я. А., Травинский А.* Указ. соч. С. 251–252.
- ²⁸ ДРЗ. Ф. 39. Оп. 2. Л. 13. Л. 4об.
- ²⁹ РГВА. Ф. 1171. Оп. 1. Д. 200. Л. 107
- ³⁰ *Хрисанфов В. И.* Указ. соч. С. 312.
- ³¹ Стеатит (в источнике – «мыльный камень») – необработанная тальковая руда, используется в ювелирной промышленности.
- ³² ДРЗ. Ф. 39. Оп. 2. Д. 13. Л. 7.
- ³³ *Дроздов В.* Указ. соч. С. 68.
- ³⁴ ДРЗ. Ф. 39. Оп. 2. Д. 139. Л. 67.
- ³⁵ Крах германской оккупации на Псковщине. Под ред. А. Л. Фраймана. Л., 1939. С. 226–227.
- ³⁶ *Пермикин Б. С.* Генерал, рождённый войной: из записок 1912–1959 гг. М., 2011. С. 50.
- ³⁷ ДРЗ. Ф. 39. Оп. 2. Д. 139. Л. 78.
- ³⁸ *Корнатовский Н. А.* Указ. соч. С. 52.
- ³⁹ *Кручинин А. С.* С. Н. Булак-Балахович и балаховцы в борьбе за Псков осенью 1918 года. С. 395.
- ⁴⁰ ДРЗ. Ф. 39. Оп. 2. Д. 139. Л. 92.
- ⁴¹ *Корнатовский Н. А.* Указ. соч. С. 53.
- ⁴² Сборник документов и материалов по истории Псковского края (IX–XX вв.). Псков, 2000. С. 450.
- ⁴³ РГВА. Ф. 1171. Оп. 1. Д. 202. Л. 14. Фабрициус, путая события, ошибочно пишет в воспоминаниях, что штаб был организован после бегства Пермикина.
- ⁴⁴ Директивы командования фронтов Красной Армии (1917–1922 гг.). Т. 1. М., 1971. С. 248; *Фабрициус Я., Травинский А.* Указ. соч. С. 253.
- ⁴⁵ РГВА. Ф. 1171. Оп. 1. Д. 202. Л. 10.
- ⁴⁶ *Фабрициус Я., Травинский А.* Указ. соч. С. 253.
- ⁴⁷ РГВА. Ф. 1171. Оп. 1. Д. 202. Л. 8.
- ⁴⁸ Там же. Л. 10.
- ⁴⁹ *Рахтанов И.* Колосов, или Александровский посад, или Талапские, или Залитские острова // На шипотах времени. М.. Советский писатель, 1980. С. 15.
- ⁵⁰ РГВА. Ф. 1171. Оп. 1. Д. 200. Л. 175.

⁵¹ *Фабрициус Я., Травинский А.* Указ. соч. С. 254. Показательно, что обвинения в хищениях адресовались С. Н. Балаховичу ещё в 1917 году, когда он был членом военного комитета пунического отряда.

⁵² *Журибеда Ж.* У истоков. Несколько страниц из истории Псковской ЧК // *Источник. Повести и рассказы о чекистах Псковщины.* / Сост. С. Я. Кутаевский. Л., Лениздат, 1990. С. 9–10.

⁵³ ДРЗ. Ф. 39. Оп. 2. Д. 13. Л. 8.

⁵⁴ *Корнатовский Н. А.* Указ. соч. С. 60.

⁵⁵ ДРЗ. Ф. 39. Оп. 2. Д. 13. Л. 9; *Калкин О. А.* Указ. соч. С. 78.

⁵⁶ *Фабрициус Я., Травинский А.* Указ. соч. С. 255; Крах германской оккупации на Псковщине... С. 228–229.

⁵⁷ *Салкина О. В.* Указ. соч. С. 171.

⁵⁸ Крах германской оккупации на Псковщине... С. 230.

⁵⁹ Борьба большевиков за установление и упрочение Советской власти в Петроградской губернии... С. 397.

⁶⁰ РГВА. Ф. 1171. Оп. 1. Д. 200. Л. 192.

⁶¹ *Ермоленко Т. Ф., Морозова О. М.* Погоны и будёновки: гражданская война глазами белых офицеров и красноармейцев. Научное издание. М.: Российский гуманитарный научный фонд, 2013. С. 153.

⁶² Известия Петроградского Совета Рабочих и Красноармейских депутатов. 1919. №114. 23 мая.

«БАЛАХОВЦЫ»: ПОСЛЕСЛОВИЕ. ОТДЕЛЫ БЫВШЕЙ ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМИИ ГЕНЕРАЛА С. БАЛАХОВИЧА НА ТЕРРИ- ТОРИИ ПОЛЬШИ В 1921–1939 ГГ.

А. Н. Чернякевич

(Гродно, Республика Беларусь)

Каждая война, кроме непосредственно жертв и разрушений, оставляет после себя в обществе глубокую социально-психологическую травму, проявления и последствия которой бывают самыми разнообразными. К ним можно отнести и существование группы бывших военных, по разным причинам не нашедших своего места в послевоенном мире. Вчерашние герои часто становятся изгоями, источником бесконечных конфликтов и своеобразным укором обществу за прошлые ошибки. Постепенно, однако, и они приспособляются, свыкаются со своей ролью, чтобы – иногда спустя десятилетия – вновь напомнить о себе, уже в зареве нового конфликта. Примерно такой оказалась судьба бывших солдат генерала Станислава Балаховича в Польше...

О самом генерале – его политической карьере, военных операциях, – написано уже немало. Авантюрист, «генерал с изюминкой»¹, проявивший себе как «гениальный командир партизанской дивизии»², или, точнее, «подразделения наемников, имеющих большой боевой опыт»³. Но если для одних он был не более чем «полезным преступником...»⁴, то для других – воплощением сознательного морального выбора сопротивления насилием – насилию⁵. Он любил, чтобы подчиненные называли его «батяка», да и сам в своих обращениях ни раз повторял: «...Я, батяка Балахович»⁶. Почти так же охотно, по крайней мере, в начале своей карьеры, использовал вместе со своим званием титул «атамана»: «Атаман крестьянских и партизанских отрядов», «командующий войсками Гдовского района, Атаман...», «Атаман [...] и командующий войсками Псковского и Гдовского районов» и т. д.

«Я, атаман Народной Добровольческой армии, – приказываю красным войскам и русскому населению – приготовиться к встрече моих войск.

Это значит: 1) подготовиться к переходу из Красной Армии в Народную армию и выдать комиссаров и коммунистов. 2) Не стрелять по моим отрядам, тогда я никого не трону и сам стрелять не буду. 3) Помнить, что я народный атаман и потому народу меня бояться нечего. Я воюю не за царскую и не за барскую помещичью Россию, а за землю и хлеб для всего народа, за Всенародное Учредительное собрание. Я не допускаю ни грабежей, ни насилий. Я хочу добыть народу полную свободу. Я хочу прекратить гражданскую войну, а для этого надо разоружить Красную Армию и распустить ее по домам. 4) Знайте: у меня служит только тот, кто хочет. За службу я плачу жалование. За обиды населению я жестоко наказываю. 5) Всякий может прийти ко мне со своим горем и нуждой. Я каждому посильно помогу. 6) Всем, кто хочет мира, порядка, свободы и хлеба – смело идти ко мне. Меньше разговора – больше дела. Нам надо скорее кончать кровопролитие. Все помогайте мне. Я иду во имя народа, для народа и с народом. Да здравствует освободительница России – Народная Добровольческая армия»⁷.

Уже в самом этом обращении достаточно точно и лаконично отражен сам дух эпохи, когда десятки бывших военных, вместо старой, отошедшей в небитие иерархии, превратилось в харизматических руководителей полукриминальных милитаризованных формирований времен Гражданской войны. Но даже революционная стихия требует легитимизации авторитета лидера. В результате, постепенное обращение «Батька» получает почти сакральный характер, а сами отношения между командиром и его подчиненными – новое, патриархальное содержание. Это только на первый взгляд, идеология бунта строится исключительно на деструкции. На самом деле, она заменяет одни связи на другие, срабатывая как своего рода «социальная магия», когда более важным оказывается не сама идея, а форма её реализации, ритуал, что может оказаться куда более эффективным, чем вербальная форма пропаганды. Как пишет О. Латышенко, к осени 1920 г. само слово «балаховец» уже стало нарицательным и обозначало «белоруса, воюющего с оружием в руках против коммунистов»⁸.

«...Повсюду чувствуется одно: это не «генерал приехал на смотр»; это не только начальник – это предводитель, – отмечал журналист варшавской «Свободы» во время смотра частей Балаховича в сентябре 1920 года, – он находит понятные слова для кавказцев; батарею маленьких штурмовых пушек, состоящей из поляков, он дает возможность щегольнуть образцовой быстротой и точностью работы; он заходит в казарму донской казачьей батарее и просто, в кружке, беседует с казаками и слушает их песни. Он знает и понимает каждого, чувствует, кому и что нужно и умеет заставить понять и почувствовать, что ему «Батьке», ему, генералу Балаховичу – нужно. И ему дают то, что он хочет: доблесть, стойкость и мужество...

... Возможно, что кому-нибудь придет в голову заключение: генерал Булак-Балахович большой хитрец и политик. Ничуть. Если он знает и понимает своих людей, то потому, что он сам чувствует и думает заодно с ними. Солдата, казака нельзя обмануть: он всегда угадает, что кроется под искусственным демократизмом, всегда узнает того, для кого демократизм средство для достижения каких-либо целей, или только манера. Генерал Балахович действительный демократ, каким можно только быть, но нельзя казаться. В этом его сила. В этом секрет того доверия, которое к нему питают его солдаты – «сынки», как он их зовет – этим объясняется и то, что он «Батько». Генерал Балахович не политик: для него существуют только большевики и задущенная Россия, как он сам существует только для России ...»⁹.

Прошло чуть больше месяца, и остатки этой армии, неся тяжелые потери, перешли демаркационную линию, где были разоружены польскими войсками и оказались интернированными (некоторые части, однако, оставались еще известное время на нейтральной территории)¹⁰. Согласно донесениям командования 4-й польской армии, до 28 ноября 1920 г. польскую границу перешли части 2-й и 3-й дивизий С. Балаховича с частью обоза и артиллерией. До конца месяца были интернированы 3150 солдат, 500 офицеров и полк донских казаков. 30 ноября границу перешел сам С. Балахович – он был ранен, но, несмотря на это, вместе с Белорусским политическим комитетом немедленно отбыл в Варшаву. Последними демаркационную линию перешли партизанский полк Вознесенского и остатки Смоленского полка, всего около 2 тысяч человек¹¹. Всего в лагере в Лунинце было интернировано 884 офицера и 6936 солдат из армии генерала С. Булак-Балаховича, большую часть которых позже отправляли по железной дороге в Калиш. При этом, согласно донесениям польских офицеров, «при сдаче оружия часто случались оскорбления по отношению к солдатам и офицерам Балаховича». Пользуясь случаем, польские военные старались поживиться у бывших товарищей по оружию, отбирая у них... награбленное¹².

Еще в середине декабря 1920 года начальник польского Генштаба генерал-поручик Розводовский высказался за то, чтобы сохранить из всей бывшей армии только «ядро, представляющее из себя слаженный военный материал» числом до 3 тысяч, и сам штаб. Остальных следовало изолировать в лагерях под сильной охраной¹³. Сам генерал Балахович из всех сил пытался продолжать войну против Советской России, для чего ему была необходима, пусть и не официальная, поддержка со стороны польского правительства. 1 февраля 1921 г. в Варшаве на тайном собрании вместе с представителями Белорусского политического комитета и организации Зеленого дуба было решено продолжить партизанскую войну против большевиков под руководством С. Балаховича. С этой целью следовало обратиться к польским властям с просьбой сформировать

из бывших солдат-балаховцев рабочие дружины, которые бы располагались в Малорите, Косово, Беловеже и Друскениках, и тем самым оградить их как от коммунистической агитации, так и от нежелательного влияния со стороны Российского политического комитета. Дело, однако, затянулось до середины апреля, к этому сроку удалось создать только одну дружину под руководством полковника Жгуна. Одновременно Балахович старался ускорить и упростить процесс увольнения своих бывших солдат в запас¹⁴.

Вместо этого были созданы рабочие дружины при 4-й армии из тех солдат, которые не подверглись интернированию. Согласно польским данным на начало февраля 1921 г., в момент их максимального развития, белорусские рабочие дружины в целом насчитывали 1555 человек. Среди прочего, они использовались и для организации диверсионных групп для переброски на территорию Советской России. Правда, как отмечает З. Карпус, их состав быстро уменьшался, что было связано как с внутренними причинами, так и с обстоятельствами внешнего характера. После подписания Рижского мира, всего за апрель 1921 г., их состав сократился с 985 до 600 человек. А уже в конце апреля дружины формально были и вовсе ликвидированы¹⁵. Однако в реальности дружины рабочих продолжали существовать и дальше, но уже под видом Белорусского союза земельных работников и Белорусской сельскохозяйственной артели, причем, как доносили агенты ЧК, их характер был совершенно боевым, а сами они держались польскими властями «как резерв» на восточной границе, «на всякий случай». Только в Бресте находилось, по советским данным, около 400 человек, преимущественно из числа тех, кто сбежал из лагерей для интернированных. При этом для переезда с места на место «балаховцы» получали официальные документы и деньги¹⁶.

Тем временем, в мае 1921 г. сам С. Балахович переезжает в Вильно, которое на тот момент являлось столицей квазигосударства Срединная Литва. Согласно польским агентурным данным, главной целью прибытия С. Балаховича в Вильно с самого начала была организация отрядов для борьбы против Советской России¹⁷. В связи с этим местная «Gazeta Wileńska» писала: «Отъезд Балаховича в Варшаву не означает, по крайней мере, окончание его борьбы с большевизмом. Хотя по условиям мирного договора его две дивизии и были разоружены польской армией, ... оставшиеся части армии генерала Балаховича не распались, а приняли новую форму. Теперь она имеет характер белорусской народной армии и в таком виде признается всеми национальными организациями. Она почти полностью состоит из добровольцев-белорусов и ведет исключительно партизанскую войну, то есть неустанно беспокоит большевистские тылы. Основные кадры армии остались без изменений, вместе с тем были организованы новые большие отделы, в первую очередь, парти-

занские, созданные из крестьян, враждебно настроенных по отношению к советской власти...» (Правда, согласно газете, отряды эти действовали в... Смоленской губернии)¹⁸.

При этом сложно однозначно утверждать, поселился ли генерал в Вильно на постоянной основе, как это сделал его брат Юзеф, или он находился здесь время от времени, оставляя в качестве основной резиденции Варшаву. По крайней мере, польская сторона высказывала уверенность, что старший из Балаховичей пребывает в столице Срединной Литвы безвыездно¹⁹.

Накануне тут был создан так называемый Белорусский государственный комитет, который принял на себя роль высшего государственного органа Беларуси и собирался подписать договор о сотрудничестве с генералом. Однако уже вскоре все контакты виленских белорусов с Балаховичем были прерваны, а сам комитет – распущен. Одной из причин этого стали связи С. Балаховича и его окружения с польской военной разведкой – II отделом. Правда, саму «утечку информации», вероятно, устроила польская политическая полиция, выступавшая против очередной «белорусской авантюры» Ю. Пилсудского²⁰. Одновременно генерал С. Балахович и его солдаты находились под усиленной агитацией со стороны российских монархических кругов²¹.

Тем временем, опасаясь, что дальнейшая деятельность братьев Балаховичей по созданию диверсионных групп может вызвать серьезные последствия для Польши в связи с их провокационными нападениями на Литву или Советскую Беларусь, в Варшаве решают ликвидировать организацию в зародыше. «...В этой ситуации, – пишет польский историк Й. Янушевска-Юркевич, – активизируются усилия польской дипломатии, а в Вильно – делегата правительства, направленные на то, чтобы ограничить конспиративную деятельность II отдела и не позволить ему спровоцировать возобновление военных действий. ...К самому Балаховичу отнеслись куртуазно и – после проведения ареста его соратников – оставили генералу еще десять дней на то, чтобы завершить все свои дела и покинуть территорию Срединной Литвы...» Акция состоялась 16 августа 1921 г., всего было арестовано 12 офицеров балаховцев, вместе с братом атамана Юзефом Балаховичем²².

На фоне безуспешных попыток подчинить себе белорусское движение и закулисной борьбы между разными польскими спецслужбами, разгорается и личный конфликт между С. Балаховичем и его бывшим союзником по антисоветской борьбе – Борисом Савинковым. За всем этим пристально следила, в свою очередь, советская разведка. «...Ссора Балаховича с Савинковым, – читаем в сводке агента ВЧК в Варшаве за октябрь 1921 г. – приняла огромные размеры. Они преследуют агентов друг друга и направляют на них польскую полицию. Агенты и возвращающиеся партизаны часто попадают в цитадель и тюрьму...»

Арестованные в Вильно сидят на Братской, 17, где их допрашивают Богуславский и Снарский. Дело будто в том, что они, монархисты, узнали тайны Савинкова о дне и всеобщей подготовке всеобщей русской революции и т. к. Балахович не был готов, то выдали это советской власти. Поляки, поддерживающие Савинкова, узнав об этом, арестовали всех будто бы за то, что их деятельность вредна для польского государства и может вызвать новые ноты Советской России. Всех арестованных усиленно подтягивают под обвинение в государственной измене, но говорят, что ничего из этого не выйдет...

В Варшаве находятся в настоящее время два знаменитых белорусских партизана: Вишневецкий и Короткевич. Псевдоним первого Федощеня и Архангел, второго – Зубарев и Зубр... Оба партизана раньше считали своим начальником Балаховича и сейчас явились к нему за деньгами и приказаниями. Б[алахович] принял обоих холодно, дал 5000 марок и посоветовал отправиться в лагерь интернированных. Это возмутило обоих. Балахович определенно работает заодно с монархистами. Ему самому неудобно было завязывать с ними отношения, и поэтому он поручил это брату своему Иосифу, известному как монархист. То же сделал и Пер[е]мыкин, выслав своего брата Павла (псевд[оним] Страдин). Ныне все эти господа арестованы в Вильне. Балахович условился с Перемыкиным и с монархистами, что войска обоих будут переведены в Брест, откуда при колебании большевистской власти будут брошены в Белоруссию. Балахович получил от монархистов деньги на организацию и обмундирование. Деньги пришли от Датского двора и от князя Путяты, мужа одной из бывш[их] великих княжон. Балахович сам ездил в Брест, но очень скоро вернулся. Будто бы поляки ставят преграды его деятельности и всех приехавших в Брест сажают в крепость. Штаб Балаховича в Бресте помещается по Зельной ул. Отправкой войск заведывает полк[овник] Жгун; финансами – интендант Елин. Оба живут с Балаховичем по Хмельной ул., № 29...»²³.

В конце июля 1921 г. советский комиссариат иностранных дел потребовал выслать генерала с территории Польши, согласно условиям Рижского договора. Чуть позже, в начале октября, на переговорах министра иностранных дел Польши Домбского и Л. Карахана было заключено соглашение о немедленной высылке из Польши лидеров бывших антисоветских формирований, включая и генерала С. Балаховича. «В то время, как сторонники генерала Булак-Балаховича вместе с его братом оказались в польском аресте, а сам генерал был изолирован от своих солдат, – пишет О. Латышонок, – большевистская дипломатия могла бомбардировать польскую сторону нотами протеста с изобличением антисоветской деятельности генерала...». Историк выдвигает гипотезу, что все происходящее было частью операции ЧК, одной из целей которой являлась ликвидация белорусского национального движения и удержание из Польши Балаховича²⁴.

«Под шум политической жизни Польского государства, – доносил агент ВЧК в сентябре 1921 года, – лишенные почти всех жизненных нормальных условий интернированные войска 3-й армии ген[ерала] Перемыкина и ген[ерала] Булак-Балаховича начали искать выхода из этого тупика, до которого довел их Б. Савинков и его ближайший сотрудник Одинец. Часть пронырливых и расторопных офицеров благополучно переправилась нелегальным путем в Германию, другая поселилась на житье в Варшаву, выжидая, как говорится, событий...

Выждав удобный момент после 5-месячного отдыха, вновь выплывает на политическую арену ген[ерал] Балахович. В течение 2–3-х недель ему удается перевезти часть интернированных войск из Торнского, Калишского и Ломжинского лагерей в район Брест-Литовска и основать там ячейку войсковых организаций русских интернированных частей. Первое время число людей было весьма невелико (100–200), а в настоящее время превышает 2000 чел., не считая казаков, которые ежедневно тянутся в Брест-Литовск из-под Торна, Лодзи и Гданска. Объединяющим казачьи части лицом является есаул Духопольников. Сгруппированные ген[ералом] Балаховичем войсковые части, чтобы не привлекать внимания польских агентов, заняты работой в нескольких пунктах, а именно: Брест-Литовск, Белосток, Барановичи (Ивачевичи), имея главный штаб в Бресте в гост[инице] «Бристоль», № 5, 7, 8 и 10. В этом же городе находится склад оружия, которое Балахович хорошо спрятал от поляков при ликвидации армии в декабре месяце прошлого года. Сколько имеется оружия и какое оно, выяснить пока не удалось.

Таким образом, создалась войсковая южная группа, имеющая своей целью при первой возможности двинуться в пределы Сов[етской] России, предварительно заручившись поддержкой моральной и материальной со стороны Белоруссии. Самого Балаховича та[м] пока нет, т. к. он занят переговорами с Белоруссией, а все дело организации в вышеуказанных районах находится в руках его ближайшего помощника полк[овника] Жгуна (кот[орый] был и[сполняющим] об[язанности] н[ачальника] штаба)...»²⁵.

Один из бывших соратников генерала, польский офицер Станислав Лис-Блонский позже писал: «Окончилась военная эпопея. Остались только итоги войны. Значительная часть людей из бывшей Добровольческой армии оказалась в лагерях, меньшая осталась на свободе и нашла работу, которую осуществляли под надзором. Правда, на свободе осталось много небольших никому не подконтрольных отрядов. Они нашли себе приют по деревням, хуторам и местечкам на восточной границе. Эти отряды не имели ничего общего с Группой генерала Балаховича, ни с ним самим.

Из них вскоре стали создаваться банды, которые нарушали спокойствие граждан края, а также банды иного рода, которыми руководила рука провокатора, что хотел нарушить мир между Польшей и Советской

Россией. Они были нужны для целенаправленных вражеских акций с оружием в руках против большевиков.

Эти банды не раз выступали, прикрываясь именем генерала Балаховича и ссылаясь на совместную с ним деятельность, так что можно было подумать, будто генерал Балахович еще не окончил войну, еще стремится к каким-то, только ему известным, целям. Поэтому вокруг генерала и его брата возникла нехорошая атмосфера, еще более тяжелая от того, что против Балаховича велась сумасшедшая пропаганда.

С одной стороны, на эту пропаганду не жалели денег большевики, которые ненавидели его за то, что он побеждал и дезорганизовывал их армию, с другой стороны, пропаганду вели немцы, до сих пор помнившие, какой урон нанес им Балахович, когда он командовал русским партизанским отрядом во время мировой войны. Но самую сильную пропаганду на территории Польши вели евреи, мстя за свои порождения и обиды...»²⁶.

В итоге сам Я. Домбский уговаривал генерала добровольно покинуть страну. Вместо этого, генерал выступил с открытым письмом к польскому Сейму, чем вызвал большой общественный резонанс. Письмо начиналось словами: «Произошел невиданный в истории позор!», после чего С. Балахович обвинил польскую дипломатию в том, что в обмен на советское золото оно дало согласие на немедленно выселение за пределы страны бывших солдат польской армии, сражавшихся еще недавно против общего врага. Само обращение было очень эмоциональным и искренним, особенно там, где атаман описывал свое боевое прошлое: «...Я со жменькой добровольцев, сыновей народа с восточных границ Речи Посполитой своей грудью остановил большевистскую стаю, которая пошла против польского Люблина, я защитил Ленчну, Пухачов, Уладаву, разбил советскую дивизию в Пинске и освободил город, захватив множество оружия и военного инвентаря. Очистил по Днепр белорусские территории, зайдя в тыл Красной Армии, громил её при каждой возможности... За мою преданную борьбу с большевиками за свободу народа, советская чрезвычайка вырезала 74 члена моей семьи, граждан Речи Посполитой; погибли сестры, зятя, братья, а родное имение сравняли с землей. За мою ликвидацию московская диктатура давала миллион рублей золотом. Польское правительство пообещало выслать за пределы страны гражданина независимой Речи Посполитой, который ради нее отдал все, оставшись без куска хлеба, а при необходимости готов за её свободу и собственную жизнь». В итоге автор делал однозначный вывод: «Советы покушаются на суверенитет польского государства! Польское правительство уступило наглой и провокационной политике Троцкого»²⁷.

В другом письме к Сейму С. Балахович, отвечая на многочисленные обвинения в организации антиеврейских погромов, потребовал провести

официальное расследование деятельности своих отрядов на фронте, и, в случае, если инкриминируемые ему преступления не найдут подтверждения, привлечь к ответственности всех клеветников. При этом он сам свое собственное место в истории определил так: «Я демократ, сын народа, христианин-католик, моя святой памяти мать была полькой, отец белорус. Я нахожусь вне партий. Я прибыл в Польшу как белорусский генерал, добровольно с военным отрядом, мною вооруженным и экипированным. Кадры моей армии состояли из белорусов, кресовых поляков и русских, которых преследовали за их убеждения коммунисты и германofilы. Ко мне охотно льнули все те, кто предствлял самопожертвенную антикоммунистическую стихию. Я горячо верил и верю в Бога и справедливость. В 1918 г., неся на своем знамени в качестве символа крест, в противовес большевистской звезде, я начал неравную борьбу во имя защиты угнетенного народа. Я с успехом воевал за свободу Эстонии, той Росссии, которая желала остаться христианской и демократической, после Латвии, Польши и Белой Руси...»²⁸. Это сыграло свою роль. В итоге Варшава, сославшись на то, что С. Балахович имеет польское гражданство и не подпадает под данную статью, отказала в требовании советской стороны.

Солдаты из армии Балаховича оказались в лагерях в Плоцке, Пикулицах, Рожане, Щипиорне, Радоме, а с осени 1921 – в Стшалкове и Тухоле²⁹. Как отмечает Зб. Карпус, лагерь в Тухоле был не подготовленным для приема интернированных, которых расположили в бараках и землянках, где до тех пор находились военнопленные красноармейцы. «Это вызвало среди интернированных обоснованное недовольство, – пишет историк, – так как они долгое время находясь в лагерях Польши, жили надеждой на улучшение жилищных условий. Однако, их постигло разочарование тем более глубокое, что интернированных пересылали из небольших лагерей, в которых были лучшие условия жизни...»³⁰. Несмотря на тяжёлые условия, в самих лагерях проводилась культурно-просветительская работа, ставились спектакли, и даже проводились спортивные соревнования. Среди прочих, организацией подобных мероприятий занимался Русский эвакуационный комитет³¹. На май 1922 г., тут оставалось еще около 1500 человек из «дивизии смерти» (374 офицера, 942 солдата, 137 женщин и 32 ребенка)³². После того, как весной 1922 г. узнали об амнистии в Советской России, о своем желании вернуться заявил 721 интернированный из армии С. Балаховича в лагере в Стшалкове. В Тухоле на выезд записалось 1460 человек³³.

Фигура же самого бывшего атамана становится центром притяжения спецслужб и разведок самых разных стран. Среди прочего, агент польского II отдела в окружении Балаховича доносил, что генералом заинтересовался японский дипломат, который даже недвусмысленно намекнул, что «для такого славного партизана нашлось бы занятие на Дальнем Востоке»³⁴.

Его имя не сходит и с агентурных донесений ЧК. «Балахович, – говорится в сводке советской разведки за апрель 1922 г., – собирается сделать налет на Рубежовичи и разгромить здешних евреев. Причина следующая: несколько рубежовичских евреев по указанию с советской стороны недавно, напоив полковника армии Балаховича Орлова, и в пьяном виде перевезли и предали в руки Соввластей. Когда об этом узнали балаховцы, то поклялись отомстить евреям, и евреи теперь пребывают в страхе за свое существование»³⁵. Из донесения за июль 1922 г.: «Ген[ерал] Балахович-старший взял себе в качестве личного адъютанта пор[учика] Заболоцкого, бывшего раньше начальником пункта дефензивы в Лунинце. Бежавший в мае или в июне мес[яце] пр[ошлого] года из Советской России Заболоцкий был адъютантом 161–160 [sic] батальона войск ВЧК, расположенного в районе г. Слуцка, служит в настоящее время у поляков в г. Пинске в качестве помощника заведующего мастерскими речной флотилии...»³⁶.

В конце 1922 г. генерал С. Балахович выступает с очередным, третьим по счету, открытым письмом. На этот раз оно было адресовано Белорусскому национальному комитету в Вильно, призвавшему накануне к бойкоту выборов в так называемый Виленский Сейм. Генерал обвинил белорусских деятелей, что в то время, как он сражался за свободу Беларуси, виленский БНК всячески тормозил его борьбу или, в лучшем случае, оставался стоять в стороне, уклоняясь от открытого выступления. С. Балахович объявил, что как он сам, так и его добровольцы проголосуют за то, чтобы «эта земля была объединена с Речью Посполитой Польской»³⁷.

Основным видом деятельности для бывших солдат Добровольческой армии стала работа на лесозаготовке в окрестностях Бреста, Беловежи, Гайновки и Друскеник. Интернированные были заняты на строительных и лесозаготовительных работах, ремонте железных дорог, на сахарных и лесопильных заводах, в сельском хозяйстве³⁸. Часть из них трудилась на деревообрабатывающем предприятии «Centrum Trust» (по другим данным, фирма называлась «The Century European Timber Corporation»), где директором являлся непосредственно сам С. Балахович. Он даже обратился к польским властям за концессией на сбор ягод и грибов в Беловежской пуще. Всего на 1925 г. в районе Беловежи и Гайновки было занято около 600 бывших солдат Добровольческой армии³⁹. «Условия жизни тяжелые, – докладывал агент ЧК, – так как приходится ночевать и жить большинству в лесу прямо в землянках... Условия платы скверные – дневной заработок максимум 3 злотых. Одеты они по большей части скверно, настроение подавленное. О Балаховиче отзываются как о самом отъявленном эксплуататоре. Веры в него нет абсолютно никакой... Балахович при этой английской фирме служит директором работ, получает жалование 1000–1200 злотых в месяц... Довольно часто он

бывает в Варшаве, по-видимому, для сношений с польским Генштабом. В фирме он авторитетом не пользуется и держится при фирме больше как поставщик живой рабочей силы»⁴⁰. Кроме того, некоторая часть солдат после освобождения из лагерей для интернированных получила наделы земли на востоке Польше. Одновременно генерал основывает «Dom Komisowo-Handlowy Oficerów Rezerwy» (Sp.z.o.o.), куда берет на работу своих бывших офицеров⁴¹.

В ноябре 1922 г. С. Балахович уже сам принимает участие в выборах в польский Сейм. В истории возрожденного польского государства это были уже вторые выборы, но население восточных воеводств принимало в них участие впервые. В ответ на создание оппозиционной власти единого блока национальных меньшинств, в который вошло и большинство белорусских политиков, 23 сентября на съезде в Барановичах было организовано так называемое Государственное объединение на кресах, куда вошел и генерал С. Балахович. При этом сама агитация велась подчеркнуто агрессивно, не останавливаясь перед открытыми угрозами в адрес оппонентов, что вряд ли увеличило число сторонников атамана⁴².

Одну из главных своих задач С. Балахович видел в противодействии антигосударственной агитации со стороны белорусских послов. В ответ на выступление в Сейме представителя белорусского клуба Б. Тарашкевича, который пригрозил польским властям в скором времени зрелищем «дыма пожаров и потоков братской крови» на восточной границе, если те не изменят свою национальную политику, С. Балахович в очередной раз выступил публично, обличая посла в его прежних связях со сторонниками Польши и самим генералом⁴³. Ответная критика была не менее острой. Антон Луцкевич, бывший премьер-министр БНР и один из лидеров белорусского движения в Польше, писал в своей статье: «...Паны взяли себе на службу банду негодяев, которые запачкали себе руки кровью безвинно убитых людей, и, к огромному сожалению, происходят из нашего белорусского народа. Эти выродки, давно потерявшие свою совесть, теперь от имени белорусов выступают в защиту панов; во главе их стоит известный погромщик «батька» Балахович, который рубит теперь Беловежскую пушу и этим помогает грабить наш край...»⁴⁴.

Тем временем, в середине 1924 г. С. Балахович и его окружение вновь возвращаются к активной политической деятельности. Создается так называемая противопартизанская группа. Это было своеобразным ответом на возросшую опасность со стороны советских диверсионных отрядов, фактически парализовавших жизнь в восточных воеводствах Польши.

Согласно советским агентурным данным, всего было создано три отряда, первым из которых командовал собственно С. Балахович. Согласно тем же данным, штаб отряда состоял из трех офицеров – самого

С. Балаховича, полковника Янковского и капитана Марцеля, и шести добровольцев, которые выполняли роль вестовых и курьеров (в тексте донесений их называли «охотниками», что являлось дословной калькой польского «доброволец»). Сам штаб периодически менял свою дислокацию, – из Беловежи в деревню Дубины, Барановичи, а позже – Слоним.

Отряд делился на четыре группы, а группы, в свою очередь, на отделы. Первая группа, под командованием полковника Н. Говорухина (позже его сменил Лазарев) насчитывала около 130 человек и занимала, согласно данным ЧК, отрезок от латвийской границы до Родошковичей (при этом, якобы, штаб группы дислоцировался чаще всего в Столине и Лунинце). При этом в их распоряжении имелось 2 грузовых автомобиля, 28 лошадей, 16 повозок и 1 пролетка. На вооружении группы находилось 150 винтовок, 150 револьверов и 14 пулеметов.

Вторая группа в 120–140 человек занимала участок в районе Родошковичи – Мир – Несвиж. Причем, она также была разбита на отделы, численность которых колебалась от 20 до 40 человек. Во главе группы стоял есаул Василий Яковлев (в середине 1925 г. документы называют в качестве начальника группы «атамана Дергача» – В. Адамовича). Штаб располагался в Ляховичах и Несвиже. Здесь советская разведка насчитала 4 грузовых автомобиля, 46 лошадей, 26 телег, 2 коляски, 180 винтовок, 180 револьверов, 20 ручных пулеметов системы Максима, 10 тяжелых пулеметов. Кроме того, при группе имелись запасы взрывчатки.

Третья группа насчитывала около 190 человек и действовала от Родошковичей до Городеи, а ее штаб перемещался между Столбцами, Наблиоками и Воложиным (по другим данным, штаб и группа располагались на Полесье, в районе Пинска, Давид-Городка и Столина). Начальником группы какое-то время был «атаман Дергач» – В. Адамович, но его позже сменил Сигизмунд Степуржинский. При группе находились: 60 лошадей, 46 повозок, 2 коляски, 4 грузовых и 1 легковой автомобили. На вооружении имелось: 200 винтовок, 186 револьверов, 40 ручных пулеметов системы Максима, 16 тяжелых пулеметов и взрывчатые вещества.

Наконец, четвертая группа, во главе с Марцеля, выполняла роль резерва. На середину 1925 г. в ней числилось 43 человека.

Начальники групп получали жалование в 1200 злотых и 200 злотых разъездных. Кроме того, из государственных субсидий выдавались обмундирование, оружие и снаряжение. Помощники начальников групп получали 800 и 200 злотых, начальники отделов – 400 и 100 злотых соответственно. Рядовые «охотники» – 300 злотых.

Если на начало октября 1924 года антипартизанский отряд С. Балаховича насчитывал 144 человека, из которых большинство составляли демобилизованные бывшие военные и осадники, то к апрелю 1925 г. это число выросло до 491 человек. Отряды отличались огромной «текучкой». Например, за март в группу С. Балаховича, согласно сведениям ЧК,

прибыло 48 и дезертировало 62 человека! «Характерно, – отмечалось в донесении, – ...что в отрядах не принимают участия лица местного белорусского и украинского населения. В Беловежской группе все же имеется 6 человек белорусов: Иван Семенюк, Сидор Федорейчик, Григорий Мурашко, Исидор Савчук, Степан Ореховский и Фома Семенюк. Но все эти лица одновременно служат в польской контрразведке...». Не случайно осенью 1925 г. по причине массового дезертирства общая численность противопартизанского отряда С. Балаховича едва достигала 100 человек, в связи с чем его структура подверглась значительным изменениям, а основными местами дислокации стали Друя, Молодечно и Барановичи⁴⁵.

Советская разведка отмечала «слабую дисциплину и плохое содержание» в отрядах, из-за чего из них почти каждый день дезертировали солдаты. При этом достаточно частыми были случаи, когда люди из отрядов переходили... на сторону партизан. Вербовочные агенты, посланные по Белостокскому, Сокольскому и Бельскому уездам с целью вербовки людей в противопартизанские отряды, сумели собрать только 8 человек. «Православное население, – докладывал Я. Шурпа, – поступать в противопартизанские отряды абсолютно отказывается по понятным мотивам, так как для них дорога Россия, кто бы там ни царствовал и в большевиках они не видят своих врагов, наоборот польские помещики являются их злейшими врагами. О еврейском населении не приходится и говорить. Единственно вербовка возможна среди католического, польского населения и в особенности среди осадников»⁴⁶. Сам генерал С. Балахович признавал положение дел в противопартизанских отрядах, жизнь коих он видел, посетив их в течение августа месяца, «тяжелым», начиная с больших отрядов, и требующим «экстренных мер к предотвращению возможного полного их разложения»⁴⁷.

При этом сам генерал, к удивлению агентов ЧК, держал себя довольно свободно. Жил в бывшем царском дворце, разъезжал по окрестностям Беловежи, причем большей частью один, посещал лесопильные заводы и разработки, ходил в церковь и по базару⁴⁸. Это выглядело тем более вызывающим, если вспомнить, что советская разведка давно разрабатывала вариант с силовым устранением бывшего атамана. Более того: еще в июне 1923 г. в районе Гайновки был убит брат генерала – генерал Юзеф Булак-Балахович. Согласно данным следствия, убийцами оказались местные коммунисты, при этом главной жертвой покушения должен был стать сам Станислав Балахович⁴⁹.

Уже в конце августа агент ОГПУ доносил о том, что после убийства брата генерал создал организацию под названием «Союз рабочих имени Юзефа Балаховича», которая насчитывала до 150 человек. Члены союза на могиле Балаховича поклялись отомстить большевистским агентам за его смерть сторицей. Тем временем, в конце октября 1924 г. в Польшу

направляется очередная группа с целью организации покушения на С. Балаховича. Следующий инцидент произошел в ноябре 1924 г. в Барановичах, когда неизвестные забросали камнями Балаховича в районе железнодорожных путей. Генералу даже пришлось открыть огонь по нападавшим⁵⁰. Теперь же, с возобновлением фактически необъявленной партизанской войны между Польшей и Советской Россией, этот вопрос вновь стал актуальным. Агент ОГПУ под псевдонимом Угрюмый в конце января 1925 г. докладывал о том, что в районе Беловежи, а также в самом местечке им были подготовлены люди для выполнения покушения; им выданы оружие и деньги. Причем выполнение самого акта «остается пока открытым и разрабатывается на месте и всецело зависит от местной ориентации и подходящих условий и момента». В итоге агенты ОГПУ с местными коммунистами разгромили лесопильный завод «Михалин» в Беловежской пуще и летом 1925 г. перешли на территорию БССР⁵¹. Однако попытки организовать покушение на С. Балаховича предпринимались и позже. Так, например, в 1927 г. белостокский воевода докладывал о раскрытии коммунистической ячейки, которая ставила перед собой цель – убийство генерала С. Балаховича⁵².

В 1926 г. генерал принимает активное участие в майском перевороте на стороне Ю. Пилсудского (вместе со своим отрядом он преградил путь к бегству в Познань правительству Витоса)⁵³. В 1927 г. он проводит в Беловеже съезд бывших участников Добровольческой армии, а еще год спустя С. Балахович становится деятелем Федерации польских союзов защитников отечества (Federacja Polskich Związków Obrońców Ojczyzny) и даже сам возглавляет Союз бывших участников народных восстаний (Związek byłych Uczestników Powstań Narodowych). Правда, одновременно генерал обратился в польский Генштаб с просьбой выплатить компенсацию за реквизированное имущество его армии. Часть этих денег ему была нужна на содержание бывших подчиненных. Кроме того, он выказывал недовольство по поводу отказа властей в бесплатном образовании для сыновей, что противоречило прежним договоренностям. Более того, С. Балахович недвусмысленно дал понять, что готов пойти на сближение с российскими монархистами, для чего собирается послать своего представителя в Париж⁵⁴. Возможно, одним из итогов его политической деятельности стало то, что осенью 1929 г. секретным распоряжением Ю. Пилсудский признал воинские чины бывших солдат армии генерала С. Балаховича⁵⁵.

«Остатки балаховичских банд насчитывают в настоящее время около 2000 человек, – доносили советские спецслужбы. – Но в это число входят также офицеры и солдаты и других белых армий, как-то Деникина, Колчака и Петлюры. Люди эти из себя никакой боевой силы не представляют, а влекут лишь жалкое свое существование. Все они работают в качестве чернорабочих в Беловежской пуще. Большинство из них поже-

нилось на местных девицах и приняло польское подданство. Многие из них в настоящее время уезжают во Францию на заработки. Никаких вербовок в пределах Польши в отряды Балаховича не производится и не пополняется, а наоборот, постепенно люди стараются выбраться из лап Балаховича. Материальных средств с какой бы то ни было стороны балаховцы не получают, а существуют исключительно на свои собственные средства (заработки). Из личных разговоров источника с балаховцами выяснилось их большое стремление вернуться обратно на родину, в СССР, и только будто бы боя[знь] наказания останавливает их. Никаких военных занятий и обучения с балаховцами не производится, ибо они разбросаны по всей Беловежской пуше отдельными рабочими артелями, несколько человек в артели. Оружия у балаховцев тоже нет. Настроение среди солдат остатков балаховичских банд самое удручающее, ибо они все давно поняли, что их главари самым наглым образом обманули и бросили на произвол судьбы. Аналогичное положение и настроение, если не худшее, среди офицеров, ибо последние не так легко приспособились к тяжелым лесным работам, и материальное положение их более плачевное, чем у рядового состава. Дисциплины среди них никакой не существует. Сам Балахович давно бросил Беловежскую пушу и переехал на жительство в Варшаву. Источник из слов одного бывшего полковника-балаховца узнал, что Балахович поддерживает самую тесную связь с Пилсудским, и благодаря его протекции, поступил в какую-то польскую офицерскую школу и готовится к поступлению в польскую армию. Временами Балахович посещает Беловежскую пушу и не перестает мутить голов остаткам своей банды и агитирует их, что скоро настанет время и мы сможем уничтожить большевиков и вернуться победителями на родину. Поддающих[ся] и верующих этой агитации Балаховича очень мало, но некоторые, преимущественно высшие офицеры, высказываются, что нам необходимо попробовать повоевать с большевиками, указывая на то, что в СССР имеются их сторонники, которые работают в их пользу»⁵⁶.

Все это время имя генерала не сходит с газетных страниц в связи с различными скандалами и многочисленными судебными разбирательствами⁵⁷. Несмотря на это, он принимает участие в выборах в Сейм в 1928 г., а десять лет спустя, в 1938 г., также накануне выборов, выпускает воззвание к ветеранам добровольческих отделов с призывом поддержать правительственную избирательную программу. Кроме того, он выступил в поддержку территориальных приращений Польши за счет Чехии и даже направил министру обороны предложения о создании специального партизанского отряда⁵⁸. Он ездит по стране, выступая на митингах и праздничных собраниях, выпускает несколько брошюр. «Что нам, бывшим добровольцам, участникам восстаний и партизанам, следует делать в сегодняшней ситуации, чтобы не допустить новой войны? – задавался

вопросом С. Балахович в книге «Wojna będzie czy nie będzie». – А если бы вдруг она началась, каким образом возможно её довести до победного конца? ...Помните, что нашей обязанностью является привить в кровь и душу молодого поколения рыцарскую готовность в каждое мгновение принести в жертву Речи Посполитой собственную кровь...»⁵⁹. В литературе существует информация о том, что генерал С. Балахович принимал участие в гражданской войне в Испании на стороне франкистов⁶⁰.

В сентябре 1939 г. вместе с частью своих ветеранов он успел принять активное участие в обороне Варшавы. Позже один из руководителей контрразведки Главного командования Армии Крайовой майор Станислав Славинский составил обширный рапорт, в котором подробно описал последнюю из известных нам боевую операцию С. Балаховича. Получив в ночь с 7 на 8 сентября разрешение от генерала Ю. Руммеля на формирование добровольческого отряда при Командовании обороной Варшавы, генерал создает свой штаб, куда вошли по преимуществу его бывшие офицеры. Уже через три дня он имел в своем распоряжении эскадрон в 100 сабель под командованием Владислава Пулаского. Одним из пунктов обороны балаховцев становится Вилянув, бывшая королевская резиденция на подступах к Варшаве.

Правда, почти сразу проявились недисциплинированность и авантюризм, свойственные балаховцам. «Пуласкому, – сообщал С. Славинский, – очень скоро надоело честное ремесло солдата, он отделился от эскадрона и вернулся в Варшаву. Там, облачившись в мундир со знаками различия ротмистра легкой кавалерии и подобрав себе достойную компанию, он «реквизировал» из кассы универмага «Торговый дом братьев Яблковских» десяток с лишним тысяч злотых – якобы на нужды Добровольческой группы генерала Балаховича. Генерал приказал схватить «господина ротмистра» и поставить его перед военно-полевым судом за мародерство...». Еще одного своего подчиненного – бывшего казачьего офицера Лобачевского, генерал изгнал из группы за трусость. Кроме того, у С. Балаховича возник конфликт с полковником М. Яковлевым, безуспешно попытавшимся перенять командование группой в свои руки и даже арестовать самого генерала. В результате, однако, С. Балахович и дальше продолжал руководить IV оперативной группой⁶¹.

После того как столица Польши капитулировала, С. Балахович перешел на нелегальное положение. Он погиб 10 мая 1940 г., будучи застрелен немецким патрулем. После него еще какое-то время оставалась конспиративная организация, о которой один из руководителей польского подполья записал в своем рапорте: «...Небольшая группа, состоящая из бывших офицеров генерала Балаховича. Членами ее являются функционеры гестапо (так в тескте – авт.), несколько поляков, несколько русских белогвардейцев... До сих пор активные и заметные, теперь не проявляют

особой деятельности. Сотрудничество с ними в условиях конспирации исключена. Если сумеют создать что-то стоящее, могут быть использованы в восстании...»⁶².

Подводя итог, можно сказать, что в обществе до сих пор существует два образа «балаховцев». Один – возвышенный и романтический, и второй – полная его противоположность. С. Лис-Блонский, бывший офицер польской разведки при армии генерала С. Балаховича, спустя почти десять лет после полесского похода, писал: «Теперь солдат из бывшей группы Балаховича можно встретить на всей территории Речи Посполитой. Безусловно, я имею в виду тех солдат, которые на самом деле входили в состав армии и воевали на фронте. Эти люди носят на себе все характерные черты, которые оставила после себя военная служба. Обычно это спокойные и работающие люди, они не являются обузой для своей вновь обретенной Родины.

Однако, вокруг хватает и других «балаховцев», тех, кто не был на фронте. Про войну знают только с рассказов, а имея «богатое воображение», рассказывают про свои кровавые сражения, победы и отвагу. Но, если бы они только ограничивались рассказами о своих подвигах! Этот невинный обман можно было бы и простить. Но нет. Эти люди отличаются еще очень опасным карьеризмом, любовью к интригам и у них серьезные проблемы с совестью! Этим господ следует остерегаться...

Но, что поделать? В такой большой и разнородной массе – это понятно. Вновь возвращаются воспоминания о тех отважных, смелых солдатах. Многих из них уже нет! Многие умерли! Несколько десятков из офицеров и солдат покончили жизнь самоубийством, решив, что дело, за которое они сражались, проиграно. Часть все-таки вернулась в Россию, где многие оказались в итоге расстрелянными. Еще часть, особенно офицеры, выехала в далекие страны, в эмиграцию, где они будут ждать, пока не изменится ситуацию на Родине. Чтобы вернуться.

Вот какова судьба этой армии. Эти люди хорошо чувствовали себя на войне ...»⁶³.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Гиппиус З. Н., Мережковский Д. С. // Электронный ресурс, код доступа: <http://knigosite.ru/library/read/59679>.

² Электронный ресурс, код доступа: <http://jivebelarus.net/history/new-history/bulack-balahovich-vs-rechitsa.html>

³ *Алексеев Д. Ю.* Б. В. Савинков и русские вооружённые формирования в Польше в 1920–1921 гг.: Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. Санкт-Петербург, 2002. С. 11.

⁴ *Вендзягольский К.* Савинков // Новый журнал (Нью-Йорк). 1963. Кн. 72. С. 170, 172.

⁵ Гиппиус З. Н., Мережковский Д. С. // Электронный ресурс, код доступа: <http://knigosite.ru/library/read/59679>.

- ⁶ Электронный ресурс код доступа http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%91%D1%83%D0%BB%D0%B0%D0%BA%D0%91%D0%B0%D0%BB%D0%B0%D1%85%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87,_%D0%A1%D1%82%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D1%81%D0%BB%D0%B0%D0%B2_%D0%9D%D0%B8%D0%BA%D0%BE%D0%B4%D0%B8%D0%BC%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87
- ⁷ *Ліцкевіч А.* Степень достоверности – достоверно... *Армія Булак-Балаховіча і антысавецкі супраціў 1921–1927 гадоў у дакументах ВЧК (АДПУ) // Беларуская думка. 2008. №7. С. 90.*
- ⁸ *Łatyszonek O.* Białoruskie formacje wojskowe 1917–1923. Białystok, 1995. S.208.
- ⁹ Смотр войск г. Булак-Балаховича // Свобода (Варшава). 1920. №63. 29 сентября. Цит. по интернет-ресурсу, код доступа: <http://kappel.ru/2011/05/01>, дата обращения 1.10.2015.
- ¹⁰ *Cabanowski M.* Generał Stanisław Bułak-Bałachowicz ostatni kmicic II RP i wyklęci żołnierzy wojny polsko-sowieckiej 1920 r. Mireki b.m.w., 2013. S.116–119.
- ¹¹ *Cabanowski M.* Generał Stanisław Bułak-Bałachowicz... S.120.
- ¹² *Łatyszonek O.* Białoruskie formacje wojskowe... S.183.
- ¹³ *Cabanowski M.* Generał Stanisław Bułak-Bałachowicz... S.122.
- ¹⁴ *Łatyszonek O.* Białoruskie formacje wojskowe... S.212, 220.
- ¹⁵ *Karpus Zb.* Wschodni sojusznicy Polski w wojnie 1920 roku. Oddziały wojskowe ukraińskie, rosyjskie, kozackie i białoruskie w Polsce w latach 1919–1920. Toruń, 1999. S.170–171.
- ¹⁶ *Ліцкевіч А.* Степень достоверности – достоверно... // Беларуская думка. 2008. №6. С. 59.
- ¹⁷ *Łatyszonek O.* Białoruskie formacje wojskowe... S.220.
- ¹⁸ *Januszewska-Jurkiewicz J.* Stosunki narodowościowe na Wileńszczyźnie w latach 1920–1939, Katowice, 2010, S.273.
- ¹⁹ *Januszewska-Jurkiewicz J.* Stosunki narodowościowe na Wileńszczyźnie... S.275.
- ²⁰ Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф.60. Оп.3. Д.456. Лл30–35об.–41об. 45об.–49; Архівы БНР. Кн.1. Т.2. Минск, 1998. С. 1082–1083;1090–1091.
- ²¹ *Januszewska-Jurkiewicz J.* Stosunki narodowościowe na Wileńszczyźnie... S.461.
- ²² Там же. S.303; Кароткі нарыс беларускага пытання. Мінск, 2009. С. 370–371.
- ²³ *Ліцкевіч А.* Степень достоверности – достоверно... // Беларуская думка. 2008. №6. С. 59.
- ²⁴ *Łatyszonek O.* Białoruskie formacje wojskowe... S.225.
- ²⁵ *Ліцкевіч А.* Степень достоверности – достоверно... // Беларуская думка. 2008. №6. С. 56.
- ²⁶ Балахоўцы. Сведчанні. Дакументы. Даследванні. Смаленск, Інбелкульт, 2014. С. 328–329, 334.
- ²⁷ Балахоўцы. Сведчанні... С. 347–360.
- ²⁸ Listotwartygen. Bułak-Bałachowiczado Sejmu Ustawodawczego Rzeczypospolitej Polskiej. Warszawa, 1922; Lietuvos Centris Valstybinis Archyvas (Vilnius), F.281. Op.1. Spr.12. S.10–10к.
- ²⁹ *Karpus Зб.* Русские и украинские военнопленные и интернированные в Польше в 1918–1924 годах. Торунь, 2002, С. 157–159.
- ³⁰ *Karpus Зб.* Русские и украинские военнопленные и интернированные...С. 173.
- ³¹ Там же. С. 163–165.
- ³² *Cabanowski M.*Generał Stanisław Bułak-Bałachowicz... S.124.
- ³³ *Karpus Зб.* Русские и украинские военнопленные и интернированные... С. 177–178.
- ³⁴ *Cabanowski M.*Generał Stanisław Bułak-Bałachowicz... S.132.
- ³⁵ *Ліцкевіч А.* Степень достоверности – достоверно... // Беларуская думка. 2008. №6. С. 59.
- ³⁶ Там же.. №7. С. 86–87.
- ³⁷ *Januszewska-Jurkiewicz J.* Stosunki narodowościowe na Wileńszczyźnie... S.306, 313.
- ³⁸ *Karpus Зб.* Русские и украинские военнопленные и интернированные... С. 182.
- ³⁹ Centralny archiwóm Woskowy (CAW), II oodział Generalnego Sztabu, I.303.4.26663, K.171; *Cabanowski M.*Generał StanisławBułak-Bałachowicz... S.125–126.
- ⁴⁰ *Ліцкевіч А.* Степень достоверности – достоверно... // Беларуская думка. 2008. №7. С. 90.
- ⁴¹ *Cabanowski M.* Generał Stanisław Bułak-Bałachowicz... S.129, 134.

- ⁴² Пашкевіч А. Беларускія паланафільскія арганізацыі дзеячы падчас парламенцкіх выбараў у Польшчы ў 1922 г. // *Problemusuwilizacyjnego rozwoju Białorusi, Polski, Rosji i Ukrainy od końca XVIII do XXI wieku / Pod redakcją Piotra Franaszka, Aleksandra N. Niezuchrina*. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2007. S.161–164.
- ⁴³ Cabanowski M. Generał Stanisław Buałak-Bałałowicz... S.134.
- ⁴⁴ Лицкевіч А. Барацьба за вызваленыя. Вільня-Беласток, 2009. С. 257.
- ⁴⁵ Лицкевіч А. Степень достоверности – достоверно... // *Беларуская думка*. 2008. №7. С. 87–88; там же // *Беларуская думка*. 2008. №8. С. 114, 118–119.
- ⁴⁶ Там же. №7. С. 89–91.
- ⁴⁷ Там же. №8. С. 117–118.
- ⁴⁸ Там же. №7. С. 89–90.
- ⁴⁹ Cabanowski M. Generał Stanisław Buałak-Bałałowicz... S.131.
- ⁵⁰ Лицкевіч А. Степень достоверности – достоверно... // *Беларуская думка*. 2008. №7. С. 87, 89.
- ⁵¹ Там же. С. 90; Там же // *Беларуская думка*. 2008. №8. С. 116.
- ⁵² Cabanowski M. Generał Stanisław Buałak-Bałałowicz... S.132.
- ⁵³ Латышонак А. Жаўнеры БНР. Беласток-Вільня, 2009. С. 265.
- ⁵⁴ SAW. II oddział Głównego Sztabu, L.303.4.26663, K.385–386; Cabanowski M. Generał Stanisław Buałak-Bałałowicz... S.125–126, 135, 139.
- ⁵⁵ Балахоўцы. Сведчанні... С. 347–360.
- ⁵⁶ Лицкевіч А. Степень достоверности – достоверно... // *Беларуская думка*. 2008. №8. С. 119.
- ⁵⁷ Cabanowski M. Generał Stanisław Buałak-Bałałowicz... S.133–134, 142.
- ⁵⁸ Несколько лет назад журналистка одной из местных газет нашла деревню в Пружанском районе, в которой все жители называют себя «балаховцы» и ведут свое происхождение от бывших солдат-поселенцев из армии генерала С. Балаховича // *Электронный ресурс*. Код доступа: <http://berezakartuska.livejournal.com/47910.html>, дата обращения 9.10.2015; Cabanowski M. Generał Stanisław Buałak-Bałałowicz... S.135. 140–143.
- ⁵⁹ *St. Buałak-Bałałowicz. Wojna będzie czy nie będzie? W mojej odpowiedzi komunistom i żydom z archiwum zebranych dokumentów i na podstawie stwierdzonych faktów*. Warszawa, 1931. S.17–18.
- ⁶⁰ Латышонак А. Жаўнеры БНР С.265
- ⁶¹ Кручинин А., Мицнер П. Генерал Станислав Булак-Балахович в 1939 г. / *Новая Польша*. 2010. №7–8. С. 67–74 // *Электронный ресурс*, код доступа: <http://a-pesni.org/ww2-polsk/a-bulak.php>, дата обращения 9.10.2015.
- ⁶² Можно также встретить информацию о том, что «балаховцы» использовались нацистами для службы в администрации на территории Беловежской пуши // *Электронный ресурс*, код доступа: <https://pl.wikipedia.org/wiki/Balałowcy>, дата обращения 13.10.2016; Cabanowski M. Generał Stanisław Buałak-Bałałowicz... S. 191–201.
- ⁶³ Балахоўцы. Сведчанні ... С. 360.

С ЧАПАЕВЫМ И ПРОТИВ ЧАПАЕВА

НАУКА ЧАПАЕВА: НАРОДНЫЙ ГЕРОЙ В УСЛОВИЯХ ПРОФЕССИОНАЛИЗАЦИИ АРМИИ

Я. Мортон (Беркли, США)

Отношение Василия Чапаева к военному образованию, описанное множество раз, впервые было отражено в романе Дмитрия Фурманова «Чапаев» (1923) в сцене спора командира и его нового комиссара о нужде Красной армии в генералах, способных передать свои знания. Фурманов сам был комиссаром Чапаева, позднее описавшим свой опыт в романе. Литературное альтер-эго Фурманова – комиссар Клычков заявил: «Удалю одной большого дела не сделаешь – знания нужны, а где они у нас? Кто их, знания-то, кроме генералов, даст? Они же этому учились, они и нас должны учить... Будет время – свои у нас учителя будут, но пока же нет их...». В ответ Чапаев рассказал следующую историю:

«Был я и сам в академии у них, два месяца болтался, как хрен во щах, а потом плюнул да опять сюда. Делать нечего там нашему брату... Один – Печкин вот, профессор есть, гладкий, как колено, на экзамене:

– Знаешь, – говорит, – Рейн-реку?

А я всю германскую воевал, как же мне не знать-то? Только подумал: да што, мол я ему отвечать стану?

– Нет, дескать, не знаю. А сам-то ты, – говорю, – знаешь Солянку-реку?

Он вытаращил глаза – не ждал этого, да:

– Нет, – говорит, – не знаю. А што?

– Значит, и спрашивать нечего... А я на этой Солянке поранен был, пять раз ее взад и вперед переходил... Што мне твой-то Рейн, на кой он черт? А на Солянке я тут должен каждую кочку знать, потому что с казаками мы воюем тут!»

Позднее эта история часто использовалась для подтверждения природного военного таланта Чапаева и как свидетельство неведения центра о

нуждах периферии. Однако в фурмановском пересказе данный сюжет был призван проиллюстрировать ребяческий характер народного героя – героического типа, который Фурманов в своем романе стремился разрушить. Независимо от того, имела ли в действительности место описанная Фурмановым сцена, она позволяет продемонстрировать двойственность образа Чапаева, гибкость и устойчивость его мифологической составляющей. Эта двойственность, если попытаться оставить в стороне вымысел, имеет прочную основу в истории и многое может раскрыть не только в характере самого Чапаева, но и в истории Гражданской войны в целом.

В начале Гражданской войны острая необходимость в подобных харизматических лидерах для удержания распадающихся государственных окраин вызывала у представителей большевистского руководства опасения. Они были связаны с тем, что такие лидеры (или группы) часто выступали как альтернативные источники власти и идентичности. Особую актуальность это приобретало в среде военных. Лев Троцкий, признанный создатель Красной армии, был вынужден опираться в основном на бывших офицеров, большая часть которых происходила из ненавистного дворянства. Когда это было возможно, привлекались и представители младшего командного состава бывшей царской армии, – такие как Чапаев.

В долгосрочных планах большевиков была подготовка нового офицерского состава из представителей рабочего класса. Однако в условиях разворачивающейся войны именно такие представители младшего командного состава старой армии, как Чапаев, которые, несмотря на слабое знакомство с идеологическими тонкостями, приняли цели большевиков, были лучшим, на что Красная армия могла рассчитывать. Их социальное происхождение, хотя зачастую и было далеко не идеальным, меньше противоречило большевистским установкам, чем происхождение военных специалистов. Возможно, именно эта близость харизматичных простолюдинов, таких как Чапаев (Нестор Махно, Александр Антонов и др.), к населению и их способность привлекать народную поддержку во много раз увеличила их потенциальную опасность для большевиков. История Чапаева, таким образом, демонстрирует более общий контекст отношений между переживающим тяжелые времена советским государством и харизматичными лидерами на местах, в которых оно так нуждалось, но не могло вполне им доверять.

Подобные отношения между центром и периферией, получившие распространение во время Гражданской войны, во многом повторяют историю отношений между Российской империей и казачьими войсками, призванными охранять ее границы. Задолго до приобретения статуса преданных защитников государства казаки успешно демонстрировали его ограниченную власть на окраинах. Поэтому особенно важно, что к

моменту, когда Чапаев и его бойцы прославились боевыми успехами, они все чаще стали обращаться к памяти знаменитых казачьих героев. Так, военная база чапаевцев была переименована из Николаевска в Пугачев, а два слабо организованных «полка» названы в честь Пугачева и Стеньки Разина². Сами большевистские руководители описывали взаимоотношения центра и окраин сходным образом. Так, Лев Троцкий, характеризуя партизанских лидеров, использовал термин «атаманы», – несмотря на всю новизну, Советский Союз во многом был продуктом своего прошлого³.

Вопрос обучения остро стоял не только перед Чапаевым, исторический контекст описываемых событий показывает, до какой степени советское государство должно было научиться поддерживать баланс между центром и окраинами полученного ими огромного государства.

Народный герой

К концу 1918 г. слава Чапаева как командующего распространилась повсеместно. Телеграфные сообщения между местными руководителями, датированные 27 октября 1918 г. (спустя более десяти дней после того, как Чапаев и его бойцы попали в окружение во время второго штурма Уральска), демонстрируют, что известность Чапаева не ограничивалась кругом его собственных подчиненных, большинство которых происходило из крестьян. Основная задача, которая ставится в сообщениях, – это спасение самого Чапаева: «Спасите храброго верного командира тов. Чапаева. Он дороже золота»⁴.

Ценность Чапаева заключалась не только в тактической необходимости, – в Красной армии имелись военные специалисты. Слава Чапаева была велика среди местного крестьянства, чья поддержка была очень важна для Красной армии в первую очередь с точки зрения обеспечения и осуществления контроля над территориями. Бремя обеспечения армии лежало на плечах местных жителей: предполагалось, что именно они снабдят войска лошадьми, провиантом, скотиной и прочим. Были ли местные крестьяне убеждены в том, что они представляют собой «трудовое крестьянство в союзе с рабочим классом», или считали себя в первую очередь сельчанами и с подозрением относились к пришельцам из города? Такие размышления были актуальны, так как гражданская война – это всегда в первую очередь борьба за идентичность⁵. Командир, способный наладить хорошие отношения с местным сельским населением, действительно, был дороже золота. Слишком часто масштабная эксплуатация местных ресурсов обеими сторонами конфликта приводила к недовольству крестьян и восстаниям, что чрезвычайно осложняло и без того не простую ситуацию⁶. Отчет в партийную газету Самарской губернии, в которой располагались родной город Чапаева Балаково и Николаевск, его гарнизонный город, демонстрирует, как

непродуманные изъятия могли испортить отношения с местным населением. Этот отчет особо интересен, потому что он датирован концом 1918 г. – периодом, когда большевики усиливали организацию Красной армии, а Чапаев был на вершине славы.

Автор этого отчета, подписавшийся как «коммунист с Урала», описывает бездушную конфискацию лошадей и других ресурсов у местного крестьянства под управлением некоего «коменданта», который оказался «бездельником»: приехал, отобрал вещи, подлежащие конфискации, напился, и, напугав местное население, сбежал. Все это происходило под знаменем советской власти. Автор предупреждал, что последствия подобного поведения не заставят себя долго ждать: «Запуганность крестьян так велика, что любой беглый солдат с винтовкой может получить все, что он захочет. Никаких бумаг, полномочий для этого не нужно. И дошло дело до того, что доброго слова о большевиках не услышишь. А ведь не кулаки поголовно в селе, а самые обыкновенные крестьяне, кроме горба не нажившие ничего своими трудами. Как много предстоит работы в деревне, как сильно исковерканы идеи коммунизма, и как они, исковерканные, пугают крестьян». Письмо заканчивается вопросом: «Где же работники партии?»⁷

Популярность Чапаева среди местного крестьянства основывалась не только на том, что он напоминал харизматичных героев прошлого, но и на его стремлении любыми средствами уменьшить негативные последствия присутствия военных для местной экономики. Вопреки большевистским представлениям о неуправляемости партизанских групп (а многие из них, несомненно, таковыми и были), соединения Чапаева отличались жесткой дисциплиной. Так, с целью искоренения бандитизма Чапаев издал 27 сентября 1918 г. приказ, согласно которому воровство каралось расстрелом. Украденные предметы должны были быть собраны и представлены на общем собрании для обсуждения солдатами⁸. Кроме этого, существует множество свидетельств того, что Чапаев часто жестоко наказывал и за другие преступления и проступки. Один из подчиненных Чапаева, И. Т. Стрельцов, вспоминал, как однажды он получил указание расстрелять всех трусов на месте⁹. Другой очевидец пишет о том, что Чапаев лично расстрелял двадцать человек своих собственных бойцов как эсеровских агентов, якобы пытавшихся подорвать дисциплину¹⁰. Такие жесткие методы, помимо укрепления дисциплины и сплоченности, несомненно были обращены и в сторону врага, помогая создать образ чапаевцев как грозной боевой силы, что было важной составляющей их успеха. Распространившиеся слухи о том, что «Чапаев пленных не берет, а на месте всех расстреливает», безусловно, влияли на его противников¹¹.

Чапаев представлял собой масштабное явление, и в этом смысле близкими ему были другие народные лидеры, например, Нестор Махно и

Александр Антонов – бывшие союзники Красной армии, выступившие затем против нее¹². Опасения относительно потенциальной угрозы со стороны партизан возросли в тот самый момент, когда Чапаев приобрел повсеместную известность (как за подвиги, так и за своенравность). Э. П. Грибанов, комиссар, работавший в Саратовской губернии, в своем отчете от 17 сентября 1918 г. предупреждал: «Всякое партизанство перед фронтом противника прекратить немедленно, так как такое донкихотство принесет еще неисчислимый вред»¹³. Другое актуальное на тот момент предупреждение было опубликовано 23 февраля 1919 г. в саратовской красноармейской газете: «Развитие и укрепление завоеваний революции требует, чтобы строительство армии пошло путем, который гарантирует Республику от появления больших и малых Наполеонов»¹⁴. И хотя Чапаев остался верен до конца, в то время не было способа знать это наверняка.

Центр против периферии

Наиболее ранние конфликты Чапаева с центром в основном касались военных вопросов. Как и многие природные лидеры, он выражал недовольство относительно приказов, с которыми был не согласен. В некоторых известных случаях он попросту отказывался их выполнять. Так, во время нападения на Пугачев (Николаевск), командиром дивизии Сергеем Захаровым было приказано Чапаеву находиться вместе с соединением в деревне Давыдовка и готовиться к лобовому наступлению на чехословаков, оставшихся в Пугачеве. Не желая в результате подобных действий подвергнуть своих людей превентивному удару противника, Чапаев приказал своим войскам «приказ начдива тов. Захарова не выполнять». Вместо этого он скомандовал пересечь реку Большой Иргиз, которая проходила через Пугачев, и атаковать позиции противника с тыла. Деревня Таволожка послужила базой для этой операции¹⁵. Маневр оказался решающим при освобождении города и позволил Чапаеву и его войскам снискать славу самых способных боевых сил в регионе.

Однако растущая известность Чапаева не была исключительно положительным явлением, а его отказ следовать прямым указаниям во время наступления на Пугачев был не первым свидетельством явного неприятия им военной иерархии. Согласно Арсению Михайлову, члену-учредителю николаевского/пугачевского совета, Чапаев вел себя подобным образом и во время первого наступления на Уральск. Его отряд получил приказ оставаться в деревне Шипово для охраны склада боеприпасов и снаряжения. Приказ вызвал возмущение Чапаева, который заявил: «Я не останусь в тылу, этот приказ неверный!»¹⁶. Попытки уговорить его следовать приказу вызвали все большую ярость, он упорно настаивал на неверности приказа и на том, что именно его отряд должен отправиться в наступление. Это продолжалось до тех пор, пока

Михайлов и его товарищи не убедили военное руководство направить на охрану склада тамбовское соединение, освободив чапаевцев для участия в военных действиях.

Возможно, успехи Чапаева и его тактические способности позволяли закрывать глаза на подобные проступки. Гораздо больше недовольства вызывало его вмешательство в дела, не связанные напрямую с военными вопросами. К концу октября 1918 г. ЧК инициировало расследование в отношении Чапаева на предмет выявления злоупотреблений властью. В отчете от 24 октября 1918 г. говорится о том, что причиной расследования послужило то, что Чапаев, не имея на то указаний, освободил 18 арестованных за политические и уголовные преступления из николаевского дома принудительного труда во время освобождения города 21 августа.

Стиль этого секретного отчета несколько угрожающ. В нем говорится: «...о Чапаеве существуют... противоречивые сведения», и рекомендуется «всесторонне выяснить его фигуру»¹⁷. Глагол «выяснить» в документах ЧК часто использовался в отношении людей, которых подозревали в принадлежности к классовым врагам, которых следовало «разоблачить». Таким образом, этот глагол был риторически близок к другому глаголу – «чистить». Кажется, к концу октября 1918 г. в местном ЧК возникла группа людей, стремившихся использовать в отношении Чапаева эти термины в их самом жестком значении.

Решение Чапаева освободить заключенных в Николаевске привело к недовольству товарища Шумного, комиссара юстиции и председателя Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности. В письме Николаевскому уездному исполнительному комитету, датированном 8 октября, Шумный особенно негодовал по поводу пренебрежительного отношения Чапаева к вопросам разделения военной и политической власти. Шумный писал, что Чапаев, «абсолютно никакого отношения не имея к ведомству юстиции», освободил группу заключенных, среди которых были и опасные преступники, и те, в отношении которых следствие еще не было завершено. Шумный закончил свое письмо следующим пассажем: «Считаю такие незаконные действия чисто анархическ[ими]»¹⁸.

И снова, – стиль этого письма явно угрожающий (особенно принимая во внимание его авторство), и тот факт, что Чапаева никогда не был осужден или наказан за этот поступок, кажется удивительным. Возможно, его командирский талант, особенно в условиях, когда спрос на него был так высок, а предложение так ограничено, защитил его от преследований. Однако конфликт Чапаева с местным руководством был сложнее, чем ситуация, описанная Шумным. Время написания обеих жалоб и расследования любопытным образом совпадает с периодом, когда Чапаев настойчиво пытался показать неспособность центра обеспечить его подчиненных необходимыми ресурсами. Таким образом, не-

смотря на отсутствие доказательств выдвинутых против него обвинений, можно предположить, что эти обвинения могли быть направлены на подавление его возмущения.

Еще второго сентября Чапаев передал донесение в Николаевский исполком, жалуясь, что его солдат заставили воевать босыми и раздетыми, без винтовок и всего необходимого. Одержанную его бойцами победу в бою он объяснял исключительно охватившим их «революционным духом»¹⁹. Возможно, это была не первая жалоба Чапаева на недостатки снабжения, но совершенно точно, – она была не последней. После ожесточенного боя в октябре 1918 г., вторую часть которого Чапаев и его войска провели в окружении врага без какого-либо снабжения и поддержки, командир направил непрерывный поток жалоб в различные органы местной власти. Большая часть этих жалоб не привела к желаемому результату, и к концу месяца его тон изменился и стал более жестким. В радиোগрамме штабу 4-й армии от 26 октября он завершает свою просьбу о помощи призывом: «Если вам дорога товарищеская кровь напрасно ее не проливайте»²⁰. Свою критику Чапаев основывал на том, что судьба солдат не заботила большевистское военное руководство так же, как и руководство царской армии во время Первой мировой войны. Подобные обвинения, исходившие из уст знаменитого партизанского командира, отличавшегося непокорным поведением, ставили под сомнение уже сложившуюся субординацию. Можно с уверенностью сказать, что такие обращения использовались (и воспринимались) как угроза, будь они обусловлены эмоциональностью Чапаева или его стремлением заставить бюрократию работать под угрозой возможных беспорядков.

К тому моменту, как Чапаев отправил эту жалобу, многие представители местной военной и гражданской власти порядком от него устали. За три дня до этого, 23 октября, на заседании реввоенсовета Николаевского уезда, на котором присутствовали представители командования 4-й армии и местного большевистского руководства, Чапаев и некоторые его подчиненные (среди них Кутяков и Галактионов) были объявлены «врагами местного Исполкома», которые способны «не только угрожать его существованию, не только отдельно выступать, но и погубить все дело плодотворной работы Советской Власти». В качестве доказательств, помимо случая с освобождением Чапаевым заключенных в Николаевске, на заседании рассматривались и многие другие примеры его недисциплинированного, а иногда и преступного поведения. Многие рассматриваемые случаи касались вопросов обеспечения. Часто запросы Чапаева о поставках, например, «нефти, бензина и проч.», сопровождались, по мнению реввоенсовета, «нежеланием считаться с соображениями, высказанными Советом Народного Хозяйства, людьми специальных знаний и заботящихся о всеобщем благосостоянии»²¹. Рассматривались также

и случаи самочинных расстрелов «советских служащих, без всякого обвинения и такие же намерения относительно членов исполнительного комитета»²².

Такое поведение партизанского вождя было проблемой, и решение ее было непростым. Большая часть жалоб Чапаева являлась вполне обоснованной. Сама революция была вызвана в том числе и крахом государственной системы, ставшим результатом участия государства в затянувшейся и дорогостоящей войне. С тех пор положение не улучшилось. Большевики, заняв основные индустриальные центры и транспортные узлы бывшей Российской империи, обладали военным превосходством и фактически контролировали распадавшееся государство. Во время Гражданской войны снабжение редко соответствовало потребностям армии. Состояние, в котором находились войска Чапаева – полуодетые, полуголодные, часто не имевшие соответственного оружия и экипировки, – было скорее нормой, чем исключением. В этих условиях часто возникала проблема воровства, самовольных реквизиций.

Для Чапаева отъем ресурсов у центра был предпочтительней грабежа крестьян, которые обеспечивали большую часть его войск в ситуациях, когда это было необходимо. Петров – чиновник, ответственный за обеспечение чапаевской дивизии²³, в 1919 г. отмечал, что Василий Иванович очень переживал по этому поводу: «Понимаешь, мы грабим население не потому, что мы хотим, а потому, что мы вынуждены»²⁴. В конце концов он смирился с необходимостью эксплуатировать ресурсы местного населения, однако его страстные попытки получить обеспечение, используя обычные каналы осенью 1918 г., возможно, обусловлены неприятием этой необходимости. Они также демонстрируют наивную веру Чапаева в возможности государства, – в сложностях с получением необходимого он видел не системные проблемы, а нерадивость руководства. Именно поэтому он направлял свои жалобы и просьбы по самым разным адресам, включая и самого Троцкого.

Анализ переписки между Троцким, Чапаевым и местными чиновниками показывает, что некоторые требования Чапаева только отдаленно касались вопроса выживания его солдат. Так, 11 октября 1918 г. Троцкий отправил сообщение в Саратовский военный совет с описанием недавней жалобы, полученной от Чапаева. Тот заявлял, что не может продолжать дальнейшие боевые действия вследствие лишения его «самых необходимых средств». Среди этих «самых необходимых средств» были... автомобили. Сообщение Троцкого отсылает к более ранней переписке с Чапаевым, когда Троцкий обещал обеспечить командира автомобилем²⁵. Детали этой переписки неизвестны, однако некоторое представление о них дает подобное обращение от 5 октября 1918 г., отправленное Чапаевым Тихону Хвесину, командующему 4-й армии. В этом обращении Чапаев грозит Хвесину тем, что отправит жалобу о непредоставлении ему над-

лежащего транспортного средства в исполком. Он пишет: «Вы приказ мне даете и требуете его выполнить, но пешком по всему фронту я ходить не могу, верхом мне ездить невозможно. Как вам известно, у меня вышиблена рука и порваны жилы, управлять лошадью не могу, а полки стоят очень далеко и во время действий мне необходимо как командиру быть при них. Поэтому, прошу выслать мне для дивизии и для дела революции один мотоциклет с коляской, два легких автомобиля, четыре грузовика для подвозки снабжения»²⁶.

Практически вся переписка, содержащая разногласия Чапаева с представителями власти, относится к периоду, последовавшему сразу за освобождением Пугачева. Эта победа, одержанная в особенно трудный для большевиков период, принесла Чапаеву и его войскам широкое признание. В начале сентября 1918 г. Хвесин обратился в реввоенсовет с просьбой наградить Чапаева и его солдат революционным знаменем «за неоднократные геройские подвиги... в течение двух месяцев в боях с чехословаками»²⁷. Это была первая из многих подобных наград. Еще более многочисленными были различные похвалы. 8 сентября 1918 г. главнокомандующий Восточного фронта (наиболее значимого на тот момент) Иоаким Вацетис объявил благодарность войскам Чапаева и ему лично за героическую победу в Николаевске. Вацетис отмечал, что «блестящему успеху этого боя способствовала не только самоотверженность и храбрость солдат Николаевского полка, не только их твердая решимость победить или умереть, не только горячая вера в свое правое дело, но искусное руководство командира полка, т. Чапаева»²⁸. В последовавший за победой в Николаевске период чапаевские войска постоянно наступали, часто оказывались в окружении врагов. Позволительно предположить, что Чапаев считал, – его военный талант дает ему право на определенную поддержку центра²⁹. Однако тот факт, что «умелое руководство» включало в себя неподчинение приказам вышестоящего начальства, «наверху» забыт не был.

Модель руководства Чапаева предполагала нахождение в непосредственной близости к опасности, бок о бок с солдатами, при этом Чапаев хорошо понимал пропагандистское значение собственных ранений. Он был неоднократно ранен во время боевых действий Первой мировой войны, – факт, который работал на усиление его героического образа, – и до своей гибели во время Гражданской он получил еще множество ранений. В тот же день, когда он упомянул свою раненую руку в переписке с Хвесиным, он пытался донести в штаб армии подчеркиванием личного участия в боевых действиях несмотря на ранение: «В бою участвовали все командиры, вместе с рядовыми шли в цепи начальник штаба и начальник дивизии Чапаев хотя с одной рукой»³⁰. Стремление продолжить бой, невзирая на серьезные ранения, стало его отличительной чертой. Это подчеркивало его близость к рядовым и

противопоставлялось поведению чиновников и офицеров, часто уважавших дистанцию, что так презирал Чапаев. Такое положение дел хорошо показано на фотографии, сделанной сразу после освобождения Уфы в июне 1919 г., во время которого Чапаев был ранен осколком в голову.

Троцкий, когда дело касалось таких известных командиров, как Чапаев, оказывался в затруднительном положении. Слишком жесткие действия могли сделать опасного врага из ценного, но недисциплинированного союзника. Тот факт, что в сообщении Троцкого саратовскому военному совету упоминается только один автомобиль, означает некоторую готовность к компромиссу: он учел нужду командира в транспорте, но не принял во внимание его просьбу о предоставлении целого автомобильного парка. Столь бережное обращение с известным командиром еще явственнее видно из сообщения, отправленного на следующий день после выяснения ситуации с автомобилем для Чапаева. В телеграмме в военный совет Покровска Троцкий разбирает обвинения Чапаева в отъеме средств, предназначенных для самарской дивизии. Тон этого сообщения, особенно учитывая характер обвинения, удивительно неоднозначный. Троцкий пишет, что подобные случаи требуют дальнейшего рассмотрения, а если действия Чапаева действительно были незаконными, необходимо принятие соответствующих мер³¹.

В целом, эта переписка демонстрирует удивительную снисходительность Троцкого. Такая картина в значительной степени расходится с общепринятым представлением о его взаимоотношениях с Чапаевым, распространенном в российской (как советской, так и постсоветской) историографии. Согласно этим представлениям, Троцкий выступал как скрытый враг, стремящийся навредить народному командиру для того, чтобы помочь неприятелю³². Большая часть сведений, на которых построено это представление, основывается на материалах личной проверки Троцким войск Чапаева, осуществленной в Пугачеве 19–20 сентября 1918 г. Троцкий обычно изображался насмешливым и надменным, использовавшим каждую возможность упрекнуть и унижить командира перед его подчиненными. Данная встреча, несомненно, была напряженной, учитывая отношение Чапаева к субординации.

В анонимном донесении о встрече, написанном не позднее 1922 г. (то есть еще до политической демонизации Троцкого) отмечается определенная степень напряженности и недовольства, исходящая со стороны Чапаева и его подчиненных. Согласно документу, Троцкий приехал «не для приветствия войск Чапаева, а для расправы и наведения, как он любил выражаться, «порядка», чтобы выжечь каленым железом партизанщину как у самого Чапаева, так и его частей». «Партизанщина» виделась в данном случае в слабой организационной структуре и в, продемонстрированном многими добровольцами из селян на этом этапе войны, отсут-

ствии уважения к военной субординации. В то же время сведения о личной неприязни Троцкого к Чапаеву или его подчиненным очень скудны, скорее в центре его забот в то время была профессионализация и централизация военного аппарата. Однако в восприятии чапаевцев термин «партизаны» преуменьшал их роль и обесценивал принесенные ими жертвы. Они не могли понять: «в чем собственно суть партизанщины? Разве только в том, что части Чапаева и сам Василий Иванович, не жалея ни крови, ни собственной жизни, защищали искренно, безгранично, преданно Советскую Власть»³³.

Тем не менее, в этом донесении описываются скорее отношения снисходительности и уязвленного самолюбия между центром и окраинами, а не кампания по дискредитации героя со стороны знаменитого злодея. Несмотря на очевидную симпатию к чапаевцам, автор этого донесения включает в него несколько деталей, подтверждающих дипломатический характер поездки Троцкого. Несмотря на все сложности во взаимоотношениях между двумя руководителями, Троцкий «обратился к Василию Ивановичу, восхваляя героизм и талант Чапаева. Подарив ему золотые часы, Троцкий сказал, что дает Чапаеву повышение по службе и назначает его командиром дивизии»³⁴. Подобный шаг Троцкого был удивительно щедр.

Василий Иванович едет в Москву

Конфликты между Чапаевым и центром (будь то представители ЧК или местного исполкома, командующий 4-й армией или сам Троцкий) демонстрируют более общие проблемы, существовавшие между новым советским государством и его армией. Тогда и позже Троцкий часто описывал 1918 год как переходный период: время, когда «добровольчество» и «партизанство» были необходимыми, хотя и не лучшими, характеристиками военной политики. К началу ноября военная ситуация стабилизировалась достаточно, чтобы можно было начать реорганизацию фронта. Партизанские группы были включены в военную систему, а многие командиры, в том числе и Чапаев, сняты с руководства и направлены для подготовки в недавно открытую военную академию в Москву.

Ленин 8 октября 1918 г. издал приказ о безотлагательном создании Академии Генерального штаба РККА, что виделось необходимым в процессе профессионализации армии³⁵. Среди задач академии выделяли следующее: «не только дать слушателям высшее военное и исчерпывающее специальное образование, но и по возможности широкое общее образование... [сделать их] людьми способными [отвечать]... на все вопросы политической, общественной и международной жизни». Другими словами, помимо обучения военному делу, ей предстояло стать школой большевистской идеологии. При этом военный компонент был достаточно

комплексным и включал следующие курсы: «1) стратегия; 2) философия войны; 3) тактика всех родов войск и общая тактика; 4) военная психология; 5) история военного искусства; 6) история... всемирной войны; 7) служба Генерального Штаба; 8) военная география; 9) военная администрация; 10) военно-морское дело; 11) военная топография; 12) военно-инженерное дело»³⁶.

Создание академии было необходимым элементом в структурной реорганизации Красной армии. Смысл этого института виделся в подготовке нового офицерского корпуса из рабочих и крестьян, выдвинутых новым государством, что позволило бы уменьшить зависимость Красной армии от знаний и навыков бывших царских офицеров. Тот факт, что Чапаев был отобран в это новое офицерство, говорит о признании его военного таланта. Менее способные командиры были либо понижены, либо вовсе смещены с руководящих должностей. Согласно приказу от 5 ноября 1918 г.³⁷ Чапаев оказался в числе лишь двенадцати человек, направленных в Москву из рядов 4-й армии. Среди них был и недавний командарм Хвесин, с которым у Чапаева были разногласия в октябре³⁸.

Академия работала на формирование дисциплины и уважения к военной иерархии и власти. Несмотря на то, что Чапаеву пришлось поехать на учебу, он обязан был запросить разрешение на это в нескольких организациях и у нескольких персон, включая Троцкого³⁹. Оказавшись в академии, он попал в четко отрегулированную среду. Ежедневное присутствие на лекциях и практических занятиях было обязательным и контролировалось⁴⁰. Слушатели были обязаны постоянно иметь при себе документы и «своевременно извещать названные учреждения о переменах квартир... о болезни... и о выезде»⁴¹. Эта среда была далека от идеала для человека с таким отношением к правилам и постоянному контролю, как Чапаев.

Направление Чапаева на учебу вряд ли можно рассматривать как попытку его наказать, даже несмотря на то, что им самим оно было, похоже, воспринято именно так. Учитывая его частые конфликты с руководством, вполне понятно, что он (и многие его подчиненные) были потрясены известием о скорой отправке в Москву. Как вспоминал сослуживец, Василий Иванович был «серьезно обеспокоен» и посчитал это лишением командования. Он вспоминал о «случаях, когда он, Чапаев, не выполнял приказов начальства, отказывался говорить по телефону или по телеграфу со штабом армии, или того хуже – ругал высшее начальство. А таких случаев у Чапаева было много»⁴². Несмотря на попытки близких товарищей его успокоить, он продолжал волноваться. В какой-то момент он даже думал о том, чтобы не подчиниться приказу и начать третье наступление на Уральск, которого он с таким нетерпением ждал. В конце концов группа бойцов Чапаева подготовила резолюцию, подчеркивавшую его ценность в деле революции. Резолюция содержала

просьбу вернуть Чапаева к командованию, как только он закончит обучение. Она «была принята единогласно и для Чапаева была ценнейшим документом, рассеивающим все его опасения... С этим документом поехал в Москву учиться наш плотник-красный генерал т. Чапаев. И в этот раз кричали «ура» и бросали шапки вверх, крепко-накрепко пожимая его дружескую руку. Так поехал в генакадемию наш тов. Чапаев»⁴³.

Эта резолюция представляет собой любопытную и откровенную попытку сельской окраины договориться с центральной советской властью. В ней демонстрируется вера в защитные возможности документов и коллективных обращений: «Мы представители эскадронов, рот и команд 2-го Кавалерийского имени Гарибальди полка собравшись сего числа обсуждали вопрос об отъезде от нас начальника дивизии тов. ЧАПАЕВА; ПОСТАНОВИЛИ: приветствовать его, как одного из передовых бойцов рабоче-крестьянской красной армии, как успешного организатора деревенской бедноты, не считаясь тем, что в нашем забитом степном уголке царила полудикая темнота, он успешно сумел создать боеспособные полки которые держали натиск чехословаков с одной стороны и казачьих белогвардейцев с другой». Чапаев описывается в этой резолюции как организатор и просветитель, что говорит о знакомстве создателей документа с большевистской риторикой. Однако наполнившая письмо наивная вера в силу коллективной и демократической воли была продуктом предыдущего этапа развития революции – 1917–1918 гг., когда многие солдаты еще избирали своих командиров, а армия была организована по добровольческому принципу. К тому времени, когда произошли описанные события, данный период закончился.

Заключительная часть письма, гласившая: «Да здравствуют наши вожди т.т. Ленин, Троцкий и Чапаев»⁴⁴, в которой в один ряд были поставлены партизанский командир и высшие лица коммунистической партии, теперь была совершенно не уместна. Это Чапаев хорошо усвоил в 1919 г. Большевикам же предстояло научиться взаимодействовать с окраинами – Гражданская война продолжалась, как и противостояние внутри местных сообществ.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Фурманов Д. А. Чапаев. М.: изд-во «Художественная литература», 1967. С. 75, 76.

² Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 71. Оп. 33. Д. 380. Л. 1; Д. 14. Лл. 37–39; Михайлов А. В. И. Чапаев в Пугачевске (Библиотека «Огонек», №33 (948)). М.: Журнально-газетное объединение, 1936. С. 25.

³ Leon Trotsky. How the Revolution Armed. Vol. 1: 1918. London: New Park Publications, 1979. P. 12.

⁴ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 1299. Оп. 2. Д. 8. Л. 3.

⁵ См. об этом: Vladimir N. Brovkin. Behind the Front Lines of the Civil War: Political Parties and Social Movements in Russia, 1918–1922. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1994. P. 8; Булдаков В. П. Красная Смута. Природа и последствия революционного насилия. М.:

РОССПЭН, 1997. С. 18: «В сущности все новейшие беды России связаны только с тем, что ее социокультурное распадение на «город» и «деревню» к началу XX в. стало болезненно заметным на бытовом уровне, а война породила болезненность этого ощущения».

⁶ «В годы Гражданской войны на территории Поволжья произошло не менее 37 крестьянских выступлений на почве недовольства мобилизацией в Красную армию». *Кондрашин В. В.* Крестьянство России в Гражданской Войне: к вопросу об истоках сталинизма. М.: РОССПЭН, Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2009. С. 168.

⁷ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 34. Д. 2120. Л. 11.

⁸ РГВА. Ф. 1299. Оп. 2. Д. 6. Л. 135.

⁹ *Стрельцов И. Т.* Красный путь 22-й дивизии: воспоминания Чапаевца. Самара: изд. Красного Землячества Чапаевцев, 1930. С. 29.

¹⁰ Саратовский областной музей краеведения (СОМК). СОМК-22605/6 «*Пирушкин С. Д.* По местам, где шел В. И. Чапаев» 28/10-57. С. 4–5.

¹¹ СОМК-22605/8 «Рассказ-Воспоминание Есипова Петра Ивановича». С. 16.

¹² Литературный критик Леопольд Авербах позже, «характеризуя чапаевщину, делает сравнение чапаевщины по существу с махновщиной. Он в своей статье... говорит, что и многие чапаевцы на Украине были бы махновцами, как равно махновцы оказавшись в Уральских степях были бы чапаевцами». РГВА. Ф. 28361. Оп. 1. Д. 783. Л. 1.

¹³ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 33. Д. 278. Л. 9.

¹⁴ Красноармеец. Орган Саратовского Губернского Военного Комиссариата. 1919. 23 февраля, №5.

¹⁵ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 34. Д. 1026. Лл. 29–30.

¹⁶ *Михайлов А.* Указ. соч. С. 22.

¹⁷ РГВА. Ф. 184. Оп. 3. Д. 9. Лл. 1–2.

¹⁸ РГВА. ф. 184. Оп. 3. Д. 9. Л. 24.

¹⁹ Легендарный начдив: сборник документов. Чебоксары: Чувашское кн. изд-во, 1986. С. 54.

²⁰ РГВА. Ф. 184. Оп. 3. Д. 9. Л. 9 26/10/18 Радиограмма Штаб 4 армии Командарму 4.

²¹ РГВА. Ф. 184. Оп. 3. Д. 9. Л. 14.

²² РГВА. Ф. 184. Оп. 3. Д. 9. Л. 15.

²³ Неопределенность статуса военных соединений, находящихся под командованием Чапаева отражена в их наименовании. Так, между летом 1918 г. и весной 1919 г. они назывались 1-й и 2-й Николаевские полки, 2-я Николаевская дивизия, Александрово-Гайская группа. В конце концов его войска стали именоваться 25-й стрелковой дивизией, после смерти Чапаева получившей его имя.

²⁴ РГВА. Ф. 28361. Оп. 1. Д. 779. Л. 6 «Стенограмма Заседания Чапаевского Землячества от 3 марта 1934».

²⁵ Там же. РГВА. Ф. 184. Оп. 3. Д. 9. Л. 4.

²⁶ Легендарный начдив... С. 82.

²⁷ Там же. С. 65.

²⁸ Там же. С. 61.

²⁹ РГВА. Ф. 184. Оп. 3. Д. 85. Л. 33 31/10/1918, Радиограмма Штабу 4 армии из Штаба Николаевской дивизии.

³⁰ РГВА. Ф. 1299. Оп. 2. Д. 7. Л. 217.

³¹ РГВА. Ф. 184. Оп. 3. Д. 9. Л. 10.

³² Изображение Троцкого именно в таком свете получило распространение в работах о Чапаеве советского времени. Однако и в постсоветский период Троцкого часто изображают подобным образом. См., напр.: *Чапаева Е.* Мой неизвестный Чапаев. М.: Корвет, 2005, а также телесериал «Страсти по Чапаеву» (телеканал Россия 1, 2012).

³³ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 34. Д. 1026. Л. 40.

³⁴ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 34. Д. 1026. Л. 41.

³⁵ Предисловие к листовой описи фонда №24696 «Краснознаменная ордена Ленина Военная академия РККА / Красной армии / им. М. В. Фрунзе».

³⁶ РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 148. Л. 1.

³⁷ РГВА. Ф. 184. Оп. 1. Д. 22. Л. 26.

³⁸ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 34. Д. 339. Л. 106. Незадолго до этого Хвесин просил переназначения. Там же. Л. 96.

³⁹ РГВА. Ф. 1299. Оп. 2. Д. 7. Л. 490.

⁴⁰ РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 149. Л. 18.

⁴¹ РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 149. Л. 40.

⁴² *Стрельцов И. Т.* Указ. соч. С. 40.

⁴³ Там же. С. 41.

⁴⁴ РГВА. Ф. 184. Оп. 3. Д. 85. Л. 83.

БАУЛИНЦЫ: РАЙОННЫЙ ЛИПОВСКИЙ ОТРЯД КРАСНОЙ ГВАРДИИ*

А. А. Симонов (Саратов)

Сложность положения советской власти на селе в первой половине 1918 г. обуславливалась несколькими причинами, среди которых присутствовал красногвардейский фактор¹. Между тем, сама тема сельских красногвардейцев ещё далека от раскрытия. Судить об этом можно по чапаевской историографии. Как известно, В. И. Чапаев был среди зачинателей красногвардейского движения в Николаевском уезде Самарской губернии, но эта сторона его биографии оказалась освящённой крайне скупой и строго в рамках устоявшегося идеологического мифа о легендарном начдиве. Оказалась принижена значимость других крестьянских командиров, хотя на тот момент перспективы Чапаева на верховенство среди народных вожakov уезда были не столь очевидны. Естественный отбор требовался и красноармейским отрядам, ведь де-факто первые формирования регулярной Красной армии появились в уезде только летом 1918 г. Тем интереснее поднять проблему николаевских красногвардейцев с точки зрения предопределённости феномена Чапаева и чапаевцев. В качестве примера разберём деятельность сельской Красной гвардии нескольких привольских волостей² Николаевского уезда.

Среди местностей Самарской губернии особой уникальностью хозяйственного уклада выделялись Николаевский и Новоузенский уезды. Развитие сельскохозяйственного производства представляло в них так называемый «американский» тип аграрной эволюции. Исторически это обуславливалось отсутствием крупного помещичьего землевладения. Если говорить конкретнее, то в обширном Николаевском уезде³ помещицы угодья занимали примерно 10,6 % используемых земель и располагались преимущественно недалеко от Волги⁴. Традиционно же в уезде преобладали селения бывших государственных крестьян с надельной землёй⁵. Но в конце XIX в. начался рост крестьянского частновладель-

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 13-01-00260.

ческого сектора, значительно преумноженного столыпинской аграрной реформой. Увеличилась доля богатых крестьян-единоличников, сельские общины деформировались. На хутора и отруба переходили, как правило, многоземельные крестьяне, имевшие, помимо надельной, купленную землю. Но общину покидала и большая группа малоземельных крестьян. Многим селянам приходилось полностью или частично продавать землю, либо сдавать её в арендуб. В результате наряду с концентрацией крупного капитала в сельском хозяйстве шло активное разрушение общины. Но даже стремительная пролетаризация крестьянства не восполняла нехватки рабочих рук для фермерских (кулацких) хозяйств. Каждое лето тысячи батраков из других губерний подавались в наём к богатым. Кто-то оседал с семьями, увеличивая категорию так называемых «иногородних». Первая мировая война добавила к ним ещё и беженцев из Западных губерний. В результате всего этого, а также вызванных войной иных социально-экономических тягот, накал антагонизма между сельскими слоями неуклонно рос.

Первые красногвардейские формирования в Николаевском уезде появились глубокой осенью 1917 г. – на заключительном этапе массового аграрного движения, порождённого Февральской революцией. На тот момент процесс ликвидации последствий столыпинского землеустройства принял необратимый характер. Крестьяне-общинники последовательно осуществляли «чёрный передел», громя частновладельческие хозяйства выделенцев-отрубщиков и помещиков. Одновременно проявились межобщинные трения, вызвавшие архаизацию деревни в виде корпоративных объединений на основе ранее существовавших крестьянских разрядов⁷.

Верховодили фронтовики – солдаты, прошедшие Первую мировую войну. Они же стали главной социальной силой, насаждавшей советы. Сам же процесс советизации проходил неравномерно и зависел от преобладания в волостях того или иного аграрного уклада с сопутствующей ему местной спецификой общественного крестьянского сознания.

В привольских волостях уже к Октябрю 1917 г. земли помещиков были в основном поделены, а заодно общинники прошлись по отрубным хозяйствам. Характерен пример бывшего государственного села Теликовки Берёзоволукской волости. К 1917 г. там проживало более 4300 человек. Зажиточных частных хозяйств насчитывалось около 200, середняцких – более 500, бедняков и батраков – примерно 300 дворов. В селе проживала также большая группа иногородних. Они не были приписаны к общине и перебивались за счёт батрачества и ремёсел. Надельной же земли на наличную мужскую душу общинника приходилось в среднем 1 десятина 23 сажени, что было явно недостаточно даже для выживания. Приходилось брать землю в аренду по 25 рублей и дорожке за десятину у частных лиц, в основном у помещиков⁸. Самовольно

захватывать помещичьи угодья и земли отрубщиков крестьяне начали ещё летом 1917 г., в сенокосную пору. Осенью принялись за пашню и вырубили часть помещичьего леса. Декрет о земле узаконил уже свершённое. К тому времени в село начали возвращаться фронтовики, отличавшиеся радикальным поведением. Уже в конце ноября 1917 г. в Теликовке создан отряд в три десятка красногвардейцев. Командиром выбрали бывшего унтер-офицера П. Ф. Баулина⁹. Оружия, привезённого с фронта, в отряде всем не хватило, пришлось обратиться за помощью в уездный Николаевск. Вооружившись с помощью тамошнего исполкома, приступили к действию: 5 декабря 1917 г. сельский сход провозгласил в Теликовке власть советов¹⁰.

Какой тогда представлялась крестьянам-общинникам советская власть и зачем им требовалась вооружённая поддержка, хорошо видно на примере соседнего с Теликовкой села Дубового. 30 декабря 1917 г. там в присутствии 217 человек состоялся сельский сход. Руководили им председатель сельского комитета народной власти С. Е. Мельников и фронтовик Ф. М. Очкаев. Последний представился землякам как член дивизионного комитета 82-й пехотной дивизии. Итогом схода стало коллективное соглашение, которым предусматривалось «организовать Совет крестьянских и рабочих депутатов в числе 45 человек и передать всю власть общества означенному Совету»¹¹. Примечательны некоторые пункты соглашения, в частности, призыв прекратить спекуляцию, «которая доводит население до голодовки». Напомним, что население Самарской и Саратовской губерний испытывало серьёзные продовольственные трудности, связанные с неурожаем 1917-го года¹². Цена за мешок пшеницы в волости доходила до 52 рублей и была в два раза выше оговорённой волостным продовольственным комитетом. Ещё один пункт обращал внимание сельчан на «грабежи и беспорядки, ведущие к полному развалу страны». Вероятно, имелись в виду погромы помещичьих экономий. Сход также установил хлебную монополию: было решено оставить хозяйствам по 10 пудов семян на десятину земли и по 1 пуду 10 фунтов хлеба на каждого едока в месяц, а остальной хлеб выкупить по установленной твёрдой цене и сыпать в общественный магазин. При обнаружении спрятанного хлеба его следовало реквизировать. Повторная попытка скрыть хлеб предполагала заключение под стражу и народный суд. Следить за соблюдением «соглашения» поручалось сельской Красной гвардии¹³.

Вскоре советизация и создание отрядов Красной гвардии охватили другие привольские волости. (см. таблицу 1).

Как видно, на этапе зарождения красногвардейского движения процесс образования отрядов носил неравномерный характер: формирования создавались в отдельных населённых пунктах и без общего командования. Однако длилось это недолго, и в конце января 1918 г. появилась «Районная Красная гвардия» со штабом в Липовке, объединившая отряды

Берёзоволукской и Липовской волостей с общим количеством красногвардейцев до 140 человек¹⁴.

Таблица 1¹⁵

Красногвардейские сельские отряды привольских волостей Николаевского уезда (ноябрь 1917 г. – январь 1918 г.)

Населённый пункт	Волость*	Командир	Время формирования.
Теликовка	Берёзоволукская	Баулин П. Ф.	ноябрь 1917
Дубовое	÷	Галкин Ф. В.	декабрь 1917
Берёзовая Лука	Берёзоволукская	Шевелёв А. М.	январь 1918
Острая Лука	÷	Садчиков И. А.	÷
Липовка	Липовская	Быков Ф. В.	÷
Левенка	÷	Славнов И. Ф.	÷
Никольское	Никольская	Шемяков З. М.	÷
Макарьёво	Горяиновская	Михалёв А. Ф.	÷
Наталино	Николевская	Белоглазов Д. С.	÷

* Волости указаны в соответствии с дореволюционным административным делением Николаевского уезда

Дальнейшую эволюцию этого объединённого отряда и появление других формирований можно связать с декретом СНК от 27 января 1918 г., который разрешал местным советам изменять границы и создавать новые административные единицы из частей губерний, уездов и волостей¹⁶. Волости стали дробиться по общинным «интересам». Например, бывшие государственные крестьяне села Брыковка решили выйти из Григорьевской волости и образовать собственную волость. Объяснялся такой шаг значительно большим количеством удобной земли, принадлежавшей брыковцам, против земельных владений других обществ волости, которые к тому же относились к бывшим помещикам. При этом учитывался «Основной закон о социализации земли»¹⁷, оставивший надельную землю за волостями. Дележу подлежала только частновладельческая земля. Таким образом, брыковцы могли и свои наделы сохранить, и прирезать к ним конфискованные угодья помещиков и кулаков¹⁸.

Судя по всему, аграрная революция явно разделяла, а не объединяла крестьян различных разрядов. Вот и представители бывших помещичьих крестьян села Озерки отказались прибыть 19 января 1918 г. на собрание селений Липовской волости, мотивируя это тем, что у них уже создан сельский совет и в волостном совете с Красной гвардией они не нуждаются¹⁹. Любопытно, что летом 1918 г. партизанский белогвар-

дейский отряд из «помещичьего» села Озерки стал надёжной боевой силой армии Комуча²⁰.

Другой пример разрядного «суверенитета» явила Духовницкая волость, возникшая из части той же Липовской волости. Она объединяла несколько населённых пунктов в основном из бывших помещичьих владений. Яблоком раздора могли быть помещичьи земли, бравшиеся бывшими государственными крестьянами сёл Липовки, Левенки и других мест волости²¹ в аренду или на откуп. В условиях начавшейся социализации земли административная граница нового уезда отсекала «государственников» от подлежащих дележу частновладельческих угодий. Но к середине февраля 1918 г. жители будущей Духовницкой волости ещё только ожидали утверждения своего нового статута в уезде. А пока их территория подчинялась совету в Липовке с его Красной гвардией.

Какие же обязанности возлагались на сельских красногвардейцев? Подробнее об этом можно узнать из инструкции по организации районных и волостных советов, учреждённой 3-м уездным крестьянским съездом, проходившем в Николаевске 16–18 декабря 1917 г. Вот некоторые выдержки.

«...[Волостной Совет] разрешает вопрос об организации и вооружении Красной гвардии, ...[которая должна] оберегать все завоевания революции, бороться всеми мерами и способами с контрреволюционными поползновениями буржуазного класса и всеми анархо-бунтарскими проявлениями несознательной массы: поджогами, грабежами, убийствами, пьянством и хулиганством и т. п.

...Волостные Советы имеют Крестьянскую красную гвардию на выбранных началах, которую и вооружают. ...Оружие [красногвардейцам] может быть выдано уездными или губернскими Советами под расписку и строгий контроль волостных Советов. Всё оружие хранится при Совете...

В случае недобросовестного выполнения своих обязанностей, нерядения, милиционер (красногвардеец) смещается без права поступления и лишается права ношения оружия.

Один-два члена исполкома должны руководить вооружённой оружием милицией, отвечают за борьбу с пьянством, грабежами и т. п.»²²

К тому же инструкцией Народного комиссариата внутренних дел «О правах и обязанностях советов» от 24.12.1917 г. местным органам власти всех уровней разрешалось производить реквизиции, конфискации и аресты, налагать штрафы, распускать общественные организации, призывающие к активному противодействию или свержению советской власти²³.

Привольские отряды Красной гвардии всё вышесказанное истово исполняли, соблюдая как хозяйственные интересы своих крестьянских общин, так и растущие экономические притязания её малоимущей части. Остро стояла проблема аграрных преобразований внутри самой общи-

ны, деревенской бедноте требовалась защита в зреющем конфликте с середняками и кулаками. Активная фаза такого противостояния началась с реализацией «Основного закона о социализации земли»: распределение земли поручалось исключительно земельным отделам советов всех уровней²⁴. Но, как известно, ещё до дележа угодий, советы привольских волостей попытались взять под контроль продовольственный вопрос. Именно его радикальное решение привело к «первой крови».

Начало активной деятельности привольской Красной гвардии связано с введением волостными советами твёрдых цен на хлеб и разрешения его реквизиции за укрывательство. Для этого перекрывались пути свободного вывоза муки и зерна. Так, в конце января 1918 г. теликовские красногвардейцы выставили несколько заградительных постов вокруг села Духовницкого, которое находилось на берегу Волги напротив Хвалынска и являлось перевалочным пунктом благодаря зимней дороге через реку. Обычно торговцы хлебом съезжались к селу и оттуда держали путь в Саратовскую губернию. На сей раз возы с хлебом за Волгу не пустили и арестовали. Это вызвало возмущение. 15 февраля хлебо-торговцы при активной поддержке местных жителей разоружили «обидчиков». Однако на следующий день прибыл районный отряд. Участники «демилитаризации», в свою очередь, арестовали и подвергли допросу. Проводил его, как записано в протоколе, председатель Красной гвардии Липовского района А. М. Шевелёв²⁵.

Ответы арестованных позволяют частично восстановить картину нападения на красногвардейцев. Причиной возмущения называются взятки и грабёж на проверочных постах. Причём в руках бунтарей оказались не только винтовки и револьверы избитых ими красногвардейцев, но и другое стрелковое оружие, видимо, привезённое с фронта. Любопытно, что местное население тоже активно противодействовало красноармейскому «гнёту», а в большой деревне Отрадное случился даже сполох, – вооружённый чем попало народ сбежался на звук набата. Руководили возмущёнными крестьянами представители сельских советов²⁶, что подтверждает факт «кулацкого засилья» в советах в этот период²⁷.

Какое наказание понесли бунтари, неизвестно, но, судя по другим похожим случаям, вероятнее всего, – наложили на них контрибуцию, которая, по мнению большевиков Николаевского уезда, была хорошей «уздечкой для обуздания взбесившейся сельской буржуазии»²⁸. «Выколачивали» контрибуцию в Духовницком опять же красногвардейцы. Теперь они были свои собственные – духовницкие, так как 22 февраля 1918 г.²⁹ уездный исполком наконец утвердил образование Духовницкой волости. 8 марта на заседании волостного совета его председателем В. Дмитриевым было заявлено: раз появилась новая волость, то ей для защиты интересов трудового народа нужна своя Красная гвардия. Предполагалось, что Духовницкий отряд войдёт в районную Липовскую

Красную гвардию. Из представленных сельскими обществами кандидатур после обсуждения был составлен общий список из 21 фамилии. Троицк красногвардейцам было от 34 до 43 лет, остальным – от 19 до 27. Список отправили на утверждение в Николаевск вместе с просьбой о винтовках для отряда. Пока же, за неимением какого-либо оружия, видимо, подчистую конфискованного после бунта, попросили уездисполком срочно выдать три револьвера для охраны волостных денежных сумм³⁰.

Антисоветский бунт не миновал и саму Липовку. Но сначала он вспыхнул в соседней Брыковке, где ещё 30 января 1918 г. был избран волостной совет. Его первым шагом стало решение создать общественный хлебозапасный магазин, а в волости провести реквизицию излишков зерна и муки. Но поскольку своей Красной гвардии пока не было, а со стороны зажиточной части населения могло последовать сопротивление, решили просить «начальника района Красной гвардии» прислать своих бойцов. Одновременно сделали заявку на 50 винтовок в Николаевск, планируя организовать собственный Брыковский отряд³¹.

Как происходила хлебная реквизиция в Брыковке, доподлинно неведомо, но её следствием стал арест крестьянами трёх теликовских красногвардейцев. Далее известно, что вскоре (а дело было в феврале) в Брыковку прибыл районный красногвардейский отряд во главе с П. Ф. Баулиным, «враги Советской власти в панике разбежались,.. а местное кулачество было обложено контрибуцией»³².

Чтобы исключить рецидив в Брыковке, туда перевели из Липовки штаб районной Красной гвардии. Однако следующий бунт вспыхнул как раз в Липовке. В историографии он получил огласку благодаря опубликованному приказу СНК Николаевского уезда от 1 марта 1918 г. об объявлении Липовского района на военном положении. В приказе сообщалось о контрреволюционном восстании и убийстве «некоторых руководителей местных Советов»³³. В Липовку спешно командировался комиссар военного отдела Николаевского уездного СНК и инструктор Николаевского батальона Красной армии В. И. Чапаев. Получив особые полномочия, Чапаев немедленно убыл с конным отрядом в два десятка бойцов, но поспел к «шапочному разбору». Местные красногвардейцы справились самостоятельно³⁴. Интересны подробности этого крестьянского возмущения.

27 февраля 1918 г. на базарной площади села Липовки возле волостного совета стихийно возникло собрание жителей. Основное требование негодующей толпы – выдать на расправу красногвардейцев Матвея Богомолова и Ивана Сиприкова, которых обвиняли в том, что отобранное у крестьян они берут себе. Тогда на импровизированную трибуну – крыльцо сельской лавки – поднялся начальник волостной милиции Ф. В. Быков³⁵, который ответил, что указанные лица уже арестованы, и если их виновность будет доказана, то они будут преданы народному суду. Не успел он закончить, как к нему бросился крестьянин Савелий

Бирюков, ухватил Быкова за полу шинели и стал стаскивать с крыльца. Чувствуя настроение собрания, Быков выхватил наган. Но на него накнулись стоявшие рядом Яков Хараборчев и Иван Копёнкин. Перила обломились, и все повалились в снег. Началось избиение Быкова. Другая часть бунтовщиков набросилась на красногвардейцев и членов волисполкома. При этом досталось и односельчанам, пытавшимся прекратить драку. У восставших появилось в руках стрелковое оружие, гранаты. Раздались выстрелы, но больше для острастки. Побитые сторонники советской власти припустили к сельской окраине, за ними погналась часть разъярённой толпы³⁶. Над потерявшим сознание Быковым ещё немного поиздевались деревенские бабы (облили мочой) и бросили. Спасла его проезжавшая мимо крестьянка Агафья Лагутина. Погрузив раненого на сани, она тронулась в больницу. Там выяснилось, что у Быкова пробита в двух местах голова, порвано левое лёгкое и сломано два ребра³⁷.

Никаких других активных действий бунтовщики не проявили. К утру следующего дня о возмущении ничего не напоминало. Между тем, члены волостного совета и красногвардейцы собрались у братьев Щепотиных на сельской окраине. Там скоординировали действия: выслали охрану в больницу к Быкову и послали нарочных в Теликовку и Николаевск³⁸.

28 февраля в Липовку вошёл районный отряд. В тот же день было проведено «районное заседание делегатов солдатских, рабочих и крестьянских депутатов Николаевского уезда и начальников штаба Красной гвардии по делу дознания происшедшего в селе Липовке в нанесении тяжких побоев тов. Быкову»³⁹. Присутствовали делегаты от советов: Липовского, Теликовского, Брыковского, Берёзоволукского, Остролукского и Екатерининского. Красной гвардии не было только в последней волости. Другие же волости имели красногвардейское представительство в лице начальников волостных отрядов. Они же являлись начальниками районного штаба Красной гвардии, поскольку орган этот был коллегиальным (см. таблицу 2⁴⁰).

Таблица 2
Начальники волостных отрядов Липовской
районной Красной гвардии
(на 1 марта 1918 г.)

Волость	Начальник отряда
Липовская	М. Е. Пшкин
Теликовская	П. Ф. Баулин
Брыковская	Шипунин
Берёзоволукская	А. М. Шевелёв
Остролукская	Хрущёв
Екатериновская	—

Поясним, что к тому времени из Берёзоволукской волости выделились Теликовская, Остролукская и Екатериновская волости, а из Григорьевской волости – Брыковская. М. Е. Пшикин был заместителем раненого Ф. В. Быкова, Хрущёв сменил И. А. Садчикова⁴¹, а Шипунин был избран командиром вновь созданного отряда в Брыковке.

Но вернёмся к расследованию. Приведём сначала выдержки из его протокола.

«При открытии заседания Председатель заседания предупредил красногвардейцев: виновным, задержанным вперёд до особого распоряжения, побоев не наносить. После чего приступил к производству дознания...

Обвиняемый Александр Яковлев Голосов объяснил: «Я на собрании был, хотя и видел как били тов. Быкова, но не знаю кто, так как в толпе не мог разобрать».

Свидетель Александр Андреев Кузьмин против показания Голосова возразил: «Хотя Голосов и не наносил побоев тов. Быкову, но возмущал толпу по убийству тов. Быкова».

Обвиняемый Николай Васильев Горюнов объяснил: «Я Быкова не бил, также не бил Ивана Сергеева Карбулаева, а только уговаривал Карбулаева, чтобы он не лез, а то в этой драке и тебе будет тоже. Причем, я видел как Василий Гусев нёс дугу к месту, где лежал тов. Быков. Я спросил Гусева, для чего ты несёшь дугу – он сказал, чтобы бить тов. Быкова. Эту дугу я у Гусева вырвал, а у меня вырвал Андрей Барabanов с намерением бить тов. Быкова. Больше я ничего не знаю».

Свидетель Иван Сергеев Карбулаев показал, что его ударил Горюнов за то, что тот сказал, – не надо убивать тов. Быкова. Тов. Быков лежал убитым, около него стояли с дугой и слегой не знает кто.

2-й свидетель Максим Котов показал, что на собрании был и разнимал драку между Николаем Горюновым и Иваном Карбулаевым. Кто бил тов. Быкова, не знает.

...Обвиняемый Василий Иванов Гусев объяснил: «Виновным я себя признал, так как я тов. Быкова бил дугой, но только через толпу народа. Ударил до трёх раз, а больше не бил. Затем я с дугой выбег из толпы и бросил дугу, и больше я ничего не видел».

...Обвиняемый Василий Артемьевич Анкудинов объяснил: «Когда я подошёл к трибуне, в это время тов. Быков сказал, что виновных красноармейцев арестуем, а теперь нужно прочитать телеграмму и разъяснить её народу, но в это время народ стал волноваться. В скором времени я услышал выстрел, поэтому с собрания ушёл».

... Обвиняемый Иван Васильевич Капёнкин пояснил: «На собрании я был и слышал, как тов. Быков начал что-то читать. В это время Савелий Бирюков кричал: «Дайте мне Богомолова!» Видел, как вёл Быкова Яков Харборчев».

Свидетель Степан Белоногов показал, что тов. Капёнкин всё время шёл по программе большевиков и [даже] со своим отцом боролся, [для

чего] обязательно нужно быть большевиком, стараться бороться за эту программу, которая должна нас спасти от этого проклятого ига.

2-й свидетель Александр Кузьмин показал, что Капёнкин участвовал в избиении тов. Быкова.

3-й свидетель Андрей Панфёрович Федулов показал, что в побоях тов. Быкова Капёнкина не видел, а может только подтвердить, что ранее на [другом] собрании видел, как товарищ Капёнкин срывал погоны со штабс-капитана Долгополова.

...Обвиняемый Василий Иванов Пшикин объяснил: «На собрании я был с братом и видел, как Савелий Бюриков стащил красногвардейца Матвея Жирнова, а что касается винтовки, как она ко мне попала, не помню, но, думаю, мне её дал красногвардеец. Ударов тов. Быкову я не наносил, но видел, как Андрей Барабанов нёс какую-то жердь с винтовкой. Я бегал, не помня себя, и затем опять обратно внёс винтовку в здание волостного Совета, где и бросил».

...Свидетель Влас Ильич Сеченский показал: «Во время бунта я видел Николая Храпова и Фёдора Гусева, которые шли обезоружить Красную гвардию, при этом Фёдор Гусев говорил, что у него имеются гранаты»⁴².

Документ, конечно же, требует комментария. Понятно, что никакого реального восстания не было, а возник стихийный, неподготовленный бунт, вылившийся в обыкновенную кулачную драку, где самым грозным оружием оказалась дуга – элемент конской упряжи. Без сомнения, серьёзно пострадал от разнuzданной толпы местный командир Красной гвардии Ф. В. Быков, но остался жив, хотя и был близок к гибели. Других явных потерпевших не было. Оружие не применялось, хотя у бунтовщиков оно имелось. Объяснения обвиняемых и свидетелей в меру тактичны и противоречивы и больше свидетельствуют о личных взаимоотношениях односельчан, чем о борьбе «классовых» врагов. В этой связи любопытны двойственные показания в отношении обвиняемого И. В. Капёнкина. По всей видимости – это фронтовик с большевистскими поведенческими наклонностями, в своё время продемонстрировавший это, сорвав прилюдно с земляка-офицера Долгополова погоны. В то же время он готов пойти с кем угодно и против кого угодно за «сельский мир». Трудно сказать, в каком лагере – белом или красном оказался потом Иван Капёнкин, а вот штабс-капитан Долгополов в июле 1918 г. стал командующим Народной обороной Николаевского уезда в составе белой Народной армии Комуча⁴³. Таких противников Советской власти в Липовке было немало. Но опять же, в тот февральский день они за оружие не схватились и охлократию не поддержали.

Не стоит удивляться и грозному приказу уездного СНК, срочно отправившего к месту события Чапаева с правом «сопротивляющихся и противодействующих – расстреливать»⁴⁴. Уездная власть явно не рас-

полагала всей информацией и была введена в заблуждение слухом о погибших советских работниках. Чапаев и не задержался: на следующий день он вернулся в Николаевск. Приговор вынес Липовский совет. 6 марта 1918 г. он постановил: «Всех возмутителей выслать из пределов Николаевского уезда, имущество их конфисковать, как: дом, скот и хлеб. Только выдать каждому по одной лошади и выселить в БУХАРИЮ, а имущество их раздать более пострадавшим людям и не имеющим своих домов»⁴⁵. Как видим – никаких расстрелов.

Впрочем, Липовского районного отряда в селе уже не было: 3 марта он по заданию уездного исполкома срочно убыл в заштатный город Балаково, где рано утром того воскресного дня, воспользовавшись приездом на базар окрестных крестьян, противники советов подняли восстание. Часть рабочей Красной гвардии переметнулась к мятежникам, а начальник красногвардейцев Г. И. Чапаев, родной брат В. И. Чапаева, был убит.

Преодолев около 80 вёрст, липовцы, возглавляемые П. Ф. Баулиным, вошли в город. Трудно назвать время прибытия отряда, но хорошо известно, что положение уже было спасено балаковскими грузчиками и металлистами под руководством С. Д. Шкарбанова⁴⁶. Липовскому отряду и другим вызванным красногвардейским формированиям из Николаевска, Сулака и даже Самары⁴⁷, оставалось только проконтролировать сбор контрибуции с местной буржуазии. Опять же неизвестно, как это делали липовцы, но об общем характере действий красногвардейцев можно судить по другим отрядам.

Сулакский красногвардеец П. К. Рязанцев вспоминал, что был создан ревтрибунал, который работал трое суток. «На купцов и торговцев наложили контрибуцию в сумме полутора миллионов рублей. По приговору ревтрибунала тридцать человек – главарей мятежа расстреляли, а 300 человек отправили в тюрьму, предварительно, вместо усмирительной рубашки, пропустив каждого через нагаечный кордон. Прибывшие красногвардейские отряды помогли городскому совету конфисковать у купцов и помещиков большие запасы хлеба, а у торговцев большое количество разных товаров»⁴⁸.

То, что сулакцы отличались особым рвением и именно они расстреляли часть арестованных, – отмечал председатель Балаковского военно-революционного штаба И. И. Нерода. Оказывается, они обнаружили среди восставших своих земляков и расправились с ними. Возражал против расстрелов В. И. Чапаев, потерявший, напомним, брата⁴⁹. Такую позицию Чапаева позже объяснил тогдашний председатель Николаевского уездного исполкома В. И. Ермошнко: «Назначена контрибуция – 900 тысяч. Чапаев должен был собрать её. Всех арестовали, посадили. Денег не дают. Крутились, крутились, вывели несколько человек и дали вверх залп. Начали собирать между собой деньги. Собрали 1 300 000. Для характеристики Чапаева есть такой эпизод. Он устроил порку буржуев. Никакому

суду не предаёт, а порет. Говорим: «Что ты дурака валяешь?» Он говорит: «Знаешь, когда застрелишь, он ничего не помнит, а попорешь – помнит и рассказывает»⁵⁰.

Чем занимались красногвардейцы, понятно, хотя у мемуаристов явные нестыковки с цифрами контрибуции. Здесь уместно упомянуть циркулярное письмо уездного совета от 22 марта 1918 г., где называются суммы «обложения налогов капиталистов» по некоторым населённым пунктам уезда. В графе Балаково – 1 миллион рублей. Причём, как следует из пояснения по распределению денег, 75 % должно остаться в распоряжении местных советов, а 25 % обязательно следовало отправить в Николаевск. Такая же пропорция касалась и будущих конфискаций. Опять же известно, что за поход в Балаково сулакцы получили 35 000 рублей⁵¹. Сколько досталось липовцам, увы, не выяснено.

Балаковские события показали, что к весне 1918 г. уездная Красная гвардия в уезде эволюционировала в три основных, надёжных подразделения. В Николаевске находился батальон РККА, который, по сути, являлся красногвардейско-партизанским формированием. В нём насчитывалось 165 бойцов⁵². Примерно столько же в Сулакском отряде и, возможно, Липовском. По крайней мере, в своё следующее «турне» Липовский отряд отправился в конце марта, имея около 200 человек и 100 подвод⁵³. Именно такое количество бойцов для оказания помощи «по учёту хлеба и водворения революционного порядка» попросил выделить ему Хвалынский совет Саратовской губернии⁵⁴.

Поясним, что к этому времени николаевские большевики видели свою задачу в контроле над продовольственной ситуацией в уезде и военной помощи волостным советам, проводившим на селе «социализацию». Для этого уезд был разделён на 8 районов, в каждый из которых уездным СНК был назначен специальный комиссар. Районные комиссары отвечали за «учёт и отчуждение» излишков хлебных запасов. Из Липовской волости и ряда других привольских волостей был создан 5-й Брыковский район⁵⁵, ответственность за который поручалась В. И. Чапаеву. Он и занялся наведением там порядка после балаковских событий. Но действовал он со своим отрядом из николаевских красноармейцев. Липовский отряд, который по-прежнему числился как районное формирование, вероятно, ему помогал. Но 28 марта отряд в полном составе убыл через Волгу в Хвалынк.

В Хвалынском совете в это время наблюдался раздрай: крестьянская секция поссорилась с рабочей секцией из-за хлебных реквизиций. Представители рабочей секции и военной коллегии Д. В. Стёпин⁵⁶ и М. Пудовочкин⁵⁷ настаивали на самых жёстких мерах к крестьянам, и именно они стали инициаторами обращения за помощью к липовцам. С последними у них были хорошие отношения ещё по совместным «хлебным» постам на дороге через Волгу. Немаловажно было именно их позвать на

помощь, опередив тем самым Саратовский совет, уже намеревавшийся отправить свой отряд. 2 апреля в Саратов полетела телеграмма, что «никакого карательного отряда не требуется, раскола нет конфликт улажен ... В уезде приняты меры: послана Красная армия более восьмисот [человек] для точного учёта хлеба, установления Советской власти»⁵⁸.

Хвалынский совдеп, конечно же, лукавил, – такого войска у него не было. Лишь 29 марта он принял единогласное решение организовать в городе Красную армию из 200 крестьян ближайших волостей. Причём это было сделано в угоду крестьянской секции, которая категорически возражала против чужаков-красногвардейцев из-за Волги. Для агитации на местах были избраны от рабочей и крестьянской секции по 4 комиссара. Но крестьяне под предлогом скорой посевной сорвали задуманное. Уже 5 апреля на очередном заседании совета было решено создавать отряд только из рабочих. В качестве стимула для потенциальных красногвардейцев объявили о пошиве каждому добровольцу пары сапог⁵⁹. Пока же основной карательной силой в Хвалынском уезде становился Липовский отряд.

В Хвалынске отряд довооружился пулемётами и бомбомётами и разделился на две части. Одну колонну в 125 бойцов возглавил П. Ф. Баулин при комиссарах А. М. Шевелёве, М. Е. Пшикине и П. П. Слепенкове, другой колонной в 75 человек командовал М. А. Щербаков⁶⁰ при комиссаре С. М. Шевелёве. Сразу оговоримся, руководство отрядами было коллегиальным. Такой способ руководства был вообще свойственен тому времени. На обнаруженных отрядных документах подписи комиссаров всегда стоят первыми. Поэтому лишь условно, по имени военного руководителя, будем далее называть отряд «баулинским».

Первая колонна двинулась по южной границе уезда в направлении сел Селитьба, Окатная Маза, Павловка, а вторая – по северной окраине уезда к селу Дворянская Терешка. Главная цель – борьба с кулацким засильем. Тактика действий была несложной: отряд занимал населённый пункт, созывалось собрание, объявлялось о переизбрании сельских советских органов. После чего начинался учёт зерна и муки: отбирались излишки. На сельскую буржуазию накладывалась контрибуция⁶¹.

Первую вооружённую стычку баулинский отряд имел в Павловке. Прежде чем войти в село, туда направилась разведка из 15 всадников во главе с Е. Е. Кулаковым⁶². Предварительно выяснили, что жители села вооружены и настроены антисоветски. Разведчики тоже решили прикинуться врагами советской власти и тем самым выявить её скрытых противников. Как осуществилось задуманное, передал в своих воспоминаниях бывший красногвардеец К. И. Мельников⁶³.

«Небольшой группой кавалеристов мы к вечеру въехали в село. В центре села у одного хорошего дома стоял крепкий, с окладистой седоющей бородой, человек. Мы обратили на него внимание и решили, что это кулак, направились к нему. Он встретил нас снятием шапки и

низким поклоном. Зная, что отряд Баулина с минуты на минуту вступит в село, мы таинственно рекомендовались разведкой от белых, и спросили, есть ли в этом селе организованный отряд? Поверив нам, он с особой услугой и с еще большей таинственностью посоветовал нам немедленно въехать во двор местного попа, жившего на противоположном порядке улицы. Он сам вызвался нас проводить, и он же объяснил попу, кто мы. Батюшка с завидной расторопностью открыл ворота, и мы не заставили ждать особого приглашения, постарались побыстрее въехать во двор. Хозяин дома оказался на редкость любезным и от души гостеприимным. Перед нами оказался стол изобилия с несколькими бутылками крепкого вина. Лукаво перемигнувшись, мы уселись за стол. Ничего не подозревая, поп раскрыл перед нами все военные тайны. Оказалось, что в селе организован отряд, который ждёт поддержки из Вольска и сигнала к выступлению, большинство в отряде имеет оружие. Через два часа в Павловку вступил красный отряд, и Баулин остановился в доме того кулака, который нас встретил и проводил к батюшке. Поп был немедленно арестован, а кулак сбежал, как и многие другие белогвардейцы»⁶⁴.

На следующий день, 4 апреля, «сбежавшие» белогвардейцы атаковали в селе баулинцев. Об итогах боя 5 апреля доложил в Саратов председатель Хвалынского уездного исполкома М. Лоснов: «С нашей стороны пало 4 красноармейца, несколько ранено. Павловская белая гвардия погибла в бою, некоторых расстреляли. Производим тщательный учёт в уезде и собираем контрибуцию. В других волостях уезда всё спокойно, все кулацкие советы сменены. О дальнейшем ходе сообщим»⁶⁵.

Известны имена двух погибших красногвардейцев-баулинцев – это крестьяне деревни Кисловка Никольской волости – С. М. Перепёлкин и Д. Значков⁶⁶. Ещё две жертвы – вероятно, чужаки. Дело в том, что баулинский отряд разросся к этому времени до 250 человек за счёт присоединившихся люмпенизированных жителей Хвалынского уезда. Пополнением занимался хвалынский комиссар М. Пудовочкин. Позже во главе с ним хвалынчане отделятся от баулинцев, и их отряд «прославится» грабежами и убийствами. В итоге будет ровно через месяц, 4 мая 1918 г., уничтожен в Кузнецке красноармейскими подразделениями и горожанами⁶⁷.

До сих пор непонятна история с другим селом – Неверкино, куда баулинцы прибыли 8 апреля. Село это хотя и находилось недалеко от Павловки, но относилось к Кузнецкому уезду Саратовской губернии. К. И. Мельников вспоминал, что зайти в село просили «бедняцкие послы». Но дело в том, что в Неверкино уже находился небольшой красногвардейский отряд из Кузнецка. Здесь вероятнее всего столкнулись интересы Хвалынского и Кузнецкого совдепов. По крайней мере, позже хвалынский военный комиссар Д. В. Стёпин докладывал, что кузнецкий отряд действовал «не в духе Советской власти»⁶⁸.

Тем временем баулинцы не застали в селе кузнецких красногвардейцев: те уже убыли по своему маршруту. Была организована погоня. На поиски отправили опять Е. Е. Кулакова с разведчиками. Как далее всё происходило – красочно описал К. И. Мельников. Дадим ему слово, предварительно пояснив, что рассказывает он о событиях полувекковой давности, и его видение происшедшего достаточно субъективно. Поэтому и кузнецких красногвардейцев, как запомнившихся врагов, он называет белогвардейцами.

«Нас было всего 6 человек. Удалившись на 10 километров от главных сил, мы обнаружили белогвардейцев на одном из хуторов. Их отряд состоял из 12 человек. У них был пулемёт. Силы явно неравные. Белобандиты заметили нас и выкатили пулемёт за хутор, установив его на удобной позиции. Мы решили действовать хитростью. Двух разведчиков послали в объезд вокруг хутора с тыла, а сами стали им кричать, что мы «свои». Они послали к нам парламентёра, и от нас вышел ему навстречу Колесов Иван Григорьевич. В этот момент мы втроем: Мельников, Трифонов, Фадеев подскочили к пулемету. Пулеметчик растерялся. Мы его успокоили, что мы все-таки «свои». Тогда белые вывели со двора пару лошадей, установили пулемет на тачанку и согласились ехать с нами в Неверкиво. У пулемета сидел их человек, а остальные белогвардейцы ехали на подводах позади. Такое расположение сил нас крайне не устраивало и волновало. Отъехав от хутора не больше километра, я с лошади падаю на пулеметную повозку, захватываю пулемет в свои руки – это главное. Остальные кавалеристы наставили оружие на белогвардейцев, сидевших на подводах. Быстро обезоружив эту банду, мы полностью пленили весь белогвардейский отряд. Наш товарищ вихрем помчался с донесением в Неверкино. Подъезжая к селу, мы увидели, что наш отряд поджидал нас на околице с трофеями и пленными. Командир отряда тов. Баулин П. Ф., допросив пленных, приказал за убийство и зверские издевательства над советскими людьми расстрелять 6 человек, а остальных 6 человек направили под арестом в тюрьму города Хвалынского»⁶⁹.

Цифры совпадают с официальным донесением в Саратов Хвалынского совета: «По заявлению начальников отряда несколько человек расстреляно на месте, шесть человек арестовано и доставлено в Хвалынский. Преступные действия Кузнецкого отряда ликвидированы, отобран пулемет. Телеграфировали Кузнецкому Совдепу, чтобы выехали делегаты в Хвалынский...»⁷⁰

В свою очередь, кузнецкие большевики совершенно иначе интерпретировали действия баулинцев и телеграфировали в Саратов, что Николаевский отряд «делал и продолжает делать невероятные ужасы. ...Своими действиями открыл мраком позора Советскую власть. ...В Неверкине ограблены и расстреляны мирные жители. Убито 12 человек кузнецких красноармейцев во главе с военным комиссаром»⁷¹.

Нам же остаётся только констатировать имевшийся факт и предположить, что неправы были обе стороны. Нет никаких сомнений в жёсткости мер соблюдения ими продовольственной диктатуры и неизбежных при этом перегибов и репрессий.

Между тем в свои полные права вступала весна. Предстоящая посевная страда не могла не беспокоить заделавшихся красногвардейцами крестьян. Их тревога за свои наделы (а у многих они прибавились земельным переделом) была выражена телеграммой в Брыковский районный совет. Послание датировано 7 апреля, когда отряд находился в Павловке. Вот начальная фраза: «Предписываем всем Советам нашего района, чтобы поля наши были все засеяны и в первую очередь обработаны»⁷². И далее – «за неисполнением требования все будут преданы суду, требование всем немедленно разослать, дабы отговоров не знали»⁷³. Примечателен сам стиль текста: он явно безапелляционен. Эдакий весомый аргумент за сотни вёрст человека с ружьём. Но за грозным окриком видна неуверенность и опасение за свои интересы, которые без их присутствия община может проигнорировать. К боязни возможного отторжения примешивался и осознаваемый красногвардейцами собственный социальный статус. Большинство баулинцев относилось к бедняцко-батрацкой части деревни⁷⁴, которая традиционно не имела весомого голоса в общехозяйственных вопросах. Были в отряде и иногородние, в том числе сам начальник П. Ф. Баулин.

Не приходится сомневаться, что обязанность красногвардейца считалась на селе малопочётной. Вряд ли материальные стимулы в виде части реквизированного у односельчан добра и продовольствия могли прельстить настоящих хозяев. В доказательство приведём пример с попыткой заменить ушедших за Волгу баулинцев другими красногвардейцами. Почти сразу Брыковский районный совет дал указание волостям сформировать новые отряды. По этому поводу были проведены сельские сходы. Показательны их результаты: в Духовницкой волости из всех населённых пунктов только в деревне Наградная нашёлся один желающий⁷⁵. Похожая картина наблюдалась и в других волостях района. Здесь нельзя исключать первоочередной проблемы для сельчан – предстоящего сева, но, скорее всего, был уже исчерпан лимит потенциальных добровольцев в Красную гвардию.

Следующее предписание районной власти от 10 апреля требовало уже «спешного и неуклонного» исполнения предыдущей директивы. Волостным советам грозило строгое наказание вплоть до расстрела как контрреволюционеров. Разъяснялось, что земли красногвардейцев будут обработаны общинами. На решение вопроса с набором добровольцев отводились сутки⁷⁶.

Более резкий тон властей был связан и с обозначившейся для Николаевского уезда «казачьей опасностью». Речь идёт о решении Саратов-

ского совета организовать военный поход в Уральскую область и свергнуть там антибольшевистское Уральское войсковое правительство. Организовывалась «Красная Армия Саратовского Совета». К этим планам был подключен Николаевский уезд, уже имевший Красную гвардию и граничащий с казаками. Был даже создан Полевой штаб уезда, состоявший исключительно из членов уездного СНК. В члены штаба вошёл и В. И. Чапаев⁷⁷. Осталось пополнить красногвардейские подразделения. Брыковский район получил лимит на 300 человек⁷⁸.

Быстро собрать столько людей было нереально, но у района был «командированный» отряд, который следовало лишь дополнить. К Баулину и Шевелёву полетела телеграмма, а в сёлах района началась «мобилизация». Проводилась она по следующей схеме. На сельском сходе сначала вызывались желающие. Если их не было или оказывалось недостаточно, то кидали жребий. Таким образом, например, в Духовницкой волости набрали 24 «добровольца», причём пропорционально количеству жителей в деревнях и сёлах. Так, самое маленькое по численности Духовницкое, выделило 1 человека, а самые большие село Отрадное и хутор Вечный по 7 человек⁷⁹.

Вскоре из-за Волги, едва успев перейти её до ледохода, вернулся районный отряд. Немного отдохнув и пополнившись, он в 20-х числах апреля прибыл эшелонам на станции РУЖД Демьяс и Чалькля. Временно баулинцев оставили в резерве за основными силами, которые 3 мая открыли боевые действия⁸⁰. Следуя тактике «эшелонной войны», на каждой отвоёванной станции красные оставляли гарнизон. К 7 мая Брыковский отряд поднялся к станции Семиглавый Мар. В этот же день красногвардейцы были атакованы рейдовой группой войскового старшины Ф. Я. Емуранова. Неожиданный кавалерийский набег в тылу вызвал замешательство, баулинцы срочно попросили по телеграфу подмоги со следующей станции Шипово. Там стоял Тамбовский отряд, который, немедленно двинул на выручку часть своих бойцов. Но и объединенный отряд не оказал уральским казакам должного сопротивления. Сказались низкие боевые качества баулинцев, которым впервые пришлось вести бой с серьёзным противником. Баулинцы и тамбовчане отъехали в железнодорожном составе до станции Озинки, где уральцы, наконец, отстали. Но и здесь баулинцы долго не задержались: собрались на митинг уже с участием местного гарнизона и порешили отойти ещё дальше до Алтаты, отдохнуть там и снова пойти на Семиглавый Мар⁸¹.

Тем временем Красная армия Саратовского совета, так и не добравшись до Уральска, отступала, преследуемая казаками. 10 мая её начальник штаба Б. Г. Молдавский вылетел на аэроплане в Алтату, чтобы разобраться с обстановкой. По прибытии, выяснив обстоятельства отхода, он арестовал комиссара отряда А. М. Шевелёва и ввёл «единоначалие», назначив командиром П. Ф. Баулина. Отряды получили приказ выступить на следующий день утром на Озинки и далее к Семиглавному Мару.

В назначенный час 11 мая красногвардейские отряды в Алтате выступить в поход отказались и вновь собрались на митинг. Его постановление гласило: Шевелёва освободить, а Молдавского и начальника связи «Саратовской Красной армии» М. Усанова арестовать и расстрелять за арест их командира. Столь радикальное решение подчёркивало партизанскую сущность сельских красных формирований, готовых идти исключительно за своими командирами-атаманами и достигать только коллективно намеченных целей. По телеграфу на разговор с митингующими вышел председатель Саратовского губисполкома В. П. Антонов-Саратовский. Он решительно потребовал освобождения арестованных. Вечером их отпустили, а покаявшиеся бунтовщики явили полное желание опять наступать, но с условием – А. М. Шевелёва больше не арестовывать. 12–13 мая эта группа войск последовательно заняла станции Демьяс и Чалыклу, где встретилась с основными силами красных⁸².

Пожалуй, на этом историю Липовского (Брыковского) отряда, как самостоятельного красногвардейского формирования, можно закончить. Уже в начале июня отряд влился батальоном в 1-й Николаевский полк Николаевской бригады. Батальонным командиром был выбран П. Ф. Баулин, а командиром полка руководитель сулакских красногвардейцев И. В. Топорков.

Начиналась история чапаевских формирований.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См., например: *Кондрашин В. В.* Крестьянство России в Гражданской войне: к вопросу об истоках сталинизма. М., 2009. С. 95.

² Термин «привольский» означает «при Волге», «рядом с Волгой». Широко употреблялся в рассматриваемый период. Взятые для примера привольские волости составляют ныне территорию Духовницкого и частично Балаковского районов Саратовской области.

³ Площадь Николаевского уезда равнялась приблизительно 2, 9 млн. гектар; на 1 января 1915 г. в нём проживало примерно 680 тыс. чел. (См.: Список населённых мест Самарской губернии. Самара, 1910. С. XII; Памятная книжка Самарской губернии на 1916 год. (Отдел статистический). С. 3.

⁴ Подсчитано по: Николаевск, уездный город Самарской губернии // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: В 86 т. СПб., 1890–1907. М., 2002. 4 электрон. опт. диск (CD-ROM); Список населённых мест Самарской губернии. С. 250–303.

⁵ Список населённых мест Самарской губернии. С. XII.
⁶ Столыпинская аграрная реформа в Самарской губернии. Сб. док. и мат-лов. Самара, 2012. С. 8; История Среднего Поволжья [Электронный ресурс]. URL: http://newciv.relam.ru/work/2-41/_index.htm (дата обращения: 23.08.2014).

До «великих реформ» Александра II во второй половине XIX в. крестьянство России делилось на три основных разряда – государственные, помещичьи, удельные.

⁷ *Бармин Г., Подьяченко В.* Судьбы крестьянские // Авангард (Духовницкий р-н Саратов. обл.), 1977. 8 декабря; *Вишневца А.* Село Теликовка // Там же. 1987. 17 октября.

⁸ Баулин Перфил Федорович (1886–1918). Крестьянин с. Самодуровка (ныне с. Белогорловка) Хвалынского у. Саратовской губ. В 8 лет передан на воспитание деду по матери в с. Теликовку

Николаевского у. Самарской губ. С 10 лет в батраках. В 1905 г. участвовал в крестьянских волнениях в уезде, преследовался полицией. Тогда же убыл на заработки в Астрахань. Работал в артелях грузчиков и рыболовов. Отличался высоким ростом и большой физической силой. На фронт Первой мировой войны попал только в начале 1916 г., так как числился ратником 2-го разряда по семейному положению (женился в 16 лет, 4 сыновей). Был ранен, имел боевые награды (по непроверенным данным – полный Георгиевский кавалер). В 1917 г. находился в Петрограде в одной из гвардейских запасных частей на фельдфебельской должности. Осенью 1917 г. убыл в отпуск в связи со смертью жены, назад в часть не вернулся. С декабря 1917 г. командир Теликовского красногвардейского отряда и районного Липовского отряда. С июня 1918 г. командовал 3-м батальоном 1-го Николаевского полка РККА, с августа 1918 г. – командир 4-го Николаевского полка 1-й Николаевской дивизии 4-й армии. Погиб в бою 18 августа 1918 г.

¹⁰ Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф.Р–3236. Оп.2 Лд. Д.445. ЛЛ. 1–3; Казаков П. За власть Советов // Сталинский путь (Духовницкий р-н Саратов. обл.). 1956. 7 ноября; Лысов В. Боец Чапаевской дивизии // Авангард (Духовницкое Саратов. обл.). 1967. 5 сентября.

¹¹ Пугачёвский филиал государственного архива Саратовской области (ПФ ГАСО). Ф.83. Оп.1. Д.6. Л. 159.

¹² Кондрашин В. В. Указ. соч. С. 90.

¹³ ПФ ГАСО. Ф.83. Оп.1. Д.6. ЛЛ. 159–160; Вишцева А. Село Теликовка // Авангард (Духовницкий р-он Саратов. обл.). 1987. 17 октября.

¹⁴ ПФ ГАСО. Ф.Р–283. Оп.1. Д.136. ЛЛ. 16, 31.

¹⁵ Составлена по: ГАСО. Ф.Р–3236. Оп.2 Лд. Д.450. ЛЛ. 1–5; Д.454. ЛЛ. 1–7; Д.471. ЛЛ. 1–5; Д.573. ЛЛ. 1–3; Д.589. ЛЛ. 1–6; Д.630. ЛЛ. 1–7; Д.665. ЛЛ. 1–4; ПФ ГАСО. Ф.Р–283. Оп.1. Д.136. ЛЛ. 1–33; 1918-й год // Авангард (Духовницкий р-он Саратов. обл.). 1977. 23, 27, 30 января; Вишцева А. С. Липовка. Год 1918-й // Там же. 1988. 26 апреля; Её же. Ты должен в бой вступать первым // Там же. 1971. 23 февраля; Подъяченко В., Лысов В. Комбриг Михалёв // Там же. 1969. 22 февраля; Фомичёв И. Выходец из крестьян // Там же. 1968. 22 февраля; Воспоминания о боевой жизни двух чапаевцев // Большевичка (Духовницкое Нижневолжского края). 1931. 23 февраля; Мельников К. Командир полка П. Ф. Баулин // Сталинский путь (Духовницкое Саратов. обл.). 1956. 7 ноября.

¹⁶ Декрет СНК «О порядке изменения границ губернских, уездных и проч.» от 27 января 1918 г. // Библиотека нормативно-правовых актов СССР. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_209.htm (дата обращения: 1.09.2015).

¹⁷ Принят декретом ВЦИК 27 января 1918 г. См.: Декреты Советской власти. Т.1. М., 1957. С. 407–419.

¹⁸ В Брыковке вместе с вошедшей в новую волость деревней Корябовкой насчитывалось примерно 3500 жителей и обоим обществам принадлежало 7400 десятин удобной земли, тогда как за бывшим помещичьим селом Григорьевкой и окружающими его деревнями с примерно таким же населением числилось только 2282 десятины удобной земли. Частновладельческой земли в волости числилось свыше 3000 десятин (см.: Список населённых мест Самарской губернии. С. 259).

¹⁹ ПФ ГАСО. Ф.Р–83, Оп.1. Д.6. Л. 342.

²⁰ О крестьянском белом партизанском отряде с. Озерки см.: Народовластие (Хвалынский). 1918. 25 августа.

²¹ Список населённых мест Самарской губернии. С. 276–277.

²² ПФ ГАСО. Ф. Р–83. Оп.1. Д.6. ЛЛ. 24–30.

²³ URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=4316> (дата обращения 1.09.2015).

²⁴ Основной закон о социализации земли. Раздел I. Ст. 9 // Декреты Советской власти. Т.1. М., 1957. С. 408.

²⁵ Шевелёв Анисим (Онисим) Михайлович (1887–1928). Крестьянин с. Березовая Лука Николаевского у. Самарской губ. Участник Первой мировой войны, артиллерист, младший фейерверкер. Вместе со старшим братом С. М. Шевелевым организовал в декабре 1917 г. в родном селе красновардейский отряд, присоединившийся к Теликовскому отряду Баулина. Был комиссаром районного Липовского отряда. С июня 1918 г. в РККА: командовал батареями в 1-м и 4-м Николаевских полках. Награждён орденом Красного Знамени. После Гражданской войны председатель Березоволукского волостного совета, с 1926 г. председатель Духовницкого районного исполкома.

²⁶ ПФ ГАСО. Ф.Р–601. Оп.1. Д.9. ЛЛ. 9–10.

²⁷ Подробнее см.: *Кондрашин В. В.* Указ. соч. С. 282–285, 295.

²⁸ 1918-й год // *Авангард* (Духовницкое Саратов. обл.). 1968. 23 января.

²⁹ Здесь и далее после 31 января 1918 г. даты указаны по новому стилю.

³⁰ ПФ ГАСО. Ф.Р–601. Оп.1. Д.9. ЛЛ. 1–4.

³¹ ПФ ГАСО. Ф.83. Оп.1. Д.6. ЛЛ. 64–66.

³² 1918-й год // *Авангард* (Духовницкое Саратов. обл.). 1968. 23 января.

³³ См., например: *Легендарный начдив: Сб. документов.* Чебоксары, 1986. С. 25–26.

³⁴ Подробнее см.: *Симонов А. А.* Первый отряд Чапаева // *Родина.* 2011. №2. С. 69–72.

³⁵ Быков Фёдор Васильевич (1885 – ?). Из иногородних, портной. В армии не служил. Большевик с июля 1917 г. Организатор Красной гвардии в с. Липовка Николаевского у. Самарской губ. Пострадал во время возмущения крестьян в Липовке в феврале 1918 г. Лечился 6 месяцев. Затем начальник отдела снабжения Николаевского (Пугачёвского) военного комиссариата, с ноября 1919 г. – член уездного продовольственного комитета. После Гражданской войны работал заведующим пошивочной мастерской в Пугачёве.

³⁶ *Вишцева А. С.* Липовка. Год 1918-й // *Авангард* (Духовницкое Саратов. обл.). 1988. 26 апреля.

³⁷ ПФ ГАСО. Ф.Р–283. Оп.1. Д.136. ЛЛ. 16, 33.

³⁸ *Вишцева А. С.* Липовка. Год 1918-й // *Авангард* (Духовницкое Саратов. обл.). 1988. 26 апреля.

³⁹ ПФ ГАСО. Ф.Р–83. Оп.1. Д.7. Л. 9.

⁴⁰ Сост. по: там же.

⁴¹ Садчиков Иван Андреевич. Из крестьян села Острой Луки Николаевского у. Самарской губ. Фронтвик. Организатор в родном селе Красной гвардии, которая волилась в районный Липовский отряд. В августе 1918 г. командир взвода 3-й роты 4-го Николаевского полка. В октябре 1919 г. – командир 179-го стрелкового полка 20-й стрелковой дивизии. В 1921 г. – в должности командира бригады. Награждён орденом Красного Знамени. Скончался в 1927 в Астрахани, где в то время жил и работал.

⁴² ПФ ГАСО. Ф.Р–83. Оп.1. Д.7. ЛЛ. 9–10.

⁴³ ПФ ГАСО. Ф.Р–601. Оп.1. Д.2. Л. 176.

⁴⁴ *Легендарный начдив...* С. 26.

⁴⁵ ПФ ГАСО. Ф.Р–83. Оп.1. Д.7. Л. 10 об.

⁴⁶ Шкарбанов Семён Демьянович (1893 – 1920), грузчик на балаковских пристанях. Участник Первой мировой войны, демобилизован в 1915 г. по ранению. Избирался в 1917 г. старостой профсоюза грузчиков. Организатор Балаковского отряда Красной гвардии. Летом-осенью 1918 г. командир 1-го Балаковского полка РККА, командир бригады в Вольской дивизии. Скончался от туберкулёза.

⁴⁷ Из Николаевска был отправлен «верховой» отряд (20 чел., 1 пулемёт) во главе с В. И. Чапаявым. Сулакским отрядом командовал А. К. Рязанцев (примерно 150 чел.). Самарский продовольственный отряд, которым руководил А. А. Николаев (80 чел.), находился в уезде по разнарядке Самарского губисполкома и занимался реквизицией хлеба. К началу Балаковского восстания отряд находился на пути из Николаевска в с. Сухой Отрог. См.: ПФ ГАСО. Ф.Р–83. Оп.1. Д.7. ЛЛ. 233–235 об.; *Рязанцев П. К.* Организация Советской власти в Сулаке // *Личный архив Д. В. Степанова.* Л. 18.

⁴⁸ *Рязанцев П. К.* Указ. соч. Л. 18.

⁴⁹ *Нерода И. И.* Из воспоминаний персонального пенсионера // Саратовский музей краеведения. 6/н. Л. 17.

⁵⁰ Цит. по: *Симонов А. А.* Указ. соч. С. 71.

⁵¹ ПФ ГАСО. Ф.Р-601. Оп.1. Д.2. Л. 20; Ф.83. Оп.1. Д.7. Л. 102.

⁵² *Симонов А.А.* Указ. соч. С. 72.

⁵³ 1918-й год // Авангард (Духовническое Саратов. обл.). 1968. 23 января.

⁵⁴ ПФ ГАСО. Ф.83. Оп.1. Д.7. Л. 110.

⁵⁵ Хлебновская, Никольская, Брыковская, Григорьевская, Берёзоволукская, Хворостянская, Новотульская, Николаевская, Селезнихинская, Богородская, Новозахаркинская. См.: ПФ ГАСО. Ф.Р-220. Оп.1. Д.14. Л. 42; Ф.Р-601. Оп.1. Д.2. Л. 3.

⁵⁶ Стёпин Дмитрий Васильевич, уроженец Дворянско-Терешанской волости Хвалынского у. Саратовской губ., участник Первой мировой войны, делегат II Всероссийского съезда советов. В декабре 1917 г. возглавил Хвалынский ревком. Весной 1918 г. находился на должности военного комиссара Хвалынского СНК.

⁵⁷ Пудовочкин Михаил, хвалынский рабочий, член рабочей секции и военной коллегии при Хвалынкем СНК. Командовал Хвалынским красногвардейским отрядом. Погиб в Кузнецке в мае 1918 г.

⁵⁸ Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф.Р-521. Оп.1. Д.181. Л. 60.

⁵⁹ ГАСО. Ф.Р-521. Оп.1. Д.181. ЛЛ. 62-68.

⁶⁰ Шербаков Матвей Анофриевич (1872 – ?), крестьянин с. Дубовое Николаевского у. Самарской губ. Призван в армию на срочную службу в 1894 г. Участник войны с Японией, был ранен. Участвовал в Первой мировой войне, унтер-офицер. Вступил в районный Липовский отряд вместе с Красной гвардией с. Дубовое. В РККА с июня 1918 г. В августе 1918 г. помощник командира 4-го Николаевского полка, а затем командир полка. В начале сентября 1918 г. отозван для формирования 1-го Хвалынского полка. Командовал полком в составе Вольской дивизии. Был командиром других частей РККА. В 1920-е гг. служил сотрудником ОГПУ и участвовал в борьбе с басмачеством. В 1927 г. уволен по болезни. Председатель Духовницкого волостного комитета (до 1 января 1929 г.).

⁶¹ 1918-й год // Авангард (Духовническое Саратов. обл.). 1968. 23, 27 января.

⁶² Кулаков Егор Ефимович (1889 – ?), уроженец села Теликовки Берёзоволукской вол. Николаевского уезда. Участник Первой мировой войны. Командовал конным подразделением в красногвардейском отряде П. Ф. Баулина. В РККА с мая 1918 г. Служил в 4-м Николаевском полку Самарской (Николаевской) дивизии, а затем в 179-м стрелковом полку и 20-м кавалерийском полку (одно время был его командиром) 20-й стрелковой дивизии. Лично награждён Л. Д. Троцким от имени РВСР золотыми часами.

⁶³ Мельников Карп Иванович (1893 – ?), участник Первой мировой войны, в красногвардейском отряде Баулина с ноября 1917 г. В РККА с мая 1918 г. – сначала рядовой, а с 1919 г. командир отделения конных разведчиков 217-го Пугачёвского стрелкового полка 25-й стрелковой дивизии.

⁶⁴ 1918-й год // Авангард (Духовническое Саратов. обл.). 1968. 27 января.

⁶⁵ ГАСО. Ф.Р-521. Оп.1. Д.181. Л. 61.

⁶⁶ 1918-й год // Авангард (Духовническое Саратов. обл.). 1968. 27 января.

⁶⁷ *Посадский А. В.* От Царицына до Сызрани: очерки Гражданской войны на Волге. М., 2010. С. 61-63; Чистая дево, радуйся... // Известия (Саратов). 1928. 14 апреля.

⁶⁸ ГАСО. Ф.Р-521. Оп.1. Д.181. ЛЛ. 100-102.

⁶⁹ 1918-й год // Авангард (Духовническое Саратов. обл.). 1968. 27 января.

⁷⁰ ГАСО. Ф.Р-521. Оп.1. Д.181. ЛЛ. 100-102.

⁷¹ Там же. Л. 206.

⁷² ПФ ГАСО. Ф.Р-601. Оп.1. Д.2. Л. 39.

⁷³ Там же.

⁷⁴ Вывод сделан на основе изучения более сотни дел Духовницкой комиссии по учёту бывших красных партизан и красногвардейцев за 1928–1934 г. См.: ГАСО. Ф.Р–3236. Оп.2 Лд. Дд.428–680.

⁷⁵ ПФ ГАСО. Ф.Р–601. Оп.1. Д.2. ЛЛ. 23–28.

⁷⁶ Там же. Л. 37.

⁷⁷ Подробнее см.: *Симонов А. А.* Красная Армия Саратовского Совета (весна 1918 г.) // Новый исторический вестник. 2009. №3(21). С. 57–65.

⁷⁸ ПФ ГАСО. Ф.Р–601. Оп.1. Д.2. Л. 38.

⁷⁹ Там же. Л. 40.

⁸⁰ Подробнее см.: *Симонов А. А., Дубровин Д. Ю.* Первый поход на Уральск Красной Армии Саратовского Совета (май 1918) // Военно-исторические исследования в Поволжье: Сб. науч. трудов. Саратов, 2014. Вып.10. С. 29–42.

⁸¹ Там же. С. 36–37.

⁸² Там же. С. 41–42.

ПАРТИЗАНСКИЙ ВОЖАК

МИХАИЛ НИКОЛАЕВИЧ СТЕПАНОВ

Д. В. Степанов
(Кузнецк Пензенской области)

Отряд был уже готов к походу на Любицкое, когда Степанову и Кутякову доложили: приехал Чапаев. Чапаев вошел в штаб, на ходу сбивая плетью засохшую на сапогах грязь. Отрывисто бросил:
– Здравствуйте. Чей отряд?
– Мой и Кутякова, товарищ Чапаев. Из Хлебновки и Красной Речки.

Гражданская война – это столкновение нескольких сил, у каждой из которых есть своя правда. Одним из тех, кто стоял у истоков борьбы за Советы является старый большевик Михаил Николаевич Степанов. Будущий командир Красной гвардии в Николаевском уезде Самарской губернии, командующий 3-м Хлебновским боевым карательным батальоном, организатор 3-го Советского полка Чапаевской дивизии² родился 25 октября (7 ноября³) 1898 года в семье крестьянина в деревне Росляковка Николаевского уезда Самарской губернии (ныне село Духовницкого района Саратовской области). После окончания деревенской церковно-приходской школы в 1912 году он поступает в двухклассное училище в селе Липовка и оканчивает его с хорошими результатами в 1915 году. По окончании учебы был признан учителем грамоты. С ноября 1915 года – конторщик в имении Крестьянского поземельного банка.

По призыву на службу в царскую армию, Степанов был направлен в Астрахань в 155 запасной пехотный полк. Боевое крещение получил в окопах Румынского фронта⁴. Октябрьские события он встретил уже в Николаевске⁵. Степанов служил в управлении Николаевского уездного воинского начальника в звании младшего унтер-офицера и был избран в полковой командный солдатский комитет.

По деревням катились волнения. В телеграмме Хвалынского уездного комиссара от 1 августа 1917 значится: «Крестьяне Липовской, Горяиновской, Григорьевской и Берёзоволукской волостей Николаевского уезда косят самовольно траву на участках Воронцова, Мальцева, Соп-

лякова, расположенных по реке Волге»⁶. Стала возникать сельская Красная гвардия. Ее организаторами на территории нынешнего Духовницкого района стали М. Н. Степанов, Ф. В. Быков, И. Г. Перепёлкин, А. М. Шевелёв, П. Ф. Баулин, Г. Н. Бобков, И. Ф. Славнов и другие. Патрикеев, в прошлом командир 3-го Советского полка, утверждал, что именно Степанов был одним из первых организаторов Красной гвардии⁷. Военный комиссар города Николаевска – Василий Иванович Чапаев возложил на Михаила Степанова задачу создать Первый революционный уездный батальон. Эти события происходили в объединенном военнореволюционном совете, Михаил Николаевич тогда занимал должность военного комиссара Хлебновской волости⁸. В организации отряда верными друзьями Степанова были братья Григорий и Степан Семёновичи Спицны, из села Горяйновки, которые помогали в организации фронтовиков. Григорий Семёнович стал одним из первых бойцов Горяйновского отряда, а затем комиссаром 3-го Николаевского полка⁹. Председателем волисполкома избрали Спиридона Васильевича Спицына. Он прошёл путь от рядового до командира батальона, участвовал в подавлении кулацких мятежей в Балакове, Клинцовке, Любичком, Семёновке, Озинках, Злобинке¹⁰.

В феврале 1918 года Михаил Степанов организует в селе Хлебновка районный советский департамент и военкомат при нем, в который записалось в течение февраля-марта 1918 года 400 бойцов.

В начале марта 1918 года Степанов в качестве командира небольшого отряда участвовал в подавлении восстания в городе (торговое село на левом берегу Волги, безуездный город с 1913 г.) Балаково. Восставшие убили военкома Григория Чапаева – брата Василия, расправились с местным красногвардейским отрядом и коммунистами. Совместными усилиями продотряда из Самары в составе 80 человек¹¹, отрядов под руководством Рязанцева и Чапаева¹², Степанова восстание подавили. 15 человек из Горяйновки после подавления восстания были направлены в распоряжение волисполкома. 8 марта 1918 года уже 60 добровольцев из Горяйновки влились в отряд Степанова, который направлялся в город Николаевск. Из горяйновских добровольцев создали пехотный взвод под руководством Спицына Спиридона Васильевича. В начале апреля 1918 года батальон был укомплектован и готов к походу.

Чапаевец Потехин, рассказывая в своих воспоминаниях о бое под селом Семеновка в мае 1918 года, описывает военную структуру Хлебновского батальона: он состоял из четырех рот, при трех орудиях и собственном кавалерийском подразделении; вооружение бойцов состояло из русских трехлинейных винтовок. Михаил Степанов следовал совету Василия Ивановича: «Надо, прежде всего, опираться на бедноту». В батальон вливаются люди из сёл Росляково, Александровки¹³, Устиновки¹⁴, Шалашей (Красная речка)¹⁵. В батальоне организуется

отдел по контрибуции. В нем служил, в частности, Владимир Иванович Сорокин¹⁶.

Павел Семенович Алпатов, боец-разведчик отряда И. С. Кутякова вспоминал: «Меня, Алпатова, Кутяков несколько раз посылал в Горяйновку к Степанову с секретными пакетами...». Связь отрядов в уезде поддерживалась неукоснительно. Партийные организации в волостях Николаевского уезда знали о действиях отрядов Красной гвардии в уезде. Так, в боях за Семеновку и Любицкое отряд Родюшкина был направлен волостной партийной организацией на поддержку воюющему батальону Степанова. В бою участвовал и небольшой отряд Михалева из Макарьево.

Выполняя задачу, поставленную Уездным штабом обороны, Хлебновский карательный батальон¹⁷ должен был передислоцироваться в город Николаевск и нести гарнизонную службу. 5 апреля 1918 года в селе Шалаша (Красная Речка) к батальону Степанова примкнул небольшой отряд в составе 33 человек. Одним из его бойцов был Иван Семенович Кутяков. Отметим, что в советской историографии известен Новозахаркинский отряд под командованием Кутякова. Между тем, процесс вербовки бойцов был довольно сложен. Командиры отрядов вербовали бойцов не только в своем селе, но и в окрестных селах. Так, Иван Семенович проводил вербовку не только в селе Шалаша, но и в Новозахаркино. Новозахаркинские составили большую часть его группы, отсюда и название. Батальон Степанова обычно именуется Горяйновским отрядом. Он вербовался (именно вербовался, в отличие от группы Кутякова, которая не была мобильна и не передвигалась по селам из-за малочисленности и слабого вооружения) не только в селе Хлебновка, где Степанов был военным комиссаром, но и в Устиновке, Семеновке¹⁸, Горяйновке¹⁹ и даже Николаевске. В уездном центре в конце апреля 1918 года в батальон влили 220 бойцов из Липовской и Николаевской волостей. В воспоминаниях чапаевцев редко найдешь сведения о начальном боевом пути Ивана Кутякова, про Ивана Бубенца вообще нет упоминаний. Между тем, во время подавления мятежей в районе Семеновки, Любицкое Иван Семенович Кутяков командовал ротой в батальоне Михаила Степанова.

Если говорить о начальном периоде Гражданской войны, то многих будущих соратников В. И. Чапаева можно поставить не ниже легендарного красного начдива. Назовем несколько имен.

Михалев Артемий Филиппович – вероятнее всего, был в составе батальона Степанова, так как после пленения последнего 12 июня 1918 г., стал командиром 3-го Советского полка. Отряд, созданный в Горяйновской волости, был подчинен Степанову. В 50-е годы среди чапаевцев шли споры о том, кто командовал 3-м полком. По факту бойцы батальона составили львиную долю этого полка. В мае 1918 года Михалев коман-

довал отрядом в 40 бойцов²⁰, который в составе батальона Степанова подавлял восстание в Семеновке и Любичком. Высказывалось мнение, что он в отряде был связан с отделом по взиманию контрибуции с кулаков²¹. Впоследствии – командир 2-й бригады 25-й стрелковой дивизии.

Спицын Спиридон Васильевич – прошёл путь от рядового до командира батальона. Участвовал в подавлении кулацких мятежей в Балакове, Клинцовке, Любичком, Семёновке, Озинках, Злобинке²².

Спицын Григорий Семёнович – один из первых бойцов Горяйновского отряда. Затем – комиссар 3-го Николаевского полка²³.

Сорокин Тимофей Филиппович – командир батареи дивизии.

Кутяков Иван Семенович – с 1919 года начальник 25 Чапаевской дивизии.

Чеков Петр Петрович – заместитель комиссара дивизии.

Бубенец Иван Константинович – командир 4 роты в батальоне Степанова²⁴, впоследствии командир 218-го полка.

Бубенец Спиридон Константинович – начальник штаба 3-го карательного батальона Степанова²⁵.

Миненков Дмитрий Васильевич – комиссар Любичкой волости.

Попонов Деметий Андреевич – командир пешей разведки.

Важин Иван Петрович – ординарец И. С. Кутякова;

Киселев Карп Григорьевич – политический боец 25-й им. Чапаева стрелковой дивизии, будущий председатель Надеждинского райисполкома.

10 апреля 1918 г. батальон занял казармы в Николаевске, проводил обучение, пополнился вооружением. Здесь батальон и пополнился упоминавшимися 220 бойцами. Спустя некоторое время Михаил Николаевич получает приказ направиться на Уральский фронт. Маршрут пролегал через село Любичкое.

В мае 1918 года прошла череда антисоветских выступлений в селах Семеновка и Любичкое²⁶, участником подавления которых был Михаил Степанов. Направляясь на Уральский фронт, бойцы достигли хутора Аржановского, где решили переночевать. В скором времени прибыл нарочный с донесением об антисоветском восстании и решении Штаба обороны, согласно которому батальону приказано повернуть в сторону села Семеновка. Сотня казаков во главе с офицером, сотником Первого Учебного конного полка Константином Гавриловичем Беляевым устроила расправу над беднотой и сочувствующим большевикам и Советам. В расправе погибло 117 человек, около 200 жителей²⁷ (по другому мемуарному варианту – 500 человек²⁸) закрыли в амбаре на площади для дальнейшего суда над ними.

Чапаевец П. Е. Мурушкин вспоминал: «Здесь кулаки устроили митинг по случаю своей победы и расправы над бедняками. Нас так же посадили в магазин, где уже находилось человек триста арестованных»²⁹. Казаки

и семеновская дружина, не дождавшись решающего боя, оставили в Семеновке охранение и ушла в соседнее село Любичское.

Вблизи села Семеновка Хлебновский батальон Степанова наткнулся на боевую группу дезертиров, которые откололись от чапаевских отрядов. Группа состояла в основном из семеновских жителей, которые узнали о расправе над односельчанами и ушли с фронта. Это примерно 150 чапаевцев, набранные в Семеновке и окрестных селах. Произошла перестрелка с бойцами Степанова, так как отряды не опознали друг в друге своих. Когда разобрались, семеновские влились в батальон и участвовали в бою. Неприятельское охранение было обезоружено³⁰. В этом бою принимал участие Василий Иванович Чапаев. Вспоминает чапаевец Русаков, который был в отряде Степанова: «Не доезжая околицы – остановились. С другого конца защелкали пулеметы. Мы залегли... к нам скакал ординарец с красным флагом. – Василий Иванович Чапаев велел передать: если наши – атакуйте Семеновку с этой стороны. А мы удалим с другой»³¹.

Бой был упорный. На участке отряда Потехина казаки ворвались в расположение роты Беликова, но были отброшены. В бою героически погиб боец Федор Анучкин, который заколол троих казаков³². Егор Янушкин, Егор Сучков, Прокофий Девицин отличились при захвате здания, где находились семьи коммунистов и красногвардейцев. Когда батальон вступил в село, Михаил Николаевич отдал приказ о расследовании гибели советских работников и бедноты. Например, шесть коммунаров бывшего имения помещика Зейферта во главе с Лапиным сопротивлялись казакам, но все погибли. «Казаки вместе с вооруженным кулачеством напали на коммуну», – вспоминал Мурушкин, участник событий в Семеновке. «Они порубили здесь как капусту не только взрослых коммунаров, но и всех детей»³³. Степанов по этому поводу писал: «Расставлены военные караулы, после чего создана военно-гражданская следственная комиссия и создан военно-полевой суд»³⁴. По решению суда 33 человека были приговорены к высшей мере наказания. Расстрел проводила рота горяйновских добровольцев под руководством Спицына. Уцелевшие казаки не смогли вывезти тело своего сотника Беляева, которое осталось лежать на поле боя. Пуля попала ему в голову. Этот офицер первый посмертно бы награжден Михайловским крестом³⁵. Во время суда в село прибыл Василий Иванович Чапаев, который поддержал действия Степанова и следственной комиссии³⁶, набрал на месте отряд Красной гвардии³⁷. Чапаев сказал речь перед убитыми горем сельчанами: «Товарищи, вы слышите, мне с боевыми моими орлами во многих селах уезда пришлось успокаивать, усмирять и уничтожать звериное племя капиталистов, помещиков, кулаков». После речи Василия Ивановича в его отряд вступило много добровольцев, не только семеновских, но и из соседних сел. В результате была создана семеновская

рота, командиром избрали Александра Савкина³⁸. Михаил Степанов рассуждал о причинах боя под селом Семеновкой: «Кулацкая дружина, дабы отомстить враждебному классу, привела в подкрепление себе казаков...». Вспоминал он и о последствиях боя: «Когда выставили у могилы 117 трупов, в том числе 24 женщины, то на выбор не найдете ни одного трупа, который не являлся бы продуктом зверского издевательства»³⁹. Шурыгину Елизару, старику, которому в то время было 60 лет, было нанесено 16 ран. Это была месть казаков за то, что его сын Сергей был председателем волостного совета⁴⁰.

V учредительный съезд советов⁴¹ в Николаевске, узнав о событиях в Семеновке, объявил уезд на военном положении⁴². Как заявила большевистская печать, эсеры и другие контрреволюционеры пытались «смутить» делегатов (всего 400 делегатов, из них 200 большевиков, 82 левых эсера, 14 представителей более правых партий⁴³) неверной и ложной информацией по поводу состояния красногвардейских отрядов, вернувшихся из неудачного похода на Уральск. Вениамин Ермощенко и Василий Чапаев категорически опровергли слова «врагов народа». Съезд работал несколько дней. На второй день работы эсеры бросили в здание театра, где проходил съезд, самодельную бомбу. Бомба, однако, по какой-то причине не взорвалась⁴⁴, а террористы были схвачены⁴⁵. На третий же день председатель местной большевистской организации Вениамин Ермощенко объявил съезд прерванным по причине «войны с казаками»⁴⁶. Началась массовая мобилизация и организация отрядов Красной гвардии. Делегаты съезда призывали к борьбе против Уральского казачества, становились сами во главе созданных отрядов⁴⁷. Остановимся на сути приказа, который был издан после съезда. Приказ №3 Николаевского уездного исполнительного комитета V Чрезвычайного Учредительного съезда гласил: «Единственной и Верховной властью в уезде является Уездный Исполнительный Комитет». В приказе также говорится о том, что население обязано исполнять только приказы уездного совнаркома, остальные приказы, прикрытые «саваном» Учредительного Собрания, являются контрреволюционными и исполнители этих приказов будут жестоко караться советской властью. Попытка мятежа будет караться, а мятежники «будут стерты с лица земли». Лица, призывающие к свержению власти, будут расстреляны, агитирующие против власти – заключены в Дом принудительного труда на срок от 5 до 10 лет. В конце приказа Председатель уездного исполнительного комитета К. Грибаков дал напутственное слово: «Всем Районным, Волостным и Сельским Совдепам предписывается оберегать честь и авторитет Советской власти, и, теснее сплотившись вокруг красного знамени, ввести в своих рядах железную революционную дисциплину»⁴⁸.

По предложению Чапаева уже на съезде в Дергачах, Николаевские батальоны были преобразованы в полк Красной гвардии⁴⁹ под руковод-

ством И. В. Топоркова⁵⁰, будущего командира 1-го Николаевского полка имени Емельяна Пугачева. Погиб Илья Васильевич в боях с Уральскими казаками при осаде Уральска. Второй полк имени Степана Разина создали сразу после событий в Семеновке. Стоит более подробно остановиться на состоянии и структуре Николаевских отрядов и батальонов на 25 мая 1918 года, то есть на момент слияния всех отрядов в единую монолитную силу и создания Пугачевской бригады⁵¹. И. С. Кутяков вспоминал: «Вновь образованная бригада представляла собой серьезную силу, ее численность достигала 2.700 бойцов, 275 сабель, 65 пулеметов, 8 орудий и 1 бронемашина»⁵². Отряды Рязанцева, Потапова, Баулина, Плясункова, Топоркова составили основу первого полка. Отряды Степанова (в том числе и боевые подразделения Кутякова, Бубенца), Киндохина составили основу второго полка, под руководством Чапаева. Судя по воспоминаниям М. Я. Родюшкина, отряды Баулина, Топоркова, Степанова по численности составляли в среднем от 400 до 700 бойцов. Порубежский отряд Сурова⁵³, был конный и составлял отдельную боевую единицу в количестве 200 сабель⁵⁴. Уже в составе бригады отряды были реорганизованы в роты и батальоны. Бригада готовилась приступить ко второму походу на Уральск. После неудачного боя у села Семеновка, казаки под общим руководством полковника Курина, укрывавшиеся несколько дней в степях, атаковали село Любицкое Николаевского уезда, примерно 13 – 15 мая 1918 года (26–28 апреля по старому стилю).

Партийная ячейка в селе Любицкое была организована П. Н. Отрадновым⁵⁵, Д. В. Миненковым, С. Т. Апухтиным, при содействии: Домникова, Дуракова, Тутова, Сергея Отраднова⁵⁶, Марии Сергеевны Шипиловой⁵⁷. Из эсеровской же и меньшевистской среды особенно выделялись Г. Перверзев и Ф. Чуйков. В результате становления советской власти в селе они ушли в подполье. Противники совета, узнав об отступлении Особой армии из-под Уральска, на тайном собрании в доме купца Кашаева собрали средства и послали гонца в сторону Уральска⁵⁸. Они обратились к полковнику Горшкову с просьбой прислать казаков. Казачья сотня в 70 сабель нагрянула неожиданно⁵⁹. Казаки казнили там секретаря фракции Степана Тимофеевича Апухтина, председателя ревкома Григория Ивановича Калошина и еще примерно сорок человек⁶⁰. К. Журавлев, который обследовал село Любицкое в 1940 году, описал братскую могилу с 42 захороненными⁶¹. Казаки не пощадили и детей, были убиты: Миша Муширев – 13 лет, Ефим Лапин, Иван Зайцев – 15 лет, Иван Киселев, Александр Самохвалов⁶².

Степанов вспоминал: «Нашему батальону было дано задание подавить мятеж в селе Любицкое как в Семеновке»⁶³. Участники боя вспоминали о жестоком многочасовом бое. Совместно с батальоном под командованием М. Н. Степанова приняли бой бойцы небольшого отряда Петра Николаевича и Сергея Яковлевича Отрадновых. Сериков в своем труде

пишет про Отраднова: «...при освобождении от белых родного села командир отряда Степанов хотел открыть по нему артиллерийский огонь. Петр Николаевич, понимая, что это может нанести ущерб односельчанам, предложил сделать несколько выстрелов по окраине и площади, а село взять стремительной атакой. Так и было сделано»⁶⁴. Стоит сказать, что до прихода батальона Степанова под Любичким принял бой и был разбит Карловский отряд Красной гвардии. Командир отряда Андрей Леонтьевич Бугаев погиб в бою⁶⁵. Из амбаров помещика Паисима Иванова было освобождено 35 арестованных коммунистов, в том числе и военный комиссар волости Дмитрий Васильевич Миненков⁶⁶, который потом влился в батальон Степанова артиллеристом⁶⁷.

Т. Ф. Сорокин – командир артиллерии Хлебновского батальона, – вспоминал чуть ли не о гибели батальона в этом бою⁶⁸. Действительно, в батальоне Степанова погибло 40 человек только из села Горяйновки⁶⁹. Объяснялось это тем, что они элементарно не знали как пользоваться винтовками. Участники боя вспоминали и геройский поступок Владимира Сорокина. Во время боя случилась паника среди красногвардейцев, при отступлении был оставлен пулемет. Сорокин под шквалом огня белогвардейцев смог вернуть в строй пулемет, который сыграл огромную роль в разгроме неприятельского отряда⁷⁰. В батарее Сорокина принимали бой наводчик орудия Афанасий Горохов и Михаил Спицын, двоюродный брат Спиридона Васильевича Спицына⁷¹.

«Отряд без боя вступил в село Любичское. Помощь батальону оказал небольшой красногвардейский отряд из Семеновки, в составе 12 бойцов. Казаки контрреволюционеры держали под сильным наблюдением село. Кругом село со всех сторон на небольшом расстоянии на возвышенных местах стояли по два, три кавалериста наблюдателя, следили за каждым шагом отряда»⁷². Приняв бой, казаки пытались захватить орудия, но благодаря действиям Михаила Степанова, командира батальона, атака была отбита, и орудия сохранены. Патрикеев – командир 3-го Советского полка, описывал боевые и волевые качества Степанова, которые он проявил в этом бою: «Благодаря умелого политического руководства т. Степанова, сумевшего сплотить отряд в твердую боевую единицу в бою под Любичком, тем самым одержавшим блестящим боевой исход силами врага, превосходящими количественно в 15 раз»⁷³. На следующее утро разведка донесла Степанову, что казаки собираются снова нанести удар по красногвардейцам. Участники боя вспоминали, что артиллеристам Сорокину и Миненкову приходилось стрелять без остановки, а командирам Степанову и Чекову – стрелять в казаков из наганов в упор. Однако, после тяжелого и продолжительного боя, красногвардейцы не отступили, и казаки были вынуждены уйти в степь, со значительными для них потерями. В бою погиб командир сотни Ефим Акимович Агуреев⁷⁴, хорунжий Александр Павлович Любавин⁷⁵. Газета

«Яицкая воля» сообщала: «1-й Учебный Уральский казачий конный полк извещает, что завтра в 1 час дня состоится погребение тел павших в последних боях с красными. 1-го Учебного конного полка хорунжий Александр Павлович Любавин, казаки Дамрин Абрам Петрович и Евсей Савельевич Кирилин – Буренинской станицы, Варшаского пос. Партизанского отряда находившегося в составе 1-го Учебного полка: сотник Агуреев Ефим Акимович, гр-н Дондуков – житель Уральска, казаки Чебаков Петр и Иванаев оба Уральской станицы»⁷⁶. Местные любичские офицеры Григорий Дмитриевич Переверзев и Василий Иванович Чуйков вступили в белую Семеновскую дружину.

Когда село Любичское было очищено от казаков, Михаил Степанов создал суд, которым 15 человек были приговорены к расстрелу, остальные мятежники отпущены⁷⁷.

Часть отряда, в основном конные бойцы, в количестве 120 человек, под руководством Санталова и Степанова поспешили в погоню за отступавшими казаками. Казаки расположили наблюдение на колокольне и вели разведку по направлению к деревне Рахмановка. Однажды утром они обнаружили движение отряда красновардейцев из Рахмановки в Карловку. Красные двигались на 50 подводах, имея два пулемета и 1 орудие⁷⁸. У села Карловка, в в двух-трех верстах от нее, на красновардейцев из засады напали казаки в количестве 100 сабель. Красновардейцы спешили, рассыпались в цепь и выставили пулеметы. 2-ая сотня Учебного полка, разомкнувшись по полусотне, начала обходное движение, одновременно с лобовой атакой⁷⁹. В бою один пулемет красных был поврежден, а прислуга перебита; красновардейцев в разгаре боя бросили подводчики. Казаки пленили подводчиков и многих бойцов. 50 красновардейцев погибли, 26 были пленены и расстреляны. Санталов и Степанов с частью отряда в составе 44 бойцов отступили в Рахмановку, а затем в Любичское. Это противоречит утверждениям казаков, которые вспоминали, что уничтожили и пленили весь отряд. Неожиданность нападения казаков, их умелые боевые вылазки, хорошо описаны Кутяковым в его трудах. 29 мая (11 июня) 1918 года Санталов сообщил Чапаеву, что окружен в Любичском. Чапаев передал эту информацию командиру 1-го полка Топоркову.

В эти же дни, 9 июня н. ст. 1918 года, состоялся бой между Чапаевскими полками и белоказаками в районе села Солянка Николаевского уезда Самарской губернии. Казаки стремились прорваться к Николаевску, в направлении Самары. Командующий армией Уральского фронта А. А. Ржевский докладывал в оперативный отдел наркомата по военным делам его начальнику С. И. Аралову: «... 2-й Николаевский полк под командой т. Чапаева двигаясь левее 1-го полка на дер. Солянка, сбил на своем пути натиск казаков и, перейдя в контрнаступление, разбил казаков наголову, забрав у них свыше 300 (голов) рогатого скота и 200 лошадей. Во время боев названного полка с казаками последние

понесли огромные потери, не поддающиеся никакому исчислению»⁸⁰. Степанов вспоминал: «Боевых припасов у нас было мало. Мы подпустили близко казаков, потом обрушили на них огонь артиллерии, пулеметов, но остановить казачью лавину не смогли»⁸¹. Однако благодаря умелому действию командира полка Чапаева, смогли отбить атаки врага и заставить его отступить.

Когда Чапаев учился в Академии, ему случилось вспомнить этот бой в беседе с генералом-экзаменатором.

«— Знаешь, — говорит, — Рейн-реку?»

— А я всю германскую воевал, как же мне не знать-то? Только подумал: да што, мол, я ему отвечать стану?

— Нет, дескать, не знаю. А сам-то ты, — говорю, — знаешь Солянку-реку?»

Он вытаращил глаза — не ждал этого, да:

— Нет, — говорит, — не знаю. А што?

— Значит, и спрашивать нечего... А я на этой Солянке поранен был, пять раз ее взад и вперед переходил... Што мне твой-то Рейн, на кой он черт? А на Солянке я тут должен каждую кочку знать, потому что с казаками мы воюем тут!»⁸².

Так происходило подавление антисоветских мятежей в тылу Чапаевских полков в пределах Николаевского уезда Самарской губернии в начале и середине 1918 года. Будет впереди еще много мятежей и не только в селах и деревнях, но и сами полки Чапаева будут бунтовать. Будет еще много боев легендарной Чапаевской стрелковой. В июне Уездный комитет посылает Михаила Николаевича Степанова в район Духовницкого для заготовки хлеба.

В начале июня 1918 года при уездном комитете РКП(б) проходили совещания по продовольственному вопросу. Запасы зерна и муки истощались, подвоз из деревень был невелик. Крестьяне придерживали хлеб, скупали про запас. Уездный комитет решил усилить подвоз хлеба из деревень. На Степанова возложили задачу изъять излишки продовольствия у спекулянтов и зажиточных, то есть поручили руководить продовольственным отрядом. 11 июня 1918 года он находится в родной деревне Росляковка, где в ночь на 12 число кулаки и другие противники советской власти совершили переворот. Степанов попадает в плен⁸³. Далее он переправляется на «барже смерти» в Самару, а оттуда в «поезде смерти» в Сибирь. До 10 сентября 1919 года Степанов содержался в плену⁸⁴ в Александровском центре, в районе Иркутска. В одном из интервью Николай Васильевич Дворянов, в прошлом командир 1-й Балаганской Советской Добровольческой дивизии, в которой начальником штаба был Степанов⁸⁵, рассказывал: «В Сибири я оказался в том же восемнадцатом году, после того, как попал в плен в бою под Сызранью, — меня привезли в одном из так называемых эшелонов смерти. Это были составы, набитые пленными красноармейцами, коммунистами, совет-

скими работниками и членами их семей. По дороге в Сибирь их сотнями расстреливали, они гибли в не отапливаемых товарных вагонах от голода, холода, умирали от тифа. Мне повезло больше других. В числе уцелевших я в конце концов оказался в печально знаменитом Александровском централье»⁸⁶. Кормили плохо, иногда давали пару буханок хлеба, воду пили из консервных банок. Константин Серов вспоминал об этих событиях так: «Нас выручало население. Неизвестно, какими путями оно узнавало о нашем прибытии, только везде встречало дарами: хлебом, салом, махоркой, спичками, папиросами, солеными огурцами и пр.». При этом «прием нашего поезда рабочими ст. Тайги тронул нас до самой глубины души. Они решительно заявили коменданту поезда, что не пустят дальше поезд до тех пор, пока в вагонах не будут поставлены железные печки и сделаны нары. Неопишима была радость заключенных, когда в печках затеплился огонек, давший тепло и свет»⁸⁷.

После освобождения 2 декабря 1919 года Степанов вступил в 1-ю Балаганскую советскую партизанскую дивизию в звании рядового, и дослужился до начальника штаба дивизии⁸⁸. Михаил Николаевич был участником боев под станцией Зима, взятия Иркутска, боев за Черемхово. Руководя штабом дивизии, он также занимал должность председателя по ревизии имущества⁸⁹.

В целом, начальный этап Гражданской войны, или так называемый «эшелонной войны», в Поволжье представлял собой борьбу в районах расположения линий РУЖД. А боевая масса красных состояла в основном из партизанских формирований. Стихийно возникший отряд возглавлял боевой вожак-партизан, уважаемый бедняцким населением и бывшими фронтовиками. Выборность командира была очень важна. В Горяйнновской и Хлебновской волостях таким человеком был партизан Михаил Николаевич Степанов, чапаевец, который воспитал и дал загалку многим видным в будущем командирам и политработникам. Его отряд стал ядром одного из первых чапаевских полков, а полк со временем стал показательным во всей дивизии.

3-й карательный батальон Степанова – это пример стихийного добровольческого формирования на территории Поволжья, в первый, «партизанский», период Гражданской войны.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Иванов Е.* Сын трудового народа / Герои не умирают. Сборник очерков о героях волжан. Саратов, 1958. С. 42.

² Существует мнение, что создателем 3-го Советского полка был Михалёв Артемий Филиппович. Однако он стал командиром после пленения Степанов в июне 1918 г. А. Ф. Михалёв создал в начале 1918 года в Макарьёво отряд красной гвардии из 40 штыков. Отряд Михалёва принял участие в боях в сёлах Семёновке и Любичком. Впоследствии бойцы отряда Степанова, которые

составили костяк полка брали Самару, вели бои в районе Стерлитамака // *Подьяченко В., Лысов В.* Комбриг Михалёв // Авангард (Духовническое Саратовской обл.) 1969. 22.02.

³ Пугачёвский филиал Государственного архива Саратовской области (ПФ ГАСО). Ф. 283. Оп. 1. Д. 757. Л. 1.

⁴ Воспоминания Степановой Лидии Михайловны, жены Михаила Николаевича, записанные Беркутовой в 1977 году для книги «Комкор Кутяков»; ныне тетрадь хранится в мемориальном доме-музее им. Чапаева (МДМЧ) в г. Пугачеве Саратовской обл.

⁵ Николаевск – уездный город Самарской губ., с 1918 года город Пугачев. С 1928 г. – в составе Саратовской губернии. Ныне центр Пугачевского района Саратовской области.

⁶ Борьба продолжается // Авангард (Духовническое). 1966. 24. 11.

⁷ МДМЧ. Колл. Степанова М. Н. Краткая характеристика.

⁸ Государственный архив новейшей истории Саратовской области (ГАНИСО). Ф. 199. Оп. 3. Д. 740. Л. 1.

⁹ *Тарасов Н.* Солдат революции. // Авангард (Духовническое). 1967. 07. 11.

¹⁰ *Ягло В.* За власть Советов // Авангард (Духовническое). 1967. 26. 10.

¹¹ *Симонов А. А.* Первый отряд Чапаева // Родина. 2011. №2. С. 71.

¹² Иван Иванович Нерода упоминает и такой момент: Захаров, посланный в Николаевск за подмогой, смог приехать с Чапаевым в Балаково только 20 февраля ст. ст. 1918 года, после основных событий. Отсюда можно сделать выводы, что благодаря активности самого Нероды и других восстание было подавлено самостоятельно, без помощи отрядов Чапаева, Рязанцева и прочих.

¹³ *Подьяченко В., Лысов В.* Комбриг Михалёв // Авангард (Духовническое). 1969. 22.02.

¹⁴ ПФ ГАСО. Ф. 283. Оп. 1. Д. 757. Л. 2.

¹⁵ *Сорокин В. И.* Кровь, обильно пролитая нашими людьми, не прошла даром // Социалистическое земледелие (Пугачев). 1938. 14. 11.

¹⁶ ПФ ГАСО. Ф. 283. Оп. 1. Д. 749. Л. 4.

¹⁷ ПФ ГАСО. Ф. 283. Оп. 1. Д. 741. Л. 2.

¹⁸ МДМЧ. Колл. Степанова М. Н.

¹⁹ В честь этого села назвали батальон.

²⁰ *Подьяченко В., Лысов В.* Листая книгу подвигов // Авангард (Духовническое). 1969. 22.02.

²¹ ПФ ГАСО. Ф. 283. Оп. 1. Д. 754. Л. 2.

²² *Ягло В.* За власть Советов // Авангард (Духовническое). 1967. 26. 10.

²³ *Тарасов Н.* Солдат революции // Авангард (Духовническое). 1967. 07. 11.

²⁴ *Сорокин В.* Память хранит их имена // Ленинские Заветы (Пугачев). 1960. 24.02.

²⁵ *Петрова Т.* Бубенец Комбриг Чапаевской // Волжская новь (Балаково). 1982. 18. 11.

²⁶ *Серилов М.* От Уральских степей до Черного моря. Алма-Ата, 1969. С. 46.

²⁷ Степанов М. 20 лет тому назад... (из воспоминаний) // Социалистическое земледелие (Пугачев). 1936. 05.09.

²⁸ Воспоминания Степанова М. о жертвах бандитизма 1918 г. С. Семеновка Пугачевского уезда // ГАНИСО. Ф. 199. Оп. 3. Д. 740. Л. 3.

²⁹ Как потом писал П. К. Мурушкин, для арестованных кулаки придумали наказание. Одни предлагали всех перевешать в магазине и спустить в подвал, другие настаивали бросить в магазин бомбы. Ничего не успели сделать, так как помешали красногвардейские отряды, которые с боями ворвались в село. Воспоминания о Чапаеве. Как я попал в отряд Чапаева // МДМЧ. Коллекция 22. Л. 2.

³⁰ *Потехин С. Н.* Первый поход на Уральск // МДМЧ. Коллекция 22. Тетрадь 1-я. Лл. 58–60.

³¹ *Нефедов К.* О храброе командире (воспоминания О Чапаеве товарища Русакова) // Социалистическое земледелие (Пугачев). 1934. 7. 12. №218.

³² *Хлебников Н. М., Евлампиев П. С., Володихин Я. А.* Легендарная чапаевская. М., 1975. С. 28.

³³ *Мурушкин П. К.* Воспоминания о Чапаеве. Как я попал в отряд Чапаева // МДМЧ. Коллекция 22. Л. 1.

- ³⁴ Воспоминания Степанова М. о жертвах бандитизма 1918 г. С. Семеновка Пугачевского уезда // ГАНИСО. Ф. 199. Оп. 3. Д. 740. Л. 3.
- ³⁵ *Дубровин Д. Ю.* Крест и медаль святого Архистратига Михаила «За веру, родину, Яик и свободу!» // Станица. (Уральск). 2008. №1(50). С. 25–28.
- ³⁶ Воспоминания Степанова М. о жертвах бандитизма 1918 г. С. Семеновка Пугачевского уезда // ГАНИСО. Ф. 199. Оп. 3. Д. 740. Л. 3.
- ³⁷ Три встречи с Чапаевым // Правда Саратовского края. (Саратов). 1934. 6. 12.
- ³⁸ Родюшкин М.Я. Воспоминания о создании большевистской ячейки в С. Корнеевке в 1917 году; о восстании кулаков в селах: Семеновка, Балаково, о подавлении этих восстаний краснойгвардейскими отрядами в 1918 году // МДМЧ. Коллекция 22. Л. 10.
- ³⁹ Воспоминания Степанова М. о жертвах бандитизма 1918 г... Л. 3.
- ⁴⁰ *Родюшкин М. Я.* Воспоминания... Л. 8.
- ⁴¹ ГУБЧЕКА. сборник документов. Саратов, 1980. С. 30.
- ⁴² *Хлебников Н. М., Евлампиев П. С., Володихин Я. А.* Легендарная чапаевская... С. 28–29.
- ⁴³ *Чапаева Е.* Мой неизвестный Чапаев. М.: Корвет, 2005. С. 49.
- ⁴⁴ *Кутяков И. С.* С Чапаевым по уральским степям. М.-Л., 1928. С. 46.
- ⁴⁵ Воспоминания Степанова М. о жертвах бандитизма 1918 г... Л. 2.
- ⁴⁶ *Михайлов А.* Чапаев и чапаевцы. М., 1932. С. 19.
- ⁴⁷ *Чапаева Е.* Мой неизвестный Чапаев. М.: Корвет, 2005. С. 49–50.
- ⁴⁸ ПФ ГАСО. Ф. 617. Оп. 1. Д. 8. Л. 6.
- ⁴⁹ *Дайнес В.* Чапаев. М., 2010. С. 54.
- ⁵⁰ Илья Васильевич Топорков (1894–1918) – организатор и командир отряда Красной Гвардии из села Сулак Николаевского уезда (ныне село Краснопартизанского района), командир 2 батальона 1-го Николаевского полка, с мая 1918 года командир 1-го Николаевского полка. Убит под Уральском.
- ⁵¹ *Артемов Е. Н., Беркутова А. М.* Комкор Кутяков. Саратов, 1977. С. 16.
- ⁵² *Кутяков И. С.* Боевой путь Чапаева. М., 1936. С. 34.
- ⁵³ Суров Пантелей Алексеевич (1891–1931) – участник I Мировой войны, награжденный Георгиевскими крестами. Организатор краснойгвардейского конного отряда в селе Порубежка. Командир 25 кавдивизиона 25-й стрелковой дивизии. С октября 1919 года командовал Киргизской конной бригадой. После Гражданской войны работал начальником милиции в городе Пугачеве.
- ³⁴ *Родюшкин М. Я.* Чапаев организатор Красной Гвардии // МДМЧ. Коллекция. Л. 9.
- ⁵⁵ Петр Николаевич Отраднов – организатор Красной гвардии и фракции большевиков в селе Любичское. Впоследствии комиссар санитарной части 74-й бригады.
- ⁵⁶ Сергей Отраднов – командующий 222-м Интернациональным полком 25-й стрелковой дивизии. Участник боев на Уральском и Польском фронтах, дважды ранен, награжден орденом Красного Знамени.
- ⁵⁷ Коммунист (Саратов) 1987. 5.05.
- ⁵⁸ Коммунист (Саратов) 1966. 25. 10.
- ⁵⁹ *Прилепский Т. К.* Воспоминания о боевых походах легендарного Василия Ивановича Чапаева // МДМЧ. Коллекция 94 Л. 3.
- ⁶⁰ Советская Белоруссия (Минск) 1987. 08.02.
- ⁶¹ Архив Степанова Д. В., по данным К. Журавлева.
- ⁶² Советская Белоруссия (Минск) 1987. 08.02.
- ⁶³ Воспоминания Степанова М. о жертвах бандитизма 1918 г... Л. 4.
- ⁶⁴ *Сериков М.* Указ. соч. С. 42.
- ⁶⁵ ПФ ГАСО. Ф. 283. Оп. 1. Д. 583. Л. 13.
- ⁶⁶ Дмитрий Миненков был первым военным комиссаром Любичской волости. Схвачен казаками в селе Старая Порубежка; избит, вынесен смертный приговор.
- ⁶⁷ Коммунист (Саратов) 1986. 15. 11. С. 3.

⁶⁸ ПФ ГАСО. Ф. 283. Оп. 1. Д. 750. Л. 17.

⁶⁹ МДМЧ. Коллекция Спицына.

⁷⁰ ПФ ГАСО. Ф. 283. Оп. 1. Д. 752. Л. 23.

⁷¹ ГАСО. Ф. Р-3236. Оп. 2 л/д. Д. 481. Л. 1–7.

⁷² МЛМЧ. Коллекция Синодского Ф. А.

⁷³ МДМЧ. Коллекция Степанова М.Н.

⁷⁴ Агуреев Ефим Акимович – из казаков Уральского казачьего войска. Участник Первой Мировой войны, в составе 1 Уральского казачьего полка в звании урядника. 4 июня 1917 года произведен в сотники. С апреля 1918 года командир партизанского отряда, офицер 1 конного полка, поддесаул. Погиб в бою под селом Любицкое. *Картагузов С. В.* Офицерский состав частей Уральского казачьего войска 1914 – 1918. Биографический справочник. М.: Рейтар, 2012. С. 36–37.

⁷⁵ Любавин Александр Петрович – из казаков Уральского казачьего войска, окончил Оренбургское казачье училище по 1-му разряду, произведен в прапорщики, 19 ноября 1916 года произведен в хорунжие (ст. 01. 10. 1915г.). В январе 1917 года прикомандирован к Войсковому штабу для письменных занятий. 19 февраля 1917 года назначен в переменный состав 3-й сотни Уральского запасного полка. Погиб 26 мая 1918 г. (13 мая по ст. ст.) в бою под селом Любицкое. *Картагузов С. В.* Указ. соч. С. 242–243.

⁷⁶ Яицкая воля. 1918. №85.

⁷⁷ По свидетельству Афанасия Фёдоровича Горохова, расстреляно было 76 человек. ГАСО. Ф. Р-3236. Оп. 2л/д. Д. 481. Лл. 1–7.

⁷⁸ МДМЧ. Коллекция Сосорова С. Л.

⁷⁹ Иногородние жители Уральской области Григорий Полянский и Иван Горелов в апреле 1918 г. добровольцами поступили в партизанский отряд поддесаула Н. А. Албина. Оба они были ранены при атаке красного пулемета 26 мая 1918 г. (13 мая по ст.ст.) в бою под деревней Карловкой Николаевского уезда Самарской губернии. Оба же, в числе группы других иногородцев-партизан были награждены 25 июня 1918 г. медалью Св. Архистратига Михаила. Однако вскоре они обратились с ходатайством заменить им награду принятием их в уральские казаки. См. *Дубровин Д. Ю.* Указ. соч.

⁸⁰ *Дайнес В. О.* Чапаев. М.: Вече, 2010. С. 34.

⁸¹ *Степанов М. Н.* Встречи с Чапаевым // Социалистическое земледелие (Пугачев). 1935. 05.09.

⁸² *Фурманов Д. А.* Чапаев. Гл. V.

⁸³ 1918-й год. Очерк о Гражданской войне в Духовницком районе. Духовницкая газета Авангард (Духовницкое Саратовской обл.). 1968. 23.01, 27.01, 30.01, 01.02, 08.02, 20.02, 24.02.

⁸⁴ ПФ ГАСО.Ф. 283. Оп. 1. Д. 757. Л. 12.

⁸⁵ ПФ ГАСО.Ф. 283. Оп. 1. Д. 757. Л. 2.

⁸⁶ Советская молодежь. 1972. 27.07.

⁸⁷ *Серов К. П.* Боевое прошлое Воспоминания. Куйбышев, 1958. С. 79–101.

⁸⁸ *Дворянов Н. В., Дворянов В. Н.* В тылу Колчака. М.: Соцэкгиз, 1963. С. 141.

⁸⁹ *Новожинов И.* Потомок Чингизхана. Застрельщики. Хатанов. Повести. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1983. С. 199.

СЕМЕНОВСКАЯ КРЕСТЬЯНСКАЯ ДРУЖИНА

Д. Ю. Дубровин (Москва)

История создания и боевой путь нерегулярных (партизанских) воинских частей в рядах Уральской отдельной армии в годы Гражданской войны до настоящего времени практически не изучена. А между тем, эти формирования сыграли довольно существенную роль в войне против большевиков и являлись одними из наиболее боеспособных и стойких частей на Уральском фронте. Первые партизанские воинские части из казачьей и иногородней (не казачьего сословия) молодежи начали появляться в Уральске уже в самом начале 1918 года, еще до начала Гражданской войны на Урале. Родоначальниками партизанских отрядов на Уральском фронте, пожалуй, можно считать Каменскую добровольческую сотню есаула Н. А. Жагулина, охранявшую войсковую границу на пограничной станции Шипово, и партизанский отряд сотника Е. А. Агуреева, сформированный в Уральске из учащейся молодежи и казаков-добровольцев. Оба отряда насчитывали по несколько десятков бойцов, были слабо вооружены и оснащены и ставили себе основной задачей охрану границ войсковых земель от посягательства извне.

Основным принципом формирования указанных отрядов был принцип добровольности. В отряды записывались в основном молодые люди, не имевшие опыта боевых действий. Это, во многом, послужило причиной того, что партизанские отряды не проявили себя должным образом во время первого наступления красных на Уральск.

Одним из наиболее известных, но наименее изученных партизанских формирований в рядах Уральской отдельной армии являлась Семеновская крестьянская дружина, набранная из добровольцев – крестьян Самарской губернии.

Первая победа уральцев над красноармейским отрядом в знаменитом Илецком бою 13 (26) марта 1918 г.¹ показала их ближайшим соседям – крестьянам соседних губерний, что Войско стало на путь вооруженной борьбы против большевиков. Сконцентрировав вооруженные силы в

крупных населенных пунктах Самарской губернии – Новоузенске, Александров-Гае, Николаевске, красные рассылали небольшие отряды по окрестным деревням и селам для установления в них советской власти. Отряды грабили зажиточных собственников, реквизировали их имущество и скот, накладывали контрибуции. А в самой деревне начался передел власти и собственности. Такая политика новых властей, разумеется, не могла не вызвать недовольства определенной части крестьянского населения. Кое-где большевикам пытались оказать вооруженный отпор, но подавляющее большинство недовольных только глухо роптало и терпело новые порядки. Вот как описывали свои беды крестьяне села Дергачи Самарской губернии: «Изнемогаем под гнетом дорого стоящих комитетов и их поборов, еще больше изнемогаем под гнетом большевистских банд красногвардейцев. Их нахальство и вымогательства выводят из терпения даже малоимущих...»².

Надежду на освобождение от новых порядков крестьяне возлагали на своих соседей-казаков. В Уральске стали появляться ходоки от сельских сходок окрестных сел и деревень с просьбой прислать отряды казаков и оружие для освобождения их от большевиков³. Как писала в те дни местная газета: «Все крестьяне определенно надеются на выступление и помощь уральцев»⁴. А вот что писали в это время сами жители Николаевского уезда: «Все взоры теперь обращены на восток, на вас, свободные яицкие казаки! Если бы одна сотня ваших лихих Горынычей прибыла к нам, то не только мы, но и наши соседи, алтатинские татары, вышли бы к вам на помощь, чтобы изгнать «большевизию» из наших сел... Нас разоряют, мы изнемогаем – помогите нам...»⁵.

Командование уральцев попыталось использовать эти настроения в своих целях, прежде всего для установления прочных связей с соседями и в надежде на поддержку крестьянского населения в надвигавшейся войне с большевиками. Но оказать вооруженную помощь уральцы в то время были не в состоянии: у них самих не хватало ни боеспособных частей, ни вооружения, ни боеприпасов. Более того, в Войске преобладала откровенно оборонительная позиция. Готовясь к войне, казаки первыми наносить удар не хотели и воздерживались от каких-либо наступательных действий. Они всеми своими действиями показывали, что не покушаются на крестьянские земли и установленные там новые органы власти. Но на своей земле новые порядки принимать категорически отказывались. Вот как обосновывал эту позицию один из идеологов политики Войска депутат Войскового съезда Е. Д. Коновалов: «Охраняя свои границы от непрошенных гостей мы можем и должны оставить тактику обороны и помочь соседям, но не прежде, чем там начнется народное движение родственное нашему и появятся на деле наши надежные союзники...»⁶.

Стремясь идеологически сблизиться с неказачьим населением и крестьянами, Уральский Войсковой съезд издал «Воззвание Яицкого казачества

к трудовому крестьянству», в котором попытался объяснить, что уральцы не являются контрреволюционерами и монархистами, как выставляли их большевики: «...мы уральцы, не противники революции и всего светлого, что она может дать...»⁷, – говорилось в нем. В то время уральцы всячески подчеркивали приверженность Учредительному собранию, которое в их обращениях к рабочим, крестьянам, фронтовикам, иногородним именовалось «единственным хозяином нашей земли».

Большевики, в свою очередь, старались всячески воспрепятствовать сближению уральского казачества с населением соседних крестьянских областей. Начиная от террора в деревне и заканчивая распространением слухов о том, что казаки хотят отобрать у крестьян всю помещичью землю вплоть до Саратова⁸. Распространение подобных слухов основывалось на том, что частью земельных наделов и хуторов за пределами Войсковой территории владели богатые уральские казаки. После установления советской власти все такие наделы и хутора были захвачены, и оставшийся там скот, богатые запасы продовольствия, сельскохозяйственной техники и т. п. были большевиками экспропрированы. В некоторых из хуторов организовали сельскохозяйственные коммуны. Не желая мириться с такой ситуацией, бывшие хозяева за свой счет формировали небольшие отряды из уральских казаков для организации налетов на коммуны с целью вывезти свое, захваченное в ходе аграрной революции, имущество.

Одна из подобных экспедиций завершилась для уральцев неудачно. Собранный на деньги уральского богача А. Я. Овчинникова небольшой отряд из казаков и офицеров 13 (26) апреля 1918 г. отправился на хутор Овчинникова, расположенный в Самарской губернии, в 7 верстах от пограничной станции Семиглавый Мар. Заранее предупрежденные красные устроили уральцам засаду, и во время вывоза казаками хлеба внезапно атаковали их. Начальник отряда подьесаул И. Н. Акутин был убит, казаки растерялись и отступили. Это происшествие сыграло на руку красной пропаганде, разнесшей слухи о вероломном нападении казаков на «мирные села и деревни» и обвинившей уральцев в нарушении мира. После этого случая практика подобных экспедиций была прекращена.

Первый поход на Уральск Красной армии Саратовского совета продолжался с 21 по 28 апреля (4–11 мая) 1918 г.⁹ Для наступавших он закончился полным провалом и поспешным отступлением с территории Войска. Любопытно, что в составе одного из наиболее больших и организованных красноармейских отрядов – 2-м Николаевском, – было много бойцов из числа крестьян Перелюбского и Любичского районов Самарской губернии. Отряд начал формироваться еще в апреле 1918 г. с расчетом на враждебное отношение крестьян этих местностей к соседям-казакам. И надо признать, что этот расчет сыграл свою роль. Большое количество крестьян из малообеспеченных семей записывалось в отряд добровольцами, желая покончить с казаками за многочисленные обиды и экс-

плуатацию их труда богатыми соседями. Поэтому не стоит удивляться фактам грабежей красноармейскими отрядами казачьего населения.

Преследуя отходящие части Красной армии Саратовского совета, 29 апреля (12 мая) 1918 г. 4-я сотня 1-го Уральского Учебного конного полка под командой подьесаула Н. К. Шурихина пересекла границу Войска, вступив в Николаевский уезд. Накануне, 28 апреля (11 мая) 1918 г. Уральским Войсковым съездом было принято воззвание «Ко всему крестьянскому населению», в котором разъяснялись причины вступления вооруженных отрядов уральцев в Самарскую губернию. В воззвании так указывались цели и задачи уральцев: «Наши отряды переходят границу и идут к вам на помощь. Наша задача разсеять красногвардейцев, прекратить разбои и насилия... Наша задача – уничтожение большевистских советов и восстановление земства – истинно народного представительства, созыв Учредительного Собрания...»¹⁰. Особо подчеркивалось, что «никаких посягательств на крестьянские права у нас нет и не может быть. Мы стремимся только помочь населению освободиться от гнета насильников, предоставив народу самому защищать свои права и свободы»¹¹. Уральцы всячески пытались донести до своих соседей, что они рассматривают их не как противников, а в качестве союзников. «Поднимитесь же все вместе с нами и создавайте организации для борьбы с большевиками, подобно тем, какие созданы свободными казаками в момент вторжения в пределы войска большевистских банд. Всеобщими усилиями с Божьей помощью восстановим порядок и спасем Россию»¹², – говорилось в воззвании. Оно имело частичный успех в тех населенных пунктах, жители которых уже успели испытать на себе «прелести» советской власти.

Не забыли в Уральске и об организации местной власти в освобождаемых от большевиков районах. Одновременно с воззванием Уральский войсковой съезд принял постановление под названием: «Организация органов обороны и самоуправления в местностях соседних губерний, очищенных нашими отрядами от красногвардейцев»¹³. В нем расписывался порядок организации в освобожденных селах, деревнях и городах сельских, волостных и уездных комитетов обороны. Документ определял права комитетов, их обязанности и взаимоотношения. Отдельно указывалось, что в состав указанных комитетов большевики не допускаются. На основании названных документов можно сделать вывод, что уральцы довольно серьезно отнеслись к вопросу привлечения на свою сторону крестьян соседних губерний, рассчитывали на их поддержку в деле восстановления порядка и вооруженной борьбы против большевиков.

Расчет частично оправдался, чему способствовал также внутренний конфликт в среде крестьянского населения некоторых крупных житочных сел Николаевского уезда Самарской губернии. Деревня Семеновка (Семениха), расположенная на реке Малая Чалькля в Николаевском уезде,

стала центром антибольшевистского выступления крестьян. «Семеновцы, очень зажиточные, но не коммунисты, подверглись усиленным реквизициям со стороны красной гвардии из Николаевска. Наиболее активный элемент крестьян ушел, а остальная масса бедствовала и страдала, но терпела до поры до времени. Вот эти самые семеновцы слезно молили прислать к ним казаков, обещая поддержку не только разведкой, но и восстанием изнутри»¹⁴, – так объяснял причины выступления крестьян против красных С. А. Щепихин. Согласен с ним и уральский офицер Б. Н. Киров, который в своих воспоминаниях добавляет следующие подробности о Семеновке: «Это большое и очень богатое село. Жители его с первых дней большевистского переворота резко разделились на два лагеря. Более работающие, непьющие и солидные мужики естественно были настроены против большевиков, а все пьяницы, бездомные хулиганы и головорезы из молодежи пошли за коммунистами, которые им обещали легкую наживу. Образовался здесь, как впрочем почти повсюду, где были большевики, комитет бедноты, который под председательством пьяницы-дезертира начал беспощадно отбирать у имущих их скот, машины, хлеб и все что только можно. Наряду с этим, в селе шли всякие беспорядки и хулиганство, доходившие даже до модной тогда «социализации женщин»¹⁵.

В Семеновке с января 1918 г. существовала боевая дружина партии социалистов-революционеров (эсеров), сформированная для активной борьбы с большевиками Николаевским комитетом партии. Костяк дружины состоял из 30 добровольцев – местных жителей. Однако дружина не могла активно действовать по причине своей малочисленности, невозможности агитации среди крестьян и отсутствия оружия и боеприпасов (весь запас оружия дружинников состоял из 6 револьверов и 3 гранат). Тем не менее, 25 марта (7 апреля) 1918 г. члены дружины созвали сельский сход с целью смены сельского совета, члены которого, все сплошь большевики, обвинялись в незаконных поборах с жителей и «социализации» скота и посевов. Как видно, изначально причины недовольства большевистским советом были исключительно экономическими.

В итоге старый состав совета был смещен, а в новый совет выбраны как члены боевой дружины, так и другие жители села. Однако смещенные большевики власть отдавать не собирались. Они позвали на помощь из Николаевска отряд красноармейцев, который, прибыв в Семеновку, не только арестовал «бунтовщиков» и членов нового сельского совета, но и наложил на селян очередную «контрибуцию» в размере 23 тысяч рублей¹⁶.

Поняв, что без помощи извне свергнуть советскую власть не удастся, семеновцы выслали в Уральск двух «ходоков», просивших казаков поддержать их выступление против красных. Уступая их просьбам, Уральский Войсковой съезд постановил оказать помощь крестьянам Николаевского уезда и поднять их на вооруженную борьбу против большевиков. На

помощь семеновцам из Уральска был направлен партизанский отряд подьесаула Н. А. Албина, численностью около 200 человек. Благодаря проводникам из местного населения отряд скрытно перешел границу Войска и углубился на крестьянскую территорию. Однако захватить врасплох отряд красноармейцев под командованием П. Ф. Чекова, расположенный в Семеновке, не удалось. Чувствуя враждебное отношение крестьян, красные на ночь выходили из села и ночевали на открытой местности, за околицей. Узнав о приближении казаков, они выступили им навстречу. Тем временем семеновцы, в количестве около 300 человек, повязав на себя белые повязки для отличия их в бою от красных, ударили в тыл отряду Чекова, настигнув его у колонии Зейферта. Как писал С. А. Щепихин, произошел «короткий бой, очень кровопролитный и в результате несколько десятков винтовок, 3 тыс. боевых патронов, ни одного, как водится, пленного, и что самое главное сотни вооруженных крестьян Семеновки и из окрестных деревень»¹⁷. Очевидцами были отмечены заслуги дружинников, которые «...вооружились вилами, кольями и топорами и стали рубить и колоть вместе с казаками, кто им попал под руки»¹⁸. Разгром был полный. Как писал И. С. Кутяков «повстанцы убили членов совета, разбили отряд т. Чекова численностью до 800 штыков, отняли почти все пулеметы...»¹⁹. Выступление против красных произошло также в селах Жестянке, Любицком, Клинцовке, расположенных недалеко от Семеновки, а в бывшем имении помещика Зейферта была уничтожена образованная здесь сельскохозяйственная коммуна. Освобождение от красных Семеновки 2(15) мая 1918 г. послужило началом формирования Семеновской крестьянской дружины, превратившейся потом в один из лучших боевых полков Уральской армии.

Однако, после отхода отряда Албина на войсковую территорию, Семеновка 5(18) мая 1918 г. была занята красным отрядом С. Потехина, устроившего в селе кровавый террор. Надо сказать, что в жестокости обвинялись обе стороны. Красные газеты писали, что повстанцы «вместе с партизанами казаками вырезали в селе Семенихе 120 красногвардейских семей»²⁰, уральцы, наоборот, сообщали о зверствах красных, бессудных расстрелах, разграблении имущества жителей, угоне скота и т. п. Как писала местная пресса, «после отхода нашей сотни в село Семеновку вошли красные, которые перебили 215 человек, оставшихся там после ухода крестьянских дружин, сожгли и уничтожили все имущество крестьян, а скот увели»²¹. Позднее уральцам удалось обнаружить документы о том, что 6(19) мая в Семеновке состоялся полевой суд под председательством П. Зезенкова, который судил захваченных в плен противников советской власти. По обвинениям в деле свержения советской власти, и в том, что крестьяне, «...присоединившись к казакам, вооружившись вилами, топорами, пешнями и заранее приготовленными пиками, перерубили более ста человек», было расстреляно 33 местных

жителя, а также двое жителей села Милорадовки И. А. Антошкин и З. Ф. Кривоносова. Последние обвинялись в призывах к свержению советской власти в связи с событиями в селе Семеновка и в приготовлениях к выступлению против красной гвардии совместно с казачеством²².

6 (19) мая 1918 г. на Войсковой съезд прибыла группа Уральской организации партии социалистов-революционеров, бывшая в отряде подесаула Н. К. Шурихина и возвратившаяся из поездки по Николаевскому уезду. Они доложили депутатам съезда свои впечатления от поездки, сообщив, что «...приближаясь в Николаевску мы все больше видели доверия к казакам. Крестьяне встали на нашу сторону и стали образовывать дружины»²³. 9 (22) мая на съезд прибыла делегация крестьян Николаевского уезда из 6 человек, которая «умоляла Войско помочь им, не теряя выгодного момента»²⁴.

Желая воспользоваться благоприятными настроениями и развить успех в крестьянских районах, командующий войсками Уральского казачьего войска и Уральской области полковник М. Ф. Мартынов выслал подкрепление к сотне Н. К. Шурихина, действовавшей в Николаевском уезде. На помощь пошли 2-я сотня 1-го Учебного конного полка под командой есаула В. И. Донскова, партизанские отряды сотника Е. А. Агуреева и подесаула Н. А. Албина при 1 орудии и 2 пулеметах²⁵.

10 (23) мая 1918 г. этот отряд соединился с отрядом Шурихина и с конной группой из крестьян-добровольцев Николаевского уезда. Очевидец оставил интересное описание этих добровольцев: «Крестьянская живописная группа в разных костюмах, в самодельной амуниции была далека от всякого сравнения с дисциплинированной, обученной, вооруженной казачьей частью. Теснившиеся всадники сидели на обыкновенных подушках, прикрученных веревками, и опирались в веревочные стремена. Седел почти не было. Вооружение было таким бедным, что весь этот двухсотенный отряд владел едва-едва пятнадцатью винтовками. Холодное оружие у огромного большинства отсутствовало, замененное у доведенных, очевидно, до отчаяния крестьян длинными палками с острыми шпильями на концах. Но настроение крестьян было возбужденным, приподнятым: чувствовалось, что они пойдут на крайние меры»²⁶.

Командование соединенными отрядами принял есаул А. И. Марков. Его части 11 (24) мая заняли деревни Карловку и Клиновку (Вязовку). В ночь на 13 (26) мая казаками и крестьянами было атаковано село Любичкое, в котором находился красноармейский отряд. Из-за плохой связи между наступающими отрядами атака не удалась, уральцы понесли потери и отступили. В бою принимали участие около 40 человек крестьян из сел Карловки и Семеновки²⁷.

В этот же день был уничтожен отряд красных у Рахмановки, а в ночь с 16 на 17 (с 29 на 30) мая Любичкое все-таки было взято после продолжительного боя. Победителям достались винтовки, патроны, снаряды и

обоз с запасом продовольствия. В бою был убит организатор и первый командир крестьянской дружины поручик Сперанский.

В прессе того времени отмечалось хорошее отношение крестьян к казакам. Так, например, к начальнику передового отряда уральцев войсковому старшине С. Г. Курину явилась делегация от жителей района Чалыкла – Озинки с выражением признательности и благодарности за братское отношение казаков к крестьянам в районе действий казачьих отрядов²⁸. Уральский офицер Б. Н. Киров вспоминал: «Крестьяне относились к нам великолепно, кормили лучшим что у них было, и наотрез отказывались брать за это деньги»²⁹. А вот впечатления еще одного участника боев в Николаевском уезде: «Вооруженные крестьяне, семьи которых на всем пути встречали казаков как избавителей с плачем и жалобами на красногвардейцев, выносили нашему отряду хлеб и молоко, при виде стройно подходившего отряда приветствовали его оглушительным «ура»³⁰. Подобные настроения отмечались и в официальной сводке с фронта: «... Деятельность наших отрядов в Николаевском уезде происходит при почти поголовном сочувствии крестьян. Немало их присоединяется к нашим отрядам и борются с казаками в бою плечом к плечу»³¹.

По мере очищения сел и деревень Николаевского уезда от большевиков дружина прирастала добровольцами из числа близлежащих населенных пунктов: Клиновки, Любичского, Жестянки, Вязовки, Карловки и др. По имени села Семеновки, ставшего эпицентром восстания в Николаевском уезде, дружина получила название «Семеновской». В августе 1918 г., уступая просьбам бойцов Семеновской дружины, отряд полковника С. Г. Курина, в котором состояла дружина, снова занял Семеновку, где была объявлена мобилизация жителей от 17 до 55 лет. Результаты ее неизвестны, но к концу августа 1918 г. дружина состояла уже более чем из 400 бойцов, большей частью пеших. Полковник С. Г. Курин высоко ценил боевые качества Семеновской дружины, а в целях быстрой маневренности своего отряда возил дружинников на фурманках.

Те, кто не мог воевать, помогали другими способами. Так, например, в комиссию по сбору пожертвований на оборону Войска 25 мая (7 июня) 1918 г. было доставлено 918 рублей, пожертвованных крестьянами Николаевского уезда Самарской губернии: «Крестьяне просили обратить деньги на ведение войны с красногвардейскими бандами»³².

29 мая (11 июня) 1918 г. уральская газета «Яицкая Воля» опубликовала «Воззвание дружинников крестьян Самарской губернии» к «братьям-крестьянам». В нем объяснялись причины борьбы с красными, «которые за семь месяцев своего царствования столько наделали грабежей и насилий, разбоев и безвинных наших крестьян на тот свет отправили... что терпеть дальше уже стало невозможно» и объявлялись цели этой борьбы, – «... будем бороться до полного изгнания (большевиков – авт.) из Самарской губернии до самой Волги и за созыв Учредительного Собрания»³³.

Однако массово поднять крестьянство на борьбу с большевиками не удалось. Слабая инициатива местного населения, умеряемая страхом террора и неизвестностью будущего, не приносила ожидаемого результата. С. А. Щепихин объяснял это таким образом: «Участь восставших деревни Семенихи, где главарей восстания Дмитриев живьем закапывал в землю, у всех были свежи в памяти. Рисковать никто не хотел. Десятки уходили с казаками, где из них формировались крестьянские воинские части, а сотни оставались пассивными. Не раз в стороне Николаевска слышна была орудийная канонада: то Чапаев мобилизовывал деревню, а Дмитриев ее усмирал. Слезы, кровь, лились рекой, деревня стонала, но ожидала спасения извне. Оно не приходило и крестьяне переставали верить и в казаков и в чехов, и в Комуч. Те казачьи рейды, которые кружили вокруг Николаевска, планомерные экспедиции, которые к Николаевску совершали смешанные чехо-русские отряды со стороны Самары, производили в толще крестьян обратные действия. Уходили белые, снова являлся Чапаев со своими репрессиями. «Уж лучше бы не приходили наши спасители», ворчали крестьяне, «придут, побудут день-два и снова уйдут, а хозяином остаются все же большевики. Какой толк, разор один»»³⁴.

В итоге единственной крестьянской боевой частью, сформированной в Уральской армии из жителей Самарской губернии, стала Семеновская крестьянская дружина. По мере увеличения численности дружина составила основу пехотного полка, получившего название: «33-й Николаевский пехотный полк», – в честь уезда, где началось антибольшевистское выступление крестьян. Окончательно полк был сформирован в августе 1918 г. Согласно боевому расписанию на 2 ноября 1918 г. он состоял из трех батальонов: 1-го Семеновского, 2-го Краснореченского и 3-го Западного³⁵. Большинство офицеров полка было не казаками, – «иногородними», как их называли на Урале. На 28 декабря 1918 г. в полку числилось 912 штыков и 8 пулеметов. В годы войны он зарекомендовал себя с самой лучшей стороны. Как вспоминал уральский офицер Б. Н. Киров, «полк этот был одной из лучших частей на нашем фронте, все его солдаты на себе испытали прелести большевистского владычества и мириться с этим не хотели»³⁶. Тем не менее, полк был расформирован 18(31) июля 1919 г. «ввиду малой боеспособности и большого процента сдающихся в плен солдат»³⁷. Очевидно, лучшие бойцы к этому времени выбыли, и часть утратила прежние боевые качества. Из полка был выделен Семеновский батальон, который продолжил свой боевой путь как самостоятельная воинская часть. Батальон находился на фронте до конца, в декабре 1919 г. он входил в пешую группу войск полковника И. В. Емелина, в составе которой и совершил последний поход Уральской отдельной армии до форта Александровского.

Остатки семеновцев, около 30 человек, летом 1920 г. были перевезены из Энзели в Басру (Ирак), откуда рассеялись по другим странам или вернулись в советскую Россию.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См. подробнее: *Дубровин Д. Ю.* Уральское казачество в Гражданской войне. Илецкий бой 13(26) марта 1918 г. // Горыныч. Красведческий сборник. Часть 1. Уральск, 2007. С. 34–51.
- ² Яицкая Воля (Уральск). 1918. №46 от 27 марта / 9 апреля.
- ³ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 6605. Оп. 1. Д. 6. Л. 17.
- ⁴ Яицкая Воля. 1918. №46 от 27 марта / 9 апреля.
- ⁵ Там же.
- ⁶ Яицкая Воля. 1918. №61 от 13 / 26 апреля.
- ⁷ Яицкая Воля. 1918. №46 от 27 марта / 9 апреля.
- ⁸ Яицкая Воля. 1918. №48 от 29 марта / 11 апреля.
- ⁹ См. подробнее: *Дубровин Д. Ю., Симонов А. А.* Первый поход на Уральск Красной армии Саратовского совета (май 1918 г.) // Военно-исторические исследования в Поволжье. Сборник научных трудов. Выпуск 10. Саратов, 2014. С. 29–43.
- ¹⁰ Яицкая Воля. 1918. №72 от 1 / 14 мая.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Там же.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ ГАРФ. Ф. 6605. Оп. 1. Д. 6. Л. 21.
- ¹⁵ Уральское казачество в Гражданской войне. Воспоминания участников. Подольск, 2012. С. 51.
- ¹⁶ Яицкая Воля. 1918 / 1919. №2 от 20 декабря / 2 января.
- ¹⁷ ГАРФ. Ф. 6605. Оп. 1. Д. 6. Л. 21.
- ¹⁸ Яицкая Воля. 1918. №88 от 20 мая/2 июня.
- ¹⁹ Красный Урал. 1927. 29 сентября.
- ²⁰ Красный Урал. 1927. 29 сентября.
- ²¹ Яицкая Воля. 1918. № 80 от 11 / 24 мая.
- ²² Яицкая Воля. 1918. №88 от 20 мая / 2 июня.
- ²³ Яицкая Воля. 1918. № 79 от 9 / 22 мая.
- ²⁴ Яицкая Воля. 1918. № 80 от 11 / 24 мая.
- ²⁵ Яицкая Воля. 1918. №101 от 6 / 19 июня.
- ²⁶ Яицкая Воля. 1918. №101 от 6 / 19 июня.
- ²⁷ РГВА. Ф. 110. Оп. 3. Д. 1103. Л. 2.
- ²⁸ Яицкая Воля. 1918. №77 от 6 / 19 мая.
- ²⁹ Уральское казачество в Гражданской войне. Воспоминания участников. Подольск, 2012. С. 53.
- ³⁰ Яицкая Воля. 1918. №101 от 6 / 19 июня.
- ³¹ Яицкая Воля. 1918. №84 от 16 / 29 мая.
- ³² Яицкая Воля. 1918. №95 от 29 мая / 11 июня.
- ³³ Яицкая Воля. 1918. №95 от 29 мая / 11 июня.
- ³⁴ ГАРФ. Ф. 6605. Оп. 1. Д. 6. Л. 30.
- ³⁵ Приказ по войскам Уральской армии №218 от 2 ноября 1918 г.
- ³⁶ Уральское казачество в Гражданской войне. Воспоминания участников. Подольск, 2012. С.51.
- ³⁷ Приказ по Уральской отдельной армии №536 от 18 / 31 июля 1919 г.

С УРАЛЬЦАМИ ПРОТИВ БОЛЬШЕВИКОВ

С. А. Щепихин

(публ. А. В. Посадского, Саратов)*

Проблема крестьянско-казацких взаимоотношений – одна из ключевых в годы Гражданской войны. Практически для всех казацких войск и территорий она окрашена в драматические тона. Сословная рознь, давние земельные споры становились основой вооруженного размежевания. В то же время и сотрудничество, взаимопомощь, в том числе «оказывание» крестьян на белой стороне и «окрестьянивание» казаков на красной имели место в разных масштабах и вариантах.

Свой сюжет этих взаимоотношений завязался и на территории Уральского казацкого войска и соседних с ним завожских уездов Самарской губернии – прежде всего Николаевского, а также Новоузенского.

В составе казацкой армии со временем возникли неказачьи «партизанские» отряды, во главе с офицерами по выслуге, возглавлявшими своих земляков. Ситуация оказывается особенно интересна тем, что в Николаевском уезде базировался и разворачивал свои части знаменитый красный партизан, а затем начдив В. И. Чапаев. Красные и белые отряды из земляков росли параллельно, опираясь в борьбе на разных союзников, которых могли отыскать по соседству.

Авторы, писавшие о борьбе Уральцев, в той или иной степени касались данного сюжета. Среди авторов наиболее серьезных мемуарно-аналитических работ о судьбе Уральского казацкого войска в Гражданской войне – генерал С. А. Щепихин.

Сергей Арефьевич Щепихин (1880 – 1948) – известный участник Великой и Гражданской войн в России, военный писатель и мемуарист.

Уральский казак по происхождению, С.А. Щепихин окончил Оренбургский Неплюевский кадетский корпус. В службе с сентября 1898 г. Окончил Николаевское кавалерийское училище в 1900-м и Николаевскую

* Публикация подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 13-01-00260. Автор выражает признательность Ф. А. Гушину (Москва) за возможность работы с текстом воспоминаний С. А. Щепихина. Название дано публикатором.

Академию Генерального штаба в 1908-м. Участник русско-японской войны. В 1911 г. переведен в Генеральный штаб в чине капитана. Далее на штабных должностях. Участник Первой мировой войны. Подполковник (1914), полковник (1916), служил в штабе 3-й армии. С марта 1917 г. на строевой должности командира 2-го Уральского казачьего полка.

В годы Гражданской войны занимал ключевые штабные должности в антибольшевистских формированиях на Востоке. С февраля до начала июня 1918 г. – начальник штаба Уральской армии и начальник войскового штаба Уральского казачьего войска; с августа того же года начальник полевого штаба Поволжского фронта Народной армии КомУча, в октябре – декабре – начальник штаба Самарской группы войск. Генерал-майор в декабре 1918 г. В армии адмирала А. В. Колчака являлся начальником штаба Западной армии (январь – май 1919 г.). С июня 1919 г. начальник снабжения Южной (впоследствии Оренбургской) армии. Участник Сибирского Ледяного похода. Начальник штаба войск Российской восточной окраины. В мае 1920 г. покинул Читу и выехал в Китай, откуда перебрался в Константинополь. Проживал в Чехословакии.

С. А. Щепихин стал автором большого комплекса воспоминаний по истории Гражданской войны на Востоке. Уже послужной список показывает, насколько ценным мемуаристом является человек, занимавший ключевые посты в вооруженных силах Белого движения в восточном регионе бывшей Российской империи. Наследие С. А. Щепихина, большей частью неопубликованное, высоко оценивает, во введении к научной биографии Оренбургского атамана «Атаман А. И. Дутов» (М.: Центрполиграф, 2006) А. В. Ганин, ставя его в один ряд с известнейшими «Очерками русской смуты» А. И. Деникина.

Борьбе Уральцев С. А. Щепихин посвятил два материала. Один из них хранился в Русском заграничном архиве в Праге и ныне находится в Государственном архиве Российской Федерации, в личном фонде С. А. Щепихина¹. Однако значительный объем своих рукописей генерал передал в апреле 1933 г и позднее в другое известное хранилище – Гуверовский институт войны, революции и мира при Стэнфордском университете². Здесь хранится еще одна рукопись, посвященная Уральскому казачьему войску.

Рукописи разнятся временем создания и названием: «Уральское войско в борьбе с коммунизмом» и «Уральское войско в борьбе с большевиками», соответственно. Но более существенна разница в объеме и, соответственно, степени подробности освещения темы.

Хранящийся в США источник обозначен автором как «рукопись генерала русской службы С. А. Щепихина «Уральское казачье войско в борьбе с большевиками» (Исторический материал для исследователя периода гражданских войн в России, собранный генералом русской службы, по

происхождению уральцем, С. А. Щепихиным)», на «197-ми страницах». Автор продал рукопись «в полную собственность библиотеки Хувера» за 150 американских долларов в мае 1935 г. Это основательный историкомемуарный труд, который начинается очерком развития Уральского казачьего войска с 16-го столетия и завершается обозначением эмигрантских судеб казаков-уральцев на начало 1920-х годов. Таким образом, «американская» версия написана позднее «пражской» и значительно фундаментальнее.

Подробно описывая борьбу Уральцев с красными, С. А. Щепихин касается и участия в ней заволжского самарского крестьянства, характеризует В. И. Чапаева и его формирования. Три выдержки из рукописи генерала, повествующие об этих сюжетах, и предлагаются вниманию читателя.

Первые удачные шаги уральцев³ в самом начале борьбы с большевиками сильно подняли их престиж в глазах соседей, которые до сих пор или не отваживались на открытое выступление, как, например, крестьяне соседних с уральцами уездов, или же, попробовав восстать, не обеспечили себе поддержку, а начали борьбу на свой риск и страх.

Теперь, когда так удачно разыграны были два первых хода начала грандиозной эпопеи, защита уральскими казаками городов Уральска и Илека, глаза всех угнетенных советами невольно обратились в сторону Уральска с надеждой и упованием.

На круг сразу прибыло несколько депутатий от крестьянских волостей с постановлениями тамошних сходов – просить поддержки от казаков и более реально – просто прислать хотя бы небольшую вооруженную часть, и тогда настроение в селах переломится, и они восстанут. Круг тщательно обсудил эти предложения, и тогда же было решено одновременно с переходом границы уральскими полками – бросить в указанные делегатами районы небольшие партизанские отряды.

Несмотря, как выше было отмечено, на не всегда удачные действия этих казачьих отрядов, всё же удалось в одном месте поддержать восставших (так было в деревне Кленцовке⁴), а в другом даже и организовать, и провести самое восстание с начала до конца (что произошло в селе Семенихе⁵).

Оба названные района – Николаевского уезда, Самарской губернии – после восстания выставили своих добровольцев и получили оружие от казаков: преимущественно это была военная добыча, отобранная в боях партизанами. Но, к сожалению, партизаны казачьи не могли долго сидеть на одном месте по чисто военным соображениям, а должны были переходить с места на место, чтобы не попасть в окружение красными... а как только казаки уходили – приходили немедленно красные карательные отряды, и начиналась вакханалия мести...

Подобная жестокость в отношении повстанцев, с одной стороны, увеличивала ряды противников советской власти, а с другой, путем террора совершенно подавляла всякое желание рисковать...

Как бы то ни было, но через месяц после первого нападения на Уральск к уральцам присоединилась небольшая группа Семеновской дружины⁶: это были в корень разоренные красными отрядами крестьяне, за которыми большевики считали много грехов и, во всяком случае, вполне достаточно, чтобы отправить каждого из них к праотцам.

Впоследствии Семеновская дружина, присоединив и иные контингенты крестьян, не приемлющих советы, вылилась в большое, широкое движение по всему Николаевскому уезду и обратилась в стойкую воинскую часть, 33 стрелковый Николаевский полк⁷...

Семеновская дружина присоединилась к нашему партизанскому отряду есаула Албина и совместно с полком Курина проникла вглубь своего уезда, поднимая целый пожар восстаний...

Включительно до боя под Балашами⁸ все действия казаков за гранью были удачны, но последний разыгрался не в пользу казаков. Пришлось очистить пределы соседнего уезда и ограничиться лишь чистой обороной.

Октябрь месяц⁹ принес новое огорчение уральцам: если до сих пор противника связывала Самара, то теперь с приближением дня её падения надо было озаботиться обороной и тех участков, которые до того считались надежно прикрытыми – оттуда начали доходить тревожные слухи.

Наконец получено было известие, что село Таловая (Самарской губернии), лежащее всего в 45 верстах и на прямом направлении на Уральск – занято сильной группой Чапаева. Неизвестно, что больше смутило казаков – сильный противник на важном направлении или имя лихого партизана Чапаева.

Под Николаевском казаки частенько с ним сталкивались и отлично знали приемы его борьбы, и это смущало многих: все помнили, как неоднократно чапаевские отряды, совершенно, казалось разбитые и рассеянные казаками, в короткий срок возрождались, и казакам снова и снова приходилось гоняться за «бессмертным» Чапаевым по всему уезду... И вот он снова перед казаками, но как изменилась обстановка – теперь перед уральцами уже не партизан Чапаев, а начальник 24-й стрелковой¹⁰ дивизии, организованной по последнему слову военных требований... И, это особенно было серьезно – он появляется на участке совершенно не защищенном, если не считать нескольких местных станичных дружин... Участок был новый для уральцев, ещё не затронутый гражданской войной – Соболевская станица.

Отныне уральцы имеют пятый участок борьбы – «соболевский»... через который ведут кратчайшие пути на Уральск.

Только что перед этим казаки имели некоторый успех на саратовском направлении¹¹ и выправляли положение после ранения генерала Мартынова¹², а теперь приходится там остановить развитие успеха и перебрасывать часть сил против Чапаева.

Сняли отсюда учебный пеший полк, посадили на подводы и перевезли под самую Таловую, в пасть Чапаева...

Сюда было брошено всё, что без большого риска можно было снять с прочих участков: Учебная конная бригада, 10-й конный Уральский полк, 13-й Соболевский конный полк, 13-й Оренбуржский конный полк, Учебный пеший полк, Гурьевский и Оренбуржский дивизионы.

4.10.1918 года красные повели наступление, поддержанное броневыми машинами, но были на голову разбиты и вынуждены к отходу... а отходить было некуда, так как значительные силы позволили казакам оцепить расположение противника, очутившегося к началу боя в кольце...

Противник узнал об окружении лишь от обозов, которым попытка пройти в тыл не удалась и они были захвачены казаками... Заночевали, а ночью Чапаев, замаскировав свой отход разложенными кострами и демонстративным шумом на биваках, ушел благополучно сквозь кольцо, которое, по всей вероятности, не было плотно сомкнуто – недостаток дисциплины сказывался отрицательно на стороне казаков... Нескорок орудий, конечно, основательно испорченных противником, пулеметы и большие запасы патронов (две пушки, 7 пулеметов, 5000 патронов и большой запас продовольствия) достались в руки казаков.

Это был первый случай, что казаки брали пленных – до сих пор жестокость и озлобление с обеих сторон были настолько сильны и свежи, что в плен никого не брали: теперь начинают разбираться и сортируют всех захваченных с оружием в руках на подлинных коммунистов и мобилизованных – последних щадят, предлагая иногда, вступить в свои ряды.

Захват Таловой настолько был неожиданен для противника, что там на следующее утро снизился красный аэроплан, прилетевший из Саратова.

В начале же мая¹³ оживились вновь операции и на Сламихинском участке, где полковник Бородин¹⁴ захватил город Александров Гай: здесь уничтожено было два коммунистических полка и взяты орудия, и боевые запасы...

Всего атаманом Толстовым¹⁵ на всех фронтах за три недели активных операций взято было 15 пушек, 57 пулеметов, 4000 винтовок, около миллиона патронов, 5000 снарядов разных калибров, столько же ручных гранат и уничтожено шесть полков.

После таких успехов можно было в связи с общим наступлением к Волге, задаться несколько более широкими задачами, и мы видим, что

атаман Толстов решительно бросает значительные силы на Соболев и далее – на Николаевск.

При наступлении на Соболевском направлении стремятся взять направление возможно глубже на запад, чтобы все отрезанное отбросить не к Волге, а попытаться загнать в Уральск, где красные начали уже ощущать недостаток в съестных припасах.

Через неделю весь Соболевский район был освобожден, и казаки в числе двух партизанских полков ринулись в Самарскую губернию.

Атаман выпустил воззвание к крестьянам соседних уездов, в котором приглашал крестьян выйти из вредного состояния нейтралитета и взяться вместе с казаками за оружие.

И добровольцы толпами пошли на пополнение рядов Уральской армии: под самым Уральском пришедший на выручку гарнизона Покровско-Туркестанский полк перешел в полном составе на сторону казаков¹⁶. Из самарских добровольцев сформирован окончательно 33-й Николаевский полк. Татары образовали отдельную, т. н. Сафаровскую дружину.

Не остались глухи к призывам уральцев и самые удаленные уголки соседних войску уездов: астраханские и не только казаки, но и крестьяне дружными усилиями сформировали свои части и отделились под высокую руку уральского атамана...

Но нет сильнее пропаганды, как пропаганда делом, а не словом... и дела успешные говорили сами за себя без всяких красивых слов...

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ ГАРФ. Ф.Р6605. Оп.1. Дела постоянного хранения, 1928 – 1931 гг. Д.6. Очерк Щепихина С.А. «Уральское казачье войско в борьбе с коммунизмом». Рукопись, 38 листов.

² Sergei Afanasevich Shcherikhin papers; collection 33006.

³ Речь идет о событиях мая 1918 г., когда Уральск выдержал поход красной армии Саратовского совета. См. об этом: Симонов А.А. Красная армия Саратовского совета (весна 1918 г.) // Новый исторический вестник. 2009. №3(21); Симонов А.А., Ю.Дубровин Д.Ю. Первый поход на Уральск Красной армии Саратовского Совета (май 1918) // Военно-исторические исследования в Поволжье. Вып. 10. Саратов, 2014.

⁴ Восстание в Клинцовке упоминается в статье Д. Степанова, в этом же разделе сборника.

⁵ Или Семеновка; это большое село дало самостоятельное формирование на белой стороне, см. далее.

⁶ Об этом сюжете см. статью Д.Ю. Дубровина в настоящем сборнике.

⁷ Весьма внушительный список офицерского состава 33-го Николаевского стрелкового полка в приказе Уральской Отдельной армии 8(21) апреля 1919 г. №237 см.: Картагузов С.В. Офицерский состав частей Уральского казачьего войска 1914 – 1918. Биографический справочник. М.: Рейтар, 2012. С.485–487.

⁸ Неудачный для казаков бой состоялся 28 мая (10 июня) 1918 г. Отряд полковника С.Г. Курина повторно занимал Балаши и оставил их после боя 6(19) июня 1918 г.

¹⁰ 1918-го г. Самара – центр пребывания КомУча, занята красными 7 октября.

¹⁰ Автор неточен. С сентября 1918 г. В.И. Чапаев командовал 2-й Николаевской пехотной дивизией, переименованной 2 октября в Николаевскую пехотную дивизию. Впоследствии – 22-я стрелковая дивизия РККА.

¹¹ От Уральска до Саратова 374 км по прямой.

¹² Генерал-майор Матвей Филаретович Мартынов (1881 – 1919) с июля 1918 г. командовал Шиповским фронтом Уральской армии, в августе был тяжело ранен. С сентября командовал Соболевским фронтом. Руководил обороной Уральска в январе 1919 г. Тяжело ранен, умер от ран в марте 1919 г.

¹³ 1919-го г.

¹⁴ Бородин Николай Николаевич (1870 – 1919), полковник, командовал Сламихинским фронтом, затем 6-й Уральской казачьей дивизией. Не раз в ходе боевых действий занимал Александров Гай и Новоузенск Самарской губернии.

¹⁵ Толстов Владимир Сергеевич (1884 – 1956), генерал-майор, с октября 1919 г. – генерал-лейтенант; в марте 1919 г. избран атаманом Уральского казачьего войска, с апреля также командующий Уральской отдельной армией.

¹⁶ Подробнее об обстоятельствах мятежа в частях красной Николаевской дивизии см.: *Симонов А. А.* Мятеж полков Николаевской дивизии на Восточном фронте (январь 1919 г.) // *Новый исторический вестник.* 2009. №22.

ЕЩЕ О КОНАРМЕЙСКОЙ ЛЕГЕНДЕ

ЛЕВОБОРЕЖНЫЕ КАЗАКИ И РАННИЕ СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ ПЕРВОЙ КОННОЙ

О. М. Морозова (Ростов-на-Дону)

Кавалерийские части Красной армии могли бы иметь несколько иную историю, если бы не поведение казачества Левобережья Дона. Известно, что отряды, в дальнейшем послужившие основой конных армий РККА, возникли на территории Сальского округа Области войска Донского.

Текст 1929-го года воспоминаний Т. Ф. Королёва, солдата 39-й дивизии императорской армии и красноармейца 10-й армии РККА, добровольно вступившего в отряд приманычской станицы Иловайской Сальского округа, содержит редкий для этого типа советских мемуаров обобщающий вывод: если Правобережье Дона встало за белых, то Левобережье – за красных¹. Чем вызван этот смелый тезис, и справедлив ли он?

Позволю себе пространную историческую справку, чтобы отклонить возможные упреки в необоснованности некоторых исходных посылок.

На протяжении веков существования казачества отношение иногородних крестьян к казакам менялось. Первоначально их сословная принадлежность была предметом зависти и заветной мечтой каждого прибывавшего на Дон. Некоторым малороссиянам, жившим при правобережных станицах, повезло быть в 1808 г. приписанным к казачеству во вновь образуемых станицах по Задонскому почтовому тракту – Махинской (Ольгинской), Кагальницкой, Мечётинской и Егорлыкской. И в дальнейшем по решению сходов и при наличии достаточного клина юртовой земли в станицах появлялись вновь приписанные казаки.

Но на протяжении XIX в. казачество втягивалось в кризис вместе со всей сословной организацией государственной жизни. Отдельные части донского казачества искали свои способы его преодоления. Казачье офицерство стремилось к уравниванию в правах с офицерами регулярной армии. Торговые казаки, наоборот, стремились к укреплению своего преимущественного права на коммерцию на войсковой территории. Низы, опасаясь повышения цен на землю, протестовали против предоставления прав иногородним покупать землю на Дону. И – почти всех

тяготила 25-летняя обязательная служба. Уралец И. И. Железнов (1824–1864), сравнивая казака с крепостным, говорил, что если крестьяне получили волю в 1861 г., то казачество продолжает оставаться в кабале².

Реформы 1860–1870-х гг. в известной степени были ответом на ожидания казаков. В 1863 г. вместо срок полевой (в строевых частях) и внутренней (в станичных командах) службы был изменен, соответственно, с 25 на 15 и с 5 на 7 лет. 14 октября 1874 г. было принято «Положение о военной службе казаков Донского войска», 17 апреля 1875 г. император утвердил «Устав о воинской повинности Донского войска», согласно которым военная служба у донцов начиналась в 18 лет и продолжалась 20 лет. Первые 3 года (с 18 до 21 года) казаки пребывали в «приготовительном разряде»; с 21 до 33 лет, т. е. 12 лет, они числились в «строевом» разряде». Строевая служба, в свою очередь, включала 4 года действительной и 8 лет на «льготе», т. е. пребывания в полках 2-й и 3-й очереди с прохождением лагерных сборов. В это время казаки жили уже дома. Последние 5 лет (34–38 лет) служащий казак пребывал в запасе.

Однако вместе с этими облегчениями служебных тягот возросли требования к заготавливаемому самостоятельно казаками снаряжению – коню, амуниции для него, обмундированию, холодному оружию. «Доморощенный» конь уже не годился. Подходящего по параметрам скакуна требовалось покупать у задонских конезаводчиков. Шинели из домотканого сукна также могли быть выбракованы, как и седла, сапоги, пики и пр. Для закупки всего этого нужны были живые деньги.

Данная проблема подробно проанализирована в докладе члена комиссии, созданной для рассмотрения вопроса о причинах обеднения Донского казачьего войска и разработки мер к восстановлению его благосостояния, статского советника А. А. Донецкого (март 1899 г.). До конца первой трети XIX в. обмундирование казака не было тягостью, ибо отсутствовали строгие требования к единообразию. Казачка того времени ткала и валяла простое серое сукно и шила из него шинель, куртку и шаровары, составлявшие форменную одежду казака. Ременные принадлежности седла и сбруя строились самим казаком из кож домашних животных. Оружие обыкновенно переходило по наследству от отцов к сыновьям, от дедов к внукам и пополнялось разнообразными экземплярами, добытыми в походах. После «Венгерской кампании» 1849 г. были установлены обязательные для казаков формы обмундирования, вооружения и сбруи. Уж больно пугающе для взгляда европейцев выглядели бородатые, в полутатарских кафтанах, орды русского царя.

Но и установленные формы время от времени менялись, так что наследовать отцу возможности более не было; а то качество обмундирования, которое требовалось теперь, не могло быть выработано в домашнем хозяйстве. Сборы казака обходились семье в 1899 г. в 250–300 руб. «Ради службы казак разоряет себя и свою семью», и молчит, смиренно неся груз обязанностей перед престолом, писал Донецкий³.

При этом средства к жизни сокращались. До 1843 г. станицы имели право беспошлинного винокурения и виноторговли, что давало весьма значительный доход. Потом была введена откупная система, доход пошел в войсковую казну, а в станичную возвращалось ежегодно лишь 50 копеек на 1 мужскую душу населения. С 1870 г. по ст. 22 Правил о применении к Донской области Положения о земельном учреждении станицы все земские сборы уплачивались из собственных средств жителей (в 1863 и 1870 гг. – из сумм войсковой казны). Почти все юрты Области страдали от малоземелья. Пределом мечтаний казаков было то, чтобы деятельность Крестьянского банка распространялась и на них⁴. Земля истощалась. Член Донского общества культурного земледелия примерно в 1909 г. (документ не датирован) так отозвался о практиковавшейся технологии обработки земли: «...Это сравнительно небольшое количество земли беспорядочно хищнической обработкой истощено в конец, и кроме овсяга и сорных трав ничего не родит... Сколько лет казаки привыкли не дорожить землей, сколько лет каждый мог пахать столько, сколько ему надо, мог пахать там, где хотел»⁵.

Добавляла материальных проблем экономическая отсталость казаков, вызванная слабым развитием ремесел, промышленности и торговой деятельности, трудностями даже с мелким кредитом, плохим состоянием общей грамотности. В итоге в среде казаков появились такие, которые предпочитали выписаться из реестра и перейти в мещанское сословие⁶.

Общее обеднение выразилось в увеличении в станицах людей, получающих ссуды из общественных сумм на расходы по снаряжению к службе. Они считались должниками станичных обществ и зависели от станичного правления. За долги – могли потерять имущество.

В 1906 г. Николай II упразднил одну из главных привилегий Войска Донского, – право иметь отдельную от государственной собственную казну и собственный бюджет. Ликвидирован был и приказ общественного призрения, который ведал вопросами социальной защиты: выплачивал пособия вдовам и сиротам погибших казаков.

Падал не только финансовый, но и репутационный капитал казачества. Значимость принадлежности к казачеству снижалась и среди казаков, и среди иногородних. Казаков обвиняли в том, что они не оправдали надежд на поле боя в Японскую войну, ссылаясь на битву под Сандеу. Хотя, может быть, настоящей причиной было то, что под Мукденом казаки 24-го полка сдерживали лавину запаниковавших солдат, исполняя роль заградительного отряда. В результате заговорили об «антипатии, установившейся в последнее время между казаками и «русскими», [которая] дает последним право, хотя и не заслуженное, обвинять их в чем угодно»⁷.

Партийный историк В. Арнаутков в «Записках о Донской контрреволюции в 1918–1919 гг.» отнес момент возникновения образа казака как палача к 1905 г.⁸ И действительно, в листовке Боевой организации при

Московском комитете РСДРП «Советы восставшим рабочим» есть такие строки: «Казачков не жалейте. На них много народной крови: они всегдашние враги рабочих. Пусть уезжают в свои края, где у них земли и семьи, или пусть сидят безвыходно в своих казармах, – там вы их не трогайте. Но как только они выйдут на улицу, – конные или пешие, вооруженные или безоружные, – смотрите на них как на злейших врагов и уничтожайте без пощады»⁹.

На думской трибуне в 1900-е гг. по казачьему вопросу звучали речи разной направленности: одни депутаты говорили о проблемах и кризисе казачества, другие – о верности престолу как его природном качестве. Так, на заседании государственной думы 13 июня 1906 г. депутаты от казаков Араканцев (товарищ прокурора Таганрогского окружного суда), Афанасьев (священник) и Крюков (учитель Новочеркасского реального училища) заявляли о том, что казаки тяготятся службой и считают участие в усмирении не военной, а полицейской службой; другие донские депутаты: Васильев (урядник, бывший станичный атаман ст. Федосеевской), Савостьянов и Куркин – что казаки безропотно несут службу и без приказа не уйдут, оставаясь послушными Царской воле. Но даже это вызвало иронию других депутатов¹⁰.

Определить, существовало ли недовольство казачества своим статусом, непросто. В редакционном портфеле Неофициальной части «Донских областных ведомостей» немало писем как *pro*, так и *contra*. Были мнения, аналогичные высказанному казаком Моисеем Сидоровым: казаки непоколебимы в своем служении Государю Императору: «Хотим жить[,] как жили наши деды и отцы[,] мы без Царя жить не можем»¹¹. Но многого стоит и та часть речи идеолога казачества М. П. Богаевского 7 февраля 1918 г. в Новочеркасске, где он сказал, что казак устал тянуть царскую лямку¹². Правда, это был период расцвета автономистских настроений, но факт усталости и недовольства оказался публично признан.

Октябрьский переворот добавил казачеству поводов для политического выбора. По оценке комиссара по военным делам Донской советской республики Е. А. Трифонова, поведение казачьего населения Донской области не было однозначным: «Масса трудового казачества колеблется на распутье. [...] Характерными являются многократные перебежки казаков целыми группами на конях с оружием от нас к ним и от них опять к нам. Казаки не знают где прислонить одураченную голову. С одной стороны, восстановление старого царского режима, самовластие офицерства и помещиков, палочная дисциплина, но в то же время привычные для глаза традиционные формы, атрибуты и методы власти, которые имеют магическое влияние на казачью волю. С другой – полная свобода, абсолютное раскрепощение, новый прекрасный строй жизни, но в то же время власть с чуждыми формами с малопонятными наименованиями, с комиссарами...»¹³.

Причину чувствительности казаков-фронтовиков к советским лозунгам объяснил фронтовик из бедной казачьей семьи Василий Федорович Егоров, 1893 г. р. Он не указал названия своей родной станицы, но, вероятно, это была одна из станиц 2-го Донского округа. Отец Егорова был снаряжен на Русско-японскую войну за станичный счет, из-за чего семья лишилась войскового надела на 5 лет. Отец на войне погиб. На «германскую» войну таким же образом был экипирован и сам Василий, так семья осталась без надела еще на 4 года. В феврале 1918 г. он вернулся домой и со своим конем вступил в отряд т. И. М. Мухоперца – иногороднего-портного¹⁴, который успел послужить в электротехническом батальоне в Петрограде.

Маломощные казаки имели долги перед станичными правлениями за «арматур», который нужно было «справить» перед призывом. Покрывался этот долг из сумм, получаемых правлением за сдачу в аренду перешедших в его распоряжение наделов земли. У таких станичных должников при старых порядках шанса заняться земледелием по возвращении домой не было.

Крайне любопытно сопоставить долю забранных за долги паев и степень революционности казачества по округам.

В «Исторических и статистических описаниях станиц и городов, посещаемых Г. Военным министром при объезде Его Превосходительством Области войска Донского в 1900 году. Составлены Генерального Штаба полковником П. С. Балуевым» (Новочеркасск: Обл. Донского тип., 1900) даны сведения о доле сдаваемых в аренду за долги станичных земель, хотя и не в стандартизированном виде, что затрудняет выявление реального состояния дел.

В станицах Сальского округа Атаманской и Великокняжеской в аренде за долги – 8,5%, в том числе за долги за снаряжение – 4%. В Усть-Медведицком округе в станице Кепинской – целых 9,3%. Также достаточно высокий процент в станице Котовской Хоперского округа – 2,9%. В станицах 1-го Донского округа: Цимлянской – 1,63%, в Константиновской – 2,62%. Подсчет велся по соотношению к удобной земле, потому что чаще всего она и попадала в аренду.

В среднем по округам доля земель, временно перешедших в распоряжение станичных правлений за долги, составляла около 1% (от 0,15 до 3%), поэтому логичен вывод, что сам факт появления станичных должников и формы погашения их долга определялись позицией местной администрации.

Маломощные казаки встречались во всех юртах и округах, но не во всех были должники, например, в станице Потемкинской 2-го Донского округа их вообще нет. В ряде станиц у должников земля не изымалась, они сами ее сдавали в аренду и расплачивались с правлением. Снаряжение молодых казаков в войско также проходило по разным сценариям.

В целом ряде станиц оно осуществлялось из общественных сумм. Так было в калмыцких станицах; в станице Михайловской Хоперского округа, Раздорской 1-го Донского округа: 5,8% от общего количества удобной земли, из общественного клина, сдавалось на общественные нужды, в т. ч. и для снаряжения малолетних казаков.

Отметим, что это ситуация, сложившаяся задолго до войны с Германией, но, как известно, в первое десятилетие XX в. на Дону проявила себя тенденция к ухудшению материального положения казаков.

Статистики в отношении распределения казаков на белых и красных нет и быть не может: они, как Григорий Мелехов, неоднократно переходили из одного стана в другой. Но некоторые тенденции отследить можно. В событиях 1918 г. появляются названия тех станиц, которые уже в 1900 г. дали высокий процент станичных должников. А. В. Голубинцев в очерке «Русская Вандея» отмечал, что в задонских станицах по реке Медведице, в том числе и Кепинской, в апреле 1918 г. слабо шла мобилизация в казачьи отряды для борьбы с Донской советской республикой; большевистские ораторы свободно себя чувствовали «на майдане станицы Кепинской с речами против мобилизации и борьбы с «народной властью»». Уроженцем этой станицы был Михаил Блинов, один из организаторов красных казачьих кавалерийских частей. В расположенных на р. Сал станицах Андреевской и Атаманской возникли отряды Пимена Ломакина и Фомы Текучёва. В районе станиц Верхне-Курмоярской и Нагавской действовал отряд П. З. Чеснокова. В хуторе Майорском казак Семён Сафонов создал и возглавил отряд в сто двадцать пять штыков и сабель, начали проявлять революционную активность отряды Лобашевского и Золотарёва. Затем из них сформировалась 1-я Котельниковская рабоче-крестьянская казачья дивизия под командованием Г. И. Родина¹⁵. В сформировавшийся в станице Великокняжеской отряд Георгия Шевкоплясова, происходившего из крестьян Шульгинской волости Старобельского уезда Харьковской губернии, наряду с иногородними вступали и казаки.

Зимой и ранней весной 1918 г. вернувшиеся в Задонье фронтовые части создавали полковые военно-революционные комитеты, которые приступили к сотрудничеству с крестьянскими советами и ревкомом рабочих-железнодорожников станции Котельниково. Известен казачье-крестьянский донской советский полк слободы Громославской 2-го Донского округа. Подобный отряд был создан в станице Орловской Сальского округа.

Часть фронтовиков-казаков, особенно в северных и восточных районах Области Войска Донского, по своему положению мало отличалась от населения России, уже жила крестьянскими промыслами – извозом, ремеслом, гражданской и коммерческой службой.

Сальские казаки имели некоторое отличие от правобережных. Задонье было территорией недавнего заселения. Отцы и деды нынешних казаков

еще помнили свое подневольное переселение из обжитых подворий правобережных донских станиц в засушливый степной район Приманьчья. Выделение из станичных общин кандидатов на переселение всегда протекало конфликтно. Известны бунты в период перевода донцов на Кавказскую линию в 1790-е гг. Составление в 1890-е гг. списков на переселение в Уссурийский край также проходило в добровольно-принудительном порядке¹⁶. Подобные мероприятия проходили в зимний период, чтобы ко времени весеннего сева обозы успели прибыть на новое место. Выдвинутые на переселение получали комплекс изгойства, который жил в их семьях.

Основными «донорами» новых станиц Сальского округа были 1-й и 2-й Донские округа – станицы Нижне- и Верхне-Курмоярская, Баклановская, сами отличавшиеся малоземельем из-за высокой доли неудобий в составе юртовой земли. На переселение попадали не самые крепкие домохозяйств, да и на новом месте им непросто было обжиться из-за того, что, несмотря на сравнительно небольшое расстояние, они попадали в иную климатическую зону – крайне сухой степи и полупустыни. Нужно было перестраивать хозяйство с зернового на скотоводческое (коневодство и овцеводство). Если технологический цикл при производстве зерна занимает один сезон, то скотоводство до получения приплода требует не менее двух лет. Распространилась практика, когда казаки, оставив себе только землю под «бакшу» (огород), остальное сдавали в аренду. Крупных арендаторов даже называли помещиками, несмотря на то, что принадлежали они к разным сословиям; среди них были приписанные к крестьянству и мещанству, а также инородцы – татары.

В административном центре Сальского округа, станице Великокняжеской, неказачье население составляло большинство. В основном это были пришлые иногородние – переселенцы из Воронежской, Саратовской губерний. Встречались полтавские казаки. Важно отметить, что неказачье население войсковых областей состояло из иногородних, приписанных к другим губерниям Российской империи, и коренных крестьян – получивших свободу в 1861 г. бывших крепостных донских помещиков из офицеров-казаков.

Отношения между казаками и иногородними в Великокняжеской в дореволюционные годы были тесными и доброжелательными. Если поднять метрические книги этой станицы, то окажется, что сначала казаки и иногородние становились друг у друга кумовьями, а потом перешли и к заключению между собой браков.

Иное дело коренные крестьяне с их опытом крепостной зависимости. Этот слой подневольного населения сформировался из беглых малороссиян Слободской Украины, пыгавшихся на Дону скрыться от закрепощения, распространяемого в XVIII в. и на эту часть империи. Войсковая старшина охотно принимала беглых, укрывая их в своих дальних хуторах.

Но со временем она закрепляли их за собой. Случалось, казаки-офицеры прикупали себе людшек в центральных губерниях для поселения на офицерском наделе.

На территории Сальского округа и сопредельных земель 1-го Донского округа располагались слободы – бывшие помещичьи владения: Орловка, Мартыновка, Ильинка, населенный крестьянами хутор Нижний Себряков. Там сложились более напряженные отношения с казачеством, что проявилась зимой 1917–1918 гг. Объяснять это исключительно тяжелым крепостническим прошлым было бы слишком поверхностно.

В 1860-е гг. крестьяне слободы Ильинки, что на правом берегу р. Сал, могли быть довольны своим бывшим барином полковником Ильей Денисовым. Это имение было основано его прадедом, бригадиром Войска Донского Ильей Денисовым, за которым оно числилось уже по IV ревизской переписи 1781–1782 гг. До реформы крепостные были на оброке – 8 рублей серебром с душевого надела, барщины не было вовсе. На 455 ревизских душ было нарезано 3020 десятин земли, из которой 2047½ десятин признано удобной! Река рядом, есть питьевые источники, чернозем, что может быть лучше? При годовом оброке 3 640 рублей выкупная сумма получалась 60 666 рублей серебром, то есть если положить эти шестьдесят с лишним тысяч в банк, то ежегодный процент с них составит сумму годового оброка. Власти стремились сохранить до-реформенный уровень доходов землевладельцев.

По собственной воле помещик Денисов делал крестьянам «уступку отстранением добавочного с них платежа на землю, ныне им отмежеванную». Речь идет о 20% от суммы выкупного платежа, которые крестьяне должны были собрать сами, и только после этого первоначального взноса они получали частичные права на землю. Оставшиеся 80% выкупа государство выдавало бывшему владельцу земли ценными бумагами, а крестьяне становились на 49 лет должниками государства. Государство принимало на себя всю тяжесть отношений с крестьянством, что имело, как мы теперь понимаем, далеко идущие и роковые последствия. Заметим, что ежегодные выплаты в казну с крестьян слободы – 2912 руб. – были меньше их годового оброка барину (3640 руб.)¹⁷.

Далеко не все помещики вот так «прощали» крестьянам одну пятую выкупной суммы, как Денисов. Так, поручик Н. И. Иловайский, имея меньше, чем у Денисова, ревизских душ почти в два раза, а земли – в три с половиной раза, эти деньги предпочел получить с рассрочкой на три года¹⁸. А все потому, что Иловайский заявил размер ежегодного оброка с душевого надела в 15 рублей серебром, в итоге его выкупная сумма оказалась всего в два раза меньше, чем у И. Денисова.

Таким образом, среди донских неказачков имелись и те, кто готов был блокироваться с казачеством, и другие, настроенные более непримиримо.

Кроме того, главными землевладельцами в Сальском округе были калмыки, занесенные в войсковой реестр. Зимой 1918 г. калмыки предприняли действия, определенно направленные на изгнание пришлых с земель их прежних кочевий. Подавляющее большинство жителей станицы Платовской составляли иногородние, но зимой 1918 г. они опасались, что калмыки в любую минуту могут расправиться с ними. Как вспоминала П. С. Мальцева, в то время жительница станицы: «Страх невероятный объял всех жителей Платовской. Из хуторов стали съезжаться граждане с ужасом на лицах, говоря, что кадеты (в данном контексте – калмыки – авт.) идут для расправы»¹⁹. И действительно начались нападения на хутора: угоняли скот, увозили имущество, насиловали женщины. Затем станица Платовская была частично сожжена. Даже те калмыки, которые вначале вступали в общие отряды с иногородними, в такой обстановке поворачивали оружие против них. Никого из иногородних не осталось в станице, все потянулись обозом к станции Куберле²⁰.

Бывший участник никифоровского красногвардейского отряда И. В. Кобылкин утверждал, что калмыки – главные зачинщики расправ над иногородними в станице Платовской. Их воодушевил приход казачьих отрядов П. Х. Попова. В Платовской было убито 350 человек, в Великокняжеской – 30 человек родственников тех, кто ушел в бега или с красным отрядом. После ухода «кадетов» поголовно все крестьяне встали в отряды Никифорова, Проданова, Ковалева, Шевкоплясова, Думенко и Буденного²¹.

Ветеран-мемуарист Дубровин особо отметил, что в начале революции казачество «ишло рука об руку с солдатами старой армии [т. е. иногородними] и совместно строили советы и советскую власть на Дону», но позже, из-за «провокации белой своры» казачество заняло враждебную позицию²². Но по выражению другого мемуариста, «суровая политическая работа» советских органов привела к тому, что население станиц – казаки и иногородние – стало ненавидеть друг друга, начался хаос. Правы все очевидцы. Психологически объяснимо, что агрессивность иногородних была связана с недоверием, вызванным появлением отряда Попова, и давним чувством несправного пребывания на донской земле.

В апреле 1918 г. вспыхнуло восстание кривянских казаков на Правобережье, а в июне 1918 г. – мятеж курмоярских казаков, начало которому дало убийство ими красного казака Петра Чеснокова. Затем был убит и красный командир природный казак Черников. Тоже не в бою.

На сторону белого казачества стали переходить казаки из красных отрядов. Одним из таких примеров может быть восстание полка красных казаков Орловской станицы сотника Сметанина, перешедшего на сторону Донской армии 11 (24) июня 1918 г.

Чувство враждебности к казачеству, носителем которого были коренные крестьяне, стало доминировать, и стал возможным эпизод, описанный

в воспоминаниях уроженца хутора Нижний Себряков Д. Арчакова. Жаркой осенью 1918 г., уже на подходе красных обозов к Сарепте, после одного из боев при уборке трупов санитар Приходько, развед по традиции мародерства покойника, обнаружил на груди убитого казака-офицера бумажку с молитвой «Живый в помощи» и сказал: «Эх если бы в этот бой попался Бог[,] мы бы и с ним рассчитались [,] да и всем святым досталось на орехи[.] Вырыл яму[,] посадил[,] огреб до половины землей[,] пришил к груди бумажку с надписью[:] Это белый офицер[.] Все проходящие подчиняйтесь ему[,] он вами будет командовать»²³.

Из колоритного рассказа того же Арчакова видно, что понятия «красный» и «хохол» были в то время синонимами (следует отметить, что иногородние чаще именовались кацапами, поскольку были выходцами из центральных губерний). Так, после неожиданной атаки казаков на хутор в плен попал один из них, у которого убежала лошадь. У него спросили, – зачем пришел воевать. Тот ответил: объединять казаков против хохлов, которые хотят весь Дон забрать, а «мы его кровью взяли и кровью отдадим». Его расстреляли, потому что он не шел ни на какие компромиссы, твердил, что с хохлами не будет. А трех калмыков, которые везли письмо атаману Попову, отпустили, потому что они с готовностью дали любые обещания. И это при том, что калмыки именовались Арчаковым кулаками, с которыми крестьяне издавна бились цепями за землю²⁴.

И тем не менее, даже после лета 1918 г. число казаков в отрядах Сальского и 1-го Донского округов уменьшилось, но не исчезло вовсе. Д. К. Басманов отмечал, что при отступлении к Царицыну в красных отрядах встречались кавалеристы в «кадетской» одежде, то есть в казачьей форме²⁵. Д. Арчаков, иногородний хутора Нижний Серебряков, описал действия Фомы Текучева, казака станицы Андреевской Сальского округа, в бою под Бекетовкой 10 января 1919 г. Белые наступали со стороны Сарепты – бронепоезд, кавалерия и пехота. Бывший казачий есаул Текучев одел свои погоны, приказал своему отряду прекратить огонь и, подъехав к бронепоезду, стал кричать, что, мол, по своим бете, и принялся корректировать огонь: «Бронепоезд скоро свой орудейный огонь переменял. Начал бить своих же белых[,] как припустит снаряд[,] аж барахло в воздухе от белых летит[.] А красные бойцы животы рвут со смеха». Этот обстрел разметал белую конницу²⁶.

Итак, период единодушия достаточно весомой части задонского казачества с иногородними и коренными крестьянами был относительно недолгим. Но этого времени хватило, чтобы появились и окрепли части, ставшие в дальнейшем основой красной конницы.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Архив политических документов Управления делами Президента Азербайджанской Республики. Ф.268. Оп.23. Д.330. Л.2.
- ² *Железнов И. И.* Уральцы. Очерки быта уральских казаков. В 3 т. Изд. 3-е. СПб: Общ. польза, 1910. Т.1. С.262–264.
- ³ Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф.162. Оп.1. Д.47. Л.145.
- ⁴ Эта идея поддерживалась почти на всех уровнях – вплоть до наказного атамана и военного министерства, и только министерство финансов возражало. ГАРО. Ф.55. Оп.1. Д.60. Л.22.
- ⁵ ГАРО. Ф.55. Оп.1. Д.581. Л.52.
- ⁶ Там же. Лл. 146,147 об.
- ⁷ ГАРО. Ф.55. Оп.1. Д.615. Лл.116–117.
- ⁸ Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО). Ф.12. Оп.3. Д.31. Л.4.
- ⁹ Известия Московского Совета рабочих депутатов. 1905. № 5. 11 декабря.
- ¹⁰ ГАРО. Ф.55. Оп.1. Д.601. Лл.78–79.
- ¹¹ ГАРО. Ф.55. Оп.1. Д.581. Л.39.
- ¹² *Богаевский М. П.* Речь на Войсковом Кругу 7 февраля 1918 г. // Донская летопись: сб. док-тов по новейшей истории Донского Казачества со времени Рус. революции 1917 г. №1. Ч.2. Белград: изд. Донск. Ист. комиссии, 1923. С.319.
- ¹³ Документы героических лет. 1917–1920: Сб. документов и материалов. Ростов н/Д, 1987. С.190–191.
- ¹⁴ Центральный государственный архив Республики Северная Осетия – Алания. Ф.Р-60. Оп.1. Д.808. Л.12.
- ¹⁵ Национальный архив Республики Калмыкия. Ф.Р-75. Оп.1. Д.78. Л.10.
- ¹⁶ ГАРО. Ф.55. Оп.1. Д.1376. Лл.1–17; Ф.301. Оп.5. Д.132. Л.158.
- ¹⁷ ГАРО. Ф.213. Оп.1. Д.682. Лл.5,7,8,20,24.
- ¹⁸ ГАРО. Ф.213. Оп.1. Д.473. Л.6.
- ¹⁹ ЦДНИРО. Ф.12. Оп.3. Д.726. Л.2.
- ²⁰ ЦДНИРО. Ф.12. Оп.3. Д.34. Лл.1об.,14об.,18,20,32–33; Д.72. Лл.1–2; Д.140. Л.3; Д.360. Лл.10–11.
- ²¹ ЦДНИРО. Ф.12. Оп.3. Д.558.
- ²² ЦДНИРО. Ф.12. Оп.3. Д.360. Л.32.
- ²³ ЦДНИРО. Ф.12. Оп.3. Д.34. Лл.38–38об.
- ²⁴ Там же. Лл.1,14–15.
- ²⁵ ЦДНИРО. Ф.12. Оп.3. Д.72. Лл.5–5об.
- ²⁶ ЦДНИРО. Ф.12. Оп.3. Д.34. Л.42об.

О Б. М. ДУМЕНКО И КРАСНЫХ ПАРТИЗАНАХ ¹

А. В. Посадский (Саратов)

Б. М. Думенко дал жизнь двум боеспособным кавалерийским соединениям Красной армии, которые сыграли определяющую роль в боевых действиях на Юге. Это ядро будущей Первой Конной армии – Сводная кавалерийская дивизия, и затем, в сентябре 1919-го, едва ли ни с нуля – Конно-Сводный корпус. Он, очевидно, наиболее одаренный из тех самородков, иногородних и казаков, которые создали красную кавалерию на Юге в годы Гражданской войны. В то же время он – яркий представитель той краснопартизанской среды, из которой вышел и которую умело возглавлял.

В 1918 г. в оборонявшейся Царицын 10-й красной армии и левобланговых соединениях 9-й сражались люди, которым предстояло стать красными комкорами и командирами. Это Б. М. Думенко, Ф. К. Миронов, С. М. Буденный, О. И. Городовиков, Д. П. Жлоба, а рядом с ними – И. П. Колесов, Г. С. Маслаков, К. Ф. Булаткин, И. Р. Апанасенко, В. И. Книга и другие.

Думенко вырастил из своего краснопартизанского отряда бригаду, а затем дивизию. Полковник А. Л. Носович, белый подпольщик, перешедший в октябре 1918 г. фронт, напечатал в ростовской «Донской волне» серию очерков о красных вождях. О Думенко он отзывается уважительно. Старый вахмистр, совсем не оратор, но с императивом долженствования, по-вахмистерски мордобойный, но, как свой, не вызывавший этим обид у подчиненных. Знал коня и умел подобрать хороший конский состав, в том числе за счет варварского грабежа конезаводов. Умел настоять перед начальством на отдыхе для своих частей, но никогда этим не злоупотреблял. Внимательный наблюдатель резюмировал: «... далеко незаурядная личность, один из немногих самородных талантов, вышедших из среды простого народа, но, к глубокому

¹ Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 13-01-00260.

сожалению, приложивших свои силы не к созиданию народного величия, а к его разрушению»¹.

Согласно сведениям политотдела РВС Южного фронта за 20 января – 15 февраля 1919 г., Первая сводная кавалерийская дивизия дралась с отчаянной храбростью. Согласно сводке от 22 января 1919 г., в ней отличился комбриг Буденный². Соединение закалялось в боях и неизменно демонстрировало высокие боевые качества.

Приказом РВС 10-й армии 30 января 1919 г. №49 в армии производилась реорганизация: предстояло создать четыре двухбригадные стрелковые дивизии. Дивизии с громкими названиями и весьма слабой боевой репутацией – Коммунистическая и Стальная – превращались в бригады 4-й дивизии. Сводная кавалерийская дивизия преобразовывалась в Отдельную кавалерийскую дивизию 10-й армии. При этом из ее состава изымалась 2-я бригада Городовикова. Она пошла на формирование кавалерийских дивизионов 4-й стрелковой дивизии, что можно расценивать как свидетельство не самых высоких боевых качеств. 2-ю бригаду заново формировали из боеспособной кавалерии, выросшей при стрелковых дивизиях: Доно-Ставропольской кавбригады и кавбригады Коммунистической дивизии. Комбригом-2 стал Булаткин³.

В это время дивизия вела свой знаменитый рейд, существенно облегчивший положение под Царицыном. В ходе рейда в состав дивизии был включен 1-й Иловлинский кавалерийский (1-й конно-сводный) полк Ивана Колесова из состава Камышинской группы войск. Выросший из краснопартизанского отряда, полк представлял собой часть, вполне родственную по составу и духу остальным частям дивизии. Комиссар полка как раз в начале февраля 1919 г. характеризовал его командира таким образом: с точки зрения боевых операций должности соответствует, политически же «очень слаб». Во время пребывания в полку политкома 2-й бригады «недоверчиво отзывался» о высших органах власти; пьет самогон и на замечания заявляет, что он казак, – пил и будет пить; будучи пьян, не давал комиссару отправить телеграмму в штаб бригады, не сообщал пропуск по гарнизону, заявлял, что только он распоряжается в части, что он хозяин и т. п.⁴ В общем, перед нами выразительный портрет самовластного партизанского вожака с неуважением к незнакомому начальству и третируванием политработника.

28 февраля 1919 г. от РВС 10-й армии в РВС Южного фронта (в копиях – в РВСР, председателю РВСР Троцкому, председателю ВЦИК Свердлову) ушла известная телеграмма об итогах рейда Отдельной кавалерийской дивизии 10-й армии по белым тылам. Блестящая операция дивизии дала возможность армии «взять почин в свои руки» и очистить от противника пространство до Дона и до станции Жутово Владикавказской железной дороги. РВС армии ходатайствовал о награждении дивизии почетным красным знаменем, а руководителей ее, «начдива

Думенко, комбригов Буденного и Булаткина и комполка Маслакова знаком Красного ордена. Указанные товарищи лично руководили боем, причем начдив Думенко, комбриг Булаткин и комполка Маслаков (подчеркнутые слова в тексте зачеркнуты и вместо них вписано слово «все» – авт.), не взирая на ранение, остались в строю для выполнения поставленных им боевых задач⁵. Уточнение любопытное. Из него, как минимум, следует, что Буденный из четырех героев был, так сказать, последним по яркости проявленных качеств. При этом он также был ранен, даже дважды, как следует из его воспоминаний. Однако при работе над документом всех проявивших себя командиров по каким-то причинам уравнивали.

Дивизию Думенко выделяли и подробно характеризовали сводки противника.

Согласно сводке штаба Первой Донской армии от 5(18) марта 1919 г., в дивизии состояло 11000 сабель. Взводы имели по 40 – 45 «коней» при 5 пулеметах, соответственно по 120 – 140 «коней» в сотне. Дивизия располагала, по этим сведениям, 4 легкими батареями и батареей 4,5-дюймовых орудий, орудийные и пулеметные автомобили (вероятно, речь идет не о броневиках, а о вооруженных грузовиках, то есть технических импровизациях). Укомплектовано соединение было терцами, кубанцами, астраханцами, ставропольцами и местными «кохлами»⁶.

Сводка на 7 (20) марта 1919 г. дала такую характеристику. В дивизии Думенко четыре полка по четыре эскадрона, по 100 – 120 «коней» в эскадроне при 5–6 пулеметах. В основном это казаки станиц Романовской, Каргальской, Кумшацкой, Орловской, Мариинской, Великокняжеской и других, а также донские крестьяне – слобод Орловки, Мартыновки. Большая часть названных станиц принадлежала к Первому Донскому округу, а Орловская Ростовского округа – из молодых станиц, основанных после 1910 г. переселенцами с Верхнего Дона. Думенко болен, но находится при дивизии. Дивизией командует комбриг-1 Поддубный. Убыль в частях пополняется местным населением. В строю бывших офицеров нет, но в штабе они имеются. Настроение дивизии отличное. Думенковцы рассказывают, что казаки моментально им сдаются. Это действительно так. Думенко отпускает сдавшихся казаков с пропуском впредь до мобилизации. Думенковцев волнует вопрос, – есть ли среди белых кубанские казаки? Вот их очень боятся. Победы дают боевой настрой, но, тем не менее, все устали и хотят мира. В некоторых частях говорят, что дерутся «за жидов», надо объединиться с казаками и выгнать из России «жидов» и коммунистов. Дойдя до родных мест, красные, как правило, разбегаются, но у Думенко этого нет.

Наконец, разведсводка на 14 (27) марта 1919 г. сообщала, со слов пленных: отпусков в Красной армии нет, только в дивизии Думенко увольняют посотенно в порядке очереди. Думенко заявляет, что никому не подчиняется и делает, что хочет⁸.

Таким образом, налицо мощное кавалерийское соединение, с рачительным, умным и самостоятельным командиром, состоящее из казаков, коренных крестьян и иногородних, скованное своеобразной дисциплиной⁹ и проникнутое весьма специфической революционностью.

Далее последовали разворачивание частей, борьба с «партизанщиной», тяжелое противоборство с сильной белой кавалерией.

В январе и феврале 1920 г. оба конных соединения РККА на юге – и Первая Конная армия С. Буденного, и Конно-Сводный корпус Б. Думенко – вели неудачные бои, несли тяжелые потери. Известное убийство комиссара Конно-Сводного корпуса Микеладзе произошло в самый разгар малоудачных действий конных соединений, командование которых обвиняло друг друга в неоказании поддержки. Убийство комиссара привело к аресту комкора. Ударная сила 9-й армии – Конно-Сводный корпус – на какое-то время утратил боеспособность¹⁰. Командование принял Д. Жлоба. В корпусе из-за ареста Думенко было неблагополучно, и командующий фронтом М. Н. Тухачевский «пригрозил конкорпусу расформированием для пополнения пехоты, если он будет опять болтаться взад и вперед»¹¹.

Арест и скорый расстрел Думенко вызвали волну слухов о его реальной или возможной измене. Данный сюжет отражен в интересных воспоминаниях белого офицера И. Савченко, который после пленения в Екатеринодаре оказался на красной службе, и уже с нее ушел в повстанцы и потом в эмиграцию. Воспоминания написаны по горячим следам, в 1921 г. Автор передает разговоры в среде красного комсостава, среди которого были как красные командиры, так и недавние белогвардейцы, как бывшие офицеры, так и «самородки». 19-я глава его мемуаров называется: «Разговоры о Думенке и Кельчевском». В этих «разговорах» активно обсуждался расстрел Думенко. Как будто, он вел переговоры с донским командованием о переходе на белую сторону¹². «Думенко определенно мечтал о переходе на сторону белых. Целый ряд свидетельских показаний устанавливают, что Думенко вел секретные переговоры с генералом Сидориным. На суде фигурировали телеграфные ленты – разговор между Думенкой и Сидориным. Думенко хотел сразу же сдать со своим корпусом на Маныче, Сидорин же предлагал повременить и говорил, что надо эту сдачу обставить так, чтобы одним ударом разгромить его и Буденного. В феврале они должны были как раз сомкнуться на Маныче, и Сидорину хотелось, чтобы Думенко не просто сдался, но поставил бы и Буденного в безвыходное положение. Если бы план Сидорина удался, вся картина на фронте была бы совершенно иной... Все наше спасение было в коннице. Разгром конницы был бы нашим разгромом... – говорил комиссар кавалерии фронта».

Слушая эти разговоры, мемуарист вспоминал свой опыт общения с думенковцами: «О думенковском «предательстве» я знал кое-что. Моя

дивизия все время дралась с ним зимою 1919 года на Маныче. Уже тогда у нас были слухи, что Думенко не прочь сдать нас со своим лихим конным корпусом. В хуторе Веселом я видел записку, написанную рукою Думенки. Адресовалась она на имя начальника 4-й Донской дивизии, генерала Калинина. Думенко под напором наших частей оставил хутор Веселый, и в доме, где он квартировал, он оставил записку, приказав казаку, хозяину дома, передать записку генералу Калинину. Казак исполнил поручение Думенки. Записка гласила: «Ухожу. Не хочу драться с казаками. Может скоро свидимся». Подписи не было. Но казак, передававший записку, говорил, что писал ее сам Думенко и писал при нем. Подписи же не поставил, видимо, из предосторожности... На хуторе Жеребковом мы узнали от местных казаков, что Думенко расстрелял, здесь же на хуторе, своего комиссара за то, что тот стал вмешиваться в оперативные распоряжения Думенки. Казаки говорили, что комиссар требовал контратаки против нас, Думенко не соглашался, говоря, что он будет отступать, пока не соединится с конницей Буденного, который идет к нему, якобы, на подмогу. Через несколько дней в бою он расстрелял другого своего комиссара... Вероятнее всего, что план сдачи, если он и был у Думенки, был его личной затеей. В думенковские полки эта идея не проникла...»¹³.

Первая Конная, при высоких боевых качествах, отличалась чудовищной недисциплинированностью, погромными и антикомиссарскими настроениями, что проявилось наиболее масштабно во время Польской кампании и при переброске на врангелевский фронт¹⁴.

Известный комбриг Г. Маслаков, один из героев январско-февральского рейда 1919 г., поднимет мятеж и увлечет за собою около полка своей бригады, это наиболее известный сюжет перехода конармейского командир в повстанцы¹⁵.

У упоминавшегося уже И. П. Колесова удачная конармейская карьера резко оборвалась его личным решением. Иван Петрович Колесов, комбриг-3 6-й кавалерийской дивизии, 2 февраля 1921 г. был уволен от службы в бессрочный отпуск по ранению и прибыл в родной хутор Иловинской станицы. Бригаду принял его брат Николай. В марте он поднял мятеж на Нижней Волге, в июне погиб. В мае к его брату-комбригу в Екатеринославскую губернию прибыл посланец, красноармеец-доброволец, от Ивана с сообщением, что тот «пошел против красных». Надо полагать, Иван имел расчет на брата и его – своих недавних – подчиненных. Красноармеец был арестован и передан в особый отдел...¹⁶

По соседству, в Камышинском уезде Саратовской губернии, поднимает мятеж еще один отпускной конармеец на ответственной должности, бывший красный партизан. В 1918 г. недавний офицер Дмитрий Суворов командовал в родном Камышинском уезде Грязнухинским конным отрядом в 60 кавалеристов; в отряд входили и соседи из Банновки и Лаптевки.

В 1920-м он уже – помощник начальника штаба дивизии в Первой Конной армии. В середине февраля 1921-го прибыл в месячный отпуск в Грязнуху Верхне-Добринской волости. По деревням пееркатывались слухи о восстании по всему Поволжью. Действительно, разворачивалось мощное вакулинское выступление. Однажды из Банновки прискакал вооруженный отряд повстанцев и разогнал совет. В Грязнухе избрали революционную пятерку во главе с отцом и сыном (Дмитрием) Суворовыми, объявили мобилизацию от 18 до 40 лет. Цель восстания, как она интерпретировалась советской стороной, – «переход к новому государственному строю во главе с президентом». После подавления выступления Дмитрий Суворов был приговорен к расстрелу, его отец Иван – к заключению¹⁷. Судьба, как видим, очень схожая с судьбой Ивана Колесова.

Много неясностей остается и с поведением знаменитого красного казака Ф. К. Миронова в последние дни перед арестом. Согласно интерпретации Р. Медведева и С. Старикова, 8 февраля на неофициальном совещании договорились не более чем о взаимном информировании, а присутствовавший секретный сотрудник ЧК Скобиненко представил это как заговор. После резкого выступления Миронова 12 февраля на окружной партконференции Усть-Медведицкого округа последовал немедленный арест¹⁸. В. Яценко же обращает внимание на то, что бывшие мироновские части в эти дни громили милицию, не подчинялись «пехотному» командованию; повстанец и давний сослуживец Миронова Вакулин планировал на 11 февраля взятие Царицына, очевидно, рассчитывая на содействие «мироновских эшелонов»¹⁹. То есть граница между критическими и мятежными выступлениями Миронова оказывается едва уловимой.

Перед лицом «кадетов», в условиях застарелой сословной вражды, среда красных партизан, донских иногородних и красных казаков – изгоев в своих станицах, была сплоченной и боеспособной. Однако уже в 1918 – начале 1919 гг. рассуждения о том, что «потом» следует приниматься за коммунистов, нескрываемая нелюбовь к комиссарам, всякому присланному начальству была весьма ярко выражена.

Краснопартизанские кадры профессионализировались в борьбе, выдвинули своих вождей, талантливых самородков, вписались в формат регулярных и эффективных кавалерийских соединений. Однако партизанская составляющая, – мотивы социального соперничества, мести, ревнивое отношение к чужому успеху, нежелание обезличенной (городской, партийной, центральной) чужой власти над собой, анархичность и разнужданность в поведении, – никуда не исчезла.

Эта среда стала зримо разделяться в 1920–1921 гг. Многие зависело, по-видимому, и от успешности продвижения в рядах РККА, и от личных отношений, и от впечатлений, которые доставались во время жизни и службы на долю каждому.

В результате произошло политическое размежевание людей с весьма схожими настроениями и психологическими установками. Грани в этом размежевании были очень тонкими, несмотря на то, что на кон ставилась голова. Недаром в народном сознании часто в одном ряду стояли Махно и Буденный, которые «объединились» и идут громить коммунистов. Для партийцев мятежник Вакулин и выступавший с разгромной критикой тыловых коммунистов Миронов также воспринимались как люди по одну сторону баррикады. Жертвы конармейской разнужданности на Украине вряд ли видели большую разницу между «контрреволюционными» и «революционными» бандитами.

Характерно, что Б. М. Думенко²⁰, талантливый основатель красной кавалерии, все-таки, так или иначе, не вписался в регулярный формат РККА под партийным контролем, как и его колоритные подчиненные Г. С. Маслаков и И. П. Колесов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Носович А. Л. (А. Черноморцев). Красный Царицын. Взгляд изнутри. Записки белого разведчика. М.: АИРО-XXI, 2010. С.59.

² РГАСПИ. Ф.17. Оп.65. Д.151. Лл.12,20об.

³ РГВА. Ф.193. Оп.3. Д.87. Лл.148–148об. Булаткин К. Ф., казак станицы Константиновской, в РККА командир кавалерийского полка и бригады в составе дивизии Б. М. Думенко. Казачьим отделом ВЦИК направлен в Донской корпус Ф. К. Миронова, начальник 1-й Донской дивизии. Подсудимый на Балашовском процессе. В 1920 г. – помощник военкома 1-го Донского округа. Подробнее см.: Филипп Миронов (Тихий Дон в 1917 – 1921 гг.). Док-ты и мат-лы. С / Под. ред. В. Данилова, Т. Шанина М.: «Демократия», 1997. С.722.

⁴ РГВА. Ф.100. Оп.2. Д.151. Лл.98–98об.

⁵ РГВА. Ф.193. Оп.1. Д.29. Л.74.

⁶ РГВА. Ф.40156. Оп.1. Д.26. Л.177.

⁷ РГВА. Ф.40156. Оп.1. Д.26. Лл.193–193об.

⁸ РГВА. Ф.40156. Оп.1. Д.26. Л.236.

⁹ По показаниям пленных, в отношении дисциплины и внутреннего порядка действовало правило: «Все возможно, но неисполнение приказаний Думенко – смертная казнь». См.: Кельчевский А. К. Думенко и Буденный. Роль, значение и тактические приемы конницы в русской гражданской войне. Константинополь, 1920. С.16.

¹⁰ Венков А. В. Донская армия в борьбе с большевиками в 1919 – 1920 гг. М.: АИРО-XXI, 2014. С.308,312–315.

¹¹ Венков А. В. Указ. соч. С.349.

¹² Интересно, что параллельно обсуждались известия о том, что, якобы, генерал А. К. Кельчевский, начальник штаба Донской армии, вел через друзей-генштабистов в РККА переговоры о сдаче красным всей Донской армии, так как добровольческое командование донцов третирировало, а уставшие казаки склонны были головами «поджигателей войны» офицеров купить долгжданнный мир.

¹³ Савченко И. В красном стане. Записки офицера / Белый архив. Т. I-II. Париж, 1928. С.315–316. А.В. Венков ссылается на свидетельство И. Савченко. Указ. соч. С.315.

¹⁴ См. подробнее: Генис В. Л. Первая Конная армия: за кулисами славы // Вопросы истории. 1994. № 12.

¹⁵ См. о нем: *Грищенко А. Н.* «Освободить народ от ига и плача»: повстанческое движение Григория Маслакова // От «германской» к Гражданской: становление корпуса народных вожаков русской смуты. Сб. статей и мат-лов. Сост. и науч. ред. А. В. Посадский. М.: АИРО-XXI, 2014. С.168–200.

¹⁶ См.: *Яценко В. Г.* Антибольшевистское повстанчество в Нижнем Поволжье и на Среднем Дону: 1918 – 1923. М.: Либроком, 2008. С.54–66.

¹⁷ ГАНИСО. Ф.199. Оп.1. Д.147. Лл.132–136,141,161.

¹⁸ *Медведев Р. А., Стариков С. П.* Жизнь и гибель Филиппа Кузьмича Миронова. М.: Патриот, 1989. С.339,340,344.

¹⁹ *Яценко В. Г.* Указ. соч. С.43–44.

²⁰ Б. М. Думенко реабилитирован в августе 1964 г. после скрупулезного разбирательства. В 1967-м начал печататься журнальный вариант исторического романа В. В. Карпенко «Тучи идут на ветер», который образует, вместе с романом «Красный генерал», дилогию «Комкор Думенко». Во многом его трудами имя комкора было возвращено в официальное пространство. Своего рода окончательной реабилитацией послужил тот факт, что именно «думенковский» сюжет – взятие Новочеркасска в январе 1920 г. – был избран для диорамы, созданной маститым советским баталистом Н. В. Овечкиным (диорама «Освобождение Новочеркасска 7 января 1920 г.» была открыта в 1982 г. в Новочеркасске; погибла при пожаре). Однако в позднесоветской литературе думенковский сюжет вновь стал «лишним». Так, в документальной повести о Д. Жлобе, написанной его адъютантом Г. Мартыненко, сказано без малейших пояснений: «Командующий 9-й Красной армией приказал Сводному конному корпусу Думенко двинуться в направлении станицы Богаевской... 24 февраля 1920 года Д. П. Жлоба был назначен командиром Сводного конного корпуса, переименованного в 1-й конный корпус 9-й армии». *Мартыненко Г. А.* Комкор Дмитрий Жлоба. Документально-биографическая повесть. М.: Воениздат, 1985. С.123–124.

КАВАЛЕРИЯ СЕМЕНА БУДЕННОГО НА ФРОНТАХ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ И ПОЛЬСКО-СОВЕТСКОЙ КАМПАНИИ (1918 – 1920)

В. Новак (Седльце, Республика Польша)

28–29 января (10–11 февраля н. ст.) 1918 г. были подписаны декреты об организации Рабоче-Крестьянской Красной армии и Красного флота, которые положили начало планомерному процессу формирования советских вооруженных сил¹. Существенную роль в структурах формирующейся Красной армии играла кавалерия. С точки зрения военного искусства интересно ее использование на фронтах гражданской войны в России, а также в польско-советской кампании 1920 г. в тактико-оперативных целях. Однако следует помнить, что главной угрозой для кавалерии, ее своеобразной ахиллесовой пятой, было постоянно улучшаемое и модернизируемое нарезное огнестрельное оружие². Это было главной причиной того, что уже со второй половины XIX века кавалерия перестала играть решающую роль в битвах, как это имело место в эпоху наполеоновских войн. Наступил кризис в ее оперативном использовании³. Применение пулеметов впервые в англо-бурской войне (1899–1902) существенным образом повлияло на форму тактического использования кавалерии⁴. С этого времени пехота стала главной силой, а кавалерия играла вспомогательную роль: дальняя разведка, связывание сил противника вне основного поля боя, оборонительные действия, прикрывающие перегруппировку и сосредоточение собственных войск. Позиционный характер боевых действий на фронтах Первой мировой войны привел к тому, что сразу после нее в большинстве западных государств кавалерия была признана пережитком прошлого, поскольку во время боевых действий она играла второстепенную роль и то только в начальный период войны. Утверждалось, что кавалерия по-

теряла смысл существования как вид подвижных войск и должна уступить место новым видам войск, которые появились и динамично развивались во время войны и после ее окончания. Авиация, танковые и моторизованные войска сузили поле деятельности кавалерии⁵.

В то же время на Востоке доктринальные принципы использования кавалерии формировались на основе совершенно иных предпосылок, чем на Западе. Фронты были слабо насыщены войсками и средствами борьбы, а также охватывали обширные территории. Это вынудило воюющие стороны к ведению маневренных действий. Кавалерия стала *приоритетным видом войск и считалась главным ударным фактором*, позволяющим вести быстрые маневренные действия.

Лучшей базой для организации, формирования с нуля, а прежде всего восстановления и комплектования уже существующих частей и отрядов кавалерии располагали контрреволюционные войска, т. е. «белые». Они получили поддержку в казачьих округах Дона и Кубани, и кавалерия не испытывала недостатка в продовольствии. Из этих областей рекрутировались главным образом бывшие кавалеристы, кроме того, эти территории считались центром разведения верховых лошадей⁶.

В отличие от «белых», большевики формировали свои кавалерийские отряды в более трудных условиях. Им не хватало верховых лошадей, имелись трудности с необходимым снаряжением и вооружением, к тому же территории южной Украины, из которых в основном происходили кавалеристы, были заняты противником или все еще находились под немецкой оккупацией. В качестве примера можно назвать отряд Филиппова, который из-за нехватки лошадей имел трудности с формированием новых подразделений кавалерии⁷. Несмотря на эти проблемы, на всей территории, находившейся под властью большевиков, началось массовое создание кавалерийских соединений.

Сначала это были партизанские подразделения. Одной из многих возникших тогда кавалерийских групп было созданное 23 февраля 1918 г. в окрестностях станицы Платовская по инициативе Семена Михайловича Буденного подразделение, состоящее из 24 человек. Скоро оно разрослось до дивизиона. Командование этим подразделением принял Борис Мокеевич Думенко, а Буденный стал его заместителем. В конце июня этого же года дивизион Думенко переименовали в полк, а в октябре он разросся до бригады. Как полк, так и бригада подчинялись советской 10 армии. Военные действия летом и осенью 1918 г. в районе Царицына вынудили большевиков сформировать тактические соединения кавалерии. Они противопоставлялись кавалерии «белых», которые раньше оценили пользу оперативного использования кавалерии на обширном пространстве российского театра военных действий⁸. Согласно приказу руководства 10 Армии № 62 от 28 ноября 1918 г., из бригады Думенко и трех полков была создана 1 Сводная кавалерийская дивизия,

которая в январе 1919 г. была переименована в Отдельную кавалерийскую дивизию. Командование этой дивизией принял Буденный, поскольку Думенко заболел тифом и вернулся на военную службу через несколько месяцев⁹. 26 марта 1919 г. Отдельная кавалерийская дивизия была переименована в 4 кавалерийскую дивизию. Это самое старшее тактическое соединение будущей 1 Конной Армии состояло в то время из трех бригад по два полка в каждой. В состав 4 кавалерийской дивизии входил еще дивизион конной артиллерии, два бронеавтомобиля, а с 26 января Буденному подчинялся Кавалерийский полк специального назначения. В арьергарде командир дивизии имел в своем распоряжении Особый резервный дивизион кавалерии.

На рубеже мая-июня 1919 г. генерал А. И. Деникин планировал направить свои главные усилия на овладение Царицыным и Саратовом. Летом 1919 г. он имел более чем двойное преимущество в кавалерии по сравнению с войсками Южного фронта Красной армии¹⁰. Поэтому руководство «красных», противодействуя этим планам, приняло решение о формировании I Конного корпуса, предназначенного для военных действий против численно превосходящей кавалерии противника.

В конце июня 1919 г. к силам Буденного была присоединена 6 кавалерийская дивизия. Так появился I конный корпус. В связи с тем, что 6 кавалерийская дивизия едва насчитывала 2 тысячи солдат, к ней был присоединен 1 Донской кавалерийский полк. Командиром 6 дивизии был назначен Иосиф Родионович Апанасенко. Это конное соединение насчитывало три бригады по два полка в каждой. Командиром I Конного корпуса стал Буденный, а командование 4 кавалерийской дивизией принял Ока Иванович Городовиков¹¹.

Идея возвращения к использованию кавалерии в большом масштабе появилась в результате событий, связанных с рейдом, совершенным с 10 августа по 18 сентября 1919 г. 4 отдельным донским корпусом под командованием генерала Константина Константиновича Мамонтова¹². Удар был нанесен силами трех кавалерийских дивизий и одной стрелковой при поддержке артиллерии, бронепоездов и бронеавтомобилей по глубоким тылам трех советских армий, чтобы парализовать их сообщения. Это событие показало оперативную и даже стратегическую пользу от использования кавалерии в будущих военных действиях.

В трудной военной ситуации оказались большевики осенью 1919 г. Тогда войска «белых» заняли Курск и подошли на расстояние около 150 верст с юга к Москве. Следует также подчеркнуть, что в это время Войска Польское была сконцентрировано в районе Смоленска. Совместные скоординированные действия этих войск против «красных» могли положить конец большевистскому режиму¹³. Однако до этого не дошло, поскольку Юзеф Пилсудский ждал окончания гражданской войны в России. Кроме того, интересы генерала Деникина и польской

стороны были противоположными. Пилсудский основывал свое государство в границах до первого раздела Польши в 1772 г., в то время как А. И. Деникин выступал за восстановление царской России в границах до начала Первой Мировой войны.

Перед лицом опасности 21 сентября 1919 г. в Москве собрался пленум ЦК РКП(б), чтобы рассмотреть военное положение на юге России. Было принято знаменитое обращение «Пролетарий, на коня!», фактически одобренное Владимиром Лениным, делающее особенный акцент на формировании соединений кавалерии. С 7 октября 1919 г. находившийся в составе советского Южного Фронта I Конный корпус Буденного, преодолев 250 километров, в районе Воронежа 19–20 октября нанес противнику тяжелые потери¹⁴.

Успехи I Конного корпуса в рамках операции под Воронежем и Касторным¹⁵, проведенной 19 октября – 15 ноября 1919 г., а также выводы, сделанные после вышеупомянутого наступления, привели к тому, что Буденный написал И.В. Сталину длинное письмо с предложением создания армейского кавалерийского соединения. Предложение было рассмотрено, и Революционный Военный Совет Южного Фронта, принимая во внимание маневренный характер последующего преследования противника, в ответ на предложение Сталина принял решение о формировании I Конной армии. Согласно приказу командования войск Южного фронта от 19 ноября 1919 г., из соединенных сил I Конного корпуса и кадров штаба 61 стрелковой дивизии была создана I Конная армия. Кроме 4-й и 6 кавалерийских дивизий, в состав I Конной армии вошли 11 кавалерийская дивизия, Особая кавалерийская бригада, а также 9-я и 10-я стрелковые дивизии¹⁶.

После создания новых частей, формирования вспомогательных подразделений и доукомплектования личным составом I Конная армия в третьей декаде ноября 1919 г. была направлена на преследование войск генерала Деникина в направлении Харькова и Донбасса. В начале декабря 1919 г. в районе Белгород – Валуйки 6 и 11 кавалерийские дивизии I Конной армии нанесли серьезные потери войскам генерала С. Улагая. Далее, в конце декабря 1919 г., на линии реки Северский Донец разыгралась решающая битва за Донбасс. Там дошло до многочисленных встречных боев. Благодаря быстрым маневрам кавалерии Буденного были захвачены мосты и речные переправы. Это сделало возможным разгром сил генералов Мамонтова, Шкуро и Улагая, которые были отброшены на юг. Затем I Конная армия вела боевые действия в Донбассе; 29 декабря она заняла станцию Дебальцево, 30 декабря – Горловку, 6 января 1920 г. – Таганрог, а 8 января в ожесточенных боях под покровом ночи 4 и 6 кавалерийские дивизии захватили Ростов-на-Дону¹⁷.

После занятия Ростова I Конной армией там были захвачены многочисленные склады с оружием и боеприпасами, а также разнообразная

военная техника. В распоряжении кавалерии Буденного оказались также винные запасы. Пьянство, разбои, насилие, убийства, массовые кражи привели к резкому упадку дисциплины среди солдат. Командование 1 Конной армии, стремясь вернуть дисциплину после 4 дней «забавы», приняло решение о немедленном выводе частей из города. Кроме того, было решено наказать провинившихся¹⁸.

В середине января 1920 г. 1 Конная армия вошла в состав Кавказского фронта и начала оперативные действия против уменьшившейся в численности, но еще достаточно сильной армии генерала Деникина на Северном Кавказе. Бои велись с середины января до конца марта 1920 г. Кавалерия Буденного понесла большие потери в так называемой «батайской пробке», нанося лобовой удар 16/17 и 20/21 января 1920 г. отрядам «белых», но в конце этого месяца приняла сильный контрудар кавалерии генерала Мамонтова. В период с 12 января по 2 февраля Буденный потерял в сражениях с «белыми» около 3 тысяч кавалеристов¹⁹.

В конце января 1920 г. командование Кавказским фронтом принял М. Н. Тухачевский. Он решил направить кавалерию Буденного вверх по реке Маныч на тихорецкое направление, где она захватила станцию Торговая, а в районе Белая Глина – Атаман-Егорлыкская разгромила кавалерийский корпус генерала А. Павлова. 23 марта 1920 г. она заняла Майкоп, а день спустя, 24 марта, двинулась на Туапсе. В районе Хадзыженская – Нефтяная она встретила сильное сопротивление остатков сил Деникина, особенно со стороны танков, которые защищали мост на реке Пшеха. Во время этой переправы среди раненых был командир советского 80 кавалерийского полка В. С. Голубовский²⁰.

После победы над остатками сил А. И. Деникина в 1 Конной армии началось организационное развитие, осуществлявшееся возникшим в январе 1920 г. Управлением формирования и пополнения. Этот орган координировал пополнение личным составом, а также доставку лошадей и амуниции. Он использовал также военные трофеи побежденной Добровольческой армии. Одновременно осуществлялась реорганизация 1 Конной армии, а также увеличение кавалерийских соединений как в ее линейных, так и вспомогательных подразделениях. Серьезным усилением кавалерии Буденного были бронепоезда, бронев автомобили и самолеты, а также медицинские службы и различные ремонтные мастерские, которые ремонтировали главным образом стрелковое оружие, автомобильную, авиационную и артиллерийскую технику.

Сражения кавалерии Буденного в польско-советской кампании 1920 г.

Большевики после октябрьского государственного переворота, захвата власти и победы в гражданской войне в России реализовывали свою политическую стратегию экспорта советской революции на запад Европы,

главным образом в Германию, а в дальнейшей перспективе на весь мир²¹. Препятствием в реализации этих политических целей в геополитическом пространстве стала Польша. В связи с этим 25 марта 1920 г. Верховное командование Красной армии приняло решение о переброске 1 Конной армии на Украину и включении ее в состав Юго-западного фронта А. Егорова. Это решение было воплощено в жизнь приказом командующего Кавказским фронтом от 30 марта 1920 г., т. к. именно ему подчинялась до этого времени кавалерия Буденного. Сначала планировалось, что 1 Конная армия будет переброшена на польско-советский фронт по железной дороге, однако это было невозможно из-за ужасного состояния подвижного состава и малого числа вагонов. Тогда было принято решение, чтобы ее главные силы – дивизии, были перемещены конным маршем, а штаб и тылы – железнодорожным транспортом. 3 апреля 1920 г. 1 Конная армия сконцентрировалась в районе Белореченской на Северном Кавказе. Главные силы Буденного двигались в направлении Майкоп – Гиагинская – Ладожская – Батайск – Ростов. Переправа этих войск через Дон, который вышел из берегов, состоялась 20 – 21 апреля 1920 г. После переправы через Дон, 21 апреля 1920 г. на ипподроме в Ростове состоялся митинг для командиров и солдат кавалерии Буденного. Дошло там также до одного инцидента. Недалеко от места, где проходил митинг, находилась местная тюрьма, в которой содержался Думенко. Через тюремное окно он якобы кричал: «Конница моя, а не Буденного». Часть солдат из I бригады 4 кавалерийской дивизии и I и II бригад 6 кавалерийской дивизии потребовала освобождения Думенко из тюрьмы. Буденный, который сам не до конца понимал, что происходит, сказал солдатам, что освобождение Думенко невозможно. II и III бригады 4 кавалерийской дивизии и остальные дивизии не принимали участия в агитации за освобождение Думенко. Три недели спустя, 13 мая 1920 г., Думенко был расстрелян по ложному обвинению в убийстве комиссара военного корпуса В. Н. Микеладзе, а также попытке организации анти-советского бунта. В 1964 г. он был реабилитирован²².

Дальнейшее движение конных дивизий Буденного на Украину осуществлялось по маршруту: Матвеев Курган – Максимилиановка – Павлоград – Екатеринослав (Днепропетровск) – Голубевский рудник (Кировск)²³.

Перемещение кавалерии Буденного на Украину в район Умани обнаружил польская разведка, ведущая радиоперехват, и информировала Верховное командование Польской армии о местоположении этих войск²⁴. Рапорты генерала А. Карницкого, который был главой польской военной миссии при генерале Деникине, также подтверждали наступательные намерения советской кавалерии. Однако Маршал Юзеф Пилсудский проигнорировал приближающуюся маршем кавалерию Буденного. Потом он признал ошибку, когда через несколько лет на страницах своей книги полемизировал с М. Н. Тухачевским²⁵. Он утверждал, что, вследствие значительного развития огневой мощи, использование кавалерии на поле

боя стало строго ограниченным. Примером этого являлись боевые действия на восточном фронте Первой мировой войны, в частности, бои под Костюхновкой и Волчицком, где хорошо обученная и организованная пехота ожесточенно отбивала огнем пулеметов при поддержке всего лишь одной артиллерийской батареи атаки русской кавалерии²⁶.

Во время марша к месту будущих боевых действий произошли изменения в организационной структуре 1 Конной армии. Они были вызваны выступлениями взбунтовавшихся частей Кавказского фронта. Для борьбы с этими отрядами была направлена 1 Кавказская кавалерийская дивизия и 2 кавалерийская дивизия. Именно эти соединения были исключены из состава 1 Конной армии. В начале мая 1920 г. была распущена 9 кавалерийская дивизия, а служившие в ней солдаты и лошади, которыми они располагали, а также амуниция, были распределены для укомплектования оставшихся соединений кавалерии Буденного.

Серьезную угрозу для 1 Конной армии во время ее перемещения в район Умани на Украине представляли отряды местного анархиста Нестора Махно на участке Матвеев Курган – Екатеринослав (Днепрпетровск). Это были силы, располагающие пулеметами и артиллерийскими орудиями. Они оказывали сопротивление II кавалерийской бригаде Ивана Тюленева из 4 кавалерийской дивизии, в частности, под Новопавловкой. Однако Махно не был схвачен россиянами²⁷.

Долгий и изнурительный марш кавалерии Буденного на польско-советский фронт, совершенный в трудных климатических условиях, привел к тому, что появились трудности со снабжением. Проявился дефицит фуража и снаряжения, была необходима реквизиция лошадей. Повсеместно происходили грабежи, совершаемые «конармейцами», которые забирали у местного населения фураж, продовольствие, одежду, обувь и другие предметы. Имели место многочисленные случаи антисемитизма и обычного бандитизма. Все это способствовало распространению антибольшевистских настроений среди гражданского населения.

Кавалерия Буденного перед началом боевых действий на Украине сосредоточила свои дивизии в следующих районах: части 11 кавалерийской дивизии Федора Морозова в ночь с 23 на 24 мая 1920 г. были размещены в районе Новоархангельска, но уже утром в 8.00 выступили в поход; I бригада двигалась в направлении Громы – Собкивка, II бригада должна была занять Пояровку, III бригада – Ропотуху, а штаб дивизии – Степковку. Два дня спустя, 26 мая, после четырех дней интенсивного марша силы 11 кавалерийской дивизии сосредоточились в следующих районах: I кавалерийская бригада – Талалаевка, II кавалерийская бригада – Саянчково – Шельноховка; III кавалерийская бригада – Ухожа – Кожуховка. Руководство дивизии в рапорте штабу 1 Конной армии сообщало о сильном истощении людей и лошадей, а также о малом количестве продовольствия и кормов²⁸.

Самое старшее строевое конное соединение 1 Конной армии, 4 кавалерийская дивизия, за несколько дней до начала оперативно-тактических действий против польских войск генерала А. Листовского, сконцентрировала свои отряды 20 мая 1920 г. в следующих районах: Жаботин – I кавалерийская бригада; Прусы – II кавалерийская бригада и штаб дивизии; Ребедайка – Пляковка – III кавалерийская бригада; Грушевка – дивизион конной артиллерии. Кроме того, эскадрон из состава II кавалерийской бригады, проводя разведку в районе Смела – Балаклеевская, ликвидировал «шайку бандитов» и их предводителя Петра Коцура с его заместителем. Дальнейшие действия определил приказ 064/ор. командующего 1 Конной армии от 26 мая 1920 г. о перемещении частей 4 кавалерийской дивизии с 14.00 до следующих районов: I кавалерийская бригада – Русаковка – Рубаный Мост – Вагва; II кавалерийская бригада – Вороное; III кавалерийская бригада – Зеленый Рог; штаб дивизии вместе с прочими службами и дивизионом конной артиллерии, а также 32-м отрядом броневиков – Хижма; отдел снабжения и санчасть – Маньковская²⁹.

Силы и средства воюющих сторон на Украине (конец мая 1920 г.)

Войска советского Юго-Западного Фронта Александра Егорова

Советские войска, составлявшие Юго-западный фронт, насчитывали около 76 000 штыков и сабель. Они были разделены на три оперативных объединения. С севера, вдоль по линии Днепра и под Киевом, находились соединения северного крыла 12 армии, образуя Оперативную группу Голикова (7, 25, 58 стрелковые дивизии и Башкирская кавалерийская бригада), между западным берегом Днепра и Володаркой была размещена группа И. Якира (44 и 45 стрелковые дивизии, 2 Московская стрелковая бригада ВОХР и кавалерийская бригада Г. Котовского), далее – от Володарки до Гайсина – было незанятое пространство, куда должна была быть направлена 1 Конная армия, а на юге от Гайсина до Ямполья действовала 14 армия (21, 41 и 60 стрелковые дивизии).

Согласно плану главнокомандующего Красной армии С. Каменева, решающее контрнаступление советских войск должно было начаться после прибытия 1 Конной армии, которая должна была выполнить функцию ударного отряда, в район оперативных действий фронта Егорова. Она была предназначена для прорыва линии фронта польских войск и выхода им в тыл в направлении Казатина. На следующем этапе действий предусматривался захват района Казатин – Бердичев, не позднее, чем до 1 июня 1920 года, а затем выход на оба фланга, окружение и уничтожение 3 и 6 польских армий³⁰.

Войска польского Украинского фронта генерала А. Листовского

Силы, входившие в состав войск польского Украинского фронта (созданного 15 мая 1920 г.) насчитывали в состоянии готовности около

60 000 штыков и сабель. Как и войска противника, они были разделены на три оперативных объединения: 2, 3 и 6 армии. На правом крыле фронта была развернута 6 армия (5, 12 и 18 пехотные дивизии и поддерживающие их украинские силы, известные под названием «Армии Павленко»), в центре – готовившаяся к расформированию 2 армия (7 и 13 пехотные дивизии и дивизия кавалерии), а на левом крыле – 3 армия (1 пехотная дивизия легионов, 15 пехотная дивизия, VII бригада кавалерии, украинская 6 стрелечья дивизия и группа полковника Рыбака).

Марш строевых соединений 1 Конной армии по трассе длиной около 1025 км, ведущей из Майкопа через Ростов-на-Дону до региона Умань на Украине был завершен 25 мая 1920 г. Принимая во внимание дату начала (3 апреля) и дату окончания марша (25 мая), перегруппировка войск в район Умани на Украине длилась 52 дня, из этого 30 дней в движении и 22 дня, предназначенных для отдыха людей и лошадей. Средний ежедневный переход составлял, таким образом, около 35 км. В момент прибытия на фронт кавалерия Буденного состояла из 4, 6, 11, 14 кавалерийских дивизий, отдельной бригады особого назначения, броневых подразделений и других частей и тыловых служб, сила которых составляла около 18 000 сабель (строевого состава), 350 пулеметов и 52 орудия. Кроме того, командование 1 Конной армии располагало 5 бронепоездами, отрядами броневых автомобилей (*автобронепотряды*, в том числе тяжелые)³¹. Имеются в виду 3 отряда броневых автомобилей (№ 9; 32 и 52). В середине мая 1920 отряды броневых автомобилей № 9 и 32 находились в Кременчуге, а 52 был отправлен на ремонт в Харьков³². Эти вооруженные машины с успехом добирались на фронт во время битв с Войском Польским. Буденный располагал также 18 самолетами³³. По словам Александра Смолинского, в состав 1 Конной армии в это время входили четыре строевых кавалерийские соединения: 4, 6, 11 и 14 кавалерийские дивизии, бронированные подразделения и другие части, которые насчитывали 34 875 человек, 30 647 лошадей, 432 пулемета и 67 орудий³⁴.

Следует обратить внимание на то, что кавалерия Буденного добралась до Умани несколько ослабленной по сравнению с тем состоянием, в каком она была 20–21 апреля 1920 г. Тем не менее, это конное оперативное соединение для своего времени представляло очень большую силу, которая, правильно используемая и руководимая, могла сыграть решающую роль в столкновении с Войском Польским³⁵. Учитывая состояние и боевые возможности 1 Конной армии, оснащенной сильной артиллерией, пулеметами на тачанках, бронепоездами и броневыми автомобилями, и даже самолетами, следует признать, что она имела сокрушительное преимущество над польской кавалерией того времени. Для сравнения: в это время на украинских территориях были сгруппированы всего три польских конных соединения. Имеются в виду конная дивизия

ген. А. Карницкого, III бригада конницы ген. Я. Савицкого и VII бригада конницы ген. А. Романовича.

Тем временем кавалерия Буденного после нескольких дней отдыха, вызванного долгим и тяжелым маршем, готовилась к наступательным действиям. На рассвете 29 мая 1920 г. 1 Конная армия двинулась в двух огромных колоннах на запад. Она выполняла функции ударной группы, а прорвать было необходимо линию войск Украинского фронта генерала А. Листовского и выйти им в тыл в общем направлении на Казатин. Наступающая правая колонна конницы Буденного, т. е. 4 кавалерийская дивизия в составе двух бригад, попала в район действий кавалерийской дивизии генерала Карницкого. Под Володаркой и Гайвороном произошло сражение, которое было первым крупным столкновением между польской кавалерией и полками советской 4 кавалерийской дивизии. Этот бой завершился польским успехом, поскольку освободил южную часть участка 13 пехотной дивизии. Победа была одержана в борьбе с численно превосходящим противником, с прославленной в гражданской войне в России кавалерией, почти легендой. Этот успех имел также психологическое и моральное значение, поскольку утвердил среди польских улан убеждение о превосходстве над противником. Стала известна его тактика борьбы³⁶.

Общая тактика кавалерии Буденного характеризовалась стремлением к быстрому фланговому обходу войск противника и выходом в его глубокие тылы. Этим действиям, как правило, предшествовали несколько дней марша с целью неожиданной атаки неприятеля. В столкновении с войсками противника каждая дивизия получала свой боевой участок, имея одну из бригад и артиллерию в авангарде³⁷.

В свою очередь, против конницы Буденный применял маневр, заключавшийся в вовлечении противника в зону действия пулеметного огня путем быстрого отступления, одновременно концентрируя отступающие подразделения для контратаки на фланги кавалерии противника. В это время в действие вступали знаменитые тачанки, которые впервые были применены кавалерией «белых».

Тактическое значение в замедлении наступательных действий конницы Буденного в общем направлении на Казатин имел бой под Рогожной, а также сражения под Старостинцами и Гайчицами 1 июня 1920 г. Бой под Рогожной имел две фазы. Первая была следствием наступательной концепции командования кавалерийской дивизии, а другая часть боя состоялась по приказу командования фронтом, который прибыл слишком поздно и уже был неактуален. Ход первоначальных столкновений заслуживает позитивной оценки. Утром полки советской 4 кавалерийской дивизии понесли потери и были вытеснены из Рогожной и Гайворона. Генерал Карницкий, используя этот успех, планировал перейти к преследованию отступающей 4 кавалерийской дивизии.

Во время боя командир дивизии получил приказ от командования Украинского фронта о приостановлении действий под Рогожной, одновременно он предписывал польскому конному соединению ударить во фланг и тыл частям Буденного, сосредоточенным в районе Ново-Хвостова. Приостановление сражения имело фатальные последствия, поскольку противник сориентировался в ситуации и начал контратаку. Вскоре на поле битвы появилась 14 кавалерийская дивизия. Из-за явного численного преимущества противника польская дивизия была не в состоянии выполнить свое боевое задание. Значительную роль в действиях противника играли бронев автомобили, добытые в ходе борьбы с войсками генерала Деникина. Эти машины могла победить только артиллерия огнем прямой наводкой.

Битва под Рогожной имела, однако, существенное значение. Хотя она закончилась поражением, и были потеряны возможности победы над разрозненными соединениями конницы Буденного по частям, тем не менее, она на несколько дней задержала его наступательные действия. Кроме того, она сделала возможным удар III бригады конницы генерала Савицкого, в состав которой входили 2, 5 и 12 уланские полки³⁸, а также два приданных батальона 19 пехотного полка и две батареи 5 полка полевой артиллерии из 5 пехотной дивизии³⁹. Атаки тактической группы Савицкого, направленные на Старостинцы – Гайчинцы – Морозовку, возобновили создание оборонительной линии на участке Дзюньков–Снежная⁴⁰. Этот успех был высоко оценен Верховным командованием Войска Польского, что следует из поданной по данному случаю информации следующего содержания: «Во всех сегодняшних действиях следует особо отметить деятельность ген. Савицкого и III-ей бригады конницы, а также 7-ей авиационной эскадры»⁴¹.

Первые и последующие попытки прорыва польского фронта на отрезке Ново-Хвостов – Липовец, находившемся под защитой 13 пехотной дивизии, не принесли советской кавалерии ожидаемых результатов. В связи с этим главнокомандующий советскими войсками С. Каменев отдал приказ № 404/сек. от 3 июня 1920 г., призывающий конницу Буденного к более решительным наступательным действиям с целью разгрома «киевской» группировки польских войск⁴². Руководство 1 Конной армии сделало выводы из тактических ошибок, совершенных во время предпринятых ранее попыток прорыва польского фронта, и возобновило боевые действия, в том числе применяя демонстрации. В туманное дождливое утро 5 июня 1920 г. началось наступление, оно имело сильную огневую поддержку и носило ожесточенный характер. Первыми в сражение вступили 14, 4 и 11 кавалерийские дивизии, в резерве Буденный располагал 6 кавалерийской дивизией. Удар был направлен на участок, занятый силами генерала Савицкого. Выбор линии нападения Ново-Хвостов – Самгородок оказался удачным, поскольку там соприкасались

фланги двух польских армий: 6-й генерала Ивашкевича и 3-й генерала Рыдз-Смиглова⁴³.

Поражение польских войск под Самгородком было чувствительным, так как там дошло до прорыва фронта советской конницей. Формирования тактической группы Савицкого были слишком слабы и не имели достаточно кадров. Прорыв был значительным. Он имел около 12 километров в ширину и достигал почти 20 километров в глубину польской оборонительной зоны⁴⁴. Это поражение оказалось ключевым для всей украинской операции и отрицательно сказалось на положении польской стороны. Конница Буденного вышла в глубокие тылы войск генерала А. Листовского, вынуждая их отступить на запад.

Прорыв польского фронта под Самгородком и Озерной поначалу не произвел большого впечатления на Пилсудского. Главнокомандующий Войска Польского получил на следующий день рапорт о поражении польских войск на Украине и решил, что и в дальнейшем может «свободно маневрировать» войсками на Украине, «не привязываясь [...] к тому или иному кусочку земли [...]», покончить как можно быстрее с конницей Буденного и затем перебросить больше сил на север, чтобы перейти в окончательное наступление там, где собирались самые большие силы противника⁴⁵.

Однако верховное командование Войска Польского после прорыва фронта Буденным не располагало более оперативной свободой на украинских территориях, как полагал Пилсудский, и решило усилить войска польского Украинского фронта. В Коростень прибыли два полка из 6 пехотной дивизии вместе с шестью артиллерийскими батареями (10–13 июня), в то же время 14 июня в Звягель (Новоград Волынский) и Шепетовку прибыл транспорт I резервной бригады, а затем 3-й пехотной дивизии легионов⁴⁶.

Конница Буденного безнаказанно действовала в тылу польских войск. Когда полки 4 кавалерийской дивизии приблизились примерно на 20 км к Житомиру, они были обнаружены командиром 7 эскадрильи истребителей, майором Фонт ле Роем. Обнаружив, что Житомир находится в опасности, он немедленно повернул на аэродром и проинформировал о ситуации находившегося там командующего войсками Украинского фронта генерала Листовского. Командующий отдал приказ о срочной эвакуации штаба, который благодаря этому избежал пленения⁴⁷. Кроме того, большевики нарушили систему управления и снабжения польских войск. Они прервали связь командования фронтом с подчиненными соединениями. Противник уничтожил все, что могло служить для ведения войны, а именно: склады, арсеналы боеприпасов, заправочные станции, железнодорожные узлы, дороги и мосты. В частности, был уничтожен железнодорожный путь Казатин – Житомир – Киев. В глубоком тылу конница Буденного имела большую свободу действий, которой способствовала растущая паника польской стороны.

Страх поляков усиливали преступные действия казаков-буденновцев, которые, в частности, уничтожили персонал, сестер милосердия и 600 человек раненых в житомирском госпитале. После убийств, разбоев и краж полки 11 и 4 кавалерийских дивизий вышли в ночь с 7 на 8 июня из Бердичева и Житомира в район Зубрицы-Скокувка-Хмелище.

С кавалерией Буденного пробовала вступить в сражение польская конная дивизия⁴⁸. Под Вернигородком она провела ожесточенный, но неудачный бой с полками советских 6 и 11 кавалерийских дивизий. Чувствительные потери, включавшие, в том числе, два орудия и три пулемета, понес 2 полк шеволежеров. Вскоре конная дивизия снова соединилась с III конной бригадой и перешла в подчинение 6 армии⁴⁹. Командование конной дивизией принял ген. Савицкий⁵⁰. Также и в районе Красной конная дивизия в столкновении с численно превосходящим противником не имела больших шансов.

В то время как советская конница совершила всевозможные опустошения, грабежи, разбои, убийства не только польских солдат, но и гражданского населения в Житомире и Бердичеве, самая большая угроза нависла над 3 армией ген. Рыдза-Смиглова. Однако командующий войсками Юго-западного фронта Егоров совершил очень серьезную ошибку. Он решил, что уже нет необходимости в использовании конницы Буденного против сил 3 армии ген. Рыдза-Смиглова и категорически приказал, чтобы эта конница повернула в западном направлении и снова действовала в районе Житомира. Об этом свидетельствует радиограмма, посланная Буденному: «Район Радомысль – Макаров 12 армия займет 11 июня. Ваша помощь на востоке не нужна. Немедленно перейдите на запад и займите район Житомир – Казатин»⁵¹.

При отходе 3 армии из Киева в Коростень после 10 июня 1920 г. решающую роль сыграли 3 уланский полк и VII конная бригада. Полк особенно отличился в бою под Нова-Гроблей. Действуя в составе авангарда главных сил генерала Рыдза-Смиглова, он получил задание занять мостовую переправу на реке Здвизж⁵². В дальнейших действиях он выступал в арьергарде и прикрывал войска 3 армии и 7 пехотной дивизии⁵³. В то же время VII конная бригада, а это был фактически 17 уланский полк с эскадром татарской конницы, прикрывала отступление 7 пехотной дивизии с ее южного фланга. Она провела бои под Горностай-полем и Старосельцами⁵⁴. В ожесточенном сражении 17 уланский полк связал в бою силы советской 14 кавалерийской дивизии, что сделало невозможным ее быстрое перемещение в Радомысль. Благодаря этому 7 пехотная дивизия успешно прикрывала отступающую армию ген. Рыдза-Смиглова с юга. Кроме того, на следующий день 14 кавалерийская дивизия была не в состоянии успеть на помощь 4 кавалерийской дивизии под Горбулев, где та вела бои с 7 пехотной дивизией, т. к. в это время она только занимала Радомысль⁵⁵.

В начале второй половины июня 1920 г., когда, наконец, 3 армия ген. Рыдза-Смиглова сумела выйти из-под ударов преследующих ее советских соединений, в положении польских войск произошли значительные улучшения. Так позднее утверждал известный польский теоретик военного искусства генерал Стефан Моссор⁵⁶. В это время командующий Украинским фронтом генерал Листовский располагал рапортом начальника штаба 1 Конной армии, перехваченным польским радио, о планируемом сосредоточении войск Буденного в районе Пулины – Горошки. 20 июня 1920 г. А. Листовский, зная о намерениях противника, приказал с целью его уничтожения создать оперативную группу под командованием генерала Ромера, который впоследствии писал в воспоминаниях: «Поскольку Буденный все-таки (...) собирался оказывать дальнейшее сопротивление, а наше положение (...) выглядело идеальным, так как силы Буденного были уже загнаны в кучу, окружены с трех сторон, наши войска были полны энтузиазма, а его деморализованы, поэтому у нас был шанс полной победы (...)»⁵⁷. К сожалению, многообещающую операцию пришлось прервать, так как советская 25 стрелковая дивизия 20 июня 1920 г. заняла Овруч, а 44 и 7 стрелковые дивизии представляли угрозу для железнодорожного узла Коростень. Вследствие этого было принято решение о необходимости дальнейшего отступления 3 армии ген. Рыдза-Смиглова⁵⁸.

Верховное командование Войска Польского пришло к выводу, что самым опасным противником польских войск на территории Украины по-прежнему являлась 1 Конная армия. А значит, угрозы с ее стороны нельзя было игнорировать. Поэтому Пилсудский решил, что на польской стороне следует создать отдельную группу войск, предназначенную специально для сдерживания этого конного оперативного объединения противника. Он также принял решение о восстановлении 2 армии, вверив ее генералу Казимиру Рашевскому⁵⁹. В распоряжении этого генерала оказались 3 и 6 пехотные дивизии, X бригада 5 пехотной дивизии и конная дивизия под командованием Я. Савицкого⁶⁰.

Верховный главнокомандующий Войска Польского 26 июня 1920 г. произвел также замену командующего войсками Украинского фронта. Эту должность после отставки генерала Листовского он вверил ген. Рыдзу-Смиглову, который одновременно выполнял обязанности командующего 3 армией⁶¹.

В конце июня 1920 г., когда конница Буденного во второй раз прорвала польский фронт на Случи, Верховное командование Войска Польского уже не имело сомнений и с согласия Совета национальной обороны приняло решение о создании Оперативной конной группы⁶². Командование Оперативной группой было вручено генералу Савицкому, а обязанности начальника штаба – подполковнику Мариану Пшевлочкому. Должности командиров отдельных соединений приняли: полковник Юлиуш

Роммель⁶³ – 1 кавалерийской дивизии, полковник Мариан Окша-Ореховский – 2 дивизии, а полковник Густав Орлич-Дрешер⁶⁴ – IV кавалерийской бригады. Планировалось, что после присоединения к этому объединению запасных эскадронов в распоряжении генерала Савицкого было бы около 7000 сабель. Оперативная конная группа должна была показать себя как серьезный противник 1 Конной армии. В состав этого конного соединения, формируемого в районе Замостья, должны были войти: 1 конная дивизия (IV и VI бригады конницы), 2 дивизия конницы (I и VII бригады конницы), а также III бригада конницы, находившаяся в непосредственном подчинении у генерала Савицкого. Подчинение отдельных полков конницы бригадам менялось перед вступлением сил генерала Савицкого в сражение с 1 Конной армией⁶⁵.

В районе Берестечка и Бродов состоялась одна из важнейших битв советско-польской кампании 1920 г. Главную тяжесть сражений с конницей Буденного приняла на себя 2 армия, для которой Оперативная конная группа была серьезным усилением. Задачей 2 армии под командованием К. Рашевского был разгром 1 Конной армии. Приказ, который получил генерал, уточнял, что этого следует добиться, двигаясь «(...) в общем направлении на Радзивиллов – Броды, стараясь ударить на фланг и тыл противника, прикрывая при этом собственный левый фланг слабыми отрядами конницы и концентрируя главные силы конницы для решающего удара (...)»⁶⁶. В запланированной операции должна была принять участие 18 пехотная дивизия и X пехотная бригада из состава 6 армии, которые, действуя из района Майдан – Подгорцы – Ожидов, должны были связать силы Буденного, прикрыть железнодорожный путь Красне – Злочов и установить тактическую связь с IV кавалерийской бригадой⁶⁷.

В битве под Бродами, продолжавшейся с 29 июля по 4 августа 1920 г. польские войска поначалу имели успех, но шанс на разгром конницы Буденного был потерян. Причиной этого было, в частности, плохое взаимодействие польских соединений пехоты и конницы, а также отсутствие связи между частями⁶⁸. Командир 6 пехотной дивизии генерал М. Линде проявил мало собственной командной и штабной изобретательности, а на совете с командирами полков принял, как оказалось, поспешное решение, приказав до рассвета 3 августа 1920 г. подчиняющимся ему частям отступить в направлении Щуровичей⁶⁹. Кроме того, командир 2 кавалерийской дивизии полковник В. Окша-Ореховский был малоэнергичным, и ему недоставало решительности в командовании, что негативно сказывалось на работе его штаба. В то же время причины прекращения преследования врага польской стороной надо искать в трудной ситуации, которая сложилась на белорусском участке советско-польского фронта, где противник захватил такую мощную крепость, как Брест-над-Бугом⁷⁰.

После битвы под Берестечком и Бродами конница Буденного, разгромленная и ослабленная, в течение нескольких дней была неспособна к дальнейшим действиям. Она испытывала нехватку продовольствия и фуража. Советская кавалерия понесла большие потери в людях, конском составе и вооружении, вследствие чего ее боеспособность значительно снизилась⁷¹. Она отступила в район Берестечко – Козин, чтобы немного отдохнуть и подготовиться к дальнейшим действиям⁷². Буденный, придя к выводу, что 4 и 11 кавалерийские дивизии устали больше всего, решил отправить их в арьергард войск советского Юго-западного фронта. Затем кавалерия направилась в сторону Львова. Выступающая в новой организационной структуре 1 польская кавалерийская дивизия полковника Руммеля вступила на львовском направлении в сражение сдерживающего характера с силами Буденного. До ожесточенных столкновений дошло, в частности, под Радзеховом, Антонинами, Холоевым, Нестаницами и Жултаныцами. Буденный под давлением И. Сталина проигнорировал решение своего командования о подчинении армии приказам М. Тухачевского и безуспешно штурмовал Львов⁷³. Только 20 августа советская конница начала отступление из-под Львова, концентрируясь в районе Сокаля. Далее она предприняла наступательные действия в направлении Замостья. Штурм города продолжался три дня, но гарнизон успешно оборонялся⁷⁴. Вечером 30 августа советская конница оказалась в окружении.

На следующий день, 31 августа 1920 г., дошло до кавалерийской битвы под Комаровом. 1 кавалерийская дивизия полковника Юлиуша Роммеля, при поддержке частей 13 пехотной дивизии, столкнулась в ожесточенном бою с советскими 6 и 11 кавалерийскими дивизиями, а также Отдельной бригадой особого назначения. Битва закончилась с трудом добытой победой поляков⁷⁵. Это стало переломным событием в зоне действий польского Центрального фронта в советско-польской кампании 1920 г. По оценкам военных историков, там имело место крупнейшее кавалерийское противоборство XX века. Однако эта победа не была в полной мере использована по причине неправильной оценки ситуации штабом Оперативной группы генерала С. Галлера и командованием гарнизона Замостья. Имело значение также незнание положения всех дивизий 1 Конной армии. Более того, не было соответствующей координации действий, а 10 пехотная дивизия и 2 пехотная дивизия легионов не имели связи друг с другом. Ошибкой со стороны Верховного командования Войска Польского было предназначение окрестностей Замостья для сосредоточения 10 пехотной дивизии, так как этот город был окружен силами Буденного. Советская конница понесла под Комаровом большие потери, чем во всех боях, которые вела в 1920 г. с частями Войска Польского, и до конца сентября представляла низкую боевую ценность. С польской стороны непосредственное участие в сражении принимало

шесть полков конницы и два дивизиона конной артиллерии. Силы противника составляли пятнадцать полков кавалерии.

Под Комаровом 8 уланский полк захватил автомобиль командующего 1 Конной армии; были захвачены многочисленные обозы и большое количество военной техники, пулеметы и орудия, оставленные убегающими большевиками. Конница Буденного понесла тяжелые потери: 1500 убитых и еще больше раненых. Погибло несколько командиров советских бригад, 12 комиссаров и несколько человек из личной охраны командарма 1 Конной армии. Сам Буденный также был ранен. С польской стороны погибло около 300 кавалеристов.

После битвы под Комаровом разбитая и в значительной степени лишенная способности сражаться советская конница отступала на восток, чтобы, в конце концов, под натиском конницы и пехоты из 1 Оперативной группы генерала Адама Новотны, быть отброшенной на линию Буга⁷⁶. Верховное командование Войска Польского, реализуя опыт использования кавалерии в сражениях на фронте, решило создать сильное конное формирование⁷⁷. Таким соединением стал созданный 10 сентября 1920 г. Конный корпус полковника Роммеля, в состав которого вошли две дивизии конницы (1-я и 2-я). Корпус сыграл существенную роль в боях по прорыву фронта над Бутом и в ударе на Ровно, вплоть до отхода 26 сентября кавалерии Буденного в район Бердичева⁷⁸. Там 1 Конная армия была укомплектована и снова готова к бою, а затем, той же осенью 1920 г., начала наступательные действия против войск генерала П. Врангеля в Крыму.

Маршал Юзеф Пилсудский, основываясь на собственном опыте, полученном в сражениях на восточном фронте во время Первой мировой войны, игнорировал приближавшуюся конным маршем на польский фронт кавалерию Буденного. 1 Конная армия, прорывая фронт под Самгородком, стала своеобразным феноменом своего времени. Это событие было большой неожиданностью, особенно для военных теоретиков и Верховного командования Войска Польского, поскольку были нарушены обязательные правила военного искусства. Хорошо обученная и организованная пехота, располагающая артиллерией, а прежде всего пулеметами, не может быть побеждена в обороне штурмующей кавалерией. Однако это удалось советской коннице, которая вошла в глубокий тыл польских войск и принудила их к отступлению на запад.

Польская кавалерийская дивизия, значительно уступая коннице Буденного, была не в состоянии вести равный бой со значительно превосходящим ее по численности противником. Локальный успех под Володаркой и первая фаза битвы под Рогожной имели лишь тактический характер, так как противник, стягивая подкрепление, причинял польской коннице значительные потери. Подобным образом было под Вернигородком и Красной. Оборонительные действия польской конницы на Украине в

сражениях с 1 Конной армией превосходили ее боевые возможности. Эти неудачи, а также дальнейшие наступательные действия советской конницы вглубь зоны польского Юго-восточного фронта (повторный прорыв польского фронта на Случи) привели к тому, что Верховное командование Войска Польского приказом от 2 июля 1920 г. приняло решение о создании Оперативной конной группы. Это решение, как оказалось впоследствии, имело существенное значение, поскольку Оперативная конная группа стала серьезным усилением 2 армии генерала Рашевского в битве под Бродами. Поспешно формировались новые кавалерийские части в районе Замостья и Грубешова, но возобновление наступления 1 Конной армии вынудило Пилсудского принять решение о немедленном направлении IV кавалерийской бригады полковника Орлича-Дрешера на фронт. Она должна была задержать продвижение Буденного на Львов, пока не подтянутся главные силы генерала Савицкого.

Сдерживающие действия польской конницы во взаимодействии с пехотой и артиллерией на Волыни и в Восточной Галиции привели к тому, что конница Буденного, неся большие потери, не смогла прийти на помощь войскам Тухачевского под Варшавой, атакуя тылы польской ударной группы, действующей со стороны Вепша. 1 Конная армия, серьезно ослабленная под Берестечком и Бродами, а впоследствии безуспешно штурмовавшая Львов, в конце концов была побеждена частями 1 кавалерийской дивизии под Комаровом и вынуждена отступить на линию Буга. Однако она была все еще относительно сильной, и Верховное командование Войска Польского, используя полученный опыт, создало Конный корпус полковника Руммеля. Это первое польское конное оперативное соединение, ведущее преследование, причинило силам Буденного такие огромные потери, что советское командование с 26 сентября 1920 г. переместило побежденную и не представлявшую уже практически никакой боевой ценности кавалерию Буденного в район Бердичева.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Szlak bojowy Radzieckich Sił Zbrojnych, red. M. Wróblewski; S. Zaleski, Warszawa 1962, s. 38–39.

² A. Wolny, Rozwój obrony w zakresie historycznym Zeszyty Naukowe ASG WP 1988, nr 1/52, s. 2. Артиллерия сыграла значительную роль уже в битве под Равенной в 1512 г. В 1521 г. был сконструирован мушкет, а в 1741 г. карабин со штыком, что сделало возможным вести залповый огонь.

³ Z. Żórawski, O kryzysie kawalerii, Przegląd Kawaleryjski, 1925, T. II, cz. 1, nr 5 (9), s. 19–36; Tenże, Przegląd Kawaleryjski, 1926, T. III, cz.2, nr 1 (11), s. 3–22; Tenże, Przegląd Kawaleryjski, 1926, T. III, cz. 3, nr 2 (12), s. 3–19.

⁴ W. Fibich, Operacyjne i taktyczne użycie kawalerii, Przegląd Kawaleryjski, 1928, T. V, nr 5 (31), s. 15.

⁵ S. Mossor, Sztuka wojenna w warunkach nowoczesnej wojny, Warszawa 1986, s. 53–54.

- ⁶ Z. Żórawski, O kryzysie kawalerji Przegład Kawaleryjsk 1926, t. III, cz. III, nr 2 (12), s. 8; W. Iwanowski, Przeobrażenia poglądów rosyjskich w dziedzinie użycia kawalerji strategicznej w latach 1914–1921, Przegład Kawaleryjsk, 1933, t. X, nr 4–5 (90–91), s. 310.
- ⁷ M. Biernacki, Studia taktyczne z historii wojen polskich 1918–21, t. III. Działania Armji Konnej Budiennego w kampanji polsko-rosyjskiej 1920 r. 26 V–20 VI 1920, Warszawa 1924, s. 9; Z. Żórawski, op. cit., s. 8–9; W. Iwanowski, op. cit., s. 309–311.
- ⁸ W. Iwanowski, op. cit., s. 309–310.
- ⁹ A. Smoliński, Zarys dziejów I Armii Konnej (1919–1923), Grajewo 2003, s. 24–26.
- ¹⁰ K. Mierieckow, Pół wieku w mundurze, Warszawa 1971, s. 46.
- ¹¹ A. Smoliński, op. cit., s. 30.
- ¹² Szerzej: E. Hinterhoff, Zagon generała Mamontowa, Przegład Kawaleryjski, 1928, t. V, nr 6 (32), s. 523–537; tenże, Zagony kawalerji, Bellona, 1929, t. XXXIII, z. 5–6, s. 428–449.
- ¹³ N. Davies, Europa, Kraków 1999, s. 986–995; E. Czapiewski, Rosja Radziecka wobec niepodległości Polski w latach 1918–1921, [w:] XVI powszechny zjazd historyków polskich. Przejmomy w historii, t. II, cz. 2, Wrocław 1999, s. 178–181.
- ¹⁴ Szlak bojowy, op. cit., s. 109–119.
- ¹⁵ Szerzej: W. Siemionow, Radziecka sztuka operacyjna, Warszawa, 1961, s. 76–80.
- ¹⁶ A. Smoliński, op. cit., s. 34–39.
- ¹⁷ Szlak bojowy Radzieckich Sił Zbrojnych, Warszawa 1962, s. 122–126.
- ¹⁸ A. Smoliński, op. cit., s. 40–42.
- ¹⁹ P. Wrangel, Wspomnienia, t. 1, Warszawa 1999, s. 283–309, 366.
- ²⁰ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф.245. Управление 1 Конной Армии. Оп.3. Д.126. Лл.1–2.
- ²¹ R. Pipes, Rewolucja rosyjska. Przekład T. Szafar, Warszawa 2012, s. 414–419.
- ²² РГВА. Ф.245. Управление 1 Конной Армии. Оп.3. Д.126. Лл.7–8.
- ²³ Директивы командования фронтов Урасной армии. Т.2. М., 1972. С.503–505.
- ²⁴ G. Nowik, Zanim złamano «Enigmę». Polski radiowywiad podczas wojny z bolszewicką Rosją 1918–1920, Warszawa 2004, s. 727–731. Szerzej na temat zadań i osiągnięć polskiego wywiadu w czasie wojny polsko-sowieckiej 1919–1920, zob. A. Peptoiński, Wywiad w wojnie polsko-bolszewickiej 1919–1920, Warszawa 1999; A. Misiuk, Służby specjalne II Rzeczypospolitej, Warszawa 1998.
- ²⁵ J. Piłsudski, Rok 1920, Łódź 1989, s. 95–96.
- ²⁶ Tenże, Pisma zbiorowe, Wydanie prac dotyczących drukiem ogłoszonych, t. 7, ze wstępem J. Mąszczeńskiego, Warszawa 1937, s. 41; tenże, Rok 1920, Łódź 1989, s. 38–39.
- ²⁷ РГВА. Ф.245. Управление 1 Конной Армии. Оп.3. Д.126. Лл.1–10.
- ²⁸ РГВА. Ф.245. Управление 1 Конной Армии. Оп.3. Д.413. Оперативные сводки штабов 4, 11, 14 кавдивизий и частей 1 Конной Армии (20.05–17.09.1920 г.). Лл.4,5.
- ²⁹ РГВА. Ф.245. Управление 1 Конной Армии. Оп.3. Д.413. Оперативные сводки штабов 4, 11, 14 кавдивизий и частей 1 Конной Армии (20.05–17.09.1920 г.). Лл.1,5; Meldunek operacyjny dowództwa 4. Dywizji Kawalerii z 20 maja 1920 r., godz. 16.00.
- ³⁰ Директивы командования фронтов Красной армии (1917 – 1922). Т.3. М., 1974. С.156–158. Директива Егорова №358 от 23. 05. 1920 г. на окружение и уничтожение киевской группировки польской армии.
- ³¹ РГВА. Ф.245. Управление 1 Конной Армии. Оп.3. Д.126. Лл.13–14; S. Rowecki i S. Elterlein, Czerwona Armja Bolszewicka (Jej organizacja, wartość i taktyka), Drukarnia Dowództwa 4 Armji, s. 22–23. Dział Prasy i Wydawnictwo, Centralne Archiwum Wojskowe w Warszawie (CAW) 4601.
- ³² A. Smoliński, Zarys..., s. 65.
- ³³ Директивы командования фронтов Красной армии (1917 – 1922). Т.4. М., 1978. С.534; Какурин Н. Е., Меликов В. А. Война с белополяками 1920 г. М., 1925. С.166; S. Mossor, Sztuka wojenna w warunkach nowoczesnej wojny, Warszawa 1986, s. 153; M. Biernacki, Studia taktyczne

z historii wojen polskich 1918–21, t. 3. Działania Armji Konnej Budiennego w kampanji polsko-rosyjskiej 1920 r., 26 V–20 VI 1920, Warszawa 1924, s. 19; N. Davies, Orzeł biały, czerwona gwiazda. Wojna polsko-bolszewicka 1919–1920, Kraków, 2002, s. 119; L. Wyszczelski, Sztuka wojenna w wojnie polsko-rosyjskiej 1919–1920, Warszawa, 1994, s. 69.

³⁴ Szerzej na ten temat, zob. A. Smoliński, 1 Armia Konna podczas walk na polskim teatrze działań wojennych w 1920 roku. Organizacja, uzbrojenie, wyposażenie oraz wartość bojowa, Toruń 2008, s. 112–113.

³⁵ S. Mossor, Kawaleria strategiczna w obliczu przyszłej wojny, Przegląd Kawaleryjski 1937, t. XIV, nr 4 (138), s. 409–416.

³⁶ CAW, I.400.1725–1726, L. Racięcki, Bitwa z bolszewikami pod Wołodarką dnia 29 maja 1920 roku przez 3-ci szwadron I-go Pułku Ułanów Krechowieckich imienia pułkownika Bolesława Mościckiego; *W. Robak*, Bój pod Wołodarką 29V1920 r., [w:] Relacje (z bojów) do historii 1 Pułku Ułanów Krechowieckich, Warszawa 1933, maszynopis w zbiorach CAW, I.400.1705–1733.

³⁷ J. A. Czerwona jazda w 1920 r., „Bellona” t. 10, nr 10, 1921, s. 917.

³⁸ CAW, I, 300.25.32, Dokumenty Generalnego Inspektoratu Jazdy. Około 15 maja 1920 r. 2 pułk ułanów otrzymał liczne uzupełnienia kadr oficerskich i ułańskich. Stan ewidencyjny pułku wynosił 29 oficerów i 965 ułanów, z tego stan bojowy był niższy i wynosił analogicznie: 22 oficerów i 496 ułanów. Był więc drugim pod względem liczebności pułkiem jazdy w Wojsku Polskim po 2 pułku szwoleżerów, którego stan bojowy wynosił 23 oficerów i 546 ułanów; *M. Bielski*, Generał brygady Adolf Mikołaj Waraksiewicz (1881–1960), Toruń 1998, s. 55–57.

³⁹ Ułani podolscy. Dzieje Pułku Ułanów Podolskich 1809–1947, Wrocław–Warszawa–Kraków 1991, s. 70.

⁴⁰ CAW, I, 400.1037, *A. Iwazskiewicz*, Epizod z walk grupy gen. Sawickiego na Ukrainie w maju 1920 r. Bój pod Starościami, s. 1–6. Автор подал релянцию о захвате 200 пленных. В атаке отличилась «железная» рота поручика Валентега Малли. Zob. *W. Hujda*, Zarys historii wojennej 19 Pułku Piechoty Odsieczey Lwowa, Warszawa 1928, s. 22.

⁴¹ *T. Kurcusz*, Pierwsze spotkanie 13-tej Dywizji Piechoty z Budiennym, Bellona 1921, t. 4, z. 6, s. 704.

⁴² *Какурин Н. Е., Меликов В. А.* Указ. соч. С.154.

⁴³ *M. Wrzosek*, Wojny o granice Polski Odrodzonej 1918–1921, Warszawa 1992, s. 272.

⁴⁴ *A. Przybylski*, Wojna Polska 1918–1921, Warszawa 1930, s. 150–151; *M. Wrzosek*, Wojny o granice..., s. 272; *L. Wyszczelski*, Sztuka wojenna w wojnie polsko-rosyjskiej 1919–1920, Warszawa 1994, s. 73.

⁴⁵ *J. Piłsudski*, Rok 1920, Warszawa 1927, s. 45.

⁴⁶ *W. Steblik*, Epizod z walk 12 pułku piechoty w wojnie 1920 roku, Bellona 1926, t. 24, z. 2, s. 167–168; *K. Raszewski*, Wspomnienia z własnych przeżyć do końca roku 1920, Poznań [br.], s. 208–209.

⁴⁷ CAW, I.301.14.64; Ku czci poległych lotników. Księga pamiątkowa, Warszawa 1933, s. 166.

⁴⁸ CAW, *R. Morcinek*, Dowództwa brygad kawalerii, [w:] 1921–Spis wódcz wojskowych 1918, Warszawa 1936, s. 6–9, maszynopis w zbiorach CAW.

⁴⁹ CAW (WBH), I.341.1.165, *T. Wardejn-Zagórski*, Trzeci okres działań Dywizji Jazdy gen. Kamińskiego na Ukrainie (31.05–8.06.1920 r.).

⁵⁰ CAW, 400.2820, s. 254. Rozkaz Naczelnego Dowództwa WP nr 5796/III z 8 czerwca 1920 r.; *Какурин Н. Е., Меликов В. А.* Указ. соч. С.162–163.

⁵¹ Директивы командования фронтов Красной армии... Т.3. М, 1974. С.178. Rozkaz Jegorowa nr 0010/e z 10 czerwca 1920 r. w sprawie zaniechania przez Budiennego działań skierowanych przeciw polskiej 3 Armii i opanowania rejonu Żytomierza oraz Koziatyna; *Какурин Н. Е., Меликов В. А.* Указ. соч. С.162.

⁵² Szerzej o boju pod Borodziańką zob. *A. Borkiewicz*, Dzieje 1-go Pułku Piechoty Legionów, Warszawa 1929, s. 601–620; Encyklopedia Wojskowa, pod red. O. Laskowskiego, t. 1, Warszawa 1931, s. 388–390.

- ⁵³ L. Czyżewski, Bój spotkaniowy 7 Dywizji Piechoty z grupą uderzeniową Woroszyłowa, Bellona 1936, t. 18, III-VI, s. 340; B. Dobrzyński, Zarys historii wojennej 3-go pułku ułanów, Warszawa 1929, s. 27-29.
- ⁵⁴ J. Starza-Majewski, Bój pod Starosielcami, „Przegląd Kawaleryjski” 1938, t. 15, nr (158), s. 723-740; J. Wasutyński, Zarys historii wojennej 17-go Pułku Ułanów Gniźnieńskich, Warszawa 1929, s. 12-15; L. Czyżewski, op. cit., s. 339.
- ⁵⁵ CAW, I.314.6.2. Dokumenty operacyjne VII Brygady Jazdy.
- ⁵⁶ S. Mossor, op. cit., s. 412-413.
- ⁵⁷ J. Romer, Pamiętniki, Lwów 1938, s. 242.
- ⁵⁸ M. Biernacki, Bitwa z Budiennym nad Uszą (19-21 czerwca 1920 r.), Bellona 1927, t. 26, z. 1-2, s. 194-195.
- ⁵⁹ CAW, Kolekcja generałów i osobistości, akta personalne gen. Kazimierza Raszewskiego, sygn. nr 5698.
- ⁶⁰ M. Wrzosek, Wojny..., s. 273-274.
- ⁶¹ Bitwa lwowska 25 VII-18 X 1920. Dokumenty operacyjne, cz. I (25 VII-5 VIII), red. M. Tarczyński, Warszawa 2002, s. 30.
- ⁶² CAW, I.301.7.122, rozkaz Naczelnego Dowództwa WP nr 7710/I.20 z 2 lipca 1920 r.
- ⁶³ CAW, Kolekcja generałów i osobistości (akta personalne), sygn. R-6895.
- ⁶⁴ CAW, Kolekcja generałów i osobistości (akta personalne), sygn. O-3349.
- ⁶⁵ J. Grobicki, Organizacja taktyczna polskiej kawalerii strategicznej w latach 1914-1920, Przegląd Kawaleryjski, 1934, t. 9, nr 10 (108), s. 371-372 (grafikon I).
- ⁶⁶ Bitwa lwowska 25 VII - 18 X 1920. Dokumenty operacyjne, cz. I (25 VII - 5 VIII), red. M. Tarczyński, Warszawa 2002, s. 175; F. A. Arciszewski, 21-Studja taktyczne z historii wojen polskich 1918, t. 2, Ostróg-Dubno-Brody. Walki 18 Dywizji Piechoty z konną armją Budiennego (1 lipca-6 sierpnia 1920), Warszawa 1923, s. 151.
- ⁶⁷ Encyklopedia wojskowa, red. O. Laskowski, t. 1, Warszawa 1931, s. 266.
- ⁶⁸ ГРВА. Ф.245. Управление 1 Конной Армии. Оп.3. Д.168. Лл.1-7; Archiwum Instytutu Józefa Piłsudskiego w Londynie, Kolekcja nr 169 gen. Orlicz-Dreszera; J. Rómmel, Moje walki z Budiennym. Dziennik wojenny b. d-cy 1. Dywizji Kawalerji, Lwów (b.r.w.), s. 64; J. Litewski i W. Dziewanowski, Dzieje 1-go pułku ułanów krechowickich, Warszawa 1932, s. 344.
- ⁶⁹ W. Steblik, Bój 12 pp pod Leszniowem i Brodami w dniach 1 i 2 sierpnia 1920 roku, Przegląd Piechoty, 1931, t. 4, z. 11, s. 73-80.
- ⁷⁰ F. Libert, Upadek Brześcia, Bellona 1930, t. 47, z. 2 (III-VI), s. 264-330.
- ⁷¹ T. Różycki, Możliwość interwencji Konnej Armii Budiennego w bitwie warszawskiej, Bellona 1925, t. 19, z. 2, s. 289-290.
- ⁷² Главнокомандующий советскими войсками С. Каменев 6 августа отдал директиву, в которой приказывал (...) дать отдохнуть 1 конной армии и подготовить ее для повторного удара, и с этой целью уже сейчас на польском участке фронта провести такую перегруппировку, чтобы пехота прикрыла 1 конную армию, которую необходимо вывести в резерв для отдыха и подготовки к новым решающим ударам (...). L. Wyszczelski, Bitwa na przedpolach Warszawy, Warszawa 2000, s. 162.
- ⁷³ Как пишет L. Wyszczelski: «(...) Решение Буденного соответствовало концепции Иосифа Сталина, который планировал экспортировать революцию иным путем, нежели Троцкий, Каменев или Тухачевский, а именно через Западную Галицию, Силезию, Чехию в Австрию и на Балканы (...)». Zob. L. Wyszczelski, Bitwa na przedpolach Warszawy, s. 158; Tenże, Walki z 1 Armią Konną Siemiona Budiennego na Lubelszczyźnie (27 VIII - 6 IX 1920 r.), [w:] Czyn zbrojny w dziejach narodu polskiego. Studia ofiarowane profesorowi Januszowi Wojtasikowi w siedemdziesiąt rocznicę urodzin, red. P. Matusak, M. Plewczyński, M. Wagner, Siedlce 2004, s. 284.
- ⁷⁴ Szerzej zob. m.in. M. Bołtuć, Budienny pod Zamościem, Bellona 1926, z. 3.

⁷⁵ Szerzej: CAW, I.314.1.3, s. 325. Dokumenty operacyjne dowództwa 1 Dywizji Jazdy. Na podstawie rozkazu gen. Hallera, płk Römmel wydał dla podległych oddziałów swój rozkaz L.dz. 3108/2 op z 31 sierpnia 1920 r. godz. 8.00; *A. Pragłowski*, Bitwa 1 Dywizji Jazdy pod Komarowem, Przegląd Kawaleryjski 1935, nr 12; *H. Brzezowski*, Bitwa pod Komarowem, jak ja ją widziałem, Przegląd Kawaleryjski 1934, nr 1, s. 17–38; *S. Dembiński*, Komarów, Przegląd Kawaleryjski 1934, nr 4, s. 452–458; R. Rupp, 2 p szwoleżerów w bitwie pod Komarowem, Przegląd Kawaleryjski, 1934, t. 11, nr 12 (110).

⁷⁶ CAW, 314.1.3, s. 404. Meldunek sytuacyjny dowództwa 1 Dywizji Jazdy L. dz. 609/9 op z 6 września 1920 r. godz. 20.00 o rozmieszczeniu wojsk na froncie.

⁷⁷ CAW, 314.1.3, s. 409. Rozkaz operacyjny dowództwa 1 Dywizji Jazdy L. dz. 909/1 op z 9 września 1920 r. w sprawie obsadzenia linii Bugu i budowy mostu w Kosmowie.

⁷⁸ CAW, 314.1.3, s. 454. Meldunek sytuacyjny dowództwa Korpusu Jazdy L. dz. 1609/2 op do Grupy Operacyjnej gen. Nowotnego [dowodzenie przejął od gen. S. Hallera 10 września 1920 r. – WN]o położeniu i zamiarach oddziałów jazdy.

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ МАХНОВЩИНЫ

ПОВСТАНЧЕСКАЯ АРМИЯ МАХНО: МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ *

В. В. Кондрашин (Пенза)

Одной из самых легендарных и окутанной мифами личностью Гражданской войны является Нестор Иванович Махно – руководитель крестьянского повстанческого движения на Юге Украины в 1918 – 1921 годах. О его продолжающей жить славе и популярности не только в Украине, но и России убедительно свидетельствуют многочисленные факты: десятки сайтов в интернете, ежегодные шоу на родине «Батьки» в Гуляй-Поле, документальные и художественные фильмы (например, на РТР – «Девять жизней Нестора Махно»), майки с логотипами Махно, песни об атамане в исполнении популярных групп (например, «Любэ»), настенные граффити в духе: «Махно жив» и т. д. В этом ряду – два интересных факта из жизни автора настоящей статьи. Во время пребывания в Турции на отдыхе ему пришлось наблюдать интересную картину – чтение одной из многочисленных книг о Махно русским туристом, с золотой цепью на груди и явно криминальным прошлым. Весь его облик во время чтения однозначно указывал, что для него Махно являлся реальным авторитетом! Второй факт – это услышанная автором реплика одного из пассажиров поезда, сетовавшего на жизнь и в сердцах воскликнувшего: «Махно на них не хватает!».

Откуда столь необычная популярность личности Махно среди современников и в Украине, и России? На наш взгляд, это не случайно. И сейчас Махно остается для многих из нас символом народного гнева, народной удали, народной справедливости, беспощадной силы, сметающей на своем пути зло, которое ассоциируется с государственной властью, в какие бы тоги она ни рядилась!

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ; проект №13-01-00260.

В общественном мнении и историографии прочно утвердился ряд мифов о Махно и его движении. Тезисно остановимся на них и противопоставим им реальные факты. Такая возможность имеется у нас благодаря участию в международном проекте Института российской истории РАН и Московской высшей школы социальных и экономических наук «Крестьянская революция в России», в рамках которого усилиями российских и украинских историков под руководством автора настоящей статьи и профессора Теодора Шанина из Англии был подготовлен к печати сборник документов «Нестор Махно: Крестьянское движение на Украине в 1919 – 1921 гг.» (М.: РОССПЭН, 2006, 1000 с.).

Миф первый. «Махно – это бандит, уголовник, психопат, алкоголик, анархист, а его войско – банда, куда силой загоняли крестьян и куда шли лица, склонные к криминалитету».

Реальные факты. Сначала – о том, как делалась фальсификация советскими историками. Широкую известность в литературе приобрел дневник жены Махно Галины Кузьменко, захваченный красными в марте 1920 года. В нем приводился характерный эпизод «насильственной мобилизации» молодых крестьян села Гуляй-Поле, которых махновцы били со словами: «**Не берешь винтовку!**»¹. В обнаруженном нами в РГВА подлинном тексте дневника эта фраза звучит по-другому: «**Не берёг винтовку!**»². То есть махновцы не загоняли в «банду» крестьян, а наказывали дезертиров, потерявших личное оружие.

Второй факт из указанного дневника. В опубликованном советскими историками тексте переставлена всего лишь одна запятая. Но как изменен смысл! Впоследствии этот эпизод стал основой для знаменитого советского фильма «Александр Пархоменко», где пьяный Махно под гармошку пел очень популярную ныне, ставшую уже народной, песню «Любо братцы, любо...». В советском варианте дневника Кузьменко следующим образом описывался один из эпизодов поведения Махно: «13 марта. Стоим в Успеновке. Батько и сегодня выпил. Говорит очень много, **ходит пьяный по улице с гармонией**, танцует. Весьма привлекательная картина. На каждом слове неприличное выражение. Наболтавшись и натанцевавшись заснул»³.

В опубликованном нами варианте текст тот же, но запятая стоит в другом месте. И этот, казалось бы незначительный, факт принципиальным образом меняет содержание. «13 марта. Стоим в Успеновке. Батько и сегодня выпил. Говорит очень много, **ходит пьяный по улице, с гармонией танцует...**»⁴. В действительности Махно никогда не играл на музыкальных инструментах. Поэтому в данном случае он, выпивши, шел по селу с гармонистом и приплясывал, что в крестьянской традиции считалось вполне нормальным явлением. В советском же варианте перед нами пьяный хулиган, схвативший гармонию, и под несурзные ее звуки пьяными выкриками пугающий народ.

Выявленные нами факты кардинальным образом меняют представление о Махно как якобы «дегенеративной личности». Махно любил играть в шахматы. Так, например, в период работы над книгой об известном полярном капитане и писателе К. С. Бадигине ее автором В. Е. Малазевым была собрана следующая информация. Отец К. С. Бадигина Сергей Константинович служил управляющим имением графини С. П. Дурново в селе Чутово Полтавской губернии, когда туда однажды прибыл Нестор Махно. Управляющий имением был приговорен батюшкой к расстрелу. В семье Бадигиных бытует история о том, как жене управляющего удалось спасти от смерти своего мужа: «Махно был большим любителем шахмат. Он сказал: выиграешь у меня партию в шахматы, сохраню жизнь твоему мужу и остальным. Махно партию проиграл и сдержал свое слово. Он приказал накрыть стол для ужина, разрешив всем присоединиться к столу»⁵.

Махно увлекался историей, географией, литературой. Вот лишь один факт на эту тему – воспоминания француза из корпуса интервентов Стефана Роже, попавшего в плен к Махно и затем опубликовавшего свои впечатления о нем в парижской прессе. Впоследствии они были переданы наркомом иностранных дел РСФСР Г. В. Чичериным В. И. Ленину для ознакомления с личностью Махно, ставшего к 1919 году крупной политической фигурой в Украине. Приведем некоторые отрывки из этих воспоминаний: «Махно – человек среднего роста с телом гибким и нервным, выдающим человека, не занимающегося спортом. Одетый в безыскусную синюю форму, он выглядит одновременно симпатично и представительно. Живые пронизательные глаза, в которых читается безграничная смелость и незаурядный ум. Он откидывает волосы назад, открывая, таким образом лоб, что делает его более привлекательным и величественным... Он расспрашивал меня обо всех парижских революционерах, так как он знал их работы; Махно знает также большинство идей писателей Франции, и я должен с удовольствием признать, что его оценки верны и справедливы...»⁶. О том, что Махно действительно знал французскую литературу, свидетельствует девиз его армии: «Один за всех и все за одного». Как известно, это девиз мушкетеров из знаменитого романа А. Дюма.

Последний факт на эту тему – это обстоятельства знакомства Махно с его будущей женой Галиной Кузьменко, работавшей учительницей в сельской школе Гуляй-Поля. Неожиданно для всех Махно решил пойти в библиотеку, находившуюся в этой школе, чтобы найти там книгу со странным названием «Физиогномика»! И искал он ее целенаправленно, поскольку должен был получить знания о психологии человека, которой и посвящена была эта книга. Накануне Махно пережил сильное потрясение, когда собственноручно расстрелял одного из своих бойцов за ограбление сельского мельника. Отряд Махно заночевал на мельнице, и

наутро ее хозяин сообщил атаману, что его ограбили. Махно не повесил, так как речь шла о его ближайших сподвижниках, личной охране. Он пригрозил расстрелять мельника за клевету, если жалоба не подтвердится. Выстроив в шеренгу весь личный состав, Махно скомандовал «шапки долой» и стал внимательно их осматривать. В то время большинство бойцов хранили свои деньги в шапке. У одного из них между банкнотами атаман обнаружил мучную пыль. Бандит, посягнувший на имущество селянина, был лично расстрелян Махно перед всем строем. Данный факт потряс атамана, так как расстрелянный боец считался образцовым повстанцем. И Махно понял, что он плохо разбирается в людях. Именно поэтому он и пошел в библиотеку за нужной книгой – «Физиогномикой», посвященной человеческой мимике, жестам, по которым можно судить о поведении человека, особенно в период стресса.

В данном контексте следует сказать о главном. Нестор Иванович Махно 8 лет провел в тюремной камере (Бутырка в Москве), где его соседом являлся П. А. Аршинов – анархист, который и приобщил бунтаря к чтению. Именно за решеткой Махно получил свое книжное образование⁷. Это был обычный тогда путь для человека, вставшего на борьбу с существующей властью.

Миф второй. «Армия Махно – это сборище бандитов, живущих лишь грабежами, не имеющих никаких других целей, выступавших против любой власти». В этом плане показательным является эпизод из известного фильма «Хождение по мукам», снятого по одноименному роману классика советской литературы А. Толстого. В этом эпизоде один из идеологов махновщины заявляет приехавшей к Махно делегации большевиков, что «нам не нужны железные дороги», «в будущем по всей земле будут ходить лишь свободные люди и кони», «все будут ездить на тачанках».

Реальные факты. Документы свидетельствуют, что Махно, хотя и был идейным анархистом, то есть противником государства как инструмента насилия над личностью, но в реальной жизни он не витал в облаках, а выступал с вполне прагматичными идеями. Главной из них была идея народного самоуправления, которую он всеми силами пытался осуществлять на практике с помощью создания на подконтрольной повстанческой армии территории Украины «вольных советов». Но это была другая «советская власть», избранная народом, а не назначенная коммунистами. В случае победы над белыми Махно предлагал созвать Всеукраинский съезд советов, который должен был решить судьбу Украины. А до этого момента на местах должны создаваться «вольные советы», профсоюзы, кооперативы, с помощью которых сам народ, а не чиновники–назначенцы, будет решать насущные вопросы. Кроме того, Махно считал необходимым использование организационных структур повстанческой армии (военных комендатур) для управления контроли-

руемой ею территорией. Все это реально осуществлялось Махно на практике. Никакой «анархии» у него не было. Хотя и имели место неизбежные эксцессы гражданской войны, особенно в период активной фазы боевых действий. В целом же в Гуляй-Польском районе при Махно жизнь не являлась каким-то кошмаром для населения, как об этом писали большевистские газеты.

Вот лишь некоторые факты в подтверждение сказанного.

Из выступления Махно на II-ом Гуляй-Польском районном съезде фронтовиков, советов и подотделов, состоявшемся 12 февраля 1919 г. в Гуляй-Поле: «Если товарищи большевики идут из Великороссии на Украину помочь нам в тяжелой борьбе с контрреволюцией, мы должны сказать им: «Добро пожаловать, дорогие братья!» Но если они идут сюда с целью монополизировать Украину, мы скажем им: «Руки прочь!» Мы сами сумеем поднять на высоту освобождение трудового крестьянства, сами сумеем устроить себе новую жизнь, где не будет панов, рабов, угнетенных и угнетателей. ... Собрание голосует: 1) резолюцию, поданную Кузнецовым, причем подавляющим большинством голосов принимает часть этой резолюции, касающуюся Временного правительства Украины и зовыва немедленного Всеукраинского съезда Советов раб[очих] и крест[ьянских] депутатов для избрания трудовым народом не правительства, а Совета»⁸.

Из резолюции данного съезда о земле: «Заслушав доклад о земле, обсудив его всесторонне, и находя, что этот вопрос является самым болезненным в жизни трудового крестьянства России, съезд постановил: земельный вопрос должен быть разрешен во всеукраинском масштабе на Всеукраинском съезде крестьян на следующих основаниях: вся земля в интересах социализма и борьбы против буржуазии должна перейти в руки трудового крестьянства. Исходя из принципа, что «земля – ничья» и пользоваться ею могут только те, которые трудятся на ней, кто обрабатывает ее – земля должна перейти в пользование трудового крестьянства Украины бесплатно по норме уравнильно-трудовой, т. е. должна обеспечивать потребительную норму на основании приложения собственного труда»⁹.

Повстанческая армия Махно по своей организации являлась не «бандой», а напоминала регулярную армию, действующую в специфических условиях. Прежде всего, по своей структуре она воспроизводила устройство Красной Армии и дореволюционной русской армии. В ней были все необходимые организационные элементы: штаб, полки, роты, эскадроны, артиллерийский дивизион, авиаотряд с несколькими аэропланами, пулеметная команда, санитарная часть, комендатуры в занятых населенных пунктах и т. д. В то же время она имела и свои особенности.

Во-первых, это система комплектования, – она основывалась на принципах добровольности. Исключение делалось в критические моменты

(например, летом 1919 г.), когда по решению общего съезда повстанцев объявлялась всеобщая мобилизация. Во-вторых, это сильный демократический элемент в управлении, выразившийся в процедуре выборов командного состава. В-третьих, идеологический компонент, определяемый необходимостью ведения пропагандистско-агитационной работы в войсках и среди населения. Он выражался в активном участии в движении анархистов, составивших костяк всех идеологических структур Махно (Реввоенсовет, культурная комиссия и т. д.).

В отрядах Махно поддерживалась дисциплина, командованием принимались все возможные меры, чтобы свести к минимуму негативные издержки войны – грабежи мирного населения, пьянство, дезертирство и т. д. Приведем наиболее типичные документы, подтверждающие это.

Из дневника Алексея Чубенко (адъютанта Махно): «...Вдруг к Махно пришла какая-то женщина и стала плакать и рассказывать, что один махновец ее ограбил. Тогда Махно сел в тачанку и поехал на место преступления и оттуда привез одного махновца арестованного, которого велел отправить под арест, а потом пошел в арестное помещение, которое находилось около сельского совета, и там же расстрелял этого махновца»¹⁰.

Из протокола №35 заседания военно-революционного совета, культурно-просветительной комиссии и командиров Повстанческой армии от 20 октября 1919 г.: «...издать приказ по гарнизону г. Александровска о прекращении продажи спиртных напитков во всех ресторанах, столовых, а также во всех домах и в других местах, а из завода весь спирт и водку взять под свою ответственность, т. е. назначить самостоятельный караул и никому не отпускать, лишь только для лазаретов, автомобилей и важных надобностей войсковых частей, как для промывания пулеметов, а также и другого рода оружия»¹¹.

Из приказа № 1 повстанческого коменданта г. Бердянска Гранделя о мероприятиях, направленных на восстановление порядка в городе от 14 октября 1919 г.: «Приказываю всем товарищам повстанцам платить за вход в театры; Призываю население к спокойствию и выполнению своих повседневных работ; Приказываю всем владельцам домов, а где их нет – их заместителям привести в трехдневный срок дома и прилегающие к ним площади в должное санитарное состояние»¹².

Из протокола №45 заседания членов Военно-революционного Совета Повстанческой армии от 23 ноября 1919 г.: « 6) Меры борьбы с эпидемией. 1) О банях для больных и раненых повстанцев и для населения; 2) нужны лошади для дезинфекционного отряда и перевозки больных минимум 12 лошадей. Также просят издать приказ по армии – всем командирам частей, имеющим в своем распоряжении медицинский персонал, как-то: фельдшеров, сестер милосердия и сиделок, – фельдшеров и сестер два раза в неделю присылать в армейский лазарет, где будут им читать лекции на тему о подаче медицинской помощи (сестер мило-

сердия и сиделок присылать в армейский лазарет – военно-санитарную комиссию – для освидетельствования состояния их здоровья)»¹³.

Из приказа № 3 повстанческого начальника обороны г. Екатеринослава А. Калашникова от 7 декабря 1919 г.: «§ 5. Повстанцам и командирам в пьяном виде на улице не появляться – за последствия я не ответственен. Мой долг перед товарищами, проливающими кровь на фронте, – запретить пьянство; § 6. Последний раз предупреждаю: не ездить лошадьми по садам – на это есть дороги»¹⁴.

Но главная отличительная черта армии Махно – ее военная тактика. На наш взгляд, это было одно из самых эффективных в военной истории человечества партизанских движений. Махно является талантливейшим партизанским командиром, создавшим прекрасно управляемую воинскую единицу, успешно действующую в, казалось бы, самых неблагоприятных для нее условиях. Он разрушил существовавший стереотип о народных мстителях, скрывающихся в лесах, горах и т. п. В степной Украине ничего этого не было. Но Махно два года воевал с регулярными частями Белой и Красной армий с помощью созданной им «армии на колесах». Именно махновцы стали изобретателями легендарной тачанки – одного из символов Гражданской войны. Тысячи тачанок мчались по степям Украины и наводили ужас на большевистскую власть. В какой-то мере эта была тактика «таборитов», но возрожденная в новых условиях при наличии нового оружия – пулемета. Именно махновские тачанки сыграли решающую роль в уничтожении цвета врангелевской армии в Крыму в ноябре 1920 года – конной группы Барбовича. Развернувшись на ходу под командованием опытных махновских командиров, они в течение нескольких минут буквально искрошили из пулеметов мчавшуюся на них огромную конную лаву белых.

Военные успехи махновцев во многом определялись их качественным составом. Костяк повстанческой армии Махно составили участники Первой мировой войны, унтер-офицеры, вступившие в ее ряды для защиты своих селений и завоеваний революции.

В данном контексте важным вопросом является проблема влияния на Махно и его движение анархистов. Оценим **миф третий**: Махновское движение – это анархистское движение, которым руководили анархисты, поскольку Махно сам был анархистом. Создали этот миф, как известно, сами большевики, а вслед за ними и советские историки.

На первый взгляд, действительно, в истории гражданской войны махновщина – это, пожалуй, единственное массовое народное движение, в котором активное участие приняли анархисты в лице профессиональных революционеров с дореволюционным стажем. Анархисты руководили культурно-просветительной комиссией Революционной повстанческой армии, издавали махновские газеты, различные листовки и воззвания, в которых информировали повстанцев и население контролируемых Махно

районов о положении на фронте, разъясняли им суть политики повстанческой армии, идей анархизма. Кроме этого, анархисты входили в состав РВС и штаба махновской армии, воевали в ее рядах как простые бойцы¹⁵. Анархисты принимали участие в создании махновской контрразведки, под руководством знаменитого по роману А. Н. Толстого «Хождение по мукам» Левы Задова (Зеньковского), проводили активную работу не только среди повстанцев и крестьян, но и в рабочей среде. Именно им Н. И. Махно поручал вести переговоры с Советским правительством Украины о заключении союза и поддерживать с ним дальнейшие контакты¹⁶.

Приведенные факты не ставят под сомнение важную роль анархистов в махновщине. Но другие дают все основания для уточнения этой роли, корректировки устоявшегося мнения о махновщине как анархистском движении и определяющем влиянии на него анархистов.

Прежде всего, активное привлечение анархистов в повстанческую армию и Гуляй-Польский район стало возможным благодаря личности Н. И. Махно, который и сам был убежденным анархистом. Как уже отмечалось, в анархизме его привлекала идея народной «социальной» революции и разрушения государственной власти, всегда стоявшей на страже интересов эксплуататоров. Но особенно ему была близка идея самоуправления народа, возможность осуществления которой теоретически обосновали идеологи анархизма.

Конкретная деятельность Н. И. Махно в качестве руководителя крестьянского движения показывает, что от анархизма и анархистов он брал лишь то, что совпадало с чаяниями широких масс крестьянства, способствовало достижению целей крестьянской революции, успехам его повстанческой армии. Можно сказать, что он рассматривал анархизм сквозь призму крестьянских интересов, без колебаний идя на конфликт с анархистами в случае их действий, противоречащих, по его мнению, этим интересам.

Как видно из многочисленных источников, анархисты не обладали реальной властью в повстанческой армии, не командовали ею и не руководили Батькой Махно. Характерными в этом плане являются свидетельства адъютанта Н. И. Махно Чубенко об эпизоде с известной анархистской Марусей Никифоровой, которая попыталась самовольно распорядиться денежными средствами повстанцев. Чубенко свидетельствует, что Махно чуть не застрелил ее, когда узнал о ее самовольстве и без сожаления расстался с нею и ее вооруженной анархистской группой, недвусмысленно высказавшись в их адрес: «Куда хотите – туда и езжайте, потому что вы мне так надоели: ходите как дармоеды, ничего не делаете, а кормить вас нужно, да еще и денег давай! Знаем мы, какие вы «террористы» – готовый хлеб кушать!»¹⁷.

В другом случае Махно без колебаний встал на сторону контрразведки и штаба армии в их конфликте с руководством Военно-революцион-

ного Совета, возглавлявшегося анархистами. Совет занимался политической работой в армии и среди населения, но попытался взять под свой контроль денежные средства армии, а также деятельность контрразведки. На состоявшемся 19 ноября 1919 г. заседании Махно не согласился с подобными предложениями, так как ранее ряд членов Совета взяли из общей кассы «по несколько десятков тысяч и удрали». Не получила поддержки и идея об особом контроле ВРС над махновской контрразведкой, действия которой были признаны правильными, поскольку последняя, несмотря на обвинения в ее адрес со стороны членов ВРС, по мнению большинства собравшихся, в том числе Батьки Махно, все же «работала на благо трудящихся». Более того, Н. И. Махно критически отзывался о деятельности Военно-революционного Совета, что вызвало особое недовольство его председателя – известного анархиста Волина. О реальной власти анархистского Военно-революционного Совета говорит тот факт, что на данном заседании члены Совета попросили Махно издать специальный приказ по армии, предписывающий, чтобы все постановления ВРС проводились в жизнь¹⁸.

Таким образом, влияние анархистов на Махновское движение имело свои границы. Им была отведена роль политических работников. Но не они вели крестьян и Махно. Махновское движение возникло на собственной почве, развивалось как самостоятельное крестьянское движение, хорошо осознавшее свои цели, вобравшее в себя только те элементы анархизма, которые способствовали их достижению. Это признавали и руководящие органы анархистов в годы гражданской войны. Например, в резолюции экстренного совещания активных работников конфедерации «Набат» прямо говорилось: «нельзя смешивать Махновское движение с анархистским движением, нельзя подменять одно другим», «махновская армия не анархистская армия»¹⁹.

В то же время, не следует забывать, что многие анархисты самоотверженно сражались под знаменем Махно за свои идеи. Многие из них погибли, стали жертвами большевистских репрессий²⁰. Сам Н. И. Махно до конца своей жизни остался убежденным анархистом. Но Махновское движение не было анархистским движением и анархисты не руководили им. Это было крестьянское движение, в котором анархисты принимали активное участие благодаря тому, что во главе его оказался анархист и идеи анархизма совпадали с крестьянскими представлениями о целях их борьбы.

Миф четвертый. «Махновцы – трусы, предатели, открывшие фронт Деникину», по их вине Красная Армия потеряла Украину летом 1919 года.

Реальные факты говорят об обратном. Повстанческие отряды крестьян, объединенные Махно в одну группу весной 1919 года и включенные в состав Красной Армии в качестве специальной бригады, воевали против белых стойко и не заслужили большевистской клеветы. В пора-

жении Красной Армии в Украине летом 1919 года не было их вины. Скорее наоборот, вина целиком лежит на большевистском руководстве. Так, например, большевики, заключившие с Махно военно-политический союз весной 1919 года, всячески стремились обескровить его отряды. Они направляли их на самые опасные участки, не снабжая в должной мере боеприпасами. Тем не менее, махновцы стояли насмерть. Вот лишь некоторые документы на эту тему.

Телеграмма командующего 2-й Украинской армии А. Е. Скачко командующему Украинским фронтом В. А. Антонову-Овсеенко от 18 апреля 1919 г.: «На участке Мариуполь – Волноваха действуют следующие силы противника: конная Кубанская дивизия 2000 сабель, Черкесская конная дивизия 1700 сабель, пехотная дивизия корпуса Шкуро 1400 штыков, вторая Кубанская казачья дивизия 800 сабель, 1 батальон Самурского полка 350 штыков, Волчья сотня Шкуро 300 сабель и двенадцать орудий. Наступление этих сил задерживается разрозненными остатками бригады Махно и высланным мною батальоном интернационалистов»²¹.

Телеграмма комбрига Н. И. Махно в штаб 1 Заднепровской дивизии о срочной присылке подкреплений и патронов от 19 апреля 1919 г.: «Немедленно высылайте смену 3 бригаде, ибо люди покинут фронт, т[ак] к[ак] итальянками без патронов и без пулеметов против десятков пулеметов противника люди не в состоянии устоять»²².

Из телеграммы командующего 2-й Украинской армией А. Е. Скачко (апрель 1919 г.): «...3 бригада Махно, находясь беспрерывно более трех месяцев в боях, получая только жалкие крохи обмундирования и имея в придачу таких ненадежных соседей как 9-я дивизия, совершенно истощилась...»²³.

Из доклада командующего Украинским фронтом В. А. Антонова-Овсеенко в ЦК РКП(б) от 18 июля 1919 г.: «...части Махно ...дрались с казаками превосходно и нет сомнения еще долго б отстаивали свой район, если б у них были патроны (к итальянским винтовкам, которыми многие из них были вооружены, патрон им не дали, хотя они и были переданы 2-й армии)»²⁴.

Боевые заслуги Махно были отмечены высшей наградой РСФСР орденом Красного Знамени «за оборону Южного фронта и взятие Мариуполя»²⁵. Впоследствии этот факт был вычеркнут из биографии атамана.

Наконец, советский миф о «предателе Махно» и «враге Советской власти» опровергается белыми генералами. Например, анализируя обстановку в тылу во время осеннего 1919 года наступления белых армий, генерал Деникин писал: «13-го сентября Махно неожиданно поднял свои банды и, разбив и отбросив два полка генерала Слащева, двинулся на восток, обратно к Днепру. ...Для подавления восстания пришлось, невзирая на серьезное положение фронта, снимать с него части и использовать все резервы. ...Это восстание, принявшее такие широкие размеры, рас-

строило наш тыл и ослабило фронт в наиболее трудное для него время»²⁶. Махно фактически спас большевиков в 1919 году, поскольку если бы не его выступление, Деникин наверняка бы взял Москву.

Кто же такой Махно и как можно оценивать возглавляемое им повстанческое движение? На наш взгляд, Нестор Иванович Махно выступил одним из вождей крестьянской революции в Украине, может быть, самым выдающимся, сравнимым с самыми известными в истории России и Украины защитниками трудового народа. Он и остался до конца своей жизни крестьянином, сожалевшим, что не сумел осуществить вековую мечту народа об обществе, управляемом самим народом. В своих воспоминаниях о встречах с Н. И. Махно в Париже известная анархистка Ида Метт поведала читателям о главной его мечте. «Он видел себя крестьянином, – вспоминала Метт, – он видел себя молодым. Он представлял себя возвращающимся в родное Гуляй-Поле, вечером, после дня, удачно проведенного на базаре с молодой женой, где они вместе продавали выращенные ими плоды... Они накупили в городе подарков... У него добрая лошадь и хорошая упряжь»²⁷.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: 40 дней в Гуляй-Поле: Воспоминания матушки Галины – жены Батьки Махно. Владимир–Москва, 1990.

² См.: Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине. 1918 – 1921: Документы и материалы. М., 2006. С. 16.

³ Там же. С. 34.

⁴ Там же.

⁵ Из личного архива семьи Бадигиных. См. об этом подробнее: В. Е. Малыев. Бадигин. Мореплаватель и писатель. Саратов, 1992. С. 30.

⁶ Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине... С. 142–143.

⁷ См.: *Петр Аршинов*. История махновского движения (1918 – 1921). Запорожье, 1995.

⁸ Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине... С. 80, 85.

⁹ Там же. С. 90.

¹⁰ Там же. С. 758.

¹¹ Там же. С. 223 – 224.

¹² Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины (ЦГАВО Украины). Ф. 1824. Оп. 1. Д. 5. Л. 1.

¹³ Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине... С. 280–281.

¹⁴ Там же. С. 276.

¹⁵ См.: *Аршинов П.* История махновского движения. Берлин, 1923; Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине... С. 46–48, 160–161, 749, 751 и др.

¹⁶ См.: Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине... С. 485–486.

¹⁷ Там же. С. 749, 754–755.

¹⁸ Там же. С. 279–280.

¹⁹ См.: Анархисты: Документы и материалы. 1883 – 1935 гг.: В 2-х тт. Т. 2. 1917–1935. М., 1999. С. 388–389.

²⁰ См.: Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине... С. 535–536, 541, 552–553, 633–635.

²¹ Там же. С. 121.

²² Там же. С. 122.

²³ Там же. С. 118.

²⁴ Там же. С. 188.

²⁵ *Верстюк В. Ф.* Комбриг Нестор Махно. Харьков, 1990. С. 35–36.

²⁶ *Деникин А. И.* Очерки русской смуты. Т. 5. Вооруженные силы Юга России. Берлин, 1926. С. 234–235.

²⁷ Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине... С. 27.

НЕСТОР МАХНО: ЗА ВОЛЬНЫЕ СОВЕТЫ

А. А. Куреньшев (Москва)

Когда Красная армия под натиском белых вынуждена была покинуть территорию Украины, а белые приступили к исполнению «Московской директивы» главкома ВСЮР А. И. Деникина, разбитые вроде бы генералами А. Г. Шкуро и Я. А. Слащевым махновские войска начали громить белогвардейские тылы. Махновцы на своих тачанках стремительно атаковали и так же стремительно исчезали.

Махно после летнего разгрома какое-то время обретался у Петлюры, занимая фронт в районе Умани. Тут он оправился от поражений, восстановил силы, впитывая в свое воинство бегущих от Деникина красноармейцев. К нему начали интенсивно переходить и петлюровцы, поскольку Петлюра старался наладить в подчиненных ему войсках хоть какую-то дисциплину, а у батьки была вольная партизанщина. Параллельно фронту тянулись многочисленные обозы разбитой одесской группировки большевиков, советских учреждений и беженцев, старающиеся проскочить к своим между белыми и петлюровцами. Устраивая на них налеты, Махно набрал большое количество лошадей и повозок, обеспечив себе средства для дальнейших военных операций. Особенно возросла его главная ударная сила – тачанки. Заметим, что тачанки – это легкие и прочные рессорные повозки, применявшиеся в хозяйствах немецких колонистов на Херсонщине и в Таврии. Махно в свое время стал «первооткрывателем» их боевых свойств и добывал подобные повозки всеми путями. Вот так тачанки, во множестве реквизированные красными у колонистов при отступлении, большей частью угодили к батьке.

С Петлюрой Махно было явно не по пути, – «самостийная Украина» его не интересовала, лидерства тут ему не светило, к тому же промежуток между украинцами и деникинцами, обеспечивавший безбедное существование, сомкнулся. С юга подходили части генерала Н. Н. Шиллинга, и фронтальные бои с ними грозили очередным разгромом. Батька решил бросить Петлюру. 26 сентября он внезапно поднял свои части и повел на прорыв. Два полка генерала Слащева, стоявшие против него, были разгромлены. Махно стремительно рванулся на Кривой Рог и к

Александровску. Пехота была посажена на тачанки и телеги, утомившихся лошадей меняли у крестьян. 5 октября батько оказался у Днепра. Разбросав малочисленные белые войска, наскоро стянутые для прикрытия переправ, он перескочил на Левобережье, взял Александровск, а 7-го, одолев за 11 дней около 600 км, появился в Гуляй-поле. Тотчас махновщина распространилась на огромной территории. Силы батьки оценивали в 40 – 50 тысяч человек, хотя никто их, собственно, не считал. Почти в каждом селе возникали отряды, связанные со штабом Махно или действовавшие самостоятельно, собиравшиеся в крупные отряды и снова рассыпавшиеся. «Кадровое» ядро махновской армии, состоящее из буйной вольницы, уголовников, анархистов, матросов, дезертиров, насчитывало около 5 тысяч человек. Это были отчаянные головорезы, живущие одним днем. Очевидец, Н. В. Герасименко, писал: «Кадровых махновцев можно было определить по их шутовским, чисто маскарадным запорожским костюмам, где цветные дамские чулки и трусики уживались рядом с богатыми шубами». Они во множестве гибли в боях, от болезней, от постоянного пьянства, но на их место тут же находились другие. Кроме этого ядра, по первому же сигналу батьки создавались крестьянские полки, достигавшие 10 – 15 тысяч в крупных операциях, суливших богатую добычу. В тайных складах по селам было спрячено много оружия, вплоть до артиллерии. Причем крестьяне только себя считали настоящими махновцами, а «кадровых» бандитов презрительно именовали «раклом» и не стеснялись особо буйных выпроваживать из деревень пулеметами. На «священную» личность батьки это отношение никоим образом не переносилось.

Противостоять восстанию было некому. Все белые силы сосредоточились на фронте. Гарнизоны, даже в крупных городах, составляли по нескольку рот, а то и взводов. Государственная стража – гражданская милиция – только создавалась и была малочисленной. Например, в распоряжении Екатеринославского губернатора, в эпицентре восстания, находилось около сотни стражников при 2 пушках. Все эти отряды легко громились крупными бандами. В короткое время махновцы заняли Орехов, Пологи, Токмак, Мелитополь, Бердянск. В Бердянске располагались деникинские артиллерийские склады, поэтому охрана города была более солидной и занимала сильную позицию. Однако агенты Махно подбили на восстание местных рыбаков, которые ночью напали с тыла на белую артиллерию и захватили ее. Город был взят штурмом. Гражданские власти, кто сумел, спаслись на кораблях. Добровольцы, засевшие в порту, отчаянно отбивались, но были истреблены. Склады Махно взорвал. Вслед за войсками повстанцев во взятые города наезжали тысячи крестьянских подвод. Вывозили все, что могли, из магазинов, собирали оружие, грабили горожан. Махновцы распускали мобилизованных, сжигали и грабили армейские склады продовольствия и имущества.

Офицеров убивали, – за каждого найденного и выданного махновцы платили по 100 рублей уличным мальчишкам. Всего за какие-нибудь 2 – 3 недели весь тыл Добровольческой армии был разрушен, с большим трудом налаживаемая хозяйственная и гражданская жизнь уничтожена, местная администрация прекращала существование – истребляемая или вынужденная спасаться бегством. Вскоре махновцы взяли Мариуполь, оказавшись в 100 км от Таганрога, ставки Деникина. Они угрожали Синельникову и Волновахе – крупной артиллерийской базе. Невзирая на напряженные бои с большевиками, белому командованию пришлось срочно снимать войска с фронта и перебрасывать против Махно. В районе Волновахи под командованием генерала А.П. Ревизишина были собраны 1-я Терская, Чеченская дивизии, конная бригада, 3 пехотных полка и 3 запасных батальона. 26 октября эта группировка перешла в наступление. Одновременно из состава группировки Н.Н. Шиллинга Деникин повернул против Махно дивизию, впоследствии корпус, Слащева, ранее предназначавшуюся для усиления московского направления. Он начал действовать с запада, от Знаменки, и с юга, от Николаева, подавляя махновщину, распространившуюся на Правобережье Днепра. Напряженные бои шли в течение месяца. Сначала Махно цеплялся за линию Бердянск – Гуляй-поле – Синельниково и упорно пытался сопротивляться, но белые наносили удар за ударом, оттесняя его банды к Днепру. Наконец, когда повстанцы, отступившие от Токмака и Чаплино, ждали очередного наступления со стороны Таганрога, белая колонна, совершив скрытую переброску, обрушилась на них со стороны Лозовой. Оборона окончательно рухнула. Повстанцы метались из стороны в сторону, рассыпались по деревням. Были перебиты и переповлены многие видные помощники Махно и подчиненные ему атаманы. Прижатые к Днепру, махновцы стекались к никопольской и кичкасской переправам. Но их уже заняли подошедшие с запада части Слащева. Повстанцы гибли там тысячами. Однако сам Махно с «кадровым» ядром ушел на Правобережье заблаговременно, едва лишь Ревизин начал трепать его войска. И внезапно напал на Екатеринослав. В дополнение к фронтальной атаке он устроил переполох в тылу, – под видом крестьян, едущих на базар, махновцы проникли в город, везя под продуктами винтовки и пулеметы. Белогвардейцы, их семьи, многие обыватели бежали по единственной дороге, оставшейся свободной, – к железнодорожному мосту через Днепр. Мост батька тут же взорвал и укрепил в губернском городе, опоясав его с сухопутной стороны многочисленными пулеметами. О судьбах своего движения он особо не беспокоился, – часто воевал не он, а его имя. И пока он сидел в Екатеринославе, имя Махно продолжало будоражить украинских повстанцев. Из тюрем и арестантских рот были выпущены все заключенные, а тюремные здания сожжены. Пьяные махновцы обходили квартиры, грабили

и убивали попадающихся им офицеров и чиновников. Иногда в разгар загула Махно мчался среди ночи на свои батареи и открывал огонь по окопавшимся на левом берегу белогвардейцам. Те начинали отвечать. Истрадавшиеся жители, кляня тех и других, устремлялись по подвалам, – кто знает, куда угодит в темноте очередной снаряд? В Екатеринославе серьезной опасности подвергся и сам батько, – но не от белых, а от большевиков. Они давно уже плели вокруг Махно заговор, внедряли в его окружение своих людей. Теперь же решили, что время пришло. Предполагалось, что группа коммунистов во главе с Полонским, командиром одного из махновских полков, устранил батьку, а из его частей намечалось выделить «здоровый элемент» и вести на соединение с Красной армией. Правда, Махно, со свойственной ему интуицией, почувствовал неладное и стал предпринимать ответные меры. На последнее заседание губкома партии, обсуждавшее готовность к перевороту, явился некий «товарищ Захаров», назвавшийся представителем ЦК КП(б)У и предъявивший безупречный мандат с высокими подписями. Его ввели в курс дел, выслушали похвалы и рабочие замечания. Оказался «товарищ Захаров» махновским контрразведчиком. И когда той же ночью Полонский пригласил Махно на ужин («по случаю именин жены»), то своей, большевистской, засады, он в доме не обнаружил, – ее уже арестовали. Насладившись недоумением Полонского, его вывели и прикончили. Та же судьба постигла еще 12 коммунистов, пробравшихся на командные посты в армии Махно и вычисленных им. Губком батько не репрессировал, но строго предупредил, что «он коммунистов не трогает, но ревкомы и вообще органы власти, поставленные коммунистами, будет расстреливать».

К концу ноября совместными действиями группировки Ревизиной и корпуса Слащева нижнее течение Днепра было очищено от повстанцев. А 8 декабря Слащев подступил к Екатеринославу. Прикрываясь артиллерийским огнем, Махно прорвался по дороге на Никополь. Но едва Слащев занял город и отправил в Ставку донесение о победе, как батько вернулся и неожиданно контратаковал. Создалась критическая ситуация, – махновцы захватили железнодорожную станцию, на которой находился штаб корпуса. Повстанцы наседали со всех сторон. Положение спасла храбрость и решительность Слащева, лично бросившегося со своим конвоем в атаку. Нападение отбили, и преследуемые повстанцы откатились от города. Однако теперь победители оказались в положении осажденных. Еще дважды повторялись махновские контратаки, махновцы врываются на окраины, и оба раза их отбрасывали. А потом Махно перешел к своей старой партизанской тактике. На слащевцев посыпались мелкие, неожиданные удары то в одном, то в другом месте. Махно был неуловим, предугадать его нападения и обнаружить отряды, рассыпающиеся по деревням, не было никакой возможности. Слащев и

сам прошел богатую партизанскую школу в отряде Шкуро. Многие он перенимал у махновцев – в частности, взял на вооружение тачанки. И кое-какие ответные меры ему удавались – постоянным маневрированием, изматывающими перебросками войск с места на место, с одного угрожаемого участка на другой. Дальнейшая борьба с Махно приняла затяжной характер в самое тяжелое для белогвардейцев время...

Железнодорожный мост через Днепр почти до момента прекращения борьбы с Махно из-за общего отступления остался как бы нейтральной зоной. В начале махновской кампании Слащеву пришлось иметь дело с большими массами крестьянских полков, которые ему и удалось частью уничтожить, а частью заставить разбежаться по домам. Отсюда – та легкость победы, в которую поверил и генерал, и его штаб. После занятия добровольцами Екатеринослава Махно располагал исключительно войсками, составленными из основного элемента его армии, пополненного наиболее активными и стойкими крестьянами. Перед нападением на добровольцев Махно говорил своим: «Братва! С завтрашнего дня надо получать жалованье». И назавтра «братва» действительно получала жалованье из карманов убитых ими офицеров. Впрочем, мародерство процветало не только среди махновцев: его не были чужды и слащевцы.

Затяжной характер борьбы с Махно выводил из себя Слащева, стремившегося как можно скорее ликвидировать Махно, дабы отправиться добывать славу в направлении Москвы. Однако борьба затягивалась, и, видя это, самолюбивый Слащев решил нанести Махно «последний» удар. Для охвата махновского фронта, по его настоянию, были стянуты все добровольческие части Крыма и Одесского района, находившиеся в распоряжении генерала Шиллинга.

Само собой разумеется, что такая операция требовала предварительной подготовки, и штаб занялся детальным обсуждением плана Слащева.

Но махновцы, конечно, не ждали: их нападения становились все смелее и смелее. Слащев сначала приходил в ярость, но вскоре стал восторгаться предприимчивостью и храбростью махновцев. Пленных махновцев стали привлекать на службу. По мере развития операции у Слащева рос интерес и к личности Махно. Он не пропускал ни одного махновца, чтобы не расспросить его о том, видел ли он Махно и кто он такой, но узнать что-либо положительное о прошлом Махно из сбивчивых и противоречивых рассказов пленных Слащеву не удалось. Это обстоятельство еще больше разжигало его любопытство, и у него явилось непреодолимое желание увидеть Махно, встретиться с ним и поговорить. С этой целью Слащев отправил к Махно своего парламентаря, которого сопровождал отпущенный из плена махновец. Посланец передал батьке, что генерал хочет с ним встретиться, на что Махно ответил: «Видеться

я согласен на митинге, где мы и поговорим, как я раньше говорил с Григорьевым». Все же страсть Слащева к махновцам от этой неудачи не прошла, и под конец операции у него набралось порядочное число махновцев, которые уже в Крыму проявили себя как храбрые солдаты.

В ноябре 1919 года начался общий отход добровольцев, стратегическая обстановка изменилась, и Слащев, не закончив борьбы с Махно, ушел в Крым. Несмотря на то, что защита Крыма покрыла Слащева славой, он не раз, вспоминая Махно, говорил: «Моя мечта – стать вторым Махно».

Еще 1 сентября 1919 г. в селе Добровеличковка Махно провозгласил создание «Революционной повстанческой армии Украины (махновцев)». 20.10.1919 г. на заседании Реввоенсовета армии и затем на съезде крестьянских, рабочих и повстанцев в Александровске (27.10 – 2.11.1919 г., Екатеринослав) Махно выдвинул программу действий, сводившуюся к созданию самостоятельной крестьянской республики в тылу денкинских войск (с центром в Екатеринославе). Программа Махно предусматривала уничтожение диктатуры пролетариата и руководящей роли коммунистической партии и командно-бюрократических слоев общества, передачу власти беспартийным «вольным Советам», организацию «третьей социальной революции» для свержения большевиков и установления народной власти, ликвидацию эксплуатации крестьянства, защиту деревни от голода и политики «военного коммунизма», установление крестьянской собственности на землю.

Поэтому и дружба с красными, пришедшими на плечах отступающих денкинцев, долго не продлилась. После освобождения Украины от петлюровцев 11.01.1920 г. приказом председателя Реввоенсовета республики Троцкого Махно объявлен вне закона (махновская армия также подлежала ликвидации). Весной-осенью 1920 г. Махно руководил военными действиями подчинённых ему войск против Красной армии, но отказался от предложения генерала П. Н. Врангеля действовать в союзе с ним против большевиков. Врангель объявил 25 мая о начале земельной реформы, являвшейся продолжением столыпинских преобразований на более демократичной основе, с созданием крестьянских земельных советов. Махно не пошел на сговор с Врангелем, хотя последний присылал эмиссаров, сообщавших, что вся земля без выкупа переходит к крестьянам, а местные самоуправления получают самую широкую автономию. Белое командование писало: «Русская армия идет исключительно против коммунистов, с целью помочь народу избавиться от коммун и комиссаров и закрепить за трудовым крестьянством земли государственные, помещичьи и другие частновладельческие. Последнее уже проводится в жизнь»¹. В Крыму реинкарнировался Всероссийский крестьянский союз, который в своих изданиях пел дифирамбы Нестору Махно, славному крестьянскому полководцу, ведущему борьбу с порабо-

тителями русского народа – большевиками. В белой армии даже появилась дивизия имени батьки Махно под командованием бывшего махновца анархиста Володина. Однако классово-сословный антагонизм и озверение гражданской войны не могли быть преодолены только словами и взаимными реверансами. Володин в итоге был казнен врангелевцами, а его формирование слилось с основными силами Повстанческой армии Махно.

Осенью 1920 г. к Махно вновь стали заявляться посланцы от красных. Само собой разумеется, что это чаще всего были не большевики, а их бывшие союзники – левые эсеры, которые на Украине находились в несколько иных взаимоотношениях с коммунистами, нежели в Великороссии. Большевицкое руководство России и Украины было заинтересовано в новом союзе с Махно. Оно, несомненно, опасалось врангелевской земельной реформы.

Напомним, что в это же самое время на крестьянство переориентировались и некоторые другие влиятельные антибольшевистские политики, такие, например, как Б. В. Савинков и часть кадетов во главе с П. Н. Милюковым, вступившим в блок с бывшими эсерами С. С. Масловым и А. А. Аргуновым. Последние, отказавшись от неонароднического общинного социализма, также пришли к признанию за крестьянством права частной собственности на землю. Большевики не могли не понимать, что в свете тех глубочайших преобразований, которым подвергся аграрный строй России в ходе революции и «черного передела», единственным убедительным доводом для крестьянства может служить «приватизация» полученной в пользование, но не в частную собственность, земли.

Возможно, Махно имел какие-то свои сношения с «новыми» и «старыми» друзьями крестьянства. Во всяком случае, до него могли доходить сведения о разложении в некоторых частях Красной армии, недовольстве крестьян-красноармейцев и их командиров продовольственной разверсткой и другими мероприятиями политики «военного коммунизма»².

В условиях наступления Врангеля Политбюро ЦК КП(б)У 29.09.1920 г. приняло решение заключить с Махно военное соглашение. 02.10.1920 г. в Старобельске Махно подписал соглашение с командованием Красной армии, предусматривавшее участие формирований махновцев в борьбе против «отечественной и мировой контрреволюции».

В ходе Перекопско-Чонгарской операции конные махновские отряды С. Каретника первыми форсировали Сиваш.

После разгрома Врангеля, неожиданно быстрого и всеобъемлющего, перед командующим войсками на Юге России М. В. Фрунзе почти сразу была поставлена задача разделить с Махно. Из Крыма удалось вырваться немногим каретниковцам, сам он был убит. Махновцы, однако, оружия не сложили. 25–26.11.1920 г. после отказа выполнить приказ командования Красной армии о передислокации махновцев на Южный Кавказ и взятого Советским правительством курса на ликвидацию

«партизанщины» Махно вынужден с боями вырываться из окружения в районе Гуляйполя. Ими был истреблен штаб Петроградского отряда, а вскоре уничтожен один из легендарных красных командиров Пархоменко. Махновцы совершили несколько походов по Азовскому побережью, на Дон и в Поволжье.

В стан Махно продолжали переходить красноармейские соединения. Поднял бунт один из видных буденовских командиров Г. Маслаков. Существует мнение, что и среди восставших 1 марта 1921 г. матросов Кронштадта заметную роль играли бывшие махновцы. Самоуверенный комиссар флота Федор Раскольников и его не менее амбициозная жена Лариса Рейснер пытались перевоспитывать бывших махновцев на большевистско-коммунистический лад³. Расхлебывать плоды этой «перекочки» пришлось уже новому комиссару Балтфлота Кузьмину...

В конце концов, после последнего раунда ожесточенной борьбы, 28 августа Махно с группой соратников из 78 человек перешел границу Советской России с Румынией в районе города Ямполь. После ухода с Украины Махно и его бойцы оказались в Румынии. Махновцев разоружили и обобрали. У Махно отняли несколько миллионов царских рублей. Однако жить в Румынии разрешили. До 11.04.1922 г. Махно с женой (Г. А. Кузьменко) и несколькими единомышленниками проживал в районе Бухареста под контролем полиции. Советские власти требовали выдачи Нестора Ивановича, но румынская сторона им в этом отказывала, ссылаясь на то, что между двумя странами отсутствует соглашение об экстрадиции. Опасаясь, что в связи с послевоенной нормализацией международных отношений ситуация может измениться, Махно решил переместиться в Польшу, рассчитывая на то, что антисоветизм в Польше не ослабнет. 11 апреля 1922 г. Махно и сопровождавшие его 17 человек были задержаны польскими властями и помещены в барак концлагерь Стржалково. Для Н. И. Махно была выделена отдельная комната.

В. Я. Голованов предлагает следующий итог: «Махновщина 1921 года была формой проявления очень разноречивых чувств, которые владели громадными массами людей в конце длительной, опустошительной, жестокой, братоубийственной войны. Это была форма отчаяния. Опустошенности. Злобы за перенесенные оскорбления и унижения. Желания отомстить – за убитых товарищей, за предательство. За «вне закона»». Можно отчасти согласиться с этой оценкой «махновщины» последних месяцев ее существования. Но согласиться с мнением Голованова, что «... это чистая эмоция, никакой политической программы у нее нет»⁴, конечно, нельзя. Напомним, что поворот «лицом к крестьянству» совершили в 1920–1922 гг. многие политические деятели. Да, нэп, как считали и считают многие, разрядил отношения коммунистической власти и крестьянства. Эти отношения из вооруженной формы трансформировались в иные. Но ведь нэп не случайно оценивался как результат поражения

советской, большевистской власти в борьбе именно с крестьянством. То, что произошло в конце 1920-х гг., не должно заслонять для нас ситуацию начала десятилетия. Что бы ни писали Ленин и большевики и историки советской поры, но крестьянство России получило почти все, чего добивалось: землю, свободу хозяйственной деятельности и... рынок, который ставил его в определенные объективные отношения с промышленностью (государственной в основном), торговлей и т. п. Неизбежен был и процесс расслоения деревни. Большевики, правда, его всячески сдерживали и тормозили. Но вскоре стало ясно, что без роста верхних слоев села не будет и подъема сельского хозяйства в целом и, соответственно, накопленных для восстановления и развития промышленности. Конечно, в годы НЭПа преобладали мирные формы взаимоотношений крестьянства и власти, но сводки ОГПУ постоянно отслеживали повстанческие настроения, которые в любой момент кризисного обострения отношений могли перерасти в реальный вооруженный конфликт.

В таких условиях не приходится удивляться дальнейшим попыткам Советского правительства заполучить Махно. Нота о его выдаче была предъявлена Польше советской Украиной. Однако страна с таким названием еще только формировалась. У Украинской советской республики еще не было своего уголовного кодекса. Соответственно, невозможно было грамотно сформулировать обвинительное заключение против Н. И. Махно. Окончательный текст ноты был составлен 25 мая 1922 г. В ноте Махно был представлен как уголовный преступник, обвиняемый в совершении на территории Украины ряда грабежей и разбойных нападений. «В заключительной части ноты подчеркивалось, что украинское правительство ожидает возможно скорого ответа Польского правительства»⁵. 12 июля ответ польской стороны был передан большевистскому украинскому правительству в Харьков. В нем сообщалось, что Н. И. Махно, в соответствии с польскими законами, заключен в концентрационный лагерь, и что между Украиной и Польшей отсутствует соглашение об экстрадиции преступников. Чтобы усилить давление на польскую сторону, ей была направлена совместная российско-украинская нота. Результат был тот же. Поляки решили судить Н. И. Махно сами. При чем поводом послужила якобы начатая вождем украинских анархистов просоветская деятельность на территории Польши. В этом, кстати говоря, Махно был не одинок. В это же самое время практически во всех странах, куда попали русские беженцы, военные и штатские, развернул свою деятельность Союз возвращения на родину (Совнарод). Введение новой экономической политики в 1921 г., также пробудило новые надежды на «окрестьянивание» власти, на ее демократизацию, что, естественно, в тех конкретных условиях понималось как возврат к советской многопартийности. Ставку на крестьянство сделали многие антибольшевистские силы еще на последнем этапе гражданской войны, а затем продол-

жили ту же линию в эмиграции, куда уехало немало казаков и даже крестьян с Украины, Кубани, Дона, из Белоруссии.⁶ «Б. В. Савинков и возглавлявшиеся ими организации представляли собой правый фланг крестьянского движения. Они, как и Врангель, могли противопоставить большевикам только лозунг передачи земли, уже находившейся в фактическом распоряжении крестьянства, в «полную частную собственность и, вообще, утверждение в «новой» России строя, базирующегося на частнособственнических, капиталистических принципах. Подобного рода идеология могла увлечь далеко не всех крестьян России и Украины. Левое повстанчество вело борьбу с большевиками с иных идейных позиций, делая упор на подлинном народоправии, возвращении к идеалам революции, будто бы попраным комиссарами-коммунистами. Тем не менее, и Врангель, и Савинков предпринимали попытки войти в контакт с Н. И. Махно»⁷. Последний, как упоминалось, признавал единственно правильной власть беспартийных, то есть некоммунистических, советов. Савинкову его задача облегчалась тем, что у него имелось соглашение о совместной борьбе против большевиков с С. В. Петлюрой. Савинков, будучи последовательным демократом, признавал права крупных наций бывшей Российской империи на самоопределение⁸. Б. В. Савинкова, кстати говоря, по требованию Советского правительства вместе, с его соратниками по Народному союзу защиты родины и свободы, выслали с территории Польши.

«Махно, как видно из имеющейся документации, не прекращал усилий, чтобы вернуться к активной деятельности», – отмечает Ю. В. Иванов⁹. Махно выступал, хотя и осторожно, с просоветских позиций (в своей интерпретации советской власти, конечно). Центральным оставался вопрос о крестьянских организациях, подлинных и неподлинных. «Советская власть не меняет своего отношения к крестьянским организациям, я также не намерен этого делать»¹⁰. Махно сообщал о том, что готов признать власть советов и хотел бы обсудить вопрос своего освобождения в случае войны с буржуазной Европой. В этом случае он намеревался либо вступить в части Красной армии, либо «просил оказать содействие его переброске в присоединенную к Польше Восточную Галицию, чтобы поднять там крестьянское восстание с целью присоединения этой территории к Советской Украине. Под письмом в украинскую миссию в Варшаве стояла подпись: Батька Махно, командир революционной повстанческой украинской армии махновцев».

Эти маневры стали известны полякам, благодаря донесениям Красновольского, шофера Махно в Румынии, завербованного польскими спецслужбами. Донесения были использованы для организации судебного процесса над Н. И. Махно и его сподвижниками. «3 мая 1923 г. Махно и его сотоварищам было предъявлено обвинение в организации заговора в целях посягательства на целостность Польши, вступление в переговоры

с иностранной дипломатической миссией, имея в виду поднять вооруженное восстание в Восточной Галиции». В ходе процесса его цели и задачи кардинально изменились. Вместо того, чтобы сосредоточить задачи обвинения на доказательстве просоветской, антипольской направленности деятельности Н. И. Махно, пришлось предпринять массу усилий, чтобы доказать, что Махно стал жертвой советской провокации. Процесс был закрытым, но кое-что все же просачивалось в польские и русские эмигрантские газеты. Так, польские газеты из выступлений на суде Махно выделили его заявление о том, что он прибыл в Польшу искать помощи у братского украинскому польского народа». Защитник же заявил о следующих мотивах освобождения Махно: он де будет козырем Польши в случае, «когда подвернется нога у нашего восточного соседа».

Подобные колебания или, лучше сказать, метания из стороны в сторону не могут быть объяснены ни мелкобуржуазной природой крестьянства, ни идейной неустойчивостью анархизма. В интервью некогда кадетской, а к тому времени просто либеральной берлинской газете «Руль» Махно вообще заявил о своем намерении «вести беспощадную борьбу с советской властью, а также окажись он снова на свободе, поднять восстание на Украине». Автор статьи, на наш взгляд, совершенно верно полагает, что «здесь речь может идти об обычной фальсификации, которых в те годы было немало»¹¹.

Думается, что Н. И. Махно очутился в центре одной из политических игр, которые велись в то время. Эти игры велись не только ОГПУ, как это принято считать, с целью разрушения русской эмиграции. Борьба в ВКП(б), начавшаяся еще при жизни В. И. Ленина и резко усилившаяся после отхода от дел, а затем смерти вождя, велась не только за то, чтобы стать главным в партии и государстве. На кону стояли экономические и политические вопросы, тесно связанные между собой. Мировая революция явно выдохлась. НЭП, то есть отказ от красногвардейской атаки на капитал, предполагала не только смену экономической модели развития, но и политическую реорганизацию. Создание в 1922 г. СССР и было этой реорганизацией. Создание и объединение самостоятельных советских республик, а не их вхождение на правах автономий в РСФСР, было компромиссным решением. СССР был открыт для вхождения в него новых советских республик и не только бывших национальных окраин вроде Казахстана, Узбекистана и т. п., но и территорий, ранее в состав Российской империи не входивших. Вместе с тем, СССР всегда можно было представить как завершение проекта. В советской историографии не случайно делался акцент именно на национальной составляющей СССР. Союз представлялся как форма решения национального вопроса, а не как переход к новой фазе мировой революции или, точнее говоря, своеобразную остановку, или «передышку» в наступлении на мировой капитализм. Украина в то время представляла собой наименее устояв-

шееся в экономическом и политическом плане государственное формирование в составе СССР. И не случайно именно украинский вопрос, а не пресловутый грузинский инцидент, был камнем преткновения при обсуждении планов объединения советских республик. Еще в 1919 г. руководство Украины, Х. Г. Раковский и Г. Пятаков, решили бросить **украинские** (выделено нами – авт.) войска на поддержку революции в Восточной Европе. Но вместо похода на Запад крестьянская армия под командованием Н. Григорьева повернула штыки на восток, подняв антибольшевистское восстание¹². Интересно в связи с этим рассмотреть вопрос, почему на Запад было приказано наступать войскам Григорьева, а не бригаде Н. И. Махно, и что бы могло произойти в результате такого наступления. Известный анархистовед А. В. Шубин совершенно обошел стороной этот вопрос. «7 мая Григорьев получил приказ атаковать румынскую армию, занявшую Бессарабию. Но еще 4 мая григорьевцы начали погромы евреев и комиссаров», – пишет он в одной из своих книг¹³. По мнению Шубина, Раковский и компания хотели отправить Григорьева с его армией куда подальше, а вовсе не преследовали цель поддержки революции в Европе. Полагаем, что это несколько наивное толкование ситуации на Украине того сверхреволюционного времени. Даже небольшие, но очень левый социал-демократ, В. К. Винниченко, побывал в революционной Венгрии и пытался влиять на ситуацию. Что уж говорить о революционной украинской армии. Известен факт отправки в революционную Венгрию фильма о Махно (единственная уцелевшая копия!). Отчего же вслед за фильмом не послали туда самого батько? Вопрос, как нам кажется, перспективен для дальнейшего изучения.

Об особом положении Украины высказывали свое мнение не только украинцы Н. А. Скрыпник, Г. Ф. Гринько, но и неукраинцы Х. Г. Раковский и М. В. Фрунзе. В наше время тему затрагивает в своей монографии В. Я. Гросул¹⁴. «Создание специальной комиссии для урегулирования взаимоотношений между РСФСР и УССР, естественно, не было случайным и свидетельствовало о наличии определенных разногласий и несогласованностей», – пишет он¹⁵.

Украинский вопрос всплывал еще не раз в сложные для истории страны моменты. Закономерность при этом прослеживается довольно простая. Украину в том или ином ее виде и состоянии пытаются использовать недруги в качестве базы, форпоста борьбы с Россией, ее правительством. При этом враги пытаются использовать несомненно существовавшие и существующие местные традиции вольности, природного анархизма, то есть отрицания всякой власти, особенно навязываемой извне. В новейшей истории проявлением такого неприятия внешнего давления, его символом стало махновское движение. Оно было почти стопроцентно крестьянским. Двойственность природы крестьянина проявилась в нем очень явственно. Анархистское крестьянское повстанческое

движение существовало в годы революции и гражданской войны и в других частях страны. Особенно большого размаха оно достигло в Сибири¹⁶. Однако, в отличие от него, украинское анархистское крестьянское движение кроме фактора борьбы внутренней играло роль фактора международных отношений. Украина, как мы отмечали, часто выступала в роли своеобразного тарана против России в руках враждебных России сил. В годы же революции 1917–1922 гг. Украина выступала в роли революционного тарана против буржуазной Европы. Махновцы-анархисты, так или иначе, в этом принимали участие. В 1930-е годы Л. Д. Троцкий надеялся использовать Украину в качестве базы новой антибюрократической революции. «Украинский вопрос, который многие правительства и многие «социалисты» и даже «коммунисты» пытались позabyть или отодвинуть в долгий ящик истории, снова поставлен теперь с удвоенной силой в порядок дня. Новое обострение украинского вопроса теснейшим образом связано с вырождением Советского Союза и Коминтерна, успехами фашизма и приближением новой империалистской войны. Распятая между четырьмя государствами, Украина заняла ныне в судьбах Европы то положение, которое занимала в прошлом Польша, с той разницей, что мировые отношения сейчас неизмеримо более напряжены и темпы развития ускорены. Украинскому вопросу суждено в ближайший период играть огромную роль в жизни Европы. Недаром Гитлер с таким шумом поднял вопрос о создании «Великой Украины» и недаром, опять-таки, он с такой воровской поспешностью снял этот вопрос», – писал «пророк в изгнании» в мае 1939 г.¹⁷ Любопытно, что в это же самое время обратился к «украинскому вопросу» В. В. Шульгин, монархист и антикоммунист¹⁸. Писалось все это в преддверии Второй мировой войны.

Нестор Иванович Махно не дожил до кошмара новой мировой войны. Война эта опять, в который уже раз, разодрала Украину на части. Снова появились там «украинствующие», снова, как в 1918 г., пришли оккупанты из Германии, и снова развернулось партизанско-повстанческое движение. Время словно повернулось вспять...

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Голованов В. Я. Тачанки с Юга. М., 1997. С. 331.

² Пик ее пришелся на начало 1921 г. в ходе реализации программы учета и контроля не только продукции крестьянских хозяйств, но и их производства путем создания соответствующих организаций – посевкомов и селькомов. Деятельность органов соввласти по реализации постановлений VIII съезда советов вызвала крупнейшее за всю историю крестьянское восстание в Сибири...

³ См. об этом: Семанов С. Н. 18 марта 1921 г. М., 1973.

⁴ Голованов В. Я. Нестор Махно. М., 2013. С. 419.

⁵ Иванов Ю. В. Н. И. Махно в Польше. 1922–1925 годы // Новая и новейшая история. 2006. №6. С. 176.

- ⁶ См.: *Куреньшев А. А. Крестьянские организации русского зарубежья (1920 –1951 гг.)*. М.: АИРО-XXI, 2008.
- ⁷ См.: *Росс Н. Врангель в Крыму. Франкфурт-на-Майне, 1982.*
- ⁸ *Куреньшев А. А. Крестьянские организации...* С. 33.
- ⁹ *Иванов Ю. В. Указ. соч. С. 176.*
- ¹⁰ Архив внешней политики Российской федерации (АВПРФ) Ф. 122. Оп. 5. П. 21. Д. 20. Л. 101.
- ¹¹ *Иванов Ю. В. Указ. соч. С. 177.*
- ¹² См. *Куреньшев А. А. Революционная война и крестьянство // Отечественная история* 2001, №6. С. 33–46.
- ¹³ *Шубин А. В. Анархия – мать порядка. Между красными и белыми. Нестор Махно как зеркало русской революции.* М., 2005. С. 195.
- ¹⁴ См.: *Гросул В. Я. Образование СССР (1917–1924 гг.).* М., 2012.
- ¹⁵ Там же. С. 67.
- ¹⁶ См. об этом: *Куреньшев А. А. Крестьянские военно-политические организации. Повстанчество.* М., 2011; *Шубин А. В. Махно и его время. О Великой революции и Гражданской войне 1917–1922 гг. в России и на Украине.* М., 2013. *Штырбул А. А. Анархистское движение в Сибири в 1-й четверти XX века: Антигосударственный бунт и негосударственная самоорганизация трудящихся: теория и практика.* Ч. 2. Омск., 1996 и лп.
- ¹⁷ *Трицкий П. П. Об украинском вопросе // Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев).* 1939. №77–78.
- ¹⁸ См.: *Шульгин В. В. Украинствующие и мы.* Белград, 1939.
-

МИХАИЛ ПОЛОНСКИЙ И «ЗАГОВОР» ПРОТИВ МАХНО В НАЧАЛЕ ДЕКАБРЯ 1919 Г.

Ю. П. Кравец (Запорожье, Украина)

Несмотря на наличие значительной по объему литературы, посвященной махновскому движению, немало известных событий в его истории нуждаются в дополнительном изучении. К их числу должно быть отнесено и так называемое «дело Полонского» – арест и расстрел в начале декабря 1919 г. в Екатеринославе группы коммунистов во главе с командиром одного из повстанческих полков, обвиненных в измене и организации заговора против Махно. О нём сообщается практически в каждом исследовании по истории махновщины, но до сих пор исследователи так и не смогли прийти к единому мнению, что же в действительности имело место – реальный заговор, или провокация махновской контрразведки¹.

По мнению В. Ф. Верстюка, факты склоняют к выводу, что «инцидент с Полонским не носил характера кампании, направленной против коммунистов, как это позднее пыталась представить большевистская пропаганда, а потом и советская историография. С другой стороны, убийство Полонского было не результатом раскрытия покушения на Махно, а, вероятнее всего, следствием гипертрофированной подозрительности, которой страдал «батько», а, возможно, и интригой его контрразведки, которая была не прочь доказать командующему свою верность»². Аналогичных выводов придерживался Ю. Р. Федоровский³.

Картину масштабного заговора против Махно представил в своей книге В. А. Савченко. Он утверждает, что Полонский лично «разработал план переворота, рассчитывая на «кресло» «батька», и добился у губкома партии разрешения на реализацию своего плана убийства Махно»⁴.

Окончательно закрыть вопрос о существовании заговора попытался С. Стеценко, который в одной из своих статей безапелляционно заявил,

что выявленные им в Центральном государственном архиве общественных объединений Украины документы «убедительно свидетельствуют, что такой заговор был». По утверждению исследователя, заговором руководил Екатеринославский губком КП(б)У, а ответственность за уничтожение Махно возлагалась на Полонского и других большевиков, служивших в повстанческой армии⁵. На самом деле, как будет показано ниже, С. Стеценко выдал желаемое за действительное, и те архивные документы, на которые он ссылается (один из них, кстати говоря, был опубликован еще в 1925 г.), наличия заговора не подтверждают.

В зарубежной историографии версию антимахновского заговора отстаивал С. Беленко, полагавший, что Полонский еще с весны 1919 г. действовал по заданию Всеукраинской ЧК⁶.

Отметим, что долгое время круг источников, использовавшихся при изучении «дела Полонского», ограничивался воспоминаниями двух участников большевистского подполья в Александровске и Екатеринославе осенью 1919 г. и несколькими документами, введенными в научный оборот в 1920-е годы. В 1922 г. журнал «Пролетарская революция» опубликовал воспоминания Владимира Мирошевского⁷. Несколько лет спустя на страницах журнала «Летопись революции» увидели свет воспоминания Григория Коневца⁸. Там же были помещены и два документа из архива Зафронтового бюро (Зафронтбюро) ЦК КП(б)У, в которых более или менее подробно освещались обстоятельства расстрела Полонского⁹. К сожалению, публикация документов в журнале была осуществлена неудовлетворительно, с необозначенными пропусками и часто с неверным прочтением текста. В качестве яркого примера здесь можно указать на то, что фамилия автора одного из опубликованных докладов – Льва Чехолина¹⁰ была прочитана неверно и в искаженном виде (Четолин) надолго закрепилась в исторической литературе.

Начиная с начала 1990-х годов, для описания событий, связанных с расстрелом Полонского, исследователями стали широко привлекаться воспоминания бывшего начальника штаба Революционной повстанческой армии Украины (махновцев) Виктора Белаша. Однако делалось это без какой бы то ни было критики содержащихся в них сведений и без учета того факта, что В. Белаш в конце ноября – начале декабря 1919 г. болел тифом, а его обязанности по должности начальника штаба армии исполнял Александр Тарановский¹¹.

Несмотря на проявленный в свое время некоторыми историками и краеведами интерес к личности Михаила Лаврентьевича Полонского, собрать о нём подробные сведения так и не удалось. Даже та информация, которая была обнародована в ряде газетных публикаций¹², в настоящее время требует проверки и уточнения.

В современной литературе о Полонском также приводятся немногочисленные и весьма противоречивые сведения. Историк В. Н. Волко-

винский в одной из своих книг сообщает, что Полонский был гуляйпольцем и до 1917 г. служил на Черноморском флоте на корабле «Иоанн Златоуст». После Февральской революции он почти одновременно с Махно вернулся в Гуляйполе и, сплотив вокруг себя местных большевиков, боролся за власть советов¹³.

Совершенно иную информацию о Полонском приводит В. А. Савченко. Согласно его данным, Полонский родился в селе Большой Токмак (Таврической губернии) и в 1917 г. был матросом-анархистом, давно знакомым с Махно. В октябре 1917 г. он принимал участие в штурме Зимнего дворца, а летом 1918 г. оставил анархистов и вступил в большевистскую партию¹⁴.

Но наиболее запутанным в литературе оказался, пожалуй, вопрос, связанный с именем Полонского¹⁵.

К сожалению, документальных данных о времени и месте рождения М. Л. Полонского на сегодняшний день не выявлено. По сведениям запорожского краеведа В. Г. Фоменко (1900–1976), Михаил Полонский родился 5 января 1896 г. в селе Гальбштадт (с 1915 г. – Молочанск) Бердянского уезда Таврической губернии¹⁶. Установить происхождение этих сведений не удалось, поэтому считать их полностью достоверными мы не можем. Семья Полонских действительно проживала несколько лет в Гальбштадте, но значительно позже указанного времени. К тому же, в сохранившейся метрической книге гальбштадтской Петропавловской церкви за 1896 г. актовых записей о рождении Полонского не имеется¹⁷.

Уточнения требуют и приводимые в литературе сведения о прохождении Полонским службы на Черноморском флоте, так как по общечётным данным флотского архива и в списках команды линейного корабля «Иоанн Златоуст» за период с 1916 г. по 1918 г., хранящихся в Российском государственном архиве военно-морского флота, он не значится.

По воспоминаниям Н. Махно, Полонский появился в Гуляйполе в середине февраля 1918 г. вместе с двумя другими черноморскими матросами – Веретельниковым и Шаровским. Все трое с первых дней своего появления в Гуляйполе проявили себя на всеобщем сельском сходе как энергичные революционные работники и с уважением были встречены местным населением. На то время, если верить воспоминаниям Махно, Полонский являлся членом партии левых эсеров и имел партийный билет, выданный ее Севастопольским комитетом. Вскоре, увлекшись работой в местном ревкоме, он объявил себя сочувствующим анархизму¹⁸.

В апреле 1918 г. Полонский командовал Гуляйпольским вольным батальоном, а позднее, уже перейдя в ряды большевиков, участвовал в боях с контрреволюционными войсками на царицынском фронте. Когда и при каких обстоятельствах он возвратился в Украину – точно не

известно. С. Беленко в своей статье относит его второе появление «на гуляйпольских горизонтах» к концу марта 1919 г. и указывает, что прибыл он «в качестве то ли комиссара, то ли командира одного из махновских полков». «Однако, – пишет автор статьи, – посылая его в махновский район, красное командование ставило перед Полонским совсем другие цели – организацию подпольной, подрывной работы против так называемой «махновщины» и против Махно лично». В подтверждение своих слов С. Беленко приводит хранящийся в Запорожском областном краеведческом музее мандат, выданный 23 марта 1919 г. «тов. Полонскому в том, что он назначен паркомом для формирования отряда особого назначения по борьбе с бандитами (махновцами)». В документе также говорилось: «По прибытию т. Полонского в часть, просим его не задерживать как отчетностью, так и другими делами, ибо Александровский уезд Махновский и поручить формирование этого отряда нет кому»¹⁹.

Нисколько не сомневаясь в том, что упомянутые «другие дела» могли быть связаны с организацией террористического акта против Махно, С. Беленко предположил наличие связи между Полонским и командиром одного из полков 1-й Заднепровской дивизии А. Падалкой, который весной 1919 г. оказался замешанным в истории с антимахновским разговором и был за это убит²⁰. Сомнения в правдоподобности такой связи высказал Ю. Р. Федоровский, справедливо заметивший, что она вытекает скорее из антикоммунистических взглядов автора, нежели из твердо установленных фактов²¹. В то же время опубликованный С. Беленко документ дал основание В. А. Савченко утверждать, что в мае 1919 г. «по тайному заданию Александровского уездкома КП(б)У Полонский организовал отряд для покушения на Махно, однако выполнить задание тогда он так и не смог»²².

Разобраться с этим вопросом позволило изучение подлинного мандата. Как оказалось, к Михаилу Лаврентьевичу Полонскому он отношения не имеет и в действительности был выдан Александровским комитетом КП(б)У 23 марта 1920 (!) г. его старшему брату Константину²³. Поскольку дата в документе читается без проблем, можно уверенно говорить, что С. Беленко в своей статье прибег к сознательной фальсификации исторического источника.

По некоторым данным, в мае 1919 г. Полонский принимал участие в формировании 3-го ударного советского полка в Севастополе. Позднее, в начале августа 1919 г., этот полк составил основу 514-го полка 1-й бригады 58-й стрелковой дивизии, созданной из частей бывшей Крымской советской армии²⁴. В середине августа 1919 г. в районе села Новый Буг Херсонской губернии большинство частей этой дивизии, в том числе и 514-й советский полк Полонского, перешло на сторону Махно²⁵. В советской литературе по истории гражданской войны военный мятеж в частях 58-й дивизии никогда подробно не освещался. Не получили

должного освещения эти события и в современных исследованиях. Здесь мы отметим только следующее. Бывший начальник штаба 58-й дивизии С. Урицкий в своих воспоминаниях, опубликованных в 1928 г., утверждал, что «душой измены явился командир полка Полонский, бывший махновец»²⁶. Анализ сохранившихся документов и воспоминаний участников тех событий позволяет считать это утверждение ошибочным. Судя по всему, С. Урицкий спутал Полонского с соратником Махно А. Калашниковым, командиром полка и действительным организатором и руководителем махновского переворота в частях 58-й дивизии²⁷.

При первоначальной реорганизации повстанческих войск, последовавшей 26 августа 1919 г., 514-й советский полк был переименован в 3-й Крымский повстанческий и включен в состав тогда же созданной 1-й повстанческой бригады А. Калашникова²⁸. Полонский был утвержден в должности командира полка²⁹.

Однако, перейдя на сторону Махно, Полонский не только не изменил своим политическим убеждениям, но и рассматривал свое пребывание в повстанческих рядах как временное. В начале сентября 1919 г. в беседе с командиром одного из бывших красноармейских отрядов Петром Грудачевым, решившим уйти от Махно и предложившим Полонскому сделать тоже самое, он заявил: «Представится случай – уйду. Вместе с полком. И еще уведем с собой батькиного воинства... партии своей Полонский не изменил. И – не изменит»³⁰. Как впоследствии утверждал один из мемуаристов, действуя в составе махновских войск, Полонский и его штаб всё время «держали полк на положении части Красной армии»³¹. В течение сентября 1919 г. полк Полонского принимал активное участие в боевых действиях против белых, сам же Полонский приобрел среди повстанцев заслуженные популярность и авторитет.

5 октября 1919 г. части Партизанско-повстанческой Украинской армии имени Батько Махно заняли Александровск. 3-й Крымский повстанческий полк по решению штаба армии был оставлен в городе для несения гарнизонной службы, а его командир с 6 октября утвержден начальником гарнизона³². Данное обстоятельство способствовало установлению связи между Полонским и местным большевистским комитетом, который с появлением в Александровске махновцев вышел из подполья и занял полулегальное положение. Уже 8 октября 1919 г. Полонский выступил с докладом на общем собрании Александровской организации КП(б)У. На этом же собрании при его непосредственном участии был определен характер дальнейшей работы организации: «продолжая занимать полулегальное положение, работать в Советах и профессиональных организациях и образовывать ячейки, не участвуя как партия в представительных органах»³³. Через два дня, в связи с убитием 3-го Крымского повстанческого полка на фронте, на заседании партийного комитета было решено

«выработать совместно с тов. Полонским способ постоянной связи между парткомом и тов[арищами] коммунистами в повстанческой армии»³⁴.

Необходимо отметить, что деятельность Александровской парторганизации КП(б)У в этот период проходила без какой бы то ни было связи с центром и носила самостоятельный характер. Правда, шаги по установлению связи с Москвой были предприняты. В связи с этим партком 16 октября 1919 г. постановил: «До получения инструкций из центра придерживаться прежнего решения и принятой тактики по отношению к повстанч[еской] армии Б[атько] Махно и ее командованию, не участвуя в организационной работе»³⁵.

Основное внимание коммунистов было сосредоточено на ведении постоянной партийно-агитационной работы в повстанческих частях и отрядах. Член Екатеринославского губкома КП(б)У Клавдия Даниленко в своем докладе в Зафронтбюро ЦК КП(б)У сообщала: «В повстанческой армии всё время велась партийная работа, были устроены в частях ком[мунистические] ячейки, руководителем работы в пов[станческой] армии был Полонский, кот[орый], в свою очередь, был все время связан сначала с Александр[овской] организацией и затем с Ек[атеринославским] губцентром»³⁶.

27 октября 1919 г. представителями Александровского, Мариупольского, Бердянского и Мелитопольского комитетов КП(б)У была разработана «Временная инструкция партийной организации и тактики в области, занятой махновцами». В соответствии с этим документом вся работа партийных организаций направлялась на «борьбу против социалистического строительства анархистов и К^о». В этой борьбе партийные организации должны были руководствоваться следующими положениями: поддерживать повстанческое движение, придавая ему партизанско-коммунистический характер; связываться с коммунистами в повстанческих отрядах, рекомендуя им не покидать армию; создавать коммунистические ячейки (нелегального характера), образующие ядро агитации в армии; стремиться к организации самостоятельных партизанских отрядов, главным образом путем вербовки свежих повстанческих сил; не брать на себя инициативы по организации экономических советов, а наоборот, вести против них агитацию³⁷. В доработке инструкции принял участие и Полонский, находившийся в то время в Александровске³⁸. 30 октября 1919 г. партийный комитет заслушал и одобрил его доклад о военной организации. Тогда же, по-видимому, был решен вопрос о том, что мобилизуемые под руководством ревкома отряды должны будут явиться в полк Полонского³⁹.

28 октября – 2 ноября 1919 г. в Александровске состоялся окружной съезд крестьян, рабочих и повстанцев, созданный по инициативе повстанческого Военно-революционного совета. Коммунисты отказались официально принимать в нем участие, но нескольких своих представи-

телей, избранных от рабочих организаций города, на съезде всё же имели. Воспользовавшись довыборами в ВРС, они провели в его состав члена Александровского партийного комитета и ревкома Семена Новицкого. Это позволяло большевикам, с одной стороны, установить тесную связь с командным составом повстанческой армии с целью получения информации оперативного и административного характеров, а с другой – оказывать прямое влияние на деятельность самого ВРС. Как утверждал впоследствии Новицкий, в последнем направлении ему удалось добиться некоторых результатов. В частности, при его участии председателем ВРС вместо анархиста Волина был избран беспартийный повстанец Лашенко, а сам Новицкий стал членом президиума ВРС⁴⁰.

Активно и успешно начатая александровскими коммунистами работа была прервана в начале ноября 1919 г. спешным отступлением из города повстанческих войск. Вместе с ними эвакуировался и партийный комитет, направившийся в Екатеринослав⁴¹.

С окончательным занятием махновцами Екатеринослава (9 ноября 1919 г.) в работе местного большевистского подполья начался новый этап. К этому времени губернский комитет КП(б)У, серьезно пострадавший при белых, особой активностью себя не проявлял. Ситуация изменилась после того, как в городе появились александровские и другие партработники. Последние решительно выступили с инициативой проведения партийной конференции и образования нового губернского органа, способного проводить работу в сложившихся условиях. Состоялись перевыборы партийного комитета и был возобновлен выпуск газеты «Звезда». Как отмечал в своем докладе Л. Чехолин, «губпартком, выпуская ежедневный партийный орган «Звезду», не стесняясь вел открытую борьбу с анархо-махновцами с их безвластничеством, будя рабочих противодействовать Махно и готовиться к близкому приходу красных советских войск»⁴².

По воспоминаниям В. Белаша, публикации в большевистской газете «Звезда» довольно быстро стали раздражать Махно, и в конечном итоге он всерьез был настроен расстрелять всю ее редакцию⁴³. Более того, один из участников большевистского подполья в Екатеринославе, ссылаясь на слова начальника махновской бригады Н. Чалого, утверждал, что Махно вообще «готовился упразднить свободу печати и усилить свой террор по отношению к социалистическим партиям и особенно по отношению коммунистов, в лице которых он усматривал настоящую опасность»⁴⁴. Некоторые махновские командиры не только разделяли такую точку зрения, но и предпринимали практические шаги в этом направлении. Так, в приказе командующего войсками Крымского направления В. Володина, изданном в ноябре 1919 г., говорилось: «В виду того, что всякая партийная агитация в данный боевой момент вносит сильную разруху в чисто боевую работу повстанческой армии, катего-

рически объявляю всему населению, что всякая партийная агитация до окончательной победы над белыми, мною совершенно воспрещена»⁴⁵.

Несмотря на то, что коммунисты вели свою работу в армии подпольно, к началу декабря 1919 г. им удалось достичь заметных результатов. В докладе Екатеринославского губкома КП(б)У о настроениях повстанцев в этот период говорилось: «Два самых сильных боевых полка 13-й и 3-й Крымский – коммунистическое. Два – отряд Гаркушина и 1-й Екатеринославский полк имени Батько Махно – резко махновское». В остальных 26 повстанческих полках, по данным губпарткома, преобладало настроенное ожидания встречи с красными войсками»⁴⁶. Направленная в декабре 1919 г. в центр член Екатеринославского губкома КП(б)У К. Даниленко в своем докладе о положении в губернии также отмечала, что «пехота в большинстве и прикрытие артиллерии определенно сочувствует Советской власти и с нетерпением ждет момента соединения с Красной армией»⁴⁷. Эти сведения подтверждаются независимой от Екатеринославского губкома КП(б)У оценкой коммуниста С. Захарова, согласно которой 65% личного состава повстанческой армии стремилось присоединиться к Красной армии⁴⁸. Даже белогвардейская пресса того времени сообщала, что значительную часть махновской армии «составляют большевики, подчас совершенно не скрывающие, что они идут за Махно до поры до времени, пока на Украине снова не воцарится советская власть»⁴⁹.

Безусловно, подпольная деятельность коммунистов в повстанческой армии представляла одну из угроз для безопасности махновского движения и не могла пройти мимо внимания Махно и повстанческой контрразведки, тщательно отслеживавшей настроения в частях. В связи с этим особое внимание было обращено на деятельность командира 3-го Крымского (с конца ноября 1919 г. – 1-го Стального кавалерийского) полка Полонского, который в течение длительного времени пользовался доверием штаба армии и лично Махно⁵⁰.

Как рассказывает в своих воспоминаниях В. Белаш (якобы со слов Махно), подробные сведения о замыслах Полонского были сообщены в штаб армии помощником командира 3-го Крымского полка Огарковым⁵¹. Имея тесное общение с Полонским и будучи втянутым «в большевистскую затею о поднятии в махновской армии восстания в пользу Советской власти», он обо всем докладывал Махно. В частности, Огарков сообщил, что Полонский «ведет агитацию о свержении штаба и Реввоенсовета, подкупает батарею Белочуба»⁵². Цель приезда в Екатеринослав Полонского – отравить Махно, подкупить докторов, которые должны в свою очередь отравить видных махновских больных командиров и вместе с тем захватить армейское руководство»⁵³.

Арестованный в 1937 г. органами НКВД УССР бывший начальник контрразведки 1-го Донецкого корпуса махновских войск Лев Зиньковский (Задов), который одновременно в ноябре – декабре 1919 г. являлся

помощником начальника контрразведки при штабе армии, на допросе 17 ноября 1937 г. показал: «По донесениям отдельных командиров стало известно, что Полонский подготавливает свою часть к тому, чтобы при приближении наступающих с севера красных частей соединиться с ними. Вопросом о Полонском занялся лично Махно и существовавшая при нём... армейская контрразведка»⁵⁴.

Сомнений в том, что какая-то информация могла поступить к Махно от кого-то из командиров, не возникает, однако первоначальные сведения о подозрительной деятельности Полонского были добыты по линии армейской контрразведки. Как следует из протокола последней, датированного 2 декабря 1919 г., около 20 ноября из Никополя в Екатеринослав приехал контрразведчик Бравый. В личном докладе помощнику начальника контрразведки армии он сообщил, что в Никополе командир полка Полонский «окружил себя партийными коммунистами-большевиками» и «что-то тайно вырабатывает противное повстанчеству». Эту информацию Л. Зиньковский «счел долгом» немедленно довести до сведения Махно, который отдал распоряжение установить слежку за Полонским и его окружением. Наблюдение в Никополе велось агентами контрразведки около недели, до тех пор, пока в последних числах ноября (точная дата неизвестна) Полонский не выехал в Екатеринослав, оставив часть в ведении своего помощника Берковского⁵⁵.

Причины и обстоятельства приезда Полонского со своим ближайшим окружением в Екатеринослав до конца не ясны. По официальной версии контрразведки, отраженной в упомянутом протоколе и озвученной её начальником Львом Голиком на заседании ВРС 3 декабря 1919 г., Полонский «притворился якобы больным и приехал в Екатеринослав на излечение». Это, по заверению Л. Голика, «явно» было сделано для организации заговора⁵⁶.

В воспоминаниях В. Белаша сообщается, что 25 ноября 1919 г. Полонский и начальник Никопольского гарнизона Бродский за коммунистическую работу и халатность в отношении больных были отстранены от занимаемых должностей. Вскоре они самовольно оставили полк и уехали в Екатеринослав, не имея на то разрешения штаба армии, за что последний в приказе от 30 ноября 1919 г. объявил им строгий выговор⁵⁷. Поскольку выявить все приказы по армии за вторую половину ноября 1919 г. не удалось, судить о том, насколько данная информация в целом соответствует действительности, сложно. Пока установлено только то, что в изданном 30 ноября 1919 г. приказе по Партизанско-повстанческой Украинской армии имени Батько Махно № 33 сведений о выговоре Полонскому и Бродскому нет.

Официальной версии контрразведки противоречит свидетельство Г. Коневца, согласно которому приезд Полонского в Екатеринослав был вызван его участием в «съезде» командного состава армии, созван-

ном Махно в связи со сложившейся обстановкой в армии и на фронте⁵⁸. Никакими другими источниками эта информация не подтверждается. К тому же другой член большевистского подполья Л. Чехолин в своем докладе в Зафронтбюро ЦК КП(б)У упомянул, что Полонский приехал «несмотря на наши протесты»⁵⁹. Из этого следует, что поездка заранее согласовывалась с губпарткомом и последний высказался против этого. Также известно, что предварительно Полонский отправил в Екатеринослав свою гражданскую жену с сыном, поручив их сопровождение комсомольцу из Александровска Евгению Орлову⁶⁰.

Как бы то ни было, по прибытию в Екатеринослав «штаб» Полонского «был встречен Махно радушно». Состоялось награждение отдельных лиц именными часами и даже «был устроен бал, где сам Махно плясывал»⁶¹.

Агентурное наблюдение за Полонским было установлено и в Екатеринославе. По официальной версии контрразведки, ей в результате «пришлось убедиться, что Полонского окружают коммунистические палачи, распинавшие махновскую дивизию в мае и июне месяцах 1919 года, что и сам Полонский совместно и под руководством их стремится к этому»⁶². Кроме того, контрразведкой были вскрыты факты участия Полонского в подпольной работе коммунистов в Александровске и направления им своего адъютанта Семенченко в Москву с письмами для связи⁶³.

Во вторник 2 декабря 1919 г., в 4 часа дня, помощник начальника контрразведки штаба армии Л. Зиньковский составил протокол, в котором указывалось: «Установлено, что как Полонский, так и другие, окружающие его партийные коммунисты, помимо подготовки захвата власти в свои руки в г. Никополе, поставили себе задачей подготовить первый стальной полк и другие, связанные с ним части, для перехода в армию коммунистов-большевиков. И для успешности дела решили во чтобы то ни стало снять с ответственных постов руководителей Украинской повстанческой армии махновцев и в первую очередь... Батько Махно, смерть которого, по мнению заговорщиков, верной может быть только от руки женщины. Поэтому были распределены роли: Полонский должен был в самое кратчайшее время со своими силами уйти из Махновской армии, хотя бы это стоило смерти. Адъютант Полонского подпоручик Семенченко должен выехать в Москву для связи и информации. Сожительница Полонского должна при первом удобном моменте пригласить командарма на вечеринку и отравить его. Бродский и Вайнер – агенты связи Полонского»⁶⁴. На основании изложенного по постановлению контрразведки, утвержденному командармом и штабом армии, все упомянутые лица подлежали немедленному аресту.

По воспоминаниям Г. Конева, в этот день на заседании губкома был заслушан доклад Полонского о состоянии коммунистической работы в армии, причем «были отмечены большие успехи в смысле укомплекто-

вания командного состава партийцами». «Во время заседания, – пишет далее Коневец, – к нам явился какой-то товарищ, назвавший себя представителем ЦК КП(б)У Захаровым и, в подкрепление сего, предъявивший чрезвычайно большие мандаты на холсте, в которых говорилось о том, что он послан якобы для руководства вооруженными отрядами в тылу. Не сомневаясь в правильности этих документов, мы его ввели в курс наших дел, так как с этого дня задача наша сводилась, главным образом, к подготовке наибольшего количества махновских частей к переводу в ряды Красной армии». После заседания члены губкома распрощались с Полонским «с тем, чтобы встретиться на следующий день и поделиться дополнительно сведениями после совещания командиров». Кроме того, условились «рано утром послать к нему на квартиру за кой-какими сведениями для центра и деньгами». Дальнейшие события в воспоминаниях Коневца описаны следующим образом: «После совещания командиров, часов в 12 ночи, тов. Полонский... пригласил Махно и ещё нескольких [его] приближенных к себе на квартиру на ужин по случаю именин жены. Что происходило там, в квартире – неизвестно, но приблизительно в час ночи Каретников, Чубенко и Василевский вывели связанного тов. Полонского по направлению к набережной Днепра. Первым выстрелил Полонскому в спину Каретников, после Чубенко и другие; раненный Полонский, приподнявшись на локоть, крикнул: «Добейте, бандиты!». Его добились»⁶⁵.

По версии В. Белаша, 5 декабря (дата ошибочна – авт.) 1919 г. начальник армейской контрразведки Голик доложил, «что будто бы последнее совещание большевиков решило устроить пирушку в доме Полонского в честь именин его жены», куда должны пригласить Махно и других видных махновцев, которых постараются угостить отравленным коньяком. После того как вечером штаб вынес постановление о проведении обыска на квартире Полонского и аресте «всех, кто там будет», команда контрразведчиков во главе с Каретниковым проникла на квартиру и арестовала находившихся там Полонского, его жену, Семенченко, Вайнера, Бродского и Белочуба. Были обнаружены вино и коньяк, которые отдали на анализ. По заверению Махно и других, анализ показал наличие в двух бутылках сильного яда, и штаб вынес смертный приговор всем арестованным. Усилия Белаша, Аршинова, Волина, Алого и Чубенко «остановить руку палача» ни к чему не привели. «Однако, – говорится далее в воспоминаниях Белаша, – в самом штабе мысли начали двоиться. Некоторые нас поддерживали и требовали освобождения всех арестованных, особенно Белочуба и жены Полонского, которая от Махно недавно родила дочь. Но, гуляйпольцы настаивали расстрелять. И так штаб не договорился. Ночью 6 декабря Белочуб был освобожден, а Полонский, его жена, Семенченко, Вайнер и Бродский по дороге в контрразведку А. Лепетченком, Василевским и С. Каретником были расстреляны»⁶⁶.

В случае с воспоминаниями В. Белаша обязательно следует иметь в виду, что он не являлся непосредственным участником рассматриваемых событий и мог описывать их только с чужих слов или же на основании опубликованных воспоминаний Мирошевского и Коневца. О крайне низкой степени его осведомленности свидетельствуют не только ошибки в датах, но и наличие в воспоминаниях полностью вымышленных фактов. К таковым, например, относится утверждение, что незадолго до расстрела Полонского его жена родила от Махно дочь, которую после казни матери взяла на воспитание жена Махно Галина Кузьменко.

Л. Зиньковский в показаниях органам НКВД в 1937 г. сообщил: «По распоряжению Махно на именины для ареста Полонского направились Каретников Семен – бывший тогда помощником у Махно, Чубенко и Василевский – адъютанты Махно. Последние арестовали Полонского, его жену и еще двух человек из штаба Полонского – фамилии коих не знаю, все они были переведены в штаб-квартиру Махно, по его распоряжению выведены на улицу и расстреляны»⁶⁷.

Поскольку в ряде воспоминаний и литературе расстрел Полонского приписывается контрразведке⁶⁸, остановимся на этом вопросе подробнее. Из воспоминаний Г. Коневца следует, что в расстреле Полонского принимали участие не менее четырех человек, из которых он называет троих – Каретникова, Чубенко и Василевского. Эти же лица фигурируют и в показаниях Л. Зиньковского. В свою очередь В. Белаш упоминает Каретникова, Василевского и Александра Лепетченко. Не исключено, что в числе участников расстрела мог быть односельчанин Семена Каретникова – Семен Литвиненко⁶⁹. О его причастности к тем событиям 31 октября 1937 г. дал показания органам НКВД бывший махновец Петр Балак⁷⁰. Он заявил, что поздней осенью 1919 г. в Екатеринославе Литвиненко и Каретников убили «коммуниста Полонского и его жену. Я лично знал этого Полонского и видел на Литвиненко... сапоги и кожаную тужурку с Полонского. Мне лично говорил сам Литвиненко, что он расстрелял Полонского и его жену и сбросил [трупы] в Днепр»⁷¹. В ходе следствия Литвиненко отверг свою причастность к убийству Полонского и на допросе 1 ноября 1937 г. показал, что, будучи в банде Махно, действительно «носил кожаную тужурку, которую выменял у одного махновца на костюм». Несмотря на то, что на проведенной в тот же день очной ставке Балак подтвердил свои показания и добавил, что Литвиненко показывал ему советский штамп и печать, отобранные у Полонского, следствие разрабатывать далее этот эпизод не стало⁷². Но даже если Литвиненко и не принимал участия в расстреле Полонского, имеющиеся данные однозначно указывают на то, что расстрел был произведен не сотрудниками контрразведки, а лицами из ближайшего окружения Махно.

Рано утром 3 декабря 1919 г. Новицкий, каким-то образом узнавший об аресте Полонского, сообщил о случившемся Коневцу. Вскоре им стало

известно, что контрразведка устроила на квартире Полонского засаду и арестовала там посланных с вечера коммунистов и адъютанта Полонского. По утверждению Коневца, кроме «товарищей, арестованных на квартире тов. Полонского, на улице было схвачено еще около 10-ти человек коммунистов». Далее в воспоминаниях Коневца читаем: «Сейчас же удалось установить, что приходивший за день до этого и выдавший себя представителем ЦК Захаров – провокатор, и до посещения губкома был у Махно и у Лашкевича (начальник гарнизона г. Екатеринослава. – авт.); поэтому, когда он явился к нам во второй раз, мы его арестовали и поручили т. Павлову (Миркину) расправиться с ним, но последний, провозившись с ним несколько дней, впоследствии его выпустил»⁷³.

О провокаторской роли Захарова кратко упоминается в отчете Екатеринославского губкома КП(б)У, представленном в ЦК партии в январе 1920 г.: «Благодаря провокаторству... некоего Захарова, именующего себя инструктором района Херсон – Одесса по советским имениям (!?), тов. Полонский и ряд других тов[арищей] с ним – наша связь – были расстреляны»⁷⁴. Основываясь на этой информации, некоторые исследователи стали считать Захарова опытным агентом махновской контрразведки, который был специально внедрен в среду заговорщиков и блестяще выполнил поставленное перед ним задание⁷⁵. Выявленные в последнее время документы позволяют не только усомниться в правильности данного утверждения, но и взглянуть на интересующие нас события совершенно в ином свете.

В декабре 1919 г. из Екатеринослава в центр был направлен для формирования делегат губпарткома, член Мелитопольской организации КП(б)У Черный. В подготовленном им докладе о махновском движении говорится, что причиной ареста Полонского, по мнению губпарткома, послужил главным образом доклад в штабе повстанческой армии «некоего Захарова, бывш[его] инструктора по продовольствию Одесского округа, называющего себя коммунистом и в то же время заявляющего, что он является представителем Всеукр[аинского] Ревкома», который уполномочил его вести переговоры с Махно по вопросу о военном соглашении и другим принципиальным вопросам. «Причем в нашу организацию, – отмечает Черный, – он не являлся, а явился прямо в штаб».

Содержание доклада Захарова в штабе и характер его переговоров там остались для губпарткома неизвестными. Но на заседании ВРС, где Захаровым был сделан доклад о его полномочиях, в одной его части он проговорился, что ревкомом известно о наличии в частях армии Махно коммунистических ячеек, которые ведут партийную работу, и вдохновителем которых является Полонский. В этот момент коммунисты (члены ВРС) сорвали заседание и тем самым не дали возможности Захарову продолжить доклад. Мотивом срыва, по словам Черного, послужило то, что ревкома на Украине не существует и что нужно проверить документы

Захарова и убедиться в правильности его полномочий. На первом же заседании губпарткома был поставлен вопрос о Захарове, и губпартком пришел к заключению, «что здесь дело нечисто и Захаров является никем иным, как провокатором», который может принести громадный вред проводимой работе в армии Махно. На этом основании губпартком постановил его убрать (расстрелять), но исполнить это решение не удалось, так как Захаров скрылся и появился вновь только перед самым уходом махновцев из Екатеринослава⁷⁶.

Некоторое представление о личности упомянутого Сергея Петровича Захарова и его деятельности осенью 1919 г. можно составить по подготовленному им 12 января 1920 г. в Харькове докладу в адрес особого отдела, разведки и политотдела штаба 14-й армии⁷⁷. Из содержания этого документа видно, что оставшись по каким-то причинам в тылу белых в период летнего отступления Красной армии с Украины, бывший политследователь 58-й дивизии Захаров работал «в стане Деникина по агитации и организации повстанческих отрядов». Им был организован небольшой отряд «от имени Батько Махно», который, объединившись с повстанческим отрядом Карпенко, 5 ноября 1919 г. принял участие в нападении на Каховку. После этого Карпенко отправил Захарова в расположенный в селе Большая Лепетиха Мелитопольского уезда штаб В. Павловского, где его арестовали и едва не расстреляли. Освобожденный под поручительство повстанцев, ранее служивших в Красной армии, Захаров с документами от штаба Павловского направился далее. Некоторое время он работал в контакте со штабами повстанческих отрядов А. Гребенника и Г. Чайки, пытаясь уладить возникший между ними конфликт. Отправившись однажды на разведку в район Никополя, Захаров был задержан разездом махновцев и доставлен в штаб Полонского, возглавлявшего к тому времени боевой участок Никопольского направления. Поскольку Полонский лично знал Захарова по предыдущей службе в 58-й дивизии Красной армии, он предоставил ему возможность проводить в селах митинги и заниматься организацией повстанческих отрядов. Вскоре Захарова затребовали в Екатеринославе.

«В Екатеринославе, – сообщает в своем докладе Захаров, – я был арестован и представлен батьке Махно, но когда ознакомился он со мной, то предложил сделать доклад в Реввоенсовете..., где я сделал боевую сводку о численности и о связи повстанческих и партизанских отрядов...»⁷⁸. Сохранился протокол, подтверждающий факт выступления «организатора Захарова» на заседании ВРС 26 ноября 1919 г. Членом ВРС Захаров представился «ярким коммунистом» и, осветив свою организаторскую деятельность в тылу белых в районе Крыма, неожиданно предложил свои услуги по информированию красных войск «от имени штаба Махно и ВРС» о повстанческом движении на Украине. При этом Захаров готов был взять на себя и другие «всякого рода пору-

чения». В случае, если таковое невозможно, он просил разрешить ему организацию боевых повстанческих отрядов. К сожалению, в протоколе зафиксировано только ответное слово председателя президиума ВРС Лашенко, который заявил, что «если т. Захаров ярый коммунист, то я заключаю одно, что вы можете организовать повстанческие отряды, но на началах коммунистического строя, но нам таких не надо, ибо наша повстанция совершенно отказывается от всяких властвующих партий и не желает иметь над собой диктаторство комиссародержавия». В итоге по всем вопросам Захарову было предложено обратиться в штаб Батько Махно⁷⁹.

Вполне вероятно, что в своем докладе в ВРС Захаров упомянул и о Полонском, и о ведении коммунистами партийной работы в армии. Но всё это не могло иметь особого значения, так как на заседании ВРС никто из командного состава не присутствовал. В штабе армии, надо полагать, заранее знали, о чем будет идти речь в докладе Захарова, и не проявили к нему никакого интереса. Вместе с тем, анализируя ситуацию с выступлением Захарова в ВРС, нельзя исключать и сознательное провоцирование членов ВРС (с которыми часть командного состава в этот период была, по выражению Волина, «на ножах»⁸⁰) на некие действия.

В достаточно подробном докладе Захарова нет ни слова о каких бы то ни было его контактах с местной организацией КП(б)У или ее отдельными членами, что согласуется с приведенной выше информацией Черного. Это обстоятельство позволяет поставить под сомнение достоверность рассказа Коневца об участии Захарова в заседании губпарткома и соответственно исключить его причастность к раскрытию тех или иных планов партийного органа. Последнее подтверждают и документы махновской контрразведки, из которых видно, что ей не удалось вскрыть контакты Полонского с Екатеринославским губкомом КП(б)У.

В связи с ожидавшимся нападением контрразведки на дом, где помещались губпартком и губревком, большевики с утра 3 декабря 1919 г. вынуждены были перейти на нелегальное положение. Предварительно выяснив к середине дня обстановку и убедившись, что разгрома партийной организации не последует, губпартком через Коневца и Новицкого обратился по поводу арестов коммунистов к бывшему председателю ВРС Волину. Но последний отказался что-либо предпринять для освобождения арестованных и ограничился участием в устройстве встречи с Махно⁸¹.

В 2 часа дня Махно принял трех представителей губпарткома. Не стесняясь в выражениях, коммунисты, еще не знавшие о том, что Полонский убит, заявили батьке, что «заговор, приписываемый т. Полонскому – ложь, гнусное измышление тех, кому невыгодна его честность», и потребовали гласного суда: «Пусть будут все повстанцы и рабочие в курсе дела. Пусть они выскажут свой приговор». В ответ Махно категорически заявил им, что никакого гласного суда не будет, а судьба Полонского

уже «предрешена верхами военного командования – он будет расстрелян»⁸². На заданный тогда же вопрос, замешана ли партийная организация в целом в раскрытом заговоре, Махно однозначно ответил, что нет, и арестованные невоенные коммунисты, если выяснится их непричастность к заговору, будут освобождены⁸³.

По воспоминаниям Г. Коневца, вечером на заседании ВРС по инициативе Новицкого было заявлено требование сделать доклад о причинах расстрела. «Но, – сообщает Коневец, – вместо изложения действительных причин, Махно и Щусь рассказали небылицу про какую-то отравленную закуску, которой Полонский якобы хотел угостить Махно»⁸⁴. В. Белаш в своих воспоминаниях также утверждает, что Махно был вызван на заседание ВРС, где у него потребовали отчета за расстрел. Возмущенный командарм отреагировал на это требование так: «Тот, кто выступает против повстанцев с оружием в руках, пропагандой шепотом, с агитацией и заговором в период окружения нас деникинцами, воюет за Деникина... И если какой подлец посмеет требовать отчета, вот ему!» – и указал на маузер. Волин якобы пытался протестовать, но Махно лишь выругался и покинул заседание⁸⁵.

Реальную картину того, что происходило, позволяет восстановить подлинный протокол заседания членов ВРС совместно с командным составом, культурно-просветительной и санитарной комиссиями от 3 декабря 1919 г. Как явствует из этого документа, Махно в тот день на заседании ВРС вообще не присутствовал, а из представителей командного состава армии в нём упомянуты только личный адъютант командарма Чубенко, начальник артиллерии Морозов и начальник контрразведки Голик (в документе – «Лева»).

В протоколе зафиксировано, что в конце заседания был заслушан доклад начальника контрразведки, который «доложил собранию о том, что командир полка Полонский расстрелян по распоряжению командарма и по усмотрению начальника контрразведки и некоторых лиц командного состава». В связи с этим начальнику контрразведки кем-то из присутствовавших (вероятно, Новицким) был задан вопрос о причинах расстрела. В ответ Голик пояснил, что еще с момента перехода Полонского под командование батяки Махно за ним «всё время был установлен надзор». При этом Полонский показал себя «двуличным», так как в период пребывания в Александровске без ведома штаба армии «участвовал в подпольной организации большевиков-коммунистов». Главное же, по словам начальника контрразведки, заключалось в том, «что в последнее время был [открыт] разговор против Батюко Махно».

«В заговоре, – сообщил Голик, – участвовали: Полонский, содержанка его и другие его прихвостни. Когда уж обнаружилось за ним много поступков, то по распоряжению командарма были посланы специальные люди – агенты контрразведки, которым вменялось в обязанность следить

за его действиями, что в последнее время выяснилось, что ими был совершен заговор следующего содержания: с целью устроить именины его содержанки – пригласить на вечер лично Батька Махна, Чубенко, Тарановского и др[угих] лиц из командного состава и когда упомянутые лица были приглашены на вечер, им были поданы шесть отравленных блюд – жаренный картофель, чай, солянка и др[угое] кушанье, и все эти шесть блюд были специально отравлены стрихнином и когда первый тов. Чубенко попробовал, то заметил, что невольно стягивает рот и [возникает] какое-то противное ощущение, то он толкнул Батька и всех остальных, чтобы те не ели и через короткое время ушли оттуда. Все отравленное кушанье было освидетельствовано врачом и есть на это свидетельства. Смысл ихний был таков, что когда его содержанка взяла на себя миссию отравить Махно, то после [смерти] Батька он со своим полком должен во что бы то ни стало пробить дорогу к коммунистам. Обо всем замеченном по распоряжению командарма было приказание арестовать Полонского и препроводить в контрразведку»⁸⁶.

По свидетельству С. Новицкого, ВРС единогласно отверг предложение командного состава санкционировать расстрел, «понимая этот факт, как сигнал к уничтожению всех коммунистов в армии». Недовольный таким решением Голик заявил, что нужно расстрелять всех коммунистов, где бы они ни были, но ему ответили: «Если вы будете их расстреливать, то армия расстреляет вас»⁸⁷.

Интересные подробности об этом заседании находим в упоминавшемся уже докладе Черного: «От санкции расстрела Реввоенсовет отказался и потребовал данных, на каком основании были арестованы товарищи. Штаб ответил, главным образом, о тов. Полонском и его жене, что они являлись вдохновителями заговора, который был организован против штаба и самого Махно, причем уже были отравлены пища и спирт, предназначенные для штаба. По ихнему утверждению, в заговоре участвовали и те товарищи, которые были арестованы с ними. Причина заговора была уничтожение штаба и передача командования армией Полонскому, кроме этого в обвинение Полонскому ставятся найденные [у него] при обыске вещественные доказательства: красноармейская звезда, партийная карточка, а также офицерские погоны, а адъютанту Полонского предъявлено добавочное обвинение [в том]⁸⁸, что он офицер старой армии. На вопрос доктора, члена Реввоенсовета⁸⁸, кто производил анализ отравленной пищи, ... ответа не последовало от штаба. А также по отношению погон, найденных у Полонского, [было выявлено], что штабу известно, что Полонский неоднократно ходил в разведку в погонах в штаб неприятеля под видом белогвардейского к[оманди]ра карательного отряда, после чего неприятель был всегда побежден»⁸⁹.

Для разбора «получившегося инцидента» была создана комиссия в составе трех членов ВРС – Альберта, Саганчи и Придворова, которым

поручалось проверить все документальные данные по делу и предлагалось «по усмотрению» подтвердить факт того, что документы действительно доказывают виновность Полонского⁹⁰. Однако документов члены комиссии так и не увидели, поскольку Л. Голик заявил, что он коммунистов в контрразведку не допустит⁹¹.

По мнению известного российского историка махновского движения А. В. Шубина, основанному на воспоминаниях В. Белаша, кроме членов ВРС против расстрела коммунистов «выступали также анархисты-идеологи и часть командиров – вернувшийся в район Аршинов, Волин, Алий, Чубенко и, возможно, Белаш»⁹². На самом же деле из указанных лиц только Аршинов считал нужным открыто выразить свое отрицательное мнение по поводу расстрела коммунистов: он сразу сказал об этом Махно, как только тот явился в «культурку» (культурно-просветительный отдел – авт.), чтобы узнать, как анархисты относятся к случившемуся⁹³. Остальные анархисты предпочли вообще не вмешиваться в происходившие события. Показательным в этом плане было поведение Волина. Будучи уже в эмиграции, Махно рассказывал анархистке Иде Метт, что когда Волин появился в штабе, и ему сообщили о том, что произошло, он по этому поводу ограничился только одним вопросом: «А батько, он согласен? Если да, то я не хочу даже обсуждать этот вопрос». Вышло так, что в этот момент полупьяный Махно находился в соседней комнате. Услышав разговор, он вышел в ту комнату, где находился Волин, и сказал: «Значит, ты соглашаешься с тем, что у нас расстреляли человека, даже не спросив, по какой причине это произошло? Даже, если батько и дал согласие, он что, по-твоему, ошибиться не мог, а, может, он пьян был, когда отдал приказ расстрелять, тогда что?» Волин на это ничего не ответил⁹⁴. Обратившимся к нему представителям губпарткома он заявил, что «в этой грязной истории он не принимает никакого участия и просил не вмешивать его в это дело». Когда же коммунисты указали ему на то, что он, как один из руководящих работников махновского движения, также причастен к убийству, Волин ответил: «Вы, коммунисты, наших анархистов больше расстреляли, а потому считаю вопрос исчерпанным»⁹⁵.

Что касается А. Чубенко и В. Белаша, то первый, судя по имеющимся данным, являлся непосредственным участником расстрела Полонского, а второй в то время болел тифом и, по его же собственным словам, «не сознавал происшедшего»⁹⁶.

Судя по всему, «дело» Полонского предполагалось разобрать на пленарном заседании ВРС 5 декабря 1919 г. Но ни Махно, ни кто-либо другой из командного состава армии на это заседание не явились. Председателю президиума ВРС Лашенко, попытавшемуся высунуть причины, Махно по телефону заявил, что «совет ни черта не делает, занимается совершенно не тем, чем он должен заниматься, и кроме того,

[члены совета] не дали голосовать на прошедшем собрании тт. Чубенко и Лева (Голику – авт.)). Из всего этого он, Махно, делает вывод, что ВРС «имеет дела с коммунистическими партиями и на разбор дела приглашает коммунистов», в связи с чем ни он, ни командный состав на заседание не придут.

Чтобы разобраться в возникшей ситуации, ВРС отправил к Махно своего представителя в лице анархиста Волина. Последний, возвратившись спустя некоторое время, передал членам ВРС слова командарма: «Пусть совет со всякими мелкими вопросами не лезет ко мне и к командному составу, так как мы всегда заняты по военным делам, а совет должен сам всё разрешать и в правах [делать это] без командного состава»⁹⁷. Таким образом, сославшись на занятость военными делами, Махно не только отказался от участия в заседании ВРС, но и уклонился от рассмотрения каких бы то ни было вопросов, связанных с расстрелом Полонского.

По-видимому, на этом же заседании в связи с обострением взаимоотношений с командным составом был поднят вопрос о самороспуске ВРС, о чем позднее упоминал в своем докладе С. Новицкий⁹⁸. Прямо об этом в протоколе заседания не говорится, но имеется такое решение: «продолжать работу до созыва повстанческого съезда, созыв которого совет считает необходимым и важным в ближайшее время»⁹⁹.

В этот же день, 5 декабря 1919 г., Махно, исполняющий обязанности начальника штаба армии Тарановский и начальник административного отдела штаба армии Меньяйлов подписали приказ по Партизанско-повстанческой Украинской армии имени Батько Махно № 35, в котором официально сообщалось о том, что 2 декабря 1919 г. «по постановлению военно-полевой контрразведки, утвержденному командармом, начштабом армии, командирами 1-го Донецкого и 3-го Екатеринославского корпусов и некоторыми командирами полков», были расстреляны следующие лица: 1) командир 1-го Стального кавалерийского (бывшего 3-го Крымского пехотного) полка Полонский, 2) бывший большевистский инспектор Бродский, «залезший в упомянутый полк и разлагающий его», 3) адъютант Полонского подпоручик Семенченко, 4) бывший председатель большевистского трибунала при 1-м сводном Екатеринославском полку Вайнер и 5) сожительница Полонского – «актриса, бывшая сожительница Карпенко Берлинского».

В приказе также был помещен текст протокола контрразведки от 2 декабря 1919 г., послуживший основанием расстрела, и в заключение предписывалось: «Настоящий приказ прочесть перед выстроеными рядами всех частей повстанческих войск, резко подчеркнуть еще раз, что предоставляя всем социалистическим партиям и течениям полную свободу проповедования своих убеждений, Революционная повстанческая армия будет и впредь пресекать в корне всякую попытку подго-

товки организаций и навязываний трудящимся политической власти и диктатуры, откуда бы таковая попытка не исходила»¹⁰⁰.

Для широких слоев населения повстанческая газета «Путь к свободе» 6 декабря 1919 г. опубликовала за подписью временно исполняющего обязанности начальника военно-полевой контрразведки Л. Зиньковского сообщение «Расстрел изменников и заговорщиков». Являясь по сути сокращенным текстом соответствующего параграфа из приказа по армии, это сообщение содержало следующее дополнение: «В связи с расстрелом означенных выше лиц, коммунистами-большевиками распространяются слухи о том, что по распоряжению командования повстанческой армии происходят аресты партийных невоенных большевиков. Официально заявляется, что ни один партийный большевик за принадлежность к партии не был арестован. Арестованные несколько коммунистов-большевиков были задержаны на квартире Полонского, [как] пришедшие туда в связи с изменой и заговором Полонского»¹⁰¹.

Нет никаких сомнений в том, что все арестованные контрразведкой по обвинению в причастности к заговору коммунисты были расстреляны. Общее количество жертв, по имеющимся данным, составило 12 человек¹⁰². Между тем, в статье коммуниста Марзана, напечатанной 6 декабря 1919 г. в газете «Звезда», сообщалось, что кроме Полонского аресту подверглись «еще до полусотни командиров и солдат-бойцов»¹⁰³. Поскольку этот вопрос требует более глубокого дополнительного изучения, здесь укажем на следующие известные факты, касающиеся арестов комсостава. Так, не позднее 27 ноября 1919 г. по распоряжению Махно в Никополе были арестованы начальник артиллерии войск Крымского направления имени Батько Махно Иван Коноваленко и командир 2-го Азиатского полка Коновалов¹⁰⁴. Кроме того, 28 ноября 1919 г. от занимаемой должности был отстранен командир 2-й батареи 2-го особого артиллерийского дивизиона Пантелей Белочуб¹⁰⁵. В связи с последним событием обращает на себя внимание свидетельство В. Белаша, утверждавшего, что Полонский, ведя агитацию о свержении штаба, пытался «подкупить» батарею Белочуба¹⁰⁶.

Согласно информации, содержащейся в докладах екатеринославских большевиков в центр, расстрел без суда и следствия командиров-коммунистов заметно отразился на настроениях в армии, поскольку в реальность официальной версии штаба о заговоре мало кто верил¹⁰⁷. В некоторых частях возмущенные повстанцы готовы были даже открыто выступить против штаба. В связи с этим, по сообщению Черного, в губпарткоме в это время неоднократно поднимался вопрос о вооруженном восстании при помощи преданных большевикам частей и осуществлении террористического акта в отношении Махно и членов его штаба. По заключению губпарткома, восстание вполне могло иметь успех, а физическая ликвидация Махно не вызывала особых трудностей. Однако, учитывая сложную ситуацию на фронте, отсутствие достоверных сведений

о продвижении частей Красной армии (с которыми у губпарткома не было связи), а также то, как к этому отнесется центр, екатеринославские коммунисты решили не торопить события. Для осуществления своего плана они через посланного делегата просили ЦК КП(б)У дополнительно прислать «кадр ответственных работников, включая в их число даже цекистов, чтобы они могли на месте разрабатывать вопрос о безболезненном уничтожении верхушки командного состава, самого Махно и его штаба»¹⁰⁸. Надо полагать, именно эти события получили отражение в воспоминаниях Владимира Мирошевского, который писал: «Нами был создан нелегальный армейский комитет, настроенный весьма агрессивно по отношению к «батьке» и неоднократно добивавшийся у губпарткома разрешения произвести военный переворот. Стоило большого труда удерживать армейцев от решительных шагов, которые могли преждевременно разложить повстанчество»¹⁰⁹.

Таким образом, дальнейшего обострения события, связанные с расстрелом Полонского, не получили. Способствовало этому и начавшееся наступление белых, которые 8 декабря 1919 г. выбили махновцев из Екатеринослава. Коммунистам не оставалось ничего другого, как покинуть город вместе с повстанческой армией.

Изучение архивных документов и других материалов позволяет утверждать, что никакого заговора, направленного против Махно, Екатеринославский губком КП(б)У в конце ноября – начале декабря 1919 г. не готовил. Нет достаточных оснований и для того, чтобы говорить о личной инициативе Полонского в этом вопросе. Полностью подтверждается сделанный ранее некоторыми исследователями вывод о том, что в целом «дело Полонского» не носило характера кампании, направленной против коммунистов. Вместе с тем не являлось оно и «следствием гипертрофированной подозрительности» Махно, равно как и интригой его контрразведки.

Документы свидетельствуют, что во второй половине ноября 1919 г. контрразведка повстанческой армии выявила имевшие место проявления, которые можно было оценить как подготовку к вооруженному перевороту. В связи с этим штаб армии вынужден был предпринять ряд мер, направленных на пресечение враждебных действий со стороны коммунистов в армии. Одним из результатов этих мер стал расстрел Полонского и нескольких лиц из его ближайшего окружения. Сам факт обоснованности такой крайней меры вызывает, правда, большие сомнения, поскольку штаб армии и контрразведка не смогли предоставить убедительных доказательств виновности Полонского и приближенных к нему лиц в подготовке покушения на Махно и других повстанческих командиров.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *Верстюк В. Ф.* Махновщина: селянський повстанський рух на Україні (1918–1921). Київ, 1992. С. 201–205; *Волковинский В. Н.* Махно и его крах. М., 1991. С. 141–143; *Голованов В. Я.* Тачанки с юга. М.; Запорожье, 1997. С. 256–261; *Руднев В. В.* Махновщина. [Харьков, 1928]. С. 54–56; *Савченко В. А.* Махно. Харків, 2005. С. 224–228; *Шубин А. В.* Махно и его время: О Великой революции и Гражданской войне 1917–1922 гг. в России и на Украине. М., 2013. С. 219–222; Он же. Махно и махновское движение. М., 1998. С. 118–119 и др.

² *Верстюк В. Ф.* Указ. соч. С. 205.

³ *Федоровський Ю. Р.* «Справа Полонського»: епізод з історії громадянської війни // Вісник Східноукраїнського національного університету імені Володимира Даля. 2002. №9(55). С. 190.

⁴ *Савченко В. А.* Указ. соч. С. 226.

⁵ *Стеценко С.* Визначення чисельності Революційної повстанської армії України (махновців) у вересні – грудні 1919 року // Воєнна історія. 2011. №1. С. 54.

⁶ *Беленко С.* Махно и Полонский (Из истории союза «левых» сил на Украине в 1919 г.) // Минувшее: Исторический альманах. [Вып.] 4. Paris, 1987. С. 274–297.

⁷ *Мирошевский В.* «Вольный Екатеринослав» // Пролетарская революция. 1922. №9. С. 197–206.

Мирошевский Владимир Михайлович (1900–1942) – советский историк, латиноамериканист. Член Коммунистической партии с сентября 1917 г. Родился в Одессе в семье служащего. До апреля 1919 г. работал в подполье в Одессе. Политком 1-го Бессарабского полка. В июле 1919 г. направлен на работу в Донецкий бассейн. С конца августа 1919 г. на подпольной работе в Екатеринославе, член подпольного Екатеринославского губернского комитета КП(б)У и секретарь ревкома. По окончании гражданской войны – на ответственной работе по линии Коминтерна. В 1932 г. окончил Институт красной профессуры. Работал в Институте марксизма-ленинизма (1932–1939), преподавал в МГУ и других учебных заведениях. С июля 1941 г. добровольцем в народном ополчении Киевского района Москвы, затем – в РККА в составе 173-й стрелковой дивизии, батальонный комиссар. С августа 1941 г. ответственный редактор газеты «Боевое знамя» 173 стрелковой дивизии. Умер от болезни 16 августа 1942 г.

⁸ Конец Гришута). 1919 год в Екатеринославе и Александровске // Летопись революции. 1925. №4. С. 79–88.

Конец Григорий Яковлевич (1894–1938). Родился в Санкт-Петербурге. Образование среднее. В октябре 1919 г. по предписанию ЦК КП(б)У прибыл в Александровск для ведения подпольной работы в тылу белых. Входил в состав Александровского и Екатеринославского губернского комитетов КП(б)У. В 1930-е гг. – руководитель группы партийно-советского контроля при Калининском обкоме ВКП(б), помощник начальника Административно-хозяйственного управления НКВД СССР. 3 июня 1938 г. арестован по обвинению в участии в контрреволюционной террористической организации. По приговору Военной коллегии Верховного суда СССР от 7 сентября 1938 г. расстрелян.

⁹ Коммунисты среди партизан (Отчет Екатеринославского Губкома КП(б)У Зафронтбюро ЦК КП(б)У) // Летопись революции. 1925. №4. С. 89–95; Доклад о подпольной работе на Екатеринославщине Зафронтбюро ЦК КП(б)У // Там же. С. 95–98.

¹⁰ Чехолин Лев Георгиевич (1890–1921) – член Коммунистической партии с 1914 г. До Февральской революции 1917 г. работал на фабрике, заведовал массово-агитационной работой. После февраля 1917 г. – член Московского совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. С октября 1917 г. по 1919 г. – заведующий отделом народного образования в Москве, партийный работник Замоскворецкого райкома партии (Москва), член правления профсоюза, работал в отделах коммунального и народного хозяйства. С 1920 г. – член Екатеринославского губкома КП(б)У, губревтрибунала, редактор «Известий» губревкома. Делегат

IV конференции КП(б)У (17–23 марта 1920 г.) от Екатеринославской парторганизации. Умер в конце марта 1921 г. в Ялте в санатории III Интернационала от туберкулеза легких.

Тарановский Александр Никифорович (1893–1921). Родился в деревне Нескучная Времьевской волости Мариупольского уезда Екатеринославской губернии. Из крестьян. Проживал и работал в селе Гуляйполе Александровского уезда Екатеринославской губернии. С 1915 г. на военной службе. С января 1918 по февраль 1919 г. секретарь правления профсоюза рабочих села Гуляйполя и его окрестностей. В апреле 1918 г. командовал т. н. «еврейской» ротой Гуляйпольского вольного батальона. Весной 1919 г. член штаба 3-й бригады 1-й Заднепровской дивизии. С июня 1919 г. в повстанческом отряде Н. Махно. С сентября 1919 г. помощник начальника штаба Партизанско-повстанческой Украинской армии имени Батько Махно. В конце ноября – начале декабря 1919 г., в связи с болезнью В. Белаша, временно исполнял обязанности начальника штаба армии. В январе 1920 г. покинул армию и некоторое время скрывался. В марте 1920 г. присоединился к повстанческому отряду Махно. Летом 1920 г. начальник штаба Особой группы войск. В октябре 1920 г. утвержден начальником штаба конной группы Повстанческой армии Украины (махновцев), действовавшей против войск генерала Врангеля в составе Южного фронта. На февраль 1921 г. – командир кавалерийской группы. 29 мая 1921 г. на общем собрании комитета единогласно избран начальником штаба Революционной повстанческой армии Украины (махновцев). Погиб в бою с частями Красной армии 20 августа 1921 г.

¹² *Незнамова Т.* Командир «залізної повстанської» // Прапор юності (Дніпропетровськ). 1964. 22 октября; *Жилінський В.* Командир залізної повстанської // Зоря комунізму (Гуляйполе). 1977. 22 июля; *Дубровський З., Кузнецов Е.* История одного забытого имени // Индустриальное Запорожье. 1988. 10 июля.

¹³ *Волковинский В. Н.* Указ. соч. М., 1991. С. 141.

¹⁴ *Савченко В. А.* Указ. соч. С. 225.

¹⁵ *Федоровский Ю.* Указ. соч. С. 186.

¹⁶ Архив автора. Карточка на Полонского М. Л., составленная В. Г. Фоменко. Без даты.

¹⁷ См.: Государственный архив Запорожской области (ГАЗО). Ф.Р-5593. Оп.2. Д.1125.

¹⁸ *Махно Н.* Русская революция на Украине (От марта 1917 г. по апрель 1918 года). Париж, 1929. С. 170–171.

¹⁹ *Беленко С.* Указ. соч. С. 277. В связи с имеющимися неточностями в публикации С. Беленко, здесь документ цитируется по подлиннику.

²⁰ *Беленко С.* Указ. соч. С. 278. Подробнее об этом см.: *Аршинов П.* История махновского движения (1918–1920 гг.). Берлин, 1923. С. 105; *Історія міст і сіл УРСР. Дніпропетровська область. Київ, 1969. С. 656–657.*

²¹ *Федоровский Ю.* Указ. соч. С. 186.

²² *Савченко В. А.* Указ. соч. С. 225.

²³ Мандат поступил в Запорожский областной краеведческий музей в 1961 г. в составе комплекса документов К. Л. Полонского.

Полонский Константин Лаврентьевич (1891–1955) – член Коммунистической партии с 1917 г. Родился в г. Мелитополе Таврической губернии в семье рабочего-шорника. С 1909 г. по 1914 г. работал на заводах в местечке Гальштадт Бердянского уезда Таврической губернии. С октября 1914 г. по февраль 1916 г. проходил военную службу. С 1916 г. по апрель 1918 г. работал на заводе Загорелина в селе Большой Токмак Таврической губернии. С апреля по август 1918 г. комендант Большетокмакского красногвардейского отряда на Батайском фронте. С августа 1918 г. по март 1919 г. агитатор 73-го полка 9-й стрелковой дивизии. С марта по июнь 1919 г. военком волостного военкомата в Большом Токмаке. С августа 1919 г. по июнь 1920 г. военком 1-го кавалерийского полка 48-й стрелковой дивизии. По окончании гражданской войны – на ответственных военных должностях. С 1946 г. на пенсии.

²⁴ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф.1489. Оп.1. Д.46. Л. 3.

²⁵ *Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине. 1918–1921: Документы и материалы.* М., 2006. С. 595, 598.

²⁶ Урицкий С. Между Одессой и Николаевым (Бои 1919 года) // Гражданская война 1918–1921. Т.1. Боевая жизнь Красной армии. М., 1928. С. 98–99.

²⁷ Калашников Александр Филиппович (?–1920). Из граждан г. Владикавказа Владикавказского округа Терской области. Анархист, в 1917 г. – начале 1918 г. секретарь Гуляйпольской крестьянской группы анархистов-коммунистов. Активный участник маховского движения с ноября 1918 г. С февраля 1919 г. командир 7-го Заднепровского полка 3-й бригады 1-й Заднепровской дивизии (позднее 7-й дивизии 14-й армии). В начале августа 1919 г. командовал 1-м сводным Екатеринославским полком. 13 августа 1919 г. в селе Новый Буг Херсонской губернии арестовал командный состав боевого участка Г. А. Кочергина, принял на себя командование и присоединился к Махно. Приказом №2 по Украинской повстанческой армии имени Батько Махно от 26 августа 1919 г. утвержден командиром 1-й повстанческой бригады. С октября 1919 г. – командир 1-го Донецкого корпуса повстанческих войск имени Батько Махно. В начале 1920 г. некоторое время исполнял обязанности командующего Партизанско-повстанческой Украинской армии имени Батько Махно. В конце мая 1920 г. избран членом Совета революционных повстанцев Украины (махновцев) и его оперативного отдела. Тогда же в районе станции Барвенково Изюмского уезда Харьковской губернии убит попавшим в него артиллерийским снарядом.

²⁸ Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины (ЦГАВО Украины). Ф.1824. Оп.1. Д.6. Л.1.

²⁹ РГВА. Ф.2283. Оп.1. Д.2. Л.2.

³⁰ Грудачев П. А. Багряным путём Гражданской. Воспоминания. Симферополь, 1971. С. 109.

³¹ Дрига И. Ф. В степях Приднепровья. Симферополь, 1974. С. 188.

³² РГВА. Ф.198. Оп.5. Д.45. Л. 49; ЦГАВО Украины. Ф.1824. Оп.1. Д.6. Л. 7.

³³ ГАЗО. Ф.П-337. Оп.1. Д.72. Л. 6.

³⁴ Там же. Л. 8.

³⁵ Там же. Л. 13.

³⁶ Центральный государственный архив общественных объединений (ЦГАОО) Украины. Ф.1. Оп.18. Д.22. ЛЛ. 104об.–105.

³⁷ ЦГАОО Украины. Ф.1. Оп.18. Д.25. Л. 4; Гражданская война на Украине. 1918–1920. Сборник документов и материалов. Т.2. Борьба против денкинщины и петлюровщины на Украине. Май 1919 г. – февраль 1920 г. Киев, 1967. С. 446–447.

³⁸ Один из пунктов инструкции, которые подлежали доработке, касался нелегальных ячеек, создаваемых в повстанческой армии. О характере внесенных изменений можно судить по отчету Екатеринославского губкома КП(б)У, где указано, что «ячейка обязана быть в курсе всех административных, оперативных и хозяйственных распоряжений [командования] и быть готовой в нужный момент принять руководство своей частью, если командный состав не соответствует» (ЦГАОО Украины. Ф.1. Оп.20. Д.315. Л. 8).

³⁹ ГАЗО. Ф.П-337. Оп.1. Д.72. Л. 30; Коневец (Гришута). Указ. соч. С. 81.

⁴⁰ ЦГАОО Украины. Ф.1. Оп.20. Д.51. Л. 22. Вопрос о действительных причинах ухода Волина с поста председателя президиума ВРС требует дополнительного изучения. Известно, что 25 ноября 1919 г. на совместном заседании членов ВРС и командного состава армии Волин, сославшись на необходимость его личного участия в культурно-просветительной работе, заявил, что больше не может оставаться работать в Совете. В результате состоявшихся перевыборов председателем президиума был избран С. Лашенко, товарищем председателя – А. Максимов, членом президиума – С. Новицкий, секретарем – И. Троян (ЦГАВО Украины. Ф.1824. Оп.1. Д.2. Л. 16).

⁴¹ В ноябре 1919 г. до Екатеринослава смогли добраться лишь немногие александровские коммунисты. Так, по свидетельству Г. Коневца, из состава группы численностью около 30 человек, которую он возглавлял, в живых остались только три человека, остальные в пути были убиты (Коневец (Гришута). Указ. соч. С. 83).

- ⁴² ЦГАОО Украины. Ф.1. Оп.18. Д.22. Л. 32; Доклад о подпольной работе на Екатеринославщине Зафронтбюро ЦК КП(б)У // Летопись революции. 1925. №4. С. 96.
- ⁴³ ЦГАОО Украины. Ф.5. Оп.1. Д.351. Л. 172.
- ⁴⁴ Махновщина в тылу у денкинцев // Пятая годовщина Октябрьской революции. 1917–октябрь 1922. Екатеринослав, 1922. С. 229.
- ⁴⁵ Цит. по: *Деникин А. И.* Очерки Русской Смуты. Т.1. Вып.2. Крушение власти и армии. Февраль – сентябрь 1917. Paris, 1921. С. 24.
- ⁴⁶ ЦГАОО Украины. Ф.1. Оп.20. Д.315. Л. 8 об.
- ⁴⁷ ЦГАОО Украины. Ф.1. Оп.18. Д.22. Л. 104об.
- ⁴⁸ ЦГАОО Украины. Ф.1. Оп.18. Д.62. Л. 13.
- ⁴⁹ Махновские дни в Александровске // Новая Россия (Харьков). 1919 г. 6 ноября. № 141. С. 3.
- ⁵⁰ Об этом свидетельствует как факт назначения Полонского начальником Никопольского боевого участка в ноябре 1919 г., так и выдвижение его по предложению Махно на должность начальника 7-й дивизии повстанческих войск (ГАЗО. Ф.Р-5747. Оп.3. Д.7944. Л. 5об.).
- ⁵¹ В действительности Огарков не являлся помощником Полонского.
- ⁵² Белочуб Пантелеймон Федорович (1892–1929). Родился в селе Старый Крым Мариупольского уезда Екатеринославской губернии. Из крестьян. Образование низшее. Участник махновского движения с лета 1919 г., осенью 1919 г. – командир 2-й батареи 2-го особого артиллерийского дивизиона войск имени Батько Махно. В 1920-е гг. проживал и работал в селе Старый Крым Мариупольского округа. В 1928 г. входил в состав нелегальной анархистской группы, ставившей, по информации ОГПУ СССР, «своей основной задачей организацию крестьянского повстанческого движения». 23 ноября 1928 г. арестован Мариупольским отделом ГПУ УССР по обвинению в контрреволюционной деятельности, участии в махновщине и подготовке вооруженного восстания против советской власти. По постановлению Коллегии ОГПУ СССР от 15 апреля 1929 г. расстрелян.
- ⁵³ ЦГАОО Украины. Ф.5. Оп.1. Д.351. ЛЛ. 190–191.
- ⁵⁴ Отраслевой государственный архив Службы безопасности Украины (ОГА СБ Украины). Ф.6. Д.75131-ФП. Т.1. ЛЛ. 42–43.
- ⁵⁵ РГВА. Ф.198. Оп.5. Д.45. Л. 5. После расстрела Полонского Берковский был утвержден командиром 1-го Стального полка имени Батько Махно и 9 января 1920 г. в Никополе вместе с полком перешел на сторону Красной Армии (*Минин А.* Приперли к реке (Бой 405 полка под дер. Грушевка 13–14 января 1920 г.) // История 45-й Волынской Краснознаменной стрелковой дивизии. Т.1. Боевой период. Киев, 1929. С. 143).
- ⁵⁶ ЦГАВО Украины. Ф.1824. Оп.1. Д.2. Л. 23.
- ⁵⁷ ЦГАОО Украины. Ф.5. Оп.1. Д.351. Л. 192.
- ⁵⁸ Коневец (Гришута). Указ. соч. С. 85–86.
- ⁵⁹ ЦГАОО Украины. Ф.1. Оп.18. Д.22. Л. 33; Доклад о подпольной работе на Екатеринославщине Зафронтбюро ЦК КП(б)У // Летопись революции. 1925. №4. С. 97.
- ⁶⁰ Архив автора. *Орлов Е. П.* Очерки воспоминаний участника гражданской войны в г. Запорожье (Александровске). Санкт-Петербург, 1992 г. Рукопись. Л. 6.
- ⁶¹ ЦГАОО Украины. Ф.1. Оп.18. Д.62. Л. 13.
- ⁶² Здесь речь идет о бывшем председателе трибунала при 1-м сводном Екатеринославском полку Вайнере, но был ли он действительно причастен к репрессиям против махновцев в июне 1919 г. – неизвестно.
- ⁶³ РГВА. Ф.198. Оп.5. Д.45. Л. 5об.
- ⁶⁴ Там же.
- ⁶⁵ *Коневец (Гришута).* Указ. соч. С. 86. В своем рассказе о расстреле Полонского Г. Коневец основывался на «информации, которую губпартком получил от тт. Новицкого, Уралова и от Сергея (начальника пулеметной команды 13-го повстанческого полка. – авт.)». Осенью 1920 г. эта информация была подкреплена им в личных беседах с командармом Повстанческой Семеном Каретниковым.

⁶⁶ ЦГАОО Украины. Ф.5. Оп.1. Д.351. ЛЛ. 192–193.

⁶⁷ ОГА СБ Украины. Ф.6. Д.75131-ФП. Т.1. Л. 43.

⁶⁸ Гутман М. Под властью анархистов (Екатеринослав в 1919 г.) // Русское прошлое. 1923. Кн.5. С. 66; *Мирошевский В.* Указ. соч. С. 205; *Голинков Д. Л.* Крушение антисоветского подполья в СССР. Кн.2. 4-е изд. М., 1986. С. 43.

⁶⁹ Литвиненко Семен Константинович (1897–1937). Родился в деревне Марфополе Александровского уезда Екатеринославской губернии. Из крестьян. Образование низшее. Участник махновского движения с 1918 г. по 1920 г. 17 ноября 1932 г. арестован органами ГПУ УССР по обвинению в агитации против хлебозаготовки и мероприятий советской власти, проводимых на селе. Освобожден в декабре того же года за недоказанностью обвинения. 31 октября 1937 г. арестован Гуляйпольским районным отделением НКВД УССР по обвинению в контрреволюционной повстанческой агитации и высказывании террористических намерений. По постановлению тройки УНКВД УССР по Днепропетровской области от 30 ноября 1937 г. расстрелян.

⁷⁰ Балак Петр Иванович (1900–1937). Родился в деревне Марфополе Александровского уезда Екатеринославской губернии. Из крестьян. Участник махновского движения с 1918 г. по 1921 г. 27 ноября 1926 г. чрезвычайной сессией Запорожского окружного суда приговорен условно к лишению свободы со строгой изоляцией сроком на 3 года. Постановлением Особого совещания при Коллегии ОГПУ от 13 июля 1928 г. осужден к 3 годам лишения свободы. 31 октября 1937 г. арестован Гуляйпольским районным отделением УНКВД УССР по Днепропетровской области по обвинению в службе у Махно и проявлении террористических намерений. По постановлению тройки УНКВД УССР по Днепропетровской области от 15 ноября 1937 г. расстрелян.

⁷¹ ГАЗО. Ф.Р-5747. Оп.3. Д.1139. Л. 17.

⁷² Там же. ЛЛ. 11об., 32.

⁷³ Коневец (Гришута). Указ. соч. С. 87.

⁷⁴ ЦГАОО Украины. Ф.1. Оп.20. Д.315. Л. 8; Коммунисты среди партизан (Отчет Екатеринославского Губкома Зафронтбюро). С. 94.

⁷⁵ Беленко С. Указ. соч. С. 291; *Скирда А.* Нестор Махно – казак свободы. 1888–1934. Гражданская война и борьба за вольные советы на Украине 1917–1921. Париж, 2001. С. 140; *Савченко В. А.* Указ. соч. С. 226; *Горак В.* Спецслужбы Нестора Махна // Политика і культура. 2001. №3. С. 39; *Андриенко И.* Секретные службы махновской армии // В мире спецслужб. 2004. №1. С. 38.

⁷⁶ ЦГАОО Украины. Ф.20. Д.315. Л. 18об.

⁷⁷ ЦГАОО Украины. Ф.1. Оп.18. Д.62. ЛЛ. 12–13.

⁷⁸ Там же. Л. 13.

⁷⁹ ЦГАВО Украины. Ф.1824. Оп.1. Д.2. Л. 18; Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине. 1918–1921: Документы и материалы. М., 2006. С. 282–283.

⁸⁰ ЦГАОО Украины. Ф.5. Оп.1. Д.330. Л. 18.

⁸¹ *Коневец (Гришута).* Указ. соч. С. 87.

⁸² М-зол. Кто они? // Звезда (Екатеринослав). 1919. 6 декабря. № 148. С. 1.

⁸³ ЦГАОО Украины. Ф.20. Д.315. Л. 19. О переговорах с Махно см. также: *Коневец (Гришута).* Указ. соч. С. 87; *Мирошевский В.* «Вольный Екатеринослав»... С. 205.

⁸⁴ *Коневец (Гришута).* Указ. соч. С. 87.

⁸⁵ ЦГАОО Украины. Ф.5. Оп.1. Д.351. Л. 194.

⁸⁶ ЦГАВО Украины. Ф.1824. Оп.1. Д.2. Л. 23.

⁸⁷ ЦГАОО Украины. Ф.1. Оп.20. Д.51. ЛЛ. 22–23.

⁸⁸ Судя по всему, речь идёт о присутствовавшем на заседании председателе санитарной комиссии докторе Райхмане. В алфавитном списке лиц, имеющих право врачебной практики в России по сведениям на 1 мая 1916 г., значится только один человек с такой фамилией: лекарь

Райхман Меер Шаев, 1876 г. рождения, окончивший курс в 1902 г. и вольнопрактиковавший на то время в Киеве (Российский медицинский список, изданный Управлением Главного врачебного инспектора Министерства внутренних дел, на 1916 год. Списки врачей, ветеринаров, зубных врачей, фармацевтов и аптек, по сведениям на 1 мая 1916 г. Петроград, 1916. С. 396).

⁸⁹ ЦГАОО Украины. Ф.1. Оп.20. Д.315. ЛЛ. 18–18об. Факт использования Полонским офицерских погон подтверждается воспоминаниями бывшего командира взвода 3-го Крымского полка И. Д. Диордицы (Научный архив Запорожского областного краеведческого музея. Д.49, Л. 2).

⁹⁰ ЦГАВО Украины. Ф.1824. Оп.1. Д.2. Л. 23об. Утверждение Г. Коневца, неоднократно повторявшееся затем в литературе, что в состав комиссии вошли Волин, Уралов и Белаш (см.: *Коневец (Гришута)*. Указ. соч. С. 87), не соответствует действительности.

⁹¹ ЦГАОО Украины. Ф.1. Оп.20. Д.315. Л. 18об.

⁹² *Шубин А. В.* Махно и его время: О Великой революции и Гражданской войне 1917–1922 гг. в России и на Украине. М., 2013. С. 222; Он же. Махно и махновское движение. М., 1998. С. 119.

⁹³ University of Michigan. Special Collections Library. Labadie Collection. Mark Mrachnyi Papers, 1922–1940. Box 1. Folder 4. Письмо П. Аршинова к М. Мрачному от 13 октября 1925 г.

⁹⁴ Mett I. Souvenirs sur Nestor Makhno. Paris, 1983. P.16.

⁹⁵ ЦГАОО Украины. Ф.1. Оп.20. Д.315. Л. 18об.

⁹⁶ ЦГАОО Украины. Ф.5. Оп.1. Д.351. Л. 190.

⁹⁷ РГВА. Ф.198. Оп.5. Д.45. Л. 69.

⁹⁸ ЦГАОО Украины. Ф.1. Оп.20. Д.51. Л. 23.

⁹⁹ РГВА. Ф.198. Оп.5. Д.45. Л. 69. Интересно, что в тот же день независимо от ВРС решение о созыве съезда было принято высшим командным составом армии, причем в ВРС об этом решении узнали случайно. Данное обстоятельство лишний раз свидетельствует о том, насколько далеко в то время зашли противоречия между членами ВРС и комсоставом.

¹⁰⁰ РГВА. Ф.198. Оп.5. Д.45. ЛЛ. 5–5об.

¹⁰¹ Путь к свободе (Екатеринослав). 1919. 6 декабря. №41. С. 1.

¹⁰² *Сергійчук В.* Погроми в Україні: 1914–1920. Від штучних стереотипів до гіркої правди, прихованої в радянських архівах. К., 1998. С. 399; *Яковлев Я.* Махновщина и анархизм // Красная новь. 1921. №2. С. 249.

¹⁰³ *Марзан.* Началось... // Звезда (Екатеринослав). 1919. 6 декабря. №148. С. 1.

¹⁰⁴ *Нестор Махно.* Крестьянское движение на Украине. 1918–1921: Документы и материалы. М., 2006. С. 273.

¹⁰⁵ ЦГАВО Украины. Ф.1824. Оп.1. Д.6. Л. 15.

¹⁰⁶ ЦГАОО Украины. Ф.5. Оп.1. Д.351. Л.

¹⁰⁷ Примечательно, что один из руководящих работников махновской контрразведки Феодосий Винник (Беленький) в 1921 г. дал такой комментарий по поводу убийства Полонского: «Полонский командовал полком и пользовался среди повстанцев большим авторитетом... Махно страшно не любил, если кто-нибудь выдвигается выше него. Зная, что Полонский был коммунистом, он... его убил» (Архив Управления Службы безопасности Украины в Запорожской области. Д.П-21643. ЛЛ. 19, 18об.).

¹⁰⁸ ЦГАОО Украины. Ф.1. Оп.20. Д.315. Л. 19об.

¹⁰⁹ *Мирошевский В.* Указ. соч. С. 204.

АНАРХО-МАХНОВСКИЕ АТАМАНЫ МЯТЕЖНОГО ДОНБАССА В 1920 – 1922 ГГ.

В. А. Савченко (Одесса, Украина)

В годы гражданской войны район Донбасса для советской власти был одним из наиболее стратегически важных, как в экономическом, так и в политическом плане (главный источник угля для промышленности, железных дорог и бронепоездов, металлургические и военные заводы, главный мобилизационный источник пролетариата для армии и структур удержания власти «пролетариата»). Донбасс, как часть УССР, по замыслам вождей большевиков, должен был играть роль «противовеса», как против украинских государственников и национал-большевиков в местной элите, так и против донской казачьей контрреволюции в РСФСР (часть земель Войска Донского была присоединена большевиками к Донецкой губернии). В начале 1920 г. с территории Донбасса были изгнаны Вооруженные силы Юга России (деникинцы) и окончательно утвердилась «диктатура пролетариата». Разрушения, принесенные гражданской войной, деклассирование рабочего класса превратили этот район в зону хаоса и социального бедствия.

Большая часть современного Донбасса (с января 1920 г. Донецкая губерния) управлялась губернским революционным комитетом из Луганска, но в октябре 1920 г. центр губернии был перенесен в Бахмут (Артёмовск). В состав губернии были включены Изюмский и Старобельский уезды Харьковской губернии, Бахмутский, Мариупольский и Славянско-сербский уезды Екатеринославской губернии, территории некоторых округов Области Войска Донского. Условно Донецкую губернию можно разделить на две части. От Гришино и Волновахи на восток до границы с РСФСР, ограниченная с севера рекой Северский Донец, – лежала горнопромышленная часть Донбасса, к которой можно отнести и город Мариуполь. Все остальные части Донбасса на север от Краматорска и реки Северский Донец – Северный Донбасс, Западный Донбасс (на запад от

линии Краматорск – Гришино (Красноармейск) – Волноваха – Мариуполь) и Приазовская его часть – это районы украиноязычные, сельскохозяйственные, не связанные с бытом рабочих и шахтерских поселков центрального и восточного Донбасса.

О махновском повстанческом движении в Донбассе не существует отдельных исследований, хотя разрозненная информация о борьбе махновцев на этой территории имеется во множестве изданий, так или иначе связанных с биографией Н. Махно и историей анархо-махновского движения. Изучать повстанчество в Донбассе – задача сложная, ведь повстанцы не оставили ни штабной документации, ни мемуарной литературы, часто единственным источником выступают сбивчивые, приукрашенные и политизированные сводки чекистских, советских и военных институций.

Махновцев – «Революционно-Повстанческую армию Украины имени батьки Махно» (далее – «армия Махно») в Донбассе знали хорошо, ведь центром махновского движения были соседние с Западным Донбассом уезды Екатеринославской и Таврической губерний. В селах Западного Донбасса с весны 1919 г. крестьяне стали выступать против большевистских продразверстки, колхозов и ЧК, пользуясь покровительством и защитой «красной» бригады Махно, которая с февраля по июнь 1919 г. удерживала красный фронт по линии Мариуполь – Волноваха, как отдельная часть Красной Армии. Во второй половине октября 1919 г. махновская армия на этих же позициях удерживала фронт против армии Деникина, а часть Западного Донбасса входила в махновский «вольный район» – «Южноукраинскую трудовую федерацию». Махновцы в Западном Донбассе сформировали свои «базовые районы» в крупных селах Большой Янисоль и Старый Кременчик. Этот район, как и район махновского Гуляй-Поля, был заселен, преимущественно, потомками украинских казаков-запорожцев Кальмиусской поланки и переселенными из Крыма греками.

Северный Донбасс (Старобельский уезд, район Славянск – Лиман) был «медвежьим углом» – краем степей, болот и лесов (пойменные леса вдоль рек Северский Донец, Айдар, Деркул, между Славянском, Лиманом и Изюмом). В Старобельском уезде не было железных дорог, крупных городских центров и значительных предприятий. Район был исключительно крестьянским и заселен потомками украинских Слободских казаков. До весны 1919 г. в этой районе не было махновских отрядов, и одним из успехов анархо-махновских агитаторов стало превращения района Сватово – Старобельск – Беловодск – Н. Айдар в «базовый» район для армии Махно. Махновцев привлекали тут не только отдаленные от центров власти степные хутора, но и густые леса, где можно было отдохнуть от изматывающих длительных рейдов, держать тайники с оружием и провиантом, накапливать добровольцев.

22 октября 1919 г. в редакционной статье в махновской газете «Путь к свободе» описывался дальнейший план махновского движения: «Наши знамена должны развиваться по всей Екатеринославщине, Харьковщине, Полтавщине, по Донецкому бассейну»¹. В октябре 1919 г. Н. Махно направил свои мобильные отряды во многие районы Восточной и Центральной Украины, провозгласив начало общей анархистской революции в Украине.

В январе 1920 г. за Красной армией в Донбасс пришли продовольственные отряды, а близость сел к промышленным районам приводила к постоянным реквизициям у местных крестьян продовольствия на нужды голодающего пролетариата. С марта 1920 г. крестьяне Донбасса начали восставать против власти «диктатуры пролетариата».

Махновцы представляли новую стратегию в повстанчестве, их мобильные отряды (кавалерия и пехота на тачанках) были неуловимы, неуязвимы и, казалось, были всюду, появляясь в самых неожиданных для власти местах. Отряды совершали многодневные рейды степями Украины, разрушая красный тыл и организуя широкое протестное движение крестьянства, местные повстанческие отряды. В марте 1920 г. махновский командир Петренко разоружил красные части в селе Б. Янисоль и поднял его против «коммунии» (в село вошла основная группа Н. Махно, а в июне здесь взбунтовался и перешел к Махно 522-й полк 46-й дивизии РККА), у Юзово (Донецк) начала действовать махновская повстанческая группа А. Буданова, а к востоку от Мариуполя махновская же Азовская повстанческая группа².

Новая власть, обобщив «повстанческий опыт» 1919 г., уже была готова к подобному ходу событий. В марте 1920 г. для борьбы против махновцев и местных крестьянских повстанцев в Донбассе организуются военные участки красного тыла: Волновахский и Гришинский. Командирам участков были подчинены кавалерийская дивизия, пехотные части, бронепоезда, имевшие задачу не допустить махновские отряды в районы промышленных центров Донбасса³.

10 мая 1920 г. махновцы налетели на окрестности Юзово и Гришино, в конце мая 1920 г. совершили рейд к Бахмуту. Весной 1920 г. у Н. Махно «на Донбасском направлении» насчитывалось 5–7 тысяч повстанцев при 180 пулеметах⁴. В начале июня 1920 г. в Юзовском районе властями было объявлено военное положение в связи с «махновскими» симпатиями крестьян и превращением в «махновские волости» Западного Донбасса и Мариупольского района из-за активизации армии Махно в Гришинском районе, где махновцы захватили волостной центр – село Николаевку⁵.

12 июня 1920 г. Н. Махно предпринял рейд в район Северного Донбасса по маршруту Гришино – Славянск – Изюм, на соединение с местными анархистскими отрядами атаманов Каменюка, Г. Савонова, Терезова,

Назарова, Шаповала и с целью дать своей армии отдых в лесах у Славянска. Махновцы на день захватывают Гришино, угрожают захватом Юзово⁶. 16 июля 1920 г. махновцы (2 тысячи сабель и штыков, 200 тачанок, 30 пулеметов, 4 орудия) пошли на штурм Славянска со стороны станции Бантышево. Штаб красной обороны, располагая в Славянске двумя бронепоездами и 1500 штыками (полк курсантов, отряды местной милиции и ЧК, мобилизованные члены партии), сумел отбить наступление⁷.

17 июля армия Махно захватила уездный Изюм и сутки оставалась в городе. В это время командование Красной армии пыталось провести операцию по полному окружению и уничтожению махновцев в районе Изюма силами 42-й стрелковой дивизии, трех отдельных бригад и трех особых групп. У Юзово был окружен и уничтожен махновский полк Клейна, пленные махновцы были немедленно расстреляны. Однако основная часть армии Махно (около 2 тысяч сабель и штыков на тачанках, 40 пулеметов, 8 орудий; по другим данным – 6 тысяч повстанцев при 165 пулеметах и 10 орудиях) после боя у села Максимовка вырвалась из окружения и 25 июля ушла из района Славянска, оставив в лесах у Северского Донца отряд Шаповала. Шаповал захватил Ямполь, ст. Маяки и Святогорский монастырь, проводя в этих районах «добровольную» мобилизацию крестьян в армию Махно⁸.

Далее армия Н. Махно совершила рейд на Полтавщину, а по возвращении, 26 августа 1920 г., Н. Махно снова захватывает Изюм, в начале сентября – Старобельск и Беловодск, 11 сентября – станцию Миллерово. Махновский атаман Ф. Щусь (300 сабель) берет Лисичанск, а А. Буданов (200 сабель) – Славяносербск. К армии Махно тогда присоединились отряды местных атаманов Г. Савонова (200 сабель) и Двигуна (100 сабель). Отряды Азовской группы армии Махно действовали южнее – у Волновахи и Мариуполя⁹.

В августе 1920 г. крестьянский повстанческий отряд села Ямполь, во главе с атаманом Сыроватским, на несколько дней захватил Лиман, а в начале сентября 1920 г. Лиман захватил уже полк армии Махно под началом анархистки «Маруси»*. Н. Махно поддержали донецкие повстанческие отряды Шаповала и Скарковского в районе Славянска, а также отряды дезертиров, группировавшиеся у Старобельска, в Сумцовском и Гавриловском лесах, на острове Томашевском у Лисичанска (общей численностью около 1,5 тысяч человек)¹⁰. Красные информаторы сообщали, что в районе Северского Донца действует более 1 тысячи повстанцев, которые считают себя «махновцами», хотя и не входят, непосредственно,

* Атаманша «Маруся» («Маруся Черная». «Маруся Сецкая») – участница махновского движения, с лета 1920 г. командовала махновским повстанческим отрядом, кавалерийским полком. Убита в бою с «красными» 20 августа 1921 г. Эту «Марусю» часто путают с анархисткой Марией Никифоровой, которая была казнена белогвардейцами в Крыму в 1919 г.

в армию Махно. Это отряды: Шаповала (300 человек), «Маруси» (200 человек), «Гришки» – Савонова (от 150 до 320 человек при 9 пулеметах), Молотова, Лонцова («Кочубея»), Сирошапки, Антихриста, Черного¹¹.

Главной махновской силой Северного Донбасса стал отряд атамана Каменюка (иногда называли «Каменев», «Каменный») – настоящее имя Андрей (Иван?) Андреевич Авраменко, бывший крестьянин-батрак села Петропавловка Старобельского уезда. Во время I мировой войны А. Каменюк (Каменюка) служил матросом Черноморского флота, стал анархистом, а с осени 1918 г. партизанил против режима гетмана Украины П. Скоропадского и немецких интервентов в лесах у Старобельска. Есть информация о том, что в начале 1919 г. он успел послужить в РККА или в советской милиции, однако разочаровался в красных и в апреле 1919 г. появился в бригаде Н. Махно. В июне 1919 г. Н. Махно, надеясь расширить сферу влияния своего движения, отправляет Каменюка на родину, с целью организовать в районе Старобельска новый повстанческий отряд как часть своей армии¹².

Летом 1919 г. Каменюк выступает уже как «главный атаман Старобельского уезда» (основная база отряда – Петропавловка), в отряде его набирается до тысячи повстанцев, которые воюют как против РККА, так и против ВСЮР.

Новым этапом повстанческой борьбы в этом районе стала весна 1920 г. когда отряд Каменюка (до 700 штыков и сабель) сосредоточился на уничтожении продотрядов, мелких частей РККА, на создании махновской «базы» в лесах у Северского Донца. Тогда в отряд Каменюка был послан махновский комиссар А. Буданов, который привел к нему небольшой отряд в 100 сабель. В сентябре 1920 г., когда армия Махно рейдировала по северу Донбасса, отряд Каменюка начал называться «Старобельским полком» армии Махно. Но когда «батька», в начале октября 1920 г., подписал союз с Красной армией, Каменюк выступил против этого союза и в письме к Н. Махно заявил: «Мы не хотели мира с большевиками, которые способны обмануть». Угроза расстрела, полученная от Н. Махно, не изменила мнения Каменюка, который временно порвал с махновскими повстанцами.

В середине октября 1920 г. Каменюк ушел из Старобельского уезда в Воронежскую губернию РСФСР. Его отряд подчинился повстанческому атаману Пархоменко (брату красного командира дивизии А. Пархоменко). В свою очередь, отряд Пархоменко и повстанческий отряд донских казаков Фомина (700 бойцов), находившиеся в составе повстанческой армии Махно до октября 1920 г., перебазировавшись с Украины в Воронежскую губернию, вступили в партизанское объединение атамана И. Колесникова*. С отрядами Колесникова в конце 1920 г. Каменюк

* Колесников Иван – родился в слободе Старая Калитва Воронежской губ., в годы I мировой войны дослужился до младшего унтер-офицера. С нач. 1919 г. красноармеец Богучарской стр.

совершил налет на Старобельск, от имени Колесникова организовывал повстанцев в южной части Калачеевского и Богучарского уездов Воронежской губернии¹³.

В районе Луганска против красных воевал атаман Терезов (иногда в документах именуется «Терезо», «Терехов»), отряд которого совершал совместные рейды с повстанцами Н. Махно, Г. Савонова, А. Каменюка. Известно, что до июня 1920 г. он служил советским милиционером села Ново-Айдар, когда неожиданно убил своего начальника. Чекистские сводки сообщали, что «...из нескольких милиционеров и дезертиров он быстро сколотил банду, забрал в милиции оружие и, наделав дебош в Ново-Айдаре, направился в Колядовку... В селе Волкодавовом (Журавце) отрядом Терезова было убито 13 продармейцев». Весной 1921 г. Терезов возглавлял автономный махновский отряд в 70 – 100 сабель, действовавший в районе Старобельска. Согласно сообщениям чекистов, этот отряд «...более всего терроризировал Старобельск и убил многих советских, партийных, рабочих и незаможников». За отрядом Терезова по Донбассу гонялись регулярные части РККА, но догнать его смогли только на Дону. Несмотря на разгром отряда в августе 1921 г., самому Терезову удалось бежать и присоединиться к отряду Каменюка¹⁴.

Громкую славу на севере Донбасса имел махновский атаман Григорий Михайлович Савонов («батька Савон», «Гришка»), который родился в 1895 г. в крестьянской семье села Голая Долина Изюмского уезда (по другим данным, в Осколе (Цареборисове)). До революции он успел поработать портным и рабочим железнодорожных мастерских, а с 1915 г. – повоевать на фронтах мировой войны. Савонов стал георгиевским кавалером и дослужился до подпрапорщика. Весной 1917 г. Г. Савонов стал эсером, вскоре – украинским левым эсером (УПСР). Во времена Центральной Рады, вернувшись на родину, он становится комендантом Оскола¹⁵.

В июне 1918 г., после свержения Центральной Рады и захвата власти в Украине гетманом П. Скоропадским, УПСР призвала украинский народ

дивизии. Летом 1920 г. сбежал из воен. части к воронежским повстанцам, стал атаманом, собрав повстанцев в «Воронежскую дивизию». 2 декабря 1920 г. советские части (4,5 тыс. штыков) разгромили «дивизию» Колесникова. С отрядом в 150 чел. И. Колесников ушел в Харьковскую губ. В начале февраля 1921 г. отряд Колесникова (500 сабель) возвратился в Воронежскую губ., захватив села Старую Калитву, Татарино, городки Калач и Россошь. Силы повстанцев доходили до 3,5 тыс. чел. при 40 пулеметах и 2 орудиях. Красным удалось разбить повстанцев, после чего И. Колесников решает объединиться с тамбовскими повстанцами армии Антонова. Во второй половине февраля 1921 г. отряд Колесникова занимает Калач, совершает налет на Новохоперск. 28 февраля И. Колесников становится командиром 1-ой антоновской армии, «дивизион» Колесникова в антоновской армии стал 1-м Богучарским полком. В начале апреля 1921 г. «колесниковцы» возвращаются в свои уезды. 21 апреля они попытались захватить Богучар, 28 апреля отряд Колесникова был разгромлен, а сам атаман убит. До конца 1922 г. в Острогжском и Богучарском уездах Воронежчины действовали мелкие отряды «колесниковцев».

к борьбе против режима гетмана. К августу 1918 г. Г. Савонов создает подпольную повстанческую организацию в селе Студенок Изюмского уезда, которая действовала под руководством подпольных центров УПСР в Изюме и Харькове. «Студенецька партия» Г. Савонова имела партизанский отряд для борьбы против режима Скоропадского и подпольную сеть в 10 – 12 селах Изюмского и Купянского уездов, которая через два года позволит Г. Савонову создать крупный повстанческий отряд¹⁶.

В ноябре 1918 г. Г. Савонов поддержал восстание С. Петлюры против гетмана, но с января 1919 г. начал симпатизировать большевикам и стал командиром РККА. Он командовал батальоном 12-го полка 1-й бригады группы войск Донецкого направления, которая вела борьбу против ВСЮР в районе Северного Донбасса. В марте 1919 г. батальон был расформирован «за неподчинение приказам командования», но сам Г. Савонов назначен на должность помощника военкома Изюмского уезда. В мае 1919 г. он был направлен на трехмесячные курсы красных командиров в Киеве. Как курсант участвовал в боях против повстанцев атамана Зеленого, пытавшихся взять город. В сентябре 1919 г. краскома Г. Савонова направили в тыл белогвардейцев организовывать красный партизанский отряд в Изюмских лесах. Несмотря на свое членство в большевистской партии, Г. Савонов действовал в союзе с махновской группой атамана Сыроватского. В начале 1920 г., когда ВСЮР отступили с Украины, Г. Савонов получил пост Ахтырского, а позже Изюмского уездного военкома.

В июне 1920 г. Г. Савонов был назначен командующим частями по ликвидации дезертирства и бандитизма в Изюмском уезде. В его распоряжении был карательный отряд и приказ жечь «дезертирские» села и расстреливать крестьян-заложников. В этот момент в его мировоззрении произошел перелом, полное разочарование в «диктатуре пролетариата». В июле 1920 г., когда армия Н. Махно рейдировала в районе Изюма, Г. Савонов связался с махновцами и договорился о своем месте в движении Н. Махно. В конце июля 1920 г. Г. Савонов поднял на восстание против «коммунии» местный гарнизон и перешел на сторону махновцев (три взвода Изюмского гарнизона, отряд милиции, всего 210 конников, 40 пехотинцев при 8 пулеметах). Покинув Изюм, отряд Савонова ушел в Тепленский лес, в район сел Синичено, Оскол, Писки-Радьковские. Густой Тепленский лес изобиловал ярами и балками, где нашли себе укрытие отряды атаманов махновской ориентации Сыроватского и Колесниченко. Отряд Савонова вступил в армию Н. Махно, а на подпольном съезде местных повстанцев и крестьян Изюмского уезда Г. Савонов был провозглашен «батькой Изюмских повстанцев». В сентябре 1920 г. его отряд, рейдивавший у Оскола, Славянска и Святогорского монастыря, разросся до тысячи повстанцев, при 30 пулеметах и 2 орудиях, за счет временного

присоединения маневренных отрядов махновской армии: «Харлашки» (Х. Общего), «Маруси», Ф. Щуся. Тогда же Г. Савонов участвует в захвате махновцами Изюма и Старобельска. В первых числах октября 1920 г. Н. Махно пошел на военный союз с Красной армией против Русской армии генерала П. Врангеля, захватившей махновский «вольный район». По договору с красными, Н. Махно обязался привести свою армию на врангелевский фронт и заставить всех махновских повстанцев прекратить военные действия против советской власти. Г. Савонову «батяка» пригрозил, что не будет считать его своим побратимом, а «при встрече морду набьет», если тот не подчинится решению о новом союзе¹⁷.

Г. Савонов опасался, что его, как перебежчика из РККА, новые «союзники» попытаются арестовать и предать трибуналу, но подчинился приказу Н. Махно. Отряд Г. Савонова использовался для перехвата и разоружения тех махновцев, кто пытался бежать из РПАУ на Дон, – продолжать борьбу против красных. На станции Оскол отряд Савонова присоединился к группе махновца Ф. Щуся, но вскоре был преобразован в 4-й полк (700 бойцов, 15 тачанок) группы Белаша – Петренко, которая заняла участок врангелевского фронта. В полк Савонова влились перебежчики из РККА – две маршевые роты 2-й Конной армии. В боях 22–25 октября 1920 г. полк Савонова сражался против белогвардейского Донского корпуса генерала Морозова у Гуляй-Поля. В этом сражении полк был разбит (остатки полка переведены на доформирование в Пологи), а Г. Савонов получил тяжелое ранение.

В то время как армия Н. Махно вязалась в кровавые бои против белогвардейцев, в лесных районах (Изюм – Славянск) осталось несколько повстанческих отрядов общей численностью около 300 человек атаманов Евтушенко, Козла, Куца, Белого, Колесника, Галинько. Эти атаманы, не принявшие махновского требования союза с РККА, продолжали вести борьбу против «диктатуры пролетариата» и подготовили восстание в селе Мечебилово. Однако, до середины декабря 1920 г. отряды Евтушенко, Куца, Козла были разбиты частями РККА и отрядами незаможных селян (КНС)*.

К середине ноября 1920 г. РККА, в союзе с армией Н. Махно, разгромила части белогвардейцев и захватила Крым. С этого времени махновцы стали не нужны советской власти, разрабатывалась операция по окружению и уничтожению махновских отрядов. 26 ноября 1920 г. полк Г. Савонова принял на себя первые удары вчерашних союзников.

* Комитеты незаможных (неимущих) селян (КНС, комнезамы) – организации сельской бедноты в Украине в 1920–1933 гг. Созданы на основе декрета ВУЦИК от 9 мая 1920 г. Им ставились задачи осуществления законов о продразверстке и выявления скрытых хлебных запасов, конфискации помещичьих и излишков «жулацких» земель и распределения ее среди бедноты, подавления повстанчества. В 1920 – 1922 гг. фактически являлись органами советской власти в украинской деревне, что было законодательно закреплено постановлением ВУЦИК и СНК УССР 13 апреля 1921 г.

Атаману и части его полка удалось вырваться из окружения в Пологах и поучаствовать в боях за Гуляй-Поле. В декабре 1920 – январе 1921 г. армия Н. Махно рейдировала по Приднепровью, Северной Таврии, Херсонщине, Киевщине, Черниговщине, проникла в РСФСР – в район Курск – Белгород. Г. Савонов воевал в составе повстанческой армии Махно в качестве командира отряда (полка)¹⁸.

В декабре 1920 г. в Донбасс вернулись махновские атаманы, которые участвовали в боях в Северной Таврии и Крыму. Отряды Г. Савонова и «Харлашки» (Х. Общий, бывший командир 2-го крымского махновского кавалерийского полка) появились в Изюмском уезде, пытаясь захватить Изюм. Но местные власти организовали маневренные отряды из частей гарнизона и милиции, которые смогли отбить нападение. Тогда Г. Савонов поднял восстание в Никифировке у Бахмута и объявил мобилизацию местных крестьян. 5 января 1921 г. отряд Савонова (125 сабель, 270 штыков, 12 пулеметов) занял Долгинькое недалеко от Изюма. Далее он направил свой отряд в РСФСР, где рейдировала армия Махно. В 20-х числах января 1921 г. Г. Савонов вместе с «Харлашкой» ограбили церковь в городке Короча у Белгорода, где Н. Махно думал создать повстанческий «вольный район». Надо сказать, что задолго до этого эпизода Г. Савонов реквизировал на нужды своего отряда ценности Святогорского монастыря, многих церквей и помещичьих усадеб. Дело о «грабителе Савонове» попало в Комиссию антимяхновских дел при махновском штабе, Г. Савонову и «Харлашке» угрожал расстрел. Опасаясь расправы, атаманы с несколькими десятками своих сторонников бежали в Изюмские леса. По другой версии, Г. Савонов повздорил с одним из махновских лидеров и ушел из армии Махно с 14 повстанцами, а у Оскола к нему присоединился отряд «Харлашки» и отряд оскольского атамана Кошенко.

В первых числах февраля 1921 г. армия Махно (около 3 тысяч повстанцев) вернулась в Донбасс после рейда в РСФСР. Заняв Старобельск и часть Лисичанска и разгромив красную бригаду, Н. Махно стал угрожать Луганску, где находилось большое количество вооружения и патронный завод. Луганск был объявлен на военном положении. 6 февраля отряд Савонова – «Харлашки» (200 сабель, 2 пулемета, по другим данным, 400 сабель, 14 пулемета) занимает Оскол, отряд Терехова захватывает Беловодск, где трофеем становятся военные склады. С этими трофеями Терехов направляется к Н. Махно в Гуляй-Польский район¹⁹.

В феврале 1921 г. для борьбы с повстанцами Донбасса была сформирована Донецкая дивизия ВУЧК, которой придали бронепоезд. В регион, по распоряжению Ф. Дзержинского, «для усиления» была направлена группа чекистов из РСФСР (в том числе и будущий легендарный диверсант и писатель Д. Медведев). Председатель Донецкой губернской ЧК К. Карлсон получил чрезвычайные полномочия в борьбе против

повстанцев. На местах, в так называемых «ударных районах по борьбе с бандитизмом», создавались судебные «чрезвычайные тройки» с правом вынесения расстрельных приговоров. «Очагами махновщины» были названы Старобельский уезд, районы Славянска, Лимана, Волновахи, Гришино, Юзово, Мариуполя.

14 февраля 1921 г. отряд Савонова налетел на Протопоповку, где повстанцы раздали селянам хлеб, конфискованный продотрядом; тот же сценарий повторялся и в других селах и слободах, захваченных савоновцами в январе – феврале 1921 г. 5 марта отряд был разгромлен в районе села Б. Камышеваха, 50 пленных повстанцев победители расстреляли. Но уже 12 марта отряд Савонова захватил Оскол, в котором уничтожил чекистов, коммунистов и советских активистов.

17 марта 1921 г. Н. Махно издает приказ о роспуске своей армии, в связи с невозможностью действовать против РККА большими силами. Армия Махно распалась на десятки рейдирующих отрядов: отряд «Маруси» направлялся в Глуховский уезд Черниговщины – на помощь местному атаману Галахе, а после – в район Барвенково – Изюм – Славянск; отряд Савонова – в Полтавскую и Екатеринославскую губернии (рейдировал в Павлоградском, Полтавском, Верхнеднепровском, Новомосковском уездах, как часть махновского отряда атамана Ф. Щуся); отряд «Фомы»* (Ф. Кожин) рейдировал по Черниговской, Полтавской губерниям, а потом свернул на Изюм – Славянск – Бахмут – Юзово. 30 марта у ст. Мечебилово отряд «Фомы» (около 600 сабель) выдержал бой с частями РККА, в мае 1921 г. отряд махновца Ф. Щуся (600 сабель) воевал в районе Гришино²⁰.

В начале апреля 1921 г. отряд Савонова возвращается в леса у Славянска. Атаман «Харлашка» был убит, а его отряд частью отошел к Г. Савонову, частью – к атаману Михаилу Жмурину. Отряд Савонова, соединившись с махновским отрядом Шкарупы, провел рейд к станции Лозоватая, захватывал станцию Мечебилово. 16 апреля 1921 г. отряд Савонова – Шкарупы был разгромлен в Теплинском лесу отрядом незаметных селян и милиционеров, в плен попало около 100 повстанцев, еще 30 погибли. Г. Савонову и Шкарупе с 20 повстанцами удалось вырваться из окружения. 20 мая 1921 г., когда Н. Махно огласил сбор армии, на место сбора на реке Самара пришли атаманы действовавшие и в Донецком регионе: Г. Савонов, Ф. Щусь, Ф. Кожин, «Маруся»²¹.

В последующем рейдировании махновской армии по Полтавщине и Харьковщине махновские отряды были серьезно потрепаны, Г. Савонов

* Кожин Фома («Фома», «Кожа») – крестьянин с. Екатериновка Юзовского района, анархист. В махновщине с декабря 1918 г., командир отряда. В 1919 г. – командир пулеметной команды 13-го полка. Занимал посты командира пулеметного полка и бригады. Участвовал в разгроме войск Деникина и Врангеля. В 1921 г. – командир махновской группы. В июле 1921 г. тяжело ранен, под чужим именем лечился в больнице в Таганроге. В 1920-е гг. продолжил борьбу против советской власти.

потерял 3/4 своего формирования. В мае 1921 г. спецгруппа ЧК ликвидировала базовый лагерь Савонова в Теплинском лесу. В конце мая 1921 г. Г. Савонов перешел к тактике «рассеивания»: часть отряда (20 человек) направилась в Екатеринославскую губернию на соединение с Н. Махно, часть осталась у Славянска под командованием адъютанта Савонова (13 человек), а сам атаман с несколькими повстанцами направился на Северный Кавказ, на поиски махновской бригады Маслакова – Бровы*. Так и не добравшись до задонских степей, Г. Савонов вернулся в Изюмский уезд. Он лечился от ран и туберкулеза (чекистские сводки утверждали, что от сифилиса) на хуторе Синичино у Оскола. Чекисты сообщали, что Савонов «...как больной сифилисом причине невозможности лечиться, не может брать активное участие [в борьбе]. Ближайшие его помощники во главе с Шкарупой убиты в районе Теплинского леса» (оперсводка за 1.06.1921 г.). В середине июля 1921 г. Г. Савонов был арестован чекистами и после пыток расстрелян. Часть повстанцев из отряда Савонова перешла в отряд к атаману Каменюку, часть – под начало брата Григория Владимира Савонова²².

Рассказ о повстанцах Донбасса был бы неполным без сведений о еще одном махновском атамане — Иванюке, создавшим в лесах на границе Константиноградского и Изюмского уездов один из основных «базовых» районов махновского движения. В 1920 – 1921 гг. в нем находились склады с оружием и лазарет для раненых махновцев. Этот «базовый» район часто посещали повстанцы из Донбасса, совершая вместе с отрядом Иванюка рейды на Полтавщину и Харьковщину. Еще в октябре 1919 г. Иванюк был назначен Н. Махно командиром отряда в 150 человек, который направлялся «батькой» в район Валки на Харьковщине, для организации местного повстанчества. Летом 1920 г. Иванюк создал в Константиноградском уезде новый отряд в 500 бойцов, который, в случаи необходимости, входил в состав армии Махно. В конце июля 1921 г. «база» Иванюка и его отряд были разгромлены красными частями. 14 августа 1921 г. Иванюк с небольшим отрядом присоединился к Н. Махно, чтобы через пять дней погибнуть в бою.

* «Кавказская повстанческая армия» махновцев – создана 10 марта 1921 г. из отрядов Г. Маслакова, Бровы, Лонцова – Кочубея, выделенными из армии Махно для операций на Сев. Кавказе. В январе 1921 г. бригада Г. Маслакова (в составе 4-й кавдивизии 1-й Конной Армии РККА) была брошена на ликвидацию повстанцев в Екатеринославскую губ. Бригада отказалась вести карательные акции, а комбриг Г. Маслаков призвал бойцов поддержать Н. Махно. Несколько дней бригада Маслакова входила в армию Махно, а 11 марта 1921 г. выступила в поход на Дон, чтобы перетянуть на сторону повстанцев станичников из 1-й и 2-й Конных армий. Прорвавшись в Кальмыцкие степи, Г. Маслаков угрожал Царицыну, Астрахани, захватил Елисту. Около полугода «армия» (2 – 4 тыс. бойцов, 2 орудия, 20 пулеметов) вела повстанческую борьбу на Ставропольщине и в Калмыцких степях. Для удобства маневра «армия» разделилась на три отряда. В июле 1921 г. отряд Маслакова был разгромлен РККА. Вскоре Г. Маслаков и Брова были убиты.

С начала 1921 г. против атамана Каменюка (чекисты тогда оценивали его отряд как «целый повстанческий полк», насчитывавший от 200 до 2 тысяч человек), рейдировавшего у Ямполья, начала действовать сводная бригада ВНУС. Склонный к преувеличениям махновец В. Белаш писал, что у Каменюка была целая армия – 4,5 тысячи бойцов при 4 орудиях и 70 пулеметах.

В начале марта 1921 г. отряд Каменюка (600 сабель и штыков, 2 орудия, 10 пулеметов) действовал в районе Луганска, проведя рейд вдоль речки Миус. Отрядам Каменюка и Терезова удалось разгромить 56-й полк РККА и на несколько дней занять Старобельск. Городок был захвачен в момент проведения там районного съезда комнезамов, на котором были оглашены планы «борьбы отрядов КНС против бандитизма». В Старобельске повстанцы убили районного секретаря парткома, местного руководителя ЧК, некоторых представителей актива КНС и советских учреждений. В апреле 1921 г. у станции Заринка Старобельского уезда Каменюк создал Повстанческий штаб региона Северского Донца (то есть юга Харьковщины и севера Донбасса) для координации действий местных атаманов махновской направленности. В отрядах, подчиненных этому штабу (Г. Савонова, Терезова, Москалевского, Гавриша, Буданова, Зайцева, Саенко, Черепахи и др.), воевало до 2,5 тысяч человек. Чекистские источники сообщали о том, что в Старобельском районе «рост бандитизма», «советской власти практически не существует», или она «существует периодически», что в уезде «ненадежный состав КНС», а состав милиции «полубандитский», в то время как количество «местных, так и организованных банд, значительно увеличилось». Повстанцев массово поддерживало население, информируя их обо всех передвижениях частей РККА и ВУЧК, которые «отбирают посевной материал» у крестьян²³.

В мае 1921 г., когда Н. Махно со своей армией решил провести рейд на Полтавщину, отряд Каменюка присоединился к «батьке», пройдя по Павлоградскому и Купянскому уездам. Он заметно вырос (до 600 сабель, 200 штыков, при 15 пулеметах и 2 орудиях) за счет объединения с отрядом донецкого атамана Черепахи. В начале июня 1921 г. совместный рейд отрядов Каменюка, «Вараввы» и «Маруси» (общее количество 800 сабель) по Старобельскому уезду представлял угрозу красному Луганску. Далее путь отряда Каменюка лежал на Гришино, Юзово, Волноваха, Мариуполь. В селах Писки, Закопное, Колядовка, Волкодавово, Новоалександровка были уничтожены представители советской власти, в Никифорово – разбита часть РККА и захвачено 3 орудия. На поимку Каменюка была брошена Донецкая дивизия ВЧК, которой удалось 7 июня 1921 г. окружить повстанцев, нанеся отряду серьезные потери. В боях 22 – 26 июня 1921 г. у Старобельска Богучарская бригада дивизии ВЧК разгромила отряд, который потерял более 200 повстанцев убитыми и пленными (по другим данным, потери составили 40

человек), 2 орудия и 7 пулеметов. Разгром отряда произошел из-за измены одного командира. Чекисты захватили и самого Каменюка, но он смог бежать из-под расстрела и снова собрал у Петропавловки свой отряд в 150 всадников при 32 пулеметах²⁴.

Крестьянство Северного Донбасса поддерживало повстанцев Каменюка, о чем свидетельствует быстрое пополнение отряда после очередного разгрома и строки чекистских сообщений: «...отношение населения к бандам признательное, раз скрывают их проступки и по непроверенным сведениям известно, что Каменев (Каменюк) сделал порядочное пополнение своих рядов. В банде находится до 170 человек из Мостовского района»²⁵.

В начале июля 1921 г. отряд Каменюка (около 100 человек) вместе с отрядом атамана Пархоменко рейдировал у станицы Вешенской и Урюпинска на Дону. В том же июле 1921 г. на Дон вышел Махно, где «батя» надеялся соединиться с отрядами Каменюка, Пархоменко, Терезова, Маслакова. Но Н. Махно не смог найти эти отряды. Согласно В. Белашу, «...соединиться с Каменевым так и не удалось. На переправах Донца в районе станицы Каменской отряд Каменева был сильно потрепан, бойцы рассеялись, а он сам с небольшим отрядом перебрался на средний Дон, в районе станиц Вешенской, Мигулинской. Пройдя на Донщине, при наших передвижениях, в указанных областях мы напали там на след наших отрядов под командой Каменева – Терезова и Колесника и третьего дня натолкнулись на след отряда Маслакова, Бровы, и мы по нему идем. В задачу нашу входит во что бы то ни стало связаться с ними со всеми»²⁶.

В начале августа 1921 г. отряд Каменюка вернулся к Старобельску, а 11 августа в этот район из калмыцких степей пришли остатки «Кавказской армии» Маслакова – Сычова в 120 сабель при 5 пулеметах. Власть Донбасса встревожило появление в уезде крупных повстанческих группировок, которые, при объединении с местными отрядами, имели общую силу до 700 сабель и штыков при 10 пулеметах. На разгром повстанцев было брошено три тысячи красноармейцев и чекистов. В боях 17–19 августа 1921 г. отряды махновской «Кавказской армии», Каменюка и Терезова были разгромлены. «Кавказцы» вернулась в Донскую область, а Каменюк с 30 всадниками бежал в леса Воронежской губернии. К этому времени махновское и антоновское повстанческие движения были задушены. Н. Махно скрылся в Румынии, И. Колесников погиб. Голод, косивший села, лишил повстанцев действенной поддержки крестьянства. Перспектив продолжения борьбы уже не существовало, многие повстанцы сдались властям после объявления амнистии. 18 сентября 1921 г. отряд Каменюка в 70 сабель пытался захватить станцию Сватово, но после боя с советскими частями ушел в Валуийские леса. В октябре 1921 г. отряд Каменюка в 50 сабель наведялся в родную Петропавловку, 19 ок-

Иллюстрации к публикации А.В. Ганина
«Новые материалы об атамане А.И. Дутове»

Встреча атамана А.И. Дутова в Самаре.
Из коллекции С.В. Картагузова

А.И. Дутов на похоронах в Уфе.
Публикуется впервые

А.И. Дутов с конвоем. Кадр кинохроники.
Публикуется впервые

Генерал А.И. Дутов с французским Военным
крестом с пальмовой ветвью.
Не ранее 1919 г. ГАРФ

Портрет А.И. Дутова

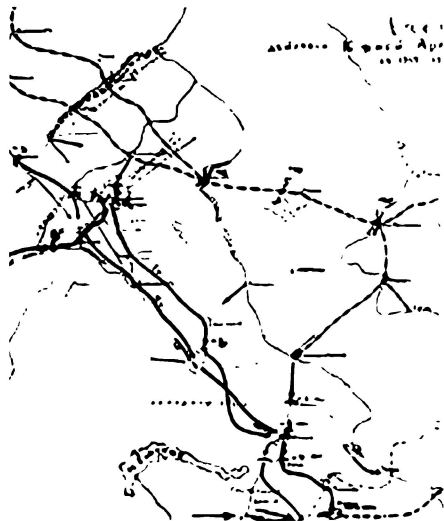

Схема к воспоминаниям А.Ю. Лейбурга. ГАРФ.
Публикуется впервые

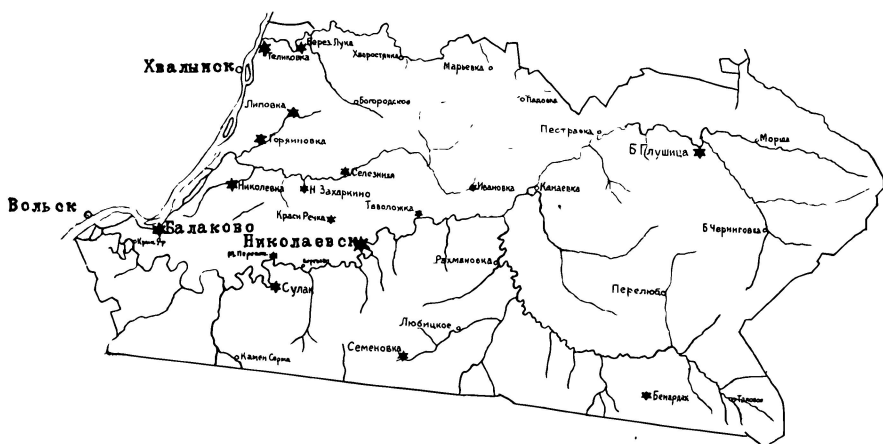

Дочь Дутова Ольга с супругом И.Е. Белых.
Красноярск. 10 октября 1931 г.
Архив Т.А. Маричевой. Публикуется впервые

Могилы дочери Дутова Надежды
в Красноярске. Фото Т.А. Маричевой.
Публикуется впервые

Иллюстрации к статье А.А. Симонова
«Баулинцы: районный Липовский отряд Красной гвардии»

Распространение ячеек Красной гвардии в Николаевском уезде
(рис. директора Пугачёвского краеведческого музея К.И. Журавлёва 1930-х гг.)

Перфил Фёдорович Баулин, командир отряда
районной Липовской Красной гвардии
(рис. сделан в 1930-е годы со слов баулинцев)

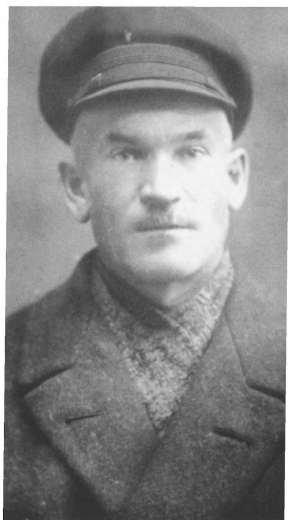
Чапаец С. Востриков (лето 1918 г.)

Здание Николаевского уездного совета – центра организации
красногвардейских отрядов в уезде (весна 1918 г.)

Егор Ефимович Кулаков,
командир разведчиков
баулинского отряда
(фото 1920-х годов)

Фёдор Васильевич Быков –
организатор Красной гвардии в
с. Липовка (фото 1930-х годов)

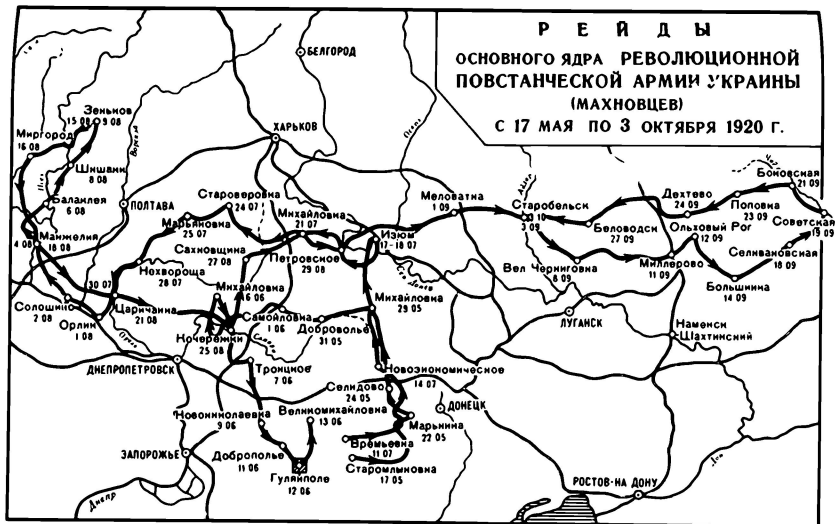

Карп Иванович Мельников,
красногвардеец-баулинец
(фото 1960-х годов)

Памятник П.Ф. Баулину
в с. Духовницкое.
Стоит у братской могилы.

**Иллюстрации к статье А.Н. Грищенко
«... Рядовую массу казаков влить в свою армию»: рейд махновской армии на Верхний Дон
(сентябрь 1920 года)»**

Карта рейдов махновской армии. Фото с сайта www.makhno.ru

**Иллюстрации к публикации А.В. Власова
«Они видели «антоновщину» (события 1920 – 1921 гг. в Тамбовской губернии
в воспоминаниях младших современников)»**

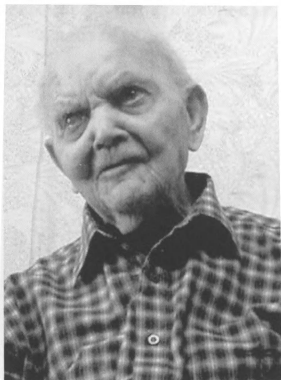
Авторы воспоминаний об «Антоновщине»

**М.И. Пархунова
(1914 – 2012)**

**М.И. Чичканова
(1912 – 2012)**

К.М. Козодаев
(1906 – 2015)

К.И. Гришина
(род. 1911)

Н.Д. Гололобова
(1911 – 2013)

М.Ф. Куликова
(1912 – 2013)

И.Т. Чулков
(1913 – 2013)

Участники «Антоновщины»

Яков Фролович Дубинкин («Бадай») (188? – 7/ XI 1971), уроженец д. Ново-Александровка Золотовской волости Кирсановского уезда.

В 1920 – 1921 гг. – активный участник «антоновщины». Руководил отрядом, действовавшим на территории Золотовской волости. В районе золотовских яров был тяжело ранен собственным братом, коммунистом Иваном Дубинкиным, шашкой разрублена переносица. Фото предоставлено племянницей – М.Г. Николаевой

Яков Антонович Чарыков (1898 – 1920, уроженец Синекустовских отрубов Туголуковской волости Борисоглебского уезда. Проживал в д. Пустоваловка той же волости. Активный участник «антоновщины» участвовал в грабежах и разбоях (со слов его жены М.А. Коноваловой (1898 – 1990), горстями приносил домой ювелирные украшения). Убит в 1920 г.

Я.А. Чарыков (в центре) и его товарищи, будущие активные антоновцы; д. Пустоваловка, 1918 г.

Вдова Я.А. Чарыкова Мария Андреевна Коновалова (в девичестве Юрина, 1898 – 1990). Двоюродная сестра одного из организаторов «антоновщины», начальника антоновской контрразведки Максима Трофимовича Юрина («Германа»); в 1920 г. чудом избежала расстрела. Фото (конец 1930-х и около 1990 гг.) предоставлены внучкой – Н.Г. Коновальцевой

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

Забывтая братская могила

Приближается 40-я годовщина Великой Октябрьской социалистической революции. В эти дни нам особенно ярко вспоминаются славные дела и события, происходящие 40 лет тому назад. Равных им по своей значимости никогда не было в истории человечества.

Многим славным борцам, отдавшим свою жизнь за счастье человечества, советский народ соорудил памятники, которые всегда напоминают нам о прошлом, заставляют свято хранить революционные традиции.

Но я хочу сказать о другом. У нас на станции Чакино имеется братская могила, где похоронены убитый бандитами командир эскадрона Казанского кавалерийского полка и несколько его бойцов. На братской могиле был сооружен памятник — пирамида со звездой. Начиная с 20-х годов, во время праздничных торжеств здесь проходили митинги и демонстрации населения Чакинского сельского Совета.

Что же мы видим теперь,

накануне 40-ой годовщины Октября? Место это заброшено и захламлено. Здесь организовали стоянки лошадей и машин. О братской могиле забыли.

Рядом с этой могилой расположен Чакинский сельский Совет и другие организации. При желании ее можно было бы привести в порядок при незначительных материальных расходах. Однако заботы об этом никто не проявляет.

М. Беллев.

Статья из газеты «Колхозный путь» (Ржакса Тамбовской обл.) о заброшенной братской могиле красноармейцев в Чакино. 31 мая 1957 г.

Из фондов Тамбовской областной научной библиотеки им. А.С. Пушкина

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

Так уж принято у нас: nasledники не забывают боевой славы своих земляков. У чакинцев тоже есть свои герои, которых они никогда не забудут. В центре села — средняя школа имени Героя Советского Союза Александра Бурдасова, погибшего в годы Великой Отечественной войны. Ни октябрята, ни пионеры, ни комсомольцы не забывают этого имени на своих сборах. Оно им помогает правильно идти по жизни, хорошо учиться.

И вот вновь добрая память сердца находит новых героев, павших за Советскую власть.

...Траурный митинг, посвященный захоронению останков бойцов и командиров Красной Армии, погибших в годы гражданской войны, открывает председатель Чакинского сельского Совета Р. В. Семичкина.

— Мы не можем перечислить всех имен героев, которые отдали свою жизнь за дело Ленина, за наше счастье, — говорит тов. Семичкина. Она называет тех, кто злодейски был убит бандитами 10 мая 1921 года. Это — красные командиры Матюхин, Демин, Быков и еще семь неизвестных бойцов.

...Минута молчания. Только слова на памятнике, беззвучно, но твердо говорят:

Доблестно жившие,
Смерть сокрушившие. —
Память о вас
Никогда не умрет
Слава вам, храбрые!
Слава, бесстрашные!
Вечную славу
Поет вам народ.

Названы имена и тех, кто остался в живых. Они тоже принимали активное участие весной 1921 года, в самых ожесточенных боях с бандитизмом. Некоторые из них присутству-

ют на митинге: Федор Егорович Блошенцев и Егор Ефимович Шабалкин — ныне пенсионеры. Они с болью в сердце рассказали о бесчинствах бандитов.

Контрреволюционный кулако-бандитский мятеж против Советской власти, организованный и возглавленный авантюристом Антоновым, принес населению с. Чакино неисчислимые бедствия. Погибло много невинных и честных людей.

На митинге выступили А. Я. Иванов, парторг опытной станции, Н. А. Самойлов, секретарь Ржаксинского райисполкома, М. М. Копылов, парторг колхоза «Красный путиловец», П. В. Мещеряков, директор Чакинской средней школы имени Героя Советского Союза Александра Бурдасова, Т. Н. Сутормина, пионервожатая средней школы, А. А. Пашков, пенсионер, Н. И. Лысенко, районный военный комиссар.

На могилу борцам, павшим за власть Советов возложены венки. Эти венки никогда не потускнеют: добрая память сердца живет в каждом.

А. ЯКУНИН,
селькор.

ЦЕНТНЕР МОЛОКА ЗА 2,8 ЧАСА

Всего 2,8 часа затрачивают на производство центнера молока в хозяйстве Вятдраской опытной станции Эстонии. На ферме, где содержатся 164 высокопродуктивных коровы, занято зимой всего семь человек, в том числе четыре доярки, в распоряжении которых современный доильный агрегат «импульс-пайплайн».

(ТАСС).

Федор Егорович Блашенцев (1893 – 1978), уроженец Вяземского уезда Смоленской губернии. Полный Георгиевский кавалер (обменял награды в голодном 1922 г. на стакан пшена и стакан проса). В 1920 – 1921 гг. командовал военизированным отрядом по охране станции Чакино, с/х училища, Савальского моста, имел в подчинении до двухсот бойцов. Зимой 1921 г. находился в антоновском плену в с. Верхоценье, бежал. От антоновцев получил кличку «Федька Блоха». Фото из фондов музея бывшей Чакинской сош предоставлено Т.Н. Кожариновой

Савальской ж/д мост, постройка конца 1890-х гг. Зимой 1920 – 1921 гг. неоднократно являлся объектом нападений антоновцев. Фото 2010 г.

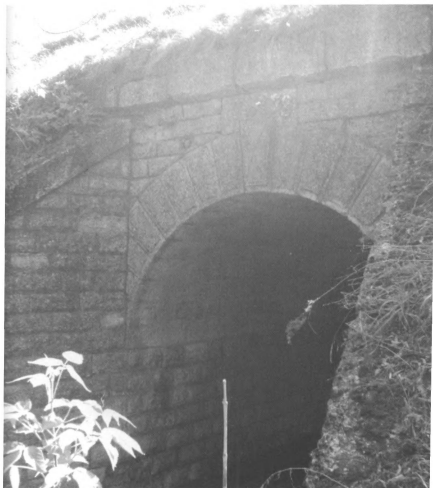
Ж/д вокзал на станции Чакино, Кирсановский уезд, постройки 1900-х гг. Станция занималась в 1919 г. частями 4-го Донского отдельного корпуса К.К. Мамантова, 9 августа 1920 г. – повстанческим отрядом Г.Н. Плужникова; в 1920 – 1921 гг. – место активных боевых действий. Фото 2010 г.

Здание Тамбовского среднего с/х училища, открыто в 1913 г. (в советское время Чакинский аграрный техникум; закрыт в 2013 г.) Летом 1920 г. находилось в плотной осаде антоновцев. Фото 2011 г.

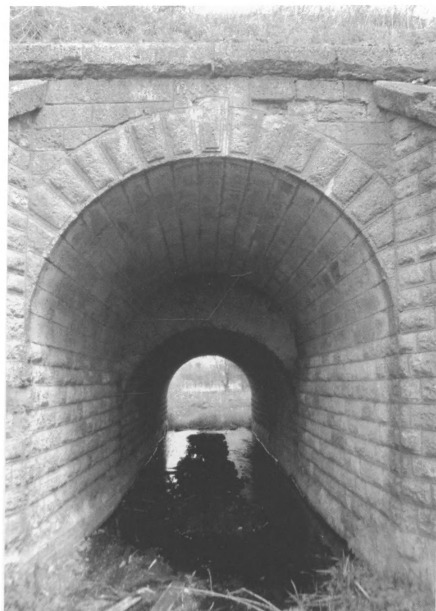

Один из корпусов училища (в советское время – восьмилетняя школа), фото 2011 г.

Водопропускная труба Балашовской ветки ЮВЖД (район д. 1-е Чакино). Построена в 1898 г. Активно использовалась антоновцами при подрывах и поджогах Савальского моста, разборе ж/д. путей, нападениях на продовольственные составы и т. п.

Фото 2012 г.

Водопропускная труба Балашовской ветки ЮВЖД вблизи станции Чакино (район д. Бабанино).

Построена в 1901 г. Назначение то же.

Фото 2012 г.

Водопропускная труба Балашовской ветки ЮВЖД (район с. Тимофеевка). Построена в 1901 г. Назначение то же. Фото 2012 г.

Подземный ход вблизи станции Чакино. Проложен в 1900-е гг. По некоторым данным, имел сообщение с Савальским ж/д. мостом.

Активно использовался антоновцами в диверсионной деятельности. В 1980-90-е гг. здесь обнаружены гильзы от стрелкового оружия. Фото 2010 г.

**Иллюстрации к статье А.О. Булгакова
«Зеленовщина» Прихопёрья в свете мемуарных источников: лидеры, организация, итоги»**

Части Красной армии форсируют Хопер и обходят с. Малиновку с фланга, 1919 г. Аркадакский краеведческий музей – филиал Саратовского областного музея краеведения

Отряд по борьбе с «зелеными» на позициях в районе сел Котоврас и Малиновка, 1919 г. Фото Д.Ф. Радаева. Аркадакский краеведческий музей – филиал Саратовского областного музея краеведения

Орудие ведет огонь по «зеленым» в с. Малиновка. Рисунок Д.Ф. Радаева. Аркадакский краеведческий музей – филиал Саратовского областного музея краеведения

Иллюстрации к статье М.Г. Ситникова
«Уральский атаман Дрёмин»

Атаман Степан Дрёмин

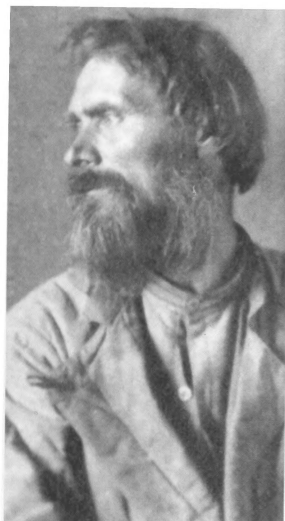
С. Дрёмин с женой

Сверху вниз:
Быков, Дрёмин, Никифоров

Павел Тохтуев,
соратник атамана Дрёмина

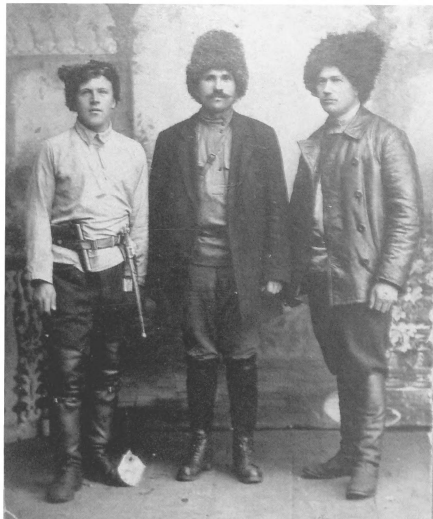

В.В. Чистяков,
соратник атамана Дрёмина

**Иллюстрации к статье А.Г. Елисеенко и А.В. Мармышева
«Ликвидация партизанской Степно-Баджейской республики в Енисейской губернии
в мае – июне 1919 г.»**

А.Д. Кравченко,
фото из газеты «Вперед к коммунизму»

Слева направо: В.А. Уланов, С.К. Сургуладзе,
П.Е. Щетинкин – фото из фондов
Минусинского краеведческого музея

Группа партизан Южно-Канского (степнобаджейского) фронта – фото из фондов Минусинского краеведческого музея

Партизаны с флагом Канского полка –
фото из фондов Красноярского краевого краеведческого музея

Партизанская артиллерия – фото из фондов Хакасского национального краеведческого музея

Конный разъезд степнобаджейских партизан –
фото из фондов Хакасского национального краеведческого музея

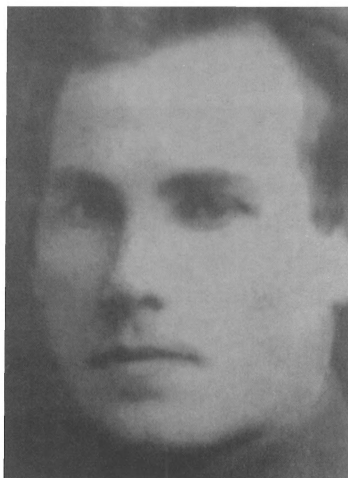

Расстрел партизан – фото из фондов Минусинского краеведческого музея

**Иллюстрации к статье Ю.Э. Глушакова
«Повстанческое движение на Гомельщине в 1918 – январе 1919 гг. и его вожди»**

Е.С. Майзлин – «Тарангул», анархо-коммунист,
член Гомельского ревкома в 1918 – 1919 гг.

В.С. Селиванов, левый эсер, активный боевик,
Гомель, 1918 – 1919 гг.

**Иллюстрации к статье А.В. Тисецкого
«Атаман Монич»**

Будущий атаман Ю. Монич – учитель
(стоит третий слева в третьем ряду)

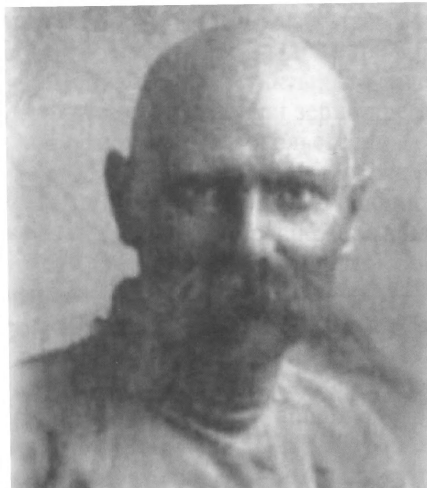
**Иллюстрации к статье В.Г. Иофе
«Бурной эпохой выдвинутые...»**

Константин Осипов, руководитель
восстания в Ташкенте в январе 1919 г.

Сидит слева Г.А. Колузаев; стоит заместитель
председателя Ташкентского совета В.Н. Финкельштейн,
справа – редактор газет «Красноармеец» и «Наша
газета» М.Н. Троицкий (последние двое расстреляны
во время восстания 19 января 1919 г.)

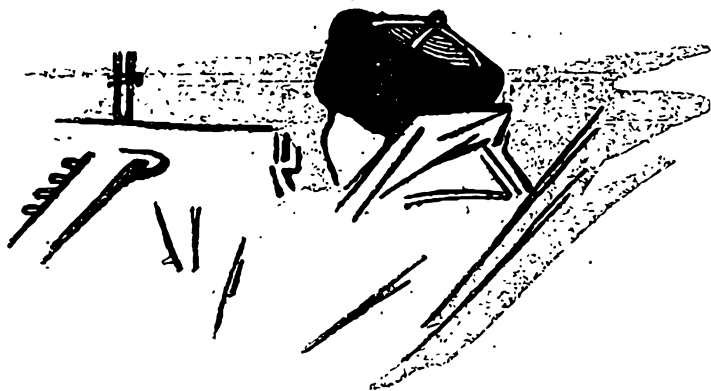

К.И. Монстров.
Ташкент, 1918 г.

Иллюстрации к статье И.В. Грибкова
«Повстанческая борьба 1918-1922 гг. в русской оккупационной печати (1941-1945 гг.)»

Есаул Михана Земцов

Слышишь-
Кубань?

КАЗАЧЬЯ БИБЛИОТЕКА

№5

ИЗДАНИЕ

ЖУРНАЛА «КАЗАЧЬЕМ ПОСТУ»

тября у Богдановского хутора части дивизии ВЧК окружили отряд и навязали повстанцам бой, после чего Каменюк вновь скрылся в лесах Воронежчины²⁷.

В конце ноября 1921 г. под селом Осиново отряд повстанцев попал в засаду, и Каменюк был убит (хотя по другим данным, погиб в январе 1922 г.). Тело атамана перевезли в Старобельск, а затем в Бахмут, где оно было выставлено на публичное обозрение. Д. Медведев (с апреля 1921 г. начальник Старобельской уездной ЧК, в конце 1921 г. руководитель ЧК в Шахтах) так характеризовал атамана: «Каменюка разбирался в военном деле, был решительным, смелым, хорошо знал местность, имел своих людей по всем селам, чувствовал опасность, что позволяло ему время от времени выходить из затруднительных положений». В конце 1921 г. врио председателя ВУЧК В. Балицкий ходатайствовал о награждении председателя Донецкой ГубЧК К. Карлсона орденом Красного Знамени за проведенную «большую работу по ликвидации махновщины и ряда других крупных банд – Каменюка, Зайцева, Золотого Зуба», а коллегия Донгубчека постановила ходатайствовать перед коллегией ВУЧК о награждении Д. Медведева памятными золотыми часами «за уничтожение бандинизма в Старобельском уезде»²⁸.

Кроме крупных махновских повстанческих отрядов, в 1921 г. в Донбассе действовало еще десятка два местных отрядов «анархо-махновской направленности». Махновский атаман Волох (некоторые публицисты ошибочно называют его «петлюровским», очевидно путая с Е. Волохом – военачальником армии УНР) оперировал в украинско-российском пограничье у Беловодска. В начале января 1921 г. отряд Волоха (60 сабель и штыков), рейдируя по Купянскому, Изюмскому, Старобельскому уездам, занял слободы Мостки, Рудовку, Преображенное в районе станции Сватово. Повстанцы громили сыпные пункты, где содержалось конфискованное продотрядами зерно, и раздавали зерно крестьянам, сжигали документацию милиции, ревкомов, продовольственных комитетов, убивали советских работников. 25 и 27 апреля 1921 г. отряд Заволжской бригады и кавалерийский истребительный отряд потрепали отряд Волоха (около 200 сабель, 2 пулемета) у Сватово. Красные командиры рапортовали о полной ликвидации атамана Волоха. Но он погиб только 26 июня 1921 г. в бою с отрядом чекистов Д. Медведева у села Масловка, а остатки его отряда ушли в леса Воронежской губернии²⁹.

На Луганщине в районе Митякинских лесов в 1921 г. действовал отряд махновского атамана Петренко – он же Петро Блыскавка («Молния») – и его побратима Милошенко, анархиста, рабочего рудника из Горловки. Иногда чекисты называют Петренко «помощником Каменюка», хотя это был самостоятельный атаман. Известно, что 17 ноября 1921 г. отряд Петренко (80 сабель) в хуторе Певнев Новоастрahanской волости убил 7 милиционеров.

В марте 1921 г. у Сватово частями РККА был разгромлен еще один отряд – атамана Калюжного (30 сабель).

«Анархо-активистом» и членом «Союза анархистов Гуляйпольского района» являлся донбасский атаман Яков Москалевский, более известный как «Золотой зуб». Он был крестьянином села Марьинки у Юзово (по другим данным, родился в соседней с Марьинкой Екатериновке), в юности работал шахтером, в годы I мировой дослужился до прапорщика, став георгиевским кавалером. Летом 1918 г. Я. Москалевский организовал партизанский отряд в Западном Донбассе, боровшийся против режима П. Скоропадского. С ноября 1918 г. Я. Москалевский становится боевым командиром в частях Н. Махно. Как самостоятельный атаман он известен в Донбассе с весны 1920 г., однако и после этого несколько раз переходил с отрядом в армию Махно или соединялся с отдельными махновскими атаманами («Маруси», «Фомы»). Его отряд (100 – 400 сабель, 30 тачанок, 10 пулеметов) участвовал в боях армии Махно у Гуляй-Поля и Александровска (Запорожье). После присоединения армии Махно к РККА (октябрь 1920 г.) «Золотой зуб» не подчинился приказам «батяки» и продолжал воевать против красных, избежав разгрома и пополнив ряды за счет добровольцев из ликвидированных отрядов³⁰.

В начале марта 1921 г. отряд «Золотого зуба» (120 сабель и штыков) пытался взять городок Славяносербск. В начале июля 1921 г. «Золотой зуб» временно присоединился к Махно и рейдировал у станции Анадоль. 13 июля этот отряд (80 сабель) откололся от основных сил Махно и отошел в Мариупольский уезд, где через четыре дня был разгромлен. Спаслись только 15 повстанцев во главе с атаманом. Однако осенью 1921 г. он смог собрать новый отряд.

В Донбассе на сторону повстанцев переходили отдельные регулярные части РККА. Так, в июле 1921 г. перешел отряд под руководством Сычева из красноармейцев 1-й Конной Армии. Среди повстанцев немало было и дезертиров, которые уклонялись от призыва в РККА (отряд Гавриша у Беловодска и др.). Отряд атамана «Вараввы» (возможно, подразделение «армии» И. Колесникова, пришедшие в Донбасс из РСФСР) действовал в апреле – мае 1921 г. на востоке Луганщины, летом 1921 г. – партизанил в воронежских лесах. В Старобельском уезде оперировал и атаман Калиновский, объявивший о сборе целой «армии», но так ее и не собравший. Весной 1921 г. в районе слобод Успенковка и Новоандреевка на Луганщине действовал повстанческий отряд атамана Балабанова, а в районе Славянска – атаманы Безуглов, Шаровалов, Шерстюк, Бабицкий. В Беловодском районе в 1921 г. оперировал отряд атамана «Черепяхи», там же действовал отряд Ивана Блохи (50 сабель). Для ликвидации отряда Блохи чекисты испробовали тактику создания псевдоповстанческого отряда, который заманил И. Блоху и часть его повстанцев в ловушку. 25 июня 1921 г. атаман и 20 его соратников были убиты чекистами в селе Барановка³¹.

К концу июля 1921 г. красные части разгромили отряды Зайцева, «Золотого зуба», А. Буданова (50 сабель). Однако повстанчество еще не было ликвидировано... Чекисты фиксировали по Донецкой губернии повстанческие группы (кроме уже охарактеризованных нами отрядов): у Старобельска отряды Гайворонского (30 сабель), Зайцева (10 сабель), Суходольского (30 сабель), «Черной маски», у Лимана отряды Жигулина (30 сабель), Милющенко (18 сабель), Гордеева (20 сабель, 2 пулемета), «Кости махновца» (60 сабель), Смирнова. Тем не менее, красные одолевали. Если в мае 1921 г. в Донецкой губернии чекисты фиксировали 46 повстанческих отрядов и 10 тысяч повстанцев (численность надо полагать несколько завышенной), то на 1 августа 1921 г. они насчитали всего 250 повстанцев при 8 пулеметах (эти данные, очевидно, занижены) и отрапортовали, что задача «ликвидировать бандитизм на Донбассе» выполнена³².

3 августа 1921 г. отряд Махно (150 сабель), возвращаясь из рейда на Дон, пытался пробиться на Старобельщину, но у станции Чертково был встречен частями Донецкой дивизии ВЧК и вооруженными отрядами КНС. 8 – 9 августа у станции Сватово отряд Н. Махно снова пытался прорваться на запад, имея противниками Богучарскую дивизию, отдельный конный полк и бронепоезд. На этот раз махновцам удалось просочиться сквозь красный заслон и укрыться в Изюмских лесах. В середине августа 1921 г. отряд Махно прешел на Херсонщину, а оттуда был вынужден уйти в Румынию³³.

Чекистские сводки сообщали, что «пик бандитизма» в Бахмутском районе прошелся на июнь – июль 1921 г., в Юзовском – на июль, в Старобельском – на июнь-август, в Луганском – на август, в Славянском – на сентябрь³⁴.

К 15 сентября 1921 г. в Донецкой губернии чекисты зафиксировали только 9 отрядов, в которых насчитывалось до 300 сабель и штыков при 12 пулеметах, а на 1 ноября 1921 г. – 250 сабель и штыков при 14 пулеметах (отряды Каменюка, Зайцева, Петренко, Диденко, Петрушева, Федорова, Апатова, Куницы, Филипова). В октябре 1921 г. были ликвидированы отряды махновцев Громова, Безуглова, «Куницы» из Юзовского уезда, а в ноябре был убит атаман Федоров. В конце сентября 1921 г. в Славянске сдался по амнистии атаман Сыроватский с 13 партизанами, однако в ноябре того же года снова ушел в лес. К октябрю 1921 г. в Старобельском уезде оставались отряды атаманов Алпатова и Погорелого (вместе около 100 человек). На конец ноября 1921 г. чекисты насчитали по Донецкой губернии только 110 повстанцев³⁵.

С осени 1921 г. повстанческое движение в Донбассе стало затухать. В небольших отрядах, бродивших по Теплинскому и Гавриловскому лесам, продолжали борьбу повстанцы из разгромленных отрядов Евтушенко, Савонова, Шкарупы, Каменюка... Отряд «Золотого зуба» к весне 1922 г. сократился до 20 человек, бойцы, разувверившись в повстанчестве,

расходились по домам. В июле 1922 г. этот отряд действовал в Славянском, Бахмутском, Луганском уездах. В августе 1922 г. «Золотой зуб» был арестован чекистами и при попытке бежать из-под ареста убит. В апреле – мае 1922 г. отряд Сыроватского (14 штыков) рейдировал по Изюмскому, Славянскому, Старобельскому, Павлоградскому уездам. Чекисты сообщали, что в начале июня 1922 г. этот отряд был ликвидирован в районе Лимана, а атаман убит, хотя в сводках за август 1922 г. вновь упоминается «банда» Сыроватского³⁶.

Причины упадка повстанческого движения в Донбассе, во многом, общие для всего повстанческого движения Украины и России: к концу 1921 г. в стране установился НЭП, власти прекратили насаждать на селе коллективные и советские хозяйства, прекращаются действия продотрядов и сбор продразверстки. Одной из причин было то, что против плохо вооруженных, разрозненных и немногочисленных крестьянских отрядов в 1921 г. были направлены регулярные армейские и чекистские части, которые в пять раз превышали все повстанческие группы вместе взятые: Донецкая дивизия ВУЧК, Заволжская дивизия, бригада ВНУС, 13-я отдельная железнодорожная бригада войск ЧК, 175-й батальон ДонгубЧК, Харьковская ударная группа ЧК, Изюмские пехотные командные курсы, маневренный отряд при Штабе по борьбе с бандитизмом; Изюмский и Славянский истребительные кавалерийские отряды, три бронепоезда и множество более мелких частей. В «ударных районах» создавались военные опорные пункты, в «ненадежных» селах были поставлены военные гарнизоны. В повстанческое движение внедрялась чекистская агентура³⁷.

Как и в других советских республиках и регионах, власть применяла самые жестокие и системные репрессии в отношении непокорных крестьян, которых огульно провозгласили «кулацкой контрреволюцией» «Чрезвычайные», «Особые» политтройки и выездные сессии революционного трибунала ввели практику массовых расстрелов. Так, с апреля по июль 1921 г. в Изюмско-Славянском районе за «поддержку бандитизма и контрреволюцию» было расстреляно 1120 крестьян и еще 2 тысячи попали в концлагерь как заложники³⁸. Сожжение хат и обстрел «бандитских» сел из артиллерии и пулеметов использовались властью как инструмент устрашения и подавления. Система заложничества предполагала расстрелы семей повстанцев в случае их отказа от добровольной сдачи, расстрел половины заложников из конкретного села в случае невыполнения предъявленных властью требований или за «снабжение бандитов»³⁹.

Однако самым беспощадным был террор голодом. Семьи повстанцев умирали от голода, и доведенные до отчаяния повстанцы расходились по домам. Продовольственные репрессии «бандитских» сел практиковались как превентивно-репрессивная мера, они добились повстанчество в самый голодный для страны период осени 1921 – лета 1922 гг.

Повстанчество в Донецкой губернии

(из списка политических банд в Украине на апрель 1921 г., созданного для Постоянного совещания по борьбе с бандитизмом).

ЦДАВО України. Ф. 3204. Оп. 2. Д. 46. Лл. 1–12.

Атаман	Район	Количество повстанцев в январе – феврале	В феврале	В марте	В апреле
Савонов	Оскол-Славянск	200 сабель, 4 пулемета			500 сабель, 18 пулеметов
Каменюк	Луганск – Старобельск		500 сабель и штыков (рассматривался как отряд Колесникова).		80 сабель, 3 пулемета
Волох	Ямполь	70 сабель и штыков, 2 пулемета			200 сабель, 2 пулемета
Белаш – Куриленко «Фома» (Ф. Кожин) «Мариупольская группа махновцев»	Мариуполь – Таганрог – Гришино Юзовка			200 сабель, 2 пулемета	200 сабель
Терехов	Беловодск		300 сабель и штыков	450 сабель, 18 пулеметов (общее число с отрядом Г. Савонова).	
Зайцев	Купянск				300 сабель
Бабицкий	Бахмут		150 сабель, 7 пулеметов		
Пархоменко	Юзово		200 сабель, 3 пулемета		
Маруся	Славянск	350 сабель и штыков, 8 пулеметов			
Миронов	Славянск – Межевая			150 сабель, 1 пулемет	
Терезов	Луганск		100 сабель, 3 пулемета		
Скляр	Славянск		25 сабель, 1 пулемет		

Быстров –
Солодов Старобельск

50 штыков

Повстанцы Донбасса, в своем подавляющем большинстве, поддержали армию Н. Махно и его «анархистский выбор». Американский историк японского происхождения Гироаки Куромия рассматривает Донбасс как «антистоличную казацкую землю», которая всегда создавала проблемы для любого «центра». По его мнению, жители Донбасса наследовали поведенческие образцы «Дикого поля»: бунтарство, жестокость, склонность к террору, воинственность⁴⁰. Феномен повстанчества в сельских районах Донбасса в 1920 – 1922 гг. во многом связан с этими ментальными особенностями региона.

Приложение 2.

Список «политических банд» в Донбассе был создан для «паспорта области» (Галузевий державний архів служби безпеки України (отраслевой государственный архив Службы безопасности Украины) (ГДА СБУ). Ф. 13. Спр. № 468, № 454).

Список содержит, на 1920 – 1922 гг., около 60 «политических банд» следующих атаманов: Безуглова, Белокобыльского, Бирюкова, Бондаря, Блохи, Булатова, Буната, Варламова, Вараввы, Винника, Вышивки, Волоха, Гавриша, Гайворонского, «Гайдамаки», Гоголева, Орехова, Дадьки, Донченко, Дроздова, Дружинина, Емельянова, Зайцева, «Золотого зуба»-Москалевского, Кузьмина, Кия, Каменюка, Кобелева, Ковалева, Колесникова, Колодина, Коршунова, Котенка, Кочубея, Краснова, Лопатина, Лукьянцева, Мамонтова, Маруси, «Молнии»-Петренко, Перепелицы, Пименова, Режевского, Рыжего, Роговского, Роговца, Романько, Савонова, Сайка, Сыроватского, Солодова, Соутенка, «Степь», Зеленкевича, Терезо, Тищенко, Турка, Черепахи, Шаповалова, Шкуро, Щербачевского.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Путь к свободе. 1919. 22 октября.

² Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р. 9431. Оп. 2. Д. 35. Лл. 19–20.

³ Центральный державний архів вищих органів влади та управління України (Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины) (ЦДАВО України). Ф. 5. Оп. 1. Д. 289. Л. 17.

⁴ ЦДАВО України. Ф. 1. Оп. 1. Д. 77. Лл. 48, 68; Ф. 5. Оп. 1. Д. 289. Л. 97.

⁵ ЦДАВО України. Ф. 5. Оп. 1. Л. 293. Л. 30; Ф. 2. Оп. 1. Л. 619. Л. 31.

⁶ *Победь Д.* 3. Итоги и уроки трех лет анархо-махновщины. Харьков: Всеукр. гос. изд-во, 1921. С. 26.

⁷ Красная правда (Бахмут). 1920. 18 июля.

⁸ Большевик (Славянск). 1920. 15 августа; ЦДАВО України. Ф. 2. Оп. 1. Д. 878. Л. 38.

- ⁹ ЦДАВО України. Ф. 5. Оп. 1. Д. 289. Лл. 179, 213, 225; Державний архів Запорізької області (Государственный архив Запорожской области Украины) (далее ДАЗО). Ф.Р. 73. Оп. 1. Д. 13. Л. 2.
- ¹⁰ Тихоненко Ю. Лиман. 1920 // Зоря (Красний Лиман). 2013. 16 января.
- ¹¹ ЦДАВО України. Ф. 2. Оп. 1. Д. 878. Л. 38.
- ¹² Белаш А., Белаш В. Дороги Нестора Махно. М.: Проза, 1993. С. 302.
- ¹³ ЦДАВО України. Ф. 5. Оп. 1. Д. 289. Л. 242.
- ¹⁴ ЦДАВО України. Ф. 5. Оп. 1. Д. 289. Л. 244.
- ¹⁵ Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине 1918–1921. Документы и материалы. М., РОССПЭН, 2006. С. 470, 603, 708–711; ЦДАВО України. Ф. 3204. Оп. 1. Д. 39. Лл. 31–33; Оп. 2. Д. 46. Л. 35.
- ¹⁶ *Резніков В. В.* Антигетьманський повстанський рух на Слобожанщині (травень – листопад 1918 року) // Молодий вчений. Історичні науки. Х., 2015. №5(20). Ч. 1. С. 79; *Ковальчук М.* Без переможців. Повстанський рух в Україні проти білогвардійських військ генерала А. Денікіна (червень 1919 р. – лютий 1920 р.). Київ: Стилюс, 2012. С. 300.
- ¹⁷ *Белаш А., Белаш В.* Указ. соч. С. 410.
- ¹⁸ ЦДАВО України. Ф. 3204. Оп. 1. Д. 25. Л. 37.
- ¹⁹ ЦДАВО України. Ф. 3204. Оп. 1. Д. 25. Л. 36.
- ²⁰ Державний архів Дніпропетровської області (Государственный архив Днепропетровской области Украины, ДАДО). Ф.Р1166. Оп. 1. Д. 18. Л. 250.
- ²¹ *Белый П., Дышлевова П.* Единство действий в защиту завоеваний революции. Боевое содружество трудящихся Украины и России в борьбе против кулацкой вооруженной контрреволюции (конец 1920 – 1922. Киев: Вища школа, 1988. С. 109.
- ²² Известия Бердянского уездВРК и Парткома. 4 сент. 1921 г. ЦДАВО України. Ф. 3204. Оп. 1. Д. 39. Лл. 31–33; *Логвиненко Л.* У тіні Чорного ворона // URL: level.pp.ua/forum/32–196–
- ²³ ЦДАВО України. Ф. 3204. Оп. 1. Д. 25. Л. 91; Л. 37. Л. 7.
- ²⁴ *Нікітенко К.* Терор голодом на Донеччині на початку 1920-х років: розплата за повстанський рух // Лезкало тижня (Зепкало нелели). Киев. 2014. 30 тпавня (мая).
- ²⁵ *Прынь В. М.* Борьба органов ВЧК с бандитизмом на Сватовщине в годы гражданской войны // Сайт города Сватово. Режим доступа: URL: svatovo.lg.ua/history/bandit.html.
- ²⁶ *Белаш А., Белаш В.* Указ соч. С. 570.
- ²⁷ ЦДАВО України. Ф. 3204. Оп. 1. Д. 25. Лл. 19, 53.
- ²⁸
- ²⁹ *Прынь В. М.* Указ. соч.
- ³⁰ ЦДАВО України. Ф. 3204. Оп. 1. Д. 25. Л. 54.
- ³¹ ДАЗО. Ф.Р. 2. Оп. 5. Д. 4. Лл. 102–118.
- ³² ЦДАВО України. Ф. 3204. Оп. 1. Д. 25. Лл. 1–3.
- ³³ Там же. Л. 10.
- ³⁴ Там же. Л. 81.
- ³⁵ ЦДАВО України. Ф. 3204. Оп. 1. Д. 25. Лл. 12, 13, 54; Центральный державний архів громадських об'єднань України (Центральный государственный архив общественных объединений, ЦДАГО). Ф. 1. Оп. 20. Д. 643. Лл. 43, 50, 61.
- ³⁶ «Совершенно Секретно»: Лубянка Сталину о положении в стране (1922–1934 гг). Т. 1. (1922–1923 гг.). Ч. 1. // istmat.info/node/22548; ЦДАВО України. Ф. 3204. Оп. 1. Д. 37. Л. 12.
- ³⁷ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 39080. Оп. 1. Д. 42. Л. 28.
- ³⁸ ЦДАВО України. Ф. 3204. Оп. 1. Д. 37. Лл. 7, 21, 36; РГВА. Ф. 25899. Оп. 1. Д. 1. Лл. 5, 15..
- ³⁹ ЦДАВО України. Ф. 3204. Оп. 1. Д. 37. Лл. 2–5.
- ⁴⁰ *Куромія Г.* Свобода і терор у Донбасі. Українсько-російське прикордоння. 1870–1990-і роки. Київ: Основа, 2002. С. 19–20, 105.

«... РЯДОВУЮ МАССУ КАЗАКОВ ВЛИТЬ В СВОЮ АРМИЮ»: РЕЙД МАХНОВСКОЙ АРМИИ НА ВЕРХНИЙ ДОН (СЕНТЯБРЬ 1920 ГОДА)

А. Н. Грищенко

(Новочеркасск Ростовской области)

Возглавляемое Нестором Ивановичем Махно повстанческое движение украинских крестьян было одним из самых массовых, широкомасштабных и продолжительных во время Гражданской войны. Объединенное в рядах Революционной Повстанческой армии Украины крестьянство представляло собой значительную силу, с которой приходилось считаться лидерам белого движения и вождям большевиков. В этой связи неослабевающий интерес историков и литераторов к личности и деятельности Н. И. Махно и махновскому движению естественен и закономерен. Яркое тому свидетельство – обилие разнообразных работ на эту тему¹. В увидевших свет публикациях изучены различные составляющие махновского движения: причины возникновения, социально-классовый состав, идеология, военная организация, стратегия и тактика ведения войны, перипетии отношений махновцев и большевиков, ход военных действий, личность и судьба Н. И. Махно. Библиографический обзор вышедшей литературы по теме махновского движения в период с 1997 по 2007 годы сделан В. Д. Ермаковым, который констатировал сохраняющийся устойчивый интерес украинских и российских ученых к исследованию проблемы махновского движения². В рамках исследовательского проекта «Народные вожаки 1918 – 1922 гг.» авторы представили результаты изучения отдельных сюжетов из истории махновского движения³. Заслуги исследователей в осмыслении различных аспектов махновского движения очевидны, однако далеко не все вопросы этого сложного явления рассмотрены в полном объеме.

К числу недостаточно изученных вопросов относится кратковременное пребывание махновской армии в Донской области в сентябре 1920 года.

Рейд махновцев на Дон предельно кратко описал один из первых советских исследователей истории борьбы с «вооруженной контрреволюцией» в казачьих областях Юга России Б. И. Степаненко⁴. Среди современных авторов упоминания об этом рейде содержатся в новейших монографиях исследователя махновского движения А. В. Шубина⁵ и статье известного специалиста по истории казачества в Гражданской войне А. В. Венкова⁶.

Неоспорим тот факт, что сила и залог успеха махновской армии как военно-политического формирования зависели от степени и форм поддержки со стороны населения. Принимая во внимание, что махновская армия совершала рейды не только по губерниям Украины, но и по соседним территориям, в том числе по округам Донской области, представляется необходимым более детальное рассмотрение этого вопроса. Изучение вопроса о пребывании махновской армии на донской земле позволит не только вписать новую страницу в историю повстанческого движения украинских селян, но и проанализировать позиции донских крестьян и казаков в отношении махновцев и стратегии их поведения в развернувшемся противоборстве украинских повстанцев с большевиками. Вместе с тем, картина пребывания повстанческой армии на Дону будет неполной и однобокой без анализа комплекса мероприятий советской власти по ликвидации появившегося врага.

Появление махновцев на донской земле в сентябре 1920 года было не первым. В июле того же года один из махновских отрядов в 300 сабель вошел в пределы Донецкого округа Донской области, но был сравнительно быстро изгнан силами окружной милиции и объединенными в батальон особого назначения местными большевиками⁷.

Что заставило махновскую армию вторгнуться в Донскую область, какую цель преследовали махновцы? Летом 1920 года руководимая Н. И. Махно повстанческая армия находилась в состоянии войны с Красной армией и совершала рейд по селам и городам Екатеринославской, Харьковской и Полтавской губерний под лозунгами за создание «Свободных Советов» и претворение в жизнь «анархо-коммунистических идеалов без насилия и надзора партий и личностей». На своем пути махновцы уничтожали органы советской власти и проводили террор в отношении «административных лиц», к которым относились председатели революционных комитетов и комитетов незаможных селян, чекисты, сотрудники милиции и бойцы «карательных отрядов»⁸. В ходе этого рейда, согласно воспоминаниям начальника оперативного отдела Совета революционной повстанческой армии В. Ф. Белаша, и возникла мысль о попытке прорыва в Донскую область. На рассвете 16 августа махновцами был занят город Миргород. Здесь к ним в руки попали газеты с сообщением о том, что «врангелевский десант генерала Назарова» 9 августа высадился в станице Ново-Николаевской и стремится проникнуть в «Новочеркасский округ»⁹. 17 августа командование армии обсудило

вопрос ликвидации белогвардейского десанта, способного, по мнению Совета, по мере проникновения вглубь области поднять восстание. Придя к такому выводу, командование решило направить армию в казачьи земли с целью «предупредить восстание на среднем Дону и [.] отстранив офицеров, рядовую массу казаков влить в свою армию»¹⁰. Но во второй половине августа 1920 года назаровского десанта как полноценного вооруженного формирования уже не существовало, его разрозненные остатки вылавливались силами местных гарнизонов и милицией. Не следует исключать вероятность неосведомленности махновского командования относительно истинного положения дел с белогвардейским десантом. Располагая информацией только о самом факте высадки десанта и его продвижении в Донскую область, махновский штаб, вероятно, не обладал сведениями о его дальнейшей судьбе, потому и было принято решение о выдвижении повстанческой армии в казачьи районы. Рейд махновской армии на Дон преследовал цель не только привлечь на свою сторону казаков, но и попытаться раздобыть по пути боеприпасы на заводах и складах Донбасса, что должно было увеличить боеспособность армии. Махновцы громили советские органы власти, пытались сорвать вывоз угля и изъять его по продрозверстке хлеба из Украины в Россию¹¹. Махновский рейд, таким образом, был вызван потребностью пополнения личного состава армии за счет донского казачества путем упреждения белогвардейской инициативы по организации массового восстания в тылу Кавказского фронта. Особенность рейда заключалась в том, что, если до этого махновская армия действовала в районах постоянной дислокации и в привычной для нее социальной среде, то на сей раз ей пришлось оперировать на чужой территории в местах компактного проживания казаков и крестьян Донской области.

Вторжению махновцев предшествовала разведывательная работа. Во второй половине августа в окрестностях города Миллерово, станиц Гундоровской, Каменской, Ребриковской, хутора Антонова оперировали небольшие отряды, проникавшие в область из Украины. «Банды махновской окраски» состояли из махновцев и присоединившихся к ним дезертиров и «контр-революционного элемента», их организаторами являлись бывшие белогвардейские офицеры. Численность отрядов не превышала 100 человек. «Банды имеют стремление углубиться в Донскую область и развить там повстанческое движение» – констатировалось в советской сводке¹². 29 августа в районе Ларионово-Деркульский, в 35 верстах западнее Миллерово, конная разведка Донецкого комиссариата обнаружила «конноразведывательный отряд» махновцев¹³. Как показал дальнейший ход событий, эти отряды являлись разведывательными группами махновской армии. О том, что появлявшиеся с прилегающей территории Украины повстанческие отряды имеют «хорошую связь» и получают информацию разведывательного характера, позволявшую им избегать

вооруженных столкновений с советскими частями и милицией, руководству Донецкого округа докладывали с мест уже в середине августа 1920 года. В частности, разведывательные отряды появлялись в окрестностях Леоново-Калитвенской волости Донецкого округа¹⁴. Среди махновских разведчиков были женщины. Армейская сводка сообщала о наличии в хуторах по пути следования махновской армии ее агентов – женщин, торгующих мануфактурой; их условным знаком являлись банты черного и красного цвета на груди¹⁵. Отлично организованная разведка давала возможность изучить пути предстоящего вторжения и расположение дислоцировавшихся в округе войсковых частей и отрядов милиции.

С 20 августа 1920 года махновская армия начала многоверстный рейд из Миргородского уезда на восток, в сторону Донской области. Махновцы представляли собой крупное регулярное военно-политическое формирование. По данным начальника оперативного управления Южного фронта, в июле 1920 года вся армия делилась на две группы, кавалерийской группой командовал сам Махно. В состав второй, пехотной, группы входили 3 сводных полка трехротного состава. Рота насчитывала до 70–80 штыков. На вооружении у пехоты имелись 3-линейные винтовки, у большинства кавалеристов были обрезы. Армия располагала пулеметами различных систем и орудиями. За главными силами следовал небольшой обоз. «Социальный состав армии: большинство из украинских крестьян из зажиточных, сильно развит национализм». В армии была строгая дисциплина: за неисполнение боевого приказа, за проявление трусости следовал расстрел, за менее серьезные проступки били. Приказания комсостава исполнялись беспрекословно. Командный состав включал в себя по большей части унтер-офицеров и подпрапорщиков русской императорской армии. «Комсостав с хорошей боевой подготовкой и с большими практическими знаниями партизанской войны»¹⁶. Накануне вторжения махновцев оперативные сводки фиксировали «бодрое» настроение повстанцев, среди которых в пехоте преобладали дезертиры в возрасте 20–26 лет. Население соседней с Доном Донецкой губернии к махновцам относилось «сочувственно»¹⁷. По показаниям пленного махновца, повстанческая армия состояла из 1, 2 и 3-го пехотного полков, одного пулеметного полка, он же 4-й пехотный, а также 1, 2, 3 и 4-го кавалерийских полков. Артиллерия была разделена на две батареи по 5 легких орудий в каждой. Также имелись саперная и телеграфно-телефонная команды. Общая численность махновской армии составляла 2500 штыков и 500–1000 сабель при 50 пулеметах и 10 орудиях с 1500 снарядов. Армия пополнялась за счет добровольцев из пленных. Во главе ее стоял штаб, делившийся на оперативный, административный, разведывательный и контрразведывательный отделы, были реввоен-трибунал, отдел снабжения и команда связи. Махновцы намеревались следовать на станицу Морозовскую, а оттуда пробиваться на Кубань и

Кавказ с целью поднять восстание и «образовать новый фронт»¹⁸. «Первая батьковская сотня» – охрана Н. И. Махно – имела хорошее вооружение и обмундирование. Остальные бойцы были одеты не по форме и вооружены разнокалиберным оружием. В армии имелся походный лазарет со значительным запасом медикаментов и походная типография¹⁹. Медицинский персонал лазарета составляли попавшие в разное время в плен врачи и медсестры. Посредством издававшейся газеты велась усиленная агитационная работа в рядах махновской армии и среди населения²⁰. Махновская армия представляла собой достаточно многочисленную и хорошо вооруженную силу, которая несла реальную угрозу для советской власти в Донской области.

К началу сентября армия вышла к границе Донской области. Ее возглавлял Махно, получивший ранение в ногу в ночь с 28 на 29 августа под городом Изюмом²¹. Утром 3 сентября махновская армия заняла Старобельск и приблизилась к границам Донской области. Передовые отряды махновцев занимали волости в окрестностях Миллерово²². В занятой 8 сентября слободе Машлыкино В. Ф. Белаш выпустил предписание штабу особой группы войск махновцев о продвижении вглубь области путем перехода железной дороги у станции Миллерово и сосредоточения в районе слободы Криворожье. Предписание не исключало вероятность захвата Миллерово. Белаш подчеркивал необходимость при движении обращать «особое внимание на разведку и дозоры»²³.

Махновцы выступили из Машлыкино в направлении Миллерово 10 сентября. В селе Греков-Поле повстанцы были обстреляны курсирующим бронепоездом, что не помешало им разбить оборонявших окружной центр 600 красноармейцев²⁴. Успешное и сравнительно безболезненное проникновение махновской армии в пределы Донской области являлось следствием не только успешной работы махновской разведки, но и недостаточно организованной разведки красных. Руководство соседней с Донской областью Донецкой губернии констатировало: «...наша разведка до 12 сентября не вошла в соприкосновение с главными силами Махно и не выяснила численности банд». Отсутствие сведений о противнике привело к распылению имевшихся сил на мелкие отряды, которые становились для махновцев легкой добычей и источником пополнения запасов оружия и патронов. Стремительные перемещения украинских повстанцев приводили к появлению противоречивых разведанных об истинной дислокации противника. Быстрота маневра предопределила успешный переход махновцев через железную дорогу в районе Миллерово²⁵.

Захватив в ночь с 10 на 11 сентября Миллерово, который поспешно оставил окружное руководство, повстанцы разгромили склады, магазины и помещения комиссариата²⁶. Махновцы заняли город в 22 часа 30 минут, а в 5 часов 30 минут 11 сентября оставили его²⁷, за это время они

освободили около 300 арестованных и сожгли тюрьму. В качестве трофеев махновцы захватили до 1000 винтовок, 20 пулеметов, большое количество патронов, взорвали бронепоезд красных. Армия оставила город и спокойно прибыла в слободы Никольско-Покровскую и Ольховый Рог. Опасаясь нападения красных, 11 сентября Белаш поставил перед армией задачу удалиться от линии железной дороги с целью избежать нападения противника. Для этого предстояло совершить 25–30-верстный переход и выйти в район слободы Ефремово-Степановской Донецкого округа. Полки получили приказ поддерживать постоянную связь между гарнизонами, а гарнизонам приказали выслать разведку в окружающие слободу населенные пункты. Повстанческий штаб поставил задачу 1 и 2 кавалерийскому, 2 и 3 пехотному полкам разгромить и отбросить преследовавшие армию красноармейские части. Для более эффективных действий в бою командиры артиллерийского дивизиона получили право самостоятельного выбора позиции «с расчетом выгодного обстрела противника»²⁸. 12 сентября занимавшая слободу Криворожье махновская армия разделилась на две группы, которые выступили в направлении Нижне-Ольховая и Александровка²⁹. 13 сентября под слободой Криворожье советским войскам удалось настичь уклонявшихся от боя и избежавших столкновений с крупными советскими частями махновцев и завязать с ними бой. Контрнаступление махновцев обратило наступающих в бегство. В бою повстанцы порубили около 250 кавалеристов и до 200 пеших бойцов, 650 красноармейцев попали в плен, из них 250 человек пополнили махновскую армию, а остальных отпустили³⁰. Пытаясь оторваться от организованного преследования советских частей, повстанцы совершили рейд по округу: Ольховый Рог – Криворожье – Ефремово-Степановская – Скосьрская. 15 сентября под слободой Большеинская повстанцы в результате упорного 8-часового боя разгромили 7-й и кавалерийский полки противника³¹. В этом бою махновцы зарубили до 300 человек отказавшихся сдаваться в плен. Трофеями армии стали 10 пулеметов и большое количество патронов, ряды повстанцев пополнили 200 пленных красноармейцев³². К 20-м числам сентября махновцы занимали район Селивановка, Широкая, Чернышевская. Под станицей Боковской Верхне-Донского округа 21 сентября махновцы разгромили 4-й полк 2-й бригады 1-й Донской стрелковой дивизии, при этом китайцев, коммунистов, комсостав и «стойко дравшихся» красноармейцев убили, а рядовых бойцов раздели до нижнего белья и отпустили «на все четыре стороны»³³. В бою погибли 718 красноармейцев, включая командира полка, около 100 человек было убито в «кокопах и обозе» во время артиллерийского обстрела. Потери махновцев составили 15 убитыми и 30 ранеными, были убиты 30 лошадей. В плен попало 200 красноармейцев, полковой обоз, 5 пулеметов, 25 тысяч патронов. Из пленных к махновцам добровольно перешли 70 казаков. На следующий день под станицей Краснокутской махновцы

отбили атаку 4-х советских полков и пленили 300 человек, а также захватили 300 подвод – обоз 1-го образцового полка. На сей раз трофеи были исключительно богатые: до 250 снарядов, 40 тысяч патронов, сумки, шинели, ботинки и «много другого военного добра». А 25 сентября 2-й пехотный полк махновцев разрушил полотно железной дороги и на станции Шептуховка захватил эшелон безоружных красноармейцев численностью в 1000 человек, из которых до 400 казаков присоединились к Махно, а остальные были распущены³⁴. Из пленных в махновской армии формировались новые части, с выбранным из пленных же командным составом³⁵. 25 сентября в приказе по 1 Донской дивизии отмечалось что «банды» изменили направление движения, двинувшись из района Боковская – Мигулинская вновь на станцию Миллерово. Махновской армии удалось оторваться от преследования советских войск и 26 сентября отряды махновцев заняли район Шептуховка – Новоселовка и Ольховый Рог, выбив из последнего эскадрон кавалеристов. Отступающие махновцы стремились перейти железную дорогу и покинуть пределы Донской области. Причина, видимо, крылась не только в преследующих по пятам советских войсках, но и в возникших внутренних разногласиях: разведка отмечала «разложение» среди махновцев³⁶. По данным красноармейской разведки, в махновской армии находилось 70–90 подвод с ранеными и 30–40 голов скота, захваченного в «советских имениях»³⁷. В ночь на 27 сентября махновская армия перешла линию железной дороги Воронеж – Ростов между Чертково и Шептуховка, и под напором советских войск прорвалась к Беловодску, после чего преследование противника частями 1 Донской стрелковой дивизии было прекращено³⁸. В начале октября Махно, после переговоров с командованием Южного фронта принял предложение о совместной борьбе против армии Врангеля³⁹. Таким образом, рейд махновской армии по донской земле продолжался с 10 по 27 сентября. Махновская армия в ходе рейда не была разбита, напротив, она нанесла ряд военных поражений красноармейским частям, пополнила свои ряды за счет пленных красноармейцев и захватила богатые военные трофеи.

Армия Махно действовала под лозунгом «Долой коммунистов-комиссаров, долой евреев, да здравствуют Махновцы!»⁴⁰ и стремилась привлечь на свою сторону крестьян и казаков. С 31 августа по 2 сентября один из повстанческих отрядов занимал Тихо-Журавскую волость Донецкого округа⁴¹. Первым делом махновцы разгромили канцелярию и здание волостного совета, уничтожили «огнем» все дела, бумаги и переписку, а плакаты и портреты Ленина, Троцкого и Зиновьева разорвали на «мелкие части». Утром 1 сентября ими был собран сход жителей, на котором последним разъяснили «что такое махновцы», при этом коммунистов заклеили как вторую буржуазию, угнетающую народ. Агитаторы призывали в махновскую армию добровольцев и распространяли свои

прокламации. Митинговая агитация сопровождалась практическими мерами: махновцы раздали владельцам собранное по разверстке зерно и приказали рабочим на мельнице смолоть его «...без всякой очереди кому сколько угодно». Напуганные нашествием повстанцев члены вол-исполкома бежали. Вероятно, при попытке противодействовать разграблению хлеба были убиты контролер мукомольной мельницы и агент окружного продкомитета⁴². В. Ф. Белаш в предписании от 11 сентября распорядился занять ряд сел и выслать разведку вглубь Донецкого округа. При этом особо оговаривалось, что высылаемые отряды «должны иметь характер как разведки, так и распространения литературы», для чего последние специально ею снабжались. В захваченных селах и станицах гарнизонам приказывалось проводить митинги, с этой целью Белаш приказал выслать на места «способных людей»⁴³. Советское командование отмечало, что во время рейда противник распространял свои «печатные произведения, газеты и прокламации среди несознательных крестьянских масс», в чем значительно преуспел⁴⁴. Распространявшиеся махновцами листовки и брошюры призывали население к «полному безвластию, уничтожению коммунистов-большевиков и советских работников». По свидетельству военного комиссара одного из полков 1-й Донской стрелковой дивизии, проводимая агитация «иногда» давала возможность махновцам пополнять свои ряды за счет присоединения сторонников, тем самым население выражало протест против экономической политики власти⁴⁵. Сотрудник секретного отдела при Донском комитете РКП(б) сообщала, что в крестьянстве округа «махновское настроение», а против коммуны ведется усиленная агитация⁴⁶. В станице Боковской повстанцы устроили митинг на тему: «За что сражаются повстанцы-махновцы»⁴⁷, а в слободе Поповской жителям было предложено не давать «красным» подвод, при этом сами махновцы забрали у селян 120 лошадей⁴⁸. Выступавшие на словах против грабительской разверстки, на деле махновцы пополняли конский состав за счет населения, забирая лошадей, они «награждали плетью» тех, кто пытался сопротивляться произволу. В хуторе Нижне-Ерохин были жестоко казнены присутствовавшие на общем собрании жители во главе с инструктором. Это враждебно настроило селян по отношению к проходившим махновцам⁴⁹. Пленный боец махновской армии на допросе сообщил о недоброжелательном отношении к ней населения захваченных территорий⁵⁰. В махновской агитации использовались традиционные для повстанцев формы: распространение прокламаций и газет и проведение митингов и собраний в захваченных селах, на которых агитаторы разъясняли цели борьбы с большевиками и призывали в свои ряды добровольцев.

Путь повстанцев по донской земле был отмечен чередой погромов и убийств. Махновская армия прошла всю территорию Донецкого округа, состоящего из 43 волостей, разгоняя и уничтожая на своем пути местные

органы советской власти, убивая большевиков и сотрудников советских учреждений. Созданные совхозы, а также хозяйства крестьян и казаков, подверглись ограблению. Были разгромлены ссыпные пункты. Значительные потери понесла окружная организация РКП(б). «Донецкий округ в печальном положении», – докладывал руководству области секретарь окружного комитета РКП(б) Д. Черепашенко⁵¹. В период оперирования махновцев в Донецком округе было убито 14 продагентов и 2 уполномоченных продкомитета⁵².

На протяжении 20–21 сентября махновская армия проникла в Верхне-Донской округ со стороны станицы Краснокутской⁵³. В округе махновцы нарушили телеграфную и почтовую связь, отрезав его от центра области. Отряды повстанцев громили станичные исполкомы и советы, у селян забирали лошадей, грабили собранный по разверстке хлеб⁵⁴. За период пребывания махновской армии на территории Верхне-Донского округа она прошла станицы Краснокутскую, Боковскую и Каргинскую, сделала попытку овладеть Вешенской. Согласно официальным данным, при нападении махновцев на округ, кроме погибших продармейцев, имелось всего три жертвы среди гражданского населения. Отношение населения округа к махновцам за время их пребывания на казачьей земле претерпело определенную эволюцию. По сообщению отдела управления Верхне-Донского окружного исполкома, накануне появления в округе махновцев часть населения ожидала их «с радостью», но как только оно увидело «проделки» махновцев и грабеж лошадей, то сразу заняло пассивное положение и «больше пряталось». В период оперирования в округе махновской армии население проявляло апатию и ко всему относилось «безразлично». Существенной поддержки украинским повстанцам местные казаки не оказали. Из занятых махновцами станиц и хуторов их ряды пополнили 4 человека «с грязным прошлым», к ним также присоединились 2–3 бывших белогвардейца⁵⁵. По данным армейской разведки, недовольное «отбором» хлеба по продразверстке население Мигулинской присло Махно прибыть в станицу и обещало к нему присоединиться⁵⁶. Однако данные о массовой поддержке станичниками махновцев в источниках отсутствуют. Жители станиц Краснокутской и Боковской, первоначально воспринимавшие махновцев «сочувственно», после нападения последних изменили свое отношение к «бандам»⁵⁷. Население Верхне-Донского округа, по сообщению представителей местных ячеек РКП(б), относилось к махновскому нападению «недоброжелательно», «враждебно» и ожидало его «с нежеланием». Окружное руководство констатировало, что появление махновских отрядов население восприняло достаточно пассивно⁵⁸.

Во время рейдирования махновцев чекисты фиксировали «выжидательное» настроение в ряде станиц и в Миллерово, но в целом в Донецком округе было спокойно⁵⁹. Руководство Донецкого округа отмечало, что,

«наученное горьким опытом прошлого», казачество не поддержало махновцев и к власти относилось в целом лучше, нежели крестьянство⁶⁰. Это дало повод руководству области отметить снизившуюся «революционность» крестьянства в сравнении с казачеством: «Красноречивый показатель, определяющий настоящее положение – походы Назарова и Махно. Казачество уклонилось от участия в авантюрах; крестьянство наоборот выразило сочувствие банде Махно»⁶¹.

Оперативное руководство ликвидацией махновской армии первоначально было сосредоточено в руках командования 1-й Донской стрелковой дивизии войск Донской области. Днем 11 сентября красноармейские части при поддержке артиллерийского огня бронепоездов 13-й армии овладели Миллерово. 8-й стрелковый полк и отряд окружного военкомата получили приказ начальника дивизии преследовать противника и препятствовать его продвижению вглубь округа⁶². Успешное продвижение разделившейся махновской армии и разгром двух красноармейских полков под Криворожем предопределили изменение организации борьбы с противником. 13 сентября командованием войск области перед 1-й Донской стрелковой дивизией была поставлена задача «в кратчайший срок окружить и уничтожить банды Махно». Дивизии были приданы 430-й и 510-й батальоны ВНУС. В тот же день начальник 1-й Донской дивизии разделил свои части на две группы: 1 группа (5 и 8-й полки, 430 батальон ВНУС и части Миллеровского гарнизона) под общим командованием командира 3 бригады Воскресенского получила боевую задачу «настигнуть противника и разбить его» посредством внезапных ударов кавалерийских частей по флангам. Аналогичная задача была поставлена 2 группе (7, 9-й и кавалерийский полки и 510 батальон ВНУС) во главе с командиром 7 полка Фомичевым⁶³. Планомерное преследование махновцев на территории Донецкого округа осуществляли части 1 Дондивизии, донецкого военкомата и кавалерийский дивизион 2-й Особой армии. 17 сентября все действовавшие против махновцев красноармейские части перешли в подчинение командующего 2-й Особой армией, полевой штаб которой днем ранее прибыл в станицу Каменскую⁶⁴.

После прорыва махновцев на территорию Верхне-Донского округа для советского командования стал очевиден факт полной неэффективности преследования махновских отрядов крупными силами, подобная практика себя не оправдала: противник нанес советским частям ряд чувствительных поражений, покинул Донецкий округ и успешно оперировал в Верхне-Донском, проводя при этом широкую агитацию. Изменившая обстановка потребовала от руководства советских войск изменения форм и методов борьбы. Так, 21 сентября начальник 1-й Донской стрелковой дивизии приказал командиру 3 бригады «немедленно приступить к партизанским действиям против банд» путем выделения кавалерийских отрядов для нападения на места дислокации противника в ночное время.

Обобщение разведанных и анализ опыта столкновений с повстанцами позволили армейскому руководству изучить тактику ведения боя махновцами и разработать меры противодействия. Из установленных фактов отсутствия моральной стойкости у махновской пехоты, незначительного запаса винтовочных патронов и неисправности части орудий был сделан вывод, что сила противника в его коннице, которая атакует советские части с флангов и тыла. В связи с этим ставилась задача всемерного укрепления в бою флангов пулеметами, конницей и пехотой⁶⁵. 24 сентября из частей 1-й и 2-й групп советских войск был сформирован кавалерийский отряд в составе кавалерийского полка 1-й Донской дивизии, второго эскадрона воронежского губернского военкомата и новочеркасского кавалерийского эскадрона. Созданный отряд дислоцировался в станице Краснокутской и имел задачу преградить движение махновцев вглубь Верхне-Донского округа⁶⁶.

Первостепенное значение советским командованием придавалось проведению разведывательной работы. В направленной командующим Кавказским фронтом 18 сентября начальнику штаба войск Донской области телеграмме содержался приказ «немедленно захватом пленных из банды Махно выяснить: 1) состав, численность и комсостав банды; 2) задачи махновцев; 3) политическая программа махновцев; 4) захват прокламаций и отношение местного населения к махновцам»⁶⁷. Начальникам 1-й и 2-й групп приказывалось высылать усиленные конные разъезды для глубокой разведки с целью захвата пленных. Перебежчиков и пленных предписывалось немедленно направлять в «высшие штабы с опросными листами». При этом особо подчеркивалось, что сбор сведений о противнике от местных жителей следует вести в форме беседы, а не путем опроса. Всю же захватываемую «литературу и корреспонденцию, [а] также письма противника» надлежало немедленно отсылать с нарочным в штаб армии на имя начальника разведки. В телеграмме начальнику 1-й Донской дивизии командующий 2-й Особой армией давал инструкцию о порядке допроса захваченных в плен махновцев. Согласно инструкции, подлежали установлению руководящий и рядовой состав отряда, задачи махновцев и их политическая программа, для этого предписывалось захватывать прокламации и прессу, распространявшуюся ими. Фиксировалось также отношение местного населения к махновцам и поведение последних в отношении селян⁶⁸. При этом на сбор литературы и документов из махновского лагеря обращалось самое пристальное внимание. В бригадах и полках, преследующих махновцев, были назначены заведующие разведкой. Важность проведения разведывательной работы определялась тем, что воинская часть, не имеющая сведений о противнике «...подобна слепцу между волчьих ям...»⁶⁹. Командование советских войск пыталось найти оптимальные формы борьбы с махновской армией, были изменены тактические приемы борьбы с повстанцами:

армейские части перешли к партизанским методам борьбы, на основе данных разведки была установлена численность и техника ведения махновцами боя. Всё это активизировало действия армейских групп, преследующих махновцев, что, впрочем, не помешало повстанцам благополучно оставить Донскую область.

Параллельно с регулярными частями Красной армии в борьбе с махновской армией принимали активное участие большевистские организации Донецкого и Верхне-Донского округов. Ими использовался широкий арсенал способов антиповстанческой борьбы. Так, состоявшиеся 7–8 сентября волостные съезды в Донецком округе выразили «самое глубокое презрение» махновцам и приняли решение о «борьбе с бандитизмом» вплоть до его ликвидации⁷⁰.

Задача по ликвидации вторгшихся махновцев и информированию Донецкого окружкома РКП(б) о ходе борьбы была возложена на ответственную «тройку». Последняя действовала самостоятельно, так как в силу возникших разногласий с окружной военной властью не вошла в созданный штаб по борьбе с махновцами⁷¹. Донецкие большевики были объединены в батальон особого назначения и принимали активное участие в боях. Миллеровским батальоном ЧОН командовал Ф. М. Омельченко, начальником штаба был В. Т. Рыбин. Батальон насчитывал около 700 бойцов, из них 300 всадников. Наряду с этим батальоном в боях с махновской армией участвовали продотряд Туманова и бежавший из города миллеровский гарнизон⁷². Из 1200 членов и кандидатов РКП(б) после махновского рейда в живых осталось немногим более 200 большевиков и 300 кандидатов. Полностью погибло их имущество. Причем сражения зачастую происходили с большим ожесточением, в боях с повстанцами мобилизованные большевики «проявили героизм и бились до последнего патрона, а потом дрались штыками»⁷³. Погибли даже служащие советских учреждений, не имевшие никакого отношения к большевикам⁷⁴. Значительный ущерб был нанесен органам советской власти Донецкого округа: махновцы разгоняли встречавшиеся на пути советы и «в массе» уничтожали их сотрудников⁷⁵. Вооруженная борьба с украинскими повстанцами в составе батальона особого назначения заняла в это время приоритетное место в тактике донецких большевиков. Причем, если до появления махновцев в Донецком округе проводились беспартийные конференции, как на окружном, так и на районном уровне, и комячейки устраивали чтение лекций и проведение митингов⁷⁶, то в экстремальных условиях махновского нападения агитационно-пропагандистская работа отошла на второй план.

При нападении на округ организация РКП(б) Верхне-Донского округа была поголовно поставлена под ружье и сосредоточена в коммунистическом отряде⁷⁷. Отряд преследовал махновскую разведку от станицы Вёшенской до Скосырской волости, а при появлении основных сил

махновцев под окружной станицей коммунистический отряд, не понеся потерь, захватил несколько пленных⁷⁸. Во время нападения махновцев местные большевики, вооружившись, производили разведку, выставляли посты, устраивали ночные дежурства в станицах, высылали по округе разъезды и осуществляли связь между станицами⁷⁹.

Отлично налаженная осведомительная работа позволила комитету РКП (б) Верхне-Донского округа получить информацию о подготовке ряда хуторов к восстанию. Агентурные сведения позволили провести ряд превентивных массовых облав и арестов, принесших в итоге «положительные результаты». Эти меры, как отмечало впоследствии окружное руководство, в определенной степени способствовали более пассивному отношению казачества к появившимся махновским отрядам и предотвратили его присоединение к последним. Однако основной упор окружная власть сделала на агитационно-пропагандистскую деятельность: часть большевиков была направлена в места оперирования махновцев для проведения агитационной кампании, которая сыграла «большую роль» в этой борьбе⁸⁰. Агитационная работа включала в себя проведение митингов о характере и целях появившихся махновских формирований⁸¹. Наглядное представление об объеме агитационно-пропагандистской работы дает общее количество проведенных мероприятий. Отдел по работе в деревне Верхне-Донского округа за период с 1 августа и до середины сентября провел 70 митингов и бесед. Общее количество присутствовавших на них селян составляло 17800 человек «обоюго пола и возраста». Среди прочих тем вопрос о борьбе с Врангелем и «махновскими бандами» особенно волновал граждан, а потому занимал ведущее место в работе⁸². Общие, но далеко не полные итоги проведенной командиром на места сотрудниками окружкома агитработы обобщил заведующий отделом агитации и пропаганды Аркадьев. Всего ими было проведено 264 митинга с участием 60560 человек, из них 30 митингов в Вешенской, а остальные 234 пришлось на округ, причем на них число «слушателей» достигло 48200 человек. По данным докладчика, еженедельно в округе силами командированных большевиков проводилось в среднем 14 митингов, на каждом из которых присутствовало не менее 200 человек⁸³. Созданная окружной властью следственная комиссия провела конфискацию имущества лиц, присоединившихся к махновцам⁸⁴.

Таким образом, организация РКП(б) Верхне-Донского округа использовала различные формы борьбы с махновской армией. Прежде всего, необходимо отметить грамотно налаженную агитационно-пропагандистскую работу, активно проводимую как накануне вторжения, так и во время оперирования махновцев в округе. Проведение агитационных мероприятий массового характера, которым отдавалось предпочтение, позволило охватить наибольшее число селян, что явилось эффективным средством завоевания их политических симпатий. Умело поставленная

система оперативно-агентурной работы предоставила возможность предотвратить присоединение к проникшим махновцам их потенциальных сторонников. Немаловажную роль сыграло осуществление местными большевиками ряда административно-полицейских мер, дополнявших действия советских войсковых частей.

После ухода махновской армии из Донской области руководство Донецкого и Верхне-Донского округов принялось устранять последствия вторжения. Установив очевидный факт нежелания местного населения выступить с оружием в руках в защиту власти и известные симпатии крестьян к махновцам как избавителям от продрозверстки, окружное руководство провело ряд мер по привлечению крестьян и казаков на свою сторону. Создание надежной социальной базы являлось залогом социально-политической стабильности. При этом применялись меры аналогичные тем, которые власть использовала в ходе борьбы с махновской армией. Так, после махновского рейда Донецкий комитет РКП(б) констатировал оперирование «банд» местного происхождения, совершавших убийства коммунистов, и наличие ячеек «махновцев-бандитов». Указывая на то обстоятельство, что после махновского рейда среди селян возникли антибольшевистские настроения, а агитация не дает положительных результатов, и изменить ситуацию к лучшему с ее помощью невозможно, власть предлагала для установления порядка и ликвидации корней «бандитизма» провести демонстрацию вооруженной силы⁸⁵. Окружком, приняв решение о необходимости применения репрессий против «обнажившихся кулаков», настаивал перед Донским комитетом РКП(б) о присылке из области «вполне боеспособного» отряда в количестве 300 человек. Численность обуславливалась необходимостью разделить отряд на три части и разместить по территории округа⁸⁶. Столкнувшись со случаями убийств представителей местной власти, окружное руководство перешло к системе назначения членов исполнительных комитетов⁸⁷ и командировало по округу две «тройки» с целью восстановления власти на местах⁸⁸.

После махновского нападения руководство Верхне-Донского округа констатировало, что налицо «темнота населения и неустойчивость его убеждений», вследствие чего нужна усиленная агитационная работа в казачьей массе. Колебания настроения селян в условиях махновских набегов и имевшей место антибольшевистской агитации таили в себе значительную опасность. Это обусловило необходимость проведения сразу после оставления махновцами округа широкой агитационной кампании среди казачества по вопросу о значении советской власти и «целях банд разных мастей и названий». Причем основной акцент в данной кампании предусматривалось сделать на привлечение казаков к активной работе под лозунгом «...беспощадная борьба внутри с хозяйственной разрухой и провокациями наших врагов» без учета их поли-

тико-идеологической принадлежности. Заместитель председателя окружкома Аркадьев прямо указал, что нападения махновцев и антибольшевистская агитация «врангелевских провокаторов» стимулировали появление в среде зажиточных казаков мысли о свержении советской власти. Это, несомненно, был прямой путь к началу вооруженной борьбы. Агитация среди казачьей массы была нацелена на то, чтобы вскрыть сущность махновской и врангелевской идеологии, якобы выгодной исключительно буржуазии и ввергающей «трудящихся» в очередную кабалу. Перед парторганизацией округа была поставлена задача «делом» внедрять в сознание «трудового казачества» враждебность к имущему классу. Наряду с агитацией этого предполагалось достичь также путем организации субботников и воскресников в качестве меры помощи сельскому хозяйству казаков. Кроме того, было решено поставить все комячейки округа «на боевую ногу» и заняться военным обучением большевиков, а хуторские и станичные исполкомы наполнить «выдержанными партийными работниками». Реализация указанных мер должна была создать из партийных ячеек на местах своеобразные штабы для отражения возможных нападений махновцев⁸⁹.

Таким образом, в силу ряда причин махновской армии не удалось привлечь на свою сторону население Донецкого и Верхне-Донского округов, не удалось поднять на борьбу с большевиками крестьян и казаков. При этом махновцы не были разгромлены, напротив, они без серьезных потерь успешно громили красноармейские части. Отсутствие поддержки со стороны крестьян и казаков заставило махновцев покинуть территорию Дона. Почему донские селяне не поддержали махновскую армию, в отличие от большого количества пленных красноармейцев, добровольно присоединившихся к Махно? Следует указать несколько причин. Появившиеся на Дону украинские повстанцы заявляли о себе как о защитниках местного трудового населения от власти большевиков и пытались привлечь под свои знамена добровольцев. Развитие событий, однако, ясно показало, что крестьяне и казаки не восприняли махновскую армию в данном качестве, люди остались глухи к антибольшевистской агитации повстанцев. Казаки старших возрастов, «пропитанные старым монархическим духом», воспринимали Махно враждебно и ожидали Врангеля как «избавителя»⁹⁰. На несовместимость анархической идеологии и психологии казачества указал И. С. Стройло, одним из первых предпринявший попытку обобщить и систематизировать повстанческое движение в рамках СКВО. Он отмечал, что действовавшее под лозунгом «анархия – мать порядка» махновское движение не подходит к казачеству, «пропитанному в духе твердой, определенной власти», поэтому «махновские банды» не пользовались популярностью и даже встречались враждебно⁹¹. Представляется, что главная причина лежала не только в анархической идеологии махновцев. Очевидное не-

соответствие декларируемых махновской армией лозунгов против продрозверсткиприменяемой ей практике грабежа местных селян не способствовали росту числа сторонников рейдового формирования среди крестьянско-казачьего населения. Кроме того, на отношение к махновцам казаков Верхне-Донского округа непосредственным образом повлияли меры, предпринятые окружным руководством накануне и в период оперирования махновской армии. Сказались, несомненно, память и горький опыт «красного террора» и восстания на Верхнем Дону весной 1919 года. Не стоит исключать и сохранявшуюся острую словесную рознь между донскими казаками и махновцами-украинцами, которая не позволила им объединить усилия в антибольшевистской борьбе в период крупномасштабной Гражданской войны. Махновская армия оказалась в своеобразном социальном вакууме, хотя крестьяне Донецкого округа первоначально выражали известные симпатии махновцам, громившим ссыпные пункты и тем избавлявших селян от изъятия хлеба по продрозверстке. Люди не увидели в Махно и его армии выразителя и защитника своих интересов и не последовали за ним. Произошло это в силу отсутствия у крестьянско-казачьей массы серьезных поводов и причин к вооруженному выступлению против власти. Махновская армия потерпела поражение в главном сражении – борьбе за настроения широких людских масс, которые недвусмысленно выразили свое отношение к происходившим событиям.

Вместе с тем, крестьяне и казаки не выступили в массовом порядке в защиту советской власти. Население верхнедонских округов сознательно занимало позицию стороны, не участвующей в развернувшемся противостоянии. Об этом достаточно красноречиво высказался один из представителей партийного руководства: «Активной поддержки население нам не оказывает, но и открытого выступления не делает. Это показало и наступление Назарова, и набег Свеколкина, и даже наступление Махно». Население, не поддержав в массовом порядке назаровский десант, резко отрицательно относилось и к «махновщине»⁹².

Была еще одна причина оставления махновцами территории Дона: военные успехи повстанцев создавали проблему большевикам в условиях активизации действий врангелевской армии и продолжавшейся советско-польской войны. В. Ф. Белаш впоследствии признавал неудачу рейда, отметив, что вместо восстания казаков и встречи с врангелевским десантом махновцы имели дело с красноармейскими частями. Причину оставления Дона и заключения очередного союза с большевиками он объяснял так: «Игра в победу на тяготила: мы боялись собственных сил. Бросай на нас красное командование новые дивизии, они были бы в наших рядах добровольно. Мы сознавали, что наша победа – есть победа Врангеля и Польши, что мы, преследуя цель строительства свободного от насилия общества, лозунга социальной революции, при-

знания правового гражданства, самоуправления, полной ликвидации бюрократизма и т. д., сами того не замечая, творим дело генерала, играем в дудку деревенского кулака и собственника помельче. Нашими действиями, пропагандой и агитацией наносился большой урон властной системе, мы вынуждали считаться с собой, но наши оппоненты не желали делиться монополией на выбор пути строительства по-настоящему свободного коммунизма»⁹³.

Махновской армии противостояли красноармейские части, отряды ВНУС, батальон ЧОН и вооруженные отряды местных большевиков. Хотя армейское командование и пыталось найти адекватные формы борьбы с повстанцами, оно не смогло эффективно противостоять махновцам. Окружная власть в борьбе с врагом использовала различные формы борьбы из доступного ей арсенала: от участия в военных операциях и создания «троек» до агитационно-пропагандистской работы на массовых митингах и превентивных арестов потенциальных врагов. Но все эти меры не привели к резкому перелому настроения населения в сторону большевиков. Отказав в поддержке махновцам, население и на защиту советской власти не встало.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Ефимов Н. А.* Действия против Махно с января 1920 по январь 1921 г. // Сб. трудов ВНО при военной академии. 1921. №1. С. 192–222; *Рыбаков М.* Махновские операции в 1920 году // Красная Армия. 1922. №12. С. 11–27; *Кубанин М. Н.* Махновщина. Л., 1927; *Руднев В. В.* Махновщина. Харьков, 1928; *Семанов С. Н.* Махновщина и ее крах // Вопросы истории. 1966. №9. С. 37–60; *Белый П. Ф., Дышлевова П. С.* Единство действий в защиту завоеваний революции: Боевое содружество трудящихся Украины и России в борьбе против кулацкой вооруженной контрреволюции (конец 1920–1922 гг.). Киев, 1988; *Волковинский В. Н.* Махно и его крах. М., 1991; *Коллин В. В.* Нестор Махно: мифы и реальность. М., 1991; *Белаши А. В., Белаши В. Ф.* Дороги Нестора Махно. Историческое повествование. Киев, 1993; *Аршинов П. А.* История махновского движения (1918–1921). Запорожье, 1995; *Яруцкий Л. Д.* Махно и махновцы. Мариуполь, 1995; *Тимощук А. В.* Анархо-коммунистические формирования Н. Махно. Сентябрь 1917 – август 1921. Симферополь, 1996; *Голованов В. Я.* Тачанки с Юга: Художественное исследование махновского движения. М., Запорожье, 1997; *Телицын В.* Нестор Махно: историческая хроника. М., Смоленск, 1998; *Чоп В.* Нестор Иванович Махно. Запорожье, 1998; *Шубин А. В.* Махно и махновское движение. М., 1998; *Капчинский О.* Батяка под колпаком ЧК: Сексоты железного Феликса в махновском войске // Родина. 2001. №3. С. 62–63; *Семанов С. Н.* Махно. Подлинная история. М., 2001; *он же.* Нестор Махно: вожак анархистов. Новое прочтение по новым материалам. М., 2005; *Савченко В. А.* Махно. Харьков, 2005; *Шумов С., Андреев А.* Махновщина. М, 2005; *Шубин А. В.* Анархия – мать порядка. Между красными и белыми. М., 2005; *Иванов Ю. В.* Н. И. Махно в Польше. 1922–1925 годы // Новая и новейшая история. 2006. №6. С. 175–179; *Мишина А. В.* Большевики и крестьянское повстанческое движение Н. И. Махно (1918–1921 гг.) // Отечественная история. 2006. №1. С. 65–73; *она же.* Атаман Махно и Красная армия // Труды Института российской истории РАН. 2008. №7. С. 103–121; *она же.* Повстанческое движение Н. И. Махно и Красная армия // Уральский исторический вестник. 2009. №3(24). С. 54–62; *Елизаров М. А.* Революционные матросы и анархистское

движение Н. И. Махно. 1917–1919 гг. // Военно-исторический журнал. 2007. №6. С. 36–41; Голованов В. Я. Нестор Махно. М., 2008; Чобан С. В. Социально-политические преобразования Н. Махно (с марта 1917 г. по март 1918 г.) // Интеллектуальный потенциал XXI века: ступени познания. 2010. №2. С. 30–33; Шубин А. В. Красное и черное: раскол Махно и большевиков // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2011. №1. С. 63–75 и др.

² Ермаков В. Д. Н. И. Махно в российской и украинской литературе последнего десятилетия (1997–2007) // Страницы российской истории: проблемы, события, люди. Сборник научных трудов к 10-летию кафедры истории для преподавания на естественных и гуманитарных факультетах СПбГУ. Санкт-Петербург, 2008. С. 45–50.

³ Савченко В. А. «Махновщина после Махно»: махновское движение после вынужденной эмиграции Нестора Махно из Украины // Крестьянский фронт 1918 – 1922 гг. сборник статей и материалов. / Под ред. А. В. Посадского. М., 2013. С. 237–252; Куреньшиев А. А. Н. И. Махно и махновское движение на Украине. 1917 – лето 1918 гг. // От «германской» к Гражданской: становление корпуса народных вожakov русской смуты. Сборник статей и материалов. / Под ред. А. В. Посадского. М., 2014. С. 211–230.

⁴ Степаненко Б. И. Крушение контрреволюции на Дону, Кубани и Тереке в 1920 году // Вопросы истории. 1976. №9. С. 15–33; он же. Борьба с вооруженной контрреволюцией в бывших казачьих областях Юга России и ее разгром (март 1920–1922 гг.). Ульяновск, 1977.

⁵ Шубин А. В. Махно и его время. О великой революции и гражданской войне 1917–1922 гг. в России и на Украине. Москва, 2013; он же. История Новороссии. М., 2015.

⁶ Венков А. В. Бои донских казаков с махновцами в годы Гражданской войны // Известия ВУЗов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2014. №3. С. 45.

⁷ Грищенко А. Н. Украинские повстанцы-махновцы на донской земле (июль 1920 г.) // Украинцы Юга России: проблемы истории, культуры, социально-экономического развития: мат-лы Междунар. науч. конф. (г. Ростов-на-Дону, 3–4 октября 2013 г.). Ростов н/Д, 2013. С. 197–201.

⁸ Белаш А. В., Белаш В. Ф. Дороги Нестора Махно... С. 427.

⁹ В. Ф. Белаш в воспоминаниях допустил ошибку. Белогвардейский десант полковника Ф. Д. Назарова высадился под Таганрогом 9 июля 1920 г., прошел вглубь 1-го Донского округа Донской области и 25 июля был полностью разгромлен Красной армией в станице Константиновской. См.: Грищенко А. Н. Неудавшаяся Донская вандея // Военно-исторический журнал. 2009. №2. С. 27–34.

¹⁰ Белаш А. В., Белаш В. Ф. Указ. соч. С. 431–432.

¹¹ Савченко В. А. Махно. Харьків, 2005. С. 284.

¹² Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-130. Оп. 4. Д. 412. Л. 77.

¹³ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 6. Оп. 4. Д. 609. Л. 78.

¹⁴ Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО). Ф. 4. Оп. 1. Д. 36. Л. 22.

¹⁵ РГВА. Ф. 6. Оп. 12. Д. 143. Лл. 18, 20об.

¹⁶ Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине. 1918–1921: Документы и материалы. М., 2006. С. 489–490.

¹⁷ Нестор Махно. Крестьянское движение... С. 454.

¹⁸ РГВА. Ф. 6. Оп. 12. Д. 143. Лл. 15–15об, 28об–29об.

¹⁹ ГАРФ. Ф. Р-130. Оп. 4. Д. 412. Лл. 80–80об.

²⁰ РГВА. Ф. 6. Оп. 12. Д. 143. Лл. 28об–29об.

²¹ Савченко В. А. Махно.... С. 287.

²² РГВА. Ф. 109. Оп. 3. Д. 108. Лл. 291, 292.

²³ Нестор Махно. Крестьянское движение... С. 391, 422.

²⁴ Там же. С. 391.

²⁵ Там же. С. 454.

- ²⁶ ЦДНИРО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 7. Л. 60а; *Степаненко Б. И.* Крушение контрреволюции на Дону, Кубани и Терек... С. 31.
- ²⁷ РГВА. Ф. 109. Оп. 3. Д. 108. Л. 322.
- ²⁸ *Белаш А. В., Белаш В. Ф.* Указ. соч. С. 439–440.
- ²⁹ РГВА. Ф. 109. Оп. 3. Д. 108. Л. 331.
- ³⁰ Нестор Махно. Крестьянское движение... С. 391, 455.
- ³¹ РГВА. Ф. 931. Оп. 1. Д. 10. Лл. 39, 40, 50об, 82.
- ³² Нестор Махно. Крестьянское движение... С. 391.
- ³³ РГВА. Ф. 931. Оп. 1. Д. 10. Лл. 155, 172; Д. 3. Лл. 4об, 5–5об.
- ³⁴ Нестор Махно. Крестьянское движение... С. 392–393.
- ³⁵ РГВА. Ф. 6. Оп. 12. Д. 143. Л. 58.
- ³⁶ РГВА. Ф. 931. Оп. 1. Д. 10. Лл. 208–208об, 235, 239, 242, 247.
- ³⁷ РГВА. Ф. 6. Оп. 12. Д. 143. Л. 44.
- ³⁸ РГВА. Ф. 931. Оп. 1. Д. 10. Лл. 248, 264.
- ³⁹ ЦДНИРО. Ф. 12. Оп. 5. Д. 143. Л. 56.
- ⁴⁰ ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 1а. Д. 17. Л. 255об.
- ⁴¹ ЦДНИРО. Ф. 75. Оп. 1. Д. 7. Лл. 47–47а.
- ⁴² Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. Р-97. Оп. 1. Д. 599. Л. 69.
- ⁴³ Нестор Махно. Крестьянское движение... С. 423.
- ⁴⁴ РГВА. Ф. 931. Оп. 1. Д. 10. Лл. 210–211.
- ⁴⁵ ЦДНИРО. Ф. 12. Оп. 3. Д. 1022. Л. 1об.
- ⁴⁶ ЦДНИРО. Ф. 12. Оп. 5. Д. 143. Л. 40.
- ⁴⁷ РГВА. Ф. 931. Оп. 1. Д. 10. Лл. 155, 172.
- ⁴⁸ РГВА. Ф. 931. Оп. 1. Д. 3. Лл. 4об, 5–5об.
- ⁴⁹ ЦДНИРО. Ф. 12. Оп. 5. Д. 143. Л. 41.
- ⁵⁰ РГВА. Ф. 6. Оп. 12. Д. 143. Лл. 18–19.
- ⁵¹ ЦДНИРО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 7. Л. 60а; Д. 10. Л. 15.
- ⁵² ЦДНИРО. Ф. 12. Оп. 5. Д. 144. Л. 4.
- ⁵³ ГАРО. Ф. Р-97. Оп. 1. Д. 148. Л. 36.
- ⁵⁴ По Верхне-Донскому округу // Советское строительство на Дону. 1920. №3. С. 45.
- ⁵⁵ ГАРО. Ф. Р-97. Оп. 1. Д. 620. Л. 3.
- ⁵⁶ РГВА. Ф. 6. Оп. 12. Д. 143. Л. 25.
- ⁵⁷ Жизнь на местах // Советское строительство на Дону. 1920. №4. С. 55.
- ⁵⁸ ЦДНИРО. Ф. 2783. Оп. 1. Д. 3. Лл. 6, 6а, 6г; Д. 1а. Л. 9.
- ⁵⁹ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 5. Оп. 1. Д. 2618. Л. 16.
- ⁶⁰ ЦДНИРО. Ф. 75. Оп. 1. Д. 7. Л. 3а.
- ⁶¹ *Болдырев М.* Очередные задачи Советского строительства на Дону // Советское строительство на Дону. 1920. №3. С. 4.
- ⁶² РГВА. Ф. 109. Оп. 3. Д. 108. Л. 322.
- ⁶³ РГВА. Ф. 931. Оп. 1. Д. 10. Лл. 22–22об.
- ⁶⁴ РГВА. Ф. 109. Оп. 3. Д. 108. Л. 347.
- ⁶⁵ РГВА. Ф. 931. Оп. 1. Д. 10. Лл. 155, 172.
- ⁶⁶ РГВА. Ф. 109. Оп. 3. Д. 108. Л. 368.
- ⁶⁷ РГВА. Ф. 109. Оп. 3. Д. 83. Л. 53.
- ⁶⁸ РГВА. Ф. 931. Оп. 1. Д. 10. Лл. 159, 175–177об, 203–203об, 205–205об.
- ⁶⁹ РГВА. Ф. 931. Оп. 1. Д. 10. Лл. 210–211.
- ⁷⁰ ГАРО. Ф. Р-97. Оп. 1. Д. 599. Лл. 264, 265.
- ⁷¹ ЦДНИРО. Ф. 75. Оп. 1. Д. 5. Л. 78.
- ⁷² *Кузьменко Е. П.* Мой город Миллерово. Ростов н/Д, 2004. С. 122, 123.

- 73 ЦДНИРО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 7. Л. 60а.
74 ЦДНИРО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 10. Л. 15.
75 ЦДНИРО. Ф. 75. Оп. 1. Д. 7. Л. 4.
76 ЦДНИРО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 10. Л. 15.
77 ЦДНИРО. Ф. 2783. Оп. 1. Д. 13. Л. 9.
78 ЦДНИРО. Ф. 12. Оп. 5. Д. 144. Л. 18.
79 ЦДНИРО. Ф. 2783. Оп. 1. Д. 3. Лл. 6, 6а, 6в, 7а.
80 ЦДНИРО. Ф. 2783. Оп. 1. Д. 13. Л. 10.
81 ЦДНИРО. Ф. 2783. Оп. 1. Д. 1а. Л. 9.
82 ЦДНИРО. Ф. 2783. Оп. 1. Д. 18. Лл. 8–8а.
83 ЦДНИРО. Ф. 2783. Оп. 1. Д. 1а. Л. 7.
84 ГАРО. Ф. Р-97. Оп. 1. Д. 620. Л. 3.
85 ЦДНИРО. Ф. 75. Оп. 1. Д. 7. Лл. 4, 3–3а.
86 ЦДНИРО. Ф. 75. Оп. 1. Д. 5. Л. 85а.
87 ЦДНИРО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 7. Л. 61.
88 ЦДНИРО. Ф. 75. Оп. 1. Д. 5. Л. 81.
89 ЦДНИРО. Ф. 2783. Оп. 1. Д. 1а. Лл. 6об, 9, 10–12.
90 Нестор Махно. Крестьянское движение... С. 457.
91 *Стройло*. Повстанческое движение на территории Северо-Кавказского военного округа
Красная Армия. 1921. №9. С. 61.
92 ЦДНИРО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 7. Л. 66.
93 *Белаш А. В., Белаш В. Ф.* Указ. соч. С. 441–442.
-

ДОКУМЕНТЫ НЕТИПИЧНОГО МАХНОВЦА

публ. А. В. Посадского, А. А. Симонова,
(Саратов)

Гражданская война в пределах исторической России породила целый ряд более или менее устойчивых корпораций, своего рода маркировок: буденовцы, мироновцы, чапаевцы, красные партизаны, дроздовцы, кап-пелевцы и другие. Впоследствии принадлежность к этим корпорациям могла так или иначе влиять на судьбу человека, становиться устойчивой самоидентификацией или элементом героического мифа.

Предлагаемые к публикации два документа выявлены в Государственном историческом архиве немцев Поволжья (ГИАНП) в г. Энгельс Саратовской области и интересны тем, что сопрягают две большие темы: махновскую и краснопартизанскую¹.

Красные партизаны стали одной из вооруженных опор молодой власти коммунистов. В добровольческий период формирования РККА красногвардейцев и красных партизан, наряду с «интернационалистами», можно назвать ведущими боевыми формациями. После Гражданской войны бывшие красные партизаны получили привилегированный статус, которым гордились. Они считали себя победителями и героями и ревниво относились ко всякого рода ущемлениям своих интересов. Привилегированное положение позволяло им громко заявлять о своих правах, в отличие от, например, «бывших» людей или чинов белых армий. Антикрестьянские мероприятия власти, завершившиеся коллективизацией, развели красных партизан по разные стороны баррикады. Многие из них оказались активными участниками антиколхозных и антисоветских выступлений, другие, напротив, служили оперативной силой для подавления бунтов и восстаний².

Неудивительно, что по итогам коллективизации проводился разбор поведения этой категории, с организационными выводами.

23 декабря 1932 г. президиум Нижневолжского крайкома ВКП (б) принял решение о чистке. Протокол его заседания широко рассылался –

* Публикация подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 13-01-00260.

городским советам, районным исполкомам и т. д. Пункт первый объявлял: «В целях очистки от примазавшихся лже-красногвардейцев и лже-партизан, морально разложившихся и политически враждебных элементов, предложить Краевой Партизанской Комиссии в месячный срок провести по краю тщательную проверку рядов красногвардейцев и красных партизан, обеспечив вручение единого удостоверения действительным дружинникам, красногвардейцам и красным партизанам». Проверке подлежали все, имеющие соответствующие удостоверения. Информативен и показателен пункт четвертый данного документа. Он гласит: «Исключению из рядов б. дружинников, красногвардейцев и красных партизан подлежат следующие лица: все раскулаченные, лишенцы; лица, которые были подвергнуты лишению свободы, либо ссылке в судебном или административном порядке; имеющие уголовную судимость при советской власти; участники дружин и отрядов, сформированных левыми эсерами, анархистами, махновцами и др. антибольшевистскими отрядами, т. к. эти дружины и отряды формировались для восстания против соввласти, а также подлежат к исключению те лица, которые защищали только свое хозяйство от реквизиции (хутора, поселки и т. п.); лица, которые остались впоследствии в отрядах изменников соввласти (Миронов, Сапожков, Серов, Сарафанкин, Антонов и т. д.); также подлежат исключению те, которые не хотели отступать и остались на территории белых при отступлении своих отрядов... и все лица, морально разложившиеся, чуждые и пассивно относящиеся к хозяйственно-политическим кампаниям, проводимым партией и правительством, к социалистическому строительству»³. Проверить в первую очередь предлагалось районы, которые по имперскому административному делению, принадлежали к Балашовскому и Сердобскому уездам Саратовской губернии, Усть-Медведицкому округу Области Войска Донского. В годы гражданской войны здесь разворачивалось зеленое движение, была ожесточенная борьба с широким участием местных жителей. В частности, Усть-Медведицкий округ дал основные кадры Ф. К. Миронову.

Как видим, в скрупулезном перечислении тех вариантов судьбы, которые влекут безусловное исключение из рядов красных партизан, анархисты и махновцы прямо поименованы. Тем интереснее видеть документ, датированный октябрем 1933 года, почти через год после циркуляра, в котором красный партизан вполне обыденно повествует о своей службе у Махно не только тогда, когда его соединение входило в состав РККА, но и позднее, когда оно было самостоятельным небольшим советским формированием. Более того, документ Украинской повстанческой армии приложен к автобиографии в качестве удостоверения службы в ней. Это говорит как о том, что сам «красный партизан» службу у Махно явно не считал контрреволюционной или антисоветской, так и о том, что грозный циркуляр крайкома то ли не очень активно исполнялся, то ли не был

известен районным комиссиям по делам бывших красногвардейцев и красных партизан.

Автобиография

Документ 1.

Вр. Помначучсектора части п/я №1685⁴
Иванов-Шнейдер Владимир Иванович

Родился в 1898 г. в семье рабочего тележника в г. Москве. Сам рабочий-водопроводчик с 12 лет начал работать также в г. Москве. Беспартийный. Во время октябрьской революции 27 окт[ября] 1917 года вступил в отряд Красной гвардии Рогожско-Симоновского района г. Москва где пробыл до Декабря того же года. В начале (далее зачеркнуто слово «вступил») 1918 г. вступил добровольно в московский полк где пробыл с Января по Август 1918 г. В Сентябре командирован на Командные Курсы каковые (1-е Харьковские) окончил в апреле 1919 г. По окончании Курсов Харьковским Военным Комиссариатом был командирован в распоряжение Махно по прибытии к которому был назначен в Советский партизанский полк «Имени Батько Махно» комвзводом. В этом полку пробыл с 5 мая по июль 1919 г., а затем с Сентября по Ноябрь 1919 г. в Укр. Повстанческой армии «Имени Батько Махно» в штабе артиллерии армии телефонистом.

После этого с декабря 1919 г. в 45 дивизии и затем в других частях РККА и до настоящего времени.

Иванов Шнейдер
8 X 1933 [г].

ГИАНП. Ф.Р-673. Оп.1 Л/д. Д.86. Л.4. Подлинник.

Штаб
Начальника Артиллерии
Украинской
Повстанческой Армии имени
БАТЬКО МАХНО
ноября 20 дня 1919 года
№ 517

Документ 2

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Дано ^{***}сие товарищу *Владимиру Иванову*^{**} в том, что он состоит при ^{***}ввереном^{***} мне штабе в качестве ТЕЛЕФОНИСТА, что удостоверяется подписью и печатью.

Начальник артиллерии
Делопроизводитель

(Морозов)
(Кост[нрзб.]

ГИАНП. Ф.Р-673. Оп.1 Л/д. Д.86. Л.7. Подлинник.

* Номер, вписанный от руки, носит следы исправления; можно предполагать, что первоначальное число – 509².

** Вписано от руки синими чернилами.

*** Так в тексте.

Удостоверение позволяет видеть, прежде всего, вполне правильное делопроизводство, с исходящим номером, на русском языке по новой орфографии, сравнительно грамотно и в обычной административной стилистике исполненное. Используется «красное», идущее от революционной традиции, наименование «товарищ». Интересно, что применяется наименование «Украинская Повстанческая армия имени Батько Махно», а не более «левое» и масштабное – «Революционная Повстанческая армия Украины», хотя ноябрь 1919 г. – как раз время активной борьбы махновцев с белыми.

Печать, которой заверен документ, несет на себе классическую артиллерийскую символику – перекрещенные орудийные стволы.

В автобиографии есть очевидный пропуск. Это период с июля по сентябрь 1919 г. Интересно было бы проследить, как москвич-краском, после разгрома махновцев-красноармейцев войсками ВСЮР, оказался в рядах Повстанческой армии, причем в самый критический момент ее существования. Вряд ли этот пропуск случаен, но восполнить его имеющиеся документы не позволяют. Надо полагать, что красные командиры не из коренного махновского района, как в нашем случае, тяготели к переходу в части РККА при возможности. Это косвенно подтверждается еще одним документом – выпиской из послужного списка с резолюцией. Выписка (копия без подписи и печати, но с заверением начальника строевого сектора части, в которой на тот момент служил В. И. Иванов) имеет следующее содержание: «Участвовал в бою против белогвардейцев под деревней Орловкой, Бердянского уезда Таврич[еской] губ[ернии] с 1-го по 17 июня 1919 года». Подпись: «Ком. Берд. Партизанск. б-на»⁶. Резолюция на выписке коротка: «Признать» (красным партизаном) от 28 сентября 1934 года⁷.

Известно, что Бердянский уезд дал много бойцов противоборствующим сторонам в годы Гражданской войны. Маршрут отряда М. Г. Дроздовского свел его с Бердянским союзом увечных воинов, который выступил союзником в борьбе с красной гвардией. Бердянский отряд, затем батальон и полк, существовал во ВСЮР, в составе Крымско-Азовского корпуса и 5-й пехотной дивизии; в начале марта 1919 г. в городе был сформирован отряд генерала Виноградова. В то же время значительные массы приазовского населения вовлеклись в состав махновских формирований и в РККА. Сам Бердянск 15 марта 1919 г. был внезапно захвачен частями Н. Махно и жестоко пострадал: махновцы расстреливали офицеров, были перебиты сторонники белых из Гуляй-Поля, бежавшие из родного села в Бердянск⁸. Возможно, именно тогда и появился тот партизанский батальон, в котором служил наш герой.

Самоощущение В. Иванова-Шнейдера как красного партизана при длительной службе у Махно вполне корреспондируют с самоощущениями жителей приазовского села, описанного П. Григоренко. В нем подавляющее большинство мужчин служило в РККА и у Махно, при-

чем эта служба не разделялась в сознании крестьян, выглядела единой, общей в противостоянии белым – казакам, офицерам, зажиточным немецким и болгарским колонистам⁹.

Складывается впечатление, что кадрового военнослужащего, причем на должности старшего комсостава по 8-й категории (на 1934 год – помощник начальника учетного сектора парка 14-й военной школы лётчиков), просто пытались должным образом оправдать по поводу проводившейся чистки. Нужен был «краснопартизанский след». Очень кстати оказалось свидетельство командира Бердянского партизанского батальона. Судя по автобиографии, В. Иванов-Шнейдер имел возможность участвовать в боевых действиях в составе РККА, но важно было показать именно его краснопартизанское боевое прошлое, хотя бы как махновца.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Государственный исторический архив немцев Поволжья в г. Энгельсе (ГИАНП). Ф. Р-673. Оп. 1 л/д. Д. 86. Л. 4, 7.

² См. о судьбах красных партизан: *Морозова О. М.* Два акта драмы: боевое прошлое и послевоенная повседневность ветеранов Гражданской войны. Ростов-на-Дону: изд-во ЮНЦ РАН, 2010; рец. А. В. Посадский: *Родина*. 2011. № 11. С. 23; *Посадский А. В.* Феномен красных партизан. 1920-е – 1930-е годы // *Вопросы истории*. 2010. № 1. С. 78–91.

³ Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 3236. Оп. 1. Д. 2. Л. 17–17об.

⁴ Для рассылки несекретной почтовой информации воинским частям и военно-учебным заведениям Народного комиссариата по военным и морским делам присваивались номера почтовых ящиков. В данном случае п/я 1685 – это номер парка 14-й военной школы лётчиков в г. Энгельс АССР Немцев Поволжья Нижне-Волжского края РСФСР.

Это, косвенно, свидетельствует о том, что в штабе исправно велся журнал исходящих документов: например, задержка в подписании не очень, заметим, значительной, бумаги, повлекла за собой изменение номера в соответствии с очередностью.

⁵ ГИАНП. Ф. Р-673. Оп. 1 л/д. Д. 86. Л. 2.

⁷ Обратим внимание на несоответствие: в автобиографии Иванов-Шнейдер заявляет о своей службе в Советском полку по июлю 1919 г., а командир другой части – Бердянского партизанского батальона – удостоверяет его участие в боях в июне того же года. Конечно, могло иметь место прикомандирование, или объединение подразделений разных частей в боевую группу. Можно предположить и тот факт, что подпись командира части с «партизанским» наименованием просто в большей степени отвечала задаче доказать краснопартизанское прошлое нашего героя.

⁸ См.: *Голованов В. Я.* Тачанки с юга. Художественное исследование махновского движения. Москва-Запорожье: «Март» – «Дикое поле», 1997. С. 99.

⁹ См.: *Григоренко П.* В подполье можно встретить только крыс... М.: Звенья, 1997. С. 40. В частности, об отряде, затем полке некоего Голикова, сформировавшемся в Бердянском уезде: «Когда Красная армия отступала, полк Голикова, чтобы не уходить далеко от своих мест, присоединялся к Махно, сохраняя при этом полностью самостоятельность. Красная армия возвращалась, возвращался и Голиков в ее состав. Поэтому все голиковцы после гражданской войны получили удостоверения красногвардейцев и красных партизан, а махновцы – расстрелы и тюрьмы». Не исключено, что Иванов-Шнейдер – как раз из «голиковцев», по крайней мере, он служил в части подобного рода.

АНТОНОВЩИНА И ЕЕ КОМАНДИРЫ

ЗА СПИНОЙ АТАМАНА: ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ АНТОНОВСКОГО ОКРУЖЕНИЯ*

Д. П. Иванов (Тамбов)

Короля играет свита,
в короля стреляет свита...
Андрей Кнышев

Интерес к Тамбовскому восстанию 1920–1921 гг. постоянен на всем протяжении девяноста с лишним лет, прошедших с момента его подавления. Исследовались различные стороны крестьянского движения, как в рамках общероссийского крестьянского сопротивления¹, так и на микроуровне (на примере конкретных уездов, волостей, селений)². Однако работ, посвященных непосредственно самим участникам восстания, на сегодняшний день не так много³. С одной стороны, этот факт объясняется сложной личностью А. С. Антонова, приковавшей внимание научного сообщества на многие годы вперед, с другой, – скудостью, а в некоторых случаях, недоступностью рядовому исследователю источников, значительная часть которых либо еще не обработана, и, вследствие того, неизвестна широкой публике, либо находится под грифом.

В данной статье мы опирались на опубликованные документы, такие, как оперативные донесения, материалы ревтрибуналов советских частей, подавлявших восстание, а также протоколы допросов органами госбезопасности участников восстаний, воспоминания современников и непосредственных участников рассматриваемых событий.

Разнообразие привлеченных источников, представленных как документами власти, так и материалами повстанцев, помогло воссоздать многогранные исторические портреты соратников Антонова, избежав соблазна демонизации или романтизации участников восстания, харак-

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект №14-01-00355 и государственного задания в сфере научной деятельности Министерства образования и науки РФ (Задание № 33.956.2014/К).

терной для работ советского и постсоветского периода, и позволило понять, почему эти люди стояли за спиной тамбовского атамана.

В течение жизни обычный законопослушный гражданин общается со многими людьми, зачастую не обращая внимания на тех, кто его окружает. Ситуация начинает меняться с момента, когда человек переступает черту закона. И чем дальше он за нее отходит, тем более тщательно старается подбирать себе окружение, поскольку от этого зависит не только его судьба, но и жизнь.

Жизненный путь Саши Антонова начался в 1889 г. в Москве как у многих рядовых граждан Российской империи: третий ребенок в небогатой семье отставного фельдфебеля и портнихи. В 1890-х гг. семья переехала в г. Кирсанов Тамбовской губернии. В 1905 Антонов должен был окончить Кирсановское городское трехклассное училище, где изучали русский язык, арифметику с геометрией и закон Божий, но, будучи неглупым человеком, почему-то учился плохо и окончил ли курс, неизвестно. В 1905–1907 гг. сблизился с эсерами, участвовал в экспроприациях и уже в начале 1908 г. разыскивался полицией. На ст. Инжавино захватил кассу, о чем стало известно властям, а потом приехал в Саратов, где согласился убить генерал-лейтенанта А. Г. Сандецкого, приговоренного эсерами к смерти за жестокое подавление крестьянского движения в Поволжье во время Первой русской революции. О готовящемся покушении проинформировал полицию Е. Ф. Азеф, и в феврале 1909 Антонов был арестован. Благодаря вмешательству П. А. Столыпина смертный приговор заменили бессрочной каторгой, на которой он и находился вплоть до Февральской революции 1917 г.

Захват власти большевиками застал Антонова в должности начальника Кирсановской уездной милиции. Кадровая политика большевиков, старавшихся заменить на руководящих постах представителей других партий своими людьми, ясно дала понять, что конфликт с советской властью для Антонова – только вопрос времени. Арест и расстрел ближайшего окружения Антонова (Заева и Лоцилина) во время его отпуска наглядно показал, что следующим будет он. Не дожидаясь окончания отпуска, бывший начальник Кирсановской уездной милиции принимает решение бороться с советской властью, которая к тому времени стала сильно обижать горячо любимое эсерами крестьянство.

У читателя может возникнуть ощущение, что автор статьи пересказывает общеизвестные факты, не касаясь основной темы. Однако столь длинное вступление было необходимо для того, чтобы показать влияние ситуации на поведение А. С. Антонова. Об аресте своих подчиненных Антонов узнал уже после их расстрела, что, по меньшей мере, странно, учитывая эсеровское прошлое и занимаемую должность. Где агентурная сеть, где осведомители? Почему никто из окружения Антонова не сообщил ему в день ареста Заева и Лоцилина о происшедшем? И все это после того, как Антонов добивался повышения жалования для своих

сотрудников⁴ и снижения уровня преступности на территории 6 тыс. кв. км с 350 тыс. жителей⁵.

Советская власть в 1918 г. продемонстрировала важность кадрового вопроса в деле захвата и удержания власти, а также в вопросах обеспечения поддержки местного населения. Шурка урок усвоил и сделал для себя нужные выводы.

С конца 1918 г. Антонов стал окружать себя надежными людьми, хорошо разбиравшимися в крестьянской психологии. Со многими он был знаком лично еще со времен Первой русской революции. Из многочисленных соратников тамбовского атамана нам бы хотелось подробнее остановиться на следующих персонажах: Иван Егорович Ишин, Григорий Наумович Плужников (он же «Батько»), Петр Иванович Сторожев, Федор Степанович Подхвятилин и Василий Никитин-Королев, больше известный как Васька Карась.

Чем можно объяснить выбор нами именно этих людей? Ишин – бывший торгаш, хорошо разбиравшийся в крестьянской психологии и умевший говорить на одном языке с мужиком. Плужников – святоша, олицетворявший в крестьянском сознании образ благочестивого домохозяина, чуждого мирской суеты, Батько, одним словом. Сторожев – матерый волк-средняк, готовый драться за свое, вызывавший в крестьянах скорее страх, нежели уважение. Федор Подхвятилин – бывший совработник, осознавший антикрестьянский характер новой власти, хороший пример как для крестьян, мол, власть за нас, так и для своих, – власть с народом. Васька Карась – ярчайший пример народного атамана.

Подобной логикой, вероятнее всего, руководствовался и Антонов, который как талантливый организатор и лидер движения, подбирал себе окружение исходя из полезности того или иного человека для общего дела. Однако не все перечисленные нами лица свято верили в революционную справедливость Антонова. У каждого была своя, непохожая на другие, история, о них речь и пойдет дальше.

Иван Егорович Ишин родился в с. Калугино Калугинской волости Кирсановского уезда в крестьянской семье, имевшей 3 десятины земли под садом. На момент попадания в поле зрения жандармов был холост, нигде не учился, а средства к жизни зарабатывал личным трудом. Причиной, по которой жандармы обратили внимание на 19-летнего Ивана Ишина, стала его революционная деятельность, выражавшаяся, согласно материалам дела, в «возмущении крестьян к неповиновению властям, к противодействию закону и в участии в сообществе, заведомо поставившем целью своей деятельности ниспровержение существующего в государстве общественного строя»⁶.

Таким образом, уже в годы Первой русской революции Ишин проявил свои ораторские способности, делая упор в революционной работе в большей степени на агитацию словом, нежели силой. В дальнейшем

Иван Егорович останется верным выбранной тактике, которая потребует ему снова в 1918 г., но уже в борьбе против советской власти. Стоит отметить, что 1918 г. стал переломным для многих участников «антоновщины».

В декабре 1918 г. Ишин вновь оказывается фигурантом уголовного дела. Ситуация типичная. Бывшего казначея Калугинского общества потребителей Ишина обвиняли в противодействии использованию служебного положения в целях личного обогащения со стороны Михаила Голомазова, сначала работавшего счетоводом Калугинского общества потребителей, а после увольнения занявшего должность председателя Калугинского исполкома. В своей борьбе против Голомазова Иван Егорович использовал проверенное средство – агитацию. Как следует из протокола допроса, решения об увольнении Голомазова и отказе выдавать денежные средства и мануфактуру его брату принимались общим собранием граждан названного общества потребителей, главную роль в организации и выработке решений которого принимал Ишин.

Такой человек был нужен Антонову, особенно на начальном этапе сопротивления, когда желающих бороться с советской властью было немного. К тому же, Антонов редко выступал на митингах. Всю основную работу в 1919 г. делал за него Ишин: «Летом 1919 г., когда южная часть Кирсановского уезда была переполнена дезертирами, а Антонов продолжал усиленную вербовку банд, в одно время на так называемых «Трескинских лугах» им было собрано 2000 дезертиров, устроен митинг, где выступал бандит Ишин, сам же Антонов никогда на митингах не выступает»⁸.

Ораторские способности Ишина отмечали в своих донесениях и тамбовские чекисты: «Хороший агитатор, в особенности при современных условиях, всегда может повести за собою население»⁹. Однако причины подобной популярности, по их словам, оказались банальными. Будучи председателем Калугинского общества потребителей, Ишин «начал доставлять старый, спрятанный свой товар, чем пользовался у населения популярностью как опытный работник»¹⁰.

Со временем данный эпизод биографии забыли, и он остался в памяти современников как главный агитатор Антонова. В этой связи интересен словесный портрет Ишина, который приводит в своих воспоминаниях сотрудник ВЧК Е. Ф. Муравьев, знакомый с ним лично, чей вклад в нейтрализацию Ивана Егоровича и Эктова был высоко оценен самим Дзержинским. По словам Муравьева, Ишин представлял собой «дородную фигуру человека лет сорока пяти, с жирным румяным лицом, с курчавыми волосами, в темном костюме, начищенных сапогах гармошкой, с маузером, в деревянной кобуре на боку»¹¹. Как видим, колоритная фигура. Внешность Ишина соответствовала его положению. Поэтому крестьянами он воспринимался не иначе, как старый матерый эсер, крупный

эсеровский работник, иначе ему не доверили бы важнейший пост председателя СТК. Этим объясняется то магическое действие, которое оказывали речи Ишина на крестьянскую массу, тем более что в своих выступлениях он использовал сочный крестьянский язык, с пословицами и прибаутками, который был понятен крестьянам и вызывал в их душе живой отклик на слова оратора.

Однако с развитием движения, когда восстание привлекло к себе внимание власти и начались репрессии не только против активных участников, но и в отношении населения, одними словами на крестьян воздействовать уже не получалось. Но крестьянская смекалка и способность выходить из сложных ситуаций помогали Ишину. Так, во время нападения и захвата г. Рассказово Антоновым в 1921 г., Иван Егорович, желая заручиться поддержкой рассказовских пролетариев, на митинге бесплатно раздавал рабочим хлеб и крупу¹².

Звезда Ишина светила не долго. Чем ближе подходило время посевной, тем сложнее было удерживать крестьян в рядах повстанцев, а тем более пополнять ряды добровольцами. Ряд крупных поражений партизанских армий весной 1921 г., смена политического курса советской власти, с одной стороны, при отсутствии реальных побед антоновцев в совокупности с начавшимися репрессиями с обеих сторон конфликта, с другой, сводили на нет агитацию Ишина, разнося о нем славу как о пустобрехе. С другой стороны, ситуацию усугублял обострившийся конфликт между Ишиным и Плужниковым, претендовавшим на роль главного идеолога Тамбовского восстания¹³.

Плужников Григорий Наумович – он же «Батько» – член губернского комитета СТК, крестьянин села Каменки Тамбовского уезда и губернии. По социальному положению – деревенский кулак. Активный деятель¹⁴. Таким видела Плужникова советская власть. Но были ли основания для такого заключения?

Действительно, Плужников родился в 1887 году в селе Каменка Каменской волости Тамбовского уезда. Биография «Батьки» нам известна благодаря его активной деятельности в 1909 г., когда он, к тому моменту 30-летний женатый мужчина, отец 4 детей, оказался замешанным в деле о растрате товарищеских денег. Однако, как следует из материалов следствия, растрата была представлена Плужниковым как ограбление неизвестными. Однако задержан он был за агитацию среди крестьян путем распространения слухов относительно урожая 1909 г., что, по мнению тамбовской полиции, характеризовало его как вредного и опасного для населения Каменской и других волостей человека, способного на «всякие преступления»¹⁵.

Приведенные факты показывают, что, как и Ишин, Плужников начинал свою революционную карьеру не с ограблений сберкасс, как Шурка Антонов, а с финансовых махинаций и мошенничества, что де-

лает их с Иваном Егоровичем потенциальными соперниками в борьбе за власть, если не учитывать того факта, что Плужников, в отличие от Ишина, был более крупной фигурой на всем протяжении Тамбовского восстания и обладал большим влиянием на ситуацию в губернии, чем красной Ишин¹⁶.

Интересен и словесный портрет Плужникова, приведенный в романе Николая Вирты «Одиночество»: «... мужчина лет сорока, со смиренными глазами, какие в старину писались на иконах великомучеников. И в самом деле, было в облике Плужникова что-то скопческое: рыхлое лицо, тонкие, опущенные вниз, поджатые, вечно шевелящиеся губы, будто Григорий Наумович читал про себя псалмы, маслянистые жидкие волосы, расчесанные на прямой пробор, псаломщический, с гнусавинкой, голос. Он не пил, не курил, не интересовался женщинами. Однако никто из близких Антонову не владел в таком совершенстве искусством играть на слове «мое». Сын и внук крестьянина, сам крестьянин, Плужников умел проникать в мужицкую душу»¹⁷.

Понимая свою ценность для Антонова и осознавая важность своей роли в крестьянском движении после Каменского восстания в августе 1920 г., «Батько» не раз использовал это обстоятельство в спорах с Шуркой по тем или иным «политическим» вопросам. «Батьке», как и некоторым из приближенных Антонова, со временем надоело быть на вторых ролях, и он всячески старался выбиться на первый план. Об одном из таких эпизодов говорил после ареста бывший политработник Борисоглебского укома СТК Федор Степанович Подхвятилин. В своих показаниях он упоминал секретное совещание, на котором по инициативе Плужникова обсуждался вопрос о подчинении Главоперштаба губкому СТК. Причиной такого развития событий наряду с амбициями Плужникова стала возросшая самостоятельность Антонова, вызывавшая опасения у лидеров СТК, по-видимому, не хотевших возникновения на Тамбовщине атаманщины и поэтому стремившихся несколько ограничить волю начальника Главоперштаба. Ситуация не успела разрастись до опасных масштабов, поскольку Антонов не стал испытывать судьбу и разогнал совещание, решив с помощью маузера возникшие противоречия. Харизма лидера сыграла свою роль. На прошедшем в апреле 1921 г. общем собрании командиров полков, политработников и членов Главоперштаба было выражено полное доверие Антонову. Конфликт показал, что, несмотря на практически всеобъемлющие функции при одновременном отсутствии их четких разграничений с другими руководителями восстания, руководство СТК в лице Плужникова все же не смогло полностью подчинить своему влиянию повстанческую армию, как это сделала РКП(б) с Красной армией. Данное обстоятельство во многом предопределило исход движения. В который раз в русской истории «организационное повстанческое ядро не сумело освободиться от волюнтаризма главного предводителя движения»¹⁸.

Рассматривая окружение Антонова, нельзя не заметить скромную по масштабам участия в крестьянском движении, однако, не менее колоритную фигуру Петра Ивановича Сторожева, история жизни которого легла в основу романа Николая Вирты «Одиночество».

«Сторожев Петр Иванович, 1888 г. рождения, происхождение – село Грязнуха Сампурского района бывшего Тамбовского округа, русский, подданный СССР. Женат, [имею] 4 детей¹⁹. Окончил сельскую школу, беспартийный. До войны 1914 г. находился дома, занимался сельским хозяйством, отбывал действительную военную службу, имел чин унтер-офицера. С 1914 г. до Февральской революции 1917 г. все время на империалистическом фронте, в Февральскую революцию 1917 г. был на фронте. С Октябрьской революции 1917 г. по настоящий день участвовал в банде – был руководителем отряда нескольких сел Токаревского и Сампурского районов»²⁰.

Так сухо и обычно в 1930 г., находясь уже под арестом, писал автобиографию Петр Сторожев, наводивший в годы Тамбовского восстания ужас на население Грязнухинского района. Попробуем взглянуть на эту историю с другой стороны. За скупой фразой «занимался сельским хозяйством» в реальности скрывается довольно интересная информация. Из показаний односельчанина Сторожева А. И. Вихляева: «Я знаю Сторожева П. И. как односельчанина; хозяйство было кулацкое, в своем пользовании имел 6–7 лошадей, а также арендовал землю у крестьян-бедняков по 8–10 аршин, а также имел весь сложный сельхозинвентарь»²¹. Приведенные данные подтверждает и Грязнухинский сельсовет²².

Таблица 1.
Сведения об имущественном положении П. И. Сторожева

№ п/п	Наименование имущества	Количество			Примечание
		в момент ареста	до 1929 г.	до 1917 г.	
1.	Земля под обработкой		6 га	12 га	
2.	Домов (дач, торгов, помещ. складов)		1	2 дома	
3	Хоз. построек (конюшня, хлев, пригон), сарай и т.д.			3 конюшни	
4.	Подсобных предприятий – мельница, крупорушка, маслобойка			–	
5.	Промышл. предприятий – слесарн., механ. и проч. мастер.			–	
6.	С/х машин:				
	а) тракторов			2	
	б) плутов			1	
	в) боров			3	
	г) сеялок			1	

Как видно из таблицы 1, хозяйство Петра Ивановича было житочным и имело достаточные ресурсы для ведения товарного производства. При таких условиях приход к власти большевиков и победоносное шествие власти пролетариев по аграрной Тамбовской губернии ставили жирный крест на планах Сторожева. Поэтому Тамбовское восстание Петр Иванович рассматривал не иначе как шанс вернуть утраченное имущество и реализовать свою давнишнюю мечту. Об этом, спустя несколько лет после восстания, уже будучи арестованным, Сторожев расскажет следователю: «будучи кандидатом РКП(б) и членом Лозовского волисполкома, а затем председателем Грязнухинского сельсовета, был не согласен с политикой в проведении продразверстки, я считал, что она сильно бьет по имущей части крестьян села, т. к. у них забирали все запасы хлеба, а это грозило голодом в деревне и вызывало у них злобу и ненависть к Советской власти. С такой политикой я был в корне не согласен и считал, что коммунисты разоряют крестьян, они варвары. Из этого я сделал [вывод], что я должен быть на стороне этой части крестьянства, т. е. кулачества, и бороться всеми мерами с «произволом» коммунистов»²³.

Однако, при всей ясности мотивов участия Сторожева в Тамбовском восстании, следует все же учитывать время и обстоятельства показаний Петра Ивановича. Для него это был второй «заход», порядок и методы следствия он знал, да и отпираться от «очевидных» вещей в 1937 году было, по меньшей мере, глупо. Поэтому наиболее информативной, на наш взгляд, является та часть показаний Сторожева, которая напрямую не относится к Тамбовскому восстанию. На вопросы следователя об отношении к партии эсеров и контрреволюционной деятельности в начале 1930-х, Петр Иванович заявил следующее: «На германском фронте в конце 1916 г. сочувствовал эсерам и принимал участие в распространении по окопам эсеровских листовок, за что был судим военно-полевым судом... Моя контрреволюционная деятельность в 1930 г. выражалась в том, что я активно выступал среди крестьян против проведения коллективизации, призывая крестьян не вступать в колхозы и не отдавать своего имущества и бить коммунистов, чтобы они не насильничали над крестьянами, был не согласен с раскулачиванием и вел борьбу с коммунистами, чтобы они это не осуществили, я призывал крестьян быть организованными»²⁴.

В результате, активная деятельность Сторожева на всем протяжении его политической жизни проявилась в агитации и призывах к неповиновению советской власти, саботажу ее решений. Исключением стал период Тамбовского восстания 1920–1921 гг., когда Сторожев силой забирал у коммунистов свое, найтое непосильным трудом, имущество. Поэтому его полезность для движения ограничивалась границами района, в котором он действовал²⁵. Это обстоятельство позволило Петру Ивановичу спокойно жить в г. Борисоглебске вместе с семьей вплоть до 1930 г. Основные свидетели его преступлений к тому времени либо умерли, либо

не представляли для него серьезной опасности, так как, будучи участниками повстанческих отрядов, отбывали наказание в ИТЛ вне Тамбовской губернии.

Помимо Сторожева, в окружении Антонова были и другие соработники, такие, как бывший председатель культпросвета села Чикаревки Федор Степанович Подхвятилин. Выходец из бедной крестьянской семьи, по профессии сапожник, за семь месяцев службы в рядах Красной армии с 5 июля 1919 г. по 7 февраля 1920 г. сумел дослужиться до заведующего сапожной мастерской при техническом эскадроне 8-й армии²⁶. Вернувшись в родное село, агитировал за советскую власть, занимаясь культурно-просветительной работой. Что же заставило Федора Степановича развернуться на 180 градусов и, продолжая заниматься культурно-просветительной деятельностью, агитировать тех же крестьян, только уже против советской власти? Подхвятилин относился к той категории соработников, которые, видя слабость власти и ожидая ее скорого крушения, переходили на сторону противника, спасая свою жизнь, тем более что к «простым» коммунистам антоновцы относились хорошо. В результате, благодаря своей близости к народным массам и таланту агитатора, Подхвятилин из угнетателя трудового крестьянства превратился в его преданного защитника, поочередно меняя должности и продвигаясь по службе от председателя Чикаревского селькома СТК, затем агитатора 1-го Каменского партизанского полка, политработника Борисоглебского укома СТК до члена губернского политбюро СТК. Свою измену советской власти и столь стремительную карьеру в рядах повстанцев он объяснял непреодолимостью внешних обстоятельств и случайным совпадением: «После половины ноября (1920 г. – авт.) политическое положение изменяется (в виде организации отрядов, борющихся против течения коммунистов), я не мог объективно усмотреть будущего положения, с одной стороны, я, все время преследуемый шайками за мою работу в пользу Советской власти, в конце концов, не мог устоять и влился в повстанческое движение, где принимал участие в сельском комитете (СТК – авт.), председателем которого избрали меня»²⁷.

Приведенный отрывок объясняет нахождение Подхвятилина в окружении Антонова не столько приверженностью идеологии Тамбовского восстания, сколько банальным расчетом на карьерный рост. Это был случайный попугачик, для которого преданность лидеру была прямо пропорциональна получаемой от нахождения в его окружении выгодой.

В продолжение разговора о непомерных амбициях хотелось бы поговорить о тех сторонниках Антонова, кто, несмотря на свои скромные заслуги в крестьянском движении, сам метил в атаманы, считая, что командовать крестьянами в войне против большевиков сможет не хуже, чем Антонов.

Анализ различных источников информации (от оперативных сводок с боеучастков и донесений соработников в центр о положении дел в

Тамбовской губернии до воспоминаний современников и работ исследователей) показал, что за Василием Васильевичем Никитиным-Королевым прочно закрепилась слава злостного уголовника и дезертира, а в некоторых случаях грабителя и конокрада. Но при более тщательном рассмотрении данного вопроса выясняется отсутствие документальных материалов, подтверждавших приведенные факты. Так кем же был на самом деле Васька Карась? В этом мы и попробуем разобраться.

Появление отряда Никитина-Королева борисоглебский историк В. В. Самошкин относил к осени 1920 г. Характеризуя Ваську Карася как командира, Самошкин отмечал: «Под его началом этот повстанческий отряд без всякой политической окраски, придерживался ярко выраженной тактики пассивной обороны: не бесчинствовал на железных дорогах, не нападал на красноармейские части, не терроризовал налетами соседние местности, но в то же время решительно и беспощадно пресекал всякие попытки продотрядов и отрядов по борьбе с дезертирством появляться на той небольшой территории западной части Тамбовского уезда, которую отряд Карася считал «своей»²⁸.

Придерживаясь подобной тактики, Никитин-Королев выбивался из общей парадигмы крестьянского сопротивления в Тамбовской губернии под руководством Антонова и его ближайших сторонников, так как действовал в интересах крестьянства, не только громя продотряды, но и не навлекая ответные репрессии властей на и без того пострадавших селян.

В воспоминаниях современников Васьки Карася мы находим не только подтверждение нашего предположения, но и объяснение выбора странного, на первый взгляд, для революционной эпохи прозвища козловского атамана. Тамбовский исследователь С. Кочуков в своей книге, посвященной истории сел Тамбовского района, приводит воспоминания односельчанина В. В. Никитина Федора Сергеевича Балашова (1885 г.р.), рассказывавшего, что «кличку Ваське дали «карась» за то, что он в открытом бою с красными поначалу и не встречался. В основном это были налеты, рассчитанные на внезапность. Убивать старались поменьше, даже была установка такая – крови как можно меньше – именно поэтому красные на него сурьёзных сил и не привлекали. Поэтому он как рыба карась в воде плавал между красными отрядами и никто его сурьезно не трепал. Он последнее время и подписывался не Василий Васильевич Никитин, а просто Васька Карась, что было короче и громче»²⁹.

Поведение Карася не могло остаться незамеченным со стороны Антонова, требовавшего активизации боевых действий на всех направлениях, что было крайне невыгодно отряду вольного атамана. Попытки подчинить действия отрядов В. Никитина-Королева общему руководству антоновского Главоперштаба и придать им более организованный и скоординированный с другими частями повстанцев характер предпринимались, по-видимому, ещё осенью 1920 – зимой 1921 г. Однако договориться

получилось не сразу. По словам С. Кочукова, только к середине апреля можно отнести совместные действия основных сил Антонова и отрядов, подконтрольных Карасю, по захвату Рассказова и штурму Кирсанова³⁰. Но это были единичные совместно проведенные акции. В большинстве случаев Карась предпочитал действовать самостоятельно, на подконтрольной себе территории, формально признавая главенство Антонова.

Таким образом, подводя итог, отметим, что в окружении Антонова на всем протяжении Тамбовского восстания 1920–1921 гг. было достаточное количество одаренных людей, обладавших харизмой и способных увлечь за собой крестьянские массы. Однако, в отличие от своих противников – большевиков, – лидеры крестьянского восстания не смогли преодолеть свои политические амбиции и корыстный интерес. Стремление к достижению личных целей, а не к выступлению единой силой в конечном итоге и привело к поражению восстания. История атамана Антонова и его окружения в очередной раз доказала важность кадрового вопроса в политике, особенно в протестных движениях, где победа над противником напрямую зависит от наличия единого руководства и движения в одном направлении.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Фатуева Н. В.* Крестьянские волнения и восстания в Тамбовской губернии (1918–1921 гг.): Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1995; *Федоров С. В.* Крестьянство Тамбовской губернии в годы гражданской войны, 1918–1921 гг.: Дисс. ... канд. ист. наук. М, 2000; *Шадский О. Г.* Советская власть и крестьянство Тамбовской губернии (лето 1918 – лето 1920). «Предантоновщина»: Дисс. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2000; *Дьячков В. Л., Есиков С. А., Канищев В. В.* Крестьянская революция 1902–1922 годов в Тамбовской губернии // *Россия в XX веке: Реформы и революции.* Т.1. М.: Наука, 2002; *Самошкин В. В.* Хроника Антоновского восстания. Документальный очерк. Александр Антонов. Страницы биографии. Борисоглебск, 2003; *Самошкин В. В.* Антоновское восстание. М., 2005; *Eric C. Landis, Bandits and Partisans. The Antonov Movement in the Russian Civil War.* Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2008.

² *Иванов Д. П.* Предпосылки и мотивы участия крестьян в Тамбовском восстании 1920–1921 гг. Микроисторический подход: Дисс. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2009.

³ *Федоров С. В.* Личностный аспект крестьянской войны в Тамбовской губернии В 1918–1921 гг. // Эхо. Сборник статей по новой и новейшей истории Отечества. Вып. 4. // Ред. А. В. Репников; М., 2000. С. 41–44; *Иванов Д. П.* Из окопов Мировой на фронты Гражданской: участие ветеранов 1914–1918 гг. в Тамбовском восстании 1920–1921 гг. // От «германской» к Гражданской: становление корпуса народных вожаков русской смуты. Сборник статей и материалов. / Под ред. А. В. Посадского. М.: АИРО-XXI. 2014. С. 352–362.

⁴ Докладная записка начальника Кирсановской уездной милиции А. С. Антонова в уездный комиссариат внутренних дел с ходатайством о прибавке жалования служащим милиции от 14 марта 1918 г. Подробнее см.: «Антоновщина». Крестьянское восстание в Тамбовской области в 1920–1921 гг.: Документы, материалы, воспоминания / Гос. архив Тамбовской обл. и др. Тамбов, 2007. С. 78.

⁵ *Шикман А.* Деятели отечественной истории. Биографический словарь-справочник. Т.1. М.: АСТ, 1997. С. 38.

⁶ Материал жандармского дознания по делу арестованного И. Е. Ишина от 2 июня 1907 г. Цит. по: «Антоновщина»... С. 25.

⁷ Протокол допроса следственной комиссией И. Е. Ишина от 21 декабря 1918 г. Цит. по: «Антоновщина»... С. 79–80.

⁸ Биографическая справка на А. С. Антонова, составленная в Тамбовской губчека от 26 января 1921 г. Цит. по: «Антоновщина»... С. 270.

⁹ Биографические справки на И. Е. Ишина, П. М. Токмакова, М. Юрина («Германа»), П. М. Давыдова, составленные органами ЧК от 26 января 1921 г. Цит. по: «Антоновщина»... С. 268.

¹⁰ Там же. С. 268.

¹¹ *Муравьев Е.* Полтора месяца в стане антоновцев // Особое задание. Сборник. Изд. 2-е, доп. М.: Моск. рабочий, 1977. С. 221.

¹² *Вирта Н. Е.* Одиночество: роман. М.: Астрель, АСТ, 2003. С. 122. Об этом факте мы также узнаем из письма группы старых большевиков, направленного в 1958 г. в ЦК КПСС по поводу переиздания романа Н. Е. Вирты «Одиночество» Подробнее см.: «Антоновщина»... С. 639.

¹³ По словам Николая Вирты, «Плужников, в свою очередь, не раз уговаривал повесить Ивана Егоровича за болтливость и ненасытную кровожадность, за пьянство и буйство». Цит. по: *Вирта Н. Е.* Одиночество... С. 122.

¹⁴ Обзор особого отдела губчека о зарождении и развитии повстанческого движения в губернии (не ранее 16 апреля 1921 г.). Подробнее см.: «Антоновщина»... С. 344.

¹⁵ Сведения об арестованном Г. Н. Плужникове, составленные тамбовским уездным полицейским исправником Н. И. Богословским (не ранее 16 июля 1909 г.) Подробнее см.: «Антоновщина»... С. 66.

¹⁶ Согласно данным тамбовской губчека от 19 июля 1921 г., роли Плужникова и Ишина в крестьянском движении были разными. В обязанности «Батьки» входило: агитационно-организационная работа по Тамбовскому уезду и координация совместно с чинами штабов планов и задач военных действий. В то же время как Ишин был всего лишь членом губкома СТК, производившим агитационно-организационную работу по Кирсановскому уезду. Подробнее см.: «Антоновщина»... С. 463.

¹⁷ *Вирта Н. Е.* Одиночество... С. 54.

¹⁸ *Есиков С. А., Канищев В. В.* «Антоновский НЭП» (Организация и деятельность «Союза трудового крестьянства» Тамбовской губернии. 1920–1921 гг.) // Отечественная история. 1993. №4. С. 62.

¹⁹ На момент Тамбовского восстания у Сторожева был 1 ребенок 1908 г. р.

²⁰ Из протокола допроса обвиняемого в контрреволюционной деятельности П. И. Сторожева от 10 декабря 1930 г. Подробнее см.: «Антоновщина»... С. 604.

²¹ Показания свидетеля А. И. Вихляева по делу арестованного за участие в крестьянском восстании П. И. Сторожева от 18 июня 1937 г. Подробнее см.: «Антоновщина»... С. 610.

²² Справка Грязнухинского сельсовета Сампурского района об имущественном положении П. И. Сторожева (ранее августа 1937 г.). Подробнее см.: «Антоновщина»... С. 612.

²³ «Антоновщина»... С. 612.

²⁴ Там же. С. 613.

²⁵ Как следует из материалов уголовного дела, Сторожев со своим отрядом оперировал на территории Токаревского и других районов бывшего Борисоглебского уезда ЦЧО. Цит. по: «Антоновщина»... С. 606.

²⁶ Там же. С. 435.

²⁷ Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919–1921 гг. («Антоновщина»): Документы и материалы. Тамбов, 1994. С. 194.

²⁸ *Самошкин В. В.* Хроника антоновского восстания. Документальный очерк. Александр Антонов. Страницы биографии. Борисоглебск, 2003, С. 104–105.

²⁹ *Кочуков С. К.* След веков отшумевших ... Век XX. Люди и судьбы. Из истории Лысых Гор и других сел Тамбовского района. Книга 3. Тамбов: изд-во «Юлисс», 2013. С. 43.

³⁰ Там же. С. 44.

РОЛЬ ВООРУЖЕННОЙ ПРОПАГАНДЫ В ПОДГОТОВКЕ ТАМБОВСКОГО ВОССТАНИЯ 1920–1921 ГГ.*

Д. П. Иванов (Тамбов)

Тамбовское восстание 1920–1921 гг. трудно отнести к «белым пятнам» истории. За 95 лет, прошедших с начала «антоновщины», были исследованы различные аспекты крестьянского движения – от причин и предпосылок¹ до лозунгов восстания и процесса его подавления². Однако до сих пор остается непонятным, почему, несмотря на подготовительную работу, проводившуюся как А. С. Антоновым, так и эсеровскими комитетами Союза Трудового крестьянства в 1919–1920 гг., начавшееся восстание не смогло набрать достаточную силу для продолжительного сопротивления политике «военного коммунизма». Подготовительный этап Тамбовского восстания 1920–1921 гг., так называемая «предантоновщина», подробно рассмотрен в работе тамбовского историка О. Г. Шадского³, опираясь на выводы которой, мы попробуем в данной статье взглянуть на обозначенный период через призму вооруженной пропаганды.

Недовольство крестьян политикой советской власти, а точнее, отдельных ее представителей, начало проявляться уже весной-летом 1918 года на почве реализации продовольственной диктатуры или проведения массовой мобилизации на войну с врагами революции⁴. Крестьянские выступления носили стихийный характер и отличались непродолжительностью, что вполне вписывалось в традиционные формы сопротивления деревни давлению извне. Параллельно с народным протестом в губернии шла мирная борьба эсеровских сельских и волостных комитетов Союза трудового крестьянства. Однако реального влияния на ситуацию в Тамбовском регионе эти движения оказать не могли: крестьянские восстания жестоко подавлялись, а эсеровские мирные петиции и митинги

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект №13-01-00260.

при отсутствии харизматического лидера и альтернативной большевистской политической программы не представляли серьезной угрозы для советской власти.

Первым событием, нарушившим привычный ход вещей, стал конфликт А. С. Антонова с советской властью и последовавший за ним его уход в июле 1918 г. с поста начальника Кирсановской уездной милиции. С этого момента можно говорить о начале повстанческого движения в Тамбовской губернии, апогеем которого стало Тамбовское восстание 1920–1921 гг. В данной работе мы остановимся на двух начальных этапах, – организационном и террористическом, – в ходе которых широко применялась вооруженная пропаганда.

Началом первого – организационного – этапа «антоновщины» можно считать период с момента возвращения Антонова из незапланированного «отпуска» в конце 1918-го и начало 1919 года. В этот период происходило становление идеологической оболочки будущего движения. Мозгом созданной группы были старые товарищи по революционной борьбе с царизмом – Шурка Антонов, Григорий Плужников и Иван Ишин⁵.

Опытные террористы и конспираторы, Антонов и его окружение, обладали особым складом характера, который сформировался за годы, проведенные в тюрьмах, на каторге, в ссылках. Наличие практического опыта борьбы с властью и высокого уровня боевой и политической подготовки у таких людей повышало вероятность применения насилия для утверждения своих взглядов среди окружающих путем организации массового сопротивления политике государства.

В конце 1918 г. обстановка на Тамбовщине была благоприятной для Антонова. Крестьянство, недовольное политикой «военного коммунизма», активно восставало, власть была занята борьбой с белогвардейцами, и к тому же, советская власть в тот период старалась не применять репрессивные меры в Тамбовской губернии, близкой к фронту и наполненной дезертирами⁶. Однако добровольцев, желавших бок о бок с Антоновым бороться с коммунистами, было немного. По восставшим волостям и селениям власти прошлись катком репрессий, что надолго отбило у крестьян северных уездов, наиболее активно восстававших в 1917 г., желание сопротивляться в 1919–1921 гг. Дезертиры, сбежавшие от одной войны, прятались по лесам и не желали участвовать в другой, пусть и не такой масштабной. Обстоятельства вынуждали Антонова, не желавшего упускать время, вербовать уголовников, с которыми затем работали будущие идеологи Тамбовского восстания – Ишин и Плужников, делая из них эсеров. Но положение безнадежным не было, так как в бытность начальником Кирсановской милиции Антонов скопил определенное количество оружия, которое в условиях ограниченности людских ресурсов было более весомым аргументом в политической борьбе с коммунистами, нежели эсеровские петиции.

Первоначально акции носили точечный характер. В основном это были убийства отдельных совработников и ограбления совхозов (сказывалось присутствие уголовного элемента). Действия группы Антонова привлекли внимание властей, так как подобные действия грозили срывом заготовительной кампании, но не вызвали ожидаемой реакции среди крестьян, на которых они были рассчитаны. Дело в том, что размеры ущерба от организованных властью изъятий были еще невелики, а хороший урожай 1918 г. с лихвой покрывал причиненные убытки. Не разобравшись в тонкостях стратегии Антонова, местные работники в большинстве случаев рассматривали акции его группы как типичные эпизоды уголовного бандитизма и не выделяли в ее действиях политическую составляющую.

Подобное отношение грозило свести к нулю имидж Антонова как идейного эсера и защитника крестьянства, а появление более «успешной» банды и вовсе грозило придать забвению его имя. Такого развития событий «Шурка» допустить не мог. Нужно было изменить облик движения. С этой целью Антонов в 1919 году переименовал свой отряд в «Боевую дружину», на основе политической эсеровской программы⁷. Произошли изменения и в методах борьбы. Акции становятся более дерзкими и хорошо спланированными. От случайных убийств антоновцы отказываются в пользу индивидуального террора в отношении сотрудников милиции, работников местной администрации, особенно коммунистов. Следует заметить, что возвращение соратников Антонова к террористической деятельности в 1919 г. кардинально отличалось от подобных действий в начале XX века.

На данном этапе Антонов и его «Боевая дружина» использовали террор исключительно для расширения базы движения и раскачивания ситуации в губернии. Впоследствии, во второй половине XX века, в латиноамериканских и европейских странах подобные действия повстанцев (герильяс) по ведению психологической войны станут называть «вооруженной пропагандой». Вооруженная пропаганда представляет собой одну из форм пропагандистской деятельности, практикуемой целым рядом революционных организаций второй половине XX – начале XXI вв. Она характеризуется нелегальным (согласно действующему в данной стране законодательству) применением оружия с целью предания широкой огласке неудобных для власти политических фактов и, как следствие, привлечения на свою сторону новых сторонников. По этой причине следует отличать вооруженную пропаганду от чистого терроризма как политики устрашения, цель которого – принуждение власти принять нужное для организаторов террора решение.

Для понимания роли вооруженной пропаганды в подготовке Тамбовского восстания 1920–1921 гг. в период, предшествовавший Тамбовскому восстанию, необходимо более подробно остановиться на сущности данного явления и его месте в тактическом арсенале «Боевой дружины».

Причиной популярности вооруженной пропаганды у революционеров и членов террористических организаций второй половины XX века были труды «отца городской герильи» Карла Маригеллы, турецкого теоретика Перманентной революции Махира Чаяна, активная деятельность леворадикальных организаций, таких как RAF, «Красные бригады», «Движение имени Тупак Амару».

В отличие от террора, вооруженная пропаганда, как уже говорилось выше, не стремится «сломать Систему». Она преследует конкретные и вполне достижимые пропагандистские цели.

1. *Вызвать у населения ненависть к врагам.*

Подобный эффект достигался путем проецирования негативного образа конкретного представителя власти на власть в целом. В обычной жизни такое деяние, как убийство, табуировано и вызывает у общества неодобрение и сострадание к жертве. В нашем случае смерти ненавистных продотрядчиков, коммунистов и других «душегубов» вызывают одобрение части крестьянства. Одобрение обществом убийств представителей местной администрации разрушает легитимность этой власти.

2. *Призвать народ к активному сопротивлению.*

При сознательном допущении убийства представителей власти, людям становится легче самим поднять руку на них, — моральный запрет снимается. Людей пассионарных вооруженная пропаганда радикализирует, воздействуя по принципу «делай как я». Заметим, что подобный эффект проявлялся не сразу, и массового притока добровольцев в движение сразу после акций не наблюдалось. В полной мере радикализация народных масс в Тамбовской губернии проявила себя только при дестабилизации обстановки в целом по стране, в результате массовых крестьянских восстаний в 1920 г.

3. *Получить народную поддержку.*

Бесчинства представителей власти вызывали в народе закономерное возмущение. Совершая справедливое возмездие, антоновцы удовлетворяли потребность крестьянства в справедливости, за что деревня платила им своей поддержкой⁸. В результате ненависть общества к уничтоженным представителям власти легко конвертировалась в поддержку тех, кто их уничтожал.

Это понимали и советские работники на местах, которые в своих докладах о развитии повстанческого движения в Тамбовской губернии подтверждали выдвинутое нами положение: «Сочувствие к бандитам объясняется тем, что они всегда выступали якобы защитниками крестьянства. Если, например, являлся представитель власти для проведения разверстки или еще за чем-либо, то он неизбежно погибал от руки бандитов»⁹.

4. *Привлечь внимание, создать информационный повод.*

В XX веке акции вооруженной пропаганды были плотно связаны с официальными СМИ, через которые информация о событии доносилась

до общественности, особенно в деревне. Цензура и запреты сильно искажали эту огласку (как в случае с ликвидацией «Боевой дружиной» банды Бербешкина). Поэтому, наряду с боевыми акциями, антоновцам приходилось использовать и мирные формы пропагандистской борьбы: листовки и газеты.

По мнению некоторых авторов, «если вы хотите донести до широких народных масс свои идеи (или сделать известной свою организацию), то вооруженная пропаганда подойдет как нельзя лучше. Учтите, что пострадать должны только враги, вызывающие всенародную ненависть. Если пострадают невинные люди, то о вас, конечно, узнают, но будут относиться к вам отрицательно, чем вы окажете «медвежью услугу» всему движению»¹⁰.

Так и произошло в селе Иноковка Кирсановского уезда, где милиционеры 3-го района и местная власть были обезоружены и казнены повстанцами самым зверским образом. В докладе Кирсановского политбюро, направленного в Тамбовскую губчека, сообщались детали происшествия: «На трупах убитых обнаружено по 30 и более колотых ран. Расправившись с милицией, шайка наутро 29 августа 1919 г. покинула Иноковку и ушла по направлению с. Рамзы. Население Иноковки, узнав о зверствах бандитов, пришло в ужас»¹¹.

Но данный случай является скорее исключением. В связи с появлением угрозы прорыва Деникина к Москве, Тамбовская губерния летом 1919 г. была объявлена на военном положении. В это время Антонов объединил около себя группы дезертиров, громадное количество которых скрывалось в то время на Тамбовщине. В результате общая численность его отряда достигла 200 человек¹². По словам советского военачальника А. С. Казакова, Антонов, имея в своем распоряжении «зеленую армию», уже более успешно «громил волостные советы, склады, совхозы и т. д., массами убивая советских и партийных работников»¹³. В результате, к середине октября 1919 г. «Боевой дружиной» было убито уже 100 человек ответственных работников, в том числе бывший председатель Тамбовского губисполкома М. Д. Чичканов¹⁴.

С одной стороны, убийство М. Д. Чичканова стало для антоновцев весомым аргументом как в психологической войне с советской властью (в качестве доказательства возросших возможностей «Боевой дружины» в борьбе с диктатурой пролетариата), так и в соперничестве с мирными эсеровскими комитетами, не способными на деле защитить крестьянство от произвола коммунистов.

С другой стороны, несмотря на все успехи «Боевой дружины», крестьянство не спешило в объятия своих защитников. И на это были свои причины.

Индивидуальный террор в качестве метода вооруженной пропаганды доказал свою эффективность. Нежелание крестьян активно поддерживать

«Боевую дружину» можно объяснить не столько страхом навлечь на себя новые репрессии, сколько особенностью крестьянской психологии. Уголовники и дезертиры, даже прошедшие эсеровскую обработку, по-прежнему были чужими для крестьян. Бандитов (или, скорее, уголовников) в деревне не любили издавна, считая их туеядцами. К дезертирам относились снисходительнее, так как уход в леса, бегство от власти были вполне традиционной формой крестьянского протеста. «Зеленым» крестьяне оказывали различную помощь: снабжали продовольствием, информировали, иногда прятали. Но все же, деревня их сторонилась, считая «лихими» людьми. По мнению О. Г. Шадского, «зеленые» были слишком «крутыми» для обычного крестьянина. То, что они вступили в открытую борьбу с режимом, отталкивало и пугало осторожных, прятавшихся за коллективной ответственностью крестьян. Большинство из них стремились избегать прямых столкновений с властью¹⁵.

Поэтому селяне, недовольные политикой новой власти, все же в массе оставались безучастными, наблюдая со стороны борьбу «белых», «зеленых», «черных» с «красными». И лишь изредка, когда терпеть было уже невозможно, восставали, чтобы затем, потерпев поражение, снова терпеть.

Пассивность крестьянства требовала от Антонова активных действий по изменению обстановки. Логика вооруженной борьбы подсказывала простое решение: увеличение численности отряда с последующим расширением масштабов индивидуального террора. Но данное решение в рассматриваемой исторической ситуации было бы ошибочным. «Боевую дружину» от более масштабных действий против красного режима в 1919 – первой половине 1920 г. удерживало осознание Антоновым факта, что большевики являлись главными защитниками революции от белой контрреволюции. В такой ситуации можно было проиграть не только политически, но и лишиться поддержки основной массы крестьянства, без которой борьба в дальнейшем теряла бы смысл.

Поэтому в конце 1919 – первой половине 1920 г. Антонов сосредоточился на военно-организационных вопросах развития движения и не вел среди крестьян интенсивной подготовительной работы. К тому времени основной проблемой, стоявшей перед руководством «Боевой дружины», являлась нехватка добровольцев для пополнения своих рядов. Для ее решения было необходимо: 1) отмежеваться и от уголовников, и от дезертиров, поскольку ни те, ни другие уважением, а тем более поддержкой, у крестьян не пользовались; 2) уменьшить отток крестьян к уголовникам и «зеленым», привлекая их в свои ряды.

Отмежеваться от уголовников Антонову помог случай с бандой Бербешикина, в ликвидации которой он принимал непосредственное участие. Эта акция подняла авторитет «Боевой дружины» в глазах крестьян, долгое время страдавших от налетов бандитов, и показала силу антоновцев, сумевших, в отличие от местной власти, решить эту проблему.

Для создания благоприятного, в отличие от «зеленых» и дезертиров, образа в глазах крестьян, было решено изменить название движения и его участников. Рядовые бойцы и командный состав стали называть себя партизанами.

Зеленое движение, получившее широкий размах в 1919 г., в 1920 г., после объявления амнистии пошло на убыль¹⁶. Сотни мужиков пошли домой с повинной. Кроме того, к лету 1920 г. большинство крестьян не воспринимало «зеленых» как «своих», и относилось к ним с достаточной долей подозрения, отождествляя их с «лихим людом», благо основания для этого имелись.

Единственной силой, которой селяне симпатизировали, были эсеры, выступавшие защитниками интересов крестьянства еще со времен Первой российской революции. Благодаря деятельности эсеров к 1920 г. во многих селах и волостях Борисоглебского, Кирсановского и Тамбовского уездов на базе крестьянских братств были созданы беспартийные комитеты «Союза трудового крестьянства». Однако мирная деятельность эсеровской организации в борьбе с «военным коммунизмом» была малоэффективной. В результате, не имея средств для борьбы с советской властью и не обладая силой для самозащиты, эсеровские СТК к осени 1920 г. были разгромлены тамбовской ЧК, а их руководство арестовано. Таким образом, единственной силой, способной организовать сопротивление советской власти на территории Тамбовской губернии, стала «Боевая дружина». Но и у А. С. Антонова шансы стать во главе движения и привлечь в свои ряды широкие массы крестьянства были небольшие.

В заключение хотелось бы сказать несколько слов о месте вооруженной пропаганды в арсенале «Боевой дружины» и дать оценку ее роли в подготовке Тамбовского восстания 1920–1921 гг.

С одной стороны, использование вооруженной пропаганды «Боевой дружиной» А. С. Антонова способствовало эскалации конфликта с последующим переходом крестьян от скрытого недовольства к открытому выступлению против политики советской власти. Поставленные цели в классическом понимании термина «вооруженная пропаганда» – вначале раскачать массы, а затем шаг за шагом делать их политически сознательными, демонстрируя им, что центральная власть не так сильна, как кажется на первый взгляд – были выполнены.

С другой стороны, можно говорить и о провале вооруженной пропаганды в деле привлечения добровольцев в движение накануне восстания. Это стало очевидным к лету 1920 г. Несмотря на активную террористическую деятельность в форме убийства ненавистных коммунистов и советских работников в 1919 г., массового притока крестьянства в ряды антоновцев не произошло. Даже после начала Тамбовского восстания 1920–1921 гг. и помощи «Боевой дружины» каменским крестьянам вмешательство антоновцев лишь продлило время стихийного протеста селян, но

не привело к трансформации крестьянского сопротивления: к ноябрю 1920 г. восстание «выдохлось» и пошло на спад.

Только изменение руководителями повстанческого движения стратегии крестьянского сопротивления путем включения в борьбу с советской властью наряду с военной еще и политической организации в лице СТК смогло изменить ситуацию в пользу повстанцев. Созданные Антоновым в конце 1920 – начале 1921 гг. (на базе разгромленных эсеровских комитетов) комитеты Союза трудового крестьянства смогли увеличить приток добровольцев из крестьян в повстанческие отряды и активизировать движение. В результате, зимой 1921 г. руководителям Тамбовского восстания удалось вывести крестьянское сопротивление политике советской власти на более высокий уровень, как в плане организованности, так и по степени влияния на ситуацию в Тамбовской губернии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Из наиболее ранних работ новейшей историографии укажем: *Павлюченков С. А.* Почему вспыхнула «Антоновщина»? Дополнительные штрихи к истории восстания // Неделя. 1989. №44; *Самдикин В. В.* Мятёж. Антоновщина: канун и начало // Литературная газета. 1990. №23.

² *Какурин Н. Е.* Организация борьбы с бандитизмом по опыту Тамбовского и Витебского командования // Военная наука и революция. 1922. №1; *Леонидов Б.* Эсеро-бандитизм в Тамбовской губернии и борьба с ним // Революция и война. 1922. Сб. 14–15; *Донков И. П.* Организация разгрома антоновщины // Вопросы истории КПСС. 1966. №6; *Двойных А. В.* Лозунги и программа крестьянского повстанчества в России в годы Гражданской войны. Дисс. ... канд. ист. наук. Пенза. 2010 и мн. пл.

³ *Шадский О. Г.* Советская власть и крестьянство Тамбовской губернии (лето 1918 – лето 1920), «предантоновщина». Дисс. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2000.

⁴ В ходе мятёжа мобилизованных крестьян и части горожан 17–19 июня 1918 г. советская власть в городе Тамбове была на 2 дня ликвидирована.

⁵ Александр Антонов в годы Первой русской революции демонстрировал свою причастность к социалистам-революционерам, убивая чинов полиции и грабя винные лавки. Григорий Плужников в 1909 г. был организатором и участником аграрного террора в Каменской волости Тамбовского уезда. Ишин в 1907 г., как следует из сообщения начальника Тамбовского ГЖУ, стрелял из револьвера в урядника Трофимова и крестьянина Дмитрия Кузьмина, за что и был арестован. Подр. см.: «Антоновщина». Крестьянское восстание в Тамбовской области в 1920–1921 гг.: Документы, материалы, воспоминания. Тамбов, 2007. С. 24, 66, 269.

⁶ Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919–1921 гг. («Антоновщина»). Документы и материалы. Тамбов, 1994. С. 150.

⁷ *Казakov А.* Партия социалистов-революционеров в Тамбовском восстании 1920–21 гг. / *Самдикин В. В.* Антоновское восстание. М., 2005. С. 251.

⁸ В 1921 начальник отделения штаба войск Тамбовской губернии А. С. Казakov в своем докладе «О бандитизме» на общеремейской партийной конференции в Тамбове обратил внимание собравшихся на этот факт: «зеленая» армия занимается «грабежом совхозов, убийством коммунистов, разгромом Советов, получая исключительную поддержку от кулацкого элемента, который дает им кров, пищу, оружие». Цит. по: «Антоновщина»... С. 518.

⁹ Там же. С. 192.

¹⁰ Вооруженная пропаганда [Электронный ресурс] URL: <https://servicefree.livejournal.com/2743166.html> (дата обращения 31.08. 2015)

¹¹ «Антоновщина»... С. 192.

¹² Там же.

¹³ Казаков А. Указ. соч. С. 252.

¹⁴ «Антоновщина»... С. 124.

¹⁵ См.: Шадский О. Г. Указ. соч. С. 183.

¹⁶ По данным А. С. Казакова, дезертирство приняло к осени 1920 г. такие размеры, что борьба с ним становилось тяжелой; в одной лишь Тамбовской губернии в 1920 г. числилось около 250 тысяч дезертиров. См.: Казаков А. С. Общие причины возникновения бандитизма и крестьянских восстаний // Красная Армия. 1921. № 9. С. 33. Приводимая им численность, однако, относится к началу 1920 г. В. В. Самошкин, одним из первых российских историков обратившись к этому вопросу, доказал, что дезертирство как явление уже с самого начала 1920 г. заметно пошло на спад. По данным Тамбовского губвоенкомата, за первые четыре месяца 1920 г. добровольно явились на призывные пункты, а также были пойманы в облавах почти 35 тысяч дезертиров. В мае – августе 1920 г. в ряды Красной армии влилось еще не менее 105 тысяч «прозревших». В результате общая численность армии дезертиров сократилась до 110 тысяч, 60 тысяч из которых скрывалось в трех будущих восставших уездах. См.: Самошкин В. В. Хроника Антоновского восстания. Документальный очерк. Александр Антонов. Страницы биографии. Борисоглебск, 2003. С. 16–17.

ПРИЗРАК «ВАНДЕИ» В КОЗЛОВСКОМ УЕЗДЕ

*В. П. Николашин (Мичуринск /Козлов/
Тамбовской области)*

Проблематика взаимоотношения крестьянства и советской власти в Тамбовской губернии накануне и в ходе антоновского восстания имеет широкую историографическую традицию. Значительный вклад в исследование данного вопроса внесли В. П. Данилов, В. В. Канищев, Л. Г. Протасов, С. А. Есиков, А. Л. Аврех, В. Л. Дьячков, Д. Г. Сельцер, В. В. Сазонов, В. В. Самошкин, С. А. Павлюченков и другие. Предисловия к сборникам документов¹, посвященных «антоновскому» восстанию и тамбовскому крестьянству, также весьма обогатили историографию проблемы.

Продразверстка, непродуманные репрессии, мобилизации, жестокая борьба с дезертирством, насильственное насаждение коллективных хозяйств, злоупотребления местных властей и ряд сопутствующих факторов вели к росту социального напряжения в тамбовской деревне и антагонизму крестьянства и власти. Но значительное количество исследователей в качестве основной причины развития повстанческого антисоветского движения справедливо указывают именно на продовольственную политику большевиков. Рост налогового давления на крестьянское хозяйство в условиях острого малоземелья являлся мощным детонатором социального взрыва.

Данный процесс оказал мощное влияние на общественно-политическое развитие Козловского уезда. Здесь в 1919 г. по плану разверстки предполагалось собрать, согласно данным доклада заведующего отделом губпродкома П. В. Шкарина о состоянии продовольственной работы и проведении «хлебной недели», 5500000 пудов зерна. Фактически с 1 по 24 декабря 1919 г. было ссыпано 693000 пуда хлеба². Установленный план заготовок был наивысшим по сравнению с другими уездами Там-

бовской губернии. К 1921 г. налоговый груз несколько изменился. На 11 января 1921 г. «было собрано 5305 тыс. пудов, при этом основная тяжесть выполнения легла на Тамбовский, Борисоглебский и Кирсановский уезды, в наибольшей степени, чем другие, пострадавшие от неурожая»³.

Изучая региональные аспекты антисоветской борьбы, важно учитывать их опыт антиправительственных выступлений. В Козловском уезде такие традиции имелись. В ночь с 8 на 9 сентября 1917 г. в Ярославской и Екатерининской волостях Козловского уезда было сожжено 57 помещичьих имений и 13 хуторов зажиточных крестьян. Для деревни наступил долгожданный «слушный час». Начавшись в селе Сычевка, восстание перекинулось на 18 волостей Козловского уезда (Ярославскую, Екатерининскую, Бибииковскую, Никольскую, Ново-Гаритовскую, Ново-Дегтянскую и др.), а затем и на соседние уезды и губернии.

Выделим ряд причин, оказавших, на наш взгляд, ключевое влияние на «прорыв» крестьянской революции именно в Козловском уезде. Ярославская и Екатерининская волости располагались в северной части уезда. Агроном П. Тихобразов, составивший сельскохозяйственный сборник Тамбовской губернии 1897-го года, разделял Козловский уезд по почвам и хозяйственным условиям на две части. По его данным, природно-климатические условия были лучше в южной части уезда, отделенной от северной рекой Воронеж⁴. Здесь была выше урожайность основных сельскохозяйственных культур.

К причинам начала восстания в Козловском уезде необходимо отнести также активную пропаганду революционных настроений со стороны большевизированных солдат (как местного гарнизона, так и демобилизованных, дезертиров и агитаторов). Как сообщала местная газета «Крестьянское дело», «в Козловском уезде в крестьянском восстании принимало участие «человек 60 неизвестных солдат»⁵. Таким образом, уже в 1917 г. козловские крестьяне продемонстрировали свои погромные настроения. Однако в полной мере эти события, с точки зрения конкретно-исторического подхода, нельзя экстраполировать на события 1920–1921 гг.

Революционный и погромный запал деревни опирался на целый спектр различных факторов: природно-климатических, общественно-политических, агротехнологических. Необходимо выделить и проблему воздействия партий на политические настроения деревни, их возможный вклад в развитие антисоветских сил. Как отмечал С. А. Есиков, аграрное движение «в целом развивалось вне партийного влияния»⁶. А. В. Скрыпников, напротив, отмечает, что Тамбовская губерния была давней вотчиной эсеров, «еще в 1895 г. эсеровская организация охватывала пять уездов. И, следовательно, эсеры, в отличие от большевиков, хорошо владели политической ситуацией в Тамбовской губернии. Они отлично знали настроения крестьянства и использовали политическую ситуацию в своих целях»⁷. В. В. Бахтин указывает на то, что «повстанческое

движение находилось под сильным влиянием эсеров»⁸. В целом же оппоненты большевиков в лице партии эсеров и других политических сил, по нашему мнению, не оказывали решающего воздействия на ход крестьянской войны в Тамбовской губернии. Однако в исследуемый период также не просматривается со стороны деревни пиетет и социальная поддержка советской власти.

В официальных документах в большинстве случаев не отмечалось враждебное отношение деревни к большевикам. Так, в отчете Козловского уездного партийного комитета от ноября 1920 г. указывается, что отношение крестьян к коммунистам, советской власти «вообще удовлетворительное». Однако численность коммунистов в Козловском уезде (335 членов партии, 16 кандидатов) при численности населения в 1920 г. 420600 человек⁹, позволяет сделать вывод о низком уровне доверия крестьянства к новой власти.

Наиболее рельефно проблему роста антисоветских сил в Козловском уезде отражает география повстанческого движения. Проблема выявления антисоветски настроенных сел и деревень, поставлявших повстанцев, является дискуссионной. Наиболее взвешенную позицию занимает тамбовский историк Д. П. Иванов. Он отмечает, что «работа на микроуровне позволяет понять, почему крестьянство было захвачено восстанием выборочно, по какой не подающейся выявлению системе, когда рядом с «бандитским» селом могло находиться село, восстанием не затронутое». Тамбовский историк приходит к выводу, что «большая часть крестьянства «молчаливо» предлагала мирную линию поведения». При этом «неантоновские села, отказавшиеся от вооруженного сопротивления, напротив, не могли продолжить эффективного хозяйствования»¹⁰.

На наш взгляд, важную роль в формировании повстанческих отрядов, наряду с малоземельем, продразверсткой и антикрестьянской поземельной политикой, с попыткой насаждения коллективных и советских хозяйств, играл фактор близости естественных природных укрытий – лесов. Антисоветские вооруженные формирования, действовавшие на территории Козловского уезда, наряду с опорными пунктами в селах зачастую стремились иметь дополнительные укрытия в пересеченной местности. Например, банда Караса, которая также действовала и на территории Липецкого уезда, имела базы в Хоботовском лесу. Банда Лобана, которая действовала в треугольнике сел Кочетовка – Александровка – Мосоловка, также использовала этот лесной массив в качестве естественного укрытия от регулярных частей Красной армии. В нем повстанцы укрывались и использовали в качестве плацдарма для маневра в период наибольшей опасности, когда вокруг них стягивалось кольцо преследования. В телеграмме в губчека из Козловского уезда от 4 мая 1921 г. отмечалось, что банда Лобана разбилась на две группы, «первая в количестве сто пятьдесят находится Раненбургском уезде Рязгубернии... вторая количестве

семьсот ...вышла из Хоботецкого леса через село Старо-Гаритово по направлению Старо-Юрьево»¹¹. 6 мая 1921 г., по агентурным данным, которые были сообщены в губчека, банда Лобана «числом 700 человек находилась в Хоботецком лесу...»¹². 16 июня 1921 г. Лобан с группой в количестве 15 человек также находился в Хоботовском лесу¹³.

Банда Рязанова, как отмечается в приговоре суда от 12 ноября 1920 г., «оперировала в районе Козловского уезда»¹⁴. Зона ее влияния, по-видимому, также была увязана с Хоботовским лесным массивом. Эта банда действовала и рекрутировала кадры (такие как Попков Петр Степанович, Пешков Андрей Федорович, Рязанов Василий Петрович, Мещерякова Анна Елисеевна из села Троицкое, Каменский Лука Игнатьевич из села Лежайка) в свой отряд, зачастую в Изосимовской волости. Здесь же они совершали свои акции. В частности, 22 декабря 1919 г. ограбили кассу Изосимовского волсовета, а также члена Изосимовского волостного совета¹⁵. Отметим, что расстояние от Изосимова до лесного массива составляет около 20–30 километров. Такая близость формировала условия для оперативного реагирования при появлении угрозы со стороны властей.

На территории Козловского уезда действовал ряд менее крупных отрядов. По нашему мнению, это были уголовные формирования, которые из-за своего ограниченного кадрового состава не могли противостоять регулярным частям. Вместо «духа бунтарства» и антисоветских настроений здесь должны были преобладать чисто преступные цели. Согласно воспоминаниям М. Хабарова, в Козловском уезде такую окраску имел отряд Маруси¹⁶.

Рекрутирование кадров в отряды повстанцев происходило из нескольких источников. Одним из наиболее массовых было общее недовольство крестьянства большевистской продовольственной политикой. Как отмечается в оперативной сводке начальника продотряда губпродкомиссару о ходе реквизиции хлеба в Козловском уезде от 16 февраля 1920 г., 8 февраля «2 крестьян села Таракановки Волчковской волости восстали против вывоза хлеба, которые вооружились топорами, вилами и стали призывать крестьян, чтобы не давали хлеба, выгнали из села красноармейцев. Некоторые крестьяне стали присоединяться к бандитам...». В той же сводке отмечалось, что на территории Козловского уезда «в Песчанском районе, большинство из волостей ведут себя крайне вызывающе и не желают исполнять хлебную государственную разверстку...»¹⁷.

На территории Козловского уезда появлялись отряды антоновцев численностью до 1500 человек (в основном в волостях). Весной 1921 г. влияние повстанцев укрепилось настолько, что, по сообщению в губчека от 6 мая, в деревне Дегтянка состоялось собрание, где бандиты предлагали местному населению присоединяться к ним. В селе Челново-Покровское был избран бандитский исполком, «в который вошел председателем Колобов Иван Иванович...»¹⁸.

Не менее массовым резервом пополнения антисоветских сил стали дезертиры. Дезертирство, охватившее Козловский уезд с конца 1917 г., составляло широкую социальную протестную базу и базу для развития преступности. Кроме того, как отмечает В. В. Бахтин, в 1920 г. дезертиры становятся «влиятельной политической силой»¹⁹.

Только в рамках борьбы с дезертирством в Козловском уезде за август 1920 г. был задержан 571 человек, а 4886 явилось добровольно²⁰. С 9 сентября через специальную комиссию прошло 7519 дезертиров, из них около 3000 было задержано. Большевицкие отряды, действовавшие в уезде, «ежедневно присылали пойманных дезертиров»²¹.

При исследовании повстанческого движения в Тамбовской губернии важно учитывать его социальный окрас, внутренние мотивы повстанцев, их длительность пребывания в рядах антисоветских сил. В качестве массовых источников здесь стоит использовать приговоры судов. Так, согласно данным, приведенным в приговоре от 12 ноября 1920 г. над членами банды Рязанова, средний возраст 14 человек, оказавшихся на судебной скамье, составил около 25 лет. Двое из подсудимых, Василий Рязанов и Константин Гусельников, являлись несовершеннолетними. Старшему, Павлу Шестакову, было 45 лет. Это свидетельствует о том, что в антисоветских формированиях состояли достаточно молодые крестьяне, способные перенести полупартизанский образ жизни, в ряде случаев даже подростки.

Спираль насилия, раскручивавшаяся как со стороны большевиков, так и со стороны повстанцев, формировала противоречия в сознании среднестатистического крестьянина. Стремясь отстраниться от волны насилия, бывшие красноармейцы вновь оказывались ввязаны в гражданскую войну, должны были сделать свой политический выбор. Об этом свидетельствуют материалы из приговора военного трибунала 15 Сибирской кавалерийской дивизии от 3 августа 1921 г. Алексей Бучнев ушел из армии в двухмесячный отпуск и не вернулся в ее ряды. Прожив месяц дезертиром, «был забран в банду Лобана, где служил одну неделю, затем оттуда ушел и поступил на торфоразработку, дабы укрыться от последствий, но вскоре был... арестован». Степан Седых в июле 1920 г. «самовольно ушел из Козловского рабочего батальона и дезертировал одиннадцать месяцев, затем был забран в банду на службу Лобана, но на второй день удрал и явился добровольно». Федор Седых 27 апреля 1920 г. «был отпущен по болезни на два месяца, по окончании отпуска на переосвидетельствование не явился... был забран в банду и прожив там полторы недели добровольно явился в свой ревком и сдал оружие, бомбу и “наган”»²². Приведенные факты свидетельствуют о том, что дезертиры формировали резервы для антисоветских сил. Однако бывшие пробольшевицкие кадры не являлись активными антисоветчиками, и в ряде случаев стремились сдать официальные властям.

Опорные села повстанцев, по-видимому, определялись настроениями местных жителей. Так, в приговоре от 12 ноября 1920 г. указывалось, что в селе Троицкое Изосимовской волости Анна Елисеевна Мещерякова «предоставляла... приют» руководителю банды Рязанову²³.

Не всегда опорные пункты повстанцев располагались поблизости от крупных лесных массивов. Как сказано в выписке из протокола № 23 заседания членов Спасской волорганизации РКП(б) Козловского уезда, «в с. Просечье имеется притон бандитов, куда он тов. Синицын по приглашению тов. Першина в ночь по 9 с/г октября с/г ездил для оказания помощи по поимке бандитов»²⁴. Просечье было удалено от уездного центра и не имело поблизости лесного массива.

На территории Козловского уезда имелись и хранилища для оружия. В своих воспоминаниях И. В. Тюленев отмечал эпизод о том, как на хуторе Старо-Сеславино Козловского уезда кавалеристы обнаружили склады антоновцев. Начавшийся обыск показал, что «хуторянин – явный соучастник бандитов. У сарая обнаружена яма, прикрытая хворостом, в ней – тюки с награбленной на станции Кочетовка мануфактурой... Уже собираясь уходить с хутора, красноармейцы обратили внимание на кучу мусора и золы около дома. Прощупав ее, как и огородные грядки, клинками, они обнаружили еще 50 винтовок, ящик со штампами и печатями так называемого «Крестьянского союза», списки сельских активистов, принимавших деятельное участие в борьбе с антоновцами»²⁵.

Подобные факты свидетельствуют о том, что повстанческое движение имело коммуникации с общим антисоветским движением. Об этом свидетельствует и судебный приговор от 12 ноября 1920 г., где отмечается, что банда Рязанова «имела тесные связи с бандой Антонова»²⁶.

Повстанческое движение снижало экономический потенциал Козловского уезда. Выводы, сделанные в судебном приговоре, достаточно точно характеризуют общественно-политическое и хозяйственное положение на местах. В частности, банда Рязанова «разлагающе и деморализующее действовала на крестьянские массы и вредно отражалась на их хозяйстве, а также парализовала работу советской власти на местах, являясь в то же время рассадником разрушений... способствовала враждебным рабоче-крестьянской власти классу»²⁷. Банда Карася также нанесла значительный ущерб экономике Тамбовской губернии. Ею было сожжено несколько станций и мостов, разграблено два поезда и др.²⁸ На счету антисоветских сил было значительное количество жертв и разрушений в Козловском уезде.

Эпитафией повстанческому движению в Тамбовской губернии выглядит приказ полномочной комиссии ВЦИК и командующего войсками «Об организации строевого охранения и самообороны селений» №172 от 17 июня 1921 г. Здесь отмечается, что «Красная армия разбила главные силы банды Антонова, остатки их рассыпались по лесам. Не имея возможности вести открытую борьбу против Красной армии, бандиты

отдельными группами 5–10 человек продолжают разбойные нападения, нападая на села, убивая честных граждан, стоящих за советскую власть, грабя их имущество и уводя лошадей и скрываясь при первом появлении даже незначительного сопротивления со стороны местного населения или войсковых частей»²⁹.

Грабежи крестьян привели к тому, что деревня взялась за борьбу против бандитов. 8 июня 1921 г., как отмечалось в телеграмме в губчека, в районе Сабурово – Челнавского деревни Дворики «бродят шайки разбитой банды... крестьяне этого района делают сами облаву на бандитов и поймали двух и передали в распоряжение раймилиции»³⁰. В это же время был отмечен случай конокрадства, видимо, произведенный бандитами. Отметим, что кража лошадей считалась в крестьянской среде одним из самых тяжелых имущественных преступлений.

На борьбу с антисоветскими силами крестьянство толкал не только экономический расчет, но и административные меры большевиков. В приказе № 172 «Об организации строевого охранения и самообороны селений» указывались антибандитские меры: «Население обязано оказать сопротивление, уничтожать бандитов всеми возможными средствами и... немедленно сообщать в ближайшие войсковые части или Ревсовет». Для предупреждения внезапного нападения бандитов предписывалось всем соседним селам использовать сигнальную конную и пешую связь, применять звон колоколов, железных и чугунных досок, мельницы, а ночью – огонь. При этом неоказание сопротивления обещалось «рассматриваться как сообщничество с бандитами со всеми вытекающими отсюда последствиями»³¹.

В совокупности нежелание дальнейшей конфронтации с советской властью, репрессии и административно-принудительные меры укрепили связь большевиков с деревней. Как отмечалось в «Известиях Тамбовского губернского исполнительного совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов» в июле 1921 г., «из общего доклада и 18 товарищей с мест выяснилось следующее... отношение к бандитизму безусловно отрицательное. Само население начинает вести борьбу с ними (в Хоботецко-Богоявленской волости крестьянами убит главарь шайки бандитов Лобов, его помощники Укуся и др.) Почти везде уже организованы по приказу полномочной комиссии ВЦИК №178 отряды сторожевого охранения и самообороны, где еще нет, то постановили организовать таковые и снимок ближайшим временем»³².

Резкое ослабление социальной базы у повстанцев привело к скорому поражению антисоветских сил в Козловском уезде. Так, согласно докладу главкома С. С. Каменева председателю совета труда и обороны о ходе борьбы с повстанчеством в Тамбовской губернии от 16 июля 1921 г., «...успешно была проведена операция против банд Караса в районе ст. Кариан-Строганово (35 вер. к югу от Тамбова), причем банды в панике рассеялись, понеся значительные потери, а сам Карась с бандой 250 кон-

ных бросился в Козловский уезд, где был вновь разбит к северу от Козлова»³³. Банда Караса была разгромлена в Хоботовском лесу частями 15 Сибирской кавалерийской дивизии, которой командовал Иван Владимирович Тюленев. В плен попало 200 повстанцев³⁴. Сам Карась был убит. Летом Козловский уезд стал практически «очищенным от бандитов»³⁵.

Завершающим сигналом о свертывании борьбы с антисоветскими силами на территории Козловского уезда стало решение о завершении работы концентрационного лагеря. В протоколе № 12 заседания уездной политкомиссии 4-го боевого участка от 25 июля 1921 г. рассматривался вопрос «о разгрузке концлагеря». В документе отмечалось, что в связи с «трудным положением» с продовольствием, согласно предложению ВЦИК, необходимо «начать немедленно разгрузку лагеря», «дать распоряжение райполиткомам о прекращении дальнейшей высылки семей (исключая единичные случаи) и раздачи забранных имуществ», «применить... амнистию заложников тех семей, которые проявили себя активно в борьбе с бандитами»³⁶. Всего же на 26 июля 1921 г. в концентрационном лагере и тюрьме содержалось 2590 человек, из которых в концентрационном лагере – 296 мужчин по обвинению в бандитизме, 7 женщин по обвинению в бандитизме, 3 детей по обвинению в бандитизме, 181 заложник мужчины, 243 заложницы – женщины, 29 заложников детей, а также 581 дезертир³⁷.

Отсутствие мощных лесных массивов, более крепкие позиции большевиков в Козловском уезде, по сравнению с другими регионами Тамбовской губернии, а также возможность вывозить излишки хлеба в соседние губернии еще до прибытия продотрядов³⁸, ограничивали масштаб антисоветского движения в деревне.

Политическое мышление крестьянства редко выходило за рамки экономических требований, поэтому параллельно с карательными акциями власти начали свертывать «военный коммунизм» и переходить к новой экономической политике. Однако крестьянство, как отмечает В. В. Кулин, неоднозначно отнеслось к отмене продразверстки. В Козловском уезде было немало таких суждений: «Советская власть будет брать с крестьян больше, чем по декрету о налоге»³⁹. Это свидетельствовало о сохранявшемся недоверии деревни к большевикам.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919–1921 гг. («Антоновщина»). Документы и материалы. Тамбов, 1994; Крестьянское движение в Тамбовской губернии (1917–1918). Документы и материалы. М.: РОССПЭН, 2003; «Антоновщина». Крестьянское восстание в Тамбовской области в 1920–1921 гг. Документы, материалы, воспоминания. Тамбов, 2007.

² Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919–1921 гг. («Антоновщина»)… С. 39.

³ Есиков С. А. Тамбовское крестьянство в годы гражданской войны и военного коммунизма (1918–21 гг.). История Тамбовского края: избранные страницы. Тамбов, 2004. С. 174.

⁴ Сельскохозяйственный сборник Тамбовской губернии. Урожай 1896 г. Размер урожая для продовольствия крест. населения губернии. Составил Губернский земский агроном П. Тихобразов. Издание Тамбовского губернского земства. Тамбов, 1897. С. 20.

- ⁵ Цит. по: Очерки истории Тамбовской организации КПСС... С. 61.
- ⁶ *Есиков С. А.* Крестьянство Тамбовской губернии в начале XX века (1900–1921 гг.). Автореф. дисс. на соискание ученой степени докт. ист. н., М., 1998. С. 23.
- ⁷ *Скрыпников А. В.* Российская деревня в условиях НЭПа: тенденции и противоречия социально-экономического и политического развития (на материалах областей ЦЧО). Автореф. дисс. на соискание ученой степени докт. ист. н. М., 2009. С. 27.
- ⁸ *Бахтин В. В.* Социально-политическое состояние Центрально-черноземных губерний в начале 1920-х гг. // Вестник Воронежского государственного аграрного университета. Социально-политические и гуманитарные науки. 2014. №1–2. С. 335.
- ⁹ Государственный архив социально-политической истории Тамбовской области (ГАСПИТО). Ф. П-834. Оп. 1. Д. 417. Л. 1.
- ¹⁰ *Иванов Д. П.* «Антоновские» и «неантоновские» села в крестьянском восстании в Тамбовской губернии в 1921–1921 гг. // Альтернативы XX века: Россия и мир в поисках идеального сценария исторического развития. Сборник трудов молодых ученых. Тамбов, 2008. С. 64, 74–75.
- ¹¹ ГАСПИТО. Ф. П-834. Оп. 1. Д. 466. Л. 11.
- ¹² Там же. Л. 15.
- ¹³ Там же. Л. 72.
- ¹⁴ ГАСПИТО. Ф. П-834. Оп. 1. Д. 141. Л. 170-об.
- ¹⁵ Там же. Лл. 170–170об.
- ¹⁶ *Хабаров М.* Антоновщина // Знамя Октября (Мичуринск Тамбовской обл.). 1990. 19 июня.
- ¹⁷ Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919–1921 гг. ... С. 41.
- ¹⁸ ГАСПИТО. Ф. П-834. Оп. 1. Д. 466. Л. 15.
- ¹⁹ *Бахтин В. В.* Указ. соч. С. 334.
- ²⁰ Советы Тамбовской области. 1918–1921 гг. Сборник документов и материалов. Воронеж. Центрально-Черноземное издательство. 1989. С. 268
- ²¹ Государственный архив Тамбовской области (ГАТО). Ф. Р-401. Оп. 1. Д. 27. Л. 60.
- ²² ГАСПИТО. Ф. П-834. Оп. 1. Д. 462. Л. 33.
- ²³ ГАСПИТО. Ф. П-834. Оп. 1. Д. 141. Л. 170-об.
- ²⁴ Там же. Л. 19.
- ²⁵ *Никулин И.* Бандитский склад // Мичуринская правда (Мичуринск Тамбовской обл.). 1980. 23 февраля.
- ²⁶ ГАСПИТО. Ф. П-834. Оп. 1. Д. 141. Л. 170-об.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919–1921 гг. ... С. 239.
- ²⁹ ГАСПИТО. Ф. П-834. Оп. 1. Д. 141. Л. 188.
- ³⁰ ГАСПИТО. Ф. П-834. Оп. 1. Д. 466. Л. 57.
- ³¹ ГАСПИТО. Ф. П-834. Оп. 1. Д. 141. Л. 188.
- ³² Известия Тамбовского губернского исполнительного комитета советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. 1921 г. 27 июля.
- ³³ Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919–1921 гг. ... С. 223.
- ³⁴ Никулин И. Указ. соч.
- ³⁵ Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919–1921 гг. ... С. 186.
- ³⁶ ГАСПИТО. Ф. П-834. Оп. 1. Д. 141. Л. 217.
- ³⁷ ГАСПИТО. Ф. П-834. Оп. 1. Д. 141. Л. 226.
- ³⁸ Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919–1921 гг. ... С. 39.
- ³⁹ *Кулин В. В.* Переход от продразверстки к продналогу в Тамбовской губернии // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. №2. С. 113.

ОНИ ВИДЕЛИ «АНТОНОВЩИНУ»
*(события 1920 – 1921 гг. в Тамбовской
губернии в воспоминаниях младших
современников)*

Публ. А. В. Власова
(Чакино Тамбовской области)

В 2015 году исполняется 95 лет с начала крупнейшего в истории Тамбовского края вооруженного конфликта, составной и неотделимой части Гражданской войны в России, – так называемой «антоновщины».

Публикуемые в настоящем издании свидетельства младших современников этого противостояния являются еще одним напоминанием всему научному сообществу об уходящей от нас живой истории нашей малой родины, – истории, которая так и осталась невостребованной советской наукой и продолжает игнорироваться современной.

В преддверии ожидаемого в 2020-м году 100-летия начала известных событий на Тамбовщине – научному сообществу было бы полезно попытаться, если и не «закрыть тему» в концептуально-аналитическом отношении, то, хотя бы, устремиться к тому, чтобы отправные точки для научного консенсуса были все-таки найдены.

Достичь желаемой цели возможно, на наш взгляд, лишь при одном условии, – если научное сообщество наконец обратит свой взор на подлинные сокровища народного творчества, и, одновременно, бесценные исторические источники, – воспоминания.

Новизна настоящей публикации заключается в нетрадиционном источниковедческом подходе автора к теме событий 1920 – 1921 гг. в Тамбовской губернии. Речь идет о рассмотрении автором воспоминаний как первостепенного исторического источника в деле изучения «антоновщины».

Явное пренебрежение воспоминаниями большинством исследователей, бесконечное муссирование ими архивных материалов привели к

однобокому освещению темы, ее концептуальному обмелению. До сих пор не выработано единой концепции и методологического стержня решения этой научной проблемы.

Отсутствие прогресса в предшествующие периоды в вопросе сохранения источников личного происхождения «аукнулось» впоследствии откровенно вульгарной, пошлой подачей фактов, переводом темы в разряд «телешоу».

Собранные за последние годы немногочисленные свидетельства очевидцев тамбовских событий позволяют открыть ранее неизвестные факты из истории тамбовского региона, а также заставляют по-новому посмотреть на отдельных ее персонажей. Активная пропаганда этих материалов является гарантией от различного рода фальсификаций исторического сознания. Сказанное – и есть, по-сути, главная цель, ради которой затевалась сия публикация.

Итак, мы представляем вниманию читателей одни из последних свидетельств о событиях на Тамбовщине в 1920 – 1921 гг. Таковых всего семь. Много это или мало? Конечно, на контрасте с колоссальными утратами источников, проделанная нами работа может показаться читателю не столь существенной. Однако позволим себе с этим не соглашаться, тем более что уже собранные материалы доказывают обратное. Приведем пример.

В 2007 году Тамбовская область отметила 70-летие с момента образования. К этому знаменательному событию был приурочен выход фундаментального сборника документов¹.

Впервые за долгие десятилетия, благодаря стараниям тамбовских историков, сборник пополнили бесценные свидетельства многих участников и современников событий 1920 – 1921 гг. Четвертый раздел «Отзвуки восстания» (1920 – 1990-е гг.) вместил в себя 28 воспоминаний участников и очевидцев происходившего.

Однако из этих 28-ми – только десять принадлежали местным жителям (в основном, младшие современники «антоновщины»), из которых восемь были зафиксированы еще советскими специалистами, а два других принадлежали перу их авторов (И. Е. Макееву и Н. В. Муравьеву).

Парадокс заключается в том, что, несмотря на благоприятную, по тем временам, ситуацию с очевидцами (в начале и середине 2000-х гг. еще не наблюдалось нехватки свидетелей, хотя большинству из них перевалило уже за девяносто!), готовившие сборник специалисты решили обойтись малым (воспоминаниями 50-х – начала 90-х гг. из фондов ЦДНИТО²), «не утруждая себя разездами» по региону. В результате, из сотен возможных – в сборник не вошло ни одного (!) свидетельства еще здравствовавших, на тот момент, очевидцев.

На обрисованном фоне проделанная годы спустя запись семерых свидетелей может считаться, как минимум, большим везением, тем бо-

лее что количественно эти материалы составляют четверть от тех, что публиковались в 2007 г.. Данные записи практически покрывают собой советские наработки сборника почти за 40 лет и имеют ряд преимуществ перед ними: помимо текстовой версии, есть еще аудио и видеозаписи свидетелей.

С другой стороны, не столь высокая результативность нашей работы объясняется рядом объективных причин, главной из которых выступает возраст опрашиваемых. На момент записи воспоминаний большинству из тех, кто захватил «антоновщину», исполнилось сто и более лет.

На данный момент в Тамбовской области остались считанные единицы долгожителей, перешагнувших вековой рубеж. В процессе поисковой работы удалось обнаружить всего около двух десятков человек. Назовем некоторых из них (данные приводятся по состоянию на 2012 г.): К. Л. Покровская (1907 г.р.), А. П. Михеева (1911 г.р.), А. Е. Таров (1911 г.р.), М. В. Фоминкова (1911 г.р.), В. Г. Гаврилова (1912 г.р.), Ю. П. Емельянова (1912 г.р.), М. С. Захарова (1912 г.р.), М. З. Кречетова (1912 г.р.), Н. М. Мамонтов (1912 г.р.), А. А. Очнева (1912 г.р.), В. П. Полунина (1912 г.р.), Ф. П. Протопопова (1912 г.р.), Н. П. Янкина (1912 г.р.), А. Е. Уварова (1914 г.р.) и др., большинство из которых отказалось от предложения записать воспоминания, сославшись на плохие самочувствие и память. Пять человек попросту ушли из жизни.

Свою работу по сбору источников автор этих строк начал летом 2008 г. Первая запись воспоминаний состоялась 4 июля 2008 года в поселке Чакино Ржаксинского района. На магнитофонную ленту были записаны воспоминания уроженки деревни Ново-Александровка Марии Ивановны Пархуновой (1914 – 2012). Запись была осуществлена при помощи диктофона и впоследствии дополнялась видеосъемкой 2011 года.

Все последующие записи осуществлялись только с использованием аудио и видеоаппаратуры – как наиболее эффективных средств фиксации и хранения информации.

Весьма плодотворным оказался 2012-й год, когда удалось записать воспоминания сразу пятерых современников «антоновщины».

В январе 2012 г. состоялась встреча с уроженкой села Верхоченья Марией Ивановной Чичкановой, отметившей свое 100-летие. Записи ее воспоминаний были продемонстрированы на научно-практической конференции в Тамбовском государственном университете имени Г. Р. Державина в апреле того же года.

В мае 2012 г. своими воспоминаниями поделился один из старейших жителей региона, участник Великой Отечественной войны, уроженец села Осино-Лазовка Кузьма Матвеевич Козодаев, которому исполнилось на тот момент 105 лет!

К концу года были зафиксированы воспоминания еще трех современниц происходившего. Среди них: уроженка деревни Телешовка Наталья

Давыдовна Гололобова (род. 1911), уроженка села Ольшановка Клавдия Ивановна Гришина (род. 1911), уроженка села Шапкино Мария Федотовна Куликова (род. 1912).

Работа продолжилась и в 2013-м году. 6 апреля 2013 года в селе Нижний Шибряй Уваровского района свои воспоминания нам поведал Иван Тихонович Чулков (род. 1913), ветеран Великой Отечественной войны, артиллерист. Иван Тихонович рассказал о событиях 1920 – 1921 гг. в его родном селе Верхний Шибряй, а также коснулся спецоперации ЧК по ликвидации братьев Антоновых в Нижнем Шибряе.

Осенью и зимой 2013 г. были предприняты еще две попытки записи свидетелей – Анастасии Алексеевны Ульяновой (род. 1913), уроженки хутора Малиновый Лукинского сельсовета и Анастасии Петровны Петровой (род. 1913), уроженки деревни Ширяевка Богдановского сельсовета Ржаксинского района, но из-за плохого самочувствия респондентов они, увы, оказались безрезультатными.

Помимо презентации видеозаписей воспоминаний на научно-практических конференциях 2011 – 2013 гг. в ТГУ имени Г. Р. Державина, дважды предпринимались шаги к публикации их печатных версий: сначала в периодическом издании «Литературный Тамбов», а затем в сборнике документов «Повседневная жизнь населения Тамбовской губернии в 1910-е – 1920-е гг.». По независящим от автора этих строк причинам данное начинание так и не было реализовано.

Теперь попытаемся кратко обрисовать свою позицию по поводу основных качеств собранных свидетельств как исторических источников личного происхождения.

Информативные свойства источников

Рассуждая об информационной содержательности воспоминаний, на наш взгляд, нужно исходить из трех ключевых аспектов:

1) возраста очевидца на момент событий (чем взрослее современник, тем более трезво он способен воспринимать окружающую его действительность, соответственно, тем большее количество фактов откладывается в его памяти);

2) возраста очевидца на момент записи (чем раньше от событий производится запись свидетеля, и чем моложе он сам, тем больше шансов реанимировать прошлое вплоть до деталей и других нюансов;

3) общего места и роли очевидца в событиях (чем ближе к месту событий находился свидетель (вплоть до участия!), тем большей окажется степень детализации увиденного.

Соотносятся ли воспоминания наших свидетелей с предложенными критериями и соответствуют ли они им?

1) Напомним, что свидетели, которых мы записали, в период «антоновщины» были еще детьми и находились в возрасте от 7 до 15 лет. В

таком случае, зададимся еще одним вопросом: может ли данное обстоятельство считаться препятствием к тому, чтобы их показания считать историческим источником? Ответ: однозначно, нет.

Несмотря на то, что возраст (да и образование!) не позволяли им в тот момент трезво оценивать все политические и экономические подоплеку этого противостояния, осознание которых пришло лишь годы спустя, детство и юность не мешали им здраво смотреть на вещи и отличать «добро» от «зла» или «плохое» от «хорошего».

К тому же, из курса психологии нам известно, что в сравнении со старшими поколениями именно дети в возрасте от 7 до 15 лет намного сильнее воспринимают и переживают окружающую их действительность, соответственно, полученные впечатления остаются в душе и памяти ребенка намного дольше, что при воспроизведении им воспоминаний дает куда больший результат, чем у всех остальных возрастных категорий. То, что могло уйти из поля зрения взрослого человека, навсегда отложилось в детской памяти. Разве это не преимущество? Ответ очевиден.

2) Несомненно, существенным недостатком наших свидетельств выступает возраст очевидцев на момент записи, а также громадный временной пласт, который вырвал из памяти современников часть ранних воспоминаний, сохранив, в основном, более поздние.

Не секрет, что, помимо самой «антоновщины», наши свидетели являлись участниками и очевидцами целого ряда других социальных катаклизмов, которые они переживали со всей страной: голод 1922 г., коллективизация, репрессии 30-х гг., не говоря уже о катастрофе 1941 – 1945 гг., что не могло не наложить свой отпечаток на восприятие событий, уже давно «скрывшихся за горизонтом».

В результате, все то, что долгие десятилетия упорно удерживалось в голове свидетеля (события, люди, факты), со временем начинало стираться из памяти, а уже ближе к записи и вовсе потеряло возможность реанимироваться в сознании. Весьма красноречиво в указанном отношении звучит фраза, которую не раз доводилось слышать автору этих строк из уст современников: «Кабы годов на десять пораньше, я бы чего и упомянула».

Конечно, в сравнении с более ранними свидетельствами, например, воспоминаниями И. Е. Макеева (время записи 1974 г.), наши материалы располагают меньшей фактологической основой: в них практически не встречается точных дат, не везде даются имена и фамилии участников, не так много детального описания эпизодов.

Однако могут ли эти недочеты перечеркнуть всю важность подобных источников? Ответ может быть только один: конечно же, нет! Данные материалы обладают всем необходимым для подобного вида источников набором смысловых единиц, чтобы, как минимум, прове-

рять их на достоверность и убедиться в их состоятельности. И временной аспект здесь не помеха.

3) Погружение территорий юго-востока губернии в кровавую гущу событий естественным образом должно было обратить население здешних сел и деревень в невольных свидетелей, а то и участников конфликта, и случаи с нашими очевидцами тому пример. История, в буквальном смысле, разворачивалась у них перед глазами: в собственной семье, в соседнем дворе, на соседнем порядке и т. д., что изначально предполагает большое количество фактов в показаниях.

В то же время, специфика этих событий такова, что младшие современники не всегда были в курсе происходящего, нередко становясь заложниками ситуации. И тут, как говорится, было не до деталей.

Свою «волю» современнику диктовала сама жизнь, протекавшая в каждодневном страхе и борьбе за существование (речь идет о 1920 – 1921 гг.), что впоследствии не могло не сказаться на результате в момент записи.

Как правило, обстановка вокруг складывалась таким образом, что современник чисто физически не имел ни времени, ни возможности, в буквальном смысле, взглянуть в детали происходящего (особенно, если на него с горы аллюром, а то и «в мыле» несло вооруженное до зубов «лихо одноглазое»).

Естественно, что в подобных экстремальных условиях у современника срабатывал инстинкт самосохранения: приготовившись, с одной стороны, «запеть Лазаря», с другой, он думал о том, как обезопасить себя и своих близких от нависшей угрозы. Отсюда истории с печками, погребями, ригами, камышами, кустами, сеновалами и прочими потаенными местами, на которые «возлагались надежды» всего многострадального населения юго-востока.

В итоге, запоминалась общая панорама событий, в то время как локальные вещи, по сути, игнорировались свидетелями (примеры Н. Д. Гололобовой, К. И. Гришиной, М. Ф. Куликовой). Таким образом, жизнь оказывалась дороже простого обывательского любопытства.

Достоверность источников

Первостепенную роль в определении достоверности воспоминаний, на наш взгляд, играет источник информации, которым располагал современник (чем ближе к источнику информации или месту события находился свидетель, тем большей степенью достоверности должны обладать его воспоминания).

Однако и здесь имеются определенные нюансы, которые сводятся к простому вопросу: а был ли у свидетеля умысел на искажение фактов, и стоит ли, в таком случае, доверять этому свидетелю? Спроецируем обозначенные тезисы на наших очевидцев.

По поводу умысла. Начнем с того, что инициаторами записи воспоминаний являлись не свидетели тамбовских событий, а автор этих строк, что, в принципе, исключает возможность преследования с их стороны каких-то личных выгод, к тому же собственный возраст на момент записи (100 и более лет!) ни о каких предпочтениях не позволял им и думать (пожить бы спокойно!)

Что касается нас, то публикуемые в настоящем издании воспоминания нетрудно сопоставить с первоисточником (видеозаписями), чтобы убедиться, что с нашей стороны никакой недобросовестности не было.

Да и с политической точки зрения, ни о какой «корысти» с их стороны говорить не приходится: они не состояли в партии, и, уж тем более, не являлись партийными функционерами. Начальное образование навсегда определило уровень их кругозора, в который явно не входили вопросы «политпросвещения». Вывод: умысла на искажение фактов у свидетелей не было.

В нашем случае весьма актуален другой вопрос: а были ли современниками тамбовских событий допущены ошибки в воспоминаниях, и стоит ли, в этой связи, отказать нашим свидетельствам в достоверности?

Следует признать, что в момент повествования современники действительно допускали со своей стороны незначительные ошибки, или скорее неточности (например, «наблюдали» в родных краях «белых», по всей видимости, подразумевая под ними «зеленую» сторону), что обусловлено, прежде всего, возрастными особенностями, плохой памятью и громадным временным промежутком.

Однако и эти безобидные погрешности вполне корректируются при сличении воспоминаний с другими источниками. Проверить наши материалы на правдивость фактов возможно! И тому есть пример.

Достоверность отдельных, приведенных в воспоминаниях, сведений подтверждена автором данной работы документально. К их числу можно отнести упоминание К.М. Козодаевым некоего «бандита Леона Марева». В сборнике документов «Антоновщина» опубликована таблица «Организация и деятельность Союза трудового крестьянства Тамбовской губернии», из которой следует, что Козодаев Леон Мареевич действительно входил в состав ячейки СТК Осино-Лазовской волости и был бойцом ВОХРа (войска внутренней охраны республики). Случай уникальный, если учитывать то обстоятельство, что воспоминания записаны спустя 91 год!

Судить о достоверности воспоминаний также можно по тем источникам, которыми располагали их авторы. Однако мы знаем, что наши современники не прибегали к архивным документам, а опирались лишь на свою память. Из материалов нам также известно, что отдельные факты, события, которые приводят очевидцы, были услышаны ими, или пересказаны им кем-то, а затем воспроизведены по памяти. Сюда можно

отнести и приведенные в тексте, буквально, дословные диалоги некоторых персонажей и многое другое.

Исходя из тех реалий, читатель должен войти в положение наших свидетелей, ибо те чисто физически не имели возможности увидеть «все и сразу» (о чем говорилось выше!) Но это совершенно не значит, что приводимые факты не имели места.

Рассказы явно не обладают свойствами сплетни или вымысла. Важно понять, что речь заходила о жизни и смерти их родных, соседей, знакомых, и распускание на этом фоне всевозможных слухов и сплетен считалось, как минимум, кощунственным, чего богобоязненный народ, даже по тем безбожным временам, не допускал и в мыслях.

Повторимся еще раз: нашим свидетелям не было нужды как-то искажать или приукрашать действительность. Воспоминаниями они делились с целью оставить добрую память о себе и своем тяжелейшем прошлом, за которое были вознаграждены столь почтенным возрастом. Все вышесказанное еще раз свидетельствует о том, что факты, изложенные в воспоминаниях, происходили в действительности, и исследователь может им доверять.

Объективность авторов

Специфика исторических источников личного происхождения (в особенности, воспоминаний) такова, что они довольно трудно (на фоне, скажем, делопроизводственных документов) соотносятся с такими понятиями, как объективность или беспристрастность. Здесь, как нигде, на первый план выходит человеческий фактор.

Воспоминания – это чувства, мысли, переживания людей, окрашенные особенностями их психики, менталитета, пола, возраста, партийной и другой принадлежности и. т. д. Однако, только ли дело в психике или личных взглядах современника? И какова, в таком случае, общая доля объективности наших очевидцев?

Повторимся: рассматривая вопрос объективности авторов воспоминаний, необходимо вернуться к их личностям и, прежде всего, их взглядам на события.

Во-первых, как мы уже выяснили, они не являлись активными партийными функционерами и, следовательно, были более раскрепощенными в изложении событий.

Во-вторых, инициатива написания воспоминаний исходила не от них самих, а от ведущего запись специалиста, в то время как запись не была приурочена к юбилеям революции и прочим датам.

В-третьих, возраст очевидцев на момент описываемых событий составлял от 7 до 15 лет, а, следовательно, они не могли по малолетству находиться на одной из противоборствующих сторон, а, значит, являлись младшими современниками «антоновщины».

В-четвертых, запись производилась в период, когда прежние тиски советско-марксистской идеологии уже не действовали.

Все перечисленные доводы свидетельствуют в пользу того, что эти воспоминания есть «незамысленный» взгляд людей со стороны. В этой связи, уже сейчас можно констатировать, что предвзятость наших свидетелей, в сравнении с теми же партийными мемуаристами, отнюдь не высока. На наш взгляд, оценка сторон конфликта в них вполне объективна.

К примеру, посткоммунистическая эйфория 90-х гг. (с любовью к «белому» и «зеленому» движениям) нисколько не отразилась на их отношении к антоновской стороне, которая, как и раньше, именуется в показаниях бандой, тогда как участники «антоновщины» – бандитами (ни в советских, ни в современных свидетельствах других наименований антоновцев не встречается! Остается лишь недоумевать по поводу позорной практики некоторых историков стыдливо закавычивать этот сугубо научный термин, а то и вовсе отказываться от его употребления).

Однако современники не прибегают к простому обруиванию антоновцев, бездоказательно вешая на них ярлыки бандитов и зверей. Они подкрепляют свою позицию реальными фактами «зеленых» безобразий, которые совершались в отношении, в том числе, мирных жителей. Разве это не объективность? Ответ на поверхности.

В то же время, воспоминания не содержат какого-либо пиетета к советской власти или восхвалений Красной армии, упоминаются, к примеру, советские изъятия кормов и лошадей или артиллерийские обстрелы населенных пунктов. Хотя, в общем и целом, некоторые очевидцы оценивает деятельность советской власти, скорее, в позитивном ключе, что можно объяснить наличием в их семьях ее сторонников (примеры К. И. Гришиной, К. М. Козодаева, И. Т. Чулкова).

Вывод: несмотря на частичную (!) пристрастность некоторых авторов в оценках сторон, в общем, можно утверждать: собранные нами свидетельства, обладают высокой долей объективности, что позволяет использовать их в качестве полноценных исторических источников.

В заключение следует отметить, что представленные в настоящем издании отрывки воспоминаний вовсе не преследуют цель навязать точку зрения автора на проблему. Напротив, их публикация направлена на формирование у читателя собственных взглядов и представлений о том времени, своей точки зрения на события 1920 – 1921 гг. в Тамбовской губернии.

Сопровождающие текст авторские комментарии лишь призваны помочь читателю в правильном понимании уходящего от нас стиля повествования. Кроме того, они способствуют раскрытию некоторых «зашифрованных» в тексте имен, фактов, явлений и. т. п.

* * *

Мария Ивановна Пархунова родилась 15 января 1914 года в деревне Ново-Александровка (Чубаровка) Золотовской волости Кирсановского уезда в семье Ивана Петровича (1890 – 1916) и Марфы Андреевны (1891 – 1975) Пархуновых.

В возрасте двух лет Мария Ивановна потеряла отца и воспитывалась матерью вместе со своими сестрами Феклой и Анастасией. Детство и юность Марии Ивановны проходили в тяжелейших условиях «антоновщины», коллективизации и голода 1930-х гг.

В годы Великой Отечественной войны Мария Ивановна работала на строительстве окопов в с. Перевоз, а затем на торфяных разработках в г. Орехово-Зуево Московской области.

После Великой Отечественной войны она трудилась в родной деревне в колхозе «Борец за урожай», а затем до выхода на пенсию в объединенном колхозе «Красный Путиловец». Последнее время проживала в поселке Чакино Ржаксинского района. Умерла 16 июня 2012 года на 99 году жизни.

Воспоминания Марии Ивановны Пархуновой³

У меня одна мать была (отец Марии Ивановны умер от чахотки в 1916 г. – А. В.). Она всю жизнь водовая (вдовая – А. В.) была, нас три у ней было. И больше всех мне и досталось (...)

Была я маленькая... антоновская банда приезжает к нам – мы жили бедно, избенка маленькая у нас была. Приезжают бандиты и в штаб становятся, у нас был штаб, а избенка была плохиньякая, и нас три было у матери, – из-за этого и становились, чтобы их не заметили (чтобы не подумали, что они в этой избушке – прим. М. И. от 14. 01.2011 г.). Вот в большой дом Семенычев (Тихона Семёновича Федотова – А. В.) не становились, а у нас становились, в бедности. Я стояла еще небольшая, а полная была, а один, я не знаю, из них, кто он: бандит ли, красный ли, я еще их не разбирала (конспирация – одна из характерных поведенческих линий партизанщины, была присуща именно антоновской стороне. Лазы, ходы, тайники, схроны и. т. п. – из той же практики, что и определяет ее как «антоновский почерк»). Части Красной армии, в частности, бойцы бригады Г. И. Котовского, становились на квартиры на совершенно законных (легальных) основаниях. К примеру, штаб самого Котовского размещался в соседней Золотовке, в большом частном кирпичном доме. В советское время – один из главных туристических объектов Ржаксинского района. Разрушен в 90-е гг. – А. В.), а он на меня и говорит:

«Ох, какая девочка! Сейчас из неё кровь и брызнула бы!» А я то не понимаю, я думаю, он меня хвалит, а другой сидит да говорит: «А причем она виновата?» Вот тут-то я поняла, что он меня пожалел, а этот хотел посмотреть, как кровь из меня свиснет. Вот как тогда жили. Вот

чего бандиты выделывали – кровь им была нужна. Остервели они как собаки. Злые стали (...)

Потом ночью лежим, спим с мамой – стучит в окно: «Открой, хозяин, хозяин!» А мама говорит: «Его нет». «Ну, выходи сама, хозяйка!» Она, собирается, идет. А ночь, холод, мороз: окна все были замерзшие, избеночка маленькая, окошечки маленькие.

Она меня посадила: «Манька, продувай в окно, смотри, чего они надо мной будут делать, как они будут издеваться!» А где ж там я? Коль я продую, это там семь человек убить можно! Льду было, не знаю, сколько на окне – оно мерзлое. Ну, так и продувала, гляжу – пришла ничего, вся была в порядке. «Хозяин где?» «Нет хозяина». «Иди, давай овес лошадям». Ну, она пошла, там им насыпала.

Потом уж это на моих глазах было, я уж помню, хорошо помню: ведут человека к нашему дому. А у нашего амбара столб стоял казенный, и вот его привели и хотели душить на нашем столбе (имеется в виду пожарная рында – А. В.). А мы уж все убегли из дома, боимся – мама чего же одна с нами мучилась.

Ну, потом хотели повесить, не повесили, что-то не знаю, раздумали. Пошли, повели в лощину его, и народу много, мужиков с ними – наши мужики-то, а он совсем безвинный, наш человек, совсем безвинный молодой человек, парень был, сирота, он Ивану Ивановичу Гасникову родной какой-то был (имеется в виду Кузьма Гасников 1902 г.р. – А. В.). К тетке ходил, к Никольскому, у них там ночевал и вот оттуда шел – встретили его и вот издевались над ним.

Ну, чего же, вырыли яму, (потом заставили его помериться, слазил – померился – прим. М. И. от 14. 01. 2011 г.), а мы стоим, убегли из дома далеко, и видим, как его постановили у края ямы, а он только сказал «Простите!», и его хлопнули, и он в эту яму-то и упал – зарыли. А мы уж боимся, недалеко ведь от нас, в лощине.

На другой день собрались его выкапывать, перехоранивать. А нас маленьких, много ребятишек прибежало. Когда его стали оттуда вынимать, я испугалась и убегла на Золотовку. А его вытаскивают – он весь грязный, он должно еще живой был, а его закопали и все..., и пропал человек.

Одного тоже изрубили прямо на части, во ржи нашли его, а после, весной привезли – всего в червях, в мешке, сложили и схоронили. Потом еще там два каких-то, я не знаю, чужие – это Тимоня Артемов рассказывает, да и многие говорили, я-то не видела, двух тоже над Аксютки Сергачевой (Ксения Самсоновна Федорова – А. В.) над двором убили и закопали там, не знаю чьи...

Красные сами по себе, антоновские сами. Красные – солдаты, красноармейцы называются, а бандиты – это они, чего же, наемные, что ли какие или сами, хотейные, какой они воли!? Бывало, кто идет, кто не идет.

Заберут, скажут: «Садись верхом, поехай-кась!» (на лошадях – прим. М. И.). Подушки, бывало, собирали да грабили всех (подушка – один из главных антоновских атрибутов, использовалась вместо седла, отсюда и народное прозвание «зеленой» стороны – «подушники», имевшее, однако, двойкий смысл, также от слов «подушить», «придушить» и.т. п. – А.В.).

У нас один дядя Кирюха был бандитом (Кирилл Андреевич Егоров (1895 – ок. 1922), дядя Марии Ивановны по матери – А. В.), а дядя Яшка был еще маленький, не маленький (уточ. М. И.), а малый (Яков Андреевич Егоров – 1902 г.р. – А. В.), этот не был, а Егор еще меньше (1908 г.р. – А. В.). Энтот умер (имеется в виду Кирилл – А. В.). Может, и пожил бы. За соломой ездил, да обвалился обмет, и его придушило. И он немножко пожил и помер (прим. М. И. от 20.08. 2011 г.).

Да много их там похоронилось-то. Щербаковы – это Лиданин отец и дядя. Они вместе грабили и вместе смотались, а, может быть, и поврозь – я не помню. Так и смотались – не слышать и не видать (прим. М. И. от 14.01.2011 г.). Вот уедут ночью, чего они там делают? Да чего! Убивали, собирали народ-то, мертвых-то находили на поле. Привозили их. Как они их хоронили, я не знаю (имеется в виду местные – А. В.). Ну, гроба они не делали. Без гробов, в одну могилу складали, должно, да и все (...)

Это уж какие-то, я не знаю, это вроде не бандиты. Какая-то власть, уж еще была другая. Это Ефанов (Феофана – А.В.) дядя был Аниська «Кривой» – он все время был у власти (Анисим Петрович Власов (1879 – ок. 1921) – писарь Золотовской волости Кирсановского уезда – А. В.). И не знаю, за чего их забирали. Он в тюрьме сколько-то сидел (Власов был арестован за сотрудничество с антоновцами – А. В.).

Потом расстреляли их в Золотовке. Много их тут постреляли. Там тетка Польшка, упокойница, Семен Иванычева ходила (Пелагея Кузьминична Федотова (1880–1969) – вдова убитого писаря, по первому мужу Власова – А. В.). Бывало, пойдешь в церковь, а она все в лоцину ходила – там они были зарыты. А потом их вроде вырывали и на кладбище отвозили (по другим данным, А. П. Власов умер в 1921 году в лагере близ Борисоглебска – А. В.).

Это Сашкин был, дядя Тимоша (Тимофей Иванович Артемов – А. В.). Это я помню, маленькая еще была, его забрали за то, что он лошади гвоздь вроде вбил в ногу. А лошадей забирали в банду – бандиты брали (В 1920 – 1921 гг. практика изъятия лошадей у населения имела место у всех сторон конфликта, что к 1922 г. привело губернию к, фактически, безлошадному положению. Как результат: катастрофическое падение уровня обработки земли и связанные с этим неурожай и голод – А. В.). А он вроде, чтобы она хромала, да гвоздь ей забил. Никто, простой, одиноличник (...)

Бывало, едут на машинах (красные – А. В.), а машины были – сейчас таких тут и нету, какие-то открытые, сидят на машинах солдаты (прим. М. И. от 14 января 2011 г.). А то бывало, идешь, глядишь – везут на телеге человека два-три, везут сюда, в сельсовет (в Чубаровку – А. В.), документы, что ли, какие проверяли, и потом увозили на кладбище, хоронили их. И все наше детство прошло такое: то голодовка, то банда, то колхоз. Ой, замучили!(...)

* * *

Мария Ивановна Чичканова (Поликарпова) родилась 23 января 1912 года в селе Верхоценье Верхоценовской волости Тамбовского уезда (ныне Сампурский район) в семье Ивана Захарьевича и Веры Ивановны Поликарповых.

В семье Марии Ивановны, помимо ее самой, воспитывалась ее сестра и два брата. Марии Ивановне пришлось познать не только все трудности суровой крестьянской жизни, но и тяжелые потрясения, охватившие ее родное село Верхоценье, – это и «антоновщина», и коллективизация, и голод 30-х гг. В годы войны М. И. Поликарпова работа на строительстве снежного вала в селе Покрово-Марфино Знаменского района. После войны вышла замуж за Чичканова Николая Григорьевича, с которым вместе работала на Опытной станции в п. Чакино вплоть до ухода на пенсию. В последнее время проживала в п. Чакинский СХТ. Умерла осенью 2012 года.

Воспоминания Марии Ивановны Чичкановой (Поликарповой)⁴

Жили два брата рядом, один пошел в банду, а другой пошел к красным. Ну, этого, к красным который пошел, его сразу убили, а этот бандит был настоящий. Они его, когда кончилось, и он там был, там у нас Ляксеовочка (Алексеевка – А. В.) такая называется вершина, и он там, в осоке, хоронился.

А наши ребятёночки туда коров гоняли стеречь из Верхоценья, а он говорит: «Вот, если жив останусь, тогда всех побью» (вплоть до начала коллективизации на территории Тамбовской губернии и ЦЧО продолжали фиксировать случаи т. н. вылазок лиц, скрывавшихся за бандитизм от органов советской власти. См. также воспоминания И. Е. Макеева – А. В.). Эти все слушают. Они пригнали коров, сказали там своим отцам, ну и его (о нем – А. В.), а эти там слух дали. И вот одного верхом послали за ним, его ловить верхом, а он там в осоке.

А я стояла крошечная (маленькая – А. В.) округ дома, а он его ведет, этого бандита. Сам на лошади верхом, а он идет сбочу (сбоку – А. В.) и шумит: «Скажи, скажи ей, я Максим Аникев (Аникеевич – А. В.) – палач, первый палач!» И он говорит так, сам-то, ну и поехали туда, вдоль села, не знаю, куда они его дели.

А потом еще один бандит скакал на лошади, а эти красные (и вон чего) за ним, настегали его. Уж он видит, они его настигают, и сам себя застрелил (на сегодня, по свидетельствам очевидцев, известно до пяти случаев суицида среди антоновцев, произошедших при схожих обстоятельствах. О самоубийствах красноармейцев воспоминания умалчивают. См. также воспоминания И. Т. Чулкова – А. В.). У него все: и одеяло, я знаю, взяли, и ботинки, и все. Один бандит приехал домой-то (они и эти ездят, и эти ездят), и под печку.

Как топят печка, и там внизу под печкой, куда рогачи кладут, кочергу кладут, и он там себе лаз и сделал, под печкой-то (к вопросу об «антоновском почерке» – А. В.). Вот приехали они, эти, красные-то, теперь она, эта бабка и подлом-то на круг этой подпечки-то и винтит (подолом юбки закрывает отверстие под печкой – А. В.).

Они: «Бабк, чего ты делаешь-то? Что там у тебя есть-то?», – «Да это у меня тут куры несутся». Он взял там кочергу или рогач какой и так вот стукнул, а там доски. «А! Вот и доски!» Ну, и начали пол выламывать. Пол выломали, вытащили его, и там ходили за рыгу (рига – сарай под с/х. инвентарь – А. В.), за рыгу потащили, и там за рыгой его убили (...)

Дядя Андруха старый был, не пошел, а вот эти все хоронились: и Танин отец хоронился и папаня мой хоронился, не ходили ни с кем. А там у нас один поселочек отдельный, назывался Колпачок.

Вот там старики все, и мужики какие на лошади сели у себя, а вилы на плечи навалили и скачут, как думают, они бандиты, вроде боялись их (вопреки расхожему мнению, будто антоновцы повсеместно расправлялись с коммунистами, заменяя их своими людьми (т. н. СТК), что также имело место, нужно заметить, что, как правило, яро бандитскими оказывались те села, где к 1920-му году вообще никакой власти (тем более, в лице коммунистов!) не было и в помине, чем и пользовались асоциальные элементы, переходя от слов к делу – А. В.).

И, эти, приехали сюда, красные-то, а эти похоронились все. Адонья уж была, рожь-то уж скосили и они (красные – А. В.) все у них эти адоньи пожгли (место под скирду – А. В.), рыги – всё пожгли. То скакали, а то нету никого.

А нас тоже, туда в рощи, роца вот там была, ветла росли, наши родные отцы в рощи койки вынесли и нас там поклали спать на ночь. А эти вот и дядя Гришка, он старый был, а тоже дома, все дома. Много наших мужиков, они все хоронились, они никуда – ни за красных, ни за кого.

У нас лошадка хорошая была. Они ездят как на лошадях, верхами что ли, и все раны у них на спинах. Они (красные – А. В.) нашу хорошую взяли, а эту оставили, больную, а эта какая-то серая, лошадь, прям, шлепает-шлепает, толстая, и оставили ее, нашу запрягли и все.

Овес весь повыгребли, у нас загром (сарайчик) был. Они, эти уедут, эти приедут. Сделали у нас в дому телефон (провели – уточ. М. И.). Я и

сейчас помню, Беляев его фамилия, большой мужик: «Манька, давай в камушки играть, давай в камушки играть».

Там у нас веревки в сарае были, и один, я не знаю, какой он, и веревку отвязал, видно, и пилой своей стал пилить. Я как из сарая вылетела домой. Кричу: «Мама, зарубили! Ой, мама, зарубили!» А он веревку отпиливал (...)

Рыга была у нас в банду, там солому полную напхали и сделали ход ему (отцу Марии Ивановны – А.В.) там, туда за стенку лезть. А бабушка, бывало, понесет ему есть-то, а там телка привязывают: «Это я телочку есть понесу». В банде у нас никого не было, и в красных никого не было (...)

* * *

Кузьма Матвеевич Козодаев родился 14 ноября 1906 года в селе Осино-Лазовка Осино-Лазовской волости Тамбовского уезда (ныне Сампурский район) в семье Матвея Мартыновича и Пелагеи Карповны Козодаевых, местных крестьян. Кроме Кузьмы Матвеевича, в семье было еще два брата – Матвей Матвеевич и Платон Матвеевич.

Родное село Кузьмы Матвеевича – Осино-Лазовка находится вблизи Балашовской ветки Рязано-Уральской железной дороги, и поэтому вся жизнь К. М. Козодаева была связана именно с железной дорогой. В 1929 году Козодаев был призван в Красную армию. Служил в Тамбовском пехотном училище. В том же году вместе со своим братом вступил в колхоз «Новая жизнь». В 1933 году женился на своей супруге Степаниде Павловне.

В годы Великой Отечественной войны Кузьма Матвеевич воевал сначала в Донбассе, затем в Брянских лесах, освобождал Ленинград. С 1944 г. воинская часть, где служил Козодаев, была переброшена в Иркутск на строительство железнодорожной ветки, где он оставался до демобилизации в 1947 году.

После демобилизации вернулся в родное село, работал на железной дороге вплоть до ухода на пенсию.

Воспоминания Кузьмы Матвеевича Козодаева⁵

Отец с 86-го был (1886 г.р. – А. В.), в первую мировую воевал. Их три сына было, и всех взяли. Пришел один сын раненый, война не кончилась, второй пришел попозже, в восемнадцатом году отец пришел с фронта – это уж война кончилась. Дед и бабка за хозяйством. Я больше коров стерег. Тогда стадо не гоняли, не знаю, почему не было, а ребятшков много (в каждом доме), всяк свою стерег (...)

Антонов, он был с Кирсановского района (уезда – А. В.). У нас в селе много было бандитов, Леон Марев был в банде (Леон Мареевич Козодаев – боец ВОХР (войска внутренней охраны республики), член

Осино-Лазовского СТК. Публикатором была документально подтверждена причастность данного лица к событиям на Тамбовщине⁶ – А. В.).

Да много было мужиков в банде, разбили их всех. Отец (пошел – уточ. К. М.) был член сельсовета. Нас посылал, нас три мальчика были, собирать хлеб, кто чего даст. И вот, когда уезжать, они (красные – А. В.) заходили к нам.

Каждое утро за ним приезжали бандиты, когда первые начинали. Ну, он пошел. Теперь, глядим, к обеду идет оттуда, говорит: «Никуда я не пойду, пускай бьют дома». Поглядел на них: ни седла, ни оружия, лошади худые. «Кого, – говорит, – защищать на этих лошадях». И пришел, так и не пошел, и остался дома.

Котовский у нас был в селе. Козодаева Игната Семеновича красные убили. Когда красный отряд заехал внезапно – они по огородам прятались, в крапиве. Человек пять их, поймали и зарубили в селе (...)

Железнодорожный мост. Сперва, он деревянный был, а потом поставили такой (это еще до банды – уточ. К. М.). Молодая она еще была (железная дорога), потому что я на железную дорогу ходил. Я, когда работал, каждый день состав с балластом разгружали. Бывало, за сезон раза два подымали, балласт подсыпали.

Теперь как приедет летучка (бронепоезд – уточ. К. М.) из Тамбова и с этого моста била по селу из орудий. Вагоны такие, как пассажирские. Открытые площадки – там пулеметы стояли, орудия стояли. Бывало, приедет и до самого позднего вечера, каждый день бьет по селу. Церковь у нас стояла на возвышенном месте, таком, открытом. Вот по этой церкви она и била.

Церковь им мешала: бандиты там прятались (В 1920 – 1921 гг. здания пустующих и действующих церквей, в особенности, каменных, являлись большим подспорьем для «зеленой» стороны, поскольку могли выполнять функции надежной крепости, защищать от хорошо вооруженного противника, а также использоваться в качестве смотровой площадки с установкой на колокольню пулемета и другого вооружения, не говоря уже о размещении штаба – А. В.).

Мост рвали бандиты, чтобы поезда не ходили. Раза два они его рвали, но сразу восстанавливали, из Тамбова приезжали (Ж/д. мосты и прочая инфраструктура Балашовской ветки ЮВЖД в 1920 – 1921 гг. были ключевыми объектами противостояния, в котором «антоновский почерк» с партизанскими замашками активистов, проявлялся наиболее отчетливо: подрывы и поджоги мостов, разбор ж/д. путей и. т. п. – А. В.).

Один раз случай был. Я помню, брат стерег, днем гоняли лошадей, после посевной, и у них отобрали лошадей, взяли всех, бандиты. Они в фуфайках ходили (к вопросу о мифах про антоновскую военную форму! – А. В.).

* * *

Наталья Давыдовна Гололобова (Подольская) родилась 18 августа 1911 г. (записана как в 1912 г.) в многодетной крестьянской семье. Хозяйство Подольских относилось к бедняцкому. С самых ранних лет Наталья Давыдовна занималась тяжелым крестьянским трудом.

В 1932 г. вышла замуж за жителя близлежащего села Рождественское, Пешкова Якова Андреевича (1910 – 1941). После гибели мужа она осталась с пятью детьми на руках, в связи с чем не вступила в колхоз и оставалась единоличницей.

После войны вышла замуж за Гололобова Устина Трофимовича (1888 – 1964), участника трех войн, члена партии. Во втором браке у Натальи Давыдовны родилось еще пятеро детей. Проживала в г. Рассказово.

*Воспоминания Натальи Давыдовны Гололобовой (Подольской)*⁷

Село Теляшовка (ошибка памяти: Телешовка – деревня – А. В.) Платоновского района. В селе Теляшовка я родилась, в одиннадцатом должно, не скажу точно (в 1911 г. – А. В.). В детстве я жила плохо. Был Давыд – отец, а мать – Ефросинья – Подольские. Брат был, Аляксей (Алексей – А. В.), Иван, брат есть (далее пробыл в памяти – А. В.). Деревня была Теляшовка, ну как, не маханькая, как выселки, а деревня. Платоновские были.

Банда была. Она и у нас была, и у всех была. А уж чего делали, не знаю, ну уж добра не делали. Филюганы (хулиганы – А. В.). У нас деревня была небольшая, Телешовка-то, они больше в Рождественском – там село. У нас там канцелярия была (волисполком? – А. В.). Как сейчас сельсовет.

Мы туда относимся. Оттуда далеко, пять километров – у нас там церковь была, и сейчас она стоит. В церковь ходим и домой. Церковь закрывали. Мы боялись эту банду, как огня. Солдаты, все руженые (вооруженные – А. В.) – боимся, все хоронимся, где под печку, где подпол.

Мы же девчоночки были. Как-то приходили и красные – накрыли белых, а как они накрыли, это я вот не знаю (ошибка памяти: в тех краях не было белых – А. В.). Помню, что накрыли, говорят «красные, красные, красные», с бутра спускаются, летят – верховые все. Ой, мы в подпол. Я и видела их, мужиков-то этих, а не знаю, кто он есть-то – он ненашенской деревни-то. Власть, какая-то.

Какие-то мотались пистолеты. На лошадях. Ну не раз они были, может, несколько раз и пешком когда приходили. Нас не трогали. Потому, что у мамани нас шестеро, да она одна. Они к нам особо и не касались. Мы только когда увидим «банда, банда, банда», и кто в подпол, кто куда. От края мы дворов девять или десять жили, недалеко от одного края, а с другого – далеко (...)

* * *

Клавдия Ивановна Гришина (Кобзева) родилась 10 августа 1911 г. в селе Ольшановка (Ольшанка) Больше-Липовецкой волости Тамбовского уезда (Знаменский район) в многодетной семье крестьян Кобзева Ивана Егоровича и Марии Михайловны.

Семья Кобзевых относилась к числу зажиточных. В хозяйстве имелось несколько пахотных лошадей. С самого раннего детства Клавдия Ивановна постигала все тяготы крестьянской жизни: помогала родителям по дому, работала в поле.

В середине 1920-х гг. она окончила начальную сельскую школу. В конце 20-х гг. переехала в Тамбов, где после окончания курсов повышения квалификации работала в торговой сети. В начале 30-х гг. вышла замуж за рабочего завода «Ревтруд» Гришина Павла Петровича.

В годы Великой Отечественной войны Гришина К. И. продолжала работать продавцом (вплоть до выхода на пенсию) в торговой сети, участвовала в строительстве окопов и работала на «Ревтуде». Прожила в Тамбове.

Воспоминания Гришиной (Кобзевой) Клавдии Ивановны⁸

Родители мои крестьяне. В одиннадцатом родилась (год рождения К. И. – А.В). Отсюда тридцать пять километров (от Тамбова – уточ. К. И.) – Ольшанка. Иван Егорович Кобзев и Мария Михайловна, мать. Дом каменный, из кирпича, середняки мы.

Про банду я плохо помню. Кричали: «Банда едет, банда едет!» Мы прятаться: кто на печку, кто под печку. Помню только, как они приезжали в село, так уж боялись мы, заходим в комнату, прячемся. Прятались, где приходилось.

Помню, все мы их очень боялись. Одеты они по-простому были. Так часто, много времени они приедут, помногу, месяц там живут, где придется, или где захотят. К нам становились (сами приглашали – уточ. К. И.). В красных был брат Павел Иванович Кобзев. Я что-то красных не помню, а бандиты, знаю: убили бандита, бандит сильный был такой, большой, ну а халоганил (хулиганил – А.В.) – вот его-то убили, а красных нет.

Может, мне и рассказывали, а, может, ходили смотреть. Иногда идем смотреть, кого убьют. Не знаю, как-то его забрали (отца Клавдии Ивановны – А. В.) и поставили под расстрел, а потом там немножко побеседовали и отпустили, а свои сказали, что по ошибке. Хотели застрелить, а потом его освободили (...)

* * *

Мария Федотовна Куликова родилась 20 января 1912 года в селе Шапкино Шапкинской волости Борисоглебского уезда (Шапкинский сельский совет Мучкапского района) в крестьянской семье.

Хозяйство Куликовых относилось к бедняцкому. Братья и сестры Марии Федотовны умерли в раннем младенчестве, и поэтому она, фактически, была единственным ребенком в семье.

Шапкино – крупное, старинное, тамбовское село. Здесь располагался большой церковный приход. Село оказалось в эпицентре «антоновщины».

Оно неоднократно занималось отрядами Ворожищева и Канищева, разбитых в марте 1921 года. События 1920 – 1921 гг. нашли живой отклик в памяти Марии Федотовны. В ней также нашли свое отражение такие события как голод, коллективизация, военные годы.

После Великой Отечественной войны Куликова трудилась на конезаводе в Саратовской области, где явилась свидетелем приезда на конезавод Маршала Советского Союза Семена Михайловича Буденного. В последнее время проживала в родном селе Шапкино.

Воспоминания Марии Федотовны Куликовой⁹

Тогда село оно еще больше было (имеется в виду период «антоновщины» – А. В.): на выселках жили, и туда жили, и сюда жили. С Липяга какая-то дорога хронтовая (грунтовая? – А. В.) была (речь идет о селе Липяги Алешковской волости Борисоглебского уезда – А. В.).

Они вызвали моего отца (речь идет об антоновцах – А. В.). Да собрались тут с Шаронкиным, вот Володин отец был, а мой отец-то и говорит: «Мы никуда не поедим из своей Шапкино (речь идет о мобилизации в антоновские соединения – А. В.). У нас гора тута (собрались – уточ. М. Ф.), мы под гору, и будем скотину сюда и того и другого (угонять свою скотину: очевидец повествует о том, как местные спасали свой скот от изъятия – А. В.). Сейчас назначат окопы рыть краем».

Сейчас елки, а то какая-то была шульга, гора крутая. Она оттуда крутая, сюда ниже, ниже, низко. А тут ничего не было посеяно. Они всех собрали своих коров: кого – сюда (...) А это говорит: «Мы будем итить (идти – А. В.), а войска за нами (речь идет об антоновских отрядах – А. В.). Мы дальше, дальше, до кех (до каких пор – А. В.) будем ехать, кто его знает».

А Володькин отец был, Гришка: «Мы, правда, запрягли лошадь, корову привязали. Мы идем, отступаем – они все за нами, все за нами, все за нами» (по всей видимости, речь идет о временном исходе отдельных жителей Шапкино на территории, еще не занятые активистами – А. В.)

А тут были Хобятковы – три брата, один вояка главный. Назначили сюда, вроде на Шапкину (командир красных – А. В.). Они один раз дали какую-то зажигательную (по всей видимости, артобстрел – А. В.), а он: «Прекратить! А то вы все пожжете!» А загорели иде (где – А. В.) вот терна, тута (...)

Эти едут – они за ними и за ними. А наши сюда спустились, скотину-то выгнали, скотина: корова была у всех да лошадь. Лошадь ходит тута,

а мы дитё идем (когда загорелось – уточ. М.Ф.), глядеть, а нас все посажали. «Куда эта овсянка-то лезить?! Сидите вон у своих конурков!»

Мы назад опять. «Шума» тут, «гама» – горит (шум, гам – А. В.). Мы глядеть, а нас бьют. Да, наши-то, тут сидят да сидят, а этих.... Тут война была: брат на брата, и отца убивали и мать, кто кого. Это уж я не знаю, почему так-то.

Вот иде (где – А. В.) Коростель называется – восемь человек побили и ляжать (лежат – А. В.), не дают никому (не разрешают захоронить – А. В.). А нас лупят, ох! Лет восемь было (имеется ввиду возраст М. Ф. на момент событий – А. В.). Нас всё под задницу: «Не ходите за нами, за следом!»

Ну эти дальше и дальше... И ехали, говорит, целый месяц. Отступаем – все едут, все едут. Да уж где-то там притулились – они прошли дальше-то, а мы уж тут назад, да насилу вернулись. И тут били кто кого: брат – брата, отец – отца бил. А сейчас, видал, как живем, как господа! А все недовольные!(...)

Ехал дедушка старый, хромой на Липяг. «Вы далека едете?», – «На Липяг. Собирать орехи». Они на него: «Слазь дед! Ты наверно передатчик» (истории с т. н. «передатчиками» (гражданами, бездоказательно заподозренными бандитами в связи с красными) – являются еще одним явным образцом антоновского «стиля поведения», заключавшегося в элементарном удовлетворении ими низменного, порочного желания насилия и крови под надуманным предлогом и без разбирательства. Сам термин «передатчик» встречается, как минимум, в половине свидетельств и во всех случаях безошибочно приписывается активистам-антоновцам – А. В.). Он слез. Они его взяли, да троих собрали – была церква (церковь – А. В.) деревянная, привели, дали им по яблоку и их расстреляли прямо тут.

Бывало, залетят, виновных-невинных убьют да дальше едут. Эти самые вояки-то, бандиты или как их еще называли. Это мы еще помним: «Бандиты! Скорее!» А то, брали чего попало, рубят, едят, сластятся и поехали дальше. Выглядели по-военному: кто по-военному, а кто повсякому, и без войны (...)

Было всех много, четыре что ли сына. А он один в банде, другой нет. И хотел убить. Бягётъ (бежит – А. В.), а энтот за ним, брат-то. А дедушка с краю жил, хворост какой-то рубил, сад обрубал. Он бягётъ, прями лег, а он его пучком, хворостом закрыл.

А энтот бягётъ: «Ты не видал, видал, молодой побег сюда?» Он за ним. А этот тут окапался, пролежал сколько да пришел, так и остался живой. У нас в семье некому. У меня отец воевал, его товарищей убили. А один остался, так он один и был, отец мой. Был Конка (Канай), у него детей много было. Он нигде не был, все с детьми и с детьми (...)

* * *

Иван Тихонович Чулков родился 7 июля 1913 года в селе Верхний Шибряй Верхне-Шибряевской волости Борисоглебского уезда (ныне Верхне-Шибряевский сельский Совет Уваровского района) в семье крестьян Тихона Игнатьевича и Лукерьи Павловны Чулковых.

Помимо самого Ивана Тихоновича, в его семье было семеро братьев и сестер. Хозяйство Чулковых относилось к середняцкому (имелась одна лошадь, одна корова, овцы, свиньи, птица).

Родина Чулкова – Верхний Шибряй – крупное старинное село, основанное еще в первой половине XVIII века однодворцами и мелкими помещиками. Во время «антоновщины» находилось в центре событий.

Здесь 14 июля 1921 года 14-я отдельная кавалерийская бригада атаковала особый повстанческий полк под командованием Ворожищева и Канищева, в результате чего он был разбит. Очевидцем этих и других событий был И. Т. Чулков.

Иван Тихонович – участник Великой Отечественной войны. В составе 271-го артиллерийского полка участвовал в наступательной операции под Харьковом, где попал в окружение (харьковский «котел»). В плену находился в Норвегии, был освобожден англичанами. После войны продолжал трудиться в родном колхозе. В последнее время проживал в Нижнем Шибряе.

*Воспоминания Ивана Тихоновича Чулкова*¹⁰

Называлась банда. Когда революция произошла, тут помещичьи земли отдавали крестьянам. У нас (был) с фронта пришел учитель хромой, пришел к отцу: «Вот мы поедем в Тамбов, и на барскую землю будем выселяться» (речь идет о «черном переделе» помещичьих земель – А.В.). Называлась трудовая артель. Отец говорит: «Я не поеду». Он с фронта пришел, был коммунистом. Артель создавалась. Создал ее (артель) – приехала банда. Назывались трудовики (трудовая артель). «Где трудовики?!» Его забрали куда-то, убили, в Чернавке что ли (имеется в виду учитель – А.В.). Убили эту артель. Эта артель: там, когда года два землю держали, обрабатывали ее. Коммунистов банда грабила всех, кто попадется.

Мы ехали с отцом. Отец и брат, еще с армии не был, исполь (исполь? – А. В.). На отцу были ботинки. Кто кое в чем ходил. Они: «Это, – говорит, – что у тебя на ногах?» Отец как глянет: «Ну что?! – ботинки, ботинки». «Сымай!» (снимай – А. В.) Отец и так и сяк. А он был одного сельсовета, бандит-то. «Да что ты, – говорит, – делаешь?!» «Не разговаривай! Сымай!!!»

На нем валенки были без подошв, воткнул он и все. Эти валенки отцу подшил я. Отбирали у крестьян чего хотелось: сапоги, пинджак

(пиджак – А. В.), ведь грабили. Ну само название бандит – он грабил, что ему хотелось: сапоги, пиджак какой-нибудь хороший, они одеты хорошо. А зимой у кого валенки сымали, тулупы у кого брали.

Ходил, тут начинал (имеется в виду учеба в школе – А. В.). Школу всю поразбили, окна. Там учить нельзя, негде – все поразбито. В сельсовете тоже так. Коммунистов они... как узнают коммуниста – забирали и уничтоживали. Лошадей брали у крестьян, и без замен отдадут – она загнать. Так, что называлась банда антонов. Грабили они, уничтоживали людей.

Когда они тут зиму были, потом летом приехали красные (отряд) и их зачали громить. Я помню, отец... заходят вечером два солдата и говорят: «Лошадь у тебя есть?» Он говорит: «Есть. «А что всадник нужен?». «Нет...», – говорит и убирается. Ну, отец прямо поужинал, запрягает лошадь и едет. А там церква (церковь – А. В.) была.

У церкви была ограда высотой больше метра, каменная, а потом столбы. А тут столбы, а вокруг столбов железная ограда. И они прямо в церкву... И зачали их ловить. Некоторых поймали, а некоторые убегли. И зачали разгонять. Этих тоже поймали, прям, убили.

Когда отец приехал туда, а они говорят: «Иди, там, каменный дом, а лошадь, если убьют, мы дадим (вероятно, речь идет о штабе красных – А. В.).

А потом, который с отца ботинки сымал, их там стали, в поле разгоняли, и вот он когда ехал на лошади, а лошадь устала. Он эту бросает лошадь – тут лошади ходили. Ходили лошади, а они не даются, и он сам себя застрелил, бандит-то. Так что банда делов много наделала.

А Антонова и Антонова брата убили тут в Шибряе (имеется в виду Д. С. Антонов (1891 – 1922) – А. В.). Туда пройдешь, и там дом большой был, тут маленькое помещение. Когда шли солдаты, они пришли, их человек шесть что ли было (его ловили) (в спецоперации в Нижнем Шибряе 24 июня 1922 г. участвовала группа тамбовских чекистов под командованием С. Т. Полина – А. В.). Когда женщина выходит (речь идет о Наталье Катасоновой, любовнице Антонова – А. В.), спрашивают. Они сюда вниз, к лесу. И там их... и его убили и брата Антонова. Он был организатор банд (...)

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «Антоновщина». Крестьянское восстание в Тамбовской области в 1920–1921 гг.: Документы, материалы, воспоминания. Тамбов, 2007.

² Центр документации новейшей истории Тамбовской области.

³ Пархунова Мария Ивановна (1914–2012), уроженка д. Ново-Александровка (Чубаровка) Золотовской волости Кирсановского уезда (ныне Чакинский с/с Ржаксинского района). Проживала в п. Чакино. Воспоминания записаны Власовым А. В. 4 июля 2008 года. С целью уточнения деталей происходившего в наборе текста использовались видеозаписи данного свидетеля 2011 г. (14.01; 20.08).

⁴ Чичканова (Поликарпова) Мария Ивановна (1912–2012), уроженка с. Верхоценья Верхоценьской волости Тамбовского уезда (ныне Верхоценский с/с Сампурского района). Проживала в п. Чакинский СХТ Ржаксинского района. Воспоминания записаны Власовым А. В. 29 января 2012 года.

⁵ Козодаев Кузьма Матвеевич (род. 1906), уроженец села Осино-Лазовка Осино-Лазовской волости Тамбовского уезда (ныне Осино-Лазовский с/с Сампурского района). Проживал в г. Тамбове. Воспоминания записаны Власовым А.В. 21 мая 2012 г.

⁶ Государственный архив социально-политической истории Тамбовской области (ГАСПИТО). Ф.840. Оп.1. Д.1045. ЛЛ. 4, 123. См. также: «Антоновщина». Крестьянское восстание в Тамбовской области в 1920–1921 гг.: Документы, материалы, воспоминания. Тамбов, 2007, С. 715.

⁷ Гололобова (Подольская) Наталья Давыдовна (род. 1911 (1912)), уроженка д. Телешовка Дмитриевщинской волости Тамбовского уезда (ныне Платоновский с/с Рассказовского района). Проживала в г. Рассказово. Воспоминания записаны Власовым А. В. 1 сентября 2012 года.

⁸ Гришина (Кобзева) Клавдия Ивановна (род. 1911), уроженка села Ольшанка Больше-Липовецкой волости Тамбовского уезда (сейчас Знаменский район). Проживала в Тамбове. Воспоминания записаны Власовым А. В. 18 октября 2012 г.

⁹ Куликова Мария Федотовна (род. 1912), уроженка села Шапкино Шапкинской волости Борисоглебского уезда (ныне Шапкинский с/с Мучкапского района). Проживала в с. Шапкино. Воспоминания записаны Власовым А. В. 3 ноября 2012 г.

¹⁰ Чулков Иван Тихонович (род. 1913), уроженец села Верхний Шибрай Верхне-Шибряевской волости Борисоглебского уезда (ныне Верхне-Шибряевский с/с Уваровского района). Проживал в селе Нижний Шибрай. Воспоминания записаны Власовым А. В. 6 апреля 2013 года.

ЗА ОРУЖИЕМ! НЕУДАВШАЯСЯ ЭКСПЕДИЦИЯ И УДАЧНАЯ ПРОВОКАЦИЯ

Публ. М. Ю. Зайцевой (Тамбов)

Не существует для народа более ужасного бедствия, чем Гражданская война. И погибают в ней, к сожалению, люди, способные принести своей стране в мирное время огромную пользу. Октябрьский переворот и отстранение от власти Учредительного Собрания, совершенные большевиками, привели страну к хаосу и Гражданской войне. Тамбовской губернии эта война досталась в ее самом страшном проявлении – в виде кровавой братоубийственной резни, не щадящей ни детей, ни женщин. Ее апофеозом стала знаменитая «Антоновщина» – крестьянское восстание 1920–21 годов.

Начавшись в Тамбовском уезде в августе 1920 года, к весне 1921-го крестьянская война в большей или меньшей степени полыхала практически по всей губернии и огонь ее начал широко захватывать соседние регионы. Осознав, наконец, всю опасность разраставшегося народного бунта, власти повели с ним борьбу по всем направлениям и всеми методами: военными, карательными, экономическими, агитационными, идеологическими. Самой действенной мерой в этой борьбе явилась отмена продразверстки. Кроме того, на территорию губернии ввели крупные войсковые части Красной армии, представленные всеми родами войск, войска ВЧК, автобронеотряды, авиаотряды, бронепоезда.

Одним из способов борьбы с «Антоновщиной» стала проводимая ВЧК разведывательно-диверсионная деятельность, направленная на реализацию задач по сбору информации о повстанчестве, ликвидацию его руководителей и отдельных отрядов восставших.

В ходе одной из таких операций под руководством начальника Секретного отдела ВЧК при СНК РСФСР Тимофея Петровича Самсонова к антоновцам под видом члена ЦК партии социалистов-революционеров был заслан Евдоким Федорович Муравьев, левый эсер, согласившийся на предложение ВЧК принять участие в рискованной секретной операции¹.

Муравьев состоял в партии эсеров с 1916 года и имел опыт работы в качестве заведующего Воронежским губернским земельным отделом, члена Воронежского военно-революционного комитета, председателя Рязанского губревкома, председателя ревкома крупного партизанского отряда на Украине. Так как в течение 1920-го года Тамбовская ЧК арестовала основное ядро местной эсеровской организации, то расчет Самсонова строился на необходимости поиска антоновцами связей с другими повстанческими армиями и крупными отрядами в разных регионах страны для координации дальнейшей борьбы с большевиками. Повстанцам не хватало оружия, нужны были опытные военные кадры. После разгрома эсеровской организации в Тамбове посланцы антоновцев стали искать выходы на комитеты эсеров в соседних регионах. Получив сигналы о прибытии представителя повстанцев к воронежским эсерам и их попытке выйти на членов воронежского комитета, под наблюдением ВЧК была возобновлена работа воронежской левозесеровской организации под руководством Е. Муравьева. А к приезду начальника контрразведки Антоновской армии Герасева Н. Я. (Донского) в центре Воронежа был организован «Клуб левых эсеров-революционеров» с бланками, печатями, документами, с дискуссиями и даже прибытием «членов ЦК левых эсеров» из Москвы.

«Члены ЦК» в присутствии начальника контрразведки повстанцев Герасева (Донского) передали Муравьеву «директиву ЦК» о необходимости объединения всех антибольшевистских сил. Они сообщили, что сейчас объединяют свою антибольшевистскую работу левые и правые эсеры, народные социалисты, анархисты, меньшевики, что ведутся даже переговоры с кадетами. Для обсуждения этого вопроса в ближайшее время в Москве состоится всероссийский левозесеровский подпольный съезд, а вслед за ним намечено созвать в Москве съезд представителей всех антибольшевистских армий и отрядов.

Герасев назвал Муравьеву пароли и явки в Тамбове, через которые можно попасть к представителю антоновцев в городе – кадету Дмитрию Федоровичу Федорову. Попасть к антоновцам, минуя Федорова, было нельзя: у него проходили самую жестокую «политическую проверку» и получали дальнейшие явки.

В Тамбов с Муравьевым поехали 2 помощника, работавшие по заданию ВЧК – Чеслав Тузинкевич и Бронислав Смерчинский. Ч. М. Тузинкевич в 1915 году в Варшавской губернии проходил по делам жандармского управления². По некоторым данным³, к моменту разработки этой операции ВЧК он был зятем члена губкома воронежской левозесеровской организации М. Ф. Цепляевой, через которую пытались найти выходы на Воронеж тамбовские повстанцы. Цепляева же, после тайной консультации с Воронежской ЧК, и порекомендовала делегату от тамбовцев встретиться с завербованным ВЧК Е. Муравьевым. Тузинкевич

был представлен повстанцам под именем Михаила Грушковского. Возможно, к тому времени он уже был сотрудником ЧК. Вторым помощником Муравьева стал известный ранее представителям Антонова воронежский левый эсер Бронислав Смерчинский.

На встрече Муравьев сумел расположить к себе Федорова, получить от него инструкции и пароли для встречи с антоновцами и убедить его в необходимости поездки в Москву, где он и был арестован отделом ВЧК по борьбе с контрреволюцией. Разыграв встречу Федорова с якобы представителем генерала Деникина, сотрудники ВЧК получили от него важные сведения. 21 июня Федоров был приговорен к расстрелу⁴.

Тем временем, проникнув в стан антоновцев, Муравьев приступил к реализации основного задания – выманиванию Антонова на якобы ожидавшийся в Москве всероссийский съезд повстанческих армий и отрядов. В начале июня в губкоме Союза трудового крестьянства (СТК), который находился в бывшем имении помещиков Фроловых около Каменки, Муравьев ознакомил командный состав антоновцев с протоколом воронежской организации эсеров, из которого было видно, что воронежская группа желает прийти им на помощь: политработниками, командирами, оружием и прочими средствами. Там же было сказано, что с помощью этой группы можно связаться с Москвой⁵. Антонов на данном мероприятии не присутствовал, так как с основным ядром армии находился за пределами Тамбовской губернии⁶.

Для установления связи с «начальником штаба боевых сил Москвы» начальник контрразведки Герасев получил одобрение от Главоперштаба на поездку в Москву. В Москве он встретился с начальником отдела ВЧК по борьбе с контрреволюцией Т. П. Самсоновым, принимая его за «начальника штаба боевых сил Москвы». Финал встречи не замедлил наступить. 19 июня 1921 года Николай Яковлевич Герасев был приговорен к расстрелу⁷.

Главную задачу по аресту самого Антонова секретным агентам выполнить никак не удавалось, так как он излечивался от ранения, полученного при прорыве из Пензенской губернии в Тамбовскую и встречи с представителями «ЦК» игнорировал.

Время шло, продолжение операции становилось опасным из-за длительного отсутствия Д. М. Федорова и Н. Я. Герасева. ВЧК приняла решение не дожидаться выздоровления А. Антонова и вывезти в Москву наиболее опасных руководителей повстанцев. Ссылаясь на директивы «центра», Муравьев дал указание о созыве губернского съезда «Союза трудового крестьянства» и командного состава антоновцев с тем, чтобы избрать делегатов для направления в Москву на «всероссийский съезд повстанческих армий и отрядов». По некоторым данным, съезд состоялся на окраине села Хитрово (родине Ивана Матюхина и его полка) в деревне Зимнице.

На проведенном съезде повстанцы приняли резолюцию, приветствовавшую объединение антибольшевистских сил, но выдвигаться в делегаты для поездки в Москву отказались. Тогда Муравьев взял инициативу в свои руки и назначил делегатами политрука Ивана Егоровича Ишина, бывшего, по словам Муравьева, второй фигурой после А. С. Антонова, и заместителя начальника «Главоперштаба», командира «Особого полка» Павла Тимофеевича Эктова. Протоколы и резолюции съезда, написанную по просьбе Муравьева «Историю антоновского движения», а также другие материалы Муравьев взял с собой «для ЦК» и сдал в ВЧК⁸.

Привезенную же «представителем ЦК эсеров» Муравьевым на съезд в подарок повстанцам литературу и бархатно-красное знамя с нашитой надписью ««В борьбе обрешь ты право свое» ЦК партии левых эсеров-интернационалистов Союзу трудового крестьянства, тамбовским борцам за свободу» 7 июля 1921 г., после расстрела партии заложников из 7 человек, большевики изъяли в Хитровской церкви. Изъятое пригослосилось для провокации⁹.

К концу июня Красная армия нанесла сильное поражение 1-й и 2-й Партизанским армиям Тамбовского края, из остатков которых к концу июня была собрана «Единая партизанская армия Тамбовского края». После потери в боях командиров, при острой нехватке оружия, предложение Муравьева о формировании двух групп из числа боевых и надежных партизан для поездки за оружием в Тулу и Воронеж было встречено с явным одобрением. В последних числах июня командирами были отобраны 18 человек¹⁰ – в Тулу и 17 человек – в Воронеж. Группы выехали к месту назначения с разницей в несколько дней. Добравшись до конспиративных квартир в Тамбове небольшими группками, они получили через Смерчинского и Тузинкевича документы на проезд¹¹. Одна из таких квартир находилась в Тамбове по улице Студенецкой в доме 22¹². Из Тамбова первую группу вместе с Муравьевым, Ишиным и Эктовым отправили в Тулу через Москву, где под надуманным предлогом привезли в ВЧК на Лубянку. Другую группу, в сопровождении сотрудника ЧК Тузинкевича, в отдельном прицепном пассажирском вагоне-теплушке с командировочными документами от отдела снабжения Орловского военного округа направили в Воронеж, разместили на квартирах и ночью арестовали.

Следственное дело по антоновцам, поехавшим за оружием в Воронеж, находится в архиве Тамбовского УФСБ. Документы из него предлагаются вниманию читателей.

Материалы дела позволяют установить, что в этой группе были 6 повстанцев из 14-го Нару-Тамбовского полка, по 5 человек из 7-го Тамбовского и 16-го Золотовского полков, а также 1 кавалерист из 4-го Низовского полка.

Большинство антоновцев, посланных в Воронеж за оружием, были в возрасте от 21 до 26 лет. Младшему было 19 лет, старшему – 30 лет.

Шестеро из них были односельчанами, из села Верхне-Спасское Нижне-Спасской волости Тамбовского уезда, остальные – жители Верхоценской и Понзарской волостей того же уезда, и Золотовской и Хитровской волостей Кирсановского уезда. Четырех повстанцев дома ждали по 2 детей, еще четырех – по одному ребенку. Брат Анисима Медникова в это время находился в концлагере заложником¹³. Шесть арестованных указали в анкете, что закончили школу, пять человек считали себя малограмотными и лишь двое – неграмотными. В группе не было бедняков, у большинства арестованных имелись хата, надворные постройки, 1 или 2 коровы, 1 или 2 лошади, некоторые разводили овец, а у Якова Стромова была даже ценная в те годы рушка¹⁴.

Большая часть арестованных до вступления в антоновцы числилась дезертирами из Красной армии, несколько человек не были призваны в Красную армию по болезни. Все арестованные основным занятием называли земледелие. До революции те, кому на момент ареста было больше 22 лет, служили рядовыми в Царской армии, некоторые участвовали в I Мировой войне. М. Г. Болтнев служил рядовым в 72-ом Сибирском стрелковом полку, И. А. Марков был рядовым в 139-ом Моршанском полку, Я. П. Стромов прошел I Мировую войну в 72-ом пехотном Тульском полку, П. Ф. Чичканов служил в 61-ом Владимирском пехотном полку, В. Ф. Подхватилин сначала служил в 9-ом Гренадерском Сибирском полку, затем в 29-ом Сибирском стрелковом, потом попал в плен и находился в Германии до 1919 года. Шестеро арестованных до вступления в антоновскую армию были красноармейцами. Один из них, Яковцев, некоторое время служил в отделе по борьбе с дезертирством. Григорий Дудов в 1919 году был продотрядовцем. Большинство арестованных на допросе заявили, что их заставили силой служить в рядах повстанцев, и эта служба была недолгой.

Так как арестованных разделили друг с другом еще до ареста, и они не могли условиться о том, что будут говорить в ЧК, то и показания их оказались различны. Половина из них умышленно не рассказала о том, что с ними были еще 2 антоновца, которые шли с ними до железнодорожного вокзала в Тамбове. Там одного из них, «Шубу», опознала женщина, и красноармейцы его расстреляли, а второй в суматохе сбежал. В целях конспирации антоновцы шли по городу по двое, не выпуская друг друга из вида. Эта мера оказалась не лишней, и потому опознание 1 человека не привело к потере всей группы. В рассекреченных документах, касающихся антоновского восстания, встречаются упоминания антоновца «Шубы». Вполне вероятно, что именно он являлся членом суда 6-го Волче-Карачаевского партизанского полка, политработником 2-го, а затем 5-го Борисоглебского, 10-го Волче-Карачаевского полков¹⁵. Также мало кто из них рассказал о том, что в Москву уехал Иван Ишин, один из видных руководителей восстания.

Л. Т. Дронов в своих ответах на допросе придерживался следующей тактики: ничего не знаю, был дома, антоновцы схватили, под конвоем посадили в поезд, и вот я здесь. Часть придерживалась иной линии: человек я маленький, в армию забрали силой, служил мало, ничего не знаю, никого толком не помню. Но многие, в надежде на снисхождение, постарались рассказать все, что знали или слышали. Кстати, отвечавшие на допросах подробно и заявившие о желании сотрудничать с советской властью Яковцев¹⁶ и Горелкин¹⁷ показали, что за возможность проезда на поезде до Воронежа повстанцам пришлось заплатить денег Мишке Грушковскому (Тузинкевичу). По данным Горелкина, они заплатили 50 000 рублей за вагон Брониславу и Мишке Грушковскому, Яковцев же заявил, что заплатили Мишке по 100 000 рублей с каждого.

Из допросов выяснилось, что дольше всех у Антонова служил Яков Стромов. Он пришел в лес примерно за год до ареста, когда еще не была создана Партизанская армия Тамбовского края, в отряд Антонова. Летом 1920 года в отряде Антонова было всего 500 человек и 3 пулемета. За это время Стромов принял участие в 4 боях, останавливал поезд на ст. Иноковка, где бойцы взяли 4 пулемета, участвовал в налете на совнархоз в селе Заречье. В декабре был откомандирован в 14-й полк, которым командовал И. С. Матюхин¹⁸. Дудов прослужил 8 месяцев, Бастрыкин, Кириллов, Попов и Чичканов пришли в разгар восстания, в феврале-марте 1921 года. Из допросов арестованных удалось установить, что Курбанов был два месяца в 14-ом полку командиром эскадрона пулеметного прикрытия, затем служил в 16-ом полку, взводным 3 эскадрона¹⁹. Яковцев в 16-ом полку был начальником пулеметной команды. Остальные арестованные на допросах указали, что были рядовыми.

Показания арестованных о структуре партизанской армии, её командирах, задачах, проведенных боях, лозунгах и организационной структуре хорошо обобщены в заключении Воронежской губчека, находящемся в деле. При чтении заключения, написанного уполномоченным Металловым, возникает двойное ощущение. С одной стороны, он называет повстанцев бандитами, повстанческое движение – бандитизмом, а их структуры – бандами. С другой, – пишет о Партизанской армии, солдатах, милиции, выбранных солдатами командирах, о военном суде. Похоже, что, несмотря на принятое в Советской Республике отношение к любым формам сопротивления и неподчинения власти как к бандитским проявлениям, описывать такое масштабное и организованное движение, как Антоновщина, применяя только термины «бандиты» и «бандитизм», у следователя не получилось. О какой банде можно говорить, если в ней десяток полков с командирами, судами, штабами, милицией и политруками? Поневоле сотруднику ЧК приходилось применять более адекватные формулировки.

Есть вероятность того, что самому молодому участнику поездки за оружием, девятнадцатилетнему Григорию Дудову, удалось отсрочить свой

расстрел на целый год. Опубликованное заявление Г. Дудова о желании искупить свою вину сопровождается следующей записью: «ГРТ приговорил к расстрелу, а кассационная коллегия ВЦИК 8.09.22 г. оставила приговор в силе, он был приведен в исполнение 19 сентября 1922 года в саду губполитотдела в 21 час.»²⁰. Можно предположить, что в промежуток времени между оглашением приговора и расстрелом что-то заставило сотрудников ЧК сохранить Дудову жизнь. Сказал ли он им что-то, что их чрезвычайно заинтересовало, или была другая причина, – можно только предполагать. Во всяком случае, уже через год после расстрела товарищей расстреляли и Дудова. Неизвестны и судьбы согласившихся на сотрудничество и давших ценные сведения Макара Кириллова и Ильи Горелкина, приговоренных к расстрелу условно²¹. Вероятно, и они, и Григорий Дудов участвовали в операции по ликвидации командира 14-го Нару-Тамбовского полка Ивана Матюхина.

В первой, не достигнутой этой цели операции, был задействован склоненный в Москве к сотрудничеству П. Эктов. Он привел в расположение отряда Матюхина под видом казаков из кубанско-донской повстанческой армии часть кавалерийской бригады Григория Котовского. Хотя эта операция и нанесла отряду Матюхина громадный урон, самому Матюхину удалось выбраться из передряги живым²². Тогда в ВЧК решили снова попытаться проникнуть в расположение отряда Матюхина, теперь уже под прикрытием легенды о том, что посланные в Воронеж бойцы везут оружие и хотели бы его передать именно командиру. С этим известием к Матюхину поехал уже ему известный по съезду «помощник Муравьева Мишка Грушковский» – сотрудник ЧК Чеслав Тузинкевич. Обрадовав Матюхина вестью о добытых 200-х винтовках и патронах к ним, Тузинкевич узнал о месте расположения повстанцев и приехал туда с отрядом, якобы вернувшимся из Воронежа. Возможно, в составе этого отряда были Кириллов и Горелкин, служившие в полку Матюхина. Хитрость удалась, и Матюхин был убит. В этом бою погиб и игравший первую скрипку в проводимой операции поляк Чеслав Тузинкевич²³.

В бумагах, приобщенных к «Воронежскому делу», сохранились 2 исписанных, затертых до дыр листа, видимо принадлежавших арестованным. На них записаны молитвы-обереги: «36-ой сон Пресвятой Богородицы» и «Свиток Иерусалимский» (Писание Господне). Эти заговоры появились еще несколько веков назад, и церковь их не считает молитвами. Но на Руси Сны Богородицы считались самыми сильными оберегами, их еще называли «Охранной грамотой».

Обычно подобные письма-обереги начинались словами: «Перепишите эту молитву и сохраняйте в доме для защиты от врагов, пожара, любой беды. Носите эту молитву с собой в пути и никогда не приключится с вами ничего плохого. Давайте переписывать эту

молитву верующим людям и простятся все грехи ваши». После разрушения и разграбления церковей большевиками, надругательства над церковными святынями, насмешками и запретами церковных праздников для крестьян особенно тревожно звучали строки-предупреждения письма:

«Верьте и Всевышнему молитесь с прилежанием и усердием, а кто не будет сего соблюдать и слов благих не послушает – пошлет Он на нас кару великую и произведет между нами бунт коварнейший, когда восстанет царь на царя, князь на князя, отец на сына, а сын на отца, и будет между нами великое кровопролитие на Земле. Накажет всех сильными болезнями и не даст никакого пропитания и будет наказывать непослушных громом и молнией и напустит птиц черных, у которых волосы женские, которые будут летать, и кричать страшным голосом и наведет ужас великий»²⁴.

Документ 1

*Заключение*²⁵

Уполномоченный по левым партиям Воронежской губчека Металлов по делу №2843 Курбанова Владимира Сергеевича, Горелкина Ильи Ивановича, Дудова Григория Андреевича, Яковцева Гавриила Федоровича, Кириллова Макара Егоровича, Медникова Анисима Петровича, Казадаева Анисима Степановича, Маркова Ивана Александровича, Чичканова Петра Филлиповича, Стромова Якова Петровича, Болтнева Меркула Гавриловича, Дронова Леонтия Тимофеевича, Попова Никифора Дмитриевича, Подхватилина Виктора Федоровича, Бастрыкина Филиппа Ивановича в бандитизме и дезертирстве.

02.07.1921 г. Воронежской Губчека удалось арестовать при помощи агентурного аппарата всех вышеперечисленных лиц, являющихся представителями Антоновской Армии. Из показаний обвиняемых отчасти выяснилась картина возникновения, организационного построения и политического состояния банд Антонова.

Возникновение Антоновской Армии

Мысль о создании Партизанской Армии, по-видимому, возникла у Антонова в начале 1920 года. Уже тогда он прячется у своего нынешнего сподвижника Стрыжникова Феофана Федоровича и заводит связи с наиболее кулацким элементом окружающих деревень.

Создается подпольная организация антисоветски настроенных крестьян. Благодаря строгой конспирации подпольщикам удается, в общем, сохранить организацию до осени. Осенью во время продразверстки Антонов переходит от подготовительной конспиративной работы к вооруженному мятежу. Местное крестьянство откликается на призыв Антонова и поднимает восстание. Надо сказать, что в то время Анто-

новцы рекрутировались исключительно из добровольцев. Движение приняло столь массовый характер и так резко окрасилось в старые эсеровские цвета, что некоторые из подсудимых во время допроса называли бандитизм Антонова «Революцией». А лозунги Антоновцев были таковы: «За Учредительное Собрание», «Долой коммуны – да здравствует собственность на землю», «долой продразверстку», «Да будет свободная торговля», «бей комиссаров и коммунистов». Недаром Антонова один из допрашиваемых назвал левым эсером. По словам этого же арестованного, Антонова считали левым эсером и другие бандиты. Ясно, что пользуясь сочувствием местного населения, Антонову не приходилось нуждаться в продовольствии, фураже, лошадях. То небольшое количество, которое требовалось для первичного ядра антоновских банд, было доставлено местными крестьянами.

Организационное построение и политическая сторона Антоновской Армии

Прежде всего, бросается в глаза неразрывная связь военной, административной и политической работы, сосредоточенной в одних руках. Во главе мятежных волостей стоит штаб Антонова. Должностные положения лиц, работающих в штабе, выяснить не удалось. Общее количество полков Антонова до недавнего времени определялось числом 20. Солдаты набираются молодые, большей частью бывшие уже на войне. В значительном количестве набираются отпускные красноармейцы. В полку имелось несколько сот солдат. В полку 3–4 эскадрона, а в эскадроне около 3 взводов. В взводе человек 20–25 солдат. Раньше взводы разбивались на отделения, теперь это отменено. Кроме того, полк разбивается на 2 дивизиона. В Армии Антонова имеется еще полк, называемый Особым полком. При этом полку находится Антонов и его Штаб. Кроме охраны личности вождя повстанцев, полк имеет, по видимому, задания брать на себя наиболее ударные и ответственные задачи. Одно время в этом полку численность солдат доходила до 1200. Политическую работу в самой Армии ведут Политруки. В каждом полку имеется Политрук и его Помощник. Задачи его те же самые, что и Политруков Красной Армии. Во главе полка стоит его командир, ему в помощь дается Помощник. Затем имеются Начальники дивизионов и эскадронов, взводов. В каждом полку должны быть также Адъютант, Комендант, начальник пулеметной команды, Начальник связи, старший квартирьер. В эскадроне имеются: солдат связи и младший квартирьер. Зимой в полках имелись Заведующий Снабжением, теперь их нет (по видимому, каждый сам себя снабжает).

Характерно то, что все должности в бандах Антонова, начиная с Помощника Командира полка и ниже – выборные.

По утверждению арестованных нами Антоновцев, никаких складов оружия у Антонова нет. Оружие солдаты держат при себе.

Интересны те знаки взаимного опознания, которые применяются у Антоновцев. Для того, чтобы безопасно подъехать к посту бандитов, нужно держать винтовку поперек (горизонтально, чтобы прямая винтовки и прямая лошади образовывали крест). То же самое должен сделать пост. В последнее время действует другой знак: подъезжающий хлопает 3 раза в ладоши, а пост – 4 раза.

Военный суд (не считая, конечно, расправы на месте), производит комендант полка, а в более важных случаях Штаб полка.

Несравненно труднее было выяснить политическую организацию Антонова. Это объясняется, по-видимому, отнюдь не злобностью задержанных антоновцев, а в умело проводимой конспиративной работе. Можно полагать, что та подпольная организация, которая породила восстание, продолжает существовать, прячась в подполье. Один из арестованных показывает, что ему много пришлось слышать про эту организацию, но почти ни разу не удалось видеть в рядах Антоновцев хотя бы одного члена организации. Как видно Антонов, понимая неизбежность поражения, отступлений, стремится оставлять в покидаемых местах семена бандитизма. Из показаний бандитов организация рисуется в таком виде: в каждой волости имеется волостной комитет, он подчиняется Райкому, а последний Укому. Хотя это и не удалось в точности выяснить, но вероятно председатель Райкома совмещает должность Начальника милиции. Сама милиция рекрутируется из солдат Армии Антонова, совмещая обязанности политической и гражданской полиции.

Вместе с тем, в каждом селе имеется так называемый организатор. В некоторых селах их бывает по несколько. Основная обязанность организатора держать связь с окружающими деревнями и Антоновскими частями. Кроме того организаторы запаслись подложными документами.

Политическую агитацию ведут Политруки. На каждом шагу они всячески подчеркивают крестьянский характер движения. Один из арестованных рассказывает, что когда Антоновец взял у крестьянина лошадь, то Политрук разразился по этому поводу целой программной речью. Он указал, что Антоновцы взяли ружья в руки не для того чтобы подобно коммунистам грабить крестьян. В общем и целом Антонов и его Политические Помощники стараются сохранить свои прошлогодние лозунги чистыми и незапятнанными.

Арестованные Антоновцы дали показания о двух политруках. Один из них Яковцев, кончил 8 классов гимназии, был насильно взят бандой, пару месяцев пробыл писарем, затем был назначен Политруком Полка. Другой – слесарь Алексей Иванович (фамилия неизвестна), хвастался, что еще в пятом году привлекался к ответственности по политическим делам.

Нынешнее состояние Армии Антонова

Если верить показаниям арестованных, то нынешнее положение антоновской Армии таково, что в ней нет и намека на то, что называется Армией. Хотя из 15 допрошенных Антоновцев только несколько говорили, что слышали о приказе Антонова демобилизовать Армию. Вместе с тем становится ясно, что Армия все-таки демобилизуется – отчасти сама по себе, а отчасти – Тухачевский. Все арестованные говорят, что теперь в Армии нет единого командования. Полки разрознились и даже разбились на группы. По словам одного из арестованных Антонов так и приказал войскам разбиться на группы и спастись в лесу. Особенной силы дезорганизация банд достигла после неудачного похода Антонова в Саратовскую губернию. По дороге он был разгромлен в пух и прах, так что уцелевшим солдатам приходилось возвращаться в насиженные места маленькими кучками. Следует полагать, что разбивка Антоновым его полков на отдельные группы есть тонкий ход с целью укрыть хотя бы небольшое ядро и вместе с тем представить положение вещей перед Красным командованием в таком освещении, что Армии Антонова уже совершенно нет.

Скверное и в прежние времена вооружение Антоновцев, сейчас еще ухудшилось. В 7, 5, 9 и 14 полках, по-видимому, пулеметов нет. В 10 полку имеется один неисправный пулемет. Винтовки как видно, имеют все Антоновцы, шашки и револьверы только у некоторых.

Ухудшилось также и продовольственное положение банд. По словам допрашиваемых, теперь продовольствие приходится доставать у крестьян силой оружия, грабежом.

Нет также и добровольцев. Прошлогодний добровольческий поток сменился, если верить допрошенным, насильно загоняемыми, мобилизованными. В следствии этого, нередки случаи неповиновения начальству и даже дезертирства – за что виновных секут.

Антонову приходится спасать положение хвастливыми рассказами о взятых им где-то автомобилях, пулеметах. Однако, по уверениям допрошенных, отношение к Антонову со стороны крестьянства и солдат отрицательное.

Расположение некоторых частей банд таково. 7-ой полк /300 солдат/ находится под Верхнеценским Золотовской волости. Разбит на мелкие группы. Штаб в Лукине.

6-ой полк в Солдатчине. Часть в Солдатских Двориках.

5-й полк в Большой Лазовке.

В 9 полку насчитывается 250–300 солдат.

Участие арестованных в бандах.

Все задержанные были командированы в г. Воронеж за пироксилиновыми шашками и револьверами. Ясно, что на столь ответственное

дело выбрали наиболее ярких Антоновцев. У одного из них найден заголовок лево-эсеровской газеты «Знамя» от июня 1918 г.

А посему предлагаю:

- 1) Бастрыкина Филиппа Ивановича
- 2) Болтнева Меркула Гавриловича
- 3) Горелкина Ильи Ивановича
- 4) Дронова Леонтия Тимофеевича
- 5) Дудова Григория Андреевича
- 6) Казадаева Анисима Степановича
- 7) Кириллова Макара Егоровича
- 8) Курбанова Владимира Сергеевича
- 9) Маркова Ивана Александровича
- 10) Медникова Анисима Петровича
- 11) Подхватилина Виктора Федоровича
- 12) Попова Никифора Дмитриевича
- 13) Стророва Якова Петровича
- 14) Чичканова Петра Филлиповича
- 15) Яковцева Гавриила Петровича

Подвергнуть высшей мере наказания – расстрелу.

Документ 2

Постановление²⁶

Именем РСФСР Воронежским губернским Чрезвычайным комитетом по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности в заседании своем от 14 июля 1921 года <.....>

Постановила:

Обвиняемого Бастрыкина Филиппа Ивановича, Подхватилина Виктора Федоровича, Попова Никифора Дмитриевича, Дронова Леонтия Тимофеевича, Болтнева Меркула Гавриловича, Стророва Якова Петровича, Чичканова Петра Филлиповича, Маркова Ивана Александровича, Казадаева Анисима Степановича, Медникова Анисима Петровича, Яковцева Гавриила Петровича, Дудова Григория Андреевича, Курбанова Владимира Сергеевича, как представителей Антоновской бандитской армии и врагов Р. К. правительства к высшей мере наказания /расстрел/. Гр. Кириллова Макара Григорьевича и Горелкина Илью Ивановича, принимая во внимание их чистосердечное покаяние и желание искупить свою вину для пользы Совреспублики – условно расстрелять. О члене РКП/б/ Молчанове Иване Никифоровиче, проживающем на ст. Сампур, знавшем о бандитизме своего троюродного брата Дудове Григории сообщить в Тамбгубчека, а анкеты на разыскиваемых бандитов также переслать в ТГЧКа для принятия соответствующих мер. Все обнаруженное и задержанное при вышеупомянутых бандитах конфисковать в доход Республики.

Постановление мне объявлено:

Исполнено: 27 июля 1921 года.

Приговор приведен в исполнение в 3 часа ночи 28.07.21г.²⁷

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См. воспоминания Е. Муравьева «Полтора месяца в стане антоновцев» и Т. Самсонова «Волки гибнут в капканах», опубликованные в сборнике «Особое задание» (М., 1968). С. 212–243.
 - ² Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.217. Оп.1. Д.981.
 - ³ См. об этом: *Листов В.* Революция защищается / Чекисты рассказывают... Кн. 4-я / Сост. И.И. Шмелев. М.: Сов. Россия, 1979.
 - ⁴ Центральный архив Федеральной службы безопасности (ЦА ФСБ) России. Д.Н-1391.
 - ⁵ Государственный архив Тамбовской области (ГАТО). Ф.Р-5201. Оп.1. Д.1306. ЛЛ. 13–14.
 - ⁶ *Самошкин В. В.* Антоновское восстание. М.: Русский путь, 2005. С. 108–109.
 - ⁷ ЦА ФСБ России. Д.Н-1391.
 - ⁸ См. об этом: *Муравьев Е. Ф.* Указ. соч.
 - ⁹ Центр документации новейшей истории Тамбовской области (ЦДНИТО). Ф.840. Оп.1. Д.1048. Лл. 4–11; Д.1050. Л. 14.
 - ¹⁰ По воспоминаниям Т. П. Самсонова – 20 человек.
 - ¹¹ Архив УФСБ по Тамбовской области. Д.Р-15859. Л. 21.
 - ¹² Там же. ЛЛ. 17, 40.
 - ¹³ Там же. ЛЛ. 46–48.
 - ¹⁴ Рушка – механизм для отшелушивания от оболочки зерна, крупы.
 - ¹⁵ «Антоновщина». Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1920–1921 гг.: Документы, материалы, воспоминания. Тамбов, 2007. С. 757.
 - ¹⁶ Архив УФСБ по Тамбовской области. Д.Р-15859. Л. 17.
 - ¹⁷ Там же. Л. 3.
 - ¹⁸ Там же. ЛЛ. 29–30.
 - ¹⁹ Там же. ЛЛ. 36–37.
 - ²⁰ «Антоновщина». Крестьянское восстание в Тамбовской губернии... С. 444.
 - ²¹ Архив УФСБ по Тамбовской области. Д.Р-15859. Л. 61
 - ²² См. об этом: *Листов В.* Революция защищается / Чекисты рассказывают... Кн. 4-я / Сост. И.И. Шмелев. М.: Сов. Россия, 1979.
 - ²³ Там же.
 - ²⁴ Архив УФСБ по Тамбовской области. Д.Р-15859. Л. 56.
 - ²⁵ Там же. ЛЛ. 58–60.
 - ²⁶ Там же. Л. 61.
 - ²⁷ Там же. Л. 62.
-

РАЗДЕЛ II

НА ГУБЕРНСКОМ УРОВНЕ: МЕСТНАЯ АТАМАНИЯ

АТАМАНЫ И ПАРТИЗАНЫ

ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ

«БЕЛЫЕ» ПАРТИЗАНЫ В АРХАНГЕЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ

Т. И. Трошина (Архангельск)

«Партизанами» преимущественно называются участники не являющихся регулярной армией военных объединений, пользующихся поддержкой местного населения. Две «отечественные» войны в России показали примеры различных форм партизанских формирований: диверсионные группы, заброшенные в тыл врага для выполнения заданий командования, и «самодеятельные» отряды, нередко состоящие из дезертиров или уклоняющихся от мобилизации лиц призывного возраста. Задачей военных и гражданских властей является каким-то образом привлечь такие вооруженные группы к участию в боевых действиях на своей стороне.

В условиях Гражданской войны партизанами часто становились лица, опасавшиеся преследования за свои политические пристрастия. Местная «партизанщина» нередко превращалась в бандитизм, грабежи населения соседних территорий, в отношении которых существовали, иногда с давних времен, неприязненные отношения, и которые по этой причине облагались своего рода налогом на содержание «партизан»¹. Такое «недобрососедское» отношение настраивало жителей различных поселений друг против друга, провоцируя тем самым расширение и партизанского движения. С одной стороны, опасность грабежей воинственных соседей способствовала мужественной борьбе партизан, защищавших свои деревни. С другой – рассчитывать на них при любом передвижении регулярной армии не приходилось; партизаны стремились остаться в своих деревнях, защитить свои семьи, своих односельчан

всевозможными способами, вплоть до перехода на сторону вчерашнего неприятеля, вошедшего в их деревни. Таких перевертышей («красные пришли, они красные; белые пришли – они белые») в Архангельской губернии иронично называли «валеты»².

Но даже в подобных партизанских формированиях командование регулярными частями было заинтересовано: партизаны в основном состояли из местных, и население, помогая «своим», с большим усердием оказывало поддержку армии – продовольствием, разведывательными данными, помощью раненым. Поэтому с обеих противодействующих сторон осуществлялась продуманная организационная работа с целью привлечения стихийных отрядов на свою сторону.

На Европейском Севере России в годы Гражданской войны были «классические» диверсионные отряды, бойцов которых также было принято называть «партизанами». Это – полуполюгендарные «террористы» (так называли себя белогвардейцы, объединившиеся в добровольческий отряд под командованием прапорщика Попова и сына местного оленевода А. Рочева, выслужившегося во время войны в офицеры), «наводивший порядок» в признававших советскую власть поселениях на р. Печоре. И отряд, возглавляемый неким «псаломщиком Поповым» и капитаном Орловым, совершавший набеги на красноармейские гарнизоны на Мезени и Пинеге³. История, безжалостная к «лидерам и участникам белого движения», сохранила имя организатора партизанского движения на Ваге, шенкурского народного учителя из крестьян, прапорщика военного времени Максима Ракитина⁴.

Те лидеры «белых партизан», кто не погиб в боях (как капитан Орлов), были впоследствии выданы местным населением (как в случае с М. Ракитиным), и даже родичами (так был выдан с А. Рочев) советским властям. Как правило, население поддерживало своих земляков, но под угрозами массовых расправ и конфискации имущества предпочитало (что является характерным для традиционного общества) «сдать» одного, спасая тем самым жизнь и материальное благополучие остальных.

Достаточно распространенным явлением были слабоструктурированные отряды дезертиров, которые обычно скрывались в лесах поблизости от своих деревень, получая продовольственную помощь от земляков. Даже в малонаселенной Архангельской губернии дезертиров насчитывались сотни; это был огромный резерв для армий, поэтому их интенсивно, различными способами стремились привлечь на свою сторону. Собственно, не желание «отсидеться дома» заставляло молодых крестьян дезертировать. В «царские» времена, когда служба в армии расценивалась как форма заработка, а для перенаселенной деревни и как возможность избавиться от лишних «ртом» и «рук», дезертирство было осуждаемо на всех уровнях. Но во время Гражданской войны рабочие руки были нужны, поэтому деревня всячески привечала дезерти-

ров, которые нередко жили и трудились в своих деревнях, не опасаясь, что их выдадут; только во время облав они уходили в леса, где их практически невозможно было отыскать. Советские органы власти, состоявшие, как правило, из таких же рабочих и крестьян, прекрасно понимали психологию населения. Поэтому, не обнаружив во время облав на «дезертирские деревни» беглых солдат и «уклонистов», забирали в качестве заложников их отцов, а в некоторых случаях и ценные вещи (к примеру, самовар). Ценность для семьи и для самого дезертира представляла не его жизнь или свобода, а благополучие семьи. В таких случаях дезертиры являлись сами, иногда собравшись со всей деревни или волости. Борьба с дезертирством имела и другие «экономические» формы. Например, семьи лишались пайка.

Следует отметить, что непримиримая борьба с дезертирами осуществлялась в тыловых районах. Там же, где проходили боестолкновения, где территории переходили из рук в руки – то к красным, то к белым, – организованные в вооруженные отряды партизан были для командования не меньшей ценностью, чем хорошо подготовленные регулярные части.

Итак, партизанское движение в условиях войны «всех против всех», войны под не всегда понятными населением лозунгами, проявлялось весьма разнообразно. Остановимся на стихийном создании отрядов самообороны. В силу природно-климатической и географической специфики Европейского Севера России (слабая заселенность; разделявшие малолюдные деревни огромные бездорожные пространства, непроходимые летом из-за болот, а зимой из-за снегов), Гражданская война здесь имела сезонный характер. Боестолкновения происходили ранней осенью и поздней весной (когда по еще подмерзшей, и потому проходимой территории можно было совершать рейды на большие расстояния в районы, контролируемые неприятелем), и в основном в форме стычек небольших вооруженных отрядов, поскольку передвижения больших масс войск были затруднительны. Вставали вопросы и обеспечения солдат в малолюдных и небогатых поселениях; обирать крестьян было идеологически вредно. Небольшие же отряды можно было «прокормить», как уже упоминалось выше, за счет семей «врагов», что рассматривалось как наказание и устрашение.

При этом даже небольшие отряды, которые вынуждены были из-за транспортных проблем снабжаться за счет местного населения, создавали для жителей малолюдных северных деревень немалую проблему. Не случайно лучшим «способом» борьбы как с дезертирством, так и с партизанским движением были «продразверстки», лишавшие население возможности добровольно поддерживать молодежь, сидящую «по лесам». Это было особенно актуальным в северных, непроезжих уездах. С другой стороны, обеспечение таких отрядов и жителей «партизанских деревень» продовольствием со стороны командования регулярными

войсками обеспечивало максимальную поддержку населения⁵. Такой формой взаимодействия с партизанами в основном пользовалась белая администрация Северной Области (квази-государственного образования в северных районах Архангельской губернии в 1918–1920 гг.), получавшая продовольствие от союзников⁶.

Красная же армия, даже регулярная, вынуждена была жить за счет населения, чем настраивала его против себя. По воспоминаниям бывших красноармейцев, «отдельными нашими отрядами производились большие безобразия». «Это оттолкнуло население, и красные отряды были выгнаны из ряда волостей», «крестьяне потихоньку получали оружие от белогвардейцев и убивали красноармейцев»⁷. В Усть-Вашке (южная часть Мезенского уезда) жители «с охотничьими ружьями погнались большевиков»⁸, в результате чего было «проведено успокоение буйного района, защита его от набегов красноармейцев»⁹.

Следует учитывать, что у населения сохранялись в подсознании стратегии самозащиты (в более ранние времена, возможно, от разбойников; позднее – от беглых каторжников, а также от хищных зверей)¹⁰.

Эти полузабытые стратегии актуализировались во время передвижения армий, особенно в начальный период боевых действий. С целью не допустить красноармейцев в свои волости население организовывало отряды самообороны, которые при поддержке белогвардейцев становились боеспособными частями. По словам архангельского политика, «движение [белых] партизан возникло, конечно, не на почве каких-нибудь патриотических или общегосударственных стремлений. Это была, прежде всего, самозащита. Крестьяне ополчились на большевиков, как раньше ополчились на волков, медведей, конокрадов»¹¹.

Это движение с самого начала имело относительно организованные формы. Уже в марте 1918 года ситуация с бандитизмом как в городах, так и в отдаленных селениях, требовала организовать защиту населения. Совдепы и Крестдепы¹² требовали для этих целей «выдать им оружие старого образца»¹³.

А в августе 1918 года, после «белогвардейского переворота» в Архангельске, новые власти разослали по деревням распоряжение задерживать красноармейцев и советских работников (те же распоряжения выполнялись и при отступлении в феврале-марте 1920 года белогвардейцев; то есть, здесь скорее присутствовала исполнительность, а не идеологические пристрастия). Так, в пригородной Соломбальской волости население в первые дни после переворота приняло решение: «В целях защиты имущества граждан волости от всяких посягательств, защиты самих граждан, а также оказания помощи Архангельскому уездному управлению и ВУСО (Временному управлению Северной Области – авт.), немедленно организовать комитеты самообороны в каждой деревне, пригласить все взрослое население в добровольные дружины. Вооружение для дружин просить у ВУСО»¹⁴.

Когда же началось движение армий, население, напуганное как слухами о красных, так и их реальной деятельностью, – в зависимости от степени своей организованности, либо убегало из деревень и пряталось в лесах вместе со своим имуществом, либо создавало отряды для охраны своих домов.

В октябре 1918 года, во время наступления красных на р. Пинега, «в деревне творилось что-то невообразимое. С вечера крестьяне, напуганные слухами о грабежах, прятали все свои более или менее ценные вещи, деньги, а ночью погнали скот по маленьким сенокосным речкам за 15–20 верст от деревни»¹⁵. При появлении красных крестьяне «прятались кто куда – в овины, в сараи, зарывались в сено. Оставался один скот, который от голода кричал душераздирающим голосом. Картина – будто все вымерли от эпидемии...»¹⁶, – вспоминал бывший красноармеец.

Важной мотивацией создания белых отрядов самообороны было стремление уберечься от «чужих», и прежде всего, от армии, которая по местным природным и климатическим условиям нередко вынуждена была заниматься «самообеспечением» за счет населения. Так, жители села Тарасово (центр приграничной волости на Северной Двине, переходившей постоянно из рук в руки) «постановили не пускать красноармейцев в свои волости. Собрали старые берданки, охотничьи ружья и устроили засаду...»¹⁷

В малонаселенной Архангельской губернии крестьянство, особенно в отдаленных местностях, практически не было подвержено имущественному расслоению. Если и были «богатые» и «бедные», то круговая порука оказывалась сильнее экономических интересов. Белыми или красными обычно становились целыми деревнями, а то и волостями. Если Красная армия входила в «белую» деревню, мужчины уходили в лес. Когда красные части заходили в такие деревни, то видели, что «вся молодежь ушла к белым, остались только старики и старухи. Спрашиваем – чего же вы боялись? Отвечают – мало ли, какие люди явятся!»¹⁸ В дер. Кучезерье «мужики все были у белых, ходили в деревню разведкой каждый день, или бабы ходили к ним в лес под видом «за грибами»»¹⁹.

Наиболее длительные и ожесточенные боевые действия на территории Архангельской губернии происходили в районе р. Пинеги и среднего течения р. Северной Двины. Здесь деревни переходили из рук в руки. Отряды, первоначально собранные для самообороны, стали использоваться противодействующими армиями как диверсионные группы, для совершения рейдов в тыл врага. Кстати, нередко целью таких рейдов было пополнить свои ряды за счет взятых в плен красноармейцев. Так, летом 1919 года белый отряд пришел в село Суру (на Пинеге) с «белой» Мезени и увел с собой всю караульную роту. Немногие красноармейцы, не желавшие идти к белым, по пути пытались бежать (впрочем, судя по всему, их особо и не стремились задержать или убить). Некоторые из

перебежавших на сторону белых стали активными участниками отряда и «злодействовали», «свирепствовали с белыми»²⁰.

Белогвардейцы, в значительной своей массе выходцы из народа, выслужившиеся до офицерских чинов в годы Первой мировой войны, понимали специфику подобной народной инициативы, знали ее слабые и сильные стороны, и умели пользоваться ею не хуже красных. Вскоре после белогвардейского переворота в Архангельске подобные офицеры, как правило, из местного населения, направились по своим деревням поднимать население против большевиков – сначала с целью изгнать их из пределов своих волостей.

Побежденные редко оставляют свои свидетельства о происходившем. Доступные нам источники – воспоминания красноармейцев, – сообщают, что в Онежском уезде «Матвей Махнов, подпоручик, уроженец дер. Клещево, создал партизанский отряд... Партизанский отряд дер. Кожы создали подпоручик Грибовский, дер. Малошуйка – кулак Андронов...» Инициаторами создания отрядов были «Ополченцы-крестоватики»²¹ – кулак Дьячков Ив. Ив. (из Чекуево) и сын торговца из дер. Корельской прапорщик Латкин А.И.»²².

Роль харизматичных командиров партизанских отрядов была огромна; фактически, только от них зависела боеспособность и «окраска» отрядов, чаще всего возникавших стихийно. Так, во время наступления на р. Пинеге красных отрядов, в уездный город «прибежала в панике толпа вооруженных крестьян-партизан, голодная, неорганизованная, к бою неспособная»²³. Эти «партизаны» под беспощадным напором красных частей бежали из своих деревень и были «крайне возбуждены»: «идут полевые работы, по домам одни женщины и дети». В г. Пинеге и с. Суре для освобождения волостей были организованы отряды добровольцев, которым удалось вытеснить красноармейцев. Таким образом командированному из Архангельска офицеру Акутину удалось «защитить Пинегу от напора красных и создать там отличные боевые роты, из которых сложился в конце концов 8-ой полк»; собственно партизаны, «отлично организованные Акутиным», образовали батальон силою до 400 штыков²⁴.

Подобным полуформальным воинским подразделениям была свойственна «архаичность», проявлявшаяся в том, что они быстро впадали в панику, распадались, особенно в случае гибели командира. Так, отряд капитана Орлова, отличавшийся своими бесстрашными вылазками в тыл красных, включая дерзкий захват г. Яренск, где им противостояли значительные силы красных, потеряв во время атаки командира, разбежался и в массовом порядке стал сдаваться в плен. По воспоминаниям участвовавшего в разгроме отряда Орлова краснофлотца (возможно, преувеличенным), его еще недавно бесстрашные бойцы встретили явившихся к ним для переговоров о капитуляции красноармейцев таким

образом: «у них люди и даже лошади красным сатином обернуты, дуги в красных лоскутках, красные знамена. В общем, “покраснели”, надеясь облегчить свою участь»²⁵. (Следует сказать, что подобной панике подвергались и красные партизаны, оказавшиеся в схожей ситуации).

Впрочем, паническим настроениям партизаны подвергались только во время рейдов, куда направлялись под влиянием своего командира или из желания поживиться трофеями²⁶. Когда же дело касалось защиты своих деревень, тогда, по словам командующего русскими вооруженными силами Северной Области, – партизаны составляли «самый прочный элемент добровольческой среды ...Здесь на почве охранения собственных интересов, нарушаемых большевистскими опытами и реквизициями в пользу красной армии, царила непримиримая вражда к советской власти. Без рисовки и лишних слов, молча и упорно, велась борьба не на жизнь, а на смерть за право работать на своем собственном родном клочке земли. ...В боевом отношении эти люди представляют собой исключительный по своей доблести материал»²⁷. В условиях, когда солдаты в большинстве своем не видели смысла воевать «против своих», именно партизаны, чем бы они ни руководствовались, проявляли упорство и чудеса героизма, а также – к сожалению – и жестокости²⁸.

Однако они оказывались «слабым звеном» при проведении военных мероприятий. По словам командующего белой армии, партизаны давали «твердую силу ...лишь до тех пор, пока они стояли в районах своих деревень»²⁹. «Тарасовские белые партизаны, когда [белые оставили часть их волости- авт.], бросили винтовки и два дня воынилились... Белогвардейцы уговорили тарасовцев снова взяться за оружие»³⁰.

Любое тактическое отступление или стратегическое наступление наткнулось на нежелание партизанских отрядов (даже если они являлись уже регулярными частями) оставлять родные места. И упорство, с которым они помогали воевать армии, оборачивалось упорством, с которым они всячески вредили той же армии. Рассказывая о «печальных и преисполненных героизма» последних днях Северной Области, депутат Учредительного собрания Б. Ф. Соколов указывал, что Двинской фронт не удалось вовремя эвакуировать «благодаря колебаниям, которые были вызваны у партизанских частей нежеланием покинуть родные места»³¹. (И в Красной армии пинежские партизаны, многие из которых «проявляли чудеса храбрости, ...разошлись по домам», как только армия получила приказ об отступлении на Двину³²).

Интеллигентные представители новой власти испытывали страх перед этой народной стихией. Генерал Марушевский, командующий вооруженными силами Северной Области, писал в своих воспоминаниях о партизанском движении: «На почве одичалости и грубых нравов местного населения борьба эта сопровождалась приемами доисторической эпохи. Одна часть населения зверски истребляла другую. Участники экспедиции

видели проруби на реке Печоре, заваленные трупами до такой степени, что руки и ноги торчали из воды»³³. Вместе с тем, вполне в тренде той эпохи, стремились видеть и положительное: «Мы... должны относиться с чувством глубокого уважения к нашим партизанским отрядам: эти люди борются, рискуют жизнью, рискуют оставить осиротевшие семьи, запускают свое домашнее хозяйство. Он могли бы по-рабски подчиниться власти насильников-большевиков, но, как люди мужественные и энергичные, они предпочитают лучше пасть с оружием в руках, чем влачить позорное существование под владычеством разнузданных и наглых разбойников... При растянутости нашего фронта партизанские отряды приносили большую пользу. Они предупреждали обходы и прорывы, они были ценны своим знанием местности. Кроме того, они имели еще большое моральное значение: их появление производило сильное впечатление на большевиков... Солдатам [т. е. красноармейцам – ТТ] объясняли, что против них только офицеры – а здесь мужички, к тому же борющиеся против советской власти добровольно. Наконец, возникновение партизанских отрядов было очень важно как симптом массового отрезвления»³⁴.

Приложение

Копия.

Место хранения: ГААО. ОДСПИ. Ф.8660.

Оп.3. Д.696. Лл.1–5.

Генерал-губернатору и Командующему русскими силами
Северной области

Доклад делегации Тарасовского партизанского отряда из крестьян Порецкой, Петровской и части Церковнической волости Холмогорского уезда, действующего против большевиков на Тарасовском фронте.

16 декабря 1918 г.
г. Архангельск

Тарасовский партизанский отряд организован по собственной инициативе самих крестьян Порецкой и Петровской волостей, мобилизовавших добровольно все свои силы мужского населения, способного носить оружие, от 18 до 45-летнего возраста, убедившихся за 2 с половиной месяца в прифронтовой полосе под игом красноармейцев-большевиков, что при большевистской власти, власти неограниченных насилий и грабежей, крестьянству жить нельзя, а поэтому при первой же возможности, т. е. по приближении в Поречье 19 октября первых незначительных сил союзников, бесповоротно решили или освободиться от большевиков, или умереть в бою с винтовкой в руках, с верою в конечную победу наших верных и гуманнейших союзников и над эти-

ми насильниками, предавшими и разграбившими Россию и с верою в правоту своего дела.

Таким образом, все мужское население (от 18 до 45 лет) добровольно стало под ружье для борьбы с большевиками. Первоначально объединились Порецкая и Петровская волости, а за последнее время стали примыкать к отряду и крестьяне Церковнической волости, которая к сожалению замедлила выступление на защиту общего дела и тем дала возможность своим большевикам войти в связь с красноармейским штабом в Кочмасы и Плесецкой³⁵, лесными тропами через дер. Кергу, и через это осложнить дело борьбы.

В настоящее время в отряде 320 партизан.

Что сделано партизанами?

19 октября, по занятии союзниками дер. Гора Порецкой волости, в ночь на 20 октября партизанами уже был выставлен полевой караул в дер. Петрушиной в двух верстах от дер. Гора в сторону противника. Затем выставляется партизанская застава у мельницы в Усть-Шерде, где взят в плен один красноармеец-разведчик. 24 октября союзниками, при содействии партизан, обходом взято Тарасово, где красноармейцы с пресловутым разбойником Гайлитом³⁶ во главе – разбиты и частично взяты в плен, частью бежали через леса в Кочмасы, бежал и сам Гайлит, оставивши весь обоз, канцелярию, обозных и кавалерийских лошадей, много винтовок и патронов и даже вещевые мешки с награбленным крестьянским имуществом и хлебом. В этом бою был ранен первый партизан-проводник.

За время стоянки союзников в Тарасово с 24 октября по 3 ноября партизаны ходили в дальние разведки до соприкосновения с противником, где пало два славных партизана Х. и С.³⁷ 3 ноября утром союзники по своим стратегическим соображениям отошли от Тарасова до дер. Гора, оставивши на стороне большевиков всю Петровскую волость и южную часть Порецкой волости. С 3 по 7 ноября партизаны вставляли свои заставы и высылали разведки до Тарасова, каждый раз до соприкосновения с красноармейцами, обстреливая их, причем убито и ранено было несколько большевиков, без потерь партизан. Большевики большими силами, численностью до 700 человек красноармейцев-латышей при двух автоматических легких пушках двинулись через оставленное союзниками Тарасово и 7 ноября заняли дер. Петрушино, не доходя д. Горы две версты, обстреливая последнюю артиллерийским огнем, расположились в Петрушинской (около 400 чел.), в Похвальской (около 80 чел.) и в Усть-Шерде (около 200 чел.) на почлег, выставивши вперед полевые караулы и секреты.

В ночь с 7 на 8 ноября партизанами численностью в 90 человек при шести русских офицерах обошли деревни Петрушину и Похвальскую и на рассвете атаковали противника, в пять раз превосходящего силами,

разбили красноармейцев наголову, забрали 2 пулемета, весь целиком обоз с лошадьми, канцелярию, много оружия и патронов, больше 30 красноармейцев пленными, много осталось убитыми, разбитые остатки обращены в бегство через Тарасово, много разбежалось по лесам, где и погибли в болотах. Были случаи, через 6 и 7 дней выходили из леса еле живые красноармейцы и сдавались, конечно, в плен.

В этом славном партизанском бою убито два партизана, убит крестьянский мальчик в дер. Петрушинской и несколько лошадей и коров крестьянских. 14 ноября партизаны взяли с боя Тарасово, лихой атакой выбив из окопов у дер. Подволочьа засевших уже туда красноармейцев, где убито три большевика. Потерь партизан не было. 18 ноября партизаны обошли заставу противника в 60 чел. с пулеметом, на 4-ой версте по дороге к Кочмасу, у ручья Куркучей, разбили эту заставу, взяли в плен 18 красноармейцев и пулемет, потеряли из строя одного партизана раненым.

24 ноября партизаны атаковали главные силы противника на пятой версте к Кочкасу, в сильно укрепленной позиции численностью 450 чел. красноармейцев, выбили большевиков из окопов, убито и ранено более 150 красноармейцев, взято в плен три и взят один пулемет. В этом бою партизан убито 15 человек, ранено 8 и офицеров убито 2 и ранено 2.

1 декабря партизаны при одном офицере пройдя лесами без тропинок верст около 30-ти, внезапно для противника, в 12 часов дня, атаковали их силы в дер. Авде в 10 верстах за Кодышем к Кочмасу, разбили бывший там гарнизон, убили около 30 красноармейцев, взяли в плен 1 доктора и 13 солдат, захватили 10 телефонных аппаратов, разогнавши по лесам остальные силы большевиков. Потерь партизан ни убитыми, ни ранеными не было, только храбрый из храбрых офицер, командовавший этим отрядом, Л.З. получил серьезное обморожение ног.

2 декабря красноармейцы силою в 450 чел. при сильной поддержке артиллерийского орудия и двух автоматических пушек, направленного по деревням волости, повели решительную атаку на Тарасово, обходили движением с двух сторон, причем обходящая с левого фланга колонна в 250 чел. заняла дер. Понизовье, Плес, Ньюшерицу и с криком «ура» бросились на Алексеевское поле, на позицию, занимаемую партизанами, но ружейным и пулеметным огнем партизан, одобряемых любимцем-командиром, офицером Т.³⁸, везде и всюду показывающем личный пример храбрости, отбросили противника, обратив красноармейцев в бегство до прежде занимаемой ими позиции на пятой версте к Кочмасу. Большевики оставили 9 убитыми и в плен 3 ранеными. Потери партизан – убито два.

6 декабря партизаны с отрядом союзников атаковали главные силы противника на пятой версте, смявши заставу у Куркучья, продолжали

бой в течение 8 часов, лежа на снегу под окопами большевиков, нанеся противнику большие поражения убитыми и ранеными, но из окопов выбить не удалось. Забрали 7 красноармейских лошадей с седлами, несколько винтовок из обоза на 8-й версте и три пленных красноармейца. Потери партизан в этом бою 5 убито, 6 ранено. Ранено два храбрых офицера Т. и П.³⁹, много поработавших с партизанами.

7 дек противник обстреливал деревню Тарасово артиллерийским огнем из одного 3-дм орудия. 8 декабря повторил то же самое. 9 декабря до вечера никаких боевых действий со стороны противника не было.

В какой обстановке и условиях находятся партизаны?

Винтовками и патронами снабжаются союзным командованием в достаточном количестве, продукты выдаются в уменьшенном против солдат размере и не на все количество партизан, т. е. не на 300 чел., а на 260 чел., при чем причитывается хлеба от 2 1/2 до 4 галет, чего, конечно, крайне недостаточно, и недодача пополняется партизанами хлебом из собственных средств, изыскиваемых с большим трудом среди населения, т. к. за 2 с половиной месяца царствования красноармейцев все скудные и без этого запасы крестьян Порецкой, Петровской, Церковнической и Средь-Мехреньгской волостей большевиками съедены. Обмундирования партизаны ниоткуда пока не получали и одеты в собственные зипуны, сапоги и валенки, у кого что имеется.

В трех волостях полное отсутствие медицинской помощи. 4 месяца уже нет фельдшера и нет, в то же время в Церковнической волости свирепствовала эпидемия испанской болезни (умерло более 60 человек), помощи не было, эпидемия перебрасывалась в волости Порецкая, Петровская, но прекратилась сама собой.

Население Мехреньги всегда существовало только за счет заработка от вывозки лесов, о каковых работах в районе, пока фронт, не может быть и речи. Таким образом, семьям партизан источника, где бы достать копейку для покупки предметов первой необходимости (хлеба, соли, мыла и пр.) нет. Жалования партизаны, как войска, штатами не предусмотренные, не получают. А так же за выставленные для обслуживания союзных войск населением подводы, рабочих по укреплению позиций, сено для лошадей, дрова для отопления помещений, занимаемых войсками, ничего пока от союзного командования не получали, и куда обращаться с требованием, население не знает. Ни из губернии, ни из уезда в эти заброшенные волости никто не показывался, получали лишь от Холмогорского земства бумажки характера текущей переписки.

В боях с большевиками с 19 октября по 9 декабря пало партизан около 25 человек и столько же ранеными, семьи их остались без средств, но с надеждой на скорую помощь русских властей, русского общества и союзного командования. Бьются мехряки-партизаны за святое дело спасения родины, с твердой верой, что не умерли на Руси Минины, живы Пожарские.

Что теперь же необходимо партизанам, чего они ждут и для чего послали в Архангельск своих делегатов?

1. Необходима теперь же немедленно на Тарасовский фронт реальная сила регулярных войск с артиллерией, и не в помощь партизанам, а партизаны должны являться помощниками этим силам, так как фронт этот принимает серьезный характер, и большевиками обращено на него внимание, в особенности в связи с выступлением местных большевиков Церковнической волости, которая раскололась, т. е. часть крестьян примкнула к партизанам, часть держит связь с красноармейскими штабами Кочмаса и Плесецкой, получая от большевиков винтовки, патроны лесными дорогами через Керьгу. Противник на этом фронте давно имеет артиллерию и когда вздумается обстреливает Тарасово, т. к. у союзников с партизанами на этом участке артиллерии нет, что действует на партизан крайне удручающе.

Партизанских сил для держания (без отдыха и смены) фронта тоже недостаточно, и держатся до последнего, в то время как прочие волости уезда и губернии остаются пассивными, нет смысла и цели. А потому партизаны просят военные власти о срочной высылке в Тарасово войск с артиллерией и тогда они с новыми силами будут твердо продолжать свое дело борьбы. В противном случае измученный партизанский отряд вынужден будет отступить от Тарасова, бросивши на произвол свои семьи во власть разбойников-большевиков, о чем и предупреждается военное командование союзными и русскими силами.

2. Санитарный отряд с медикаментами и перевязочными средствами или в крайнем случае фельдшер в Тарасово, немедленно.

3. Выдача партизанам полного солдатского пайка на все число партизан.

4. Обеспечение семей убитых в бою и живых, но бедных партизан продовольствием и вообще средствами к жизни.

5. Снабжение партизанского отряда теплыми вещами и обувью

6. Снабжение партизанского отряда телефонными аппаратами с запасными элементами и частями.

7. Керосин для освещения.

8. Приравнение партизан за время службы к солдатам или рабочим по укреплению позиций в смысле уплаты им жалования.

Уплачивать, и возможно скорей, населению Порецкой, Петровской и Церковнической волостей за выполняемые подводы для обслуживания войск Тарасовского фронта, рабочим по укреплению позиций, за доставляемое сено для лошадей и дрова для отопления помещений, занимаемых войсками, по примеру расчетов, производимых союзниками с соседними тыловыми волостями, как в Средь-Мехреньгской волости; за подводу с лошадей с человеком в сутки 16 руб. 20 коп. на казенном для человека пайке и собственным для лошади фураже, рабочему за

один день 6 руб. на казенном продовольствии, за сено 7 руб. пуд, за дрова от 25 до 35 руб. сажень.

При удовлетворении партизан и населения согласно просьбы их в п.п. 8 и 9 население не будет так нуждаться в открытии правительством все новых и новых кредитов, каковые принимаются населением Порецкой и Петровской волостей скрепя сердце и лишь только по крайней нужде.

Убедительная просьба партизан к союзному комитету снабжения об увеличении отпуска хлеба до 30 фунтов в месяц на человека крестьянам Порецкой и Петровской волостей, как наиболее пострадавших от красноармейцев и ввиду отсутствия всех родов овощей, грибов и ягод, а также мяса. На 15 фунтов население существовать не в состоянии.

Делегаты от Тарасовского партизанского отряда
крестьян Порецкой, Петровской и части Церковни-
ческой волостей Денис Потехин, Егор Харитонов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Вспомним, как в романе «Тихий Дон» старик Мелехов, возвращаясь из вынужденного «беженства», прихватывает имущество у жены красноармейца. Это была повсеместная практика: «своих» не трогали, а «чужих», например, семьи идеологических врагов, подвергали всевозможным «реквизициям». В Яренском уезде Вологодской губ. (совр. Архангельская обл.), находившемся на границе с Северной областью, совершавшими «рейды» белыми партизанами забиралось имущество именно в семьях красноармейцев и комиссаров. См.: Государственный архив Архангельской области. (ГААО). Ф.1837 (Яренский уездный исполком) Оп. 1, Д. 62 (Сведения о состоянии волостей, бывших в оккупации. 1919–1920 гг.)

См. об этом статью автора: *Трошина Т. И.* Пинежские «валеты». Восстание перевертышей в ноябре 1919 года // Родина. 2011. №2. С.93–97.

Так же поступали и вступившие по мобилизации или добровольно в белые подразделения: «При отступлении белых осенью 1919 г., многие солдаты скрывались в лесах; мы собрали из них отряд человек 50, в основном наших родственников, старших возрастов...» (ГААО. Отдел документов социально-политической истории (ОДСПИ). Ф.8660 Оп.3. Д.235. Воспоминания *Корзякина Е. Е.*, 1924 г.)

См.: *Новикова Л. Г.* Провинциальная «контрреволюция»: Белое движение и Гражданская война на русском Севере, 1917 – 1920. М.: Новое литературное обозрение, 2011; Таскаев М. В. Небольшевистские партии и Белая армия в Коми крае (1917–1920 гг.). Сыктывкар, 2000; Лестунов В.И. Вооруженные формирования и репрессивная политика большевиков и их противников на Европейском Северо-Востоке. 1918–1920. Сыктывкар, 2000; *Трошина Т. И.* Отряд капитана Орлова // Поморская энциклопедия: т. 5. Архангельск (в печати).

⁴ *Овсянник Е. И.* «Дело Максима Ракитина» // Отечество: краеведческий альманах. М., 2000. Вып. 19. С. 215–229. Архив УФСБ по Архангельской области. Д.П-17697 (Ракитин Максим Николаевич).

⁵ О стратегиях крестьянского населения см.: Скотт Дж. Оружие слабых: повседневное сопротивление и его значение. // Великий незнакомец: Крестьяне и фермеры в современном мире / Хрестоматия (сост. Т. Шанин). М, 1992; *Вольф Эрик Р.* Крестьянские восстания. // Там же.

⁶ «Белые агитаторы одурачивают местных крестьян обещанием хлеба, семян и проч. Некоторые несознательные крестьяне под этим влиянием идут за ними» (ГААО. ОДСПИ. Ф. 104.

Оп.1 Д.75-а. Л.49. Доклад [агитатора] о поездке в район оз. Кенозера в прифронтовую полосу. Июль 1919 г.; [Белые начали] «сманивать добровольцев, ... кому нечего было есть и соблазнившихся английскими консервами» (ГААО. ОДСПИ. Ф.8660 Оп.3. Д.235. Воспоминания Корякина Е. Е., 1924 г.); Создание белого партизанского отряда происходило, по мнению советского активиста, путем «покупки за булки, варенье, сигареты, френчи» (ГААО. ОДСПИ. Ф.8660 Оп.3 Д.7. Воспоминания П. Асеева, 1922 г.).

Рассказ белого партизана, уроженца Олонецкой губернии: «Был в Красной армии, добился кой-как месячного отпуска, приехал домой, присмотрелся. Смотрю, у красных дела худы. Насушил сухарей, ушел в Водлу, поступил в [белый партизанский] отряд. Кормят хорошо, одели» (Научный архив Карельского НЦ РАН. Ф.1. Оп.36. Д.54. Л.36. Воспоминания милиционера В.И. Моисеева, 1938 г.).

7 ГААО. ОДСПИ. Ф.8660. Оп.3. Д.116. Воспоминания Н. Д. Григорьева, 1925 г.; Д.181. Лл.46–47. Воспоминания Завелевича; Д.434. Воспоминания М. С. Пирогова.

8 *Пирогов М. С.* Борьба в Мехренге // Воспоминания о борьбе за Советы и гражданской войне в Емецком (Холмогорском) уезде. 1917–1920. Архангельск: Изд. Истпарта Архгубкома ВКПб, 1928. С.39.

9 Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ) Ф.3811 (Архангельский губернский правительственный комиссар СО) Оп.1 Д.38. Лл.15–16.

10 Описание подобных «оборонительных» (против диких зверей и разбойников) крестьянских отрядов см.: Куликовский Г.И. Из общинно-артельной жизни Олонецкого края. Петрозаводск, 1897. С.64–73.

11 Бартнев В. Новая власть. Переворот 5–6 сентября 1918 г. // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1919. №1–2. С.35.

12 В Архангельской губернии объединение советов рабочих и крестьянских депутатов произошло только летом 1918 года.

13 ГААО. Ф.272. Оп.1. Д.2 (Протокол Губисполкома от 8.03.1918 г.) Л.32.

14 ГАРФ. Ф.3695 (Отдел внутренних дел Временного Управления Северной Области) Оп.1. Д.72 (Сообщения, телеграммы временных уездных революционных комитетов о положении в Области...) Л.16 (Протокол общего собрания граждан Соломбальской волости Архангельского уезда ... 4 авг. 1918 г.)

15 ГААО. ОДСПИ. Ф.8660. Оп.3. Д.663. Воспоминания Ширяева А. Н.

16 ГААО. ОДСПИ. Ф.8660 Оп.3 Д.716. Обзор борьбы в Пинежском уезде. 1936 г.

17 ГААО. ОДСПИ. Ф.8660. Оп.3. Д.434. Воспоминания М. С. Пирогова.

18 Санкт-Петербургский Центральный государственный архив истории политических движений (СПб ЦГАИПД) Ф.4000. Оп.5. Д.587. Стенограмма (1933 г.) воспоминаний Свирина об участии в борьбе против иностранных интервентов на территории Архангельской губернии в составе 3 стр. полка особого назначения в 1919 г. Л.2.

19 ГААО. ОДСПИ. Ф.8660. Оп.3. Д.226. Воспоминания М. М. Киприянова.

20 ГААО. Ф.1837 (Яренский уездисполком) Оп.1. Д.62. Лл.37–53.

21 «Крестоватиками» называли активистов созданного в Архангельской губернии так называемого «национального ополчения». Оно состояло из людей непризывного возраста (до 18 и после 45 лет) и инвалидов; носили гражданскую форму, но на головном уборе прикрепляли знак Государственного ополчения императорской армии в форме креста – отсюда и название.

22 ГААО. ОДСПИ. Ф.8660. Оп.3. Д.774. Письма участников гражданской войны из Онежского р-на, 1969–1970 гг.

23 *Марушевский В.В.* Год на Севере (август 1918 – август 1919 гг.) // Белый Север, 1918–1920 гг. / Мемуары и документы: Вып. I / Сост. В.И. Голдин. Архангельск, 1993. С.263.

24 *Марушевский В. В.* Указ. соч. С.263, 237.

25 Вологодский областной архив новейшей политической истории (ВОАНПИ). Ф.1323. Оп.3. Д.145. Воспоминания П. Т. Савельева.

²⁶ Нередко подобные рейды из «красных» волосей имели цель вполне бытовую, например, забрать своих родных или, напротив, врагов, которым желали отомстить. Так, летом 1919 г. в пинежскую деревню из соседнего красного Лешуконского уезда пришла «разведка», при этом «Лыткин увел с собой жену и трех детей. Ребячий захватил и увел с собой в плен П. В. Рашева...» (ГАРФ. Ф.3811. (Архангельский губернский правительственный комиссар СО). Оп.1 Д.424 Л.110).

²⁷ *Добровольский С. Ц.* Борьба за возрождение России в Северной Области. // Белый Север, 1918–1920 гг. / Мемуары и документы: Вып. II / Сост. В. И. Голдин. Архангельск, 1993. С.100–101.

²⁸ В качестве приложения к этой статье помещен доклад о деятельности Тарасовского партизанского отряда. Вот как эта деятельность представляется по воспоминаниям красноармейца: «белые партизаны ...стали вокруг пошаливать. Когда болота просохли, белогвардейцы, в рядах которых было много тарасовцев, хорошо знавших местность, стали лесом ходить целыми отрядами на наши тыловые дороги и ловить всех проезжающих. Отряд под руководством местного белогвардейского офицера захватил возвращавшихся из командировки Фокина и Беданова и расстрелял...» (ГААО. ОДСПИ. Ф.8660 Оп.3 Д.434.). А вот информация бывшего «тарасовца», данная им на следствии: «Поступил в ряды белогвардейского партизанского отряда добровольно, так как мы шли за старыми работниками... Захватили обоз, расстреляли И. Я. Антонова, Н. С. Пирогова, убили барышню из Керги, вторую ранили в руку...» (Архив УФСБ по Архангельской области. Д.П–17950. Л.13).

²⁹ *Марушевский В. В.* Указ. соч. С.283.

³⁰ ГААО. ОДСПИ. Ф.8660 Оп.3 Д.434. Воспоминания М.С. Пирогова.

³¹ *Соколов Б. Ф.* Падение Северной Области. // Белый Север, 1918–1920 гг. / Мемуары и документы: Вып. II / Сост. В. И. Голдин. Архангельск, 1993. С.409.

³² ГААО. ОДСПИ. Ф.8660. Оп.3 Д.671. Воспоминания Щеголихина К. М.

³³ *Марушевский В. В.* Указ. соч. С.269.

³⁴ [В.Б.] Новая власть. Переворот 5–6 сентября. Конец 1918 года // Известия архангельского общества изучения Русского Севера (АОИРС). 1919. №1–2. С.35–36.

³⁵ Железнодорожная станция Плесецкая Архангельско-Вологодской железной дороги находилась под контролем советских войск; сюда доставлялись боевые подразделения, которые затем с помощью местных проводников из красных партизан двигались по лесным тропам к фронту – на р. Северная Двина, а оттуда на р. Пинега.

И. Я. Гайлит, командир партизанского отряда на Северной Двине. Предположительно из числа латышей, приехавших в 1915 году в Архангельск для работы в порту. В марте 1918 года прибыл в Холмогорский уезд в составе красногвардейского отряда, направленного Архангельским губисполкомом для подавления антисоветского восстания. В апреле избран членом Холмогорского уездного исполкома; после белогвардейского переворота – один из организаторов вооруженного сопротивления. (см.: *Макаров Н. А.* Военная интервенция и гражданская война на Севере России 1918–1920 гг.: энциклопедический биографический словарь. Кн. 1. Архангельск, 2008. С.85).

Копия дополнена расшифровкой, сделанной сотрудником партархива: «Х – вероятно, Хенрин Вас. П., дер. Наволок Тарасово, организатор Тарасовских белых партизан. С – Слепунин Александр, Наволок Тарасово».

³⁸ «вероятно, Труфанов Ив. Сем.» (расшифровка сотрудника партархива).

³⁹ «вероятно, Труфанов И. С. и прапорщик Пожетин или Пышитин» (расшифровка сотрудника партархива).

«ЗЕЛЕННЫЕ» ПАРТИЗАНЫ В ПОВЕТЛУЖЬЕ ПОСЛЕ ПОДАВЛЕНИЯ ВОССТАНИЯ 1918 ГОДА

С. В. Завьялова (Нижний Новгород)

1919-й – год зеленого движения во многих центральных губерниях России. После подавления осенних восстаний 1918-го года вооруженная борьба крестьян стала менее массовой, но зачастую – более организованной.

В Поветлужье (Варнавинский и Ветлужский уезды Костромской губернии) в 1919 г. тоже было беспокойно. Несмотря на то, что восстание 1918 г. здесь было подавлено частями Красной армии¹, многие повстанцы не сложили оружия и перешли к формированию антисоветских группировок, члены которых называли себя «зелеными», а властью именовались «бандитскими группами», и скрывались в глухих лесах Поветлужья. Особенно много их было в лесах, окружавших деревни Вахрамеевской волости Варнавинского уезда Костромской губернии.

Изучение этого сегмента зеленого движения невозможно без таких ценных источников по теме, как документы личного происхождения: воспоминания и письма, которые хранятся в основном в краеведческих музеях и мало востребовались исследователями. Это материалы, написанные рядовыми членами партии, ответственными местными работниками, воспоминания самих участников восстания. В них отражены факты становления советской власти в Варнавинском уезде, Ветлуге, Тонкине, Тоншаеве и ряде других населенных пунктов этого региона, говорится о кулацко-эсеровском восстании, которое бушевало в Уренском и Ветлужском крае, а также о деятельности группировок после подавления восстания. В описании событий присутствует оттенок личного, субъективного отношения.

Убийства советских и партийных работников, их родителей и лиц, просто сочувствующих советскому строю, убийства с истязаниями,

подбрасывание смертных приговоров и угроз, исходящих от «штаба елошской армии», ограбление железнодорожных станций, складов, касс и, наконец, обычных граждан, – вот что наполняло жизнь Уренского края в 1919 г.²

Заготовка хлеба оставалась главной задачей советской власти и в 1919-м году. Властью было принято решение провести новый учет хлеба. В Костромской губернии вся тяжесть продрозверстки опять пала на Ветлужский и Варнавинский уезды, в том числе на Уренский край. Продовольственные органы установили для каждого уезда и волости размеры поставок зерна, фуража и других продуктов.

Для проведения хлебной кампании 1919 г. в Уренский край из Костромы был направлен чрезвычайный комиссар А. А. Смирнов. Вооруженными продовольственными отрядами руководил уездный продкомиссар Полев, а отряды возглавляли И. А. Шишкин, Скатов, В. М. Сироткин и другие. Работники, посланные в волости, вне контроля со стороны уездных властей, нередко нарушали законы, попадали под влияние местных жителей. В докладе А. А. Смирнова о действиях руководителей продотрядов сообщалось: «Скатов Тонкинской волости и Шамин Черновской волости Варнавинского уезда Костромской губернии – эти господа настолько похожи один на одного в своих произволах, что думается, что они испечены из одного теста. Они настолько грубо и жестоко обращаются с жителями при исполнении своих прямых обязанностей, что население их побаивается. При встрече с ними граждане стараются укрыться в первый попавшийся закоулок. Кроме того, эти работники, а в частности Скатов, часто пьянствуют и в пьяном виде еще учиняют у граждан незаконные повальные обыски, которые в большинстве случаев производятся ими на личных счетах, заявлять же о подобных выходках в соответствующие органы власти крестьяне боятся. «Начальник» при учинении тех или других незаконных расправ с гражданами последним под угрозой смерти посредством расстрела строго наказывает не болтать». Вместо работы И. А. Шишкин, упродкомиссар Полев и уполномоченный упродкома Воробьев пьянствовали в Вахрамеевках и в селе Карпове Карповской волости Варнавинского уезда³.

В волостях Уренского района был произведен переучет хлеба. При этом в одной Тонкинской волости было подвергнуто аресту за укрывательство, растрату и спекуляцию хлебом около 100 человек⁴.

В сводках 1919 г. о партийной жизни в провинции и настроении населения сообщалось: «Отношение крестьян к коммунистам делается все более и более отрицательным. Причина – тяжесть нарядов, реквизиционных обложений⁵. Так было и в Поветлужье. Поведение советских работников обозлило население. Расправа продотрядов с уренскими крестьянами вынудила их направить ходоков с жалобой в Москву. На приеме у Ленина побывал Н. И. Дубенков, заведующий районной биб-

лиотекой села Тонкино Варнавинского уезда Костромской губернии. Н. И. Дубенков привез с собой в Москву 16 приговоров местных сельских обществ и два удостоверения (от начальника милиции и медицинское), подтверждающие факты насилия над крестьянами⁶. Это и избияния граждан железными цепями до изнеможения, грабежи, самочинные обыски, реквизиции имущества и скота, наполнение тюрем арестованными. Продотрядники забирали последние зерна хлеба из сусеков всех средних и бедных крестьян, не оставляя, конечно, нормы ни для посева, ни для прокормления скота. Многим крестьянам приходилось покупать зерно по спекулятивным ценам в соседней Вятской губернии⁷. Таким образом, Н. И. Дубенков жаловался, во-первых, на незаконный, с его точки зрения и с точки зрения пославших его крестьян, вывоз хлеба из волости, во-вторых, на расправу и насилие продотряда над местным населением⁸.

Описанные события отразились на политической ситуации в Поветлужье.

В 1919 г. налеты группировок повстанческой армии, укрывавшихся в основном в лесах, на селения Варнавинского и Ветлужского уездов Костромской губернии следовали одно за другим. Действовали уренская, роговская, хвоинская, ларионовская, емельяновская, воробьевская, полянская и другие группы. Им помогали скрываться в лесах зажиточные крестьяне⁹.

В Варнавинском и Ветлужском уездах зажиточные крестьяне пытались настроить крестьян на массовое выступление. Хотя крестьяне и не пошли на открытое выступление, обстановка оставалась тревожной¹⁰.

Наиболее многочисленной среди группировок повстанцев была группа, руководимая офицером Григорьевым. У него продолжительное время находился лидер движения в Поветлужье – «царь Уренского края» Иван Нестерович Иванов, его телохранитель Куракин, бывший городской голова Ветлуги Овчинников и ряд других активных деятелей восстания. Всего у Григорьева было не менее 40 человек, которые проживали в землянках. Другой значительной силой была группа, руководимая Михаилом Галочкиным, уроженцем деревни Большое Содомово Тонкинской волости Варнавинского уезда. Значительной популярностью среди повстанцев и «маток» (так называли зажиточных крестьян, оказывавших боевикам материальную поддержку) пользовался сподвижник Галочкина – Савелий Сидорович Куралов, уроженец деревни Рожниха Карповской волости Варнавинского уезда. Во время I мировой войны Куралов прославился как хороший разведчик. Он имел кошачью походку, и жители прилесных деревень рассказывали, что его замечали только тогда, когда он уже стоял посреди избы¹¹.

В заветлужской части, покрытой непроходимыми лесами, тянувшимися вглубь Вятской губернии, повстанцы оперировали под руководством

Васьки-гармониста. Он был опытным атаманом. Особенно часто Васька-гармонист нападал на водяные мельницы. На них съезжались крестьяне для размола ржи – основной для этих мест зерновой культуры. Повстанцы забирали мешки с мукой и заставляли помольцев везти их в свое логово. Каким образом удавалось Ваське-гармонисту уходить от преследования? Во-первых, он владел даром перевоплощения: при помощи париков и других предметов передевался в старика. Во-вторых, в небольших лесных поселках у него были помощники, которые давали повстанцам приют и подавали сигналы при приближении отрядов¹².

Оперативная сводка, поступившая в ВЧК 17 июня 1919 г., сообщала о том, что в Вахрамеевской и Тонкинской волостях временами появлялись до 5 тысяч зеленых при шести пулеметах и двух орудиях. Главнейшими организаторами назывались Иван Иванович Галочкин и Федор Филиппович Груздев (бывшие офицеры, которые являлись руководителями августовского восстания 1918 года в Варнавинском уезде)¹³.

Вахрамеевские группы повстанческой армии не без влияния «маток» были самыми негативно настроенными в отношении коммунистов, членов комитетов бедноты, волостных исполнительных комитетов и других лиц из партийно-советского и хозяйственного актива, а также против продотрядников. Иногда вахрамеевские группировки, совершая нападения на продовольственные отряды, на время объединялись между собой, и это делалось не без участия местного населения¹⁴.

Советский мемуарист так описывает деятельность зеленых. Вылавливать их группировки было очень трудно, так как леса заветлужья обширны, а отряды красноармейцев не были знакомы с местностью. Оружие повстанцы прятали в лесу, а мирным жителям не было ни выхода, ни выезда: на всех путях находились зеленые. Страшно было ездить и ходить. Зеленые останавливали людей, обыскивали их, отбирали у них все, узнавали, где находятся отряды красноармейцев и в конце били шомполами, а потом и убивали. Главной их задачей было убивать советских работников, которых они ненавидели. Были среди населения и те, кто предавал советских работников. Уренский край был объявлен на осадном положении. Вечером с 6 часов в деревнях запрещалось движение. Даже днем переход и переезд из деревни в деревню разрешался только по пропускам. Всюду были посты. Советские работники должны были знать пароль. Зеленые жили в лесах, в землянках. У них были закопаны кадки с мясом, отобранном у населения. Кроме того, они часто с пастбищ уводили коров, овец и в лесу кололи. В землянке было настоящее жильё: печка, где приготавливали себе пищу, необходимая посуда, постель. Об опасности зеленым сообщали «матки». Эти люди жили в деревне. Зеленые часто приходили в селения, требовали хлеба, мяса, масла и яиц. Назначали место сбора собранных продуктов. Их боялись, поэтому приказания выполнялись¹⁵.

В начале 1919 г. на территории Вахрамеевской волости Варнавинского уезда действовало около десятка группировок зеленых, в которых насчитывалось несколько сотен человек. Все группировки волости имели единое руководство в лице Золотарского – активного организатора Ярославского восстания. Эсер Золотарский (под псевдонимом Петроградского), хотя и имел свое постоянное пребывание в группе Галочкина, нередко посещал и другие группы, организуя связь зеленых с местными зажиточными крестьянами и торговцами. По распоряжению Варнавинского укома партии, уездного исполнительного комитета в Вахрамеевскую волость для проведения учета и изъятия излишков хлеба прибыл продовольственный отряд под руководством В. М. Сироткина. Отряд базировался в волостном центре – деревне Вахрамейки, где находился ссыпной хлебный пункт под руководством агента упродкома И. И. Матасова. Для охраны пункта Матасову была передана группа продармейцев из четырех человек. Сам же продовольственный отряд во главе с Сироткиным часто переходил из деревни в деревню, выявляя и конфискуя излишки хлеба у зажиточной части населения. Однажды отряд из 26 человек вышел из деревни Чердаки и к вечеру прибыл в починок Ларионовский, где расположился на ночлег. Ночью с 30 на 31 января 1919 г. зеленые, примерно 50–60 человек, руководимые сыном бывшего ветлужского земского начальника офицером Григорьевым, напали на прототряд. Прототрядники, размещенные на ночлег в разных избах по 3–4 человека, были захвачены глубокой ночью врасплох и не могли оказать серьезного сопротивления. Пленных зеленые в домах избивали, полураздетыми выводили на 30-градусный мороз и обливали холодной водой, а затем повели всех в лес. В глухом лесу вблизи старого Хвоинского спирто-порошкового завода и была произведена расправа¹⁶.

На следующую ночь в деревне Вахрамейки были схвачены заведующий ссыпным пунктом прототряда Иван Иванович Матасов, делопроизводитель Горохов и пять прототрядников. Вместе с ними взяли и дочь Матасова Варвару, которая частенько появлялась в отряде, выполняя роль связного с Варнавином¹⁷.

По воспоминаниям Варвары, группа зеленых состояла из 37 человек. Руководил ею Михаил Галочкин¹⁸. Остались в живых из прототрядников Иван Григорьевич Сухарев и Иван Васильевич Зайцев¹⁹. Первого февраля в Варнавине была получена из Русских Краев Вятской губернии телеграмма о случившемся, – туда удалось бежать двум раненым прототрядникам Зайцеву и другому с места убийства. Яранский отряд немедленно прибыл на место происшествия, были произведены первые аресты. Со второго на треть февраля прибыли члены Варнавинской уездной чрезвычайной комиссии с отрядом. Седьмого февраля прибыл Я. К. Кульпе с отрядом в 15 человек и сотрудниками комиссии губчрезвычайкома, в тот же день, только с другого направления, прибыл отряд

отдельного пехотного батальона Костромской губернской чрезвычайной комиссии в количестве 160 человек под командованием комбата Куколкина. Тотчас начались обыски и аресты, были расставлены посты на дорогах для проверки проезжающих и проходящих, так как дознанием устанавливалось, что участники расправы рассыпались по разным направлениям под видом мешочников и пробираются в Вятскую и Нижегородскую губернии²⁰.

Для расследования в феврале 1919 г. в Вахрамеевской волости работала специальная комиссия Ревтрибунала, возглавляемая председателем Костромской губчека Я. К. Кульпе²¹. Вот что он вспоминал о поветлужских событиях: «Восьмого февраля 1919 г. я выехал на место, где были убиты товарищи. Это в двух верстах от починка Ларионовского. Они были увезены уже на следующий день после убийства, как показывает Сидоров, версты на три влево, на месте убийства видны были в разных местах кровь, куски одежды, часть черепа, замерзшие мозги, ободранные стертые валенки, на них лапти. Каждая раскопка в снегу открывала все более и более страшную картину убийства. Там же видна была береза, у которой сожгли связанного инструктора продотряда Сироткина. Только 12 февраля удалось получить данные от одного из извозчиков, перевозивших от места убийства 19 трупов. У всех были связаны мочалом руки на спине. Труп же Сироткина без одежды, весь был сожжен»²². На место убийства Матасова с группой выехал товарищ Булочников. Там нашли пять трупов. Трупы были изуродованы до неузнаваемости, многие добиты топорами. Из убитых самый младший – это мальчик 14 лет, только недавно окончивший школу и принятый Матасовым в качестве писца²³.

«Вся работа в виду бытовых условий края была очень тяжелой. Со стороны населения не было оказано содействия и то доверие, которое к нам проявляли некоторые крестьяне, было получено после долгих усилий», – вспоминал Я. К. Кульпе²⁴.

В результате расследования А. М. Шишкиным, А. Ф. Барковым и Анисимовым²⁵ выяснилось, что убийства были совершены бедняками, дезертирами, – участниками Уренского восстания. Организаторами этого убийства были И. Д. Лебедев, Ананий Галочкин и офицер Фунтов. Они провели несколько собраний в починке Хвоинском Карповской волости Варнавинского уезда Костромской губернии и призывали к более широкому восстанию. Пятнадцать человек, принимавших участие в убийстве продотрядников, было поимано и расстреляно, среди них организатор Иван Лебедев, Лавров; Галочкина и Фунтова поймать не удалось²⁶.

В письмах жене председатель Костромской губчека Кульпе давал такую характеристику положения в Уренском крае. «Темнота непроглядная, темнота кругом. Кроме священных книг, а у детей учебников – ничего не увидишь. Учителя жалуются, что навстречу никто не идет, население

равнодушно к культурной работе. И как только получается возможность культурного воспитания, все бегут из этих краев. Мы приехали и живем каким-то особым миром. Сколько мы ни стараемся сойтись с населением, редко увидишь отношение как к равному себе, а то какое-то низкопоклонство. Свою задачу не могу определить. Искоренить в корне все, что тут творится, не удастся. С одной стороны, требуются строгие меры, с другой – видишь, что тут требуется культурная работа, работа обширная. Нужно поставить и советскую работу. Уезд кого посылает, это неудовлетворительно. Партийных работников из губернии не видно. Говорят, были агитаторы, но какая была их работа, что они сделали? Здесь придется пожить несколько недель»²⁷.

Кульпе докладывал: «Кроме выше изложенного нападения мы обнаружили нить, имеющую связь с ограблением Советов Вятской и Нижегородской губерний, по реке Ветлуге, Воскресенску, Вознесенску. Нами были арестованы извозчики, которые возили грабителей, поймали троих Кузнецовых, укрывающихся повстанцев августовского восстания, был арестован Мазин с сыном, лесник Романов и лесничий Конардов, которые были обвинены в том, что держали связь с повстанцами, хранили после августовского восстания оружие, оставленное отступающими отрядами, и передали его повстанцам. Всего Губернскому Трибуналу было передано 11 дел. Выездная Комиссия свое дело кончила, но самое дело не кончено, оно будет продолжаться долго. Нами были приняты все меры, но искоренить существующее зло нам не удалось. Для этого требуется кроме репрессивных мер усиленная культурная работа. Сюда необходимо посылать не только партийных, советских, но и просто культурных работников, которые упорно безостановочно долбили бы камень и тем уменьшили бы возможности во всякое время возникнуть новым волнениям. Прежние инструктора, советские работники очень часто не отвечали своему назначению и частью виноваты в том, что совершилось в Уренском крае. Еще раз подчеркиваю, что на этот край Костромской губернии необходимо обратить все внимание»²⁸.

По сообщениям костромской «Советской газеты» и варнавинского «Коммуниста», повстанцами были ограблены железнодорожные станции Урени, Обхода и Усты, а также Носовское и Полянское лесничества, Михайловская трудовая артель, Большая Содомовская, Большая Ларионовская лавки потребительских обществ, Ашкельдинская и Ерунинская водяные мельницы. Ограблены также десятки граждан, убиты политкомиссар Кузнецов, агент сыпного пункта Мягков, лесной сторож в починке Ларионовском Петухов с женой, крестьяне Павлинов и Виноградов²⁹.

Активность группировок Уренского края имела тесную связь с положением на фронтах гражданской войны. В зависимости от перемены военного счастья активность группировок то вспыхивала, то угасала³⁰.

Во время весеннего 1919 года наступления войск А. В. Колчака уренские зажиточные крестьяне, ожидая со дня на день падения советской власти, помогали группировкам «держаться и не сдаваться». Характерный штрих: отряд при чрезвычайной комиссии во время облавы обнаружил землянку, в которой имелись следующие запасы: мяса 12 возов, сала и масла 30 пудов, разных круп 38 мешков, а также много одежды, обуви и предметов домашнего обихода. Эти запасы были сделаны одной из зеленых группировок на зимний период 1919–1920 гг.³¹

В мае 1919 г. в Уренском крае усиливалась деятельность зеленых, они грабили приезжающих. В Вахрамеевках группа зеленых насчитывала 50 человек, население лесных деревень ей помогало. Зеленые вступили в перестрелку с отрядом Курбатова. В Семеновской волости Варнавинского уезда Костромской губернии убиты бывший судья Уралов и Махов, вышедшими из лесу зелеными произведены массовые убийства и грабежи. В Тонкинской волости Варнавинского уезда Костромской губернии зеленые появлялись открыто³², начальник отряда Кирженко докладывал, что в Тонкинской и Семеновской волостях Варнавинского уезда Костромской губернии в лесах находятся зеленые, совершают налеты и грабят жителей, в починке Ларионовском окружена группа зеленых, из которых 1 убит, трое задержаны. Красные командиры требовали кавалерию из 30 человек³³.

В мае 1919 г. в г. Кострому приезжал уполномоченный ВЦИК А. В. Луначарский. Краем «постоянной Вандеи» он назвал в 1919 г. Варнавинский и Ветлужский уезды Костромской губернии³⁴. Губисполком 30 мая 1919 г. направил в города Варнавин и Ветлугу телеграмму об амнистии всем рядовым участникам августовского (1918 г.) восстания, происходившим из рабочих и крестьян, при условии их добровольной явки. Жителям Уренского края также объявлялась амнистия, но поскольку многие из них имели оружие, ставилось условие о непрременной сдаче его при явке. Подлежали амнистии и офицеры, однако судьба каждого из них решалась президиумом уездного совета совместно с ревтрибуналом. Телеграмма была подписана руководством губисполкома и Луначарским. Срок явки определялся до 1 июля 1919 г. В начале июня в эти уезды выехала комиссия ЧК во главе с М. В. Задориным³⁵. В своем выступлении член губчека Задорин сообщал: «В Варнавинском и Ветлужском уездах Костромской губернии действия зеленых и дезертиров приняли угрожающие размеры. В Уренском крае в каждой волости есть свои шайки «зеленых», а в некоторых волостях и несколько групп. Повстанцы организуют группы и убеждают местное население, что «зеленые» – реальная сила свержения Советов, отмены учета хлеба. Отряды из Ветлуги, Костромы, а также небольшая Варнавинская выездная районная ЧК 16 июля были сосредоточены в Вахрамеевской волости Варнавинского уезда Костромской губернии, как наиболее пораженной «зелеными»

и наиболее настроенной против советской власти. Они проводят разведку, а по ночам оцепляют целые деревни и лесные участки, где находятся «зеленые». Иногда происходят столкновения. В Ларионовском починке была накрыта группа в 40 человек, но кто-то предупредил «зеленых», и основная масса их скрылась. В перестрелке с этой группой был убит один и двое ранено. «Зеленые» применяют тактику дробления крупных групп на мелкие и таким образом избегают разгрома, скрываются, установлено, что «зеленые» имеют постоянные связи с семьями. Тогда мы стали брать из их семей заложников, отбирать скот и имущество. Вскоре кое-где «зеленые» и дезертиры стали выходить из лесов и сдаваться ЧК добровольно. Поступают сведения о распаде многих групп, но окончательно искоренить и оздоровить население данного края от «зеленых» не представляется возможным. Как бы рациональными и решительными не были наши усилия, они всюду наталкиваются на преграды, чинимые самим населением, которое содействует «зеленым». Мы стали проводить по волостям митинги и собрания, разъясняя крестьянам в беседах, что такое советская власть и каковы ее задачи. От солдат наших отрядов требовали корректного и гуманного отношения к населению. Подводы для передвижения отрядов брали с большой осторожностью. Всеми мерами старались расположить к себе крестьян, чтобы пробудить в них осознание долга и необходимости борьбы с «зелеными»³⁶.

Советская власть выпускала воззвания к крестьянам, с угрозами зеленым и призывами уничтожить дезертирство³⁷. Однако население оставалось глухим к словам, можно было слышать такой разговор: «Что вы нас пугаете расстрелами. Сами подержите под арестом и отпустите». Агитационная работа не приносила результатов³⁸.

В докладе начальника милиции по Варнавинскому уезду сообщается о призыве ко всем милиционерам тесно сплотиться, чтобы никакая группировка не смогла победить их организацию³⁹. При этом выяснилось, что сам начальник милиции Варнавинского уезда Черногоубов сотрудничал с зелеными, – снабжал группировки предметами военного снаряжения⁴⁰.

Леса надежно укрывали зеленых, сильна была и поддержка крестьян Уренщины. Борьба с повстанческой армией требовала привлечения значительных боевых сил. При непосредственном участии губвоенкома Н. А. Филатова в Костроме сформировали почти сплошь из добровольцев спецотряд, предназначенный для борьбы с повстанцами в Уренском крае. Командование отрядом было поручено коммунисту Василию Федоровичу Лоскутову. Отряд передали в распоряжение Костромской губчека. В мае 1919 г. он прибыл в Уренский край. Штаб отряда расположился в Урене. Взводы, на которые делился отряд, были расквартированы по волостям Уренщины – в основном в Вахрамеевской, Семеновской, Карповской волостях Варнавинского уезда, являвшихся центрами сосредоточения остатков повстанческих сил⁴¹.

Лоскутовцы начали боевую работу в сложной обстановке. От открытой схватки с бойцами повстанцы уклонялись, они рассредоточивались по лесным массивам мелкими группами, при удобном случае совершали оттуда налеты на поселения, иногда, объединившись в крупные группы, даже – на волостные центры. Местное население этими действиями было запугано до крайности.

На первых порах отряд лоскутовцев состоял в основном из костромичей. Почти все они впервые попали в Уренский край, плохо знали местность, население и, разумеется, не знали в лицо ни одного из скрывающихся участников восстания 1918 года. Часто, по воспоминаниям очевидцев, встретив человека, успевшего снять с себя оружие и спрятать его, красноармейцы принимали его за обыкновенного крестьянина и иногда даже пытались выяснить через него местонахождение повстанцев⁴².

Штаб роты в своей деятельности делал упор на привлечение в качестве агентов наиболее верных советской власти местных крестьян. Это было нелегким делом, – помощь бойцам могла обернуться для крестьянина смертью от повстанцев. В. Н. Голубев вспоминал: «Мы не раз получали от «зеленых» «поклоны», что для нас приготовлены крепкие осины и веревки, чтобы нас повесить. Мы все лето 1920 г. по ночам прятались и спали в овинах, банях, где придется»⁴³.

Но кропотливая и упорная работа Лоскутова и работников штаба сделала свое дело: к 1920 г. уже почти во всех более или менее крупных селениях штаб роты имел своих верных людей, передававших в отряд ценную информацию, спасшую десятки жизней, предупредившую не один налет. Связь штаба с этими людьми держалась в строжайшей тайне, в которую были посвящены только командиры и некоторые работники штаба. Помощь местного населения позволяла отряду осуществить ряд решительных и результативных операций, наносить чувствительные удары по повстанцам. Однажды летом 1919 г. Лоскутов получил от одного из своих агентов донесение, что довольно крупная, человек в 60, группа выступила через Хмелевицкую волость Ветлужского уезда на Ветлугу с целью ограбления там склада с оружием. В распоряжении Лоскутова в момент получения донесения находилась группа бойцов, численно меньшая, чем у повстанцев. Вооружение же было примерно одинаковым – трехлинейные винтовки и бутылочные бомбы. Но командир принял решение идти, не дожидаясь подкреплений, наперерез повстанцам и дать им бой. Бойцы встретили группу в Хмелевицкой волости как раз на том месте, где впоследствии вырос город Шахунья. Решительным натиском красноармейцы обратили группу в бегство и долго ее преследовали. Лоскутовцам удалось ликвидировать ряд повстанческих убежищ в лесах, изолировать «маток» в селениях Большие и Малые Воробы, на станции Котомино, в починках Судаковском, Сидоровском, Ларионовском

и других. В течение 1919–1920 гг. в результате неожиданных облав были уничтожены и выловлены небольшие группы повстанцев⁴⁴.

В Вахрамеевской волости Варнавинского уезда Костромской губернии из бедняков и середняков окружающих деревень и починок была создана вооруженная дружина по борьбе с зелеными численностью 75 человек. Командиром был Никольский, а политкомиссаром Василий Иванович Оборин⁴⁵.

Необходимо было решить вопрос об имуществе, инвентаре, земле и хлебе, оставшихся после семей зеленых и их «маток», выселяемых за пределы Уренского края. Имущество, живой и мертвый инвентарь поступали уездному земельному отделу для снабжения в первую очередь неимущих с передачей оставшегося в совхозы и в совнархозы. Земля поступала в общественную обработку, хлеб частью шел на содержание арестованных для покрытия займа из отпускаемого пайкового продовольствия, остальное сдавалось уездному земельному отделу. Ни в коем случае нельзя было допустить, чтобы что-нибудь шло в сельские советы или волостные исполнительные комитеты⁴⁶.

С 10 февраля 1919 г. по 1 марта 1920 г. через губернскую комиссию по борьбе с дезертирством прошло 58 741 человек. С наступлением весенних полевых работ можно было ожидать нового витка развития дезертирства, что предполагалось пресекать доведением агитационной работы до каждой деревни. В Варнавинском и Костромском уездах отмечались шайки зеленых-дезертиров. Взгляд на комдезертир населения оставался враждебным ввиду их активной деятельности с июня 1919 г., с наложением штрафов за укрывательство дезертиров. Для выдворения дезертиров из деревни признавалось необходимым иметь вооруженную силу в непосредственном распоряжении комиссий по борьбе с дезертирством. При появлении отряда в том или другом районе население предупреждало дезертиров, чтобы последние успели укрыться или перекочевать временно в другой район. Конфискации имущества привели к тому, что дезертиры старались пережить облавы дома, не показываясь на улицу. Костромской губкомдезертир считал наиболее продуктивным сочетать репрессивные и агитационные методы, в том числе постоянно оперировать вооруженными отрядами, создавая давление на злостных дезертиров⁴⁷.

Постановлением Костромского губернского исполнительного комитета от 28 мая 1919 г. была объявлена полная амнистия всем рабочим и крестьянам, участникам августовского восстания. Срок явки был объявлен со дня опубликования постановления в печати до 1 июля 1919 г. За это время на сборные пункты прибыло 1153 человека, в том числе из Уренского края 306 человек⁴⁸.

Тем не менее, окончательно успокоить мятежный край большевикам не удавалось.

Для донесения о действиях повстанческой армии и о настроении крестьян в 1920 г. Костромской губернской чрезвычайной комиссией был направлен в Варнавинский и Ветлужский уезды адъютант Вознесенский с группой. Вот что он писал: «Выйдя из Ветлуги вечером 5 мая, переночевав в лесу, мы пришли в деревню Холкино Уренской волости Варнавинского уезда Костромской губернии. Дойдя до Уренской волости Варнавинского уезда, я был вынужден объяснить цель своего приезда начальнику отряда товарищу Крутову и дать указания в каком направлении действовать. Получив нужные мне сведения, мы вышли из Уреня 8 мая по направлению к Вахрамеевской волости, где я узнал из разговоров с крестьянами, что население находится в возбужденном состоянии. В ночь с 9 на 10 мая мы были в Вахрамейках, попутно расспрашивая крестьян обо всем, что происходит в волости. Проходя от Ветлуги и до Вахрамеек в качестве военнопленных, возвращающихся из плена, можно указать на то, что ни один отряд или милиционер не поинтересовались, кто мы такие и откуда идем, довольствуясь нашим устным объяснением, что мы идем из плена. Из всего этого можно заключить, что «зеленые» в Вахрамеевской волости свободно разгуливают по всем направлениям. Грабежи происходят, чуть ли не ежедневно. Мы узнали, что в селе Урень проживает около 10 «зеленых», среди них М. В. Москвин организатор восстания в 1918 г. Он выходит из группы «зеленых», гуляет на свободе, может снова организовать восстание, так как за ним нет никакого надзора. По словам лесничего, Москвин каждую неделю ходит в Ветлугу, рискуя за это лишиться свободы, так как он обязан подпиской никуда не отлучаться из Уреня»⁴⁹. Успешная борьба с зелеными затруднялась малочисленностью отрядов и отсутствием кавалерии. Группы зеленых в Вахрамеевской волости состояли из отдельных шаек численностью в 15–25 человек, каждая группа имела свое место сбора, – одну из деревень. При приближении отряда к деревне, в которой укрывались зеленые, крестьяне подавали условные знаки, и те скрывались в лесу⁵⁰.

Следующий этап решительной борьбы советской власти с зелеными наступил весной 1921 г. Постановлением президиума Костромского губернского исполкома от 11 мая 1921 г. начальником выездного оперативного отдела по подавлению Уренского восстания был назначен И. П. Матвеев, а командиром всех отрядов, выделенных для осуществления операции, – командир 475 полка Корнев, который вскоре был заменен комбатом того же полка – Назиным. Постановлением предусматривалось: «... выделить для боевых операций из разных частей войск и милиции до 400 человек, хорошо вооруженных и обученных». Четырнадцатого мая 1921 г. на заседании президиума Костромского губчека был утвержден личный состав оперативного отдела, принято решение о выделении 1 миллиона рублей для осуществления операции и поставлена задача в срок до 2 месяцев

ликвидировать группы в Уренском крае. Шестнадцатого мая 1921 г. губком партии объявил мобилизацию тридцати коммунистов от десяти уездов Костромской губернии. Варнавинский уезд, как наиболее заинтересованный, должен был выделить десять человек.

Приняв 100 красноармейцев 52-го полка (общая численность войск к этому времени составляла 540 человек), получив продовольствие и легкую мануфактуру для поощрения осведомителей, отряд в ночь на 21 мая 1921 г. двинулся к месту назначения – в село Урень-Трехсвятское Варнавинского уезда. По пути следования начальник захал в Нижегородскую губчека, где после переговоров ему в помощь был выделен отряд в 100 человек и 2 сотрудника: сотрудник губчека Власов и следователь Гришагин, из Воскресенского политбюро был командирован Крюков. Варнавинский уком РКП(б) выделил отряду во временное пользование пулемет «льюис».

Отряд в ночь с 1 на 2 июня 1921 г. прибыл в Урень. Начальник оперативного отдела И. П. Матвеев решил создать отдел политического просвещения со следующими задачами: поднятие боеспособности отрядов, пробуждение сознательности и дисциплины красноармейцев и просвещение крестьян уезда путем устройства митингов и беседований, использования сходов, собраний, праздников⁵¹.

В приказе по отрядам, оперирующим в Уренском крае, Семеновская, Уренская, Карповская, Тонкинская, Черновская и Вахрамеевская волости были объявлены на осадном, остальные волости – на военном положении. Всякое движение по улицам и полям воспрещалось. Это решение было санкционировано постановлением президиума Губисполкома 28 июня 1921 г. Также было решено выпустить воззвание к повстанцам, объявить неделю добровольной явки повстанцев и их укрывателей 19–28 августа 1921 г. со сдачей всего оружия, боеприпасов, указанием складов продовольствия, выдачей не желавших добровольно явиться. Добровольно явившиеся должны были получить условное осуждение Ревтрибунала, после чего отпускались домой для мирного труда. По истечении последнего дня явки предполагалась беспощадная борьба совместно с крестьянами, организованными в дружину, охраняющую деревни от набегов повстанцев⁵².

На территории Варнавинского и Ветлужского уездов проводились митинги, создавались кружки, общества, распространялись лозунги, чтобы привлечь население для борьбы с зелеными. В своем отчете о проделанной работе начальник политического отдела губчека и ответственный секретарь бюро партии И. Е. Попов писал: «Что было сделано? Была создана опора – база в политической работе: инструкторы политического отдела, кружки, общества... Благодаря грандиозной работе нами было проведено за четыре месяца до 150 митингов, на них было до 3–4 тысяч граждан... мы приняли все меры к тому, чтобы заинтересовать

мужика советской работой: устраивали открытые заседания исполкомов, составляли отчеты, доклады». Цель этих мероприятий состояла в том, чтобы ликвидировать повстанцев и привлечь как можно больше местного населения для борьбы с ними. Крестьян призывали ловить зеленых «как куропаток», организовывать против них боевые дружины, доказать, что уренский крестьянин отныне «не тот, кто был в 1918 году»⁵³.

Призывы обращались не только к местному населению, но и к самим скрывающимся повстанцам. Неделя добровольной явки с 19 по 28 августа 1921 г. объявлялась последней, после чего упорствующим не стоит ждать пощады⁵⁴.

В результате объявленных амнистий сдались и были допрошены участники групп «Кондобаевской» и «Афонасьевской».

При допросе Веселовым 24 августа 1921 г., следователем выездного отдела Костромской губернской чрезвычайной комиссии, гражданина деревни Афонасьево Семеновской волости Варнавинского уезда Костромской губернии Садофия Яковлевича Булатова, 20 лет, выяснилось следующее. Арестованный скрывался в группе с мая 1919 г. и все время был в «Афонасьевской группе» численностью 8 человек. Определенных руководителей не было, но больше всего исполняли приказаний Лукояна Павловича Веселова из деревни Афонасьево. Группа, в которой скрывался, иногда сходилась с емельяновской. Например, в первых числах августа вместе ходили доставать хлеб в деревне Быструхе Вахрамеевской волости. Группы знает следующие: емельяновскую – 12 человек, вахрамеевскую – 10 человек, семеновскую – 5 человек, хвоинскую (численность не знает) и 3 ходивших отдельно от групп – Замашкин, Вахламов, Ульянов. В группу ушел под влиянием брата, который скрывался в лесах с 1918 г., хотя и слышал об амнистиях, но не выходил из-за недоверия. Связь с зелеными осуществлялась путем записок, которые клались в лесу на определенные места, и посылкой доверенных лиц, сведения об отрядах сообщал начальник милиции в селе Семенове – Иван Емельянович. Условным знаком при снятии постов в деревне при переходе в лес являлись свистки. Отношение группы к советской власти было враждебное в продовольственном вопросе и отборе продовольствия продотрядниками подталкивало и их отбирать это продовольствие у крестьян для того чтобы прокормиться. Особых политических целей группа не преследовала и не могла стоять на той или иной политической платформе в виду темноты. Вступая в группу, Булатов получил от брата Лаврентия винтовку и 80 патронов. О снабжении группы оружием и патронами крестьянами и тем или иными советскими работниками не известно. Булатов бежал из-под конвоя (при ночлеге в деревне Петрове) и вновь вступил в группу. Брошенную красноармейцем винтовку и 20 патронов получил от крестьянина Сергеева. Одежду, обувь, белье, продовольствие поставляли крестьяне исключительно силой оружия, лиц же, которые бы привозили

вышеуказанные предметы, не было. Ограбления совершались в следующих местах за время пребывания в группе: 1) в 1920 г. весной взят овес 130 п. и 20 п. соли, обоз следовал от деревни Ярунихи к Носовой Семеновской волости Варнавинского уезда Костромской губернии, в ограблении принимала участие и емельяновская группа. Овес и соль были поделены в лесу, овес был смолот и развезен по домам. Булатову с братом досталось 13 п. овса и около 2 п. соли; 2) в 1920 г. летом (участвовали Булатовы С. и Л., Алипов, Степанов, Веселовы) взята и заколота корова, которую вели женщины в Красные Баки; 3) теми же участниками взята и заколота корова, которую вел мужчина в Красные Баки; 4) в деревне Кокша у крестьянина было взято 7 рубашек, 2 пары сапог; 5) в деревне Михайлово взята корова; 6) в 1920 г. осенью на перевозной мельнице к селу Урень у мельника была взята корова, 3 свиньи, петух, 4 рубашек и материя на шаровары. Участвовали те же за исключением Степанова и Алипова, но с участием Лебедева, Бархатова, Соловьева, Малышева, Козлова; 7) 1920 г. зимой в деревне Михайлово – 3 шубы, полотенца, валеные сапоги; Булатовым достались шуба, 2 полотенца, сукна 7 аршин; 8) 1920 г. зимой у деревни Морква взяты у сапожника 3 пары валеных сапог, участвовали те же; 9) в 1921 г. от Ионихи к Дерину свалено 17 возов пшеницы, с каждого воза было взято по 2 мешка, остальные были оставлены, с которыми извозчики поехали дальше. Насколько известно, часть пшеницы была украдено извозчиками. Отнятую пшеницу увезли в лес за деревню Аксеново и потом разделили по 3 мешка на человека; 10) в 1921 г. в деревне Березники взят ягненок, употребили в пищу. Группа больше всего оперировала около деревень Ионихи, Лапатина, Кондабаево, больше всего заходили в деревню Иониху. Разведки не было, так как было видно самим движение по волостям отрядов. Часто сведения давал крестьянин деревни Ионихи Иван Иванович Смирнов. Все награбленное раскладывали по кучам по количеству лиц, принимавших участие, и потом кидали жребий. Подложных документов, бланков ниоткуда не получал. Весной в 1920 г. в деревне Ярунихе было убито членами группы двое продагентов, Веселов и Белов; в июне 1921 г. около деревни Кошурино убит красноармеец Сергеев. Около села Урень убито трое крестьян⁵⁵.

Второго сентября 1921 г. следователем был допрошен участник «Кондабаевской группы» Малышев Лукоян Ананьевич 25 лет, который показал, что по ликвидации Уренского восстания пришлось скрываться, чтобы не получить сурового наказания. Находился в группе кондабаевских зеленых в количестве 5 человек, но нередко жили в лесу и с афонасьевскими зелеными. Главарей и руководителей не было, все предпринимали с общего согласия. Помимо указанных группировок, в пределах Семеновской волости Варнавинского уезда есть группа зеленых емельяновских. Всего в группе около 30 человек, есть группа Полянской Вахрамеевской

волости, слышал о группе зеленых М. Галочкина, но их не знает. Строго определенной связи между группами не было, на случай если кого-нибудь из них поймают, знающие должны были класть записки на условные места. Связи с советскими служащими также не было, за исключением милиционеров И. Емельянова и Ф. Окунева, последний сообщал через свою сестру Лукерью Ивановну села Кондабаева о передвижении отрядов. Зеленые всегда заставляли эти вести сообщать. И. Емельянов сообщал о передвижении отрядов и обозов хлеба через письменные сообщения. Лично с группой не сходил. Помимо этих двух писал записки Трофим (хромой) из Семенова, который один раз послал записку с сообщением, что предпринимается с семьями зеленых. Со стороны крестьян сообщников не было, все, что они делали, только «под силой оружия». За время пребывания в группе с момента восстания до 24 августа 1921 г. было произведено ограблений при участии Малышева: первый грабеж был произведен в деревне Ярунихи Семеновской волости Варнавинского уезда Костромской губернии, разграблен обоз овса, возов около 7, увезен за деревню Ионику. Второе ограбление было произведено в селе Носовой 1920 г. весной, где было взята соль, деньги, ограбление произошло без всякого посредничества со стороны граждан, убийств не было. Третий грабеж был на перевозе близ села Семенова 1920 г. осенью, ограблена мельница, взято несколько пудов муки, корова, 3 поросят. Четвертый грабеж – на железнодорожной станции около деревни Минеевка, ограблен склад муки осенью 1920 г. Пятый грабеж произведен в деревне Морхве, где были ограблены 3 сапожника, взято 3 пары вальных сапог, шерсть. Шестой грабеж был в деревне Михайлово, ограблено несколько граждан, взят хлеб, самовар. Седьмой грабеж был совершен совместно с вахрамеевскими группами в деревне Поляна и деревни Большое Содомово, ограблены трудартелы и граждане, взято 10 пудов овса и одежда (весна 1921 г.) Восьмой грабеж был зимой 1921 г. близ деревни Иониха, ограблен обоз с пшеницей, о передвижении этого обоза сообщил И. Емельянов. Девятое ограбление в деревне Березовке, где было взято несколько пудов хлеба у граждан. Все награбленное имущество было разделено между всеми поровну, и каждый хранил его в лесу. Никаких документов не имели. Крестьянство относилось несочувственно, было всегда под угрозой оружия. Причиной выхода послужила амнистия или неделя добровольной явки⁵⁶.

Так рисовалась повседневная деятельность зеленых группировок.

Председатель ВЦИК М. И. Калинин ввел постановление по первомайской амнистии, из которой исключались активные зеленые, наряду с некоторыми другими категориями⁵⁷.

К 1 октября 1921 г. группировки «зеленых» в Уренском крае были ликвидированы. За три месяца оперативной работы через отдел прошло 696 человек. Из них дезертиров – 70, осужденных ревтрибуналом к высшей

мере наказания – 29, на различные сроки заключения – 59, условно – 31. Расстреляно при попытке к бегству – 6, при боевых операциях – 8 человек, ранено – 1, скрылся – 1. Отправлено в Кострому в распоряжение губчека – 38, передано ревтрибуналам – 162 человека. Освобождено под подписку – 250, за прекращением дела ревтрибуналом – 4, отправлено ревтрибуналом в Кострому для отбывания наказания – 37 человек. В число 696 арестованных не входили 34 зеленых, явившихся в неделю добровольной явки. Всего было открыто группировок зеленых, землянок и шалашей – 24. Отобрано боевого оружия: винтовок русских – 67 штук, японских – 6, итальянской системы «ватерли» – 2, револьверов системы «наган» – 15 штук, «браунинг» – 2, «смит-вессон» – 6, «лефоше» – 6, старых пистолетов – 2, патронов – около 2 тысяч штук⁵⁸. Варнавинским отделением Костромского Губернского Революционного трибунала были признаны виновными в тесной связи с зелеными и в активном участии их укрывательстве жители Семеновской волости Варнавинского уезда: Курков П. И., Рыбакова Н. С., Бурова К. М., Смирнов Е. С., Брызгалов И. Е., Звездочкин А. С., Рыбаков Е. С., Мильков П. П., Вихарев Г. А.⁵⁹ Принимали лично активное участие в вооруженных массовых грабежах и находились в группе зеленых более двух лет граждане Вахрамеевской волости Варнавинского уезда деревни Малые Воробьевы Сысой Кондратьев Малышев, той же волости починка Полянского Федор Петрович Уткин. Их приговорили к расстрелу. Осужденные подали кассацию, признавая участие в группировке зеленых, но отрицая участие в грабежах⁶⁰. Приведем некоторые примеры участия и соучастия в зеленом движении из трибунальских дел. Гражданин Тонкинской волости Варнавинского уезда Костромской губернии деревни Прыткова И. Я. Базанов признан виновным в приобретении для «зеленых» 120 штук боевых патронов и приговорен 5 октября 1921 г. к лишению свободы на 10 лет. Гражданин села Урень В. Г. Смирнов приговорен к 10 годам за незаконное хранение боевых патронов и сбыт их частному лицу с целью «извлечения для себя продовольствия». Гражданин Карповской волости, деревни Большое Сидорово Г. Е. Оленев приговорен к лишению свободы на 8 лет за связь с зелеными и участие в грабеже. Бывший милиционер Тонкинской волости Варнавинского уезда деревни Большое Ларионово приговорен к лишению свободы на срок 10 лет за связь с зелеными и вооруженном ограблении совместно с ними железнодорожной станции⁶¹.

Осуждены губернским революционным трибуналом и содержались в лагере: Сидоров Л. И. 11 октября 1920 г. – за хищение продовольствия со склада на 3 года 4 месяца, но в результате амнистии срок сокращен до 2 годов 2 месяца 20 дней, из лагеря освобожден с переводом на принудительные работы без содержания под стражей; Метелкин Г. И., Логинов А. Я., Шатров Б. И., Смирнов Н. Д. по постановлению от 11 июля 1921 г. за систематическое хищение почтовых посылок осуждены на 3 года,

срок сокращен до 1 года 6 месяцев; Задоров Н. И. по постановлению от 26 февраля 1921 г. за поджоги, хищение и растрату денег и пьянство осужден на 5 лет, но 17 января 1921 г. из лагеря освобожден с переводом на принудительные работы; Андреев Р. А. – за спекуляцию осужден на 20 лет, по амнистии срок сокращен до 3 лет 4 месяцев, 18 января переведен на принудительные работы без содержания под стражей⁶².

Губернский суд 21 и 22 ноября 1923 года слушал дело об уренских группировках. Среди подсудимых было 21 человек в возрасте от 18 до 65 лет. Суд приговорил к расстрелу – М. С. Галочкина, С. Е. Куралова, Ф. И. Мамонтова-Антонова, Я. И. Зарубина, И. М. Вихарева, З. В. Скворцова и А. Ф. Нестерова. Остальные были осуждены на различные сроки тюремного заключения⁶³.

Большинство повстанцев являлось добровольно, но нападения, кражи, растраты продолжались вплоть до 1924 г. Налеты после 1922 г. совершались мелкими группировками. Повстанцы нападали по ночам на проезжающих, угоняли скот, а днем жили в деревне. Такой оказалась, например, «Редькина группа» в деревне Вязовка Тонкинской волости Варнавинского уезда Костромской губернии⁶⁴.

Сочетание военных, чекистских и агитационных мероприятий на фоне разворачивавшегося нэпа принесло свои плоды.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. подр.: *Завьялова С. В.* Крестьянское восстание в Поветлужье. 1918 г. Нижний Новгород: изд-во НИУ РАНХ и ГС, 2014.

² Государственный архив новейшей истории Костромской области (ГАНИКО). Ф.383. Оп.2. Д.42. Л. 23.

³ Доклад о настоящем положении настроений крестьянских масс Уренского края члена Варнавинской Уездной чрезвычайной комиссии А. А. Смирнова: машинописн. текст / Шахун. народ. фольклор.-этнограф. музей (г. Шахунья Нижегородской обл.). С. 1.

⁴ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.1235. Оп.94. Д.320. Л. 60б.

⁵ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф.17. Оп.5. Д.166. Л. 1.

⁶ Материалы полемики о причинах уренского контрреволюционного восстания: машинописн. текст / Тонк. народ. краевед. музей (Тонкино Нижегородской обл.). С. 4.

⁷ *Лившин А. Я., Орлов И. Б.* Власть и общество: Диалог в письмах. М.: РОССПЭН, 2002. С. 160.

⁸ Материалы полемики о причинах уренского контрреволюционного восстания. С. 4.

⁹ *Беседин А.* Как организовалась у нас советская власть: машинописн. текст / Тонк. народ. краевед. музей. Тонкино, 1957. С. 3.

¹⁰ *Андреев В. М.* Под знаменем пролетариата: (Трудовое крестьянство в годы гражданской войны). М.: Мысль, 1981. С. 48.

¹¹ *Зуйков М. С.* Бандитизм в Тонкинском районе как наследие Уренского контрреволюционного восстания: машинописн. текст / Тонк. народ. краевед. музей (Тонкино). С. 5–6.

¹² *Симонов Н. И.* Работали, и воевали... // Горьковская правда. 1982. 28 марта.

¹³ Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939. Документы и материалы в 4 томах. Т.1. С. 140.

- ¹⁴ Зуйков М. С. Бандитизм в Тонкинском районе как наследие Уренского контрреволюционного восстания... С. 7.
- ¹⁵ Селовская З. А. Воспоминания об Уренском мятеже / Краснобаковский народный исторический музей. (Красные Баки Нижегородской обл.). С. 5–7.
- ¹⁶ Зуйков М. Ларионовская трагедия // Красное знамя (Тонкино). 1978. 18 марта.
- ¹⁷ Дурандин М. Они были первыми // Новый путь. (Варнавино Нижегородской обл.). 1989. 31 янв.
- ¹⁸ Из истории Уренского восстания. Воспоминания Варвары Ивановны Матасовой (записал А. Балдин); рукоп. / Варнав. истор. худож. музей. Варнавино. С. 2.
- ¹⁹ Суровая память // Новый путь. Варнавино. 1968. 20 янв.
- ²⁰ Государственный архив Костромской области (ГАКО). Ф. 6. Оп. 3. Д. 68. Л. 112об.
- ²¹ Монахов Д. Г. Прогулка по музею. Исторические очерки по материалам Варнавинского историко-художественного музея. 1995. С. 51.
- ²² ГАКО. Ф. 6. Оп. 3. Д. 68. Л. 114.
- ²³ Убийство продотрядников в Урень-крае, воспоминания очевидцев // Советская газета. 1919. №87–88. 12–13 апреля.
- ²⁴ ГАКО. Ф. 6. Оп. 3. Д. 68. Л. 114.
- ²⁵ Новый путь (Варнавино). 1989. 31 января.
- ²⁶ Доклад председателя Уездной чрезвычайной комиссии товарища Боркова А. о контрреволюционном выступлении в Вахрамеевской волости и расстреле продотрядников: машинописн. текст / Тонк. народ. краевед. музей. Тонкино. С. 3–4.
- ²⁷ Мамонтов В. Письма революционера // За коммунизм. Урень. 1969. 25 декабря.
- ²⁸ ГАКО. Ф. 6. Оп. 3. Д. 68. Л. 114об., 115об.
- ²⁹ Шумлов М. Страницы истории // За коммунизм. Урень. 1977. 15 октября.
- ³⁰ Минников В. Страницы истории (Ликвидация остатков контрреволюционного мятежа в Урень-крае в 1918–1921 гг.) // Красное знамя. Тонкино. 1974. 6 февраля.
- ³¹ Шишкин А. М. Как организовалась советская власть в Варнавинском уезде: машинописн. Текст. 1957 / Тонк. народ. краевед. музей. Тонкино. С. 12.
- ³² ГАКО Ф. 6. Оп. 3. Д. 68. ЛЛ. 207, 210, 211.
- ³³ ГАКО Ф. 1114. Оп. 1. Д. 4. Л. 95.
- ³⁴ Материалы полемики о причинах уренского контрреволюционного восстания. С. 4.
- ³⁵ Лапишина М. А. Гражданская война в Костромской губернии (1918–1919 гг.) // Костромская земля. Краеведческий альманах Костромского общественного фонда культуры. Вып. 4. Кострома, 1998. С. 215.
- ³⁶ Соболева А. М. Выступление М. В. Задорина: рукоп., 1968 / Ветлуж. краевед. музей (Ветлуга Костромской обл.). С. 1–7.
- ³⁷ ГАКО. Ф. 1114. Оп. 1. Д. 4. Л. 212.
- ³⁸ Соболева А. М. Выступление М. В. Задорина... С. 8–9.
- ³⁹ Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф. 319. Оп. 4. Д. 3. Л. 382.
- ⁴⁰ ГАКО. Ф. 1269. Оп. 2. Д. 2. Л. 27.
- ⁴¹ Красное знамя. Тонкино. 1974. 12 февраля.
- ⁴² Зуйков В. «Третья отдельная ...» // Красное знамя. Тонкино. 1967. 5 октября.
- ⁴³ Голубев В. Н. Воспоминания участников событий 1918 – 1922 годов в Тонкинском районе: машинописн. текст / Тонк. народ. краевед. музей. Тонкино. С. 4.
- ⁴⁴ Красное знамя. Тонкино. 1967. 7 октября.
- ⁴⁵ Зуйков М. С. Бандитизм в Тонкинском районе как наследие Уренского контрреволюционного восстания. С. 16.
- ⁴⁶ ГАКО. Ф. 1269. Оп. 2. Д. 1. Л. 62.
- ⁴⁷ ГАКО. Ф. 6. Оп. 3. Д. 68. ЛЛ. 132об., 133.

- ⁴⁸ *Шумилов М.* Памятная дата // За коммунизм. Урень. 1985. 17 сентября.
- ⁴⁹ Москвин был приговорен ревтрибуналом 21 марта 1921 г. к 10 годам лишения свободы, согласно декрету Совнаркома срок сокращен до 5 лет. ГАКО. Ф.13. Оп.3. Д.104. Л. 2.
- ⁵⁰ ГАКО. Ф.1269. Оп.2. Д.66. Л. 19.
- ⁵¹ *Рябинин А.* Как ликвидировали крестьянское восстание в Уренском крае // Политический собеседник (Кострома). 1990. №12. С. 19–20.
- ⁵² ГАКО. Ф.1269. Оп.2. Д.1. ЛЛ. 41, 57об.
- ⁵³ ГАНИКО. Ф.383. Оп.1. Д.41. ЛЛ. 29, 45, 25, 23.
- ⁵⁴ Там же. Л. 28.
- ⁵⁵ ГАКО Ф.1269 Оп.2. Д.69. ЛЛ. 5об., 11об., 12.
- ⁵⁶ ГАКО Ф.1269. Оп.2. Д.7 ЛЛ. 19об., 20об.
- ⁵⁷ ГАКО. Ф.1269. Оп.2. Д.2. Л. 84.
- ⁵⁸ *Рябинин А.* Как ликвидировали крестьянское восстание в Уренском крае... С. 21.
- ⁵⁹ ГАКО. Ф.1269. Оп.2. Д.1. Л. 49.
- ⁶⁰ ГАКО. Ф.1269. Оп.2. Д.1. Л. 98.
- ⁶¹ ГАКО Ф.1269. Оп.2. Д.2. Л. 27.
- ⁶² ГАКО Ф.1269. Оп.2. Д.2. Л. 35.
- ⁶³ *Шумилов М.* Памятная дата // За коммунизм. Урень. 1985. 1 октября.
- ⁶⁴ *Зверев Г. С.* Уренское восстание, август 1918 года: рукопись, 1966 г. / Шахун. Народ. фольклор-этнограф. Музей (Шахунья Нижегородской обл.) С. 9.
-

«БАНДА ЮШКИ» И ЗАБЫТАЯ КНИГА

С. Ю. Хламов

(Юрьев-Польский Владимирской обл.)

Некоторое время назад в России была переиздана, на мой субъективный взгляд, уникальная книга. И уникальность её в том, что сейчас, в начале XXI века, это настоящий бестселлер, огромная редкость, впрочем, как и в конце, и в середине прошлого столетия. Об этой книге многие слышали, а вот прочитать или даже просто подержать в руках довелось далеко не каждому. И это несмотря на то, что как только роман «Зелёная зыбь» увидел свет, он сразу же получил широкую известность. Так о чём же книга? Почему после огромной популярности она оказалась в глубоком забвении?

В первые годы советской власти Юрьев-Польский уезд Владимирской губернии, где разворачиваются события романа, стал ареной отчаянной и бескомпромиссной борьбы представителей новых порядков и тех, кого эти порядки не устраивали. Среди последних в основном оказались зажиточные крестьяне, бывшие купцы, торговцы средней руки, которых на землях Владимиро-суздальского ополья было немало.

Антикрестьянская направленность политики военного коммунизма, выражавшаяся в продовольственной диктатуре, продразвёрстке, государственной монополии на хлеб, а также массовая мобилизация в 1919 году в Красную Армию превратили крестьянское сопротивление новым советским властям в постоянный фактор Гражданской войны. В информационных сводках того периода регулярно отмечалось, что основная масса крестьянства к советской власти и коммунистической партии относится отрицательно, а местами даже враждебно. Недовольство часто выливалось в открытые выступления – вооружённые восстания и мятежи.

Другой формой крестьянского протеста были повстанческое движение и бандитизм. Крестьяне, недовольные властью, дезертировали из воинских частей, и уклонявшиеся от призыва уходили в леса, где объединялись в

вооружённые отряды для борьбы с коммунистами. «Зелёная армия», как себя называли повстанцы, громила советские и партийные учреждения, убивала большевиков, милиционеров, активистов и сочувствующих новому режиму, совершала налёты на колхозы и сельскохозяйственные кооперативы. В разорённой войной стране, в которой царили голод, промышленная разруха, товарный дефицит, новая власть ещё слабо контролировала ситуацию на местах, а уголовный и политический бандитизм принял широкий масштаб.

Участники восстаний, скрываясь от преследования, уходили в леса и образовывали там банды, которые, кроме борьбы с советской властью, совершали преступления и чисто уголовного характера. Шайки разбойников вливались в состав «Зелёной армии». Основой для бандформирований всех оттенков являлись дезертиры. По своему социальному положению они большей частью представляли собой зажиточные слои деревни, стремившиеся, как и прежде, зажить спокойной, «хозяйской» жизнью.

«Зелёные» не имели чёткой политической программы. Их основные требования сводились к защите крестьянства от власти коммунистов путём уничтожения последних. Часто «зелёных» пытались использовать в своих интересах белогвардейцы и политические противники большевиков, прежде всего эсеры. К концу Гражданской войны «зелёное» движение приняло откровенно уголовный характер. «Зелёные» в своих действиях практически ни чем не отличались от многочисленных преступных банд, так же терроризируя мирное население.

Более детально рассмотреть перипетии тех событий, их причины и следствия, нам помогли следующие исторические источники. Их, к сожалению, немного, но они относятся к довольно широкому спектру. Во-первых, это документы, касающиеся деятельности карательных органов местной власти, хранящиеся в Государственном архиве Ивановской области. В широкий оборот они не вовлечены, за исключением редких монографий по истории данных организаций. Интересную информацию дают и средства массовой информации тех времён, причём как местные (юрьев-польская газета «Юрьевские известия. Орган Юрьев-Польского Совета Рабочих, Крестьянских и Красноармейских Депутатов»), так и центральные (газета «Правда»). Очень любопытным документом являются воспоминания свидетелей указанных событий, хранящиеся в музее ОАО «Юрьев-Польская ткацко-отделочная фабрика «Авангард» (не опубликованы) и две тетради воспоминаний Д. Молчанова, которые хранятся в фондах Гаврилово-Посадского муниципального краеведческого музея города Гаврилов Посад Ивановской области. Они также не опубликованы, и в исторический оборот введены нами впервые. И ещё один документ заслуживает нашего внимания. Это публикация в юрьев-польской районной газете «За коммунизм» бывшего учителя местной

средней школы № 3 В. С. Горбачёва под названием «Краеведы ведут поиск». Публикация относится к 1979 году и интересна тем, что её автор вместе со своими учениками совершил пеший поход в некоторые населённые пункты округа, тем или иным образом задействованные в означенных нами событиях. Этому походу сопутствовал опрос остававшихся ещё тогда в живых свидетелей времён первых лет советской власти.

Данная наша публикация на указанную тему не единственная. Первая попытка обозначить проблему «зелёного» движения в Юрьев-Польском уезде была предпринята в очерке «Тимофей Дмитриев и «тяпкина война»¹, а уже более серьёзный анализ с большим количеством подробностей нашел своё отражение в книге².

В начале изложения уместно вспомнить сложившуюся весной 1919 года на территории Центральной России обстановку и вскользь заглянуть в деревенский быт.

Как повествует свидетель тех далёких событий Д. Молчанов, оставивший потомкам письменные воспоминания под названием «Банда «Юшко» и её злодеяния» и «От злодеяний банды «Юшко» к её ликвидации», написанные в 1973 – 1974 годах, «на деревенский быт накладывала тяжёлый, гнетущий отпечаток разруха... Не было в продаже товаров первой необходимости: обуви, одежды, сахара, керосина, спичек, соли. Советские денежные знаки... обесценивались с каждым днём...

«Керенки», вышедшие из употребления, порхали по деревням как ненужный хлам, старые банкноты «Катюх» (так называли сторублёвые банкноты) можно было видеть приклеенными на заборах в виде «украшений».

По деревням блуждали группами и в одиночку мешочники, прибывающие из городов для обмена своих пожитков на хлеб и картошку.

А в это время ползли зловещие пророчества, слухи... о скором и неминуемом падении Советской власти.

В унисон всему этому вечерами ходили по деревням парни и под хриплые звуки гармошки горланили песенки с антисоветским мотивом...»

Антикоммунистические силы совместно с дезертирами ещё летом 1918 года подготовили мятеж в крупном торговом селе Аньково Юрьевского уезда Владимирской губернии. Это был настоящий торговый центр, где пересекались важнейшие торговые пути, которые вели из Ярославля во Владимир, Суздаль, Юрьев-Польский. Там и были созданы боевые дружины, приобретено оружие и даже назначен день начала мятежа. Но выступление оказалось сорванным вооружённым отрядом, прибывшим как раз перед его началом из Владимира. Мятеж не удался, а его зачинщики, как выразился Д. Молчанов, «...попрятались по тёмным углам и выжидали удобного момента в надежде на победу ярославского мятежа, но и эти надежды не сбылись. Мятеж в Ярославле был подавлен.

Всего скорее, из тех боевых дружин, которым не удалось применить оружие в подготовленном летом 1918 г. мятеже и зародилась банда». Но о ней рассказ ещё впереди.

Новой власти для упрочения своих позиций необходима была сильная военная опора. Поэтому в 1919 году началась масштабная мобилизация в ряды Красной армии, добавившая, в свою очередь, в российскую жизнь обеспокоенности и напряжения.

«Вдруг как раскат грома, – продолжает вспоминать Молчанов, – потряс деревенский быт слух о том, что пришёл приказ о мобилизации. Призывались в Красную Армию люди молодых возрастов.

Некоторые из тех, кому следовало явиться на призывной пункт, главным образом, – неустойчивые и подпавшие под влияние распространяемых антисоветских слухов, вымыслов и пророчеств, – уклонялись от явки на призывные пункты, предпочитая «выждать», отсидеться дома где-нибудь на чердаке или в сарае, некоторые уходили в лес».

Весной – летом 1919 года призыв в Красную Армию, проводившийся в период сельскохозяйственной страды, вызвал массовое дезертирство. К середине июня во Владимирской губернии, судя по архивным данным, насчитывалось около 13 с половиной тысяч покинувших воинские расположения и не явившихся на призывные пункты. Особенно много дезертиров скопилось в районе между сёлами Мирславль, Бережок, Аньково и Сваино. Большое их количество дестабилизировало положение. Объединяясь с крестьянами, недовольными политикой большевиков, в банды, они совершали нападения на советские учреждения, убивали активистов, грабили кооперативы, магазины и склады.

Под призыв попадали и сыновья местных кулаков, которые уклонялись в первую очередь. А их отцы устраивали саботаж, так как не хотели продавать хлеб на нужды государства по установленным твёрдым ценам. В ответ на такие действия кулаков в стране была введена продразвёрстка. Чтобы выявить и отобрать излишки хлеба у богатых крестьян, в деревнях создаются комитеты бедноты. Они оказывали помощь продотрядам, которые и занимались изъятием этих излишков. Кулаки же поддерживали тесную связь с дезертирами, помогая им продовольствием и оружием.

Продовольственные отряды забирали у крестьян практически всё зерно, оставляя им лишь минимум, необходимый только для выживания. На плодородных землях Юрьевского ополья основная часть селян была довольно зажиточна, и такая политика советской власти не могла не вызвать резкого протеста.

6 мая 1919 года был опубликован приказ о призыве в армию граждан 1899 года рождения. В связи с неявкой большого количества призывников на призывные пункты издаётся другой приказ – об очистке в кратчайший срок Юрьевского уезда от дезертиров.

Для борьбы с уклонистами в Аньково было решено направить отряд из выzdоравливающих красноармейцев и комсомольцев-добровольцев в количестве 36 человек.

Однако дезертиры, в очередной раз предупреждённые заранее, скрылись в лесу. Отряд красноармейцев и комсомольцев остановился в двухэтажном здании местного волисполкома. Как и было задумано, из числа близких родственников жителей села, скрывавшихся от призыва, и солдат, дезертировавших из своих частей, по приказу командира отряда в Анькове были взяты заложники. Арестованных поместили на первом этаже волисполкома.

Дезертиры быстро узнали, что в селе из числа их родственников появились заложники, что их охраняют всего 8 молодых красноармейцев и комсомольцев, а другая часть отряда ушла на поиски скрывшихся в лесу. Беглецы дополнительно вооружились, разгромив волостной военкомат и один из призывных пунктов. Попутно они разоружили волостной совет и двух милиционеров. С этим «багажом» на подводах дезертиры прибыли в Аньково. Было их около сотни человек.

О том, что случилось дальше, мы узнаём из статьи газеты «Правда» (№ 132 от 20 июня 1919 года), которая также освещала те события. В публикации читаем следующее: «...в ту же ночь дезертиры вышли из лесов и пришли в Аньково. Они двинулись под руководством фельдшера-предателя Смолина. Он постучал в окно, где спали красноармейцы, и попросил открыть. Молодёжь, не подозревая того, что имеет дело с предателем, открыла дверь. В это время ворвалась банда дезертиров...», которые напали на охрану и в ходе короткой схватки обезоружили отряд и освободили пленников. «Когда начали выпускать заложников, – вспоминает другой очевидец тех событий Н. М. Пучков, – один из арестованных ударил кулаком красноармейца, другой – выхватил у него винтовку. С этого и началось...»

Повстанцы захватили Аньково, заняв почтовую контору, обрезав телефонные провода, и колокольным набатом собрали толпу селян у волисполкома. Последние подумали, что где-то полыхает пожар, но увидев расправу над бывшими охранниками заложников, приняли участие в избиении. Красноармейцы подверглись жестоким издевательствам. Некоторые из них пытались бежать, отстреливались, но силы были неравные. Одному комсомольцу – Акимову – спастись всё же удалось. Будучи раненым, он сумел избавиться от преследователей. Пятерых полуживых солдат – Сорочкина, Николая Людина, Харитонова, Бурмистрова и Фатеева – аньковцы свалили в яму и закопали.

Правды ради, нужно заметить, что существует ещё одна, абсолютно противоположная официальной, описанной в традиционной советской печати и историографии, версия расправы над молодыми красноармейцами. А суть её в том, что приехавшие борцы с дезертирством оказались

слишком охотливыми до аньковских девушек и женщин, и те, не желая такого «пристального внимания» со стороны «гостей», попросту закололи их ночью сонных вилами. Местные же мужики завершили расправу.

Ещё одной жертвой аньковской трагедии стал агент реквизиционного отряда Иван Антипин, приехавший в то же время в село для сбора хлеба у крестьян на нужды армии. Добровольно хлеб отдавать, что вполне естественно, никто не хотел, поэтому Антипину приходилось прибегать к обыскам. Сходки аньковцев в селе проходили постоянно, и одну из них Антипин решил посетить, разведав тем самым обстановку. Но в толпе его узнали, схватили и обезоружили. Схватившие реквизиционера стали решать, что же с ним делать. Воспользовавшись такой заминкой, Иван Антипин побежал к огородам. За его спиной послышались выстрелы. Один из них достиг цели, ранив беглеца в руку. Перелезть через забор с такой раной он не сумел. Через несколько минут настигнутый одним из дезертиров Антипин был застрелен.

21 мая из Юрьев-Польского, Тейкова и Шуи прибыли карательные отряды. Общая численность карателей составила 150 человек.

Мятежники сначала решили оказать сопротивление, но потом предпочли укрыться в лесу.

Тела погибших комсомольцев были доставлены в Юрьев-Польский. Вот что вспоминала сестра убитого красноармейца Фатеева: «Когда привезли убитых в Юрьев-Польский, на теле брата, по рассказам матери, было множество ран, нанесённых штыком или вилами. У Людина голова была разрублена пополам. Следы зверств были на теле и других убитых».

Как рассказывает исследователь тех событий В. С. Горбачёв: «День похорон превратился в траур всех жителей. С утра улицы были заполнены народом. Около здания Совета была вырыта большая могила. На всём протяжении пути [траурной процессии]... стояли люди, скорбя о безвременно погибших. Чем дальше продвигалась процессия до братской могилы, тем плотнее становились толпы людей.

Печально звучал траурный марш. За гробами шли родственники погибших и руководители города.

Прозвучали залпы салюта... На могиле был установлен деревянный трёхугольный памятник со звездой...»

Расследованием аньковских событий занялась специальная следственная комиссия во главе с председателем Владимирской губЧК Громовым. По данным следственных органов, в мятеже приняло участие более 80 человек, которые были задержаны. 18 дезертиров, захваченные с оружием в руках, расстреляны на месте. Позднее, в феврале 1920 года, приговором Владимирского губернского революционного трибунала 85 участников восстания были приговорены к различным срокам тюремного заключения и денежным штрафам.

Основные же руководители мятежа – Ефим Скородумов и Василий Стулов, о которых речь ещё впереди, – скрылись после его подавления на территории Ярославской губернии.

В лесах Ростовского уезда они оборудовали себе базу: построили землянки и блиндажи, пополнили ряды банды местными крестьянами. Работы велись при соблюдении строжайшей тайны в лесных урочищах и в глухих, поросших кустарником оврагах. Некоторые блиндажи были построены на «скорую руку», то есть неосновательно. Но те, в которых бандиты рассчитывали отсидеться в трудное время и сохранить запас награбленного, покрывались бревенчатыми накатами, изнутри обшивались сухим тёсом. А самое главное, они были умело замаскированы. Как правило, эти подземные дезертирские гнёзда охранялись надёжными и проверенными людьми.

Тем временем ещё в одном крупном торговом селе Юрьевского уезда – Сима – во главе с ответственным работником местного князя Голицына Никандром Крюковым создаётся повстанческий штаб, который разогнал совет и выпустил воззвание. В нём предписывалось всем крестьянам в возрасте от 16 до 65 лет вооружиться и идти на Юрьев. В случае неподчинения каждому грозил расстрел, а также сожжение домов. Священники округа поддержали восставших. В Симе состоялся молебен и благословение.

Утром 11 июля (28 июня по старому стилю) толпы мятежников разгромили военкоматы в волостных сёлах Сима, Паршино и Петрово. А затем вошли в Юрьев-Польский.

О подготовке к захвату этого города и начале выступления подробно рассказывается в № 19 за июль 1919 года юрьев-польской газеты «Юрьевские известия»: «Юрьевские события 11 июля не явились неожиданностью. Уже вскоре после Аньковского выступления в некоторых деревнях, населённых кулаками и контрреволюционным элементом, устраивались сходки, на которых выносились постановления о неподчинении тем или иным распоряжениям Советской власти... Начиная с половины июня, всё время чувствовалось, что в уезде назревает нечто неопределённое и вместе с тем грозное. Объединившиеся дезертиры при помощи кулаков, попов и малосознательных крестьян вели упорную контрреволюционную пропаганду и постепенно, день за днём, стягивали свои силы. В их распоряжении были вестовые, поддерживающие связь между сёлами, конные разведчики и целая система сигнализаций, начиная с рожка пастиуха и кончая колокольным звоном.

Накануне событий в селе Горках состоялось совещание, где было решено двинуться на Юрьев в ночь на 11 июля. Движение началось в селе Березники Горкинской волости и постепенно охватило всю волость, а затем разлилось по Симской и Никульской волостям, к которым примкнули отчасти Паршинская, Новосельская, Ильинская и Петровская волости.

Толпы вооружённых дезертиров двинулись вместе с примкнувшими к ним крестьянами под предводительством контрреволюционеров и кулаков к Симской дороге». Среди руководителей захвата Юрьев-Польского следует отметить уже упоминавшегося нами жителя Симы Никандра Крюкова, а также эсера из Горок Павла Альбицкого и белогвардейцев, которых в уезде никто, кроме организаторов восстания, не знал, но которые жаждали реванша после неудачи их восстания в Ярославле.

«На дороге, – далее рассказывается в статье «Юрьевских известий», – к толпе восставших присоединились новые толпы вооружённых дезертиров и крестьян с дубинами, топорами и вилами в руках. В деревнях, где население отказывалось примкнуть к восстанию, дезертиры грозили пожаром и расстрелами, и таким путём вербовали в свои ряды новые сотни крестьян.

Когда толпа достигла нескольких тысяч, её построили таким образом, что впереди и по сторонам шли вооружённые дезертиры и контрреволюционеры, середину занимала беспорядочная толпа кое-как вооружённых крестьян, а сзади снова шли с винтовками и примкнутыми к ним штыками дезертиры, главная обязанность которых заключалась в том, чтобы следить за «мобилизованными». Сбор повстанцев состоялся у церкви села Красное, которое располагается в непосредственной близости от Юрьев-Польского, где и было организовано построение. Штаб захватчиков города оставался там же.

Более детально узнать, как разворачивались события в самом Юрьев-Польском в тот летний день 1919 года, накануне большого православного праздника во имя святых первоапостолов Петра и Павла, нам поможет «Информационная сводка №1510/4403 по делу контрреволюционного восстания в г. Юрьев-Польском Владимирской губернии», составленная заведующим секретно-оперативным отделом Иваново-Вознесенской губЧК А. Чистовым через пять дней после захвата города.

«В 8 часов утра 11 июля, – начинается сводка, – участковая транспортная чрезвычайная комиссия при станции «Иваново» сообщила, что из Юрьева получена срочная телеграмма о выступлении там дезертиров, точное количество которых не установлено, но ликвидировать восстание местными средствами, безусловно, не представилось возможным, а поэтому была необходима спешная помощь со стороны. По получении этого сообщения губчека приняла все зависящие от неё меры для помощи юрьевским товарищам коммунистам, которые, несмотря на их малочисленность, с героизмом, как после выяснилось, сдерживали натиск восставших банд».

К тому времени, когда иваново-вознесенские чекисты узнали о юрьевском мятеже, город уже был захвачен зелёноармейцами. Ещё ранним утром, примерно в 6 часов, толпы мятежников вошли в Юрьев-Польский. По разным источникам, их численность составляла от 2 до 12 тысяч человек.

Участники мятежа сначала напали на артиллерийский склад, располагавшийся на самой западной окраине Юрьева. Охрана артсклада, состоявшая из четырёх десятков крестьян, при первых же выстрелах в панике разбежалась. Восставшие здесь захватили несколько тысяч винтовок, десятков револьверов и патроны к ним. Также они похитили кассу и оружие в уездном военном комиссариате, разгромили клуб коммунистов.

Далее мятежники обстреляли позиции отряда, которым командовал уездный военный комиссар. Потом восставшие начали ловить большевиков и сажать их в тюрьму, предварительно выпустив из неё находившихся там до этого преступников.

«К часу дня, – читаем далее в информационной сводке А. Чистова, – отряд из 180 человек был сформирован и отправлен. С отрядом от губчека были посланы: инспектор особых поручений и 2 комиссара».

Мятежники смогли удержать власть в городе в своих руках только в течение нескольких часов. И это несмотря на то, что восстанием руководили профессиональные военные, а действия восставших порой, с военной точки зрения, отличались грамотностью и хорошей подготовленностью. В этот же день город был взят правительственными войсками. При штурме Юрьев-Польского по официальным данным погибли десять красноармейцев и двадцать мятежников. Часть из последних была расстреляна на месте.

В подавлении мятежа принимали участие довольно крупные силы. Кроме указанных ивановцев «в двести штыков с тремя пулемётами», из Владимира им на помощь отправились 250 человек с пулемётами, а из Никульской волости – отряд и батальон ВОХР под командованием Лебедева. Позднее в Юрьев из Москвы прибыл отряд ВЧК с артиллерией и броневым автомобилем. Подоспел и отряд из Александрова.

Зачинщики восстания во главе достаточно крупного отряда покинули пределы Юрьев-Польского, а согнанные ими крестьяне просто разбежались.

Вывод из всего произошедшего ивановский чекист Чистов сделал такой: «Восстание в Юрьеве было не случайным... то не было и восстанием дезертиров, а чисто контрреволюционное, даже не эсеровской марки, а погромно-черносотенской, кулацкой, что вполне объяснимо, если принять во внимание социальное положение крестьян Юрьевского уезда, где преобладающее большинство «среднячки», считающие керенки не по количеству, а по весу. Дезертиры же играли жалкую роль той массы, за спиной которой организаторы восстания скрывали свою физиономию и свои безумные планы, роль той же массы играли и обманутые ими тёмные крестьяне, часть которых пошла добровольно, а часть под страхом расправы, так как вооружённые банды людей ходили и разъезжали по окрестным деревням созывали собрания, предлагали идти на Юрьев, кто этого не хотел делать, того гнали силой и силой же в Юрьеве вооружали. Но самое это вооружение происходило неумелой рукой, вернее то, что делалось в артскладе, нельзя назвать вооружением,

там был грабёж этих винтовок и грабёж спешный, не организованный, это видно из того, что приходилось задерживать людей, у которых были русские винтовки, а патроны к ней были «ГРА» или винтовки системы «Витерли», а патроны японские и т. д., пулемёты, благодаря того, что они были в разобранном виде, не были взяты.

При побеге многие винтовки бросали и уже это показывало, что они их мало интересуют, а просто эти несчастные, тёмные люди были обманом втянуты в эту преступную авантюру.

Считая восстание как совершившийся факт, подводя итоги пережитого в эти дни, сопоставляя отдельные эпизоды, хочется выяснить: что же такое вызвало события в Юрьеве 11 июля? И вывод из этого бесспорно один: темнота, абсолютная оторванность от текущей жизни, которая далеко убегает за пределы деревни, то, что совершается, крестьянину не понятно, если город и бывал в деревне, то только чтобы сказать «дай». Дай хлеба, дай картошки, дай то, дай другое, но не говорил деревне, какую он строит новую жизнь, и какое положение займёт в этой жизни деревня...

Как почти всегда, главных руководителей не пришлось задержать... На другой день... арестованные были рассортированы, часть их отправлена в Комиссию по борьбе с дезертирством, часть освобождена, а все остальные переданы для выяснения их причастности в восстании в распоряжение Уполномоченного ВЧК...»

Комиссия по ликвидации мятежа, которой руководил прибывший из Москвы представитель ВЧК по фамилии Карлсон, за полмесяца работы рассмотрела 700 дел. В итоге было расстреляно 29 человек. В газете «Юрьевские известия» (№19 за 1919 год) находим списки расстрелянных мятежников. В этом же номере газеты опубликован список лиц, «подлежащих заключению в Концентрационный лагерь за участие в мятеже согласно постановлению Особо Чрезвычайно-Следственной Комиссии по ликвидации мятежа в городе Юрьеве и уезде».

В газете находим ещё один список. Это список «обложенных... за участие в мятеже и расхищении казённого имущества» штрафами.

Кроме того, на всех крестьян уезда была наложена огромная контрибуция и трудовая повинность. Подобные методы борьбы новой власти, власти рабочих и крестьян, ещё больше настраивали жителей Юрьевского уезда против неё же самой.

Самой серьёзной бандой «зелёного толка», орудовавшей на пограничной территории Владимирской и Ярославской губерний, стала банда Ефима Скородумова и Василия Стулова. Организационно оформилась она к лету 1919 года. Основное её ядро состояло из молодых людей, уклонявшихся от явки на призывные пункты, и дезертиров, уже покинувших формируемые советские войсковые части. По социальному составу она не была однородной. Большинство участников банды составляли выходцы из семей крупных и мелких торговцев уже известного нам села Аньково Юрьев-

Польского уезда. Количественный состав, находившийся на нелегальном положении, не превышал десяти человек, однако участниками банды были также лесники, сельские кулаки, местные воры, проживавшие легально в деревнях и не скрывавшиеся от преследования властей. Они участвовали в совместных ночных рейдах, операциях и ограблениях, а также выступали в роли укрывателей, наводчиков и хранителей награбленного имущества и продовольствия.

Ефим Петрович Скородумов, больше известный под прозвищем Юшка или Юшко, родился в 1898 году (по другим данным – годом позже) в семье крестьянина-середняка, плотницких дел мастера. С детских лет его ласкательно называли не Ефимушкой, а Юшкой, взяв вторую половинку имени и заменив в ней букву «у» на «ю».

Другой главарь банды – Василий Иванович Стулов – уроженец села Аньково. Он был в банде представителем самой зажиточной кулацкой семьи всей округи.

Кроме них, костяк банды составили: Василий Орлов по прозвищу Уколка (Вуколка), Александр Чигирёв, Ясалов, Парфёнычев, Жуков, Андреян Филиппов, Марков. Особая роль в банде принадлежала сыну священника Алексею Глариозову, долгое время проживавшему вполне легально. Об этой роли Д. Молчанов говорит следующее: «В 1919 – 1920 г.г. Глариозову было лет 23 – 25, но в Советской Армии он не служил, пользуясь отсрочкой от призыва при помощи своего друга по реальному училищу, тоже сына священника – Рождественского Петра.

Рождественский служил в те годы в Юрьевском уездном военком коммисариате, по телефонному звонку Глариозова... он высылал ему справки, в которых указывал срок отсрочки от призыва в Красную Армию.

С такими справками Глариозов колесил по Мирславской, Аньковской, Ильино-Хованской волостям и тайным бандитским тропам, выполняя роль курьера, связного и информатора».

Шестеро из этой десятки были выходцами из Анькова, из семей торговцев и кулаков. Все они являлись холостяками призывного возраста.

Банда сформировалась именно в Анькове.

Юшка, дезертировав весной 1919 года из Красной армии, под видом отпускника появился на малой родине. «В это время, – далее повествует Молчанов, – он часто появлялся в деревне... куда приходил к своим родственникам (к отцу, к матери и брату, жившим одной семьёй), здесь он ночевал, а утром, с сумой, наполненной продуктами питания, отправлялся в лес». Затем, скрываясь в чащобе, он постепенно установил связь с другими дезертирами.

Андреян Филиппов, сын лесника, в банду пришёл позже. Он был уголовником, скрывшимся «...от преследования советских органов. За какое-то уголовное преступление он был арестован и содержался в Юрьев-Польском, в Домзаке (в Доме заключённых – прим. авт). Его пребывание в Домзаке совпало с контрреволюционным мятежом в Юрьев-Польском.

Во время мятежа ему удалось убежать из-под стражи. В мятеже он принимал активное участие, был вооружён мятежниками револьвером системы «Наган», и после подавления мятежа бежал в свою лесную сторожку, где проживали тогда его отец, мать и сестра Мария. Вскоре семья Филипповых переселилась в дер. Новую, и Андреян (его звали в деревне Андреяшкой), будучи вооружённым, продолжал скрываться в лесу, посещая свою семью в дер. Новой и свою сестру Валентину, проживавшую в дер. Красково. Там он часто встречался с [Юшкой] как с близким человеком, знакомым ему по молодости, а теперь близкий по духу».

Очень ярко на первых порах существования банды выглядел её антураж. Д. Молчанов описывает такие любопытные детали из жизни бывших дезертиров: «Она (экипировка бандитов – прим. авт.) состояла из двух лошадей, двух бричек, оружия и одежды. В первое время существования банды многие жители Мирславской волости видели, как бандиты, одетые в кожаные тужурки и регланы, разъезжали по лесным дорогам на тех, аньковского образца, бричках, на которых их папаши лихо колесили по дорогам в Гаврилов-Посад, в Тейково, в Ростов и в Юрьев-Польский, где скупали на базарах с/х продукты и имели свои магазины. Теперь эти знаменитые аньковские брички, оплетённые по бортам верёвочными плетушками, пригодились их выкормышам.

Таких бричек в Мирславской волости никто не имел».

В глухом лесном массиве зелёноармейцы подготовили себе настоящую базу, где можно было не только отсидеться в трудные времена, спастись от погони, но и с незатейливым комфортом проживать практически круглый год. Автор указанных выше воспоминаний об этом рассказывает следующее: «... в урочище... бандиты соорудили бункер. Бункер представлял из себя подземное сооружение, не лишённое некоторого комфорта. Стены, пол и потолок его были обшиты тёсом, покрашены масляной краской, а от бункера был проложен поземный ход к стоянке лошадей и бричек, который мог служить запасным входом... и выходом в критической ситуации».

В своей родной деревне Красково Юшка иногда встречал своего приятеля Андреяшку, который приходил туда навестить свою сестру. И вот, «...блуждая в лесу, Юшка и Андреяшка нашли тропу, ведущую в Роино к бункеру, сооружённому там аньковскими бандитами».

«Бункер, – продолжает рассказ Молчанов, – был сооружён в лесной чащобе, куда не мог проникнуть никто из посторонних, и открыт был только уже тогда, когда банда не существовала, и то только потому, что там произошли вырубки лесных делянок».

Место базирования банды было выбрано очень удачно, так как «этот лесной массив представлял из себя (как и теперь) сосновый бор с разнолесьем, с непроходимыми болотами и лесной чащобой, где, как говорится, не ступала нога человека.

От бункера в Роино вели лесные дороги... во все направления. К тому же, в бору было множество лесных сторожек, которые служили для бандитов надёжными пунктами питания, укрытия, связи и сигнализации».

Однако большую часть времени банда находилась в постоянном движении, разбившись на группы. «Из местных жителей, – снова мы обращаемся к воспоминаниям Молчанова, – редко кто видел её в полном составе, и никогда она не вступала... в бой с отрядами ЧОН (частей особого назначения – прим. авт.), стараясь избегать этих столкновений. По доходившим тогда слухам, то одна, то другая группа появлялись то в одном, то в другом месте и главным образом там, где в это время не было отрядов ЧОН».

Своим действиям главари мятежников стремились придать политическую окраску, называя банду «Зелёной армией» и всячески показывая себя в роли защитников крестьян от коммунистической власти. По данным свидетелей, Юшка не только причислял себя к «зелёным», но и в доказательство этого носил значок с изображением треугольника с зелёной лентой. Как показывали потом в ходе следствия участники банды, Юшка неоднократно заявлял, что его целью является «достижение безвластия», для чего необходимо создание «как можно более многочисленного отряда из числа местных крестьян, чтобы выступить открыто». Бандиты поддерживали связь с партиями и организациями, провозгласившими своей программой вооружённую борьбу с большевиками.

«Банда оперировала преимущественно в летнюю пору. На зиму уходили в «укрытие», и группами или даже в одиночку бандиты жили в населённых пунктах, в лесных сторожках, там, где их надёжно укрывали их сообщники, проживавшие на легальном положении».

Бандиты обладали широкой сетью информаторов, которые сообщали о передвижениях красноармейских отрядов, давали наводки на объекты грабежа и налётов. Юшка и Стулов имели связи как в губернских и уездных приволжских городах, так и в Москве, через которые получали фальшивые документы, медикаменты, необходимую информацию, устраивали на лечение в больницы своих раненых.

Банда Юшки и Стулова не только терроризировала сельское население, но и совершала убийства представителей советской власти. Только за период с июня 1920 по март 1922 года следственными органами было зафиксировано 27 эпизодов преступной деятельности бандитов (убийства, нанесение телесных повреждений различной тяжести и ограбления).

Ярким примером такой деятельности может послужить следующий случай. В погосте Шевутино Юрьев-Польского уезда была заживо сожжена в школе учительница Генисорецкая, сообщившая в волисполком сведения о местонахождении банды. Вот как об этой расправе рассказывается в очерке «По следам банды Юшко», опубликованном в книге «Верой и правдой. Страницы истории»: «Полдюжины молодчиков

Юшко окружили старый деревянный дом, над входом которого была прикреплена свежеструганная дощечка.

– Ши-ко-ла, – прочёл по складам кто-то из бандитов, осветив дощечку ручным фонариком.

– Вот сейчас мы и дадим урок! – рявкнул атаман и застучал по наличнику окна рукояткой «маузера». Скрипнула дверь, и на крыльцо вышла худенькая женщина в легком платочке, брошенном на голову. Сразу же двое бандитов завели назад её руки, крепко скрутив их сырым ремнём.

– Кто вы? За что меня? – лепетала перепуганная женщина.

– Ах, ты не знаешь, милая медам-учительша! – произнес ближайший помощник атамана Стулов, вразвалку поднимаясь по утлым ступенькам. Из всей банды сын торговца Стулов считался самым грамотным и нередко «потрясал» дружков «книжными» изречениями. – Твое дело детишек учить – «румяной зарёю покрылся восток», а ты стучишь на нас. Ну-ка отвечай, кто балабонил по сельсоветскому телефону в гепеу: «Приезжайте, у нас в селе банда?»

Сорванный с головы женщины платок послужил надёжным кляпом. Её, уже только мычащую, втокнули обратно в дом. Здоровенный бандит припер дверь принесенным из школьной поленицы берёзовым чурбаком. И скоро по всем четырём углам запылали заранее приготовленные и обильно политые керосином вязанки хвороста. Когда в освещённом окне показалось испуганное женское лицо, в окно звонко ударила пуля.

Юшко вложил еще дымящийся маузер в деревянную коробку, и вся банда волчьей рысью побежала к ближайшему лесу».

Цитируемые нами воспоминания Д. Молчанова содержат подробный рассказ ещё об одном жестоком преступлении банды – убийстве советского активиста Николая Семёновича Борисова, произошедшего 19 мая 1922 года. Борисов «являлся коренным жителем дер. Красково и Юшку поэтому знал с детства». Н. С. Борисов был избран председателем Мирславского сельского потребительского общества, «роль которого в то время была велика и чрезвычайно ответственна.

В 1920 – 1922 г.г. (да и позднее) в сельскохозяйственных заготовках главную роль играли сельские кооперативы. Мирславское сельпо играло главенствующую роль в заготовках с/х продуктов в Мирславской волости...

И действительно, прошло немного времени, как потянулись в Гаврилов-Посад один за другим хлебные обозы, а в счёт стимулирования заготовок шли потоком товары первой необходимости.

Зная о том, что в лесу оперирует банда, сопровождая хлебные обозы, Борисов менял маршруты их следования».

И всё же бандиты выследили один из хлебных обозов и напали на него. «Нападение... произошло внезапно». Обоз, состоявший из нескольких

подвод, вышел из Мирславля ещё засветло и следовал по дороге, ведущей в Гаврилов-Посад, «приближаясь к местечку, называемому «Синий Камень». В то время местечко «Синий Камень», находящееся от села Мирславля в 5 километрах, представляло (и представляет теперь) низменность, где дорога сужалась до такой степени, что видна была лишь одна проезжая колея, вплотную с обеих сторон окружённая лесной зарослью».

Борисов ехал на передней подводе вместе со своей сестрой Верой, «а вслед им тянулись другие подводы одна за другой, на каждой из них сидело по одному человеку поводырей из жителей села Мирславля. Как только обоз втянулся цепочкой в низменность, в колею, окружённую с обеих сторон зарослью, вдруг из зарослей выбежали несколько человек-бандитов с бранью в адрес Борисова, стащили его с воза и увели в те же заросли, откуда выбежали, приказав под угрозой оружия обозу следовать по своему назначению.

Нападение произошло за считанные секунды и с такой молниеносностью, что очевидцы со своих подвод не успели даже рассмотреть лиц налётчиков».

На следующий день труп Н. С. Борисова был обнаружен на лесной дороге в двух километрах от деревни Быстри, изуродованный до такой степени, что «опознали его только по одежде». Очевидцы, обнаружившие труп, рассказывали о том, что «зрелище представлялось ужасающим: на месте глаз зияли глубокие раны с запёкшейся кровью, уши были обрезаны, выбитые зубы и искалеченные челюсти представляли маску, искажающую лицо до неузнаваемости.

Всё это создавало представление о том, что бандиты применяли к своей жертве пытки, а когда человек не подавал признаков жизни, — долго глумились над трупом».

В лесах, где орудовала «зелёная армия», стоит несколько памятников их жертвам. Один установлен в лесополосе близ населённого пункта Свозня. На нём имеется следующая надпись: «Здесь в 1919 году зверски убиты коммунисты Мартьянов Леонтий Васильевич и Леонтьев Михаил Михайлович».

Архивные материалы свидетельствуют о том, что главари группировки являлись орудием более влиятельных сил. Они поддерживали тесную связь и с идейными противниками новой власти. Сам Юшка, отрастив вислые усы и нахлобучив папаху, нередко инкогнито выезжал в неизвестном направлении. Имеются данные о его отношениях с бандами, действовавшими в то время на Украине. Ведь и характер «военной тактики» юшковцев порой напоминал кровавый разгул «хлопцев» батьки Махно.

К концу Гражданской войны деятельность банды приобрела исключительно уголовный характер. Её нападениям всё чаще подвергались простые крестьяне, защитниками которых объявили себя бандиты.

Чекисты пытались вести активную работу по ликвидации группировки Юшки и Стулова, но их действия не всегда были эффективны и давали положительный результат.

В этих условиях одним из путей уничтожения банды чекисты видели в приобретении источников информации в её окружении. И в результате активизации агентурной работы были получены оперативные сведения, на основании которых они провели несколько успешных операций.

Так, отрядами Иваново-Вознесенской губЧК были ликвидированы бандиты Журавлёв, Василий Блинов, а также сожигательница Юшки Вера Блинова. Об этой операции гласит телеграмма в ВЧК из Иваново-Вознесенской губЧК, датируемая 5 декабря 1921 года: «В засаде убит бандит Журавлёв, отобрано оружие: револьверов 2, винтовок 1, арестованы соучастники-укрыватели, при побеге убита сожигательница бандита Юшко Блинова, соучастник-укрыватель Блинов. Ликвидация банды продолжается, в агентурном аппарате работают ранее участвовавшие укрыватели банды».

В декабре того же 1921 года в деревне Мошково Аньковской волости сотрудниками Юрьев-Польского политбюро Владимирской губЧК в перестрелке был уничтожен один из руководителей группировки Василий Стулов. По одной из версий, он, будучи раненым, застрелился сам, чтобы не стать обузой для убежавших от преследования других бандитов и чтобы не попасться живым в руки чекистов. Другую в своих воспоминаниях приводит Д. Молчанов: «Отряд ЧОН в ночное время прибыл в дер. Мошково и не успел оцепить дом, в котором скрывался Стулов, как послышался выстрел. Когда бойцы отряда проникли в дом, то Стулов оказался убитым выстрелом в затылок, произведённым бандитом, скрывавшимся вместе со Стуловым в этом доме, и, пользуясь темнотой и запасным выходом через калитку во дворе, скрылся. Оказалось, что Стулов был болен и после того, как «напарился» в русской печи, находился в нижнем белье и поэтому убежать не мог. Чтобы не оставить Стулова живым... бандит решил лишить его языка путём уничтожения. Имя скрывавшегося бандита осталось неизвестным». Этот эпизод ярко и живо описан в романе писателя Тимофея Дмитриева «Зелёная зыбь», о чём речь, впрочем, ещё впереди.

Деятельностью банды, кроме местных чекистов и милиционеров, заинтересовались их губернские и даже столичные коллеги.

К началу 1922 года в банде Юшки начались внутренние раздоры. К этому времени состав группировки резко изменился. В участвовавших стычках с чекистами и милицией положили в лесах и полях свои хмельные головы старые «сподвижники» Скородумова – Стулов, Жуков, Соловьёв и другие. Место убитых заняли молодые, в основном ещё необстрелянные, но уже строптивые бандиты. Они нередко перечили главарю, особенно во время его пьяных загулов. А сам он становился всё более заносчивым и нетерпимым.

Назревавший конфликт вылился в стычку между Юшкой и Василием Орловым по кличке Уколка, закончившейся трагедией. Как рассказывал один из свидетелей тех событий, 3 августа 1922 года зелёная группировка в деревне Липкино отмечала церковный праздник – Ильин день. Уколка, будучи сильно пьяным, вышел на улицу и стал заставлять плясать молодого местного паренька Александра Смирнова. Но тот выполнить приказ бандита отказался, за что был Орловым застрелен. Присутствовавший при этом Юшка стал у всех на глазах избивать убийцу. В ответ тот дважды выстрелил в атамана. Одна пуля угодила ему в ногу, другая – в плечо. Раненого Юшку положил на телегу и увёз в потайной лесной блиндаж один из его старых пособников Андреяшка Филиппов. Уколка же в тот же день в лесу был убит сторонниками Ефима Скородумова.

По другой версии, пьяный Уколка стрелял в пьяного же Юшку, который спал в сарае. Сделал он это для того, чтобы сдать тело главаря красноармейскому отряду. После покушения на Скородумова, бегая по деревне в невменяемом состоянии, Василий Орлов и застрелил деревенского паренька.

Сам же Юшка был переправлен в Москву, где тайно лечился по подложным документам.

Все эти факторы в совокупности привели к тому, что чекисты, наконец-то, вышли на след Ефима Скородумова. Помог осведомитель, который сообщил, что некий красноармеец передал брату Юшки Ивану письмо, а на словах сказал, что сам находится в больнице в Москве и просит его навестить. Этим осведомителем некоторые исследователи считают Андреяна Филиппова, который предвидя развал банды, уже вёл двойную игру и, пытаясь хоть как-то искупить свою вину, пошёл на сотрудничество с чекистами.

На месте установленной явки, дрожа и озираясь, Андреяшка сообщил важные сведения. Оказалось, что из лесного блиндажа после ранения Юшка был срочно переправлен в Москву в частную лечебницу, где за большие деньги врач Васильев обещал его «поставить на ноги». Адрес лечебницы был известен брату Юшки, недавно прибывшему из столицы и приведшему бандитам записку от атамана, видимо, указания о дальнейших действиях.

Иван Скородумов, арестованный чекистами, сначала отпирался, но потом сознался в получении письма от брата. Сотрудники Ярославского губотдела ГПУ, взяв его с собой, выехали в Москву.

5 октября 1922 года в частной клинике доктора Васильева Ефим Петрович Скородумов, лечившийся под именем Николая Александровича Смирнова, был арестован. При аресте сопротивления он не оказал.

Отсюда атамана препроводили тоже в больницу, только уже тюремную.

Благодаря оставленной в клинике засаде задержали Глариозова и Ершова. Они также были переправлены в Ярославль для следствия.

Суд над Юшкой и арестованными членами его банды проходил в Ростове Великом с 29 мая по 8 июня 1923 года. За эти дни были выслушаны десятки свидетелей и потерпевших. Одним из свидетелей выступил и брат Юшки – Иван.

Ефим Скородумов на суде давал показания и просил сохранить ему жизнь. Он признал себя виновным в налётах и ограблениях, но своё участие в убийствах упорно отрицал.

8 июня выездная сессия Ярославского губернского суда признала Юшку виновным в участии в восстании дезертиров в мае 1919 года в селе Аньково, в организации и руководстве бандой, трёх убийствах и шести ограблениях и приговорила его к расстрелу. К высшей мере наказания «как неисправимые элементы и противники Советской власти» приговорены и бандиты А. В. Глариозов, К. В. Ершов, М. В. Емельянов, а также братья Субботины. Восьмерых подсудимых суд приговорил к десяти годам лишения свободы. Остальных участников банды и их пособников осудили на сроки от двух до шести лет. Пятеро за недостатком улик оказались оправданы.

Смертный приговор вскоре был приведён в исполнение в Ярославле. Избежал этой участи только Юшка. 9 августа 1923 года Ефим Петрович Скородумов скончался в своей камере от туберкулёза, не дожив до расстрела десяти дней. Было ему тогда от роду 25 лет...

* * *

Все́й этой историей вскоре после её завершения заинтересовался уроженец здешних мест писатель Тимофей Павлович Дмитриев, который по горячим следам описал события, связанные с деятельностью «зелёной» банды. В середине 1920-х годов из-под пера прозаика вышел роман, получивший название «Зелёная зыбь» и ставший сразу же очень популярным. Это центральное и самое масштабное творение всей писательской биографии Т. П. Дмитриева. Книга сегодня стала (впрочем, как и все остальные книги автора) настоящей библиографической редкостью. Во многом этому способствовало то обстоятельство, что после плодотворного периода работы отношение к Дмитриеву со стороны властей стало довольно прохладным.

Здесь, вполне возможно, сказалось и зажиточное прошлое его родителей, и правдивый рассказ в «Зелёной зыби» о врагах советской власти – кулаках, дезертирах и бандитах. Многие, в том числе и земляки, врагом новой власти стали считать и самого писателя. Старожилы, знавшие Тимофея Дмитриева лично, об этом хорошо помнят. Трагическую судьбу имел и роман.

Книга была издана в 1927 году Московским товариществом писателей тиражом в 4500 экземпляров. Отпечатан роман объёмом 285 страниц в типографии рабочего издательства «Прибой им. Евг. Соколовой» в Ле-

нинграде. Кстати, впервые роман читатели могли увидеть на страницах журнала «Октябрь» ещё годом раньше – в 1926 году. Он там напечатан в №№ 3, 4, 5 и 6. Причём «Зелёной зыбью» открывались эти номера. Очень любопытно, что роман был рекомендован культотделом ВЦСПС для библиотек. Тираж разошёлся очень быстро. Так как роман «Зелёная зыбь» имел у читателей огромный успех, в 1929 году в издательстве «Земля и Фабрика» тиражом в 4 тысячи экземпляров он переиздаётся.

Но... По указанию властей, которые, видимо, хотели вычеркнуть из истории и людской памяти события, связанные с бандой Юшки, изымали его из всех библиотек (вот почему книг Тимофея Павловича не сохранилось!), хотя первоначально роман заслуженно получил великолепные рецензии, а критиков заставил обратить внимание на творчество молодого писателя. Владимирский писатель и журналист В. Шевченко, о творчестве которого мы ещё поговорим ниже, так назвал причину изъятия «Зелёной зыби» из библиотек: «...Юшко выведен не как бандит и государственный преступник, а чуть ли не как герой, который неудовлетворённый жизнью метался во все стороны и искал приключения». И следом совсем уже, на наш взгляд, необъективно: «...книга... является далеко неотреботанной...»

Тем временем, после выхода романа рецензии на «Зелёную зыбь» одна за другой появляются в журналах «Книга и профсоюзы», «Октябрь», «Печать и революция», «Сибирские огни», газете «Известия ЦИК» и других. Роман был оценен положительно. Отмечалось, что «язык романа очень живой, выразительный». А некоторые критики в произведениях Дмитриева усматривали даже «излишний натурализм». Журналист В. Елагин приводит в своих публикациях такую выдержку из очередной рецензии, опубликованной в № 4 журнала «Октябрь» за 1927 год: «Это очень трудное дело – соблюдая художественную пропорцию, дать верную картину великой гражданской войны в маленьком масштабе затерянного в российских просторах уезда...»

Имя писателя и упоминания о его работах встречались в публикациях газет «Рабочая Москва», «Рабочая газета», «Известия ЦИК и ВЦИК», журналах «Октябрь» и «Новый мир».

В романе «Зелёная зыбь» автор рассказывает о деятельности той самой «Зелёной армии», рьяно боровшейся с новой властью, о драматических событиях в Юрьев-Польском и уезде, а также в окрестных землях и на сопредельных территориях, разыгравшихся летом 1919 года и позже.

Так как это художественное произведение, то Т. П. Дмитриев изменил названия большого числа населённых пунктов и имена действующих лиц. Но нетрудно догадаться, что городок Долгоруков – это не что иное, как Юрьев-Польский (Юрьев-Польский основан князем Юрием Долгоруким – прим. авт.). О других названиях пусть нам расскажет сам писатель. Мы воспользуемся одним из писем Дмитриева известному владимир-

скому краеведу Л. С. Богданову, в котором читаем следующее: «Юшка – сокращённое от имени «Ефим» по «диалекту» Аньковской и Мирславской волостей. Отчество – Петрович... фамилия – Скородумов». В романе это Илья Крапивин. Прототипом Пантика Сальникова выступил Василий Стулов. Теперь непосредственно о названиях: «Злынь – Аньково, Акулово – Мирславль, но я не придерживался строгой фотографии сёл и их пейзажей. Под Нерекшей разумеется река Нерль...» И далее о главных героях: «О героях: они – очень и очень отдалённые фотографии местных деятелей, художественно обработанных, да и то – немногих. Правда, теперь в Юрьеве стараются угадать под моими героями кое-кого из знакомых людей, да они и сами, между прочим, не прочь выдвинуть себя в подмену моих бандитов и защитников города, но всё это – детская игра, ни на чём не основанная...» Так что большого сходства между героями «Зелёной зыби» и реальными участниками тех событий искать не приходится.

Благодаря своей редкости, с книгой в советские времена произошёл любопытный казус, о котором во владимирской газете «Молва» (номер от 20 сентября 2001 года) в статье «Зелёная зыбь» рассказал журналист Владимир Елагин. Цитируем этот эпизод без купюр: «Бывший работник КГБ (его уже нет в живых) нашёл в архивах этого ведомства документы крестьянского восстания в Юрьев-Польском уезде. Отыскалась и сама книга «Зелёная зыбь». А поскольку приближалась круглая дата советской власти, решено было напечатать в областной газете «Призыв» серию очерков о том времени, так сказать, «на документальной основе». И пошли из номера в номер «Страницы боевых лет» за тремя подписями: работника КГБ, сотрудица обкома партии и штатного борзописца из газеты «Призыв». За основу брались события из книги, но только г. Долгоруков превращался в Юрьев-Польский, волостные сёла Акулово и Злынь – в теперешнюю Симу и Иворово. За эту фальсификацию авторы, конечно же, получили неплохой гонорар, да и сама газета была отмечена в верхах.

Каково же было удивление местных краеведов и историков, когда на одной из областных краеведческих конференций было рассказано об «истории создания» призывовских очерков. Книга «Зелёная зыбь» ходила по рукам. Публикации в газете живы были ещё в памяти. Люди только разводили руками.

Но какого-либо осуждения это литературное хулиганство тогда не получило. Кэзгэбшник вскоре умер, обкомовец, покомандовав немного «Призывом», уехал в Москву, а главный фальсификатор исторических событий – ныне пенсионер». Вот так... Справедливости ради нужно отметить, что журналист В. Елагин не во всём прав. Хотя, действительно, к 50-летию советских органов государственной безопасности в 1968 году в «Призыве» была опубликована большая серия очерков под названием «Тревожные годы. Хроника первых чекистских лет». Елагин

ошибочно даёт другое название: «Страницы боевых лет». Под этими очерками стоят три подписи: В. Шевченко (того самого, который назвал «Зелёную зыбь» «далеко неотработанной»), П. Шерышева и В. Чернова. В них целые куски слово в слово переписаны из «Зелёной зыби» с заменой лишь вымышленных Т. Дмитриевым названий сёл и имён действующих лиц на настоящие. Отсюда видно, что авторы или кто-то из них владел информацией из архивов, что и придало очеркам большую степень документальности. К сожалению, авторы очерков, как, впрочем, и В. Елагин, не смогли правильно определить в романе «Зелёная зыбь» истинных прототипов населённых пунктов, спутав, например, Симу и Аньково, Иворово и Мирславль. В 1982 году вышла книга с этими очерками под таким же названием. Правда, подписей было не три, а уже две – Шевченко и Шерышева. Но это лишь к слову.

О чрезвычайной редкости книги говорит ещё один любопытный факт: её переписывали от руки, и эти копии передавали читать друг другу. Точно известно, что одна из таких копий, переписанная детской рукой, сейчас хранится в Ивановской области, в семье одного из исследователей тех событий.

* * *

Любопытно, что на той территории, где когда-то орудовала банда Ефима Скородумова, в 1930 году, через 7 лет после его смерти и разгрома банды, появилось целое понятие – «тейковщина» (от названия города Тейково в нынешней Ивановской области). Под этим понятием подразумевались разбойные действия малолетних преступников, кумиром которых был именно Юшка. Его грозное имя и после смерти всё ещё гремело здесь и по окрестным землям. Маленькие «бандиты», совсем как большие, вполне серьёзно грабили кооперативы, ларьки и простых советских граждан. Жители Тейкова, где это движение началось, а затем и других городов, перестали удивляться тому, когда утром на каком-либо торговом заведении читали, что ближайшей ночью оно будет ограблено. И угроза свершалась. При этом милиция долгое время оставалась просто не у дел. Ряды малолетней мафии ширились не по дням, а по часам.

Пример Ефима Скородумова, Василия Стулова и компании оказался заразительным...

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Хламов С. Ю. Два «Дня»: «Седьмой» и «Юрьев». Кольчугино, 2008.

² Хламов С. Ю. История про Юшку-бандита, «Зелёную зыбь» и писателя Тимофея Дмитриева. М.: С/В, 2010.

КАК ФРОЛ БЕЛЯКОВ СТАЛ БАРОНОМ ФОН КИШЕМ

К. И. Соколов (Тверь)

История Фрола Белякова уникальна для лидеров крестьянского повстанческого движения в Тверской губернии. Подавляющее большинство из них после подавления восстаний исчезали, и если и появлялись снова в родных краях, то уже в начале двадцатых, после всех возможных амнистий, и жили мирно, не помышляя ни о каких конфликтах с советской властью. Большинство из них сгинуло в 1937 – 1938 годах. Многие никогда в свои села не вернулись, оседая в крупных городах и других регионах, меняя фамилии и биографии.

И только один человек вернулся в начале 20-х, чтобы мстить коммунистам. Это Фрол Беляков, лидер крупнейшего в губернии крестьянского восстания в 1918 году, центром которого стало село Молодой Туд Ржевского уезда.

В конце октября – начале ноября 1918 года в Тверской губернии должен был пройти первый массовый призыв в красную армию. Как и везде в Европейской России на территории, контролируемой Совнаркомом, он стал причиной массовых восстаний. Народная власть не делала никаких послаблений семьям будущих красноармейцев при учете хлеба для его последующих изъятий в ходе продразверстки. Уйдет кормилец на фронт, а как будет жить его семья – ее проблемы. Понятно, что думали по этому поводу крестьяне. Ржевский уезд, разумеется, исключением не был. Здесь мобилизация парней, которым исполнилось 20 лет, была запланирована в период с 25 октября по 15 ноября, а конкретно в Молодотудской волости – 10 ноября¹. Проводить такие мероприятия советская власть уже тогда хотела с помпой, как праздник. В волости отправлялись не только агитаторы, но и духовые оркестры, мобилизация сопровождалась митингами.

Именно такой митинг с оркестром, а не посвященный годовщине революции, как утверждали некоторые историки КПСС и краеведы (такой тоже был, и прошел, как и положено, 7 ноября), открылся днем 9 ноября в Молодом Туде. Село это, расположенное в 55 верстах от Ржева, было

мало того что очень крупным, но и являлось торговым центром для всех окрестных волостей. После того, как умолкли звуки революционных песен, митинг пошел не по сценарию. На трибуну поднялся Фрол Нилович Беляков, которого все источники дружно называют белым офицером. Непонятно, правда, как «белый» оказался волостным военным комиссаром. На самом деле, разумеется, никто из лидеров восстаний в Тверской губернии никакого отношения к белому движению не имел. Большинство этих людей – действительно младшие офицеры, прошедшие Первую мировую войну. Таким был и прапорщик (по другим источникам – поручик) Беляков.

Надо отметить, что незадолго до этих событий в Молодом Туде наконец оформилась организационно большевистская ячейка. Местные жители немедленно окрестили ее «разбойной командой» за комбедовские методы и соответствующее отношение к землякам в целом. Именно это и послужило главной причиной восстания, что признавали и ржевские коммунисты. Напряжение в волости было довольно сильным, за несколько дней до описываемых событий был избит крестьянами местный милиционер. Что до Белякова, он, конечно, тоже ангелом не был, сам хотел быть поближе к власти и пытался записаться в коммунисты. Однако его не взяли: бывший офицер, землевладелец. Не нашего поля ягода, – решили местные коммунисты и комбедовцы².

Выступал на митинге Беляков не первым. Но говорить военком стал не про мировую революцию и гражданскую войну, а про то, что такая грабительская власть крестьянам не нужна, предложил взять оружие и арестовать коммунистов и членов волисполкома. Скорее всего (утверждать это с уверенностью не позволяют качество и состав источников), прозвучал лозунг: «Вся власть – Учредительному Собранию!» Речь показывает хорошее знание крестьянской психологии, – Беляков пообещал за несколько дней достать для волости хлеб, соль, сахар и чай³.

И толпа завелась. Вот так, кстати, и рождаются народные вожди, за которыми идут в огонь и воду. Интересно, что если в официальных источниках и воспоминаниях говорится о кулако-эсеровском характере восстания, о насильственной мобилизации восставшими населения, то агитационные материалы и документы, выпущенные сразу после событий, «проговариваются» о том, что лозунги Белякова привлекли даже бедноту, и что в целом население поддерживало восставших⁴.

Говорить о том, насколько организованным было это выступление, сложно. Скорее всего, Беляков заранее обсуждал действия со своими помощниками, тоже бывшими офицерами, Модестовыми и Кудрявцевым. Судя по тому, насколько быстро были разогнаны волисполкомы и арестованы коммунисты в ряде соседних волостей, быстрому направлению туда агитаторов от штаба повстанцев, были и другие люди, посвященные в подготовку восстания. Но, разумеется, никакого заранее подготовленного

отряда, который немедленно начал наступать на Ржев, не было. За четыре с небольшим дня восставшие не пытались создать никакой структуры управления, все ключевые вопросы решал сам Беляков. Но касалось это только оперативных вопросов и боевых действий. А чтобы решить, «кому какая власть нужна», на 12-е число в Молодом Туде было назначено собрание нескольких волостей, куда должны были прийти до 7 тысяч человек. Такая вот прямая народная демократия⁵.

Восстание сразу распространилось на соседние волости: в первый день к Молодотудской присоединились Ильигорская, Халинская, Пыжевская. 11 ноября уездный военкомат сообщает о восстании в Брянской, Дмитровской и Жуковской волостях. В докладе о событиях начальника уездной милиции говорится об участии в событиях Бурцевской волости, также есть аналогичные сведения по Замошинской и Никоновской волостям. Таким образом, в той или иной степени в восстании участвовали 10 волостей. Повсеместно арестовывались коммунисты, члены исполкомов, милиционеры, в Молодом Туде под замок посадили даже музыкантов приехавшего на митинг духового оркестра. В ряде источников, главным образом в воспоминаниях, есть утверждения о том, что арестованных несколько раз выводили на расстрел, но правдоподобность этих утверждений сомнительна. В целом в большинстве волостей, помимо Молодотудской, дело ограничилось разгоном волисполкомов, даже коммунистов арестовали не везде. И в боевых действиях жители многих волостей не участвовали. Помимо традиционного крестьянского нежелания защищать что-либо, кроме своей деревни, объединению восставших мешали и постоянно курсировавшие по территории мелкие отряды красных. Хотя штаб повстанцев первые два дня был уверен, что восстание распространилось чуть ли ни на весь уезд⁶.

В основном источники оценивают количество участников восстания в 500 – 600 человек (это подтверждается и цифрами погибших и взятых в плен), хотя есть и фантастические утверждения про 5000 человек. Вооружением служили в основном винтовки и револьверы, охотничьи ружья. Есть упоминание о якобы имевшемся у восставших пулемете, но нигде не говорится про его использование во время боестолкновений⁷.

О том, что происходит в Молодом Туде и соседних волостях, во Ржеве стало известно в ночь с 9 на 10 ноября – то ли через одного из волостных милиционеров, то ли была получена телеграмма из района восстания, то ли от военкома одной из волостей, то ли по инициативе телеграфиста⁸. Город и уезд были немедленно объявлены на военном положении, отменен базар (10 ноября было воскресенье), выставлена дополнительная охрана на военных объектах, мобилизованы коммунисты и в район восстания направлены разведчики. По Ржеву пошли слухи о наступлении немцев. Между тем по информации разведки и данным, полученным по телеграфу из восставших волостей, стало известно об аресте членов со-

ветов, коммунистов, захвате восставшими оружия в школах всеобща. Восстание разрасталось, и этот процесс был истолкован Ржевским военно-революционным советом как наступление отряда Белякова на город⁹. В некоторых воспоминаниях даже утверждается, что восставшие выдвинули Ржевскому исполкому ультиматум о сдаче власти.

Ржевский военно-революционный совет отправляет в Тверь, Ярославль и Москву телеграмму, в которой утверждает, что восстание «белогвардейцев и кулацкого элемента» охватило три волости (Молодотудская, Ильигорская и Халинская), и что отряд восставших держит курс на Ржев. Местные большевики приписали восставшим желание захватить находящиеся в городе артиллерийские склады и запросили немедленной помощи. На самом деле местные коммунисты боялись, что восстание перекинется на уездный центр, поскольку запасные части, расквартированные во Ржеве, соседних Старице и Зубцове, были не опорой советской власти, а, скорее, наоборот¹⁰.

Командиром ржевского отряда по подавлению восстания, который насчитывал, по разным данным, от 40 до 60 человек, был назначен хорошо известный своим жестким поведением по отношению к «контре», один из организаторов захвата власти в городе в 1917 году, участник подавления выступлений в поддержку Учредительного Собрания, один из создателей ЧК во Ржеве – Петр Илюхин. На 4 грузовиках его отряд выдвинулся по направлению к Молодому Туду, где к нему присоединились несколько групп сельских коммунистов. Но ввязываться в бой они не решились и до прибытия дополнительных сил ограничились разведкой на местности (сам Илюхин утверждал, что ему запретил наступать отряд ГубЧК, хотя тверские чекисты прибыли во Ржев только через день). В районе восстания также занимались сбором разведанных агенты местной и губернской ЧК. Разведчики обнаружили повреждение мостов по дороге к району восстания, а командование интерпретировало это как подготовку к наступлению на Ржев¹¹. Хотя не надо быть специалистом в военном деле, чтобы понять, – мосты разрушаются с целью затруднить продвижение противника.

Источники зафиксировали неоднократные контакты, в том числе боевые, групп повстанцев и разведчиков красных. Во время них были захвачены в плен несколько восставших, в том числе помощник Белякова Модестов, вскоре расстрелянный по требованию местных коммунистов¹².

Несмотря на то, что уже 10 ноября Ярославский окружной военкомат приказал Тверскому губвоенкому принять все меры по ликвидации восстания (а НКВД «проснулся» только 13 ноября), дополнительные силы появились во Ржеве только 11–12 ноября, причем отряды прибывали в том числе и по Волге. Тогда же и началось наступление на район восстания. У прибывших была кавалерия, несколько пулеметов и два артиллерийских орудия. Основную роль в подавлении восстания сыграл отряд Тверской

ГубЧК под командованием М. Лапшина, которому «поход» по ржевским и осташковским селам после подавления восстания, сопровождавшийся неприкрытым грабежом населения, будет стоять должности. В подавлении восстания участвовали еще один ржевский отряд, сводные отряды из Старицы и Зубцова, всего пять отрядов. В автобиографии Илюхина говорится про четыре, очевидно, он считал все ржевские отряды одним и приписал себе руководство всеми силами по подавлению восстания. 11 человек из числа старичских милиционеров дезертировали, делом этим занималась местная ЧК, и дальнейшая судьба дезертиров неизвестна. Зато когда в самой Старице через несколько дней возникла угроза восстания, здесь были разоружены все беспартийные милиционеры, кроме 8, участвовавших в молодотудских событиях¹³.

11 ноября, еще до прибытия дополнительных сил, ржевские отряды начали продвижение к Молодому Туту и без боя заняли деревни Сукуша и Зайцево, но развивать наступление не решились¹⁴.

Основные события развернулись 12 ноября в районе деревни Урдом, где восставшие заняли оборону, сосредоточившись на опушке леса (такая тактика использовалась практически во всех сколько-нибудь крупных восстаниях в Тверской губернии). Местами были созданы дополнительные завалы из валежника, кроме того, многие сидели на деревьях, откуда вели заградительный огонь по цепям красных. Красные отряды, вооруженные, помимо легкого стрелкового оружия, двумя орудиями и пулеметами, долго и безуспешно обстреливали лес. Бой продолжался несколько часов, и в итоге превосходящая огневая мощь противника заставила восставших с наступлением сумерек отойти к Молодому Туду. Около центра восстания было еще два боя утром 13 ноября (в одном из них погиб помощник Белякова Кудрявцев), после чего красные заняли село. Разумеется, было немало и мелких перестрелок. Заранее, в обход позиций противника, в центр восстания вошел конный полувзвод, который освободил арестованных коммунистов и музыкантов. Но повстанцы грамотно построили оборону, держали под плотным обстрелом мост, что позволило многим уйти из села¹⁵.

В источниках сведения о потерях восставших исключительно оценочные, но в основном говорится о 200 – 250 погибших (без учета расстрелянных, а сколько их было – неизвестно) и большом количестве раненых. Про потери красных сил точных данных тоже нет. Везде говорится лишь о гибели во время наступления на Молодой Туд коммуниста, члена уездного исполкома Эрнеста Яновича Штрауса (с почестями похоронен в центре Ржева) и нескольких раненых. Но было как минимум еще двое погибших, один из числа разведчиков, второй – местный коммунист в Казинской волости¹⁶.

После подавления восстания начались массовые аресты, по воспоминаниям участников событий, были переполнены все сараи нескольких

сел, вполне возможно, что отсюда и появилась упоминаемая в воспоминаниях цифра про 5000 восставших. Понятно, что, как всегда в таких случаях, арестовывали без разбора. Всех, кого крестьяне называли членами штаба и офицерами, без суда и следствия расстреляли. Потом в Молодом Туде арестованных вывели из сараев и выстроили у стенок. Люди ждали расстрела, тем более все видели, что борцы за народную власть не останавливаются даже перед использованием артиллерии. Можно представить себе состояние крестьян, когда вместо чекистских пуль им прочитали лекцию о советской власти и отпустили. Вполне вероятно, Илюхин не преувеличивает, когда вспоминает о том, что многие плакали и превозносили власть до небес, кричали «ура» и бросали в воздух шапки¹⁷.

После подавления восстания Белякову удалось уйти. Есть сведения, что скрылся он с 40 тысячами рублей – обычная, в общем, история для лидеров восстаний, вполне вероятно, что так и было. В источниках упоминается, что он бежал или в Осташковский, или в Бельский уезды, – очевидно, агенты ЧК среди восставших были, но задержать их лидера не смогли. Судя по тому, что в Бельском уезде Смоленской губернии восстания были куда сильнее, и в дальнейшем именно здесь вновь появился Беляков, следует считать, что первая версия правдоподобнее. После подавления восстания для его поиска из Твери затребовали дополнительную кавалерию, но она прибыла поздно и облаву даже не стали организовывать. Телеграмму о розыске направили по 20 соседним волостям, в Тверь, Москву, Великие Луки и даже в Петроград. В Смоленск же почему-то не отправили. Но даже если бы она туда ушла, то вряд ли можно было задержать человека по таким приметам: «среднего роста, блондин, коротко подстрижен, усы, одет шинель с двумя рядами пуговиц, гимнастерка защитного цвета, серая каракулевая папаха, сапоги с пряжками». И ушел Фрол Нилович от всех агентов¹⁸, чтобы напомнить о себе в 1921 году.

Уже 13 ноября прибывшим отрядам был отдан приказ возвращаться в Тверь. И только тогда из Осташковского уезда подошел отряд под командованием председателя ГубЧК Лапшина. После заседания местного ревкома он для острастки приказал дать несколько выстрелов из орудий по окрестностям. Эффект от этих выстрелов оказался неожиданным: в волисполкоме вылетели стекла. Было решено оставить на месте небольшие силы для разгона «кулацких» волостных советов и комбедов, и насаждения в них коммунистов, в Молодом Туде даже создали местный военно-революционный комитет. Старицкий отряд после подавления восстания не был распущен, перемещался по пограничным волостям своего уезда, чтобы не допустить выступлений, поскольку во всех смежных с районом восстания территориях наблюдалось «брожение» среди крестьян. Одновременно была организована широкая агита-

ционная кампания, в волостях, принимавших участие в восстании, принимались шаблонные резолюции с его осуждением и в поддержку народной власти. Разумеется, дело не обошлось без контрибуции. В Молодотудской волости большевики успешно взыскали 200000 рублей. В других источниках упоминается сумма в 1 миллион, – очевидно, она была разверстана на все восставшие волости¹⁹.

Случились и рецидивы восстания. В ночь с 12 на 13 ноября произошло выступление в Елецкой волости. На следующий день в Казинской, куда ушла часть восставших, был арестован совет и убит коммунист. Эти выступления были подавлены ржевскими силами. Уже 15 ноября сводка штаба войск ВЧК констатирует, что в Ржевском уезде все спокойно²⁰.

Отдельные источники свидетельствуют, что в конце ноября в уезде были еще столкновения крестьян с отрядами чекистов и выступления против коммунистов, в том числе с жертвами, результатом чего стал разгон нескольких волостных исполкомов²¹. К сожалению, подробности этих выступлений неизвестны.

Но, по крайней мере, одна маленькая победа восставших была. Уже 12 ноября, в связи с восстаниями во Ржевском и Осташковском уездах, губернский комитет РКП(б) принимает решение рассмотреть вопрос о подходах к учету хлеба в семьях мобилизованных. Даже большевики поняли, что действовать в деревне только силой нельзя. Тогда же было принято решение о направлении во все части и уезды агитаторов²².

И последний штрих: в мае-июне 1919 года в Тверской губернии, как и в других регионах, работала специальная комиссия ВЦИК по выявлению злоупотреблений местной власти. Она установила, что при подавлении восстания в Молодом Туде члены местного ревкома очень свободно распоряжались деньгами (примерно так, как до них члены волисполкома и местные коммунисты, а скорее всего, это одни и те же люди). Трех даже арестовали, им грозил ревтрибунал²³. Правда, обнаружить такое следственное дело не удалось.

На этом можно было бы завершить рассказ о Молодотудском восстании и его лидере. Но он оказался идейным человеком, что среди лидеров повстанцев в Тверской губернии было редкостью. Правда, не брезговал и обычным, не политическим, бандитизмом. Разгул бандитизма в Тверской губернии пришелся на 1920 – 1921 годы. Среди множества уголовных банд было несколько, действия которых носили характер террора против коммунистов. Действия антибольшевистских партизан пользовались широкой поддержкой населения, крестьяне выдавали коммунистов и сочувствующих им, помогали партизанам с продуктами и подвозом, да и были не прочь купить у них по дешевке награбленное.

Самой известной бандой был отряд под командованием таинственного барона фон Киша, который действовал на границах Тверской, Смоленской и Псковской губерний еще в 1919 году, и удостоился упоминания

нения в «Правде» за нападения на волостной исполком, порки и расстрел служащих в Торопецком уезде²⁴. В 1920 году эта банда неоднократно совершала рейды по Ржевскому уезду, но тогда в ее действиях какой-то политической составляющей не было.

А в ночь с 11 на 12 февраля 1921 года в Тереховской волости этим отрядом был убит уполномоченный по сбору продразверстки, член губисполкома, начальник областного отдела народного образования Федор Бадюлин. Партизаны появились в селе около 8–9 часов вечера и знали, что уполномоченный остановился в доме заведующего волпродкомом Рачеева. Разыскали последнего и заставили вести к себе. Бадюлина подняли с постели, отобрали оружие и мандат. После того, как он потребовал предъявить документы, уполномоченного избили, но по мольбам семьи Рачеева не стали убивать в доме, а выволокли во двор и застрелили.

Рачеева заставили идти на склад, у которого уже стояли подводы и человек 10–15 с оружием. Партизаны целенаправленно забрали только продукты, собранные в фонд пайка «Красная звезда» для красноармейцев и членов их семей, о чем выдали заведующему волпродкомом расписку, предупредили, чтобы в течение часа ничего никому не сообщали, и ушли. Интересно, что если в расписке говорится о 42 пудах изъятых (мука, соль, сахар), то позже в отчетах и других документах эта цифра вырастает до 60 пудов, и начинает фигурировать шерсть²⁵.

Во Ржев о происшедшем сообщили телеграммой рано утром 12 февраля. На место выехали руководители губкома РКП(б), ГубЧК и милиции. Попытки ржевских и бельских милиционеров и чекистов выйти на след бандитов закончились безрезультатно: район этот отличался хуторной системой расселения, жители не только не боялись бандитов, но зимой даже укрывали их. Для борьбы с бандитизмом, который охватывал здесь в основном Бельский уезд Смоленской губернии, с Западного фронта был направлен 431 стрелковый полк 48-й стрелковой дивизии, в Тереховской волости власть передана военно-революционному комитету²⁶.

Бадюлин занял свое место в когорте красных мучеников в Тверской губернии, коммунистическая печать посвящала ему огромные материалы. Но губисполком даже не согласился похоронить его в Твери, гроб отравили на родину в Торжок²⁷.

В следующий раз антибольшевистские партизаны проявили себя через 3 месяца. Вечером 10 мая в Дуновской волости Осташковского уезда появился отряд около 10 человек. Они захватили исполком, уничтожили бумаги, взяли оружие, раздали населению хлеб со съепного пункта. Из 4 захваченных членов исполкома расстреляли коммуниста Маслова, остальных, как беспартийных, пороли шомполами. Затем в деревне Молохово был расстрелян коммунист Захар Новожилов с женой. В волостном исполкоме был прибит плакат с надписью: «Вот тебе по красной

звезде» (по другим источникам – «Истребляйте красную звезду»), листовки за подписью Всероссийского Комитета Народного Союза и защиты Родины и Свободы (по другим источникам – Комитета охраны свободной обороны) с призывами к уничтожению коммунистов и коммун. Их, кстати, никто не снял до прибытия милиции.

На следующий день партизаны появились уже в Ранцевской волости, где разгромили коммуну «Борьба», захватили лошадей, имущество, оружие и расстреляли ее организатора Порфирия Кузьмина. После чего бандиты ушли в Ржевский и далее в Бельский уезд. А местные крестьяне, воспользовавшись моментом, разграбили хлеб со ссыпного пункта.

Об этих событиях в уезде и губернии стало известно только 12 числа. В Осташков выехал начальник губернского угрозыска Вальтер, был сформирован отряд из 26 человек и 5 секретных агентов под командованием уполномоченного политбюро Черепанова, из Ржева прибыл уполномоченный Свердловский, из Твери затребовали 20 агентов и конный отряд. Милицию перевели на казарменное положение, организовали коммунистический отряд и прочесали уезд, но никого не нашли. Выяснилось, что граждане охотно показывают дома большевиков со словами, что они пьют нашу кровь, и сочувствуют партизанам. Перепуганные коммунисты из разных волостей стали просить в укоме оружие. В деревнях, через которые шли партизаны, были взяты заложники по 2 человека из числа зажиточных крестьян. На следствии выяснилось, что партизаны – это банда фон Киша. Правда, свидетели говорили, что бандиты были в красноармейской форме, а предводитель – с погонами и медалями. Очевидно, партизаны просто носили какую-то униформу²⁸.

Несмотря на все меры, бандиты неоднократно проявляли себя в Тереховской волости и позже. А в ночь с 11 на 12 мая и вовсе ограбили две семьи, одна из которых – агента ЧК Цветкова, а также школу и шорно-сапожную мастерскую, при этом были избиты красноармейцы. Якобы за пособничество бандитам был арестован секретарь ячейки коммунистов Радзиловский, несмотря на то, что он во время нападения стрелял в воздух. Под подозрение попал и председатель волисполкома Смирнов, поскольку именно он пригнал брошенных партизанами лошадей. После этого случая в волости было введено военное положение, власть передана военно-революционному комитету с неограниченными правами²⁹. Партизаны, прекрасно зная от крестьян о происходящем, временно оставили Тереховскую волость в покое.

Эти события стали основанием для специального обращения ГубЧК в политбюро и партийные органы. Его содержание говорит о том, что тверские чекисты только отчасти понимали разницу между ликвидацией массовых крестьянских восстаний и борьбой с компактными партизанскими отрядами. Так, предлагалось усилить политическую агитацию, выявлять причины восстаний и не допускать их разрастания. В то же

время были и рациональные рекомендации, которые в полной мере использовались в оперативной работе: усилить наблюдение за бывшими офицерами, обеспечить наличие осведомителей в бандах, коммунистам при командировках регистрироваться в политбюро при уездной милиции и получать от них задания, устраивать показательные процессы над бандитами³⁰.

Между тем, в ночь с 29 на 30 мая бандой фон Киша был проделан рейд по Жуковской и Бурцевской волостям, во время которого погибли несколько коммунистов. При этом впервые милиция обратила внимание, что налицо фактор мести участникам подавления восстания в Молодом Туде в 1918 году.

Вечером 29-го у хутора Степанцево появились 5 вооруженных людей с лицами, замаскированными краской (всего в событиях участвовало до 8 партизан). Они искали Афанасия Бритикова, бывшего милиционера, который в 1918 году конфисковывал имущество у участников восстания. Бритикова расстреляли, дом ограбили и ушли в расположенную неподалеку земледельческую артель-коммуна «Бобково», где расстреляли представителя губернского земельного отдела Смирнова, председателя артели Никитина, жену последнего изнасиловали. Партизаны захватили оружие советских работников, дом был ограблен. Следующим пунктом рейда стала деревня Мишуково, где партизаны нашли дом Дмитрия Новикова, инструктора губсобеса, а в 1918 году – участника подавления восстания, который вел артиллерийский огонь по хутору отца Белякова – Диево. Самого инструктора расстреляли, а его дядю и двоюродного брата пороли плетью. На этом расстрелы закончились, партизаны ушли в лес, но утром появились еще раз, чтобы прибить на стену Бурцевского волисполкома прокламацию³¹.

На экстренном заседании бюро Ржевского укома партии был создан штаб, местная же милиция и политбюро с помощью отряда особого назначения под руководством все того же Петра Илюхина, которому дали право брать заложников и расстреливать бандитов и пособников по своему усмотрению, попыталась захватить банду. В Лаптевской волости удалось обнаружить двух участников отряда – Павла Завьялова и Степана Феканова, но они бежали. Укрывшую их семью Назаровых с хутора Тарутино арестовали и отдали под суд ревтрибунала, имущество конфисковали³².

После этого, будто издеваясь надо всеми усилиями власти, банда ровно через месяц после предыдущей акции, 11 июня снова появляется в Тереховской волости, проводит грабежи в деревне Дядино и селе Завидово, и вновь успешно скрывается от отряда милиции и агентов губернского угрозыска³³.

1 июля Тверская ГубЧК принимает решение о создании оперативного штаба для борьбы с бандитизмом в Осташковском, Ржевском, Бельском и Торопецком уездах из членов коллегий Тверской, Псковской и

Смоленской губерний. Центром его базирования был определен Ржев, создан отряд в 100 человек с 2 пулеметами и 25 конными, оснащенный 2 мотоциклами и 10 велосипедами. Ржевский уком партии обязали выделить 15 коммунистов для разведывательной работы. При штабе была создана выездная сессия ревтрибунала.

4 июля штаб начал работать, правда, чекисты соседних губерний заинтересованности не проявили, – прибыл только сотрудник Бельского политбюро. Число разведчиков-осведомителей увеличили до 25, отряд мелкими группами прочесывал уезды, устраивал засады. Именно тогда было выяснено, что барон фон Киш – ни кто иной, как Фрол Беляков, лидер восстания в Молодом Туде в ноябре 1918 года. За три недели было задержано 30 человек, шестерых из них сессия ревтрибунала приговорила к расстрелу. После этого чекистский отряд ушел из района, оставив только агентуру и представителей Бельского уезда³⁴.

27 июля Бельский военкомат просит ржевских коллег помочь в преследовании на территории Тверской губернии очередной банды, и тут же приходит телеграмма из Павлюковской волости о том, что бандиты разогнали коммуну имени Ленина. Правда, когда отряд в 100 человек прибыл на место, оказалось, что банду никто в глаза не видел, но от страха коммунары разбежались, несмотря на то, что у 20 коммунистов было оружие³⁵.

4 августа губком РКП(б) заслушал доклад председателя губернской ЧК о бандитизме. Было решено подготовить план по его окончательной ликвидации, вооружить коммунистов на местах. ГубЧК требует от местных политбюро усилить работу по ликвидации банд³⁶.

В сентябре вновь в центре событий оказалась Бурцевская волость. Здесь 2 сентября, всего в полутора верстах от волостного исполкома, был убит член уездного исполкома, чрезвычайный уполномоченный по сбору продналога Н. Голицын. Бандиты ранили его из винтовки, стащили с лошади, избили, сняли сапоги и потом добились. Позже следствие установило, что к убийству причастны уже известный нам Павел Завьялов, Михаил Касаткин и некий Ванька, которые скрылись в Бельском уезде. На их задержание была ориентирована вся агентура, объявлена премия за поимку. К поискам подключились чекисты, которые выяснили, что ядро банды составляли около 13 человек, и пытались обнаружить ее местонахождение. По сведениям информаторов, у бандитов были планы по нападению на лавки общества потребителей и склады, уничтожению коммунистов. Последних, правда, больше не убивали, а вот грабежи в сентябре были зафиксированы. После этого губком партии идет на беспрецедентную меру – разрешает выдавать продработникам оружие и боеприпасы, изымая их у партийных функционеров³⁷.

Вскоре бандитизм в Ржевском уезде пошел на убыль, но, несмотря на это, предпринимались серьезные меры для усиления охраны города, железнодорожных станций и мостов, телефона и телеграфа, т. е. объек-

тов, на которые никогда и не нападали. Такая же ситуация была и в Осташковском уезде³⁸.

В начале марта 1922 года партизанам крупно не повезло. Ржевским угрозыском от своих агентов была получена информация о месте расположения основной базы банды фон Киша. Совместно с бойцами особой роты по борьбе с бандитизмом, всего 15 человек, милиционеры начали операцию по ее захвату в Бельском, Осташковском и Ржевском уезде. Было задержано 12 человек по подозрению в пособничестве, дважды отряд вступал в перестрелки с партизанами и задержал двух участников банды: Новикова и Андреева. Первый на допросе и назвал точно расположение базы – у деревни Красное Дуновской волости Осташковского уезда. Стало понятно, почему многочисленные рейды по Бельскому и Ржевскому уездам были безрезультатными: бандиты укрывались на соседней территории. Отряд обнаружил землянку, при ее захвате был убит один партизан, у которого даже нашли документы на имя Косого за подписью барона фон Киша о том, что он состоит в партизанском антибольшевистском отряде. В землянке обнаружили оружие, патроны, продукты. Землянку сожгли, а в Красном арестовали 7 человек, включая председателя местного волисполкома и любовницу Завьялова. Новиков «сдал» пособников банды и в Бельском уезде, где арестовали 8 человек. Всего за две недели милиционеры и бойцы особой роты арестовали 31 человека. Новиков, пытаясь спасти себя, заявил о том, что весной в район действия банды должен приехать сам Беляков³⁹.

Но и без того во Ржевском уезде в это время хватало проблем с бандитами, хотя чекисты справедливо констатировали, что из политического он превращается в уголовный. 13 марта уездный комитет партии решил создать тройку по борьбе с бандитизмом из руководителей укома, уисполкома и милиции. Работа для нее началась практически сразу же: 21 числа неподалеку от Молодого Туда был обнаружен отряд партизан до 15 человек, на перехват которого отправили 30 чоновцев. В результате перестрелки бандиты бежали, бросив оружие и награбленное, два человека попали в плен⁴⁰.

С апреля в Осташковском уезде регулярно появлялись слухи о бандах в Дуновской волости, куда был отправлен милицейский отряд, который никого не обнаружил⁴¹.

Последней акцией партизан в Ржевском уезде, чьи действия уже полностью перешли в уголовную плоскость, стало нападение 4 – 5 июня на Бурцевский волисполком в Ржевском и Монинский в Бельском уездах. Против них были мобилизованы силы милиции, чекистов и чоновцев трех уездов, установлено, что в нападении участвовали бежавший ранее из-под стражи Новиков и Быстров. Как обычно, работа разведки и прочесывание местности результатов не дали. Но 10 и 11 числа милиционеры обнаружили в волости два трупа. В одном из них опознали Новикова,

была даже версия, что он убит за измену Петром Завьяловым, но через несколько дней было установлено, что второй убитый – как раз Завьялов⁴². При каких обстоятельствах они погибли, кто их убил – осталось неясным.

В июне во Ржеве началась выездная сессия ревтрибунала, под которую попали арестованные пособники партизан – 28 человек, из них 5 женщин⁴³. Информацию о вынесенном приговоре обнаружить не удалось.

Агенты в 1922 году не раз сообщали чекистам и милиционерам, что в уезде появился сам Беляков. Но подтвердить эту информацию и тем более задержать его никто так и не смог⁴⁴.

В июне активизировалась борьба с бандами в Осташковском уезде. Отряды неоднократно выезжали на разведку, но бандитов обнаружить не могли и только констатировали, что недовольство в деревне не уменьшается. По агентурным сведениям, партизаны вновь прятались на границе трех уездов, и действовали группами по 5 человек, постоянно перемещаясь. В конце месяца удалось задержать двух партизан, но один из них бежал при конвоировании⁴⁵.

В начале июля в Смоленской губернии бандиты напали на город Холм, были и другие вылазки в этой и Псковской губерниях, в том числе с партизанских баз в Осташковском уезде. По агентурным данным, на территории уезда, в Залесской, Gryлевской и Новинской волостях, базировались две довольно крупные банды, по 20 – 30 человек. Силы ЧОН были мобилизованы в ряде уездов, но до боевых операций дело не дошло. Уезд был в очередной раз прочесан, и вновь бандитов не обнаружили. 6 августа казарменное положение по охране города отменили, но в уезде оставили чоновский отряд в 25 человек⁴⁶.

В последний раз нападения на коммунистов произошли в октябре в Киселевской волости, нападавших арестовали. В Ржевском уезде такие же события были зафиксированы в ноябре. Сводный отряд ЧОН, ГПУ и милиции в конце месяца ликвидировал банду, один ее участник был убит, двое захвачены⁴⁷.

После этого бандитизм в Ржевском уезде, как массовое явление, прекратился. Не только задержать Белякова, но и выяснить место, где он скрывался, никто так и не смог. По некоторым данным, он появлялся в Ржевском уезде вплоть до середины двадцатых годов. Нельзя исключить, что действия его отряда были направлены на формирование организационной и идейной базы для антибольшевистских восстаний, планировавшихся в то время Б. В. Савинковым. Не случайно в своем романе «Конь вороной» Савинков говорит о захвате его отрядами Ржева (в реальности, конечно, подобных событий не происходило). Но, так это было или нет, а с развитием НЭПа никакой базы для антибольшевистских выступлений в деревне не осталось. Крестьяне поверили власти, которая милостиво отпустила им целых восемь лет спокойной жизни. До тех пор, пока русское крестьянство не будет окончательно уничтожено коллективизацией.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Ржевская коммуна. 1918 г. 1 ноября.
- ² *Храмов*. Молодотудское восстание // Спутник коммуниста. 1926. №7–8. С. 70; Государственный архив Тверской области (ГАТО). Ф. Р-847. Оп. 1. Д. 34. Л. 3; Тверской центр документации новейшей истории (ТЦДНИ). Ф. 114. Оп. 1. Д. 6. Л. 19.
- ³ *Храмов*. Указ. соч. С. 67; Ржевская коммуна. 1918 г. 18 ноября; ГАТО. Ф. Р-847. Оп. 1. Д. 34. Л. 3.
- ⁴ Ржевская коммуна. 1918 г. 18 ноября; Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 130. Оп. 2. Д. 632. Лл. 17–18; ГАТО. Ф. Р-291. Оп. 1. Д. 250. Л. 43; Оп. 16. Д. 15. Т. 2. Л. 498; ТЦДНИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 103. Л. 1; Ф. 114. Оп. 1. Д. 6. Л. 19; Оп. 2. Д. 76. Л. 7.
- ⁵ *Храмов*. Указ. соч. С. 68–70; ТЦДНИ. Ф. 114. Оп. 1. Д. 6. Л. 21об.; Оп. 2. Д. 76. Л. 7.
- ⁶ *Храмов*. Указ. соч. С. 70; Ржевская коммуна. 1918 г. 15 ноября; ГАРФ. Ф. 130. Оп. 2. Д. 632. Лл. 17–18; ГАТО. Ф. Р-291. Оп. 1. Д. 250. Л. 43; Оп. 16. Д. 15. Т. 2. Л. 498; Ф. Р-847. Оп. 1. Д. 34. Л. 3; Ф. Р-1585. Оп. 5. Д. 13. Л. 105; ТЦДНИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 103. Л. 1; Ф. 114. Оп. 1. Д. 6. Л. 19; Оп. 2. Д. 76. Л. 7–8; Д. 121. Л. 12.
- ⁷ *Храмов*. Указ. соч. С. 69–70; ГАТО. Ф. Р-1585. Оп. 5. Д. 13. Л. 105; ТЦДНИ. Ф. 114. Оп. 2. Д. 76. Л. 7 об.
- ⁸ *Вишняков Н.* Ржев. М., 1969. С. 167; *Храмов*. Указ. соч. С. 67; ТЦДНИ. Ф. 114. Оп. 1. Д. 6. Л. 19; Оп. 2. Д. 121. Л. 12; Д. 76. Л. 7.
- ⁹ Ржевская коммуна. 1918 г. 15 ноября; ГАРФ. Ф. 130. Оп. 2. Д. 632. Лл. 17–18; ГАТО. Ф. Р-291. Оп. 1. Д. 250. Л. 43; Оп. 16. Д. 15. Т. 2. Л. 498; ТЦДНИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 103. Л. 1; Ф. 114. Оп. 2. Д. 121. Л. 12.
- ¹⁰ ГАРФ. Ф. 130. Оп. 2. Д. 632. Лл. 17–18; ГАТО. Ф. Р-291. Оп. 1. Д. 250. Л. 43; Оп. 16. Д. 15. Т. 2. Л. 498; ТЦДНИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 103. Л. 1; Ф. 114. Оп. 1. Д. 6. Л. 19.
- ¹¹ *Храмов*. Указ. соч. С. 68; Ржевская коммуна. 1918 г. 15 ноября; ГАТО. Ф. Р-1585. Оп. 5. Д. 14. Л. 48; ТЦДНИ. Ф. 114. Оп. 1. Д. 6. Лл. 19 об.–20; Д. 121. Л. 12; Оп. 2. Д. 76. Л. 7.
- ¹² *Храмов*. Указ. соч. С. 68; ГАТО. Ф. Р-1585. Оп. 5. Д. 13. Л. 105; ТЦДНИ. Ф. 114. Оп. 1. Д. 6. Лл. 20–21.
- ¹³ *Храмов*. Указ. соч. С. 70; ГАТО. Ф. Р-291. Оп. 1. Д. 139. Л. 24; Д. 256. Л. 49; Ф. Р-1585. Оп. 5. Д. 13. Л. 94; Д. 14. Л. 48; ТЦДНИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 59. Л. 3; Д. 67. Л. 76; Д. 103. Л. 3; Ф. 114. Оп. 2. Д. 76. Л. 7; Д. 121. Л. 13.
- ¹⁴ *Храмов*. Указ. соч. С. 68; ГАТО. Ф. Р-1585. Оп. 5. Д. 14. Л. 48; ТЦДНИ. Ф. 114. Оп. 1. Д. 6. Л. 20.
- ¹⁵ *Храмов*. Указ. соч. С. 68 – 69; ТЦДНИ. Ф. 114. Оп. 1. Д. 6. Лл. 20 об.–21; Оп. 2. Д. 76. Лл. 7–8.
- ¹⁶ *Вишняков Н.* Указ. соч. С. 169; *Храмов*. Указ. соч. С. 69; Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 6. Оп. 10. Д. 9. Лл. 9–10; ГАТО. Ф. Р-1585. Оп. 5. Д. 13. Лл. 105, 107, 123; ТЦДНИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 103. Л. 3; Ф. 114. Оп. 2. Д. 76. Л. 7об.; Д. 121. Л. 13.
- ¹⁷ *Храмов*. Указ. соч. С. 69; ТЦДНИ. Ф. 114. Оп. 2. Д. 76. Лл. 7об.–8.
- ¹⁸ Ржевская коммуна. 1918 г. 28 ноября; ГАТО. Ф. Р-1585. Оп. 5. Д. 13. Лл. 107, 123; Ф. Р-847. Оп. 1. Д. 22. Лл. 1–2; ТЦДНИ. Ф. 114. Оп. 1. Д. 6. Л. 21; Оп. 2. Д. 76. Л. 7об.
- ¹⁹ Ржевская коммуна. 1918. 18 ноября, 22 декабря; ГАТО. Ф. Р-291. Оп. 1. Д. 256. Л. 52; Ф. Р-1585. Оп. 5. Д. 13. Л. 107; ТЦДНИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 67. Л. 76; Д. 103. Л. 3; Ф. 114. Оп. 1. Д. 6. Лл. 21об.–22; Д. 76. Л. 4об.
- ²⁰ РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 9. Лл. 9–12; ГАТО. Ф. Р-291. Оп. 1. Д. 139. Л. 14; Ф. Р-1585. Оп. 5. Д. 13. Л. 123.
- ²¹ ГАТО. Ф. Р-291. Оп. 1. Д. 139. Л. 27; Ф. Р-1585. Оп. 5. Д. 12. Л. 5.

- ²² Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ).
 Ф. 17, Оп. 4. Д. 74. Л. 101.
- ²³ Ржевская коммуна. 1919. 19 мая.
- ²⁴ Правда. 1919. 19 ноября.
- ²⁵ Тверская правда. 1921 г. 15 февраля; Ржевская правда. 1921 г. 15 февраля; ГАТО. Ф. Р-2503. Оп. 2. Д. 3. Лл. 16–22, 32
- ²⁶ ГАТО. Ф. Р-2503. Оп. 2. Д. 3. Лл. 22, 32об., 68.
- ²⁷ Тверская правда. 1921. 13 февраля, 15 февраля, 16 февраля, 21 февраля; ГАТО. Ф. Р-2503. Оп. 2. Д. 3. Лл. 19, 22, 26, 28.
- ²⁸ ГАРФ. Ф. 393. Оп. 31. Д. 55. Л. 64; ГАТО. Ф. Р-260. Оп. 4. Д. 3. Лл. 54–55, 59; Ф. Р-291. Оп. 16. Д. 143. Лл. 7, 14, 25–26; Ф. Р-847. Оп. 1. Д. 92. Лл. 49, 54–55, 59; Д. 94. Л. 47; ТЦДНИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 725. Л. 77; Ф. 6. Оп. 1. Д. 106. Лл. 27об.–28
- ²⁹ ГАТО. Ф. Р-291. Оп. 16. Д. 143. Л. 7; Ф. Р-2503. Оп. 2. Д. 3. Лл. 62, 68; ТЦДНИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 725. Л. 77.
- ³⁰ ТЦДНИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 284. Л. 60
- ³¹ ГАТО. Ф. Р-291. Оп. 16. Д. 143. Л. 31; Ф. Р-847. Оп. 1. Д. 92. Л. 93.
- ³² ГАТО. Ф. Р-203. Оп. 2. Д. 3. Л. 88; Ф. Р-291. Оп. 16. Д. 143. Л. 31; Ф. Р-2503. Оп. 2. Д. 3. Л. 89; ТЦДНИ. Ф. 65. Оп. 1. Д. 729. Л. 8.
- ³³ ГАРФ. Ф. 393. Оп. 31. Д. 55. Лл. 65–66; ГАТО. Ф. Р-291. Оп. 16. Д. 143. Л. 7.
- ³⁴ ГАТО. Ф. Р-291. Оп. 16. Д. 143. Лл. 7, 14, 47; Ф. Р-847. Оп. 1. Д. 92. Л. 88; ТЦДНИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 725. Л. 103.
- ³⁵ ГАТО. Ф. Р-2503. Оп. 2. Д. 2. Л. 59.
- ³⁶ ТЦДНИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 677. Л. 161; Ф. 10. Оп. 1. Д. 284. Л. 2.
- ³⁷ Ржевская правда. 1921. 7 сентября; ; ГАТО. Ф. Р-291. Оп. 1. Д. 143. Л. 106; Ф. Р-847. Оп. 1. Д. 92. Л. 165; ТЦДНИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 725. Л. 12; Ф. 10. Оп. 1. Д. 284. Л. 211.
- ³⁸ ГАТО. Ф. Р-291. Оп. 1. Д. 143. Л. 135об.; Ф. Р-1940. Оп. 1. Д. 86. Л. 2; Д. 89. Л. 10.
- ³⁹ ГАТО. Ф. Р-1940. Оп. 1. Д. 325. Л. 71; ТЦДНИ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 207. Л. 12; Д. 208. Л. 3.
- ⁴⁰ ГАТО. Ф. Р-1940. Оп. 1. Д. 325. Лл. 66–67; ТЦДНИ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 17. Л. 14.
- ⁴¹ ГАТО. Ф. Р-1940. Оп. 1. Д. 325. Лл. 104, 106.
- ⁴² АТО. Ф. Р-1940. Оп. 1. Д. 88. Л. 34; Д. 325. Лл. 262–265, 279; Д. 326. Лл. 124–127.
- ⁴³ Ржевская правда. 1922. 14 июня; ГАТО. Ф. Р-1940. Оп. 1. Д. 325. Л. 262.
- ⁴⁴ ГАТО. Ф. Р-1940. Оп. 1. Д. 235. Лл. 485, 488, 495; Д. 326. Лл. 219, 227.
- ⁴⁵ ГАТО. Ф. Р-1940. Оп. 1. Д. 88. Л. 34; Д. 235. Л. 267; ТЦДНИ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 251. Лл. 45, 63
- ⁴⁶ ГАТО. Ф. Р-260. Оп. 4. Д. 3. Л. 79об.; Ф. Р-1940. Оп. 1. Д. 235. Л. 352; Д. 326. Л. 173; ТЦДНИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 234. Л. 13; Ф. 6. Оп. 1. Д. 251. Лл. 51, 58; Ф. 10. Оп. 1. Д. 284. Л. 204.
- ⁴⁷ ГАТО. Ф. Р-1940. Оп. 1. Д. 235. Лл. 443, 450, 478; ТЦДНИ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 257. Лл. 42, 46.

В НИЖНЕМ ПОВОЛЖЬЕ И ПРИХОПЁРЬЕ

«ЗЕЛЕНОВЩИНА» ПРИХОПЁРЬЯ В СВЕТЕ МЕМУАРНЫХ ИСТОЧНИКОВ: ЛИДЕРЫ, ОРГАНИЗАЦИЯ, ИТОГИ

А. О. Булгаков

(Балашов Саратовской области)

Весной – летом 1919 года территорию Прихопёрья захлестнула волна «зеленого» движения. На территории Новохоперского и Балашовского уездов возник целый ряд повстанческих анклавов, численность восставших неуклонно росла как вследствие реализации политики «военного коммунизма» в прифронтовой полосе, так и за счет массового дезертирства красноармейцев из частей 8-й и 9-й армии красного Южного фронта¹.

Нужно отметить, что данные выступления зачастую сочетали в себе как многочисленность, так и неплохую организованность. В связи с этим представляется интересным рассмотреть народных лидеров данных движений, прояснить их социальное происхождение, роль в организации зеленых и последующем ходе восстания.

Архивные источники, как правило, достаточно скупо повествуют о личностях повстанцев, намного больше информации хранят мемуары односельчан, бывших коммунистов и активистов. В них освещается повстанчество «изнутри» сельского сообщества, хорошо прослеживаются родственные связи, указывается социальный статус того или иного лица, раскрывается мотивация действий. Нередко подобные материалы хранятся в музеях сельских школ и, таким образом, остаются недоступными широкому кругу исследователей.

На наш взгляд, в рамках обозначенной темы наибольшую ценность представляют исследованные нами воспоминания коммуниста Алексина (село Макашевка Борисоглебского района, сохранились частично),

А. М. Атаманенко (село Еловатка Самойловского района), Е. Ф. Иванова (село Терновка Балашовского района), С. А. Фонова (село Подгорное Романовского района), Ф. Н. Полянского (Балашов). Кроме того, представляют интерес мемуары П. Ф. Мирошникова (город Балашов), В. Ф. Анисимовой (Балашов).

Одним из центров массового крестьянского повстанчества в Прихопёрье стало село Макашевка. Вот как советский мемуарист описывает развитие событий.

С началом реализации продразверстки местные органы власти сразу же столкнулись с массовым саботажем со стороны населения. Это проявлялось как в зарывании хлеба в землю, так и в переходе части крестьян фактически на нелегальное положение (укрывались с лошадьми и добром в лесу). Кроме того, в селе велась агитация против советской власти, продвижение частей Белой армии воспринималось с радостью.

Поворотным пунктом в организации восстания следует считать возвращение весной 1919 года в Макашевку группы дезертиров из Красной армии: Павла Лебедева (прозвище – Шкаля), Дмитрия Прокопенко, Дмитрия Кузьменко, Егора Базока. Как отмечает мемуарист, все они были сыновьями кулаков и купцов, служили матросами Черноморского и Балтийского флотов. Немного позже в село возвращается бывший прапорщик Сергей Бирюков (сын «крупнейшего кулака»), рецидивист и «гроза села» Федот Водолазов, а также Николай Ворожбитов, сын торговца-черносотенца, преследуемый советскими властями².

Отметим, что в тексте мемуаров идеологический штамп «кулак», «сын кулака», «торговец» встречается довольно часто. Применительно к вышеназванным лицам это обращение соответствует действительности, что становится понятно по тексту мемуаров. В других случаях, скорее всего, автор задним числом пытается переложить ответственность на зажиточных односельчан, хотя периодически упоминает о «поголовности» восстания.

Таким образом, в Макашевке оказались и те сельчане, кто имел опыт военной службы (дезертиры и прапорщик Бирюков), и те, кто так или иначе был связан с криминальным миром (Водолазов и Ворожбитов). Именно им предстояло сыграть ключевую роль в подготовке зеленого движения, а затем и возглавить его.

С приближением к Макашевке линии фронта количество дезертиров неуклонно росло. Постепенно они переходили на легальное положение, возвращались в родные села, где заняли вполне определенную позицию по отношению к советской власти. Налаживаются связи с дезертирами других сёл, раздаются открытые угрозы в адрес коммунистов.

Интересен следующий сюжет. Прибывший из армии матрос Роман Копейкин (прозвище – Ромаха) вскоре был назначен военным комиссаром. Спустя некоторое время он попал под влияние своих земляков-дезерти-

ров. Коммунист Алексин в своих мемуарах не указывает, что Копейкин на первых этапах принимал непосредственное участие в восстании, но «не избавился от связи с бывшими соратниками, зная об их планах не проявил стремления к разоблачению»³. В то же время, С. А. Фонов в воспоминаниях организатором зеленых в селах Свинуха и Инясево называет матроса Копейкина⁴. Кроме того, некий Копейкин из Макашевки фигурирует в качестве руководителя похода зеленых на станцию Родничок в июне 1919 года⁵. Очевидно, что в сложившихся условиях начался раскол большевистской ячейки и переход части ее членов на сторону готовивших восстание односельчан. Кроме того, организаторский опыт Копейкина позволил ему относительно быстро оказаться на руководящей должности уже у зеленых.

Местная власть в лице секретаря коммунистической ячейки Перепелицына и коммуниста Кашеева пыталась бороться с «кулаками». В частности, им удалось обезоружить Федота Водолазова, но из-под ареста он благополучно сбежал (помогли односельчане?). В ответ на это, ночью на квартиру к Перепелицыну явились Павел Лебедев и Базок, которые предъявили ультиматум: «Прекратить большевистскую деятельность, не идти против односельчан-мужиков, в противном случае они его пристрелят, а дом сожгут». Вызывает интерес обращение к коммунисту-земляку: «Что тебе больше всех нужно? Зачем ты мутишь народ? Большевикам скоро конец, потому лучше тебе держаться за своих, добра тебе желаем».

Не сумев договориться с властью, восставшие макашевцы убили коммуниста Кашеева, Перепелицыну удалось бежать. В условиях, когда местная ячейка оказалась фактически обезглавлена, повстанцы готовят более масштабное выступление. В доме Лебедева появились представители окрестных сёл – Тюковки, Губарей, Горелки, Рассказани – для проведения организаторской работы. В Область Войска Донского отправили посланцев, которые вернулись с обещанием поддержки выступления со стороны белых.

В девять часов утра 14 мая 1919 года вооруженные повстанцы во главе с Лебедевым, Бирюковым, Прокопенко, Кузьменко, Водолазовым и примкнувшим военкомом Копейкиным арестовали милиционеров Костогрызова, Швыдченко, Ахтырского, председателя комбеда, председателя волревкома Куринова, секретаря ревкома Копейкина (родственник военкома?) и отца сбежавшего Перепелицына. В полдень население собралось по набату на базарной площади. С крыльца волостного ревкома бывший прапорщик Бирюков объявляет «сходку открытой». Павел Лебедев произнес перед односельчанами речь, приводим ее полностью в передаче мемуариста:

«Вы уже знаете, что произошло. Мы арестовали большевиков, которые разоряли нас, нет сил больше терпеть их, да и нужды в этом теперь нет.

Советская власть и большевики довели нас до разрухи, силой отнялижитое нами годами, хлеб, скот и другое имущество, надругаются над православной церковью. Но советам уже не воскресать. В соседних с нами селах мужики тоже свергли советскую власть и устроили над коммунистами суд. Казаки на всех фронтах одерживают победы. Мы должны вооружиться, чтобы продержаться до прихода казаков, а с их приходом заживем по-настоящему. Постоим мужики за нашу Россию!»

Из текста обращения понятны причины восстания. Односельчане одобрили действия повстанцев. Было учрежден штаб «Зеленой армии», который возглавили Бирюков, Копейкин и Лебедев, организован склад вооружения, принято решение объявить мобилизацию. Старшиной избрали «кулака» Гаврилу Павловича Попова, была возрождена волостная управа. Таким образом, повстанцы создавали как органы гражданского управления, так и командование объединенными вооруженными силами зеленых.

Здесь же, на сходке, произошел своего рода народный суд над коммунистами. Отметим характерный штрих «землячества», – местные уроженцы Куринов и Копейкин, равно как и отец Перепелицына, после того, как попросили прощения и обещали быть «впредь с мужиками», были отпущены. Прикомандированных же из уезда милиционеров и коммунистов ночью расстреляли.

Интересна организация зеленых. По воспоминаниям Алексина, население собиралось по набату, который стал обычным явлением. Он же служил сигналом для начала тренировок мобилизованных повстанцев. По окраинам села постоянно выставлялся караул, с колокольни штабными дежурными велось наблюдение за окрестностями, попереки дорог были положены бороны, около села Горелка – отрыты позиции. Упоминает мемуарист и своеобразный опознавательный знак восставших – зеленую ленту на головном уборе. Штаб зеленых руководил совместными действиями с восставшими крестьянами других сел, хотя там были свои главари. Связь поддерживалась при помощи верховых гонцов из Макашевки⁶.

Представляется любопытным рассмотреть боевые операции «зеленых». Центральную роль в формировании вооруженных сил повстанцев и управлении ими сыграл бывший прапорщик Сергей Бирюков, видимо, имевший солидный боевой опыт (мемуарист упоминает, что «его грудь увешана крестами и медалями»). В то же время, связь с крестьянскими вожаками других сел и координацию действий осуществлял Роман Копейкин (по ходу повествования автор сообщает, что Копейкина постоянно видели разъезжающим между селами или проводящим время в разговорах с местными главарями). Видимо, опыт работы военкомом помогал ему выполнять эту функцию. Обучение мобилизованных повстанцев проходило под руководством кулака Прокопенко (отец Дмитрия Прокопенко, матроса – дезертира).

17 мая на подавление восстания двинулась пензенская рота, охранявшая разъезд Родничок. Навстречу ей из Макашевки выдвинулись около 400 повстанцев, руководимых Бирюковым. Импровизированную кавалерию возглавил «кулак-черносотенец» Ворожбитов (отец Николая, бежавшего в Макашевку из Царицына). В ходе завязавшегося боя макашевцам удалось обратить противника в бегство. Красноармейцы были вынуждены вернуться на исходные позиции под прикрытием пулеметного огня.

Следующее относительно крупное боестолкновение произошло в промежуток между 19 и 21 мая (мемуарист не указывает точную дату, датируем по тексту повествования). Теперь наступление красноармейских частей велось на восставшее село Третьяки. Силы, брошенные на подавление восстания, составляли более двух батальонов при четырех пулеметах. Численность повстанцев вряд ли превышала 600 человек. Красным командованием предполагалось нанесение двух одновременных сходящихся ударов на Третьяки, причем левый фланг должен был обойти село лесом и вклиниться во фланг обороны «зеленых», а правому предстояло штурмовать единственную переправу через Хопер, которая располагалась напротив центра села. Сразу же отметим нерешительное и неумелое управление красными частями: левый фланг, не выслав разведки, попал в засаду в лесу и, понеся потери, был вынужден отойти. Правый фланг топтался перед мостом, несколько раз предпринимая нерешительные попытки штурма, но, неся потери, каждый раз откатывался на исходные позиции.

Намного интереснее действия «зеленых» при обороне села. Расположив незначительные силы на крайней улице, находящейся перед мостом через Хопер, им удалось создать видимость малочисленности для правого фланга красноармейцев. В то же время, на более высоком противоположном берегу реки между дворов находились значительные силы повстанцев, которые открыли огонь на максимально близком расстоянии, причинив наступающим большой урон. «Зеленые», устроившие засаду на левом фланге, после отхода красноармейцев бросились в преследование, выйдя во фланг атакующим мост частям. К сожалению, в мемуарах отсутствует несколько страниц, поэтому итоги боя и его дальнейшее развитие остается для нас неизвестным. Однако отметим, что в тактическом плане восставшие крестьяне намного переигрывают красные части.

Но наиболее успешной для повстанцев оборонительной операцией стал бой 5 июня 1919 года. Советские части нанесли два одновременных удара: правый фланг под командованием Катасонова на село Рассказань, левый фланг под командованием Макарука на Красный Куст и далее на Горелку. Нам неизвестна численность войск, брошенных на подавление восстания, но наличие как минимум четырех орудий и не менее шести пулеметов, позволяет говорить о значительных силах.

Под Рассказанью фактически повторился сценарий боя под Третьяками: «зеленые» выставили незначительные силы перед селом, которые изобразили стремительный отход за Хопер. Там уже, видимо, были выставлены заслоны, которые своим огнем не давали противнику переправиться. В это время основные силы «зеленых» совершили обходной маневр и появились в тылу атакующей группировки красных, чем вызвали панику. В результате повстанцам удалось захватить все четыре орудия и три пулемета, красноармейцы в полном беспорядке отступили, потеряв только пленными более сотни человек.

В Горелке повстанцы упорно обороняли крайнюю улицу, но были вынуждены отойти в село. Неожиданно для красноармейцев с правого фланга группы, со стороны «зеленых», стали доноситься пулеметные очереди, – это подоспели силы повстанцев из Рассказани. Неся потери, атакующие были вынуждены отойти на исходные позиции⁷.

Резюмируя рассмотренные операции, отметим достаточно высокую слаженность действий повстанцев. Очевидно, здесь сыграло решающую роль единое командование силами «зеленых» из различных сел. Сочувствие населения также имело немаловажное значение. В красных частях, боровшихся с «зеленовщиной», напротив, измена и предательство стали нередкими событиями. Так, в бою под Родничком весь правый фланг обороны красных был прорван и уничтожен в результате сговора с «зелеными»⁸. В рассматриваемых эпизодах сложно представить настолько успешные действия повстанцев без своевременно полученной информации.

В рамках рассмотрения взаимодействия штаба «зеленых» из Макашевки с окрестными селами, вызывают интерес мемуары председателя комбеда села Дурникино С. А. Фонова. В них он сообщает, что в мае 1919 года в окрестных селах Инясево и Свинуха поднималось восстание под руководством ранее неоднократно упоминавшегося нами Копейкина. Коммунисты на собрании приняли решение уходить из Дурникино. Вскоре из села донесся набат, – началась сходка. Видимо, на ней был избран старшина – Алексей Коробов, и формировались вооруженные отряды, руководителями которых стали бывшие офицеры Николай Семенович Арестов и Николай Викторович Еремеев. Возможно, здесь мы можем говорить о своего рода насильственной постановке на должность односельчан, имеющих боевой опыт, так как Фонов ни разу не указывает на то, что эти лица являлись противниками большевиков до прихода «зеленых» из других сел. Прошли облавы на коммунистов и обыски в их домах. Однако восстание было недолгим, – на третий день силы повстанцев столкнулись с красным отрядом и были рассеяны, Арестов расстрелян на месте. Дурникинцы частью ушли в отступление, а значительная часть вернулась по домам⁹.

Объяснить настолько быстрое поражение восстания можно тем, что Дурникино находилось на периферии восстания: сказывалось расстоя-

ние от штаба в Макашевке (дальше от штаба повстанцев находилось лишь село Романовка, однако об организации там восстания имеются лишь отрывочные сведения¹⁰) и отсутствие подкрепления из других сел. Кроме того, сыграла свою роль спешная переброска красного отряда из Балашова по железной дороге.

Не менее интересными представляются мемуары Е. Ф. Иванова, касающиеся села Терновки Балашовского уезда. Стоит отметить, что Терновка еще в период первой русской революции активно проявила себя: попытка убийства управляющего имением Волконского, избиение жандарма, поджог помещичьих скирд и имения. В селе функционировал кружок «политиков» – революционеров, возглавляемых Василием Антоновичем Тарунтаевым. Вполне стереотипная для эпохи ситуация сложилась в двухклассной министерской школе: учителя, зараженные революционным духом, раздают брошюры и «сеют революционное семя».

В то же время, в Терновке имелась значительная группа, провозглашавшая себя «Союзом истинно русских людей». В него вошли крупные землевладельцы и торговцы Морозов, Ефремов, Хорошилов, Шилин, Маркин, Пылин, Белоедов, Ефанов и другие. Очевидно, эти люди были настроены весьма решительно, – прибывшего из Балашова агитатора-революционера они не только изгоняют из села, но и забывают до смерти.

Столыпинские преобразования были встречены поначалу с осторожностью. Однако затем из 1200 домовладений села Терновки выделилось более 100. Две революции 1917 года обострили противоречия между односельчанами, каждый день проходили митинги. Однако решающее слово оказалось за прибывшими с фронта солдатами, настроенными почти поголовно по-большевистски.

Резкое изменение общественного мнения произошло с началом реализации политики продовольственной диктатуры. Население начало относиться к большевикам со все большей осторожностью. Кроме того, в село возвратились бывшие офицеры Дмитрий Рогов (Божин – так в тексте мемуаров) и Василий Сергеев (Архипов), сплотившие вокруг себя черносотенцев села и всех противников новой власти. Сами офицеры себя относили к социалистам-революционерам.

На первых этапах противостояние не выходило за рамки политического поля, – большевики и черносотенцы, как называет их автор мемуаров, проводили активную работу по выборам кандидатов в Терновский волостной совет. По результатам голосования из пяти членов волсовета двое оказались от черносотенцев. Однако уже летом 1918 года офицеры с группой односельчан под руководством кулаков Морозова и Ефанова, без ведома местной советской власти, организовали в министерской школе большое собрание, на котором выступали с критикой большевиков, требовали «ропуска советов и выбора комитетов». Очевидно, причиной обострения положения стало изъятие излишков озимого хлеба и перераспре-

деление их по бедняцким хозяйствам. Прибывший на место волостной военком Иванов с группой активистов был вынужден спасаться бегством, так как митингующие собирались его арестовать. Вооружив местную ячейку, Иванов смог подавить выступление. Рогов и Сергеев скрылись.

Мотивы первого открытого выступления нетрудно понять, – как вспоминал Е. Ф. Иванов, с Терновской волости изъято было излишков «целый эшелон». С некоторых хозяйств удавалось «выкачать» по половине вагона хлеба. И все это в условиях действий «мешочников», когда зерно становилось универсальной валютой, позволявшей выменять все что угодно.

Осенью 1918 года фронт приблизился к Терновке. В селе прошла мобилизация в РККА. Отметим интересную деталь: мобилизованные были доставлены в Балашов, там помитинговали и вернулись по домам. В армию они попали только после расследования комиссии. В селе по пути на фронт останавливается тамбовский полк (автор воспоминаний сомневается в его наименовании). В части начался мятеж, к которому примкнули жители Терновки. Возникли собственные органы управления, председателем волостного комитета стал Дмитрий Иванович Морозов; вернулся скрывавшийся от большевиков офицер Рогов. Однако выступление было недолгим, – после артобстрела восставшего полка частями Красной армии солдаты сдались. Часть зачинщиков попала под арест, Рогову вновь удалось скрыться. Он был, однако, вскоре пойман и за связь с контрреволюцией посажен в Бутырскую тюрьму, однако бежал и оттуда, и объявился в Терновке уже в пик «зеленовщины».

В начале июня 1919 года мемуарист, ставший к тому времени членом исполкома Родничковского волисполкома, вместе с коллегами обсуждал сложившееся положение: в Макашевке и соседних селах уже существовали постоянные силы «зеленых», которые посылали разведчиков в населенные пункты Балашовского уезда. Не стала исключением и Терновка, где местные кулаки 6 июня принимали разведку повстанцев в своих домах и отправили своего связного, Андрея Ильича Ефанова, в Макашевку. А уже 7 июня Терновка была занята восставшими, спустя несколько часов «зеленые» взяли Михайловку.

Мемуарист был вынужден уйти из села, дальнейший ход событий позволяют проследить показания Г. А. Крылова, учителя села Михайловки. Он сообщает, что «зеленые» организовали собрание, на которое пригласили его брата прапорщика Н. А. Крылова и другого офицера, И. Ф. Протянова. Оба они были поставлены односельчанами на командные должности, хотя сами офицеры высказывались против присоединения к восстанию. Комендантом Терновки был избран Протянов. Таким образом, село образовало устойчивый повстанческий анклав¹¹.

Отметим интересный момент: коммунист Иванов, убегая из Терновки, зашел к своему однополчанину в селе Михайловка, Лихолетову Ивану, который еще недавно сочувственно относился к коммунистам. Тот сразу

же набросился на гостя с бранью, затем выхватил револьвер, и только заступничество матери Ивана сохранило жизнь автору. Поводом для конфликта стало то, что убегающие местные власти самовольно реквизировали лучших коней, пасшихся на окраине села, среди которых был и конь Ивана. Вот как ситуативные факторы влияли на отношение крестьян к большевикам.

Уже вечером 7 июня рота красноармейцев при поддержке двух броневиков вошла в Михайловку, но сил противника там не обнаружила. На следующий день было предпринята попытка наступления на Терновку, но атакующие наткнулись на позиции «зеленых», отрытых на окраине села. Задержав противника перед оборонительной линией, повстанцы попытались обойти его с флангов, но красноармейцы отступили. Далее боестолкновения с повстанцами в Родничковской волости шли непрерывно. Видимо, в конце июня красным частям удалось занять Терновку, но успех был эпизодическим, – через несколько часов «зеленые» контратаковали и вернули село.

К большому сожалению, источник скупо освещает организацию повстанцев в Терновке. Приведем ряд имеющихся сведений. После перехода власти в руки «зеленых» и продвижения линии фронта на север, ближе к Балашову, в селе разместился штаб, руководимый, по словам автора, «каким-то белым полковником». При этом штабе несли службу некоторые жители Терновки: Леонов Андрей, Белоусов Федор Лаврентьевич, Иван Иванович Филин и Алексей Ветерок, участник Русско-японской и Первой мировой войн. Снова в селе при белом штабе появляется офицер Дмитрий Рогов.

Отметим крайне интересное обстоятельство: в приказе №1 по строевой части по Степному Стрелковому полку Вооруженных Сил Юга России от 8 июля 1919 года полковником Ивановым некому штабс-капитану Рогову предписывалось в кратчайший срок сформировать полк из самооблизовавшихся крестьян сел Терновки, Михайловки, Родничка, Данилкино, Сухой Елани и др. Сам Рогов с 8 июля считался командиром формируемого полка¹².

Не идет ли речь в мемуарах и приказе об одном и том же лице? По нашему мнению, с высокой долей вероятности можно утвердительно ответить на этот вопрос. Территория действия, фамилия и временные рамки совпадают. Кроме того, явно не случаен выбор командира для формирования такого рода «крестьянского» полка, – это должен быть местный вожак, широко известный своей инициативностью и обладающий опытом руководства. Однако ставить точку здесь явно преждевременно, дальнейшие исследования должны подтвердить или опровергнуть данную гипотезу.

Интересные сведения содержатся в воспоминаниях Ф. Н. Полянского, хранящихся в Балашовском филиале Государственного архива Саратов-

ской области. В частности, автор мемуаров так описывает организацию «зеленых»: в селах выбирались коменданты, которые занимались как военными делами, так и административно-хозяйственными вопросами в соответствии с присылаемыми из штабов «Зеленой» армии указаниями.

Автор указывает руководителя восставших в Казачкинской и Луначарской волостях Балашовского уезда – Василия Козлова, сына торговца из Балашова. «Зеленые» под его командованием нанесли несколько поражений на границе Аткарского и Балашовского уездов красному отряду Черемушкина. Однако после череды поражений, повстанческий отряд распался, значительная его часть впоследствии влилась в Красную Армию. Известно, что Василий ушел с белыми частями на юг, где и погиб.

В Самойловской и отчасти Казачкинской волостях повстанцами командовали дворянин Леонид Аблов и житель села Каменки Казачкинской волости, бывший офицер Бутенко. После спада «зеленого» движения Аблову удалось скрыться, а вот Бутенко еще долгое время проживал в своем селе. Организованный ими полк ушел в Донскую область, где слился с Белой армией¹³. Можно ли считать это соединение еще одним «крестьянским» полком в составе ВСЮР, однозначно ответить пока невозможно.

Еще одним селом, давшим устойчивый повстанческий анклав, стала Малиновка Аркадакской волости Балашовского уезда. К сожалению, нам не удалось обнаружить достаточно подробных воспоминаний, связанных с этим эпизодом. Однако в Балашовском архиве хранится статья из газеты «Известия» от 22 августа 1919 года, в которой Иван Горин описывает малиновское восстание. По его словам, в селе длительное время шла агитация против советской власти, в которой активное участие принимали как кулаки и священники, так и бывшее офицерство. Уже к середине июня в Аркадакско-Турковском районе около 40 населенных пунктов поддерживали восставших. Главарями стали братья Ченыкаевы и бывший офицер Мокеев, штабом – село Малиновка. Численность зеленых доходила до двух полков при двух пулеметах. Очевидно, восставшие незамедлительно принялись укреплять свои села, – в окрестностях многих из них были открыты позиции.

Первое наступление красных частей восставшие успешно отбили. Во второй раз, получив из Аркадака артиллерию, красным удалось овладеть Малиновкой, причем в результате боя было убито около 50 «зеленых» и сожжено 283 двора. Штабные главари успели скрыться¹⁴.

А. В. Посадским подробно рассмотрена «зеленая» эпопея слободы Еловатки¹⁵. Поэтому мы не будем приводить текст мемуаров, а лишь изложим некоторые наблюдения.

Как и в случае с Макашевкой, в подготовке восстания в Еловатке сыграли значительную роль дезертиры, скрывавшиеся в соседнем лесу. Слобода выделила лидеров из своей же среды – Довиденко (прзвище –

Лысый Хвядько) и Петра Комнатного (Петро Курча). Особенно отметились жители Еловатки неоднократными успешными операциями по разоружению частей Красной армии. Однако восстание было недолгим, – спустя две недели «зеленые» при приближении карательных красных отрядов рассыпались. Лишь тринадцать человек во главе с Лысым Хвядько ушли в Белую армию¹⁶.

Работу по выявлению новых мемуарных источников, в той или иной степени освещающих «зеленовщину» в Прихоперье, нельзя признать законченной. Работа в этом направлении будет продолжена при активном содействии членов поискового отряда «Южный фронт» (МОУ «Лицей города Балашова Саратовской области»).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Подробнее см. *Посадский А. В.* От Царицына до Сызрани: очерки Гражданской войны на Волге. М.: АИРО-XXI; ГПИБ, 2010. С. 296–396.

² Воспоминания коммуниста Алексина, хранятся в школьном музее села Макашевка. Лл. 45.

³ Там же. Л. 5.

⁴ Воспоминания С. Фонова хранятся в школьном музее села Подгорного Романовского района Саратовской области. Л. 25.

⁵ *Смотров В. В., Смотров О. В., Кузеванов Л. И.* Балашовское Прихоперье в годы испытаний: очерки истории и историографии / Под науч. ред. Л. М. Кузевановой. Балашов: изд-во «Николаев», 2007. С. 227.

⁶ Воспоминания коммуниста Алексина. Лл. 5–10.

⁷ Там же. Лл. 10–16.

⁸ *Мирошников П. Ф.* Рассказ старого большевика о А. М. Шатилове и Д. В. Романове. Из фондов Балашовского краеведческого музея. НВСП 7561.

⁹ Воспоминания С. Фонова. Лл. 25–26.

¹⁰ *Рыбаков И. Ф.* Воспоминания. Из фондов Балашовского краеведческого музея (БКМ). БКМ 3/6.

¹¹ *Иванов Е. Ф.* Воспоминания о революционном движении и других героических событиях Терновской волости Балашовского района Саратовской области. БКМ 256/3.

¹² *Посадский А. В.* Степной Стрелковый полк: воронежские и саратовские крестьяне в рядах ВСЮР // Военно-исторические исследования в Поволжье: сб. науч. трудов. Саратов: изд-во «Научная книга», 2005. Вып. 6. С. 103–105.

¹³ *Полянский Ф. Н.* Воспоминания. Балашовский филиал Государственного архива Саратовской области (БФ ГАСО) Ф.К. (Коллекция) Оп. 1. Д. 77. Лл. 2–3.

¹⁴ БФ ГАСО. Ф.К. Оп. 1. Д. 77. Лл. 10–12.

¹⁵ *Посадский А. В.* От Царицына до Сызрани... С. 313–316.

¹⁶ Воспоминания Атаманенко Артема Мироновича, уроженца с. Еловатки. Сектор по делам архивов администрации ОМО Самойловского района. Ф. 64. Оп. 1. Д. 16. Лл. 7–13.

РОБИН ГУД ПРИЭЛЬТОНЬЯ: ХРОНИКА ДЕЯНИЙ ПАРТИЗАНА ГРИГОРИЯ НОСАЕВА (1919–1924 ГОДЫ)

Яценко В. Г. (Волгоград)

Григорий Леонтьевич Носаев – легендарный герой Крестьянской войны в Приэльтонье. В фокусе Клио он оказался в период с 1919 по 1924 годы. События его жизни до начала Гражданской войны и его пост-партизанская биография – неизвестны. Зато внутри этого исторического мгновения исследователь может обнаружить изобилие архивных документов и воспоминаний очевидцев¹, рассказывающих о кровавых деяниях яркого антисоветчика и неутомимого организатора повстанческого движения в степном крае. Около пяти лет, благодаря усилиям Григория Леонтьевича, Приэльтонье в треугольнике Кайсацкая – Эльтон – Булухта являло собой на теле Советской республики черную дыру безвластия, в которой безвестно исчезали продотряды, совработники, материальные и финансовые ресурсы. Свет большевизма угасал здесь, не достигнув даже горизонта событий.

С осени 1918 года действия степных партизан полностью парализовали работу большевиков в Заволжье. Можно с большой долей уверенности утверждать, что в то время Советской власти в сельских районах Царицынского и Астраханского Заволжья не было. Там царил безвластие. Один из ответственных советских работников так описывал ситуацию, сложившуюся летом 1920 года: «С уверенностью можно сказать, что большинство населения, населяющее степь, особенно восточной и прилегающих к Ленинскому уезду окраинах уезда [Николаевского – авт.], относятся с презрением и ненавистью [к Советской власти – авт.], о чем свидетельствуют факты: набеги дезертирских банд на совхозы и хутора беднейшего крестьянства, сопровождаемые грабежами и насилием, укрывательство дезертир... хлеба и т. п. Оказываемая материальная поддержка [со] стороны кулацкого элемента де-

зертирам, уголовные преступления, воровство, грабежи...и варка самогона процветают без наказания и не прекращаются ... Найти какой-либо способ борьбы в этих случаях почти невозможно»², – сетовал чиновник.

В начале 1919 года капитан (в источниках указываются также другие чины – прапорщик, есаул – авт.) Носаев организовал в Ханской Ставке (современный город Урда в Казахстане) «дезертирско-партизанский отряд»³. Первой военной операцией носаевцев стал захват степного села Житкур⁴, в котором в то время находился красный гарнизон.

Житкурская резня

В полночь 7 марта 1919 года в помещение железнодорожной станции Сайхин ввалился обмороженный полураздетый гражданин, представившийся Семеном Мисюриным, председателем волисполкома села Житкур. Дрожащими руками он вынул из кармана штанов документ, подтверждавший его личность, и обессиленный упал на шаткий стул. Сотрудники станции накрыли его тулупом и вставили в одеревенелые пальцы стакан с кипятком. Прежде чем объяснить, что случилось, Мисюрин потребовал от начальника станции отправить людей для поиска 15 товарищей, которые брели сейчас по заснеженной степи в направлении Сайхина. Несколько киргизов, работников станции, ушли запрягать в телеги верблюдов. Немного придя в себя, Семен Прохорович потребовал отправить телеграмму на станцию Эльтон: «Житкур занят бандитами. Гарнизон уничтожен. Прошу помощи. Мисюрин». Получив подтверждение о доставке донесения по месту назначения, обессиленный коммунист лег на лавку у жарко натопленной печи и заснул мертвым сном.

В течение часа весть о занятии повстанцами Житкура по телеграфным проводам облетела ближайшие железнодорожные узлы и достигла Астрахани. На станции Кайсацкая донесение Мисюрина получил старший начальник оборонительного участка, военный комиссар Михаил Горемыкин.

Горемыкин вспоминал: «Не дожидаясь указаний Астрахани, мной было дано распоряжение, чтобы товарища Мисюрина с первым проходящим поездом немедленно отправили на станцию Эльтон и оказали ему нужную медицинскую и прочую помощь. Оставив на станции Кайсацкая своего заместителя товарища Панченко с частью гарнизона и продотряда, я с конным отрядом в 70 сабель с 10 повозками, двумя пулеметами немедленно выступил на станцию Эльтон (60 км от ст. Кайсацкая). По прибытии в Эльтон, я подробно выслушал сообщение товарища Мисюрина, которому уже была оказана медицинская помощь, так как он обморозил ноги и руки»⁵.

Горемыкин по станционному прямому проводу связался с Особым отделом Астрахани и попросил указаний и помощи. Через несколько часов его вызвал к прямому проводу начальник Особого отдела войск Астраханского района, председатель ЧК г. Астрахани Г. А. Атарбеков (Атарбекян). Он сказал Горемыкину, что по указанию Военного совета специальным поездом на станцию Сайхин отправлен вооруженный отряд в 500 человек под командованием товарища Черемисова «с задачей оказать помощь Житкурскому гарнизону». С отрядом направлялась оперативная тройка с особыми судебными полномочиями, в состав которой был включен и Горемыкин. Кроме того, Атарбеков просил усилить отряд Черемисова за счет Кайсацкого, Джанибековского и Эльтонского гарнизонов. На станции Сайхин было приказано приготовить в течение суток гужевой транспорт для передвижения отряда Черемисова на Житкур. Джанибековскому военкому было предложено выделить 50 человек хорошо вооруженных людей из своего гарнизона и направить их на станцию Эльтон. А Эльтонскому военкому – срочно выслать хорошо вооруженный отряд человек в 30 на станцию Сайхин для сбора с ближайших хуторов гужевого транспорта. Джанибековский отряд через несколько часов уже прибыл на станцию Эльтон.

Нападение степных партизан на Житкур не было из ряда вон выходящим событием. Об угрозе захвата села повстанческими силами местные чиновники не раз предупреждали губернские власти. В своих мемуарах Мисюрин вспоминал: «Оперировавшие в степях, в районе села Житкур дезертирские банды в конце 1918 и в начале 1919 годов начали все более и более усиливаться, угрожая разгромом соваппарата и уничтожением коммунистов в данном селе. Обнаглевшие бандиты, руководимые бывшими офицерами – эсерами Носаевым и Сабининым и др., начали появляться разбедами близ самого села, отрезав всякую связь нам с городом Царевым (в то время уездным). Село было объявлено на осадном положении и комячейкой образован ревком. Все коммунисты более трех месяцев жили день и ночь в общежитии. Опасность угрожала, но помощи ни откуда не было, хотя Астрахань и послала батальон Красноярского полка, но таковой прибытием опоздал»⁶.

Горемыкин в мемуарах называет имена других полевых командиров повстанческих отрядов, участвовавших в захвате Житкура – это Еркин, братья Солохины (уроженцы села Житкур), Маслов и Пятаков⁷. Общая численность объединенного отряда превышала 600 партизан. Население Житкура в то время составляло около 12 тысяч человек. Гарнизон села насчитывал 56 вооруженных человек во главе с председателем волсполкома Семеном Мисюриным и волвоенкомом Шубиным. Люди гарнизона были вооружены винтовками с достаточным количеством патронов, необходимым количеством ручных гранат и одним ручным пулеметом. В состав гарнизона входили члены РКП(б) (15 человек),

красноармейцы отряда военкома (около 30 человек), сотрудники волостной милиции и служащие волостных учреждений. Располагался гарнизон в большом деревянном здании волисполкома на базарной площади села и в двух саманно-глинобитных, с толстыми стенами, торговых лавках – тут же на площади. В стенах этих лавок были пробиты для круговой обороны бойницы. Лавки соединялись со зданием волисполкома ходом сообщения.

В конце февраля повстанческие отряды стали скапливаться в хуторах и балках, расположенных в окрестностях села Житкур. Они ждали благоприятного момента для нападения. Связь с местными жителями обеспечивала собака, принадлежавшая местному кулаку по прозвищу Рыжий. Его сын входил в состав отряда братьев Солохиных.

Мисюрин вспоминал: «Дезертирные банды, подержанные многим контрреволюционным населением, установили прочную связь с кулаками села, путем передачи донесений на собаках (привязывая донесения на шею собаки). Одно из таких донесений, посылаемых кулаками в степь бандитам, и было снято под дулом револьвера с шеи собаки. Выдержку коего привожу: «Коммунисты остались одни. Их немного. Пожалуй, можно»».

На рассвете 5 марта 1919 года объединенные силы повстанцев с четырех сторон ворвались в Житкур. К ним присоединились вооруженные вилами и топорами местные жители. Бой шел в основном на площади. В момент налета партизан бойцы гарнизона находились в помещениях («т. к. вообще нельзя было уходить на ночь домой, делалось это только днем»). Гарнизон был готов к отпору, – налетчиков встретили метким огнем.

Горемыкин вспоминал: «Помещения волисполкома и торговых лавок были в центре площади. Круговой огонь из этих помещений обстреливал всю площадь и все выходящие улицы на площадь за исключением кирпичной церкви с оградой, которая находилась вблизи здания волисполкома, и это создавало хорошую позицию для налетчиков, и было неуязвимым местом от огня оборонявшихся. Все атаки из всех улиц, выходящих на площадь, были отражены. Бандиты залегли по углам, заборам, за помещениями и начали вести шквальный винтовочный и пулеметный огонь по зданию волисполкома и саманным помещениям».

Перестрелка велась несколько часов. Партизаны успеха не имели и несли большие потери. Но им все же удалось бросить несколько ручных гранат в здание волисполкома и в бойницы лавок. Несмотря на потери, защитники волисполкома продолжали оказывать упорное сопротивление. Только к утру партизанам удалось из-за церкви ворваться в здание волисполкома. Оборонявшиеся в здании бойцы вели огонь до последнего. Военком Шубин отстреливался и живым в руки бандитов не дался, застрелился в момент, когда бандиты прижали его в углу одной из комнат. Вырваться из двойного кольца окружения удалось лишь небольшому

отряду в 16 человек. Среди них был и председатель волисполкома Мисюрин. На ближайшем хуторе Мисюрин достал лошадь и полуголый в сильный мороз и глубокий снег добрался до станции Сайхин.

Итог боя: нападавшие партизаны в бою за Житкур потеряли более 100 человек убитыми и ранеными. Из 56 человек гарнизона живыми они захватили около 40 человек.

В тот же день повстанцы собрали местное население на базарной площади и приступили к суду и расправе. На площади наскоро сколотили трибуну и подмости вроде эшафота. Поднимали на подмости связанного пленного, «суд» с трибуны объявлял его фамилию, кто он и какую занимал должность, сообщали, к какой каре он присуждается, а затем начинали приведение приговора в исполнение. Горемыкин так описывал казнь: «Одному выкалывали глаза, резали нос, уши, насладившись этим, расстреливали. Другому вырезали язык, вырезали ремни со спины, третьему выжигали раскаленным железом на груди или на лбу пятиконечную звезду, потом пристреливали и сбрасывали с эшафота в кучу. Некоторых, это применяли к руководящим работникам, четвертовали – рубили руки, ноги и если он еще оставался жив, пристреливали. Вот такое кровавое «торжество», в присутствии населения села, бандиты проводили в течение 2–3 дней. Затем все разграбили из зданий учреждений, кооперативов, перестреляв некоторых работников, уехали из Житкура по хуторам, запретив убирать трупы убитых с площади».

Мисюрин также описал зверскую расправу: «Казнь происходила на площади (возле церкви). Каждого коммуниста раздевали донага, связывали руки и ноги, клали на лед, и казнь начиналась. Секли плетью так, что кожи на теле уже не было, а за плетью тянулось одно лишь мясо. И когда подвергшийся казни уже не мог издавать звуки – его бросали в конюшню пожарки. Охранявший эти, почти безжизненные тела, бандит-кулак, увидев, что кто-либо заворочался, вытаскивал его опять на лобное место и казнь продолжалась. Другой способ казни: лежащему на льду коммунисту, еще не подвергшемуся избиению – втыкались периодически железные вилы в разные части тела со словами: «Ну что, болит? Что бог есть или нет? Вот тебе коммуна». Затем выкалывались глаза... Казненных бросали на телегу и отвозили за село в овраг, не закапывая, трупы коих по ночам растаскивались собаками. Были случаи, что брошенные в овраг приходили в себя и выползали из оврага, их снова прикалывали вилами и бросали обратно в овраг. Кроме казни коммунистов изнасиловались бандитами их жены и убивались даже дети. Здесь же на площади во время казни служился «благодарственный» молебен, и бандиты с окровавленными руками и плетью подходили к попу целовать крест и евангелие. Произносились речи с лозунгами: “Да здравствует Учредительное собрание” и пр».

10 марта объединенный отряд астраханских и местных красноармейцев в 600 человек при 10 пулеметах без боя вошел в Житкур. Колонна

карателей остановилась на площади. В селе царил мертвая тишина, на улице ни души. Горемыкин вспоминал: «Все село нами было блокировано, никого из села не выпускали. На площади начали готовить братскую могилу, для погребения погибших наших людей, которых уложили в гробы. Одновременно с этим подвергли село тщательному прочесу и обыску. Через 3 дня, когда все было к погребению готово, с большим трудом собрали население села на траурный митинг. На могиле погибших за дело революции... торжественно поклялись жестоко отомстить врагам революции и народа».

Горемыкин связался с уездным комитетом партии и исполкомом города Ленинска, доложил о случившемся в Житкуре и попросил помощи в восстановлении советской власти в селе. В Астрахань также была отправлена телеграмма, в которой предлагалось оставить астраханский отряд в Житкуре до создания здесь гарнизона. Астраханцы дали добро.

В ответ на гибель житкурского гарнизона каратели объявили красный террор. В Житкуре было арестовано около 300 человек – кулаков, торговцев, родственников партизан. У арестованных конфисковали имущество, скот, продукты. Конфискат был использован для продовольственного содержания людей и лошадей карательного отряда, а также для помощи семьям погибших бойцов гарнизона. Большинство арестованных заложников решением оперативно-карательной тройки были расстреляны, часть отправлена в Астрахань.

Горемыкин вспоминал: «Крупные группы из нашего отряда за это время неоднократно выезжали по Житкурским хуторам в радиусе до 30 км от Житкура, имели небольшие стычки с бандитами, которые бродили по хуторам вблизи Житкура, интересуясь тем, что здесь происходит. Решением тройки хутор Сушкова, как бандитское гнездо, где проживало 10–12 хозяйств и из которого большинство мужского населения были в бандитских отрядах, был нами дотла сожжен. Население этого хутора выведено, имущество вывезено».

Через некоторое время в Житкур прибыл отряд красноармейцев в 50–60 человек из Ленинского уездвоенкомата и человек 30 мобилизованных укомом партии коммунистов для организации советских органов власти и работы в Житкуре. Оставив вновь созданному гарнизону и коммунистам достаточное количество оружия и боеприпасов, отряд Черемисова вышел на станцию Сайхин для погрузки на Астрахань. Отряды кайсацкого, эльтонского и джанибековского гарнизонов вернулись к месту своей дислокации.

На службе у генерала Толстова

Уходя от преследования карателей, отряд Носаева соединился с партизанами Сабинина у железнодорожного полотна между станциями Кайсацкая и Джанибек. Они совместно отошли на север и вошли в состав Уральской отдельной армии генерал-майора В. С. Толстова. В составе

белогвардейских войск их отряды участвовали в захвате городов Новоузенск и Казачья Толовка. В сентябре 1919 года Толстов возвращает объединенные отряды Носаева-Сабинина в Астраханские степи для организации связи с армией Деникина. Местом своей дислокации они избрали степи в районе, расположенном между станциями Кайсацкая и Джанибек. Заволжские хутора станут впоследствии базой для повстанческих групп Носаева (вплоть до момента их сожжения и переселения зимой 1921 – 1922 гг.⁸). Возможно, в сентябре 1919 года отряд Носаева находился в сношениях с генералом П. П. Мамоновым. Мамонов в то время командовал 3-й кубанской конной дивизией, которая оперировала в Царицынском Заволжье. Здесь А. И. Деникин пытался действовать совместно с армией А. В. Колчака⁹.

В конце 1919 года отряд Носаева численностью в 400 бойцов произвел налет на станцию Джанибек. Гарнизон был захвачен врасплох. Некоторые бойцы гарнизона бежали, но многие попали в руки инсургентов и погибли. Советские учреждения были разгромлены, некоторые сожжены. Кооперация, склады, мукомольные мельницы, склады железной дороги разгромлены; станционный телеграф испорчен, обрезаны провода в сторону станций Эльтон и Кайсацкая.

Военный комиссар станции Кайсацкая М. Г. Горемыкин так описывал действия отряда Носаева после налета на Джанибек: «отряд Носаева ушел в степи Западного Казахстана. Там он занимался налетами на аулы и волости. Грабил, убивал советских работников, коммунистов, красноармейцев, дезорганизовал работу советских органов в аулах и волостях. Военный комиссар Урды (Ханская ставка – авт.) тов. Тунгачин предпринял крупную операцию против отряда Носаева. Отряды Тунгачина имели с Носаевым несколько боевых столкновений и, основательно потрепав его, начали преследовать. Носаев со своим отрядом уходил в направлении на линию железной дороги между Кайсацкой – Джаныбеком, видимо, намереваясь пробраться через Волгу и податься в стан своих хозяев Деникина и Врангеля». Далее сообщается, что Тунгачин информировал М. Г. Горемыкина о своих операциях против Носаева и просил военное руководство станций Кайсацкая и Джанибек выставить заслоны на участке между этими станциями. Договорившись с военкомом станции Джанибек, Горемыкин бросил вооруженные силы этих двух гарнизонов на перехват отряда Носаева. Из Кайсацкой выступили два отряда. Один в 70–80 хорошо вооруженных бойцов под командой Василия Иванчука вышел по линии железной дороги на станцию Джанибек. Из Джанибека также вышел отряд ему навстречу по линии железной дороги. Второй отряд от станции Кайсацкой под командой Горемыкина, той же численности, вышел на хутора Морозовские – Ивакины, с целью перехвата Носаева на линии железной дороги.

М. Г. Горемыкин вспоминал: «Через два-три часа отряды, движущиеся по линии железной дороги, соединились и установили, что го-

ловными силами, конной частью своего отряда Носаев уже перешел линию железной дороги. Не перешла лишь часть его отряда – обоз, раненные и т. п., которые в двух-трех километрах расположились на ночлег в хуторах. К утру, на рассвете, мы соединились со вторым Джаныбековским отрядом вблизи хутора Морозовки... Носаев со своим отрядом численностью более 200 человек расположился на хуторе Морозовка и ряде других хуторов. Обложив хутор Морозовку силами двух отрядов, мы вступили в бой с Носаевым. Затягивающего боя Носаев вести не хотел и, воспользовавшись сильным ветром, снегопадом и пургой, с отобранными головорезами в 100 – 120 человек на добрых конях ушел из этих хуторов на Запад в район балки «Хора» и озера Булукта. Преследовать Носаева не было смысла вообще и особенно в такую погоду, при морозе 25–30 градусов. В Морозовке и соседних хуторах нами были захвачены остатки отряда Носаева: человек 60 сдавшихся бандитов, обоз в 18 пароконных саней – повозок с медикаментами и запасами боеприпасов, две трехдюймовые пушки, с порубленными спицами в колесах, два ручных пулемета и один испорченный пулемет «Максима». Обоз, не перешедший линию железной дороги, также был захвачен нашими отрядами... Окончив операцию с бандой Носаева, я был тут же на хуторе снят с седла моими товарищами в почти бессознательном состоянии. Температура была 40 градусов, у меня начался сыпной тиф. Пролежал я около двух месяцев»¹⁰.

Носаевцы вели бои с частями Красной армии в приэльтонских степях до начала 1920 года. В мае 1920 года Царицынский губисполком и командование бригады ВОХР¹¹ высылает в заволжские степи крупный карательный отряд. Под ударами красноармейцев отряд Носаева-Сабинина рассеивается. Носаев, Сабинин и Гребенников под видом продармейцев попытались уйти в киргизские степи, но на хуторе Тургунская часть, при попытке получения советских документов, они были взяты в плен¹². Однако Носаеву удалось скрыться и уйти в киргизские степи. Вскоре он сформировал новый повстанческий отряд¹³. В июне носаевцы и дезертиры (150 пехотинца и 44 кавалериста) «скопляются в районе Балок, Балухты и Хары». «Борьба с ними очень трудна», – признавались составители оперативных сводок¹⁴.

Связь с восстанием «Голодающих крестьян Поволжья»

Помимо отряда Носаева в Царицынском Заволжье в то время действовали партизанские группы Еркиных и Маслово. Осенью 1920 года в Царицынское Заволжье проникают разрозненные отряды Первой Красной армии «Правды» Сапожкова (мятежная Вторая Туркестанская кавалерийская дивизия). Так, после гибели Сапожкова в сентябре 1920 года один из его отрядов под командованием члена штаба Сафошко бежал в Ханскую Ставку. Затем этот отряд переместился в Царицынское

Заволжье в район озера Булухта, где прятался «по камышам и улу-сам»¹⁵. В ноябре 1920 года в секретном докладе чекисты сообщали о крупной «шайке дезертиров и бандитов», появившейся в Ленинском районе. Руководил этим партизанским отрядом некто генерал Валуев. К нему якобы прибыли 15 офицеров с Дона. Валуевцы нападали на совхозы, волисполкомы и прочие советские учреждения¹⁶. Возможно, сапожковцы и валуевцы действовали совместно с инсургентами Носаева.

Большой интерес вызывает фигура еще одного командира крупного заволжского партизанского отряда Михаила Пятакова. Этот человек в марте 1921 года возглавил одно из крупнейших антибольшевистских движений в крае – «Восстание голодающих крестьян Поволжья»¹⁷. В сводках военспецов его называют бывшим продовольственным комиссаром.

С первых дней восстания Пятаков послал гонцов к партизанам Приэльтона. 30 марта 1921 года была установлена связь с двухтысячной объединенной группировкой Еркина-Носаева-Колесова-Маслова¹⁸, оперировавшей в степях между Булухтой и Эльтоном¹⁹. Возможно, в согласовании с Пятаковым эльтонские партизаны совершили дерзкие нападения на Старый Эльтон (3 апреля), Быково (6 апреля) и ст. Кайсацкую (12 апреля). Готовился захват уездного Ленинска. В оперативной сводке Губчека имеется информация о том, что 10 и 11 апреля в Ленинский уезд из Новоузенского района прибыл отряд «нового бандита» Кандалова (одного из лидеров восстания «Голодающих крестьян Поволжья»), который попросил у местных партизан Маслова и Еркина помощь для нападения на Палласовку. 17 апреля, уже после разгрома пятаковского восстания, на помощь носаевцам на 10 подводах Кандалов привез степных партизан из Ленинского уезда²⁰.

С 1 по 4 апреля в районе Дядькиных хуторов, расположенных в 80 километрах южнее зоны восстания, каратели вели бои с потенциальными союзниками старополтавкинских повстанцев – партизанскими отрядами Маслова, Еркина, Носаева. Инсургенты были оттеснены на восток в Кайсацкие степи. Их потери – 14 человек убиты, 6 раненых. Среди раненых оказался Маслов. Красноармейцам достались трофеи – 300 пудов пшеницы, 80 голов крупного рогатого скота, 7 лошадей с седлами, две пароконных тачанки. Хлеб и скот были отданы совхозам «для обсеменения полей». Преследование партизан остановили из-за отсутствия патронов. Каратели разместились в колхозе №8, расположенном в 45 километрах юго-восточнее Николаевска²¹.

Под командованием экс-комбрига Колесова

Интернациональное восстание «Голодающих крестьян Поволжья» началось 14 марта. 16 марта в 70 километрах к югу от центра восстания – городка Ровное, с горы Шишкина спустился отряд мятежного комбрига

Ивана Петровича Колесова²². Около 50 кавалеристов по темному льду вышли на левый берег Волги в районе сел Солодушино – Кислово. Их путь лежал на Эльтон, где в то время «свирепствовали банды» Носаева и Еркина общей численностью до 100 сабель и 200 штыков при 6 пулеметах²³. В конце марта произошло слияние отрядов Колесова и Носаева. При этом И. П. Колесов «принял общее командование носаевскими бандами»²⁴. 23 марта в оперативных сводках появляется сообщение, что отряд Колесова насчитывает около 200 сабель, ему противостоят части Царицынского военкомата²⁵.

С приходом в заволжские степи Колесова, прославленного и опытного командира 3-й бригады 6-й кавдивизии Первой конной армии, действия носаевцев становятся более решительными, частыми и продуманными. До прихода отряда Колесова носаевцы нападали в основном на мелкие населенные пункты. Под началом же бывшего комбрига объединенные силы партизан планируют нападения на волостные и уездные центры. Так, первой совместной операцией объединенного отряда Колесова-Носаева стал упомянутый налет на село Старый Эльтон. Утром 3 апреля 60 всадников при двух пулеметах ворвались в село, разоружили поселковую милицию и красноармейцев, сожгли канцелярию волостного Совета. Уже спустя два дня, совершив рейд в 110 километров (хотя, возможно, это был другой отряд инсургентов), они неожиданно штурмуют Быково. Здесь партизаны произвели «полный разгром»: были разграблены райпродком и совучреждения, взят телеграфный аппарат, увезен инвентарь совучреждений. В погромах участвовали также и быковские обыватели. Они с большим энтузиазмом расхищали керосин и прочие товары районного продуктома и единого потребительского общества (ЕПО). В селе повстанцев ждал богатый улов. Ими была «захвачена почта, перевезшая 500 млрд. рублей». Эти деньги мятежники затем разбрасывали по улицам села. Правда, за проявленную степными партизанами щедрость селянам пришлось расстаться с сотней голов скота.

6 апреля носаевцы покинули Быково, прихватив с собой 7 коммунистов и совработников. В плену у повстанцев оказались также захваченные милиционеры, служащие почты и конвой, сопровождавший почту с деньгами. Двух коммунистов партизаны расстреляли в Быково, еще четверых в хуторе Паничкин. Уходя из Быково, носаевцы ворвались в коммуны «Правда», расположенную в 12 верстах восточнее Верхних Балыклей. У коммунарлов отняли скот, семена, сельскохозяйственные орудия и одежду. Избив коммунарлов (заведующего зарубили), партизаны ушли на восток в сторону Солдатских хуторов²⁶. Столь дерзкий налет на крупный населенный пункт, расположенный в непосредственной близости от губернского центра, не мог оставить равнодушными Царицынские власти. В заволжские степи была направлена карательная экспедиция. Утром 8 апреля в Быково из Царицына на пароходе «Аскольд» прибыла

рота курсантов (150 штыков и 15 сабель при трех пулеметах) под руководством Твердохлебова, чрезвычайно-уполномоченного по борьбе с бандитизмом губчрезвычайкома, члена президиума губернского исполкома. Твердохлебов на месте разработал план карательного похода. Он исходил из того, что партизаны обременены большим обозом награбленного имущества и стадами скота и утратили главное свое преимущество – мобильность. Поэтому разбить их крупными силами не составит большого труда. Согласно плану, курсанты двигались на восток и занимали Солдатско-Степные хутора. Твердохлебов и Цепелев, председатель оперативной тройки, направлялись на юго-восток, постоянно поддерживая связь с курсантами. Вечером 8 апреля в Александровке группа Твердохлебова соединяется с эскадроном милиции комбрига 28 бригады ВНУС Попова, «ветерана красной конницы Буденного». 9 – 10 апреля сводный отряд Твердохлебова-Попова продолжает движение на юго-восток «с целью пресечения пути отступления бандитов». 10 апреля Твердохлебов приказал курсантам выступить на хутор Коробова «для совместных действий с эскадроном т. Попова». Параллельно движению оперативная тройка произвела «чистку» местности: за два дня расстреляно пять подозрительных субъектов, один бандит зарублен разведкой. 11 апреля разведка докладывает, что «банда» движется к хутору Булухта. На следующий день, в полдень, у хутора Молоканина были задержаны 4 киргиза (казаха), которые вербовали хуторян в отряд Носаева²⁷.

В это самое время, утром 12 апреля, сводная группировка партизан Колесова (во многих донесениях его имя отсутствует), Пятакова, Носаева, Маслова, Еркина, Солохина, Попова и местных крестьян в количестве 2 тысяч бойцов, ведет наступление на станцию Кайсацкую. После четырехчасового боя поселок был взят, но продержаться в нем партизанам удалось лишь полчаса. Усилиями местного гарнизона (около 100 бойцов) и подоспевшей на помощь защитникам станции бронелетучки повстанцы были выбиты из Кайсацкой. На улицах поселка остались лежать 9 убитых партизан. 40 инсургентов попали в плен. Понеся небольшие потери, нападавшие отступили в южном направлении²⁸ к хутору Гончары, увозя на тачанках убитых и раненых. Партизаны, в свою очередь, взяли в плен 30 красноармейцев. 14 апреля в хуторе Михайленко девять плененных защитников Кайсацкой были расстреляны. В тот же день повстанцы разобрали железнодорожное полотно и пустили под откос проходивший мимо поезд. Большая часть объединенной группировки партизан, преследуемая конницей карателей, отошла в Киргизскую степь в направлении Ханской Ставки. Потери гарнизона Кайсацкой во время боя 12 апреля составили 9 погибших и 11 раненых бойцов²⁹. Несмотря на победу, утомленный непрерывными боями начальник кайсацкой милиции (4-го района) Н. Гусаркин (?) отправляет начальнику Николаевской уездной милиции следующий рапорт: «При-

нимайте меры какие-либо по ликвидации банды. В случае невысылки таковых буду вынужден снять с себя должность»³⁰.

13 апреля карательный отряд Твердохлебова по дороге на Булухту неожиданно натывается на партизанский отряд Шувалова, подчинявшийся в то время Носаеву (80 сабель, 50 штыков на тачанках). Начался бой: «бандиты, засев в удобные для обстрела хутора вели по нас залповый огонь». После получасовой перестрелки эскадрон Попова пошел в атаку и обратил партизан в паническое бегство. Раненых и убитых товарищей партизаны увезли на тачанках. «Батька» Шувалов был ранен в руку и оставил Твердохлебову свою лошадь. Один из раненых партизан оставил милиции знамя отряда «Смерть коммунистам!» Преследуя бегущих шуваловцев, карательный отряд натывается на хутор отца лидера партизанского отряда Маслова (8 верст от Булухты). Здесь во время ночевки Твердохлебов получил донесение конной разведки о том, что основные силы повстанцев находятся в районе Булухты и Хоры. На следующий день рано утром карательный отряд проходит вокруг Булухты в обход противника. По пути милиция ловит восьмерых носаевцев, которых тут же постановлением тройки расстреливают. В тот же день в хуторах Сеницына-Никифорова была обнаружена часть коммунарского скота, «каковой отобран. Виновные преданы суду». 15 апреля на хуторе Поляково во время ночевки был пойман брат одного из бандитов: укрыватель расстрелян, хутор сожжен, семейство отправлено в Николаевск «для переселения». 17 апреля во время ночного передвижения карательного отряда «бандиты, пользуясь ночной темнотой, а также переутомлением бойцов... с трех сторон сделали ... налет и открыли залповый огонь по обозу кавалерии». Цель нападения – посеять панику среди твердохлебовцев и уничтожить карательный отряд. Но налет повстанцев оказался неудачным. Комбриг Попов, «как неустрашимый командир ... имеющий хороший практический опыт в военном деле, не растерялся». Он отвел свою цепь, сделал перегруппировку и, несмотря на полное окружение, перевел отряд в контратаку: «бандиты были сбиты и бросились бежать». Хутор, в котором партизаны сделали засаду, был тут же сожжен карателями. Утром того же дня разведка Попова вновь обнаружила у хутора Серегин Сад крупные силы партизан (120 сабель, 70 пехоты). Бой с ними длился около 6 часов. Твердохлебов вспоминал: «Бандиты, заняв позиции по хуторам по прямой линии, пересекающей наше направление на расстоянии 4–3 верст, разбившись на три группы, устроив бойницы в землянках и пользуясь канавами, стали вести обстрел нашей кавалерии, преследовавшей их разведотряды. Выбив их из ближайших от дороги хуторов с садом, т. Попов продвинул свой обоз со скотом в хутор, скрыв его от обстрела бандитов, которые с трех сторон брали [нас] в кольцо». По предположению Твердохлебова, партизаны хотели отбить обоз и скот. Вскоре милицейский эскадрон под прикрытием пулеметного огня

перешел в стремительную лобовую атаку. С флангов его поддержала пехота, также прикрываемая пулеметами. Атака оказалась удачной, партизан выбили из хуторов. Они в панике разбежались по степи, увозя на тачанках раненых и убитых товарищей. По словам хуторян, потери у повстанцев колоссальные. Карательный же отряд потерял убитой одну лошадь, и два бойца оказались ранены (один в живот навывлет, второй в ногу). 18 апреля каратели продолжали преследовать разбитые группы партизан. При этом была захвачена носаяевская тачанка, три находившиеся в ней партизана изрублены, отбито 120 голов скота, у пойманного партизана Самойлова отобрано 50 тысяч рублей, доставшихся ему при дележе разграбленной почты (по словам пленного, во время нападения на почту было захвачено 50 млн. рублей).

19 апреля сводный карательный отряд вернулся в Александровку, по дороге «очищая» правую сторону Эльтонского тракта. У Зубовской станции был взят «известный бандит» Гостьев. В 14 верстах от Александровки твердохлебовцы встретили полк и дивизион 81-й бригады 27-й стрелковой дивизии. Пройдя Александровку, утром 20 апреля Твердохлебов завершает карательную экспедицию в г. Николаевске. Результаты впечатляли: отбит почти весь захваченный в Быково и коммуне «Правда» скот (более 600 голов)³¹, возвращена часть захваченных почтовых денег, серьезно потрепана крупная сводная группировка партизан Носаева-Колесова. Твердохлебов посылает в губернский центр донесение о необходимости создания мобильных экспедиционных отрядов силами до 150 сабель при поддержке двух автомашин с пулеметами и одной легкой трехдюймовой пушки для борьбы с заволжскими партизанами, действия которых, по мнению Твердохлебова, могут сорвать весеннюю посевную кампанию в регионе. Также чрезвычайно-уполномоченный выступил с ходатайством о награждении товарища Попова орденом Красного Знамени за успешно проведенную карательную операцию³².

Срыв посевной кампании

Неудачный захват Кайсацкой и поражение, нанесенное карательным отрядом, не убавили оптимизма Колесова и Носаева. Объединенная группировка повстанцев начинает скапливаться вокруг Ленинска. Чужую большую добычу, к Ленинску устремляются вооруженные крестьяне. Даже из далекого Новоузенского уезда на 10 подводах прибыли самарские гости – отряд партизан под руководством упомянутого ранее Кандалова. «Между бандитами носится упорный слух: скоро будем в Ленинске», – сообщал секретно-оперативный отдел Царицынского губЧК. Играя на руку повстанцам, комбат воинских частей, дислоцированных в Ленинском уезде, снял охрану во многих волостях. В связи с этим, «бандиты участили свои грабежи в селах». «Ежедневно назойливо показывается бандитская конная разведка, – докладывал 18 апреля соста-

витель оперативной сводки №74. – Бандиты задерживают и проверяют всех проезжающих в районе Ленинск – Заплавное – Средняя Ахтуба». «Ожидается налет на Ленинск», – значится в сводке. 25 апреля один из отрядов носаевцев предпринял дерзкое нападение на село Колобовка, расположенное в 18 верстах восточнее Ленинска. Здесь были схвачены и убиты начальник городской милиции Ленинска Ермолаев и секретарь исполкома Соловьев³³. 28 апреля группировка Носаева распадается на небольшие отряды численностью от 6 до 16 человек, которые занимают хутора Барановка, Упрямовка, Солдатско-Степные хутора³⁴.

Одной из стратегических целей повстанцев был срыв «посевкампаний» в регионе. Мелкие группы носаевцев периодически производили грабежи семенного хлеба. Доходило до того, что мешки с хлебом партизаны отбирали у крестьян прямо на пашне: «из степей возвращаются ограбленные бандой крестьяне, заявляя, что многие из них не засеют хлеб». При разгроме партизанских групп красноармейцы и милиция, как правило, передавали награбленный бандами хлеб и скот не крестьянам (видимо, было много мороки с учетом), а в совхозы³⁵. Затем в совхозы вновь врываются повстанцы и забирали хлеб и скот обратно. Так и вращалось движимое крестьянское имущество между партизанами и совхозами.

Тучи сгушались над Ленинском, но планам его захвата так и не суждено было осуществиться. Неожиданно главные силы партизан уходят в киргизские (казахские) степи. Они появились вновь в начале мая в 50 верстах восточнее Николаевска. Их ряды существенно пополнились киргизскими кочевниками. Другая часть носаевцев под командованием Маслова в это время оперировала в районе озера Эльтон: 4 мая они вновь разграбили кооператив в селе Старый Эльтон и сожгли дела сельсовета³⁶. 10 мая силы партизан опять собирались в мощный кулак. Численность объединенной группировки достигла 2 тысяч человек – «преимущественно киргизская кавалерия». Командовал инсургентами Носаев³⁷. В партизанских операциях под Ленинском отряд раненого Колесова уже не участвовал. Донцы отделились от общих повстанческих сил Заволжья и направились домой. Носаев же пытался «организовать наступление на левобережье» (Волги)³⁸.

Последний всплеск активности

Руководитель царицынской губернской чека товарищ Пога отмечал следующую особенность политического бандитизма, существовавшего в крае в конце сентября 1921 года: «Банды в том виде, как были раньше почти уничтожены, остались более крупные объединения – Сычова (к 26 сентября ушел за Маныч – авт.), Пятакова и Носаева, подчинившие себе мелкие банды»³⁹.

Инсургентов не только физически уничтожали и отправляли в концлагеря. Репрессии совмещались с заметными послаблениями. Первый

пряник был предложен партизанам 13 августа 1921 года. В этот день в хуторе Пирожков встретились представители властей Николаевского уезда и полевые командиры повстанцев. Власти были представлены чиновниками уездного политбюро, уисполкома, ревкома. Присутствовал представитель губчека Сазыкин. Партизан представляли начальник Рахинско-Уральского района Самарский и атаманы Лепченко, Абакумов (Аввакумов), Богатенков и Догатенко. Все они ранее входили в группировки Носаева и Маслова. Повстанцам предлагалось перейти на сторону советской власти: не сдавая оружия, влиться в отряд Сафронова, председателя ревкома Степано-Разинской станицы, «с целью агитации среди других банд». Власти со своей стороны обещали вернуть крестьянам Рахинского района весь конфискованный у них во время карательных операций скот. Чиновники заявили о своем намерении освободить всех задержанных за пособничество бандитизму крестьян и обязать красноармейцев не притеснять селян. Стороны договорились о создании мирной зоны «в полосе на 50 верст в глубину от берега Волги и вдоль – от села Рахинки до Верхних Балыклей». Отряд Сафронова, включивший в себя партизанские группы, обязан был пресекать вторжение в мирную зону чужих повстанческих отрядов.

Основные силы повстанцев в начале октября 1921 года были объединены в группировку В. А. Серова, уроженца села Куриловка Новоузенского уезда, бывшего соратника мятежного начдива Сапожкова, занимавшего во время сапожковского мятежа должность начальника гарнизона г. Бузулук⁴⁰. В группировку вошли инсургенты Носаева, а также партизанские отряды Пятакова и Еркина и, ставших самостоятельными, Маслова и Шувалова. «Первая атаманская дивизия восставших войск – Воля народа», командиром которой был В. А. Серов, являлась ядром объединенной повстанческой армии. Она состояла из трех полков. Дивизия Серова хранила наследие мартовского восстания «Голодающих крестьян Поволжья»: Реввоенсовет (председатель Далматов), следственную комиссию с функциями особого отдела и отдел пропаганды «эсеровского направления». В состав восставших войск входили казаки (конница), русские (пехота) и киргизы (казахи – кавалеристы и пехота). «В обозе банды за бандитами следуют их жены и дети»⁴¹. Общая численность повстанческой группировки в разное время колебалась от 1000 до 2000 сабель и штыков при пяти пулеметах. В октябре группировка повстанцев действовала в Новоузенском и Пугачевском уездах Самарской губернии. По сообщениям разведки от 5 ноября, объединенный отряд насчитывал 600 сабель при 6 пулеметах. Партизаны оперировали в 27 километрах южнее Палласовки в районе Упрямовки. С ними координировали свои действия партизанские группы Чугунова, Чуприна, Емелина. Повстанцы общими усилиями планировали нападение на Николаевск и занятие сел Ленинского уезда. Общее количество инсургентов в этом районе достигало 1 тысячи⁴². В течение ноября объединенная группировка повстанцев,

многократно дробясь на группы, постепенно оттеснялась 81-й бригадой ВНУС в Киргизские степи, в сторону реки Урал.

В конце 1922 года повстанчество в Царицынской губернии, потеряв поддержку населения, потерпело полное поражение и претерпело радикальную метаморфозу: «политический бандитизм изжил себя и принял форму грабежа»⁴³. Последнее партизанское соединение, имевшее политическую окраску – группа Г. Л. Носаева, прекратила свое существование к 1924 году⁴⁴.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ События, описанные в статье, основываются на материалах, обнаруженных автором в Государственном архиве Волгоградской области (ГАВО), Архиве УФСБ России по Волгоградской области, архиве ГУ «Областной научно-производственный центр по охране памятников истории и культуры» Комитета культуры Администрации Волгоградской области и Центре документации новейшей истории Волгоградской области (ЦДНИВО). Использовались также материалы фондов Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ) и Центрального архива ФСБ России (ЦА ФСБ РФ).

² ГАВО. Ф. 516. Оп. 1. Д. 8. Л. 14.

³ Архив УФСБ России по Волгоградской области. Ф. 2. Д. 485. Л. 8.

⁴ Село Житкур располагалось на территории современного Палласовского района Волгоградской области. Основано в 1840 году. Население занималось скотоводством, земледелием, торговлей. С 1953 года началась эвакуация населения для обеспечения безопасности испытаний на государственном центральном межвидовом полигоне «Капустин яр». К концу 1970-х годов село прекратило свое существование (*Шишкина М. В.* История бывшего села Житкур Палласовского района Сталинградской области // Электронный научно-образовательный журнал ВГСПУ «Грани познания» 2012. №6 (20). Декабрь. Режим доступа: URL <http://grani.vspu.ru/jurnal/25>

⁵ Воспоминания Горемыкина Михаила Григорьевича, члена РКП(б) с 1918 года, военного комиссара ст. Кайсацкая в 1918 г. ЦДНИВО. Ф. 149. Оп. 3. Д. 69.

⁶ Воспоминания Мисюрин Семена Прохоровича, члена РКП(б) с 1918 года. ЦДНИВО. Ф. 149. Оп. 3. Д. 196.

⁷ Горемыкин, возможно, ошибался, называя Пятакова одним из лидеров партизан, напавших на Житкур 5 марта 1919 года. Михаил Пятаков в своей «покаянной» статье, опубликованной 14 декабря 1921 года, пишет, что он восстал против советской власти 8 месяцев назад, то есть в апреле 1921 года. До этого времени он, возможно, исполнял обязанности районного продкомиссара (газетные информации из «Известий Саратовского Совета рабочих и красноармейских депутатов» о действиях банд и борьбе с ними (август–декабрь 1921) // Исторический факультет МГТУ / Иллюминаты.ru (<http://www.illuminats.ru/component/content/article/29-new/2823-civil-war?directory=29>). В то же время, имеются данные, что Пятаков упоминался в числе инсургентов уже в январе 1921 года: Крестьянское движение в Поволжье. 1919–1922 гг.: Документы и материалы. М.: РОССПЭН, 2002. С. 763.

⁸ ГАВО. Ф. 141. Оп. 1. Д. 43. Л. 42.

⁹ *Свищев Г. К.* Жуков на фронтах Гражданской войны в Заволжье // Военно-исторический журнал. 1996. №6. С. 43–47.

¹⁰ Воспоминания Горемыкина... ЦДНИВО. Ф. 149. Оп. 3. Д. 69. Лл. 28–30.

¹¹ ВОХР – Войска внутренней охраны Республики, специальные тыловые вооруженные формирования, созданные по постановлению Совета обороны от 28 мая 1919 г. После объединения ВОХР с частями караульными, железнодорожной обороны и транспортной милицией, 1 сентября 1920 г. были переименованы в Войска внутренней службы (ВНУС).

- 12 Сабинин и Гребенников расстреляны 29 октября 1920 г.
- 13 ГАВО. Ф. 141. Оп. 1. Д. 12. Л. 207.
- 14 Советская деревня глазами ВЧК-ОКПУ-НКВД. 1918–1939. Документы и материалы. Т. 1. 1918–1922. М.: РОССПЭН, 2000. С. 273.
- 15 Архив УФСБ России по Волгоградской области. Ф. 2. Д. 485. Л. 8.
- 16 См.: Советская деревня... Т. 1. С. 370.
- 17 Подробнее о восстании «Голодающих крестьян Поволжья» см.: Яценко В. Г. Антибольшевистское повстанчество в Нижнем Поволжье и на Среднем Дону, 1918–1923. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2008. С. 48–54.
- 18 ГАВО. Ф. 141. Оп. 1. Д. 43. Лл. 8, 10, 61, 130, 133.
- 19 ЦДНИВО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 29. Л. 8.
- 20 См. Н. Смирнов. Степные партизаны Поволжья // Отчий край. 1998. №2. С. 199; ГАВО. Ф. 141. Оп. 1. Д. 43. Лл. 9, 10, 13, 15, 17–20.
- 21 ЦДНИВО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 29. Л. 24.
- 22 Подробнее о мятеже комбрига И. П. Колесова см.: Яценко В. Г. Указ. соч. С. 54–66.
- 23 ГАВО. Ф. 141. Оп. 1. Д. 43. Лл. 11, 12.
- 24 Там же. Л. 13.
- 25 Советская деревня глазами... Т. 1. С. 395.
- 26 ГАВО. Ф. 141. Оп. 1. Д. 43. Лл. 15, 20.
- 27 ГАВО. Ф. 122. Оп. 1. Д. 357. Л. 32.
- 28 ГАВО. Ф. 141. Оп. 1. Д. 43. Л. 19.
- 29 ЦДНИВО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 28. Лл. 2, 4.
- 30 ЦДНИВО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 29. Л. 29.
- 31 400 голов скота Твердохлебов сдал в Абашевский трак (так в документе, возможно, «парк»), находящийся в 20 верстах от Николаевска. Часть скота взята «для нужд бригады», часть сдана Николаевскому уисполкому; еще сколько-то увезено курсантами в Царицын. Как видно из донесения Твердохлебова, ни одно животное не было возвращено хозяйствам, котлым скотина принадлежала до грабежа. ГАВО. Ф. 122. Оп. 1. Д. 357. Л. 32.
- 32 ГАВО. Ф. 122. Оп. 1. Д. 357. Лл. 32–33.
- 33 ГАВО. Ф. 141. Оп. 1. Д. 43. Лл. 9, 10, 17.
- 34 ЦДНИВО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 28. Л. 12.
- 35 ГАВО. Ф. 141. Оп. 1. Д. 43. Лл. 13, 21.
- 36 Там же. Л. 18.
- 37 ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 384. Лл. 150–155. Подлинник.
- 38 Советская деревня... Т. 1. С. 430.
- 39 ЦДНИВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 46. Л. 294.
- 40 Крестьянское движение в Поволжье... С. 831.
- 41 Там же. С. 774. Например, в ядро партизанского отряда М. Пятакова, состоявшего из 48 уроженцев села Курнаевка Самарской губернии Новоузенского уезда, входило четыре женщины и ребенок: Бочковая Евдокия с сыном Степаном, Глинская Анастасия, Глинская Анна и Румянцев Софья (ГАВО. Ф. 153. Оп. 1. Д. 9. Л. 215).
- 42 См.: Советская деревня... Т. 1. С. 523.
- 43 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 14. Д. 958. Л. 35.
- 44 См.: Советская деревня... Т. 1. С. 799.

САРАТОВСКИЙ ПАРТИЗАН ПОЛИКАШКА

А. Е. Борисов

(публ. А. В. Посадского, Саратов)

Публикуемый документ является фрагментом воспоминаний саратовца А. Е. Борисова, присланных А. И. Солженицыну. Воспоминания хранятся в Доме Русского Зарубежья¹. Об авторе известно немного. Он уроженец Саратовской губернии, 1907 г. р. В дальнейшей судьбе – участие во Второй мировой войне, плен, женитьба на немке, эмиграция в 1952 г. в США. Воспоминания довольно обширны, кроме личных впечатлений, содержат общие размышления автора о судьбах страны, в частности, сельского хозяйства. Автор неоднократно повторяется, нарушает хронологическую последовательность изложения. Часть воспоминаний публиковалась, к сожалению, без комментариев, в журнале «Русская жизнь»². Ныне публикуется начальная часть текста, содержащая рассказ о партизане П. Егорове и общих условиях жизни деревни в 1918 г.

Автор описывает свои детские впечатления, «мы, школьники», – пишет он о себе. Возможно предположить, поэтому, неточности и преувеличения, особенно в части описания поистине богатырских подвигов «Поликашки». Автор беллетризует изложение, описывая, например, размышления своего героя. В то же время, речь идет о локальном районе³, родных местах автора, в описании много подробностей, имен, правильно названы села и деревни, так что следует считать основную канву повествования более или менее достоверной. Более того, есть свидетельство с красной стороны практически о тех самых событиях, что описываются в публикуемых воспоминаниях. Приведем его в пересказе.

Красный партизан села Большая Дмитриевка так описывал в 1930-е годы весенне-летние месяцы 1918-го года в родных краях. Краснопартизанский отряд был сформирован из добровольцев деревень Двоенка, Петропавловка, Взметновка, Каменка. Деревни были связаны между собой телефоном. Отряд выезжал на восстание в Саратов (май 1918 г.),

* Публикация подготовлена при поддержке РГНФ, проект №13-01-00260. Название дано публикатором.

затем на восстание в Широком Карамыше. Затем последовало крупное восстание немцев-колонистов района Кресты – Норки и «всего кулачества» за Большими Копенами. По мнению автора, восстание там было хорошо подготовлено, был штаб из 25 офицеров, а главным руководителем являлся некий торговец Копейкин, именовавший себя эсером. Восставшие развернули наступление на Большие Копены. Коммунисты и совслужащие из Б. Копен, Невежкино, Ключей, Белого Озера, Широкого Карамыша начали сбегаться в Б. Дмитриевку, зная, что там отряд. Партизаны же в это время были в полях, на работах по хозяйству. Отряд быстро собрался и выступил. В это время Б. Копены уже были захвачены, повстанцы рыли окопы около Белого Озера. Повстанцев-колонистов вытеснили из села, но на другой день они пошли вновь от Невежкина густыми колоннами. Попытки позвонить в Саратов и Аткарск и вызвать поддержку поначалу ни к чему не привели. Наконец, пришла рота мадьяр с трехдюймовым оружием и разогнала повстанцев. Копейкин был расстрелян «ревтройкой», но исполнителей расстрела самих привлекли к суду трибунала «по клевете кулачества». Мемуарист замечает, что на отряд постоянно «клеветали», обвиняя в грабежах. Далее отряд выехал на подавление восстания в Хвоцинку, а затем влился в Красную армию⁴.

В общем, излагается классическая судьба красногвардейского отряда. Коллекции губернских истпартагов хранят много подобных, более или менее подробно и внятно изложенных, историй участников событий с красной стороны. Показательно, что советский мемуарист свидетельствует о массовости возмущения, – восстало «все кулачество», а также, косвенно, о неблагоприятном поведении отрядников и, как можно понять, других подобных отрядов. Он пишет о некоем судебном разбирательстве за поспешный расстрел Копейкина, о «клевете» на его отряд по поводу грабежей.

Тем более интересно посмотреть на эти, сравнительно плохо официально документированные, события весны – осени 1918 г. в сельской провинции глазами человека, симпатизировавшего крестьянам-повстанцам и не связанного цензурой. Весьма колоритен, в частности, коллективный портрет советских активистов первых пореволюционных месяцев в родной деревне автора.

В конце воспоминаний мемуарист вновь обращается к теме 1918-го года и подвигам «Поликашки». Этот фрагмент содержит некоторые новые детали, он помещен в публикации после основного текста. Машинописный текст содержит довольно много подчеркиваний обычным и красным карандашом, они при публикации не оговариваются, так как не являются правкой и не влияют на содержание.

Родился я в 1907 году, 28 сентября по старому стилю. Будучи десятилетним мальчуганом, я встретил первую страшную кровавую зарю 1917 года. Весть о свержении царя дошла до нашей маленькой деревушки Каменки, когда в Москве и Петрограде рекой лилась кровь и от выстрелов «Авроры» содрогалась земля. Почувствовав запах крови, голытьба деревни, как ядовитая змея, заворочалась и зашипела, выползая на улицы, демонстрируя и митингуя с неграмотно написанными на красных полотнищах лозунгами «Да здравствует революция», «Вся власть Советам!», «Фабрики рабочим, земля крестьянам» и т. п. и самым главным и дорогим и долгожданным, отхаркнутым Лениным: «Грабь награбленное». Кто же был участником демонстраций? Кирилл Бриндин – в сажень ростом, с прямой вислопечей фигурой и маленькой ужиной головой, по специальности кузнец, по содержанию лодырь; Мотька Кузнецов – широкоплечий, с квадратным лицом и заливчатским чубом густых черных вьющихся волос, вор и бандит; Ванька Курган – культяпый и рябой пьяница и лентяй; Ванька Прошин и Кузька Репьев со своим сыном – картежники и пьяницы, и их жена и мать Мотька Репьева; Тишка, по прозвищу Грязный, Захаров Иван по прозвищу «Дробны ноги», потому что на своих тонких, длинных и гнутых ногах он дергался, как на пружинах. Прозвище «Дробны ноги» ему дали жители поселка Петропавловка, украинцы, находясь с ним в церкви, где он украл у молящихся на Пасху корзиночку с яйцами и куличами. Саша Одинокова, старая дева, активистка, низкая и уже седоволосая; две учительницы, Тося и Зина. Тося по прозвищу «Криворотая» и красивая блондинка Зинка были обязаны участвовать в шествии. Я описал нескольких участников, которые были особенно выдающимися революционерами, к ним примыкали еще многие по разным соображениям и причинам.

Между демонстрантами, меся грязь, шныряли мы – школьники, получая подзатыльники. При этом ужасном шествии пелись песни – «Дубинушка» и другие революционные, пелись уныло и монотонно, искажая текст. Жители деревни со страхом, насмешливо и испуганно, смотрели на причуды этих событий.

С каждым днем новости крепчали и увеличивались, приходя из близлежащих центров и дальних столиц. Спокойная жизнь сел и деревень и днями, и ночами становилась все беспокойней и опасней. Зажиточная часть населения, предчувствуя беду, надеялась, что эта разыгрываемая на улицах комедия недолговечна. По ночам не спали в домах, прятались в придворных постройках, на гумнах, или в садах и в лесу. В селе Большая Дмитриевка, в двух-трех километрах от нашей деревни, организовался штаб коммунистических палачей во главе с комиссаром Загуменным⁵, который свою кровавую работу исполнял по ночам, вылавливая «контру» из окружающих сел. Жертвами его были торговцы, частники,

которые имели участки земли, купленные ими у государства в вечное пользование. Первыми жертвами из нашей деревни были лавочник Константин Яковлевич Елистратов, по-уличному «шорник», интеллигент и добряк, статный, высокий, всегда прекрасно одетый, с волнистыми черными волосами. Его вызвали в штаб ночью и прямо в помещении штаба зарезали, ударив сзади кинжалом. Вторым вслед за ним был застрелен «при попытке к побегу» Астафьев Иван Павлович. Кого и сколько было расстреляно и заколото штыками из других сел и деревень – не знаю, но ужас и страх объяли всех жителей деревень и сел нашего Б.-Копенского района⁶. Помрачнела и покрылась мраком жизнь сел и деревень, бывших в недалеком прошлом веселыми и радостными. Карательные отряды и штабы вырвали из населения лучших людей и тружеников.

Это было только начало. Затем военный коммунизм и железная метла опустошали дворы и амбары. Карательные отряды были переименованы в прод.[овольственные] отряды, которые, шествуя от двора до двора, от амбара до амбара, от гумна до гумна, вооруженные винтовками и железными щупами, выискивали запрятанный хлеб и уводили скот. На всех дорогах были заставы вооруженных продотрядников, задерживавших ехавших в города крестьян, возы которых протыкались железными щупами и направлялись в штабы, и мужик с пустым возом возвращался домой. Это было время военного коммунизма, когда большевики, грабя и убивая людей, восстановили против себя население провинции. То там, то сям начались бунты и погромы. В моей памяти сохранилось три сельских бунта, которые были подавлены войсками.

Большое и богатое село Кресты, доведенное грабежом и убийствами до отчаяния, подняло восстание. К нему присоединились еще несколько сел и деревень, которые ловили коммунистов и убивали их. Вступившие за них вооруженные продотряды тоже окружались восставшими и уничтожались. На выручку им прибывали коммунисты, стянутые со всего района. Образовался настоящий фронт. Борьба крестьян продолжалась целую неделю. Прибывший из Саратова отряд красногвардейцев принудил крестьян к сдаче и восстание было разгромлено, его участники выловлены и расстреляны.

Второе аналогичное восстание произошло в большом базарном селе Князевка, а третье – в селе Широкий Карамыш, возглавителем и зачинщиком его был лесничий, старый храбрый офицер Поликашка (Поликарп Евгеньевич Егоров⁷). Живя в лесу, он на своем дрессированном и добром коне, выезжая в окружающие села, делал налеты на коммунистов, избивая их плетью, а иногда более заядлых и сопротивлявшихся и пристреливал. Улетал на своем коне в леса, в которых ему была знакома каждая тропинка. В селе Ш. Карамыш у него было много друзей и родных, большей частью зажиточных крестьян, отличавшихся храбростью.

Они были его осведомителями, и все грабительские и разбойничьи проделки коммунистов ему были известны. Врываясь в село, он уже знал, где их осинные гнезда, откуда вылезали эти насекомые, жая мирное население. Разоренные и притесняемые властью более отчаянные жители села, убежав в лес, бросив двор и дом, присоединялись к Поликашке. Они под его руководством стали грозой коммунистов. В непроходимых зарослях среди топей и болот они отыскивали островок, где недалеке от реки Б. Медведица был устроен их блиндаж, в котором они спали, ели и имели склад оружия, захваченного у коммунистов. Маленький канал, по которому мог пройти долбленный челн, был скрыт зарослями, выходя в незаметном месте в реку Б. Медведица. Не раз районные коммунисты пытались захватить Поликашку с его друзьями, но часто сами с тылу подвергались нападению и по команде: «Руки вверх! Бросай оружие!» становились на колени, бросив оружие. После чего Поликарп с товарищами, обыскав их, отбирал у них патроны и гранаты, пожимал им руки и милостиво отпускал домой, не давая им обнаружить подступы к его лагерю. По рассказам плененных и отпущенных им, у Поликашки верной охраной была маленькая дрессированная собачка, которая инстинктивно чувствовала надвигающуюся опасность, которая еще была вдали от лагеря. Не лая и не делая никакого шума, она подавала ему молчаливыми знаками сигнал опасности. За время жизни в своем убежище они научились понимать друг друга при помощи телодвижений.

С каждым днем положение трех отчаянных друзей становилось все опаснее. Об их дерзких вылазках местные коммунисты, не в силах вести борьбу с лесными героями, доложили районной власти с просьбой о посылке военного отряда, который должен был прочесать лес и выловить «разбойников, мешающих проведению их компаний» среди населения, которое они убивали, ссылали и грабили по приказу свыше. Но посылка усмирительного отряда замедлялась.

А в это время в один прекрасный день к хлебным хранилищам Горшковой мельницы были подогнаны обозы мобилизованных крестьян, для выгрузки из огромных амбаров зерна и муки. Находившиеся на мельнице крестьяне-помольцы вместе с рабочими и служащими мельницы решили не допустить к амбарам слуг «железной метлы». Завязался скандал с вооруженной охраной обозов, которая, не в силах противостоять помольцам и рабочим, прибегла к оружию. Раздались выстрелы, сначала вверх, затем в толпу, все дружнее наступавшую на обозников. В село Широкий Карамыш, насчитывающее до 1000 дворов и враждебно настроенное к Советам, был послан гонец, который, подняв мужиков к сопротивлению, повел их к мельнице, до которой было всего два километра. На полпути к мужикам присоединился и Поликашка с друзьями-храбрецами. Лавина мужиков, подойдя к амбару, окружила обозников и охрану. Впереди был грозный Поликашка, который, взяв за грудки одного

из охранников, поднял его могучей рукой над толпой, вырвав и отбросив в сторону винтовку. Обращаясь к мужикам, он произнес короткую зажигательную речь. Мужики бушевали и ликовали.

Но вот из засады раздалась залпы, и в толпе послышались стоны раненых, несколько человек были убиты. Как разъяренный зверь, дыша злобой, Поликашка схватил с земли винтовку, скомандовал: «Ложись!», залег и сам, направив дуло винтовки в то место, откуда производились выстрелы. Быстрым рывком короткой перебежки он оказался на краю оврага, на площадке которого стояла мельница. Углубясь на один этаж, на мостике спуска около берега Б. Карамыша, стояла каменная стена турбины, в которую с ревом и пеной падала вода. Тут, укрывшись за стеной, облокотившись на выступ стены, полулежали стрелки прискакавшего на конях продотряда. В винтовке, которой овладел Поликашка, на счастье, сохранились все пять зарядов, и все они попали в цель: пять человек из прискакавшей группы продотрядников были им ранены или убиты наповал.

Схватка продолжалась. На помощь продотрядникам из близлежащих сел подходили вооруженные советские активисты, и безоружная толпа помольцев и приехавших им на выручку мужиков стала отступать. Видя свое поражение, кто-то из оборонявшихся мужиков выключил все электроосвещение мельницы. В наступившей темноте оставшие стали спасаться кто как мог. Поликашка, отыскивая своих друзей, скрылся с ними в овраге, поросшем лесом. Продолжая удаляться глубже в лес, они решили выйти к проселочной дороге, которая, начинаясь от села Ключи, шла к Саратову, обходя населенные пункты. Они вышли, минуя большие дороги, к зарослям леса, называвшимся старицей, в которой они, отдохнув и закусив, составили план продвижения. Заросли старицы начинались у села Большая Дмитриевка и тянулись широкой полосой до села Рыбушка⁸ на протяжении 16–18 километров, загибаясь с запада на юго-восток. Изгибаясь змеей, среди них текла река Карамыш. За с. Рыбушкой был крутой поворот на юг, ведущий к немецкому колонку⁹ Панцыр, от которого шла дорога к берегу Волги. Не останавливаясь до самой Волги, они вышли к селу Золотое¹⁰, которое имело большую пристань. Замешавшись в толпе ожидавших парохода пассажиров, они, купив билеты и сев на пароход, вверх по Волге двинулись к Саратову и к полудню были уже в городе.

Сев в трамвай на Почтовой улице, шедшей от пристани к ж/д. вокзалу, они, не доехав одну остановку до вокзала, сошли на Ильинской улице и оказались около Митрофанского базара. Войдя в огромный крытый рынок¹¹ и отыскав закусочную, они пообедали, выпили несколько рюмок водки и вышли на базарную площадь, заставленную возами мужиков, будками и столиками торговцев и затерялись в кишашей, как черви, толпе продавцов и покупателей. Заградотряды, стоявшие на всех дорогах, ведущих к городу, и отбиравшие у везущих в город мужиков

продукты, обrekli город на голодовку. Около каждого воза с сельскохозяйственными продуктами стояли очереди изнуренных городских жителей. Пасмурный осенний день клонился к вечеру, моросил мелкий дождь, холодный воздух пронизывал насквозь. Продавцы и покупатели, стоявшие в очередях, кутались в теплую одежду. Исхудавшие лица и окоченевшие руки темнели и синели от холода.

Поскитавшись по базару, Поликашка с друзьями, уставши от долгого пути, направились к месту ночлега – отелю «Россия», стоявшему на Немецкой улице, с облупленной окраской и разбитыми стеклами парадной двери. Войдя в отель и обратясь к швейцару с вопросом о ночлеге, они по витой лестнице поднялись на второй этаж, где нашли свободные комнаты, за которые уже заплатили внизу. Комнаты были неаккуратные, постели покрыты давно не стиранными простынями и наволочками, оконные гардины висели косо. Атмосфера равнялась уличной, но уставшие и голодные путники, сняв грязные ботинки с одеревеневших ног, легли, не раздеваясь, укутав ноги разбросанными по полу ковриками. Братья Егоровы, верные соратники Поликашки, быстро заснули. Один Поликарп долго не мог заснуть. Мучили его какие-то тоскливые тяжелые предчувствия. В голове роились мрачные думы, навеянные путешествием от Горшковой мельницы до Саратова. Проходя села и деревни, они видели умершие села, которые были выметены железной метлой советской коммунистической ведьмы, убитый горем и нуждой печальный молчаливый народ, вой собак и хриплый крик петухов, терпящих голод вместе со своими хозяевами; проезжая пароходом от пристани с. Золотого вдоль правого берега Волги, где раньше они видели красивые постройки и златоглавые храмы, тонувшие в цветущих садах, покрывавших прибрежные холмы и долины, теперь стояли облезлые домики и руины разрушенных храмов. От пассажиров парохода они слышали много жутких рассказов. Все богатые садоводы были ликвидированы как класс, их сады и огороды, лишившись хозяев и регулярных поливов, заросли чертополохом и высохли; деревья вырубались на топку печей. Если раньше каждый прибрежный житель во время весеннего разлива Волги ловил плывущий с верховьев по Волге лес, теперь он не имел права на это. За пойманную доску или бревно он попадал под арест и штрафовался. Фрукты, которыми раньше были завалены городские базары, теперь доставлялись в город в очень малом количестве. Камышинские арбузы, славившиеся по всей России, тоже исчезли. Бахчевые плантации заросли бурьяном. Их хозяева или были забраны, или разбежались, устроившись в городах на работу, и стали батраками советского хозяйства, не давая пользы ни себе, ни власти. Улицы Саратова и других городов, полные когда-то лавчонками и большими магазинами, пахнувшие жарким и сдобой, копченой рыбой и мясом, теперь пахли только обозами золотарей, нефтью и дымом заводов в самом центре города

Саратова. Торговцы обувью, одеждой и платьем тащили когда-то силком покупателей. «Тащишками» служили подростки от 10 до 15 лет, которые со слезами на глазах просили покупателей зайти в магазины их хозяев, ломившиеся от товаров. Куда же в течение 3–4 лет все это улетучилось? Перед жителями города и провинциалами волшебный Сезам затворился.

С этой мыслью и назойливым вопросом Поликарп заснул. Проснувшись утром, спутники пошли на Верхний базар¹². Зайдя в один из магазинов, они были арестованы.

... командовал какой-то Загуменный, который после этого восстания, вызывая в свой штаб мало-мальски зажиточных жителей на допрос, безжалостно расстреливал их или просто закалывал штыком.

После этого из большого села Карамыша бежал в лес бывший офицер старой армии по имени Поликашка, который, первое время в одиночку, на своем дрессированном скакуне залетал в сельсоветы, где большевики вели свои митинги и заседания, парол их плетью и, в упор расстреляв, улетал снова в лес. Позже к нему присоединилась целая ватага героев, которые, укрывшись в бункерах среди трудно проходимых топей реки Большая Медведица, делали налеты на коммунистические сборища. Местные коммунисты делали на него облавы, как на волка, но он или скрывался, или давал им отпор. Тогда из губернского города были высланы броневойска. Но Поликашку им взять не удалось. Он бежал с товарищами в Саратов, где и был схвачен агентами ЧК, которые в гражданском платье незаметно окружили его в одном из магазинов, в который его заманил их же сотрудник.

Тревожными были ночи в нашем Большекопепском районе. Каждую ночь из сел и деревень уводили людей, и они исчезали бесследно. В городах, не имеющих продуктов питания, начались волнения среди рабочих.

Фронт белых и красных находился в 50–60 верстах от нашей деревни Б. Каменки у жел.[езно]-дор.[ожной] станции Ялань¹³. Иногда мы слышали гул орудий. В тылу фронта по селам и деревням, в большинстве на конях, проходили поволжские банды-отряды, то под командой Маруси, то Пятакова¹⁴. Вслед за ними шли красные конные отряды. Иногда между ними происходили перестрелки, и напуганные жители сел и деревень прятались в погребах.

Банды белых и красных, заходя в села, занимались выкачкой продуктов питания, очищая погреба, кладовые и дома, вынося все, что их интересовало, и укладывая в обозные повозки, стоявшие среди улиц. В их обозах, состоявших из фур и телег, отобранных у крестьян, было полно всякой домашней утвари – тарелки, котлы, кастрюли, одежда и обувь,

платье и куски мануфактуры, самовары и музыкальные инструменты (гармоники, гитары, скрипки, балалайки и мандолины). С гумен и амбаров тащили мешками и вязанками овес и сено. Не было овса – кормили коней пшеницей, рожью, ячменем. Заморенные и загнанные кони, часто объедаясь или опиваясь, падали в упряжках со вздутыми животами и подыхали. Побитые фуры и телеги отдавали крестьянам, беря взамен новые. Плохая сбруя тоже бросалась и заменялась отобранной у крестьян добротной¹⁵.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Дом Русского Зарубежья (ДРЗ). Ф.1. М-38. Лл.1–6,82. На л.1 машинописи надпись карандашом: «Сюжет: кр[естья]нское восстани[е] и вождь его – лесник».

² Борисов. А. Будни экспроприации // Русская жизнь. Земля. 2007. №10. Начало опубликованного текста совпадает с публикуемым нами, но далее сюжет с партизаном-одиночкой отсутствует. К сожалению, публикаторы не поместили реквизитов опубликованных ими фрагментов.

³ Описываемые места ныне входят в Лысогорский район Саратовской области, его Большедмитриевское, Большекопенское и Ширококарамышское муниципальные образования. На 1917 год – Лысогорская и Большедмитриевская волости Аткарского уезда Саратовской губернии.

⁴ Государственный архив новейшей истории Саратовской области (ГАНИСО). Ф.199. Оп.1. Л.261. Лл.8–10.

⁵ Загуменный Сергей Иванович (1897–1938) происходил из крестьян Вольского уезда Саратовской губ. Участвовал в Первой мировой войне. Осенью – весной 1917 – 1918 гг. член Саратовского губисполкома, командовал импровизированными армиями Саратовского совета в походах на Астрахань и Уральск. Снят с должности председателем Высшей военной инспекции Н.И. Подвойским. Летом-осенью 1918 г. возглавлял карательные отряды в Саратовской губ. В 1919 г. возглавлял Аткарскую УЧК. Репрессирован в годы Большого террора. См. о нем: Гусакова З.Е. Командарм С.И. Загуменный // Гражданская война в России (1917–1922): взгляды и оценки через 90 лет. Доклады академии военных наук (Поволжское отделение). № 5(29). Саратов, 2007. С.33–39.

⁶ «Район» здесь в значении «округа», так как административного деления на районы в 1917–1918 гг. не существовало.

⁷ Биографические данные не установлены.

⁸ Волостное село Саратовского уезда Саратовской губернии.

⁹ Колонок – принятое название колонии, то есть села немецких поселян-колонистов, которые вплоть до 1917 г. были сословно обособлены от русского крестьянства, хотя и жили чересполосно с ним.

¹⁰ Одно из старейших русских поселений в переселенческом Поволжье, богатое торговое село Камышинского уезда Саратовской губернии.

¹¹ Торговая Митрофаньевская (по названию ближайшей церкви) площадь и построенный в 1914 – 1916 гг. современный (ныне функционирующий) крытый рынок (арх. В.А. Люкшин).

¹² Возведенный по проекту архитектора А.М. Салько торговый комплекс из 20 одноэтажных и 7 двухэтажных кирпичных корпусов; работы велись в 1876 – 1908 гг.; частично сохранился. Масштабное строительство упорядочило торговлю на обширном Верхнем базаре.

¹³ Правильно – Елань. Елань-Камышинская, станция Рязано-Уральской железной дороги на участке Тамбов – Камышин неподалеку от большой торговой слободы Елани в южной части Аткарского уезда Саратовской губернии.

¹⁴ Автор объединяет разновременные события. Фронт в указанных местах проходил осенью 1918 г. и летом 1919-го, отряды «Маруси» (Марии Косовой, командира отряда у А. Антонова?) – могли появляться не ранее осени 1920 г., Пятакова – только весной 1921 г.

¹⁵ Воспоминания написаны в яростно антикоммунистическом ключе. Тем характернее, что при описании грабежа и реквизиций у крестьян автор совершенно не делает различия между «бандами белых и красных», но подробно обрисовывает, что и как «ташили» вооруженные пришельцы.

НА УРАЛЕ

УРАЛЬСКИЙ АТАМАН ДРЁМИН

М. Г. Ситников (Пермь)

«Я видел, что народ пухнет от голода, а хлеб лежит рядом с ними и я решил отдать этот хлеб народу и оудал (15–16 т. п. государственного хлеба)».

*Степан Дрёмин**

Личность атамана

Степан Васильевич Дрёмин родился в 1890 или 1891 г. в деревне Луговая, Агафоновской волости, Красноуфимского уезда Пермской губернии в семье крепкого крестьянина Василия Нефедовича, который был старшиной Агафоновской волости. В 1909 году деревня насчитывала 14 дворов, в которых проживало сорок три человека мужского пола и столько же женского². Жители преимущественно были староверы, переселившиеся сюда из Кишергских краев. Поэтому деревню Луговую в народе еще называли Новосёлы. У староверов имелся свой молельный дом в деревне Лебедята, православную «никонианскую» церковь они не посещали³.

Семья Дрёминых тоже придерживалась старой веры и состояла из семи человек: отец, мать, три сына – Степан, Иван и Максим, и две сестры – Акулина и Екатерина. Степан окончил сельскую школу в деревне Каменка, после чего работал в частных фирмах по лесному делу. В феврале 1917 года он был призван на военную службу в 153-й запасной пехотный полк, который располагался в Кунгуре. Служить досталось в нестроевой роте, поскольку Дрёмин имел физический недостаток. Об этом обстоятельстве говорит медицинская справка: «Выдана справка из медицинского журнала от 17 марта 1917 года №233 гражданину деревни Луговой, Агафоновской волости Степану Дрёмину. Действительно он получил перелом правого бедра во время полевых работ. Земский фельдшер Н. Ширяев»⁴.

* Все приведенные документы цитируются по делу: ПермГАНИ Ф.641/1. Оп. 1. Д. 11308.

После февральской революции Дрёмин был переведен в милицию в Красноуфимск, служил рядовым милиционером. Он примкнул к партии левых эсеров. А в январе 1918 года, после демобилизации, был избран в Каменке секретарем сельского совета и отправился учиться на курсы секретарей. По их окончании, проработав всего два месяца, Дрёмин получил приказ от одного из организатора июльского антибольшевистского восстания 1918 года в Агафоновской волости Н. Н. Некрасова явиться к нему и был назначен начальником штаба отряда⁵.

Но удостоверение, выданное ему, говорит о другом: «Выдано солдату из граждан д. Луговой Агафоновской волости, Красноуфимского уезда Степану Васильевичу Дрёмину в 1918 году 24 июля старался в нашей окрестности завести организацию против большевиков, но тому Дрёмину организацию завести не удалось, т. к. по поводу Дрёмина был собран сход 24 июля для организации, но на этот сход уже пошел начальник летучего отряда красной армии Маслоедов в числе 11 человек, сход был разогнан и один человек убит. Спустя несколько часов и прибыл Дрёмин со своим отрядом, но уже Дрёмин не застал Маслоедовский отряд и столкновения между ними не произошло. Дрёмин окружил дом организатора... (пропуск в тексте – авт.) но его не захватили дома, который в последствии был комиссаром, что и удостоверяется Бырминского Общества Осичевской волости Кунгурского уезда. Секретарь Быков. 22 июня 1919 г.»⁶.

Зачем понадобился этот документ Дремину – неизвестно. В своих многочисленных показаниях он нигде не упоминает этот неясный эпизод.

В должности начальника штаба он находился недолго. Возможно, не сошелся взглядами на жизнь с начальником отряда, поэтому и ушел к чехословакам, которые действовали вдоль железной дороги Екатеринбург – Кунгур, где добровольно вступил в 6-й чехословацкий Ганацкий полк рядовым. Он провоевал в нем 2 месяца, а затем перешел в Утинский партизанский отряд Никифорова, откуда в феврале 1919 года уволился, как отслуживший шесть месяцев в белой армии. По увольнении Дрёмин получил следующий аттестат за номером 98: «Дан сий начальником Утинского партизанского отряда добровольцу, рядовому Дремину Степану Васильевичу Агафоновской волости Красноуфимского уезда в том, что он состоял на военной службе вверенного мне отряда с 25 июля 1918 г. по 1 февраля 1919 г. и как окончивший 6 месячный срок увольняется в распоряжение местного коменданта. Жалованьем и другими какими либо вознаграждением (так в тексте – авт.) за все время не удовлетворен, что подписью и казенной печатью удостоверяется. Начальник отряда старший унтер-офицер Никифоров. 5 февраля 1919 г.»⁷.

До августа 1919 года Красноуфимский уезд был занят войсками Сибирской армии. В это время Дрёмин жил в родной деревне, занимаясь сельским хозяйством. А хозяйство у его семейства было крепкое: 5 коров,

5 овец, жнейка, молотилка, сепаратор, дом в три комнаты⁸. По тем временам это было редкостью. Урожай всегда был вовремя убран, да и односельчанам жали хлеб за плату. О состоянии семьи Дреминых в 1919-м говорит следующий документ: «Удостоверение. Выдано солдату из граждан д. Луговой Агафоновской волости, Степану Васильевичу Дремину, в том что согласно его заявления его семейство от большевиков понесло убытков растрате имущества на 21 000 рублей, что удостоверяется. 6 июня 1919 г.»⁹.

После занятия Красноуфимского уезда Красной армией мужчин мобилизовали. Получил повестку и Степан, но с явкой не спешил. 14 августа 1919 года его арестовали дома за неявку и препроводили на сборный пункт в Кунгур, откуда решили отправить в Екатеринбург. По дороге, около Вогулки, он сбежал в Вязовку. Так началась его новая жизнь – жизнь повстанца.

После побега он узнал, что арестован отец, как укрыватель дезертира. Дрёмин поехал домой. По дороге он написал письмо Василию Васильевичу Чистякову. Обращение к Чистякову за помощью было обоснованным. Они вместе работали при Советской власти в 1918 году в Агафоновском исполкоме. После восстания крестьян против мобилизации молодежи в Красную армию Чистяков был приговорен к расстрелу, но Дрёмин добился его освобождения. Теперь настала очередь Чистякова помогать. Они встретились у Чистякова, он дал Дрёмину адреса, где можно укрыться.

Девятого февраля 1920 года по дороге на Тисовский завод Дрёмина задержала милиция. При нем был браунинг, однако воспользоваться оружием он не успел. Милиционеры стали избивать Дрёмина, при этом угрожали, что прикончат его в течение 24 часов. Но, чтобы выбить показания, доставили его в село Тис, где он рассказал начальнику местной милиции про тайник, в котором находятся: винтовка, ствол пулемета, 9 лент к пулемету и 5000 патронов. Вероятно, это был блеф. В арестантском помещении завода Тис Степан встретился с Чистяковым, которого арестовали за укрывательство Дрёмина¹⁰. Вскоре обоих перевели в Красноуфимск, где поместили в «Рабочий дом». Первый и последний допрос Дрёмина состоялся 3 апреля 1920 г. Через два месяца Степана решили перевести в Екатеринбург. По дороге, не доходя до станции Вогулка трех верст, Дрёмин, совместно с Василием Чистяковым и Михаилом Толстым, бежал и скрывался в районе деревни Ишимовка¹¹.

В середине августа 1920 г. Сидор Заводов, дядя Дрёмина, уговорил его взорвать железнодорожный мост у станции Шамары, снабдив двумя пироксилиновыми шашками. В конце сентября, собрав десять человек, Дрёмин двинулся к мосту, но охрана не позволила совершить диверсию. Отряд самораспустился, а Дрёмин ушел в деревню Бачуры к бабушке Софье, где и проживал какое-то время¹².

Пришло время сказать несколько слов о нашем герое. Проводя агитацию не только индивидуально, но и организовывая легальные собрания и выступая на них, он призывал к борьбе с коммунистами с оружием в руках. На одной из листовок, написанных на клочке бумаги, на оборотной стороне имеется предостерегающая надпись: «Прошу не искурить, а читать неграмотным!». И далее: «Братцы, не вздумайте сами себя товарищами называть, товарищи вас обманывают!.. Наши большевики только разорят крестьян,... крестьяне, бейте и душите таких руководителей, не давайте им покою! Возьмите во внимание, что власть эта – не власть, а бл...тво и беззаконие»¹³.

Дрёмин обладал талантом перевоплощения. Уходя от своих преследователей, он то передевался в женщину, то валялся на дороге, притворяясь пьяным. Знал марийский и татарский языки, – ведь его отряд был многонациональным. Простой народ Дрёмин никогда не обижал. Его ненависть была направлена только в адрес зарождающейся советской власти, которая его, как и других односельчан, лишала спокойной размеренной сельской жизни. В первые месяцы действия дрёминского повстанческого отряда люди и жители надеялись, что этим можно что-то изменить, но силы были неравны. А помощи ждать было неоткуда. Несмотря на то, что люди в итоге перестали верить в дрёминское правое дело, все же они ему были благодарны за то, что многих он спас от голодной смерти.

Дрёмин имел и творческую жилку. Степан плел корзинки, пробовал писать стихи. Сохранилось по крайней мере три его произведения, подшитые в архивно-следственное дело. Вероятно, это незаконченные наброски не сложившихся в стихи сочинений.

Теперь

О бедный край – великий благородный
 Стоят в огне наши леса
 Потоки крови в Сылву многоводной
 Разрушены большие села и деревни
 Молчат станки, сломаны машины
 Человеческой кровью залиты долины
 Разграблены крестьянские дома
 Мужья и жены все сидят по тюрьмам
 А дети слезами умываются
 Поругана наша святыня
 Все сожжено
 Не существуем мы.

Декабрь 1920 г.

*Дрёмин*¹⁴.

Песня бандита.

В лесах кунгурских я скрывался
Красотою их любовался
В злые руки коммунистов я попался
До чего я достарался.
Отец мой старый слезы льет
А мать больна про то не знает
Что сын ее отцовый дом покинул
Лохматый в лесу шатаюсь
Не плач отец и не болей
И мать на ваш хлеб-сухарик
С собой возьмем
А лес шумит наш
А мы в лесу подпеваем
И горькими слезами
Хлеб-сухарики с водою стали приедаться
А в лесу так холодно,
А нам нечем одеваться.
В городходим все узнаем,
А в деревню придем и с папой погуляем¹⁵.

Предчувствие «злых рук коммунистов» Дрёмина, увы, не обмануло.

Боевой 1920 год

В первых числах октября 1920 года, по сведениям ВЧК, в Красноуфимском уезде появились вооруженные винтовками и дробовиками отряды дезертиров. Члены этих отрядов не хотели служить в Красной армии и новой власти в целом. Общая численность повстанцев составляла около тысячи человек. Отряды возглавлялись грамотными и авторитетными людьми, известными всему уезду. ВЧК считала, что всем движением руководил строительный техник Павел Александрович Нестеров, впоследствии убитый при попытке пленения. Помощниками Нестерова были Аверкий Хропин и Егор Вечтомов¹⁶. Главной целью повстанцев был захват Красноуфимска и установление власти советов без коммунистов.

Волнения начались в селе Поташ, в которых принимали участие только дезертиры численностью до сорока человек, но впоследствии к ним присоединилось крестьянство. Волнения быстро охватили Ачитскую и Ялымскую волости. Причиной восстания сотрудники ЧК считали недовольство крестьян хлебной разверсткой. Пользуясь поддержкой антисоветски настроенного сельского населения, дезертиры нападали на коммунистов и работников продотрядов, захватывали волостные села,

обезоруживали исполкомы, волостных военных комиссаров, милицию, затем проводили митинги против советской власти, обращаясь за поддержкой к местному населению, пытались включить в свои отряды допризывников. Отряды восставших насчитывали от нескольких десятков человек до нескольких сотен. К 20 октября 1920 года повстанцами были заняты Агафоновская, Утинская, Быковская, Иргинская, Богородская, Ялымская и Тихоновская волости Красноуфимского уезда¹⁷. Вот один из документов повстанческого происхождения, иллюстрирующий процесс разрастания движения. «Протокол №1. Мы белоармейцы постановили сделать вспышку в г. Красноуфимске ... (пропуск в тексте – авт.) в 2 часа дня 11 октября. Председатель собрания Русинов, секретарь Доронин. Постановили: Что из Ежовой будет отряд он остановиться за селом Криулино, а наш отряд за Чувашковой, что если кто из дезертиров к вспышке не будет, то будет против нас врагом, а из крестьян пусть только добровольно будет на один месяц с/г решили мобилизацию как воз[нрзб.] г. Красноуфимска года молодых, родившихся в 1902, 1903 г. и еще первым долгом сорвать телеграф и все сообщения. Председатель Русинов. Члены Волков; Никифоров; Гелисев. Секретарь Ф. Н. Доронин»¹⁸.

В приведенном документе не сказано, где проходило собрание, но, очевидно, где-то около Красноуфимска. На таких собраниях присутствовал дядя Дрёмина Сидор Заводов, который решил поднять Агафоновскую волость и присоединиться к восстанию. В это время вышел на связь Степан. В октябре дядя приехал к племяннику и сказал: «Почему ты прячешься? Ты от нас прячешься и от красных. Никифоров уже выступил и занял Ачит». Тогда Дрёмин собрал отряд из дезертиров и двинулся для занятия татарской деревни Агафонково. После этого отряд очистил от большевиков всю Агафонковскую волость, где по распоряжению Дрёмина были убиты члены ВКП(б) Жаренов Иван Васильевич, Опалев и Трешкин. Далее отряд двинулся в марийскую деревню Сызганка, где повстанцы расстреляли семью Клементьевых, в том числе и 13-ти летнего сына.

Согласно документу архивно-следственного дела, после этой расправы отряд ушел на бывший спиртовой завод И. Г. Каменского в деревню под названием Шапочка. Здесь работал коммунист Иван Васильевич Жариков, которого арестовали и начали избивать. Повстанец Михаил Кургузов ударил его винтовкой, но Дрёмин запретил его бить, так как Жариков сказал: «Степан Васильевич, что я вам сделал худого?» Убивать его Степан не хотел. В это время их разговор услышал дядя и закричал на племянника: «Как ты за таких сволочей заступаешься?». У Сидора Заводова были личные счёты с арестованным¹⁹.

Из завода отряд двинулся в деревню Чекарда и конфисковали там несколько лошадей. Затем отправились в Тисовский завод, который уже

был занят отрядом Никифорова. Никифоров расстрелял здесь комиссара Агафоновской волости Винокурова Николая, жену начальника милиции; сподвижники Никифорова разграбили исполком. Затем отряд Никифорова двинулся в деревню Горбуново, а в Тисовский завод вошел Дрёмин с отрядом. В это время Никифоров прислал приказ явиться в его распоряжение. В деревне Горбуново произошло соединение четырех отрядов: Горбуновского под командованием Бугаева, Никифоровского, дрёминского и Артинского (командир Обвинцев) под общим командованием Евсея Андроновича Никифорова, старшего унтер-офицера царской армии, жителя села Ут Красноуфимского уезда, который тут же отдал приказ о расстреле коммунистов на месте²⁰.

В объединенном отряде насчитывалось около 900 штыков, в том числе у Дремина – 70. Отряды объединили свои службы обеспечения. Сохранились записки Никифорову о продовольственном положении Артинского отряда. Вот одна из них: «Сведения. Ответственный в части продуктов, доносит. Остаток от 30 октября на 31 октября имеем: Мяса – 4 пуда; Хлеба – 54 – пуда. Каптенармус Стахийев. 30 октября 1920 г»²¹.

Объединенный отряд Никифорова двинулся на село Малый Ут, где в это время находилась часть Красной армии. Село было занято. Далее отряд Дрёмина наступал на деревню Горбуново, где произошел бой. Сохранилось донесение, подтверждающее это событие. «Начальнику отрядов прапорщику Никифорову. Донесение. Доношу, что мы ведем бой на передовой. Пока у нас по хорошему все идет. Дадим знать, когда войдем в Горбунова. Начальник отряда Дрёмин»²². В бою с обеих сторон было убито семнадцать человек. В плен попало семьдесят, из которых 30 человек пополнили дрёминский отряд. В селе Ут повстанцы простояли две недели и направились вновь в Горбуново, у которой получили известие о занятии села Ут красноармейцами. Никифоров вышел со своим отрядом на Ут, застал красных врасплох, быстро занял село и захватил много пленных. На допросе в 1925 году В.Д. Утёмов рассказал об этом так: «В октябре 1920 г. будучи в отряде (150 чел.) Колесникова участвовал в ликвидации отрядов Никифорова и Дрёмина. Нас вызвали из Екатеринбурга и перебросили в с. Афанасьевское. Отряд повел наступление на с. Ут. Пришли к селу рано утром. Выслали разведку, которая сообщила, что неприятеля нет. Зашли в Ут и стали продвигаться по селу. Отряд Никифорова Ут не покинул, а засел на горе. Повстанцы напали на нас врасплох. Возникла паника и все побежали. Часть отряда разбежалась. Уже за Утом командир навел порядок. Приказал развернуться в цепь и атаковать Ут. Повстанцы отбили эту атаку и отряд ЧОН отступил до Афанасьевского. После этого нам снова дали приказ атаковать Ут. Никифоров из засады напал на соседний отряд, который понес большие потери убитыми и ранеными. В третий раз чоновцы заняли село Ут. Потерь в отряде Колесникова не было. Заняли д. Иргу, где в плен попали

5 красноармейцев, которых заставляли вступать в банду. Партизаны отступили»²³.

Объединенные отряды партизан двинулись на деревни Малый Ут и Горбуново, около которых потерпели поражение и отступили на деревни Ключ, Колтаево, Сызганку и Каменку²⁴.

Пятого ноября в семь часов остатки объединенного отряда Никифорова напали на Молёбский завод, в котором в это время находился отряд Кунгурского кавалерийского полка в количестве 43 человек и двадцать партийных и советских работников. Партизаны Никифорова обложили завод с трех сторон и стали обстреливать. Красные отошли по единственной не пережатой дороге на Вязовку и станцию Шамары. Повстанцы заняли Молёбский завод, где захватили секретаря волостного комитета РКП(б) Михаила Григорьевича Григорьева и контролера мельницы Василия Голубцова. Партизаны захватили товары кооперативной лавки. Продукты и мануфактура были уже на руках у жителей, но кто-то выдал Никифорову списки жителей, получивших продукты. В Молёбском лесничестве было взято 1000 аршин мануфактуры. При дележе добычи между Дрёминым и Никифоровым возник конфликт. Никифоров увел свой отряд в Ут. Затем Никифоровский отряд отступил по направлению к станции Шаля, где его разбили чоновцы, а сам Никифоров был убит²⁵.

Дрёмин же седьмого ноября повел наступление на Суксунский завод. В деревне Юркан партизаны узнали, что в Суксуне хозяйничают красноармейские отряды. Тогда Дрёмин двинулся в Сызганку, но был там разбит другим красноармейским отрядом. Остатки отряда Дрёмин увел в родную Агафоновскую волость, где вновь напоролся на красноармейский отряд и потерпел поражение²⁶. Остатки отряда разбежались по лесам, а Дрёмин с братьями Павлом и Василием Тохтуевыми из Молёбского завода скрылись в неизвестном направлении.

Обстановку в Красноуфимском уезде характеризует следующая телеграмма. «Наштакор Приуральского, ВЧК при Совтрударме 1, 43-й бригаде Вохр, Губкомдезертир – Екатеринбург; Уездвоенкомат – Кунгур; Уисполком, Комбату – 497, уездкомдезертир – Красноуфимск.

Полевой штаб Красноуфимского ОПЕРАТИВНАЯ и РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНАЯ к10 часам 25 ноября 1920 года карта 10 верст в дюйме.

В районе дер. Юркан, Каменка, Красный Луг усиленные поиски наших разведчиков продолжаются. В районе д. Лебяжье (8 верст западнее Ачитского) в 22 часа 24 ноября банды противника сделали налет на дер. Лебяжье, захватили одного старика 50-ти лет и скрылись в направлении дер. Чатлык, Русский Турьш, очевидно в урочище Косьмяш. Приняты меры. В районе Бисертского завода Калиновой горе (на карте нет 20–30 верст северо-западнее и севернее Бисертского) нашим разведывательным отрядом найдены землянки в коих найдены: одна винтовка

и небольшой запас печеного хлеба. Землянки разрушены. Дальнейшие поиски продолжаются. Со всего уезда продолжается добровольная явка дезертиров. В районе Советинской, Златоустовской, Тисовской, Сыринской, Афанасьевской, Ялымской, Нязепетровской, Нижне-Сергинской, Шайтанской, Криулинской, Алтыновской спокойно. В районе Утинской и Молебской волости работа карательного отряда по вылавливанию дезертиров. С остальных районов сведений не поступало. Продолжается заметное движение банд в районе Красноуфимска (20–25 верст западнее и севернее Красноуфимска)»²⁷.

Так закончилось крестьянское восстание в Красноуфимском уезде. Весь 1921 год Дрёмин не вел боевых действий, скрываясь до апреля 1921 года в деревне Козаи Журавлинской волости Красноуфимского уезда. Летом Степан жил в поле, затем в деревне Лопаевке.

Звездный час атамана Дрёмина

Страшный голод 1921-го года докатился и до Красноуфимского уезда, который всегда славился обильными урожаями. Советская власть вспомнила уже испытанную продрозверстку, которая вновь начала опустошать крестьянские амбары. Новая власть забирала у крестьян последнее, обрекая их на верную гибель, люди пухли и умирали от голода. За все лето 1921 года, до самой осени, в Суксуне и окрестных деревнях не было дождя, все высохло, в том числе озимые и яровые хлеба. Почти ничего не сняли с урожая этого года, травы не выросли, хозяйства остались без хлеба. А на Суксунском ссыпном пункте, куда свозилось изъятое зерно для дальнейшей отправки, его хранилось достаточно, чтобы прокормить десятки, а то и сотни семей. Пуд муки в то время стоил человеческой жизни»²⁸.

Узнав об этих запасах, в январе 1922 г. командир повстанческого крестьянского отряда Степан Дрёмин собрал народ на сходку в деревне Журавли и поставил вопрос о налете на ссыпной пункт в Суксуне²⁹, чтобы ограбить его и раздать хлеб голодающим крестьянам. Степан стал регулярно появляться в деревне Журавли и других, проводя антисоветскую пропаганду, убеждая голодных жителей с оружием в руках захватить Суксунский ссыпной пункт. Среди своих односельчан сподвижники Дрёмина распространяли такие воззвания: «Мы воины-дезертиры воюем не против всего народа, а против злых врагов коммунистов и евреев, которые за время своего царствования и управления начали приводить все к разрухе и даже погибели. Нарушили все фабрики и заводы и уже начали отбирать у крестьян все то, что он приобрел своими собственными руками и потом и уже не стал считать собственного и вот это все и заставило нас пойти скрываться в леса»³⁰.

С весны 1921-го по лето 1922 года Дрёмин жил в деревне Бачуры у Сергея Лешкова, где часто встречался со своим заместителем Захаром

Никитиным, который непосредственно руководил отрядом. Сам атаман с отрядом связи не имел. За три дня до разгрома Суксунского ссыпного пункта Дрёмин дал Никитину согласие на проведение операции. Налет назначили на вечер 28 января 1922 года. Встреча была назначена у Кошелёвского моста по дороге на Суксунский завод. Дрёмин двигался из Бачур, а Никитин с отрядом из деревни Журавли. Вечером журавлинский крестьянин Бабкин повез Дрёмина в завод Суксун и у моста отряд в 11 человек встретился с атаманом. С отрядом двинулись мужики из окрестных деревень (русские, татары и марийцы, около 60 человек) на подводах. Дрёмин собирался их использовать как грузчиков и возчиков хлеба.

Партизаны пошли по дороге перед подводами. Впереди шел Дрёмин с наганом, за ним Никитин с винтовкой и остальные, тоже вооруженные ружьями и винтовками. Войдя в Суксун в 22 часа, повстанцы направились к милиции. Навстречу им попались три охранника, которых обезоружили без сопротивления. Им приказали войти в помещение милиции и крикнуть: «Сдавайтесь без боя!» В это время из здания выскочил начальник милиции Казаков и открыл стрельбу из нагана, но никого не задел. Никитин скомандовал: «В цепь!» По зданию милиции дали залп. Казаков оказался ранен, и после этого милиционеры не сделали ни выстрела. Повстанцы бросились к амбарам ссыпного пункта, но замки на амбарах были уже сбиты: мужики грузили хлеб на подводы и разъезжались по деревням. В результате налета с Суксунского ссыпного пункта пропало 1500 пудов хлеба³¹. Дрёмин не стал дожидаться окончания удачного мероприятия, и двинулся в Бачуры к Лешкову.

Через несколько месяцев Степан решает повторить набег на Суксунский ссыпной пункт, так как близилась посевная, а у голодающих крестьян не было семян для посева. Весна 1922 года была страшная и голодная. Люди ходили истощенные, с опухшими лицами, без сил сидели на завалинках, греясь на солнышке. Кто-то находил для пропитания «съедобную глину», от чего возникали сильнейшие запоры, люди страдали и умирали от желудочных заболеваний. В первую очередь голод охватил бедноту и середняков, – их хозяйства не имели никаких запасов. Особенно сильно голодали такие селения, как Истекаевка, Суксун, Опалихино, Советная, Морозково, Шатлык, Кошелёво и Сасыково³².

В конце апреля в Бачурах, в избе Лешкова, собрались руководители отряда в составе: Дрёмин Степан Васильевич, Быков Иван Григорьевич, Россохин Андрей Иванович, Никифоров Никита Николаевич, Бунаков Иван Ларионович и Впрягаев Алексей Иванович. Ими было принято решение, как и в прошлый раз, совершить налет на Суксунский ссыпной пункт с участием местного населения.

В ночь с 7 на 8 мая 1922 года отряд Дрёмина направился в Суксун, чтобы разгромить ссыпной пункт и вывезти больше зерна, чем в январе.

Спротивление милиции повстанцы подавили сильным винтовочным огнем. В результате налета с Суксунского ссыпного пункта вывезли 5000 пудов зерна. Крестьяне окрестных деревень и жители Суксунского завода, участвовавшие в нападении на пункт, развезли хлеб по домам. А повстанцы, погрузив трофеи на две паромные лодки, увезли их в деревню Морозково, где и поделили добычу³³. Вскоре из Кунгура прибыл кавалерийский эскадрон, но ни повстанцев, ни кого-либо из местных жителей задержать не удалось³⁴.

Между двумя описанными дерзкими налетами отряд Дрёмина напал на коммунистов и советских работников, отбирая у них имущество и продукты. Так, в феврале 1922 года Дрёмин, Никитин, жена Лешкова Варвара, Егор Лунегов «учинили» поездку на 4-х подводах из Бачур на 59-й разъезд железной дороги Екатеринбург – Кунгур. На разъезде Дрёмин подошел к окну квартиры сторожа и попросил его впустить. Сначала ему ответили отказом и погасили свет. Тогда Дрёмин крикнул, что будет стрелять, – свет снова зажегся, и дверь открыли. Дрёмин объявил семью сторожа арестованной и забрал части от дробовика-централки, чтобы сторож не мог стрелять после отъезда партизан. Остальные тем временем сбили замки у кладовой и погрузили на подводы около 60 пудов овса и 500 аршин мануфактуры. Вернувшись в Бачуры, добычу разделили между собой³⁵.

Кроме этих, по тому времени громких, дел Дрёмин регулярно проводил террористические акты в Красноуфимском уезде. Хроника дел его отряда за 1922 год выглядит следующим образом.

4 апреля 1922 года около деревни Мазуевки Черноярской волости – нападение на обоз с овсом, взято 180 пудов.

В этот же день отряд из пяти человек напал на выселки, что в 10 верстах от станции Кордон.

В ночь на 1 мая отряд Дрёмина совершил налет на Молёбское потребительское общество и лесничество, также с захватом имущества.

В первых числах мая была разрушена телефонно-телеграфная линия на 641 версте близ станции Шамары.

В ночь на 4 мая был обстрелян и ограблен гражданин деревни Верхние Мечи Николай Шмаков, у него отобрано 25 пудов хлеба.

В ночь на 6 мая дрёминцы с местными жителями убили гражданина деревни Лебедевой, Осинцовской волости Ивана Шадрина.

23 мая была разграблена детская колония при станции Тулумбасы.

8 июня Дрёмин с двенадцатью сподвижниками в лесу около станции Шамары оказал сопротивление отряду ГПУ, причем у Дрёмина двое было убито и один тяжело ранен.

Вечером 5 сентября, при следовании со станции Шумково, были захвачены и уведены обозы Медведевской государственной канатной фабрики.

30 сентября партизаны увели трех пасшихся крестьянских лошадей³⁶.

Тем временем наращивались и антипартизанские силы. Для борьбы с дезертирами в Красноуфимском уезде был сформирован полк особого назначения (ЧОН). Части особого назначения были созданы постановлением ЦК РКП(б) 17 апреля 1919 года и предназначались для охраны тыла и борьбы с контрреволюционными выступлениями. Принципами строительства этих частей были: милиционно-территориальное комплектование, коммунистический состав, непосредственное партийное руководство. Основной единицей полка считалась рота³⁷.

В январе 1921 года командиром батальона полка ЧОН был назначен Павел Онисифорович Хлызов, уроженец деревни Киселёво Верх-Суксунской волости. Ему предстояло действовать на территории Красноуфимского уезда, где орудовал отряд Дрёмина. В личный состав батальона входили все члены и кандидаты РКП(б), а также комсомольцы. Командирами рот назначались люди из запаса. Для того, чтобы отобилизовать батальон и бросить его против бандитов, требовалось много времени. Организации у чоновцев были малочисленные. Власти выдавали наганы, обрезы, винтовки коммунистам для самообороны и охраны волисполкомов. Банды в любое время могли их обезоружить и использовать оружие в своих целях.

Летом 1921 года шло формирование и обучение отделений, взводов, было несколько разведок по изучению личного состава банд³⁸. Однако успехов батальон в борьбе с Дрёминым практически не имел, так как почти в каждой деревне у него были осведомители. Атаман очень грамотно и умело организовал существование отряда. Одни крестьяне снабжали его продуктами и фуражом, другие добывали и изготавливали документы, трети воровали лошадей и т. п.

Как ловили атамана, описал в своих воспоминаниях командир батальона ЧОН П. О. Хлызов.

«В означенную ночь отряд приехал в д. Чекарда, подготовил баню с освещением, обставили баню секретами не заметными для дезертира. Дал согласие на такую сделку один татарин, активный дезертир по кличке «Махно», которого в пьянках Дремин боялся. «Махно» был большого роста, очень сильный и подвижный человек. В назначенную ночь «Махно» прибыл в баню с наганом в руке. Товарищ Агапитов спрашивал [его], где и как легче Дрёмина поймать живым? «Махно» предложил: «Я устрою вечер в д. Бырма Суксунского района в своем доме, но нужна выпивка и закуска. А когда Дремин приедет ко мне и загуляет, в это время должен нас накрыть отряд. Для выпивки мы предложили три литра спирта и нужное количество мяса и муки для пельменей. Установили день, вызвали связного с отрядом, установили законспирированный отряд в 8 км. от д. Бырма в д. Каменке. Связной доносит, что «Махно» встречался с Дреминым, который обещался

приехать в количестве 4 человек. Пельмени были приготовлены. Отряд был замаскирован в 4 домах в д. Каменка. Категорически запрещалось выходить из дома, все делали хозяева дома. Никого в дом из жителей не допускали [под] разными отговорками. А ночью огня не добывали, лишь один часовой около одного дома ночью в гражданской одежде стоял на посту. В назначенную ночь отряд подготовился и ждет лишь сигнала связного, который должен вот-вот подъехать. Лошади для пеших, запряжены парами, конники в седлах и вот связной в мах прискакал, заявляя: «Приехал Дремин к Махно! Скорее в карьер, в д. Бырма!»

Я посадил связного в переднюю повозку, и в мах помчались лишь вихрем! Снег кружился за санками. Ехали мы 8 километров 20 минут, заскакиваем в дом, а «Махно» ругается по-русски, стреляет из нагана, ищет одного из дезертиров, которого он подстрелил в ногу. Мы «Махно» вопрос: «Где Дремин?». «Угнал, собака, не стал гулять, выпил полстакана спирта, даже не сел за стол, и ну бежать на подводу. Я начал стрелять им в след и вот одного подстрелил, уполз, собака, в солому». Мы ему в приказном порядке: «Садись, едем догонять Дремина», который поехал по направлению в д. Бачуры. Лошади мчались очень быстро, снег был еще не так толстый, но дорога была уже хорошо наезжена. Доехав до д. Бачуры решили кавалеристами окружить деревню, а пехоту развернули в цепь и развернутым фронтом начали подходить к деревне. Здесь с нами в «цепи» и «Махно» и дошли до деревни метров 100, как из заулка в карьер выскочил один кавалерист и «Махно» крикнул: «Боронко!» (потатарски боронко – огонь). Открыли огонь, конь взвился дыбом и пал Кавалерист закричал: «Свои. Что вы делаете?!». Подскочили к нему, он ругаться: «Подстрелили коня хорошего, хорошо, что сам остался жив». Дело не так о коне, как окружить деревню, отпустили Дремина. «Махно», зная квартиры Дремина, вел отряд к дому, где должен быть Дремин, но Дремин и Васька Никифоров и Быков уехали в с. Журавли, оставив в этом доме самогон и на столе пельмени. Это была жена дезертира, которая, не скрывая, сказала, что Дремин услышал стрельбу, угнал в Журавли. Отряд сразу в Журавли но и там его не было³⁹».

Дополняет картину Василий Демидович Устюгов, командир коммунистического отряда Верх-Суксунской волости: «Как-то в июне 1922 года мне пришлось выехать в с. Журавли, чтобы провести собрание по вопросу яйцо-масло заготовок, был воскресный день. Председателем Журавлинского сельсовета был некто Морозов, богатый крестьянин, кулак. Я знал, что Дремин со своими друзьями скрывается в районе Журавлей. Благодаря журавлинским кулакам и другим, из близлежащих деревень, Дремин так долго мог действовать без опаски и быть неуловимым. Быстро было собрано собрание в помещении сельсовета. Я на собрании сообщил, сколько журавлинский сельсовет должен сдать государству яиц и масла, разъяснил для чего это нужно. Впереди на собрании

сидели все богатые мужики кулаки, многих я знал лично и они меня знали. Стали выступать крестьяне. Первым выступил член сельсовета Бунаков, он заявил, что у них нет ни яиц, ни масла, сами их не едим. Я это выступление опроверг, сказал, что у кулаков и середняков яйца и масло есть. Потом выступил один из кулаков, и заявил, что они не обязаны кормить каких-то там выкормышей, он имел в виду детей сирот из детского дома. Начались злобные выкрики: «Приехал чужим добром распоряжаться, пускай большевики коммунисты кормят этих ... ! Хватит нас обирать». Я заявил, что если добровольно не будет выполнен план сбора яиц и масла, тогда придется применить меры принуждения. Собрание загудело, повскакали с мест, один кулак вышел вперед и заявил: «Вы нас не пугайте, можете взять силой!». В этот момент мне кто-то подал бумажку, я быстро прочитал, малограмотной рукой было написано: «Товарищ представитель, на собрание пришел Дремин со своими дружками, у них «леворверы», они вас убьют». Бумажку эту я передал председателю сельсовета Морозову. Сразу, тут же увидел: вперед проходили два человека, один из них был Дремин, я знал его по фотокарточке, они остановились в дверях. Собрание замолкло, все стали оглядываться назад. Я растерялся, не знал что делать, в этот момент я передумал разные варианты. Бороться вооруженным путем, у меня была винтовка и револьвер, бесполезно, я предложил председателю закрыть собрание. Собрание было закрыто, но народ не расходился. Я предупредил председателя сельсовета, что если что-нибудь со мной случится, в первую очередь вы будете нести ответственность. Морозов мне спокойно отвечал, что ничего не случится, будьте спокойны. Народ долго еще не расходился. Дремин со своими дружками куда-то ушли. Я думал о своем положении: Дремину ничего не стоило со мной разделаться, я был один, но он этого не сделал, потому, что за это будет отвечать не только Дремин, но и те, кто его поддерживает и скрывает. Председатель с/с предложил мне пойти у него пообедать. Мне ничего не оставалось делать, как согласиться на это предложение, тем более я был голоден. У Морозова был хороший большой дом, богатые надворные постройки и внутри дома и двора все выглядело богато. Семья была хорошо упитанная и одетая. Когда сели обедать, к воротам дома подъехали на 2 лошадах, запряженных в долгушки, с гармошкой человек 7 и стали стучать в ворота, которые были закрыты на запор. «Кто это такие и зачем они приехали?» – спросил я Морозова. Он ответил: «Это Дремин со своей компанией приехали за угощением». Потом Морозов вышел во двор, что-то долго с ними разговаривал, не открывая ворот. Потом вся эта компания, уехала. Я спросил, о чем это он разговаривал с Дреминым? Морозов ответил, что Дремин просил, чтобы его и его компанию угостили, но Морозов отказал им в этом. Пообедав, я решил ехать скорее в В-Суксун и предложил, чтоб со мною поехал Морозов, но он категори-

чески отказался. Можете ехать спокойно, с вами ничего не случится, сказал он. Повез меня богатый крестьянин по фамилии тоже Морозов. «Почему вы охраняете и содержите Дремина?» – спросил я у крестьянина. Он ответил: «Когда-то некоторые мужики верили Дремину и помогали ему, а сейчас никто не верит»⁴⁰.

Для поимки Дрёмина чекисты внедряли в ряды банды своих людей, но атаман соблюдал осторожность и не входил в близкий контакт с новичками, а близкому окружению приказал пресекать всякие разговоры о нахождении отряда и командира. Так, милиционер со станции Усть-Кишерть Плотников по собственной инициативе, через помощника атамана Пяткова, внедрился в отряд, но узнать, где находится штаб отряда, ему не удалось. Он видел Дрёмина только раз на собрании. Бывшие соратники, попавшие в руки коммунистов, вызывались сами поймать Дрёмина, чтобы такой ценой выйти из заключения. Так, Андрей Бабкин, находясь в Екатеринбургской тюрьме, 9 июня написал следующее заявление: «Желая искупить вину перед судом, изъявляю желание помочь в поимке бандита Дремина и его соучастников т. к. знаю все их места укрывательства, для чего мне дали бы возможность тайно выйти из Исправдома»⁴¹.

Однако все усилия оказывались тщетны. А вот Дрёмину удавалось перетаскивать коммунистов на свою сторону. Так, некий Крашенинников в 1920 г. служил в Сыринском исполкоме военкомом. Он получил задание ликвидировать Дрёмина, но вместо этого вошел с ним в контакт. Они договорились, что милицейский отряд Крашенинникова прибьет в Каменный брод, якобы для поимки Дрёмина. А здесь уже повстанцы совершат на них нападение. В результате четыре милиционера были убиты⁴². Уральским чекистам так и не удалось поймать хитрого атамана.

В Сибири

Органы ГПУ усиленно искали Дрёмина, поэтому он решил сменить место пребывания. Степан решил ехать в Сибирь. Выбор пал на Томск, где во 2-й батарее 21 легкого артиллерийского дивизиона 21-й Пермской стрелковой дивизии служил его хороший знакомый Александр Иванович Могильников. Степан достал документы умершего дезертира Василия Ивановича Ташкинова и в декабре 1922 года добрался до станции Кишерть. Там он встретил своего бывшего помощника И. Г. Быкова и Н. Н. Никифорова, с которым знаком еще не был. Они также следовали в Сибирь с подложными документами, которые купили у жителя Перми Леонарда Ивановича Кинёва по 3000 рублей за каждый комплект. Первый стал Иваном Григорьевичем Утёмовым, а второй – Никитой Николаевичем Наймитовым. После долгих поисков и скитаний все трое остановились в деревне Черемисово Мариинского узда

Томской губернии⁴³. Далее Дрёмин поехал в Анжеро-Сунженские каменноугольные копи, а оттуда решил все же поехать к своему другу Могильникову в Томск. Тот устроил его десятником в Сибтранслес, на блок-пост на 237-й версте Томской железной дороги.

Дрёмин работал там с 27 декабря 1922-го по 21 июня 1923 г.⁴⁴, ведя активную переписку с Могильниковым. На указанный блок-пост переехал и новый знакомый Степана Н. Н. Наймитов, где тоже устроился на работу. В июне 1923 года Дрёмин бросает работу, и они с Наймитовым отправляются в Кострому. Наймитов доехал только до Нововониколаевска и по каким-то причинам вернулся обратно. Степан тоже решил поехать домой проведать родных. Он достал припрятанное золото и в конце июля вернулся обратно в Сибирь. 23 октября 1923 года он женился на Анастасии Семеновне Горбуновой, уроженке деревни Гремячий Ключ Сарапульской волости того же уезда Вятской губернии, которой было 21 год. Скрыв свое прошлое, уже женатый, Степан 1 декабря 1923 года снова поступил на службу в Сибтранслес. Служил десятником на складе по погрузке леса. 8 апреля 1924 года Дрёмина уволили по сокращению штатов⁴⁵, и он стал работать на том же складе рабочим⁴⁶. 6 сентября 1924 года на квартиру Дрёмина-Ташкинова нагрянула Сунженское ОГПУ⁴⁷, и бывший атаман под усиленным конвоем был этапирован чекистами в город Кунгур.

До сих пор остается загадкой, как в глухой Сибири органы смогли изловить неуловимого атамана? В архивно-следственном деле С. В. Дремина об этом нет ни слова. Кто за тысячи километров от Кунгурского и Красноуфимского уездов знал о прошлом Дрёмина?

Суд

12 октября 1925 года в Кунгуре в школе II-й ступени Пермская выездная сессия Уральского областного суда начала слушание большого дела шайки белобандитов, оперировавшей в бывших Кунгурском и Красноуфимском уездах в период 1918–1923 годов. По «делу бандитскоповстанческой шайки Дрёмина» привлекли 24 человека⁴⁸: Дремина Степана Васильевича, Быкова Ивана Григорьевича, Никифорова Никиту Николаевича, Россохина Андрея Ивановича, Рожкова Василия Федоровича, Ведрова Ивана Михайловича, Нестерова Степана Абрамовича, Шубина Григория Николаевича, Ташкинова Григория Ефимовича, Саламатова Ивана Фомича, Некрасова Ивана Тимофеевича, Ведерникова Михаила Степановича, Впрягаева Алексея Ивановича, Могильникова Петра Васильевича, Могильникова Александра Семеновича, Миназетдинова Надерши, Гилязетдинова Ахуна, Поляковой Федоры Ивановны, Стамикова Андриана Ивановича, Дрёмина Василия Нефедовича, Дрёмина Ивана Васильевича, Дрёмина Максима Васильевича, Ахметова Сулеймана и Могильникова Александра Ивановича, по обвинению в контр-

революционных преступлениях, в совершении террористических актов и в укрывательстве⁴⁹. Свидетелей было заслушано 57 человек.

Зал школы, где рассматривалось дело, трещал от напора публики, которая прибывала со всего прежнего Красноуфимского уезда. Начался процесс с допроса главаря шайки Степана Дрёмина. Это был мужчина «среднего роста, коренастый, русые волосы, такая же бородка и усы, верхняя губа резана»⁵⁰. Вот что писала о процессе местная газета «Искра». «Дрёмин нервничал. Его белая рубаха с огромным красным галстуком привлекала внимание посетителей. Временами Дрёмин бравирует своими показаниями, рассказывая о том, как живя в лесу, он плел корзинки, за которые бабы приносили ему шаньги. Временами он тушется, например, когда речь идет о его жизни в землянке в долинке между 2-х дорог с сестрой милосердия. На вопрос председателя суда: Признаете свою вину? Отвечает: Признаю, но не во всем»⁵¹. Степан отчетливо признал, что воевал «за советы без коммунистов».

Суд над Степаном Дрёминым и его поделчиками шел более двух недель. Каждый день на процесс приходило множество народу. Претензий к атаману было много. Весь процесс освещался в окружной газете «Искра»⁵². Во вторник, 3 ноября, Дрёмину и Быкову был зачитан приговор – высшая мера наказания. Осужденные подали кассационную жалобу в Верховный суд, а также обратились во ВЦИК с просьбой о помиловании⁵³. Но надежды их не сбылись, всего семнадцать человек были приговорены к высшей мере наказания за разбой и убийства коммунистов.

Старики Суксуна рассказывали байку, якобы Верховный суд СССР по кассационной жалобе помиловал Дрёмина, но пока пришло помилование, Степана уже расстреляли. Народу очень хотелось верить, что Стёпка – местный Робин Гуд – остался жив. В деле Дрёмина нет документа о приведении приговора в исполнение. Может быть, ВМН все-таки была заменена заключением? Суксунские старожилы, те, кто пережил голод 1920-х годов, с благодарностью говорили об атамане: «Если бы не Дрёмин, пол-Суксуна бы умерло!»

Вот список лиц, которых не коснулась реабилитация:

Дрёмин Степан Васильевич, Дрёмин Василий Нефедович, Дрёмин Иван Васильевич, Дрёмин Максим Васильевич, Ахметов Сулейман, Быков Иван Григорьевич, Никифоров Никита Николаевич, Россохин Андрей Иванович, Нестеров Степан Абрамович, Шубин Григорий Николаевич, Ташкинов Григорий Ефимович, Саламатов Иван Фомич, Могильников Александр Семенович, Миназетдинов Надерша, Впрягаев Алексей Иванович, Ведерников Михаил Степанович, Шалзеддинов⁵⁴.

В завершении скажем несколько слов о судьбе семьи Дрёминых.

На 1918 года Дрёмин уже был женат, в семье подрастала дочь Груша, но после того, как он решил уйти в леса и воевать против власти,

дал своей жене Евдокии развод, сказав: «Выходи замуж». Жена впоследствии вышла замуж за односельчанина по фамилии Потеряев, но и они не жили долго. Судьба женщины сложилась трагически, – она повесилась в июле 1921 года при загадочных обстоятельствах. Говорили, что ее повесили. Кто и за что – осталось неизвестным.

Не очень удачно сложилась судьба у дочери Степана Аграфены. Оставшись без матери и отца, она пережила странные приключения, подробностей которых мы не знаем. Она стала Аграфеной Федоровной Алексеевой и в 1929 году вышла замуж за Григория Николаевича Иванова, родила двух сыновей, один из которых рано умер. Муж Груши погиб на фронте Великой Отечественной. Пожив вдовой, она вновь вышла замуж. В последние годы жизни дочь атамана жила в поселке Невидимка Лысьвенского района, где и скончалась в 1970-х годах. В начале 2000-х умер и ее сын Иван Григорьевич. У него были дети, так что потомки Дрёмина продолжили свой род, правда, под другими фамилиями.

Родители и близкие родственники Степана после суда вынуждены были уехать из родных мест. Их никто не разыскивал, о них вспоминали только, когда председатели сельских советов писали характеристики на колхозников и бывших жителей деревни. Так, в одной сохранившейся папке документов Сызганского сельского совета за 1940–50-е годы была обнаружена характеристика, составленная в 1944 году на брата Степана Дрёмина, Ивана Васильевича, 1897 года рождения. В ней говорилось: «...его хозяйство было кулацкое. Отец его Дрёмин Василий был старшиной Агафонковской волости. Брат Дрёмин Степан Васильевич организатор в 1920 году контр-революционных банд. Сам он Дрёмин Иван Васильевич служил в белой армии, вся семья его раскулачена. Брат его Дрёмин Степан Васильевич за контр-революционные действия расстрелян. Дрёмин Иван Васильевич со своей семьей в 1927 году из д. Луговой скрылся неизвестно куда...». Сохранилась и подобная «характеристика» на его дочь – Прасковью Ивановну Дрёмину⁵⁵.

Добротный дом на восемь окон староверов Дрёминых в Луговой разобрали и увезли в деревню Бор. В настоящее время в Суксунском районе не существует и самой деревни, где родился Стёпка – лихой, отчаянный атаман, борец за униженное и ограбленное советской властью крестьянство. Мы будем еще раз несправедливы к крестьянам и народу, если назовем его бандитом.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Пермский государственный архив новейшей истории (ПермГАНИ) Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 11308. Т. 4. Л. 36.

² Список населенных мест Пермской губернии. Красноуфимский уезд. Пермь, 1909. С. 8.

- ³ Воспоминания Т. Н. Потеряева, уроженца д. Луговой, записанные Н. Н. Токаревой в 1997 г. Личный архив автора.
- ⁴ ПермГАНИ Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 11308. Т. 1. Л. 163.
- ⁵ Новая жизнь (Суксун Пермской области). 1998. 9 ноября.
- ⁶ ПермГАНИ Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 11308. Т. 2. Л. 38.
- ⁷ Там же. Л. 39.
- ⁸ Там же. Т. 4. Л. 82.
- ⁹ Там же. Т. 2. Л. 42.
- ¹⁰ Там же. Т. 5. Л. 9.
- ¹¹ Искра (Кунгур Пермской губ.). 1925. 15 октября.
- ¹² Там же. 17 октября.
- ¹³ ПермГАНИ Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 11308. Т. 2. Л. 12об.
- ¹⁴ Там же. Л. 66.
- ¹⁵ Там же. Л. 58.
- ¹⁶ Там же. Т. 9. Л. 40.
- ¹⁷ Уральский исторический сборник (Екатеринбург). 2008. №2(19). С. 50–51.
- ¹⁸ ПермГАНИ Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 11308. Т. 2. Л. 5.
- ¹⁹ Там же. Т. 3. Л. 22.
- ²⁰ Там же. Т. 9. Л. 44.
- ²¹ Там же. Т. 2. Л. 77.
- ²² Там же. Л. 77.
- ²³ Там же. Т. 5. Л. 40.
- ²⁴ Там же. Т. 9. Л. 44об.
- ²⁵ Там же. Л. 44об.
- ²⁶ Там же. Т. 7. Л. 3.
- ²⁷ Архив г. Красноуфимска. Ф. 6. Оп. 1. Д. 24. Л. 144.
- ²⁸ Воспоминания земляков о первой четверти XX века к 100-летию Октябрьского переворота. Авторы-составители Белых В. А., Желтышева Р. Г. 2011. С. 66. Суксунский историко-краеведческий музей (СИКМ).
- ²⁹ Искра (Кунгур Пермской губ.) 1925. 17 октября.
- ³⁰ ПермГАНИ Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 11308. Т. 2. Л. 12.
- ³¹ Там же: Т. 9. Л. 44об.
- ³² Воспоминания земляков о первой четверти XX века к 100-летию Октябрьского переворота. Авторы составители Белых В. А., Желтышева Р. Г. 2011. С. 66. СИКМ.
- ³³ ПермГАНИ Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 11308. Т. 9. Л. 45.
- ³⁴ Хлызов П. О. Рукопись СИКМ КП – 7876 Д-1051.
- ³⁵ ПермГАНИ Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 11308. Т. 4. Л. 34.
- ³⁶ Там же. Л. 1об.
- ³⁷ Кротов В. Л. Чоновцы. М., 1974. С. 12.
- ³⁸ Хлызов П. О. Рукопись СИКМ КП – 7876 Д-1051.
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ Воспоминания командира коммунистического отряда Устюгова. СИКМ.
- ⁴¹ ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 11308. Т. 2. Л. 52.
- ⁴² Там же. Т. 7 Л. 55об.
- ⁴³ Там же. Т. 3.Л. 29об, 32.
- ⁴⁴ Там же. Л. 50.
- ⁴⁵ Там же. Л. 49.
- ⁴⁶ Там же. Т. 4. Л. 137.
- ⁴⁷ Там же. Т. 3. Л. 41.
- ⁴⁸ Искра (Кунгур Пермской губ.). 1925. 15 октября.

- ⁴⁹ ПермГАНИ Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 11308. Т. 9. Л. 43.
⁵⁰ Там же. Т. 7. Л. 29.
⁵¹ Искра (Кунгур Пермской губ.). 1925. 15 октября.
⁵² Новая жизнь (Суксун Пермской обл.). 1967. 20 ноября.
⁵³ Искра (Кунгур Пермской губ.). 1925. 7 ноября.
⁵⁴ ПермГАНИ Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 11308. Т. 9. Л. 68.
⁵⁵ Характеристики колхозников Сызганского сельского совета 1940 – 1950 гг. СИКМ. В/х 361
-

ПАРТИЗАНЫ ОРЕНБУРГСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА В 1918 ГОДУ

Д. А. Сафонов (Оренбург)

Партизанские отряды – важный элемент гражданской войны. В это время существовало немало разного рода формирований, ведущих самостоятельные партизанские действия. Сложившаяся впоследствии двуполярная схема гражданской войны в России – красные против белых – привела к тому, что в ней остались лишь два варианта партизан: «красных» и «белых». Все прочие отряды с несколько иной идеологической составляющей, были в итоге либо все равно причислены к той или иной противоборствующей стороне, либо намеренно забыты. Сразу заметим, что появление в нашей историографии в период перестройки термина «зеленые», как некоей третьей силы в гражданскую войну, лишь расширило вариативность, но не исчерпала сложности реальной картины. Впрочем, и «белые» партизаны просуществовали недолго, – начиная с 30-х годов в советской историографии однозначно остались лишь партизаны 1812 года из более раннего времени, и партизаны Великой Отечественной из более позднего. В гражданской войне остались только «красные», а бывшие «белые» превратились в «бандитов».

Если говорить о регионе Южного Урала, то здесь на десятилетия совершенно исчезли из памяти крестьянские партизаны Кустанайского уезда Тургайской области, выступившие против белых. Их действия 1–30 апреля 1919 г. вошли в историю как «Жилыевское» восстание, по имени возглавившего его жителя села Боровое Жилыева. Толчком к восстанию стали проведенная мобилизация и начавшееся массовое дезертирство. 5 апреля несколько повстанческих отрядов заняли Кустанай; белые отступили из города на 60-70 верст. Общее подавление было поручено А. Дутову. Только за два дня штурма Кустаная было убито более 1000 повстанцев, расстреляно 625, взято в плен 1000. Генерал Сахаров преследовал отступающих слабо вооруженных повстанцев на

протяжении 70 верст – при этом было убито до 3000 человек. О лозунгах повстанцев четких данных нет. Документы белых однозначно причисляли их к большевикам; но следует учитывать, что Дутов всегда обвинял несогласных с ним в «большевизме». Это было самое массовое и результативное восстание в регионе против белых¹. И если в 1922 году его еще полагали «революционным» выступлением, то в дальнейшем оно как бы «выпало» из официальной советской версии событий по причине того, что Жилиев, выведший остатки партизан на «красную» сторону, несколько позднее поднял мятеж против «советской» власти и был расстрелян.

Занавес умолчания опустился и на партизан Оренбургского казачьего войска (ОКВ). На первый взгляд, это не так, поскольку о них упоминается неоднократно, как у эмигрантских, так и у советских авторов. И действительно, в апреле 1919 г. в Троицке была издана специальная книга «Александр Ильич Дутов» – «краткая биография, выборки из печати, статьи, и проч., относящиеся к деятельности Войскового Атамана», как особо подчеркивалось, составленная «партизанами отряда Атамана Дутова»². Немало о партизанах говорилось в книге казачьего генерала И. Акулинина, увидевшей свет в 1937 году³. Однако в ней можно заметить некоторые несообразности. И. Акулинин безусловно полагал, что именно и исключительно атаман Дутов возглавлял антибольшевистское движение в крае⁴. Исходя из этого тезиса, он отделял друг от друга «офицерские и добровольческие отряды» – куда вошли казаки и «местные патриоты»⁵, и «станичные дружины», объединявшие «стариков, малолетков и неспособных»⁶, «партизанские и станичные отряды»⁷. Впрочем, по его словам, последние также создавались по призыву Войскового Правительства⁸. И если первые несли на себе всю тяжесть борьбы («само собой разумеется (!!)) что главная тяжесть борьбы во всех боях лежала на партизанах»⁹), то вторые были малобоеспособны¹⁰, лишь время от времени присоединяясь к первым. Из повествования получалось, что в дружины объединялась станичники, а в партизанских отрядах было «много офицеров не казаков», «были также юнкера, кадеты, казаки и просто добровольцы»¹¹. Уловить, как автор различал станичников и казаков, достаточно сложно. Так, приводя очередной пример небоеспособности дружин, И. Акулинин упоминал, что, заняв город Оренбург в ночь на 4 апреля, дружины утром были вынуждены его оставить¹², но при этом он указывал инициаторами захвата «казачьих офицеров»¹³.

Первый раз И. Акулинин упоминал партизан следующим образом: «Из-под Троицка прибили в Верхнеуральск партизанский отряд войскового старшины Мамаева, который дал толчок дальнейшим формированиям. Вскоре образовались еще три небольших отряда: подбесаулов – Бородина, Михайлова и Енборисова»¹⁴. Затем, согласно повествованию, названные отряды по уходу в Тургай были слиты в один под ко-

мандой воскового старшины Мамаева¹⁵, который в дальнейшем и стал называться отрядом Атамана Дутова.

И, наконец, Акулинин, едва ли ни скороговоркой, сообщал две интересные вещи: что в станице Нижнеозерной возник некий «штаб повстанческих отрядов»¹⁶, и что «Атаман Дутов с Войсковым правительством и партизанским отрядом прибыл из Тургая на территорию Войска во второй половине июня»¹⁷, при этом первым в списке приветствовавших атамана в городе был некий «Съезд Объединенных станиц»¹⁸. Тем самым автор ухитрился обойти неудобные факты: Оренбург был оставлен красными в ночь на 4-ое июля; атаман Дутов въехал в город 7 июля. Акулинин заключал: «С момента прибытия в Оренбург Войскового Правительства все дело борьбы с большевиками и все управление войском было им взято в свои руки»¹⁹. Это вполне приемлемо; но вопросы оставались, – кто же освободил и контролировал Оренбург с 4 по 7 июля, кто организовывал встречу атамана, откуда в Оренбурге оказался упомянутый «Съезд Объединенных станиц»?

Интересно отметить, что другой эмигрантский автор из казаков – А. В. Зуев, настроенный к Дутову ошутимо более скептически, вообще не использовал термин «партизань»²⁰.

В советский период наличие белых партизан в Оренбуржье первоначально признавалось, – так, еще в 1925 г. местная газета «Смычка» едва ли ни мимоходом упоминала, что «в наших степях разгуливали банды партизан, организованные казачьими атаманами на борьбу с Красной армией»²¹.

Достаточно скоро, по мере утверждения исходной схемы, на смену таковым приходят определения «казачий контрреволюционный стан», «мятежные отряды»²², «белоказачьи части», «казачье кулачье»²³. Эти определения взяты из книги М. Д. Машина, которую, с учетом времени издания (1984), можно полагать определенным итогом региональной историографии по данной тематике. Интересно, что М. Машин, как и его предшественники, и как последующие авторы, использовал книгу И. Акулинина. Так, Машин почти слово в слово воспроизводил вышеприведенную цитату про отряд Мамаева и три прочих, заменив в ней «партизанский отряд» на «небольшие дружины»²⁴.

В новых исторических условиях подходы начали постепенно меняться, однако изменениям подверглась прежде всего источниковая база – в сторону расширения, но не базовые моменты. Так, в содержательной и многоплановой монографии А. П. Абрамовского и В. С. Кобзова «Оренбургское казачье войско в трех веках» (1999) казачьи партизанские отряды вновь появились, но слово «партизанские» обязательно бралось в кавычки. Историки обращали внимание на несколько новых для того времени моментов. Во-первых, созыв в станице Нижнеозерной съезда низовых станиц²⁵, – как объяснялось, по инициативе антисоветски на-

строенной части оренбургского казачества и для склонения на свою сторону колеблющихся. Данное объяснение, с учетом времени и условий создания книги, полагаем, сегодня можно проигнорировать, – достаточно констатации факта созыва съезда, который и сформировал повстанческие («партизанские») отряды, которые, в свою очередь, «развернули ожесточенную борьбу с красногвардейскими частями и продотрядами на территории 1-го округа, но связи ни с атаманом Дуговым, ни с казаками 2-го и 3-го округов не имели, действуя по своему усмотрению»²⁶. И далее: «Воспользовавшись выступлением чехословаков, отряды низовых станиц усилили натиск и в начале июля полки Ф. А. Богданова, Н. Т. Карнаухова, Е. В. Уфимова вошли в Оренбург. Традиционно антисоветское движение в крае принято связывать с именем атамана Дутова. Однако участвовавшие в боях с красногвардейцами казаки дистанцировались от Войскового атамана»²⁷.

Во-вторых, А. П. Абрамовский и В. С. Кобзов обратили внимание на решения 2-го Чрезвычайного Войскового круга (начало 1918 г.), на котором были приняты решения о формировании боеспособных полков двухдивизионного состава, «дружин самообороны» и особых «партизанских» отрядов из добровольцев. Причем именно «партизанские» отряды, сформированные делегатами съезда низовых станиц, «внесли решающий вклад в освобождение войсковой территории»²⁸.

Из современных авторов, работающих по теме, наиболее серьезные, на наш взгляд, работы у А. В. Ганина. Он придерживается тезиса о твердой антибольшевистской позиции атамана Дутова и, соответственно, разделяет основные позиции И. Акулинина. А. Ганин признает партизанским де-факто только «партизанский отряд Оренбургского казачьего войска»²⁹ – тот, который возник в результате слияния четырех небольших отрядов перед уходом в Тургай. Все прочие отряды называются по-разному – «мощное повстанческое движение», возглавленное Съездом объединенных станиц³⁰, «движение сопротивления»³¹; Оренбург был освобожден «отрядами повстанцев»³² – но никак не партизанами.

Получается, что название партизан, вслед за Акулининым, стало принято признавать только за той частью казаков, которых возглавлял атаман Дутов. Как известно, единого, общепринятого определения «партизан» нет; вероятно, поэтому и возможны отмеченные выше варианты. Но если исходить из понимания партизан прежде всего как действующих самостоятельно вооруженных формирований с определенными политическими взглядами, то упомянутые выше «повстанцы» также могут и должны именоваться партизанами. В самом деле, если отряды самообороны, создаваемые в отдельных станицах, еще можно достаточно условно сравнивать с местными милиционными формированиями, то после того, как они перешли к решительным наступательным действиям за пределами станиц, – пусть и с переменным успехом, – то это точно партизанская

тактика. Стоит, кстати, напомнить, что 2-й чрезвычайный войсковой круг 4.2.1918 г. принял решение о создании партизанских отрядов – как раз «для самообороны».

Уместно поставить вопрос – почему повстанцев (дружинников) не считали партизанами: не историки – их позиция субъективна и вторична, – а именно руководство ОКВ во главе в атаманом Дутовым? Даже если обратить внимание на слова того же Акулинина о том, что в партизанах было много казаков, то почему в этом было отказано полностью казачьим отрядам?

Первоначально, в январе 1918 г., Дутов был очевидно слаб, – уместно напомнить, что после прихода в Оренбург красных сил из Самары он покинул город с 6 человеками охраны. Казачье сопротивление в станицах пошло самостоятельным инициативным путем. Объявление партизанами только тех, кто действовал под командованием Дутова, и акцентирование внимания исключительно на их успехах значительно повышало его роль как вождя антибольшевистского движения. Любопытно, что И. Акулинин вновь и вновь возвращался к слабости казачьих дружин, их боевой ничтожности, хотя факты убедительно говорили как минимум о двух явных успехах: занятии Оренбурга в ночь с 3 на 4 апреля 1918 г., хотя и ненадолго, и вторичном взятии города 4 июля.

Идея сужения круга казачьих партизан до дутовского отряда стала реализовываться практически сразу же после изгнания красных. Третий Чрезвычайный войсковой круг ОКВ 6 октября 1918 г. постановил всех офицеров и чиновников, добровольно участвовавших в «правильных» партизанских отрядах произвести за труды в следующие чины, казаков и урядников – в следующие звания. А 8 октября т. н. 1-й партизанский отряд был переименован в «1-й казачий партизанский Атамана Дутова отряд». Вписывается в картину и создание якобы по инициативе этих партизан книги «Александр Ильич Дутов», представляющей собой откровенный панегирик атаману³³. Дутов постарался как бы оседлать партизанское казачье движение. А действия повстанцев и осуществлялись вне его контроля, и были ориентированы на иные властные структуры – в частности, Комитет членов Учредительного собрания в Самаре.

Рассмотрим эту страницу казачьего сопротивления подробнее.

Оренбург как губернский центр был занят красными 18 января 1918 г. И хотя они широко объявили об установлении власти Военно-Революционного Комитета (ВРК) в крае, на деле большевики контролировали небольшую часть территории, прежде всего вокруг губернского центра. Поэтому в непосредственный контакт с новой властью вступили прежде всего казаки 1-го округа ОКВ. Обнаружив исчезновение войсковой власти, они попытались договориться с новой, создав свои органы управления. Однако расчеты казаков создать «свою» власть в корне расходились с намерениями ВРК. Попытка диалога провалилась. 1

февраля красные организовали под своим строгим контролем т. н. «съезд делегатов станиц 1-го округа Оренбургского казачьего войска». Несколько позднее, в начале марта, на губернском съезде советов, председатель ВРК С. Цвиллинг провозгласил свое знаменитое – обязательно цитируемое всеми авторами научных и популярных работ – заявление про 300 лет гуляния казачьей нагайки по спинам трудящихся с итоговым требованием к казакам выбрать, на чьей стороне воевать. После съезда на организационном собрании губисполкома была создана должность комиссара по ликвидации Оренбургского казачьего войска. Неудивительно, что, не встретив конструктивного отношения к своим предложениям со стороны «красной» власти и столкнувшись с постоянно усиливающимися репрессивными мерами в отношении станиц и отдельных казаков исключительно по сословному признаку, казаки 1-го округа стали объединяться для самозащиты и противодействия.

21 марта 1918 г. в условиях фактического безвластия в станице Нижнеозерной возник демократический орган казачьего самоуправления, созданный путем делегирования представителей от низовых станиц, решивших выступить против большевиков. Первоначально станиц было 15: Белогорская, Линеvская, Филипповская, Чесноковская, Рассыпная, Подstepенская, 1-ая Зубочистенская, 2-я Зубочистенская, Кардаиловская, Нижнеозерная, Городищенская, Краснохолмская, Рычковская, Дедюревская, Татищевская. С 25-го прибавилась Красноярская. Станицы и поселки присоединялись и в дальнейшем; общего итогового подсчета не было: на заседаниях в разные дни присутствовало разное количество представителей станиц. Воззвание 5 мая было подписано от имени 27 станиц; 13 мая – 25 станиц; массовое присоединение началось после взятия Оренбурга. В начале 20-х чисел июня об этом заявили 19 станиц; 17 июля – еще три; 18-го еще четыре. С другой стороны, некоторые, заявив о присоединении, позже отходили. В общем, получается, что в лучшее время их было более 50-ти. С 17 апреля в работе Съезда принимали участие представители станиц Уральского казачьего войска.

Название свое Съезд получил не сразу: если судить по подписям постановлений первой половины апреля, то имелись варианты: «мы, члены Главного Штаба фронтов, штаба обороны Нижнеозерной станицы и делегатов станиц» (6 апреля); «наличных делегатов съезда от станиц 1-го округа ОКВ при Штабе фронтов, действующих против большевиков» (8 апреля); «делегатов съезда при Штабе фронтов, действующих против большевиков» (9 апреля); «мы, нижеподписавшиеся наличные делегаты станиц при Штабе фронтов, действующих против большевиков» (10 апреля); «делегатский съезд при Штабе фронтов» (12 апреля); «мы, нижеподписавшиеся, делегаты станиц при штабе фронтов» (14 апреля). В дальнейшем установилось название «Съезд объединенных станиц Первого округа». Впрочем, еще позднее он стал называться «Съезд делега-

тов объединенных станиц I военного округа Оренбургского казачьего войска», и, наконец, с 16 июня устанавливается название «Казачий круг объединенных станиц Оренбургского войска».

Позднее, на Войсковом Круте 19 сентября, депутат Прокопов утверждал, что все началось 16 марта, когда именно низовые станицы «начали борьбу с большевиками»³⁴.

Первое заседание Съезда прошло 24 марта, открыл его «командующий фронтами» подъесаул Ф. А. Богданов. Он же стал председателем съезда. Прибывший 25 марта войсковой старшина Д. М. Красноярцев был выбран на съезде новым командующим фронтами.

Съезд поначалу был организован с одной, весьма конкретной, целью, но в дальнейшем расширил свои полномочия. Начальная цель заключалась в том, чтобы «приступить к решению главных задач, которые в общем сводятся к организации похода на Оренбург и взятию Оренбурга» (протокол 24 марта), «для отражения грубых насильников и грабителей» (там же), «для обеспечения оренбуржцев от большевиков» (протокол 25 марта)³⁵.

А еще точнее – Съезд был создан для оперативного руководства походом на Оренбург, который первоначально планировался в ночь с 27 на 28 марта. Он должен был наблюдать также за общим ходом военных операций, объявлять мобилизации казаков, принимать меры по их содержанию, снаряжению и вооружению. Им же принимались конкретные решения о том, какое количество людей должна дать каждая станица, о создании специальных отрядов для разрушения путей. Однако организовать поход к назначенному сроку не удалось, – не хватало оружия и боеприпасов. Первоначально казаки почти не имели оружия, только нагайки. Это объясняет, почему после принятия принципиальных решений о начале сопротивления казаки несколько недель бездействовали, – собирали оружие. Определенный толчок дал, судя по всему, набег другого объединения казачьих партизан на Оренбург в ночь с 3 на 4 апреля. Тогда в Оренбург вошли три группы партизанских отрядов – восточная группа (куда входили казаки из района станиц Островной, Вязовки, Красноярской, Нежинской), северная (станицы Бердская и Донецкая) и зауральная (станицы Верхне- и Нижнепавловская, Дедюревская и др.). В советской литературе принято было оценивать данный «набег» как контрреволюционную акцию белоказаков, имевшую целью захват города и расправу с рабочими, но которая была пресечена решительными и героическими действиями оренбургского пролетариата. Провал набега признавался всеми: и советскими историками, и эмигрантскими (И. Акулинин). У нас другое мнение на этот счет: казачьи партизаны и не пытались занять весь город – напротив, они целенаправленно вошли, дошли до определенной точки и почти сразу, по команде, покинули Оренбург. Что, впрочем, не помешало красным еще несколько часов поддерживать видимость

боя, уничтожая отдельные очаги сопротивления из местных, самостоятельно поддержавших казаков и не ушедших с ними. Искомой точкой явилась городская тюрьма. Что заключенные были освобождены партизанами – известно; кого именно освободили – нет³⁶. Так что считать провальной операцией нет особых оснований. Иными последствиями «набега» стали расправы над казаками в Форштадтской станице (фактический пригород Оренбурга) на протяжении трех последовавших дней, а также массовые аресты и расстрелы по окрестным станицам «за несочувствие советской власти». Те же партизаны в ночь на 6-ое предприняли попытку налета на станцию Платовку, в ночь на 12-ое – на Меновой двор. В качестве ответной меры артиллерийским огнем было уничтожено полностью или частично 19 окрестных станиц. Все эти действия резко обострили обстановку в крае и подтолкнули стороны к открытой конфронтации.

Неудивительно, что «Главный штаб фронтов» начал разработку плана общего наступления, назначенного в ночь с 9 на 10 апреля силами 5 отрядов (более 7 тысяч человек). Одной из важнейших задач Съезд полагал агитацию за присоединение к общей организации новых станиц. Но некоторые предпочитали держать нейтралитет. В постановлении Съезда от 12 апреля было отмечено, что даже в ст. Нижнеозерной у съезда не было полной поддержки. Соответственно родились и ответные меры, – содержание «фронтов» ложилось на неприсоединившиеся станицы. 22 апреля Съезд уполномочил подьесаула Ф. А. Богданова неприсоединяющихся казаков разоружать и реквизировать нужный фураж для конского состава и продукты для людей.

Отряд левобережных станиц стал считаться левобережным фронтом (командующий подьесаул Ф. А. Богданов; 31 мая назначен сотник Петр Чеботарев); отряды по правую сторону Урала – правобережным фронтом (командующий подьесаул И. М. Садчиков; с 6 июня – полковник Фадеев, с 12 июня – генерал-майор Ончиков); отряды, действующие против Илецкой Защиты – Южным фронтом (командующий подьесаул Донецков), отряд верхних станиц – Восточным фронтом (командующий войсковой старшина Николай Карнаухов (с 22 мая)). Создан был также партизанский отряд под командованием капитана Булгакова. Штаб всех фронтов стали именовать «главным штабом фронтов против большевиков». В дальнейшем он был перенесен в станицу Кардаиловскую, в период с 7 мая по 22 июня находился в станице Линевской, а после освобождения Оренбурга перебазировался туда.

Попутно надо было решать текущие задачи: установка твердых цен на продукты, запрет продажи хлеба за пределы округа, – за исключением «общественным организациям наших соседей Уральцев»³⁷.

Делегатский съезд был объявлен высшей властью и его решения следовало исполнять беспрекословно. Происходил достаточно естест-

венный процесс расширения функций Съезда. Так, в марте он заявлял свои полномочия «впредь до восстановления общей войсковой власти» – то есть как временный орган. В воззвании 5 мая говорилось: «Мы, ваши избранники, единственная власть, которая управляет территорией объединенных станиц»³⁸.

Нельзя сказать, что «войска фронтов» осуществляли сколько-нибудь эффективные локальные военные операции против большевиков Оренбурга, но постепенно ситуация складывалась в пользу казаков, – город все более и более оказывался в изоляции. Военские отряды, сменяясь, несли службу на границах округа: «везде по Уралу и по дорогам заслоны, и ни один большевик не пройдет в нашу сторону – зорко их караулим». Присоединение к Съезду новых станиц не влекло за собой увеличения военной мощи. Практически отсутствовала артиллерия, крайне мало было боеприпасов, – на весь фронт от Илецкой Защиты до Платовки, например, было одно орудие и 4 пулемета. Несмотря на постоянные призывы к верховым станицам присоединиться к восстанию, ряд станиц упорно держал нейтралитет. А некоторые из присоединившихся пытались вернуться к нейтралитету: 23 мая Съезд пригрозил станице Городищенской, что она «будет безжалостно расстреляна посланным карательным отрядом», если там не восстаноят распушенный штаб и если «кто будет арестован или выдан»³⁹.

Расходясь в вопросе «воевать – не воевать», казаки были едины в вопросе о судьбе войска. Идея автономии признавалась всеми. 13 мая Краснохолмское нейтральное общество обратилось к Съезду с просьбой начать переговоры с оренбургским советом народных комиссаров «о порядке передачи казачеству полного автономного самоуправления». Вопрос проголосовали; за высказались 13, против 11⁴⁰.

Сразу же была начата выработка специального наказа: «Бывшие в феврале месяце с. г. два окружных съезда выражали готовность подчиниться советской власти и организовать в войске самостоятельные войсковые, окружные и станичные советы; но это было отвергнуто. Всюду затем по станицам были посланы отряды советских войск без всякого повода со стороны казачества; отряды эти начали грабить в станицах хлеб, имущество, скот и налагать непосильные денежные контрибуции. Против станиц, которые отказывались выполнять их требования, отряд открывал военные действия, уничтожая все имущество и жителей». Но съезд все же соглашался разрешить вопрос мирным путем на следующих основаниях: «1. Оренбургский губернский исполнительный комитет советов рабочих и крестьянских депутатов признает, согласно последовавшего распоряжения совета народных комиссаров, автономию Оренбургского казачьего войска и неприкосновенность его территории. 2. Исполнительный комитет гарантирует созыв войскового съезда в г. Оренбурге. Съезд должен восстановить нарушенные работы войскового

самоуправления. 3. Исполнительный комитет ни в какие дела казачьего самоуправления вмешиваться не должен. 4. Полное прекращение преследования казаков. 5. Оренбургское войско со своей стороны признает центральную власть совета народных комиссаров. 6. Никаких посягательств на право населения г. Оренбурга и Оренбургской губернии войско иметь не будет, а равно не будет вмешиваться в Деятельность существующих там учреждений. 7. В виду ненормальности работ в общественных учреждениях, теперь же предоставить право городскому и крестьянскому населению произвести свободные выборы должностных лиц – общественных учреждений. 8. Для спокойствия населения – полное разоружение красной гвардии и армии, впредь до организации охраны города вновь избранными общественными учреждениями»⁴¹.

То, что в Оренбурге согласились на обсуждение подобного соглашения, говорит не столько о мощи казаков и Съезда, сколько о слабости большевиков. В решении от 15 мая о «посылке делегатов на нейтральную территорию для ведения мирных переговоров» акценты были смещены: «о сдаче г. Оренбурга казакам без бою советскими войсками». И документ теперь именовался «ультимативным проектом». А на следующий день, 16 мая, казаки вообще отказались от переговоров, – постановление же решено «считать отменным навсегда». Было объявлено, что все сдавшиеся казакам получают жизнь. Справедливости ради укажем, что о подобном объявлялось и ранее: «Уйдите от нас, нежданные и непрошенные гости, и мы гарантируем вам полную неприкосновенность, но, уходя, вы должны сдать все оружие, обмундирование, снаряжение и все имущество»⁴².

Достаточно неожиданно в документах Съезда появился лозунг поддержки Учредительного собрания, – еще в наказе 13 мая заявлялась готовность признать центральную власть совета народных комиссаров. А в постановлении 17 мая провозглашался лозунг: «Вся власть Учредительному Собранию», – «эти слова золотыми буквами написаны на наших боевых знаменах»⁴³.

После получения известия о создании Комитета членов Учредительного собрания (КомУЧа) было решено командировать в Самару для связи делегатов – кандидата в члены Учредительного собрания войскового старшину Анисимова и казаков Красноярецва и Шаталова⁴⁴.

Показательно, что именно в день установления власти Комитета в Самаре (8 июня), Съезд объявил себя «временным малым кругом объединенных станиц Оренбургского казачьего войска, единым правомочным органом самоуправления войска». В специальном разъяснении говорилось, что сделано это для «установления твердой власти». Делегаты круга объявлялись несменяемыми до сбора полного войскового круга; было решено провести в станицах выборы еще по одному делегату. По сути, они должны были стать представителями круга на местах:

прибыть к 15 июня, «ознакомиться с работой съезда», получить от него директивы, а на местах возглавить военные комиссии, решая вопросы, «имеющие общее войсковое значение». Два делегата от одной станицы должны были меняться каждые 15 дней.

19 июня было решено выработать инструкцию разграничения прав окружного атамана и «командующего фронтами»; уже на следующий день решили, что «во главе чисто-административных дел считать вр. и. д. войскового атамана Каргина, помощником ему в этом считать командующего фронтами Красноярецва, в делах чисто военно-оперативных командующий и военно-полевой штаб независимы, назначение и увольнение лиц командного состава совместно атаман, командующий и начальник полевого штаба с утверждением Кругом»⁴⁵.

КомУч был официально признан «единственной государственной властью в объединенных губерниях и областях, восставших против большевизма, впредь до созыва и открытия Всероссийского Учредительного Собрания»⁴⁶.

Именно «именем Всероссийского Учредительного собрания» советская власть в Оренбурге была объявлена 4 июля 1918 г. низложенной. Появившийся 7-го в Оренбурге Дутов получил «готовую» ситуацию. Главное, что без его участия войско (или важная его часть) вошло в контакт с КомУчем. Как показали дальнейшие события, взгляды социалистов из Комитета и Дутова ощутимо различались. Но на тот момент для атамана не было другого пути, как последовать за войском и повести за собой прочих казачьих депутатов от ОКВ.

Прежде чем заниматься отношениями с Самарой, атаману было просто необходимо определиться с домашними делами, – на властные полномочия претендовал Круг объединенных станиц, чьи действия и инициативы вызвали однозначно отрицательную оценку со стороны атамана. Первым шагом в этом направлении и было подчинение Круга. Поначалу атаман старался игнорировать деятельность Круга, но конфликт углублялся, причем первым в атаку перешел Круг. 9 июля он постановил, что после прибытия в Оренбург он «не видит внимания» со стороны «своего же» Войскового Правительства. А потому был сделан запрос: нужен ли с точки зрения правительства Круг? В случае положительного ответа Правительству предлагалось полное подчинение его распоряжениям: «Все распоряжения правительства, кроме чисто оперативных, должны издаваться с ведома и согласия Круга». В ультимативной форме Круг заявил, что если ответа сегодня же не последует или последует неудовлетворительный, то Круг прекращает свои занятия и разъезжается по станицам⁴⁷.

11 июля помощник атамана Акулинин выступил перед Кругом с отчетом о действиях Правительства после ухода из Оренбурга – с января по июнь. В итоге Дутову было выражено полное доверие⁴⁸.

Затем Дутовым был нанесен ответный удар – постановлением Правительства 13 июля было решено: признать Круг, «заседающий в настоящее время в городе Оренбурге лишь окружным съездом 1-го округа. Считать работу съезда 1-го округа полезной и принимать к сведению советы съезда. Подчиняться же указаниям съезда Войсковое Правительство не может и не имеет на то права, ибо оно обязано давать отчеты о своих действиях только Войсковому Кругу»⁴⁹.

Круг стал числиться при штабе. Внешне Атаман и Войсковое Правительство демонстрировали внимание Кругу – так, 14 июля член Правительства Пономарев принес особую благодарность делегатам круга объединенных станиц «за их труды по свержению большевистского ига». Территория войска была фактически освобождена, отчего возникла инициатива созыва общего Войскового Круга, с передачей полномочий ему.

Однако Круг расходиться явно не собирался; более того, стал заявлять все большие претензии на властные полномочия. Как сообщал 19 сентября председатель Круга Марков, «Круг не разъехался и решил работать до Войскового Круга, оставив за собой право наблюдения за общим ходом дела по укреплению правопорядка в крае и восстановлению хозяйственной жизни войска, оказанию помощи девяти сгоревшим станицам и по уборке трав и хлеба»⁵⁰.

На деле он пошел дальше. Так, 15 июля Круг обсуждал по пунктам указ войскового правительства от 13 июля №51, в итоге внося в него дополнения и проголосовав его принятию⁵¹. 17 июля обсуждался вопрос о представительстве Круга в военно-полевом суде и следственных комиссиях⁵². Тогда же было решено отпечатать в типографии книги протоколов Съезда / Круга и разослать ее «для руководства атаманам станиц»⁵³.

Далее происходит достаточно показательный эпизод. 25 июля КомУч утверждает производство Дутова, как командующего военным округом, «за отличие в борьбе с большевиками» в чин генерал-майора, со старшинством с 20 июля – это именно дата производства его в этот чин Кругом объединенных станиц⁵⁴. Тут же продублировавший данное утверждение приказ по Оренбургскому военному округу №72 от 28 июля 1918 г. сообщил, что КомУч утвердил «постановление Войскового Правительства Оренбургского казачьего войска»,⁵⁵ без упоминания о Круге. 5 августа Круг постановил не разъезжаться, а продолжать работу до созыва Войскового Круга⁵⁶. 6 августа было решено распустить делегатов по домам, с оставлением для ведения текущих дел бюро из 15 человек, каковое было объявлено «равносильным объединенному Кругу органом», и должно было функционировать до возвращения делегатов.

Идти на открытую конфронтацию с Кругом Дутов не хотел, – ему по-прежнему демонстрировалось уважение. Так, атаман сам пришел на заседание 13 августа, чтобы зачитать наказ депутатам, посылаемым в

Самару, и получить одобрение⁵⁷. Одновременно Правительство стало отказываться видеть в делегатах Круга «народных избранников». Изменение это видно по протоколам Круга, – по все большему числу вопросов принималось не конкретное решение, а «принималась к сведению» информация. На бюро Круга были переложены прежде всего бытовые и хозяйственные вопросы. Изменения подметили и сами делегаты: «некоторые члены Войскового Правительства на делегатов обращают холодное внимание, а именно: полковник Полковников и другие члены правления на вопросы об удовлетворении казаков на фронте холодной обувью и одеждой отвечают незнанием и видно не желали им помочь в этом деле и обращались с нашими делегатами не как с народными избранниками и уполномоченными Круга, а как с нижними чинами во время царского режима»⁵⁸. Явно не случайно в это же время епархиальное женское училище «вдруг» стало просить вернуть им здание, где до этого заседали депутаты Круга и были их временные квартиры⁵⁹. Последний известный протокол бюро Круга датирован 16 августа 1918 г., после чего можно только констатировать, что затянувшийся конфликт был разрешен в пользу атамана. Все последующие шаги окружения атамана были предсказуемы, – на казачьих партизан опустили занавес забвения на долгие десятилетия.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Грушин И. История Жилевского восстания: страничка из истории революционной борьбы. Оренбург, 1922; Сафонов Д.А. Между империей и республикой Советов: местная власть на Южном Урале в 1917–1918 гг. Оренбург: печатный дом «Димур», 2008. С.133–144.

² Александр Ильич Дутов. Войсковой Атаман Оренбургского Казачьего войска. Генерал-лейтенант. Краткая биография, выборки из печати, статьи, и проч., относящиеся к деятельности Войскового Атамана. [Троицк, 1919.] С.2.

³ Акулинин И. Г. Оренбургское Казачье Войско в борьбе с большевиками. 1917–1920 гг. Шанхай, 1937.

⁴ Акулинин И. Г. Указ. соч. С.34.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С.36.

⁷ Там же. С.71.

⁸ Там же. С.37.

⁹ Там же. С.52.

¹⁰ Там же. С.45.

¹¹ Там же. С.52.

¹² Там же. С.62.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. С.51.

¹⁵ Там же. С.61.

¹⁶ Там же. С.71.

¹⁷ Там же. С.76.

¹⁸ Там же. С.78.

- 19 Там же.
 20 *Зуев А. В.* В борьбе за родину (Оренбургские казаки в борьбе с большевизмом). 1918–1922 г.г. Очерки. Харбин, 1937.
 21 Смышка. 1925. 10 мая.
 22 *Машин М. Д.* Оренбургское и уральское казачество в годы гражданской войны. Саратов: изд-во Сарат. ун-та, 1984. С.25.
 23 Там же. С.37.
 24 Там же. С.26.
 25 *Абрамовский А. П., Кобзов В. С.* Оренбургское казачье войско в трех веках. Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 1999. С.299.
 26 Там же.
 27 Там же.
 28 Там же. С.313,314,315,316.
 29 *Ганин А. В.* Атаман А. И. Дутов. М.: Центрполиграф, 2006. С.172.
 30 Там же. С.167.
 31 Там же. С.168.
 32 Там же. С.172.
 33 *Александр Ильич Дутов.* Войсковой Атаман Оренбургского Казачьего войска. Генерал-лейтенант. Краткая биография, выборки из печати, статьи, и проч., относящиеся к деятельности Войскового Атамана. [Троицк, 1919.]
 34 Оренбургский казачий вестник. 1918. 24 сентября.
 35 Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф.1912. Оп.1. Д.7.
 36 *Сафонов Д. А.* Набег казачьих партизан на Оренбург 3–4 апреля 1918 г.: опыт исторической реставрации. // Историко-литературный альманах «1743». Вып.5. Оренбург: Оренбургская губерния, 2006. С.47–88.
 37 ГАОО. Ф.1912. Оп.1. Д.7. Лл.7об.,8 об.,13,62.
 38 Там же. Л.17.
 39 Там же. Л.38.
 40 Там же. Л.35.
 41 Там же. Лл.26–26об.
 42 Там же. Л.30.
 43 Там же.
 44 Там же. Л.59а.
 45 Там же. Л.81.
 46 Оренбургский казачий вестник. 1918. 24 сентября.
 47 ГАОО. Ф.1912. Оп.1. Д.20. Лл.91об.–92.
 48 Там же. Л.100.
 49 Там же. Лл.23–23 об.
 50 Оренбургский казачий вестник. 1918. 24 сентября.
 51 ГАОО. Ф.1912. Оп.1. Д.20. Лл.107об.–107.
 52 Там же. Л.115.
 53 Там же. Лл.138–138об.
 54 *Ганин А.* Атаман Дутов... С.193.
 55 ГАОО. Ф.1912. Оп.1. Д.26. Л.50.
 56 ГАОО. Ф.1912. Оп.1. Д.20. Л.124.
 57 Там же. Л.139об.
 58 Там же. Л.145об.
 59 Там же. Л.146об.
-

В СИБИРИ И НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ОБЛИК КРАСНЫХ ПАРТИЗАН НА ЕНИСЕЕ

А. П. Шекшеев (Абакан)

В силу отсутствия массовых документальных источников и наличия политической ангажированности сложным для историков было и остается выявление социально-политического состава, направленности и характера крестьянского повстанчества.

Очевидцы, а затем и исследователи, с 1920-х гг. обращавшиеся к изучению партизанского движения в Сибири, как правило, объясняли его по-разному. Возникшее стихийно, оно все же в нескольких местах, признавали одни, руководилось из большевистских центров, некоторые писали об отсутствии политического руководства, и третьи сообщали о погромно-бунтарском, примитивно-антигосударственном и советско-всесословном типах движения крестьян, объединенных прежде всего ненавистью к колчаковщине¹. Другими важными признаками данного явления были, по мнению современников, его «стихийно-большевистский» характер, наличие среди партизан представителей зажиточного, середняцкого крестьянства и эсеров, а также самогонщиков и мародеров².

Но с конца 1920-х гг., прежде всего в мемуарной литературе, стало утверждаться мнение о том, что партизаны находились под прямым руководством большевистских партийных организаций, испытывали сильное влияние городского рабочего движения и воевали за восстановление Советской власти³. Одним из первых среди историков к рассмотрению социально-политического характера партизанского движения в Сибири обратился М. И. Стишов, а в наиболее развернутой форме свои взгляды по данному вопросу в советское время высказали В. А. Кадейкин и Ю. В. Журов⁴. В частности, Журовым доказывалось, что партизанское движение не было единым по своему социальному составу и в своих социально-политических устремлениях; инициированное крестья-

янской беднотой и рабочими, оно включало в себя представителей средняцких и зажиточных слоев деревенского населения, приток и отток которых определялся успехами и неудачами движения. Но его утверждение об едином крестьянском фронте антиправительственного повстанчества и советах в качестве органов революционно-демократической власти в партизанских районах, а также отрицание присутствия в партизанском движении «партизанщины» и мелкобуржуазного стихийного анархизма вызвало возражения у ряда исследователей⁵.

Судя по обобщающему труду, сохранявшему на себе отпечаток господствовавшей в СССР идеологии, партизанское движение для советских историков являлось главным выражением классовой борьбы. Оно носило в сибирской деревне очаговый характер и боролось, несмотря на участие в ней эсеров, незначительной части зажиточного и средняцкого населения, под руководством прежде всего большевиков и за победу Советской власти. Считалось, что в партизанском движении слились в единый революционный поток элементы пролетарской революции, крестьянской войны, национально-освободительного и патриотического движения трудящихся Сибири. В переплетении социалистических и революционно-демократических тенденций оно явилось решающим средством завоевания большевиками средних слоев крестьянства и объединения его как революционной силы⁶. Вместе с тем, уже в 1980-е гг. историками высказывались соображения о том, что в отсутствие необходимого для обоснования фактического материала тезис о большевистском руководстве партизанским движением в публикациях преимущественно декларировался, а контроль за партизанами со стороны РКП(б) никогда не был эффективным⁷.

Появившаяся с изменением политического устройства страны возможность более широкого и свободного изучения прошлого позволила историкам сделать выводы о заметном росте антиправительственных настроений всех слоев крестьянства в первой половине 1919 г. и преимущественном участии в партизанском движении крестьянского середнячества⁸. А. А. Штырбул, отмечая стихийность этого явления, сообщал о том, что трудовое крестьянство, борясь с белым режимом, выступало за восстановление власти советов как наиболее адекватно отражающей его интересы, но ориентировалось на своеобразный синтез большевистского, левозеро-евского и анархистского подходов в сочетании с традициями общинной формы самоуправления. Рассказывая о высокой роли в партизанском движении анархистов и эсеров, омский историк объяснил заметное влияние на партизан, например, анархистов распространенными в деревенской среде стихийно-анархистскими настроениями и отметил, что разногласия между представителями различных политических партий не были антагонистическими⁹. Напротив, другой исследователь, обратившись к рассмотрению «политического состава» партизан, счёл

возможным заметить напряженные отношения между большевиками, эсерами, меньшевиками и анархистами¹⁰.

Наиболее объективную и содержательную характеристику партизанского движения в Сибири дали историки В. И. Шишкин и Н. С. Ларьков¹¹. Совершенствуя прежние взгляды, они показали, что партизанское движение развивалось под сильным и противоречивым воздействием элементов стихийности и организованности и, будучи преимущественно крестьянским, демонстрировало социально-политическую неоднородность и различные идейно-политические устремления участников. В основном же «республики» и «фронты», подчиненные прежде всего влиянию большевиков, боролись за советы, которые воспринимались населением как общедемократические структуры. По-прежнему несколько идеализируя партизан, данные авторы сочли их движение массовым и продемонстрировавшим бессилие белого режима. В то же время, повторяя суждение о местных особенностях поведения повстанцев, они тем самым заявили о важности исследования этой темы и в региональном разрезе.

Наряду с общими для Сибири факторами (взимание налогов и податей, реквизиции и конфискации продовольствия, уничтожение экономически значимого для деревни самотоварения, мобилизация молодежи в армию), антиправительственное поведение крестьян, например, в Енисейской губернии определялось её географическими, демографическими и хозяйственными особенностями. Государственная политика, смягчая напряженность обстановки в европейских районах страны, способствовала не только освоению сибирских регионов, но и избыточному насыщению их ссыльными и переселенцами. Так регион на Енисее стал пристанищем всех категорий ссыльных, которые пустили здесь корни и оказывали свое воздействие на деревню. Более высоким среди местного крестьянства являлось и представительство переселенцев, бывших часто иной национальности, чем старожилы. С разорением Малороссии и Прибалтийского края происходил сильный приток беженцев – украинцев и латышей, которые селились отдельными поселками в Красноярском и Канском уездах и сохраняли не только традиционные для себя формы хозяйствования, но и обостренные отношения с властью и окружающим миром. Продолжавшееся размещение на территории губернии даже в 1918–1919 гг. 3 тыс. таких семей повысило удельный вес переселенцев до 58,6 %¹².

Судя по газетным выступлениям, к этому времени некоторые ранее вселившиеся лица уже выбились из бедноты. Привыкшее жить за счёт государственных субсидий и винокурения, «разношерстное» население (белорусы, латыши и эстонцы) Степно-Баджейской волости Красноярского уезда обогащалось еще и продажей плодов собственного подворья. В Тасеево Канского уезда новые «богатеи-большевики», накупившие

на награбленные деньги скот и инвентарь, продолжали жить припеваючи. Зажиточность их бросалась в глаза так, что собрание кооператоров, признав желательным создание в селе мастерских, решило денежные средства изыскать у сторонников Советской власти. Но когда состоявшийся в декабре 1918 г. сход сделал раскладку податей, то выяснилось, что крестьяне, «избалованные большевиками», платить их не хотят¹³.

В других же местах, как заметил очевидец, водворение переселенцев порождало антагонистические отношения между ними и старожилами, порой более острые, чем внутригрупповые «классовые» противоречия¹⁴. Беспоконной для властей категорией являлись и так называемые «неприписные» – самовольные переселенцы, не приписанные к обществу, и поэтому не имевшие ни соответствующего статуса, ни земельного надела.

Многие из переселенцев обживали труднодоступные зимой местности, подтаежные или отрезанные от мира горами и реками. Такая обособленность их существования и удаленность от административных центров делали бывших новоселов более независимыми в быту и отношениях с властью. Антиправительственное брожение в Степно-Баджейской волости Красноярского и Тасеевской волости Канского уезда началось сразу после антибольшевистского переворота, то есть с середины лета 1918 г.

Начавшееся с конца 1918 г. крестьянское повстанчество было инициировано не только скрывававшимися красногвардейцами, численность которых только в Степно-Баджейской волости составляла 600 человек¹⁵. Состав партизан был пестрым: по сведениям белой контрразведки, они состояли из убежденных «большевиков», бывших фронтовиков, уголовных преступников, дезертиров, таежных охотников и даже интеллигенции. К примеру, в Степном Баджее участниками выступления в ночь на 9 ноября 1918 г. являлись 30 человек, в частности, бывшие советские служащие братья Ф. Г. и И. Г. Боганы из д. Грязная Кирза, жители д. Зарзибей К. Гарстынь и Н. Клявин, а также примкнувшие к ним степнобаджейцы К. П. Пуляев (Лидин), Н. Т. Толстой, в прошлом рабочий-наборщик Ф. Ф. Грабовский, слесарь Гурко, крестьяне Гвоздевы, Гусьев и Харагац.

Первыми тасеевскими повстанцами стали лица, бежавшие от мобилизации в Сибирскую армию, и представители местного политического бомонда – большевик и столяр Двоглазов, землемер Яковлев, учитель Попович, священник Орлов и унтер-офицер Яковенко. К ним присоединились группы бывших фронтовиков И. П. Вострикова, И. З. Нижегородова и переселенца-белоруса Т. Н. Жгуна. В состав Военно-революционного штаба (ВРШ) на съезде были избраны ссыльный большевик Гришненко, в прошлом фронтовики-большевики из зажиточных Астафьев, унтер-офицеры Буда и Вахрушев, а также служивший в запасном полку

Тараканов. Фронтовиками были и первые перовские партизаны – М. В. Александров, В. И. и Ф. И. Саломатовы и С. П. Безотчества. Им оказывала поддержку группа интеллигенции в лице бывшего члена Канского совдепа и Центросибири П. П. Петрова, советского судьи А. Т. Иванова, учителей С. Н. Васильченко, В. А. Мальшевой, Т. Е. Перовой, Г. Н. Попова и В. Ф. Убиенных¹⁶.

В подтаежных селениях на границе Енисейской и Иркутской губерний готовили крестьян к выступлению находившиеся там в качестве бывших ссыльных большевики, эсеры и анархисты. Только в Тайшете их насчитывалось до 30 человек. Под воздействием их пропагандистской деятельности основным костяком начавшегося неожиданно восстания стали в прошлом фронтовики и лица, дезертировавшие из Сибирской армии¹⁷.

Показательным являлся путь в партизаны крестьянина с. Сонино Паначевской волости Минусинского уезда И. Ф. Комарова. Вернувшись с Румынского фронта, он выступил на сельском сходе против поддержки Временного Сибирского правительства и мобилизации в Сибирскую армию. Будучи арестованным за участие в Минусинском восстании, бывший солдат вновь бежал в тайгу. В июне 1919 г. Комаров создал партизанский отряд из 120 человек, в котором стал начальником штаба¹⁸.

Согласно сообщениям очевидцев, районами восстаний в первую очередь становились переселенческие селения, а главными участниками, например, в Заманье – латыши¹⁹. На январь 1919 г. партизаны состояли здесь на 60% из латышей, 30% – уголовных элементов и 10% – дезертиров. Согласно газетной информации, в рядах повстанцев даже после отступления из Степного Баджея встречались мадьяры, латыши и немцы²⁰. Участие в повстанчестве нерусских лиц подтверждается и фамилиями партизан. В качестве активных деятелей движения были И. и Ф. Боганы (Боганисы), К. Гарстынь, Ф. Грабовский, И. Гуливер, А. Дзеканский, Н. Клявин, М. Крастынь, П. и Г. Маркитанты, Э. Плум, А. Цауне и А. Шмидт и др.

Первыми участниками Минусинского восстания в ноябре 1918 г. стали жители крупных селений – Дубенского и др., население которых целиком или главным образом было переселенческим. Вспыхнувшее стихийно в переселенческих районах северной части Ачинского уезда повстанчество во главе с бывшим офицером П. Е. Щетинкиным в основном состояло из бедноты. Повстанческие отряды в Канском и Красноярском уездах были бедняцкими, а в Степно-Баджейском районе – бедняцко-средняцкими. В Тальской волости Канского уезда, сообщала контрразведка, собралось до 500 вооруженных новоселов, которые пустились грабить старожильческое население. Действовавший под Красноярском отряд Н. М. Копылова насчитывал около 100 рабочих Знаменского стекольного завода и бывших фронтвиков из окрестных деревень. Его

опорной базой являлась Малиновка, заселенная тамбовскими и воронежскими переселенцами. Согласно докладу управляющего губернией в МВД от 5 марта 1919 г., новоселы на 90% являлись «большевиками», то есть лицами, настроенными против политики правительства²¹. По мнению современного историка, общим фактором, характерным для большинства территорий, охваченных партизанским движением, являлось наличие значительной доли переселенцев²².

В то же время повстанчество на Енисее подтверждает соображения о высокой роли в подобных событиях более зажиточных деревенских масс, которые располагали возможностями к длительному сопротивлению²³. Наряду с другими обстоятельствами, недовольство крепких хозяйственных мужиков вызывало отсутствие полноценной реализации плодов их труда. Еще до революции центральное местоположение губернии не позволяло им вывозить хлеб за пределы Сибири в желаемых количествах. Высокие урожаи хлеба 1917–1918 гг. оставались в крестьянских хозяйствах. «На хлеб спроса нет, вывоз его ограничен, – писал очевидец. – Крестьяне продают его за бесценок, а в неурожайные годы сами покупают его по большой цене»²⁴.

По мнению современников, губернию ждал неизбежный кризис. Несоответствие состояния сельскохозяйственного рынка потребностям крестьянского хозяйства могло стать еще одной причиной столкновения деревенских масс с властью²⁵. Действительно, согласно наблюдениям современников, «наиболее богатые хлебом и скотом районы с несомненным уклоном в сторону товарности представляли собой и наиболее благоприятные очаги партизанского движения»²⁶.

На севере Ачинского уезда уже в конце 1918 г. создание партизанского отряда сопровождалось открытым восстановлением советов. Так, сход в селе Изыкчуль Ново-Еловской волости, выделив в отряд восемь человек, в своем приговоре записал: «Установить в Изыкчульском сельском обществе Советскую власть. Не признавать и не подчиняться Колчаку. Оказывать полную поддержку всеми средствами и силами повстанческому отряду...». О принадлежности власти к советам заявляли повстанцы и др. районов²⁷.

При этом партизанское движение почти с самого начала носило общекрестьянский характер. Так, возникшее в Щиткинском районе движение официально называлось крестьянским и не возглавлялось какой-либо партией, а в его руководящем составе были представлены все слои деревенского населения²⁸.

Как правило, побуждаемые слухами о победах Красной армии, собирались съезды крестьянских представителей или сходы жителей, которые, объявив о поддержке восстания, формировали органы военной и гражданской власти, а вместе с ними и отряды. Нередко деревня выступала всем миром, независимо от имущественного положения крестьян.

Минусинским восстанием были охвачены, по разным оценкам, от 13 до 19 волостей. На 16 – 17 ноября 1918 г., когда повстанческие «армии» под командованием С. В. Кульчицкого и В. И. Ощепкова появились под Минусинском, в их рядах насчитывалось 10 тысяч человек. Повстанцы и мобилизованные ими крестьяне представляли все слои деревенского населения²⁹.

В повстанческие группы, насчитывавшие лишь 20–30 манских и канских партизан, после поражения белых влились 1,5 тысячи середняков. В январе 1919 г. Главный штаб Крестьянской армии в Степном Баджее, обращаясь с призывом к населению о пополнении своих рядов, называл повстанцев «крестьянами Красноярского, Канского и Минусинского уездов», которые организовались «для завоевания себе свободы и права на самостоятельную жизнь» или «взялись за оружие для свержения господства капитала и его прислужника изверга Колчака»³⁰. Под воздействием успехов повстанцев, общих настроений с соседями, поголовно и легко, как отмечали очевидцы, уходили в партизаны молодые, не только бедные, но и зажиточные крестьяне. Добровольцы, к примеру, составляли костяк Северо-Канской партизанской армии³¹.

Повстанцы пополнялись и посредством мобилизаций. К февралю 1919 г. одна из них, объявленная земским собранием в северных волостях Канского уезда, позволила поставить под ружьё новых бойцов. В ответ на угрозу белых использовать против повстанцев боевые газы Объединённый совет 18 марта 1919 г. объявил о мобилизации всех мужчин Степно-Баджейского района в возрасте от 18 до 45 лет. В соответствии с объявлением штаба от 16 апреля того же года проводилась мобилизация пяти возрастов населения Шиткинского района. Осенью 1919 г. по мобилизации, поддержанной сходами, ряды партизан пополнили минусинские фронтовики, состоявшие из представителей всех слоев крестьянства³².

На юге Канского уезда начатое бывшими советскими работниками и учителями повстанчество быстро охватило и деревенское середнячество. В северных же его волостях оно, благодаря влиянию сосредоточенного здесь ссыльного элемента и наличию большого массива ожидающих раздела частновладельческих земель, сразу стало развиваться на более широкой социальной основе, что оказалось неожиданным для правительственной администрации. Согласно утверждению признанного вождя местного повстанчества, основная масса тасеевских партизан являлась середняками, достаток которых был намного выше, например, североачинских повстанцев. Средняками и кулаками были и многие шиткинские партизаны³³.

Позднее влияние на состояние партизанского движения оказывали и репрессии правительственных войск. Участники Минусинского восстания бежали от них в тайгу, скрывались или, напротив, выдавались вла-

стям сельскими обществами. Но в Заманье и Тасеевском районе, где с приходом белых наблюдались избиения всего населения, грабежи, порки и казни лояльных жителей, имело место бегство в партизаны крестьян целыми деревнями. В Тасеевской волости партизанило по несколько человек почти из каждой семьи³⁴.

Участие в повстанчестве бедноты делало его более ожесточенным. Участие же середнячества и зажиточного крестьянства обеспечивало масштабность, но зачастую обуславливало местный характер антиправительственных действий. Случалось, наличие или, напротив, отсутствие имущества и скота определяли степень стойкости партизан при защите собственных селений и длительность их сопротивления противнику в целом. Потерпев поражение, многие партизаны разбегались, отсиживались, не желая покидать родные места, и вновь собирались в отряды. После оставления Степного Баджея партизанские ряды покинули бойцы Агинского, частично Манского полков, а общая численность армии сократилась с 3,5 до 1,3 тысяч человек³⁵. Оставшиеся повстанцы отступали и на какое-то время «погружались в трясину противоречий и разложения»³⁶. Напротив, когда они добивались боевых успехов, то партизанские части, благодаря гибкой политике советов, пополнялись крестьянами занятых районов, тем самым увеличивая процент бойцов из середняков и зажиточных крестьян.

Одним из источников пополнения партизанских рядов были и правительственные войска. Так, 1 февраля 1919 г. на сторону партизан перешел следовавший в Ачинск отряд в составе 60 солдат Рыбинского гарнизона³⁷. Заметным это явление было осенью 1919 г. в Шиткинском районе и Минусинском уезде, где из сдавшихся новобранцев белой армии оформился целый полк партизанской армии.

Повстанцами становились и рабочие. Находившийся в деревне Парной Ачинского уезда отряд М. Х. Перевалова пополнился 40 приисковыми рабочими. Ядро отряда И. М. Буркова-Зубова составляли боготольские большевики-железнодорожники и красноярские рабочие. Его подразделениями командовали, наряду с бывшим политическим ссыльным, матросами и местными крестьянами, двое енисейских шахтеров. Наличие мастеровых в отряде позволило организовать здесь подсобные мастерские и завод³⁸.

Среди рабочих-оружейников, собранных на Шиткинском фронте, были бывший политический ссыльный Колосов, слесарь Сафронов, кузнец Куприянов.

Сравнительно высокой была роль рабочих в партизанских отрядах Заманья. В Баджейском полку, начавшем восстание, они находились в командном составе. Среди командиров Тальского полка и отряда К. А. Жестикова было 10 рабочих, 17 крестьян-бедняков, 2 батрака и 12 середняков. Рабочие присутствовали в армейском и Объединенном (трое) совете³⁹.

Но в основном рабочие здесь также использовались по профессии. Уже в январе 1919 г. заработала Центральная мастерская, которой заведовал рабочий и большевик Д. Г. Смоленский. В ней трудились 150 рабочих, в частности, мастера-оружейники М. Макушин, А. Аксенов и А. Шмидт, питерские рабочие П. Маркитант и его сын Генрих, железнодорожники станций Боготол и Клюквенная В. С. Масленкин и С. Л. Карасев, а также мастер с оружейных заводов Р. О. Письменный. Наряду с кузницей и ружейной мастерской, с февраля начал функционировать патронный завод, на котором под наблюдением мастеров из мадьяр рабочие делали пистоны, нарезали пули.

С началом широких боевых действий мастерские были переведены ближе к фронту и располагались в Рыбном и Агинском. Одной из них руководил питерский рабочий Д. А. Кротов. Коллектив в составе 10 рабочих, военнопленного турка, немца-техника и специалиста-химика из Минусинска ремонтировал оружие, набивал патроны порохом собственного приготовления, вручную штамповал и заряжал капсулы и отливал из свинца и баббита, доставаемых в железнодорожных мастерских на станции Клюквенная, разрывные пули, производил ракеты, макеты пулеметов – трещотки, изготовил даже некую пушку. Накануне Переяславского боя для бойцов Агинского полка рабочими были изготовлены 40 винтовок, 6 револьверов и 28 тысяч патронов. Позднее, обнаружив при занятии Белоцарска порох, рабочие за 2,5 месяца изготовили до 1 млн. патронов. Когда же партизанская армия отдыхала в Минусинске, то при ней были организованы портновские, сапожные, кузнечные, столярные, шорные мастерские, кожевенные, овчинно-шубные, пимокатные, колбасные заводы, пекарни и коптильни⁴⁰.

В декабре 1919 г. минусинских партизан пополнили 30 рабочих Абаканского железодельного завода⁴¹. Однако в целом, численность рабочих в составе армии была незначительной. Несколько больше было рабочих, бежавших от расправы за Канско-Иланское восстание или застрявших после чехословацкого переворота, среди североканских партизан. Здесь из рабочих Южно-Енисейских приисков была сформирована под командованием И. М. Доброва особая часть под названием Таежного рабочего отряда. Представители рабочих, вроде питерского рабочего и председателя Военно-революционного трибунала Пантелеева, находились и на руководящих постах «Тасеевской республики»⁴².

Таким образом, на территории Енисейской губернии к весне 1919 г. сформировалось несколько очагов партизанского движения. В южной части Канского и Заманском районе Красноярского уездов существовала «Степно-Баджейская республика» с партизанской армией под командованием А. Д. Кравченко. На севере Ачинского уезда были сосредоточены до тысячи повстанцев, возглавляемых П. Е. Щетинкиным, а на юге – 250 вооружённых крестьян во главе с М. Х. Переваловым. В середине

апреля 1919 г. отряд Щетинкина численностью от 300 до 600 человек соединился с армией Кравченко. Численность сформированных из разрозненных отрядов и групп Манского, Канского, Тальского и Североачинского полков с декабря 1918 г. по апрель 1919 г. выросла с 2–3 до 5–6 тысяч человек, имевших на вооружении 10 пулемётов.

Другим крупным очагом стал район Тасеево на северо-востоке Канского уезда. Здесь в конце декабря 1918 г. были восстановлены советы и избрана военно-революционная власть, руководимая большевиком В. Г. Яковенко. В январе 1919 г. возник Тасеевский (Северо-Канский) партизанский фронт, численность бойцов которого к лету составила около 2 тысяч человек. После первого боя с правительственным отрядом в ночь на 29 февраля 1919 г. образовались Бирюсинский, Конторский, Старо-Акульшетский, Гоголевский и «лесных братьев» отряды во главе с И. А. Бич-Таежным, Н. А. Бурловым, Е. Г. Кочергиным, П. Д. Криволицким, К. М. и Я. М. Москвитинными и др.

В пределах ряда волостей Канского (Енисейская губерния) и Нижне-Удинского (Иркутская) уездов сложился Шиткинский фронт. К концу марта 1919 г. он насчитывал около 1,5 тысяч бойцов.

Обстановка на театре боевых действий оказывала прямое воздействие на численность повстанцев. К осени 1919 г. Шиткинский фронт, например, состоял из шести отрядов общей численностью в 800 человек, а также нестроевых частей при штабе. В партизанские части Кравченко и Щетинкина, совершившие переход в Минусинск, к ноябрю того же года влилось около тысячи местных повстанцев. Но минусинские крестьяне, напуганные репрессиями белых, не спешили пополнять их ряды. Лишь когда партизаны заняли енисейское правобережье, а их командование объявило мобилизацию бывших фронтовиков, повстанчество охватило до 10 тысяч жителей. В результате к декабрю 1919 г. партизанская армия, по разным данным, составляла от 15 до 22 тысяч человек и имела 5 орудий и 153 пулемёта. В это же время части Северо-Канского фронта насчитывали от 8 до 10 тысяч бойцов добровольческого и нестроевого состава при 15 орудиях и 170 пулеметах⁴³.

Еще до начала восстания в некоторых селениях, к примеру, Шиткинского района большевики жили легально. Когда же в одном из них местному населению и сельской власти было приказано арестовать всех сторонников большевизма и направить их в Тайшет к чешскому коменданту, то сход ответил отказом. В мартовском 1919 г. докладе управляющего губернией сообщалось, что «... большевики еще с лета прошлого года укрепились главным образом в деревне, куда они ушли, скрываясь от преследований контрреволюционного режима, и организуют восстания»⁴⁴. Находившиеся среди партизан большевики стремились поставить их движение под идейно-политический контроль специально образованного при Реввоенсовете 5-й армии (декабрь 1918 г.) Сибирского (Урало-Сибирского) бюро ЦК РКП(б).

Многие из большевиков находились во главе повстанцев. Так, по инициативе членов Красноярского подпольного комитета Е. Т. Марутко и В. А. Уланова был создан партизанский отряд в Ачинском, а Н. М. Копылова – в Красноярском уезде. Маклаковских и североканских партизан возглавляли большевики Ф. Я. Бабкин, Н. М. Буда, И. А. Вашкорин, В. И. Кренц, Т. Н. Пугачёв и В. Г. Яковенко. В Заманье председателем армейского Совета был большевик С. К. Сургуладзе, секретарем – А. К. Загайный. Дореволюционный партийный стаж имели руководящие работники Ф. Ф. Грабовский, И. П. Гуливер, А. И. Дзеканский, В. С. Масленкин, В. Ф. Рутковский, А. И. Теличкина-Сухорослова, Н. Т. Толстой и В. С. Щукин, а большевиками с 1917 г. являлись Боганы, К. А. Егоров, Н. П. Курченко, командиры полков М. В. Александров, С. Т. Баталов, В. О. Гусев, К. П. Пуляев (Лидин), М. Т. Савицкий и В. А. Уланов.

Однако, хотя власти и называли сопротивлявшихся их политике и восставших крестьян «большевиками», на самом деле членов РКП(б) среди партизан Степного Баджея было немного. В отрядах не существовало приема в партию и официально зарегистрированной и оформленной по уставу организации. Более того, большевики, находившиеся среди партизан, перенесших тяготы Саянского перехода, и тщетно прилагавшие усилия к их единению, по свидетельству очевидца, были настроены даже покинуть полки. Только по приходе партизанской армии в Минусинск они, – по одним данным 17, а по другим 50 человек, – решились на создание своего комитета.

Данная инициатива вызвала возражения со стороны членов Главного штаба и прежде всего командующего А. Д. Кравченко. Заявив, что создание партийных организаций может нарушить беспартийность их движения, принцип народовластия и таит в себе опасность межпартийных разногласий, вредных в условиях военного времени, он запретил «легализацию» большевиков. Возмущенные большевики договорились не распускать свою организацию. Между тем, многие партизанские вожди (А. Т. Иванов, А. Д. Кравченко, Я. Ф. Ксендзов, К. М. Логвинов, А. М. Марченко, П. П. Петров, С. Е. Сухорослов, Г. В. Шаклеин, В. Г. Шпагин, П. Е. Щетинкин и др.), боровшиеся с колчаковским режимом, оформили членство в РКП(б) только в 1920 г.⁴⁵

В Шиткинском районе к моменту восстания большевиков было не более 10 человек. Но все они оказались организаторами партизанских масс: в начале выступления трое большевиков (Бельницкий, Криволицкий и Тришкин) были начальниками отрядов, двое – служили в политотделе фронта, по одному – в следственной комиссии, продовольственном комитете и оружейной мастерской. На армейском съезде 12 июля 1919 г. в ВРШ из трех человек было выбрано два большевика, один из них – начальником штаба. К концу существования штаба в его составе из пяти членов четверо являлись большевиками. В декабре 1919 г. в селе

Шелаево состоялось организационное собрание коммунистов, но полного создания партийной организации не произошло⁴⁶.

Более крупную и организованную прослойку представляли большевики среди тасеевских партизан. В сентябре 1919 г. при штабе был создан комитет по организации большевистских ячеек. Он прежде всего занялся регистрацией членов деревенских ячеек. Однако партизаны высказались против этого мероприятия, заявив о своей поголовной принадлежности к большевикам и нарушении созданием партийных организаций принципа народоправства. Поэтому комитет смог учесть лишь 100 членов РКП(б). В то же время были оформлены ячейки в Тасеево, в лаборатории, в ротах и батальонах, а состоявшееся в октябре 1919 г. общее собрание большевиков избрало партком. В результате численность их здесь увеличилась до 200 человек. При вступлении партизан в Канск их большевистская организация оказалась распущенной. Некоторые партизанские командиры (В. Ф. Емельяшин, Т. Н. Жгун, И. З. Нижегородов, Е. К. Рудаков и др.) также вступили в РКП(б) лишь с победой Советской власти⁴⁷.

Несмотря на вывод белой контрразведки о том, что «восстание в Енисейской и Иркутской губерниях организовано и поддерживается социалистами-революционерами»⁴⁸, присутствие последних в партизанском движении являлось также незначительным и носило очагово-неустойчивый характер. Под лозунгом борьбы за власть Учредительного собрания осуществлялись первые мобилизации крестьян в партизаны Щетинкиным. Наряду с большевистским, существовало эсеровское течение среди шиткинских партизан. В начале 1919 г. в Тайшете с целью борьбы за Учредительное собрание образовалась и примкнула к повстанчеству эсеро-меньшевистская группа «Единство» в составе Дискова, Кочергиных, Н. И. Куприянова, Я. М. Москвитина, Павлова, Степанова, Ф. М. Чайковского под председательством Слижского. После колчаковского переворота в Тасеево бежали пятеро-шестеро эсеров, в частности, бывший земский деятель из Перми штабс-капитан Сперанский (или Стронский), прапорщики Виноградов, Витюков, Самарчук и Филиппов. К ним примкнул и местный социалист-революционер П. Ф. Халчевский. Там же появился перебежчик, офицер и член ПСР Ф. Н. Лобов, проводивший среди партизан идею народовластия и беспартийности их движения.

Наряду с правыми эсерами и более умеренными эсерами-центристами, в рядах партизан находились и левые эсеры, которые, выступая активными сторонниками советской власти, имели большое влияние на крестьян. Группы их имелись в Шиткинском и Перовском районах. Сильная, хотя и не сведенная в организацию, группа левых эсеров находилась в армии Кравченко и Щетинкина. Не был лишен эсеровских взглядов и сам её командующий. Представители действовавшего в Перово «Союза левых народников» П. П. Петров, А. Т. Иванов, А. Низовцев входили в

руководящий состав партизанских органов Степного Баджея и Минусинска⁴⁹.

Еще одной политической силой, искавшей, по мнению историков, возможность воздействовать на крестьянство, являлись анархисты. В январе 1918 г. в районе станции Боготол группа анархистов во главе с Барышниковым пыталась организовать сельскохозяйственную коммуну. Следом их ячейка была создана фронтовиками в Перово. Активно действовали бывшие ссыльные анархисты, сохранившиеся в 1918 г. на территории Шиткинского района. При захвате повстанцами Енисейска члены этой партии Костенко и Кузнецов входили в состав местного ВРШ.

Однако в партизанском движении анархистов также было сравнительно немного, а воздействие их на партизан не являлось существенным. Присущая этому явлению стихия возникла не под влиянием анархистов, как считают некоторые ученые, а скорее исходила из его крестьянской сути. «Анархическая натура» была характерна для многих партизанских вожаков, а склонность к разбою и грабительству присуща рядовым повстанцам⁵⁰. Но от этого они становились «анархистами» только в глазах современников-большевиков, будущих авторов воспоминаний. Некоторые из «анархистов», вероятно, лишь считались таковыми и оформленного членства не имели. Так, «эсером-анархистом», человеком с «анархическим уклоном» называли очевидцы бывшего каторжника и одного из руководителей Кучеровского партизанского отряда Т. И. Мордвинова. Такие лица, как правило, действовали на периферии партизанского движения, часто являя собой деструктивную силу. К примеру, одна из групп североачинских повстанцев, отличавшаяся «уклоном в анархизм» и репрессиями по отношению к интеллигенции, откололась от отряда Щетинкина и ушла на Енисейский фронт. Возглавляемый анархистом С. Дерюжкиным партизанский отряд образовался в том же Шиткинском районе и в мае 1919 г. участвовал в боях за Тайшет. Возникший там же «летучий» отряд в составе анархистов и под командованием их товарища по партии Я. Ю. Пепула занимался грабежами населения и, проявив нестойкость в бою, отступил из села Попово. Еще один отряд из 20 «лесных братьев» во главе с анархистом А. Басурманиным образовался летом 1919 г.

Подобные группы анархистов за мародерство и оппозицию к товарищам вскоре стали ликвидироваться. Так, действовавшие в районе Тегульдета, то есть на стыке Енисейской и Томской губерний, и отметившиеся грабежами и насилием над населением, 15 партизан «анархистско-бандитского типа» были разогнаны другим партизанским отрядом, а двое вожаков – расстреляны⁵¹.

Присутствие членов и сторонников различных политических партий не всегда выливалось в острую идейно-политическую борьбу среди партизан и крестьянства. Так, в Шиткинском районе, несмотря на орга-

низацию в охваченных восстанием селениях советских органов и выдвижение большевиками, ориентировавшимися на бедноту и середняков, лозунга «вся власть советам», в партизанской среде распространенным являлся и лозунг опиравшихся на зажиточное крестьянство и интеллигенцию социалистов-революционеров – «К Учредительному собранию без буржуев и кадетов». Накануне созыва в Шиткино «гражданской конференции», намеченной на 13 мая 1919 г., политотдел широко пропагандировал среди крестьян эсеровский и большевистский лозунги. Первый из них набирал даже больше сторонников. Но, если социалисты-революционеры опирались на тыловое деревенское население, то большевики – на представительство партизанских отрядов, которое решительно заявило, что будет бороться только за власть советов. В результате большая часть делегатов стала на позиции большевиков. Из 36 участников конференции 25 проголосовали за резолюцию, в которой говорилось: «Двухгодичный опыт русской революции учит, что в борьбе трудящихся против буржуазии наилучшей государственной властью является власть самих трудящихся, организованная в советы. Всякая другая власть, под каким бы лозунгом она не выступала, в конечном счете является организацией буржуазии против трудящихся». На конференции был избран совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, а для содержания отрядов, военных и гражданских учреждений введен натуральный налог, носивший «классовый» характер.

Однако деятельность оперировавших в тылу продовольственных отрядов, насильственная мобилизация вызывали недовольство населения и, наряду с боевыми потерями, ослабили ряды партизан. Поэтому, когда 25 мая 1919 г. части чешских войск, используя боевые газы, двинулись в наступление, партизанам пришлось оставить ряд сел и расходиться. Во время отступления в тайгу шиткинские партизаны ликвидировали ВРШ фронта и совет. Лишь в июле скрывавшиеся партизаны образовали два отряда и избрали начальником штаба бывшего ссыльного и большевика М. П. Богдановича (Волгина). 12 июля 1919 г. состоялся съезд представителей отрядов фронта, на котором они просили командование забыть распри, бытовавшие среди партизан. В Приангарье находились в качестве заслона отряды Я. Ю. Пепула и Ф. А. Антонова. Они грабили население, распределяли имущество между собой и предлагали своих командиров в качестве вождей партизанского движения. К ним был командирован Н. А. Бурлов, сумевший освободить бойцов из-под влияния данных лиц и встать во главе партизан Приангарья.

Отстояв свою независимость от Северо-Канского фронта, шиткинские партизаны были вынуждены еще раз разбираться с деятельностью эсеров и анархистов в своих рядах уже в декабре 1919 г. «Заговорщики», заключенные тюрьмы ВРШ, якобы поставили задачу компрометировать советскую власть перед трудящимися. С этой целью группа, руководимая

Громовым и Шканиным, объявила голодовку и разослала письма к партизанам и местному населению с призывом ликвидировать штаб и освободить их, борцов за «народное дело». Рассмотрев дело, полевой суд приговорил данных лиц к расстрелу. Состоявшийся следом VI съезд представителей Шиткинского фронта постановил не отступать от лозунгов, выдвинутых РКП(б), и избрал Военно-революционный совет в составе М. П. Богдановича (Волгина), П. Л. Бельницкого, В. И. Швайнцецкого, И. Е. Швырева и П. Д. Кривоуцкокого, преимущественно большевиков. Председателем совета и командующим были оставлены Богданович и Машуков⁵².

Как свидетельствовал очевидец, влияние эсеров чувствовалось и в Тасеевском районе, однако серьезного воздействия на партизан они не имели⁵³. Во главе движения стояли большевики или лица с большевистскими настроениями.. Попытки правых социалистов-революционеров возглавить восстание натолкнулись здесь на быструю и жесткую реакцию со стороны их политических оппонентов. По доносу шестеро «заговорщиков» подверглись аресту, четверых из них расстреляли. В целом же с декабря 1918 и до середины февраля 1919 г. большевиками были ликвидированы четыре «заговора»⁵⁴.

В недрах самого движения, несмотря на всю революционность и даже героизм, проявленные партизанами, «скрывались элементы разложения и стихийности, которые, – как писал современник, – могли захлестнуть и опрокинуть всю партизанскую армию...»⁵⁵. Не давая развиваться этому процессу, решительно расправились на Северо-Канском фронте с 10 повстанцами из Шеломковского отряда во главе с Пронюшкиным, Орловым и Кузьменко, которые, отказавшись подчиняться Главному штабу, выдвинули лозунг: «Воюй и живи в свое удовольствие». Переодевшись в форму белых, они разъезжали по деревням, изымали налоги деньгами и самогоном, а доставленные под караулом в Тасеево, сначала воспротивились аресту своих вожakov. Когда же в неразберихе один из них погиб, прочие, напившись, высказались за убийство Яковенко, но были арестованы, судимы, и трое из шестерых обвиняемых расстреляны. Тасеевцы были вынуждены налаживать дисциплину, менять комсостав и в отряде апанских партизан, которые не только пьянствовали, но и, заняв деревню, не выставили охрану и при внезапном появлении белых понесли неоправданно большие потери. Апанцам было объявлено, что за неподчинение распоряжениям штаба к ним будут относиться как к белым. Командированным товарищам было приказано лиц, возбуждавших неповиновение, направлять в Тасеево в распоряжение штаба⁵⁶.

В партизанском лагере имелись не только лица, политически не оформившиеся, но и паникёры, грабители, пьяницы. Группы оппозиционеров, агитировавших за «демократизацию» управления партизанскими частями, возникали и среди большевистского руководства. Отразившаяся лишь в немногих источниках и представленная предшественником в ка-

честве «критики» действий власти⁵⁷, борьба за лидерство в партизанских верхах так и осталась нерассмотренной историками, хотя и занимала, в силу немногочисленности партийцев, заметное место в отношениях между партизанами.

Оппозиция в партизанских верхах Северо-Канского фронта впервые проявила себя на совещании комсостава 29 апреля 1919 г. Однако её выступления не были поддержаны большинством командиров, которые одобрили действия штаба. Вторично оппозиционные настроения среди партизан возникли при отступлении из Тасеево на р. Ону. В панике некоторые из них стали высказываться о необходимости разделиться на отдельные мелкие отряды. Ликвидаторские настроения были пресечены приказом командования, согласно которому лица, распространявшие провокационные суждения без указания их авторства, подлежали расстрелу. Одновременно штаб разрешил конфликт между главкомом Ф. А. Астафьевым и отдельными командирами, возникший из-за потери спорных приказов. Главкомом стал Н. М. Буда.

Новая группа лиц, критически относившихся к деятельности штаба, появилась накануне I армейского съезда, состоявшегося 8–10 августа 1919 г. в селе Шекотурово. Объезжая фронт, они указывали партизанам на использование командованием жестких мер наказания и агитировали их за введение в систему управления элементов большей демократии. Съезд все же избрал армейский совет под председательством В. Г. Яковенко, но в его состав представителями от самостоятельных фронтов вошли и некоторые оппозиционеры – Ф. Я. Бабкин, Е. К. Рудаков и др. Партизанские части были реформированы: вместо укомплектованных по территориальному принципу Тополовского, Шеломковского, Денисовского, Убисинского, Асанского и Апанского отрядов с выборным командным составом были созданы три пехотных и три кавалерийских полка, что способствовало укреплению дисциплины и повышению боеспособности бойцов. На II армейском съезде, проходившем 15–24 ноября 1919 г. в деревне Бакчет, Яковенко, обвиняемый своими противниками в незаконных расстрелах анархистствующих повстанцев, а также масштабных отстрелах домашней живности крестьян на дохи, при избрании в совет получил гораздо меньше голосов. Но за него проголосовали 27 партизанских командиров, что и обеспечило ему вновь место в этом органе⁵⁸.

Несколько по-иному складывались отношения между представителями различных политических партий в армии Кравченко и Щетинкина. Находясь в боях, они не имели возможностей для проявления разногласий и чаще всего подчинялись настроениям партизанских масс. Как правило, партизаны объясняли крестьянам, что они восстали против Колчака для создания «власти трудового крестьянства, которое составляет большую часть населения». Крестьянский характер движения подчеркивался даже тем, что армия называлась «Крестьянской», а Объединенный совет – советом прежде всего крестьянских депутатов³⁹.

Партизанская армия здесь также состояла из полков, созданных по территориальному принципу. Судя по воспоминаниям бывших партизан, среди них существовали Баджейская (Кравченко), Перовская (Александров, Петров) и Большеулуйская (Щетинкин, Уланов) группы выходцев из Заманья, южной части Канского и северных волостей Ачинского уезда, которые различались «идеологическими уклонами». Баджейская и Большеулуйская группы были настроены действовать сугубо в русле большевистских установок. Но если первая выступала за гибкую тактику по отношению к крестьянству, то вторая – считала необходимым применение террора ко всему цензовому населению. Перовской же группе были свойственны левозеровские убеждения с отстаиванием идеи общекрестьянских советов.

Наконец, существовали отдельные и длительное время независимые от общего руководства отряды, вроде Жестикова в Тальской и Ирбейской волостях, действия которых определялись болезненным честолюбием вожakov. С командованием «Стальной дивизии», состоявшей из 300 агинских партизан, Главный штаб только обменивался информацией⁶⁰.

Партизан связывала общая ненависть к противнику. В то же время, раздраженные проявлением «первенства и келейности» со стороны штабистов Степного Баджея перовцы, как утверждал П. П. Петров, сохраняли антагонистические отношения с баджейскими повстанцами вплоть до конца движения⁶¹.

Среди повстанческих вожakov находились такие лица, как бывший прапорщик и командир Манского полка К. П. Пуляев (Лидин), кандидатуру которого партизаны предлагали в командующие, или фельдфебель-фронтвик и командир Канского полка М. В. Александров, авторитет которого среди восставших крестьян вначале был самым высоким. Но в конце января 1919 г., когда совещание представителей партизанских отрядов утвердило состав армейского совета и соответствующих органов формирующихся полков, главкомом Крестьянской армии был избран А. Д. Кравченко. Этот выбор обострил отношения между Кравченко и вожакami канских повстанцев. Но со смертью одного из них и военной неудачей, постигшей другого, серьёзных соперников у Кравченко на посту главкома не осталось.

Между тем на состоявшемся после оставления партизанами Заманья Чрезвычайном армейском съезде ему пришлось выслушать упреки в безынициативности и нежелании участвовать в боевых действиях. По итогам голосования членов армейского совета, Главного штаба и представителей частей Кравченко даже снимали с должности командующего⁶².

После отступления из Степного Баджея партизанские части пришли в Урянхай в состоянии «полураспада». Командный состав практически потерял доверие рядовых бойцов. Полки держались лишь общностью интересов. Посланные в разведку партизаны Манского полка, нацепив

знаки другой части, занялись мародерством и пьяные изнасиловали женщину, что вызвало возмущение крестьян и сослуживцев, приговоривших виновных к расстрелу⁶³.

Среди партизан распространялись слухи о том, что члены делегации, занятые переговорами с монголами, якобы сбежали, прихватив ценности. Громче стали критические высказывания относительно действий командования, особенно во время недавнего Саянского похода, когда не своей смертью закончил жизнь командир Манского полка Ф. Г. Боган, а части, находившиеся под командованием П. Е. Щетинкина, оказались временно отрезанными от основных сил армии. Ситуация все более обретала признаки бунта: две-три роты Североачинского полка, собравшись на митинг, требовали немедленной расправы над обвиненными в антисоветской деятельности представителями известной в Урянхае семьи Сафьяновых. Но армейский совет заявил, что не будет решать судьбу этих лиц без судебного разбирательства. На стороне совета выступили партизаны Канского и Манского полков, заявившие, что «пойдут» против своих товарищей. В конечном итоге армейский суд с участием сторон оправдал Сафьяновых. Но подозрения в предательстве, исходившие от партизанских частей, оформившихся из крестьян определенных местностей, а также разногласия относительно их дальнейшего следования тогда чуть не привели к расколу армии по полковому принципу⁶⁴.

Партизаны заняли Минусинск и енисейское правобережье, что диктовалась необходимостью пополнить ряды. При этом большинство партизан, по их собственному признанию, не знало целей своей борьбы с противником⁶⁵. Начавшаяся в связи с этим идейно-политическая борьба проходила не столько между представителями ПСР и РКП(б), как часто считается, сколько между партизанскими руководителями и минусинскими большевиками. Причем, имевшиеся среди партизанского командования большевики и немногочисленные социал-демократы (меньшевики), например, член президиума армейского совета А. К. Грюнберг (Загайный), соблюдали нейтралитет или оказали поддержку своим товарищам по оружию.

Инициаторами конфликта были местные большевики, встретившие партизан в Минусинске митингом, организация которого вызвала недовольство общественности. Некоторые из них (Я. П. Шибильский, Я. И. Гладик и др.) тут же развернули агитационную работу среди партизан. Члены большевистского комитета (В. Г. Солдатов, А. К. Добрых), стремясь легализовать свою организацию, пытались склонить на свою сторону отдельных командиров⁶⁶. Отвечая на такую встречу и утверждая лозунг «вся власть крестьянам и рабочим в лице их советов», Главный штаб в своем обращении к населению Минусинского уезда был вынужден заявить: «Мы крестьяне Канского, Красноярского, Ачинского уездов не принадлежим ни к одной из партий. Мы не большевики – как нас окрестили буржуазные газеты... Наша борьба не партийная, мы не большевики и

не эсеры, хотя в наших рядах находятся и те, и другие, но наша борьба чисто классовая, то есть труда и капитала».

В то же время представители левозсеровского течения, возглавив редакцию газеты «Соха и молот», стали успешно отстаивать лозунги борьбы за «равенство, братство и свободу всех людей», за власть трудового крестьянства, выступать против какой бы то ни было диктатуры, за внепартийные советы и своеобразно агитировать за беспартийность своего движения. В статье А. Низовцева (Вредного) «Кто мы?» было заявлено: «Отрицаем диктатуру пролетариата, вся власть трудовому народу в лице Советов, отрещиваемся от всякой партийности... Советы не выражают диктатуру пролетариата, а выразители воли всего трудового народа». Вероятно, этот же автор, анализируя уроки прошлого, в чисто эсеровском духе счёл, что ближайшей задачей партизан являлось «свержение палочной диктатуры. Что будет после этого, какую форму правления примет народ – дело народа»⁶⁷.

С приходом партизан в Минусинске наметились группы лиц из членов Объединенного совета во главе с Солдатовым, Главного штаба и армейского совета с Кравченко, Сургуладзе, Улановым и Щетинкиным, Военно-следственной комиссии с Хруцким, а также командиров полков, которые периодически конфликтовали между собой, укоряя друг друга в самовольстве. К примеру, звучали обвинения председателя армейского совета в адрес бойцов одного из полков, якобы ограбивших кассу совета. Возмущение главкома и членов Главного штаба вызвало поведение командования Тальского полка, требовавшего после неудачного поиска и длительного нахождения на позициях отвода своей части в тыл и при этом угрожавшего её роспуском. Наконец, оправдывая реквизиции имущества населения своими бойцами, как вынужденные, Щетинкин выступал против организации этого мероприятия в рамках всей партизанской армии⁶⁸.

Состоявшийся в ноябре 1919 г. VI армейский съезд по докладу П. П. Петрова принял специальную «Декларацию». В ней отвергалась диктатура пролетариата, содержались требования свободы слова и печати для каждого человека, свободы собраний, союзов и других коллективных организаций, право избирать в советы по четырехчленной формуле (всеобщие, равные, прямые и тайные выборы), а также призыв к созданию единого социалистического фронта борьбы с колчаковщиной. Это шло вразрез с установками коммунистической партии. С другой стороны, в «Декларации» заявлялось, что партизанская армия борется за восстановление советов. Более того, агитационно-редакционная секция дополнила её большевистской концовкой: «Никакой другой власти, кроме власти Российской Социалистической Федеративной Советской республики, Крестьянская армия не признает и на всякую другую власть будет смотреть как на узурпатора народных прав и будет бороться с ней силой оружия».

Данным документом объявлялись равенство всех наций, равноправие женщин, отделение церкви от государства, соблюдение восьмичасового рабочего дня, рабочего контроля над производством, введение подоходно-прогрессивного налога и социализации земли. «Декларация» не призывала к восстановлению Учредительного собрания и лишь настаивала на политической независимости партизанского движения. Её содержание свидетельствовало о крестьянском и просоветском характере этой борьбы.

С целью разъяснения сути партизанского движения в массах при армейском совете был создан агитационный отдел, а по заявлению одного из партизан в последний день съезда Крестьянскую армию переименовали в Крестьянско-рабочую. Делегаты, заслушав протест Военно-следственной комиссии против самовольного освобождения арестованных командованием и Главным штабом, приняли резолюцию о «невмешательстве» Кравченко и Щетинкина в работу этой организации и суда.

Хотя Кравченко и Петров, не желая раскола съезда, проголосовали за признание власти РСФСР, он закончился бурными прениями и обвинениями партизанского руководства в «военной диктатуре», якобы не позволившей обсудить «Декларацию» на уровне Главного штаба, армейского совета и гражданских органов власти. После съезда отдельные большевики заявили о своих принципиальных разногласиях с «Декларацией». Но на совместном заседании Объединенного и городского советов, собравшегося продолжить её обсуждение, председатель армейского совета большевик Сургуладзе заявил, что заниматься этим уже поздно, а документ следует зачитать. Присутствовавший главком Кравченко был вынужден предупредить большевистскую оппозицию: «У нас свобода слова, но если вы нашу программу будете называть эсеровской, то [мы объявим] комендантский час, ... а агитаторов будем расстреливать». 4 декабря 1919 г. в Минусинске и уезде было введено осадное положение, которое запрещало без ведома Главного штаба и армейского совета проводить собрания, митинги и одновременно разрешало осуществлять аресты лиц, ведущих агитацию против партизанской армии и её вождей. «Декларация» так и не была отменена вплоть до конца партизанской борьбы в этом районе⁶⁹.

Одновременно Кравченко, ознакомившись с «заявлением группы офицеров», которые предлагали объединить силы против белых и красных и выступить за признание власти Учредительного собрания, отказался от сотрудничества с эсеро-земской оппозицией Колчаку⁷⁰.

Следует сказать, что обвинения большевиками Кравченко в стремлении к вождизму не были беспочвенными. Оправдывая своё поведение военной обстановкой, главком часто не считался с мнением членов Главного штаба и армейского совета. На IX Минусинском уездном крестьянском съезде (декабрь 1919 г.) разгорелся новый конфликт. Делега-

ты предложили, для пополнения бюджета советских органов, продать населению спиртное, произведённое местными заводами. Главком в ответ на это заявил, что хозяин здесь тот, кто располагает воинской силой, и, угрожая взрывом производств, отказался делиться спиртным. Это вызвало у делегатов «бурю негодования»⁷¹. Съезд признал необходимость очищения партизанской армии от «нежелательного элемента, который вошел туда ... лишь из-за личных выгод и своими действиями кладет черное пятно на чистую идею Крестьянской армии»⁷².

С приходом партизанских частей под Красноярск их командование проявляло недовольство распространением среди бойцов большевизма и объединением с Красной армией. Вернувшись в Минусинск, некоторые члены комсостава организовали очередной партизанский съезд, где призывали к вооруженной борьбе с Красной армией. Состоявшийся же в январе 1920 г. в Красноярске VII армейский съезд в очередной раз указал главкому на его неправильное и «диктаторское» отношение к партизанским выдвиженцам⁷³.

Боязнь очередной «махновщины» заставила большевиков расформировать созданную из партизан дивизию и отслеживать силами чекистов их поведение. С 22 февраля по 18 марта 1920 г. в Ачинске и Назарово комиссиями особого отдела ВЧК при 5-й армии при проверке были выявлены 10 «темных» личностей, в том числе 2 бывших офицера и 4 солдата⁷⁴. Объясняя свое отношение к партизанам, Енисейское губернское бюро ЦК РКП(б) 27 апреля 1920 г. заявило о том, что существование их отрядов, в которых было много «кулацких элементов, шкурников и уголовников», являлось «кратковременным, они не представляли классовой силы, которая была бы нашим и естественным союзником...»⁷⁵.

Таким образом, партизанское движение на Енисее было сложным социально-политическим явлением, типичным для Гражданской войны в условиях Сибири. Как и повсюду, при слабости политического влияния извне оно имело общекрестьянский, очаговый характер и чаще всего было направлено на восстановление всесословных и демократических советов. Вследствие незначительного количества среди партизан рабочих и представителей политических партий, мотивы их поведения их характеризовались обилием местных поводов, групповой борьбой за собственные интересы и нередко криминальной окраской. Зачастую партизанское движение являло собой борьбу крестьян за самостоятельное решение собственной судьбы. Подчиняя себе верхи, заметными в повстанческой среде были настроения «стихийного большевизма» или стихийного и бессознательного протеста против любых форм неравенства, который с его разрушительностью оказался близким крестьянству на ментальном уровне.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Тумаркин Д.* Контрреволюция в Сибири // *Сибирские огни*. 1922. №1. С. 94; *Колосов Е. Е.* Сибирь при Колчаке. Воспоминания. Материалы. Документы. Пг., 1923. С. 26, 34, 54–55; *Гинс Г. К.* Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории. 1918–1920 гг. (Впечатления члена Омского правительства). М., 2008. С. 485.

² Партизанское движение в Сибири. Т. 1. Приенисейский край. М.; Л., 1925. С. 115, 278–279; *Эльцин В.* Крестьянское движение в Сибири в период Колчака // *Пролетарская революция*. 1926. №2(49). С. 5, 6, 9, 27–28, 30, 32–35, 38; Рагозин. Партизаны Степного Баджея. М., 1926. С. 6, 8; *Яковенко В. Г.* Записки партизана. Красноярск, 1988. С. 41–41, 45–48, 52, 58, 64–65, 75–76, 106–109, 142, 152.

³ См., например: *Обухов Н. К.* Восстание минусинских крестьян в 1918 г. (Борьба за Советскую власть) // *Сибирские огни*. 1929. Кн. VI. С. 140–151; *Сухотин С.* Канские партизаны // Там же. С. 118; *Перевалов М.* Таежные партизаны. М., 1933. С. 60; *Замураев Я. С.* Енисейские партизаны. Воспоминания участника партизанской армии П. Е. Щетинкина и А. Д. Кравченко. Новосибирск, 1970. С. 50.

⁴ *Стишов М. И.* Большевистское подполье и партизанское движение в Сибири в годы гражданской войны (1918–1920 гг.). М., 1962; *Кадейкин В. А.* Сибирь непокоренная: большевистское подполье и рабочее движение в сибирском тылу контрреволюции в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны. Кемерово, 1968; *Жуоров Ю. В.* Енисейское крестьянство в годы гражданской войны. Красноярск, 1972.

Более подробно об освещении партизанского движения в Сибири в историографии тех лет см.: *Плотникова М. Е.* Советская историография гражданской войны в Сибири (1918 – первая половина 1930-х гг.). Томск, 1974. С. 218–245; *Историография крестьянства советской Сибири*. Новосибирск, 1976. С. 31–108; *Шишкин В. И.* Современная советская историография иностранной интервенции и гражданской войны в Сибири: дискуссионные проблемы // Из истории интервенции и гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке. 1917–1922 гг. Новосибирск, 1985. С. 20–41; его же. Большевики и партизанское движение в Сибири в освещении советской литературы 1920 – начала 1930-х годов // Большевики Сибири в борьбе за победу Великой Октябрьской социалистической революции. Новосибирск, 1987. С. 57–77; его же. Дискуссионные проблемы истории партизанского движения в Сибири в советской историографии 1920-х – начала 1930-х годов // Социальная активность трудящихся советской сибирской деревни: Сб. науч. трудов. Новосибирск, 1988. С. 6–29.

⁶ Крестьянство Сибири в период строительства социализма (1917–1937 гг.). Новосибирск, 1983. С. 51–60.

⁷ *Никитин А. Н.* Газета «Соха и молот» как источник по истории общественно-политической жизни Сибири периода Октября и гражданской войны. Томск, 1982. С. 160–161; *Шишкин В. И.* Большевики и партизанское движение в Сибири в освещении советской литературы 1920-х – начала 1930-х годов. С. 73–74.

Переира Норман Г. О. Сибирь: политика и общество в гражданской войне. М., 1996. С. 136; *Мышанский А. А.* Отношение населения Сибири к «белому» режиму в период колчаковщины // *Гражданская война на востоке России. Проблемы истории*. Новосибирск, 2001. С. 129.

Штырбул А. А. Анархистское движение в Сибири в 1-й четверти XX века. Антигосударственный бунт и негосударственная самоорганизация трудящихся: теория и практика. Ч. 2 (1918–1925). Омск, 1996. С. 32; его же. Партийно-политическое влияние в повстанческих органах власти Сибири периода борьбы с режимом А. В. Колчака (ноябрь 1918 – январь 1920 годов) // *Проблемы истории местного управления Сибири конца XVI – XX веков: Мат-лы третьей регион. науч. конф.* 19–20 ноября 1998 г. Новосибирск, 1998. С. 245–247, 249; его же.

Левые эсеры в партизанско-повстанческом движении Сибири периода колчаковщины (ноябрь 1918 – январь 1920 гг.) // Гражданская война в России: Мат-лы Всеросс. заоч. науч. конф. СПб., 1998. С. 97.

¹⁰ Балмасов С. С. Функционирование органов власти антибольшевицких правительств Сибири 1918–1920 гг. // Белая гвардия. 2001. №5. С. 8.

¹¹ Ларьков Н. С., Шишкин В. И. Партизанское движение в Сибири во время гражданской войны // Власть и общество в Сибири в XX веке: Сб. науч. ст. Вып. 4. Новосибирск, 2013. С. 76–114.

¹² Журов Ю. В. Енисейское крестьянство в годы гражданской войны. С. 33; Партизанское движение в Сибири. Т. I. С. 6.

¹³ Свободная Сибирь. 1918. 5 декабря; 1919. 4, 29 января; Партизанское движение в Сибири. Т. I. С. 37, 109.

¹⁴ Земельный вопрос в Сибири. М., 1919. С. 4–5.

¹⁵ Партизанское движение в Сибири. Т. I. С. 42.

¹⁶ Свободная Сибирь. 1919. 16 января; Яковенко В. Г. Записки партизана... С. 36, 40–41;

Петров П. Партизанское движение в Сибири // Три года борьбы за диктатуру пролетариата (1917–1920). Омск, 1920. С. 119; его же. Перовские красные партизаны (начало движения) // Сибирские огни. 1935. Кн. 1. С. 132; Дубина И. Д. Партизанское движение в Восточной Сибири. 1918–1920. Иркутск, 1967. С. 27; Иванов Г. Тасеевская республика. 1918–1920 гг. Красноярск, 1969. С. 22, 33, 37, 39.

¹⁷ Селезнёв Е. С., Селезнёва Т. А. Дело № 0969 (Кривоулицкий П. Д. Шиткинские партизаны. М.: Иркутск, 1934) [Электронный ресурс]. URL: <http://taishet.ru/История/sel3.html>.

¹⁸ Государственный архив Новосибирской области (ГАОНО). Ф. 5а. Оп. 1. Д. 70. Лл. 6–7, 9.

¹⁹ Будберг А. Дневник белогвардейца. Воспоминания. Мемуары. Минск; М., 2001. С. 63; Колосов Е. Е. Сибирь при Колчаке. С. 134–135; Эльцин В. Крестьянское движение в Сибири... С. 23.

²⁰ Партизанское движение в Сибири. Т. I. С. 28; Минусинский край. 1919. 29 июня.

²¹ Эльцин В. Крестьянское движение в Сибири... С. 27, 30, 33; Журов Ю. В. Енисейское крестьянство... С. 180, 188; ГАОНО. Ф. 5а. Оп. 1. Д. 80. Лл. 58, 65; Д. 200. Л. 22.

²² Новиков П. А. Гражданская война в Восточной Сибири. М., 2005. С. 207.

²³ См.: Великий незнакомец. Крестьяне и фермеры в современном мире: Хрестоматия: Пер. с англ. / Сост. Т. Шанин; под ред. А. В. Гордона. М., 1992. С. 299, 301.

²⁴ Козьмин Н. Н. Земельный вопрос в Енисейской губернии. Красноярск, 1917. С. 15.

²⁵ Жизнь Сибири. 1924. №7–9 (23–25). С. 167; Эльцин В. Крестьянское движение... С. 5, 10.

²⁶ Абов А. Партизанское движение в Сибири. Новосибирск, 1932. С. 19.

²⁷ Партизанское движение в Сибири. Т. I. С. 278–279; Журов Ю. В. Енисейское крестьянство... С. 112.

²⁸ Селезнёв Е. С., Селезнёва Т. А. Дело № 0969...

²⁹ Журов Ю. В. Енисейское крестьянство... С. 102.

³⁰ Партизанское движение в Сибири. Т. I. С. 46–47; Эльцин В. Крестьянское движение в Сибири... С. 29.

³¹ Дубина И. Д. Партизанское движение... С. 138.

³² Партизанское движение в Сибири. Т. I. С. 41; Эльцин В. Пятая армия и сибирские партизаны // Борьба за Урал и Сибирь. М.-Л., 1926. С. 265; Журов Ю. В. Енисейское крестьянство... С. 180; Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 64. Оп. 2. Д. 35. Л. 1; Ф. 42. Оп. 6. Д. 427. Л. 38.

³³ Эльцин В. Крестьянское движение... С. 30, 34–35; Яковенко В. Г. Записки партизана... С. 40–41, 142; Журов Ю. В. Енисейское крестьянство... С. 182–183, 185.

³⁴ Дубина И. Д. Партизанское движение... С. 138; Журов Ю. В. Енисейское крестьянство... С. 131.

- ³⁵ Годы огневые: сб. воспоминаний. Красноярск, 1962. С. 271; *Шекшеев А. П.* Саянский поход енисейских красных партизан // Халгин-Гол 1939 г. в мировой истории и международных отношениях: история, историография, концепции: мат-лы междунар. науч. конф., 23 мая 2014 г. Иркутск, 2014. С. 212.
- ³⁶ *Эльцин В.* Крестьянское движение... С. 35.
- ³⁷ Свободная Сибирь. 1919. 13 февраля.
- ³⁸ *Перевалов М.* Таежные партизаны. С. 38, 58; ГАКК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 709. Лл. 15, 19.
- ³⁹ *Журов Ю. В.* Енисейское крестьянство... С. 180.
- ⁴⁰ Партизанское движение в Сибири. Т. 1. С. 90; *Зарубин.* Сибирские партизаны в 1919–1920 гг. В отряде тов. Кравченко // Пролетарская революция. 1925. №3(38). С. 245, 248; *Рагозин.* Партизаны Степного Баджея. С. 53; *Попов Г. Н.* Партизаны Заманья. Красноярск, 1974. С. 75, 77; ГАНУ. Ф. 5а. Оп. 1. Д. 102. Лл. 13–15; ГАКК. Ф. 64. Оп. 11. Д. 717. Л. 4.
- ⁴¹ Соха и молот. 1919. 12 декабря.
- ⁴² *Журов Ю. В.* Енисейское крестьянство... С. 186.
- ⁴³ *Рагозин.* Партизаны Степного Баджея. С. 199; *Дубина И. Д.* Партизанское движение... С. 138; *Шекшеев А. П.* Крестьянское повстанчество на Енисее. 1918–1932 гг. // Вопросы истории. 2006. №2. С. 105–107; *Ларьков Н. С.* Партизанское движение // Историческая энциклопедия Сибири. К-Р. Новосибирск, 2009. С. 580; *Ларьков Н. С., Шишкин В. И.* Партизанское движение в Сибири... С. 85, 93; *Селезнёв Е. С., Селезнёва Т. А.* Дело №0969...
- ⁴⁴ *Селезнёв Е. С., Селезнёва Т. А.* Дело №0969; *Дубина И. Д.* Партизанское движение... С. 18, 21.
- ⁴⁵ *Журов Ю. В.* Енисейское крестьянство... С. 197; *Попов Г. Н.* Партизаны Заманья. С. 64–66; ГАНУ. Ф. 5а. Оп. 6. Д. 270а. Лл. 92, 133–134, 142; Фонды Минусинского регионального краеведческого музея им. Н.М. Мартянова (ФМРКМ). Оп. 4. Д. 177. Л. 87.
- ⁴⁶ *Селезнёв Е. С., Селезнёва Т. А.* Дело № 0969...
- ⁴⁷ *Журов Ю. В.* Енисейское крестьянство... С. 199; *Яковенко В. Г.* Записки партизана... С. 103–104.
- ⁴⁸ *Журов Ю. В.* Енисейское крестьянство... С. 136.
- ⁴⁹ Партизанское движение в Сибири. Т. 1. С. 115; *Яковенко В. Г.* Записки партизана... С. 45, 104, 152; *Журов Ю. В.* Енисейское крестьянство... С. 201; *Штырбул А. А.* Левые эсеры в партизанско-повстанческом движении Сибири... С. 96; ГАКК. Ф. 42. Оп. 10. Д. 101. Лл. 6–7.
- ⁵⁰ Об уголовной деятельности партизан см.: *Шекшеев А. П.* Деревня против города (отношение енисейских крестьян к горожанам в период гражданской войны) // Вестник Красноярского государственного университета. 2004. Гуманитарные науки. С. 106–110; его же. Антиобщественная и уголовная стихия в крестьянском повстанчестве на Енисее периода колчаковщины // Партизанская и повстанческая борьба: опыт и уроки XX столетия / Доклады Академии военных наук. Военная история. № 3(38). Саратов, 2009. С. 131–140.
- ⁵¹ *Яковенко В. Г.* Записки партизана... С. 76; *Рагозин.* Партизаны Степного Баджея... С. 182; *Иванов Г.* Тасеевская республика... С. 39; *Штырбул А. А.* Анархистское движение в Сибири... Ч. 1. С. 176; Ч. 2. С. 30, 37, 40, 52; ГАКК. Ф. 42. Оп. 10. Д. 101. Л. 4.
- ⁵² *Журов Ю. В.* Енисейское крестьянство... С. 201, 203; *Селезнёв Е. С., Селезнёва Т. А.* Дело №0969...; *Ларьков Н. С., Шишкин В. И.* Партизанское движение в Сибири... С. 104, 230–231.
- ⁵³ *Иванов Г.* Тасеевская республика... С. 65.
- ⁵⁴ *Яковенко В. Г.* Записки партизана... С. 46.
- ⁵⁵ *Эльцин В.* Пятая армия и сибирские партизаны... С. 268.
- ⁵⁶ *Яковенко В. Г.* Записки партизана... С. 47–48, 107; ГАКК. Ф. 42. Оп. 10. Д. 101. Л. 6.
- ⁵⁷ *Журов Ю. В.* Енисейское крестьянство... С. 148.
- ⁵⁸ *Яковенко В. Г.* Записки партизана... С. 64–65, 106–110; ГАКК. Ф. 42. Оп. 10. Д. 101. Лл. 29, 35, 49.

- ⁵⁹ Рагозин. Партизаны Степного Баджея... С. 6, 195–196; Журов Ю. В. Енисейское крестьянство... С. 190.
- ⁶⁰ Рагозин. Партизаны Степного Баджея... С. 193–195; Попов Г. Н. Партизаны Заманья... С. 62; ГАКК. Ф. 64. Оп. 5. Д. 531. Л. 34.
- ⁶¹ ГАКК. Ф. 64. Оп. 5. Д. 531. Л. 11.
- ⁶² Петров П. Перовские красные партизаны... С. 142–143, 151; ГАКК. Ф. 64. Оп. 5. Д. 531. Лл. 20, 37, 45; Соха и молот. 1919. 7 октября.
- ⁶³ Рагозин. Партизаны Степного Баджея... С. 153; Годы огневые. С. 192; ГАНО. Ф. 5а. Оп. 1. Д. 297. Л. 30.
- ⁶⁴ Петров П. Партизаны в Урянхайском крае (Воспоминания участника) // Сибирские огни. 1927. №4. С. 170; ГАНО. Ф. 5а. Оп. 6. Д. 270а. Лл. 88, 92.
- ⁶⁵ Соха и молот. 1919. 26 ноября.
- ⁶⁶ ГАНО. Ф. 5а. Оп. 6. Д. 270а. Лл. 135, 142.
- ⁶⁷ Соха и молот. 1919. 18 октября, 1 ноября; Журов Ю. В. Енисейское крестьянство... С. 196.
- ⁶⁸ Соха и молот. 1919. 26, 28 октября.
- ⁶⁹ Там же. 1919. 30 ноября; Попов Г. Н. Партизаны Заманья... С. 183–184; Журов Ю. В. Енисейское крестьянство... С. 189–190, 192–194; Ларьков Н. С., Шишкин В. И. Партизанское движение в Сибири... С. 105–106; ГАКК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 618. Лл. 2, 4, 6, 9; ГАНО. Ф. 5а. Оп. 6. Д. 270а. Лл. 142–143, 146–147, 152–153, 265.
- ⁷⁰ Рагозин. Партизаны Степного Баджея... С. 182; ГАНО. Ф. 5а. Оп. 6. Д. 270а. Л. 149.
- ⁷¹ ГАНО. Ф. 5а. Оп. 6. Д. 270а. Л. 160.
- ⁷² ФМРКМ. Оп. 4. Д. 219. Л. 3.
- ⁷³ ГАКК. Ф. 64. Оп. 11. Д. 618. Л. 29; Д. 642. Л. 174; ФМРКМ. Оп. 4. Д. 177. Лл. 87, 89, 98, 104.
- ⁷⁴ ГАКК. Ф. 64. Оп. 11. Д. 642. Лл. 158–159.
- ⁷⁵ ГАНО. Ф. П.-1. Оп. 2. Д. 33. Л. 1.
-

ЛИКВИДАЦИЯ ПАРТИЗАНСКОЙ СТЕПНО-БАДЖЕЙСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ В МАЕ – ИЮНЕ 1919 Г.

*А. В. Мармышев, А. Г. Елисеенко
(Красноярск)*

Одной из особенностей гражданской войны на территории Сибири был феномен партизанских республик, обусловленный большой протяженностью территории, слабостью местной белой власти. Республики объединяли разнообразные элементы, оказавшиеся, по тем или иным причинам, в конфронтации с колчаковским режимом: это беглые красногвардейцы и советские деятели, криминальные элементы, дезертиры, крестьяне, решением общин поддержавшие антиправительственные выступления. Они оттянули на себя значительные силы колчаковской армии и оказались в числе причин поражения белого движения на востоке России. Одной из такой республик была Степно-Баджейская, расположена юго-восточнее Красноярска в горно-таежном Заманье (за рекой Маной).

Становление республики

Пришедшие к власти в ноябре 1917 года в Енисейской губернии большевики в отличие от своих оппонентов – эмиссаров Временного правительства, не гнушались использовать имеющееся оружие для подавления признаков недовольства установившимся режимом. Прибывшие в Красноярск томские революционные артиллеристы первым делом навели орудия на место сбора сторонников прежней власти¹.

Уже в декабре 17-го наспех сколоченные красногвардейские отряды из губернской столицы, а также городов Канска и Ачинска участвовали в иркутском погроме – подавлении юнкерского выступления, где понесли значительные потери убитыми и пленными. В январе-феврале 1918 года оружие, в том числе и тяжелое, применялось красными для

подавления мятежа енисейских казаков под командованием А. А. Сотникова².

В июне отряды красных на Мариинском (западном) и Клюквенском (восточном) фронтах общей численностью до четыре тысяч человек были разгромлены объединенными чешско-словацкими и русскими антибольшевистскими силами. Многие из красногвардейцев осели в таежных деревнях и селах, где практически сразу развернули большевистскую пропаганду против новой власти. Центрами сопротивления стали Тасеевский и Манский районы, Большемуртинская волость, Кежемская волость, а также восточные волости Ачинского уезда.

Но именно Заманье (по названию реки Мана, притока Енисея) оказалось центром сбора большевиков и их сторонников, бежавших как из Канска, так из Красноярска. Так, в июле 1918 года в деревне Покосная Кийской волости оказался бывший председатель Красноярского уездного совдепа П. Л. Лунeko. Он вошел в связь с большевиком Е. М. Дударевым. В деревне Островки в это время находился еще один большевик латышского происхождения О. Андерсон. Заключив союз, все вместе они начали собирать сторонников по населенным пунктам Манского региона. Несмотря на то, что в истории партизанского движения их следы остались едва заметными, эти подпольщики все же сыграли заметную роль на раннем этапе консолидации антиправительственных сил³.

В Ачинском уезде осенью 1918 года оформился тогда еще малочисленный отряд П. Е. Щетинкина. К концу января 1919 года отряд контролировал уже восемь волостей, к марту «армия» Щетинкина насчитывала более 1000 человек, под ее контроль перешло большое село Большой Улуй. Зашли повстанцы и в Мариинский уезд Томской губернии.

Отряды партизан (Александрова, Пуляева, Богана) на Мане начали формироваться еще с конца октября, их источником послужили остатки красногвардейских отрядов, каторжане и уголовные элементы, недовольные правительственной политикой крестьяне-новоселы. К ним примкнул отряд Сургуладзе численностью в 30 штыков⁴ (по другим данным, до 45 человек сушинских крестьян и балайских рабочих). В начале декабря небольшая группа матроса И. Г. Богана захватила баджейскую волостную управу. Это послужило спусковым крючком Манского выступления. 21 декабря у села Нарвы на ручье Барзаначке произошел первый бой. Повстанцы, к тому времени имевшие в своих рядах более 300 штыков, обратили в бегство милицейский отряд белых. В декабре основные силы были сведены в Канский и Манский отряды.

Партизанские органы власти с самого начала движения формировались на съездах. После занятия ряда деревень был избран волостной совет, в который вошли председатель Н. Толстой, командир отряда К. Г. Пуляев и начальник штаба И. Г. Боган⁵. Отряд М. В. Александрова был создан по решению сельского схода в Перовском, объявившего мобилизацию. В помощники командиру избрали бывшего унтер-офицера

Лысенко, начальником штаба – П. П. Петрова. 160 человек разделили на две роты (Потылицина и Банковского) и конную разведку (Пристрельского)⁶.

В январе 1919 года партизанские отряды объединились в армию численностью 2 тысячи штыков из добровольцев и мобилизованных⁷. После успеха под Тюлюпом 14 января Манский отряд был переформирован в одноименный полк. 19 января, взяв Солонечно-Талую, в полк начал переформировываться Канский отряд⁸. В феврале молодым полкам вручили знамена. Сохранилась история создания знамени Канского полка.

«Никто не стал возражать против того, чтобы Канскому полку, который к этому времени провел несколько удачных наступательных боев и приобрел боевую славу, первому вручили знамя. Договорившись о размерах и оформлении знамени, приступили к работе. Зинаида Викторовна Кравченко (жена А. Д. Кравченко) сшила знамя из красного полотна, а живописец А. Белолипецкий нарисовал рабочего с молотом на плече и крестьянина с винтовкой, стоящими друг против друга в дружеском рукопожатии. Это символизировало нерушимую дружбу рабочего класса и крестьянства. Между ними вписали большую цифру «1» (что означало «Первый»), сверху написали: «Канский полк», посередине – «Крестьянской армии», внизу цифры «1918». В торжественной обстановке вручили полку это боевое знамя»⁹.

Большим влиянием пользовались бывшие офицеры И. Боган, К. Г. Пуляев (Лидин), фронтовик и командир Канского полка М. В. Александров. Людей разбили на роты, по 80 человек в каждой.

В командармы прочили бывшего прапорщика Пуляева, организатора и командира Манского полка, победителя в первом бою у Барзаначки, в котором белые потеряли девять человек убитыми, 11 ранеными и два пулемета. Однако на момент выборов он лечился после ранения и не мог возглавить движение. Другой авторитетный лидер повстанцев – бывший фельдфебель М. В. Александров выступал за автономность партизанских отрядов, считал должность командарма номинальной и не претендовал на всеобщее лидерство. В этих условиях главкомом был избран А. Д. Кравченко¹⁰.

Создается Главный штаб крестьянской армии, сразу же приступивший к агитации. Тиражом несколько сотен экземпляров были выпущены обращения к крестьянам, фронтовикам и молодым солдатам.

«Мы, крестьяне, пережившие весь ужас произвола, наступившего в настоящее время, взяли за оружие для свержения господства капитала и его прислужника изверга Колчака, объявившего себя единоличным правителем Сибири. Мы обращаемся ко всем нашим братьям с просьбой организовываться и идти к нам на помощь всеми средствами; поднимайтесь все как один, берите в руки оружие и становитесь в ряды нашей сознательной Крестьянской армии»¹¹.

Силы партизан определялись: 450 человек в районе Нарва – Баджей, 350 в Верхнерыбинском. Первым партизанским отрядом (Манский полк и отдельные группы партизан) командовал Кравченко, отлично знающий местность, так как имел хутор в округе. Начальником штаба был бывший писарь Канского запасного батальона П. П. Петров. Вторым отрядом (Канский полк и отдельные группы партизан) руководил писарь из села Перовского одноименной волости Канского уезда, некогда философ и народник А. Т. Иванов.

В марте первый армейский съезд в деревне Умбеж объявил территорию между реками Енисей и Кан Степно-Баджейской партизанской республикой.

В это время белые развернули успешное наступление против партизан в Ачинском уезде. Почти трехтысячный отряд П. Е. Щетинкина таял, неся потери. Местное крестьянство, напуганное грабежами, убийствами и насильственными мобилизациями в ряды партизан, поддержало правительственные войска. Повстанцы через Ужур и Балахту, переправившись через Енисей, ушли в Степной Баджей. К партизанам Кравченко вышло около 700 человек.

После прорыва партизан Щетинкина в Степной Баджей там состоялся съезд партизан Канского, Красноярского и Ачинского уездов. Было принято решение об укреплении советской власти на занятой территории¹².

Умбежский и Степно-Баджейский съезды завершили процесс становления повстанческих органов власти. Высшим органом власти в Степно-Баджейской республике стал Совет крестьянских, партизанских и рабочих депутатов во главе с Петром Поликарповичем Петровым. При нем создан армейский Совет под председательством Сургуладзе. Началось реформирование партизанской армии.

Окончательно сформировались полки: 1-й Манский, 2-й Тальский, Канский и Северо-Ачинский полки, названные так по месту возникновения первых партизанских отрядов.

Тальский полк образовался из отступившего в феврале 1919 года в район Степного Баджея партизанского отряда К. А. Жестикова, действовавшего с октября 1918 года в Ирбейской и Тальской волостях губернии. После отхода отряд раскололся, – часть его была переформирована в Тальский полк, во главе с помощником Жестикова по отряду Ф. С. Грибушиным. Оставшиеся составили Тальский партизанский отряд Жестикова, который вернулся назад в свою волость. С отрядом ушел и Грибушин, отказавшийся от должности комполка¹³. Полк возглавил С. Г. Семишев, уроженец Канского уезда губернии, служивший в Русской императорской и белой армиях, бывший комбат и помощник командира Канского полка.

Северо-Ачинский полк сформировали из партизан бывшей «армии» П. Е. Щетинкина, прорвавшихся в Заманье с запада Енисейской губернии.

Несколько позже, в мае, в селе Агинское возник пятый – Агинский – полк Крестьянской армии. Его создал М. Т. Савицкий, бывший матрос Балтийского флота, ветеран боев с финнами и участник перехода флота Гельсингфорс – Кронштадт. Савицкий участвовал в экспедиции Вилькицкого, потерпел крушение на «Вайгаче» и, в числе спасенных, оказался в Красноярске, откуда перебрался в Агинское, где и сформировал партизанский отряд. К маю в полку насчитывалось 450 – 500 бойцов.

В каждом полку было 5–6 рот или эскадронов. Личный состав полка – до 600 бойцов. Вооружены были полки преимущественно за счет трофеев и оружия, что унесли бывшие солдаты-фронтовики при распаде императорской армии в 1917 году. Это трехлинейки, японские и французские винтовки, охотничьи ружья. Пулеметы «максим», «шоша», «льютис» появились позже, после первых успехов¹⁴.

Белые офицеры отмечали высокую дисциплину огня у партизан, хорошо налаженную разведку и сторожевую службу. Они легко маневрировали в тайге, предпочитая совершать фланговые обходы противника. Опытные фронтовики-пулеметчики, подобно Афанасию Карякину, действуя вдоль цепи, могли практически в одиночку отбивать атаки необстрелянных еще в первые месяцы войны белогвардейских новобранцев.

Хорошо знавшие местность партизанские лыжники атаковали белых в совершенно неожиданных местах. В атаку шли несколькими цепями, всегда имея резервы. В обороне использовали рельеф местности, занимали позиции на окраинах деревень, гребнях возвышенностей. Хорошим примером служит бой у Барзаначки в декабре 1918 года, когда бывший латышский стрелок Ф. Г. Боган устроил белым засаду вдоль горного дефиле.

В свою очередь, противнику практически не удавалось устроить внезапную атаку¹⁵. В Нойских оборонительных боях Канский полк подпускал белых на расстояние 15 саженей и лишь затем открывал смертоносный огонь. В Тальской полку была создана разведрота В. М. Иванова, задачи которой ставил главный штаб Крестьянской армии. Особой «железной дисциплиной» характеризовалась подрывная команда полка Лаврентия Филимонова.

Партизанская армия в июне 1919 года насчитывала около 3500 человек. Центр приложения ее усилий был на Сибирской железнодорожной магистрали, в районе станций Клюквенная и Камарчага.

Занятая партизанами территория была превращена в военный лагерь, где все было подчинено интересам фронта. Организовывались мастерские для пошива одежды, кустарным образом изготавливали порох, делали патроны и ремонтировали оружие. По данным белогвардейцев, в таких мастерских изготавливались самые разнообразные патроны, зачастую не имевшие твердой оболочки.

Самое деятельное участие в организации собственного партизанского производства сыграл военнопленный Первой мировой войны, сторонник

большевиков австриец Югганн Шмидт. Химик по образованию, он заведовал походной мастерской, где ремонтировалось партизанское и трофейное оружие, отливались пули, делался порох¹⁶.

Специально созданные продовольственные органы заготавливали для армии фураж и продовольствие. Все хлебные запасы, имевшиеся у крестьян, были взяты на учет и полагались обложению. В пользу армии изымалось по 2 фунта с пуда. При необходимости обложение поднималось еще на 1 фунт. Семьи, оставшиеся без работников, ушедших в партизанскую армию, освобождались от обложения. Вместе с тем запрещалась продажа хлеба в районы, занятые противником. Сборы с ремесленников были назначены 6 рублей с тысячи. Налог со скота составлял три головы со ста.

Земельные отделы заботились об обработке пашни. Недра, земли и воды были переведены в ведение Совета. С разрешения местных властей разрешалась порубка леса для личных нужд. Вместе с тем всякое переселение, до решения земельного вопроса, было запрещено. Исключением были жители сгоревшей деревни Топол¹⁷.

Совет принял положение, которое с определенной натяжкой можно назвать уголовным кодексом Степно-Баджейской республики. В тылу была отменена смертная казнь. Право выносить подобные приговоры осталось только у армейского Совета.

Специальная комиссия выработала твердые цены на разного рода работы и продукты питания. За появление в пьяном виде налагался штраф в размере от 25 до 100 рублей или присуждались общественные работы на 10–30 дней. Подобное же наказание полагалось за буйство на улице или в семье. Виновный в продаже самогонки наказывался штрафом в размере 50–500 рублей.

Изъятые горячительные напитки должны были быть переданы в медпункт. За убийство виновный подвергался наказанию от трех лет до бессрочных общественных работ. Аналогичная санкция грозила насильникам. Умышленное убийство или убийство с целью грабежа были подведомственны военно-полевым судам. Виновный в краже мог получить от трех лет до бессрочных общественных работ. Однако конокрады передавались военно-полевому суду.

Азартные игры карались наказанием до года общественных работ или 100–500 рублями штрафа. Спекулянты могли отделаться штрафом до 10 тысяч рублей или 1–5 годами общественных работ¹⁸.

При волостных и сельских Советах были созданы отделы призрения, которые обеспечивали продовольствием нуждающихся граждан. Причем детям до трех лет должно было выдаваться молоко.

Агитационный отдел армии издавал газету «Крестьянская правда».

Лидеры крестьянской армии: коллективный портрет

Лидерами повстанцев были еще молодые люди 30–40 лет. «Старику» С. К. Сургуладзе, председателю Совета Крестьянской армии, на момент описываемых событий было 40 лет, командиру Канского полка М. В. Александрову на момент гибели в 1919 году – 38. Столько же на момент баджейского выступления – помощнику главкома партизан И. Г. Богану.

Значительное число повстанческих вожаков – выходцы из Европейской части Российской Империи. Иван Боган из Витебской губернии, командир батальона Манского полка В. О. Гусев – из Казанской губернии, В. В. Загуменный, командир батальона Северо-Ачинского полка – из Могилевской губернии, Я. С. Замураев, начальник штаба Северо-Ачинского полка и адъютант Щетинкина – из Черниговской губернии Малороссии. Высокий процент был и местных, уроженцев Енисейской губернии. Председатель Совета Степно-Баджейской республики, агитатор и пропагандист П. П. Петров – из села Перовского, М. В. Александров – из села Агинского. Закавказский регион в партизанском «пантеоне» советской эпохи представлял грузин С. К. Сургуладзе.

Лидеры повстанческой армии – П. Е. Щетинкин и А. Д. Кравченко поселились в Енисейской губернии до Первой Мировой войны.

Главком Крестьянской армии Александр Диомидович Кравченко родился в сентябре 1880 года (по другой версии – в 1881 году) в Острогжском уезде Воронежской губернии. Его родителями были небогатые, но грамотные крестьяне. К 18 годам он получил неплохое по тем временам образование – закончил и сельскую школу, и Острогжское городское училище. Учился Кравченко, по-видимому, и в земледельческом училище, тогда же связался с партией социалистов-революционеров. Он попался на антиимперской агитации и почти два года провел в заключении. Тюрьма не сломала молодого эсера, – он экстерном получил специальность агронома (1905 год). Далее Александр Кравченко был призван на воинскую службу, где оказался сначала в учебной команде Борисоглебского полка, а затем и в школе прапорщиков. Вскоре он вышел в отставку и уехал на восток Империи. С 1907 года он – кондуктор Манского лесничества. В Заманье Кравченко купил хутор, но осесть там надолго не смог. Работал агрономом в Ачинском уезде, агрономом и чиновником переселенческого управления в Минусинском уезде. Однако в 1914 году началась Первая мировая война. Прапорщик снова оказывается в армии, но на фронт его не отправляют. До 1917 года Кравченко побывал в должности и коменданта станции Ачинск, и начальника продовольственного пункта¹⁹.

Заместитель главкома Петр Ефимович Щетинкин, в отличие от Кравченко, не мог похвастаться профильным образованием. Выходец из бедной семьи Рязанской губернии, он закончил два класса церковно-

приходской школы и уже с 15 лет вместе с отцом трудился строителем в Москве. Военная служба, на которую Щетинкин был призван в 1906 году, открыла для него новые возможности. Он попал в 29-й Сибирский стрелковый полк, расквартированный в Ачинске, вскоре получил звание унтер-офицера. В 1909 году демобилизовался, но остался в Сибири, плотничал в Ачинском уезде. В 1911 году Щетинкин вернулся в армию, в начале 1912 года он вновь – в 29-м Сибирском полку. Окончил школу подпрапорщиков, произведен в фельдфебели. В 1914 году – на фронте, командир взвода 5-й роты. Награжден Знаком ордена Святого Георгия всех четырех степеней (в том числе первой степени №295), георгиевскими медалями, получил офицерский чин. Далее последовали орден Святой Анны и Святого Станислава, орден и медаль Французской Республики. Командовал 7-й ротой 29-го Сибирского стрелкового полка, служил начальником учебной команды 59-го Сибирского стрелкового полка, дослужился до штабс-капитана.

Таким образом, если Кравченко с точки зрения знания военного искусства был в лучшем случае теоретиком, то Щетинкин познал его в боях. Храбрый офицер был не единственным героем Первой Мировой в рядах повстанцев. Другой партизанский лидер, командир Северо-Ачинского полка Василий Алексеевич Уланов – выходец из Пензенской губернии, 1896 года рождения, из семьи крестьян-бедняков. С 1906 года жил в Красноярске. Прошел путь от ученика железнодорожных мастерских до техника. Призван в 1915-м и больше года провел в окопах. Награжден Знаком ордена Святого Георгия трех степеней. Участниками Великой войны были М. В. Александров, командир Манского полка Ф. Г. Боган (в составе латышских стрелков), В. О. Гусев, командир Тальского полка А. М. Марченко, последний командир Манского полка М. Т. Савицкий. Часть повстанцев также были мобилизованы в армию, но оставались, как и Кравченко, в тыловых гарнизонах. В запасном полку в Канске служил П. П. Петров, писарем – Я. С. Замураев. В 31-й стрелковый полк попал бывший матрос «Орла» и профессиональный революционер Е. Т. Марудко. По дороге на фронт он бежал, став дезертиром. Напротив, А. Т. Иванов находился в «вечной ссылке» в Сибири, С. К. Сургуладзе же сначала находился на поселении в Кежме, а в период войны – на Балайских угольных копях.

Февральская революция «включила» для многих будущих партизанских вожakov новые социальные лифты. Часть из них стала элементами власти еще на фронте – войдя в солдатские советы. Другие – после демобилизации или освобождения из-под опеки со стороны правоохранительных структур – вошли в местные советы или комитеты общественной безопасности. А. Д. Кравченко в марте 1917 года уже работал в Ачинском комитете общественной безопасности (объединение политических и общественных групп, управлявших городом и уездом) от социалистов-

революционеров. Тогда же он становится начальником городской и уездной Народной милиции²⁰. В апреле прапорщик подозревался в махинациях с денежными средствами. В частности, с остатками кредита бывшей полиции на сумму в 1500 рублей. Сам начальник милиции пояснил, что деньги потратил, но на дело – выплатил в качестве пособия освобожденным уголовным преступникам, а также в качестве жалования служащим. Доводы Кравченко комитетом безопасности были приняты.

Комитет безопасности помог Кравченко и в другой сфере – не выполнив приказ об отправке его на войну с Германией. 12 мая Кравченко направляет в орган местного управления рапорт об отставке. 15 мая это прошение было удовлетворено. Одновременно его исключают и из комитета общественной безопасности²¹.

Уйдя из милиции, прапорщик все лето находился в Ачинске, перебравшись на Ману только в сентябре 1917 года. В Заманском районе, близ Нарвы, Александр Кравченко имел достаточно большое хозяйство – до 145 десятин земли, с хорошим племенным скотом. На новой родине он быстро освоился, став заведующим пунктом проката сельскохозяйственных машин; имел связи с красноярскими кооператорами. В события октября 1917 года участия не принимал, на службу взявших власть советов также не перешел.

В июне 1918 года по служебным делам Кравченко прибыл в Красноярск и оказался в самом центре событий. В это время большевики и их сторонники бежали из Красноярска на пароходах, 19 июня в губернском центре произошел переворот. К власти пришла военная организация под руководством полковника В. П. Гулидова. Прапорщик по заданию Союза кооператоров поехал в железнодорожные мастерские (один из центров выступления против советской власти) за винтовками для охраны кооперативного имущества. Там он получил 15 винтовок, часть из которых, правда, отобрали офицеры. Это, кстати, дало основание белой прессе сообщать, что Кравченко участвовал в свержении советов.

На следующий день Кравченко был мобилизован в армию Сибирского временного правительства, однако испросил несколько дней на сборы. Он вернулся в Нарву, на свой хутор «Писанец». «Настроение деревни было неопределенным, но многие (особенно зажиточные) выражали радость по поводу избавления от большевиков», – писал Кравченко в своих воспоминаниях.

Вместе с тем, согласно одной из версий «исчезновения» Кравченко, власти губернии сомневались в его порядочности. Он часто выпивал, проигрывал в бильярд большие денежные суммы, белая пресса обвиняла его в крупной растрате.

Существенно иными оказались «отношения с революцией» у П. Е. Щетинкина. В конце 1916 года он был назначен начальником учебного полка в Ачинске, куда прибыл в начале 1917 года и был начальником

гарнизона отправлен в отпуск «за отличия на фронте». Однако вскоре вернулся, получив очередной чин – поручика. Демобилизовался Щетинкин в марте 1918 года. Он поступил в уголовный розыск Ачинска и возглавил его. Стал одним из руководителей Красной гвардии; считается, что участвовал в боях на Мариинском фронте в июне 1918 года. Однако среди командиров фронта Щетинкин не значится²². После прихода к власти Сибирского правительства скрывался в северной части Ачинского уезда под фамилией Еремин. Здесь он связался с пробольшевицкими подпольщиками, что фактически и предопределило его дальнейшую судьбу.

Василий Уланов, как и Щетинкин, побывал при «первой» советской власти в боях. Он, в частности, был комендантом разгромленного в июне 1918 года чехо-русскими отрядами Клюквенского фронта. Был на Клюквенском фронте и Сургуладзе. Командиром Уярского отряда Красной гвардии был будущий командир Манского полка К. Г. Пуляев (Лидин).

Таким образом, многие партизанские лидеры не только воевали в Первой Мировой, но и успели покомандовать красногвардейскими частями весной – летом 1918 года. Правда, тогда же они испытали горечь поражений и, как правило, вынуждены были спасаться бегством.

Что касается образовательного уровня, то в целом он был «среднестатистическим» для жителей губернии. То есть невысоким. В отличие от членов Енисейского губернского исполкома образца 1917–1918 годов, где попадались люди с университетским образованием, среди партизанских вождей высшего образования и даже нескольких курсов вуза, не было ни у кого. Впрочем, это не мешало появлению настоящих самородков. А. Т. Иванов был человеком высокой эрудиции, наизусть знавшим многие произведения А. С. Пушкина. Агитатором «от бога» оказался и П. П. Петров, хорошо проявивший себя и во время редакторства повстанческой газетой «Соха и молот» в городе Минусинске.

Несмотря на очевидную связь с «красным» подпольем, среди лидеров Крестьянской армии было немного большевиков. Щетинкин и Кравченко вступили в РКП(б) в 1920 году. П. П. Петров был левым социалистом-революционером; в РКП(б) перешел к осени 1920 года. А. Т. Иванов – также левый эсер. Большевиками с 1917 года были В. О. Гусев и Е. Т. Марудко, М. Ф. Александров. Левозсеровское «происхождение» вождей партизан позже проявилась в событиях начала 1920 года, когда часть из них отказывалась подчиняться большевистскому партийному и военному руководству.

Относительно сложным остается вопрос морально-психологических качеств повстанческих руководителей. Показателен случай с гибелью Ф. Г. Богана. Летом 1919 года, уже после Саянского похода, командир Манского полка устроил праздник с выпивкой. Приказ на выдвижение игнорировал. В результате он поставил под удар в районе Казанцево

группу Крестьянской армии во главе со Щетинкиным. Пьяный полк был атакован белыми, Боган был убит, причем по одной из версий своими товарищами – Улановым и Загуменным²³. Хотя партизанские пьянки не всегда приводили к трагедиям. Так, после победы под Белоцарском, перед Крестьянской армией встал вопрос: идти на Минусинск или на соединение с повстанцами в Кузнецк. Голосование на армейском съезде раскололо повстанческих руководителей. 22 голоса было подано за Кузнецк, 21 – за Минусинск. Как вспоминал в 1927 году П. П. Петров, положение было «пиковым». «Разошлись на обед, после чего было решено возобновить обсуждение этого вопроса. Но обсуждать не пришлось: П. Е. Щетинкин и А. Д. Кравченко явились на съезд в обнимку навеселе и заявили, что идут на Минусинск²⁴. Первыми словами Кравченко при знакомстве с будущим командиром Канского полка были: «нема ли горилки с морозу?»²⁵.

Отношение среди командования были довольно сложные. Избрание главкомом А. Д. Кравченко было обусловлено рядом случайностей. Его положение можно обозначить как «первый среди равных», прочие полковые командиры могли реально конкурировать с главкомом.

Победа в боевой операции укрепляла имидж удачливого военачальника, поражение – низводило в ранг второстепенных лидеров. Так, командир Канского полка Александров фактически игнорировал Кравченко, запретив пускать партизанского командующего в свой штаб. Он стоял у истоков движения с отрядом в 50 человек, тогда как Кравченко пришел с одним только пулеметом «кольт». Положение его укрепилось после успеха в Нойских боях, где канцы, в массе своей имевшие опыт Германского фронта, с успехом отразили натиски белогвардейских новобранцев. Однако затем Александров отдал спорный приказ о наступлении на село Ирбейское, был обвинен в трусости и для восстановления пошатнувшегося авторитета бросил полк в неподготовленную атаку на село Рыбинское. Канцы на короткое время взяли село, потеряв в ожесточенном бою до сотни человек. Среди убитых были начальник штаба полка Яковлев и полковой адъютант Колесников. Еще через несколько дней от раны умер сам Александров.

Другой авторитетный командир – Пуляев (Лидин), возглавивший в мае 1919 года правый фланг повстанцев, был разбит под Вершино-Рыбным и выбыл из когорты претендентов на лидерство.

Самого Кравченко неоднократно обвиняли в трусости, главком действительно избегал опасности. Будучи человеком честолюбивым, он умело манипулировал окружением. Несколько раз он объявлял о своем уходе с поста главкома в пользу Щетинкина, который, будучи несомненным военным талантом, не стремился к лидерству и довольствовался вторыми ролями.

Вообще Кравченко и Щетинкин, что называется, нашли друг друга – честолюбивый главком-организатор и его зам-полководец, чья жесто-

кость и неразборчивость в средствах оттолкнула местное население от ачинских партизан, следствием чего стал уход «армии» бывшего штабс-капитана в Степной Баджей²⁶.

Удачливые командиры становились главными действующими лицами партизанского фольклора. В числе героев преданий были Кравченко, Щетинкин, Боган, Александров и другие. Особой популярностью пользовался 23-летний В. О. Гусев, фронтовик, командир подрывной команды, ставший вместо казненного брата командиром батальона, а затем и командиром Манского полка. В партизанских преданиях Гусева наделили свойствами сказочных героев – так, попав в плен, он взялся учить белых ходьбе на лыжах, в процессе обучения прыгнул в толпу зевак и умчался в тайгу, не задетый ни одной пулей²⁷. В другой раз он обеспечил свой отряд телефонными аппаратами, которые вытребовал у солдат противника. При этом он отличался гуманным отношением к пленным. Уже на Минусинском фронте, при переходе на сторону партизан белой 5-й сводной роты, Гусев отпустил бывшего гимназиста, а ныне поручика и командира роты, И. К. Фролова, бывшего единственным сыном жительницы Минусинска²⁸.

Разгром республики

Главной проблемой для правительства Колчака в борьбе с сопротивлением в тылу был недостаток войск. Практически все более-менее боеспособные части находились на фронте, противостоя Красной армии, нарастившей свою численность и поднабравшей боевого опыта. В отличие от боев 1918 года, уже не достаточно было контролировать лишь крупные города и железнодорожные станции. В ряде населенных пунктов создавались дружины самообороны, однако их сил было мало для противостояния повстанцам. В результате к маю 1919 года партизаны контролировали десятую часть Енисейской губернии, постепенно расширяя ареал своего боевого воздействия.

Проваленные операции в Манском районе зимы 1918–1919 годов дорого обошлись белой армии. Помимо прямых потерь, был подорван авторитет новой власти, оказавшейся неспособной разгромить группы партизан в несколько сотен человек. Это привело к увеличению числа людей, уклонявшихся от мобилизации. В результате лишь к маю 1919 года удалось составить план операции против заманских партизан, получить визу союзников и их отряды. Согласно замыслу операции, удар наносился двумя войсковыми группами по партизанским силам «Степно-Баджейской республики» и Тасеевского повстанческого района. Главной целью была очистка полосы Сибирской магистрали от повстанцев.

Наступление развернулось 15 мая шестью группами из Маганской, Камарчаги, Рыбинского и Клюквенной. Силы партизан, со штабом в

Степном Баджее, оценивались в 6–7 тысяч человек при 6 пулеметах. 1-я группа – полковника Петри вела наступление с северо-запада, 2 – 6-я группы, в основном из чехов, двигались с севера от линии железной дороги под общим командованием майора Стефана. С востока наступала 6 (русская) группа войскового старшины В. И. Розанова (2000 штыков, 800 сабель, 6 орудий, 20 пулеметов). Общее руководство было возложено на начальника 3-й чехословацкой дивизии подполковника Прхалу.

Операция белых и их союзников не стала неожиданностью для партизан. 15 мая в штаб Манского полка в село Шало явился будущий майор МВД СССР М. Я. Черненко и передал повстанцам оперативные сведения, что позволило полку отступить почти без потерь²⁹.

Наступление протекло успешно. Партизан опрокинули по всем направлениям, лишь Агинский полк Савицкого неделю держался за село Агинское. 20 мая генерал-лейтенант Розанов приказал Прхале выделить достаточные силы на уничтожение партизанской армии и наступать с севера на Степной Баджей. Войсковой старшина Розанов, разбивший Манский партизанский полк, должен был поддержать чехов с юго-востока.

Попытавшиеся взять Нарву с налета чехи получили отпор. Окруженная горными хребтами Нарва представляла собой сильную позицию. Чехи потеряли 9 пулеметов и орудие – «макленку». В 10-километрах от Нарвы, у Кияя, погиб сербский герой боев в Добрудже капитан Томшич³⁰.

6-я группа продолжала бои у Агинского, которое обороняли главные силы партизан: Агинский полк, часть Ачинского и Канского полков во главе с Пуляевым. Наконец партизаны откатились в направлении Вершино-Рыбного. Белогвардейцы окружили Агинский полк, ранение получил, попав под пулеметную очередь, Савицкий. Из окружения партизаны выходили лесными тропами. Опасаясь окружения всей правофланговой группировки, штаб повстанцев отдал приказ отходить далее по направлению к реке Мана.

Стремясь вернуть инициативу, 22 мая Пуляев атаковал с Канским и Тальским полками и Тальским партизанским отрядом Вершино-Рыбное, в которое только что вошла группа войскового старшины В. И. Розанова. Из этого ничего не получилась. Атака оказалось плохо подготовленной, – белые легко отбили налет. Данные о потерях противоречивы: Попов утверждал, что Канский полк из 700 человек потерял половину, С. Ф. Белоконь – что полк потерял только 12 убитыми и 30 ранеными. Помимо потерь, партизаны израсходовали запасы патронов; так после боя у Тальского отряда осталось по два-три патрона на винтовку³¹.

Неудача повлекла за собой перестановки среди командиров полков. Командир Канского полка С. Сабаев был отстранен от должности, командир Тальского – С. Г. Семишев – «заболел». Вместо них были назначены К. М. Логвинов и А. М. Марченко, соответственно.

Группа Петри взяла Алексеевку. При этом отличились итальянцы майора Бозетти, которые совместно с чешским батальоном и томскими

гусарами в штыковой атаке выбили противника с позиций. У итальянцев было трое раненых. К 4 июня чехи заняли позиции на 1,5 километра южнее деревни Сосновка.

Главные силы Петри (два чешских батальона с артиллерией, два эскадрона томских гусар) из Сосновки вел на Кияй. Гусарский эскадрон в конном строю ворвался в село. Томцы потеряли 2 убитыми и 2 ранеными. Петри задержался, и гусары оказались отрезанными от главных сил. Спас ситуацию отряд капитана Веселаго (два чешских батальона 10-го полка), который действовал левее Петри. Отряд Веселаго ударил по партизанам с тыла, выбил их с высот южнее Кияя и отгеснил к Мане. К 16 часам 4 июня весь район между Маной и Кияем был очищен от красных.

«Район южнее железнодорожной линии Канск – Свищево. Противник развивает лихорадочную деятельность своих разведок. Вблизи села Голуховского большевистская разведка в числе 50 конных переправилась на нашу сторону реки Мана, где столкнулись с отрядом казаков в 18 человек. При перестрелке три казака убиты. На обратном пути большевики наткнулись на итальянскую разведку и были ею почти целиком уничтожены. Часть группы Розанова совершила удачную демонстрационную переправу через реку Мана у села Голуховского под обстрелом противника, который нашим артиллерийским и пулеметным огнем приведен в молчание и сбит с вершин, находящихся на другой стороне реки Мана, и бежал. Отряд сжег хутор, где держался противник, и вернулся обратно. Потери – два раненых. Действия значительно затруднены дождями и трудными дорогами».

До 10 июня на фронте стояло некоторое затишье. Белые и союзники готовились к форсированию Маны и началу боев за Степной Баджей. 11 июня отряд из 10-го чехословацкого полка вошел в оставленную партизанами Нарву. Контратака красных в районе Миткина была отбита. Армия Кравченко заняла подготовленные позиции на левом берегу Маны. Но ей в тыл вышел войсковой старшина Розанов, который совместно с чехами опрокинул противника³².

12 июня, после двух безуспешных попыток, наконец, был установлен контроль над Кияем. В ночь на 13 июня партизаны попытались неожиданной атакой опрокинуть чешские авангарды. Чехи потеряли 2 пулемета, погибли командир 8-й роты 10-го полка поручик Марек и 3 солдата, еще 9 чехов утонуло при отступлении на правый берег Маны. Также утонули 2 итальянских пехотинца. Наверное, отсюда берет начало легенда о разгроме партизанами итальянцев: якобы они захватили много пленных, которых потом топили в реке, и с тех пор многие партизаны щеголяли в берсальерских плащах. Советские авторы также сообщали о захвате партизанами союзнического обоза, в котором находились «итальянские меховые шинели»³³. Итальянские источники не подтверждают значи-

тельных потерь под Нарвой. По их сведениям, в бою погибли двое – сержант и солдат³⁴.

Розанов действовал успешнее, ему удалось выбить красных у Пими и приступить к переброске частей через Ману. Опасаясь окружения, 14 июня партизаны с семьями и обозом покинули Степной Баджей. Республика перестала существовать. На следующий день в Степной Баджей вошел Розанов. Это произошло в час ночи 15 июня 1919 года.

В Степном Баджее в руки белых попало 250 раненых партизан, считано около 500 трупов. Большинство жителей села бежало вместе с партизанской армией.

«Партизанская армия на Мане окончательно разбита 15 июня. Хотя еще совсем недавно количество вооруженных бойцов доходило до 6–8 тысяч человек... При поражении Агинский полк совсем распался, разошелся по домам.

Из двух других огромная часть погибла либо тоже разошлась. Зато осталось много больных и раненых, всего более 200 человек. Моральное состояние армии было ужасным», – писал эсер Е. Е. Колосов³⁵.

Партизаны потеряли значительную часть тяжелого оружия, оружейные мощности, отлаженный быт и пусть небольшое, но медицинское обслуживание. Но главным были потери в людях, потери в моральной составляющей. Еще в первый день марша практически полностью разбежался Агинский полк (400 бойцов). Ушел и его командир Стародубов, сменивший раненого Савицкого. Разошлись по своим домам и замкам многие бойцы Манского полка. Сбежали члены полкового совета Канского полка Скавида, Байбаков и Хальвин.

Наибольшую боеспособность сохранил пришлый для Заманья Северо-Ачинский полк, костяк который бросил родные деревни еще несколько месяцев назад и ничем не был привязан к нарвским селеньям.

Однозначно трактовать уход бойцов из Крестьянской армии как дезертирство нельзя. Ее члены, как и в любой повстанческой армии, были привязаны к своим населенным пунктам и не хотели уходить далеко от них. Возле родных деревень остался партизанить отряд Жестикова, в Заманье осталась группа Богана. Оторванной от армии оказалась подрывная команда Филимонова из Тальского полка. Окруженная, она вынуждена была идти на самостоятельный прорыв и последующий рейд³⁶.

Всего из Баджее вышло 1370 бойцов Крестьянской армии, до 2 тысяч рабочих оружейных мастерских, беженцев, больных и раненых³⁷.

На берегу реки Крол командование разложившейся армии попыталось вдохнуть силы в теряющих боевой дух рядовых бойцов. На обсуждение был вынесен вопрос о командовании. Кравченко переизбрали на должность партизанского командарма. Щетинкин стал его замом. Вдвоем они сумели убедить партизан продолжить отступление на юг – в Урянхай. Оттуда планировали уйти в Среднюю Азию.

Поход на юг

14 июня начался знаменитый Саянский поход Крестьянской армии, когда повстанцы по горам и тайге вышли на юг Енисейской губернии. Построение армии было следующим: первым шел сводный батальон «расчистки» (разведка), затем Северо-Ачинский и Канский полки, в конце – остатки Тальского и Манского полков. В основном местность была горной и безлюдной, лишь 24 июня повстанцы дошли до первых населенных пунктов. Больше одной ночи в селах не задерживались, уже к концу июня возникла опасность прямых столкновений с белыми. К 5 июля вышли на Усинский тракт, ведущий в Урянхай. Были попытки войти в волостные центры, – даже взяли Каратуз, однако первые же стычки с правительственными силами заставили партизан ускорить свое движение на юг. Под Ермаковским произошел неожиданный бой Манского полка с отрядом Бологова. Ряды партизан оказались расстрелянными, командир манцев – латышский стрелок Боган – погиб.

Неудача постигла партизан и в районе Большой Ини, где малочисленным белым добровольцам прапорщика И. И. Занина удалось удержать фронт на реке Туба.

Частично по дорогам, а частично и таежными тропами партизанам удалось выйти в Усинский край. Здесь они всячески пытались затормозить преследователей, – жгли за собой мосты и вообще любые переправы. На реке Ус произошел бой с местными дружинниками. Две сотни дружинников были выбиты с позиций за счет военной хитрости – обходного маневра. Почти все защитники попали в плен или были перебиты. Это позволило Крестьянской армии войти в крупное село Верхне-Усинское. Здесь повстанцев встретили молебном. Местные старообрядцы буквально на коленях «просили прощения» перед Тальским полком. Комполка А. Марченко получил в подарок икону, – в 1920 году ее передали в хозотдел 5-й Красной армии³⁸.

В середине июля армия вошла в пределы Урянхайского края. Здесь фактически действовал монгольский протекторат, а русские управленцы бежали из «столичного» Белоцарска в Минусинск. 18 июля повстанцы вошли в Белоцарск.

В начале августа в Урянхай вошел смешанный казачий отряд есаула Григория Бологова. В нем было около 3 тысяч штыков и сабель, в основном слабо или вообще не обученных. 13 августа после тяжелого боя Бологов был разбит. К тому времени это была одна из крупнейших группировок колчаковской армии в Енисейской губернии. Сложная ситуация на западном фронте заставила белое командование перебросить все наличные резервы на запад, оголив тылы. Задача по окончательной ликвидации партизанских очагов в губернии не была решена. В ходе массированного летнего наступления партизаны Степного Баджея были вытеснены в Урянхайский край, действовавшие севернее тасеевцы,

кучеровцы, апанцы – в глухую Приангарскую тайгу. Добить повстанцев белые не смогли.

После разгрома Бологова перед Крестьянской армией оказался открыт юг Енисейской губернии, чем повстанцы не замедлили воспользоваться. У Думной горы Щетинкин блестящим маневром разбил белых, большей частью состоявших из новобранцев. Окрепшая и в буквальном смысле отъезжая в Урянхае армия после серии боев с прикрывавшими город белыми частями 13 сентября 1919 года вошла в Минусинск, образовался Минусинский фронт, куда более тяжелый для правительственных войск, чем фронты республики Степного Баджея. Партизаны постепенно выдавливали противника на север, а в декабре, прорвав фронт в сражении у Трифонова, Крестьянская армия вышла на соединение с быстро наступавшей на Красноярск 5-й Красной армией.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Елисеенко А. Г., Мармышев А. В., Новиков П. А. Забытая доблесть. Енисейская губерния в годы Первой Мировой войны. Красноярск, 2014. С. 277.

² Мармышев А. В., Елисеенко А. Г. Гражданская война в Енисейской губернии. Красноярск, 2008. С. 33–34.

³ Вперед к коммунизму (село Шалинское Красноярского края). 1977. 1 марта.

⁴ Этних дней не смолкнет слава // Красноярский рабочий. 1980. №5. 6 января.

⁵ Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф.42. Оп.8. Д.503. Л. 13.

⁶ ГАКК. Ф.42. Оп.8. Д.503. Л. 70.

⁷ Гражданская война и военная интервенция в СССР. М., 1983. С. 568.

⁸ ГАКК. Ф.42. Оп.8. Д.297. ЛЛ. 2–3.

⁹ ГАКК. Ф.42. Оп.8. Д.503. Л. 28.

¹⁰ Шекшеев А. П. Гражданская смута на Енисее: победители и побежденные. Абакан, 2006. С. 130.

¹¹ Мармышев А. В., Елисеенко А. Г. Гражданская война в Енисейской губернии... С. 105.

¹² Там же. С. 138.

¹³ ГАКК. Ф.42. Оп.8. Д.108. ЛЛ. 9–19.

¹⁴ Мармышев А. В., Елисеенко А. Г. Гражданская война в Енисейской губернии... С. 138.

¹⁵ ГАКК. Ф.64. Оп.11. Д.5. Л. 11.

¹⁶ ГАКК. Ф.42. Оп.7. Д.282. Л. 39.

¹⁷ Партизанское движение в Сибири. М., 1925. Т.1. С. 134.

¹⁸ Там же. С. 136.

¹⁹ Архив Манского района. Д.3. Л. 101.

²⁰ МУ Ачинский городской архив. Ф.20. Оп.1. Д.1. Л. 41.

²¹ Там же. Л. 102.

²² ГАКК. Ф.П.42. Оп.7. Д.20. Л. 10.

²³ Шекшеев А. П. Гражданская смута на Енисее... С. 321.

²⁴ Петров П. П. Партизаны в Урянхайском крае (воспоминания участника) // Сибирские огни, 1927. №4.

²⁵ ГАКК. Ф.42. Оп.8. Д.503. Л. 72.

²⁶ ГАКК. Ф.64. Оп.5. Д.531. Л. 42.

²⁷ ГАКК. Ф.42. Оп.8. Д.421. Л. 2.

²⁸ ГАКК. Ф.42. Оп.8. Д.503. ЛЛ. 65–67.

- ²⁹ Архив Манского района. Д.98. Л. 60.
- ³⁰ Минусинский край. 1919. №11. 31 мая.
- ³¹ ГАКК. Ф.42. Оп.8. Д.108. Л. 29.
- ³² Свободная Сибирь. 1919. №149. 11 июля.
- ³³ Вперед к коммунизму (село Шалинское Красноярского края). 1977. 28 июля.
- ³⁴ *Mautone A. Trentini e italiani contro l'Armata Rosso. La storia del corpo di spedizioni in Estremo Oriente e dei Battaglione Neri. Trento, 2003. P.328.*
- ³⁵ *Колосов Е. Е. Сибирь при Колчаке: воспоминания, материалы, документы. Прага, 1923.*
- С. 18
- ³⁶ ГАКК. Ф.42. Оп.8. Д.421. Л. 3.
- ³⁷ ГАКК. Ф.42. Оп.8. Д.297. Л. 14.
- ³⁸ *Петров П. П. Партизаны в Урянхайском крае // Сибирские огни. 1927. №4. С. 164.*
-

СУД НАД ТЕРРОРОМ: ПАРТИЗАН ЯКОВ ТРЯПИЦЫН И ЕГО ПОДРУЧНЫЕ В МАТЕРИАЛАХ СУДЕБНОГО ЗАСЕДАНИЯ *Публ. А. Г. Теплякова (Новосибирск)*

Красный партизан Яков Тряпицын, спаливший дотла в мае 1920 г. большой дальневосточный город Николаевск-на-Амуре (стоящий на месте впадения Амура в Татарский пролив напротив о. Сахалин) и вырезавший не только огромную часть жителей областного центра и всей Сахалинской области, но и всю японскую колонию, дав Японии повод для крупного вооружённого вмешательства в российские дела, держит безусловное первенство в жестокости среди всех красных партизан. Председатель Сахалинского народно-революционного комитета Г. З. Проккопенко писал в конце 1920 г. правительству ДВР, что «пол области разрушено и половина населения выбита [и партизанами] спущена под лед»¹. В советской историографии этот деятель часто именовался антисоветским бандитом, хотя террористическая политика тряпицынщины была следствием именно ультрарадикальных воззрений Тряпицына и его ближайшего окружения, учредивших в Николаевске красную коммуноу. Как пронизательно написал первый и самый компетентный исследователь тряпицынщины, пресловутая Николаевская коммуна «по дикому избиению тысяч ни в чем не повинных людей, включая грудных детей, по утонченнейшим пыткам большевистских палачей, представляет собой апофеоз советского режима»².

Террористическая деятельность Я. И. Тряпицына и его окружения, проводивших массовый красный террор против населения Приамурья в 1919–1920 гг., до сих пор вызывает полярные оценки в историографии. Распространена точка зрения, согласно которой Тряпицын героически сражался с белогвардейцами и японскими интервентами, став жертвой исторической клеветы³. Масштабы его злодеяний отпугивали исследователей, и эта инерция существует до настоящего времени. С 1930-х гг. о

Тряпицыне в СССР старались писать как можно меньше. В неопубликованной рукописи сводного анонимного труда о партизанах Сибири, Казахстана и Дальнего Востока, сохранившейся в фонде Сибирского истпарта, оказалась подшита начальственная записка от 28 ноября 1934 г.: «Стоит ли говорить о Тряпицыне. Он – темное пятно в партизанском движении. Николаевск на Амуре для нас был тяжелым моментом». При этом в очерке о Тряпицыне террор партизан и сожжение Николаевска вообще не были упомянуты⁴. В опубликованной в конце 1960-х гг. академической «Истории Сибири», трактовавшей и основные события на Дальнем Востоке, фамилия Тряпицына не фигурировала. В других трудах Тряпицын кратко упоминался как жестокий анархист, справедливо покаранный советскими властями за нарушения законности, суть которых не разъяснялась.

Современная академическая «История Дальнего Востока России» продолжает уверять, что японское правительство фальсифицировало всё содержание николаевских событий, а известный американский историк Дж. Стефан⁵ «преувеличил склонность... Тряпицына к террору». Полное уничтожение узников тюрьмы объясняется попыткой японских войск их освободить, в ответ на что Тряпицын закономерно «фрасстрелял всех арестованных, обезопасив себя с этой стороны». Утверждается, что среди тряпицынцев «бандиты составляли ничтожное меньшинство», и лишь вскользь упоминается, что во время эвакуации (якобы добровольной, а не насильственной) «не обошлось и без нарушения революционной законности». Сожжение Николаевска скорее одобрено – со ссылкой на то, что «подобные решения в огне Гражданской войны принимались не раз»⁶. Не верит в тряпицынский террор и современный левонастроенный историк А. В. Шубин⁷.

Только в последнее время появились новые публикации и исследования, которые доказательно, на документальной основе, демонстрируют осуществление Тряпицыным обширной социальной чистки населения Сахалинской области, масштабы которой намного превзошли сталинские⁸. Следует указать, что эпизоды красной резни к 1920 г. не были новостью для жителей Дальнего Востока, где партизанский бандитизм ярко проявлялся с самого начала появления повстанцев в захваченных городах. В марте 1918 г. свыше тысячи жителей Благовещенска стали жертвами красногвардейцев, захвативших город после мятежа атамана И. М. Гамова. Как сообщал в 1922 г. видный чекист И. П. Павлуновский, «масса рабочих с присков хлынула в город, взяла его штурмом и устроила поголовную резню /буржуазии «вообще»/. Ходили отрядами из дома в дом и вырезали всех заподозренных в восстании и сочувствующих им. Между прочим, вырезали почти весь состав Благовещенского Городского Управления, особенно крошили спецов и служащих горных контор»⁹. Пресса весной 1919 г. сообщала о террористических

акциях в Благовещенске при красных: «Зверства большевиков в городе достигли ужасных размеров. Из местного населения расстреляно свыше 1000 человек. Начаты раскопки могил. Большая часть учащейся молодежи после взятия города вступила в ряды нашей армии добровольцами»¹⁰.

В начале апреля 1920 г. бывший глава правительства Колчака П. В. Вологодский встретился в Шанхае с двумя бежавшими от красного террора во Владивостоке офицерами, которые рассказали, что там, несмотря на коалиционное социалистическое правительство А. С. Медведева, «фактически орудовали большевики», арестовывавшие и после почти обязательных мучений убивавшие белых: «...Во Владивостоке происходят систематические убийства офицеров-белогвардейцев. Их арестовывают и на пути к тюрьме расстреливают под предлогом прекращения попыток к побегу и т.п.»¹¹. Известный дальневосточный эсер-максималист И. И. Жуковский-Жук писал: «В интересах исторической правдивости необходимо отметить, что к «тряпицынским» методам, т. е. к методам активной беспощадно-революционной, не знающей компромиссов борьбы, прибегали почти все революционеры на Д.-Востоке, особенно в Благовещенске на Амуре. Расстрелы без суда, служащие главным обвинением против «тряпицынцев», здесь были не в редкость. Отдельные представители Амурской власти, как например, начальник областной тюрьмы Матвеев и его помощник С. Димитриев (оба коммунисты) не один десяток лиц, подозреваемых и обвиняемых в контрреволюции и в белогвардейщине, расстреляли под сурдинку без суда и следствия. Это было известно и Ревкому, об этом узнали и многие в городе, но никто против этого не протестовал, за исключением Благовещенской группы анархистов, настолько все «привыкли» к подобного рода явлениям»¹². Однако банде Тряпицына удалось осуществить красный террор в его наиболее беспощадном виде, когда почти все социально и национально чуждые элементы были физически истреблены – заодно с немалым числом и «социально-близких»¹³.

Анархист Яков Иванович Тряпицын, молодой и амбициозный партизанский вожак, происходил из петроградских рабочих, был отважным добровольцем мировой войны, доросшим до унтер-офицера. Оказавшись на Дальнем Востоке, он проявил себя способным организатором анархической уголовной вольницы в Ольгинском уезде и Сучанской долине Приморья. В конце 1919 г. Тряпицын был направлен Военно-революционным штабом партизанских отрядов и революционных организаций Хабаровского и Николаевского районов в низовья Амура для организации там повстанческого движения. Есть версия, что Тряпицын вышел с отрядом самовольно, недовольный пассивностью партизанского командования¹⁴. С ним в качестве комиссара выехала Нина Лебедева-Кияшко, активная эсерка-максималистка из Благовещенска. Движение примерно двухтысячного войска Тряпицына и Лебедевой вниз по Амуру

сопровождалось почти полным истреблением сельской интеллигенции (за революционную «пассивность») и всех, кто был похож на горожанина-«буржуя»; священников топили в прорубях, взятых в плен, включая добровольно перешедших к партизанам, расстреливали¹⁵. Один из тряпицынских помощников Иван Лапта (Яков Рогозин) организовал бандитский отряд, который «производил налёты на деревни и стойбища, грабил и убивал людей», на Лимурских приисках уничтожил тех, кто не отдавал золото, разграбил Амгуньские золотые прииски и окрестные сёла. Отрядники Лапты, вместе с тряпицынцами Заварзиным, Биценко, Дылдиным, Оцевилли, Сасовым, убили сотни нижеамурцев ещё до занятия областного центра¹⁶.

В отряде Тряпицына насчитывалось около 200 китайцев и столько же корейцев, набранных с золотых приисков (последними командовал Илья Пак)¹⁷ и которым атаман выдал щедрый денежный аванс, пообещав золото с приисков и много русских женщин. Современник отмечал: «В партизанские отряды входили... исключительно китайские низы, социальные отбросы, грабители, убийцы, морфинисты, опиокурильщики и т. д.»¹⁸. Один из виднейших сибирских большевиков А. А. Ширямов честно написал, что среди и русских приисковых рабочих Амура имелся «значительный процент сильного уголовного элемента». Самостоятельная жизнь в безлюдной тайге превращала старателей в анархических личностей, в связи с чем амурскими партизанами «было проявлено немало излишней жестокости». Ширямов прямо отмечал, что «амурский таежник мстит так же, как мстили наши [далёкие] предки»¹⁹. Партизанские вожди выдвигались из наиболее целеустремлённых и жестоких личностей, державших в подчинении анархических повстанцев за счёт предоставления им права на грабежи и убийства.

В начале 1920 г. началось активное обсуждение идеи дальневосточного «буфера» между Советской Россией и Японией. Оказавшись перед фактом крушения колчаковской власти, японцы согласились с заходом во Владивосток красных отрядов, что те и осуществили в последний день января 1920 г. Наличие в столице Приморья большого количества иностранных войск не позволило большевикам одержать полную победу, и они были вынуждены смириться с переходом власти к социалистической Земской управе. В это же время Тряпицын осадил и после артиллерийского обстрела в конце февраля захватил Николаевск-на-Амуре, где дислоцировались японский батальон (350 чел.) и примерно такой же по численности белый гарнизон. Путей к нему до ледохода не было, поэтому защитники почти 20-тысячного города могли полагаться только на собственные силы. Они были обмануты партизанами, обещавшими не производить каких-либо жестокостей. Однако, несмотря на присутствие японских войск, гарантировавших соблюдение соглашения от 28 февраля 1920 г., тряпицынцы немедленно начали оргию грабежей и жестоких убийств.

М. В. Сотников-Горемыка, один из переживших тринадцати го-рожан, вспоминал, как арестованных уже наутро, раздев до белья, спешно расстреливали у тюрьмы на глазах друг у друга: «...Трупы валились один на другой. Многие из выводимых мужчин падали в обморок, женщины же на убой шли очень храбро. ...В эти дни в милиции были убиты 72 человека. На другой день подъехало несколько саней, повезли трупы, уже совершенно голые, топить в нарочно выбитых прорубях. Топили и приговаривали: «Отправляем в Японию»²⁰. Из показаний николаевца С. И. Бурнашева следует, что партизаны, по соглашению с японскими военными, «...не должны были производить никаких арестов и вообще никому не мстить... В ночь с 8 на 9 марта они, выведя из тюрьмы, расстреляли 93 человека. 9 марта я сам видел трупы на берегу против Куенги. На другой день, 10 марта, японцами была выпущена летучка, что... против того, что красные «губят народ», расстреливают, ими, японцами, будут приняты меры. Тем не менее аресты продолжались, всё увеличиваясь. 11-го марта вечером красные пригласили японское командование в заседание, где сообщили ему, что... японцы завтра утром до 12 часов должны сдать оружие. Ночью в этот же день часов около двух началась стрельба – выступили японцы»²¹.

Японцы быстро поняли, что имеют дело со зверски настроенной бандой, которая не признаёт договоренностей. Скорее всего, А. Гутман прав, когда пишет, что Трипицын хотел спровоцировать японцев этим ультиматумом на выступление, надеясь, что все партизаны Дальнего Востока точно так же выступят в ответ и разгромят интервентов. И когда толпа пьяных убийц и мародёров предъявила японцам ультиматум о сдаче оружия, командир гарнизона майор Исикава осознал, что именно последует за разоружением единственной силы, способной хоть как-то удерживать партизан. И нанёс 13 марта превентивный удар. Трипицын при внезапной атаке получил два ранения, но смог организовать сопротивление, – и после яростной схватки японский гарнизон был задавлен численностью, а консул и вся обслуга погибли в подожжённом партизанами консульстве.

Уцелевший С. Строд рассказал о горах изуродованных трупов заключённых, истреблённых накануне и в момент выступления японцев: «Осмотрев эту кучу и не найдя брата, я перешёл к громадной второй, в которой было 350–400 человек. <...> Среди трупов я увидел очень много знакомых. Узнал старика Квасова, инженера Комаровского, труп его был сухой, съёженный, измождённый, очевидно было, что его страшно истязали и били, нижняя челюсть и нос были свёрнуты на бок; двух братьев Немчиновых; бывшего танцора, потом служащего Государственного Банка Вишневого, у него руки были связаны назад и вся грудь исколота штыками; двух братьев Андржиевских, у одного из них – Михаила – голова была совершенно разбита..., японский солдат стоял

на четвереньках и язык висел на одной нитке. Судовладелец Назаров стоял стоймя на трупах с выколотыми глазами и с смеющимся лицом. Некоторые трупы были лишены половых органов, у многих женских трупов были видны штыковые раны в половые органы, одна женщина лежала с выкидышем на груди. Труп брата я не увидел и в этой куче... Женские трупы многие были совершенно раздеты, так я видел трупы машинистки земства – Плужниковой, Кухтериной, Клавдии Мещериновой; часть была в одних рубашках, некоторые в кальсонах. При мне работавшие на льду китайцы закончили пробитие проруби и с гиканьем, хохотом, таща по льду за ноги, начали сваливать трупы к проруби и... шестами проталкивать под лёд. В третьей куче трупов, в 75–100, были, как мне потом говорили, трупы г-жи Люри Э.С., инженера Кукушкина и ещё некоторых знакомых лиц». Другой очевидец писал:

«...К 11 марта 1920 года тюрьма, арестное помещение при милиции и военная гауптвахта были переполнены арестованными. Всего арестованных было в тюрьмах около 500 человек, в милиции около 80 и на гауптвахте человек 50... 12 и 13 марта все русские, заключённые в тюрьме, на гауптвахте и в милиции, были убиты партизанами. Таким образом, в эти дни погибло свыше 600 русских, по преимуществу, интеллигентов... Аресты, обыски, конфискация имущества, убийства граждан не прекращались ни на один день». Людей с нарочитой жестокостью рубили шашками и топорами, прикалывали штыками, забивали поленьями... Некоторые партизаны покидали окопы только с единственной целью «прикончить хоть одного буржуя»²².

Узнав затем о приближении императорских войск, готовых отомстить за гибель всей японской колонии (700 чел.), Тряпицын решил доведённым до предельных границ красным террором продемонстрировать свою революционную последовательность. Он, как, впрочем, и все красные власти, чётко разделял подконтрольное население на «своих» и «буржуев». Последние подлежали грабежу и избирательному уничтожению; активных недовольных убивали и изолировали, остальные обычно смирялись. Накануне крушения Николаевской коммуны Тряпицын и его команда максимально расширили контингент социально и национально чуждых людей, подлежащий ликвидации.

Архивы говорят о многочисленности искренних жалоб и партизан, и новорожденных советских властей в зажиточных сибирско-дальневосточных районах на буржуазность доставшегося им населения, слабо облагоустроенного пролетарской прослойкой²³. Состав городского населения Новониколаевска власти оценивали как мелкобуржуазный и спекулянтский²⁴. По оценке местного ревкома, половину населения г. Павлодара Семипалатинской губернии в 1920 г. составляло «контрреволюционное казачество», а треть – буржуазия. Секретарь Алтайского губкома РКП(б) Я. Р. Елькович весной 1921 г. отмечал, что «большая часть населения

губернии представляет из себя кулаческое крестьянство»²⁵. Сотрудники Госполитохраны ДВР в марте 1921 г. характеризовали забайкальский Нерчинск как «центр контрреволюции и спекуляции»²⁶.

Как заявлял тряпицынец Д. С. Бузин (Бич), типичными представителями населения Николаевска-на-Амуре были «рыбопромышленники, золотопромышленники, пароходовладельцы, торговцы-спекулянты, мещане-чиновники и т. д. Рабочих здесь почти нет, если не считать одного или двух десятков грузчиков и столько же бондарей. ... Напрасно мы стали бы искать здесь людей, преданных революции и сторонников Советской власти»²⁷. Но коренной житель города писал о рабочей прослойке иное: в 1919 г. бурно развивавшаяся рыбная промышленность привлекала в город «новых предпринимателей и массы рабочих». Однако последние отрицательно воспринимали агитацию большевиков о вступлении в партизаны, поскольку получали хорошее жалование и боялись японцев²⁸.

Для Тряпицына враждебный богатый город с большой иностранной колонией стал безответным полигоном для насаждения нового строя, физически избавленного партизанами от присутствия как собственно «гадов», так и их семей. Этот вожак, будучи развитым и эрудированным пролетарием, в своём подходе к социальной чистке был апологетом безбрежного террора и опирался на уголовный элемент, который в изобилии присутствовал в партизанских отрядах востока России. Личная и тайная контрразведка Тряпицына имела наблюдение за всем, включая следственную комиссию, что было типично для поведения вождей крупных партизанских отрядов. Например, согласно показаниям А. А. Табанакова, бывшего начальника контрразведки действовавшей осенью 1919 г. в Горном Алтае дивизии И. Я. Третьяка, этот большевистский комиссар после падения советов скрывался в горах и вместе с сообщниками до сентября 1919 г. занимался «грабежами местного населения», а потом примкнул к партизанщине, получив в дивизии Третьяка очень ответственный чекистский пост, демонстрировавший близость его обладателя к руководству²⁹. Аналогичные персонажи отправляли функции тайной полиции и у Тряпицына. Партизанский террор, опиравшийся как на доморощенных чекистов, так и ярость активных партизан, носил все те черты, которые привносили в него большевики и анархисты: массовость, беспощадность, уничтожение людей не только по социальному, но и по национальному признаку, а также террор в отношении «своих».

В захваченном городе в течение трёх месяцев существовала так называемая Николаевская коммуна со всеми положенными атрибутами: реквизициями, конфискациями, обобществлением орудий лова, запретом торговли и введением карточек, чрезвычайной комиссией. Анархист Тряпицын и эсерка-максималистка Лебедева, попутно арестовав и уничтожив «своих» коммунистов по подозрению в заговоре, проводили – причём в

крайнем варианте – политику военного коммунизма, будучи официально признаны Москвой³⁰. Ближайшее окружение Тряпицына составляли лица с уголовным прошлым – Биценко, Будрин, Лапта, Оцевилли-Павлуцкий, Сасов. Основав террористическое государство-коммуну, тряпицынцы его под натиском японских войск сами же и уничтожили. При этом банда Тряпицына пошла по пути социальной чистки предельно далеко, постановив предпринять полное уничтожение даже семей тех, кто был «буржум», евреем или просто «не своим». Глубокая «чистка» была запланирована, тщательно подготовлена и проведена без малейших колебаний. Объективность данных подробной книги опытного журналиста и издателя А. Я. Гутмана «Гибель Николаевска на Амуре», опиравшегося на десятки показаний переживших «инцидент», включая юристов, прежде всего, судебного чиновника К. А. Емельянова, подтверждается и многими советскими документами.

Уяснив, что провоцировать Японию на войну власти Советской России и ДВР не собираются, и помощи осаждённому японцами (в ответ на ошеломившую империю резню гарнизона и всей колонии) городу не предвидится, диктатор Тряпицын решил громко хлопнуть дверью. Возможно, он вдохновлялся мятежом левых эсеров в 1918 г. и рассчитывал, что окажется удачливей в развязывании революционной войны, что неизбежно взорвало бы идею создания буферной Дальневосточной республики. Но вооружённое выступление мстивших за тряпицынские зверства японцев 4–5 апреля 1920 г. нанесло такой жестокий удар красным силам, что ни о каком серьёзном ответе сразу разбежавшихся партизан и армии ДВР нечего было и думать.

Полное уничтожение областного центра было невиданным делом даже для большевиков, хотя власти соседних регионов тайком готовили главные города к уничтожению при отступлении. Летом 1920 г., подготавливая, в ожидании наступления японцев, эвакуацию Благовещенска, Амурский ревком «спешно вывез в безопасное место все ценности и организовал конспиративную тройку в составе коммунистов Бушуева и Ниландера и максималиста С. Бобринева, которым было поручено разработать спешно план эвакуации и наметить те укрепленные каменные здания, которые Ревком предполагал взорвать в случае оставления города, чтобы их не использовали японцы! – Кто не с нами, тот против нас! таково было общее настроение революционных кругов г. Благовещенска. Никто не жалел города, который обрекался на уничтожение, т. к. решено было, что всё трудовое красное население уйдёт в тайгу с партизанами, а остаться может только контр-революционный элемент, которому пусть не останется камня на камне...»³¹ Благовещенск уцелел, но вот при паническом отступлении из Хабаровска 22 декабря 1921 г. большевики, как отмечали белые, сожгли железнодорожную станцию, «взорвали церковь[,] больницу [и] много казенных и частных домов[,]

вагонов [со] снарядами и прочим имуществом»³². Член Дальбюро ЦК РКП(б) В. А. Масленников писал про «ненужное разрушение» при отступлении пароходов Доброфлота и станции: «Ряд разрушений ценностей, произведенных на ст. Хабаровск тоже, конечно, оставил весьма удручающее впечатление на настроение обывателя». Здесь же Масленников отметил, что «нужно было себе представить возмущение населения», узнавшего про «ненужный расстрел 22-х арестованных ГПО при уходе из города»³³.

Со слов К. А. Емельянова, который работал при Тряпицыне канцеляристом в штабе и хорошо знал документы «коммуны», после получения известий о приближении японских войск на заседании ревштаба и чрезвычайной комиссии по предложению Тряпицына и Лебедевой «... было решено город сжечь до основания, часть жителей эвакуировать, а часть уничтожить. ЧК получила чрезвычайные полномочия производить не только массовые аресты, но и казни. Председателем чрезвычайки был назначен крестьянин деревни Демидовки Михаил Морозов, который получил бесконтрольное право распоряжаться жизнью николаевских обывателей. <...> В том же тайном заседании составили проскрипционные списки, материалом для которых послужили заранее затребованные сведения от всех комиссариатов. Порядок массового убийства был установлен следующий: в первую очередь шли евреи и их семьи, во вторую очередь жены и дети офицеров и военнослужащих, третьими обозначены были все семейства лиц ранее арестованных и убитых по приговорам трибуналов или распоряжениям Тряпицына, в четвёртых шли лица, по каким либо причинам оправданные трибуналом и выпущенные на свободу, равно как и их семьи. В пятую очередь предназначались чиновники, торговые служащие, ремесленники и некоторые группы рабочих, не сочувствовавших политике красного штаба. По составленным спискам подлежало уничтожению около трёх с половиной тысяч человек. Почти месяц, приблизительно до мая, продолжалась усиленная работа по намеченному плану. Внесённые в списки систематически убивались небольшими партиями в заранее установленном порядке. Казни производились специально выделенными отрядами из преданных Тряпицыну русских партизан, корейцев и китайцев. Каждую ночь они отправлялись в тюрьму и по списку убивали определённое количество жертв (30–40 человек). К тому времени в николаевских местах заключения находилось около 1500 человек»³⁴.

Тряпицын открыто говорил, что три четверти населения города состоит из контрреволюционеров и притаившихся «гадов»³⁵. Тряпицын и Лебедева, крича на заседании созданного облисполкомом 13 мая полномочного военно-революционного штаба: «Террор! Террор без жалости..!», подписывали весьма красноречивые документы с предписаниями начальникам комиссариатов и учреждений спешно ликвидировать врагов.

Например: «Мандат Пахомову. Срочно предписывается вам составить список лиц, подлежащих уничтожению. Революционная совесть ваша». Или приказ от 24 мая командиру 1-го полка: «Военно-революционный штаб предписывает вам привести в исполнение смертный приговор над арестованными японцами, находящимися в лазарете, а также над осужденными лицами, находящимися в тюрьме»³⁶. Пик террора пришёлся на конец мая.

В тряпицынском терроре был не только социальный, но и расистский оттенок: русские партизаны особенно охотно убивали евреев, китайские и корейские – японцев³⁷. Позднее в «чистке» выявилась другая чудовищная сторона – преимущественное истребление детей и женщин, как перед эвакуацией, так и после. Детей уничтожали вместе с матерями, женщин перед казнью насильовали. Партизаны специально уничтожали детей как лишнюю обузу, считая их «неисправимо вредными». Сначала перебили почти всех японских детей, причём самых маленьких бросили живыми в выкопанную в снегу яму³⁸; затем «членов еврейского общества... на пароходе отвозили на Амур и топили больших и маленьких»³⁹.

С 28 мая партизаны начали выжигать окрестности, уничтожая рыбацьи посёлки напротив Николаевска-на-Амуре, а 29 мая – сжигать жилые дома и взрывать крупные каменные постройки областного центра. Всего было уничтожено 1 130 жилых построек – почти 97% всего жилфонда. Из общественных зданий сохранились лишь тюрьма и торговое училище⁴⁰. Тряпицын официально объявил сельским ревкомам: «Город весь сожжен... крупные здания взорваны, японцам остался один пепел. Не осталось от Николаевска камня на камне». Груженные награбленным добром, включая полтонны золота и множество конфискованных драгоценностей, партизаны покинули пепелище. Тряпицынцы бежали вверх по р. Амгунь к приисковому поселку Керби, поджигая на пути селения, прииски и драги, убивая всех подряд⁴¹. Уместно отметить, что в сожжении Николаевска-на-Амуре до сих пор, по следам советской пропаганды, обвиняют японских интервентов. Уверения иных краеведов, что японцы-оккупанты «на руинах старого Николаевска не построили ничего»⁴², опровергаются документами. В середине ноября 1921 г. чекисты ДВР информировали, что «японцы начинают производить в городе Николаевске постройки, крупный коммерсант СИМАДО⁴³ строит православную церковь»⁴⁴. Из разведсводки штаба НРА ДВР от 3 августа 1922 г., адресованной ГПУ РСФСР, следует, что 15 июля штаб японского полка, расквартированного в Николаевске-на-Амуре, получил из штаба дивизии приказание готовиться к эвакуации, в связи с чем «постройка домов [в] Николаевске японцами прекращена»⁴⁵.

Красный террор не прекратился и с уничтожением Николаевска. Жуткие сцены разыгрывались во время многодневного пешего перехода по тайге девяти тысяч насильно эвакуированных горожан, когда партизаны,

по воспоминаниям Г. Г. Милованова, «ехали верхом на людях», а ослабевших женщин и детей тут же приканчивали⁴⁶. Другой очевидец вспоминал: «В Керби творились страшные злодеяния... Ночью приходили вооружённые люди и говорили, что нужно эвакуироваться. Людей поднимали и уводили из села. Никто не возвращался. Без ружейной стрельбы всех до одного рубили шашками... По реке всплывали трупы»⁴⁷. По Амгуни плыло множество трупов: «Плыли женщины, дети и редко мужчины – с обрезанными ушами, носами, отрубленными пальцами, с резаными, колотыми штыковыми ранами. Хоронить их было запрещено»⁴⁸. Отметим, что уничтожение семей тех, кто уже был затронут террором, практиковалось на Дону в период «расказачивания» 1919 г. и было широко повторено чуть позднее – во время террора чекистов 1920–1921 гг. в захваченном Крыму. Таким образом, Тряпицын является одним из идеологов и практиков массовых чисток гражданского населения, включая сознательное уничтожение детей. Его сепаратизм, терроризм и ультрареволюционный авантюризм привели к ликвидации тряпицынской диктатуры руками партизан по инициативе большевиков и их спецслужбы.

По наиболее распространённой версии, появившейся в момент событий, сознательные партизаны, устав от террора, который бил по самим отрядовцам, составили заговор против диктатора. Как утверждал на партийной чистке в 1925 г. бывший тряпицынец А. А. Зинкевич, дослужившийся до помощника начальника штаба 56-го погранотряда Амурского губернского отдела ОГПУ, партизаны «расстреливались направо и налево»⁴⁹, а руководитель Николаевского ревкома в конце 1920 г. отмечал, что «когда поплыли по Амуру и Амгуни [убитые] жены, дети партизан, их отцы, матери, народ восстал и сверг Тряпицына»⁵⁰. Внезапным налётом группы партизан во главе с начальником областной милиции И. Т. Андреевым в ночь на 4 июля сонный Тряпицын вместе с 450 соратниками были схвачены без сопротивления. Несколько дней спустя признанные наиболее опасными головорезы были быстро осуждены наспех собранным судом из партизан и местных жителей в составе 103 членов.

Но есть основательные сведения о том, что устранение атамана было проведено хабаровскими властями с помощью верных партийцев и чекистов, – для устранения анархического источника военных провокаций с Японией, враждебного уже созданной ДВР и коммунистам. Один из историков пишет: «Еще в мае 1920 года революционный штаб в Хабаровске принял решение покончить с Тряпицыным и его штабом. Для этого был подготовлен отряд из 10 человек, который получил предписание арестовать самого Тряпицына и его одиозных помощников, судить их «народным судом» и казнить, как «изменников советской власти». В конце июня хабаровские посланники пробрались на Амгунь... и

вошли в связь с группой партизан, возглавляемых Андреевым, которые стояли в оппозиции к Тряпицыну»⁵¹. Имевший доступ к архивам ФСБ А. А. Петрушин сообщает, что властям, узнавшим о произволе Тряпицына, «пришлось отправить в Приамурье «укротителя сибирских партизан»... Александра Лепехина... Чекистский спецназ Лепехина тайно захватил штаб партизана Тряпицына и ликвидировал его вместе с любовницей Лебедевой-Кияшко, зверствовавшей не меньше своего друга»⁵². В пользу версии о вмешательстве Хабаровска говорит и то, что сразу после расстрела трияпицынского штаба хабаровские большевики выразили полное одобрение этой акции.

После ареста Тряпицына началось спешное документирование его зверств. Как сообщал М. В. Сотников-Горемыка, И. Т. Андреев «... назначил комиссию для осмотра укупоренных ящиков, обнаружили деньги в бумагах, золоте, серебре, золотых серьгах, оторванных вместе с мочками ушей. Составлялись протоколы на выловленные трупы из озер и рек. У женщин были отрезаны груди, у мужчин – раздроблены ядра. У всех выловленных трупов были голые [оскальпированные] черепа»⁵³. Материалы скорого следствия довольно скупы на подробности, но всё же выразительны циничной уверенностью 23-летнего Тряпицына в абсолютной правоте своих действий. Показания его и остальных подсудимых не противоречат рассказам уцелевших, но следует учесть, что судьи обвиняли Тряпицына в основном за убийства своих, расстрелы коммунистов и мирных японцев, и лишь в последнюю очередь вспоминали о судьбах уничтоженных «буржуев». Обвиняемые изворачивались и старались как можно сильнее при, уменьшить свою вину, но в ответах на вопросы предварительного следствия порой бывали достаточно откровенны. Семеро основных обвиняемых 9 июля были осуждены к смертной казни и сразу расстреляны.

Чуть позднее, 13 июля, были осуждены остальные активные трияпицынцы⁵⁴. Всего к суду привлекли 133 чел., из них 23 расстреляли, 33 – осудили к тюремному заключению, 50 – освободили, а 27 дел так и не было рассмотрено. Оказались расстреляны чекист М. Г. Морозов, адъютант Биценко А.Л. Фаинберг, соратники Биценко по бандитизму И. Г. Живной, В. Н. Буря, В. Лобастов, командиры полков и работники властных структур Б. В. Амуров-Козодаев, Л. В. Граков, Ф. В. Козодаев, М. С. Подопривоговоров, Ф.И. Горелов, А. С. Козицин, А. И. Иванов, А. И. Волков-Сokolов, И. Д. Куликов-Федоров, Г. Н. Константинов, К. И. Молодцов⁵⁵. Осуждённые к заключению остальные насильники и убийцы охранились не слишком тщательно и смогли вскоре благополучно бежать в действовавшие по соседству партизанские отряды.

Часть бандитов Тряпицына, тем не менее, сохранилась во властных структурах области, что вызывало определённую озабоченность руководства ДВР, хотя её истеблишмент был партизанским и далёким от

принципиальной борьбы с бандитизмом и мародёрством в собственных рядах. Дальбюро ЦК РКП(б) 6 июня 1921 г. постановило освободить Василия Ганимедова от должности начальника Амгуно-Кербинского района «как тряпицынца»⁵⁶. А осенью 1922 г. в производстве Следчасти Главного военного суда НРА и флота ДВР находилось дело бывшего начальника штаба Военно-уполномоченного Амгуно-Кербинского приискового района П. Г. Тентерева, обвинявшегося в недонесении и пособничестве преступлениям В. Ганимедова (сам Ганимедов на 1 августа 1922 г. содержался под арестом в Военном отделе ГПО ДВР). Тем не менее, Тентерев тогда же был освобождён под поручительство какого-то высокопоставленного лица⁵⁷. Характерно, что основные персонажи суда над тряпицынцами были вынуждены бежать из страны, оказавшись в Японии и Китае (И. Т. Андреев), в США (А. З. Овчинников). Такой исход участников ликвидации тряпицынщины – это не закономерное исчезновение за кордон «белых заговорщиков», как считает склонный к конспирологическим обобщениям Г. Г. Лёвкин⁵⁸, а логичные поступки людей, спасавшихся от партизанской мести. Хотя в этом можно видеть и проявление политической беспринципности, весьма свойственной партизанам⁵⁹.

На суде самими партизанами говорилось об уничтожении около половины населения региона. К началу 1920 г. численность жителей области руководители коммуны оценивали почти в 30 тысяч человек⁶⁰. В результате тряпицынской резни население Сахалинской области в 1920 г. сократилось, по некоторым данным, до 10 тысяч человек⁶¹, а саму область вскоре ликвидировали, слив с Приамурской областью. В конце 1920 г. руководство Сахалинской области определяло численность русского населения в 17 тысяч, инородческого – в 1 200 человек⁶². Таким образом, минимальное число жертв тряпицынщины в одном Николаевске можно оценить, как и современники событий, в 6–7 тысяч человек (включая белый гарнизон и японцев); по оценке же сахалинских властей – исходя из 18 тысяч уцелевшего населения, – цифра потерь в целом по области была на уровне не менее 10–15 тысяч человек, включая умерших от голода и лишений.

Публикуемый документ важен для опровержения аргументации апологетов тряпицынщины. Известно, что партизанские судилища обычно выглядели предельно упрощённо. В них нечасто применяли процедуру сколько-нибудь основательного расследования, упирая больше на скорость осуждения и исполнения смертного приговора. Например, приговор от 1 ноября 1919 г., вынесенный командирами рот и прочими отрядниками (всего 33 человека) действовавшего в Барабинской степи Томской губернии 9-го Каргатского полка, имел следующую формулировку: «...Бывший наш командир 1-го батальона Павел Твердохлеб являлся не товарищем, а деспотом и держал со времени организации [отряда] до

настоящего времени весь район в своих кровавых руках, а потому с разрешения товарищей всего батальона единогласно постановили: предать Твердохлеба Павла Ульянова сейчас же смертной казни чрез расстрел. О всех подробностях его незаконных действий поручить после приведения приговора в исполнение расследование следственной комиссии»⁶³. Исполнение приговора прежде расследования отражало своеобразное понимание партизанами порядка судебного-следственных процедур.

В этом смысле не являются исключением и материалы партизанского суда над тряпицынцами. Однако при общей предопределённости результата этого судилища, в нём было подобие кратких судебных прений, заслушивание обвиняемых и свидетелей, а также документальные обоснования терроризма видных тряпицынцев. Предлагаемый документ является очень красноречивым и цитируемым источником, давно нуждаясь в полной и комментированной публикации. Не отличающийся объективностью конспект протокола судебного заседания можно найти только в малодоступной книге И. И. Жуковского-Жука 1922 г. «Н. Лебедева и Я. Тряпицын. Партизанское движение в низовьях Амура» (с. 86–92), где автор сознательно опустил ряд особенно компрометирующих тряпицынцев эпизодов. Тем не менее, Жуковский-Жук в своём достаточно подробном конспекте протокола привёл значимые факты и дал представление об этом документе. Составители ценного документального сборника о дальневосточной политике РСФСР периода Гражданской войны ограничились воспроизведением минимального по объёму фрагмента протокола⁶⁴. Наконец, в содержательной книге историка В. Смоляка «Междоусобица» (2008 г.) обширные фрагменты протокольной записи даны с неогороженными сокращениями и значительной литературной правкой, приближающей текст к пересказу.

Протокол суда над тряпицынцами при всей относительной краткости и умолчаниях насыщен информацией и даёт важные сведения о массовых самочинных жестоких казнях, расправах над детьми, изнасилованиях, грабежах, которые позволяют доказательно оспаривать мнения многочисленных современных апологетов тряпицынщины. Введение в научный оборот этого ценного источника позволяет расширить документальную базу, относящуюся к одной из самых драматических страниц Гражданской войны. Документ печатается по заверенной копии, направленной хабаровскими большевиками для сведения Сиббюро ЦК РКП(б) и сохранившейся в фондах Государственного архива Новосибирской области.

ПРОТОКОЛ

первого заседания Народного Суда Сахалинской Области, состоявшегося в селении КЕРБИ⁶⁵ 8 Июля 1920 года.

Заседанием открывается в 2 час. 20 мин дня председателем трибунала Удинского гарнизона т. КЛЯЧИНЫМ. Присутствует 101 делегат.

Слушается вопрос об избрании президиума.

После непродолжительных прений постановлено избрать президиум в составе семи человек: председателя, двух его товарищей и четырех секретарей; сверх того пригласить в президиум одного представителя от членов Суда корейцев.

Тайным голосованием /записками/ избираются председателем т. ОВЧИННИКОВ[,] получивший 48 г.[олосов], товарищами председателя тов. ВОРОБЬЕВ[,] получивший 32 голоса[,] и тов. МИШИН, получивший 50 голосов.

Открытым голосованием секретарями избираются т.т. УСОВ, АКИМОВ, ЗАЛОБАНОВ и ПТИЦЫН.

Председатель тов. ОВЧИННИКОВ благодарит за оказанное доверие. Командующий войсками т. АНДРЕЕВ приветствует суд от имени Ревштаба и призывает уклонившихся [в бандитизм] советских работников судить по совести и тщательно не для удовлетворения кровожадных инстинктов массы, а для внесения успокоения в ряды истинных друзей Советской власти. Тов. НИКОЛАЕВ просит кооптировать его как сведущее лицо, просьба отклоняется единогласно. Открываются прения о способе суда.

Ряд ораторов высказывается за необходимость зачитать следственный материал. Другие за осуждение без зачитывания этого материала, так как преступные деяния обвиняемых всем достаточно известны. Вносятся три предложения 1. Зачитать следственный материал. 2. Судить главных виновников без следствия. 3. Судить всех без следствия.

Открытым голосованием большинством голосов 62 против 37 при двух воздержавшихся принимается первое предложение, второе и третье отпадает.

Секретарь следственной комиссии тов. САЛПИН начинает зачитывать материал. После прочтения показаний ТРЯПИЦЫНА вносится предложение прекратить зачитывание. После минутных прений подавляющим большинством зачитывание материалов прекращается. Высказывается ряд ораторов по вопросу о порядке опроса обвиняемых и привода их в суд.

Вносятся три предложения. 1. Начать разбор со следственной комиссии, 2[.] начать с мало виновных и 3. Начать с главных виновников. Первое предложение принимается единогласно, второе и третье отпадает.

1/ Доставить всю следственную комиссию в караульное помещение и доставлять в заседание суда по одному. 2/ Доставлять в заседание по одному, а порядок привода предоставить командующему войсками.

Объявляется перерыв на 1 час для привода арестованных.

Заседание возобновляется в 7 час[ов] вечера.

Председательствует тов. ОВЧИННИКОВ.

Вносится предложение предоставить каждому члену суда право опроса обвиняемого[, предложение] без прений принимается.

Вводится обвиняемый тов. ДЫЛДИН /быв. комиссар юстиции и председатель военного революционного трибунала/. Задают вопросы товарищ председателя и члены суда по предварительной записи.

В. Было ли ТРЯПИЦЫНЫМ отдано приказание об аресте и насилии девушек.

О. Если бы было, то я убежал бы из трибунала.

В. Были ли случаи насилия в следственной комиссии.

О. Нет.

В. Знаете ли Вы вообще об изнасилованиях.

О. Ничего не знаю.

В. Отдавались ли лично Вами распоряжения об арестах.

О. Отдавались при необходимости, например, арест НЕХОТИНА.

Вообще аресты производились преимущественно по данным, даваемым профессиональными союзами.

В. Как отдавались распоряжения о массовых расстрелах в последние дни эвакуации города.

О. Исключительно ТРЯПИЦЫНЫМ.

В. Известны ли Вам случаи рас[с]трела помимо следственной комиссии.

О. Были рас[с]трелы вероятно Тряпицынской контрразведкой.

В. Кто был в этой контрразведке[?]

О. Это мне неизвестно.

В. Кем производились рас[с]трелы [?]

О. По приговору трибунала особо каждый раз назначаемыми тряпицынскими отрядами в том числе и [над] Мургабовым, а что помимо трибунала мне неизвестно.

В. Как поступалось с ценностями[,] отбираемыми [сотрудниками] следственной комиссии от арестованных.

О. Проводились по особому журналу, каковой контролировался ревизионной комиссией.

В. Куда сдавались следственной комиссией ценности.

О. В банк и в Штаб.

В. Подчинялись ли Вы требованиям Исполкома.

О. Какой бы я был социалист если бы не подчинялся.

В. Почему ничего не сделали против массовых расстрелов.

О. Когда ТРЯПИЦЫН отдал распоряжение бить направо и налево, я уже не мог сопротивляться. Должна была сопротивляться масса.

В. Предполагалось ли уничтожить население[,] которое не успеет эвакуироваться.

О. Не знаю. ПЛЕВАКО говорил[, что] с нами выйдут только сильные, а слабые умрут.

В. Давали ли Вы распоряжения сжечь муку, при следовании из Николаевска через Орскую резиденцию.

О. Нет[,] муку сжег БОЖЕНКО.

В. Кто был ближайшим помощником БИЦЕНКО.

О. Помощником БИЦЕНКО был ФА[Й]НБЕРГ[.]

В. Из какой местности Вы приходите.

О. Пермской губ., Соликамского уезда, села Усолье.

В. Сколько Вам лет.

О. 26.

В. Работали ли Вы в 17–18 год[ах?]

О. Работал с КРАСНОЩЕКОВЫМ.

В. Обладаете ли Вы волей[?]

О. Могут сказать другие.

В. Могли ли протестовать против кровожадности ТРЯПИЦЫНА.

О. Прежде не было у него кровожадности, а в последние дни я с ним поссорился и меня он выгнал в Керби[.]

В. Сделали ли Вы чтонибудь против террора в Удинске[?]

О. Я там не работал. Я вырвал детей одного семейства у Сасова [и] привез в Керби, но здесь их все таки расстреляли помимо меня.

В. Кто окружал ТРЯПИЦЫНА.

О. Были близки ГРАКОВ, САСОВ, ЛАПТА[,] быв.[ший] ранее у атамана Калмыкова и др.

В. Воздействовали ли в Керби на ход событий[?]

О. Я был безсилен. Я просил у ЦЫГАНКА револьвер[,] говоря: «Я сам застрелюсь, чтобы не быть расстрелянным разбойником». Как то просил у фельдшара цианистый калий⁶⁶, так как был уверен, что буду [утоплен] в Аргуни. Я застрелил БИЦЕНКО, когда он намеревался спустить в Аргунь невинных.

В. Делал ли все МОРОЗОВ по распоряжению следственной комиссии[.]

О. Нет[,] он лично бывал у ТРЯПИЦЫНА и непосредственно от него получал распоряжения.

В. Что делала в последние дни Николаевска следственная комиссия[?]

О. Ея работа со дня роспуска трибунала – 22 мая свелась к выдаче пропусков [на выезд из города].

В. Когда Вы выехали из города.

О. Точно не помню.

В. Как уничтожался город.

О. Это было после моего отъезда.

В. Определите день выезда по отношению ко дню выезда союза Иглы⁶⁷.

О. Я выехал в тот день когда выехал союз Иглы.

В. Почему производились массовые расстрелы при эвакуации города[?]

О. ТРЯПИЦЫН отдал распоряжение воинским частям уничтожать всю николаевскую буржуазию.

В. Почему Вы не оказали воздействия на командный состав.

О. Командиры частей имели власть больше моей[.]

В. Кому отдавал распоряжение Тряпицын кроме командиров частей по расстрелу буржуазии.

О. Он отдавал распоряжение тому, кому доверял: «Если ты знаешь гадов, то уничтожь».

В. Как производилось учищение [очищение – прим. публ.] тюрьмы при эвакуации города[?]

О. ЖЕЛЕЗИН держал бумагу и по списку спрашивал: «Кто его знает». ОЦЕВИЛ[Л]И или другой отвечал: «Я знаю[] это гад» и ЖЕЛЕЗИН ставил крест[.] Я был неучастником, а тормазом этой комиссии, разгрузивший тюрьму.

В. Кто был в этой комиссии.

О. Был ОЦЕВИЛИН [Оцевилли – А.Т.], ЖЕЛЕЗИН и др. фамилии не помню.

В. Кто выезжал для расстрела т. т. БУДРИНА, ИВАНЕНКО и др.⁶⁸

О. Меня в городе не было, но знаю, что расстреливала милиция.

В. Хотели ли Вы идти из города [Николаевска] на Удинск или в другое место[?]

О. Было предложение идти на Якутск, но я сказал, что не таковой трус и не пошел.

В. К какой партии себя причисляете.

О. К партии социалистов революционеров максималистов. Состоял в партии во Владивостоке, в Николаевске не состоял за фактическим отсутствием организации.

Обвиняемый просит дать очную ставку с Тряпицыным, каковое заявление принимается к сведению. Обвиняемый уходится.

За поздним временем вносится два предложения. 1/ допросить БЕЛЯЕВА, а остальных обвиняемых отвести под стражу. 2/ Увести всех и отложить заседание до 8 час. утра. Единогласно принимается второе[.] Предлагается отделить опрошенного тов. ДЫЛДИНА от остальных арестованных, чтобы отнять возможность сговора. Принимается единогласно[.] Начальник штаба тов. АНОШКИН оглашает два внеочередных заявления. 1/ о праве Ревштаба на представительство в суде, И[И] / о скорейшем разбирательстве[] не увлекаясь следствием. По первому заявлению собрание подтверждает право Ревштаба, по второму принимает к сведению[.] Заседание закрывается в 11 час. вечера.

Подлинный за надлежащими подписями. С подлинным верно: Секретари народного суда /подписи/

ПРОТОКОЛ

Второго заседания Народного Суда Сахалинской Области[,] состоявшегося в селении Керби 9 июля 1920 года

Собрание открывается в 8 час. 45 мин[.] утра при 73 членах суда[,] председательствует товарищ председателя тов. ВОРОБЬЕВ.

Вносится предложение пересмотреть порядок [о]суждения и опроса. Открываются прения. Ряд ораторов говорит о нецелесообразности таких опросов, как опрос ДЫЛДИНА. Члены суда разбрасываются, повторяются, много времени тратится на маловажные вопросы, а самое необходимое упускается из вида. Тов. СОРОКИН не допускает отступления от тщательных опросов мало виновных подсудимых, нужных для суда, как свидетельские показания, но призывает опрашиваемых не повторяться. Оглашается внеочередное заявление отдела вооружения о разборе сегодня же дела главных виновников. Принимается к сведению. Тов. ВОРОБЬЕВ, предлагая не отступать от принятого порядка опроса, в то же время находит необходимым ограничить время опроса каждым членом суда двумя минутами.

Тов. АНОШКИН находит достаточным задавать каждому обвиняемому 3–4 более важных вопроса, каковые теперь же наметить, причем дело разбирать в порядке виновности, начиная с главных и не вызывая всех в суд. Тов. ГРОБОВСКИЙ предлагает теперь же вынести резолюцию по внеочередному заявлению отдела вооружения. Тов. АНОШКИН вносит конкретное предложение не производить подробного следствия над «Главковерхами» и приступить к суду по особо составленному списку начиная с главных виновников. Единогласно принимается. Составляется список подсудимых по очередям, по заявлениям членов суда с мест[.] В первую очередь назначаются ТРЯПИЦЫН, Нина ЛЕБЕДЕВА, харьковский ОЦЕВИЛЛИ[,] ЖЕЛЕЗИН, дед – ПОНОМАРЕВ[,] САСОВ и «ОСЬКА КРУЧЕНЫЙ». Такая очередь большинством утверждается. Тов. СОРОКИНЫМ вносится предложение доставлять в суд обвиняемых по одному для короткого опроса[,] тов. АНОШКИНЫМ вносится предложение в первую очередь судить заочно. Предложение т. Аношкина большинством против 23 отклоняется. Большинством принимается первое предложение. Председательствующий предлагает членам суда представить записки с вопросами подсудимым. Вводится Тряпицын. Допрос ведется т. председателем т. ВОРОБЬЕВЫМ.

В. К какой принадлежите партии.

О. Анархист-индивидуалист.

В. Почему и по чьему распоряжению уничтожено мирное население Японии в гор. Николаевске.

О. Я был ранен и потому не могу ответить на этот вопрос.

В. Признаете ли Вы себя виновным в гублении мирного населения Японии.

О. Безусловно не признаю.

В. Почему и по чьему распоряжению сожжен гор. Николаевск[?]

О. По распоряжению военревштаба и согласно телеграммы тов. ЯНСОНА следующего содержания: «Вы должны во что бы то ни стало удержать гор. Николаевск. Этим Вы оказываете неимоверную услугу Советской России и ответственность падает на Вас. Материал по этому поводу должен привезти Степан ШЕРИ[] командированный мною в Иркутск[»].

В. По чьему распоряжению уничтожалось мирное население Сахалинской области.

О. Мирное население вообще не уничтожалось. Может быть зададите вопрос[] почему уничтожалась известная часть населения. Уничтожался лишь контр-революционный элемент.

В. Знаете ли Вы[] что уничтожено около половины населения области?

О. Мне неизвестно.

В. Ваша настоящая фамилия ТРЯПИЦЫН.

О. Да.

В. Знаете ли Вы в Красноярске семью МАШНИНЫХ.

О. Нет, знаю там только одну девушку[] кажется[] сестру ЗИНИНА[.]

В. Знает ли Вас ктонибудь из населения Сахалинской области.

О. Вряд ли. Даже могу сказать с уверенностью, что меня здесь никто не знает.

В. Почему и по чьему распоряжению уничтожены в Николаевске видные советские деятели: БУДРИН, ИВАНЕНКО, МИЗИН и др.⁶⁹

О. По моему. Зная прежнюю деятельность МИЗИНА, зная, что ему весной на Хабаровской конференции было вынесено недоверие[] я ... я... ну, сами знаете, что... Будрин, Иваненко за организацию китайских отрядов с тайной целью судом [среди] приговоренных к расстрелу не были, а потом расстреляны по постановлению Ревштаба и по моему личному распоряжению.

В. Почему Вы окружили себя преступным элементом[:] ЛАПТА, БИЦЕНКО, РЫЖОВ, НЕХОТИН и т. д.

О. О преступности Лапты знал, но знал его работу в партизанских отрядах, знал, что он может быть полезен в военном отношении, что он от нас не уйдет, и потому держал. Других же [как преступников] не знал, вообще не окружал себя преступным элементом.

В. Была ли у Вас своя контр-разведка.

О. Была. Кто именно не помню... Был ЛАПТА[] затем ХАРЬКОВСКИЙ[] других не помню, черт его знает[] кажется ОЛЬШАНСКИЙ был... чуть ли не был САСОВ. Эта кучка имела наблюдение за всем и между прочим за следственной комиссией.

Обвиняемый просит объявить ему суть обвинения[.]

Председатель объявляет, указывая р[у]кой на окно, за которым лежит труп девочки, [с] рассеченным черепом: «Вы обвиняетесь, как диктатор. Жертва налицо». Обвиняемый отвечает: «Я не отрицаю, что был диктатором и что не шел по программе большевиков, но прошу объявить[,] обвиняюсь ли я как революционер или как контр-революционер...»

Председатель объявляет: «Вы обвиняетесь как диктатор, уклонившийся от основ советской власти, как виновник уничтожения мирного населения».

Вводится Нина ЛЕБЕДЕВА-КНЯЖКО⁷⁰.

В. К какой принадлежите партии.

О. Социалистов-революционеров максималистов[.]

В. Почему уничтожено в г. Николаевске мирное население Японии и по чьему распоряжению.

О. Я этого не касалась.

В. Почему расстреляны Советские деятели БУДРИН, ИВАНЕНКО, МИЗИН и др.

О. На этот вопрос также не могу ответить[,] в военные дела не вмешивалась.

В. Как Вы могли не знать[,] будучи Начальником Штаба.

О. У меня были только канцелярские обязанности. Мне ничего не говорили. Даже смеялись надо мною, когда я защищала когонибудь, говорили, что я защищаю потому что женщина.

В. Кто был в личной контр-разведке Тряпицына.

О. Об ней ничего не знаю.

В. Считаете ли Вы себя участницей дел Тряпицына, были ли у Тряпицына от Вас секреты.

О. В военные дела не вмешиваюсь и военных дел не знаю.

В. Знаете ли цель уничтожения мирного населения Сахалинской области.

О. Об этом не знаю. Ревштабом было отдано распоряжение всем комиссариатам об изъятии белогвардейского элемента.

В. Правильна ли Ваша фамилия.

О. Да[,] правильна ЛЕБЕДЕВА, а КИЯШКО дана мне на Хабаровской конференции.

В. Выдавали ли Вы мандаты за свою подпись на право расстрела?

О. Нет.

В. Вступая в должность начальника штаба[,] знали ли Вы возлагаемые на Вас тем самым обязанности.

О. Мне было предложено заведывать канцелярией. В военных же делах ничего не понимаю.

В. Подписывали ли Вы распоряжение об уничтожении китайцев[,] задержанных в устье Аргуни.

О. Об уничтожении распоряжении не было, а о задержании было.

Подсудимой предоставляется три минуты для последнего слова.

Обвиняемая говорит, что ее обязанности включают заведывание канцелярией, шифрование телеграмм, составление информации, вообще в письменной работе, что она в военные дела не вмешивалась[] так как ничего в них не понимала, что об избииении населения ничего не знала, говорит: «Вообще совершенно не понимаю в чем дело, в чем меня обвиняют и за что я подвергаюсь оскорблениям».

Обвиняемая уходится, вводится ХАРЬКОВСКИЙ.

В. Какой Вы партии.

О. Просто большевик. Больше ни к какой партии не принадлежал.

В. Признаете ли себя участником Тряпицына.

О. Не признаю.

В. Были ли в личной контр-разведке Тряпицына.

О. Не был, никакого участия не принимал. Присылались мне мандаты, из которых один я уничтожил.

В. Кто был в личной разведке Тряпицына.

О. Не знаю. Ближе к Тряпицыну не стоял.

В. Участвовали ли Вы в расстрелах около оружейной мастерской и по чьему распоряжению.

О. Не участвовал и не знаю[] по чьему распоряжению [расстреливали]. Мне было не до этого[] я был с рабочими.

В. Куда Вами отправлялись ручные гранаты и патроны.

О. Отпускались по требованиям Биценко и экспедиционного отряда[.]

В. Отправлялись ли патроны по личному распоряжению Тряпицына.

О. В экспедиционный отряд. Кроме того[] были забраны гранаты ГРАКОВЫМ.

В. Выдавали ли Вы оружие по своему усмотрению.

О. Никакого не выдавал. Только по требованию.

В. Признаете ли себя соучастником Тряпицына.

О. Не признаю.

В. Принимали ли участие в изнасиловании женщин и девушек.

О. Не принимал, наоборот[] я вырвал из рук конвоиров УТРОБИНУ и БРОННИКОВУ, которых вели для расстрела.

Предоставляется две минуты для последнего слова.

Подсудимый говорит: «При эвакуации я просил об освобождении от должности заведующаго оружием и об откомандировании на фронт. По приезде в Керби был арестован и освобожден БИЦЕНКО. По приезде ВИДЬМАНОВА последний грозил мне арестом. Патроны работал [т. е. изготовлял – прим. публ.] и хранил для фронта. Никакого участия в делах ТРЯПИЦЫНА не принимал, не считаю себя ни в чем виновным».

Председатель обвиняет [по смыслу: разъясняет – прим. публ.]: «Может быть[,] Вы хотите знать[,] в чем Вы обвиняетесь». Так вот... остатки [населения] Сахалинской области избрали из себя Народный Суд, который судит Тряпицына и его приспешников[;] в качестве тряпицынского приспешника обвиняетесь Вы.

Подсудимый уводится. Вводится ОЦЕВИЛЛИ.

В. Какой Вы партии.

О. Анархист.

В. Признаете ли Вы себя соучастником Тряпицына, работали ли Вы с ним в контакте.

О. Я работал по указанию Тряпицына.

В. Действовали ли самостоятельно.

О. По указанию Тряпицына.

В. Почему и по чьему распоряжению уничтожено мирное население Японии в гор. Николаевске.

О. Не знаю, виновным себя не признаю.

В. Что Вы делали во время японского выступления.

О. Я командовал орудием против консульства.

В. Почему и по чьему распоряжению сожжен г. Николаевск.

О. По распоряжению командующего, согласно директив из Советской России.

В. Почему окружал себя Тряпицын преступным элементом.

О. Не знаю.

В. Знаете ли этот преступный элемент.

О. Определенно не знаю.

В. Почему и по чьему распоряжению уничтожены советские деятели: БУДРИН, ИВАНЕНКО, МИЗИН и др.

О. Это знает следственная комиссия и трибунал.

В. Кто участвовал в личной контр-разведке Тряпицына.

О. Не знаю. Тряпицын ничего об этом не говорил.

В. Знаете ли об ее существовании.

О. Не знаю, было какое то бюро.

В. Присутствовали ли при расстрелах. Кто был исполнителем.

О. Присутствовал при некоторых [расстрелах] согласно распоряжения Тряпицына по указаниям со стороны. Увозил на катере на форватер и...

В. Были ли при разгрузке тюрьмы⁷¹ 27 мая.

О. Не был.

В. Лично расстреливали.

О. Было сказано[, что] и расстреливал.

В. Как Ваша настоящая фамилия.

О. ОЦЕВИЛЛИ–ПАВЛУЦКИЙ. Двойная фамилия[.]

- В. Участвовали ли Вы в изнасилованиях.
- О. Нет[,] ничуть и знать не могу.
- В. Куда девали ценности в Керби[?]
- О. О ценностях знает ВОЛЬНЫЙ.
- В. Об какую жертву Вы сломали свой кинжал.
- О. При убиении одного жандарма.
- В. Чья жертва доктор КАЙДАЛОВ.
- О. Было поручено Ревштабом [казнить Кайдалова] мне и [ещё]

трем лицам.

- В. Участвовали ли вы в расстрелах⁷² БУДРИНА[?]
- О. Мне было поручено.
- В. Кто выдавал мандаты на право расстрелов мирного населения[?]
- О. Выдавал[и] Главнокомандующий и Начальник Штаба⁷³[.]
- В. Пользовались ли доверием у Тряпицына, могли ли выпустить невинную жертву из тюрьмы.
- О. Если мог застоять [заступиться – прим. публ.] – застаивал.
- В. Материал для ареста исходил из следственной комиссии.
- О. Да.
- В. А лично от Тряпицына.
- О. Приказывал и должно было быть исполнено.

Предоставляется 2–3 минуты для последнего слова.

Обвиняемый говорит, что действовал согласно велений своей совести во имя великих идеалов, строго распоряжения исполнял высшей власти как подобает истинному революционеру. Ни в чем себя не может упрекнуть и в [ни]каких преступлениях не признает себя виновным. Председательствующий объявляет сущность обвинения /см. пред./ Подсудимый уходится. Вводится ЖЕЛЕЗИН.

- В. Какой вы партии.
- О. Большевик просто.
- В. Признаете ли себя соучастником Тряпицына. Работали ли с ним в контакте.
- О. Нисколько.
- В. Почему и по чьему распоряжению уничтожено мирное население Японии в гор. Николаевске.
- О. Неизвестно мне было. Участвия не принимал.
- В. Почему сожжен г. Николаевск и по чьему распоряжению.
- О. По распоряжению лично Тряпицына, как база, сожжены Николаевск и Рыбалки.
- В. Поступало ли на это распоряжение из Центра.
- О. Ничего не было т... мне неизвестно.
- В. Почему Тряпицын окружал себя преступным элементом и знаете ли этот преступный элемент.

О. Затрудняюсь ответить. Считаю вредным ВОЛКОВА, пр.[очих] не знаю.

В. Почему были расстреляны видные советские деятели БУДРИН, МЕЗИН и др. и по чьему распоряжению.

О. Считаю БУДРИНА и МИЗИНА советскими работниками. Трибуналом БУДРИН был приговорен к 2-летнему выселению из пределов области. По соглашению с Дылдиным я предполагал освободить Будрина при эвакуации города, но при докладе Тряпицыну последний наложил резолюцию: «Расстрелять».

В. Кто был в тряпицынской контр-разведке и знаете ли об этом[.]

О. Совершенно не знаю и не состоял.

В. Говорили ли Вы, что в городе нужно уничтожить шестилетних детей[.] так как молока в городе мало.

О. Не говорил. Беседовал об этом с НЕЧАЕВЫМ [и] действительно высказался, что буржуазные дети свыше 12–13 лет уже несправимо вредны.

В. Для какой цели Вы обменивали романовские деньги на советские[?]

О. Подобных обменов не производилось. Виновным в этом себя не признаю.

В. В качестве кого Вы участвовали при разгрузке тюрьмы.

О. В качестве товарища председателя военревштаба.

В. По чьему распоряжению Вы ходили арестовывать по городу[?]

О. Без распоряжения – сам[.]

В. Кто арестовывал учителя Семена Вас.[ильевича] ЭДЕЛЕВА.

О. Я арестовывал ЭДЕЛЕВА и ПОРЕВА[.] его тестя, последний только был освобожден.

В. Поступали ли от кого либо списки[.] кого надо уничтожить.

О. Нет. Было сделано распоряжение комиссариатам об уничтожении явно контр-революционного элемента.

В. Не было ли среди штаба или исполкома лиц, о которых Вы говорили, что их надо спустить [в реку], как гадов.

О. Неговорил, а говорил, что надо взять под следствие[.] напр. [имер,] Табашник[а.]

В. Получались ли и исполнялись ли Тряпицыным распоряжения из России.

[О.] Фактической связи телеграфом не имел и не имели члены исполкома[.] за исключением Тряпицына и может быть Лебедевой. Мне же ничего не передавалось.

В. Считаете ли Вы все ныне случившееся справедливым.

О. После прочтения вчерашней газеты и если не будет никакого указания [–] считаю совершившееся справедливым.

Представляется 2–3 минуты для последнего слова.

Обвиняемый говорит: «Найденные у меня деньги вручены мне партизаном[,] отобравшим их у арестованного. На разгрузку тюрьмы я отправился, чтобы взять на себя ответственность за разбор дел арестованных. Ведь кому то надо было брать на себя ответственность. Предомно стояла задача освободить хотя бы трех из ста⁷⁴, сколько мог. Арестованных мною я сдавал в следственную комиссию, например ПОРЕВ, ЭДЕЛЕВ Сем. и др., причем ПОРЕВ был освобожден. Я старый советский работник строго стоял по убеждению на платформе советской власти и был большевиком. Условия Сахалинской области заставляли применить особые условия борьбы и проявлять особую деятельность. Я видел уклонения Тряпицына от правильного пути, но сознательно оставался на этой должности и брал на себя всю ответственность. Кому бы то ни было надо было брать на себя всю ответственность за работу в создавшихся условиях и я не хотел сваливать эту ответственность с себя на чужую голову». Обвиняемый говорит на эти тему около 5–6 мин., два раза прося продлить слово[,] так как «я говорю не потому только, чтоб спасти себя. Я уже довольно жил. Ваше дело осудить меня. Прошу мне дать говорить потому[,] что я был ближе к делу и могу сказать больше. Не забывайте, что события, которые мы теперь переживаем, будет разбирать историк и ему будет очень трудно работать[,] если не будет полного освещения события. Мое лишнее слово может оказаться ценным для истории». Председательствующий объявляет сущность обвинения /см. пред./ Председательствующий в 11 час. 30 мин. дня объявляет перерыв на 1 час.

Заседание возобновляется в 2 часа дня.

Вводится БЕЗПОЩАДНЫЙ[-]САСОВ.

В. Какой вы партии.

О. Я коммунист.

В. Признаете ли Вы себя соучастником Тряпицына[,] т. е. работали ли в контакте с ним.

О. Только исполнял приказания[.]

В. Почему Тряпицын окружил себя преступным элементом.

О. Ничего не могу по этому поводу сказать.

В. Почему в г. Николаевске уничтожено мирное японское население[?]

О. Не знаю.

В. Почему сожжен город.

О. Будто бы была послана Тряпицыным телеграмма – не знаю куда[,] о том, что если будет натиск врагов[,] город будет сожжен. Более ничего не знаю.

В. Была ли у Тряпицына личная контр-разведка и кто был агентом[?]

О. У меня был мандат в том, что я состою тайным агентом по борьбе с контр-революцией[.]

- В. Знаете ли программу коммунистов[?]
 О. Немножко знаю.
 В. Замечалась ли Вами несправедливость Тряпицына и несоответствие его действий с этой программой.
 О. Конечно[,] замечалось.
 В. Допустимо ли для коммуниста быть тайным агентом.
 О. Не могу ответить.
 В. Знаете ли за собой какую нибудь вину.
 О. Чтобы не было никакой вины[,] нельзя сказать.
 В. Принимали ли участие в изнасиловании женщин и девушек[?]
 О. Нет и не знаю об этом, а если бы узнал, то сам бы расстрелял.
 В. По чьему распоряжению убито 4 человека с японскими пропусками[?]
 О. По распоряжению и почти присутствию Тряпицына[.]
 В. Почему расстреливались женщины и дети в Удинске.
 О. Не знаю, знает БИЦЕНКО.
 В. Почему задерживались беженцы в Удинске.
 О. По трудности эвакуации.
 В. За что расстрелян МУРГАБОВ[?]
 О. Не знаю.
 В. По чьему распоряжению расстреляно три семьи в Тыре[?]
 О. При мне не расстреливались.
 В. Имели ли участи[е] в работе непосредственно с Тряпицыным[?]
 О. Тайного участия не имел.
 В. Для чего давались мандаты тайным агентам[?]
 О. Для обнаружения офицеров, контр-разведчиков и т. п.[,] я так понимаю.
 В. Лично расстреливали кого нибудь[?]
 О. Тряпицын сказал взять из тюрьмы троих и одного я сам застрелил.
 В. Лично смертные приговоры выносили.
 О. Не выносил.
 В. Только по распоряжению Тряпицына.
 О. Да.
 В. Куда делись ценности из Николаевска.
 О. Точно не знаю.
 В. Кто расстрелял машиниста с катера Казакевич[а?]
 О. Не знаю.
 В. Знаете ли тов. Сергеева[?]
 О. Не знаю.
 В. Почему переименовали фамилию на Безпощадный Сасов[?]
 О. Так себе[, это] несколько значения не имеет.

В. Почему пулеметы держались в Удинске и Керби, а не на фронте[?]

О. Про пулеметы Тряпицын не знал, а в Удинске потому что не собирались отправить.

В. Кем расстреляны два артиллериста[:] Менера [и] I тех.[ник] партизан[?]

О. По моему распоряжению за неисполнение приказаний.

В. Сколько Вы за последнее время переменили жен.

О. Жил с одной.

В. Признаете ли себя в чем виновным.

О. Не признаю.

Предоставляется две минуты для последнего слова. Обвиняемый говорит: «Я не знаю,] в чем я виноват. Я исполнял только приказания, расстреливал не я, а Биценко. Биценко приказал убить Боголюбского. Он хотел меня расстрелять и меня уже раздевали. Если я приказал расстрелять Менер, то я так и должен был сделать, как командующий фронтом. Я считаю себя не виновным».

Председательствующий объявляет сущность обвинения /см. пред./ Подсудимый уходится. Вводится дед-ПОНОМАРЕВ.

В. Какой Вы партии.

О. С 1905 г. придерживался [партии] соц.[иалистов] рев.[олюционеро] левых.

В. А теперь[?]

О. Колыхаюсь немного[,] но не правую.

В. Работали ли в контакте с Тряпицыным[?]

О. В отношении развития революции – да. В деспотичности власти нет.

В. Почему уничтожено мирное население Японии Николаевска[?]

О. Не знаю[,] не участвовал.

В. Почему сожжен гор. Николаевск[?]

О. Не могу сказать.

В. Почему Тряпицын окружил себя преступным элементом.

О. Не знаю.

В. Была ли у Тряпицына тайная контр-разведка и кто в ней участвовал.

О. Не знаю, не могу сказать.

В. Считаете ли Вы случившийся факт переворота справедливым[?]

О. Если Вы[,] товарищи[,] борцы за народ и свободу, то Вы справедливы, вследствие тех причин, которые мне может быть и предъявите.

В. Знаете ли Вы о терроре и насилиях над мирным населением.

О. Темные пятна... Это темные пятна революции и мне это очень неприятно.

В. Сколько Вам лет.

О. 56 лет.

Предоставляется две минуты для последнего слова. Обвиняемый говорит: «Я много лет боролся за правду, за народ и в последнее время боролся за то-же. Мне больно и тяжело было видеть те уклонения от правды, которые допускались. Будьте чисты и идите за народ и Вы будете на правильном пути. Как можно меньше [проливайте] крови». Председательствующий объявляет сущность обвинения /см. пред./ Подсудимый уходится. Вводится ОСЬКА КРУЧЕНЫЙ.

В. Как Ваша фамилия.

О. ТРУБЧАНИНОВ[.]

В. Имя[?]

О. Не знаю[.]

В. Сколько Вам лет.

О. 64 года[.]

В. К какой партии принадлежите.

О. Чернорабочий[,] с 14 года по тюрьмам.

В. Принимали ли участие в гублении детей и женщин[?]

О. Рубил по приговору САСОВА, КУЛИКОВА и др.

В. Рубили...

О. Рубил[,] нам в привычку.

В. Сколько сделали убийств[?]

О. Три, только три[.]

В. По чьему распоряжению убивались дети[?]

О. По распоряжению САСОВА[,] без [указаний] ТРЯПИЦЫНА[.]

В. Кто еще принимал участие в убийствах.

О. В убийстве принимали участие КУЛИКОВ, МОРОЗОВ, КУЗЬМИН, КОСТИН, и др.

Предоставляется две минуты для последнего слова – «Я зарубили [так! – публ.] только троих, было приказано»[.] Подсудимый уходится.

Зачитывается выработанный секретариатом схематический проэкт приговора. Единогласно, принципиально принимается. Открываются прения по вопросу о порядке выяснения степени виновности каждого из подсудимых и определения меры наказания. После непродолжительных прений подавляющим большинством принимается следующее положение: I. Суждение [о] виновности производится по очереди о каждом подсудимом отдельно. II. Предоставляется каждому члену [суда] высказываться «за»[,] т. е. в пользу обвиняемого. III. Когда все желающие «за» высказутся, предоставляется право каждому члену суда высказаться против. IV. Когда все желающие против высказутся, решение выносится посредством последовательного голосования следующих предложений:

1/а. Кто считает такого то виновным

б. Кто против

в. Кто воздержался

2/а. Кто находит необходимым применить к такому то как меру наказания смертную казнь.

б/ кто против

в/ кто воздержался.

3/а. Кто находит необходимым подвергнуть такого-то тюремному заключению с назначением на общественные работы, впредь до вос[с]тановления связи с Благовещенском.

б/ Кто против[.]

в/ Кто воздержался[.]

4/ Если не одно из предложений, заключающих в себе меру наказания не собирает большинства, то вносятся новые предложения о мере наказания и ставятся на баллотировку.

5/ Все указанные решения выносятся открытым голосованием, путем поднятия рук при открытых дверях.

Суд приступает к суждению о виновности.

ТРЯПИЦЫН.

Желающих высказаться «за» нет. Против высказывается несколько ораторов, указывающих, что всякие прения излишни. Членам суда, как и всему народу[,] преступления Тряпицына видны и картина его деятельности яснее[,] чем может дать судебный материал и обвинительные речи. Достаточно вспомнить о наполненной трупами Амгуни, о горах трупов, которые вывозились на катерах на форватер в Николаевске на Амуре, о полуторах тысяч трупов, брошенных на льду Амура после японского выступления, о шайке уголовных преступников, с которыми Тряпицын пьянствовал у себя в штабе, вспомнить, что вдохновлением уничтожения населения был Тряпицын, что всем известно, и всем ясно станет, что ему может быть вынесено только одно наказание – смерть. Только смертью Тряпицына можно обезопасить народ от дальнейших кровопусканий. Производится голосование, которое дает следующие результаты. Виновен [–] единогласно. Смертная казнь [–] единогласно.

ЛЕБЕДЕВА.

Желающих высказаться «за» нет. Против высказывается несколько ораторов, указывающих на злостную преступность подсудимой, упорно отказывающей[ся] от всех возводимых на нее обвинений[,] в тоже время, как каждый гражданин и каждый член суда знает, что она во всем работала совместно с Тряпицыным[;] в делах имеются фактические доказательства ее участия. Ей также не может быть другого наказания, кроме смерти. Голосование дает. Виновна [–] единогласно. Смертная казнь [–] единогласно.

ХАРЬКОВСКИЙ[.]

Желающих высказаться «за» нет. Против говорят представители от дела вооружения, напоминающие, что по доносам и по распоряжению Харьковского производились расстрелы около мастерской оружейной[,]

] и другие ораторы, указывающие на документальные данные, подтверждающие в участии Харьковского в личной контр-разведке Тряпицына, безграничное доверие последнего к нему[,] ви[д]ное из фактов нахождения у Харьковского пачки мандатов, подписанных Тряпицыным и Ниной ЛЕБЕДЕВОЙ без проставления фамилии уполномочиваемых лиц и напоминаящие об отдельных случаях деятельности Харьковского[,] его угрозах расстрелом и т. д. Голосование дает результаты[.] Виновен [-] единогласно. Смертная казнь [-] единогласно при четырех воздержавшихся.

ЖЕЛЕЗИН.

«За» высказывается один член суда, указывающий на старые заслуги ЖЕЛЕЗИНА и необходимость смягчить приговор как старому советскому работнику. Против говорит много ораторов, подчеркивающих факты личных распоряжений ЖЕЛЕЗИНА по уничтожению населения, факт личный по собственной инициативе ловли жертв по домам, факт личного задержания Сем. ЭДЕЛЯ, ранее в Хабаровске спасшего его от ареста белогвардейцами и с риском для себя скрывавшего долгое время у себя в своей квартире. Голосование дает. Виновен [-] единогласно. Смертная казнь [-] большинством против двух при пяти воздержавшихся.

ОЦЕВИЛЛИ.

«За» нет. Против несколько членов суда, напоминающих, что ОЦЕВИЛЛИ лично руководил расстрелом[,] был активным членом Тряпицынской контр-разведки и его имя вместе с именем МОРОЗОВА было самым страшным [и] наводящим панику на население. Голосование дает. Виновен [-] единогласно. Смертная казнь [-] единогласно при двух воздержавшихся.

САСОВ[.]

«За» нет. Против говорят представителя от партизанских частей фронта[,] указывающие на зверское отношение Сасова к партизанам вообще, на ряд фактов расстрелов[,] на совместную работу с БИЦЕНКО.

Голосование дает: виновен [-] единогласно. Смертная казнь [-] единогласно.

ДЕД-ПОНОМАРЕВ[.]

«За» высказывается много членов суда, обрисовывающих Деда, как идейного и старого советского работника, подчеркивающих, что ни в делах суда, ни в каких либо других материалах нет ни одной строки, указывающей на незначительную хотя бы его преступность, напоминающих, что недоброжелательное отношение к Деду несознательной массы объясняется его должностью в Николаевске – комиссар продовольствия и выражающих уверенность в том, что старый преданный работник, всю жизнь работавший для народа, не изменит этому народу

на старости лет. Против также высказывается ряд ораторов, указывающих на резкую... [агитацию] Деда Пономарева на всех митингах, на поддержку им всегда мнения Тряпицына и на опасность в связи с этим Деда Пономарева для спокойствия населения. Голосование дает[:] Виновен [-] 75 гол.[осов] против 24 и 4 воздержавшихся. Смертная казнь – нет. Тюремное заключение большинством против 30 голосов.

ТРУБЧАНИНОВ[.]

«За» нет. Против несколько слов с мест: «Что тут говорить[,] всем известно[,] мясник. Сам говорит, что [рубить головы] ему в привычку» и т. д. Голосование дает[:] Виновен [-] единогласно. Смертная казнь [-] единогласно.

Зачитывается проэкт приговора в целом, вносится две незначительных поправки. Приговор принимается единогласно⁷⁵. Возникают прения о порядке приведения приговора в исполнение. После непродолжительных прений единогласно при двух воздержавшихся принимается следующая резолюция:

«Привести приговор над Тряпицыным, Ниной ЛЕБЕДЕВОЙ, ЖЕЛЕЗНЫМ, САСОВЫМ, ТРУБЧАНИНОВЫМ, ОЦЕВИЛЛИ-ПАВЛУЦКИМ и ХАРЬКОВСКИМ в исполнение сегодня же 9 мая [так! – публ.]. Место и время приведения в исполнение приговора предоставить военно-революционному штабу с присутствием 7-ми представителей от Народного Суда, которых избрать немедленно».

Вносится предложение об избрании упомянутых в резолюции 7-ми представителей из числа желающих и об обязательном их участии при приведении приговора в исполнение. Принимается без прений. Желающие [присутствовать при расстреле] записываются у председателя. В 9 часов вечера заседание закрывается.

Подлинный за надлежащими подписями. С подлинным верно: секретари Народного Суда /подписи/

Верно Секр[етарь] Вит. Ларин

ГАНУ. Ф.П-1. Оп.2. Д.23. Лл.1–5об. Машинописная копия, заверенная подписью секретаря суда В.Ф. Ларина (автограф красными чернилами); ряд мест подчеркнут красным карандашом. В верхней части первого листа рукописные записи чёрными чернилами: «Секр. Архив XII – А/в Вх 281/сек 18/л.»; и красными чернилами: «т. Гончаровой⁷⁶».

Биографический указатель

Андреев Иван Тихонович (1884 – 1932), член компартии с 1917 г., образование – 2 класса земской школы. Офицер-артиллерист, в 1919 г. перешёл к партизанам; в 1920 г. председатель временного Военно-революционного штаба, организатор ареста и осуждения Тряпицына и его сообщников. Командующий Охотским фронтом, с 16 июля 1920 г. – член областного Ревкома в качестве заведующего военной частью, член временного Сахалин-

ского обкома РКП(б). Затем заведовал артиллерийскими складами в г. Свободном, председатель волисполкома и воинский начальник демаркационной линии с японцами в с. Мариинское-на-Амуре. С лета 1922 г. в лесничестве в село Рыковское на о. Сахалин в японской зоне оккупации. Затем переехал в Китай; умер в Шанхае.

Биценко (Орлянковский) – вероятно, служил в Белой армии. Доверенный человек Тряпицына, раскрывший, по мнению последнего, заговор большевиков, после чего был назначен помощником командира Софийской группы партизан. Организатор террора на Амгуни после эвакуации Николаевска. Согласно показаниям ряда свидетелей, вместе с ним активно уничтожали людей целыми семьями партизаны Буря, Лобастов и Журбин. Разоблачён и убит Б. А. Дылдиным в июне 1920 г. во время взаимной перестрелки.

Будрин И. А. – командир Первого Амгуно-Кербинского горного партизанского полка, затем комиссар горной промышленности Николаевской коммуны. Арестован 14 апреля 1920 г. по обвинению в заговоре, был осуждён к высылке. Расстрелян 24 июня 1920 г.

Волков (Соколов) Александр Иванович, 19 лет; вероятно, из криминальных кругов; адъютант Тряпицына для особых поручений. Расстрелян.

Вольный Анатолий Ипполитович, 26 лет, уроженец Бахмута Екатеринославской губ., – партизан из окружения Тряпицына, 19 мая 1920 г. был командирован в район Амгуни с полномочиями арестов и расстрелов, активный организатор террора в пос. Керби. По суду был оправдан и освобождён.

Воробьёв П. Я. – служил в белой милиции на Кербинских приисках, затем партизан, во время уничтожения Николаевска-на-Амуре организовал сожжение дома с молящимися в нём баптистами. Заместитель председателя «суда 103-х».

Дылдин Борис Аркадьевич, 26 лет, большевик; малограмотный, уроженец с. Усолье Пермской губернии; комиссар юстиции Николаевской коммуны, председатель ревтрибунала г. Николаевска-на-Амуре; арестован, но 13 июля 1920 г. освобождён как оправданный.

Железин Федор Васильевич, 35 лет; коммунист; уроженец с. Ручей Курмышского уезда; учитель с. Богородское; член президиума и председатель Сахалинского областного исполнительного комитета. Расстрелян.

Залобанов (вероятно, Лобанов Н.) – партизан, секретарь «суда 103-х».

Калмыков Иван Павлович (1890 – сентябрь 1920, Гирин, Китай) – войсковой атаман Уссурийского казачьего войска, организатор антибольшевистской борьбы в Приморье. Арестован китайцами 29 февраля 1920 г. по обвинению в уголовных преступлениях, убит конвоем при попытке бежать.

Клячин В. – партизан, в июле 1920 г. – председатель трибунала Удинского гарнизона Сахалинской обл.

Краснощёков (Тобельсон) Александр Михайлович (1880 – 26 ноября 1937, Москва). Член компартии с 1896 г. Из семьи еврея-приказчика, в 1898 г.

был арестован и сослан. В 1902 г. эмигрировал в Германию, затем в США, где вступил в Социалистическую трудовую партию Америки, был близок к анархистам. Окончил в 1912 г. Чикагский университет и занимался адвокатской практикой, основал Рабочий университет Чикаго. Летом 1917 г. вернулся в Россию, вступил в партию большевиков. Был членом Владивостокского совета, председателем Никольско-Уссурийского комитета РСДРП. В 1918 г. – председатель Дальневосточного штаба Дальневосточного большевистского подполья. В 1920–1921 гг. член Дальбюро ЦК РКП(б), председатель правительства и министр иностранных дел Дальневосточной республики. В 1922–1923 гг. работал заместителем народного комиссара финансов РСФСР, членом президиума ВСНХ РСФСР, председателем правления Промбанка СССР. Арестован в сентябре 1923 г. за служебные злоупотребления, осуждён на 6 лет заключения, освобождён в январе 1925 г. С 1926 г. возглавлял Главное управление новых лубяных культур Наркомзема СССР и Институт нового лубяного сырья. Арестован 16 июля 1937 г., расстрелян. Реабилитирован в апреле 1956 г.

Лапта (Рагозин) Яков – грузчик в Хабаровске, член революционного подполья, после ареста калмыковской контрразведкой предал многих подпольщиков и был освобождён; в 1919 г. командир одного из отрядов армии Тряпицына, в 1920 г. помощник Тряпицына по командованию вооружёнными силами Николаевской коммуны. Был убит партизанами в 1920 г. при отступлении к Хабаровску.

Ларин Виталий Филиппович (1885 – 19 декабря 1937, Ростов-на-Дону), член компартии с 1914 г. Из семьи учителя. С 1919 г. секретарь Донского комитета РКП(б), недолгое время работал в ДВР. В 1922–1924 гг. учился в Комакадемии (Москва). С 1928 г. – председатель Северо-Кавказской крайКК ВКП(б). В 1932–1937 гг. – председатель Северо-Кавказского и Азово-Черноморского исполнительных комитетов. Член ЦКК ВКП(б) в 1924–1934 гг. Арестован 11 июня 1937 г., расстрелян. Реабилитирован в 1956 г.

Лебедева (Кияшко) Нина (ок. 1895 – 9 июля 1920) – уроженка Пензенской губернии, училась в гимназии, эсерка. Была сослана в Сибирь. После Февральской революции организовывала Читинский союз эсеров-максималистов, секретарь горсовета рабочих депутатов, затем бежала в Благовещенск и Хабаровск, где была секретарём подпольной организации. С 1919 г. – член Хабаровского военно-революционного штаба, в 1920 г. – начальник штаба армии Тряпицына. Расстреляна.

Мизин Григорий – коммунист, с лета 1919 г. командир Синдинского партизанского отряда в низовьях Амура. Расстрелян по указанию Тряпицына 24 мая 1920 г.

Мишин И. П. – партизан, заместитель председателя «суда 103-х».

Морозов Михаил Георгиевич, 29 лет; уроженец с. Денисовка Удского уезда Сахалинской обл.; член следственной комиссии. Расстрелян.

Мургабов – капитан Белой армии, участвовал как наблюдатель при переговорах Тряпицына с японским гарнизоном Николаевска-на-Амуре в феврале 1920 г., затем вступил в армию Тряпицына. За то, что не смог около

Тырского утёса и с. Мариинско-Успенского установить действенные минные заграждения, был замучен партизанами.

Нечаев (Случайный) – партизан.

Овчинников Антон Захарович – председатель суда «103-х», эмигрировал в США, автор мемуаров: *Ovchinnikov A. Z. Memoirs of the Red Partisan Movement in the Russian Far East // The Testimony of Kolchak and Other Siberian Materials*, in E. Varneck, and H. H. Fisher (eds). – Stanford, 1935. PP. 265–328.

Оцевилли-Павлуцкий Иван Куприянович (Кирьянович), 33 лет; эсер-максималист; бывший каторжанин Нерчинской каторги; в 1919 г. командир Синдинского партизанского отряда; комиссар труда Николаевской коммуны и член тайной контрразведки Тряпицына. Расстрелян.

Пономарёв Степан Лукич (Дед Пономарёв), 56 лет; служил в Благовещенске в торговой компании Чурина, эсер-максималист; комиссар продовольствия Николаевской коммуны. Осуждён 9 июля 1920 г. к тюремному заключению.

Птицын С. – секретарь «суда 103-х» в Керби; автор воспоминаний.

Сасов-Беспощадный Ефим Варфоломеевич, 34 лет; коммунист; уроженец д. Матвеевка Приамурской обл. В 1920 г. – командир корейского партизанского отряда, глава реквизиционной комиссии. С мая 1920 г. командовал Богородским фронтом. Расстрелян.

Трубчанинов-Кручёный Иосиф Сидорович (Оська Крученый), 64 лет; профессиональный уголовник-рецидивист; член чрезвычайной следственной комиссии и исполнитель приговоров. Расстрелян.

Тряпицын Яков Иванович (апрель 1897 – 9 июля 1920) – анархист, из семьи зажиточного крестьянина с. Севостейка Муромского уезда Владимирской губ. Окончил 4-кл. сельское училище, крестьянствовал. С 1915 г. – помощник машиниста в паровозном депо, с 1916 г. доброволец на фронте, награждён Георгиевским крестом. Весной 1918 г. демобилизован и уехал во Владивосток, грузчик в порту. Партизанил под Сучаном и Гродеково, после разгрома отряда японцами в июле 1919 г. бежал в Приамурье и командовал партизанским отрядом в районе станции Корфовская. С апреля 1920 г. – командующий Красной Армии Николаевского округа. Расстрелян.

Усов В. – партизан, секретарь «суда 103-х».

Харьковский Макар Михайлович, 37 лет; заведующий отделом вооружения народно-революционного штаба. Расстрелян.

Цыганок – секретарь президиума Сахалинского облисполкома.

Шери (Шерий) Степан И. – партизан, командир Анархо-коммунистического полка, затем официальный представитель штаба Николаевского округа, с целью организации защиты Николаевска от японцев был откомандирован в Якутск, Иркутск и Красноярск «...для сношений с совет-

ским правительством Сибири и переговоров с советскими организациями указанных городов».

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.Р-4284. Оп.1. Д.1. Л. 121об.
- ² Гутман А. Я. (Анатолий Ган) Гибель Николаевска на Амуре. Страницы из истории войны на Дальнем Востоке. Берлин, 1924. С. 9.
- ³ Лёвкин Г. Г. Было, но больём не поросло... Хабаровск, 2006.
- ⁴ Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф.П-5. Оп.2. Д.1414. ЛЛ. 115, 121–122.
- ⁵ Stephan J. J. The Russian Far East: A History. Stanford, 1994. P. 146.
- ⁶ Дальний Восток России в период революций 1917 года и гражданской войны. Владивосток, 2003. С. 40, 366, 372.
- ⁷ См.: Шубин А. В. Анархия – мать порядка. Нестор Махно как зеркало Российской революции. М., 2005.
- ⁸ Смоляк В. Г. Междоусобица. По следам нижеамурской трагедии. Хабаровск, 2008; Хлебниковские чтения. Гражданская война на Дальнем Востоке. Образ Тряпицына в романе Г. Н. Хлебникова «Амурская трагедия». Вып. 1. Комсомольск-на-Амуре, 2010; Тепляков А. Г. Партизанские социальные чистки на востоке России в 1919–1920 гг.: роговщина и тряпицынщина // Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР. 1953–2013: 60 лет без Сталина. Осмысление прошлого советского государства. Материалы VIII Международной научной конференции. Краснодар: Экоинвест, 2013. Т.1. С. 134–142.
- ⁹ Центральный архив Федеральной службы безопасности (ЦА ФСБ) России. Ф.1. Оп.6. Д.76. Л. 74.
- ¹⁰ Эхо (Владивосток). 1919. №15. 18 марта.
- ¹¹ Вологодский П. В. Во власти и в изгнании: Дневник премьер-министра антибольшевистских правительств и эмигранта в Китае (1918–1925 гг.). Рязань, 2006. С. 264.
- ¹² Жуковский-Жук И. И. Н. Лебедева и Я. Тряпицын. Партизанское движение в низовьях Амура. Чита, 1922. С. 75.
- ¹³ П. Виноградов, возглавлявший следственный отдел у Тряпицына, в своих воспоминаниях указывает, что Тряпицын хорошо знал декрет СНК от 5 сентября 1918 г. «О красном терроре». См.: Смоляк В. Г. Междоусобица. По следам нижеамурской трагедии. Хабаровск, 2008. С. 55–56.
- ¹⁴ Бутенин Н. А., Бутенина Н. Д. Партизанское движение в Приморье глазами современников (по материалам 20-х – начала 30-х гг. XX в.) // Проблемы отечественной истории: Материалы научной конференции. Уссурийск, 2005. С. 85.
- ¹⁵ Сибиряков Н. С. Конец Забайкальского казачьего войска... // Минувшее. Исторический альманах. М., 1990. Вып. 1. С. 203, 244.
- ¹⁶ Малаев П. Д. Из воспоминаний партизанского врача // Гражданская война на Дальнем Востоке (1918–1922): Воспоминания ветеранов. М., 1973. С. 210; Зуев В. Ф. Землю согревают люди // Хлебниковские чтения. Гражданская война на Дальнем Востоке. Образ Тряпицына в романе Г. Н. Хлебникова «Амурская трагедия». Вып. 1. Комсомольск-на-Амуре, 2010. С. 20, 21.
- ¹⁷ Бабичев И. И. Участие китайских и корейских трудящихся в гражданской войне на Дальнем Востоке. Ташкент, 1959. С. 35, 49.
- ¹⁸ Гутман А. Я. Гибель Николаевска-на-Амуре... С. 120.
- ¹⁹ Пролетарская революция. 1924. №6. С. 269.
- ²⁰ Балмасов С. С. Красный террор на востоке России. М., 2006. С. 265–266.
- ²¹ Гутман А. Я. Гибель Николаевска-на-Амуре... С. 38–39, 120.

²² Емельянов К. А. Люди в аду. Владивосток, 2004. С. 28–29, 91–92.

²³ Подобные жалобы касались отнюдь не только сибиряков. Руководство Одесской губЧК в 1920 г. отмечало, что «контрреволюционное и спекулятивное» население Одессы «в массе своей было тесно связано издавна со всякими спекуляциями и аферами» // ЦА ФСБ. Ф.1. Оп.5. Д.1225. ЛЛ. 23, 36.

²⁴ ГАНО. Ф.Р-1. Оп.1. Д.222. Л. 21; Красное знамя (Томск). 1920. 25 марта. С. 2–3.

²⁵ ГАНО. Ф.П-1. Оп.1. Д.250. Л. 43.

²⁶ ЦА ФСБ. Ф.1. Оп.5. Д.68. ЛЛ. 107, 55об.

²⁷ Бузин (Бич) Д. С. Партизанско-повстанческое движение в низовьях реки Амура // Революция на Дальнем Востоке. М.-Пг., 1923. Вып.1. С. 13. Это не мешает Г. Левкину заявлять следующее: «Большинство населения Николаевска было пробольшевицким, вот и ушли из города от японцев» // Левкин Г. Г. Было, но быльём не поросло... Хабаровск, 2006. С. 125. Рабочих, обслуживавших богатейшие рыбные промыслы Николаевска, считывалось немало, но они были сезонными, занятыми в основном летом и осенью.

²⁸ Емельянов К. А. Люди в аду. Владивосток, 2004. С. 22.

²⁹ Показания А. А. Табанакова от 1 марта 1937 г. // Отдел спецдокументации при Государственном архиве Алтайского края (ГААК). Ф.Р-2. Оп.7. Д.5215 (АСД по обвинению И. Я. Третьяка, А. А. Табанакова, А. И. Алексеева-Кулеш и др., 1937 г.). Т.5. ЛЛ. 7–12. Характерен один из вопросов следователя к Табанакову: «Мы имеем данные о том, что состоя в дивизии ТРЕТЬЯКА, вы занимались мародерством и насиланием женщин, ТРЕТЬЯК знал об этом, но никаких мер... не предпринимал, так как был вам во многом обязан. Подтверждаете вы это?» В ответ Табанаков сказал: «Вижу, что следствие меня хорошо знает. <...> ТРЕТЬЯК поручил мне создать агентуру среди партизан и через нее выяснять настроение партизан и обо всем ему докладывать» // Там же. Т.5. ЛЛ. 55, 59–60.

³⁰ Дальневосточная политика Советской России (1920–1922 гг.). Сб. документов Сибирского бюро ЦК РКП(б) и Сибирского революционного комитета / Сост. М. П. Малышева, В. С. Познанский. Новосибирск, 1996. С. 33.

³¹ Жуковский-Жук И. И. Н. Лебедева и Я. Тряпицын... С. 75.

³² Российский государственный военный архив (РГВА). Ф.221. Оп.2. Д.44. Л. 479.

³³ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 372. Оп.1. Д.87. ЛЛ. 43, 43об., 44.

³⁴ Гутман А. Я. Гибель Николаевска на Амуре... С. 103–104.

³⁵ Емельянов К. А. Люди в аду... С. 58.

³⁶ Смоляк В. Г. Междоусобица... С. 74–76.

³⁷ Террор партизан А. Мокроусова в Крыму в 1920 г. также имел шовинистическую окраску, выливаясь в массовые убийства немецких колонистов и зажиточной части крымско-татарского населения.

³⁸ Бузин (Бич) Д. С. Партизанско-повстанческое движение в низовьях реки Амура... С. 43;

³⁹ Словоцкий Д. Николаевские дни // Хлебниковские чтения... 2010. С. 43.

⁴⁰ Романова В. В. Власть и евреи на Дальнем Востоке России: История взаимоотношений (вторая половина XIX в. – 20-е годы XX в.). Красноярск, 2001. С. 153.

⁴¹ См.: Юзефов В. И. Годы и друзья старого Николаевска: сб. очерков и новелл о Николаевске // Хабаровск, 2005; Балмасов С.С. Красный террор на востоке России... С. 270.

⁴² Смоляк В. Г. Междоусобица... С. 76; Колесникова Н. Дуновение жизни // Словесница искусств (Хабаровск). 2008. №21–22. С. 27.

⁴³ Юдинцев С. Эхо прошлого века // Литературный меридиан (г. Арсеньев Приморской обл.). 2011. №4. С. 26.

⁴⁴ Имелся в виду николаевский миллионер-промышленник японец Симада, известный как Пётр Николаевич Симада, эвакуировавшийся из города перед захватом его партизанами и при японцах вернувшийся в Николаевск.

- 44 РГАСПИ. Ф.372. Оп.1. Д.114. Л. 187.
 45 ЦА ФСБ. Ф.1. Оп.6. Д.299. Л. 9.
 46 *Фефилов П. Л.* Что мы знаем о Якове Тряпицыне и тряпицынщине // *Хлебниковские чтения...* 2010. С. 84.
 47 Там же. С. 83.
 48 *Колесникова Н.* Дуновение жизни... С. 28.
 49 ГАРФ. Ф.374. Оп.27. Д.487. ЛЛ. 171–172.
 50 ГАРФ. Ф.Р-4284. Оп.1. Д.1. Л. 121об.
 51 *Словинский Д.* Николаевские дни // *Хлебниковские чтения...* 2010. С. 44.
 52 *Петрушин А.* Время партизан // *Тюменский курьер.* 2008. 1 окт.; *Петрушин А. А.* Тюмень без секретов, или Как пройти на улицу Павлика Морозова. Тюмень, 2011. С. 241.
 53 *Балмасов С. С.* Красный террор на востоке России... С. 271.
 54 *Жуковский-Жук И. И.* Н. Лебедева и Я. Тряпицын... С. 92–94.
 55 Там же. С. 94; *Лёвкин Г. Г.* Было, но больём не поросло... С. 130, 131.
 56 РГАСПИ. Ф.17. Оп.13. Д.288. Л. 72об.
 57 РГВА. Ф.186. Оп.2. Д.23. ЛЛ. 112, 113; Ф.221. Оп.4. Д.3. Л. 280.
 58 *Лёвкин Г. Г.* Было, но больём не поросло... С. 129.
 59 М. Горький со слов своих знакомых из красных партизан отметил, что в Кустанайском уезде отряд партизан переходил от большевиков к Колчаку и обратно двадцать один раз.
 60 *Горький М.* О русском крестьянстве. Берлин, 1922. С. 32.
 61 *Ауссем О. Х.* Николаевская на Амуре Коммуна (1920 г.) // *Пролетарская революция.* 1924. №5. С. 36–63.
 62 Дальневосточная политика Советской России (1920–1922 гг.). Сб. документов... С. 8.
 63 ГАРФ. Ф.Р-4284. Оп.1. Д.1. Л. 130.
 64 ГАНО. Ф.П-5. Оп.4. Д.1410. Л. 1.
 65 Дальневосточная политика Советской России (1920–1922 гг.). Сб. документов... С. 101.
 66 Ныне поселок им. Полины Осипенко в Хабаровском крае.
 Согласно мемуарным источникам, в дни массового истребления горожан в конце мая 1920 г. все медики и фармацевты Николаевска были завалены просьбами отчаявшихся людей продать им яд.
 67 Профсоюз рабочих-швейников.
 68 Имеется в виду расправа с коммунистами, обвинёнными в заговоре против Тряпицына.
 Партизаны-коммунисты Мизин, Будрин, его сын Борис, а также Ковалев, Березовский, Кононов, Корякин, Иваненко были расстреляны 24 мая 1920 г.
 69 Правильно – Лебедева-Княшко.
 70 То есть при массовой казни.
 71 По смыслу – в расстреле.
 72 То есть Тряпицын и Лебедева.
 73 Партизаны при «разгрузке» тюрьмы применяли только две меры: уничтожение и (редко) освобождение.
 74 Согласно приговору, Я. И. Тряпицын «...с 22 мая по 2 июня 1920 года в городе Николаевске-на-Амуре и в период с 22 мая по 4 июля включительно в пределах Сахалинской области, допустил ряд беспричинных арестов и расстрелов мирных граждан и их семейств, разными, частью, не выясненными должностными лицами, то есть, в бездействии власти. В том, что он, Тряпицын, 27 мая отдал распоряжение расстрелять ряд активных советских работников, коммунистов, как то – Будрина, Мизина, Иваненко и других без достаточных и даже без всяких к тому оснований, то есть, в убийстве и превышении власти и в активной борьбе с коммунизмом. В том, что он, Тряпицын, за этот же период времени отдал ряд распоряжений и указаний подчиненным лицам по массовому уничтожению мирных граждан и их семейств в городе Николаевске-на-Амуре и в сельских местностях Сахалинской области, каковые распоряжения большей частью уже

приведены в исполнение, то есть, в превышении представленной ему по должности власти, в убийстве и в призыве к совершению убийств и насилия. В том, что он, Тряпицын, отдал ряд распоряжений и указаний по расстрелу некоторых товарищей партизан, разных частей, без достаточных и даже без всяких к тому оснований, то есть, также в превышении власти, в убийстве и в призыве к убийству. В том, что он, Тряпицын, за все время состояния в должности командующего войсками Красной Армии, отклонился от направления политики Советской власти, оказывал давление на должностных лиц, явно подрывая доверие к коммунистическому строю, то есть, в активном выступлении против власти Российской Социалистической Федеративной Советской Республики. Лебедеву, занимавшую должность начальника штаба Красной Армии Николаевского округа, Харьковского, заведующего отделом вооружения того же штаба, Оцевилли, комиссара труда Сахалинской области, Железина, председателя областного исполкома, Деда-Пономарева, комиссара продовольствия Сахалинской области, Сасова, командующего Амгуно-Тырским фронтом – в соучастии в вышеназванных преступлениях. Трубочанинова, – в убийстве и истязаниях мирных граждан, совершенных по наущению. Народный суд признал ТРЯПИЦЫНА, ЛЕБЕДЕВУ, ХАРЬКОВСКОГО, ЖЕЛЕЗИНА, ОЦЕВИЛЛИ, САСОВА И ТРУБЧАНИНОВА в выше указанных преступлениях виновными, а ДЕДА-ПОНОМАРЕВА в них не виновным, а виновным в активной защите власти Тряпицына. На основании велеия своей совести ПОСТАНОВИЛ: за содеянные преступления, повлекшие за собой смерть около половины населения Сахалинской области, разорившие весь край, постоянно подрывавшие доверие к коммунистическому строю среди трудового населения области и могущие нанести удар по авторитету Советской власти в глазах всего мира, граждан ТРЯПИЦЫНА Якова, ЛЕБЕДЕВУ Нину, ХАРЬКОВСКОГО Макара, ЖЕЛЕЗИНА Федора, ОЦЕВИЛЛИ-ПАВЛУЦКОГО Ивана, САСОВА Ефима и ТРУБЧАНИНОВА подвергнуть СМЕРТНОЙ КАЗНИ через расстреляние, а ДЕДА-ПОНОМАРЕВА подвергнуть тюремному заключению с назначением на общественные работы вплоть до восстановления связи с г. Благовещенском». *Смоляк В. Г. Междоусобица... С. 95–97.*

⁷⁶ Руководитель секретариата Сиббюро ЦК РКП(б) Д. К. Гончарова.

АТАМАНЫ НА УКРАИНЕ

АТАМАНЫ «ЛИХО» В УКРАИНСКОМ ПОВСТАНЧЕСТВЕ

Ю. В. Котляр (Николаев, Украина)

В наше время трудно определить, сколько было предводителей и повстанцев с фамилией или псевдонимом «Лихо». Согласно «Русским легендам и преданиям» «Лихо» – то же, что горе и беда. Называют его еще «Лихо Одноглазое», ибо оно слепо бросается на кого попало. Лихо – воплощение неразборчивости, несправедливости судьбы, рока¹. Такое название как нельзя лучше подходило для времен гражданской войны на территории Украины. В хронологических рамках 1919–1922 гг. на территории Украины действовало как минимум три атамана «Лихо». Цель нашей публикации проследить основные жизненные вехи атаманов «Лихо» и установить их роль в украинском повстанческом движении.

Историография данной темы невелика. Во-первых, выделим публикации, в названиях которых использована фамилия или псевдоним «Лихо». Это цикл газетных статей краеведа и писателя М. Ковальчука², а также статьи Л. Петрова³ и Ю. Котляра⁴. Во-вторых, общие работы, в которых определенные разделы или подразделы посвящены атаманам «Лихо». Это монография Р. Ковалю⁵ и краеведческая публикация того же М. Ковальчука⁶. В-третьих, публикации, в которых в контексте исследования разных событий и личностей упоминается деятельность атаманов «Лихо». Среди них нужно выделить работы В. Шкварца⁷ и Д. Красносилецкого⁸.

Лихо (Дорошенко-Якубенко). В истории украинского повстанческого движения известна деятельность атамана Лихо (Дорошенко-Якубенко). Настоящее имя Дорошенко-Якубенко остается неустановленным, так как в источниках оно не указывается. Родился он в 1888 г. в Каменец-Подольском уезде Подольской губернии в семье православного свя-

щенника. Февральскую революцию 1917 г. встретил в царской армии в чине поручика. Он вступил в армию Украинской Народной Республики, принимал участие в боевых действиях и дослужился до звания подполковника⁹. В 1920 г. возглавил повстанческое формирование под названием «1-й Надбужский повстанческий полк».

Деятельность атамана Лихо связана с 7-м повстанческим районом, который объединял Уманский, Гайсинский и Липовецкий уезды, а также восточную часть Брацлавского уезда. 5 февраля 1921 г. большевистские источники сообщали: «Телефонная связь Терновка – Теплик прервана. Грибочек и Поборка Соболевской волости заняты бандой Лихо в количестве 1000 человек. Отряд красноармейцев, который находился в этом районе, после сильного боя отступил в Соболевку». 16 февраля 1921 г. отряд Лихо в количестве 60 человек между станциями Дошно – Яланец обстрелял из пулеметов поезд, который после этого остановился. Повстанцы разоружили двадцать красноармейцев, одного убили. 21 февраля 1921 г. отрядом Лихо в количестве 200 сабель сожжено здание исполкома в местечке Брацлав¹⁰. Из 20 брацлавских милиционеров 5 было убито, а остальные разбежались¹¹.

Есть сведения, что атаман Лихо в марте 1921 г. побывал в Румынии, где получил полномочия на право организации восстаний в Уманском, Брацлавском и Липовецком уездах¹². Основные партизанские силы 7-го района были объединены в 144-ю Повстанческую Надбужанскую дивизию, сформированную по приказу С. Петлюры 24 января 1921 г. За время существования дивизии ее структура менялась, но на момент создания командиром был Хмара, его помощником Лихо, есаулом по строевой части – старшина Суворов (Суворин)¹³. Весной 1921 г. отряд атамана Лихо имел в своем составе 850 бойцов и 10 пулеметов¹⁴.

В марте 1921 г. он осуществил 52 боевые операции, в ходе которых погибло 40 партийных работников и красноармейцев. Повстанцы захватили 2 тысячи пудов зерна и большое количество лесозаготовительного инвентаря. 11 марта 1921 г. отрядом Лихо в 170 сабель был занят г. Гранов, в котором создан выборный комитет (от повстанцев в его состав вошел местный уроженец сотник М. Межевой). 13 марта 1921 г. 150 всадников атамана Лихо захватили г. Теплик, взявши с местного населения контрибуцию. 16 марта 1921 г. повстанцы Лихо и Хмары заняли села Нижний и Верхний Ташлык Теплицкой волости и Серединку Терновской волости. Со временем было занято и местечко Терновка¹⁵.

Следующие сообщения большевистской разведки (по состоянию на 19 марта 1921 г.) указывают на наличие серьезных расхождений среди повстанцев. Это выглядит странным, если вспомнить недавнее объединение повстанческих отрядов Цисаря, Хмары, Чуприны и Цимбалука. И все же в официальном сообщении красных карательных органов значится: «Бандит Хмара до последнего времени был помощником Лихо,

но теперь отделился, поскольку между ними произошла ссора на почве грабежа Хмарой населения. Лихо запрещает такие действия, и говорит, что нужно грабить лишь евреев, коммунистов и семьи красноармейцев, которые пошли в Красную армию. После этой ссоры Хмара отделился от атамана Лихо, и организовал банду в 50–60 человек, которая тоже называет себя «Надбужским повстанческим полком»¹⁶.

Сведения об организационной структуре отряда Лихо противоречивые. Во-первых, он входил в состав 144-й дивизии, поэтому мог иметь отдельную структуру лишь тогда, когда дивизия еще не была создана, или когда она разделилась на отдельные части. Возможно, что большевистская агентура просто путала или отождествляла отряды Хмары и Лихо. Очевидно, именно об этом свидетельствуют противоречивые сведения о численности его формирования. Так, почти в одно время сообщалось то о 600 человек¹⁷, то о 300 пехоты и 50 кавалеристов¹⁸, то о 200 саблях и 600 пехотинцев¹⁹.

В апреле Лихо отделился от дивизии и пошел на Киевщину, откуда в мае перешел в Кременчугскую губернию, а в конце месяца, вернувшись на Подолье, снова присоединился к дивизии, после чего она насчитывала 1600 кавалеристов и 500 пехотинцев.

В июне 1921 г. повстанческим организациям было нанесен тяжелый удар, – большевики разгромили Всеукраинский Повстанческий Комитет на Брацлавщине во главе с атаманом А. Бондаренко, который объединял повстанческие отряды атаманов Заболотного, Волка, Беды, Трейка, Богуна, Лихо, Орла-Гальчевского, Филина, Хмары, Сирка, Черкаса, Дубчака, Могилы, Волынца, Струка, Клепача, Наливайка, Пятенка, Крестового и других, которые действовали на Подолье под общим руководством назначенного Главным атаманом С. Петлюрой полковника Карого-Яворского²⁰. Однако, и после указанных потерь, повстанцы продолжали бороться.

Минимальное количество бойцов в отряде атамана Лихо было в августе 1921 г. – всего 24. Началась деморализация бойцов. Сначала Лихо был категорически против амнистии, но под влиянием Онищука начал колебаться и не мешал сдаваться своим повстанцам²¹. Лихо и сам сделал попытку сдать, но Онищук, который к тому времени снова перешел к повстанцам, арестовал атамана и весь его штаб. Некоторые члены штаба: Кривонос, Флерка, Рюрик и Плахотнюк убежали вместе с Нечаем и сдались. Лихо же вместе с Онищуком снова начал борьбу с большевиками.

3 октября 1921 г. атаман Лихо вместе с 45-ю повстанцами попал в окружение. Повстанческий отряд был разгромлен. Ликвидации Лихо содействовал амнистированный Голенко, который в бою 4 октября ранил Лихо в ногу. Не желая сдаваться, атаман застрелился. Остатки отряда атамана Лихо под командованием Галайды сдались в ноябре 1921 г.²².

Мирон Лихо. Путь еще одного руководителя повстанцев – Мирона Лихо связана с деятельностью атамана Я. Гальчевского (Гольчевский, Орел, Орлик, Орлов, Орловский, Войнаровский)²³ на Правобережной Украине в 1921–1922 гг. С января 1921 г. Я. Гальчевский вместе с двумя помощниками В. Сензюком и М. Лихо начал заниматься пропагандой, организацией информационно-разведывательной службы и восстановлением повстанческого отряда²⁴. 1 апреля 1921 г. в лесу возле села Слободка, на Подолье, состоялось первое совещание 13 повстанцев во главе с О. Грабарчуком. На нем Я. Гальчевского избрали атаманом под псевдонимом «Орел». 5 и 6 апреля присоединились повстанцы из района г. Хмельника и сел Дяковка, Литинка, Сахны. Общая численность партизан достигла 40 человек. Я. Гальчевский раскрыл им идейные принципы и тактику партизанской борьбы. 7 апреля возле села Каменогорка он организовал три группы – «сотни». Каждая из них имела коменданта и 12 казаков. Первую возглавил О. Грабарчук, вторую – В. Сензюк, третью – М. Лихо.

С 15 апреля 1921 г. атаман Я. Гальчевский разослал «сотни» на две недели в родные края с заданием убивать большевиков на дорогах или по домам. Отряды сотника Лихо активно действовали в г. Хмельнике²⁵ и близлежащих селах. Дальнейшая его судьба не прослеживается.

Лихо-Бондарук. Кирилл Евлампиевич Бондарук родился в 1898 г. в селе Катеринка Ананьевского уезда Херсонской губернии (в наше время – Первомайский район Николаевской области)²⁶.

Когда в Катеринку дошла весть о создании Украинской Народной Республики и формировании украинских военных подразделений, К. Бондарук сторговал у жандарма за четыре золотых червонца саблю и револьвер, достал одежду украинского сечевика и отправился в Умань. К. Бондарук вместе со своим односельчанином С. Доценко были зачислены в украинский полк имени П. Полуботка, в составе которого осуществляли охрану Центральной Рады и правительства УНР. С. Петлюра лично инструктировал охрану, а потом провел с каждым индивидуальные собеседования. Во время беседы с С. Петлюрой, К. Бондарук одобрительно откликнулся о его речи на съезде, чем и привлек к себе внимание. С. Петлюра предложил К. Бондаруку стать слушателем Первой Киевской юношеской (юнкерской) школы имени Б. Хмельницкого, которая открылась в Киеве²⁷.

Боевое крещение К. Бондарук получил под Крутами в 1918 г. Курень, в составе которого он находился, воевал на правом фланге обороны. После боя состоялась еще одна встреча К. Бондарука и С. Петлюры, которая еще больше сблизила их. 26 февраля 1918 г. украинские войска вернулись в Киев. Во главе Сечевых стрельцов был С. Петлюра, а хорунжий К. Бондарук был командиром главной сотни сечевиков. С 1 марта 1918 г. К. Бондарук находился при штабе С. Петлюры в качестве консультанта и старшины для особых поручений²⁸.

По приказу С. Петлюры, который в то время стал главнокомандующим – Главным атаманом украинского войска, К. Бондарук был назначен политическим консультантом командира Запорожской армейской группы генерал-хорунжего Г. Омельяновича-Павленко. Запорожская армейская группа осуществила поход на Юг Украины. 17 марта 1919 г. конный полк атамана А. Гулого-Гуленко, в состав которого входил отряд К. Бондарука, овладел Ольвиополем, Богополем, Голтой и близлежащими селами. К. Бондарук получил возможность побывать на малой родине. После Катеринки он со своим отрядом посетил Большую Врадиевку, чтобы проинспектировать повстанческие отряды К. Колоса – командующего войсками Врадиевской Хлеборобской Республики, которая была провозглашена в начале июня 1919 г.²⁹

После поражения войск Директории УНР, во главе своего небольшого конного отряда за границу отступил и атаман К. Бондарук. Первомайские чекисты потеряли «подопечного» атамана, за которым охотились с марта 1919 г. Очевидно, за неуловимость и вред, который он причинил большевикам, чекисты дали К. Бондаруку псевдоним «Лихо»³⁰, с которым он и вошел в историю украинского повстанческого движения.

Центром, который возглавил борьбу украинских повстанцев, стал штаб Главного атамана С. Петлюры во Львове. Здесь был разработан план свержения советской власти в Украине и провозглашение ее независимости. Предполагалось до 1 августа 1921 г. подготовить вооруженное восстание в Украине. Для этого предполагалось создать Центральный Украинский штаб вооруженного восстания во главе с генералом-хорунжим Ю. Тютюнником во Львове; всю территорию Украины поделить на оперативные военно-повстанческие округа. Основные надежды С. Петлюра связывал с Южной оперативной округой, которая организовывалась на территории Северной Таврии, бывшей Херсонской губернии и Южного Подолья. Здесь из-за голода и притеснений происходили особенно активные выступления крестьян против советской власти. Леса и овраги, соседство с румынской границей и Подольем, и, наконец, национально сознательное украинское крестьянство делали эту местность благоприятной для партизанской войны против большевиков³¹. Главнокомандующим Южной оперативной округи назначили К. Бондарука. Это назначение было обусловлено не только доверием С. Петлюры к молодому атаману, но и его личными боевыми заслугами, организаторскими способностями, а также тем, что был он родом из этих мест.

К. Бондарук направился через Румынию на Херсонщину. Он вместе с куренным атаманом И. Нагорным – уполномоченным штаба главной разведки и военным инструктором трех уездов – Елисаветградского, Аняньевского и Вознесенского³² – пересек границу в районе Бендер. Добравшись до Одессы, он на протяжении недели налаживал контакты с подпольными украинскими и белогвардейскими группами, договариваясь

об общих действиях, явках и паролях. Потом перебазировался в Тирасполь, в котором три дня проводил такую же работу. Из Тирасполя до железнодорожной станции Заплава К. Бондарук и И. Нагорный доехали поездом, а оттуда на заранее подготовленных конях добрались до Савранских лесов, где дислоцировалась повстанческая дивизия атамана С. Заболотного.

Появление атамана К. Бондарука на Юге Украины обеспокоила чекистов. Ведь К. Бондарук после заседания в Холодном Яру получил явки 20 подпольных организаций на территории Украины³³. Не меньше обеспокоило и появление И. Нагорного, который был лично знаком с генерал-хорунжим Ю. Тютюнником, адъютантом С. Петлюры Григоровичем и получил пропуск через границу от Польского генерального штаба³⁴. Через неделю после перехода ими границы, начальнику Первомайского уездного управления Чрезвычайной комиссии Корневу доложили: «На территории уезда замечены следы известного вам субъекта – атамана Лихо...»³⁵.

Двадцатидвухлетний главнокомандующий повстанческими силами Юга Украины К. Бондарук развернул активную деятельность по выполнению плана штаба Главного атамана. Отряд К. Бондарука, насчитывавший в 1920 г. 200 бойцов, в 1921-м намного увеличился³⁶. Своим первым заместителем К. Бондарук назначил куренного атамана И. Нагорного. Вместе они инспектировали повстанческие дивизии и отряды, создавали новые полки, обеспечивали их оружием и боеприпасами, по всей оперативной округе закладывали запасы оружия и продовольствия. И. Нагорный имел связи с М. Кулевым, В. Жуком, Е. Проданом и криминальным бандитом «Узочкой» (М. Кутежом). На квартире в М. Кулевого происходили собрания, на которых обсуждались вопросы об агитации, организации отряда во Врадиевке и об объединении с повстанческими отрядами других волостей³⁷.

Взвесив, что Первомайский уезд находится в центре Южной оперативной округи, К. Бондарук свой штаб решил обустроить именно здесь. Первой квартирой, где базировались руководители повстанцев, был дом Ф. Продана и Л. Остапенка. Основная квартира штаба атамана Лихо находилась в неприметном домике М. Дануцы возле постоянного двора недалеко от Голты³⁸.

К. Бондарук и И. Нагорный, кроме семинаров и инструктивных совещаний с партизанами и старшинами повстанческих соединений, также восстанавливали связи со старой украинской интеллигенцией, создавали подпольные патриотические группы. Только в Ольвиопольском уезде было создано несколько подпольных групп, в том числе в Грушовке, Мигее, Сыровом, Березках, Доманевке, Концеполе, Голте, Ольвиополе, Богополе³⁹. Разные подпольные группы были соединены в единую петлюровскую Первомайскую организацию, а атамана Лихо-Бондарука начали называть командующим повстанческими войсками Херсонщины⁴⁰.

Подготовка к восстанию вступала в завершающую фазу. К. Бондарук старался завершить формирование повстанческих отрядов, баз продовольствия, усовершенствовать системы связи. Повстанец Стращенко обещал атаману Лихо 70 местных вооруженных людей, с которыми К. Бондарук собирался произвести налет на конный завод Урсула, чтобы получить лошадей для кавалерии⁴¹.

Вместе с тем, над патриотическим подпольем Южной оперативной группы навис дамоклов меч масштабного провала. Уездному управлению Чрезвычайной комиссии удалось внедрить в подпольные группы, и даже повстанческие штабы, своих агентов. Информация о подготовке восстания шла из первых рук. Провалы начались с досадного случая – ареста Дяченко и Е. Продана – связных К. Бондарука. После ареста Е. Продан выдал начальника телеграфа железнодорожной станции Голта М. Ясельского, а также дал много ценной для чекистов информации, однако это его не спасло от расстрела 14 февраля 1922 г.⁴².

Постепенно распутывая подпольную сеть, чекисты летом 1921 г. арестовали 200 человек, подозреваемых в участии в повстанческом движении. 125 из них были расстреляны⁴³. Чекистам стало известно и о местонахождении К. Бондарука и И. Нагорного, но своевременно предупрежденные уцелевшими подпольщиками, они бежали⁴⁴. Партизанский отряд было временно распущен, а подполье прекратило активную деятельность. Однако ненадолго.

В сентябре 1921 г. атаманы Лихо (К. Бондарук) и И. Нагорный реорганизовали имеющиеся силы и продолжили партизанскую борьбу. Они собрали уцелевших повстанцев, связались с местными криминальными авторитетами во главе с Р. Бабием и восстановили свою деятельность на новых началах. Конспирация стала еще более суровой. Формирование структур велось по принципу троек и пятерок⁴⁵.

Одним из последних организационных дел атамана К. Бондарука была поездка 22 декабря 1921 г. в Подольскую губернию для объединения потенциалов Подольской и Первомайской повстанческих организаций⁴⁶, но это дело не решилось положительно.

С другой стороны, Первомайская уездная ЧК 28 декабря 1921 г. арестовала родного брата И. Нагорного – Николая. По материалам допросов Н. Нагорного чекисты арестовали М. Кулевого – помощника Лихо – Бондарука⁴⁷.

В январе 1922 г. штаб атамана К. Бондарука с небольшим отрядом был отрезан от главных сил восставших и окружен на окраинах Вradiевки. В конце концов повстанцев заблокировали в центре села, однако они продолжали сопротивление. Положение значительно осложнилось, когда был тяжело ранен И. Нагорный, и члены штаба потеряли много времени на поиски надежного места для его укрытия. Поняв, что настала критическая минута, атаман К. Бондарук отдал свой последний приказ: «Друзья! Приказываю рассредоточиться и небольшими группками про-

бываться во все стороны, спастись от позора плена. После этого разыскивайте друг друга на явках, налаживайте связи, снова сплывайтесь. Прощайте, братья! Не теряйте надежды!»⁴⁸.

Однако эта попытка спастись не дала результата, – 8 января 1922 г. И. Нагорный⁴⁹ попал в плен, а 19 января 1922 г. погиб К. Бондарук, пытаясь вырваться из окружения⁵⁰.

В протоколе осмотра тела «бандитского предводителя» было указано, что «кроме смертельного ранения в спину, под левую лопатку, на теле найдено еще две раны – в районе правого плеча и в правую голень». «На груди убитого, под френчем, найдена окровавленная книжка стихов Т. Шевченко, в которой застряла пуля, пробившая сердце. Не документов, не денег или ценных вещей не найдено»⁵¹.

Таким образом, мы проследили трагический и героический путь атаманов «Лихо», которые действовали на территории Украины в 1919–1922 гг. Основное внимания уделили исследованию жизненного пути уроженцу Николаевщины атаману К. Бондаруку (Лихо), который принимал участие в знаковых событиях Украинской национально-демократической революции и был одним из руководителей Первомайской петлюровской организации.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Грушко Е. А., Медведев Ю. М. Русские легенды и предания. М.: Эксмо, 2006. С. 362.

² Ковальчук М. Хто він, атаман Лихо? // Прибузький вісник. 1995. 6, 9, 13, 20, 23 грудня (декабря).

³ Петров Л. О. Отаман Лихо (Якубенко) керівник повстанського руху Гайсинщини і Брашлавщини // Тези доповідей XII Вінницької обласної історико-краєзнавчої конференції. Вінниця, 1993. С. 45–46.

⁴ Котляр Ю. В. Отамани Лихо в історії українського повстанства // Чорноморський літопис: Науковий журнал. Миколаїв: Вид-во ЧДУ ім. Петра Могили, 2011. Вип. 3. С. 22–26.

⁵ Коваль Р. Отамани Гайдамацького краю: 33 біографії. К.: Правда Ярославичів, 1998. Режим доступа: URL http://unknownwar.info/-33_435/?p=34.

⁶ Ковальчук М. Катеринка на Кодими. Історичні розповіді про виникнення та розвиток села. Катеринка: ВЦ «Маторін», 2006. 190 С.

⁷ Шварець В. П. Українська національно-демократична революція і боротьба за незалежність на Миколаївщині (1917–1921). Миколаїв: Видавництво МДГУ ім. Петра Могили, 2007.

⁸ Красносілецький Д. Повстансько-підпільна діяльність Якова Гальчевського у Правобережній Україні (1921 – перша половина 1922 рр.). Режим доступа: <http://vuzlib.com/content/view/1968/52/>.

⁹ Коваль Р. Отаман святих і страшних. К.: Просвіта, 2000. С. 38.

¹⁰ Завальнюк К. В. Лицарі волі: Повстанський рух на Поділлі у персоналіях (20-і роки ХХ ст.). Вінниця, 2000. С. 79.

¹¹ Завальнюк К. Отаман Чорна Хмара (Цісар). Режим доступа: URL http://unknownwar.info/-_489

¹² Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины (ЦГАВУ). Ф. 3204. Оп. 1. Д. 17. Л. 4.

¹³ ЦГАВУ. Ф. 3204. Оп. 1. Д. 79. Л. 1.

¹⁴ Петров Л. О. Отаман Лихо (Якубенко) керівник повстанського руху Гайсинщини і Брашлавщини. С. 46.

- ¹⁵ *Завальнюк К. В.* Лицарі волі... С. 79–80.
- ¹⁶ *Завальнюк К.* Отаман Чорна Хмара (Цісар). – Режим доступу: http://unknownwar.info/-_489
- ¹⁷ *Ступницький С.* Операції 45 дивізії по ліквідації бандитизма на Правобережжє. (1920–1922 г.) // *Історія 45-ої Волинської краснознаменої стрілецької дивізії.* В 2-х т. к., 1929. Т. 1: Боевий період. С. 304.
- ¹⁸ ЦГАВОУ. Ф. 3204. Оп. 1. Д. 17. Л. 4.
- ¹⁹ Центральний державний архів громадських об'єднань України (ЦГАООУ). Ф. 1. Оп. 20. Д. 642. Л. 49.
- ²⁰ *Повстанський рух на Україні у 1918–1922 рр.* // *Енциклопедія українознавства у 10 тт.* Львів, 1996. Т. 6. С. 2120–2121.
- ²¹ ЦГАВОУ. Ф. 3204. Оп. 1. Д. 17. Л. 1.
- ²² *Пограничні войска СССР. 1918–1928 гг.* Сб. док. М.: Наука, 1973. С. 72–73.
- ²³ *Красносілецький Д.* Указ. соч.
- ²⁴ *Гальчевський-Войнаровський Я.* Проти червоних окупантів: У 2-х ч. / *Краків: Українське видавництво, 1941.* Ч. 1. С. 14.
- ²⁵ *Гальчевський-Войнаровський Я.* Проти червоних окупантів. С. 27–36.
- ²⁶ *Ковальчук М.* Катеринка на Кодимі... С. 119.
- ²⁷ *Ковальчук М.* Катеринка на Кодимі... С. 122.
- ²⁸ *Коваль Р.* Отамани Гайдамацького краю...
- ²⁹ *Ковальчук М.* Катеринка на Кодимі... С. 125.
- ³⁰ *Коваль Р.* Отамани Гайдамацького краю...
- ³¹ *Бозан С. М.* Повстанський рух в Одеській губернії у 1920–1923 рр. // *Записки історичного факультету. Одеса, 1999.* Випуск 8. С. 161.
- ³² Галузевий державний архів Служби безпеки України (отраслевой государственный архив Службы безопасности Украины) (ГДА СБУ). Д. 44224. Т. 6. Л. 60.
- ³³ ГДА СБУ. Д. 44224. Т. 6. Л. 132.
- ³⁴ ГДА СБУ. Д. 44224. Т. 6. Л. 63.
- ³⁵ *Ковальчук М.* Катеринка на Кодимі. С. 127.
- ³⁶ *Котляр Ю. В.* Отамани Лихо в історії українського повстанства. С. 24.
- ³⁷ ГДА СБУ. Д. 44224. Т. 6. Л. 60.
- ³⁸ ГДА СБУ. Д. 44224. Т. 6. Л. 60.
- ³⁹ *Шкварець В., Гузенко Ю.* З історії отаманщини на Миколаївщині в роки Української національно-демократичної революції та визвольних змагань (1919–1922 рр.) // *Красзнавич альманах. Історія. Археологія. Наука. Культура. Освіта. Промисловість. Сільське господарство.* Миколаїв: МОППО, 2010. №1. С. 79.
- ⁴⁰ ГДА СБУ. Д. 44224. Т. 6. Л. 1.
- ⁴¹ ГДА СБУ. Д. 44224. Т. 2. Л. 134.
- ⁴² ГДА СБУ. Д. 44224. Т. 2. Л. 21.
- ⁴³ ЦГАВОУ. Ф. 3204. Оп. 1. Д. 11. Лл. 28–30.
- ⁴⁴ *Коваль Р.* Отамани Гайдамацького краю...
- ⁴⁵ ГДА СБУ. Д. 44224. Т. 1. Лл. 1–2.
- ⁴⁶ ГДА СБУ. Д. 44224. Т. 6. Л. 132.
- ⁴⁷ ГДА СБУ. Д. 44224. Т. 1. Л. 2.
- ⁴⁸ *Ковальчук М.* Катеринка на Кодимі. С. 137.
- ⁴⁹ ГДА СБУ. Д. 44224. Т. 6. Л. 132.
- ⁵⁰ ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 1698. Л. 22.
- ⁵¹ *Коваль Р.* Отамани Гайдамацького краю...

ИДЕОЛОГИЯ ПОВСТАНЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ В ПЕРИОД ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В УКРАИНЕ

(по агитационным материалам Черноморского повстанческого козацкого войска)

Публ. С. М. Богана (Одесса, Украина)

Учитывая чрезвычайно сложную общественно-политическую и военную обстановку в Украине, которая сложилась в последние годы, исследование повстанческого движения в период гражданской войны 1918–1922 гг. становится все более актуальным. Одним из важнейших элементов любого массового военного движения является идеология, которую исповедуют повстанцы.

Большинство антибольшевистских крестьянских повстанческих отрядов на Юго-Западе Украины на протяжении 1919–1922 годов были объединены в крупное и чрезвычайно опасное для советской власти соединение. Это соединение имело оригинальное название: «Черноморское повстанческое козацкое войско». Атаманом этого партизанского войска был бывший прапорщик российской царской армии Семен Федорович Заболотный¹.

В соединении атамана С. Заболотного работал политический отдел, возглавляемый М. Крещаком. Политотдел проводил широкую агитационную работу среди повстанцев, населения и красноармейцев. Об этом свидетельствуют хранящиеся в Государственном архиве Одесской области копии листовок и прокламаций, изданные политотделом и подписанные атаманом С. Заболотным и его соратниками. Помощниками С. Заболотного и М. Крещака по политической и организационной работе были начальник его штаба поручик Чехович, атаман одного из отрядов соединения Я. Малый и бывший одесский гимназист Гайдученко².

Повстанческие листовки дают определенное представление об идеологии, которую исповедовали бойцы и командиры повстанческих формирований, объединенных в вышеупомянутое соединение. Оригинал написан на украинском языке. Приводим тексты в переводе на русский.

Документ 1

Ограбленный, замученный, затуманенный рабочий люд Украины!

Ты поверил большевикам и отдал на поругание свое право, свою веру, землю, свой край, своих сыновей – злодеям, каторжникам и чужакам. Уже два года как большевики пануют в нашем крае и что ни день худшие кандалы надевают на народ: дурят, грабят хлеб, скотину и одежду.

Китайцы и жиды лучших сыновей своего народа тысячами расстреливают в чрезвычайках и гноят по тюрьмам. Лучших рабочих и ученых людей десятками тысяч убивают, чтобы народ Украинский оставался темный, чтобы не было кому оборонить его.

Хлеб селянин не успевает еще собрать – рабочий что-нибудь сделать, как большевики слюни распускают на их бессонную работу – дурят, грабят, богатеют и удирают в чужие земли. Красноармейцы видят конец большевизма, убивают коммунистов и переходят к повстанцам. Чуют коммунисты свою смерть, хотят забрать хлеб, чтобы было чем купить мир, чтобы еще немного похозяичничать в чужой, не своей хате.

Хватит терпеть! К делу братья! На оборону своего края, прав, веры. Смерть злодеям коммунистам! Все к оружию на помощь повстанцам!

Действующая повстанческая Рада. Атаман Черноморского повстанческого войска С. Заболотный³.

Документ 2

Украинская действующая повстанческая Рада 2 мая 1921 года: Балтскому Ревкому и Парткому.

По поводу осуществленного вами террора неповинных селян, примером чего было сожжение села Попова Гребля, просим вас обратить внимание на то, что это есть неповинные жертвы недограбленного вами селянства, которые свидетельствуют об истинности вашей жидовской власти. А потому предупреждаем, что если подобные терроры будут продолжаться вами и дальше, Украинская действующая повстанческая Рада объявляет суровый террор всем семьям партийных работников, а также всем семьям красноармейцев.

Просим донести до ведома высших органов вашей власти.

Атаман

Заведующий политическим отделом

С. Заболотный.

М. Крещак⁴.

Документ 3

Товарищи красноармейцы!

Вашим телом и кровью свержен царизм, тысячи ваших братьев стали жертвами революции за свободу, равенство и братство угнетенных рабочих и крестьян. Какую же свободу мы видим? Где царство угнетенных? Мы только видим царство ненавистной кучки вожаков и, вместо свергнутого самодержавия появилось комиссародержавие, вся власть которого

держится на кровавых чрезвычайках, особых отделах, карательных отрядах и трибуналах. Российская Советская власть не принесла мир и свободу в наши дома, а дала нам полную разруху, упадок культуры, голод, болезни, разврат. Советская власть объявила широкое самоопределение народов, а меж тем принесла полное порабощение украинской нации; вместо свободы украинского пролетариата, до сих пор льется его кровь, потому что Советской власти не нужна свобода братской Украины, а ее хлеб, ее природные богатства и имущество нашего ограбленного народа. Советская власть для народа сотворила чрезвычайки, переполненные каторжанами, палачами и жидами, которые окружили себя отрядами китайцев для расстрела трудящихся. Вот почему мы, сыновья Украины, не вынесли гнет фальшивого коммунизма и объявили войну коммунистам.

Товарищи красноармейцы! Война объявлена не вам. Вы такие же угнетенные этой властью, и многие из вас уже осознали ее несправедливость. Вы поверили высоким призрачным лозунгам комиссаров, которые слово правды утопили в вашей крови, и мы им объявили войну. Они ведут Вас на борьбу с нами как с контрреволюционерами. Подлая ложь! Нет с нами в лесах генералов и помещиков. Все мы крестьяне и рабочие Украины, все мы борцы революции, и наша борьба за настоящую волю народа. Кто ж виноват в этой бойне? Виновники комиссары и фальшивая коммунистическая партия, которая купается в нашей крови, а вы – слепое орудие для царствования кучки злодеев. Но пришло время положить конец этой бойне, время открыть глаза и общими усилиями восстановить мир и братское единство. Мы бьем тех, кто идет со штыком на свободу рабочих и крестьян Украины.

Товарищи, осознайте преступное дело коммунистов, смойте их кровь грязное пятно революции и фальшивый коммунизм ваших комиссаров, тогда вы увидите в нас не лесных зверей и бандитов, а друзей и товарищей. Подай же руку, несчастный, голодный и обманутый красноармеец!

Атаман повстанческих черноморских козаков. *С. Заболотный*⁵.

Документ 4

Населению Балтщины, Ольгопольщины и Ямпольщины.

На основании приказа Главного Атамана войск Украинской народной республики С. Петлюры приказываю:

Подвод из села красноармейцам не давать, потому что за жизнь людей и скотины мы не отвечаем.

Ни продналог, ни продразверстку коммунистам не давать, потому что этот хлеб вывезут в Московщину, и наш люд будет умирать от голода.

Повстанцев и дезертиров красной армии не выдавать, ибо за выдачу таких буду карать расстрелом.

Всеми силами помогать повстанцам, которые борются за Ваше счастье, за покой, за землю и волю, против насилия и грабежа коммунистов.

Не прятать, а немедленно выдавать повстанцам коммунистов и чекистов. За укрывательство буду сурово карать.

Атаман Гуляй-Беда (псевдоним поручика Чеховича – прим. публ.).⁶

Документ 5

Из листовки «Обращение к Шляховскому комсомолу».

Мы, старшие братья ваши, сыновья тех самых обиравемых селян, обращаемся к вам с просьбой от имени матери Украины и всего украинского селянства, слезно молимся отречься от свой Иудейской работы, прозреть и стать в ряды честных борцов за свободу народа украинского – повстанцев. Иначе изольем на ваши головы проклятия заплаканного украинского народа и объявим смерть изменникам – иудам, которые продают народ, как Иуда Христа, а за братскую кровь, которая прольется, справедливый Бог будет судьей⁷.

Анализ агитационных материалов как исторического источника позволяет сделать следующие выводы.

Повстанческие отряды, сформированные в период гражданской войны в Причерноморье (за исключением повстанческих отрядов немцев-колонистов) вели вооруженную борьбу против большевистской власти под социалистическими и украинскими националистическими лозунгами. Повстанческие атаманы были убежденными социалистами, хотя и боролись против республики, в полном названии которой было слово «социалистическая». По мнению известного украинского историка, академика С. Кульчицкого, «между социализмом и коммунизмом нет генетического родства, хотя они похожи в непризнании неприкосновенности частной собственности. Абсолютная ликвидация последней является ключевым пунктом коммунистической доктрины, но никогда не была целью любых других политических сил. Общественное огосударствление средств производства в Советской Украине привело к уничтожению рыночных механизмов. Ликвидация частной собственности на средства производства подавалась коммунистической доктриной как национализация (переход в собственность народа) или обобществление (переход в собственность общества). Фактически же средства производства попадали в руки государственных чиновников, за которыми стояла контролируемая узкой группой руководителей коммунистическая партия. Общество в целом и отдельные его члены лишались самостоятельных средств существования, то есть становились во всем зависимыми от государства»⁸.

С 1919 года наибольшим влиянием в повстанческом движении, как и в деревне вообще, пользовались левые партии, в особенности эсеры и «боротьбисты»⁹. Название последней партии происходит от слова «боротьба», что в переводе с украинского на русский означает «борьба». Сам атаман С. Заболотный, выдвинув лозунг «Бей коммуны, спасай революцию!», называл себя украинским «эсером-боротьбистом»¹⁰, хотя такой партии в действительности не существовало. «Боротьбисты» преобладали во многих территориальных повстанческих комитетах в Украине¹¹. Другие украинские партии социалистического направления также принимали участие в повстанческом движении. Один из лидеров украинских социал-демократов Ю. Мазуренко так объяснял этот шаг своей партии: «Незалежники пошли на восстание под пролетарскими лозунгами, пытаясь направить его не против Советской власти, как таковой, а против власти данного (большевистского) правительства»¹². Сравнивая повстанческое движение на Одещине и Николаевщине с повстанчеством в других регионах Украины, следует отметить, что социалистические лозунги и названия использовали почти все повстанческие отряды. При этом некоторые из повстанческих атаманов, запутавшись в политических перипетиях, доходили до смешного. Например, известный многим по кинофильму «Адъютант его превосходительства» в прекрасном актерском исполнении Анатолия Папанова атаман Ангел, который действовал на Черниговщине, захватив то или иное село, созывал митинг и призывал вступать в его отряд, причем называл себя «большевиком», который выступает против «коммунистов»¹³. Как тут не вспомнить знаменитый эпизод фильма «Чапаев»! В этом эпизоде крестьянин спрашивал Василия Ивановича: «Вы за большевиков, или за коммунистов?»

Повстанцы на Юго-Западе Украины в подавляющем большинстве были верующими христианами. В листовке-обращении к комсомольцам это четко зафиксировано. Как свидетельствуют воспоминания повстанцев, в отрядах постоянно проводились православные полевые службы¹⁴.

Тексты листовок также имеют антироссийский и антисемитский характер. Но направлены они не против этнических русских, которые проживали на территории Юга Украины, а против самой Советской России и ее граждан (независимо от национальной принадлежности), которые прибыли в Украину для установления коммунистической власти в составе Красной армии, продотрядов, ЧК, частей особого назначения «ЧОН», милиции, коммунистической партии, комсомола, других большевистских органов власти и учреждений. Подобную природу имеет и антисемитизм в идеологии украинских повстанцев, направленный не на еврейский народ в целом, а как реакция на не в меру активное участие многих украинских и российских евреев в установлении большевистской власти и деятельности ее карательных структур в Украине.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Подробнее о нем см. в книге: *Боган С.* Повстанцы Одесщины и Приднестровья (укр. яз.). Одесса, 2013.

² Центральный государственный архив общественных объединений Украины (ЦГАООУ). Ф.1. «ЦК КП(б)У». Оп.20. Д.527. «Сводки информационного отдела Одесского губкома КП(б)У о политической ситуации и организационно-партийной работе в Анапьевском, Балтском, Вознесенском, Одесском, Первомайском и Тираспольском уездах Одесской губернии (январь – декабрь 1921 г.)». Л. 15.

³ Государственный архив Одесской области (ГАОО). Ф.ПЗ. «Одесский губернский комитет КП(б)У (1920 – 1924 г.)». Оп.1. Д.210. «Отчет комиссии по расследованию дела о нападении банд на Тираспольский уезд. Обращения и призывы главарей банд к населению Балтского уезда (5 мая – 28 ноября 1921 г.)». Л. 12.

⁴ Там же. Л. 13.

⁵ Там же. Л. 14.

⁶ Там же.

⁷ Там же. Л. 10.

⁸ *Кульчицкий С. В.* Комунизм в Україні: Перше десятир'ччя 1919–1928). К.: Основи, 1996. С. 17.

⁹ *Ганжа О. І.* Українське селянство в період становлення тоталітарного режиму (1917–1927 рр.). К.: Інститут історії України, 2000. С. 132.

¹⁰ ЦГАООУ. Ф.1. «ЦК КП(б)У». Оп.20. Д.195. «Сводки информационного отдела ЦК КП(б)У, губкомов КП(б)У для членов ЦК КП(б)У (март – июль 1920 г.)». Л. 78.

¹¹ *Балковий П. М.* Війна без флангів. Партизансько-повстанська боротьба українського народу проти білогвардійців та інтервентів у 1918–1920 рр. К.: Наукова думка, 1966. С. 183.

¹² *Ганжа О. І.* Указ. соч. С. 132.

¹³ Октябрь и гражданская война на Украине / Ред. Гамрецкий Ю. М. К.: Наукова думка, 1987. С. 175.

¹⁴ *Суслик Р. Л.* Криваві сторінки з неписаних літописів. Козацько-хуторянська Полтавщина в боротьбі проти Московського комунізму. Дерби (Великобританія), 1956. С. 51.

БЕЛАЯ ГАЗЕТА

ОБ АТАМАНЕ И. СТРУКЕ ·

Публ. А. В. Посадского (Саратов)

И. Т. Струк обычно включается в перечень классических зеленых атаманов Правобережья. В его судьбе можно выделить два важных момента: база под Киевом (он уроженец Чернобыльского уезда), что автоматически повышало значимость популярного атамана, и – нехарактерный для атаманов эпизод службы в Белой армии. Именно последнему сюжету и посвящена настоящая публикация. Следует добавить, что и послеатаманской судьбой Струк удачно выделяется из общего ряда: долгая жизнь и даже мемуары с превознесением своей личности. Очерк жизни атамана Струка предложил В. А. Савченко¹. В его изложении это антигерой гражданской войны – не раз менявший фронт авантюрист, отметившийся погромами, чванливый мемуарист, пытавшийся задним числом попасть в большую историю. Вероятно, это мнение верно, и личность Струка весьма мало симпатична. Тем не менее, это человек, стянувший на себя тысячи киевских повстанцев, сумевший неоднократно выводить ядро своего отряда из опасных переделок. Крестьянин, народный учитель, балтийский матрос и пехотный прапорщик – довольно обычный путь по социальной лестнице для тех, чья молодость пришлось на 910-е гг.

Пунктир пореволюционной судьбы Струка включает организацию в конце 1917 г. вольного казачества в родной Горностаепольской волости, командование внушительным повстанческим отрядом в две-три тысячи человек, с которым он то сражался в составе войск Директории, то переставал ей подчиняться, то пытался перейти в ряды Красной армии. Весной – летом 1919 г. он глава крупного отряда в родных местах. Звездный час струковцев – апрельский налет на Киев, когда им удалось на два дня захватить ряд предместий. К августу у Струка оставалось несколько сотен человек, скрывавшихся в киевском Полесье. Взятие Киева белыми подвигло его прийти на помощь сильному. В сентябре было заключено соглашение, как пишет В. А. Савченко, о вхождении «Первой

* Публикация подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 13-01-00260.

повстанческой украинской армии» численностью около двух тысяч человек в состав ВСЮР. Струковцы существенно помогли во время октябрьского налета красных отстоять город, но весьма отличились еврейскими погромами. Затем Струк отступает на Одессу, оказывается в Бессарабии, союзничает с поляками в 1920 г., атаманствует на Волыни и в родных киевских местах.

Документально банда Струка фиксируется последний раз осенью 1922 г. Очевидно, далее последовал удачный переход в Польшу.

Публикуемый документ представляет собой газетную заметку, помещенную газетой «Новый пахарь», которая издавалась под властью ВСЮР в г. Ромны².

Статья опубликована как раз накануне красного налета на Киев 1(14) – 5(18) октября 1919 г. Во время октябрьских боев струковцы участвовали в возвращении города и стали активными участниками еврейского погрома³.

Отметим существенные моменты, которые позволяет зафиксировать небольшая статья. Прежде всего, ни о какой «повстанческой армии» речь не идет; наименование у струковцев скромнее – «первый малороссийский партизанский (или добровольческий – публ.) отряд»⁴. Далее, в штаб Струка были направлены офицеры. Наличие среди них «известного партизана» говорит о том, что командование пыталось найти нужные кадры для взятия в руки повстанческой вольницы. «Партизаном», надо полагать, именуется офицер с опытом войсковых партизанских действий в 1915 – 1917 гг.

Показательно, что Струк на белой службе, как это представляет его офицер-помощник, не бравирует своим атаманством, напротив, «тянется в струнку». Очень сходно описывает заднепровского «атамана Левшу» А. В. Туркул в главе «Сечь» «Дроздовцев в огне».

Обращает на себя внимание и то, что наплыв крестьян к Струку впечатляющий (даже если иметь в виду возможность газетного преувеличения), причем «белая служба» атамана не смущает ни недавних петлюровцев, ни махновцев, ни зеленцов, ни григорьевцев. Можно предполагать, что одной из очевидных основ объединения был низовой антисемитизм, так как еврейство прочно ассоциировалось с большевизмом⁵.

*Малороссийский Добровольческий отряд*⁶

Когда немцы в прошлом году имели неосторожность выпустить С. В. Петлюру⁷ из тюрьмы, он тотчас же отправился в уезд организовать восстания. У него было много помощников, выросших теперь в предводители больших банд. Одним из таких «отаманов» был Струк.

Это – бывший народный учитель.

Струк помог Петлюре свергнуть гетмана Скоропадского⁸ и он же помог большевикам свергнуть Петлюру. При большевиках Струк, однако, не успокоился и восстал против них.

Теперь Струк пришел к генералу Бредову⁹ с повинной и предложил свои услуги для борьбы с большевиками. Генерал Бредов принял Струка, но поставил ему ряд условий, из которых первое – полное подчинение командованию Добрармии. Струк согласился, и ему нашили погоны зауряд-полковника¹⁰.

В деревне Струк очень популярен. За несколько времени до прихода Добровольцев в Киев, по его приказу явилось к мобилизации до 18000 крестьян. В настоящее время Струк сформировал «1-й малороссийский партизанский отряд». В штабе Струка офицеры по назначению командования Добрармии. Ежедневно в киевское отделение струковского штаба приходят записываться сотни повстанцев.

– Идут к нам, как мухи на мед, – заявил мне помощник Струка, штаб[с]-ротмистр Собецкий¹¹, известный партизан. Приходят и маховцы, и григорьевцы, и зеленевцы, и петлюровцы. Представьте себе, нацепить погоны, – куда его и дикость девалась. Уже тянется в струнку, говорит «никак нет», «так точно»...

«1-й малороссийский добровольческий отряд» уже на фронте, а с ним его «батько» Струк в золотых погонах. Слава Струка в Киевском уезде велика.

«Ея В.»

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Савченко В. А. Авантюристы гражданской войны. Историческое расследование. Харьков: Фолио, М.: АСТ, 2000. С. 246–255.

² Ромны – уездный город Полтавской губернии. Находился под властью Вооруженных сил Юга России 6 (19) августа – 16(29) ноября 1919 г. В этот период Полтавская губерния входила в состав Харьковской области во главе с главноначальствующим, каковым являлся командующий Добровольческой армией генерал. В. З. Май-Маевский. Из белых формирований известна немногочисленная Роменская офицерская дружина: Волков С. В. Белое движение в России: организационная структура (материалы для справочника). М., 2000. С. 143. К 20 сентября (3 октября) 1919 г. была сформирована комендантская рота первого разряда. Местные формирования вряд ли отличались высокой боеспособностью. Так, приказом по гарнизону 8 прапорщиков и 1 подпоручик гарнизонной команды объявлялись в бегах: Новый пахарь (Ромны). 1919. №12.

³ Книга погромов. Погромы на Украине, в Белоруссии и европейской части России в период Гражданской войны 1918 – 1922 гг. (Сборник документов). Отв. ред. Милякова Л. Б. М., 2007. Документ №106: Из сводного доклада Редакционной коллегии о событиях в г. Киеве в сентябре, 14–18 октября 1919 г. [В документе события даны по старому стилю]. В этом докладе сообщены такие подробности по поводу участия атамана Струка и подчиненного ему отряда: «Особенно сильно страдало от налетов население Подола, где районным комендантом был назначен безызывестный атаман Струк... В качестве коменданта Подола в дни 1–5 октября он взимал контрибуции, повстанцы совершили огромное число налетов. Назначение его комендантом Подола было равносильно отдаче ему на откуп еврейского населения этого района». Подробное мемуарное свидетельство о киевских событиях см. также: Марков А. Л. Записки о прошлом 1893 – 1920. М.: Традиция, 2014. С. 466–471. В нем важная роль в удержании Киева и еврейских погромах отдана Волчанскому партизанскому отряду, а струковцы не упоминаются.

⁴ Я. Тинченко приводит еще один вариант наименования новой белой части – «Малороссийский конный полк»: *Тинченко Я. В.* Белая гвардия Михаила Булгакова. Киев, Львов, 1997. С. 21.

⁵ Белый офицер свидетельствует, что в Остерском уезде Черниговской губернии, близком к Киеву, на мобилизацию осенью 1919 г. исправно явилось русское население, и поголовно уклонилось еврейское. См.: *Марков А. Л.* Указ. соч. С. 465. Понятно, что застарелую проблему взаимоотношений это могло только обострить.

⁶ Новый пахарь (Ромны). 1919. №16 от 29 сентября (12 октября) С. 2.

⁷ Петлора Симон Васильевич (1879 – 1926) – главный атаман (главнокомандующий), председатель Директории Украинской народной республики 13 февраля 1919 года – 10 ноября 1920 года). До 1917 г. – публицист и редактор левонационалистических взглядов. В эмиграции во Франции, убит.

⁸ Скоропадский Павел Петрович (1873 – 1945), праправнук гетмана И. И. Скоропадского, из дворян Полтавской губернии, крупный помещик. В службе с 1891 г. Участник Русско-японской войны, кавалер Золотого оружия. Командир лейб-гвардии Конного полка в 1911 г., генерал-майор в 1912 г. за отличие. Участник Великой войны, кавалер ордена Святого Великомученика и Победоносца Георгия, начальник 1-й гвардейской кавалерийской дивизии, генерал-лейтенант (1916). С января 1917 г. командир 34-го армейского корпуса, впоследствии 1-го Украинского. В октябре 1917 г. провозглашен атаманом Вольного казачества, главой военных формирований Центральной рады. С декабря 1917 г. в отставке. 29 апреля 1918 г. провозглашен съездом хлеборобов в Киеве гетманом Украины. Отрекся в декабре 1918 г., не сумев справиться с восстанием С. Петлюры. В эмиграции в Германии. Погиб под бомбежкой союзной авиации в последние дни Второй мировой войны в Европе.

Бредов Николай-Павел-Константин Эмильевич (1873 – 1945). Лютеранин, из дворян. Окончил 2-е военное Константиновское училище в 1893 г. Окончил Николаевскую академию Генерального штаба в 1901 г. Участник Русско-японской войны. На штабных должностях, полковник в 1908 г. Участник Первой мировой войны. На войну вышел начальником штаба 33-й пехотной дивизии. Генерал-майор в 1915 г., генерал-квартирмейстер штаба 11-й армии. Кавалер ордена Святого Великомученика и Победоносца Георгия. Генерал-квартирмейстер штаба войск Северного фронта в 1915 – 1916 гг. После революции командовал дивизией и корпусом, генерал-лейтенант. С апреля 1918 г. в армии Украинской державы, с ноября – в Киевском центре Добровольческой армии, с конца года в Добровольческой армии. Состоял в резерве чинов. С июня 1919 г. начальник 7-й пехотной дивизии. Успешно действовал на Полтавском и Киевском направлениях. После оставления Киева отступал во главе группы войск на Одессу. Совершил переход («Бредовский поход») по линии Днестра на соединение с польскими войсками. Интернирован в Польше. В августе 1920 г. войска Бредова прибыли в Крым. Состоял в распоряжении Главнокомандующего. В эмиграции в Болгарии. Погиб после ареста СМЕРШ.

«Зауряд» – юридический термин, обозначающий права и преимущества по должности при отсутствии чина, занимаемой должности соответствующего. И. Струк, очевидно, был офицером военного времени и имел чин прапорщика. Полковником, по должности командира самостоятельной части, он мог стать только зауряд, что и произошло.

¹¹ Личные данные нами не установлены.

БЕЛОРУССКИЕ ПАРТИЗАНЫ

ПОВСТАНЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ НА ГОМЕЛЬЩИНЕ В 1918 – ЯНВАРЕ 1919 ГГ. И ЕГО ВОЖДИ

Ю. Э. Глушаков

(Гомель, Республика Беларусь)

Несмотря на все усилия правительства большевиков и левых эсеров по прекращению империалистической войны, в феврале 1918 года немецкие войска возобновили свое наступление на восточном фронте. В Беларуси германская армия проводила операцию «Фаустшлаг» («Удар кулаком»). В ходе нее немецкие войска начали стремительное продвижение вдоль железнодорожной линии Брест-Брянск. Разложившиеся части старой армии и немногочисленные отряды Красной Гвардии были не в состоянии оказать немцам сколь-либо серьезного сопротивления. 1 марта германская армия заняла крупный железнодорожный узел Гомель.

По условиям соглашения Украинской народной республики с Германией, подписанного в Бресте в феврале 1918 года, Гомель передавался в состав Украины. Этнический состав и мнение населения при этом в расчет не принимались, – очевидно, передачей территории южной Беларуси в состав УНР немцы хотели поощрить своих новых союзников в Восточной Европе. Однако уже в скором времени лояльное, но слишком «левое» правительство УНР было свергнуто в результате государственного переворота, организованного немцами. К власти был приведен гетман Павел Скоропадский, опиравшийся отчасти на старое офицерство, отчасти – на умеренно-националистических украинских помещиков. В ответ против гетманских властей и немецких оккупантов на Украине и в Беларуси развернулось партизанское движение.

Незадолго до эвакуации Гомеля были приняты меры по подготовке революционного подполья. С учетом того, что большая часть активных

большевиков ушла на восток, в Москву и Самару, особую роль в организации повстанческого движения на Гомельщине сыграли анархисты-коммунисты. Одним из лидеров подполья стал Ефим Савельевич (Хаим Залманович) Майзлин («Фриц», «Тарантул»), революционер со стажем. Ефим Майзлин родился в Гомеле в бедной еврейской семье. В период революции 1905–1907 годов Майзлин примкнул в Гомеле к организации анархистов-коммунистов, за участие в боевых предприятиях был арестован и осужден на каторгу. После Февральской революции был освобожден с другими политзаключенными, вернулся в Гомель, где летом 1917 года принял активное участие в организации антивоенных выступлений солдат Гомельского пересыльного пункта¹. Вместе с красногвардейским отрядом Майзлин прикрывал Гомель во время немецкого наступления в районе станции Буда-Кошелево.

Вскоре после занятия немецкими войсками Гомеля на конспиративной квартире состоялось первое заседание подпольного ревкома. Как указывает в своих воспоминаниях Е.С. Майзлин, в нем принимали участие и большевики, и анархисты. В частности, в первый состав ревкома вошел рабочий-железнодорожник анархист Моисеенко и анархосиндикалист Евсей Шейндлин (Днепров). Шейндлин по политическим мотивам эмигрировал в 1912 году в Америку, но в 1917 году был делегирован в Россию Федеративным союзом русских рабочих организаций Соединенных Штатов. Но не все из участников собрания согласились и дальше продолжая подпольную работу: так, студент Н. отказался, сославшись на то, что «сильно занят изучением Маркса». Однако, в целом, ревком сразу же приступил к активным действиям. Его работа велась по нескольким направлениям – разведывательная деятельность, пропагандистско-агитационная и боевая. Сам Майзлин устроился работать в городскую управу, в чем ему помог видный в Гомеле того времени общественный деятель Петр Богданов. Социал-демократ Богданов колебался в то время между меньшевиками и большевиками и в связи с этим не вызывал у немецких властей особых подозрений. Работая в городской управе, «Тарантул» получил доступ к важным сведениям о дислокации и перемещении немецких частей, их составе, планах и т. п. Эти сведения могли передаваться как городскому подполью, так и в штаб Красной армии в Москву, где как раз начинала формироваться советская военная разведка.

Связные Гомельского подпольного ревкома неоднократно пересекали демаркационную линию, направляясь в центр с донесениями, возвращаясь оттуда с инструкциями, оружием и новыми людьми. В частности, работавший в железнодорожных мастерских старый большевик Емельян Каленников направлялся в Москву на встречу с Владимиром Лениным. Встретиться с главой Совнаркома ему не удалось, но в Гомель Каленников вернулся с группой немецких левых социал-демократов-

«спартаковцев». Очевидно, немецкие интернационалисты имели задачу вести пропагандистскую работу среди солдат германского гарнизона.

Что касается массовой работы в целом, то она достаточно широко велась среди работников различных предприятий Гомеля. Этому способствовало и то обстоятельство, что подпольный ревком стала поддерживать «левая часть гомельских профсоюзов», в частности, профсоюз печатников. «Левая» – это значит та, которая была близка к большевикам, левым эсерам, левым бундовцам или анархистам. Почти все профессиональные союзы Гомеля в то время находились под влиянием социалистов, радикальных или умеренных. Незначительную конкуренцию им могли составить только небольшие группки рабочих-сионистов. В Гомеле летом 1918 года действовало 20 профсоюзов, насчитывавших 13 тысяч членов².

При этом правые бундовцы и российские меньшевики были лояльны к немецко-гетманскому режиму и пользовались за это полной легальностью. За левыми социалистами гетманская полиция – «варта», вела охоту. Впрочем, коррупция в рядах полиции позволяла подпольщикам даже выкупать своих арестованных товарищей.

Что касается массово-пропагандистской работы, то ее результатом стала активизация рабочего движения и ряд забастовок. Надо отметить, что в условиях военного противостояния советской России и монархических Германии и Украины каждое такое выступление являлась не только формой классовой борьбы, но и дезорганизацией тыла оккупантов. Недовольство рабочих в тот период обострилось, – предприниматели, пользуясь поддержкой немецких и гетманских властей, начали ликвидировать 8-часовой рабочий день и снижать заработную плату. От произвола и вымогательств гетманской варты страдали и мелкие предприниматели. Одновременно они становились жертвами криминала, захлестнувшего Гомель, – коррумпированная варта была неэффективна в борьбе с преступностью. В мае 1918 года забастовали связисты на телефонной станции концессионеров братьев Рукавишниковых. Стачечники требовали повышения заработной платы. Однако эта забастовка, как и стачки рабочих завода Агроскина, служащих, строителей, были проиграны. В городе было много безработных, что позволяло предпринимателям сбивать цену на рабочую силу. Предпринимателей также поддерживали гетманские власти, в числе прочего, подвергавшие организаторов экономических выступлений репрессиям. Так, на телефонной станции Рукавишниковых был арестован рабочий делегат Д. И. Арашкевич³.

Наиболее серьезный удар по оккупантам нанесла стачка железнодорожников. 24 июня 1918 года на Украине забастовала станция Коростень. 15 июля стачку поддержал Гомель, – местные железнодорожники начали «итальянскую» забастовку; в забастовочный комитет вошло 8 членов и 2 кандидата. Возглавил стачком левый эсер Строганов, в него

входил также анархист Моисеенко⁴. Забастовочный комитет действовал в подполье, за голову каждого его члена власти назначили награду в 40 000 рублей. Вскоре началась Всеукраинская стачка железнодорожников. Одним из основных требований рабочих и служащих в Гомеле, наряду с экономическими и политическими, стала отмена украинизации железной дороги. Гомель того времени являлся русскоязычным городом. Принудительное введение украинского языка в делопроизводстве, особенно на железной дороге, вызывало недовольство у многих. Забастовка была подавлена военной силой. После отказа грузить германские войска, немцы провели массовую облаву в районе компактного проживания рабочих-железнодорожников – в т. н. «Залинии». Около 4 000 человек были согнаны на двор пожарного депо. 72 наиболее активных участника стачки были отправлены в концлагерь в Брестскую крепость.

И, наконец, по мере накопления сил важнейшим направлением деятельности Гомельского подпольного ревкома становилась боевая деятельность. Велась она как в городе, так и в сельской местности. Если в городе она приняла форму отдельных диверсионных и террористических актов, а также экспроприаций, то на селе ревкомовцам удалось вернуть массовое партизанско-повстанческое движение.

Городские подпольщики провели такие акции, как взрыв сыскного отделения, взрыв в ресторане с немецкими офицерами, попытка поджога немецких казарм на улице Артиллерийской, покушения на чинов полиции. Особую активность в боевой работе проявляли анархисты. Большевик Самуил Хавкин, несмотря на порученное ему задание вытеснить анархистов из ревкома, вынужден был признавать: «Товарищи Майзлин и Моисеенко – наши «правые руки». Если нужно было произвести взрыв – то это делали они...»⁵ С состоятельной буржуазии собирались средства на нужды подполья и партизан. Таким порядком была экспроприрована обувь для бойцов одного из партизанских отрядов. К несогласным принимались меры «экономического террора», широко применявшиеся еще в период революции 1905–1907 годов. Например, после того, как предприниматель Дебкин отказался уплатить назначенную ему сумму, под лестницей его дома была взорвана бомба. Характерно, что все непричастные жильцы были заранее предупреждены боевиками. Случаи «эксов» в личных целях пресекались объединенным ревкомом, но, как всегда, увлечение эксизмом не обходилось без эксцессов. Впоследствии большевики и анархо-коммунисты обвиняли друг друга в отдельных случаях экспроприаций в личных целях⁶.

В регионе было образовано семь партизанских отрядов. Сфера деятельности Гомельского ревкома охватывала значительную часть нынешней Гомельщины, а также часть тогдашних Смоленской и Черниговской губерний. Характерно, что во многих случаях крестьяне отказывались вступать в отряды, пока не узнавали, что в повстанческий ревком входят

эсеры и анархисты. Представители партии левых эсеров, которую крестьяне считали своей, возглавляли ряд партизанских отрядов на Гомельщине. Так, командиром Речицкого партизанского отряда был эсер Смотренко. Одним из основных мотивов полесских крестьян для вступления в повстанческие формирования было противодействие реквизициям хлеба и продовольствия, массово проводившимся немецкими и гетманскими оккупантами. По воспоминаниям А. И. Иовенко, в Речицком уезде стихийно возникали группы молодежи, которые совершали набеги на немецкие эшелоны и забирали обратно вывозимый хлеб. Такую группу возглавлял беженец из Польши Ярошевич, погибший при одном из налетов⁷.

В июле 1918 года в Гомеле состоялся повстанческий съезд, на который пришло 40 крестьянских делегатов, избранных от волостей, и участники городского подполья. Съезд проходил в районе городской бедноты «Кагальный ров», в запутанные переулки которого в свое время боялась показываться царская полиция. Собравшихся охраняли расставленные по периметру патрули боевиков. Съезд принял решение о подготовке на Гомельщине восстания, назначенного на 9 августа. Выступление планировалось в рамках всеобщего вооруженного восстания на Украине.

Этому решению предшествовала дискуссия в рядах гомельской большевистской организации, разделившей на сторонников немедленного вооруженного выступления и фракцию, настаивавшую на его длительной подготовке. Это разделение соответствовало двум тенденциям, образовавшимся по поводу восстания на съезде КПУ(б), состоявшемся летом 1918 года в Москве. Гомельская большевистская организация в тот период относилась к структурам украинской компартии.

Слаженным действиям подпольщиков, очевидно, помешало и то обстоятельство, что после выступления левых эсеров против большевиков в Москве 6 июля 1918 года раскол по партийному признаку произошел и в гомельском ревкоме.

В качестве сигнала к восстанию под Гомелем был пущен под откос поезд с группой высших офицеров германской армии. Подрывников, выполнивших эту операцию, возглавлял анархист Моисеенко. Однако запланированное выступление не состоялось. Только речицкие партизаны захватили местечко Горваль вместе со всем немецким гарнизоном и украинской вартой. Однако, не подержанные другими отрядами, повстанцы вынуждены были отойти из Горваля. В ответ немцы устроили ряд показательных публичных казней. Часть гомельских партизан присоединилась к повстанческой украинской дивизии левого эсера Николая Щорса.

Одним из выдающихся красных повстанцев в Речицком уезде был Адам Можейко. Он родился в 1892 году в деревне Амельковщина нынешнего Хойникского района Гомельской области в семье лесного сторожа. С 13 лет начал работать. Потом уехал в США, работал на заводах

Форда. Там же вступил в профсоюз революционных синдикалистов «Индустриальные рабочие мира» (IWW) и в анархистский Федеративный союз русских рабочих в Америке. Вернувшись из эмиграции в 1917 году, избирался гласным городской думы, потом – примкнул к большевикам. В 1918 году Можейко сформировал партизанский отряд в Амельковщине. За его поимку немцы назначили вознаграждение в 3 000 рублей. Можейко был схвачен, приговорен немецким военно-полевым судом к смертной казни, но сумел бежать из-под стражи. После побега Адам Можейко вступил в Богунский полк дивизии Николая Щорса⁸.

Руководителем подпольщиков в старообрядческом местечке Ветка Гомельского уезда был Иван Малеев. Он родился в 1889 году в Ветке, его отец уже тогда сочувствовал народническому движению. В 1903 году Иван Малеев примкнул к социал-демократам, потом перешел к более радикальным эсерам. Находился под гласным надзором полиции. В 1905 году являлся членом боевой дружины Гомельского комитета ПСР, затем отколовшейся от партии и назвавшей себя «Боевой рабочей дружиной» максималистского толка. Вынужденный покинуть Гомель из-за угрозы ареста во время карательной экспедиции генерала Орлова в январе 1906 года, Малеев вступил в Летучий боевой отряд Украинского областного комитета ПСР. После – в состав Боевой организации эсеров-максималистов. Малеев был участником ряда террористических актов, экспроприаций и боевых операций в Гомеле, Киеве, Екатеринославе и Петербурге. Бежал из сибирской ссылки, эмигрировал. В годы Первой мировой войны был военным корреспондентом во Франции. После возвращения в 1917 году в Россию стал авторитетным лидером революционного движения в Ветке, был избран от Гомеля депутатом Учредительного собрания по списку ПСР. Примкнул к левым эсерам. В 1918 году ночью, спящим, был арестован оккупантами. Находился в заключении в гомельской тюрьме. Потом Иван Малеев был перевезен в киевскую тюрьму, откуда его удалось освободить.

Летом 1918 года в Гомель прибыла с Украины группа левых эсеров. Одной из целей их поездки было проведение финансового расследования. Вновь прибывшие оказались гомельскому подполью подозрительными и были разоружены в гостинице, где они остановились. Однако один из приезжих левых эсеров, уроженец Беларуси Василий Селиванов, изъявил желание остаться для работы в гомельском ревкоме. За плечами у него было участие в Белорусском съезде в декабре 1917 года в Минске, делегаты которого впоследствии провозгласили образование Белорусской народной республики (БНР), задержания ЧК по делу о восстании левых эсеров в июле 1918 года. В гомельском ревкоме левый эсер Селиванов также стал заниматься боевой работой.

Крупными очагами повстанческой активности оставались местечко Носовичи, села Перерост, Огородня, Федоровка. Красным партизанам

удалось разгромить гетманскую полицию в этих населенных пунктах. Ввиду неэффективности наличных сил армии гетмана Скоропадского и варты в борьбе с повстанцами, в октябре 1918 года оккупационные власти стали прибегать к созданию добровольческих формирований и дружин самообороны. В октябре 1918 года в Гомеле общее собрание офицеров, Союз домовладельцев, Союз лесопромышленников, Гомельский комитет партии Народной свободы (кадетов) создали Комиссию для борьбы с анархо-большевизмом. 27 ноября и в Речице был образован Городской комитет по организации самообороны.

В декабре 1918 года гомельские большевики, ввиду ограниченности их собственных сил, вынуждены были опять пойти на союз с анархистами и левыми эсерами. Вновь был образован объединенный ревком. Именно им было подготовлено новое восстание в Гомеле. 18 декабря 60 вооруженных боевиков Гомельского ревкома захватили почту, телеграф, телефонную станцию и здание Городской Думы. Поддержку им оказал отряд из 30 переодетых красноармейцев 3-го полка Украинской Красной армии под командованием одесского матроса Чижикова. Повстанцами и «вежливыми красноармейцами», прибывшими со станции Унеча, были арестованы командир добровольческих офицерских формирований генерал Н. И. Иванов и начальник гомельской сыскной полиции И. И. Пушкарев, пытавшийся бежать из города. При этом между повстанческим ревкомом и немецким советом солдатских депутатов в Гомеле существовало соглашение. Характерно, что во время арестов полицейских и гайдамаков, проводимых боевиками ревкома в ресторанах и кафешантанах, отдавалась команда: «Всем, кроме немцев – руки вверх!»

Однако вскоре в Гомель из Мозыря прибыли части 47-й немецкой дивизии, настроенной значительно менее «революционно». «Шейдемановцы» провели в городе аресты членов ревкома и своих собственных левонастроенных солдат. Впрочем, вскоре они были освобождены, – отчасти и усилиями социалистов из Гомельской директории УНР (гетман Скоропадский к этому времени был свергнут, власть перешла в руки Директории УНР во главе с социал-демократами Симоном Петлюрой и Владимиром Винниченко).

21 декабря 1918 года в Гомеле под руководством большевика Гулло состоялась II рабочая конференция, провозгласившая, несмотря на протесты представителей РСДРП и Бунда, установление власти советов⁹. «Гомельская инициативная группа анархистов-коммунистов», левые эсеры, левые бундовцы и часть профсоюзов поддержали эту резолюцию. Для переговоров с немецким советом и армейским командованием в Гомель приехал Христиан Раковский. Но решающим аргументом в освобождении города стало все-таки массовое выступление гомельских рабочих, – объединенный ревком при поддержке левой части профсоюзов объявил всеобщую стачку. Особенно сильно по немцам, готовившимся

к эвакуации, ударила забастовка на гомельском железнодорожном узле. 14 января германские части покинули Гомель.

Судьбы лидеров подпольного и партизанского движения 1918 года сложились по-разному. Большинство из них, как И. Г. Малеев, Е. С. Майзлин, В. С. Селиванов, находились далее на командных должностях в Красной армии или ЧОНе, затем работали в советских организациях и учреждениях, вступили в РКП(б). Василий Селиванов, как и ряд других, был репрессирован в 1937 году. Адам Можейко вышел из партии из-за отказа работать в ревтрибунале и «сближения с бандитами и мелкобуржуазными элементами». Однако в 1958 году стал персональным пенсионером. На персональную пенсию в 1947 году вышел с должности директора Красносельского мебельного комбината и Ефим Майзлин. Уникальные воспоминания о своей жизни в виде нескольких книг, к сожалению, неопубликованных, оставил революционер и журналист Иван Малеев.

Что касается характеристики лидеров и участников красного повстанческого движения, то можно заметить, что большинство его руководителей являлось участниками революции 1905–1907 гг. или имело дореволюционный партийный стаж, повергалось политическим репрессиям или находилось в эмиграции. При этом большинство из них принадлежало к небольшевистским партиям – левым эсерам или анархистам, но сочувствовало коммунистам. Рядовые повстанцы – рабочие и крестьяне, многие из последних являлись фронтовиками Первой мировой войны. Мотивы участия рабочих в подпольной борьбе были как экономические – снижение заработной платы, наступление на права работников, – так и идеологические – приверженность коммунистическим и социалистическим идеалам. Крестьяне прежде всего боролись против хлебных реквизиций со стороны немецких и украинских оккупационных властей и угрозы возвращения помещиков. Что касается Гомельщины, то еще одним поводом к сопротивлению в 1918 году здесь была насильственная украинизация.

«Зеленое» повстанчество, развернувшееся в Беларуси в 1920-х годах, имело, в значительной степени, иной характер. Хотя поводом к возмущению крестьянства являлись все те же хлебные реквизиции, они не исчерпывали мотивов к сопротивлению. Совершенно иными стали руководящие кадры повстанцев, – как правило, они придерживались реакционных или националистических взглядов. Под влиянием спецслужб враждебных соседних государств и контрреволюционных политических партий и организаций это повстанческое движение в Беларуси во многом стало приобретать черты крестьянской «Вандеи». Террор повстанцев был направлен не только против членов коммунистической партии, военнослужащих Красной армии, работников советской власти, чекистов или милиционеров, – убийствам подвергались учителя, жур-

налисты, почтовые служащие, библиотекари и другие работники культуры и просвещения, разрушались клубы и почтовые отделения.

Отдельную черную страницу истории антисоветского повстанчества в Беларуси составляют еврейские погромы. Отряды Булак-Балаховича, Галака, Струка, Павловского и других атаманов практиковали настоящие этнические чистки, почти поголовно вырезая еврейское население в захваченных местечках. Факты показывают, что деятельность этих полевых командиров и их вооруженных формирований была направлена против социального прогресса. Какую бы сложную форму прогресс и модернизация ни приобретали в условиях гражданской войны и диктатуры одной коммунистической партии, – деморализованные формирования украинских и белорусских националистов едва ли представляли им достойную альтернативу.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Государственный архив общественных объединений Гомельской области (ГАООГО). Ф.1. Оп.1, Д.651. Л.45.
 - ² Профсоюзная мысль (Гомель). 1923 г. №16–17. С.67.
 - ³ Там же. С.68.
 - ⁴ Известия Гомельского губкома РКП (б). 1923. Ноябрь. №57. С.52.
 - ⁵ Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф.60. Оп.4. Д.166. Л.21.
 - ⁶ Там же. Л.78.
 - ⁷ Воспоминания Александра Ивановича Иовенко, личный архив автора.
 - ⁸ ГАООГО. Ф.1. Оп.1. Д.651. Л.16.
 - ⁹ Вечерняя газета (Гомель). 1918. №4. 27 декабря. С.2.
-

АТАМАН МОНИЧ

А. В. Тисецкий

(Борисов Минской обл., Республика Беларусь)

Ш.И. Левин, уроженец Борисовского уезда, один из первых борисовских милиционеров, сохранил в памяти следующие сведения¹ об известном белорусском атамане. «Однажды я получил сведения, что вокруг местечка Холопеничи начала пошаливать банда из кулацких сынков, которая связалась с бандой Моница. В прошлом это был белогвардейский офицер, в последнее время он работал учителем в дер. Жаберичи. Мониц был ростом выше среднего, плотного телосложения, темно-русый, лицо продолговатое. По словам крестьян, он часто менял внешность, то отпускал бороду, то брился, то переодевался в крестьянское платье. По слухам, этот атаман был неуловим. Его банда главным образом нападала на госучреждения, убивала активистов и ответработников, а также грабила на дорогах.

Как уполномоченный по борьбе с бандитизмом я во главе небольшого отряда милиционеров немедленно выехал в Холопеничи. Приехали мы к вечеру. Не успели расположиться и расставить караулы, как начали идти местные жители с жалобами о том, что «нет жизни от белогвардейских банд». За пять дней пребывания в Холопеничах я выяснил, что вместе с Моницем действует банда другого атамана – Лыт(к)ина (Егора), сына хуторянина, проживающего на хуторе Шея Жаберичского сельсовета. Лыт(к)ин был среднего роста, красивый, круглолицый, одетый в темно-синий костюм, желтые туфли и рубашку – косоворотку с поясом. Таким он мне запомнился в то время, когда его схватили. При нем тогда была гармошка-двухрядка и револьвер. (В июле 1921г. возле деревни Клен Борисовского уезда члены банды Егора Лыткина убили сотрудника милиции Козловского²).

Я с отрядом продолжал находиться в Холопеничах. Однажды ко мне пришел один из жителей и сказал, что может указать местопребывание Моница. Якобы атаман и еще пять вооруженных пособников укрываются в шалаше в лесу в 15 км от Холопенич. Это место между деревней

Жаберичи и хутором Шея называлось Жаберицкие болота. Я с отрядом, причем красноармейцы были переодеты в крестьянскую одежду, направились туда. Почти сутки мы блуждали по лесам, пока, наконец, часам к 9 утра не вышли к ручью. По рассказу крестьянина, недалеко должен быть лагерь бандитов. Действительно, вскоре мы обратили внимание на молодой березняк с неестественно желтой листвой. Оказалось, что молодыми березками были замаскированы шалаши. Но на месте стоянки мы нашли только теплый еще пепел, разбросанные остатки пищи. Бандиты, видимо заметив нас, успели скрыться. После этого атаман Монич бесчинствовал еще несколько лет. Его банда пустила под откос скорый поезд между станциями Крупки и Бобр и ограбила пассажиров. Вскоре после этого происшествия из Москвы прибыл отряд сотрудников ГПУ во главе с Мартыновым. Несмотря на то, что Монич и его пособники имели поддержку и укрытие у зажиточных крестьян, вскоре они были поодиночке и группами выловлены и арестованы, за исключением самого атамана. Выездная комиссия Минского окружного суда провела открытый судебный процесс. Некоторые были приговорены к высшей мере наказания – расстрелу, остальные – к разным срокам заключения. Примерно через пять месяцев сотрудники ГПУ Беларуси вышли и на самого атамана, но Монич был убит одним из местных жителей.

После этого оставалась последняя банда братьев Сумольцевых из д. Мачулище. Их было трудно поймать, поскольку их укрывали кулаки, но в конце концов и этот последний очаг контрреволюции был ликвидирован. Вот в таких трудных условиях и крепла советская власть в Беларуси».

В начале 2000-х годов одному моему старшему товарищу-коллекционеру из города Борисова какой-то сельский житель продал старинное групповое фото, размером с половину листа формата А4, на паспарту. Фотография находилась не в лучшем состоянии, – пожелтевшая, значительно потрепанная, со сгибами на углах, с остатками прилипшей старой газеты с тыльной стороны, «засиженная» мухами. Видно было, что хранили ее где-то на чердаке, среди разного хлама, что и подтверждал ее обладатель. Был он родом из какой-то деревни, то ли Крупского, то ли ближайших к нему деревень Борисовского района. С его слов, фотографию эту, датированную 1920-х годами, нашел случайно, в старой дедовой хате. Кто на ней изображен, он не знал. На фото была запечатлена группа из нескольких десятков мужчин с оружием: винтовками, пистолетами, гранатами на поясе. На переднем плане лежали несколько хлопцев с английскими пулеметами («льюис»). Некоторые лица были четко различимы, некоторые практически сливались с желтизной фотокарточки. На обратной стороне химическим карандашом было написано: «Отряд Монича», а также едва читались некоторые фамилии изображенных. Раритет коллекционер взял, однако потом, учитывая то, что лично

для него он интереса не представлял, обменял с пачкой других фото на какой-то иной коллекционный материал. Было это в Минском клубе железнодорожников, где собираются местные и заезжие коллекционеры. К сожалению, дальнейшая судьба фотографии не прослеживается. Но я не теряю надежды, что она все-таки не будет утрачена для исследователей отечественной истории, и – рано или поздно – где-нибудь да всплывет.

А вот другая старинная фотография все-таки попала в мои руки. Осенью 2014 г. я обнаружил ее в личном архиве одного старого деда в деревне Борисовского района. На групповом фото 1914 г. на паспарту размером больше листа А4 изображена группа выпускников и преподавателей Ново-Борисовского высшего начального училища. Среди простых городских хлопцев выделяется фигура молодого преподавателя – будущего знаменитого атамана. Пожалуй, это его последнее предвоенное фото. А потом будет фронт, два георгиевских креста за солдатскую доблесть³, борьба с большевиками и громкое имя. Но все это еще для него впереди.

В газете «Беларусь» (ежедневное издание национально-демократического направления, которое в период польской оккупации Минска фактически являлось печатным органом Рады БНР) за 3 декабря 1919 г. читаем (пер. с бел. автора): «Партизанский отряд поручика Г. Монича и БВК. Начальник штаба белорусского партизанского отряда поручик Г. Монич обратился в БВК (беларуская войсковая комиссия – орган по формированию белорусских частей в польской армии в 1919–1921 гг. – авт.) с обращением, что он со своим партизанским отрядом хочет перейти под командование Белорусского военного командования для борьбы с большевиками и освобождения из-под их гнета части Беларуси. БВК постановляет выслать в отряд поручика Монича для выяснения положения на месте члена Комиссии капитана Кушеля».

Имеются доказательства того, что отряд Г. Монича являлся структурным подразделением тайной политической организации «Белорусская крестьянская партия «Зеленый дуб». Статут организации датирован ноябрем 1922 г., а последнее обнаруженное исследователями упоминание о ее существовании относится к 1932 г.⁴

Будучи не менее яркой фигурой, чем Лукаш Семенюк, Юрка Монич интеллектуально превосходил своего земляка, а некоторое время и вышестоящего командира. Будучи на 10 лет его моложе (1890 г.р.⁵), имел за плечами учительскую семинарию, а на плечах офицерские погоны. К тому же успел поехать в Корниловском ударном полку у барона Врангеля⁶.

На 1921 г., «по сведениям зарубежного отдела ВЧК (ИНОВЧК)... территория ССРБ (в границах 6 поветов, которые ей оставили большевики, и что повторили немецкие нацисты в 1941 г. – авт.) была поделена между тремя знаменитыми партизанами Моничем, Вишневым и Короткевичем, которые, видно, являются окружными атаманами»⁷.

Однако газета «Звезда» за 7 августа 1921 г. сообщила, что Мониц со своим отрядом, состоящим сплошь из бывших балаховцев, попал в засаду у д. Вторая Студенка, понес большие потери и чудом спасся с небольшой частью своих бойцов. Поэтому, видно, по информации советской разведки, на должности руководителя партизанского зонального объединения Моница сменил атаман Тимох Хведощеня. Последний, в своем рапорте, адресованном 2-му отделу Польского генштаба, сообщал, что моничевцы действуют изолированно на свой страх и риск, «руководствуясь главным образом антибольшевистскими убеждениями». Он, однако, отметил, что связи с Лукашем Семенюком Мониц никогда не прерывал⁸.

Возможно, именно эта изолированность от руководящего центра «Зеленого Дуба» и польских агентурных сетей и позволила ему продержаться значительно дольше остальных атаманов. Тем не менее, отряды Рабцевича, Кветинского, Клещенко, Козловского и других группировались вокруг «бандитского ядра», как писали чекисты, имея в виду отряд Моница⁹.

Что касается основного состава отряда Моница, то его костяк составляло около 50 человек, спянных крепкой дружбой. На одном месте они не сидели, а постоянно перемещались. Мониц в первую очередь опирался на своих односельчан и людей из ближайших деревень. Сам обходил деревни вдоль железной дороги, агитировал крестьян, не пропускал возможности поговорить с людьми на свадьбах и ярмарках (ярмарках). На весну 1924 года он планировал крестьянское восстание за «восстановление независимой Беларуси... За созыв Учредительного собрания, против власти пастухов»¹⁰.

Пик активности атамана Моница пришелся на 1923 год. Так, на очередную годовщину Октябрьского переворота Мониц с 17 бойцами совершил налет на Холопеничи: обезоружили комсомольцев в клубе, наделали шума на все село, ограбили местного зажиточного еврея Арона Цадака¹¹.

Но самое громкое дело атамана это, конечно, ограбление поезда, и не просто поезда, а международного экспресса, в котором находились члены дипломатических представительств ряда европейских государств. Это уже был даже не плевок, а плеуха советской власти.

Согласно рапорту уполномоченного Особой группы ОГПУ СССР по борьбе с бандитизмом товарища Пржибытко (правописание оригинала): «10 октября в 10 часов 55 минут вечера скорый поезд Минск – Москва, следуя полным ходом на перегоне Крупки – Бобр, на 582-й версте, налетов на рельсовое повреждение, потерпел крушение. Однако не сильно отразившееся на самом составе поезда и без человеческих жертв. Тем не менее произошел разрыв поезда, и один из вагонов оказался упавшим на бок. И в то же время остановленный поезд был окружен неизвестными, вооруженными винтовками, револьверами и гранатами, которые начали грабить пассажиров. Один из грабителей – интеллигентного

вида (черный, высокого роста, одетый в черную кожаную тужурку), вошедший в международный вагон и обратившийся в очень вежливой форме к едущим иностранным миссиям, имел разговор с военным аташе – польским полковником. И, посмотрев предъявленный ему паспорт, громко сказал, что нельзя грабить этих. В разговоре с полковником на польском языке сказал, что есть и ваши партизаны у нас.

В международном вагоне были ограблены все пассажиры-иностранцы, австрийские и итальянские представители. Кроме разных ценностей, взятых грабителями, [отобраны] 2.200 итальянских лир нового выпуска на тонкой бумаге банкнотами в 100 и 500 лир. После ограбления бандиты собрались по свистку и скрылись. В остальных вагонах поезда у пассажиров отбирали платье, деньги, ценности.

Высланный отряд для розыска и поимки бандитов [шел] по следам, оставленным брошенными бутылками от портвейна, взятого во время ограбления вагона-ресторана, железнодорожного фонаря, коробки от папирос английского образца, полушубками и разными частями одежды, [брошенными], очевидно, после переодевания в награбленное.

Следы вели к деревне Денисовичи и далее на хутор Еленки. 10 ноября были получены сведения сотрудников Особой группы, что банда, оперировавшая в районе Оршанского и Борисовского уездов, совершившая ограбление поезда, состояла из местных жителей и главаря Моница Егора.

Банда перед ограблением 10 октября весь день пьянствовала на хуторе Жевняк: играли на граммофоне под видом милиции по сбору продналога. Банда находилась у гражданина Бинкиса Ивана, жителя хутора. Он показал, что утром, 10 октября сего года к нему пришли 12 человек вооруженных, назвали себя оршанской милицией, потребовали самогонки, распили ее и играли на граммофоне. После их ухода к нему прибежал гражданин из соседнего хутора и сказал, что его ограбили»¹².

Борисовский исследователь Валерий Рахович в 2008 году, основываясь на анализе свидетельских показаний участников налета и потерпевших из материалов дела, на мой взгляд, вполне убедительно доказал причастность к акции польской военной разведки. Акция была спланирована в целях подрыва политического имиджа Советской России на фоне вызванного реформами НЭПа экономического подъема. Одновременно через ехавших в экспрессе польских офицеров Моницу была передана крупная сумма в советских рублях на партизанские нужды¹³.

После этой акции участь атамана и его людей была predetermined. Их ликвидация стала уже делом чести советских чекистов. Тем не менее, даже после разгрома основной части отряда в 1923 г., Юрка Мониц продолжал быть костью в горле у советской власти.

Так, 26 апреля 1924 г. газета «Звезда» сообщала: «В медвежьих углах. Оказывается, что на шестом году Советской власти есть такие медвежьи углы, для которых слово Советы – пустой звук, хотя там и в

ходу разные титулы, как председатель сельсовета и секретарь. Одним таким углом является деревня Волковиск Борисовского уезда. По словам свидетеля Кислякова, молодого старообрядца, власть в их деревне имели те, кто выставлял револьвер. А потому, говорит, когда пришли к нам Монич с ребятами и назвали себя милицией, им поверили».

То, что крестьяне зачастую не различали бандитов и милицию, вообще не понимали слова «милиция», – представляется совершенно очевидным. Для них это были просто вооруженные люди в такой же, как и у бандитов, полувоенной одежде, которые приходили обычно за тем, чтобы взять что-либо силой.

Хотелось бы отметить еще один аспект деятельности атамана. Так, в феврале 1924 года свидетели на суде рассказывали, что в Борисовском уезде в отношениях населения с бандитами практиковалась так называемая поденщина. «Поденщик», обычный крестьянин, сам приходил к главарю банды и просился на какое-нибудь «дело» – чтобы поправить материальное положение. К бандитскому ремеслу нередко обращались, когда нужно было построить дом, купить корову, сыграть свадьбу...

Подтверждение этому обнаруживаются в народной памяти до сих пор. Вот что написал автору 13 февраля 2015 г. любитель родной истории Валерий Николаенко, пенсионер из Толочинского района Витебской области (пер. с бел. автора): «...Про Монича (я так думаю, что про него) рассказывала мне мать. По ее словам, в начале 20-х годов какие-то люди за ст. Бобр (относительно ст. Славное) остановили поезд, забрали все богатство из него и скрылись. Среди тех людей были и мужики из д. Куликовки (сейчас не существует) – деревня от Славного за Автюхами. Потом сотрудники НКВД (так в тексте; на самом деле тогда еще ОГПУ – авт.) их забрали. На 01.01.1925 г. в застенке Куликовка было 13 хат (в 24-м – 7 хат, 60 жителей) Из 13 хат в 8 жили Пименовы».

Мой старший товарищ по цеху краеведения из Крупского р-на, Алехнович Андрей, сам родом из Холопенич, как-то рассказывал мне, что его дед при своей жизни показывал старую ржавую косу, которую он бережно хранил, говоря, что это «моничева коса». Легенда о ее происхождении такова. Как-то моничевцы ограбили государственный обоз с разной мануфактурой, в котором целый воз был металлических лезвий для кос. Эти косы, которые по тем временам были большим дефицитом, партизаны раздали окрестным крестьянам.

Кто именно убил Юрку Монича, доподлинно не известно. На этот счет существует несколько версий.

По одной из них, это сделал сын лесника из д. Радица, когда атаман спал на гумне своей родной деревни Малые Жаберичи. «Говорили, что во время Второй Мировой войны крестьяне в буквальном смысле разорвали на куски убийцу Монича»¹⁴. Сейчас трудно проверить, насколько это соответствует действительности, однако с большой долей уверенности позволительно думать, что это действительно могло быть так.

А «тайна золота Юрки Монича» до сих пор не дает спать спокойно целой армии копателей и исследователей¹⁵.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Неопубликованная рукопись, хранится в фондах ГУ «Борисовский объединенный музей»² в г. Борисове.

² Очерки истории милиции Белорусской ССР. 1917–1987. Минск: изд-во «Беларусь», 1987. С.112.

³ *Борисов И.* Бумеранг / Высокий долг. К 70-летию ВЧК–КГБ. Минск: «Беларусь», 1985. С. 56.

⁴ Касинская А., Крапивин С.. Ограбление поезда // Народная газета (РБ). 1997. 27–29 сентября. С.12; Стужинская Н.И. Беларусь мятежная (Из истории вооруженного антисоветского сопротивления в 1920-е годы) (бел. яз.) Вильнюс: Наше будущее, 2011. С.356–363.

⁵ Малое Палессе. Гісторыка-краязнаучы альманах Друцка-Бярэзінскага Краю. 2009. С.77.

⁶ Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф.750. Оп.3. Д.196. Л.353.; *Борисов И. С.* Бумеранг // Неман». 1981. №8. С.149; Стужинская Н.И. Указ. соч. С.274; *Крапивин С.* Поручик Монич и локомотив истории. Белорусская военная газета. 2013. 10 октября (электронный вариант: URL: <http://vsr.mil.by/2013/10/10/poruchik-georgij-monich-i-lokomotiv-istorii/>).

⁷ НАРБ. Ф.4. Оп.1. Д.283. Лл.152,166; Стужинская Н.И. Указ. соч. С.276.

⁸ *Januszewska-Juriewicz J.* Raportata mana Tymoteusza Chwiedosci dotyczacydzial nosci-partyzanckiej naterenit Bialorusisowieckijwokresie 10 – 29 czerwca 1921 r. // Bialoruskie Zeszyty Historyczne, z.14. Bialostok. 2000. S.228–229; Стужинская Н.И. Указ. соч. С.277–278.

⁹ *Стужинская Н. И.* Указ. соч. С.278.

¹⁰ *Стужинская Н. И.* Указ. соч.. С.287–289; Звезда. 1924. 26 февраля.

¹¹ *Стужинская Н. И.* Указ. соч. С.292–293.

¹² *Крапивин С.* Поручик Монич и локомотив истории. Белорусская военная газета. 2013. 10 октября (электронный вариант: URL: <http://vsr.mil.by/2013/10/10/poruchik-georgij-monich-i-lokomotiv-istorii/>); *Касинская А., Крапивин С.* Ограбление поезда // Народная газета (РБ). 1997. 27–29 сентября.

¹³ *Раховіч В.* Ці варта шукаць золата Юркі Моніча // Гоман Барысаўшчыны. 2008. №2 (107). Февраль.

¹⁴ *Віцьбіч Ю.* Антысавецкія паўстанні партызанская барацьба на Беларусі. Вільня: Gudas, 2006. С.198.

¹⁵ *Раховіч В.* Указ. соч.; он же. Лес каштоунасцей залатога цягніка // Гоман Барысаўшчыны. 2005. №9(78). Сентябрь; Петрушенко Н. Тайны золота Юрки Монича // Витебский курьер. 2015. 02.02., электронная версия: URL: <https://vkurier.by/14989>.

ЛЕСНАЯ ВОЙНА ГЛАЗАМИ ПИСАТЕЛЯ И ПРОКУРОРА: ПОВСТАНЧЕСТВО НА ВИТЕБЩИНЕ И СМОЛЕНЩИНЕ ¹

Н. И. Стужинская

(Минск, Республика Беларусь)

Советская идеологическая оболочка, под которой задохнулась не одна живая история, плотно, до поры до времени, закрывала историю антисоветского повстанчества на Витебщине и соседних с ней Смоленщине и Псковщине. Настоящая война, что развернулась на белорусском севере и в сопредельных российских регионах, не соответствовала нарисованной советскими историками-идеологами оптимистичной картине о «триумфальном шествии советской власти», которую усвоило не одно поколение советских людей. Сказку в одно мгновение разрушила мощная фигура повстанца. Рассыпались и другие идеологические выдумки о пришествии эры коммунистического счастья. Комиссары, а потом штатные идеологи упорно говорили о вредоносном влиянии агитации оппозиционных национальных партий против советов и «беспроектной темноте» крестьян.

Труды Юрки Витьбича², известного белорусского писателя, долгое время были едва ли ни единственным источником по истории повстанчества на северных белорусских и соседних с ними территориях. Настоящие имя и фамилия писателя – Георгий Александрович Щербаков. Известен еще под псевдонимами Алесь Крижанич, Юрий Стукалич.

На момент событий Витьбичу – 13 лет. Велижанин по рождению, в родном своем городе он в 1918 году, безусловно, видел огромные толпы возмущенных крестьян. Те события глубоко поразили подростка. Неудивительно, что большая и наиболее интересная часть творчества Витьбича посвящена взбунтовавшемуся Велижу. Симпатии гимназиста, сына священника и учительницы, были на стороне повстанцев. Неоднократно в своей жизни он возвращался к теме повстанчества, хорошо

осознавая, что документальные источники о тех событиях коммунистическая власть спрячет далеко и надолго. Писатель боялся, что свидетельства той яростной борьбы с монстром под названием «советская власть» безвозвратно пропали, полагая, что чекисты их уничтожили. Миссией своей жизни Витьбич считал воспроизведение мятежной истории своих земляков, очевидцем которой он был в столь юном возрасте. Недостаток документальных источников автор компенсировал как собственными воспоминаниями, так и свидетельствами других очевидцев, с которыми он в течение своей жизни целенаправленно искал встреч. Высокий пафос, романтическая тональность повествования, выбранная автором форма подачи материала, а также скромная источниковая база способствовали тому, что скептики восприняли труд Витьбича как художественное произведение на тему антисоветского повстанчества. Недостаток документов, однако, способствовал тому, что писатель одним из первых освоил мастерство реконструкции исторической картины из свидетельств и воспоминаний участников событий, – жанр, в котором позже блестяще проявили себя знаменитые белорусские писатели Алесь Адамович, Янка Брыль, Светлана Алексиевич – свежий нобелевский лауреат.

Витьбич пробудил читательский интерес к ярким неординарным фигурам лидеров крестьянской войны. Портреты партизан – несомненная удача автора. Надо сказать, что роль посредника, который представил повстанцев заинтересованному читателю, при всех недостатках произведения, ему удалась.

Поистине судьбоносные события конца XX столетия – развал советской империи и возрождение белорусской государственности – вернули интерес к истории борьбы за независимость. Тема антисоветских восстаний стала одной из самых востребованных.

А что касается дела Юрки Витьбича, то оно по-прежнему интересно и актуально. Более того, появилась счастливая возможность на основе богатого на имена и события источника продолжить работу писателя над картиной повстанческого движения на Витебщине и соседних территориях, добавить недостающие фрагменты истории.

В 90-е годы прошлого века были найдены бесценные документы, на сохранность которых мало у кого оставались надежды. Витьбич не верил, что они могли пережить кровавые 30-е и тотальную разруху Второй мировой войны. Однако исследователям повезло, документ был найден в Витебске.

Архивно-следственное дело так называемой «бандорганизации» под заголовком «Народные партизаны-повстанцы, или народные мстители» в 2-х томах всесторонне дополняет повествование Юрки Витьбича. Пухлый первый том состоит из материалов допросов лидеров восстания и командиров партизанских отрядов, которые были арестованы к началу 1923 г., списков рядовых партизан, членов их семей и «пособников»,

перечня нескольких десятков деревень, население которых активно участвовало в зеленом движении.

Второй том дела – кассационные жалобы по расстрельным приговорам. Документы такого рода были обнаружены также в фондах Национального архива Республики Беларусь. Движение дел свидетельствует, что некоторым героям посчастливилось остаться в живых. В 1951 году 5-й отдел (розыск и разработка авторов и распространителей антисоветских листовок) Министерства государственной безопасности проявил интерес к делу, судя по запросу, в связи с розыском активных участников тех событий Леона Антоневиича и Ефима Дятлова, а также в связи с проверкой подробностей биографии Самуила Рубчинского. В феврале 1963 года документы вернулись из Смоленска в Витебск.

К судебному разбирательству 1923 г. был подготовлен перечень «действий и террористических актов» отряда под командованием лидера антисоветской вооруженной оппозиции Оберона (настоящее имя – Михаил Анущенко) за 1923 год. Сведения о времени и месте акций (бандсводки), данные об источнике, на основе которого складывался документ, были систематизированы и отображены графически.

Поистине бесценный документ – обвинительное заключение по делу витебских и смоленских партизан, плод труда помощника витебского прокурора Файнбурга. Сорокадвухстраничный документ, отпечатанный в декабре 1923 г. в типографии Витебского губернского отдела ОГПУ в количестве 120 экземпляров, дает список девяти десятков обвиняемых и подробное описание их антисоветских деяний. Прокурор оказался неплохим аналитиком. По его мнению, восстания были тщательно спланированы и подготовлены единым повстанческим штабом. Историкам стоило бы прислушаться к мнению прокурора и не делать поспешных выводов о стихийном характере тех событий. Одновременность акции во многих регионах свидетельствовала о существовании общего организационного центра и эффективной координации действий.

Представитель государственного обвинения выделил из огромной массы бунтовщиков лидеров повстанчества. Бывшим офицерам царской армии Воронову-Богданову, братьям Жигаловым и Михаилу Анущенко во всей этой истории отводилась главная роль. Прокурор приводит не менее десятка известных атаманских имен и кличек, гремевших в то время на белорусских и российских землях. Составитель документа был дотошным, выделил этапы в развитии повстанческого движения, структуру вооруженной оппозиции, основные места концентрации повстанцев.

Несмотря на то, что уголовное архивно-следственное дело – источник весьма специфический и тенденциозный, поскольку следователи и прокуроры не стремились к установлению истины и действовали согласно жестким политическим установкам, документ создает реальное

ощущение глубины гражданского конфликта, борьбы, с одной стороны – за свое – землю, семью, саму жизнь, с другой – за власть.

Зеленое движение бурлило за рамками советских декретов. Старые законы не действовали, новые были неизвестны. В каждой деревне была своя конституция. Реально жизнью руководили местные неформальные лидеры, атаманы, как сейчас сказали бы, люди с харизмой. В крайней степени усталости люди, как известно, предпочитают силовое разрешение конфликта и идут за теми, кто предлагает простые методы решения.

В атмосфере всеобщего возбуждения 1918 г. крестьянское сообщество выдвинуло своих вожаков, за которыми пошло братье города. По показаниям одного из героев событий Леонида Шелепина: «В первые дни восстания в Сертее собрался крестьянский сход. Один за другим выступали организаторы и призывали к свержению советской власти. Местные крестьяне выбирали тех, кто мог бы возглавить их поход на советы». Такая честь была оказана Шелепину. Он и его друг прапорщик Денис Босанков с группой крестьян отправились на Велиж.

А вот как описал начало восстания в своей местности один из активных витебских эсеров Дмитрий Филиппов: «12 ноября вспыхнуло восстание, поднятое неизвестно кем. В Селезни прибыл отряд вооруженных людей, руководил ими какой-то моряк. Волна восстания захватила и меня. Ждали распоряжений идти на Велиж. Встретил соседа и приятеля Анущенко (атаман Оберон – авт.). Вместе решили воевать против советской власти».

Насаждение коммунизированных форм организации жизни взбудоражило и без того беспокойную деревню. На глазах изумленного сельчанина стремительно менялись правила крестьянского общежития, происходила своеобразная «пересортица» людей. Многие уважаемые хозяева становились людьми второго сорта. Наверх поднимались выходцы из непривилегированных слоев, привыкшие к холуйству и готовые быть слугами новых господ – большевиков. Партийный аппарат, как правило, представлял собой сборище случайных людей. Сельские коммунисты противопоставляли себя и ячейки ВКП(б) крестьянству, с самого начала разделяя деревню на своих и чужих. Злоупотребления и своекорыстие небольшой кучки из беднейших крестьян, которые вдруг очутились на вершине местной власти и старались обеспечить свое материальное положение за счет родной деревни, вызвали обеспокоенность даже в «пролетарских» столицах. Очень скоро новая власть добилась того, что общепринятые правовые нормы и гуманность в крестьянском мире перестали распространяться на представителей этой власти.

Что касается конкретных причин, то восстания здесь были вызваны объявлением властями принудительной мобилизации в Красную армию новобранцев и унтер-офицеров 1893–94 гг. рождения, да еще вместе с дорогими и незаменимыми для крестьянской семьи лошадьми. В го-

лодных и потерявших часть населения в войне и эпидемиях районов власть ввела «10-миллиардный военно-революционный чрезвычайный налог» и объявила о проведении обязательного учета хлебных запасов во всех крестьянских хозяйствах. По мнению прокурора Файнбурга, «разверстка крайне раздражила крестьян». Переполнило чашу терпения жестокое обращение чекистов с населением. Едва ли ни единственным средством искоренения непослушания и невыполнения малопонятных и диких с точки зрения крестьян законов новой власти был расстрел. Стреляли самогонщиков, укрывателей хлеба (своего!), а также осмелившихся на протест против учета хлебных запасов и постановки на учет всей живности, вплоть до последней курицы.

Сыграла свою роль и близость фронтов мировой, а потом советско-польской войн. Повстанческо-партизанское движение на Витебщине и Смоленщине было тесно связано с политическими и боевыми центрами антисоветской оппозиции: со штабом белых во Пскове (генералами П. Н. Красновым и С. Н. Булак-Балаховичем), позже – с варшавской организацией известного русского эсера и боевика Бориса Савинкова. В повстанческой цепи осени 1918 г. ему принадлежит руководящая роль в Вязьменском, Сычевском и Гжатском восстаниях.

Уже весной 1918 г. волновался практически весь регион. Разрозненные вспышки восстаний продолжались все лето (наиболее крупные – в Орше, Сенно, Городокском уезде), и в ноябре слились в пожар практически одновременного восстания в Городокском, Дриссенском, Полоцком и других уездах Витебской губернии, а также на Смоленщине. Повстанцы боролись против советской власти, за свою власть, которую, согласно их программным установкам, должно было организовать Учредительное собрание.

В ночь с 12 на 13 ноября, как по команде, восстание вспыхнуло в 8 волостях Городокского уезда, Велиже, Поречье, Усвятах и других местах региона. Одна из колонн повстанцев шла на Поречье под командованием братьев Жигаловых.

Братья Жигаловы. Поход на Поречье

Массовые волнения в регионе заставили власти Петрограда обратить внимание на вопиющие злоупотребления местных советчиков. В Поречье был направлен Александр Мясоедов для укрепления партийных рядов и уничтожения оппозиции. Поречье, докладывал он в Центр, – городок с 10 тысячами населения, мелкобуржуазного мещанства. «Пролетариат почти отсутствовал, культурных сил в советских органах не доставало. Крестьянство совершенно отсталое», – сетовал большевик. Офицеров в городе он насчитал около 70 человек, в уезде в 2 раза больше. «На противной стороне было все учительство, духовенство, кулачество». По сути, все.

Советская власть в Поречье приживалась плохо. Большевики держались с помощью вооруженной силы, которая периодически пополнялась красногвардейскими отрядами из Витебска, Смоленска, Орши, и утвердились только после насильственного разгона волостных съездов советов. Первая рота Красной армии, организованная как опора новой власти в Поречье, выступила против советов. Мобилизованные по принуждению красноармейцы организовали покушение на военного комиссара и членов исполкома. Власть посчитала за лучшее распустить их по домам.

В маленьком городке разгорелась нешуточная борьба за власть между разными политическими силами. В городе и уезде меньшевики и эсеры создали «Союз охраны и порядка», куда вошли представители купечества, мелкие торговцы, служащие, зажиточные мещане, кустари, покинувшие фронт офицеры. Возглавили Союз бывшие офицеры, братья Жигаловы, признанные лидеры оппозиции советам.

Местом сбора антисоветских сил стало их родное село – Борода. Не признав новой власти, бородинцы отбивались от нее как могли, всеми силами не допускали представителей советов на свою территорию. Создание «минигосударств» в отдельных местечках и селах – явление в ту пору не редкое. В марте сельчане убили председателя волостного исполнительного комитета. Приехавший из Смоленска разобраться с причинами расправы представитель советской власти, некто Григоровский, встал, однако, на сторону крестьян. Он поверил их жалобам, что исполком несправедливо делил землю, злоупотреблял поборами, а председатель Годиков брал взятки, за что и поплатился жизнью.

Разгром местного кооператива, убийство записавшегося добровольцем в Красную армию парня из соседнего села (чтоб другим неповадно было) – таковы первые акции мятежных селян. Дальше – больше. В мае крестьяне оказали упорное сопротивление организации первых совхозов на базе национализированных помещичьих хозяйств. Первое коллективное хозяйство на землях помещика Дмитриева развалилось, его попросту разворовали.

Мятежная деревня безоговорочно признала представителями своих интересов сыновей местного священника Александра, Константина и Владимира Жигаловых. Крестьянский сход Бородинской волости, на котором верховодили Жигаловы, принял резолюцию против призыва в Красную армию и формирования органов советской власти. С этой резолюцией делегаты поехали на очередной уездный съезд советов, который собирався в Поречье 12 мая 1918 года.

В июле бородинцы не впустили в село десяток красных кавалеристов во главе с военкомом Козловым, прибывшим с целью мобилизации молодежи в Красную армию. После этого в Бороду направились более многочисленные силы во главе с уже упомянутым партийным и

военным руководителем уезда А. Мясоедовым, присланным для наведения порядка. Деревенские встретили карателей на границе Бородинской и Салунковской волостей, в деревне Кобызи, где накануне местными был убит агент ЧК. Как описывал встречу комиссар Мясоедов, он и его конники были окружены вооруженными винтовками и револьверами людьми, числом не менее 30. Повстанцы в образцовом порядке рассыпались во ржи в цепь. В бою красные потеряли двух лошадей и отступили. Комиссар доложил о неудаче в губернский военкомат и в правительство Западной области – Облскомзап, требуя подкрепления.

Смоленские большевики откомандировали в Поречский уезд ответственного работника, коммуниста А. Волкова во главе хорошо известного населению своей необузданной жестокостью карательного отряда из Ярцева. Беспредел, который учинили здесь ярцевские, лишь подлил масла в огонь. «Вместо дела, – негодовал Мясоедов, – прибывшие занялись грабежом и насилием над многими невинными. Большими трудами Волков был из уезда удален и впоследствии областным ЧК расстрелян». Добавим – как бандит.

Напряжение нарастало. Неуклюжие действия властей провоцировали подъем протестных настроений. 15 июля восстали Щучейская, Велястовская и Ельшанская волости под руководством военкома, бывшего помещика, офицера Макалинского. Первыми жертвами народного гнева стали 8 красноармейцев и заведующий земельным отделом уездного исполкома Андрей Мочалов, которого солдаты сопровождали по волостям. Мясоедов с негодованием написал, что их «зверски убили и полуживыми(?) зарыли в помойной яме».

Повстанцы под руководством Макалинского сделали первую попытку овладеть Поречьем и изгнать оттуда советский исполком. Офицер отдал приказ о походе на Поречье. Оперативно начали сбор мяса и хлеба для повстанцев. Однако из Смоленска на крик о помощи подоспел отряд моряков-коммунистов (откуда они в Смоленске?) во главе с членом губернского военкомата тов. Кегельсоном. Восстание было подавлено, Макалинский и 17 человек организаторов «смуты» расстреляны. Однако мир не наступил.

Жигаловщина

В июле 1918 г. братья Жигаловы уже имели хорошо организованную базу в Канищевском лесу, недалеко от Суража. После нападений на Касплянский и Вязьменский исполкомы и расправы над известным в уезде взяточником Прохоровым буквально за неделю отряд пополнился молодежью из соседних деревень. Жертва теракта – Петр Прохоров, сам из крестьян села Праники Касплянской волости Велижского уезда, в 1918 г. занимал пост председателя исполкома. Он и его подручные – военком волости Иван Осипов и Осип Семенов, председатель земельного

отдела, сделали все, чтобы в селе со сладким названием организовать совсем не сладкую жизнь. Эта тройка растратила деньги, собранные всем миром для покупки хлеба, разбазарила имущество имений, где организовывались первые совхозы. Мало того, что новые руководители волости брали взятки за лучший сенокос при разделе лугов между хозяевами, так еще несправедливым разделом сеяли раздор между сельчанами. Сочувствия и защиты такая власть среди крестьян не встретила. Штаб Жигаловых также был информирован о том, что накануне из Витебска Касплянский исполком получил винтовки для вооружения советского актива. Взять оружие и было главной целью повстанцев.

Среди пришедших в повстанческий штаб в Канищевку из деревни Праники был и Кирилл Яковлев. Очень скоро он станет известным как атаман Быстров. Об этой яркой неординарной фигуре, очень типичном для того времени «хозяине своей территории», довольно подробно написал Юрка Витьбич. Расправа над Прохоровым стала причиной расстрела нескольких семей из числа его односельчан и объявления жителей Праников вне закона. Следствием этой репрессивной акции было пополнение лагеря в Канищевке за счет «внезаконников».

Василий Семенов и Дорофей Иванов, которые потеряли своих близких, скоро приобретут известность под новыми именами, которыми запестрят разведсводки штаба Западного фронта, – Чуркин и Бессмертный. Как засвидетельствует Быстров во время следствия по делу «Народных партизан»: «Приток повстанцев начался особенно с момента объявления мобилизации унтер-офицеров, которых явилось примерно 20 человек. Согласно приказу Жигалова они организовывали у себя пятерки и набирали новых повстанцев, оставаясь, однако, по домам в ожидании приказа. Через некоторое время, примерно в октябре (1918-го – авт.) была объявлена общая мобилизация всего населения для восстания под руководством уже собранных унтер-офицеров». Жигаловы поручили Быстрову раздавать повстанцам оружие и составить списки вооруженных людей. Оружие выдавалось в деревне Коровки Нехаевской волости. Всего было роздано 50 винтовок. Те, которым не хватило оружия, встали в строй в надежде раздобыть его в бою.

В ходе следствия некоторые крестьяне показали, что подверглись насилию со стороны организаторов акции. Особенно охотно рассказывали о случаях принуждения через десяток лет, когда началось раскулачивание. На заседании так называемой Группы бедноты при Трифоновском сельсовете Демидовского уезда (бывшего Поречского) 14 февраля 1930 г. советский активист Матвей Дмитраченков вспомнил, что во время Демидовского (Поречского – авт.) восстания в 1918 году его односельчанин Нил Толкунов бил его, комбедовца, прикладом винтовки и гнал на восстание, и при этом приговаривал: «Довольно вам пить нашу кровь!» Нил Толкунов был в списках на раскулачивание, и его небыстрое

прошлое облегло совесть членов Группы бедноты, обрекавших крестьянина и его семью на гибель.

Повстанческая армия строилась по образцу регулярной армии. Привывшие в лагерь унтера, участники войны в недалеком прошлом, Жигаловыми были разбиты на пятерки. Каждой пятерке было поручено вербовать отряды из местных крестьян, которые разбивались на роты, взводы и отделения. Внесенные в списки воинских подразделений находились дома до особого распоряжения Жигаловых. «К моменту восстания братьям удалось таким образом мобилизовать до 100 человек, которым были выданы винтовки из числа награбленных в Касплянском волисполкоме. По дороге к шайке Жигаловых присоединилось много крестьян, и всего было несколько сот человек, – гласит прокурорское заключение. – В Поречьях (так в тексте – авт.) к Жигаловым присоединился местный милицейский отряд с тремя пулеметами». Таким образом, ядром, вокруг которого сгруппировались повстанцы, была жигаловская сотня.

К осени почва для восстания была хорошо подготовлена самой властью. «В деревнях появляются «спасители» от большевистской власти, которая является якобы властью жидов и которая занята исключительно грабежом крестьян», – написал про ситуацию накануне восстания Файнбург.

Годовщину Октября власти отметили расстрелом нескольких крестьян (сколько – не уточнялось), поставщиков провизии повстанцам и сообщников «белештаба» в Канищевке. Конфликт перерастал в малую войну с широким участием населения.

По получении сигнала о начале восстания отряд Жигаловых двинулся на Поречье. По дороге присоединялись отряды крестьян из попутных деревень, с оружием и без. К Поречью подходили с разных направлений несколькими колоннами. Известно, что к этому моменту под нажимом красноармейских частей волнения в соседней Духовщине пошли на убыль, повстанцы оставили городок и двинулись на Поречье. Губернский военком Кундо отбил срочную телеграмму пореческому коллеге Козлову об опасности. Большевистский агент из Свистовичской волости также сигнализировал, что в селах волости формируется отряд для нападения на Поречье, он сообщил и дату штурма – ночь с 12 на 13 ноября. Еще один поток восставших подходил к городу со стороны села Слободка. Задержавшись здесь на короткое время, мятежники разгромили исполком и двинулись дальше. Из Поречья навстречу повстанцам вышел отряд коммунистов в 70 человек. На 25-й версте дороги командир получил приказ немедленно возвращаться. Повстанцы брали город в кольцо. К 12 часам ночи каратели вернулись в город. Жители возвращения не заметили. Красноармейцы изрядно замерзли, и были отпущены командиром на пару часов по домам.

Помимо коммунистического отряда, пореческий гарнизон на момент восстания состоял из 70–80 человек караульной роты. Вооружены были

винтовками, по субботам проходили военный строй. Работы гарнизону хватало. По вызову советов и комбедов волостей, где не переставали бунтовать крестьяне, отряд коммунистов выезжал для расправы с непокорными, гонялся за «бандами».

Несмотря на своевременное предупреждение, к встрече с повстанцами власти оказались неподготовленными. Ситуация осложнилась тем, что части ЧК и рота красноармейцев выехали в соседний район на подавление Велижского восстания. Немногочисленные силы военком распределил с учетом полученной информации о готовящемся нападении. За тюрьму, на которую надвигались повстанцы из Свистовичской и Ильницкой волостей, выслали заставу. Сил, на которые могли опереться коммунисты, было совсем не много. Люди, которые занимали ключевые посты в советских учреждениях, переходили на сторону повстанцев. По призыву комитета партии на сборный пункт пришли только 30 человек. ЧК собрала 13 человек. Председатель ЧК Кононов, знакомый с Жигаловыми с детства, выдал повстанцам ключи от своего учреждения, деньги, документы, открыл тюрьму.

Начальнику пулеметного расчета, бывшему офицеру Боговому, исполком дал команду привести людей и пулеметы в боевую готовность. Пулеметы, однако, не дали ни одного выстрела, команда перешла на сторону восставших.

Восстание совпало по времени с началом 6-го Чрезвычайного уездного съезда советов. Делегат съезда Мясоедов, вернувшись из Москвы на место службы, пережил шок от увиденного. Тихий мещанский городок превратился в место, куда устремились повстанцы со всех окрестных сел и местечек. В город вошло более тысячи повстанцев. Полусотня из них была вооружена винтовками. Еще 50 вооруженных крестьян остались на мостах при входе в город. «...А вооруженные охотничьими ружьями, топорами и вообще невооруженные крестьяне с криками «ура» и «долой советскую власть» осадили помещение, где были коммунисты и чекисты». Командовал этим отрядом поручик Макаревский. О нем известно только, что он учитель по профессии, член союза учителей-интернационалистов. Возглавляли отдельные группы повстанцев «члены белогвардейского ревкома», как определил их статус Мясоедов, поповичи, учителя из Свистовичской волости – братья Ломоносовы и братья Романовы (позднее пойманы ЧК и расстреляны).

Повстанцы были уверены, что советская власть в Витебске, Смоленске и Москве пала. Город был занят в 3 часа ночи с 12 на 13 ноября.

Восставшие требовали «свободной крестьянской власти». Войдя в город, первым делом захватили городскую кассу (казну) и государственные печати. Председатель уездного комитета большевиков Яков Демидов, а также советские активисты Мареев, Богданов, Нахаев и некоторые другие коммунисты были расстреляны.

Повстанцы смогли взять город, но не смогли его удержать. Избегавшие расправы чекисты и коммунисты продержались ночь в помещении женской гимназии, и утром без больших потерь покинули город. На них уже никто не обращал внимания. Часть советчиков добралась до деревни Жигля, где решила дожидаться помощи. С сообщениями о восстании отбили телеграммы в Велиж, Витебск, Оршу, Сураж, Смоленск. Еще одна группа уцелевших поречских большевиков бежала в Дубровку. Здесь, «в самой революционной волости», откуда был родом убитый Демидов, они надеялись на поддержку местных. Волвоенком успел взять под контроль оружейный склад, 16 вооруженных им людей организовали эвакуацию совета и образовали заставу. Население оповестили о спешной мобилизации лиц с 18 до 50 лет.

15 ноября (по другим сведениям – 18-го) повстанцы были выбиты из Поречья. Сначала броневик и 28 человек его сопровождения из Смоленска заняли город. Вслед вихрем влетела кавалерия. Сотни мятежников разбежались в разные стороны, оставив на улицах города 70 человек убитыми и до сотни раненых. Один из организаторов восстания, член штаба, офицер Полетаев и два священника, благословлявшие «на борьбу с супостатом», а затем отслужившие на главной площади благодарственный молебен на взятие города, были зарублены шашкой лично Мясоедовым. «В плен было взято 200 крестьян, почти не вооруженных. Они плакали, раскаивались», – удовлетворенно отметил Мясоедов в отчете. Взамен на обещание в скорейшие сроки поставить хлеб в Поречье крестьяне были отпущены. Как показали дальнейшие события, до поры. С началом 1919 г. репрессии возобновились, крестьянство ответило на них новой войной.

Губернские власти пытались разобраться в ситуации и наладить диалог с населением. И выяснили для себя интересные вещи. В целом крестьяне свидетельствовали на допросах, что были не против советской власти, но поведение ее представителей на местах вызывало резкое несогласие и гнев. Председатель уездной парторганизации А. Мясоедов и начальник уездной милиции Е. Кадров, по утверждению селян, создали сеть осведомителей и так запугали население, что «люди боялись громко разговаривать на улицах». Последний прославился беспощадными карательными операциями.

Оставив Поречье, повстанцы направились на Велиж. «Жигаловы, показал Быстров, – решили повести нас к Велижу, и к этому времени у нас было человек 500. Шли полным боевым порядком, разделенные на роты, взводы и отделения, все с оружием при трех пулеметах и одной автоматической винтовке, забранной в Поречье». В районе Старого Села Вязьменской волости повстанцы столкнулись с красноармейским отрядом. После боя отошли в лес. Там и остались. Были намерения прорываться в Псков к Булак-Балаховичу, но план не осуществился, уходить далеко от родных мест желающих нашлось мало.

Уже весной 1919 г. старший из братьев Жигаловых – Александр – возглавит партизанский штаб с базой в Канищевке. Начнется следующий этап борьбы с большевиками.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Статья написана на основе архивно-следственного дела «Народных партизан» 1923 г. Витебского управления Комитета государственной безопасности Республики Беларусь. Дело №19538; часть этого источника составляет дело 1921 г. Витебского губчека №571, архив. номер 4201.

² Юрка Витьбич (наст. – Георгий (Серафим) Щербаков, 2 июня 1905 – 6 января 1975), белорусский писатель, популяризатор белорусской истории и общественный деятель эмиграции в Америке. Подростком был свидетелем обширного Велижского восстания 1918 г. Окончил педтехникум, год служил в Красной армии. В 1920-х годах работал на строительных объектах и химических заводах в Москве. Первая повесть вышла в 1929 г. Во второй эмиграции, проживал в Германии и США. В 1956 г. опубликовал книгу очерков о восстаниях и партизанском движении 1918 – 1920-х гг. на Витебщине и сопредельных с ней русских территориях «Плыве з-пад святой гары Нёман». Книга написана в основном на основе воспоминаний участников и свидетелей событий.

БОРЬБА В СТЕПНОМ КРАЕ И ТУРКЕСТАНЕ

ПАРТИЗАНЩИНА («ЖИЛЯЕВЩИНА») В СЕВЕРНОМ КАЗАХСТАНЕ В 1919 ГОДУ

И. В. Курьшев (Ишим Тюменской области)

«Партизанщина», «атаманщина», будучи во многом проявлениями стихийного крестьянского анархизма, неприятия какой-либо власти, были характерны практически для всех регионов бывшей Российской империи, охваченных мощным повстанческо-партизанским движением. По справедливому мнению В. И. Шишкина и Н. С. Ларькова, видную роль в военно-политической организации партизанского движения сыграли бывшие фронтовики, ориентиром для которых «была, скорее, не дореволюционная Русская армия, а та, какой она стала после Февральской революции 1917 г. в результате процесса демократизации»¹. Именно здесь находились истоки широко распространенных во многих партизанских формированиях элементов «военной демократии»: выборности командного состава, решения многих вопросов посредством митингов, голосования, характерных для вооруженных формирований революционной России периода 1917 – первой половины 1918 г. Стихийный крестьянский анархизм неизбежно сопровождался отрицанием всякой власти вообще.

Партизанское движение в Северном Казахстане (1918 – 1919 гг.), отличаясь мощным накалом борьбы, имело свои региональные особенности. Как справедливо отмечал С. Н. Покровский в своем исследовании, посвященном разгрому внешней и внутренней контрреволюции в Казахстане (1918 – 1920 гг.), «здесь приходилось преодолевать значительные проявления местных настроений, партизанщины, крестьянской ограниченности»².

Одним из ярких эпизодов партизанщины в Северном Казахстане стала так называемая жиялевщина, которая специально не изучалась, но упоминания о ней встречаются в литературе мемуарного характера и ряде исследований³.

Свое название рассматриваемые события получили по имени командира партизанского отряда А. И. Жилиева. Жилиевщина тесно связана с развитием повстанческо-партизанского движения в Кустанайском, Петропавловском и Кокчетавском уездах, в том числе с возникновением крупномасштабного антиколчаковского кустанайского восстания.

Андрей Иванович Жилиев родился в 1885 году в селе Боровом Кустанайского уезда. В молодости батрачил, служил в царской армии, где получил звание унтер-офицера, являлся членом уездного исполкома до падения «первой» советской власти, однако четких политических позиций не проявил. Во время разгона Кустанайского совета чехами бежал и начал подпольную деятельность по объединению всех недовольных белой властью.

Мобилизация в колчаковскую армию, связанная с общим наступлением на Западном фронте в марте 1919 г., шла трудно; карательные отряды, направлявшиеся для ее проведения, не могли существенно улучшить ситуацию и своими репрессивными акциями только способствовали накоплению озлобленности и агрессии у крестьянства. В частности, сельский корреспондент А. Соболев впоследствии так описывал в газете «Степной крестьянин» приезд карательного отряда в поселок Львовский Кустанайского уезда: «6 марта ночью набат. Вскочили – казаки. Летают по улицам и рубят. Бывшему в набат снесли голову... 12 человек вырвались из поселка. Казаки подожгли несколько домов. Началось насильствование женщин.

Зимой трудно было скрываться в поле, и почти все попались в руки казаков и милиции. В церковной сторожке били и истязали дезертиров нагайками, шомполами, прикладами и подолгу оставляли лежать связанных в лужах крови. 10 марта в сторожку пришли милиционер Убейконь и 5 казаков, нагайками подняли лежавших связанных на полу чуть живых 12 человек и повели на реку Тобол. Всю дорогу били и кололи их шашками. Подвели их к проруби. Убейконь подал команду арестованным, чтоб бросались в прорубь. Тов. Механош заплакал... Казак рассек ему щеку нагайкой. Тов. Насонов сказал: «Скорей убивайте нас, палачи». Казаки рассмеялись и начали бить его нагайками.

– Лезь в прорубь.

Арестованные стали просить, чтобы их расстреляли. Казаки начали колоть и рубить их шашками и толкать в прорубь. Механош и Насонов крикнули: «Придет время, расплатитесь вы за нас».

Полуизрубленные, исколотые, все 12 человек были столкнуты в прорубь. У проруби осталась только чья-то шапка, да краснел лед от крови...»⁴.

Насильственная мобилизация в белую армию, конфискация скота и имущества у крестьян, неуверенность в завтрашнем дне, наличие массы дезертиров и наплыв беженцев в Кустанай из Орска, Оренбурга и Бузу-

лука, – все эти факторы в совокупности привели уже в конце марта 1919 г. к взрывоопасной ситуации, грозившей вылиться в мощное антиколчаковское восстание. Поводом к нему послужили события, связанные с возмутительным поведением милиции в селе Боровском (в 80 верстах от Кустаная), переполнившие чашу народного терпения.

По сведениям начальника контрразведки белогвардейской отдельной Оренбургской армии полковника Василенко, успеху начала мятежа в значительной степени способствовала слабая деятельность милиции и чинов бывшего военного контроля Западной армии. «Милиция города в высшей степени озлобила жителей взяточничеством, – отмечал в своем докладе начальник контрразведки, – говорили, что взяткой можно было купить любого чина милиции. Незадолго до восстания один из участковых милицейских начальников проиграл в карты 30000 рублей и заплатил деньги на месте. Явления, подобные этому, замечались повсеместно и считались заурядными»⁵.

Ко всему прочему, благодаря антиправительственной агитации, в Кустанайском уезде возникла соответствующая среда для развития мощных протестных настроений. Главным большевистским агитатором белая печать называла бывшего деятеля свергнутого кустанайского совдепа, «небезызвестного боровского конокрада Жиляева». Начальник колчаковской милиции в селе Боровском Головин своим произволом и беззакониями разжигал ненависть у местного населения. 1 апреля он направил отряд милиционеров в поселок Долбушинский для ареста скрывавшихся здесь подпольщиков. Однако прибывшие к месту назначения сотрудники милиции напились допьяна и стали бесчинствовать, ругаться, стрелять из наганов. Члены подпольной ячейки, возглавлявшейся А. Жиляевым, напали на милиционеров и перебили их. Из поселка Долбушинского повстанцы (преимущественно местные бедняки и середняки) двинулись на село Боровское, где вновь совершили нападение на штаб милиции, истребили ее, захватили оружие и обмундирование. После взятия Боровского Жиляев разослал гонцов во все прилегавшие поселки, призывая крестьян присоединиться к его отряду. На заседании повстанческого штаба, избравшего командующим Жиляева, было принято решение идти на Кустанай и захватить его.

Высланные для разгрома повстанцев белоказачьи отряды в поселках Жуковском и Владимирском были разгромлены, все казаки перебиты. Эта победа воодушевила партизан, которые настойчиво продвигались к Кустаная. По пути к жиляевскому отряду, возросшему до 500 человек, примкнуло значительное количество дезертиров, что не могло не повлиять как на его нравственно-психологический облик, так и на характер последующей деятельности.

Местные колчаковские власти, в том числе управляющий уездом Луб, не предприняли необходимых мер для защиты города. 4 апреля,

около двух часов дня, Кустанай охватила тревога, вызванная наступлением партизан со стороны села Боровского. В 4 часа дня из города уже ушел первый поезд с беженцами, главным образом, женами и родственниками офицеров. По сообщению белогвардейской печати, кустанайские уездные власти, проявив близорукость в подавлении восстания, утром 5 апреля поспешно бежали из города под ружейными выстрелами мятежников, не успев ничего эвакуировать. Город был сдан плохо вооруженной двухтысячной толпе мятежников⁶.

Колчаковская контрразведка полагала, что само восстание было тщательно подготовлено, в частности, заранее создан штаб, помещавшийся в Кустанае в доме Исаева, сформирован перевязочный отряд, снабженный медикаментами. В подготовке восстания принимало участие местное население, жители окрестных сел жертвовали крупные суммы – до 20000 рублей, муку, овес, лошадей и подводы. Причем список лиц, сделавших пожертвования, попал в руки контрразведки. Существенную помощь восставшим оказала местная воинская команда, которая присоединилась к ним. Кроме того, мятежники ожидали прибытия из Орска значительных сил красных⁷.

Ранним утром партизаны начали захват Кустаная, сотне партизанских конников удалось без боя занять вокзал и центр города. По свидетельству очевидцев, «среди белых началась паника, не поддающаяся описанию; белые отряды стреляли друг в друга»⁸. Уже к двум часам дня Кустанай был захвачен повстанцами, которые тотчас же освободили из местной тюрьмы не только политических заключенных, но и отъявленных уголовников. При взятии тюрьмы было убито 5 колчаковских офицеров, в свою очередь намеревавшихся до ее захвата расстрелять арестованных большевиков. Охваченный паникой, встревоженный город охватила стихия жестоких убийств и грабежей на почве мести.

Партизанские власти вынуждены были попытаться взять ситуацию под контроль. 6 апреля 1919 г. вышел приказ № 2 главнокомандующего всеми военно-революционными силами Кустанайского уезда А. Жиляева, в котором отмечалось, что при взятии города революционными войсками, во время освобождения тюрьмы, по ошибке были выпущены уголовные преступники. Всем уголовным преступникам предлагалось немедленно вернуться в тюрьму, в противном случае им грозил революционный суд⁹.

Поскольку в ходе восстания отчетливо проявились мотивы ненависти по отношению к белым, казачеству, после захвата города повстанцы буквально вылавливали не успевших бежать офицеров, солдат и казаков. Офицерские квартиры подверглись беспощадному разграблению, проводились массовые обыски, в ходе которых изымались не только оружие, но и наиболее ценные вещи. Начались усиленные аресты контрреволюционеров. Многих лиц, которых причисляли к офицерству,

казакам (с презрением называя их «красноштанниками»), повстанцы жестоко избивали нагайками, прикладами, кололи штыками.

В течение нескольких дней пребывания партизан в Кустанае ими было похищено из казначейства 800 тысяч рублей, 20 кровных жеребцов, 61 рабочая лошадь, попоны, седла, 118 тысяч рублей из казенного питомника киргизских лошадей. Крестьяне из дальних сел уже занялись организацией этапов для переправы награбленных вещей и, не зная об изгнании красных партизан из города, явились за трофеями на подводах¹⁰.

По воспоминаниям участника партизанской борьбы, коммуниста Рогодева, в захваченном повстанцами Кустанае Жилиев вместе со своими приближенными и женой принимал участие в реквизиции золота и драгоценностей у местной буржуазии, но не сдал ни одного грамма в партизанскую казну¹¹.

Во время восстания в Кустанайском уезде происходили жестокие, изуверские расправы, в том числе над некоторыми местными священнослужителями. Архиепископ Оренбургский Мефодий доносил Высшему церковному управлению о том, что во время крестьянского восстания в марте – апреле 1919 г., под воздействием агитации пяти инородцев, были зверски убиты священники сел Боровского и Алешинского Кустанайского уезда. Причем, священника села Боровского отца Дроздова повстанцы (вероятно, попавшие в их ряды отъявленные уголовники или дезертиры) распяли, а у его жены вырезали груди¹². В качестве наказания крестьян в этих церковных приходах по распоряжению архиепископа Мефодия было запрещено совершать все богослужения и отправления треб за исключением причастия святых тайн и крещения младенцев в смертных случаях.

Колчаковское командование перебросило на подавление кустанайского восстания значительные силы – карательный отряд подполковника Сахарова в составе 43-го и 49-го пехотных полков, 5-го Оренбургского казачьего дивизиона с 4-мя орудиями и 20-ю пулеметами (общей численностью до 1500 человек)¹³.

Восьмого апреля белогвардейские части, высадившись с поезда в 15 верстах от города, начали наступление. Разделившись на четыре части, отряд беспрепятственно подошел почти вплотную к городу. Центр и левый фланг были встречены огнем повстанцев. Особенно пострадал левый фланг белых, наступавших на реальное училище, занятое противником. Бой в течение дня продолжался на городских улицах, где восставшие стреляли почти из каждого дома. С наступлением темноты колчаковские войска были выведены из города.

На следующий день, 9 апреля, бой возобновился. Из кустанайского реального училища повстанцы были выбиты лишь только после жестокого артиллерийского обстрела, в результате которого здание было почти все разрушено. Вскоре был занят и центр города. Несмотря на

явное численное превосходство белых, мятежники стойко держались, сражались с ожесточением, даже наступали, однако теснимые противником вынуждены были к вечеру отойти к городским окраинам. Вместе с повстанцами Кустанай обороняли горожане, даже женщины не только приносили в окопы еду, но и стреляли по белогвардейцам.

Выделялась жена Жилиева, Лукерья, по происхождению, очевидно, казачка, при обороне Кустаная командовавшая конным отрядом. В разгар белогвардейской атаки она со своим отрядом оказалась на одном из самых трудных участков, вступив в схватку с казачьей сотней. И. Грушин, будучи участником восстания, так описывал этот бой: «С гиком и ревом понесся партизанский отряд навстречу казакам. Впереди на красивом коне скачет Жилиева, украсив свою грудь большим красным бантом. С шашкой наголо она, дико размахивая руками, врзалась в казачью сотню и стала рубить. Ни один кавалерист не рубил так ловко, как она. Но главное – она воодушевляла. Зараженные ее примером повстанцы дрались, как львы, и в короткое время казачья сотня была смята, уничтожена. Весь день видели Жилиеву на самых опасных участках фронта»¹⁴.

Однако под напором превосходящих сил противника, неся большие потери, в ночь на 10 апреля повстанцы отступили из Кустаная. В этот же день город был очищен белыми от оставшихся мятежников, все пойманные карателями расстреливались. По некоторым сведениям, жертв в городе насчитывалось до 3 тысяч¹⁵.

Командующий отдельной Оренбургской армией, главный начальник края атаман А. И. Дутов в телеграмме сообщал о мерах по подавлению восстания колчаковскому Министерству Внутренних Дел: «Кустанайский уезд считаю опасным. Почти в каждом селении имеется большевистская организация. Отношу это явление исключительно к бездействию управляющего областью Матвеева и управляющего уезда Луба. По наведенным справкам, Матвеев – левый эсер, Луб – бывший комиссар. К сожалению, документами это пока установить не удалось. Прошу об увольнении этих лиц. Для подавления большевизма принял следующие меры. Из всех ненадежных селений взяты заложники от 5 до 20 соразмерно населенности с предупреждением, что при попытке восстания их общества заложники будут расстреляны. Послано мною как командармом три карательных отряда с артиллерией и пулеметами. В Кустанае из арестованных зачинщиков 8 полевым судом приговорены к смертной казни. Приговор утвержден и приведен в исполнение. В разных селениях взято казаками 74 большевика крестьянина, из них 11 приговорены к смерти и 24 к торговле, остальные оправданы. Приговор утвержден и приведен в исполнение»¹⁶. Кроме того, Дутов предлагал изъять из Кустанайского уезда военнопленных и военнообязанных (интернированных подданных враждебных держав) для передачи их в казачьи станицы, поскольку считал их организаторами восстаний.

Жестоким расправам со стороны колчаковцев подверглись села крестьян-переселенцев, принимавших участие в восстании, – Боровское, Александровское, Жуковское, Воскресенское и Надеждинское. Так, по сведениям колчаковской контрразведки, 15 апреля в село Боровское прибыл отряд казаков в количестве 60 человек, встреченный жителями с хлебом-солью. На специально собранном сходе каратели потребовали выдать всех участников восстания, на что крестьяне ответили, что среди них таковых нет, поскольку все они бежали с Жилиевым. Несколько человек из состава схода были схвачены и выпороты, после чего сход выдал 6 мятежников, тут же допрошенных. Казаки предложили крестьянскому сходу решить вопрос, подлежат ли они, как участники восстания, расстрелу. Большинством голосов сход дал положительный ответ, после чего все 6 человек сразу же были расстреляны.

Жители села, помимо этого, постановили, согласно требованию, предоставить списки дезертиров, а также указать, кто вступил в жилиевский отряд добровольно, а кто был мобилизован насильственно. Подобные списки были потребованы и от других поселков. Жители некоторых сел арестовали скрывавшихся участников восстания и выдали их белым. Однако «такому поведению жителей особенно доверять не следует, – констатировал начальник контрразведки, – делается это только для вида и временного успокоения наших властей. Злоба у населения несколько не утасла, и в благоприятном для большевиков случае от него нужно **ожидать жестокой мести**»¹⁷ (выделено нами – авт.).

Колчаковские военные власти полагали, что осуществленные репрессивные меры оказались недостаточными, поскольку население, состоявшее большей частью из украинцев и переселенцев, по-прежнему испытывало глубокую ненависть к казакам, оказывало поддержку дезертирам и содействовало большевистским агитаторам¹⁸.

Отступившие из Кустаная повстанческие отряды сгруппировались в южной части уезда, в районе поселка Шолоксай, где находились несколько дней. По поводу дальнейших боевых действий столкнулись две противоположные точки зрения. Л. И. Таран, К. М. Иноземцев и другие коммунисты предлагали продвигаться через степи на Тургай и Иргиз, для соединения с войсками Актюбинского фронта. Однако Жилиев со своими сторонниками не согласился с этим предложением, поскольку не желали вливаться в ряды Красной армии, что потребовало бы от них подчинения советскому командованию, строгой воинской дисциплине и реорганизации партизанских отрядов.

Отколовшись от отряда Тарана, разделяя настроения значительной части крестьян, потянувшихся к своим семьям, родным местам, А. Жилиев решил со своим отрядом вернуться в село Боровское. По дороге, узнав, что в поселке Сундуки находится карательный отряд белых, партизаны Жилиева внезапно на него напали и перебили. Активный участник

повстанческо-партизанского движения О. Ф. Городничий следующим образом объяснял мотивы убийства карателей: «Взято было живыми 22 человека. При обыске у каждого из них было обнаружено много крестьянского белья, костюмов и других вещей домашнего обихода, а также много денег. Все это было награблено, в чем они сами сознались. Все эти 22 казака были из станицы Звериноголовской и Кочердык. Карателей с собой нам брать было невозможно, отпустить их тоже нельзя, так как они снова стали бы грабить и пороть крестьян, а потому их всех расстреляли. Был убит и командир карательного отряда капитан Усачев. ... Жители поселка сердечно благодарили наш отряд за избавление от карателей»¹⁹.

Никаких организационных мероприятий по укреплению отряда в Боровском предпринято не было. Между тем белые, получив сведения о малочисленности и слабом вооружении партизан, направили сюда карательные части. Отряду грозила неминуемая гибель, что стали осознавать почти все партизаны. Однако сам Жилев не придавал значения назревавшей опасности, он опирался на узкий круг своих приверженцев, карьеристов и подхалимов. По воспоминаниям очевидцев, «он вел себя, как зазнавшийся генерал, носил через плечо широкую голубую ленту, на руках – золотые кольца. Его жена – Луша, имевшая на мужа исключительное влияние, появлялась в штабе, сверкая золотом»²⁰.

Тем временем белые окружили Боровское. Жилев, подчиняясь требованиям части партизан идти на соединение с отрядом Тарана в Тургай, вынужден был в беспорядочной спешке оставить село. По пути, оказавшись почти без обоза, в поселке Сосна Жилев реквизировал у местных крестьян лошадей и транспортные средства. Это вызвало возмущение у некоторых партизан. Его жена Лукерья была их плетью. Партизаны вынуждены были пригрозить ей оружием.

Колчаковская печать подробно сообщала о деструктивных действиях «красной пугачевщины», «банд красных», перебравшихся после подавления Кустанайского восстания в южную часть Петропавловского уезда. Эти сообщения не противоречили действительности. Утром 7 мая в село Всесвятское внезапно ворвался жилевский отряд численностью около 700 человек, ограбил почту (на сумму 25300 рублей), медицинский переселенческий пункт (на 10000 рублей), частную аптеку и зажиточное население, прежде всего торговцев, на 500 тысяч рублей. Кроме того, реквизировал 100 лошадей и 80 бричек²¹. Партизаны арестовали заведующего 3-м переселенческим подрайоном Лапшина, почтово-телеграфного чиновника Радишева, врача медицинского пункта Троицкого с женой и кучером. Все они были преданы суду военно-революционного трибунала без предъявления конкретного обвинения. В силу настойчивого ходатайства граждан села Всесвятского Лапшин и Радишев были освобождены, в помиловании же Троицкого с женой повстанцы отказали и увезли с собой

насилно, заявив, что «врач – офицер, кадет, а потому освобожден не будет». После ухода партизан крестьяне села Всесвятского обнаружили обезображенные трупы врача Троицкого, у которого оказалось перерезано горло и вырваны глаза, и его жены, также с признаками насилия²².

По свидетельству бывших партизан, под влиянием коммунистов в отряде Жилиева осуществлялся ряд мероприятий, направленных на укрепление дисциплины, искоренение пороков и преступлений. На совместном заседании военного совета и военно-революционного трибунала был разработан и утвержден в форме приказа №7 проект устава о применении наказаний за те или иные проступки в рядах партизанской армии. Приказ №7 от 16 апреля 1919 г., в частности, гласил:

«2) За появление в нетрезвом виде – выговор перед товарищами и наряды не в очередь не свыше восьми. ...

5) Самовольные обыски и присвоение чужих вещей – выговор и по количеству стоимости присвоенного карается вплоть до расстрела.

6) За драку и грубое отношение к жителям, начальствующим лицам и к своим товарищам – лишение третьей части месячного пайка и строгий арест не свыше 5 суток.

7) За денежную картежную игру – лишение половины месячного жалованья и строгий арест не свыше 5 суток. ...

9) За растрату продовольствия, фуража и денег – вычет стоимости растраченного, смещение на низшую должность и выговор перед товарищами.

10) За шпионаж – смертная казнь.

11) За дезорганизацию – смертная казнь.

12) За самовольное оставление позиции во время боя – смертная казнь.

14) За насилие женщин – смертная казнь.

15) За грабеж и убийство – смертная казнь»²³.

Однако, несмотря на подобные приказы, повстанческо-партизанская стихия, словно река, вышедшая из берегов, слабо поддавалась введению жесткой дисциплины и строгой ответственности. Поэтому трудно, на наш взгляд, согласиться с утверждением И. Грушина о том, что «такие порядки исключали возможность погромов, воровства и безобразий. Вот почему, где бы отряд Жилиева не проходил, он оставлял о себе хорошую память»²⁴.

А. Жилиев, будучи политически неразвитым и беспартийным, умело приспосабливался к антиколчаковской борьбе крестьянских масс, использовал местнические настроения крестьян (нежелание их покидать свои родные места), непонимание необходимости жесткой воинской дисциплины, единоначалия и строгого порядка. В частности, он сулил партизанам организовать Кустанайскую трудовую республику с центром в селе Боровском, где жили его родственники.

Однако дальнейший боевой путь его отряда под давлением обстоятельств лежал на Шолоксай, Тургай, Иргиз и Челкар, где уже дислоцировались красноармейские соединения Туркестанского фронта. Под городом Тургаем партизаны Жилиева вступили в бой с частями «Алаш-Орды», вынудив их отступить. Проходя далее через Иргиз, они ограбили множество жителей города на сотни тысяч рублей, а также местное казначейство на сумму наличными деньгами и ценностями около 60 тысяч рублей²⁵.

Именно в Челкаре после трехдневного отдыха кустанайский отряд перестроили, вооружили и отправили на фронт. А. И. Жилиев был назначен третьим помощником командующего фронтом, что воспринял как явное понижение. Он возмущался тем, что его оторвали, изолировали от отряда (полка); лишив возможности им командовать, поставили под строгий политический контроль.

С первых дней пребывания в Челкаре Жилиев стал агитировать против штаба фронта, называя его сотрудников «кышмышниками» и бездельниками. Он стал подговаривать партизан вернуться назад в Кустанай, открыто выступал на митингах против штаба Туркфронта. Бывший партизанский вожак, явившись на 66 участок к своим землякам, организовал митинг, где доказывал, что кустанайскому полку не следует отстаивать «какую-то Среднюю Азию», а необходимо идти в Кустанай, выручать своих отцов и братьев. «Комиссары, – говорил он, – ведут нас в дебри, создают какие-то партячейки. Для кого они нужны? Мы обходились и обойдемся без ячеек и комиссаров...»²⁶.

Положение создалось напряженное, комиссар полка Фролов и командир Колодкин с большим трудом предотвратили кровопролитие. Для расследования контрреволюционной деятельности А. И. Жилиева направили специальную комиссию во главе с уполномоченным центра в Туркестане Кобозевым, которой Жилиев пытался оказать противодействие.

Тем временем белые, продвигаясь к Мугуджарским горам, окружили ослабленные красноармейские части со всех сторон. Воспользовавшись сложностью момента и частичной деморализацией бойцов, Жилиев решил захватить власть в свои руки. Члены следственной комиссии во главе с Кобозевым были им арестованы, однако красноармейцы настояли на ее освобождении, возвращении отобранного оружия и продолжении деятельности.

Жилиев сам был арестован и посажен в товарный вагон, но, просидев под арестом одну ночь, бежал в свой полк, где сагитировал несколько партизан совершить нападение на штаб. Уполномоченному Кобозеву удалось отговорить их от разгрома штаба. Тем не менее, для успокоения партизан командование решило сместить с должности начальника штаба Колузаева, назначив вместо него Астраханцева. В конце августа 1919 года из-за конфликта с новым командующим фронтом Астрахан-

цевым А. Жиляев вместе с женой вновь были арестованы и помещены в вагон на станции Аральское море. Однако его сторонники Вицко, Кудрин, Володин, воспользовавшись слабостью караула, бросились на выручку, выломали дверь вагона и освободили своего командира.

Освободившись, Жиляев вместе со своими приверженцами направился в штаб фронта, где убил начальника особого отдела Чарикова, клинком шашки ранил Астраханцева и арестовал Бригадзе. Помощник командующего фронтом Чекурин и секретарь реввоенсовета Кузьменко были также арестованы и избиты²⁷. При захвате штаба подручные партизанского вождя обнаружили шесть черного сукна белогвардейских мундиров, якобы предназначенных для партизанской разведки в тылу белых. Это обстоятельство позволило Жиляеву предъявить штабу обвинения в предательстве и измене, а себя объявить главнокомандующим фронтом.

По распоряжению Реввоенсовета Туркестанского фронта на станции Аральское море была созвана конференция воинских частей, а также создана чрезвычайная комиссия для расследования жиляевского мятежа. По распоряжению конференции А. И. Жиляева вместе с женой и помощниками арестовали и обезоружили; были организованы митинги с целью его разоблачения как преступника и авантюриста.

27 августа 1919 года, по докладу комиссии, 2-я фронтовая конференция приговорила к расстрелу Андрея Жиляева, его жену и сподвижников – Володина, Стефановского, Гуренко, как изменников Родины и врагов трудового народа. В ночь на 28 августа 1919 г. приговор был приведен в исполнение²⁸.

А. Жиляев являлся типичным воплощением партизанщины, и, цепляясь за власть, не останавливался ни перед чем. Он, как и прочие партизанские вожди Сибири и Северного Казахстана, был заражен духом бонапартизма, характеризовавшего бытовую психологию «героев» гражданской войны, как желание жить за счет славных заслуг прошлого. В связи с чем член Киргизского ВРК Т. И. Седельников справедливо отмечал в письме В. И. Ленину: «Вот именно этот кустарнический, обывательский «бонапартизм», как желание жить на доходы от своего «славного прошлого», и представляет собою типичное «бытовое явление» современной России, особенно дающее о себе знать здесь, на окраинах. Здесь он «обороняется» от директив, указаний и требований центра. Там он «переходит в наступление» и запугивает, как обывателя, который стоном стонет от этих «новых дворян», так и тех представителей центра, которые новые задачи берут всерьез и требуют их должного осуществления»²⁹.

Таким образом, в процессе объединения с Красной армией ликвидация партизанских органов власти принимала нередко характер чрезвычайно острых конфликтных ситуаций, оборачивалась трагическими коллизиями в людских судьбах. Часть бывших партизан (прежде всего, в лице прославленных вожаков) настаивала на сохранении собственных органов власти и управления, а также сформировавшихся в условиях

партизанской борьбы форм и методов деятельности, которые именовались «партизанщиной».

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Ларьков Н. С., Шишкин В. И. Партизанское движение в Сибири во время гражданской войны // Власть и общество в Сибири в XX веке. Выпуск 4. Сборник научных статей / Научный редактор В. И. Шишкин. Новосибирск: Параллель, 2013. С. 76–114.
- ² Покровский С. Н. Разгром иностранных военных интервентов и внутренней контрреволюции в Казахстане (1918 – 1920 гг.). Алма-Ата, 1967. С. 131.
- ³ Там же. С. 266.
- ⁴ Цит. по: Грушин И. Борьба с колчаковщиной в Кустанае // Пролетарская революция. 1926. № 9(56). С. 161–162.
- ⁵ Иностранная военная интервенция и гражданская война в Средней Азии и Казахстане: в 2-х тт. Т.1 (май 1918 г. – сентябрь 1919 г.). Алма-Ата, 1963. С. 618–619.
- ⁶ Восстание в Кустанайском уезде // Единство (Петропавловск). 1919. 9 мая; Иностранная военная интервенция и гражданская война в Средней Азии и Казахстане... Т.1. С. 620.
- ⁷ Иностранная военная интервенция и гражданская война в Средней Азии и Казахстане... Т.1. С. 619–620.
- ⁸ Грушин И. Указ. соч. С. 175.
- ⁹ Там же. С. 177.
- ¹⁰ Восстание в Кустанайском уезде // Единство (Петропавловск). 1919. 9 мая.
- ¹¹ Борьба за власть Советов в кустанайских степях. Издание отдела пропаганды и агитации Кустанайского обкома КП Казахстана и областного госархива. Кустанай, 1959. С. 136.
- ¹² Зверства большевиков // Тобольские епархиальные ведомости (Тобольск). 1919. №11. С. 178.
- ¹³ Покровский С. Н. Указ. соч. С. 268; Иностранная военная интервенция и гражданская война в Средней Азии и Казахстане... Т.1. С. 619.
- ¹⁴ Грушин И. Указ. соч. С. 180–181.
- ¹⁵ РГВА. Ф.40218. Оп.1. Д.388. Л. 1.
- ¹⁶ Иностранная военная интервенция и гражданская война в Средней Азии и Казахстане... Т.1. С. 614; ГАРФ. Ф.147. Оп.8. Д.11. Л. 38.
- ¹⁷ Иностранная военная интервенция и гражданская война в Средней Азии и Казахстане... Т.1. С. 625.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Борьба за власть Советов в Кустанайских степях... С. 128.
- ²⁰ Там же. С. 128.
- ²¹ ГАРФ. Ф.147. Оп.8. Д.14. Л. 207.; Ф.1700. Оп.1. Д.57. ЛЛ. 1–2об.; Рыбальчин Ф. События в селе Всесвятском // Единство (Петропавловск). 1919. 21 мая; К событиям в селе Всесвятском // Пришимье (Петропавловск). 1919. 24 мая.
- ²² Там же.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Грушин И. Указ. соч. С. 187.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Иностранная военная интервенция и гражданская война в Средней Азии и Казахстане... Т.1. С. 311.
- ²⁷ Борьба за власть Советов в Кустанайских степях... С. 134.
- ²⁸ Там же. С. 135.
- ²⁹ Там же. С. 137. Грушин И. Указ. соч. С. 190.
- ³⁰ Цит. по: «Мнение без прикрас». Письмо члена КирВРК Т. И. Седельникова В. И. Ленину. 1920 г. // Исторический архив. 1994. №4. С. 71.

БУРНОЙ ЭПОХОЙ ВЫДВИНУТЫЕ...

В. Г. Иофе

(Ташкент, Республика Узбекистан)

В истории Туркестана есть много ярких фигур – разной политической ориентации, которые в пореволюционную эпоху выдвинулись на авансцену истории. Четирем персонам из этого ряда посвящен настоящий материал.

Среди людей, поднявшихся на поверхность в бурном море гражданской войны, была и такая неоднозначная и противоречивая фигура, как Константин Осипов, военный комиссар Туркестанской республики и глава антисоветского восстания в январе 1919 г. в Ташкенте, известного в истории как осиповский мятеж.

Константин Павлович Осипов родился в 1896 году в Красноярске и до призыва в армию учился в красноярском землемерном училище. С 1913 года он был членом партии большевиков. С началом I мировой войны два года служил в запасном полку, затем был командирован в 4-ю Московскую школу прапорщиков и по её окончании, как лучший курсант выпуска, оставлен в ней преподавателем. В конце 1916 года он получил назначение в Туркестан, а в начале 1917-го проходил службу в качестве адъютанта у генерала Полонского в городе Скобелев. Осипов с энтузиазмом встретил Февральскую революцию, а в октябре 1917 года стал членом совета солдатских депутатов. В феврале 1918 года он сыграл большую роль в боях по разгрому Туркестанской (т. н. Кокандской) автономии, а позже и в разоружении казаков полковника Зайцева под Самаркандом. В 22 года молодой красный командир стал военным комиссаром Туркестанской республики.

Для свержения советской власти в Ташкенте группой офицеров, представителями русской интеллигенции и чиновниками бывшей администрации края была создана и активно действовала подпольная Туркестанская военная организация (ТВО) во главе с подполковником Блаватским, готовившая восстание. В крае активно действовали и агенты иностранных спецслужб, в основном под прикрытием дипломатических

миссий, аккредитованных при правительстве Туркеспублики, которые оказывали активную помощь Туркестанской военной организации. Однако осенью 1918 года ТуркЧК совместно с уголовным розыском Ташкента раскрыла заговор. Среди руководителей ТВО произвели аресты¹. Оставшиеся на свободе руководители подполья бежали в Ферганскую долину к Мадамин-беку², но некоторые ответвления организации уцелели и продолжали действовать. Нехватка топлива и продовольствия, уголовный террор в городе способствовали росту недовольства среди населения Ташкента, в том числе и среди рабочих производственных предприятий, являвшихся основной опорой советской власти в Туркестанской республике. К концу 1918 года стали складываться напряжённые отношения между фракциями коалиционного правительства в Ташкенте – левыми эсерами, с одной стороны, и большевиками, с другой, так как на многие руководящие посты были назначены большевики, присланные из Москвы. Из оставшихся на свободе членов ТВО была создана новая организация, получившая впоследствии название «Совет пяти». Первоначально в нее вошли: член партии большевиков с 1903 года, комиссар железнодорожных мастерских Василий Агапов (бывший нарком внутренних дел Туркестана), лично знавший В. И. Ленина, однако находившийся в оппозиции к недавно присланным из Москвы товарищам по партии и перешедший от большевиков к левым эсерам; два бывших полковника царской армии – Цветков (один из руководителей железнодорожных мастерских в этот период) и Руднев, крупный советский чиновник Александр Тишковский. Пятым в организацию пригласили военкома Туркестанской республики Константин Осипова. Заговорщики предполагали использовать его как главную ударную силу, а затем отстранить от руководства или даже ликвидировать, как слишком опасного соперника в борьбе за власть. Однако Константин Осипов, будучи крайне амбициозным и энергичным человеком, имел собственные «наполеоновские» планы на будущее края. После начала мятежа Осипов провозгласил себя военным диктатором и полностью взял руководство восстанием на себя.

Объединённые силы мятежников составляли около 2 тысяч человек. В случае захвата Главных железнодорожных мастерских, где хранился арсенал рабочих, заговорщики могли вооружить ещё тысячу. Осипов делал ставку и на большую часть левых эсеров. Он считал, что в критический момент они переметнутся на его сторону. Большевики были расколоты – некоторые местные (группа Тоболина, ранее руководившего компартией Туркестана, – т. н. «старые коммунисты») находились в скрытой оппозиции к тем, которых прислал в Туркестан Ленин и к игравшим большую роль в руководстве с ноября 1918 г. т. н. «молодым» (Вотинцев, Фигельский, Шумилов и др.).

Правительство большевиков было осведомлено о готовящемся заговоре, но сам Константин Осипов оставался вне подозрений. Когда чекисты вышли

на след заговорщиков, арестовав сначала гимназиста Виктора Ботта, занимавшегося переправкой оружия, а затем, после неудачной попытки его освобождения старшим братом Евгением, и самого Евгения Ботта – адъютанта военного комиссара, вмешался сам председатель Совнаркома Туркеспублики Фигельский и отдал арестованного адъютанта на поруки Осипову. Верхушка большевиков – Вотинцев, Фигельский и Шумилов – беспредельно доверяла военному комиссару. Когда вечером 18 января 1919 года начался мятеж, они – председатель ЦИК Туркеспублики В. Д. Вотинцев, председатель Ташкентского совета Н. В. Шумилов и его заместитель В. Н. Финкельштейн, а также председатель Туркестанского ЧК Д. П. Фоменко – поехали к Осипову (по его приглашению) в казармы 2-го полка выяснять обстановку. Осипов хладнокровно отдал приказ о расстреле комиссаров. Приговор был приведён в исполнение тут же – за казармами мятежного 2-го полка. За два дня мятежа погибли ещё десять советских руководителей Туркеспублики – почти все правительство. Константин Осипов, провозгласив себя военным диктатором и действуя крайне бескомпромиссно, намеренно отрезал путь к отступлению всем своим соратникам по мятежу. Оставался только путь открытой борьбы с большевиками.

Однако, несмотря на значительный первоначальный успех, ситуация стала развиваться неудачно для восставших. За сутки до восстания по приказу председателя Ташсовета Шумилова сменили охрану Главных железнодорожных мастерских. Один из руководителей мятежников – большевик Агапов – не смог поменять пароль, был разоблачен и арестован рабочими. Из-за этого мятежникам не удалось захватить арсенал в железнодорожных мастерских. Комендант военной крепости и начальник гарнизона Ташкента левый эсер Иван Белов отказался, несмотря на ультимативные требования Осипова, сдать крепость и тем самым лишил мятежников ещё одного источника оружия и боеприпасов. Гарнизон крепости в немалой части состоял из венгров-интернационалистов – бывших австро-венгерских военнопленных, вступивших в Красную армию. Они сохранили верность советскому правительству Туркестана. Активные действия, предпринятые оставшимися советскими руководителями, в том числе руководством Ташкентских железнодорожных мастерских, начальником старгородской дружины Бабаджановым и в наибольшей степени – командующим гарнизоном Ташкентской крепости Иваном Беловым³, который начал обстрел шестидюймовыми гаубичными снарядами штаба заговорщиков, – сорвали планы руководителей мятежа. В конце концов, именно решительные действия Ивана Белова, вооруженного отряда рабочих железнодорожных мастерских во главе с Казаковым, Рубцовым и Бяликом и оставшихся верными советскому правительству частей под командованием левого эсера Колузаева, преопределили, несмотря на успешные для мятежников двухдневные уличные бои в горо-

де, исход мятежа. Восставшим, захватившим большую часть города, в том числе и помещения отделений милиции и ЧК, несмотря на отчаянное сопротивление их сотрудников, так и не удалось занять ключевые объекты – железнодорожные мастерские (цитадель рабочих) и крепость⁴. Создается временный реввоенсовет, в основном из левых эсеров. 20 января при поддержке орудий Белова рабочие отряды вместе с войсками начали теснить мятежные части, и к полудню стало ясно, что восстание провалилось. Осипов решил лишить советское правительство края средств. Он захватил золотой запас Туркестана, хранившийся в городском банке в виде наличной валюты, золотых слитков и золотых червонцев⁵. Днем 20 января ценности были из банка изъяты, и мятежники стали уходить из города по Московскому проспекту на север, на Чимкент⁶. Когда последние островки сопротивления большевикам были подавлены⁷, реввоенсовет принял решение преследовать мятежников. По железной дороге в Чимкент, чтобы опередить Осипова, отправился Перовский отряд Селиверстова численностью 500 человек. Эскадрон под командованием Лея (200 сабель) отправили в погоню по следу Осипова. Однако отряды мятежников под управлением Осипова совершили сложный маневр, и часть сил (возможно, не основная) стала уходить в горы по направлению к Чимгану (отрогу Тянь-Шаня). Отряд Селиверстова, прибывший под Чимкент и усиленный лёгкими орудиями, всю ночь поджидал подхода мятежников к городу. Стоит отметить, что в тот год в январе в Ташкенте мороз достигал 30°C. К утру 23 января, после подхода к Чимкенту колонны мятежников, завязался бой. Ввиду численного превосходства большевиков и наличия у них орудий, победа осталась за Перовским отрядом. Но золота правительственным войскам обнаружить не удалось. Свою неудачу победители объяснили руководству тем, что «... под огнем Осипов в спешном порядке перегрузил золото на лошадей и бросился на юг, надеясь укрыться в горах». В конце концов, мятежников стали преследовать и в горах, однако они оказывали преследователям ожесточенное сопротивление. Последний бой произошел в заснеженных горах, в отрогах Пскемского хребта у кишлака Карабулак, уже далеко за Чимганом. Оборонявшиеся до последнего сдерживали атаки красных. И только когда были расстреляны последние пулеметные ленты, мятежники, взяв с собой местных проводников, ушли к перевалам. Утром красноармейцы вошли в селение. В доме местного бая обнаружили сундук, набитый николаевскими кредитками, но золота и драгоценностей не было. Не удалось захватить и самого руководителя мятежа – Константина Осипова. Последующая погоня результата не принесла, – в горах начался сход снежных лавин, и преследователи решили, что мятежников накрыл снежный вал. Попытка чекистов весной откопать тела осиповцев из-под снежных завалов результата не дала: ни золота, ни трупа главного мятежника так и не нашли. Летом в Ташкент поступила сенсационная агентурная

информация: Осипов жив. Это означало, что он в мороз перевалил через Пскемский и Чаткальский хребты (каждый 4000 м над уровнем моря).

Передохнув в кишлаках по ту сторону гор до апреля 1919 года, в сопровождении небольшой группы сподвижников, уцелевших в ледовом походе, Осипов спустился в Ферганскую долину к Мадамин-беку. Некоторое время Константин Осипов был у него главным военным советником и, используя старые связи в Коканде, доставал оружие. Вместе с Мадамин-беком он спланировал захват города Скобелева (Ферганы), но его отряды не выдержали кавалерийской атаки красных и потерпели поражение. Осипов со своими людьми перебрался в независимую еще Бухару. Он примкнул к находившимся в Бухаре белогвардейцам, и это помогло агентам советской разведки быстро засечь его. Полномочный представитель советского правительства при бухарском эмире решительно потребовал выдачи мятежников, и Сеид-Алимхан, эмир Бухары, не стал «сердить» Ташкент. Группу офицеров из окружения Осипова арестовали, но сам он исчез. Как оказалось, навсегда. Александр Искандер писал, что Осипов был убит, когда отправился из Бухары на Асхабадский фронт. В 1920 году советская власть добралась и до владений эмира, и Сеид-Алимхану пришлось эмигрировать в Афганистан...

Имеются сведения, что золото и драгоценности были сданы Осиповым эмиру Бухары. Но и после захвата Красной армией Бухары в 1920 году золото и драгоценности найдены не были. Вполне вероятно, что, прежде чем уйти высоко в горы, а затем спуститься в Ферганскую долину, Осипов спрятал большую часть сокровищ в горах или в уединенных предгорных кишлаках.

Итак, в январе 1919 г. в Ташкенте под управлением Константина Осипова произошёл мятеж, ставивший своей целью свержение советской власти в крае. Во время мятежа Осипов действовал жёстко и бескомпромиссно, лично отдав приказ о расстреле видных советских и партийных работников⁸. Однако восстание было подавлено, и дальнейшая судьба главного героя доподлинно неизвестна, как и дата его гибели⁹. По непроверенным сведениям, его видели в 1920-х гг. в Кабуле.

Ряд эпизодов, связанных с судьбой Константина Осипова, впоследствии был положен в основу киносценариев. По ним сняты фильмы «Крушение эмирата», «Пламенные годы», «Пароль “Отель Регина”». События «осиповщины» получили отражение и в романе-хронике М. Морозова, Г. Ропского, О. Сидельникова «Приговор приведен в исполнение» (Ташкент, 1983).

Достоин внимания и такой активный участник событий с красной стороны противостояния, как Г. А. Колзуаев, один из организаторов и командиров красной гвардии в Туркестане.

В 1917 г. он был фельдфебелем 1-го Сибирского стрелкового запасного полка, расквартированного в Ташкенте, и членом партии эсеров. После февральской революции становится комиссаром полка. 12 сен-

тября 1917 г. в Ташкенте прошел массовый митинг, образовавший ревком с задачей отстранить от власти Туркестанский комитет Временного правительства под председательством меньшевика, этнографа, лексикографа и бывшего офицера В. П. Наливкина (1852–1918) и революционизировать местный эсеро-меньшевистский совет. Председателем ревкома был избран однополчанин Г. А. Колузаева – поручик Е. Л. Перфильев, эсер-максималист. В. П. Наливкину удалось арестовать новый совет, но лишь на сутки. На следующий день члены совета под давлением митингующих были освобождены. По сути, уже 13 сентября власть перешла в руки ревкома под руководством Е. Л. Перфильева (позднее главнокомандующего вооруженных сил Туркестана и военного комиссара Туркеспублики) и большевика В. С. Ляпина, почти весь ташкентский гарнизон перешел на его сторону.

Это был сильнейший удар по А. Ф. Керенскому, обрушившему на Ташкент град истерических телеграмм. Срочно снаряжается карательная экспедиция во главе с новоиспеченным генерал-майором П. А. Коровиченко, личным другом А. Ф. Керенского. 24 сентября он прибыл в Ташкент и был объявлен генеральным комиссаром Временного правительства по управлению Туркестанским краем и командующим войсками округа, предпринимая попытки разоружить революционизированные воинские части. Однако вызываемые им на подмогу надежные войска постоянно застревали в пути из-за саботажа железнодорожников. Вместо ушедшего в отставку В. П. Наливкина (20 января н.ст. 1918 г. он застрелился на кладбище в состоянии депрессии по политическим мотивам) Турккомитет возглавил граф Доррер, но в той мере, в какой у Временного правительства в Туркестане ещё была какая-то власть, – она была у Коровиченко. Фельдфебель и комиссар Г. А. Колузаев между тем занимался формированием красногвардейских отрядов из рабочих. 28 октября ст.ст. противостояние сил П. А. Коровиченко и отрядов ташкентского ревкома переходит в «горячую фазу». Бои шли четыре дня, крепостная артиллерия по приказу П. А. Коровиченко обстреливала жилые кварталы. 1 ноября ст.ст. в главном городе Туркестана победила новая власть, П. А. Коровиченко был арестован. После революции Георгий Александрович Колузаев становится членом военной коллегии края и начальником штаба красногвардейских отрядов. Интересный факт из его биографии: в 1918–1919 гг. он живет коммуной, то есть ведет общее хозяйство, с первым председателем Туркестанского совнаркома Ф. И. Колесовым и его замом левым эсером К. Успенским (позднее – заместителем председателя ТуркЦИК). Интересно было бы почитать про этот коммунально-бытовой опыт, но вряд ли Г. А. Колузаев отразил его на страницах своих революционных воспоминаний, которые отправил в 1932 г. на имя М. Горького. Судьба этих мемуаров, увы, неизвестна. Председатель Туркестанского совнаркома Ф. И. Колесов

разгромил в Самарканде белоказаков полковника Зайцева; в этих боях принимал участие 1-ый Туркестанский революционный боевой отряд под руководством Г. А. Колузаева.

Вот еще один штрих к портрету Г. А. Колузаева тех дней. В первых числах марта 1918 г. Туркестанский совнарком предпринимает попытку экспорта революции в соседний Бухарский эмират, т. н. «колесовский поход». Наверное, это была первая (или одна из первых) в истории попытка военного экспорта революции... Первоначальная авантюра с присоединением Бухары закончилась плачевно. Войска эмира Сеид-Алимхана оттеснили отряды Колесова, и ему пришлось поспешно отступить в сторону Самарканда. Но на помощь «коммунальщику» и другу пришел красногвардейский «Ташкентско-Перовский отряд Степанова-Колузаева» из перовских (ныне г. Кызыл-Орда в Казахстане) артиллеристов и ташкентских железнодорожников. В марте 1918 Колузаев состоял членом туркестанской делегации на переговорах о заключении мирного соглашения с Бухарским эмиром после неудавшегося «похода». 25 марта Кызылтепинский мирный договор был подписан.

Г. А. Колузаев отличился при подавлении «осиповского» мятежа в Ташкенте. При этом он, будучи командиром 1-го полка (а потом – и главнокомандующим Красной армии Туркеспублики), более, чем другие руководители сопротивления осиповскому восстанию (В. З. Рубцов, И. П. Белов, зампред. ТуркЦИК А. А. Казаков и нарком просвещения В. Бялик) был склонен к переговорам и стремился к мирному разрешению конфликта. Однако убедившись в тщетности мирных попыток, принял активное участие в разгроме восстания. Вообще, большинство лидеров левых эсеров, в отличие от Агапова, – Н. А. Паскуцкий – позднее председатель СредазЭКОСО, П. Домогатский, бывший в 1917–1918 наркомом иностранных дел и наркомом путей сообщения, К. Успенский, И. Белов – осталось на стороне советской власти.

В мае 1919 г. Туркестанский совнарком и РВС назначили Колузаева командовать важным Северным (Актюбинским) фронтом, где ташкентские части терпели неудачи в боях с колчаковцами. Необходимо было прорвать блокаду и воссоединиться с центром. 1 июня 1919 г. командующий Северным фронтом Туркеспублики Г. А. Колузаев предпринял наступление со станции Эмба в направлении поселка Темир силами одного полка. Недоброжелатели говорили, что наступление началось под звуки духового оркестра, а кончилось полным разгромом, уцелели только артиллерия и конница. Это не удивительно, белые на этом участке фронта имели огромное преимущество в коннице. Из-за отступления к Кандагачу и Эмбе он был отстранен от командования фронтом. В июле 1919 года, в результате конфликта с новым командующим Актюбинским фронтом Астраханцевым и комиссаром Кобозевым, Колузаев покинул фронт и вместе со своим отрядом решил вернуться в Ташкент.

На станции Челкар его отряд был разоружен и впоследствии расформирован, а Колузаев арестован и доставлен в Ташкент. Его обвинили в развале фронта. Арест давал понять, что с красногвардейской партизанщиной пора кончать, и надо начинать строить регулярную армию. 5 сентября 1919 г. ТуркЦИК и крайком РКП(б) издали постановление об образовании «особого суда» для расследования поражений на Северном (Актюбинском) фронте. 3 мая 1920 г. появившаяся в Ташкенте Турккомиссия постановила «дело Г. А. Колузаева передать в Ревтрибунал». Г. А. Колузаев был признан «виновным в не установлении связи между частями и штабом во время наступления на Темир, не проявлении распорядительности в установлении единства действий частей и неприятии мер к возвращению батальонов, посланных на помощь Кустанайскому отряду, что повлекло за собой поражение»... Самого же героя Ревтрибунал ТАССР приговорил «к лишению свободы на 5 лет с заменой этого наказания по амнистии и направлением на Западный фронт»... Позднее Колузаев переехал из Ташкента на станцию Кауфманская (ныне г. Янгиюль Ташкентской области) и занимался земледельческим трудом. Приказом РВС СССР за номером 101 от 23 февраля 1928 г. крестьянин Г. А. Колузаев, бывший фельдфебель, красный партизан и командующий революционными фронтами был награжден орденом Боевого Красного Знамени. В приказе говорилось: «В ознаменование десятилетия рабоче-крестьянской Красной армии, вписавшей славные страницы в историю героической борьбы пролетариата с многочисленными его врагами, Центральный Исполнительный Комитет Союза СС Республик принял необходимым отметить доблестную службу особо отличившихся в боевых столкновениях защитников Октября, как состоящих в кадрах РККА, так и находящихся вне ее рядов, и удостоивает их награждения орденом Красного Знамени».

Еще через десять лет, в 1938-м, желающих написать донос на бывшего левого эсера Г. А. Колузаева, наверное, было немало. Возможно, в репрессиях против Колузаева сыграл косвенную роль наркомвнудел Грузии С. А. Гоглидзе, служивший с Колузаевым и в 1-ом Сибирском стрелковом полку, и под его началом в красногвардейском отряде (первоначальный толчок карьере С. А. Гоглидзе дал Ш. З. Элиава, земляк его из Кутанси). Колузаев был арестован, наркомвнудел УзССР Д. З. Априяев был беспощаден... Так кончилась жизнь этого яркого человека. Г. А. Колузаев реабилитирован посмертно Верховным судом СССР в 1956 г.

Еще одна интересная и малоизученная фигура – командарм Народной Крестьянской Армии (НКА) в районе Ферганской, Джалалабадской и Ошской долин Средней Азии Константин Монстров. Эта армия в союзе с влиятельными лидерами повстанческого движения – такими, как Мадамин-бек Ахметбеков – в своё время едва не вытеснила Красную армию из Ферганской долины. В начале XX века в Фергану актив-

но переселяли крестьян из России. Щедро наделяли землёй, давали ссуды и налоговые льготы. Целые районы вскоре оказались сплошь русскими. Разумеется, делалось всё это при активном участии властей в рамках «столыпинской» аграрной реформы.

НКА Ферганы можно определить как военное формирование в Фергане в 1918–1919 годах во время гражданской войны; она была образована на основе отрядов самообороны, созданных из русских крестьян-переселенцев в конце 1918 г. в Джалал-Абаде (Ферганская область) для борьбы с «басмачеством» – как называли тогда повстанческие отряды из местного населения. Действия этой армии и были самым значительным и массовым эпизодом Гражданской войны в Средней Азии.

23 ноября 1918 года командиры крестьянских отрядов организовали в Джалал-Абаде штаб армии и Военный совет, который и объединил командиров отрядов и представителей сел. Командующим армией вскоре стал К. И. Монстров¹⁰. Относительно даты избрания Монстрова в литературе существуют расхождения. По данным В. Клавинга, он был избран командующим в марте 1919¹¹. 2 декабря 1918 года Военный совет определил структуру штаба, армии и обязанности крестьян перед штабом. Армия делилась на 10 полков, из которых первые 4 предназначались для активных действий, другие 4 полка – для охраны крестьянских владений на случай ухода первых, и, наконец, 2 полка являлись резервом, состоявшим из малопригодных к бою и стариков. Штаб НКА располагался в Джалал-Абаде, а личный состав армии формировался большей частью из местных переселенцев. В известной мере К. Монстров воспользовался тем, что на территории Ферганской области большевиками не проводилась широкомасштабная мобилизация в Красную армию, и даже частичная мобилизация была проведена лишь осенью 1918 года.

Первоначально НКА считалась частью Красной армии. Однако армия была весьма своеобразна, – в ней отсутствовали политические органы и комячейки. Монстров лично требовал от командования Ферганским фронтом, чтобы в Крестьянской армии не было политических работников из числа большевиков. Руководители НКА твердо требовали сохранения беспартийности и внутренней самостоятельности армии. Монстров также сохранил ношение погон, что в Красной армии в то время исключалось. Это, впрочем, не мешало ему беспрепятственно получать от красного командования амуницию, боеприпасы и жалованье. В более поздних советских источниках в санкционировании создания самостоятельной Крестьянской армии (в декабре 1918 г.) обвиняется военный комиссар Туркестанской Советской республики К. П. Осипов в период его пребывания в Фергане. Хотя, например, Е. Козловский в 1928 г. писал, что вооружение ферганских крестьян было вынужденным шагом, ввиду невозможности защитить крестьян «от нападений басмачей» так как численность советских вооруженных сил в Фергане была невелика, на

фоне развернувшегося повстанческого движения, и красным отрядам пришлось перейти к обороне, сосредоточившись вдоль железных дорог¹².

Организация НКА параллельно с Красной армией происходила вопреки мнению ряда партийных и советских работников Ферганы, командования Ферганского фронта, предлагавших Совету народных комиссаров Туркеспублики провести ещё в октябре 1918 на общих основаниях частичную мобилизацию в Красную армию крестьян из русских посёлков Ферганской области. Надо заметить, что ферганские крестьяне-переселенцы в массе своей отрицательно относились к советской власти. По мнению ранних советских исследователей¹³, большинство крестьян-переселенцев, устроившихся в Ферганской долине при усиленной поддержке властей Туркестанского края, превратилось в кулачество, эксплуатировавшее разоренную дехканскую бедноту. К причинам, побудившим русское крестьянство Ферганы вскоре разорвать отношения с советами, можно отнести и попытки советских органов регулировать вопросы взаимоотношений с обезземеленным дехканством, пересматривая права на землю в пользу коренных народов.

15 марта 1919 года от командования Ферганским фронтом в местный ревком приходит приказ вести наблюдение за Монстровым, а также проводить разъяснительную работу среди переселенцев и личного состава НКА. Доходит до того, что штаб фронта решается переподчинить НКА Андижанскому уезду, где располагался тогда оперативный штаб. Штаб НКА делать это отказывается. Это и положило начало конфликту. К тому времени большевики уже развернули деятельность по продрозверстке и распределению земли среди бедноты. Местное переселенческое (славянское) население, видя, что Красная армия не может защитить их имущество от набегов местных повстанческих отрядов, поддерживает Монстрова, который умел находить с последними общий язык. Летом 1919 года он заключил соглашение с видным лидером повстанческого движения (причем его наиболее прогрессивного крыла, бывшим начальником милиции города Маргелан) Мадамин-беком, который пообещал впредь не нападать на русские селения.

Командование Ферганским фронтом, которому стало известно о переговорах, дважды пыталось разоружить НКА, но неудачно. 25 июня 1919 года в Туркеспублике была объявлена хлебная монополия. В ответ на заседании Военного совета НКА окончательно оформился разрыв с советской властью, подтвержденный на съезде в переселенческой селе Благовещенском. Штаб НКА призвал к свержению советской власти. Договор с Мадамин-беком был пересмотрен, и 22 августа заключен новый о совместных действиях против большевиков. Мадамин-бек не только запрещал своим отрядам нападать на русские селения, но и сам провел операции против отрядов Хал-Ходжи, виновного в расправах над русскими жителями. Летом 1919 г. начались активные боевые действия

против регулярных частей Красной армии. Объединённые силы НКА и Мадамин-бека (всего до 20 тысяч бойцов) заняли города Узген и Ош. Есть данные, что там была объявлена власть «Верховного Правителя государства Российского» адмирала А. В. Колчака. Земли возвращались помещикам и биям (те, впрочем, не успели принять этот дар новой власти), здания и хозяйственные объекты – их прежним владельцам, реввоенсоветы упразднились. На сторону Монстрова и Мадамин-бека перешла и пограничная стража, дислоцированная в селе Гульча (Алай). НКА развернула наступление на Андижан, где располагался штаб красного командования Ош-Андижанским участком. В августе в Джалал-Абаде прошло совещание представителей Колчака, лидеров басмачей и руководителей Крестьянской армии. На нем были обсуждены конкретные планы совместных действий. 1 сентября 1919 года Монстров и Мадамин-бек подписали договор об объединении своих войск, которые пополнились в сентябре прибывшими в Фергану белогвардейцами из Семиречья. В начале сентября объединенные силы Мадамин-бека и Монстрова захватили город Ош. В ходе боев за город погиб командир дружины Андижанского уездного комитета большевистской партии Бильдин. Подойдя к Ошу, части НКА залили город водой, запрудив арыки, чем вызвали панику. В то же самое время на сторону НКА перешел ряд командиров стоявших в Оше красных отрядов. Под их влиянием части Памирского отряда, 3-я и 4-я роты советского полка, стоявшие в Оше, сдались без боя.

Командующий Ферганским фронтом красных М. В. Сафонов двинулся с отрядом на помощь осажденным. В Араванском ущелье он неожиданно столкнулся с отрядом, высланным Монстровым ему навстречу. Бой шёл трое суток. Понеся большие потери, расстреляв все патроны, отряд красных отступил, с трудом избежав ловушки. Отряд мятежников преследовал отходивших, но получил отпор у железнодорожной станции Федченко, благодаря полученной красными поддержке и подвозу патронов. После взятия Оша отряды Мадамин-бека и НКА развернули наступление на Андижан, Скобелев (ныне город Фергана) и Наманган.

Красные начали срочную мобилизацию сил. 2 сентября 1919 года РВС Ферганского фронта постановил зачислить в Красную армию всех красногвардейцев области. Политотдел фронта опубликовал воззвание «К крестьянам Ферганы», призывавшее «к борьбе с контрреволюцией».

Основные силы Монстрова и Мадамин-бек бросили на Андижан, осада которого длилась с 10 по 24 сентября. Гарнизон Андижана, состоявший в основном из бывших пленных венгров и китайцев, насчитывал, вместе с рабочими и крестьянскими дружинами, около тысячи человек и был хорошо вооружён. Повстанцы овладели почти всем городом, кроме крепости, где засели остатки красноармейцев и больше-

вистская верхушка. Бои затянулись, что дало возможность красным перебросить в Фергану необходимое подкрепление.

В помощь вооруженным силам Туркестанской Советской республики с Закаспийского фронта был направлен Казанский сводный полк, прибывший под Андижан 22 сентября. С его помощью повстанцы были рассеяны, причем крестьянство в массе разбежалось по своим селам. В бою под кишлаком Хакент (24 сентября 1919 года) в окрестностях Андижана погиб председатель РВС Ферганского фронта Д. И. Спасибов. Крестьянский отряд, остававшийся в городе Ош, услышав о поражении под Андижаном, разбежался. 26 сентября 1919 года советские войска заняли Ош, а 30-го – Джалал-Абад. До 26.09.1919 г. правительство Мадамин-бека – Монстрова находилось в Оше, затем эвакуировалось в Джалал-Абад и Иркештам. 17 октября 1919 г. повстанческие войска потерпели поражение в районе крепости Гульча и Иркештама. Остатки НКА и отрядов Мадамин-бека отошли в горные районы Ферганы, где 22 октября в районе Гульчи было официально создано Временное Ферганское правительство во главе с Мадамин-беком (премьер-министр и главнокомандующий), Монстровым (заместитель премьер-министра и зам. главнокомандующего) и генералом Мухановым (военный министр). Министром внутренних дел стал присяжный поверенный Ненсберг. В штабе НКА, по ряду данных, активную роль играл полковник Петр Георгиевич Корнилов (расстрелян в Ташкенте в 1920 г.), – младший брат известного генерала Л. Г. Корнилова. Через бывшего царского консула в Кашгаре Монстров пытался заручиться поддержкой какого-нибудь европейского государства, но эти попытки не увенчались успехом.

Обещанная Крестьянской армии помощь из Омска так и не поступила. Омску было в эти месяцы не до Ферганы. Это обстоятельство, в итоге, и переламинает ход гражданской войны в Ферганской долине. Монстров, осознав безвыходность своего положения, вступил в переговоры с представителями советской власти о сдаче. Узнав об этом, Мадамин-бек напал на его отряд в одном из поселков. С большим трудом Монстрову удалось бежать. 17 января 1920 года он явился в Джалал-Абад, где и сдался. Вслед за ним сдались остальные руководители НКА. На этом кончилась попытка ферганского крестьянства бороться с советской властью.

Кем же был все-таки Константин Монстров? Вот какую информацию о К. Монстрове приводит в своей статье киргизский исследователь Э. Шишкараев: «Константин Иванович Монстров происходил из переселенцев первой волны, осевших на окраине кишлака Джалал-Абад во второй половине XIX века. Простой конторский служащий, в 1914 году – аккуратно перед войной – он стал одним из состоятельнейших людей Джалал-Абада, уже получившего к тому времени статус города. Достичь такого успеха ему удалось, скупив у местных бай-манапов необработы-

ваемые земельные участки. Экспозиция краеведческого музея города Джалал-Абад сообщает о нём немного. Однако там упоминается, что в 1918 году тот организовал Крестьянскую Армию из числа переселенцев для защиты своих земель от набегов криминальных элементов, выпущенных декретом Временного Правительства на свободу»¹⁴.

Отец Константина, Иван Павлович Монстров, был довольно видной фигурой в народовольческом движении. Сын псаломщика, он во время обучения в Самарской духовной семинарии пришёл к выводу, что Бога нет, и бросил учёбу, став видным деятелем революционного движения. Среди его последователей можно увидеть будущего писателя Н. Е. Каронина-Петропавловского, и Ливанова, который в Самаре обучал юного В. И. Ульянова тюремной азбуке. И. П. Монстров создал народовольческую коммуну в селе Моркваши Самарской губернии, куда к нему приезжала известная народоволка Софья Перовская. Возможно, именно она познакомила Монстрова со своей подругой, его будущей женой Варварой Эдемовой.

Во всяком случае, когда в 1874 году жандармы их арестовали, основной интерес они проявляли именно к Варваре. Дочь Монстрова, жившая в Петербурге, утверждала, что отец родился во время пребывания его матери в Петропавловской крепости. Она указывала годом рождения Константина Ивановича 1874-й. По документам, выявленным в архиве в г. Сызрань, Монстровы жили в Сызрани с 1880-х годов. Иван Павлович был здесь мировым судьёй и видным земским деятелем, регулярно избирался членом уездной управы. Был небеден: имел двухэтажный дом в центре города и хороший дом с участком земли в селе под Сызранью. У них с Варварой Николаевной были еще сын Сергей и дочь Елена. Елена стала земским врачом. Сергей был женат на дочери (по другим данным – родственнице) активного народника Газенгегера, дети другого видного народника – Топоркова – были крёстными внуков. В Сызрани вообще жило много бывших народовольцев. Родители Константина Монстрова даже попали в 20-е годы в словарь революционных деятелей.

Сам Константин Иванович Монстров был женат, жену его звали Мария Степановна. У них было три сына. Жена с детьми жила в доме свёкра. В годы Первой мировой войны два его старших сына сдавали экзамен на вольноопределяющихся, и старший, Иван, поступил в морское училище. В гражданскую войну он примкнул к белым, последние сведения о нём – из Екатеринбурга в 1919 году. Другой сын – Виктор, воевал в Красной армии, причём в Средней Азии. Там и служил потом. В 30-х годах он был репрессирован в Самарканде (по некоторым данным, позднее реабилитирован). Его сын Борис Монстров поселился в Новосибирске.

Константин уехал в Среднюю Азию, оставив семью в доме родителей. Вероятно, это произошло после сызранского пожара 1906 года, когда

город выгорел дотла. Там он встретил другую женщину; с ней у Монстрова было двое детей – сын и дочь. Он окончил 5 классов реального училища, работал конторщиком на Ташкентской железной дороге, арендовал сады под Ташкентом, был писарем Китай-Тюбинской волости; ещё имел участок земли (с 1914 г.) и мельницу под Джалал-Абадом. По документам 1917 года его первая жена всё ещё жила с родителями Константина Ивановича.

По одним данным, после сдачи в плен в январе 1920 г. Монстров был расстрелян. По другим – после 1920 года К. Монстров со своей новой семьёй поселяется у сестры в селе Старая Рачейка. Елена Монстрова действительно была врачом в этом селе. Вскоре сестра уехала в Бологое под Ленинградом, а в 1923 г. умер Иван Павлович Монстров, и его вдова тоже отправилась в Бологое к дочери. Через несколько лет туда же перебирается и К. Монстров с семьёй. Приблизительно в 1931 году его там арестовывают, и его дальнейшая судьба неизвестна. Жива дочь Константина Ивановича – Галия Константиновна. Она живёт в Петербурге; родилась 15 апреля 1917 года. В Новосибирске живёт внук Монстрова – Борис. Он почти ничего не знает о деде, зато многое может рассказать о своём отце Викторе, который воевал в Средней Азии. Дочь Монстрова утверждает, что её отец был арестован в 1931 году. Его старший сын поступил после школы в военное училище, но после ареста отца его сразу отчислили, как сына врага народа.

Данные противоречивы, – но сама эпоха было такой. Например, генерала Муханова в 1920 году не только помиловали, но даже зачислили в Генштаб Красной армии, а в 1921 году осудили на 5 лет (правда, потом не трогали до самой войны).

К. И. Монстров никогда в царской армии не служил, ни военного образования, ни воинских чинов в императорской армии у «крестьянского атамана» не было, но в энциклопедической статье о «Крестьянской армии» он именуется полковником¹⁵. Возможно, летом-осенью 1919 г. ему был присвоен этот чин А. В. Колчаком? Никаких достоверных документальных подтверждений этому нет...

Яркой фигурой, человеком из широких народных масс, был сыгравший видную роль в событиях гражданской войны в Закаспии¹⁶ Фёдор Адрианович Фунтиков, председатель Временного Закаспийского правительства с 12 июля 1918 по 15 января 1919 гг., лидер закаспийских эсеров.

Родился Федор Фунтиков в 1875 г. (по другим данным – в 1876 г.). Работал паровозным машинистом, одно время – железнодорожным техником. С 1905 г. он был членом партии эсеров, позднее – самым ярким из руководителей Закаспийского комитета Партии социалистов-революционеров. 11–12 июля 1918 г. стал одним из руководителей антибольшевистского восстания в Асхабаде (Ашхабаде). 12 июля он возглавил избранный Асхабадским стачкомом Временный исполнительный комитет

Закаспийской области (известный как «Закаспийское временное правительство»), составленный в основном из рабочих – эсеров и меньшевиков, бывших членов совета депутатов. По мнению М. Геллера и А. Некрича¹⁷, это было единственное подлинно рабочее правительство в России. Фунтиков участвовал в расстреле асхабадских комиссаров (чрезвычайного комиссара А. И. Фролова, наркома труда Турккеспублики П. Г. Полторацкого и др.) 23 июля 1918 г. Вместе с назначенным главнокомандующим вооруженными силами Закаспия полковником (затем – генерал-лейтенантом) Ораз Сардаром, тесно связанным с туркменской родовой аристократией, Фунтиков возглавлял военные действия против вооруженных сил советского Туркестана. После поражения повстанцев под Чарджоу 28 июля 1918 г. он обратился за помощью к главе английской военной миссии в Мешхеде (в северо-восточном Иране) генералу Уилфриду Маллесону¹⁸, после чего в Закаспий (в основном в Асхабад и Красноводск) были введены английские войска (с Маллесоном 19 июля 1918 г. был подписан формальный договор). Маллесон прислал 2 тысячи индийских сипаев, во главе с полковником Ноллисом, взявшим на себя командование объединенными силами, и капитаном Реджинальдом Тиг-Джонсом, известным в связи с расстрелом бакинских комиссаров. После этого правительство Фунтикова попало в определенную зависимость от англичан, что впоследствии и дало повод рассматривать его как «марионеточное». 19 сентября 1918 г. года Фунтиков участвовал в совещании в Красноводске, где было принято решение о расстреле т. н. бакинских комиссаров. Вопреки бытующему мнению, Фунтиков вовсе не до конца существования «Независимой Республики Закаспия» возглавлял Закаспийское правительство. Менее чем через полгода, 2 января 1919 г., после рабочих волнений в Асхабаде, Временное правительство было смещено и заменено «Комитетом общественного спасения» из пяти лиц, которым Фунтиков был 15 января 1919 г. арестован по обвинению в коррупции. 2 марта 1919 г. он давал показания бывшему члену ЦК Партии социалистов-революционеров, бывшему депутату Всероссийского Учредительного собрания от Ферганской области В. А. Чайкину¹⁹, проводившему по поручению ЦК партии эсеров расследование участия членов партии в убийстве комиссаров.

У. Маллесон в воспоминаниях дает такую характеристику Ф. Фунтикову: «Председателем временного правительства был некто Фунтиков, машинист, веселый мальч, который, к несчастью, чрезмерно любил водку и был окончательно отстранен от работы после обвинения в растрате государственных денег на сумму не менее 7 млн. рублей». Полковник юстиции Н. Смирнов в своей книге-эссе²⁰ так описывает Фунтикова уже на судебном процессе в СССР: «Это был человек среднего роста, одетый в поношенную чуйку и сапоги, с густой бородой на слегка продолговатом лице. Опустив глаза, Фунтиков тяжелым шагом прошел

через зал и занял место на скамье подсудимых. Внешне держался спокойно. Только глубоко запрятанные под нависшими бровями глаза смотрели настороженно (...). На вопросы членов суда Фунтиков отвечал не спеша, лаконично (...). Это был уже не тот Фунтиков, с заливчатски закрученными усами, наглым взглядом острых колючих глаз, каким его знали в Ашхабаде, когда он был главой закаспийского контрреволюционного мятежного правительства».

Непосредственным толчком к событиям июля 1918 г. Асхабаде была «экспедиция» Чрезвычайного комиссара А. И. Фролова по Средне-Азиатской железной дороге в условиях сложной социально-экономической и политической обстановки, когда массовое движение рабочих-железнодорожников быстро нарастало, приобретая всё более радикальный характер, а многие советы эсеровско-меньшевистского направления были распущены и заменены ревкомками. Железнодорожники включились в деятельность подпольных организаций эсеров и, в меньшей степени, социал-демократов. В это время Совнарком Закаспийской области объявил о всеобщем воинском учете. Для получения ответа на вопрос о причинах такого мероприятия активное население Асхабада по инициативе железнодорожных рабочих собралось в городском саду на митинг. Были приглашены на митинг и некоторые красные комиссары. Но вместо них прибыл асхабадский военком Копылов, который и выступил перед собравшимися. Несогласных с его инициативами выгнали из сада. Прибывший командующий гарнизоном Асанов с конным отрядом начал стрельбу, были жертвы. Надо отметить, что межпартийная борьба в Закаспии проходила на фоне массового брожения, не связанного жестко с программой конкретных партий. В Кизил-Арвате, где в это время по делу службы находился эсер правого толка паровозный машинист Ф. А. Фунтиков, об этих событиях узнали из телеграммы. Рабочие железнодорожных мастерских были собраны по тревожному гудку. Фунтиков выступил с обвинениями большевиков в провокации, назвал их «германо-большевиками». После этого кизил-арватские рабочие, вооружившись пулеметами и двумя орудиями, двинулись на Асхабад. Но вооруженного столкновения не произошло: совнарком предложил для решения конфликта созвать совдеп из 5-ти человек, который и будет разбираться с вопросами воинского учета. Это предложение было принято на конференции, собравшей представителей рабочих из Байрам-Али, Мерва, Кушки, Асхабада, Кизил-Арвата и Красноводска. Идеи советской власти и «диктатуры пролетариата» имели в Закаспии мало сторонников. Рабочие-железнодорожники Кизил-Арвата были в основном эсерами, а большевики в местной организации РСДРП были в меньшинстве: в Кизил-Арватской организации было 2 большевика на 120 членов эсеро-социал-демократической группы, при этом понадобилось

вмешательство ташкентских и асхабадских комиссаров, чтобы создать объединенную левозеровско-коммунистическую группу. К июню 1918 года в ней насчитывалось 140 членов, активности, впрочем, почти не проявлявших²¹.

После «мирной» конференции 19-го июня вооруженные люди разъехались по домам. Но, как оказалось, совнарком вел двойную игру: создавал новый совдеп и в то же время просил у Ташкента подкрепления – «для искоренения контрреволюции в Закаспийской области». А. И. Фролов, назначенный на экстренном заседании ТуркЦИК чрезвычайным комиссаром Закаспийской области, был отправлен в Асхабад для наведения порядка. 26 июня Фролов объявил город на военном осадном положении, введя комендантский час. Он распустил мандатную комиссию по проведению выборов в местный совет и сам провел выборы, в результате которых большинство получили левые эсеры и коммунисты. Такое преимущество было «обеспечено» Фроловым тем, что он поставил условие, согласно которому в новый совдеп попадали некоторые члены старого, если обязывались поддерживать если не большевиков, то хотя бы левых эсеров (различия между большевиками и более влиятельными тогда в Туркестане левыми эсерами были в том, что большевики выступали за классовую диктатуру, а левые эсеры – за «диктатуру трудовой демократии»). В числе попавших в совет на таких условиях был и Федор Фунтиков.

В это время в области шли митинги и демонстрации рабочих, которые выступали за широкое представительство в советах различных партий. 9 июля 1918 Фролов выехал из Асхабада в Кизил-Арват, где местный ревком отказался подчиняться решениям центра, а железнодорожники саботировали передвижение красных войск. Утром 11 июля 1918 года отряд Фролова прибыл на станцию Кизил-Арват, где, по одной версии (большевиков) – попал в заранее подготовленную засаду; по другой (как раз Фунтикова), – Фролов отдал приказ попытаться и расстрелять четырех рабочих-делегатов, прибывших на переговоры (с хлебом-солью, как полагается), после чего и восстали железнодорожники. 11 июля 1918 года, якобы получив известие из Кизил-Арвата, рабочие-железнодорожники в Асхабаде открыто восстали против центра, объявив о переходе власти к стачечному комитету. Активное участие в восстании принимал А. Доррер – бывший председатель Туркестанского комитета Временного правительства. На помощь Кизил-Арвату из Асхабада отправились два эшелона вооруженных рабочих. 12 июля 1918 года во время боя на улице Кизил-Арвата Фролов был убит (вместе с его соратницей-женой), погибли почти все бойцы его отряда.

Восставшими были в один и тот же день заняты Кизил-Арват и Асхабад. В Асхабаде, ворвавшись в здание совета, они уничтожили охранявших его красноармейцев, в том числе и туркменский отряд, кото-

рым командовал Овезберды Кулиев. В разгоревшихся на улицах кровопролитных боях погибло тогда много большевиков и советских работников. Стаечный комитет в Асхабаде возглавил машинист Ф. А. Фунтиков. Лозунг восставших: «Долой большевиков! Да здравствует Всероссийское Учредительное собрание!». Комитет разослал телеграммы по всей линии железной дороги от Красноводска до Ташкента с призывом присоединиться к борьбе против красных комиссаров. Им же разосланы по крупным рабочим пунктам вдоль железной дороги летучие отряды, которые разъясняли положение дел. Так восстание распространяется по Средне-Азиатской железной дороге (САЖД). Взять под контроль Чарджуй (Чарджоу) не удалось. Здесь восставших встретили незначительные красные силы, которым, однако удалось разбить и разоружить разномастные формирования восставших. От крепости Кушки после двух попыток штурма также пришлось отступить. Красноводск же полностью находился под контролем восставших железнодорожников. Таким образом, повстанцами уже была занята громадная территория с населением в 100 тысяч русских и несколько сотен тысяч туркмен от Красноводска до Чарджуя и Кушки. В результате ташкентское советское правительство оказалось полностью отрезано от советских районов Центральной России (ранее связь осуществлялась через Каспийское море, а на Оренбург-Ташкентской железной дороге была «дутовская пробка»). Трагические события связаны с занятием города Мерва. Красные во главе с народным комиссаром труда П. Г. Полторацкий (кстати, бывшим рабочим-железнодорожником) организовали оборону города. Но когда повстанцы стали реально угрожать Мерву, Полторацкий попытался скрыться с целью сохранения ценностей Госбанка. Однако он и начальник ЧК Мерва И. К. Калениченко были арестованы рабочими и расстреляны на окраине города. В тюрьме перед казнью Полторацкий написал письмо: «Ну, товарищи, кажется, все, что нужно сказать, сказал вам. Надеюсь на вас. Я спокоен и навсегда ухожу от вас», – это заключительные строки письма. Через день повстанцы расстреляли девять асхабадских комиссаров во главе с В. Телией и командиров Красной армии.

В каждом населенном пункте с русским населением образовывался Временный исполнительный комитет (ВИК) – всеобщий представительный орган власти. Восставшие восстанавливали порядки, которые существовали при Временном правительстве. В некоторых местах были даже сохранены советы рабочих депутатов. Кроме того, местные ВИКи пользовались значительной автономией от областного (Закаспийского) ВИКа, каковым являлся Асхабадский комитет.

Повстанцы недаром рвались в Чарджуй: было известно об имевшихся там больших запасах оружия. Ведь Чарджуй являлся пограничным пунктом с Бухарским эмиратом. В городе были сосредоточены красные отряды общей численностью в 6 тысяч бойцов. Фунтиков и его прави-

тельство понимали, что нужно наращивать боевые силы, чтобы противостоять красным. Особенно ощущался недостаток комсостава и вообще специалистов. А. Доррером был привлечен к сотрудничеству союз фронтовиков – Туркестанский союз борьбы против германо-большевиков, – и через этот союз установилась связь с англичанами. Сам Фунтиков временно уехал из Асхабада. Он отправился в боевые части, на фронт (в направлении на Ташкент) «для поднятия духа в войсках, где уже начался упадок духа и энергии» (из записки Ф.А. Фунтикова, 1919 год). По возвращении Фунтикова был поднят вопрос о преобразовании Асхабадского ВИКа во Временное правительство Закаспийской области, председателем которого он и был выбран. Повстанцы разработали конституцию. «Члены правительства были из кондукторов, коچهгаров и сигнальщиков и почти единственным нежелезнодорожником в правительстве был министр иностранных дел Зимин, директор школы, избранный на такую ответственную должность потому, что мог не только читать и писать, но обладал сюртуком и цилиндром», – так с иронией напишет об этом правительстве Уилфрид Маллесон. Временное правительство объявило запись добровольцев («на 6 месяцев или до ликвидации большевистского вопроса»), но запись в добровольческий отряд шла неудовлетворительно. Тогда было решено объявить мобилизацию от 21 до 25 лет. 13 августа 1918 года красные после боя с восставшими овладели городом Байрам-Али (Мервского уезда Закаспийской области Туркестанского края). Развитие событий показывало, что для действенного сопротивления силам красных собственных ресурсов недостаточно. Белых Фунтиков и его соратники не признавали. Англичане же были рядом. Вот что пишет об этом в своих записках Фунтиков: «Мы живогоговорились с англичанами, которые успели нам дать еще 200 человек (сипаев с пулеметами) и только благодаря сипаев у нас не получилось панического бегства из Мерва, только благодаря англичанам мы сдерживали дальнейший натиск противника вплоть до входа на каахкинские позиции». По просьбе правительства еще 28 июля 1918 года в Байрам-Али из Персии прибыла английская пулемётная команда. Теперь, начиная с 12 августа, части Британской королевской армии переходили российскую границу у станции Артык и выступали на красный фронт. Благодаря организованности и стойкости сипаев (солдат-индусов), составлявших основу британских частей, восставшим действительно удалось остановить натиск красных. Под Каахкой восставшие и англичане закрепились в середине августа 1918 года. В августе 1918 года между Временным правительством Фунтикова и Британской военной миссией был заключен договор, в котором Маллесон (глава миссии) от имени своего правительства «дал обязательство всемерно помогать Закаспийскому правительству живой силой и боеприпасами в течение всего времени, пока оно будет вести борьбу с большевиками; не исключалась и финансовая помощь. Взамен этого по моему требованию Закаспийское правительство обещало

вывести свои паровозы и подвижной железнодорожный состав из Красноводска, позволить мне минировать там порт, уничтожить водокачки и нефтехранилища вдоль железной дороги, привести в негодность мосты и в случае необходимости снять в некоторых местах рельсы». Для заключения этого договора от Временного правительства в Мешхед прибыл В. И. Дохов. В 1917 году он, будучи билетным контролером, входил в Совет депутатов рабочих и служащих Средне-Азиатской железной дороги (САЖД). Вплоть до восстания был представителем Союза трудящихся САЖД в красном Областном совнаркоме.

Английская миссия правительству Фунтикова не доверяла, и 2 января 1919 года под давлением англичан Временное правительство во главе Ф. А. Фунтиковым сложило полномочия, передав власть Комитету общественного спасения в составе 5-ти человек. Первую скрипку начинают играть англичане. Именно тогда у Фунтикова производится обыск, а затем его арестовывают. Находясь в тюрьме, Фунтиков составил записку, цитаты из которой приводились выше. Увы, не ясно, кому она была предназначена. Вообще, события, составляющие основу «Закаспийской драмы», остались в истории выясненными ещё далеко не полностью. Обвинение в растрате 7 миллионов рублей, предназначенных для пособий фронту, доказано не было, и англичане выслали Фунтикова в отдалённый аул Султан-Али. По другой версии, он оставался в Асхабаде. Но как бы то ни было, про него на какое-то время забыли, и он смог уехать из Туркестана на родину, на Нижнюю Волгу. С 1922 года проживал на хуторе Ляпичево в Нижне-Волжском крае, где вёл небольшое частное хозяйство. Однажды, дочь, очевидно, совершенно не имея таких намерений, выдала отца, вспомнив при нежелательных свидетелях рассказы об его участии в казни бакинских и асхабадских комиссаров. В январе 1925 г. последовал арест. В апреле 1926 года в Баку состоялся суд. Фунтиков получил расстрельный приговор. По одним сведениям, — ходатайство о помиловании было отклонено, и в 1926 г. Фунтиков расстрелян, по другим — находился ещё долгое время в Соловецком лагере особого назначения²².

А в Закаспии приказом Деникина от 22 января 1919 года действующие на Закаспийском фронте русские части были объединены в Туркестанскую армию. Британские войска, начиная с апреля 1919 года, стали уходить из Закаспийской области. Туркестанская армия не имела боевого счастья. В феврале 1920 года Красная армия взяла под контроль всю Закаспийскую область²³.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ К августу 1918 г. в Ташкенте существовал «Туркестанский союз борьбы с большевизмом» (или «Туркестанская военная организация»), который объединял офицеров, возглавлявшихся полковником П. Г. Корниловым (братом белого вожда), полковником И. М. Зайцевым, генерал-

лейтенантом Л. Л. Кондратовичем, бывшим помощником генерал-губернатора Туркестана генералом Е. Джунковским и полковником Блаватским. Ушедшие из города после восстания образовали Ташкентский офицерский партизанский отряд (101 чел.), с марта сражавшийся в Фергане, а затем под Бухарой.

Мадамин-бек Ахметбеков пользовался наибольшими симпатиями населения. Сын родовитого бека Ферганы, Мадамин Ахметбеков получил мусульманское образование в самаркандском медресе, много путешествовал по Туркестану и Памиру, был в Персии и Кашгарии. Мадамин тяготел к европейской культуре, поддерживал тесную дружбу (как это принято в Туркестане) с русскими образованными людьми и особенно военными. Среди знакомых Мадамин-бека был и только что вернувшийся с фронта Генерального штаба генерал-майор Муханов. Мадамин-бек установил с генералом Мухановым тесное общение и по его совету приступил к реформированию отряда на основах правильной организации. В качестве инструкторов были русские офицеры.

Иван Панфилович Белов родился в деревне Колиничево Череповецкого уезда Новгородской губернии 15.06.1893 г. Призван в 13-й Сибирский стрелковый полк. Участвовал в I мировой войне, унтер-офицер. После контузии направлен в 1-й Сибирский запасный полк в Ташкент. С февраля 1917 г. – левый эсер. В сентябре 1917 г. избран председателем солдатского комитета 1-го Сибирского запасного стрелкового полка, которым командовал во время вооруженного восстания в октябре 1917 г. и при ликвидации Туркестанской автономии. Член Ташкентского совета в 1917–1919 годах, член ТуркЦИК в 1918–1921 годах. С 1918 г. – комендант крепости и начальник гарнизона Ташкенте, сыграл одну из ключевых ролей в подавлении осиповского мятежа в Ташкенте в январе 1919 года. После подавления мятежа вышел из партии левых эсеров и вступил в партию большевиков, с апреля по октябрь 1919 года был главкомом войск Туркеспублики, а в январе – июле 1920 г. был начальником 3-й Туркестанской стрелковой дивизии в Семиречье. В период с августа 1920 г. по сентябрь 1921 г. был командующим Бухарской группой войск, провел операцию против Бухарского эмирата, за которую и получил свой первый орден Красного Знамени. Позднее Белов командовал 2-й Донской и 22-й Краснодарской стрелковыми дивизиями. В 1923 г. окончил Высшие академические курсы при Военной академии РККА. На командных должностях, с сентября 1935 года – командующий войсками Московского военного округа, затем командовал войсками Белорусского военного округа. В июне 1937 г. был членом Специального судебного присутствия Верховного суда СССР по делу Тухачевского. В январе 1938 г. арестован. Расстрелян в июне 1938 г., реабилитирован 26 ноября 1955 г.

Ф. М. Бейли в воспоминаниях «Миссия в Ташкент» (*Bailey F. M. Mission to Tashkent. London: Jonathan Cape, 1946*) пишет, что Осипов вызвал из Белого дома – резиденции Колесова комиссаров под предлогом беспорядков, возникших в казармах. Пришедших комиссаров расстреляли, Осипов напился пива. В Ташкентской крепости гарнизон состоял из венгров. Они остались лояльными большевикам, и между крепостью и казармами 2-го полка развернулась артиллерийская дуэль. Сопrotивление венгров в крепости явилось основной причиной поражения Осиповского восстания.

В мемуарах младшего сына великого князя Николая Константиновича – Александра Николаевича, князя Искандера, принимавшего участие в мятеже К. Осипова, даётся яркая картина происходившего в Ташкенте во время восстания: *Искандер А. Небесный поход // Военно-исторический вестник. 1957. №9. См. также: Медведев И. Золото красных путчистов // Коммерсант Власть. 2004. №41. 18 октября.*

⁶ Чимкент (Шымкент), ныне в южном Казахстане.

⁷ После подавления мятежа победители в Ташкенте повели массовую «зачистку» города. Например, на заседании городского совета рабочих и служащих, проведенного 23 января 1919 года, обсуждалось три пункта повестки дня: 1) Обсуждение событий 19–21 января в Ташкенте. 2) Обязать всех рабочих и служащих предоставить свидетельства того, чем они занимались во время

событий 19–21 января. 3) Уволить всех ответственных лиц и принять вновь на должность при наличии двух рекомендаций от проверенных работников. Срок повторного приема на работу – до 1 февраля 1919 года. По оценкам английского резидента в Средней Азии Бейли, в январе 1919 года и сразу после в Ташкенте погибло и было репрессировано 4 тысячи человек (при населении русской части города в 50 тысяч).

Список видных руководителей Туркеспублики, погибших 19 января 1919 г.: Всеволод Дмитриевич Вотинцев – председатель ЦИК Туркестанской республики; Владислав Дамианович Фигельский – Председатель Совнаркома Туркестанской республики; Донат Перфильевич Фоменко – председатель ТурЧК; Николай Васильевич Шумилов – председатель Ташкентского совета; Вульф Наумович Финкельштейн – заместитель председателя Ташкентского совета, член исполкома Ташкентского совета; Александр Яковлевич Першин – нарком продовольствия; А. Н. Малков (Малкоф) – управляющий делами Совнаркома, народный комиссар внутренних и иностранных дел; Евдоким Прохорович Дубицкий – комиссар путей сообщения; Михаил Самойлович Качуринер – с июля 1918 нарком финансов Туркеспублики, с августа – нарком труда, с октября – председатель Ташкентского совета профсоюзов; Алексей Васильевич Червяков – председатель военно-полевого суда Туркестанской республики; Семён Павлович Гордеев – член исполкома Ташкентского совета и член городского комитета РКП(б); Михаил Н. Троицкий – редактор газет «Красноармеец» и «Наша газета»; Георгий Иванович Лугин – помощник начальника охраны города; Дмитрий Григорьевич Шпильков – командир новгородской партийной боевой дружины. В ночь с 18 на 19 января по приглашению Осипова якобы на совещание в бывшие казармы 2-го Сибирского стрелкового запасного полка, где располагались мятежники, прибыли: председатель ЦИК Туркеспублики В. Вотинцев, председатель Ташкентского совета Н. Шумилов, его заместитель В. Финкельштейн, а также председатель Туркестанского ЧК Д. Фоменко. По приказу Осипова они были тут же расстреляны. Ещё десять комиссаров погибли (расстреляны, убиты, погибли в бою и т. д.) в период с 18 по 21 января. Всего от рук мятежников погибли четырнадцать видных советских и партийных работников, поэтому для описания этой группы в исторических документах в течение многих лет применялся термин «четырнадцать туркестанских комиссаров». Такое наименование выделяло этих людей из ряда других погибших в то время в Туркестане советских и партийных работников. После подавления мятежа останки погибших комиссаров были похоронены в Александровском сквере, недалеко от места расстрела (А. В. Червяков похоронен в Перовске (ныне Кзыл-Орда)). Позднее здесь продолжали хоронить видных деятелей Коммунистической партии и Советского государства. Этот сквер в советское время получил имя Кафанова, так как в 1923 году здесь был похоронен М. П. Кафанов – председатель Центральной Контрольной комиссии Компартии Узбекистана. В семидесятые годы XX века участок с могилами революционеров и партийных деятелей был назван «Сквером Коммунаров». В 2000 г. обелиск на месте захоронения комиссаров в сквере Кафанова был демонтирован, а прах их перезахоронен на коммунистическом кладбище Ташкента.

Одну из версий судьбы Осипова – с убийством его офицером-компаньоном по пути на Асхабадский фронт, – приводит А. Искандер в названных мемуарах.

¹⁰ Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1983. С.303.

¹¹ См.: *Клавинг В.* Гражданская война в России: Белые армии. М.: 2003.

¹² *Козловский Е.* Красная Армия в Средней Азии. Ташкент: изд-во Политуправления Среднеазиатского Военного Округа, 1928. С.303.

¹³ *Козловский Е.* Указ. соч. С.30.

¹⁴ См.: *Шишкараев Э.* Как на Юге Киргизии утверждалась власть... Колчака // URL: <http://polit.kg/news/79>

¹⁵ Гражданская война и военная интервенция в СССР. М.: Советская энциклопедия, 1987. С. 308.

¹⁶ Территория Закаспийской области (в 1918–1920 гг. – «Независимой Республики Закаспия»), входившей с 1899 г. в Туркестанский край, в основном соответствует современной территории Туркменистана (некоторые северные, в основном прикаспийские, районы прежней Закаспийской области сейчас входят в состав Казахстана, а район современного Туркменабада (быв. Чарджоу-Чарджева, ещё ранее г. Амударья) входил ранее в состав Бухарского эмирата (позднее Бухарской республики).

¹⁷ В книге: *Геллер М. Я., Некрич А. М.* Утопия у власти. М.: МИК, 2000.

¹⁸ Здесь и далее рус. перевод: *Маллесон У.* Двадцать шесть комиссаров // *Fortnightly Review*. 1933, Март.

¹⁹ Чайкин Вадим Афанасьевич (5.04.1886, слобода Старая Ивановка Бирюченского у. Воронежской губ. – 11.09.1941, Орел). Член Учредительного собрания по Ферганскому округу по списку № 2 – общеферганский список мусульманских организаций (Андижан). Из мещан, сын журналиста; окончил Уфимскую гимназию в 1905 г., получил высшее образование; эсер с 1903; был сослан в Якутию, в 1908-м бежал, но в том же году арестован в Курске как член Боевой организации Партии социалистов-революционеров; в 1910 г. арестован в Москве с подложным паспортом, по его прошению ссылка в Якутию заменена Астраханской губернией. Позднее – сотрудник газеты «Туркестанский голос» (Андижан), а в 1917 г. – председатель Ферганского областного совета рабочих и солдатских депутатов; делегат I Всероссийского съезда советов, член ВЦИК 1-го состава. На IV съезде ПСР избран в ЦК, эсер-интернационалист. Кандидат от ПСР в УС, участник заседания УС 5 января 1919 г., позднее участник Уфимского совещания, демонстративно покинул его в знак несогласия с политикой широкой коалиции. Вышел из ЦК ПСР в ноябре 1918 г., отказавшись от вооруженной борьбы против большевиков. В 1919 г. был представителем Комитета освобождения Черноморья в Тифлисе. Именно он первым опубликовал книгу о расстреле 26 «бакинских комиссаров». Планировался как свидетель на процессе над ПСР в 1922-м, но занял, по мнению следствия, «двусмысленную» позицию, поэтому непосредственно к процессу не привлекался. Занимался историей, готовил книгу о российской революции. Позднее – отправлен на поселение, в 1936 г. арестован, а в 1941 г. расстрелян в Медведском лесу под Орлом (реабилитирован в 1990 г.). См. о нем: *Орлов А. С., Георгиева Н. Г., Георгиев В. А.* Исторический словарь. Изд. 2-е. М., 2012. С.530–531. *Протасов Л. Г.* Люди Учредительного собрания: портрет в интерьере эпохи. М.: РОССПЭН, 2008. ГАРФ. Ф.533. Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев.

²⁰ См.: *Смирнов Н.* Дело об убийстве бакинских комиссаров. Изд. 2-е, доп. М.: Воениздат, 1979, С.58–71.

²¹ О чем сказано даже в официозном издании: *Очерки истории Коммунистической партии Туркменистана.* Ашхабад, 1961.

²² Долгое время убийство 26-ти безоружных пленников – «бакинских комиссаров» (впрочем, собственно из Баку было 9 человек), ставшее заметным событием в истории русской революции, приписывалось инструкциям, данным некоторыми офицерами британских войск, действовавших в то время в северной Персии. Мемуары Маллесона как раз имели целью снятие обвинений с англичан. Но это прошло незамеченным, – и в Англии, и в России. Капитан Тиг-Джонс всегда отрицал свое участие в казни комиссаров, указывая, что все решения были приняты Закаспийским временным правительством, а точнее, его главой Федором Фунтиковым. Возможно, Тиг-Джонс и У. Маллесон недооценили важность тех, кто прибыл из Баку. На телеграмму капитана в Мешхед о возможности вывоза важных пленников в Индию генерал ответил, что людей для конвоирования у него нет, и пусть местные власти сами как-то позаботятся о снаряжении соответствующего отряда. Сообщение с Мешхедом (северный Иран), где находился Маллесон, на тот момент было непростым, – необходимо было преодолеть пустыню на верблюдах или мулах. Все силы были брошены на «восточный фронт», на котором малочисленные и неустойчивые подразделения Закаспийского правительства, поддерживаемые английскими силами, сражались против наступающих большевиков. В боях принял участие и Тиг-Джонс,

как раз к моменту получения известия о комиссарах он проходил лечение: 28 августа был ранен в левое бедро пулеметной пулей. Из записей в дневнике Тиг-Джонса следует, что после полудня 18 сентября в доме графа Доррера, одного из членов Закаспийского правительства, собралось совещание, которое решало, что делать с находившимися в Красноводске комиссарами. Местные власти в лице Куна не хотели оставлять комиссаров у себя, тюрьма в Асхабаде тоже была полна. Генерал Маллесон не собирался присылать за ними войска из Мешхеда. Единственным выходом со стороны Фунтикова был расстрел. В этом его поддержал заместитель Курылев, а вот бывший директор реального училища Зимин, ставший комиссаром по внутренним делам высказался за поиск иных методов решения проблемы, впрочем, ничего не предложив. Тиг-Джонс вспоминал, что 19 сентября Фунтиков сказал ему, что принял решение о расстреле комиссаров и послал людей для его организации. Через три дня Фунтиков заявил Тиг-Джонсу что «большинство заключенных было тихо расстреляно», о чем капитан сообщил в Мешхед. Точно неизвестно, ездил ли сам Фунтиков в Красноводск, лично он это отрицал, в том числе на суде. Тиг-Джонс считал, что убийство было организовано Куном и Курылевым.

Для Тиг-Джонса, на тот момент, все эти события казались малозначительным эпизодом, однако для большевиков, в том числе Ленина и Троцкого, гибель комиссаров, главным образом Шаумяна, была личной трагедией. Масла в огонь подлил Вадим Чайкин. В 1919 г. он довольно авантюрно пробрался в Закаспий и добился встречи с арестованным к тому времени Фунтиковым. Он провел с ним несколько бесед, в том числе о судьбе бакинских комиссаров. В тюрьме он, возможно, не без давления Чайкина, выдвинул основную версию, что комиссары были убиты по настоянию англичан. Этим он снимал ответственность с себя и с партии эсеро²³, к которой себя относил.

Историки считают белую Туркестанскую армию самым неудачливым из всех белых формирований. Красные, сменив тактику и прекратив военные действия вдоль САЖД, резко свернули на юг и через пустыню и горы двинулись вдоль персидской границы. Марш был тяжелый, но красные вышли туда, где их никто не ждал. В результате 9 июля 1919 года ими был взят Асхабад (который переименовали в Полторацк, как он и назывался до 1924 г.). 6 февраля 1920 года остатки Туркестанской армии на кораблях Каспийской флотилии ВСЮР были эвакуированы из Красноводска в Дагестан. Небольшая часть на английских кораблях эмигрировала в Персию.

ЭПИЛОГ

ПОВСТАНЧЕСКАЯ БОРЬБА 1918–1922 ГГ. В РУССКОЙ ОККУПАЦИОННОЙ ПЕЧАТИ (1941–1945 ГГ.)

И. В. Грибков (Дмитров Московской обл.)

Тема повстанчества в нашей стране является одним из самых динамично развивающихся направлений тематики Гражданской войны. Однако, в отличие от истории двух основных сторон этого конфликта события «малой гражданской» еще не получили достойного освещения.

Одной из основных проблем при изучении истории повстанчества является малочисленность или даже полное отсутствие источников. Более того, основную массу незначительной источниковой базы составляют материалы, принадлежащие (в той или иной степени) одной стороне – советской. В советский же период изучение антисоветского повстанчества допускалось в крайне ограниченном масштабе, а также с использованием ярлыков, идеологических штампов и целенаправленных искажений.

Поэтому одной из главных задач исследователей наряду с собиранием фактов и их систематизацией должно стать выявление и введение в научный оборот новых источников, в том числе личного происхождения.

В связи с этим особое значение приобретает материалы, опубликованные в коллаборационистской прессе в период Великой Отечественной войны 1941–45 гг. Печать времен оккупации стала для многих людей возможностью донести до потомков и современников свои воспоминания, свидетельства о событиях 1920-х годов. В оккупационной литературе нашли возможность самовыражения авторы, чьи идеи, тексты или научные воззрения были блокированы идеологической цензурой советского режима¹. К таким материалам относятся и публикации уча-

стников и свидетелей многочисленных повстанческих выступлений. Большинство этих текстов является уникальным источником, так как их авторы, в основном, или погибли в ходе боевых действий Второй мировой войны, или стали жертвами советских репрессий, или же после войны вынуждены были воздерживаться от упоминаний своего участия в «бандповстанческих проявлениях».

Публикации подобных текстов способствовало также то, что антисоветское повстанчество рассматривалось идеологами коллаборационистского «власовского движения» как одна из основ, этап в развитии Русского освободительного движения и его борьбе против большевистского режима. Важной особенностью оккупационной печати является то, что на ее страницах широко освещалось не только повстанческое движение периода Гражданской войны, но и восстания и выступления периода 1920–1930-х годов.

Информационный потенциал коллаборационистской печати на русском языке, выходящей в 1941–1945 гг. на оккупированных территориях СССР, до сих пор остается недооцененным исследователями иных периодов нашей истории. По подсчетам автора, номенклатура изданных журналов и газет превышает 450 наименований. Количество книг и брошюр в данный момент даже приблизительно не может быть определено, но явно превышает число 600-700 наименований, относящихся к самым разным жанрам и направлениям. Среди этого количества немалое место занимают материалы, посвященные или каким-либо образом касающиеся темы антисоветского повстанчества.

Первоначально публикация статей о повстанчестве носила стихийный и нерегулярный характер. Материал привозили из командировок корреспонденты или присылали местные жители. Например, в обзорной статье о жизни станицы при советском режиме не сообщалось никаких подробностей о действии местного повстанческого отряда, являвшегося, по-видимому, «осколком» Армии возрождения России генерала Фостикова, но приводились сведения о «видном руководителе повстанческого движения» казаке станицы Отрадной полковнике Васильеве (расстрелян) и односельчанине Григории Кравченко («замечен в ЧК»). Сообщалось, что отряд «долго скрывался возле станицы Преградной в горной пещере, где можно было спрятать целую дивизию. В пещере протекал родник, находились большие запасы продовольствия и оружия, можно было успешно выдержать длительную осаду. Большевики смогли выкурить отряд из убежища, только применив химические снаряды (! – авт.)»². В этом же районе скрывался и повстанец «офицер Козлов». Аналогичными были и обобщающие статьи о национальных повстанцах (Карачай, Балкария и др.)³. Серьезную помощь в реконструкции биографий восставших могут оказать даже публицистические и художественные очерки с упоминанием убитых и казненных⁴.

Более подробные сведения содержатся в тематических статьях, посвященных непосредственно участникам восстания. Авторы подробно описывают время и характер восстания, участников, имена руководителей и погибших, обстоятельства их гибели, особо выделяются имена предателей и сторонников большевиков. Например, статья о повстанцах кубанского правобережья упоминает не только первое⁵ (12 июня 1918 г., руководитель – командир 2-го Уманского полка полковник И. Н. Агрызков) и второе⁶ (июль 1918 г., руководитель – есаул А. К. Арканников) восстания, но и действия повстанцев в 1920–23 гг. В частности, упомянуты отряд Арканникова и князя Ахло Джентемирова (район станицы Николаевской) и повстанец-одиночка П. Ломанов (район хутора Надзорного)⁷. Причиной восстаний всегда называется «грабительская» и «террористическая» политика большевиков, вынуждавшая казаков на стихийные, часто безоружные, выступления. Так, в станице Ясенской казаки во главе с полковником Н.И., есаулом Бардаком, хорунжими Кириченко и Назаренко восстали 29 апреля 1918 г. Началось с захвата проходившего транспорта с оружием. Здесь же описывается типичная схема восстания: нападение на красный отряд, рассылка курьеров в соседние станицы, колокольный набат как сигнал к началу выступления, сбор на площади и попытки активных действий, разгром восстания⁸. Иногда материалы содержат апокрифы, например, о том, что «сам Буденный приехал усмирять восстание» в станице Елизаветинской в 1921 г.⁹ Эта схема, заметим, полностью повторяет схему восстания в других регионах¹⁰.

В дальнейшем появляются отдельные статьи общего характера, в которых приводятся обзорные сведения о повстанческом движении и наиболее известных персоналиях. Целью таких статей было подчеркнуть массовость, стихийность, непрерывность борьбы против большевиков и, прежде всего, «народность». Например, автор одной из статей упомянул восстание горцев Северного Кавказа, руководимого «народным повстанческим комитетом» (1930 г.), восстание в Грузии «под руководством бывшего красноармейца В. Джугели» (1924 г.), Шекинское восстание в Азербайджане во главе с «бунтарем, бывшем членом ЦК партии Азербайджана, организатором ряда антисоветских мятежей Халбудаховым» и «народным учителем Гуссейновым» (1933 г.), стихийное восстание в Армении под руководством «национальных армянских героев К. Тарханяна и К. Нежде» (1930 г.)¹¹. В этой же статье, как и во многих других, подчеркивалось, что представители культурной, творческой, научной элиты всегда поддерживали повстанцев, не имея возможности принять в восстаниях непосредственного участия. В казачьей печати упоминания об Армии возрождения России Фостикова, Народной армии Северного Кавказа Серебрякова, Кубанской повстанческой армии Пржевальского, Савицкого и Пилюка¹² были неотъемле-

мой частью материалов о борьбе казаков и горцев с большевизмом. Повстанчество показывалось как непрерывный процесс борьбы с советской властью, продолжавшийся вплоть до начала войны в 1941 г. (как одно из последних упоминалось восстание в ноябре 1941 г. в селении Шатой в Чечне)¹³.

Одна из ключевых фигур в сохранении памяти об антисоветском повстанчестве – есаул Михаил Земцов, который как корреспондент газеты «Утро Кавказа» (Ставрополь) целенаправленно собирал материалы и свидетельства очевидцев. Эти материалы он регулярно публиковал в многочисленных оккупационных газетах, причем, в отличие от многих других авторов, не дублировал их, а пересылал оригинальные материалы. Статьи Земцова или их перепечатки встречаются практически во всех крупных периодических изданиях периода оккупации.

На базе собранного материала М. Земцов подготовил брошюру «Слышишь, Кубань?», выпущенную издательством журнала «На казачьем посту» в серии «Казачья библиотека»¹⁴. Брошюра открывается введением Бориса Ширяева, в котором описывается судьба самого Земцова. В сборник помимо публицистических статей вошли очерки о повстанчестве, ранее публиковавшиеся в оккупационных газетах: «Памяти павших героев» (повстанцы станицы Николаевской), «Два выстрела» (тракт братьев Петра и Ивана Ломановых), «Казачья Голгофа» (очерк о событиях 1930 г.), «Восстание в станице Темиргоевской» (выступление против коллективизации 1930 г.), «Полковник Петр Новиков».

Через год, также с использованием материалов М. Земцова, был выпущен отдельный сборник свидетельств участников повстанческого движения¹⁵, посвященный «светлой памяти повстанцев полковника Агрызкова, есаула Рябокonia, полковника Лаврова, сотника Козлова и многих других отважных героев казачества, сложивших головы в борьбе с большевизмом»¹⁶.

Сборник открывается проникновенными и, в значительной мере актуальными и сейчас, словами: «Нет более святой, возвышенной и благородной задачи, как воздать должное героям повстанческой борьбы казачества... Наш долг ревностно и неутомимо собирать решительно все воспоминания, сказания, легенды о наших храбрых повстанцах, не считаясь пока с тем, что порой в них могут быть противоречия, отклонения от исторических фактов. Это не должно нас смущать. История повстанческой борьбы казачества еще никем не написана. Наивно предполагать, что большевики взяли бы за это дело. Наоборот, они заинтересованы в том, чтобы «за семью печатями» хранить архивы по делу о «бандитизме»... Дело будущих историков – взять на себя труд тщательного изучения и пытливого анализа материалов о казаках-повстанцах. Эта работа не должна прекращаться»¹⁷.

Сборник включает разнообразные материалы:

– статьи общего описательного характера с подробным хронологическим описанием хода восстания: Казачье восстание на Дону в 1918 году (Г. Янов); Кубань в борьбе с большевизмом (Л. Ставровский); Антисоветские восстания на Тереке (Л. Терский); Повстанческое движение генерала Фостикова (Л. Градов); Первые повстанцы (Л. Терский); Налеты, нападения, набеги... (Л. Терский); Смелость и мужество (Л. Хоперский);

– записи рассказов современников: Атаман Сальских Ковбоев [рассказ Степана Гриня] (Мих. Бойков); Случай на девятой версте (Л. Хоперский);

– история отдельных персоналий, описание жизни и подвигов: Казачья доблесть [Андрей Грищенко] (Я. Г-в); Десять лет в горах [казак Андрей Глухов] (Н. Д-ов); Полковник Агрызков (Есаул М. Земцов); Бунтарь Литвинов (В. Кабанов); Казак Иван Маньшин (Н. Нелидов); Полковник Лавров (Л. Николаев); «Кучум» [старший урядник Иван Свеколкин] (Ф. Сизякин);

– история отдельных станиц: Терцы-бунтовщики [станция Зольская] (П. Горский); Зачинатели казачьей борьбы на Дону [Нижне-Кундрючская и Верхне-Кундрючская станицы] (Ф. Кундрюцкий); Мы тогда покалялись [подпольная организация в станице Ново-Мышастовской] (А. Таманский);

– история отдельных повстанческих отрядов: Ухтомцы (Е. Заветин); Пример отважных повстанцев [отряды полковника Васильева, вахмистра Пономарева, сотник Козлов с семьей] (Л. Ставровский);

– социальные выступления: «Бабы бунты» на Кубани (В. Ильский);

Огромный материал позволил М. Земцову и в дальнейшем регулярно публиковать статьи, посвященные повстанчеству, в основном в казачьих и кавказских регионах. Наиболее информативными, на наш взгляд, являются биографические очерки, например, о Сейпуле Джаттоеве, который в пятнадцатилетнем возрасте принял участие в карачаевском восстании 1930 г., служил разведчиком и принимал участие в боях¹⁸, или о полковнике П. Новикове, прибывшему «весной 1921 года по специальному заданию группы членов Кубанской рады на Кубань для организации повстанческого движения, его объединения и установления связи с заграничными силами казачества»¹⁹.

Безусловно, оккупационная пропаганда не могла обойти вниманием народные выступления, в том числе ненасильственные, периода сплошной коллективизации. Подчеркивание «непримиримой борьбы крестьянства против колхозного рабства» иллюстрировалось примерами редких вооруженных выступлений и гораздо более частых акций гражданского неповиновения и экономического саботажа. В одной из брошюр²⁰ со ссылками, что характерно, на советские источники приводятся примеры подобных действий: постоянная критика колхозов, противопоставление эффективности колхозов личному хозяйству, «разбазаривание и

расхищение колхозного имущества», сокрытие скота и хлеба и т. д. Таким образом, не имея возможности организовать вооруженное вступление, колхозники использовали ненасильственные формы противодействия.

Василий Кабанов (Кабанов-Азовченко) в 1944 г. выпустил брошюру «Девятьсот тридцатый»²¹, в которой описывалась характерная ситуация, сложившаяся в станице Ильинская на Кубани в 1930 г. В главе «Бабий бунт» автор фиксирует, что на острие социальных выступлений в этот период находились именно женщины²². Автор усиливает эмоциональный эффект повествования явно заимствованными из фильма С. Эйзенштейна вымышленными деталями («Женщина споткнулась и завернутый в тряпки ребенок, вывалившийся из ее рук, покатился под машину»), но фиксирует главное: для разгона стихийных антиколхозных безоружных выступлений власти использовали войска.

Характер жанра накладывает свой отпечаток на содержание вышеупомянутых материалов. Естественно, что авторы не могли, как правило, в подобных воспоминаниях указать численность и структуру повстанческих отрядов, воспроизвести хронологию боевых действий. Но, с другой стороны, достаточно подробно фиксируются причины, общий ход и характер выступлений, упоминается огромное количество персоналий и их судьба. Кроме того, учитывая, что авторы опасались советских репрессий в отношении семей, друзей, своих собственных или упоминаемых в рассказе, следует с осторожностью подходить к упоминаемым именам: многие имена вымышлены, метафоричны, скрыты криптонимами, являются псевдонимами, случайно или намеренно искажены.

Работа автора с оккупационной периодикой и литературой показывает, что похожие тексты публиковались и в других местах, бывших ранее базой для повстанчества. Аналогичны также условия создания, происхождения и жизненный опыт составителя, а также источники и приемы (фиксация и/или литературная обработка устных рассказов участников и очевидцев). Писатель Юрка Витьбич (Георгий Александрович Щербаков) в тринадцатилетнем возрасте стал свидетелем антикоммунистического восстания в Велиже в 1918 г. В декабре 1942 г. он под псевдонимом «Данилов» становится редактором издававшейся в Витебске газеты «Новый путь». Собрав путем личных встреч материал от очевидцев, в августе 1943 г. Витьбич публикует в газете три статьи, посвященные восстанию в Велиже в 1918 г. Это восстание во главе с бывшими офицерами польхало летом и осенью, а его пиком стало занятие и двухдневное удержание уездного города Велиж²³. Позже, в 1944 году, в 4-м выпуске серии «Народная Библиотечка» он опубликовал свои очерки и материалы отдельной брошюрой²⁴. Таким образом, на наш взгляд, мы имеем дело с одной из тенденций оккупационной печати – попыткой восстановления исторической памяти об антибольшевистских народных выступлениях. Объектом этих процессов становились

преимущественно «зеленые» повстанцы, «удобные» оккупационной пропаганде по ряду причин. Во-первых, они носили четкую антибольшевистскую (антикоммунистическую) направленность. Во-вторых, «зеленое» повстанчество выражало интересы широких народных слоев, что позволяло использовать его при апелляции сразу к нескольким целевым группам. В-третьих, повстанцы практически не имели конкретных политических требований, что позволяло избегать обсуждения их политических целей и, следовательно, постоккупационного будущего захваченных территорий.

При этом, конечно, нельзя забывать о главном – опубликованные материалы служили средством мобилизации коллаборационистов и оправданием многочисленных преступлений, совершенных в ходе антипартизанских акций.

Таким образом, изучение материалов оккупационной печати может существенно дополнить современные знания о структуре и характере антисоветского повстанчества в СССР как в период Гражданской войны, так и в межвоенный период. Сопоставление этих материалов с другими источниками будет способствовать расширению источниковой базы, исправлению одностороннего взгляда на повстанчество, выявлению новых персоналий антибольшевистской борьбы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Грибков И. В.* Русская книга в период оккупации: форма коллаборационизма или средство сохранения культуры // История Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: пределы и возможности современных интерпретаций ключевых проблем / Сост. А.А. Киличенков. М.: РГГУ, 2015. С. 302–303.

² *Градов Л.* Станица Сторожевая // Утро Кавказа (Ставрополь). №4 (72). 1943. 8 января.

³ *Хонерский М.* Повстанцы Карачая // Утро Кавказа (Ставрополь). №8(76). 1943. 17 января; упомянут руководитель восстания Юнус Байчоров и член «правительства восставшего карачаевского народа» секретарь Верховного Совета Джанибеков; Горец-осетин. Борьба горцев с большевизмом (1929–1930 гг.) // Газават. №20(63). 1944. 12 мая; упомянуты руководители восстания в Карачае Сохта, Бекмурза Байрамуков, Джагафар Боташев, Ибрагим Мамчуев; Балкарское восстание 1930 г. // Газават. №43. 1943. 8 декабря; сообщается о более чем 1500 повстанцах, упомянуты руководители Нуха Кудайев, Абдуллах Акболатов, Кумух Суншев, Ташау и Батдал Кулиевы, Ибрагим Тилов, Хасан Эфендиев и несколько рядовых повстанцев, а также «религиозное движение молодежи» под руководством Хамыза Ахматова.

⁴ *Федоров И.* Расправа // Казачий клинок. №9. 1943. Май; упомянуты убитые в станице Новошербиновской офицер Черный, священник Алексей Мелиоранский, казаки Д. Бекетов, Бехтер, Г. Грищенко, М. Помазков.

⁵ Основу повстанческого полка численностью 1200–1300 шашек составили казаки станиц Николаевская, Барсуковской, Темнолесской, Убеженской, хутора Надзорного. Расположение повстанцев выдал предатель Януш. В ходе боя были предательски убиты Агрызков и его ординарец Белашев, в числе казенных называются полковники Земцов и Суржиков.

Казаки станиц Каменнобродская, Григорипольская, Ново-Троицкая, Прочноокопская, Убеженская, Барсуковская, Николаевская. В ходе восстания последняя была сожжена красными.

- ⁷ Хоперский Л. Памяти павших героев // Утро Кавказа (Ставрополь). №5(73). 1943. 10 января.
- ⁸ Федоров И. Пионеры борьбы с советами // Казачий клинок. №5. 1943. Апрель.
- ⁹ Заветин Е. Повстанцы Дона // Там же.
- ¹⁰ Горский П. Терцы бунтовщики // Там же; Грибков И. В. Рогачевское восстание 1918 г. // Крестьянский фронт 1918–1922 гг. Сб. статей и материалов. М.: АИРО-XXI, 2013. С. 488–502.
- ¹¹ Тер-Маркарян Г.Б. Большевики против Кавказа // Воля народа (Берлин). №5. 1944. 29 ноября.
- ¹² Ставровский Л. Кубань в борьбе с большевизмом // Казачий клинок. №5. 1943. Апрель.
- ¹³ Родной В. Восстание в Чечне // Казачий клинок. №6. 1943. Апрель.
- ¹⁴ Земцов М. Слышишь, Кубань? Берлин: изд-во журнала «На казачьем посту», 1943, 28 с.
- Серия «Казачья библиотека», вып. №5.
Казачи-повстанцы. Сборник статей современников, свидетелей и участников казачьих антибольшевистских восстаний. Берлин: изд-во журнала «На казачьем посту» и газеты «Казачья Лава», 1944. 48 с. Серия «Казачья библиотека», вып. 7.
- ¹⁶ Библиография // Казачья Лава. №14. 1944. 13 июля.
- ¹⁷ Казачи-повстанцы... С.4.
- ¹⁸ Земцов М. Сын Архыза // Газават. №24(67). 1944. 9 июня.
- ¹⁹ М.З. Полковник Петр Новиков // Казачий клинок. №17. 1943. Июль.
- ²⁰ К новой жизни. [Берлин: [Винета], [1942]. 48 с.
- ²¹ Кабанов-Азовченко В. Девятьсот тридцатый. Берлин: изд-во журнала «На казачьем посту», 1944, 31 с.
- ²² Там же. С.9–15.
- ²³ Подлипский А. М. Ариец с берегов Двины, или О чем умалчивают биографы Юрки Витьбича. Витебск: УПП «Витебск. обл. типография», 2001. С.21–23.
- ²⁴ Вялікія паўстанцы. Гэньдзікаўскія змагары. Бэрлін: [Винета], 1944, 32 с.
-

КНИЖНАЯ ПОЛКА

В минувшем году, трудами саратовского исследователя Л.В. Ланника и московского издательства «Посев», вышла довольно необычная книга¹ по тематике русской смуты XX века. Это перевод немецкого издания 1936 года. В Германии на протяжении 1936 – 1943 гг. выходили официальные издания о «войне после войны»; последовательно описывались бои при выходе из России, в Прибалтике, при подавлении коммунистических восстаний. Для российского читателя наибольший интерес представляет именно этот том серии. В нем изложена история ухода весьма внушительного германского контингента с оккупированных российских территорий в 1918 – 1919 гг. Много внимания уделено Российскому Югу, Украине и Причерноморью. Важно то, что в центре внимания составителей – исключительно судьба германских войск. Тем характернее внимание к петлюровским, махновским и иным атаманским формированиям, с которыми вступали в борьбу германские соединения. Очерк дает возможность оценить как масштаб германского присутствия в России после Компьенского перемирия, так и весомость участия атаманских и партизанских формирований разной окраски в боевых действиях против уходящего, недавно грозного, противника.

Вышел из печати библиографический справочник Александра Петровича Шекшеева², активного участника проекта «Народные вожаки 1918 – 1922 гг.» Книга включает очерк жизни и деятельности, подробную роспись научных, справочных, научно-популярных трудов известного сибирского историка, откликов коллег на его работы. Справочник снабжен указателями и фотографиями из личного архива А. П. Шекшеева.

Тема Гражданской войны на юге Енисейской губернии, в Хакасии, партизанского движения, положения крестьянства в этот период – одна из центральных в многолетнем научном творчестве А. П. Шекшеева.

Готовится к выходу монография тамбовского историка Д. П. Иванова «Тамбовское восстание 1920–1921 гг. Микроисторический подход».

В монографии исследуются наиболее полемичные аспекты интерпретации крестьянского восстания в Тамбовской губернии 1920–1921 гг.,

известного под названием «антоновщины». Основываясь на анализе обширного фактического материала, архивных документах и свидетельствах очевидцев, автор воссоздает психологический портрет участников «антоновщины» от рядового бойца до лидеров движения. Автор не разделяет мнение, утвердившееся в отечественной историографии, согласно которому повстанчество являлось исключительно следствием политики «военного коммунизма» и практики ее реализации. Он обосновывает вывод о том, что крестьянское движение имело глубокие исторические корни и явилось следствием воздействия разнохарактерных факторов, синергетически усиленных политикой большевиков.

В монографии определены наиболее активные районы и пункты движения, масштабы деятельности союзов трудового крестьянства и повстанческих отрядов, география и закономерности их распространения; установлено, что повстанческие формирования включали практически все социальные слои тамбовского крестьянства.

Автор стремится максимально полно представить количественные характеристики повстанчества, выявить зависимость колебаний общего количества повстанцев, числа действовавших формирований от природно-географических и иных факторов.

Монография ожидается в 2016 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Описание послевоенных боев германских войск и фрайкоров. Вывод войск с Востока. Перевод и комментарии Л. В. Ланника. М.: Посев, 2014.

² Шекшеев Александр Петрович: библиографический справочник / сост. М. И. Ивандаева, Н. И. Свистунова; отв. ред. В. А. Костин. – Абакан: изд-во «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова», 2015. – 96 с.

АВТОРЫ СБОРНИКА «“АТАМАНЩИНА” И “ПАРТИЗАНЩИНА” ...»

Боган Сергей Михайлович (Одесса, Украина), кандидат исторических наук, заведующий кафедрой психологии и общенаучных дисциплин Одесского института Межрегиональной Академии управления персоналом, исследователь повстанческого движения в Приднестровье в 1918 – 1922 гг.

Булгаков Алексей Олегович (Балашов Саратовской области), историк, преподаватель лицея, руководитель поискового отряда.

Власов Алексей Вениаминович (Чакино Тамбовской области), историк, исследователь Тамбовского восстания 1920 – 1921 гг.

Ганин Андрей Владиславович (Москва), доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН, редактор журнала «Родина», автор многих трудов по истории Гражданской войны, истории Академии Генерального штаба в период 1914 – 1922 гг.

Глушаков Юрий Эдуардович (Гомель, Республика Беларусь), историк, журналист; изучает политическую и военную историю 1-й половины XX столетия, автор и соавтор ряда книг; в 2015 г. выпустил монографию ««Революция умерла! Да здравствует революция!» Анархизм в Беларуси (1902–1927)».

Грибков Иван Владимирович (Дмитров Московской области), историк, старший преподаватель Международного гуманитарно-лингвистического института, автор и соавтор ряда книг по истории антисталинского протеста.

Грищенко Алексей Николаевич (Новочеркасск Ростовской обл.), кандидат исторических наук, преподаватель филиала Военной академии связи имени маршала С. М. Будённого в Новочеркасске, исследователь Гражданской войны на Дону.

Дубровин Дмитрий Юрьевич (Москва), исследователь истории Уральского казачества, автор работ по истории участия уральских казаков в Гражданской войне.

Елисеенко Алексей Григорьевич (Красноярск), журналист, историк, редактор «Сибирского исторического альманаха», соавтор ряда книг по военной истории Сибири, администратор форумов «Гражданская война в Сибири», «Международный военный форум».

Завьялова Светлана Владимировна (Нижний Новгород), кандидат исторических наук, преподаватель железнодорожного техникума Нижегородского филиала Московского государственного университета путей сообщения, исследователь крестьянского сопротивления в Поветлужье.

Зайцева Маргарита Юрьевна (Тамбов), независимый исследователь Тамбовского восстания.

Заяц Николай Алексеевич (Воронеж), историк, аспирант Воронежского государственного университета, специализируется по проблематике Гражданской войны в России.

Иванов Дмитрий Павлович (Тамбов), кандидат исторических наук, старший преподаватель Тамбовского государственного университета имени Г. Р. Державина, исследователь Тамбовского восстания 1920 – 1921 гг.

Иофе Валерий Григорьевич (Ташкент, Республика Узбекистан), кандидат исторических наук, доцент Национального университета Узбекистана им. Мирзо Улугбека.

Канищев Валерий Владимирович (Тамбов), доктор исторических наук, профессор Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина, специалист по социоестественной истории России, социально-политической истории России второй половины XIX – первой трети XX вв.

Кондрашин Виктор Викторович (Пенза), доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории России, краеведения и методики преподавания истории историко-филологического факультета Пензенского государственного университета, член Совета Федерации (2015), специалист по истории российского крестьянства в первой трети XX в., автор ряда монографий, участник и руководитель крупных публикаторских проектов по истории крестьянства в первой половине XX в.

Котляр Юрий Вадимович (Николаев, Украина), доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории Черноморского государственного университета им. Петра Могилы, специалист по истории крестьянского движения в степной Украине в годы Гражданской войны.

Кравец Юрий Павлович (Запорожье, Украина), независимый исследователь махновского движения, автор ряда публикаций по этой теме.

Кругликов Валерий Вячеславович (Санкт-Петербург), независимый исследователь, автор работ по истории Белого движения на северо-западе России, член военно-исторического клуба «Солдаты Отечества».

Куренышев Андрей Александрович (Москва), доктор исторических наук, профессор Академии гражданской защиты МЧС России, специалист по истории российского крестьянства в первой трети XX в., автор ряда монографий по истории крестьянства в годы Гражданской войны, истории крестьянских организаций.

Курышев Игорь Владимирович (Ишим Тюменской обл.), кандидат исторических наук, заведующий кафедрой истории, социально-экономических и общественных дисциплин Ишимского педагогического институт им. П. П. Ершова Тюменского государственного университета, специалист по истории западносибирского крестьянства периода Гражданской войны.

Леонтьев Ярослав Викторович (Москва), доктор исторических наук, специалист по истории социалистических партий в России в первой четверти XX в., один из редакторов и составителей трехтомного документального издания «Партия левых социалистов-революционеров. Документы и материалы. 1917–1925 гг.».

Мармышев Андрей Викторович (Красноярск), журналист, историк, редактор «Сибирского исторического альманаха», соавтор ряда книг по истории Енисейского губернии – Красноярского края в XX в., администратор форумов «Гражданская война в Сибири», «Форум Енисейского казачества».

Морозова Ольга Михайловна (Ростов-на-Дону), доктор исторических наук, преподает в Донском государственном техническом университете (Ростов-на-Дону), автор многочисленных работ по антропологии и истории повседневности Гражданской войны.

Мортон Язон (Беркли, США), исследователь чапаевской тематики, образа В.И. Чапаева в культуре.

Николашин Вадим Павлович (Мичуринск Тамбовской области), кандидат исторических наук, заведующий отделом по работе с молодыми учеными, председатель совета молодых ученых Мичуринского государственного аграрного университета, член Союза журналистов России.

Новак Влодзимеж (Седльце, Республика Польша), кандидат наук, преподает в Естественно-Гуманитарном университете в г. Седльце, специалист по истории советско-польской войны 1920 г., истории Первой Конной армии.

Посадский Антон Викторович (Саратов), доктор исторических наук, профессор Поволжского института управления РАНХ и ГС, исследователь крестьянского протестного движения в годы Гражданской войны.

Рублев Дмитрий Иванович (Москва), кандидат исторических наук, доцент Московского государственного университета природообустройства, специалист по истории социалистических небольшевистских партий в России.

Савченко Виктор Анатольевич (Одесса, Украина), кандидат исторических наук, главный редактор историко-краеведческого научного альманаха «Юго-Запад. Одессика», автор многих научных и научно-популярных книг по истории Гражданской войны, сценариев и телепередач.

Сафонов Дмитрий Анатольевич (Оренбург), доктор исторических наук, профессор Оренбургского государственного педагогического университета, автор многочисленных трудов по истории крестьянства Оренбургского края, по истории Гражданской войны в Оренбуржье.

Симонов Анатолий Александрович (Саратов), кандидат исторических наук, доцент Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского, исследователь чапаевской проблематики, военного строительства в РККА периода Гражданской войны.

Ситников Михаил Григорьевич (Пермь), автор многочисленных публикаций по истории Белого движения в крае и монографии «Штурмовики Сибирской армии».

Соколов Константин Ильич (Тверь), кандидат исторических наук, автор книги «Тверская быль революции» (2013) и статей по истории революции и Гражданской войны на Тверщине.

Степанов Дмитрий Владимирович (Кузнецк Пензенской области), учитель истории в средней школе, занимается историей Чапаевской дивизии первого формирования, Гражданской войны в Поволжье, историей старообрядчества.

Стужинская Нина Ивановна (Минск, Белоруссия), кандидат исторических наук, независимый исследователь, автор книги «Белоруссия мятежная: из истории антисоветского сопротивления в 1920-е годы» (2000, 2012, бел. яз., 2012, укр. яз.).

Тепляков Алексей Георгиевич (Новосибирск), кандидат исторических наук, автор ряда книг по истории ВЧК – ОГПУ – НКВД.

Тисецкий Андрей Владимирович (Борисов Минской области, Республика Беларусь), исследователь-краевед, журналист, основная тема – история протестного движения, криминала, правоохранения на территории центральной Беларуси в XIX – первой половине XX вв.

Трошина Татьяна Игоревна (Архангельск), доктор исторических наук, профессор Северного Арктического федерального университета, автор ряда монографий по социальной истории Русского Севера.

Жламов Сергей Юрьевич (Юрьев-Польский Владимирской области), журналист, историк, писатель; автор многочисленных публикаций и ряда книг по истории города Юрьев-Польского и Юрьев-Польского края.

Чернякевич Андрей Николаевич (Гродно, Республика Беларусь), кандидат исторических наук, исследователь белорусского повстанческого и партизанского движения в 1918 – 1922 гг. и межвоенный период.

Шекшеев Александр Петрович (Абакан), кандидат исторических наук, автор многочисленных трудов по истории Гражданской войны на юге Енисейской губернии, в Хакасии.

Штырбул Анатолий Алексеевич (Омск), доктор исторических наук, профессор Омского государственного педагогического университета, автор ряда книг по истории безгосударственных сообществ, сибирского анархизма и Гражданской войны в Сибири.

Яценко Вячеслав Григорьевич (Волгоград), кандидат филологических наук, краевед, сотрудник медийного портала «Кавказский узел», автор работ по истории нижеволжского повстанчества периода Гражданской войны.

Эпоха революций в России. XX век

**«Атаманщина» и «партизанщина»
в Гражданской войне:
идеология, военное участие, кадры
Сборник статей и материалов**

Издано при финансовой поддержке
Федерального агентства
по печати и массовым коммуникациям
в рамках Федеральной программы
«Культура России»

Составитель и научный редактор *А. В. Посадский*

Ответственный за выпуск *А. Г. Макаров*

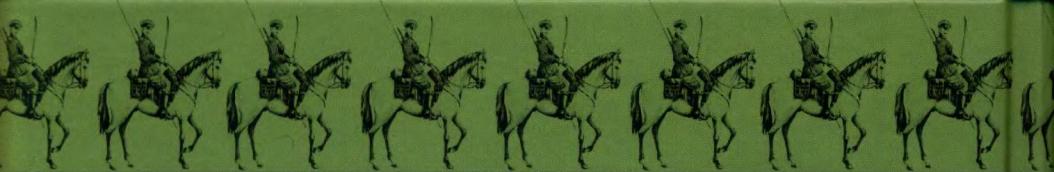
Дизайн обложки *К. Струков*

Подписано к печати 07.11.2015 г. Формат 60 x 90 ¹/16.
Гарнитура «Таймс». Бумага офсетная № 1. Усл.-печ. л. 53,5
Тираж 1 000 экз.

АНО НИЦ «АИРО–XXI»
107207, Москва, Чусовская ул., д. 11, к. 7.
Тел.: (8-917) 547-84-24.
E-mail: andmak@airo-xxi.ru
<http://www.airo-xxi.ru>

Издания АИРО 2015

- Фрезинский Борис.* Троцкий. Каменев. Бухарин. Избранные страницы жизни, работы и судьбы. – М.: АИРО-XXI, 2015. – 384 с.
- Национальный вопрос в истории России. Сб. ст. – М.: АИРО-XXI, 2015. – 320 с.
- А. А. Баев.* Отлучение от науки. Академик Александр Александрович Баев. Архивно-следственные документы 1937–1954 гг. и многое другое. (Серия «АИРО – Первая публикация» под редакцией Г. А. Бордюгова). – М.: АИРО-XXI, 2015. – 352 с. ил.
- Г. А. Куренков.* От конспирации к секретности. Защита партийно-государственной тайны в РКП (б)–ВКП (б). 1918–1941 гг. (Серия «АИРО – монография»). – М.: АИРО-XXI, 2015. – 252 с.
- Всесоюзная торговая палата. 1939–1945 гг. / Под редакцией Президента ТПП РФ С. Н. Катырина. – М.: ТПП РФ; АИРО-XXI, 2015. – 504 с. (с иллюстрациями).
- Великой Победе – 70 лет. Сб. ст. – М.: АИРО-XXI, 2015. – 320 с.
- А. В. Долгопятов.* Эти тихие уездные города. О социально-экономическом развитии малых городов Московской губернии во второй половине XIX – начале XX века. (Серия «АИРО – Первая монография»). – М.: АИРО-XXI, 2015. – 232 с.
- В. А. Сомов.* Первое советское поколение: испытание войной. – М.: АИРО-XXI, 2015. – 176 с. + илл. – (АИРО – Монография).
- В. В. Барабаш, Г. А. Бордюгов, Е. А. Котеленец.* Государственная пропаганда и информационные войны. Учебное пособие. – М.: АИРО-XXI, 2015. – 400 с.: ил.
- О. Ю. Голечкова.* Бюрократ его величества в отставке: А.А. Половцов и его круг в конце XIX – начале XX века / Послесловие – Дмитрий Андреев. – М.: АИРО-XXI, 2015. – 192 с. – (Серия «АИРО – Первая монография» под ред. Г. А. Бордюгова).
- Победа-70: реконструкция юбилея; под ред. Геннадия Бордюгова. – М.: АИРО-XXI, 2015. – 624 с. с иллюстрациями.
- О. Г. Герасимова.* «Оттепель», «заморозки» и студенты Московского университета / Послесловие – Дмитрий Андреев. – М.: АИРО-XXI, 2015. – 608 с. – (Серия «АИРО – Первая монография» под ред. Г. А. Бордюгова).
- О. Каннес.* «Воинственная» наука: проработка прошлого диктатур в германской и российской историографиях второй половины XX века – (Серия «АИРО – первая публикация в России» под ред. Г. А. Бордюгова) – М.: АИРО-XXI, 2015. – 352 с.
- Марк Юнге.* Революционеры на пенсии. Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1921–1935. – М.: АИРО-XXI, 2015. – 640 с.
- Большевистский порядок в Грузии. В 2-х томах. Том 1: Большой террор в маленькой кавказской республике; составители Марк Юнге, Бернд Бонвеч. – М.: АИРО-XXI, 2015. – 640 с.
- Большевистский порядок в Грузии. В 2-х томах. Том 2: Документы и статистика; составители Марк Юнге, Бернд Бонвеч. – М.: АИРО-XXI, 2015. – 656 с.
- И. Н. Гребенкин.* Долг и выбор: русский офицер в годы мировой войны и революции. 1914–1918 гг. – М.: АИРО-XXI, 2015. – 528 с. + илл. (АИРО – Монография).
- Федор Крюков.* На Дону. В родных местах. – М.: АИРО-XXI, 2015. – 384 с.
-

Расстрел партизан

ЭПОХА
РЕВОЛЮЦИЙ
В РОССИИ